

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МУЗЫКА
В ДОКУМЕНТАХ И МАТЕРИАЛАХ

Том VII

Книга 1

АФОНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ
ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ
1906

ДНЕВНИК С. В. СМОЛЕНСКОГО

ПИСЬМА. МАТЕРИАЛЫ

ЯЗЫК. СЕМИОТИКА. КУЛЬТУРА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСКУССТВОВЗНАНИЯ

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МУЗЫКА
В ДОКУМЕНТАХ И МАТЕРИАЛАХ

Том VII

В двух книгах

АФОНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ
ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ

1906

ДНЕВНИК С. В. СМОЛЕНСКОГО

ПИСЬМА. МАТЕРИАЛЫ

АФОНСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

КНИГА 1

ПОЕЗДКА НА АФОН В 1906 ГОДУ

СТЕПАН СМОЛЕНСКИЙ
ДНЕВНИК ЭКСПЕДИЦИИ
ПИСЬМА. МАТЕРИАЛЫ

Подготовка текстов, вступительные статьи, комментарии
М. П. Рахманова, Е. А. Борисовец

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2012

УДК 78.03(470-571)

ББК 85.318

Р 89

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект 11-04-16043

Р 89 Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. VII. Афонская экспедиция Общества любителей древней письменности (1906). Кн. 1: Дневник С. В. Смоленского. Письма. Материалы / Гос. ин-т искусствознания; Подгот. текстов, вступит. ст. и коммент. М. П. Рахмановой, Е. А. Борисовец. — М.: Языки славянских культур, 2012. — 800 с., ил. — *(Вклейка после с. 496.)* (Язык. Семиотика. Культура).

ISSN 1727-1630

ISBN 978-5-9551-0495-9

Афонская экспедиция Общества любителей древней письменности 1906 года — выдающийся научный проект эпохи, а в области церковно-певческого искусства — проект уникальный, не повторенный в течение следующего столетия. Экспедиция превосходно документирована: массой официальных бумаг, писем, отчетов, и подробным дневником руководителя, обширной личной перепиской и публикациями в периодической печати. Документирована экспедиция также огромным по объему фотоматериалом, среди которого малую часть составляют «бытовые» или «видовые» фотографии, сделанные во время поездки, а основную часть — копии с древнейших певческих рукописей из хранилищ Афонских монастырей, а также библиотек Вены и Софии. Долгое время эта, последняя и самая важная, итоговая, часть деятельности экспедиции считалась утраченной (или почти утраченной), но ныне копии найдены, собраны из разных архивов и описаны. Таким образом, открывается возможность полного представления этого научного проекта.

Настоящий том состоит из двух книг.

Первая книга — текстовая. В ней публикуются: Афонский дневник С. В. Смоленского, многочисленные письма, связанные с подготовкой и проведением экспедиции, а также обширные приложения, освещающие итоги экспедиции и осмысление ряда важных проблем (прежде всего — происхождения русского церковного пения) в отечественной науке. Как иллюстративный материал ко всему корпусу текстов даются: фотографии, помещенные Смоленским в рукопись Афонского дневника; факсимиле отдельных страниц из рукописи Дневника и других документов; фотографии упоминаемых в Дневнике лиц.

Вторая книга тома посвящена публикации снимков с афонских рукописей, сделанных с привезенных экспедицией и ныне отреставрированных стеклянных негативов. Поскольку публикация всей выявленной коллекции афонских снимков (1314 не повторяющихся по содержанию единиц, в том числе отпечатков на бумаге) технически невозможна, авторы тома, исходя из интересов ученых, приняли решение публиковать именно материалы, хранящиеся в виде стеклянных негативов. Для удобства работы к воспроизведениям негативов прилагаются инципитные указатели по каждой рукописи и по типам книг.

ББК 85.318

Содержание

Книга 1

Вступительный раздел

Афонская экспедиция (М. П. Рахманова)	9
Афонская коллекция (Е. А. Борисовец)	107
После Смоленского (М. П. Рахманова)	145
О структуре тома	183

С. В. Смоленский. Афонский дневник («Поездка на Афон в 1906 году»)	185
---	------------

Письма	389
Письма афонских иноков	497

Иллюстративное приложение

Приложения

Приложение 1. С. В. Смоленский. Из «дорожных впечатлений» . . .	519
Приложение 2. Болгарский распев (С. В. Смоленский, А. Н. Николов)	547
Приложение 3. Хрестоматия (доклад С. В. Смоленского в ОЛДП)	569
Приложение 4. Кондакарное знамя (доклад С. В. Смоленского в ОЛДП)	581
Приложение 5. Отчеты в ОЛДП (С. В. Смоленский, А. В. Преображенский)	596
Приложение 6. Краткие практические указания (С. В. Смоленский)	629
Приложение 7. Отзыв С. В. Смоленского на книгу В. М. Металлова	636
Приложение 8. А. В. Преображенский. Работы разных лет	683
Приложение 9. Д. В. Аллеманов. Курс истории русского церковного пения (фрагменты)	738
Приложение 10. А. А. Дмитриевский. Русский самородок на Св. Афонской горе	763
Именной указатель	785

Книга 2. Афонская коллекция

Вступление	11
Ирина Шеховцова. Краткие пояснения к таблицам-инципитариям	
Ирмологиев	13
Лавра св. Афанасия. № В 32 Ирмологий	15
Лавра св. Афанасия. № Г 9 Ирмологий	73
Иверский Ирмологий № 470.	157
Есфигменский Ирмологий № 54	221
София Тутолмина. Краткие пояснения к таблицам-инципитариям	
Стихирарей и Триодей	255
Лавра св. Афанасия. № Г 12 Постная Триодь	257
Лавра св. Афанасия. № Г 67 Постный и Цветной Стихирарь и Октоих	277
Лавра св. Афанасия. № Г 72 Постный и Цветной Стихирарь	299
Лавра св. Афанасия. № Г 74 Стихирарь Годовой (Минейный)	345
Лавра св. Афанасия. № Д 28. Стихирарь Годовой 365 и Постная и Цветная Триоди.	367
Андреевский Стихирарь № 18.	411
Ватопедский Стихирарь Постный и Цветной и Октоих № 893.	435
«Смешанные» коробки	503

Вступительный раздел

Афонская экспедиция

Афонская экспедиция Общества любителей древней письменности 1906 года — выдающийся научный проект эпохи, а в области церковно-певческого искусства — проект уникальный, не повторенный в течение следующего столетия. Благодаря стараниям С. В. Смоленского как руководителя экспедиции и благодаря отлично работавшим «подсобным» службам ОЛДП Афонская поездка превосходно документирована — и массой официальных бумаг, писем, отчетов, и подробным дневником руководителя, и обширной личной перепиской, и публикациями в периодической печати. Документирована экспедиция также огромным по объему фотоматериалом, среди которого малую часть составляют «бытовые» или «видовые» фотографии, сделанные во время поездки, а основную часть — копии с древнейших певческих рукописей из хранилищ Афонских монастырей, а также библиотек Вены и Софии. Долгое время эта, последняя и самая важная, итоговая часть деятельности экспедиции считалась утраченной (или почти утраченной), но ныне копии найдены, собраны из разных архивов и описаны. Таким образом, открывается возможность полного представления этого научного проекта.

Предыстория. Цели и состав экспедиции

Идея экспедиции принадлежала С. В. Смоленскому и родилась у него задолго до 1906 года. В многочисленных письмах ученого к графу С. Д. Шереметеву как главе ОЛДП подробно раскрывается «предыстория вопроса»; переписка эта в полном объеме опубликована в первой книге VI тома серии «Русская духовная музыка в документах и материалах»; некоторые фрагменты читатель найдет и в одном из Приложений данного тома.

Степан Васильевич Смоленский был крупнейшим из русских ученых, занимавшихся церковно-певческим творчеством в период до 1917 года. Возглавляя в течение 12 лет Синодальный хор и Синодальное училище церковного пения в Москве, он собрал грандиозную библиотеку старинных певческих рукописей — это собрание (ныне в Государственном Историческом музее) до сих пор имеет первостепенное значение. Научные интересы Смоленского были весьма широки, но с молодости он особенно интересовался вопросами происхождения русского церковного пения

и его родственными связями с древним пением славянских православных народов, прежде всего сербов и болгар.

В Воспоминаниях Смоленский пишет, что впервые собрался к братьям-славянам во второй половине 1870-х, то есть во время русско-турецкой войны:

...Я просто исстрадался, читая описания происходящих ужасов... приходила мне несколько раз мысль... об отъезде к Черняеву добровольцем...¹

Как известно, генерал Михаил Черняев был главнокомандующим сербской армией и к нему устремлялась из России масса добровольцев, направлялось множество пожертвований. Именно в конце 1870-х тридцатилетний Смоленский, тогда педагог Казанской учительской инородческой семинарии, пережил глубокий духовный кризис, который определил все его будущее. Не уехав в Сербию, он нашел другой выход своему патриотизму: стал изучать русское церковное пение и вскоре занялся древней певческой палеографией.

В письмах к знаменитому русскому педагогу и публицисту Сергею Александровичу Рачинскому в 1887 Смоленский рассказывает о своем знакомстве с семиографией и напевами южных православных церквей, о своем желании обнаружить их первооснову. Можно предположить, кто являлся тут «информационным источником»: скорее всего, русский консул в Салониках Иван Степанович Ястребов, выпускник Казанской Духовной академии, который впоследствии поступил на дипломатическую службу, работал в Турции и Сербии. Очень одаренный лингвист, Ястребов регулярно посещал Казань и привозил новые издания для библиотек академии и университета.

Прошло пять лет, Смоленский уже перебрался к этому времени в Москву. Ранней осенью 1892 он, утомившись от преобразовательной деятельности в Синодальном училище и хоре, решил, говоря его собственными словами, «выветриться в Вену» под благовидным предлогом посещения музыкальной выставки. По докладу прокурора Московской Синодальной конторы А. Н. Шишкова Св. Синод предоставил субсидию в 400 рублей. 1 сентября 1892 Степан Васильевич писал С. А. Рачинскому, что эта субсидия превращает поездку в Вену

¹ Смоленский С. В. Воспоминания // Русская духовная музыка в документах и материалах (далее — РДМ). Т. IV. М., 2002. С. 210.

в путешествии с научной целью, давным-давно задуманное, лет 5 назад, по славянским монастырям Сербии, Болгарии, Македонии и по Румынии с Верхней Австрией.

Далее Смоленский говорит, что везде будет внимательно слушать церковные службы,

ибо ведь нужно же хоть как-нибудь уяснить сохранность у нас хотя доли того музыкального колорита, который столь уверенно и целиком называется у нас греческим, болгарским, сербским респевами.

И продолжает:

Пока я наметил следующие пункты путешествия: Краков, Вена, остановка в Славонии, Белград, Ниш, Косово Поле, Хиландар (может быть, Черногория и проезд в Салоники и Афон), пароходом из Белграда в Русук, затем Бухарест, Рымник, Яссы, Черновицы, Львов, Радзивиллов, Почаево, Киев и домой. Салоники меня привлекают возможностью проехать несколько сухим путем из Цетинья и попасть к моему задушевнейшему другу — нашему там генеральному консулу И. С. Ястребову, проехать по дороге, указанной знаменитым В. И. Григоровичем, и вернуться в Сербию с Юга².

Разумеется, маршрут, когда-то выполненный упомянутым в письме филологом Виктором Григоровичем (другом семьи Смоленского), был слишком пространен и сложен для не слишком длинной по времени поездки, и из последующих писем Смоленского к Рачинскому известно, что удалась только «четверть плана»:

...Я был удачно только в Вене на выставке и в Кроации [Хорватии], то есть главным образом в Загребе; менее удачно было мое путешествие в Буковине и Галиции, где во время моего пребывания стояла невозможная погода, дождливая, ветреная и очень холодная. Эта погода лишила меня возможности сделать путешествие по трем знаменитым монастырям Буковины, побывать в Белой Кринице, и я ограничился только пребыванием в Черновцах и в некоторых подгородных селах. В Сербию и Румынию совсем не ездил из-за карантин...³

² Письмо С. В. Смоленского к С. А. Рачинскому от 1 сентября 1892 // РНБ, ф. 631, т. 34, л. 66.

³ Письмо С. В. Смоленского к С. А. Рачинскому от 24 октября 1892 // Там же, л. 180.

Особенно сильное впечатление осталось у Смоленского от Загреба, где он завел множество знакомых по музыкальной части. По-видимому, из этой поездки Степан Васильевич вывез композиции, которые вошли в программу концерта Синодального хора 18 декабря 1892: в этот день в Москве под управлением регента Василия Орлова прозвучало целое концертное отделение под названием «Образцы церковного хорового пения юго-западных православных христиан». Исполнялся литургический цикл, собранный из номеров «Хорватской литургии» издания Франьо Кухача, из «Угорской литургии» Емельяна Талапковича, из «Румынской литургии» Гавриила Музыческу и, наконец, трех номеров из «Сербской обедни» Корнелия Станковича.

Но еще до осенней поездки, возможно готовясь к ней, Смоленский обратился с письмом к прославленному сербскому деятелю, большому другу России — архиепископу Белградскому и митрополиту Сербскому Михаилу (Йовановичу). Из сохранившегося ответного письма митрополита от 28 июня 1892 ясно, какова была просьба Смоленского:

Многоуважаемый Степан Васильевич!

Исполняю Ваше желание и посылаю Вам ноты Боляджича и Тайшановича: пять книг Октоиха — 1, 2, 3, 4 и 5 гласа и пять книг Литургии и других песнопений.

Если Вам понравится это, буду доволен, что Вам мог услужить.

Все эти 10 книг стоят 30 динаров или франков, а почта что будет стоить, еще не знаем.

Призываю Вам Божие благословение и остаюсь Вам Богомольцем

Митрополит Михаил⁴.

Пять лет спустя, в 1897-м, во время следующего своего заграничного путешествия, Смоленский из Вены «проехал через Пешт, Сербию, Болгарию в Константинополь»⁵. На эту поездку он тоже получил пособие от Синода для покупки книг и нот, а обер-прокурор К. П. Победоносцев лично дал ему рекомендации к митрополиту Сербскому Михаилу и митрополиту Болгарскому Клименту⁶. В сохранившемся письме к обер-

⁴ РДМ. Т. VI. Кн. 2. М., 2010. С. 685. Был прислан многочастный сборник двух сербских авторов — Гаврилы Болярича и Николы Тайшановича «Српско православно пјеније, по карловачком старом начину» (Сараево, 1887—1891).

⁵ Смоленский С. В. Воспоминания. С. 350.

⁶ Митрополит Климент Тырновский (Василий Друмев) — крупный болгарский писатель, церковный и государственный деятель, который, подобно

прокурору (неоконченный черновик) Смоленский подробно рассказывает о своих впечатлениях от Софии и Белграда, очень радостных по части соблюдения в церковной службе старинных традиций, по набожности народа и весьма противоречивых по части пения в столицах.

София, 12 августа 1897

Ваше Высокопревосходительство, Милостивый Государь
Константин Петрович!

Считаю долгом от всего сердца поблагодарить Вас за возможность побывать в Сербии и Болгарии. К сожалению, мое путешествие, в смысле возможности воспользоваться содействием Митрополитов Михаила Сербского и Климента Болгарского, кончилось вполне неудачно, так как Митрополит Михаил внезапно захворал и накануне моего приезда в Белград выехал на воды, а Митрополит Климент находится сейчас в Тырнове. Но довольно с меня и полученных впечатлений, сделанных наблюдений и покупок. Хотя я и надеялся воспользоваться своим путешествием гораздо шире, но очевидно надобно будет побывать здесь еще раз, не в летнее время и с гораздо большею подготовкою. Конечно, последнее относится к поездкам внутри старой Сербии и менее разоренных частей Болгарии, особенно же в сторону Северной Македонии. Надобно будет и подготовить здесь почву для приобретений, так как материалов бездна, выбирать самому нет ни времени, ни сил (даже и знаний); кроме того, к приобретателям вроде меня относятся совершенно недоверчиво и даже вполне несочувственно...

Очень интересны для меня сравнения храмов и обрядов, сделанные мною во множестве и в короткое время. Кроме времени в дороге, я не пропустил ни одной церковной службы в разных храмах от Вены (униатская церковь) до Софии. Сопоставляя виденное только что с воспоминаниями о моих наблюдениях от Загреба и Герцеговины, через Львов, до Черновцов и Белой Криницы, ныне дивлюсь стойкости обрядового православия во многом, прекрасным частностям в некоторых обрядах и утверждаюсь в мысли о вреде вводимого здесь, как и в Сербии, Славонии, Крайне, Угорщине и Буковине, нового хорового пения, повторяющего, по-видимому, все даже и подробности нашего и страдающего тою же бездарностью и отсутствием дисциплины, в смысле сдержанности, которые до сих пор господствуют в наших хорах и в местностях, удаленных от столиц. То, что я слышал здесь в хоровом исполнении, — возмутительно для церковной службы, но, к несчастью, здесь как будто бы считается за высшее художество, нуждающееся только в поощрении. Те же *sui generis* [в своем роде] Багрецовы и

проч. написали здесь то, что считается «дуже красно», пользуется любовью и мало-помалу подтачивает, как у нас, древний напев, то есть «Византийско-црквенско пјеније», скромно укрывшееся в будничные службы в столицах и еще господствующее в малых городах и селах. Конечно, этот напев не балует ухо, прескверно исполняется с его наводящим хандру «исоном»; конечно, носовое пение ужасно, но в нем есть дисциплина, легко ощутимая связь с родной стариной, уже много сделавшей услуг этим славянам. Связь эту передовые люди необдуманно рвут на куски.

Старое церковное пение так пало в Сербии, что ученики богословской школы, несмотря на всякое понуждение, «стыдятся» петь в своей Великой церкви. В Болгарии знают точно напев уже очень редкие старые дьячки, а молодые более импровизируют. В обеих их столицах никто из молодых не учится петь по старому надписанию, и искусство истового певца пропало за смертью стариков и под давлением руководящих хоров. В селах поют однако твердо, хотя и понаслышке. С превеликим трудом достал я в Софии крюковые болгарские издания, да и то не сполна. Нужда в этих книгах пропала в близоруких служителях алтаря, и новые издания не предвидятся.

Зато обрядовая сторона держится вполне твердо и некоторые подробности, очевидно очень древние, мне прямо понравились. Устройство здешних храмов, как и вообще у всех заграничных славян, отличается многими особенностями, вообще же храмы малы, бедны сравнительно с нашими, лишены нашего прелестного звона и нашей сановитости в службе. Встречается и бестолочь: в Белградском соборе над левым клиросом висит кафедра чуть не из костела, на которую даже нет входа; в Софийском соборе такая же кафедра у столба в левой середине собора, и с нее диакон читает Евангелие за литургией; звон в Белграде производится касающимися колоколами и оттого весьма нескладен, а в Софии колокольня стоит на краю соборной площади, и звонарь этих первых колоколов из России совершенно не представляет собою художника — звонит очень коротко, вполне неритмично, безвкусно, вроде бывающих у нас дилетантских звонов на Пасхе.

Но есть и хорошее. Мне помнится, что я докладывал Вам о полном смысле выходе служащих на амвон перед словами «и молим Ти ся» для троекратного чтения «Господи, иже пресвятаго Твоего духа» и о пении всем народом этих слов, о земном поклоне всех Св. Дарам. Ныне я ни разу не видал этого герцеговинского обряда, удержавшегося в долине, недалеко от Загреба, сохранившей у себя даже глаголическую грамоту в книгах и, кажется, даже и в прессе. Зато мне очень понравилась «молитва о здравии» в Болгарии, состоящая, кроме молитвословия, в наложении на колена преклоненного епитрахили и благословения по ней. Эта молитва заменяет здесь нашу возможность ежедневно вынимать части, ибо здесь обедни

кроме суббот и праздников не служатся, а молитва может быть совершена после всякой службы. Так как здесь (Болгария и Сербия только) ежедневно только вечерни в 4 ч. дня и утрени в 6 ч. утра, то народ после каждой службы во множестве принимает эти молитвы.

Очень хорошо здесь также каждение, удержавшееся и в нашем старообрядчестве. В два приема перед *каждым* богомольцем, подающим руки, как у нас для получения благословения, кадящий описывает кадилом в воздухе крест. Кадило болгарское, весьма шумливое от бубенчиков в середине цепей, обильно ладаном. Хорошо и то, что диакон по окончании ектений на амвоне всегда кланяется народу; священники слушают Апостол (от диакона), стоя перед престолом в ряд и лицом к народу; один из священников, также стоя в ряду, читает Евангелие; во время Херувимской кадит старший священник, а не диаконы.

Мне случилось быть на трех похоронах, и здесь я удивился совершенной разнице между нашим погребением и здешним, точно будто бы все наше выпускается, а выпускаемое нами вычитывается и поется. В качестве особых подробностей упомяну о белом платке, украшающем все предметы в похоронном шествии, то есть крест, готовый для могилы, две рипиды, крест напрестольный с ними, кутью, несомую на голове впереди шествия с крестом, свечи у всех духовных и родных, у провожатых, покойного, держащего в руке также платок вместе с букетом цветов. Свечи (премаленькие) держатся, смотря по степени сочувствия покойному, по 1, 2, 3 и 4 зараз; в последнем случае держащий располагает их в руке как бы веером; покойному в Болгарии вставляют в руки зажженную свечу, 2 и 3. Но что здесь великолепно — это пение всех восьми несравненных по красоте тропарей Дамаскина, от «Кая житейская сладость» до «Плачу и рыдаю», и пение выразительных блаженн со всеми положенными здесь стихами. В Сербии на весьма богатых похоронах шесть священников стояли в ряд перед гробом и пели очень хорошо почти все, ибо хор пел только ектении, также очень хорошим напевом; в Софии духовенство, также на весьма богатых похоронах, стоит перед амвоном лицом к покойному. С покойным здесь не прощаются, а только целуют икону; в Сербии же кланяются закрытому гробу. Близкие родные весьма сдержанны, вообще все почти не крестятся, кроме уставных знамений.

Есть здесь и мало симпатичное. Кроме надоедливо-тоскливого носового исона, при пении и чтении вообще очень спешат, много говорят в церкви, слушают здесь певчих чуть не спиной к алтарю, крестятся в перчатках, не снимаемых во всю службу нарядными богомольцами, постоянно сидят на местах, часто украшенных надписью, что место такого-то, вообще очень плохо и мало молятся, хотя церкви полны народом в праздники и достаточно многолюдны в будни.

Вид Белграда в полнолуние с многоводного Дуная и славной Савы очень интересен, да и город с электрической дорожкой и освещением весьма благообразен. Крепость Белграда прямо величественна. Но потрясающее впечатление произвели на меня великолепные развалины древнейшего храма св. Софии в Болгарской столице. Мне говорили, что сюда ждут нашего г. Преображенского. Этот храм прямо несравнен после талантливой реставрации.

Приобретения мои для библиотеки Синодального училища пока незначительны количественно, хотя мне и удалось купить хорошие книги, несколько нот. Гораздо большую цену даю возможности иметь здесь хороших корреспондентов по певческой части, в числе которых обещался быть любезный г. Бахметьев. Оказывается, что г-н Фердинанд любит старину и усердно собирает ее, формируя народный музей и библиотеку. Вообще София производит отличное впечатление своею выправкою во всем, начиная от улиц и полиции с войском. На месте разрушенных 25 лет назад жалких улиц стоят ныне ряды отличных домов, готовых уже и во множестве строящихся. Но народ мало гостеприимен, вообще очень беден, решительно не может быть сравнен даже с галичанами и буковинцами, не говоря уже о западных славянах. Национальный костюм совсем утрачен и заменяется либо пиджаком или кофтой с высокими буфами на плечах, либо чем-то полутурецким; в Сербии еще того более. Невольно вспоминаю красивую одежду словинцев и герцеговинцев с босняками, даже и длинноволосых галичан, сохранивших у себя старую одежду, вроде подрясников. Залюбовался я здесь только одним человеком, известным истребителем турок в Черногории — Архимандритом Дучичем⁷. Этот монументальный колосс, уже 70-летний старец, посвятил себя родной археологии и теперь заканчивает печатание своих трудов. Он огромного роста, необычайно широк в плечах; фигура эта между шкафами с книгами, среди мирной науки, не вяжется с знаменитым ее прошлым и монашеством, но производит совершенно особенное впечатление. Живость и кротость его речи часто мешаются с вспышками одушевления; поднявшись в это время со стула, он обрисовывает свою могучую фигуру во весь рост, и тут он неизъяснимо прелестен.

Сербы и болгары соблюдают посты, среды и пятницы с удивительной строгостью...⁸

⁷ Никифор (Ништефор) Дучич — крупнейший сербский общественный деятель, писатель, историк, почетный член Петербургской Академии наук; во время восстаний против турецкого гнета принимал активное участие в военных действиях.

⁸ РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 95, л. 2—7. Черновик без окончания.

В письме упоминаются: Федор Алексеевич Багрецов — знаменитый некогда в Москве регент Чудовского хора и автор духовно-музыкальных сочинений, которые Смоленским рассматривались как образец безвкусицы в церковном пении;

Конечно, читая это письмо, надо помнить, что его автор — ученый-медиевист, превыше всего ценящий верность старине, древним национальным традициям: отсюда и не слишком лестное (в устах Смоленского) сравнение не названного в письме, но подразумеваемого талантливое сербского композитора и хорового деятеля Стефана Мокраянца с московским регентом предыдущего поколения Федором Багрецовым. На самом деле в Сербии Смоленский завел много знакомств, в особенности с деятелями Сербского хорового общества, и получил много впечатлений. Позже, в 1906, вспоминая свое первое посещение Белграда, Смоленский писал:

...Мелодии сербские — прямо прелестны, изящно и наивно трогательны. Сербы питают к ним, очевидно, самое глубокое почтение и бывают искренне рады, когда какой-либо чужеземец заинтересуется их напевами.<...> Хоровое пение в Белграде находится главным образом в опытных руках столь достойного деятеля, как г-н Мокраянец.<...> Прежние мои впечатления от этого хора, как и от мастерства г-на Мокраянца, были превосходны. Хор этот лет 10 тому назад был в России и дал в нескольких городах свои концерты⁹.

Полученные в 1897 впечатления сказались в дальнейшей деятельности Смоленского. Например, когда в апреле 1899 Синодальный хор, поехавший в Вену на освящение нового православного храма, по приглашению известного дирижера Ганса Рихтера дал концерт в зале Венского музыкального общества, в программу были намеренно поставлены песнопения болгарского роспева («Тебе одеющагося» в обработке Петра Турчанинова) и сербского роспева («Достойно есть» в обработке Александра Кастальского), причем последнее песнопение, по-видимому, бисировалось. И это было очень высоко оценено присутствовавшими на концерте славянскими студентами, которые затем явились чествовать певцов в гостинице, где те остановились.

Идея следующей поездки посетила Смоленского летом 1902-го, когда он жил в Петербурге и являлся управляющим Придворной капеллой. Он писал 12 июля С. Д. Шереметеву:

Георгий Петрович Бахметьев — в 1897—1905 русский посланник в Болгарии; Фердинанд I Кобургский — князь, впоследствии (под именем Борис) царь Болгарии.

⁹ Смоленский С. В. Из «дорожных впечатлений» // Русская музыкальная газета. 1906. № 42—46 (см. публикацию этой статьи в данном томе).

Мокраянец руководил Белградским хоровым обществом около 30 лет; в России возглавляемый им хор Общества гастролировал в 1896.

<...> Я задумал путешествие на Афон, через Буковину, Румынию, Болгарию и Македонию, а обратно через Албанию, Черногорию, Герцеговину и Сербию. Обстоятельства складываются так благоприятно, что со мною могут быть в оба конца страстные любители и знатоки церковного пения болгарин Анастас Николов, уроженец Салоник, и мой сердечный приятель А. В. Преображенский — ныне лучший знаток церковного пения и его истории, великий ходок по рукописной части, человек высокообразованный. Болгарин уже год как командирован ко мне своим правительством для изысканий остатков болгарского церковного пения в России. Он, кончавший у меня курс в Москве, понаделал кучу открытий в этой области в такой степени важных, что я почувствовал небывалый прилив храбрости и отписал о значении этих открытий Болгарскому Князю и Софийскому Синоду. Подобная тройка собирается сделать, не без хищнических намерений, по крайней мере в фотографической области, объезд всех главнейших мест, где имеются певческие рукописи, и вернуться в родную страну с сотнями негативов не виданных у нас материалов. Смысл поездки пока рисуется достижением приобретения документов или хотя бы копий с них для следующих целей:

- 1) выяснение греческих нотаций разных веков на одни и те же тексты, для возможности разъяснить этот темнейший вопрос по отношению к нашему пению, русскому;
- 2) выяснение вопроса о бывшем, может быть, самостоятельном болгарском знамени до XIV века;
- 3) добыть хотя что-либо для объяснения происхождения кондакарного знамени;
- 4) добыть памятники сербской нотации разных веков;
- 5) выяснить, как и по каким знакам поет Албания и Черногория и
- 6) добыть певчие книги с глаголицей.

Силы наши таковы: Николов отлично говорит по-гречески и по-турецки, бывал месяцами на Афоне, знает там многое, бывал в Македонии и Албании; Преображенский — головой выше нас обоих в чутье по исканию надобного в кучах всякого хлама, знает греческий язык отлично и читал очень много; я также бывал в тех местах и, если не знаю так хорошо, как мои товарищи, то не без опытности в музыке и в церковном пении тех стран, ибо очень внимательно вникал в это их искусство. Наконец, мы приятели, любим и уважаем друг друга и любим наше общее дело. <...>¹⁰

Однако в 1902 году идея экспедиции не получила движения, ожила она лишь в конце зимы 1906-го, причем в это время примерно одинаковое

¹⁰ РДМ. Т. VI. Кн. 1. С. 139—140.

значение приобрели обе составляющие экспедиционных планов — «греческая» и «славянская».

Наиболее полное высказывание Смоленского на темы славянского церковного пения в период до Афонской экспедиции содержится в его работе «О древнерусских певческих нотациях», опубликованной ОЛДП в 1901. Утверждая, что

самостоятельное существо наших (русских) напевов и очевидность древнейшего развития их только русскими силами невольно заставляют значительно умалить долю византизма в искусстве, родном у нас с самых древних времен (С. 11),

Смоленский продолжает:

Совершенно неизвестно, с каких пор болгары и румыны усвоили себе греческую нотацию, донныне существующую у них с древних времен. Неизвестно также, когда сербы создали свои напевы и выработали самостоятельное певческое письмо, также донныне существующее (Там же).

Приводимые далее в статье иллюстрации демонстрируют «образец современной болгарской церковной нотопечати из “Воскресника”, изд. Ангела Ив. Селиевца (Константинополь, 1859)»¹¹, «образец современной сербской церковной нотопечати из сборника “Црквенско певанье”, 3-е изд. Трифуновича (Белград, 1885)», а также пример русского знаменного письма по рукописи XV века. Относительно нотации болгарского примера Смоленский делает вывод о ее «совершенном сходстве с употребительной у греков», относительно же сербской нотации пишет:

Из этого примера видно, что сербских певческих знаков существует только три, то есть в виде отвесной черты, в виде буквы Г и в виде измененного начертания буквы Т. Употребление тех или других сочетаний этих трех знаков представляет собою, очевидно, первичную, наивную нотацию, существующую, однако, донныне у сербов с очень древнего времени. В частности, у сербов совершенно неупотребительно существующее у греков, болгар и румын пение на «исон»... (С. 12)¹².

¹¹ Верное написание имени составителя «Вокресника» — Ангел Иванов (Севлиевец); см. подробнее далее.

¹² Здесь Смоленский сильно ошибся: описанная им нотация была вовсе не древней, а недавно изобретенной (см. подробнее далее); кроме того, в Сербии, несомненно, пели также с «исоном».

Далее приводятся нотные транскрипции трех образцов церковного славянского пения: сербский — по изданию, присланному митрополитом Михаилом; болгарский — по «Воскреснику» издания 1898 года; русский — в собственной расшифровке автора. На этом основании делается вывод о *«полном несходстве всех трех систем певчих знаков и совершенном несходстве их начертаний»* (С. 15).

По-видимому, к 1906 подобные выводы Смоленского уже не удовлетворяли, коль скоро в цитированном выше его письме к Шереметеву речь идет о «сербской нотации разных веков» и возможном «самостоятельном болгарском знамени до XIV века».

Сильный толчок мыслям о славянских певческих нотациях дали занятия Смоленского вместе с Анастасом Николовым так называемым «болгарским распевом». Сегодня известно, что «болгарский распев» в русских певчих книгах не является распевом именно «болгарским», и тем более «древнеболгарским». Но важно подчеркнуть, что накануне экспедиции Смоленский и его сотрудники считали этот распев таковым и хотели найти его истоки. Понятно, что то же самое предполагали они и относительно сербского пения.

Выступая 16 декабря 1905 на заседании Общества любителей древней письменности, Смоленский говорил:

Цель труда Николова — восстановление староболгарского церковного пения и замена им как искусством народным пения греческого, которое давно и насильно было введено в Болгарии фанариотским духовенством, позаботившимся между прочим и об истреблении всех староболгарских певческих рукописей. <...> Особая важность труда г. Николова для русской музыкальной науки представляется в находке им несомненно болгарских напевов среди считавшихся у нас за киевские и западнорусские. Представив характеристику болгарского распева, референт выяснил нравственное, художественное и историко-археологическое значение труда г. Николова для России и особенно для духовно возрождающейся Болгарии, возвращающейся к своей родной старине¹³.

Но почему древние славянские рукописи нужно было искать именно на Афоне? Прочитируем фрагмент из письма Смоленского к Шереметеву от 27 марта 1906; хотя речь здесь идет о русских рукописях, примерно таков же был взгляд и на рукописи славянские:

¹³ Протоколы заседаний ОЛДП за 1905 год. СПб., 1906. Подробнее см. в Приложении «*Болгарский распев*».

Вы знаете, что я более склонен признавать за древней Русью достаточно высокую музыкальную культуру в сравнении в Западной Европу той же поры. Найденное утверждает меня в этой мысли еще крепче. *Но монгольское иго* (в случае Болгарии и Сербии — турецкое иго. — М. Р.) *и гибель рукописей заставляют искать догадками дома и заставляют [искать] документов вне Руси*¹⁴.

Представляется, что сама идея Афона как хранилища древнеславянской письменности жила в сознании Смоленского с юношеских лет. Посещавший Афон знаменитый славист, профессор Казанского университета Виктор Иванович Григорович, входил в дружеский кружок отца Смоленского; его фигура неоднократно возникает на страницах Воспоминаний Степана Васильевича:

Этот пылкий рыцарь науки, апостол славяноведения, совершивший огромную массу открытий во время своего знаменитого путешествия по Македонии и другим славянским землям, был совершенно необыкновенный человек... Перед ним просто благоговели...¹⁵

Итак, «славянский» аспект был усилен выходом в свет в 1905 вдохновленного Смоленским и выполненного под его руководством издания Анастаса Николова — «Староболгарское церковное пение» в двух выпусках. Это начинание имело не только «искусствоведческий», но и «политический», «злободневный» аспект, весьма корреспондирующий с политической обстановкой этого времени в самой России.

Но и «греческая» составляющая была весьма актуальна для Смоленского как ученого, который как раз в эти годы, после увольнения из Придворной капеллы в 1903, сосредоточился на научной деятельности, причем особенно пристально он занялся древнейшими эпохами русского церковного пения, в частности кондакарным знаменем, и на этом поле столкнулся с отсутствием (или, точнее, малым присутствием) «параллельных» русским по времени византийских материалов. А поскольку в ближайших планах 2-го Отдела ОЛДП, возглавлявшегося Смоленским, стояло издание Хрестоматии по древнему пению, где подразумевалось прежде всего изложение «греческих первообразов» древнейшего русского пения, то подобное отсутствие делало невозможным осуществление Хрестоматии; тормозилось и изучение «загадочного» кондакарного знамени,

¹⁴ РДМ. Т. VI. Кн. 1. С. 437.

¹⁵ Смоленский С. В. Воспоминания. С. 129.

которое, появляясь в самых ранних русских певческих рукописях, таинственно исчезает в источниках последующей эпохи. Надо заметить, что и то и другое — до сих пор актуальные и нерешенные вопросы певческой медиевистики. В Приложениях данного тома приводятся те работы Смоленского на указанные темы, которые были осуществлены ученым накануне экспедиции (не публиковавшийся ранее доклад в ОЛДП о задачах Хрестоматии и напечатанный посмертно в «Русской музыкальной газете» доклад о кондакарном знамени), — с целью обозначить задачи, разрешения которых экспедиция искала на Афоне.

Выбор участников экспедиции аргументирован в приведенном выше письме Смоленского к Шереметеву. Можно добавить, что А. В. Преображенский, в 1906 сотрудник Придворной капеллы, был ближайшим соратником Смоленского еще в Москве, причем прежде всего по работе с собранием рукописей; выпускник Казанской Духовной академии, Преображенский отлично знал литургику и греческий язык, много читал по истории древнего церковного пения на разных языках и вообще был талантливым и очень интеллигентным человеком¹⁶. Что касается Анастаса Николова, то его участие в экспедиции оказалось гораздо более скромным, чем предполагалось (о причинах этого см. далее). Наконец, четвертым членом экспедиции стал член ОЛДП филолог Петр Алексеевич Лавров: этот выбор был обусловлен тем, что Лавров являлся крупнейшим специалистом по древним формам славянских языков, постоянно ездившим в научные экспедиции на Балканы, бывавшим на Афоне и открывшим ряд важных памятников в библиотеках тех краев, в том числе в библиотеках славянских монастырей Св. Горы (Зографа и Хиландара). Поскольку предполагалось искать на Афоне именно древние славянские книги, то привлечение опытного филолога выглядело целесообразно. В ходе экспедиции выяснилось, однако, что участие Лаврова в «певческом деле» практически не нужно, и Петр Алексеевич занялся своей, как выражается Смоленский, «славянщиной», а впоследствии представил в ОЛДП отчет о проделанной работе отдельно от основной экспедиции.

Подготовка экспедиции. Политическая обстановка

Читатель этого тома, несомненно, обратит внимание на серьезность и обстоятельность, с которой велась подготовка экспедиции; это особенно ясно видно в разделе *Письма*, где приводится предварительная переписка.

¹⁶ См. публикацию переписки С. В. Смоленского и А. В. Преображенского: РДМ. Т. VI. Кн. 2.

С одной стороны, подготовка велась в научном аспекте. Смоленский и Преображенский изучали все возможные древнерусские и очень скудные в ту пору византийские певческо-рукописные источники в библиотеках Петербурга и Москвы (куда несколько раз ездил Смоленский). Список древнерусских источников, охваченных ими, насчитывает около сорока кодексов. Смоленский разослал ряд писем ученым и церковно-певческим деятелям в разные страны; в результате самым плодотворным оказалось участие одного из наиболее ярких славянских ученых той эпохи — работавшего в Вене филолога Игнатия Викентьевича (Ватрослава) Ягича: он не только указал на соответствовавшие целям экспедиции византийские рукописи Венской придворной библиотеки, но и прислал запечатленные в них образцы нотации (см. в разделе *Письма*). Собственно, это обстоятельство определило маршрут экспедиции: не морским путем через Одессу, как ранее планировалось, а через Вену и далее через Белград и Софию.

Что касается библиотек славянских столиц, то здесь полезными оказались знания П. А. Лаврова, который прислал Смоленскому каталоги рукописных собраний этих библиотек; софийские рукописи были отчасти известны Степану Васильевичу и из предыдущей поездки. Самым подробным образом изучался, конечно, каталог рукописей в библиотеках Св. Горы, изданный греческим ученым, профессором Афинского университета Спиридоном Ламбросом; занимался этим каталогом А. В. Преображенский, делая из него подробные — и очень много обещающие — выписки. Хотя известно было, что каталог Ламброса охватывает библиотеки не всех монастырей Св. Горы, и хотя Смоленский не раз убеждался, что каталоги, составленные не-музыкантами, редко бывают верны в определении певческого стиля рукописей, все же изучение каталога Ламброса питало надежды на большие находки. То же самое можно сказать о присланных тем же Лавровым Смоленскому пяти книгах «путешествий» по Афону крупнейшего византиниста предыдущей эпохи архимандрита (впоследствии епископа) Порфирия (Успенского), который как раз был очень внимателен к певческому аспекту изученных им рукописей; соображения архимандрита Порфирия тоже внушали надежды на успех экспедиции.

Но кроме чисто научной подготовки велось и обширное «дипломатическое обеспечение». Оно может показаться несколько преувеличенным: например, в нем принимало участие российское министерство иностранных дел в лице самого министра А. П. Извольского и его помощников; на экспедицию испрашивалось разрешение самого государя. Письма от имени ОАДП и министерства отправлялись послам всех стран, которые

намеревалась посетить экспедиция, а также патриарху Константинопольскому, экзарху Болгарскому и митрополиту Сербскому; последние двое должны были послать соответствующие распоряжения на Афон в болгарский монастырь Зограф и сербский Хиландар. Патриарх, в свою очередь, снабдил экспедицию письмами в Афонский Протат (главный административный орган Св. Горы), настоятелям разных монастырей; рекомендательные письма написали также посол в Константинополе И. А. Зиновьев, директор Русского Археологического института в Константинополе Ф. И. Успенский и один из секретарей Константинопольской патриархии. Эти бумаги, с трудом добываемые, на самом деле очень пригодились экспедиции, которая в итоге попала во все хранилища, которые намеревалась посетить, и получила возможность увидеть все (или почти все), что хотела увидеть, а многое даже и скопировать. Такая удача не часто сопровождала научные поездки на Св. Гору: на закрытость афонских монастырских хранилищ жаловались едва ли не все — по крайней мере, русские — ученые данной (и предыдущей) эпохи.

На то были очень серьезные причины, которые многократно затрагиваются в разных текстах тома: среди них и особый уклад жизни на Св. Горе, и то очевидное «разграбление» афонских библиотек учеными разных стран (в том числе русскими, начиная с упомянутых выше В. И. Григоровича и преосвященного Порфирия), которое происходило в течение всего XIX столетия, и — относительно именно русской экспедиции — напряженность политических отношений, с одной стороны, между Россией, Грецией и балканскими странами, а с другой — между греческим и славянским, особенно русским, монашеским населением Афона в данную эпоху.

В этой статье невозможно, конечно, охватить все аспекты невероятно запутанной и многосложной ситуации, складывавшейся вокруг Афона, но на некоторых аспектах необходимо остановиться — в силу того, что они многократно отражаются в текстах тома, и более всего в Дневнике самого Смоленского. Надо при этом иметь в виду, что иногда явно выплывающая «через край» острота восприятия Степаном Васильевичем и его спутниками целого ряда возникавших перед экспедицией проблем, их оценки, иногда несправедливые или чересчур «радикальные», очевидно связаны с обстановкой в России того бурного времени. Примечательно, например, с какой жадностью бросаются находящиеся на Афоне участники экспедиции на любые газеты или на только что прибывших из России людей, как напряженно ждут сообщений об очередных катаклизмах на родине; примечательны и политические рассуждения Степана

Васильевича на последних страницах Дневника, уже после возвращения¹⁷. Людям, пережившим в России потрясения конца XIX столетия, наверняка окажутся понятными страхи и надежды людей начала того же столетия. Но все это, естественно, отражалось и на восприятии совсем иной действительности, совсем иной жизни. Надо сказать, что к концу длительного пребывания на Афоне он оказал-таки умиротворяющее действие на Смоленского, и нетрудно заметить, что его очерк для «Русской музыкальной газеты» («Из дорожных впечатлений»), сочинявшийся в основном в последние дни пребывания на Св. Горе, когда спутники Смоленского уже разъехались восвояси, носит гораздо более взвешенный, мирный и даже просветленный характер, чем подневные записи. Именно поэтому очерк дается во главе Приложений к книге — и как «конспект» экспедиции, и как до некоторой степени ее итог. «До некоторой степени», потому что в научном плане итоги осмысливались на протяжении ряда лет: Смоленским до начала 1909-го, а Преображенским — до середины 1920-х. Это осмысление отражено в нескольких разделах Приложений, содержащих разного рода работы, написанные по итогам афонских открытий.

*

Как указывает автор новейшей работы на интересующую нас тему Л. А. Герд, возрождение русского монашества на Св. Горе в середине XIX столетия, присутствие на Афоне многотысячного к началу XX века русского иночества было «одним из главных центров русского политического присутствия на православном Востоке»¹⁸. На Афоне издавна существовала традиция основания монастыря выходцами из разных православных стран (в том числе, возможно, из Древней Руси), иногда такие монастыри или скиты становились «национальными» (болгарский Зограф, сербский Хиландар, малороссийский Ильинский скит). Относительно русского иночества важные перемены произошли в середине

¹⁷ Смоленский в смысле политическом был настроен хотя и «лево», но в общем умеренно (и очень прозорливо в отношении потрясений, ожидающих Россию в близком будущем, — см. в его переписке с Шереметевым в первой книге VI тома РДМ). Лавров же мыслил совсем «по-кадетски»: достаточно привести его высказывание в письме к Смоленскому от августа 1906: «Я верю, что освободительное движение справится с Столыпиным», — что в контексте известных исторических событий воспринимается как весьма мрачное предсказание.

¹⁸ См.: Герд Лора. Русский Афон в 1880—1890-е годы в церковно-политическом отношении // Россия — Афон: тысячелетие духовного единства: Мат-лы междунар. науч.-богословской конф. М., 2008. С. 260.

и второй половине XIX столетия, когда «русскими» по преимуществу стали Пантелеимонов монастырь (где и базировалась экспедиция), Андреевский скит, а затем множество других обителей. Это вызывало опасения у греческих насельников Св. Горы. Кроме того, пока балканские славяне входили в состав турецкой Османской империи и в церковном отношении подчинялись греческой церковной власти в Константинополе, ситуация была стабильной. Но после того как на Балканах появились национальные государства и самостоятельные церкви, ситуация начала меняться, и тоже в беспокоившую греков сторону.

В каких масштабах все это происходило, может показать краткая статистика. Так, в начале 1870-х великий русский мыслитель Константин Леонтьев, проживший довольно длительное время на Афоне (в Пантелеимоне), а до того долго служивший консулом в разных местах Оттоманской империи, следовательно, знавший вопрос изнутри, привел такие данные (начнем цитирование «издали», ибо Леонтьев заодно проясняет для русского читателя административное устройство Афона):

Афонская Гора есть особая привилегированная провинция Турецкой империи. <...> Отношения Афона к Турции можно уподобить вассальным отношениям, ибо самоуправление у него почти полное и *de jure*, и *de facto*. Но монахи, населяющие его, считаются подданными султана, а не какой-либо местной особой власти... <...>

На Афоне живет особый каймакам, турецкий чиновник, состоящий под начальством у салоницкого генерал-губернатора (фигура турецкого каймакама возникает на страницах Дневника. — М. Р.)... Каймакам на Афоне имеет, собственно говоря, только полицейскую власть, да и то употребляет ее преимущественно лишь по требованию монашеского местного синода, называемого *Афонский Протат*...

В церковном отношении, каноническом и духовно-административном, Афон зависит от Константинопольского патриарха, и все монастыри его суть монастыри патриаршие, ставропигиальные, то есть независимые от местных или соседних епископов или митрополитов, например салоницкого. Всеми местными делами правит *Протат*, который состоит из двадцати членов или представителей двадцати афонских монастырей.

По внутреннему, административному своему устройству Афон похож на аристократическую республику, где аристократический элемент представляют, однако, не лица, а корпорации. Эти корпорации суть двадцать привилегированных монастырей, имеющих право посылать в Протат представителей.

Вот их имена:

Греческие монастыри: Ватопед, Ивер, Эсфигмен, Ставреникита, Филофей, Котломуш, Каракалл, Григориат, Дионисиат, свв. Павла и Георгия, Дохиар, Ксеноф, Симонопетр, Лавра св. Афанасия, Пантократор, Ксиропотам, Костамонит.

Болгарские: Зограф, Хилендарь (Хилендарь вначале был сербский, но мало-помалу болгары, как соседние по местности, заняли их место, а сербы стали все реже и реже являться на Афон) (к началу XX века эта ситуация изменилась, и сербы вернулись в Хиландар. — М. Р.) и русский Св. Пантелеимона. (В нем, если не ошибаюсь, на пятьсот человек около полутора ста греков, и сам игумен, о. Герасим, столетний грек, известный издавна в тех краях умом своим и безукоризненной святостью своей долгой и многотрудной жизни. Русскими он чрезвычайно почитаем и любим. (После о. Герасима в Пантелеимоне были только русские игумены. — М. Р.))

Всего монашеского населения на Афоне полагается около 8—10 тысяч, не считая подвижного населения — поклонников и наемных работников из соседних местностей. Население двадцати вышеназванных монастырей составляет меньшинство.

Далее Леонтьев поясняет, что другими формами жизни на Афоне являются скиты, построенные на землях какого-либо из основных монастырей, келлии и каливы, то есть отдельные поселения под началом того или иного монастыря (келлия отличается от каливы тем, что в ней есть своя церковь), а также отшельничество в труднодоступных местах Св. Горы.

В племенном отношении греки преобладают далеко над всеми другими элементами. Русских не насчитается и 1000 человек, болгар не более того, а молдо-валахов, грузин и сербов очень мало.

Едва ли на 9000 монахов афонских найдется две с половиной тысячи *не-греков*.

Официальный язык на Афоне греческий. Уставы везде хранятся византийские и вообще хранятся строго. <...> Хилендарь и Зограф — просто перевод греческой монастырской жизни на славянский язык.

Тут же Леонтьев отмечает, однако, и материальную зависимость ряда афонских монастырей от России — вопрос, который потом вызывал множество конфликтов:

Самые богатые монастыри на Афоне: Ватопед, Зограф и Ивер. Ватопед получает с бессарабских имений своих, по счету одних,

около 90 000 рублей серебром в год, а по другим — гораздо более, до 150 000 рублей. Зограф получает, кажется, около 20 000 рублей. У Ивера тоже большие доходы. Кроме этих монастырей, еще Ксиропотам и Святопавловская обитель имеют в России имения с обеспеченными доходами. <...> Монастырь св. Пантелеимона, который называется *Русским*, или *Руссиком*, хотя правильнее его следовало бы звать греко-русским, имений в России не имеет; он процветает благодаря лишь одним постоянным и добровольным приношениям вкладчиков...¹⁹

Такова была ситуация в начале 1870-х, а по статистике ближайшего к экспедиции года, 1905-го, соотношение изменилось радикально²⁰.

В двадцати основных монастырях жило в общей сложности около 3000 иноков, из них в русском Пантелеимоне — 1200, в болгарском Зографе — 200, в сербском Хиландаре — 80.

В шестнадцати скитах — 1685 иноков, из них в русских скитах — 1200.

Еще множество русских иноков составляли население 65-ти келлий, некоторые из них (хотя бы «Белозерка», упомянутая в Дневнике Смоленского) по величине в это время сравнялись если не с монастырями, то с крупными скитами.

По данным того же автора, производившего перепись около 1911 года, русских монахов на Афоне «числилось до 4800 иноков, считая и состоящих на подворьях (в Петербурге, Москве, Одессе, Константинополе афонцев было немало)»²¹.

Остальные указанные Леонтьевым параметры оставались прежними. Число монастырей, представленных в Протате, оставалось равным двадцати, и русские имели там по-прежнему всего один голос — Пантелеимонова монастыря. Русские монахи по-прежнему рассматривались как подданные Оттоманской империи, в церковном отношении подчиненные Константинопольскому патриарху. Однако в действительности они не утрачивали российского подданства и свободно ездили в Россию, иногда подолгу жили на довольно многочисленных подворьях русских монасты-

¹⁹ Леонтьев Константин. Панславизм на Афоне // Леонтьев К. Византизм и славянство: Сб. статей. М., 2007. С. 46—52.

²⁰ Данные приводятся по кн. А. А. Павловского «Спутник русского паломника по Святой Горе Афону» (М., 1905). Автор книги долгое время жил на Афоне и считается компетентным писателем по афонским проблемам. См. о нем: Талалай Михаил. Переписи русского монашества на Афоне... // Россия — Афон. С. 181 и далее.

²¹ Талалай Михаил. Переписи российского монашества на Афоне... // Россия — Афон. С. 183.

рей и скитов в разных городах. Трудность заключалась лишь в том, что российский Св. Синод не признавал официально афонского пострижения и вообще относился к афонским делам, как выражается Л. А. Герд, «отстраненно» и «критически»:

Это было связано как с постоянной необходимостью защищать имущественные права русских монахов на Св. Горе, так и с весьма натянутыми отношениями России и Вселенского Патриархата в период после 1878 года²², —

то есть после русско-турецкой войны, изменившей расстановку сил на Балканах. Кроме того, Св. Синод, конечно, затруднялся невозможностью контролировать на таком расстоянии действия афонских русских обителей, смущали и свобода их внутренней жизни, и масштабы их хозяйственной деятельности.

Дипломаты, напротив, высоко оценивали политическое значение русского присутствия на Афоне. Например, во второй половине XIX века посол в Константинополе граф Н. П. Игнатъев оказал важную помощь Пантелеимону в отстаивании его имущественных прав. Другой посол, А. И. Нелидов, способствовал созданию афонского Братства русских келлий. Секретарь посольства в Константинополе Б. П. Мансуров писал с Афона в Москву в конце 1880-х годов, когда русское присутствие на Св. Горе уже исчислялось в тысячах и около тысячи иноков собралось в одном Пантелеимоне (Мансуровым были четко сформулированы и основы отношений монахов разных национальностей, во многом противоположные «светским» противоречиям):

...Несмотря на чрезвычайно сильную национальную борьбу, общий характер высшего единения вполне сохранен. Я был изумлен и обрадован, видя, с какою выдержкою и даже знаками взаимного уважения встречались наши монахи с греками в монастырях, известных наи-

²² Герд Л. А. Указ. ст. С. 264.

Закон о непризнании в России афонского монашеского пострижения был принят в царствование Николая I (1836) и не отменен впоследствии. К началу XX века ситуация сложилась так, что русские афониты оказывались вообще «ничьими» подданными. Уезжая на Афон, они получали пятилетний заграничный паспорт, и если не возвращались вовремя, то подданство терялось. Не приобретали они при этом и турецкого подданства, хотя должны были подчиняться турецким законам. В то же время русских послушников вызывали в Россию для прохождения воинской обязанности. Разумеется, подобные вопросы решались разными обходными путями.

большей враждебностью к нам... Хорошим результатом такого отношения к делу является то, что, исключая лиц, на которых по обязанности лежит охранение политических прав и интересов данной обители, остальные вполне свободно отдаются своим религиозным интересам, насколько каждый ими обладает. <...>

Я вполне присоединяюсь к сделанному К. Леонтьевым определению характеров русского и греческого в афонском монашестве; определение это, впрочем, всеми признанное (русскими) на самом Афоне. В силе индивидуального характера, в страстности, подвижничестве, аскетизме греки превосходят русских... зато русские намного превосходят греков в умении жить вместе, отрешаться от своего эгоизма, и поэтому наши монастыри стоят гораздо выше греческих.

В общем нет однако сомнения, что сила как нравственная, так и сопутствующая ей материальная, на стороне русских... <...> Про братию св. Пантелеимона нельзя не сказать, что она есть высшее, по общему признанию, что есть на Афоне и, без сомнения, в русском монашестве; трудно передать тот энтузиазм, который этот монастырь производит на посещающих его²³.

К Пантелеимонову монастырю как основному форпосту русского влияния и как к основе Афонской экспедиции мы обратимся далее. А пока отметим: если турецкая власть не слишком часто вмешивалась в дела русских обителей (или, во всяком случае, русские знали способы улаживания таких беспокойств)²⁴, то большая напряженность неизменно присутствовала в отношениях с правительством Греческого королевства в Афинах и с греческой церковной властью в Константинополе. Правительство неизменно стремилось сделать Афон чисто греческой территорией (что и осуществилось после Первой мировой войны), отношение его к русским монахам было «однозначно отрицательным и в целом отражало пробританскую антирусскую позицию афинского кабинета»²⁵. Церковная власть в Константинополе тоже тревожилась по поводу русского присут-

²³ Цит. по: Свящ. Георгий Ореханов. Самаринский кружок и Афон // Россия — Афон. С. 270—271.

²⁴ «Оттоманское правительство в целом относилось к русскому присутствию на Афоне достаточно безразлично, если монахи не причиняли ему беспокойств. Даже во время войны весь надзор за русскими монастырями на Афоне состоял лишь в том, что турки запретили помянуть на богослужении царскую фамилию и приказали убрать со стен изображения императора и других лиц царствующего дома» (Герд Л. А. С. 261).

²⁵ Герд Л. А. С. 262—263.

ствия, но тут многое зависело от личностей, в частности от личности Константинопольского патриарха.

В 1900-м, когда Афон посещал епископ (в будущем митрополит) Арсений (Стадницкий) с группой педагогов и студентов Московской Духовной академии, он «по регламенту» встречался с патриархом Константином V и после обмена взаимными любезностями и заверений, что «Русская Церковь... помнит с благодарностию, что сделала для нее Греческая Церковь», епископ Арсений вынес впечатление:

...прием был вежливо-дипломатически-тонкий, рассчитанный, наперед обдуманый, но не сердечный... Скрытая не скажу злоба, а затаенное нерасположение к Русской Церкви так повсюду и сквозит. Конечно, причина этого — недавно полученный ответ Русского Императора... на незаконные притязания Константинопольской патриархии. В жалобе Государю... они просили изгнания из Афона русских, называли [русское] Палестинское общество чуть ли не разбойническим учреждением, жаловались на неуважение Русской Церкви... требовали чуть ли не подчинения себе со стороны Русской Церкви и т. п. На это, говорят, дан был со Стороны Синода или Государя краткий, но весьма внушительный ответ...²⁶

Кстати можно заметить, что граф С. Д. Шереметев, несомненно, знал эту проблему и потому, вероятнее всего, отказался от предположенной сначала посылки экспедиции посредством Палестинского общества, возглавлявшегося тогда великой княгиней Елизаветой Федоровной (см. раздел *Письма*).

В 1906 в Константинополе был уже другой патриарх — Иоаким III, который считался более расположенным к русским. В частности, игумен Петр (Пиголь) в своей книге «Афонская трагедия» дает о новом патриархе справку: «выдающийся церковно-общественный деятель, пророссийски настроенный»; «благодетель и Пантелеимоновой обители, защитивший ее русскую братию в 1874—1875 годах от чрезмерных притязаний греков»²⁷. Этот патриарх был постриженником афонского монастыря Пантократор и долго жил на Афоне, в том числе 12 лет между двумя периодами своего патриаршества (1878—1884 и 1901—1912); в это время он на свои средства отстроил Преображенский храм на вершине горы Афон, много участвовал и в жизни русских обителей. Фрагменты переписки Патриарха, опублико-

²⁶ Митрополит Арсений (Стадницкий). Дневник. Т. 1. М., 2006. С. 396—397.

²⁷ См.: Игумен Петр (Пиголь). Афонская трагедия. М., 2005. С. 36.

ванные в статье Л. А. Герд, не создают однозначной картины, однако справедливость русским он отдавал, о чем может свидетельствовать его письмо к старому знакомому Смоленского, русскому консулу в Солуни (Фессалониках) И. С. Ястребову в 1891:

На каком бы месте Афона русские ни заняли келлии или места, они тотчас стараются нарушить договор (омологию), умножая число монахов и перестраивая все здания и церкви, дабы придать им русский вид. Так, о. Иероним [Соломенцев] нашел приют в монастыре св. Пантелеимона с 15 русскими монахами, а через 35 лет число их возросло до тысячи... Архимандрит Виссарион с семьей учениками приехал из Киева и занял Ватопедскую келлию св. Андрея, а через 40 лет эта келлия превратилась в прекраснейший скит, превосходящий благолепием все монастыри, число же братии возросло до четырехсот. Оба эти человека были люди простые и достигли таких результатов только благодаря своей ревности и усердию <...> В то же время греческое монашество падает, чахнет и близится к роковому концу вследствие нерадения монахов... слушание заметно повсюду...²⁸

Можно утверждать, что в судьбе Афонской экспедиции патриарх Иоаким сыграл вполне положительную роль, подписав рекомендательные письма в греческие монастыри и разрешив своему секретарю снабдить русских письмом к епитропу Лавры св. Афанасия о. Хризостому. Последний очень эффективно помог экспедиции, во-первых позволив свободно работать с нужными рукописями, — а их в Лавре оказалось значительно больше, чем в других монастырях, а во-вторых показав собственным примером, что такое настоящее исполнение греческого пения. Архимандрита Хризостома Смоленский оценил как лучшего греческого певца, слышанного им за всю жизнь.

Возвращаясь же к «политике», надо подчеркнуть: каковы бы ни были правительственные, дипломатические, межцерковные и прочие отношения, «авторитет Св. Горы в русском народе был столь велик, что никакие соображения... не могли остановить ни потока паломников [из России], ни потока пожертвований», на чем и стоял русский Афон до 1917.

Еще один важный политический аспект был связан с греко-болгарскими церковными отношениями, и он тоже непосредственно касался экспедиции, причем сразу в двух аспектах — личностном и идейном.

²⁸ Герд Л. А. С. 262—263.

Болгарский подданный Анастас Николов по пути из Софии на Афон (этот путь он проделывал в одиночестве, задержавшись в Софии по собственным делам), как выясняется из Дневника, был арестован по прибытии в Константинополь и выдворен обратно в Софию, откуда ему пришлось добираться до Афона кружным пароходным путем, опоздав к началу работ экспедиции. Это с одной стороны. С другой же, можно взглянуть в то, что писал Николов о Греции и греческом духовенстве в предисловии к изданию «Староболгарского церковного пения» (вышло в России, но с предисловием на болгарском языке) или в почти дублирующих этот текст публикациях на страницах «Русской музыкальной газеты» (полностью приводятся в *Приложениях*):

Покорение Болгарии турками в 1393 году послужило началом ряда несчастий, терзавших болгарский народ в продолжение пяти столетий. Турецкий ятаган вонзился в тело цветущей и полной жизни Болгарии. Но этот удар не был смертелен для нее. Он только искалечил ее. Она могла еще долго жить и надеяться на исцеление. Но судьбе было угодно иное... Налетели «злые коршуны», которые с жадностью стали рвать несчастную и беззащитную душу Болгарии. Этими коршунами оказались греческие фанариоты, то есть епископы и священники, уничтожившие в Болгарии народную церковную службу и пение на родном языке. Константинопольские патриархи, живя рядом с непросвещенными турецкими султанами, имели решительное влияние на последних по делам поработанных христиан. Это выгодное положение давало возможность греческим патриархам стремиться к достижению их заветной мечты: обезличить и эллинизировать все православные народы, жившие на Балканском полуострове, а особенно же — болгарский, с которым у греков очень давние политические счеты.

Или:

В 1396 году, то есть через три года после падения Болгарского царства, под давлением фанариотских интриг, болгарский патриарх Св. Евфимий, живший в Тернове [Тырнове], был сослан в заточение и на его место поставлен греческий епископ. С этого злополучного года начались церковные мучения болгарского народа: началось постепенное замещение всей болгарской иерархии греческою, которая стала вводить в болгарских храмах греческие богослужебные книги. Таким образом болгарскому народу был навязан непонятный ему греческий язык и чуждое по мелодиям церковное греческое пение. Беззащитному и обессиленному народу ничего не оставалось делать, как только поко-

ряться и воспринимать то, что давали ему его заветные враги, и забывать понемногу свое родное.

В болгарском тексте предисловия встречаются и еще более крепкие выражения, типа «жадный и ехидный греческий поп».

Иначе говоря, «проект Николова» в отношении Афона носил не только научный или художественный, но и ярко политический характер и был связан с так называемой «болгарской схизмой», то есть самочинным отделением Болгарской церкви от Греческой в начале 1870-х (Болгарский экзархат, созданный против воли Константинопольского патриархата). Этот вопрос имеет обширную литературу, причем русское общество, естественно, чаще становилось в споре на сторону «братьев-славян».

Можно вспомнить впечатления инока Парфения (Агеева), автора знаменитого «Сказания о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святой Горы Афонской», который, направляясь пешим путем из Молдавии на Афон, проходил через множество болгарских сел, в храмах которых служили по-гречески, и народ был очень усерден к церкви, отстаивая свое православие от турок, но службы не понимал и, конечно, страдал от этого.

В 1839 инок Парфений с товарищем проходил от города Рущука «во внутрь Болгарами», приближаясь к «столичному граду Тернову»:

...Церкви великие каменные, только без крестов и куполов... Иго турецкое носят... и более стеснены и отягощены игом турецким, нежели греки: ибо греки имеют у себя защиту — духовное начальство: Патриарха, митрополитов, архиепископов и епископов. А бедные болгары не только отягощены от тяжкого ига турецкого, но и от греков страдают не много меньше. Ибо во градах, где есть архиереи, которые бывают из греков, не позволяют болгарам по-славянски ни петь, ни читать, ни детей учить; впрочем, в селах не смотрят на архиереев, но по-славянски по российским книгам поют и читают²⁹.

И далее, в монастыре Иоанна Предтечи у «града Сереза»³⁰:

...Показали нам множество кожаных и бумажных рукописных славянских книг, более тысячи; лежат без всякого брежения... Нам

²⁹ Инок Парфений (Агеев). Сказание о странствии и путешествии... М., 2008. С. 37.

³⁰ Серез — древний город в Македонии; монастырь Св. Иоанна Крестителя на Меникейской горе близ города был исторически связан с монастырями Синая; это важный центр, через который проходили пути монахов и паломников с Балкан на Синай и обратно.

отвечали: «...Читать мы их не знаем. Хотя и все братия — болгары, но читать по-славянски ни один не разумеет, потому что мы все из Македонии. А у нас по всей Македонии, по градам и по селам, нигде не читают по-болгарски, а везде по-гречески... Так заведено издревле, и уже привыкли: потому что с юности учимся читать и петь по-гречески» (С. 46).

Кстати, на Афоне в болгарском и греческом монастырях в это время пели греческим роспевом, но обычно с подтекстовкой на славянском (вопрос об афонском пении будет рассмотрен далее).

Однако ситуация была значительно сложнее. Она ярко описана Константином Леонтьевым, почувствовавшим в борьбе за церковную самостоятельность подмену религиозного сознания чисто национальным и политическим. Вспоминая о своей службе российским консулом во фракийском городе Адрианополе, где жило много болгар, Леонтьев рассказывает, как еще в 1860-е годы, «желая доставить больше возможности болгарам молиться по-славянски», его предместник выхлопотал от Иерусалимского патриарха разрешение служить в местной церкви наполовину по-гречески, наполовину по-славянски: «Апостол и Евангелие всякий раз читались на обоих языках, на клиросе пели болгарские и греческие мальчики русским, а не восточным напевом».

Правда, адрианопольские болгары... не очень охотно ходили в церковь... Нам казалось, что если только запоют в какой-нибудь церкви по-славянски, то болгары и будут счастливы. Но движение болгарское было, разумеется, с самого начала не в руках простого народа, в самом деле довольно набожного, но в руках купцов, докторов и учителей, «мудрых яко змии», но на «голубей» не похожих и при всей своей недоученности весьма «либеральных» в идеале своем.

[Консул] Ступин, лично сам богомольный русский человек... был именно из тех русских людей, которые, раз поняв хоть сколько-нибудь греческий язык, с чувством и на этом языке готовы слушать церковное богослужение, и не только слушать, но готовы даже и вспоминать беспрестанно при этом, что все или почти все в *нашем* православии: догматы, уставы, богослужение, поучения великих отцов — взято с этого самого языка византийцев. Болгары же очень скоро стали говорить: «На что нам это? Это не собственная, не национальная, не болгарская церковь, это церковь русская!»³¹

³¹Леонтьев Константин. Мои воспоминания о Фракии // Леонтьев К. Н. Моя литературная судьба. Воспоминания. М., 2002. С. 333—334.

В «Письмах о восточных делах», рассматривая ситуацию уже совершившейся «схизмы», Леонтьев замечает:

Патриархия не оспаривает в основании прав национальной болгарской Церкви на независимое существование... <...> Но, по мнению греческих иерархов, [болгары] желают ввести в отношения болгарского народа к патриархии принцип так называемого филетизма, народности, согласно которому всякий болгарин, где бы он ни находился, вместо подчинения *местному* епископу становится под юрисдикцию своего собственного болгарского экзарха; таким образом, в одном и том же городе было бы два православных епископа, что, конечно, противно законам...³²

Что касается пения, то после русско-турецкой войны, как видно из «Дорожных впечатлений» и дневника Смоленского, в Софии и Белграде пели и «по-русски» (имея в виду «стиль Придворной капеллы»), и «по-гречески». Надо полагать, что в Белграде, столице Сербского королевства, могли петь также «по-сербски», или, точнее, «по-карловацки»: имеется в виду тот вариант народного сербского церковного пения, который сложился в XVIII—XIX веках и многократно записывался и обрабатывался с середины XIX столетия сербскими музыкантами, начиная с Корнелия Станковича и продолжая упомянутым Стефаном Мокраянцем. В Болгарии такого варианта пения тогда еще не было.

Николов считал возможным разрешить складывавшуюся много веков проблему путем повсеместного, буквально по команде Болгарского Синода, введения найденного им в русских рукописях «болгарского роспева», в чем Николова поддерживал и Смоленский. Для того

³² Леонтьев Константин. Письма о восточных делах // Леонтьев К. Н. Византия и славянство. М., 2007. С. 420—421.

Крупнейший авторитет Русской Церкви, св. митрополит Московский Филарет, который ранее с сочувствием относился к требованиям болгарскими некоторой церковной автономии в пределах Константинопольского патриархата, впоследствии, узнав о том, что «в Пасху в Константинополе, в болгарской церкви, во время литургии болгары закричали, чтобы Епископ Иларион вместо Патриарха помянул Султана; и что это исполнено; и что потом был благодарный молебен» (Письма митрополита Московского к А. Н. Муравьеву. Киев, 1869. С. 582), — писал обер-прокурору Св. Синода А. П. Толстому: «Как омрачили несчастные болгары пресветлый день Христов мятежом в церкви, оскорбляющим не только Патриарха, но и Христа и христианство...» (Святитель Филарет, митрополит Московский. Письма преподобному Антонию... Т. 3. М., 2008. С. 367).

чтобы узаконить такое нововведение, нужно было найти историческое подтверждение, то есть доказать существование болгарского распева, а следовательно, и болгарских певческих книг в эпоху до турецкого завоевания. Именно эти книги экспедиция искала на Афоне — и ничего не нашла. Смоленский воочию убедился, что не турки и не греки погубили славянские книги, ибо «четы» книги древнейшей эпохи имелись, а «певчие» — отсутствовали. Заметим, что сам Степан Васильевич, в силу присущей ему замечательной интуиции, в сообщении в ОЛДП, сделанном еще до афонской поездки, верно указал тот путь, на котором складывался «болгарский распев», запечатленный в русских рукописях, и путь, каким эти песнопения пришли сначала на Юго-Западную Русь, а потом и в центральную Россию. Но поздний «болгарский распев» все же не имел прямого отношения к древнему, «до-турецкому» пению. Равным образом не нашлись на Афоне и древние сербские певчие книги, а также певчие книги древнерусского происхождения...

Как уже говорилось, средства для проведения Афонской экспедиции «нашел» С. Д. Шереметев (источники «находки» неизвестны, и можно предполагать, что это, хотя бы частично, были личные средства графа); он же занимался организацией дипломатической поддержки. Какие мотивы руководили Шереметевым как главой ОЛДП? Конечно, были мотивы чисто человеческие: он видел, в каком расстроенном состоянии находился глубоко уважаемый и высоко ценимый им Смоленский в течение всего периода первой русской революции, как рушились один за другим планы жизненного устройства Смоленского, ими вместе составленные («поручение от государя» по описанию певчих рукописей в разных русских хранилищах, аналогичное «поручение от Синода», курс платных лекций по церковному пению и проч.). Безусловно, Шереметеву хотелось помочь близкому человеку. Но вряд ли мотивы сводились только к этому.

К 1906 Шереметев не занимал никаких официальных постов в управлении государством — только почетные. Однако в прошлом он занимал целый ряд подобных постов и сохранил множество связей в «высшем эшелоне» власти. Кроме того, уже в силу знатности своего рода, впечатляющих масштабов своего состояния (особенно огромной земельной собственности), наконец, в силу своих интересов как историка Шереметев был всегда склонен мыслить «по-государственному». В приложении к Афонской экспедиции его мысли останавливались наверняка не

только на вопросах научной певческой медиевистики, даже не только на проблематике русской истории, Русской церкви, но и на актуальной политике, в частности той, которая привычно именовалась «восточным вопросом».

Шереметев не посещал Афон (хотя семья его в течение веков благодетельствовала афонским монастырям), но он бывал неоднократно в Константинополе, в славянских странах. Собственно, впервые туда он попал еще в молодости, во время русско-турецкой войны, будучи личным адъютантом цесаревича, впоследствии императора Александра III. Таким образом, проблема отношений России с Грецией, Турцией, Балканами являлась для Шереметева не отвлеченным понятием. Показательно, что, получив письмо Смоленского с извещением об обретении «староболгарского пения», Шереметев выразил большое удовольствие и предположил, что такая находка может как-то способствовать примирению греков и болгар (правда, непонятно, как именно). Он, разумеется, знал сложные перипетии греко-болгарской церковной «схизмы», хотя неизвестно, на чью сторону вставал здесь Сергей Дмитриевич, бывший страстным русофилом, но отнюдь не славянофилом. Болгария, однако, могла интересовать его как проводник русского влияния на Балканах. И то, что болгары могут получить свое древнее пение из рук русских ученых, — идея, несомненно симпатичная Шереметеву как служащая закреплению русского авторитета в этом спорном регионе.

Шереметев, который всегда интересовался жизнью церкви и которого одно время даже называли кандидатом на пост обер-прокурора Св. Синода, несомненно, знал о том, какое сопротивление вызывает у греческой части афонского населения мощный рост русского иночества. Можно предположить, что ему казалось важным подтвердить усиление русского присутствия не только количественно, но и качественно — научным освоением афонских сокровищ.

Наконец, Шереметев в руководимом им ОАДП неоднократно встречался с афонской проблематикой в самых разных ее аспектах. Здесь наиболее важными представляются фигуры трех членов Общества: Ф. И. Успенского, Н. П. Кондакова и А. А. Дмитриевского. Все трое — очень крупные научные величины в разных областях; первый и второй неоднократно упоминаются в переписке графа со Смоленским; Дмитриевский фигурирует в переписке Смоленского с другими лицами. Все они бывали на Афоне, и не по одному разу, и оставили труды, отражающие содержание афонских библиотек, храмов, ризниц.

В связи с этим можно вспомнить также, что Шереметев являлся почетным членом Русского Археологического института в Константинополе, которым руководил Ф. И. Успенский. Из Дневника экспедиции ясно, что Смоленский, планировавший посещение этого учреждения и музея при нем, не попал туда ввиду, во-первых, неудобного расписания паровых рейсов на Афон, а во-вторых, ввиду хлопот с рекомендательными письмами. Впрочем, с самим Успенским он все же встретился и имел пересказанную в Дневнике беседу об афонских делах. В этом пересказе встречается странная фраза:

Обедом угостил меня и Антонина Викторовича Федор Иванович Успенский, причем было много разговоров «ушибенного содержания», ибо таков сам Успенский с его не идущим в ход здешним Археологическим институтом.

Между тем, Русский Археологический институт в Константинополе «шел», и «шел» прекрасно (возможно, в данный момент Успенский просто был недоволен какими-то временными трудностями). Само основание такого учреждения было связано с ростом и успехами русской византистики в этот период.

Русские ученые-византисты

Активная археологическая и археографическая деятельность русских ученых на Православном Востоке началась примерно с 40-х годов XIX века. В первых экспедициях, организованных при поддержке университетов, Академии наук, московского и одесского отделений Общества истории и древностей российских, Петербургского Археологического общества, Императорской Публичной библиотеки и Эрмитажа, принимали участие главным образом филологи. Кроме того, исследованием славянских и греческих рукописей занимались лица духовного звания. В период с 1840-е по 1880-е было подготовлено несколько палеографических описаний и каталогов, опубликованы ценные образцы греческой письменности (факсимиле). В научный оборот вошли труды И. И. Срезневского, В. И. Григоровича, архиепископа Саввы (Тихомирова), архимандрита Амфилохия (Казанского-Сергиевского) и проч.

И. И. Срезневский, первый в России доктор славянской филологии, из своих путешествий по славянским землям вывез множество разнообразных литературно-научных материалов (записи песен, сборники слов и выражений, описания обычаев, одежды, рисунки этнографи-

ческого характера и проч.)³³. Он собрал коллекцию снимков с русских, юго-славянских и глаголических памятников: прориси, фотографии отдельных листов рукописей, а также целых памятников (например, так называемой Болонской Псалтири). Работы по русской палеографии привели Срезневского к занятиям палеографией греческой: его коллекция снимков с греческих рукописей постоянно пополнялась фотографиями, сделанными им самим; он опубликовал «Палеографические наблюдения по памятникам греческого письма»³⁴ и несколько других исследований такого же рода.

В 1844 упомянутый выше В. И. Григорович предпринял длительную (два с половиной года) научную поездку. Коллекцию рукописей, вывезенных им из славянских земель и с Афона, он частично пожертвовал Новороссийскому университету, остальные были приобретены Румянцевским музеем. С открытием Новороссийского университета в 1865 Григорович начал работать там, основав школу славистов, филологов и археологов; особое его внимание привлекала тема «Византия и славянство»³⁵.

Архиепископ Савва, окончив Московскую Духовную академию, стал синодальным ризничим и в дальнейшем работал в области церковной археологии. Будучи ректором Московской Духовной академии, затем епископом Можайским, Полоцким, Харьковским, архиепископом Тверским, он являлся одновременно членом Московского Археологического общества, членом-корреспондентом Санкт-Петербургского Археологического общества, Общества древнерусского искусства, входил в число основателей ОЛДП. Одна из центральных работ преосвященного Саввы, «Палеографические снимки с греческих и славянских рукописей»³⁶, была высоко оценена учеными не только русскими, но и зарубежными³⁷.

³³ См., например: Палеографические заметки, сделанные во время путешествия летом 1860 г. // Известия Императорской АН по отделению русского языка и словесности. Т. 8. Стб. 149—150.

³⁴ См.: Срезневский И. И. Палеографические наблюдения по памятникам греческого письма. Обзорение русских трудов по греческой палеографии. СПб., 1876.

³⁵ См.: Кирпичникова А. И. Виктор Иванович Григорович и его значение в истории русской науки. Одесса, 1894.

³⁶ Палеографические снимки с греческих и славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки VI—XVII вв. / Издал Савва, епископ Можайский. М., 1863.

³⁷ См.: Корсунский И. Н. Высокопреосвященный Савва, архиепископ Тверской, и его значение для науки, особенно археологии и истории. М., 1898. С. 18.

Научная деятельность архимандрита Амфилохия началась в 1850-х годах³⁸. Будучи настоятелем Воскресенского ставропигиального, именуемого Новый Иерусалим, монастыря, он составил описание Ново-иерусалимской библиотеки, удостоенное Уваровской премии, подготовил к изданию греческий памятник XI века «Пандект Антиоха» (1880). Архимандрит Амфилохий был действительным и почетным членом многих научных обществ, занимался изучением греческих рукописей Синадальной библиотеки, Севастьяновского собрания (см. о нем далее), сам делал снимки, проводил сравнительные исследования славянской и греческой письменных традиций. За издания «Палеографическое описание греческих рукописей с IX по XVII век определенных лет» (М., 1879—1881), «Древнеславянская Псалтирь... сличенная с рукописными Псалтирями XI—XVII вв. и старопечатными XV и XVI вв. с греческим текстом X в., сличенным с Псалтирью в Синайской Библии, Псалтирью 862 г., Псалтирью X в. Норовскою, Псалтирью X—XI вв.» (в четырех томах; М., 1880—1881), «Кондакарий в греческом подлиннике XII—XIII вв.» Академия наук присудила ему еще одну Уваровскую премию.

В конце XIX—начале XX века археографическая деятельность русских ученых на православном Востоке оказалась связанной с новыми крупными научными организациями: Русским Археологическим институтом и Палестинским обществом.

Задачи Русского Археологического института в Константинополе (РАИК) состояли в изучении монументальных памятников древней культуры и искусства разных стран данного региона, в собирании и описании греческих рукописных памятников; вскоре институт стал международным византологическим центром. Православное Палестинское общество первоначально устраивалось для помощи русским паломникам на Святой Земле, но на рубеже веков в широкой научной работе Общества принимали участие такие известные русские ученые, как А. А. Дмитриевский, Ф. И. Успенский, Х. М. Лопарев, В. Н. Бенешевич, Н. П. Кондаков.

Например, археограф и палеограф Х. М. Лопарев, член ОЛДП и сотрудник Публичной библиотеки, в 1896 на средства Палестинского общества посетил Афон с целью выявления греческих и славянских памятников, содержащих жития святых. Кстати, в своем отчете о командировке Лопарев с благодарностью писал о библиотекаре Пантелеимонова мона-

³⁸ См.: Краткое жизнеописание и ученые труды архимандрита Амфилохия, настоятеля Данилова монастыря в Москве. М., 1887.

стыря о. Матфее, многократно упоминающемся в Афонском дневнике Смоленского:

У святого Пантелеимона я прожил неделю, но ничего особенно интересного для себя не нашел; впрочем, пользуясь драгоценными указаниями библиотекаря о. Матфея, я познакомился с новым списком мучения святого Модеста, архиепископа Иерусалимского, и затем, встретив здесь редкое печатное издание Творений Иосифа Вриенния, списал слово его, сказанное по случаю смерти супруги императора Иоанна Палеолога — Анны, дочери великого князя Василия Димитриевича³⁹.

С энтузиазмом о любезности пантелеимоновских иноков пишет и будущий сотрудник Смоленского по Афонской экспедиции П. А. Лавров в отчете о командировке в славянские земли и Афон в 1895 году⁴⁰.

Что касается именно певческих памятников, то едва ли не первым собиранием и, в меру своих сил, изучением нотированных греческих рукописей занялся упомянутый выше (и многократно упоминаемый далее) архимандрит Порфирий (Успенский); привезенная им в Россию коллекция содержит массу источников различного времени, большей частью в разрозненных листах⁴¹, среди которых имеются «уникальные по своему музыкальному содержанию и исторической значимости экземпляры»⁴². О. Порфирий составлял каталоги имен греческих мелургов, пытался реконструировать историю византийского и поствизантийского пения и даже записывал на слух современное ему греческое пение и пытался вводить его в России (в Киеве в бытность его там епископом Чигиринским).

В те же 1850-е в течение нескольких лет проходила экспедиция на Афон археолога и коллекционера П. И. Севастьянова. Главной целью экспедиции было открытие и копирование раннехристианских памятников изобразительного искусства с целью дальнейшего их распространения в России как образцов для архитекторов, художников и проч. Располагавшая значительными средствами и силами, экспедиция Севастьянова

³⁹ Лопарев Хр. Краткий отчет о поездке на Афон летом 1896 г. // Сообщения Православного Палестинского общества, 1897, февраль. С. 3—4.

⁴⁰ См.: Лавров П. А. Обзор рукописей Афонских монастырей // Известия Академии наук. 1895. Т. 3. № 3.

⁴¹ См.: Герцман Е. В. Греческие музыкальные рукописи Петербурга. Каталог. Т. I. СПб., 1996; Герцман Е. В. Петербургский Теоретикон. Одесса, 1994. Коллекция епископа Порфирия находится в ОР РНБ (ф. 906. Собрание греческих рукописей).

⁴² Герцман Е. В. Греческие музыкальные рукописи Петербурга. С. 17.

привезла в Россию множество копий с икон, фресок, миниатюр и уникальных рукописей. Получив государственную субсидию на организацию еще одной экспедиции в 1859—1860 годах, Севастьянов пригласил к участию в ней фотографов, художников, топографов, командированных российской Академией художеств, а также специалистов из Франции, Болгарии и Греции. Собранные Севастьяновым материалы были разделены на две части. Одна из них поступила в Академию художеств в Петербурге, другая, включая его личное собрание рукописей, была представлена на выставке в московском Румянцевском музее. После смерти Севастьянова (1874) собрание фотографических снимков с афонских рукописей и древностей было передано в Румянцевский музей (который, как известно, в конце 1850-х был переведен из Петербурга в Москву)⁴³. Среди привезенных Севастьяновым копий были и певческие памятники, которые несколько десятилетий составляли основу для работ ученых в данной области.

Настоящее основание истории русского церковно-певческого искусства, в которую неотъемлемой частью входило изучение «византийского прототипа», было положено трудами протоиерея Димитрия Разумовского, и прежде всего его классической книгой «Церковное пение в России» (1867—1869). Работая над этой книгой (первоначально — курсом лекций, прочитанных в Московской консерватории), о. Димитрий тщательнейшим образом изучал доступные ему источники византийской традиции, греческую семиографию; свободно владея древними и новыми языками, он читал как старинные трактаты, так и новейшие труды западных ученых; использовались им и образцы из коллекций епископа Порфирия и Севастьянова. По ходу своих изысканий Разумовский пришел к выводу: прототипом древнерусской невменной нотации, как столповой, так и кондакарной, является нотация греческая. Однако специальной работы на тему греко-русских параллелей Разумовский не создал, хотя и собрал для этого обширные материалы. Ныне они хранятся в РГБ (ф. 380) и, к сожалению, не изданы и недостаточно изучены (см. подробнее в Приложении «Хрестоматия»)⁴⁴.

В начале XX века, в эпоху Афонской экспедиции, возросший интерес к теме греко-русских певческих параллелей был обусловлен, с одной

⁴³ См.: Викторов А. Е. Собрание рукописей П. И. Севастьянова. К 50-летию юбилею Румянцевского музея. М., 1861. С. 1.

⁴⁴ См. также единственную специальную работу на эту тему: Шлихтина Ю. Р. Материалы по византийско-русским музыкально-теоретическим связям из архива Д. В. Разумовского // Гимнология. М., 2000. С. 19—25.

стороны, ростом русской византистики, а с другой — формированием в России той научной дисциплины, которую позже И. А. Гарднер предложил называть «литургическим музыковедением». Кроме Смоленского и Преображенского, на «греко-русском» поле работало несколько известных исследователей. Одним из них был деятель самого старшего поколения Ю. К. Арнольд (переписку Смоленского с ним см. во второй книге VI тома РДМ), но он занимался не столько рукописями и семиографией, сколько теоретическим исследованием «древнегреческих ладов» и их отражением в древнерусском церковном пении. В этом направлении ему наследовал друг Смоленского о. Димитрий Аллеманов, который (как, впрочем, и Арнольд) пытался гармонизовать русские роспевы в соответствии с «греческими звукорядами». Но Аллеманов занимался также греческой семиографией, древней и современной, то есть той, по которой после реформ начала XIX столетия пела греческая церковь. Составленный им и А. В. Зверевым учебник был по ходатайству Смоленского опубликован ОАДП в 1907 (см. подробнее в разделе «Письма» и в Приложении «Д. В. Аллеманов»).

В 1906, но уже после Афонской экспедиции, Смоленский начал работу над подробнейшей рецензией на только что вышедший труд протоиерея Василия Металлова «Богослужбное пение Русской Православной церкви. Период домонгольский». Позиция Металлова по вопросу происхождения русского церковного пения освещается в специальном Приложении («Отзыв С. В. Смоленского...») этого тома. Здесь можно заметить, что Смоленский был во многом не согласен со своим бывшим коллегой по Синодальному училищу, считал, что целый ряд выводов этой работы не подкреплён или недостаточно подкреплён рукописными источниками, и, видимо, предполагал, что Металлов сможет воспользоваться материалами Афонской экспедиции для последующих переизданий своего труда (см. письмо Смоленского к Металлову на эту тему в разделе *Письма*).

...Возвращаясь к встрече Смоленского с Ф. И. Успенским в Константинополе в начале Афонской экспедиции, можно выразить сожаление, что они не успели поговорить подробно и что Смоленский не видел Археологического института и его музея: в принципе здесь вполне целесообразна была бы совместная деятельность на «восточном фронте».

История РАИК ныне подробно освещена в работах российских византологов, прежде всего в книге Е. Ю. Басаргиной⁴⁵. Основанный в 1894,

⁴⁵ См.: Басаргина Е. Ю. Русский Археологический институт в Константинополе. Очерки истории. СПб., 1999.

Институт просуществовал около двадцати лет под бесменным руководством Успенского и преследовал цели прежде всего научные, но также и политические. В одной из «записок», предшествовавших организации РАИК, известный дипломат (посол в Константинополе) П. Б. Мансуров писал:

Теперь настал час, когда нам следует, не ограничиваясь преследованием лишь политических и военных задач, обратить внимание на все стороны общественной жизни Востока. Одной из таких сторон нельзя не признать науку, составляющую один из самых основных элементов современной жизни. В настоящее время наука является для православных народов Востока всецело продуктом жизни и работы Запада. <...> Русское ученое учреждение в Константинополе могло бы принести в этом отношении огромную пользу, дав возможность установиться более независимой и правильной точке зрения на историю Востока. <...> Русская наука в трудах Кондакова, Васильевского, Успенского, Кирпичникова, Курганова и др. уже начинает пролагать свой самостоятельный путь...⁴⁶

Ареной работы РАИК являлись все страны, входившие когда-то в состав Византийской империи; сотрудники Института постоянно совершали экспедиции по Малой Азии и Балканскому полуострову, Афону, Сирии, Палестине; очень много открытий археологического, исторического и искусствоведческого характера было сделано ими в самом Константинополе. (Некоторые из этих открытий, те, что касались преимущественно рукописей — публиковались Успенским не только в Известиях РАИК, но и в Отчетах и Памятниках, издававшихся ОЛДП; эти публикации Смоленский, несомненно, знал.) Особенно обширны были археологические раскопки в Болгарии, где результатом стало открытие древней столицы болгарского государства — Абобы-Плиски, за что русские археологи получили благодарность и награды болгарских властей (и это тоже очевидно корреспондирует с задачами Афонской экспедиции). РАИК привлекал к своей деятельности не только русских, но и иностранных ученых; в частности, институт сотрудничал с католической монашеской общиной в Константинополе (ассумпционисты), среди членов которой были ученые, издававшие на французском языке журнал «Echo d'Orient». Смоленский знал этот журнал и читал публикации, касавшиеся церковного

⁴⁶ См.: Басаргина Е. Ю. Русский Археологический институт в Константинополе. Очерки истории. СПб., 1999. С. 170.

пения (что очевидно из его переписки с С. С. Волковой — см. во второй книге VI тома). Письмо в ОЛДП руководителя общины о. Луи Пети (вместе с рекомендательным письмом Успенского), касающееся возможности знакомства с материалами экспедиции, публикуется в разделе *Письма*⁴⁷.

Афон всегда являлся одной из главных целей РАИК. Успенский писал, в частности:

Как известно, на Афоне собрано и хранится в библиотеках монастырей до 10 тысяч рукописей. Эти рукописные богатства и до сих пор не вполне изучены и не сделались достоянием науки. Афон долго еще будет привлекать пытливые внимание исследователей всех стран⁴⁸.

Сам Федор Иванович Успенский, по воспоминаниям его сотрудников, сумел с первого же года существования института завоевать особое расположение афонских монахов, которые «широко открывали для сотрудников института двери даже в те книгохранилища, куда доступ другим исследователям был закрыт»⁴⁹. Вспомним, что и Смоленскому Успенский написал рекомендательное письмо в Ватопед: доступ в этот греческий монастырь был особенно труден. РАИК помогал даже автору изучавшегося участниками экспедиции первого каталога афонских рукописей — греку Спиридону Ламбросу.

Относительно Афона у РАИК были очень широкие планы, имелся целый проект русско-французской многолетней экспедиции, в рамках которого предполагалось: собрать и издать уставы и другие важные документы монастырей, составить описания тех библиотек, куда не попал Ламброс, издать жизнеописания афонских святых и произведения богословского, исторического и литургического содержания, созданные на Афоне, описать и исследовать архитектурные памятники Св. Горы. По разным причинам этот проект не был реализован; хочется предположить, что при иных обстоятельствах Афонская экспедиция за певческими рукописями могла бы стать важной составляющей такого проекта

⁴⁷ Кстати можно заметить, что продолжавшиеся в XX веке контакты некоторых католических общин с афонским монашеством, в том числе русским, в конце концов привели к созданию ныне широко известного бенедиктинского монастыря Шветон (Бельгия), где до сих пор восточно-христианская традиция всячески поддерживается и изучается (см., например: Ламбрехтс Антоний. Бенедиктинские паломники на Афоне // Монастырская культура: Восток и Запад. СПб., 1999).

⁴⁸ Басаргина Е. Ю. С. 193.

⁴⁹ Там же. С. 42.

и в сотрудничестве ученых разных специальностей могли бы быть получены важные результаты⁵⁰.

Условно говоря, часть афонского проекта РАИК была выполнена Н. П. Кондаковым как экспедиция от российской Академии наук для исследования архитектуры, монументальной росписи, иконописи и прикладного церковного искусства.

О Никодиме Павловиче Кондакове, крупнейшем византинистическом искусствоведе эпохи, Смоленский в письмах выражается с глубоким почтением; именно к нему Степан Васильевич пошел советоваться перед отъездом на Афон (см. соответствующие страницы Афонского дневника). Рискнем предположить, что отчет Кондакова по его афонской экспедиции 1898 года, изданный в 1902 под названием «Памятники христианского искусства на Афоне», мог служить для Смоленского неким ориентиром в его отчетах после поездки. Однако отчеты Смоленского ограничились сравнительно небольшими статьями и докладами, а проект издания «Каталога песнопений, оказавшихся в греческих (на Афоне и в Вене) певчих рукописях, снимки с коих доставлены экспедицией 1906 года, равно и оказавшихся в русских древнейших рукописях» так и остался незавершенным. Кондаков же создал увлекательную книгу, в которой афонское искусство разных эпох и жанров получило ясную классификацию, а отдельные памятники — яркие характеристики, подкрепленные массой фотографий.

Основные идеи Кондакова относительно значения Афона для науки и для истории искусства имеют универсальное значение.

Средневековая археология вообще и византийская в частности насчитывают теперь почти столетие за своими плечами, и если последней до последнего времени мешало тенденциозное пренебрежение к самой эпохе, к восточному христианству, то наше время уже не знает подобных преград для своей научной любознательности. <...>

...Археологический материал, представляемый древностями афонских ризниц, и по своей цельности и однородности должен являться областью, наиболее отвечающей потребностям предмета, и как своего рода *музей древностей, естественно образовавшийся*, должен

⁵⁰ Беглый намек на подобный результат дает исследование листов «Зографского Трифология», в том числе с певческими знаками, изданных Ф. И. Успенским в ОЛДП и прокомментированных сразу несколькими специалистами по древним нотациям (см. подробно в Приложении «А. В. Преображенский»); издание вышло несколько лет спустя после кончины Смоленского.

был бы, по духу времени, вызвать появление его научных каталогов. Однако судьба этого драгоценного материала сложилась для него превратною...⁵¹

Кондаков особенно подчеркивает, что Афон позволяет изучать не только собственно византийское искусство, научное осмысление которого к тому времени уже велось, но и весьма мало исследованное позднейшее греческое искусство и инациональные ветви византийской традиции — сербскую, болгарскую, молдавскую, отчасти грузинскую, которые «не имеют пока научной обработки» (конечно, и это было близко целям Афонской экспедиции).

Русский ученый, как и цитированные выше авторы, пишет об особых трудностях работы в афонских монастырях, но пишет без возмущения, напротив, с пониманием ситуации, которая сложилась к рубежу XX столетия:

В новейшее время, когда наезды ученых умножились и стали постоянными, обители Св. Горы согласно предоставили для ученого пользования свои рукописные сокровища и ради этого теперь устраивают библиотеки, составляют их каталоги. Но под влиянием тех же посещений и вновь начавшегося собственного участия монашествующей братии в ученых работах, а также воспоминаний об утраченных или розданных обителью предметах, вырабатывается новый ревнивый взгляд на значение сохранных предметов древности: монастырские власти относятся к ним уже как к коллекциям, которые, имея высокую цену, составляют славу обители, наряду со святынею привлекают в нее посетителей и требуют поэтому ревнивого бережения не только от пропажи, но равно и обесценения путем издания в свет снимков с этих драгоценностей (С. 16—17)⁵².

⁵¹ Кондаков Н. П. Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902. С. 3—4.

⁵² Ситуация, описанная Кондаковым, сохранялась на Афоне и позже. Так, В. А. Маевский, впервые попавший на Афон уже в 1930-х, пишет:

Афонские древности представляют собой нечто неопределенное, и причина этого заключается в тех часто неодолимых затруднениях, которые все исследователи встречали на Афоне. В обителях, особенно богатых и древних, две ризницы: одна обиходная, чаще всего в алтаре самой церкви, и старая, где хранятся древности и все драгоценности. И сами монахи — за исключением немногих в обители, бывших у власти, — не знают, какого рода древности имеются в их обители. Тот подбор предметов древности и редкости, который показывается ученым и исследователям (и ред-

Еще резче позиция Кондакова, сильно отличавшаяся от взглядов большинства его коллег, выражена в книге «Путешествие на Синай в 1881 году» (Одесса, 1882), где молодой тогда ученый высказывается против вывоза ценных памятников из мест их «обитания»:

...У англичан и немцев изъятие тем или иным способом рукописей из монастыря, где ими горшки заклеивают или на кусочки пергамена рыбу ловят, считается ведь спасением древностей и заслугой для науки. Но, Боже мой, как редко в действительности разграбление подобных исторических складов делается для науки, а не для удовлетворения тщеславия, суетного самодурства, и как много редкостей, восхищавших восточного туриста и оторванных от своего гнезда и обезображенных, попадает затем в кладовые лорда-маньяка и там под покровом цивилизации на многие столетия пропадает для науки. Поэтому уж пожелаем лучше Синаю и Афону хранить свое вековое достояние: настанут когда-либо лучшие времена, и разумное право будет приложено к незаменимым сокровищам науки и древностей Востока. <...> Пока же те ученые, которые жаждут покинуть на время перетолченный материал своей науки и вместо того, чтобы перевертывать этот тришкин кафтан, вздумают запастись свежим и влить немного молодого вина в мехи старые, вынуждены странствовать, искать, и иногда искать не положенного или давно взятого (С. 42—43).

Приведем еще пару цитат из книги Кондакова об Афоне — читатель Дневника Смоленского найдет в них отражение тех же ситуаций, в которые попадали Степан Васильевич и его спутники. Например:

Кроме немногих общежительных монастырей, где присутствие игумена сразу открывало нам доступ к занятиям, мы всюду, по приезде, должны были представлять все имевшиеся у нас бумаги и, сидя в архондарике, ожидать решения собравшегося для совещания по нашему поводу синод старцев или эпитропов обители; но самое благосклонное решение, объявляемое в избранных восточных формулах, не представляло на деле ничего, кроме права получить в обители кров и пищу и быть допущенным к поклонению местной святыне. На самом деле разрешение занятий должно было составлять уже результат особых переговоров с властями, заведующими алтарем (виматарий, он же ключарь собора и параклисов), библиотекою, ризницею (С. 19).

Афонской экспедиции не слишком понравилось пребывание в греческом Ватопеде, Кондаков же, напротив, пишет об этом монастыре в самых похвальных выражениях:

Наиболее удачи мы имели в знаменитом Ватопеде... где мы нашли столь же радушный прием, сколько богатый запас древностей: просвещенная братия Ватопеда, пользующаяся ныне полным благоденствием и радушным руководством, недаром славится гостеприимством и благосклонным приемом ученых. Ватопед разделяет с Лаврою славу древней царской обители, обогащенной вкладыми, но в отличие от Лавры счастливо сохранил (в России) свои имения и доходы, а потому представляет собою богатейший монастырь, редкостной красоты снаружи и изнутри и необыкновенной живописности своих даже новых построек... Здесь образцово содержится драгоценная библиотека, а собор представляет собою музей редких икон, в драгоценных по древности и художественным формам окладах, стены собора украшены мозаиками, единственными на Афоне, а в ризнице сохраняются замечательные византийские древности... (С. 17)

И снова на страницах книги Кондакова возникает фигура о. Матфея, в ряду других представителей ученого афонского монашества:

...Библиотека Руссика составляет видный почин афонского православия в деле его научного исследования, и на этом поприще уже начинают работать и руководить достойнейшие представители афонского монашества. Таков на первом месте отец Матфей, библиотекарь Руссика, ученый издатель его «актов», видный инициатор всех научных стремлений этой выдающейся обители, доказавший монашеству и практическую пользу исторической науки тем, что по актам доказал права русских на эту обитель; далее Александр Лавриот, известный издатель хрисовулов и рукописей, Савва (родом чех), библиотекарь Хиландаря, библиотекаря Ватопеда, Ивера (С. 19).

Статьей, посвященной о. Матфею, представлен в настоящем томе А. А. Дмитриевский (см. эту статью в Приложении «А. А. Дмитриевский»).

Основной специальностью этого выдающегося ученого, много сделавшего на почве церковной истории, была литургика. Он являлся, как сказано в Православной энциклопедии, «одним из самых неутомимых исследователей церковных древностей православного Востока». С молодости Дмитриевский, будучи преподавателем, а затем профессором Киевской Духовной академии, ездил в длительные археографиче-

ские экспедиции, в том числе на Афон (1886, 1887—1888, 1889, 1893, 1903, 1910). Его докторской диссертацией стало трехтомное описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. В 1907 Дмитриевский был назначен секретарем Палестинского общества, в 1909 избран членом-корреспондентом ОЛДП, и потому часть собранной им коллекции фотоснимков, в том числе афонских, оказалась в фонде Общества⁵³: изображения паломников и праздничных процессий, окладов рукописей, церковной утвари и облачений, учебных и благотворительных заведений. Особую историческую ценность представляют фотографии иноков с дарственными надписями Дмитриевскому; он не только вел регулярную переписку с учеными монахами, но и создал очерки, посвященные крупнейшим фигурам русского Афона (см. об этом далее). Для отечественных музыковедов-медиевистов важно, что, выдающийся педагог, Дмитриевский был наставником крупнейшего ученого советского периода, профессора Петербургской Духовной академии Н. Д. Успенского, который наряду с литургикой много внимания уделял и певческой медиевистике.

Более чем вероятно, что Смоленский знал Дмитриевского лично: Алексей Афанасьевич учился в Казанской Духовной академии в годы, когда там жил Смоленский, а главное, Дмитриевский работал с рукописями перевезенного в Казань собрания Соловецкого монастыря в те же годы, когда певчие рукописи этого собрания описывал Смоленский. Во всяком случае, когда С. С. Волкова задала в письме к Смоленскому вопрос, касающийся церковного устава, тот посоветовал обратиться в Киев к Дмитриевскому. Они не встречались перед Афонской экспедицией — может быть, потому что Дмитриевского не было в столице. Он появился там осенью 1906-го, приехав для работы в Предсоборном Присутствии, и остался, получив, как уже говорилось, должность секретаря Православного Палестинского общества. И Смоленский, и Преображенский могли читать написанное Дмитриевским об Афоне к этому времени, и думается, что косвенные отражения его взглядов можно уловить на страницах Афонского дневника.

Особенность позиции Дмитриевского состояла в том, что, досконально зная историю и современную жизнь основных русских афонских обителей — Пантелеимона, Андреевского и Ильинского скитов и глубоко почитая многих их обитателей, он неодобрительно относился к умножив-

⁵³ РНБ, ф. 536, оп. 3.

шимся к концу XIX века русским келлиям, в которых к 1912 году жила чуть ли не половина русских афонитов. На эту тему Дмитриевский неоднократно выступал в печати, в том числе в популярных газетах. Он одобрял решения Св. Синода 1889 и 1892 годов, отказывающие келлиотам в праве получать пожертвования из России через Хозяйственное управление Св. Синода, и прямо обвинял настоятелей некоторых келлий и Братство русских келлий в недобросовестном и бесконтрольном использовании получаемых из России средств⁵⁴. Очень политизированная русская пресса того времени на лету подхватывала подобные обвинения (одна из подобных вырезок сохранилась вклеенной в Дневник). Возможно, это отразилось, например, на тех страницах Дневника Смоленского, где он с секретарем русского посла в Болгарии рассуждает о каких-то «монахах-разбойниках», которые «страшно богаты пожертвованиями из России». Есть и другие подобные случаи, но примечательно другое: когда судьба свела Смоленского по пути на Афон как раз с теми из настоятелей русских келлий, на которых чаще всего обрушивались обвинения, — оба они ему понравились, а у одного, настоятеля «Белозерки» о. Петра, экспедиция с удовольствием отобедала. Вообще предубеждений у ехавших из бунтовавшей России было немало, и многие из них опровергались действительностью...

*

Естественно встает вопрос: каким объемом знаний владели русские ученые, отправляясь в путешествие? Этот вопрос можно разделить на две части: книжно-рукописную и практически-певческую, то есть: что они знали о книжных собраниях Афона и что было им известно о пении на Св. Горе. Вторая часть часто затрагивается в Дневнике Смоленского, и она тоже стала важным аспектом экспедиции.

Библиотеки Св. Горы

Что касается книжно-рукописной части, то в самом тексте Дневника и в переписке названы те описания и каталоги, которыми пользовались ученые; там же эти издания и прокомментированы.

⁵⁴ Точнее, по правительственному распоряжению 1889 года российское население призывалось посылать свои пожертвования через Хозяйственное управление при Синоде или прямо на Афон — но только в Пантелеимон, а также в крупнейшие Андреевский и Ильинский скиты. Это положение полностью одобрял К. П. Победоносцев (от которого тоже мог воспринять некоторую информацию Смоленский в предыдущие годы, когда он был достаточно близок с обер-прокурором).

Кроме основного источника — Каталога афонских хранилищ Спиридона Ламброса, а также описаний рукописей Софийской и Белградской библиотеки и рукописей Хиландарского (сербского) монастыря, выполненных славянскими учеными, — Смоленский проштудировал присланную Лавровым «книжку архимандрита Леонида о сербско-болгарских древностях на Афоне», то есть работу архимандрита Леонида (Кавелина) «Славяно-сербские книгохранилища на Св. Афонской горе, в монастырях Хиландаре и Святом Павле» (М., 1875). И хотя сама по себе книга Смоленскому не особенно понравилась (может быть, потому что архимандрит Леонид ни словом не обмолвился о певческих рукописях), — из нее вполне могла быть воспринята мысль о том, что сербские и болгарские монастыри на Афоне были необычайно богаты именно славянскими древними рукописями — до разграбления их в тот период, когда Афон был занят турецкими гарнизонами (с 1821 по 1831). Архимандрит Леонид настойчиво писал также о небрежном отношении греческих монахов к славянским реликвиям.

Наверняка еще в молодости, в Казани, Смоленский читал записки об Афоне Виктора Ивановича Григоровича, почитаемого тогда не только за великолепного ученого (что, конечно, справедливо), но и за героя-первопроходца по опасным и трудным местам. Эти записки входят в состав «Очерка путешествия по Европейской Турции» (Казань, 1848), и о славянских книгах там можно было прочесть следующее:

Вообще неуважение к славянским книгам дало повод к их истреблению. Книга славянская или заключает то, что греческая, или написана болгаринном, а может быть и сербом (сербы в большом неуважении!), следственно, ничего не стоит. Когда не знали, что делать с разными славянскими рукописями в Ватопеде, призвали Даскала Спиридона. Тот, поглядев на них, одним словом... осудил их на сожжение. <...> В Ксенофе по такой же причине сбросили книги в море. Нежелательно было также, чтобы от этих книг сербы и болгаре, которые до сих пор повторяют о своих монастырях, захотели преобладать. <...> Но непростительно неуважение самих же славян к трудам своих предшественников. Уличать бедных монахов, преданных исключительно исполнению своего обета, было бы весьма несправедливо. Порицания достойны зажиточные. Совершенное отсутствие любви к трудовому учению и приверженность к грецизму... отнимает у этих лиц то достоинство, которое называем характером. <...> Невнимание к рукописям в некоторых монастырях так велико, что многие

из них скрываются в разных темных чуланах и о них никто не знает (С. 97—99)⁵⁵.

Кстати, та же мысль проводилась и в работе А. А. Дмитриевского «Путешествие по Востоку и его научные результаты. Отчет о заграничной командировке в 1887/88 году доцента Киевской Духовной академии» (Киев, 1890). Ссылаясь на свидетельства разных русских путешественников, а также и на собственный опыт, ученый прямо утверждал:

Славянские рукописи и старые предметы славянской эпохи Афонской горы, свидетельствующие об исторической судьбе того или иного монастыря, тщательно скрываются от взоров путешественников в сырых подвалах и чердаках или же самым беспощадным образом уничтожаются (С. 11—12).

С другой стороны, Дмитриевский рассказывал и о своих необычайно удачных «раскопках» в этих подвалах и чердаках. Неизвестно, читал ли Смоленский эту работу Дмитриевского; скорее можно предположить, что с ней познакомился «страстный книголюб» Преображенский. Очевидно, что подобные сведения могли не только подогревать энтузиазм участников экспедиции, но и питать их настороженное отношение к библиотекарям греческих монастырей (оно очевидно в ряде дневниковых записей).

Наконец, читал Смоленский, и самым внимательным образом, присланные Лавровым труды многократно посещавшего Афон епископа

⁵⁵ В тех же «Очерках» Григорович утверждал: «Недостаток и небольшое достоинство рукописей славянских замечательны» (С. 96). Однако это было неверно и, вероятно, явилось результатом отношений, которые возникли между ученым и иноками. Святогорец (Семен Веснин; см. о нем далее), который во время поездки Григоровича на Афон находился в паломничестве в Палестину, вернувшись на Св. Гору, писал:

Жаль только, что без меня был в Руссике г. Г-ч, профессор Казанского университета. Цель его странствия по Святой Горе — сбор исторических сведений, касающихся лингвистики славянских племен. К сожалению, г. Г-ч, как слышно, успел здесь не совсем в удовлетворительной степени. Может быть, причиной тому недостаток материальных средств, а может стать, и его личность. Для того чтобы пересмотреть по собственной воле, и даже прихоти, все библиотеки афонские, главное и единственное к тому условие — хороший вклад в монастырь. И не менее того — личное расположение к себе святогорцев, иначе сразу же можно навлечь на себя неприятное нареkanie от щекотливых греков и оттолкнуть от себя их внимательность. Впрочем, греки не жалуют ученых путешественников и за их привычку похищать археологические лоскуты из заветных тайников афонских библиотек... (Письма Святогорца к друзьям своим о Святой Горе Афонской. М., 2002. С. 211).

Порфирия (Успенского), который, как уже говорилось, среди всех русских церковных ученых был наиболее восприимчив к певческой стороне богослужения, а также собрал и привез в Россию роскошную коллекцию византийских рукописей. Сообщения епископа Порфирия радовали Смоленского и его коллег, хотя потом оказалось, что не все эти сообщения верны. В Дневнике имеются специальные «Выписки из указаний Еп. Порфирия на певческие рукописи», расположенные по монастырям Афона, даже с примечаниями, что предположительно следует снять фотографически в том или ином монастыре. Имеется также краткая запись «для памяти» «О нотных рукописях и о пении вообще» у епископа Порфирия, где обозначены страницы, особенно привлекшие внимание Смоленского (л. 2а Дневника).

Например, с. 72 «Первого путешествия в Афонские монастыри и скиты архимандрита, ныне епископа, Порфирия Успенского в 1845 году» (Киев, 1877) — нотированный о. Порфирием (который специально изучал нотную грамоту) пример «анененайки» («терирем») в исполнении греческой Херувимской песни, с описанием:

А пока длилось их [всех служащих] шествие, певец левого хора, вышеупомянутый монах Дохиарский, что есть мочи пел — *яко да царя всех подымет* — с странными припевами: *те-ри-ре-ре-ку-ку-ке-е-на-ке-на-то-то-то-ру-те-ри-ре-не-а-на* — качая головою, притоптывая ногою и выводя верхние и нижние ноты в роде рулад; вот так и так. (Смотри ноты.)

По учению греческих певцов эти непонятные слова означают непостижимость Божества и тайны воплощения Сына Божия; а *неннена* поется по воспоминанию о Богоматери, которая пела это *неннена* у колыбели Божественного Младенца своего. (Факсимиле на с. 56)

На с. 206 того же «Путешествия» — сообщение о росписи в соборном храме Лавры св. Афанасия, где

замечательны... царские domestici, то есть певцы, одетые в длинные багряные хитоны, кои подпоясаны, и накрытые остроконечными шляпками в роде корабликов.

Далее внимание Смоленского привлекло излагаемое Успенским пространное сказание о подвигах на Афоне знаменитого византийского певца Иоанна Кукузеля.

Allegro vivace.

τε τε τε τε ε νε ρι. ρε τε τε ρι ρε ρε ρδ
 τε ρε τε == == == ρι ρε. ρε ρε τε ρε ρε ρι ρι ρε ρι ρι
 ρε ρι ρι ρε ρι ρι ρε. ρε ρε νε ---- χδ χδ -- κε == == == ε
 να κε == == == να == == == το το το το ε τε
 ρι ρε τε τε νε -- τε νε ρδ τε ρι ρε τε ρε ρε ρι ρε ρι
 ρε τε ρι ρε ρε ρε ρε τε ρι ρε τε ρι ρε ρι ρε ρι == == == v
 α να νε α να νε ως τον βα σι λε --
 α το νε -- -- νε.

Во втором отделении первой части «Путешествия» подчеркнута описание рукописей монастыря Симонопетр, среди которых имелись четыре месячных Минеи:

Миния декабрьская написана в XIII веке на хлопчатной бумаге в широкий лист весьма мелким, но красивым почерком, с нотами на некоторых стихирах... Среди мельчайших букв много крупненьких, однако не размашистых. Заглавная буква каждой стихиры, каждого ирмоса прописана бледною киноварью или красноватым *минием*. <...> *Миния мартовская* написана в XII веке на пергамене в лист, в два столбца, мелким, но четким и весьма красивым почерком, с уставными вышепоименованными чтениями, с нотами на иных стихирах и с киноварными надписями. <...> *Стихифарь XIII века* на пергамене в лист писан в два столбца с нотами на стихирах и с уставными чтениями.

На Афоне выяснилось, что ехать в Симонопетр экспедиции не нужно, потому что рукописи сгорели во время пожара. Заинтересовали Смоленского также соображения о Порфирии о глаголическом письме и о использовании его болгарами, которые рассыпаны по разным разделам книги.

Во второй части «Путешествия» Смоленский подчеркнул абзац о хейрономии на с. 24 (этот вопрос мог, судя по письмам, его особенно привлекать, поскольку хейрономией в ту пору занимался «оппонент» Степана Васильевича — В. М. Металлов; см. в Приложении отзыв Смоленского на труд о. Василия):

А так как у греческих певцов нотная наука называлась пападики техно — *Поповское искусство*, и так как у них начальник хора подавал знак к пению вот этим перстосложением, которое перерисовано здесь из афоно-кутлумушской рукописи XIV века, то и икона покровительницы певчих Богоматери называлась поповскою и у Божественного Младенца, покровителя малолетних певцов, изображалось перстосложение певческое.

Жирной чертой подчеркнуты те страницы второй части, где речь идет об экфонетических знаках, то есть о знаках для чтения нараспев. Им о. Порфирий отдал много внимания, приводя и конкретные примеры. Например, на с. 379:

Я свободен и один на просторе продолжаю свое дело книжное, и дело новое, никем в грамотной Европе еще и не начатое. Я разумею

объяснение певческих знаков в греческих Профитологах и Евангелиях рукописных.

В этих церковных книгах между словами, над ними и под ними прописаны, то киноварью, то чернилом, *знамения* (σημαδια), придуманные греками для чтения св. Писания *на распев*. Этих знамений не много. Перечисляю их и каждое называю именем его, руководствуясь очень старинною записью о них, которую я нашел в конце непечатного Евангелия десятого века в книгохранилище Синайского монастыря и отподобил 27 июня 1850 года.

Далее о. Порфирий добирается и до знаменитого впоследствии у русских ученых Есфигменского Ирмолога, который до времен Смоленского почитали написанным греческим текстом, но русскими певческими знаменами⁵⁶. О. Порфирий пишет (с. 381):

⁵⁶ В работе Смоленского «О древнерусских певческих нотациях» (1901) приводится снимок одного листа Есфигменского Ирмолога. Эта книга была известна в России в фотоснимках 8-ми ее листов, сделанных на Афоне П. И. Севастьяновым. Вслед за Д. В. Разумовским Смоленский определяет письмо Ирмолога как «русские знамена над греческим текстом». Это ошибочное заявление (на самом деле греческие здесь и текст, и нотация) было через несколько лет опровергнуто К. И. Пападопуло-Керамевсом.

Чуть позже окончания Афонской экспедиции, в ноябре 1906 Смоленский познакомился с публикацией этого молодого ученого (грека, получившего образование и работавшего в России).

Позиция Константина Керамевса изложена в двух статьях, близких по теме и как бы продолжающих одна другую: «Происхождение нотного музыкального письма у северных и южных славян по памятникам древности, преимущественно византийским» (Вестник археологии и истории, издаваемый Императорским Археологическим институтом. Вып. XVII. СПб., 1906) и «Принцип церковно-византийского нотного письма по данным славянских и греческих музыкально-богослужебных памятников» (Византийский временник. Т. XV. Вып. 1. СПб., 1909). Разумеется, в 1906 Смоленский мог познакомиться лишь с первой статьей.

Основной вывод Керамевса: «Песнопения греческих памятников IX, X и XI веков, отчасти же XII, XIII и XIV веков, изложены теми самыми знаменами, какими именно изложены и песнопения русских памятников XI—XIV веков, это раз. Во-вторых, мелодии греческих памятников конца XI века и вообще XII, XIII и т. д. веков до 1814 года изложены так называемыми в трактатах византийских мастеров знаменами св. Иоанна Дамаскина, несколько отличающимися от первых» (то есть более ранней нотации; С. 145). И далее: «Песнопения богослужебных книг, явившихся на православном Востоке после 1814 года, изложены ныне употребляемыми у греков, болгар, румын знаменами, бывшими результатом реформы 1814 года по исправлению церковного пения» (С. 146).

Это опровергает сразу несколько выводов Смоленского в его работе о нотациях. Во-первых, отсюда следует, что знаменитый Есфигменский Ирмолог не содержит русского пения с греческими словами, а содержит более старую визан-

Эта церковная книга весьма замечательна и по старине своей, и по редкости своей, и по особенности певческих знаменей, нимало не походящих на нынешние ноты греков, и по указанию имен сочинителей ирмосов.

И предпринимает сравнение просодийных знаков Ирмолога со стихирой из Синайского Стихираря 999 года, с примечанием (с. 383):

Не умею переложить их на ноты наши, когда и сами греки не умеют петь по ним... (*Факсимиле на с. 60*)

Далее во второй части «Путешествия» подчеркнуты страницы, где перечисляются имена греческих песнотворцев, печатные и рукописные греческие сочинения о музыке, приводятся образцы (на нотах) современного греческого пения. Выписаны также замечания о рукописях, виденных Порфирием в разных монастырях Афона, в том числе в Пантократоре, в Кутлумуше, в библиотеке Кареи.

Пение на Св. Гоге

Таковы были, в общем, знания участников экспедиции о певчих книгах на Афоне (кроме, конечно, познаний П. А. Лаврова в специальных областях славянской филологии). Но у того же о. Порфирия можно было прочесть и о том, как пели в его время на Афоне; специально отчеркнутых страниц об этом в списке Смоленского нет, но, конечно, он их читал.

Нужно сказать, что пением в русских афонских храмах Смоленский и Преображенский сначала были разочарованы: вместо древних напевов там звучало обычное многоголосное пение, часто связанное с Обиходами Придворной капеллы или с переделанными композициями известных русских авторов. Однако потом, прислушавшись, Смоленский понял, что звучит это пение на Афоне совершенно иначе:

...Есть в здешнем пении какая-то живая струя, которая питает выносливость здешних певчих и придает их пению весьма значительную иногда оживленность. Я не представляю себе и не могу представить, как [иначе] могли бы певцы осиливать здешние службы, занимающие иногда

тийскую нотацию (до изменений ее в XI веке); во-вторых, выходит, что рассуждения о разных славянских нотациях в средневековый период не имеют под собой никаких оснований.

См. подробнее в переписке с А. В. Преображенским во второй книге VI тома РДМ.

комъ Стефаномъ и помѣщенной въ моемъ палеографическомъ сборникѣ греческихъ нотъ.

Στέρεω δὲ μὲ κύριε μόνε πολυέλεε.

Βραχίωνι ὑψιλῶ. λαὸν διεβώσας

Οἱ παῖδες ἐκράυαζόν. ἐν καμίνῳ.

Изъ ирмолога Есфигменскаго.

† ην πανήγυριν δήμερον. της ααλη

φορου βαρβαρας. δευτε λαο υμνησω

μεν. ταυτην γαρ ουτε χειρο ουτε

Изъ стихираря 999 года на Синаѣ.

Таковы старинныя ноты греческія. Не умѣю переложить ихъ на ноты наши, когда и сами греки не умѣютъ пѣть по нимъ, и начинаю говорить о пѣснотворцахъ, поименованныхъ въ есфигменскомъ ирмологѣ. Ихъ, какъ церковныхъ пѣнотвъ, знаетъ исторія церковнаго пѣнія, но не всѣхъ; да до сей поры и не пересчитывала она составленныхъ ими Ирмосовъ *нѣкоторыхъ*. Уже мнѣ, аѳонскому труженику, суждено угодить сему мало кому извѣстному искусству своими дополненіями. Аѳонъ надарилъ меня новостями. А я дарю ихъ всѣмъ неаѳонцамъ.

по 11, 12, даже и более часов в сутки? Здешнее «бдение» нисколько не умаляет других служб этих же суток. Между тем оно поется так же бодро, громко, энергично, как будто бы не было траты сил или не предстоит этой траты! После утомительных бдений, за которыми следуют вскоре трехчасовые литургии, я очень часто слышал вскоре же весьма оживленные спевки, на которых голоса и самый звук хора нисколько не звучали сколько-нибудь утомленно.

Что касается славянских монастырей, то в Хиландаре экспедиция на службе не была, а о службе в Зографе имеется следующая запись:

...Мы прослушали всю обедню от чтения часов до чина панагии в трапезе и до возвращения в храм игумена Григория, благословившего нас. <...> Пели — омерзительно гадко, гнусаво, неразборчиво в словах. Но греческие мелодии мне начинают нравиться с каждой службою все более и более, конечно, однако, кроме тех фиоритур, которыми уже от себя проявляют некоторые певцы как бы «высшее» искусство.

Смоленскому, сначала отнесшемуся настороженно к мелизматическому (калофоническому) греческому пению, потребовалось время, чтобы понять, какой красотой может быть подобное искусство в исполнении настоящих мастеров (таковым оказался архимандрит Хризостом в Лавре св. Афанасия). Калофонику впоследствии Смоленский оценил, но все же особенно его привлекал тот вид греческого пения, которое он назвал «уставным»:

Уставное пение, то есть народное, вековое, а не творение отдельных людей, вроде хотя бы и Кукузеля, есть именно грамматика искусства, необычайно скупая в даваемых средствах и видах внешнего своего выражения и в то же время необычайно богатая внутренним, художественным содержанием, дающим исполнителю широкий простор для извлечения из этих скупых по внешности средств и видов — величайшей красоты. Простота этого пения несравненна; приложимость данных форм к любым текстам безгранична; вдохновение певца рождает в них прямо неиссякаемые источники новой красоты, новых содержаний.

В связи с пением в афонских монастырях представляется интересным сравнить впечатления, полученные в 1906, с теми певческими впечатлениями, которые представлены в записках русских путешественников, посещавших Святую Гору в предшествующие десятилетия (следов

чтения таковых записок в материалах экспедиции нет, кроме «Странствий по святым местам Востока с 1723 по 1747 год» Василия Григоровича-Барского, читанных Смоленским на самом Афоне, в книге из библиотеки Пантелеимона).

В основе своей пение во всех афонских монастырях было греческим, однако по мере развития и укрепления славянских обитателей в это единообразное пение стали проникать иные веяния. В XVIII веке Григорович-Барский свидетельствовал, что на Афоне везде служат греческим чином, в том числе и русские, «а не тако, якоже вся инако творят в своей земли, на Русии».

В 1845 о. Порфирий Успенский так описывал греческое пение на всенощной в Ивере:

А начиная с глагола *отверзшу (аниксандос)* [предначинательного псалма] стал петь остальные стихи псалма первый певец Иверский, монах Порфирий, знаток своего дела, обладающий приятным и сильным тенором грудным. Он пел с большим искусством не в нос; и потому я слушал его с отменным удовольствием, несмотря на монотонность песнопения, которое от греческого глагола называется *аниксандариа*. Долго-долго голос его раздавался в церкви, то повышаясь, то понижаясь, но без наших нотных скачков, а союзно, *ligato* и мелодично. Старцы же все в один голос подпевали ему *униссоном*, не произнося слов, а только издавая один звук, один гул, соответственный ключевой ноте песнопения. Так подпевал и я и вместе чувствовал, что гораздо труднее издавать один ключевой звук, чем выводить верхние и нижние ноты, потому что прерывается дыхание. Тогда же я понял и то, что для униссонного подпеванья требуется множество голосов, дабы не прерывался гул их. Эта песнопевческая новость понравилась мне. Униссонный гул многих старцев подоился однообразному шуму Афонского моря.

После первой ектении началось пение первой кафизмы святой псалтири: *Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и проч.* с униссонным подпеваньем хора. Пели ее два певца, отец Максим, монах из Афоно-Кавсокаливского Скита и протопсалт из монастыря Афоно-Дохиарского: оба званные иверскими старцами ради праздника. Первый, родом болгарин, пел грудным баритоном, весьма хорошо и приятно, а второй, грек, пел тенором в нос, так крикливо, что на висках его жилы напрягались до толщи полмизинца. Сколько он надоедал мне таким несносным пением, столько потешал меня отец Максим своим отчетливым искусством. Что касается до псалтирной мелодии, какую я

слышал в этот раз, то она очень хороша и замечательна своею величественною простотою, не мешающею слушателям мыслить, чувствовать и возноситься горé к Богу в минуты пения. У нас нет ничего подобного. Я очень рад был слышать хорошее греческое пение на Афоне и переменял свое прежнее худое мнение о нем, которое составил себе, слышав дурных певцов в Одессе, Венеции, Иерусалиме, на Египте и на Синае, и даже вознамерился изучить греческую церковную музыку, которой ноты придумываются сочинителями ее соответственно трем главным способностям нашей души, уму, чувству и воле⁵⁷.

Параллельно можно привести описание того же раздела всенощной в Русике у архимандрита Антонина (Капустина), относящееся к июлю 1859:

В 6 часов прибыл в церковь Владыка [Иосиф, бывший епископ Варнский]. Служение началось сидением и молчанием на несколько минут. Потом происходило каждение в алтаре и, по возгласии диаконом слова *востаните*, — по всей церкви, также в течение нескольких минут. После другого возгласия: *Господи благослови*, Владыка благословил со своего места, и началось чтение предначинательного псалма скорое и предвещавшее по-видимому очень быстрый ход службы. Но на половине 28-го стиха псалма чтение прекратилось. Начались так называемые у певцов *Аноиксантиа*, то есть остальные слова стиха и остальные стихи псалма, поемые на оба хора попеременно. Первый хор, или лучше первого хора псалт, начал выводить слова: *отверзшу (аноиксантос) тебе руку* и проч., и он же кончил псалом через два часа потом. Певцы после каждого стиха переменялись, становясь потом, облитые потом, в ряд припевателей. Утомительное для поющих, утомительное для слушающих, утомительное для служащих, пение это выносилось сначала легко по своей новости, по бодрости еще сил и по догоравшему свету дня, позволявшему обозревать внутри церкви то те, то другие предметы в подкрепление молитвы, тогда как во всяком другом случае подобное занятие служит к расслаблению или и совершенному рассеянию ее. Все братия «стояли приседше» в своих стасидиях, а стоявшие посередине храма переминались с ноги на ногу. Во все это время овые поклонники приходили и прикладывались к иконе св. Великомученика, кладя на блюдо деньги на свечку⁵⁸.

⁵⁷ Цит. соч. С. 68—69.

⁵⁸ Архимандрит Антонин (Капустин). Заметки поклонника Святой Горы. Киев, 1864. С. 31.

Впечатления о. Порфирия и о. Антонина относятся к периоду, когда русские иноки, ранее рассеянные по разным обителям и каливам, уже начали собираться в Пантелеимоне, но еще не обрели самостоятельности.

Чуть ранее впервые попал на Афон Парфений (Агеев). Первым монастырем, который встретился ему на пути, был Хиландар, и служба там восхитила будущего инока:

Чтение и благочиние приводило меня в удивление: все правят со страхом и трепетом, благочинно, все по ряду, един другого пережидают. <...> На клиросе начали петь «Господи, воззвах к Тебе» и проч. протяженным и умиленным гласом, греческим напевом, весьма сладкогласно — все три псалма на глас, по стихам. <...> Стихиры все пели с канонархом; канонарх ходил с книгою с клироса на клирос, в одних чулках, для сбережения драгоценного пола, и низко поклонялся. Когда же сказал «Славу», тогда среди церкви остановился и сделал к царским вратам поклон. «Славник» пели на распев протяжно (С. 60—61; цит. по указ. изд.: М., 2008).

Пропутешествовав далее в Ильинский скит, где тогда преобладало малороссийское по происхождению монашество, Парфений обнаружил иную картину:

Вечерню правили по чину святогорскому, но нечто и по-русски; читали по-славянски; пели напевом киевским; все правили кротко и чинно и не борясь (С. 72).

В другой день, на празднике в Ильинском ските на утрени

наши великороссияне [пришедшие в гости в скит] стали по клиросам и составили прекрасные хора; и была утрени весьма торжественная... Напевом пели российских пустыней Софрониевой и Глинской. Продолжалась утрени пять часов... (С. 77).

На Благовещение Парфений ходил на праздник в греческий Ватопед,

где было великое стечение народу: монахов и мирских. И было торжество удивительное, то, что по всей Горе Афонской другого такого не бывает, а наипаче утешительно для русских и болгаров то, что поют и читают часть по-славянски, ибо управляют правым клиросом хиландарцы, болгары⁵⁹. <...> Собраны были из всей Горы Афонской добро-

⁵⁹ По своему основанию Хиландар был (и является сейчас) сербским монастырем, но в некоторые периоды там преобладали иноки болгарского происхождения.

гласные и ученые певцы. Было более ста иеромонахов и до пятидесяти диаконов. Диаконы все юные, яко ангели, и доброгласные; иеромонахи и иеродиаконы, более гости, со всей Горы Афонской собрались торжествовать праздник своей Назирательницы, Царицы Небесной; храм весь наполнен монахами, которых было более тысячи, и пели всю службу по нотам, нараспев, весьма протяжно. Продолжалось всенощное бдение семнадцать часов... (С. 105).

К эпохе первоначального становления русского Пантелеимона, к середине 1840-х, относятся прославившиеся на всю Россию «Письма Святогорца к друзьям своим о Святой Горе Афонской». Святогорец — псевдоним иеромонаха Сергия (Семена Веснина) — в 1843 впервые попал в Пантелеимон–Руссик и по благословию тогдашнего игумена мудрого старца-грека Герасима принял схимонашество. В это время служба русских монахов была уже отделена от службы монахов греческих и совершалась в параклисе (домовой церкви) Святителя Митрофана (большой храм во имя святого был построен позже), однако в торжественные дни греческая и русская части братии соединялись на литургии в соборе:

Как трогательно тогда бывает служение! Старцы разного племени и языка, как во дни апостольские, бывают единым стадом, под скромным предстоятельством маститого игумена как доброго пастыря. И в каком неизъяснимом трепете, в каком умильном чувстве тихого райского наслаждения волнуется сердце, когда среди гармонически-скромных звуков монотонного греческого напева хорально и торжественно огласит высокие своды храма русское пение!.. Искренне признаю, что это бесподобно!..⁶⁰

Описывая празднование Пасхи в Руссике в 1844 Святогорец замечает:

Кончилась полунощница греческая... И весь собор священных лиц в сопутствовании игумена тронулся в притвор при пении «Воскресение Твое, Христе Спасе...» <...> Наконец «Христос анести!» — хотя монотонно, но торжественно отозвалось в притворе... <...> Моя радость довершилась, когда среди греческих томных напевов хорально раздалось на родном моем русском языке: «Христос воскрес!»

При начале Пасхального канона... мы ушли в свой храм и там распевали канон Пасхи вполне по-русски, а христосоваться ходили в собор, где дослушали и окончание светлой утрени (С. 85).

⁶⁰ Письма Святогорца к друзьям своим о Святой Горе Афонской. М., 2002. С. 50.

Святогорец много и проникновенно пишет о любви, связывающей русскую и греческую братию в Пантелеимоне, об их единстве в иноческом делании. Однако греческое пение все же было для него неким «камнем преткновения»; например:

Пение греческое монотонно, скучно и не имеет ни гармонии, ни мелодических переливов. Трудно поверить, что нынешнее пение перешло к грекам из отдаленной христианской древности; что наши русские послы Владимировы, пленяясь, как ангельским, греческим пением в Константинополе, при Патриаршем служении, слышали в нем тяжелые переходы и вялые переливы нынешнего греческого напева.

Справедливость того, что древнее восточное пение было не то, что ныне у греков, подтверждается частью и старинными русскими и болгарскими напевами, полными живого чувства и религиозного духа, которыми так отличался всегда православный Восток (С. 191—192).

При всем том из писем Святогорца очевидно, что в разных монастырях при совершении службы русскими иеромонахами русские пели на славянском языке, но «по греческому напеву». Что же касается инока Парфения, то ему (как и архимандриту Порфирию) греческое пение оказалось близко и понятно — скорее всего потому, что по рождению Парфений был старообрядцем, то есть привык к монодическому стилю пения, а затем жил в молдавских скитах, где службу правили часто по афонским образцам.

В 1850 году Афон посетил впервые Андрей Николаевич Муравьев — крупный общественно-церковный деятель, плодовитый писатель, впоследствии много содействовавший укреплению русских обителей Святой Горы (в частности, став усерднейшим ктиторм знаменитого впоследствии Андреевского скита). Муравьев был большим знатком и ценителем уставной службы и поэтому довольно подробно описал службы в разных монастырях. Так, он присутствовал на праздничном всенощном бдении в Ивере, где был поражен как длительностью службы, так и манерой исполнения:

Архиерей стоял в мантии на кафедре и прочел начальный псалом: «Благослови душе моя Господа», который вслед за тем стали петь постепенно на крилосе, и пели ровно час и три четверти. <...> Лучший певец всего Афона, родом молдаван, вызванный из монастыря Ватопедского, пел один, голосом довольно приятным в некоторых тонах, но таким образом, что каждый слог, не только каждое слово, тянул по несколько минут, а когда недоставало слов, то дополнял звуками; некоторые греки,

защищая такого рода пение крюками старых нот, уверяют будто есть таинственное значение в сих звуках; скажу только, что пение было для меня чрезвычайно утомительным, хотя оно не утомляло певцов, потому что они передавали друг другу книгу и выходили для отдыха⁶¹.

К своему удивлению, Муравьев нашел примерно такое же пение, хотя и на церковнославянском языке, в Хиландаре:

...Я ожидал более от Славянского пения и признаюсь неприятно был удивлен, когда при монотонном напеве в нос нельзя было даже различать слов Славянских от Греческих...⁶²

Похожую картину он наблюдал и в Зографе, но здесь Муравьев имел также интересную беседу с 90-летним старцем болгариним о. Викентием, который знал русский язык и бывал в России. Муравьев спросил старца:

...как может ухо его переносить такие несвойственные Славянскому языку звуки, тем более что есть собственно Болгарские напевы, весьма приятные? Он отвечал, что давно об этом сокрушается и старался ввести в своей обители, но не в силах...⁶³

Это признание свидетельствует, что, во-первых, Муравьев хорошо знал болгарский распев по русской церковно-певческой практике, а во-вторых, что идея Николова и Смоленского касательно введения в службу (в том числе в Зографе) «найденного» ими болгарского распева была во-все не нова.

Утешился путешественник только в Пантелеимоне — «стройности богослужения Русского», при котором бдение «не утомительно, по ясному чтению и хорошему напеву», надо понимать — напеву русскому.

Самые тонкие и подробные наблюдения над пением в афонских монастырях в середине XIX столетия (а в ряде случаев — и над афонскими библиотеками в это время) принадлежат, несомненно, талантливейшему русскому духовному писателю, историку и археологу архимандриту Антонину (Капустину), который, будучи сначала настоятелем посольских русских церквей в Афинах и Константинополе, а затем начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме, неоднократно посещал Афон и находился

⁶¹ Муравьев А. Н. Письма с Востока в 1849—1850 годах. СПб., 1851. С. 176.

⁶² Там же. С. 233.

⁶³ Там же. С. 256.

в тесном дружеском общении с афонским иночеством (особенно с русским в Пантелеимоне). Вообще архимандрит Антонин считал «совокупное пребывание греков с русскими на Афоне» «весьма полезным для всего русского иночества», «незаменимым ничем». Он был убежденным «эллинофилом», превосходно знал греческий язык и церковный устав. Тем не менее, по поводу пения на Афоне и у него возникали недоуменные вопросы. Так, посетив в 1859 службу в сербско-болгарском Хиландаре, он писал:

Мне желательно было видеть и слышать южнославянское богослужение во всей его беспримесной и бесприкрасной, кирилло-мефодиевской верности греческому образцу, в его первоначальной, так сказать, еще прививке к новой стихии православного мира. Мне живо памятно было, как за два года перед сим в вертепе вифлеемском нам пропели греческим напевом тропарь Рождества Христова по-славянски и уверяли притом, что так именно поют его и в Болгарии, и в Сербии. Я не имел причин усомниться в том, но, по слабости, желал увериться. Теперь я убедился, что это так. Слушая за утреней родные звуки славянские, облеченные в формы греческого пения, я попеременно то досадовал на него, уступая голосу привычки слышать их в одной известной форме, то услаждался им, *помышляя те времена, в кои славянские церкви лепетали молитву свою еще под говор своей матери*, старческий голос которой хотя и трудно применялся к звонкому и резвому языку дитяти, но был любим им по чувству привязанности к матери. Теперь он, конечно, любим тоже, но уже по другому чувству — по привязанности к себе самому, к своим привычкам, к своему прошедшему. Конечно, только этим чувством можно объяснить пристрастие южно-славянских племен к своему церковному пению и предпочтение его нашему, высказываемое ими ясно и гласно⁶⁴.

Свои наблюдения архимандрит продолжил в болгарском Зографе:

Не мало я дивился искусству, с которым подведены под греческие ноты наши стихиры и тропари, — дело, казавшееся мне всегда весьма трудным и просто невозможным (С. 325).

На всенощной в Ильинском ските архимандрит

ожидал услышать в обители, составленной исключительно из малороссиян, чудные напевы Печерской Лавры, столь пригодные для пустынножителей Афона и для их продолжительных богослужений.

⁶⁴ Архимандрит Антонин (Капустин). Заметки поклонника Святой Горы. Киев, 1864. С. 307.

Но вместо них услышал другие, изобретенные по-видимому на месте — величественные, но не столь умильные (С. 74).

Наконец, в румынском Св. Павле он обнаружил

строгое следование греческому порядку, без малейших отступлений в пользу особенностей языка и народности. От того можно совершенно забываться и воображать себя между греками. Но изредка слышимые славянские звуки обличали хотя того же плана, но не ту же постройку. И что за чудная смесь! Слышится как будто: Кирие элейсон, а различается: *Domine* милуэшти. Как сочетались между собою *Dominus* и *милую?* (С. 216).

Что касается собственно греческого пения, и именно пения калофонического (мелизматического), то, прослушав на литургии в Св. Павле одного «славного на всю Св. Гору псалта», о. Антонин сделал следующее наблюдение:

Он пел, в утешение наше, одно из самых трудных музыкальных сложений *песни херувимской*, но не только не пленил сердечного слуха моего, а напротив еще более заставил меня пожелать, чтобы новый кукузель изыскал и новые способы умилить душу, отыскав их не в книгах и не в своей душе, уже привыкшей судить и чувствовать по книгам, а в глубине народного чувства, в изливаниях его чистой, бесстрастной скорби по лучшем бытии, как удалось нам отыскать наши *8 гласов*, чистых, возвышенных и трогающих, и улаждающих, и печалющих, и восторгающих дух, столько же своею меною звуков, тонов и темпов, сколько и содержащаяся в словах песни мыслью (С. 218).

Сердце архимандрита Антонина явно склонялось в сторону пения русского, которое он и услышал на всенощной в Руссике — причем в сочетании с пением греческим. Вечерня в соборе св. Пантелеимона в 1859 совершалась по-гречески:

По возвращении в храм [после литии] бегло пелись стихиры и читалось *Ныне отпущаеши* и проч. Так же скоро пет был тропарь святому, но пение тропаря *Богородице Дево радуйся* растянулось на целый час. Его пели на два хора попеременно, сначала — слова два из самой песни, а потом — одни выводы голоса или трель [от греч. *трела*], причем иногда одно слово растягивалось минут на пять и более, чего я не счел бы возможным, если бы не был самослышцем. Последняя эта

песнь вечерни служит достойным ее завершением. Она так ухищренно составлена, что я не в состоянии дать о ней какое бы то ни было понятие. Благословение хлебов совершено было самим Владыкою. Вслед затем чуть ли не все свечи были потушены, и началось *чтение*. Русское братство отправилось в свою церковь продолжать бдение; за ним последовал и я. Была половина 12-го часа ночи.

Утомленное не столько бдением, сколько усилием следить за греческим пением, молитвенное чувство ободрилось при сладких звуках родного богослужения. Впечатление глубокое и, думаю, неизгладимое в душе моей оставило чудное пение, неожиданно встреченное мною за пределами отечества и достойное, по моему мнению, быть образцом для него. Я весьма далек от преувеличения. Кто имел случай слышать оное, равно как и видеть всю пленительную стройность, чинность и благоговейность богослужения нашего афонского братства, тот, подобно мне, не может холодно говорить о нем. Я все как бы еще слышу эти чистые, высокие голоса, свободные и естественные, без всякого напряжения, без манерности, без страстности, без игривости, — это неспешное, благоговейное внимание хора к словам канонарха, — это ловимое сердцем и износимое из сердца, как хвала или как молитва, повторение их, в коем слышались и единозвучие механической музыки и многогласие живых отдельных песенных органов. Заученный раз и обратившийся в закон для каждого отдельного голоса, прием песенный делает то, что все, что ни поется, поется одинаково стройно. Самые простые напевы нашего осмогласника получают при этом пении выразительность, силу и приятность, которых напрасно ищешь в обыкновенном пении по обиходу. Особенно трогательными кажутся гласы 1, 4 и 5. Невыразимо сладким чувством падает на душу напев 4-го гласа своим мольным ниспаданием голосов в третьем колене. Такого видоизменения гласового напева я до сих пор не слышал. Подобно пению и чтение отличалось точностию, правильностию и выразительностию. Кроме чтения псалтиря было в течение утрени и пять собственно «чтений» поучительных: перед шестопсалмием, после первой и после второй кафизмы, после третьей и после седьмой песни канона. Во время их все садились, тогда как во время чтения кафизм только «приседали». *Полиелей* начался пением двух первых псалмов 18-й кафизмы напевом живым и веселым, способным отогнать всякую сонливость от истомленных молитвенников. По окончании пения собор священников вышел из алтаря на средину церкви пред икону великомученика. Всем братьям розданы были свечи, и пет был *псалом избранный* в честь святого, к каждому стиху которого припевалось, по русскому обычаю, *величание*, неизвестное в греческой Церкви. После седальна и эктении священники возвратились в алтарь и разоблачились — по уставу.

Остальную часть полиелея, то есть чтение Евангелия и проч. совершил уже один чередный священник — тоже по уставу. <...>

Утренняя окончилась в 5 часов утра. Между тем из собора еще продолжали раздаваться те же резкие, крикливые и не подчиняющиеся никакому такту звуки одинокого пения, не раз заставлявшие меня желать хоть на один час быть греком, чтобы восчувствовать их красоту и привлекательность; затем на русской половине кто хотел отдыхал, а без сомнения немало было таких, которые, не хотя отставать от греков, немедленно отправились в собор и продолжали непрерывное бдение, наполняя промежуток времени между утренней и обедней молебном с водосвятием и крестным ходом, чтобы получить потом вящую мзду от своей совести (С. 34—35)⁶⁵.

Это описание русского афонского пения многое говорит уму и сердцу и в то же время словно бы расходится с впечатлениями членов экспедиции и некоторыми другими, более поздними, чем о. Антонина, свидетельствами. Так, студент Киевской Духовной академии Авксентий Стадницкий (в будущем — митрополит Арсений Новгородский, один из кандидатов при выборе патриарха в 1917, строгий блюститель и знаток уставной службы и пения) писал в дневнике своей поездки на Афон в 1883 с категоричностью, присущей очень молодым людям:

Сегодня я был на торжественном богослужении в соборной церкви святого Пантелеимона, где в сослужении многих иноков и [настоятеля] о. Макария служил греческий епископ Амфилохий. Мне, как певчему и любителю пения, интересно было послушать пение монахов. Здесь два хора, или один хор на два клироса. Оба хора поют худо довольно; первых голосов почти нет; басы хороши и злоупотребляют своим превосходством, так что других голосов почти не слышно. Регент — из монахов же — самоучка, но, надо отдать справедливость, невежда в пении. Меня удивило то, что здесь весьма мало понимают ноты, а берутся за пение сочинений классических писателей, как, например, концертов Бортнянского... Я ожидал, что здесь встречу старинные напевы, как, например, в Киевской лавре, но горько ошибся; я услышал и почти не узнал — так

⁶⁵ В дополнение к свидетельствам об отношении русских паломников XIX века к греческому пению на Афоне можно привести относящееся уже к 1890-м годам парадоксальное высказывание приятеля Смоленского — солунского русского консула И. С. Ястребова, который утверждал: непризнание греками русского современного иконописания и пения говорит, что у греков «еще несколько не развилось чувство изящного» (см.: Герд Л. А. Русский Афон 1878—1914 гг. Очерки церковно-политической истории. М., 2010. С. 31).

были искажены невежественными певчими произведения Турчанинова, Бортнянского, в самом безобразном виде⁶⁶.

И еще (вполне «совпадая» со строками из Афонского дневника):

Целую ночь совершалось бдение. Через сон доносилось до меня хоровое пение русских иноков, поющих в церкви Покрова Богородицы, и однообразное заунывное пение иноков-греков при соборной церкви св. Пантелеимона (С. 200).

Он же свидетельствует о пении в Молдавском ските:

Богослужение здесь всегда совершается на молдавском языке. Напев греческий — ужас как мне не нравится! Один поет — причем гласную какую-нибудь тянет около четверти часа, а другие гудетели в нос аккомпанируют ему. Хотя надо сказать, что запевалы их прекрасно пели, так что под конец литургии я свыкся с их пением (С. 171).

К сожалению, в 1900, когда епископ Арсений вновь посетил Афон, впечатления от пения почти не отразились в его дневнике, он отметил только относительно Пантелеимона:

Пели удовлетворительно, но, к сожалению, заметно стремление к партесам... (С. 406).

Кто был прав в оценке афонского «русского» пения — архимандрит Антонин, поставивший его в образец всей России, или владыка Арсений и Смоленский, отнесшиеся к пантелеимоновскому пению критически? Может быть, вопрос, отчасти, в том, что было объектом сравнения — для о. Антонина, давно уехавшего из России, очевидно, церковное пение эпохи 1840-х, хотя он хорошо знал и традицию Киево-Печерской лавры; для Смоленского, вероятно, пение Синодального хора и Придворной капеллы, лучших монастырских хоров столиц. Но показательно, что оба критически настроенных мемуариста высказались далеко не однозначно. Так, молодой Стадницкий, недовольный склонностью к партесам, отметил пение на Чине Панагии в Пантелеимоне:

Наконец по удару колокольчика все встали и начали торжественное и громогласное пение «Достойно есть». Все умеющие петь принимали

⁶⁶ Митрополит Арсений (Стадницкий). Дневник. Т. 1. М., 2006. С. 141—142.

участие в пении, так что выходило действительно величественно. Само по себе «Достойно есть» прекрасного напева; подобного напева я нигде не слышал и, кажется, нигде больше не услышу, так как оно самобытное афонское произведение (С. 437).

Смоленский, судя по дневниковым записям во многом недовольный пантелеимоновским пением (путаница в гласах, переделки известных сочинений и проч.), сделал, однако, в очерках для «Русской музыкальной газеты», написанных в последние дни пребывания на Афоне, совсем иные выводы, неожиданно сойдясь именно с архимандритом Антонином:

По-русски в Пантелеимоне поют по-своему хорошо, в Андреевском скиту — лучше, в Ильинском, как слышно — еще лучше. «Монастырский хор» есть мужской «с альтами», или, лучше сказать, с невообразимо высокими тенорами либо людьми, владеющими сильной звучной фистулой. От такого голосового состава здесь все «переложено» и в таком виде звучит иногда весьма непривычно для приезжего. Параллельных квинт и октав — полное изобилие, как и тех наивных гармоний, которые уже редко слышатся повсюду. Сказанного достаточно, чтобы судить об уровне пения в Руссике. Голоса, особенно басы, конечно, очень звучны, теноры — очень сильны и ясны. <...>

...В целом ряде песнопений, очевидно наиболее любимых и твердо выученных, здесь слышится нечто такое, что я слышал когда-то только в пении монахов Киево-Печерской лавры. Там также изобилие квинт и октав, но слушателя пробирает какое-то особенное возбуждение, одушевление, какая-то особенная теплота. Здешние афонские монахи поют изумительно много и, очевидно, очень любят пение. <...> В громадном репертуаре этих певцов я слышал множество гармонизаций и композиций, совершенно не исполняемых в России, но оказавшихся мне памятными по занятиям над хоровыми рукописями XVIII века. Может быть, именно афонское уединение способствовало тому, что эти старые вдохновения уцелели и до сих пор вдохновляют молящихся. Но несмотря на всю их наивность, высокую подчас оригинальность, я не могу не преклониться перед многими из таких сочинений, глубоко искренних, глубоко молитвенных и потому глубоко трогательных.

Конечно, в этом отзыве чувствуется и дипломатический мотив (не обидеть новых афонских знакомых, которых Степан Васильевич искренно полюбил), но вряд ли бы он стал сильно кривить душой в своих столь искренних путевых очерках.

К истокам хорового пения в русском монастыре мы обратимся далее; в комментариях к Дневнику приводятся также отзывы о русском афонском пении, относящиеся к периоду после 1917 года. Закljučая же сейчас обзор певческих впечатлений паломников, хотелось бы снова обратиться к выводам архимандрита Антонина.

Смутившись было греческим пением со славянскими или румынскими «подтекстовками», он рассуждал так (продолжим прерванную ранее цитату):

Слышится как будто: Кирие элейсон, а различается: Domine милуэшти. Как сочетались между собою Dominus и *милую*? Слушая подобные необычайности, сначала чудисься, а потом восторгаешься духом, вразумляясь, как бы против воли, во вселенское значение Христовой Церкви — единого стада Единого Пастыря! Многих соотчичей пленяет и радует, когда они слышат родное слово в устах чуждого народа, и в частности — в богослужении румынов. Отрешимся от детского тщеславия. Пусть слово наше не слышится там, где оно не понимается. Пусть вместо него слышится лучше, не менее *наше*, православие — общее нам со всеми другими народами единой, святой, соборной и апостольской Церкви! (С. 217).

Мысли о единстве православия привели о. Антонина к важным мыслям о происхождении русского церковного пения в разных его видах:

Пели ли и мы когда-нибудь, в первые христианские времена России, по-гречески? Если пели, то когда и как мы решились оставить греческое пение? Кто изобрел и откуда взял нынешние наши тропарные и стихирные напевы (гласы)? Выражают ли они собою (в чем, как и на сколько?) каждый соответствующий ему греческий? Находятся ли они между собою в тех же (или хотя подобных) музыкальных отношениях, как и греческие? Вопросы эти, всегда меня занимавшие, теперь имели как бы законный повод возникнуть в душе.

Но где удовлетворительный ответ на них? Знаем ли мы греческое пение — не то, которое *напрасно указывается под именем греческого напева в обиходах наших*, а то, которое слышится в церквах греческих, — чтобы сличить его с нашим? Не усомнюсь сказать, что не знаем, и едва ли будет несправедливостию прибавить, что и узнать не думаем. А между тем предмет стоит самого близкого ознакомления. Известное из летописей наше *трисоставное* или *троестроичное* древнейшее пение церковное должно быть выяснено нами и восстановлено если не для

употребления церковного, то для ученой кафедры. Пока дело делается, да будет позволено предположить, что средняя, главная *строка* нашего трисоставного пения составляла самый вывод песни (мелодию, соло), нижняя — подпев ему в основной тон выводимых нот (iоо, унисон), верхняя — тот же подпев в верхнюю октаву унисона.

Желательно ли слышать образчик трисоставного пения, не отправляясь для того в Грецию? Послушайте малороссийского кобзаря. Мне, стоящему теперь здесь в церкви и слушающему болгарское пение, стоило только закрыть глаза, чтобы пришел на мысль малороссианин с его однотонным, душевным пением, подпеваемым унисоном его лиры. Но допустив это церковно-песенное родство Болгарии с Малороссией, чьему родству с Болгарией припишем мы *те превосходные напевы, которые в нашем обиходе надписываются именем болгарских и болгарам совершенно неизвестны?* Я осведомлялся о них у болгар, но в ответ получил, что все болгарское пение есть чистый снимок с греческого, и если означенных напевов нет у греков, они не могут быть и болгарскими (С. 326—327).

Таким образом, о. Антонин еще на рубеже 1860-х сделал выводы, к которым приходят ныне ученые-медиевисты. Во-первых, он отчетливо сформулировал, что греческий роспев в русских певческих рукописях никак не сходен с настоящим греческим пением⁶⁷. Во-вторых, он указал на родство болгарского роспева в русских рукописях с «малороссийским», или «киевским» роспевом, с чем столкнулся и Николов в своих поисках истинного болгарского пения: сейчас известно, что надписания роспевов «болгарский» и «киевский» часто взаимозаменяются. Более подробный комментарий к этой проблеме будет дан ниже. Здесь же отметим, что из всего спектра приведенных высказываний вытекают два вывода: во-первых, что с умножением русского иночества на Афоне доля «русского пения» становилась все более весомой; во-вторых, что Афон в смысле певческом был землей, на которой встречались и взаимодействовали разные традиции: ведь не мог на самом деле, например, русский инок, принимая постоянное участие в службах по-гречески, не воспринимать, хотя бы и невольно, склад греческого пения или склад пения, скажем, в малороссийской или болгарской обители. В еще более крупных размерах такое взаимодействие происходило в метохах (имениях) афонских

⁶⁷ Исключением является особый пласт песнопений в южно-русских Ирмологиях, имеющий связь с греческой калофоникой; в центральной России песнопения такого стиля не получили широкого распространения (подробнее см. далее).

монастырей, расположенных в Молдавии и на юге России, в монастырях, основанных и частично населенных выходцами с Афона. Современные ученые подтверждают, что именно там — родина так называемых поздних роспевов Русской Церкви: киевского, болгарского, греческого.

Св. Пантелеимон

«Базой» экспедиции стал единственный русский *монастырь* Св. Горы — Пантелеимон: там она провела большую часть времени; там участники экспедиции встретились с замечательными людьми, о которых Смоленский пишет в Дневнике с почтением и с любовью.

История Пантелеимона как новой русской обители насчитывала к тому времени около шести десятилетий; она подробно изложена в разных источниках. Например, многократно у А. А. Дмитриевского, в том числе кратко в одной из его работ:

Если верить довольно смутному преданию о посещении Св. Горы [киевео]-печерским подвижником Антонием, то начало наших сношений с Афоном теряется в глубине первых годов нашей христианской истории. <...> На некоторое время в период татарского владычества они прерваны были, но потом снова возобновились, и гораздо с большею интенсивностью, чем ранее. Особенного оживления наши сношения с Афонскою Горю достигли после падения Константинополя. В течение XVI, а особенно XVII столетий афонские иноки разных монастырей были, можно сказать, безвыездными гостями в пределах русского государства. Не прекращались визиты этих гостей, хотя и не были так часты, как прежде, в течение XVIII столетия. Во все это время греческий народ вообще и монахи Афонской Горы в частности расточали по адресу России и русского народа самые нежные и пламенные чувства любви и благодарности как к своим исконным и щедродательным благотворителям и благодетелям и могущественным защитникам и покровителям пред грозною силою османских турок, под тяжким игом которых находился этот свободолюбивый народ с 1453 года⁶⁸.

Далее Дмитриевский отмечает «ухудшение добрых отношений» после образования самостоятельного Греческого королевства в 1832, затем после болгарской «схизмы» и спора о бессарабских имениях греческих афонских монастырей (дело в том, что русское правительство взяло

⁶⁸ Дмитриевский А. А. Иоанно-Богословский монастырь на о. Патмос // Труды Киевской Духовной академии. Киев, 1892, ноябрь. С. 383—384.

на себя управление монастырскими имуществами в завоеванной Бессарабии, выплачивая при этом около $\frac{7}{8}$ прибыли монастырям, но лишив их права распоряжаться в имениях). На таком политическом фоне начался с 1840 «весьма значительный прилив на Афон русских иноков и возрастающее мало-помалу превосходство численное, материальное и даже нравственное русских иноков в Пантелеимоновском монастыре...». В первой половине 1870-х состоялся судебный процесс по поводу права пребывания русских на Афоне вообще и в Пантелеимоне в частности. Процесс был выигран и благодаря энергии русских иноков, и благодаря «сильной поддержке могущественного в ту пору нашего посла при Оттоманской Порте графа Н. П. Игнатьева».

Однако подобные сведения не объясняют того расцвета духовной жизни, которым и был обусловлен стремительный рост Пантелеимона.

Обратимся к свидетельству Константина Леонтьева, который, попав на Афон в начале 1870-х, застал «золотое время» монастыря. Его изложение исторических событий и ярче, и вернее, поскольку написано под живым впечатлением от Пантелеимона:

Греческий монастырь св. Пантелеимона беден, разорился до того, что у монахов, наконец, нет ни бобов, ни чечевицы, скоро не будет хлеба. Протат официально объявляет его банкротом (речь идет о 1840-х годах. — М. Р.).

Игумен вспоминает про одного сурового и умного иеродиакона, русского, из Старого Оскола, который живет на Афоне у моря, в пустынной келье и в безмолвии молится и разводит цветы. «Он принесет нам благословение», — говорят греки. Зовут его. Он соглашается. Сам он не так богат; но он мужествен, ума необычайного, он музыкант, он иконописец, он строитель, он богослов хороший, стал иеромонахом, он Церкви подвижник стал неутомимый, он исповедник тонкости и опыта редких.

Вслед за его поселением монастырь наполняется русскими, монастырь строится, богатеет, цветет; воздвигается собор в строгом греческом вкусе, обрабатываются запущенные хутора в окрестностях, вырастают снова порубленные от бедности леса; люди просвещенного общества (русские, конечно...) находят отраду в его беседе и уезжают с Афона примиренные с монашеством.

Когда эти русские миряне чего-нибудь не понимают на Афоне и осуждают что-нибудь византийское у греков, отец Иероним обличает их односторонность или слишком французское, модное понимание христианства, которое должно быть милостиво, но должно быть и грозно по духу самого Евангелия.

Русский светский человек уезжает, поняв лучше афонских греков и ценя их древнюю суровость...⁶⁹

Речь идет о духовнике русского Пантелеимона — отце Иерониме (Иоанникии Соломенцеве; 1803—1885). Позже, после кончины о. Иеронима, Леонтьев писал о нем как о «великом человеке с великою думою и необычайным умом»:

Твердый, непоколебимый, бесстрашный и предприимчивый; смелый и осторожный в одно и то же время; глубокий идеалист и деловой донельзя; физически столь же сильный, как и духовно; собою еще и в преклонные годы поразительно красивый, о. Иероним без труда подчинял себе людей, и даже я замечал, что на тех, которые сами были выше умственно и нравственно, он влиял еще сильнее, чем на людей обыкновенных...⁷⁰

Константина Леонтьева о. Иероним буквально спас от смерти. Но точно такое же впечатление производил он на всех знавших его. Инок Парфений, которого послал к о. Иерониму, тогда еще Иоанникию, его духовник, описывает красивую келью на горе, откуда «видна половина Горы Афонской и сам Афон весь открыт», с «великим садом с масличными деревьями, виноградом и прочими садовыми деревьями», и ее хозяина, «великого и ученого мужа, во внешней и в духовной премудрости искусного»:

Хотя и я много читал книг, но против него — как капля против моря... Он весьма был кроток и снисходителен, мог все немощи наши нести так, что я во всю жизнь моего такого кроткого и терпеливого не видал; и во всех добродетелях совершен был; не словом учил, но во всем делом показывал... и такую имел силу в слове, что хотя бы кто был каменный сердцем, и того мог уговорить и в слезы привести, и всякого мог увещать и наставить на истинный путь. <...> Росту был высоко-среднего, волосы длинные, светло-русые, борода длинная и широкая, русая, лицом чист и бел, и всегда весел, взгляд самый приятный, но весьма бледен и худощав — от великих подвигов и от слабого здоровья...⁷¹

Именно тогда, когда о. Иоанникий (будущий Иероним) по властному требованию духовника русских иноков о. Арсения (и вопреки собствен-

⁶⁹ Леонтьев Константин. Панславизм на Афоне // Византия и славянство. С. 82—83.

⁷⁰ Цит. по: Константин Леонтьев. Избранные письма. СПб., 1999. С. 102—103.

⁷¹ Инок Парфений (Агеев). Странствия... С. 103—104.

ной воле) вошел в Пантелеимонов монастырь, его духовный авторитет выстроил всю жизнь там.

Вскоре у него появился замечательный помощник и в будущем первый русский настоятель Пантелеимона — о. Макарий (Михаил Иванович Сушкин; 1821—1889), чью биографию Леонтьев излагает таким образом:

Приезжает на Афон, на поклонение богатый купеческий сын; он и дома был мистик и колебался давно, что предпочесть: клобук и рясу или балы, театры, трактиры, торговлю и красивую добрую жену? Он заболел на Афоне; он умоляет грека-игумена и русского духовника постричь его хоть перед смертью... Игумен и духовник колеблются, добросовестность их опасается обвинения в иезуитизме... Молодой человек в отчаянии, положение его хуже, жизнь его в опасности... Его наконец постригают. Он выздоравливает, он иеродиакон, иеромонах, архимандрит; он служит каждый день литургию, он исповедует с утра до вечера, он везде — у всенощной, на муле, на горах, на лодке в бурную погоду; он спит по *три* часа в сутки... он в трапезе каждый день ест самые плохие постные блюда, он, которого отец и братья миллионеры; его доброту, ум и щедрость выхваляют даже недруги его, греки советуются с ним, идут к нему за помощью...⁷²

Позже Леонтьев писал:

Это был великий, истинный подвижник и телесный и духовный, достойный древних времен монашества, и вместе с тем вполне современный, живой, привлекательный, скажу даже, в некоторых случаях почти светский человек в самом хорошем смысле этого слова, то есть с виду изящный, любезный, веселый и обходительный⁷³.

Приведем также относящееся к 1881 свидетельство об о. Макарии никак ранее не связанного с Пантелеимоном Н. Н. Страхова:

Его вид и речи, и движения пленили меня с первого взгляда, так пленили, что я не пропускал ни одного его слова, что старался быть во время службы в церквах, где он служил, и с глубокой отрадою вслушивался в его возгласы. А видеть его вне церкви мне удалось все-таки только три или четыре раза. Но он поразил меня и красотой своего лица и голоса, и вместе простотою, живостью и безмятежною добротою во

⁷² Леонтьев Константин. Панславизм на Афоне. С. 83—84.

⁷³ Константин Леонтьев. Избранные письма. С. 103.

всяком своем движении. <...> Он не улыбался, но на лице была, так сказать, постоянная готовность к улыбке. Речь его не имела и тени книжности или, вообще, той искусственности, проповеднической приподнятости или молитвенной размягченности, которая часто свойственна духовным особам. Это была краткая, простая, всегда оживленная речь. И он беспрестанно шутил, он в каждом предмете находил веселую сторону, как бы отнимал серьезное значение у трудов, которые сам нес, и у всяких хороших и дурных житейских случаев, о которых заходила речь. Во всем монастыре, казалось, никто не чувствовал себя так легко и беззаботно, как этот игумен, тогда как никто не был так обременен, так ежеминутно поглощен занятиями, как он. Монахи благоговели перед тем высоким примером, который он подавал им собою. Никто в такой строгости не исполнял всех молитвенных упражнений; «он, как свеча, горит перед нами», говорили монахи. А остальное время было все занято управлением монастырем. <...>

Но отчего же весь его вид имел в себе при этом нечто величавое и вместе совершенно простое, а во время служения — глубоко благоговейное? Отчего его чтение и возгласы из алтаря не только были чужды машинальности, но звучали сердечным благочестием? Этого нельзя рассказать и объяснить словами⁷⁴.

Когда инок Парфений (сам уже настоятель монастыря под Москвой) в 1870 прибыл в Пантелеимон после 24-летнего пребывания в России, он был до глубины души изумлен:

...Какая во всем перемена! Я оставил — было только двадцать человек русских, некому было ни читать, ни петь, а теперь более четырехсот русских... Повели меня в церковь Покровскую, которая выстроена после меня. Я, взошедши, удивился ее пространству и красоте. <...> Фондарик [архондарик] прекрасно убранный и просторный... (С. 150—151).

В 1888 цитированный выше П. Б. Мансуров снова писал об особенной атмосфере Пантелеимона:

Это достигается не послаблениями, а наиболее строгим из афонских уставов, то есть не говоря о посте, систематической, кажется, борьбою против сна; так, сам я стоял бдение, продолжавшееся более

⁷⁴ Страхов Н. Н. Воспоминания о поездке на Афон (1881) // Цит. по сайту <http://agion-oros.orthodoxy.ru>.

10 часов, и затем после промежутка в два с половиной часа Литургию... При таком страшном напряжении я заметил то, что считают самым высшим отличием монастыря, это общее светлое настроение братии. Все это создано трудами двух лиц... два года тому назад скончавшимся о. Иеронимом... и настоятелем архимандритом Макарием; с этим я познакомился и могу сказать, что первый раз чувствовал себя в обществе великого человека... При безграничной, но, конечно, лишь на моральном авторитете основанной власти полное отсутствие внешней формы проявления этой власти...⁷⁵

Руководители Пантелеимона понимали, что главная задача состоит в воспитании братии, деятелей, которые будут трудиться для России, но, как правило, вне русского мира. О. Иероним, сам прекрасно владея греческим, составил для своих иноков специальный «Русско-греческий словарь» типа разговорника и напечатал его в монастырской типографии. Для изучения турецкого языка он отправлял способных молодых иноков в Константинополь, где они занимались с нанятыми учителями. Из поколения этой молодежи вышли те, кого встретила Афонская экспедиция в Пантелеимоне: библиотекарь о. Матфей, духовник о. Агафодор, гостинник о. Пимен.

Как о. Иероним, так потом и о. Макарий старались некоторым из братии, более способным и чувствующим любовь к науке, давать настоящее школьное образование. После всестороннего искуса на разных послушаниях, начиная с мытья тарелок, чистки картофеля на общевойсковой трапезе, ношения камней, исполнения обязанностей погонщика мулов, караульщика винограда и огородов, двадцатилетние юноши, крестьяне и мещане, отправляются на Карею [в монашескую школу] и там засаживаются за греческий букварь. <...> Эти русские ученики наравне с учениками греками прослушивают полный гимназический курс... под руководством опытных дидаскалов, свободно слушают лекции на новогреческом языке, легко переводят Аристотеля, Платона и читают бегло творения святых отцов... и иногда в успехах даже превосходят своих сверстников природных греков⁷⁶.

Самых одаренных посылали учиться и в другие города и страны. Так, антипросоп (представитель) Пантелеимона в Протате о. Нафанаил, родом из Курской губернии, получив греческое образование, «считался на

⁷⁵ Россия — Афон... С. 271—272.

⁷⁶ Дмитриевский А. А. Русские на Афоне // Странник. 1892, ноябрь. С. 493.

Афоне за чистокровного грека» и очень успешно проводил самые сложные дела. Умершему в 1890 о. Нафанаилу наследовал в Протате встреченный экспедицией о. Агафодор (Буданов; умер в 1920), родом из московского купечества, который был, кроме того, доверенным лицом настоятеля о. Макария, «опытным и рассудительным духовником» братии (вместе с ним подвизались в Пантелеимоне двое его братьев, один из которых занимался литературной деятельностью и вел летопись монастыря, а другой был талантливым иконописцем).

Особенно широкое и разностороннее образование получил о. Матфей, который сначала исполнял в монастыре должность грамматика (секретаря по греческим делам), а затем и библиотекаря. Этот инок в молодости много времени провел в Константинополе в качестве «подручного» при ведении «греко-русского процесса», а затем по просьбе посла — на послушании певчего в посольской церкви (кстати, это обстоятельство, может быть, объясняет живой интерес, проявленный о. Матфеем именно к певческой экспедиции). Ему было также вменено в обязанности совершенствовать разговорные языки — турецкий и новогреческий. Совершив паломничество в Святую Землю (где о. Матфей познакомился с о. Антонином Капустиным, что имело большое значение для развития литературной деятельности на Афоне) и вернувшись в обитель, он занял в ней весьма видное положение:

О. Матфей корреспондирует со всем Афоном, с великою церковью Константинопольскою и с правительством. Он превосходно владеет языками новогреческим и эллинским классическим, пишет и читает по-турецки... знаком с языками латинским и французским. Это лингвист и ученый в настоящем, можно сказать, смысле этого слова. <...> Благодаря его неустанным заботам и горячей любви к книгам... библиотека ежегодно наполняется новыми капитальными приобретениями. В настоящее время по количеству рукописей греческих и южно-славянских и по их важной научной ценности библиотека нашего монастыря на Афоне может стоять наряду с лучшими библиотеками Афона... <...> Жажда знаний у этого простого, в высшей степени скромного инока, чуждого всяких почестей и отличий, отказывающегося даже от принятия сана иеромонаха, неоднократно ему предлагаемого, — поразительная: нет такого предмета которым бы он не интересовался, о чем бы он не желал выслушать разумную речь заезжего специалиста...⁷⁷

⁷⁷ Дмитриевский А. А. Русские на Афоне // Странник. 1892, ноябрь. С. 494—495.

О скромности о. Матфея может свидетельствовать еще и тот факт, что, составляя разного рода описания рукописных собраний, он отдавал их исследователям (тому же Ламбросу) для публикации без упоминания своего имени (примеры приводятся в печатаемой в Приложениях статье Дмитриевского), а занимаясь литературной деятельностью, подготовкой к печати разных изданий монастыря, не ставил на них свою подпись. И тем не менее известность его была очень велика, о чем свидетельствуют не только работы Дмитриевского, но и, например, приведенное выше высказывание Н. П. Кондакова или публикации в русских газетах. Так, в 1890 «Московские ведомости» напечатали статью «Русские монахи-археологи на Афоне», где в первых же строках речь зашла об о. Матфее:

Афон — колыбель церковно-византийской археологии; много сокровищ таит она неизвестных ученому миру. Для археологов приезжих, не знакомых с нравами и обычаями афонских греческих монахов, труден доступ к рукописным памятникам древности. Бывает и то, что чрезвычайно редкий, если не единственный экземпляр какой-либо рукописи хранится в убогой, никогда не посещаемой паломниками келлии. А у греков, еще во времена Барского торговавших древними рукописями, и теперь умеючи можно приобретать их. О. Матфей, по своему положению, имеет возможность знать об этом, и при удобных условиях книги приобретаются в библиотеку Руссика. Эрудиция о. Матфея удивительна: по отзыву одного путешественника, подарившего русскую литературу талантливым описанием своего пребывания на Афоне, он едва ли не наизусть знает все находящиеся в библиотеке рукописи. Одновременно со мною гостивший на Афоне профессор-археолог так говорил мне об о. Матфее: «Этого крестьянина-самородка я бы посадил во главе всех своих слушателей». Нельзя не напомнить при этом, что просвещенной деятельности о. Матфея всегда оказывал постоянное и необходимое содействие незабвенный игумен Пантелеимоновского монастыря о. Макарий, этот богатый умственными и нравственными силами русский самородок...⁷⁸

В те времена, когда налаживалась жизнь в Пантелеимоне, было обращено внимание и на пение (оба первых руководителя русского монастыря любили пение, о. Иеронима Леонтьев даже называет «музыкантом»). В очерках «Русские на Афоне» приводятся сведения о «русском Куку-

⁷⁸ Соколов П. Русские монахи-археологи на Афоне // Московские ведомости. 1890. № 25.

зеле» иеромонахе Григории, который прибыл на Афон вместе с будущим о. Макарием. Крепостной крестьянин по рождению, Григорий «обладал от природы редким музыкальным талантом и свободно владел многими музыкальными инструментами». Его хозяин предоставил крепостному возможность учиться, сделал регентом и дирижером своего хора и оркестра и затем отпустил на свободу. Дело происходило в Старом Осколе, и отсюда возможно проявление в монастырском хоре южнорусских певческих традиций.

О. Григорий одновременно с о. Макарием принял иночество, обещав никогда более не брать в руки музыкального инструмента. Тогдашний духовник Пантелеимона о. Иероним «сразу оценил дарования новоначального инока... и поручил ему организовать хор из русских иноков».

Из полуграмотных крестьян и мещан — главный контингент монахов русской Пантелеимоновской обители — он образовал такой богатый голосами и музыкально-дисциплинированный хор, который приводил в восторг не только наших паломников, но даже вызывал одобрения и восхищения у наших царственных особ, у высокопоставленных лиц русских и иностранных и даже знатоков музыки и пения, случайно попадавших на св. Афонскую Гору. О. Григорий записал и переложил на голоса весьма много мелодий так называемого ныне афонского роспева и сделал немало переложений и упрощений в пьесах русских известнейших композиторов духовной музыки. Традиции его долго будут жить на Афоне и поддерживаться регентами, учениками покойного о. Григория⁷⁹.

О. Григорий скончался в 1890 в глубокой старости, таким образом, Смоленский слышал хор под управлением его учеников и, вероятно, его же «переложения и упрощения».

⁷⁹ Дмитриевский А. А. С. 491—492.

В связи с этим встает вопрос о тех песнопениях «афонского роспева», которые проникли на русский клирос — скорее всего, через пение на российских подворьях русских афонских монастырей — и остались в общем певческом обиходе. По свидетельствам опытных московских регентов, таких песнопений в нынешнее время насчитывается не много, и среди них: «Хвалите имя Господне» (с подзаголовком «Напев Афонского монастыря»), Херувимская «афонская», «Милость мира» «афонская», «Достойно есть» «афонское» (в гармонизации Д. М. Яичкова). Известно также, что «афонским» называли «Достойно есть» из Второй литургии Н. Н. Черепнина на тему близкую, но не тождественную гармонизованной Яичковым.

Все эти песнопения стилистически принадлежат к группе поздних монастырских роспевов.

Важное место в Дневнике экспедиции занимает еще один выдающийся настоятель Пантелеимона — о. Мисаил (Сапегин; 1852—1940), ученик о. Макария, который правил Пантелеимоном в течение 35-ти лет, с 1905 до конца жизни. Как пишет игумен Петр (Пиголь), схиархимандриту Мисаилу Господь судил руководить обителью не только во времена ее расцвета (которые застала экспедиция), но и в тяжелейшие времена, когда «связь Афона с Россией прервалась, а обитель лишилась всех своих подворий и угодий, и во многом благодаря духовной мудрости и твердости игумена Мисаила она не пришла в полное разорение»⁸⁰. Отмечается также твердость игумена в сохранении до конца коренного монастырского устава, составленного о. Иеронимом. В эпоху о. Мисаила в Пантелеимоне получил духовное воспитание прославленный ныне во святых Силуан Афонский.

Из краткой биографии о. Мисаила ясно, что у него был обширный жизненный опыт: прибыв на Афон в молодости, в 1876, он затем по направлению старцев Иеронима и Макария нес послушания на разных монастырских подворьях, в том числе в Москве и в Константинополе. Из записей в Дневнике Смоленского возникает образ мудрого, доброго, общительного и приветливого человека, на которого Степан Васильевич смотрит как на старшего, хотя отец настоятель был младше его на несколько лет.

Стоит заметить, что серьезнейшие трудности возникли у о. Мисаила как настоятеля гораздо ранее 1917-го и даже ранее начала Первой мировой войны (на которую была призвана часть послушников; некоторые иноки по своему решению ушли на фронт). Речь идет о 1912 годе, когда в стенах Пантелеимонова монастыря и Андреевского скита развернулись события так называемого «имьяборческого бунта». Эти события, на которые ныне существуют разные взгляды (они, безусловно, не могут обсуждаться в рамках настоящей статьи), закончились высылкой с Афона весьма значительного количества (нескольких сотен) русских иноков. О. Мисаилу пришлось пройти через грозные, а иногда и унижительные испытания, даже через прямые опасности для своей жизни, но монастырь он сохранил.

Имеется описание облика игумена в глубокой старости (рассказчик упоминает, что о. Мисаилу было тогда 82 года, следовательно, рассказ относится к 1934-му):

Монастырь св. великомученика и целителя Пантелеимона на Афоне громаден. Хозяйство его разнообразно и сложно. Братия в

⁸⁰ Игумен Петр (Пиголь). Афонская трагедия. С. 38.

прежние времена была многочисленна, и необходимо было обладать колоссальными силою воли, опытностью и умом, чтобы нести ответственность за благополучие обители и поддерживать престиж и высоту духовной власти. И этих качеств с избытком хватало у о. Мисаила, несмотря на его возраст и развившиеся под конец жизни недомогания, приковавшие маститого старца к креслу. Но это обстоятельство, однако, не помешало отцу игумену принять меня у себя с исключительной любезностью, отеческой ласковостью и заставить искренно наслаждаться интересною беседою с ним и отеческими наставлениями, исполненными жизненной мудрости и душевной ясности.

В облике игумена о. Мисаила было что-то патриархальное, нечто от идеального монаха доброго старого времени. Не входя сам в подробности и мелочи административно-хозяйственной жизни огромного монастыря, отец Мисаил имел дар избирать хороших помощников, которым доверял ведение монастырских дел. При этом он любил покровительствовать людям с образованием, прекрасно относился к ним и старался дать им подходящие послушания. Вообще, это был человек мира. Благодатное спокойствие, сияющая ясность духа, кротость и терпение — вот отличительные черты характера этого прекрасного человека... Но выше всего у отца Мисаила был дар отеческой любви. <...>

Отец Мисаил как-то невольно подчинял себе всех окружающих своими богатыми душевными качествами, влияние которых в значительной степени подкреплялось еще и внешнею импозантностью его величественной фигуры. Он был высок ростом, широк в плечах и крепок телосложением; являлся как бы аллегорическим изображением доброго и могучего духа «Святой Руси». И эти особенности бросались в глаза даже тогда, когда этот старец сидел в своем глубоком кресле, скованный тяжким недугом. И в то же время каждого посетителя поражала почти детская ласковость и доброта отца Мисаила⁸¹.

Довольно много места в Дневнике занимает описание внешнего вида Пантелеимона, каким его увидела экспедиция ОЛДП в 1906. Приведем в связи с этим весьма содержательное высказывание архимандрита Михаила (Семенова; в будущем епископа)⁸², опубликованное годом ранее на страницах авторитетного журнала Сообщения Православного Палестин-

⁸¹ Маевский В. А. Афон и его судьба. М., 2009. С. 24—25.

⁸² Кстати, Смоленский, судя по его Дневникам, весьма ценил этого талантливого духовного писателя и общественно-церковного деятеля, чья судьба впоследствии сложилась необычно и, можно утверждать, трагически.

ского общества (следует только иметь в виду, что тогда в монастыре был еще другой настоятель — архимандрит Андрей; архимандрит Мисаил был избран незадолго до приезда экспедиции):

Руссик не обращает на себя внимания внешнею красотою. Правда, положение его замечательно. <...> Всегда красиво и разнообразно море. Но сам Руссик как система построек далеко уступает всякому из остальных монастырей. В нем нет *стильности*. Руссик — ряд построек московско-казарменного стиля. <...> А рядом с этими неуклюжими громадами — храмы того же однообразно-унылого ново-русского стиля. <...> Он беден и археологически, потому что большинство воспоминаний Руссика осталось за так называемым старым, или надгорным Руссиком. А «движимые» археологические сокровища монастыря спрятаны и не видны. <...>

[Но] едва ли можно пожалеть о недостатке археологической красоты в Руссике. Все это с избытком возмещается другим — исключительной красотой построения жизни в Руссике, духовным стилем этого монастыря. И предания у Руссика есть. Есть у него и люди, на которых он может указать как на свою святыню, хотя эти люди жили вовсе недавно, не тысячи и сотни, а всего десятки лет тому назад.

Наблюдать стиль монашеской жизни простому путешественнику-туристу очень не легко. Наивно было бы делать заключения о сущности и духе монастырской жизни по строю жизни монастырской гостиницы... (А наши путешественники нередко этим грешили, особенно поначалу. — М. Р.) <...> Здесь подвиги совершаются потаенно и невидно: поэтому только долгое и внимательное наблюдение позволяет кое-что уловить в этой жизни. <...>

Русский Пантелеимонов монастырь силен тремя вещами: влюбленностью монахов в свой киновийный устав, строгостью этого устава и молитвой. По словам монахов Руссика, их монастырь стоит, как на трех столбах, на оо. Иерониме, Макарии и Андрее⁸³.

Итоги экспедиции

Свою деятельность на Афоне экспедиция начала с объезда книгохранилищ тех монастырей, которые были отмечены в изученных перед поездкой материалах. И этот первый объезд принес разочарование: во-первых, оказалось, что каталоги и описания ученых, не бывших музыкантами и певцами, далеки от точности, и они часто неверно датировали или атри-

⁸³ Архимандрит Михаил. «Стиль» и «дух» русских обителей на Афоне // Сообщения ИППО. Т. XVI. СПб., 1905.

бутировали ту или иную рукопись. Во-вторых, выяснилось, что *древних славянских нотированных книг на Афоне нет*.

28 июня Смоленский записывал в дневнике, находясь в Хиландарском монастыре:

Нас, глубоко огорченных, позвали в заседание эпитропов. <...> Были повторены обычные жалобы, что греки жгли умышленно все славянские рукописи, что турки делали патроны и т. п. На это я возразил однако, что в Берлине, Вене, Париже, Лондоне, Москве, Риме могли же уцелеть певческие рукописи, если бы они были... ведь не всюду же были всененавистные греки? Не склониться ли потому к печальной мысли, что сербских и болгарских нот совсем не было и турки с греками, действительно истребляя рукописи, не могли же выбирать для уничтожения именно певческие рукописи?

В записи следующего дня, 29 июня, сделанной в Зографском монастыре, читаем:

В 6 часов вечера вновь с глубоким огорчением я должен записать, что и в Зографе «нема нищо» по части не только славянского пения, но и даже и богослужебных книг с знаками для пения нараспев. Таким образом так называемый «Куприяновский» лист Евангелия XI века, находящийся в Петербургской Императорской Библиотеке, и найденные мною листки в Софии, пожалуй еще нечто сомнительное в листках Болонской Псалтыри, указанное Ягичем — вот все, свидетельствующее о нотации чтения нараспев; по части собственно церковного пения у болгар и сербов — самое полное «нема нищо», а у греков — одна роскошь, у нас русских — такая же роскошь. Приходится усомниться даже и в существовании у сербов древних рукописей с такою нотациею, какая употребительна у них в печати и в практике даже и сейчас. <...>

Но неужели в самом деле нет более ни болгарских, ни сербских певческих и роспевно-читаемых рукописей? Я совершенно этого не думаю и продолжаю верить, что они все-таки найдутся. Не может быть, чтобы не было рукописей! Ведь откуда-нибудь произошла же запись болгарского роспева в наших южнорусских рукописях?

Однако и при дальнейшем объезде афонских монастырей никаких славянских рукописей не обнаружилось. Это поначалу весьма обескуражило всю компанию; особенно занервничал импульсивный и вспыльчивый Николов: получалось, что ему на Афоне просто делать нечего. Специ-

алист по славянской филологии Лавров при данной ситуации составил собственный маршрут по монастырям и занялся собственными делами. И тогда Смоленский с Преображенским приняли решение, о котором рассказывается в письме к Шереметеву от 5 июля (см. в разделе *Письма*):

Тогда же определилось, что экономия в числе снимков греческого пения, имевшаяся в виду ради славянского, должна быть брошена совершенно и что нам предстоит осмыслить нашу вторую поездку по Афону как пополнение и, возможно, значительное расширение найденных греческих материалов.

В том же письме Смоленский словно отвечает на сомнения и сетования Николова:

По совести говоря, я не верю в причитывания здешних славян о том, как греки систематически истребляли славянские певческие книги... Я скорее склонен думать, что пение вблизи греков, хотя и было, но не успело развиваться так, как например то было у нас, вдали от греков. Незначительностью объясняю я и то, что до сих пор нигде неизвестно это пение (болгарское и сербское) по древним рукописям, и они даже в прежнее время не обратили на себя внимание ученых Европы, почему о славянских рукописях не слышно и в библиотеках западных.

При втором объезде монастырей тщательно и подробно копировались греческие нотированные рукописи. Всего их было отобрано 12: семь — Лавры Св. Афанасия, одна из библиотеки Андреевского скита, одна — Кутлумуша, одна — Ивера, одна — Ватопеда, одна — Есфигмена. В это собрание вошли все основные типы богослужебных книг X—XIV веков (Ирмологий, Октоих, Стихирарь, Триодь). Ученые старались также подбирать одни и те же песнопения в разных формах нотации, но ориентируясь при этом на тот тип, который им был известен в древнейших русских певческих книгах.

При тогдашнем состоянии фототехники сотни снимков невозможно было сделать, проявить, напечатать и классифицировать без посторонней помощи. В Вене экспедиции помог кузен Антонина, диакон русской посольской церкви Петр Преображенский, занявшийся съемкой рукописей в Придворной библиотеке. На Афоне очень большую помощь во всех делах экспедиции оказывала братия Пантелеимонова монастыря во главе с настоятелем. Самые близкие отно-

шения сложились у Смоленского с о. Матфеем, который настолько заинтересовался задачами экспедиции, что нарушил свой пятилетний затвор и отправился вместе с учеными в Лавру. Впоследствии он помогал разбирать фотоснимки, а после отъезда экспедиции следил за продолжением заказанного ею дополнительного фотокопирования (которое исполнял монастырский фотограф о. Гавриил) и продолжал выявлять в разных собраниях (не только на Афоне) рукописи, пригодные для поставленных целей.

По возвращении в Петербург Смоленский и Преображенский долго занимались классификацией афонских снимков; Смоленский несколько раз выступал с информационными сообщениями на заседаниях ОЛДП (см. в Приложении «Каталогизация» данного тома). Сделали они и некоторые научные выводы, но при этом их точки зрения на привезенный материал принципиально разошлись.

В декабре 1907 оба ученых прочли в ОЛДП развернутые доклады. Выступавший первым Преображенский утверждал, что материалы Афонской экспедиции

впервые дают возможность установить — на основании документов — непосредственную зависимость русского церковного пения от пения Греческой церкви: настолько значительно открывшееся сходство этих невматических манускриптов.

Смоленский же продолжал говорить о русской самобытности, по крайней мере в текстах, «распетых русскими певцами»:

Последние песнопения, хотя бы отчасти и изложенные по греческим образцам и греческими знаками, следует считать как первый лепет русского церковно-певческого творчества: таковыми надо считать певчие службы русским святым кн. Борису и Глебу, Феодосию Печерскому и др., имеющиеся почти во всех наших певчих рукописях XII века.

Выводы Смоленского довольно полно, хотя и кратко изложены в его письме к о. Василию Металлову в начале 1908 (публикуется в разделе *Письма*); в заключении этого послания Степан Васильевич пишет:

Заимствование славянами греческого искусства теперь, несомненно, обрисовалось более, всестороннее и точнее, но в то же время и определеннее в своих границах. Систематическая замена у нас посто-

янно одних и тех же греческих знаков одними и теми же русскими прямо указывает на продолжение нашей художественной самостоятельности, окрепшее даже и к XI-XII веку, начавшееся, несомненно, гораздо ранее.

Конечно, ученые не думали, что привезли тысячи снимков только для себя: Смоленский неустанно повторяет, что цель экспедиции — обеспечить будущее русской науки. Накануне отъезда с Афона он писал в Дневнике:

Думаю, что открыт прямо целый отдел науки, над которым не хватит времени потрудиться не только мне и моим товарищам, но даже и следующему поколению исследователей... Все говорили, как и я сам, с чужих слов, руководствуясь несколькими словами, брошенными о Разумовским по поводу Севастьяновских снимков. Никто не занялся толково и сколько-нибудь внимательно теми листками, которые были привезены Епископом Порфирием. Теперь, вместо этих жалких отрывков — сотни страниц связного между собой содержания, разновековые притом и представляющие бывшее греческое искусство во всю его ширину и во всем его блеске.

И еще более точно и конкретно — в очерке для «Русской музыкальной газеты»:

Найденные рукописи суть именно те документы, по которым можно установить значение Афона как одного из тех православно-международных центров, в котором когда-то сошлись всякие художественные течения отовсюду. Афон, можно думать, был художественной лабораторией и для славянского просвещения в ту пору, когда ему самому пришлось подчиниться затем могучему художественному подъему от гениального Иоанна Дамаскина и целой плеяды знаменитых певцов того времени. Дальнейшие пути нашего и греческого искусства разошлись в совершенно разные стороны, усвоив себе несомненно народные окраски. Но совпадения во времени все-таки налицо и документы установившихся обоих искусств также налицо.

Каталог

Судя по докладам в ОЛДП и переписке Смоленского, первым итогом изучения афонских снимков должно было стать гектографическое издание *«Каталога песнопений, оказавшихся в греческих (на Афоне и в Вене) певчих рукописях, снимки с коих доставлены экспедицией 1906 года,*

равно и оказавшихся в русских древнейших рукописях». Работа над Каталогом была начата, но затем обстоятельства сложились так, что в течение 1908 Смоленский и Преображенский с головой погрузились в дела организованного ими же Регентского училища, которое в материальном отношении бедствовало и требовало ежедневных забот. С весны 1909-го Смоленский чувствовал себя плохо, но продолжал преподавать в училище и после окончания занятий поехал в Москву на Регентский съезд, где неоднократно выступал с лекциями. По дороге из Москвы в Казань он был вынужден сойти с парохода в Васильсурске, где жила его любимая тетушка Е. С. Ильминская, и через несколько дней скоропостижно скончался.

Преображенский, который наследовал Смоленскому и в делах по Регентскому училищу, и в деятельности ОЛДП, выпустил в свет почти законченную «Граматику» Николая Дилецкого, над которой долго работал Смоленский; с помощью Преображенского еще ряд неопубликованных работ Смоленского появился на страницах «Русской музыкальной газеты», «Хорового и регентского дела» и других изданий. Однако Каталог Афонской экспедиции не был опубликован. Преображенский, опубликовав в 1909 в «Русской музыкальной газете» свой доклад, обратился в следующий раз к афонским материалам и своим мыслям о них только в 1920-х; результатом явились небольшая статья в альманахе «De Musica» (см. Приложение «А. В. Преображенский») и некоторые страницы книги «Культурная музыка в России» (см. там же). Антонин Викторович скончался в 1929-м, и далее привезенные экспедицией материалы оказались на долгое время вроде бы никому не нужными, а потом погребенными в неразобранных архивных фондах. И только в последние годы к материалам Афонской экспедиции начали проявлять интерес.

Результаты архивных поисков, приведшие к «открытию» почти полной коллекции привезенных копий, излагаются в следующем разделе статьи. Здесь же хотелось бы вкратце проследить, что происходило с афонскими снимками и их Каталогом между 1906 и 1920-ми годами.

В декабре 1906 на заседании ОЛДП Смоленский, «предъявив *начатый* членом экспедиции А. В. Преображенским “Каталог песнопений, имеющихся в Афонских и Венских снимках”, доложил краткое описание каждой из этих 15-ти рукописей». Собственно, это описание было сделано Смоленским еще во время пребывания на Афоне.

Затем, в апреле 1907, когда на заседании ОЛДП выступали и Смоленский, и Преображенский, речь шла уже о «*составленном* полном ката-

логе всех греческих песнопений» и сопоставлении его с древнерусскими певческими рукописями.

Полный текст сообщения Смоленского на этом заседании (см. Приложение «Каталогизация») уточняет объем и характер проделанной работы:

...Понадобились и удобства для сравнений, то есть полная каталогизация всего греческого, привезенного с Афона и из Вены, а к ней, следовательно, и полная каталогизация всего имеющегося в России по части древнейшей поры русского церковного пения.

Эта немалая черновая работа, przygotowательная, почти механическая, пошла таким образом сразу на два фронта. Каталогизацию греческого церковного пения взял на себя наш сочлен Антонин Викторович Преображенский; каталогизацию русскую я принял на себя.

Далее из того же сообщения выясняется, что речь идет пока не о всех греческих рукописях, хотя и о большей их части, а именно о Триодях и Стихирарях:

Каталог греческих песнопений, труд г-на Преображенского, пока закончен только в области годовых Стихирарей и обеих Триодей. Ожидаемые с каждым днем с Афона снимки с Есфигменского Ирмолога, высланные уже оттуда 6 декабря, дадут возможность г-ну Преображенскому приступить теперь к каталогизации греческих Ирмологов, коих у нас 4.

В письме Смоленского к секретарю ОЛДП В. В. Майкову в декабре 1907 говорится уже об условиях *гектографирования* полного Каталога:

Оригинал Каталога изготавливается в русской части собственно-ручно мной, а в греческой части — А. В. Преображенским.

Более поздних документов ОЛДП на данную тему не имеется, то есть в своих выступлениях в Обществе в 1908 Смоленский к каталогизации не возвращался; не возвращался к ней в рамках ОЛДП и Преображенский в более позднюю эпоху. Однако, как уже говорилось, в отличие от Смоленского, он сделал полную публикацию своего доклада 1907 года на страницах «Русской музыкальной газеты». Номера со статьей Преображенского вышли в марте-апреле, то есть еще при жизни Степана Васильевича. Реакция последнего на публикацию неизвестна.

Особое значение имеет письмо Смоленского к С. Д. Шереметеву от 25 августа 1907 из Москвы, где Смоленский проработал около месяца над рукописями разных библиотек:

Я возвращаюсь теперь в Петербург, так сказать, для «составления протокола», то есть для сопоставления описи А. В. Преображенского — греческой и описи моей — русской, для окончательного уяснения того, что имеется у нас с греками общего в церковно-певческом искусстве X—XII века, что само собою выделяется в часть греческого искусства, не воспринятого почему-то нашею церковью в ту пору, и, наконец, что само собою выделяется в самостоятельное русское искусство, созданное в Руси. Эти три отдела предполагается нами оттенить в двух красках, то есть по отношению и к текстам церковным, и по отношению к тем напевам, которыми эти тексты украшены. Таким образом, положение дела может быть выражено графически например следующим чертежом.

Искусство греческое X—XII веков

Невоспринятое русскими	Воспринятое русскими		
	Воспринятое и в переводных текстах, и в напевах	Воспринятое только в текстах, но украшенное русскими напевами	Созданное в Руси и в текстах, и в напевах

*Искусство русское*⁸⁴

Таким образом, проясняется «сверх-задача» каталога. В нем планировалось несколько разделов, вообще он должен был носить аналитический характер.

Дальнейшие работы над Каталогом прослеживаются по опубликованной ныне переписке Смоленского с Преображенским (РДМ. Т. VI. Кн. 2). Последнее письмо с упоминанием Каталога относится к 21 мая 1909, когда Смоленский пишет:

Жду рукописные снимки, как из печи пирога, особенно же Погодинского Стихираря; работы мои встали — пожалейте Смоленского.

Это письмо — самое последнее в многолетней переписке Степана Васильевича и Антонина Викторовича. Через три месяца Смоленский ушел из жизни.

⁸⁴ РДМ. Т. VI. Кн. 2. М., 2010. С. 544.

После смерти Смоленского Преображенский был избран заведующим 2-м отделом ОЛДП, и ему было поручено «разобрать бумаги Смоленского, относящиеся к экспедиции на Афон, и представить в Комитет Общества записку о них... а также содействовать тому, чтобы все материалы, вывезенные этой экспедицией, были переданы в архив Общества»⁸⁵. Но в ОЛДП были переданы не все материалы, оттого ныне они и находятся в разных хранилищах. Можно думать, Преображенский не спешил с отдачей всех снимков с греческих рукописей в ОЛДП, потому что сам продолжал работу с ними.

Это предположение подтверждается сведениями из не опубликованной донныне переписки Преображенского с Д. В. Аллемановым (см. в разделе *Письма*), который тогда жил в Москве и являлся преподавателем Духовной семинарии и Синодального училища, настоятелем старинной церкви Похвалы Пресвятой Богородицы в Башмакове.

Особенностью этого, несомненно, талантливого композитора (например, рождественские ирмосы Аллеманова стали неотъемлемой «анонимной» частью московского Обихода) и своеобразного исследователя была, так сказать, «грекофилия». Аллеманов начал свой путь как последователь Ю. К. Арнольда с его теорией древнегреческих ладов в применении к русским церковным звукорядам, продолжил выпуском учебника по современной греческой нотации (совместно с А. В. Зверевым; по ходатайству Смоленского опубликован ОЛДП) и всегда стремился разгадать тайны древнейших периодов церковнопевческого искусства, в том числе кондакарного знамени.

После выхода в свет статьи Преображенского в РМГ, осенью 1910, Аллеманов написал коллеге письмо, в котором интересовался ходом афонских работ:

Скоро ли Вы обнаружите Ваши афонские находки? Как это все нужно теперь. Как скудны, а главное, как непрочны все существующие основания истории и теории нашего церковного пения.

Делайте поскорее. Иногда опасно медлить.

Я знаю и серьезность Вашу, и знание дела. Но иногда можно уж не *до конца* обдуманно делать. Хотя и сыроватый материал, но когда он вовремя под руками — необыкновенно дорог. Вынесите на общий суд, и скорее все обдумается сообща.

⁸⁵ Отчеты о заседаниях Императорского ОЛДП за 1909—1910 гг. Протоколы заседаний Комитета. СПб., 1911. С. 3—4.

Однако Преображенский был не тот человек, который бы стал выносить «сыроватый материал» «на общий суд», и никакие «понукания» Аллеманова, повторяемые из письма в письмо на протяжении нескольких лет, тут не помогали. Поскольку же Аллеманов в это время начал работу над своим «Курсом истории русского церковного пения», то Преображенский по-дружески способствовал этой работе, высылая коллеге в Москву на время те или иные афонские снимки — и получая от Аллеманова по собственным запросам фотографии с московских рукописей, — что косвенно опять-таки подтверждает: какую-то работу над Каталогом Преображенский в это время проводил. О том же свидетельствуют и сохранившиеся в архиве Антонина Викторовича достаточно многочисленные сопоставления византийских и русских песнопений на одинаковый текст, типа тех, употребляя выражение Смоленского, «сравнительных изложений», что вошли в качестве иллюстраций в обе опубликованные статьи Преображенского.

Именно Аллеманову принадлежала мысль сделать полную копию всего привезенного с Афона для Синодального училища; с соответствующим запросом к С. Д. Шереметеву как главе ОДП обратился директор Синодального училища А. Д. Кастальский (см. в разделе *Письма*). Однако ни то ни другое учреждение не располагали свободными средствами. Тогда Аллеманов придумал обходной маневр: как можно заключить из его письма от 18 марта 1913, он изыскал средства для того, чтобы оплатить постепенное изготовление копий с афонских снимков самим Преображенским. Это он планировал сделать в рамках принятой в Синодальном училище новой программы научной деятельности, иначе говоря, в рамках предложенного самим Аллемановым и принятого Наблюдательным советом «плана восстановления церковно-певческой старины», а также плана периодического издания по церковному пению.

Текст доклада Аллеманова на эту тему опубликован в III томе «Русской духовной музыки» по копии из архива Синодального училища (доклад был напечатан потом и в некоторых периодических изданиях). В двух разделах обширного доклада (в третьем, где речь идет о древнейших источниках, и в четвертом, посвященном теории церковного пения) упоминаются материалы Афонской экспедиции — конечно, по сведениям, почерпнутым у Преображенского. В одном фрагменте просто пересказываются мысли из опубликованной статьи последнего. Еще шире развернуты подобные идеи в том самом «Курсе истории церковного пения», о котором идет речь в письмах Аллеманова к Преображенскому (см. в

Приложении «Д. В. Аллеманов»). Работа эта сейчас мало известна и крайне редко цитируется. Возможно, ее освоению помешало то обстоятельство, что вторая часть «Курса», где трактуется о греко-русских параллелях, вышла в 1914, в канун мировой войны. По той же причине, вероятно, не были осуществлены и планы Наблюдательного совета. Что касается «Курса», то, используя выражение самого автора, он «сыроват» и выглядит разбросанно, в нем много предположений, приводимых без доказательств. Однако некоторые важные пункты, перекликающиеся с современным состоянием изысканий в области греко-русских певческих параллелей, Аллеманову, с его богатым воображением и живым умом, все же удалось нащупать.

О научной деятельности Аллеманова после 1917 года ничего неизвестно, а о том, к каким конечным выводам пришел Преображенский, может свидетельствовать финал его статьи о русско-греческих певческих параллелях 1926 года, где он вновь повторяет:

Насколько произведены уже подробные изыскания на этот древний период, можно установить, что на первый план здесь выступает настойчиво мысль о полной несамостоятельности русских напевов и весьма широком использовании греческих напевов и форм музыкальной конструкции их в русском пении⁸⁶.

Но вернемся к проблеме предполагавшегося Каталога и попытаемся ответить на вопрос: в какой мере была выполнена эта работа?

В фонде Преображенского в РГИА (ф. 1109) хранятся две рукописи: № 63, под заглавием «Календарное расписание церковных песнопений» — 145 листов большого формата с заполненными оборотами, в переплете, и № 64, под заглавием «Порядок церковных служб» — 207 листов. Обе рукописи содержат, в числе прочих документов Преображенского (по которым и озаглавлены эти дела в архиве), греческую часть Афонского Каталога (без Ирмологов, только Триоди и Стихирари), причем в разных вариантах. Общий принцип организации — по памятям и праздникам церковного года, но расположение материала по графам в двух рукописях, так сказать, «зеркальное»: в одном варианте в первой графе приводится славянский инципит песнопения, в другом в первой графе стоит инципит греческий с указанием на шифры и листы

⁸⁶ Преображенский А. В. Греко-русские певчие параллели XII—XIII веков // De Musica. Л., 1926. С. 67.

афонских рукописей; во втором случае оставлена пустой самая правая графа — возможно, для вписки параллельных славянских инципитов с указанием шифров и листов русских рукописей по итогам работы Смоленского.

Эти итоги сохранились в большом объеме в фонде Смоленского в РГИА: «Указатель текстов Триодей и Стихирарей, хранящихся в синодальных библиотеках (Московской Синодальной, Типографской Софийской, Новоиерусалимской библиотеке, Библиотеке Санкт-Петербургской духовной академии)» (ф. 1119, № 40, 61 л.); «Параллельное указание содержаний Минеи певчих и Стихирарей XII—XIII веков по рукописям Синодальной библиотеки в Москве за сентябрь месяц, а также за октябрь-февраль, апрель-июнь и август» (ф. 1119, № 38, 142 л.) и особенно «Сравнительный указатель содержания Годовых Стихирарей по рукописям Императорской Публичной Библиотеки, Московской Синодальной, библиотек Императорской Академии Наук и Санкт-Петербургской Духовной Академии» (ф. 1119, № 39, 80 л.).

Приведем фрагмент из не опубликованного до сих пор доклада Смоленского в ОЛДП по вопросу каталогизации афонских снимков (полностью — в Приложении *Отчеты в ОЛДП*):

Каталогизация наших древних певческих рукописей оказалась необходимою как сама по себе в качестве справочного пособия при работе, так и для размежевания между нашим искусством и искусством греческим. В качестве справочного указателя она даст возможность в одну минуту по любому вопросу разобраться в наличии существующих материалов. Например, если бы мы вздумали справиться: какие песнопения и в каком числе экземпляров и где именно находятся хоть бы для церковной службы, которая по церковному уставу должна служить сейчас, то есть в ночь с сего 21 декабря на 22-е. Стоит только открыть каталог на 21 и 22 декабря, и мы увидим следующее: есть только служба мученице Анастасии; имеется 12 стихир и полный канон в московской Минеи № 163, на л. 187 до 203; из них есть дубликат только 3-х стихир в Стихираре Академии наук на л. 76 и 76 об., для остальных же дубликата не имеется; затем есть еще 4 стихиры на этот же день: две из них имеются только в двух экземплярах, а именно в Венском № 136 на л. 69 об. и 70 и в Афонской Лавры № Г 74 на л. 24 и 24 об., в двух же других греческих стихирарях этих стихир совсем нет; затем видно, что первая греческая стихира «Въскресения прияла еси дары» имеется у нас в 7-ми экземплярах, а

второй греческой стихиры в наших рукописях совсем нет; точно так же у нас есть еще две стихиры «Оудобрение въскресению явися» и «Животънаго вѣстанія Христова» — первая в 5-ти экземплярах, а вторая в 4-х экземплярах, причем обеих их нет в греческих Стихирарях. Не привожу сравнения этой справки со службою, имеющеюся на 22 декабря в наших печатных Минеях синодального издания. Это — целая пучина всякого рода разногласий.

Этого примера, полагаю, достаточно, чтобы убедиться, как легко пользоваться составленным каталогом и тем очень сберечь силы для довольно сложных справок. Каталог этот будет обнимать собою все привезенные с Афона и из Вены фотографические снимки и затем все без исключения наши русские певчие богослужебные книги XI, XII и XIII веков, частью же и позднейшие, для облегчения перехода к свободно читаемым крюковым рукописям XV—XVI веков.

Далее следует перечисление сорока древнейших русских рукописей, с которыми работал Смоленский.

Обе части Каталога, греческая и русская, устроены в виде похожих таблиц: число церковного года, название песнопения, шифры рукописей, номера страниц. Следует отметить, что инципиты в обеих частях — только текстовые, а не музыкальные. Затруднения в соотнесении текстов греческих и славянских, о которых говорит Смоленский, в полной мере отразились в облике той части Каталога, которой занимался Преображенский: так, под аккуратно выписанными Преображенским чернилами инципитами песнопений на то или иное число церковного года в славянском переводе во многих случаях следует ряд инципитов по-гречески, записанных карандашом: это означает, что Антонин Викторович затруднялся в подыскании славянских аналогов к греческим песнопениям. То же самое и в «чистовом» варианте работы Преображенского, где первая графа — греческая: здесь под столбиками двойных инципитов остаются «свободные» греческие.

Попытки сведения двух частей Каталога воедино если и были, то не оставили следов: может быть, работа даже и не была начата ввиду поначалу не осознанной в полной мере сложности подобного сведения.

Вопрос о степени «полезности» текстового инципитного указателя может представиться дискуссионным ныне, когда существуют разнообразные способы копирования текстов и электронные каталоги. Но как еще в начале XX столетия можно было, не имея указателя, сопоставлять

сотни фотографических копий с сотнями же листов рукописей, находившихся в разных хранилищах разных городов?

Разные мысли

Среди разных мыслей, которые вызывает изучение Афонского дневника и сопутствующих ему документов, есть целый круг, так сказать, «общечеловеческих» впечатлений от текстов.

Например: выше говорилось о тщательной подготовке экспедиции, но были ли на самом деле ее участники готовы к тому, что предстояло им увидеть и узнать? На этот вопрос нет однозначного ответа.

Во-первых, нельзя было «освоить» Афон с первого раза: напомним, что те российские ученые, которые внесли ценный вклад в изучение сокровищ Святой Горы, приезжали туда много раз, постепенно входя в строй афонской жизни, как Кондаков или Дмитриевский, пусть даже входя очень ограниченно и односторонне — как Лавров.

Во-вторых, поскольку упор при подготовке делался на славянские книги, а дело пришлось иметь с книгами греческими, знаний сильно не хватало, что с острой горечью ощутил вскоре Смоленский — по его собственному выражению в Дневнике, «тяжело бессилие незнания». Преображенскому, имевшему академические основы греческого и литургического, приходилось несколько легче, но и он далеко не во всем мог разобраться, по крайней мере сразу, на месте. Ранее изученные печатные каталоги и описания оказывались далеко не точными и в греческой, и в славянской областях. Смоленскому и Преображенскому оставалось полагаться только на самих себя, поскольку Лавров никак не помогал экспедиции, а Николов — разве только технически, и то как бы через силу и не все время. Для него морально экспедиция была закончена в тот момент, когда на Афоне не нашлись книги с древним болгарским роспевом и когда в родном болгарском Зографе он снова услышал ненавистное греческое пение...

Смоленскому и Преображенскому оставалось полагаться на себя — и на иноков Пантелеимонова монастыря, без поддержки которых — организационной, бытовой, технической, наконец, и научной, по-видимому, вообще ничего не состоялось бы. Думается, пантелеимоновцы не стали бы так ревностно помогать экспедиции, если бы не уверились в чистоте стремлений русских ученых, которые, со всей очевидностью, понравились русским афонитам. Иноки оценили преданность науке, прилежание в труде. Большое значение имело, конечно, и патриотическое чувство: поддержка своих.

И все же в текстах Смоленского (правда, касающихся чаще не русских монастырей и скитов, хотя и их тоже) нет-нет да и проглядывает позиция, открыто выраженная в письмах Лаврова: «мы — ученые, а монахи — невежи, скрывающие от передовой научной мысли ценные документы». Эта позиция органично сочетается с тем безоглядным политическим «либерализмом», который выплескивается в одном из писем Лаврова: «...Я верю, что освободительное движение справится с Столыпиным. Вероятно, придется принимать участие в партийной борьбе...» и проч. Политическая позиция самого Степана Васильевича, в которой тот же «либерализм» сочетается с «народным монархизмом», выражена в его объяснении проигумену Ватопеда по поводу текущей политической ситуации в России: Смоленский говорил, «что у нас за реформу негодной администрации стоит во главе движения сам царь; что в Думе у нас собраны действительно “лучшие люди” и патриоты; что у нас плохи не законы, хотя и нуждающиеся в пересмотре, а исполнители их, то есть чиновники, и что, наконец, нынешние возбуждения, после усвоения новых идей массами вскоре улягутся сами собою».

Вполне удачно возразил на эту идеалистическую речь пантелеимоновский фотограф о. Гавриил: «Хороши ваши “лучшие люди” и патриоты! Я читал, что у 14-ти членов Думы был уже сделан обыск, нашли типографию и кучу прокламаций, что их уже отдали под суд и они будут арестованы сейчас же по закрытии сессии Думы».

Ненависть Смоленского к чиновничеству, вообще к «начальству», можно понять, исходя из фактов его биографии: вспомнить хотя бы несправедливые увольнения его из Синодального училища и из Придворной капеллы. Вряд ли, однако, стоило так последовательно обнаруживать «классовую борьбу» в афонских монашеских сообществах и подозрительно смотреть на любого облеченного властью человека. Хотя, конечно же, без человеческих конфликтов не обходилось и там. Как сказал иерусалимский митрополит Мелетий еще в середине XIX столетия иноку Парфению, просившемуся на Афон вопреки благословию своего старца:

...Афонская Гора хороша для спасения; но Адаму в раю было лучше, нежели тебе в Афоне: там не было ни людей, ни дьявола, а только двое; но когда преступил Божию заповедь, и оттуда изгнали; а во Афоне все есть, дьявол и множество людей...⁸⁷

⁸⁷ Инок Парфений (Агеев). Сказание о странствии и путешествии... Т. 2. С. 84.

Тем более человеческие, и особенно национальные, страсти захлестывали Афон в начале XX века, когда на Святую Гору начали проникать и всякие мирские побуждения, и даже, как выражается петербургский «Церковный вестник», «веяния конституционной свободы». Но какой урок может быть извлечен из судьбы человека, который очень хорошо отнесся к русским ученым и замечательно им помог, — из печальной судьбы умного и талантливое архимандрита Хризостома Лавриота.

...Всего более выразительную показала мне наличность нескольких сундуков, нескольких ряс и клобуков, а также мягкие, избалованные руки о. Хризостома, равно и его постоянно отличная по материи ряса, отлично на нем сидевшая. Здесь была очевидна разность между бедняком-рабочим монахом и теми, которых укоряют, что они беззаботно живут, как независимые турецкие паши, —

пишет Смоленский в Дневнике. Не укорила ли его совесть, когда через пару лет он прочел в газетных корреспонденциях, как трагически погиб этот «избалованный» греческий геронт: ведь одной из причин гибели Хризостома называли его поддержку русского афонского иночества...

Становится иной раз досадно, когда читаешь, как участники экспедиции сердятся или хандрят, потому что в каком-либо монастыре им приходится ждать, пока библиотекарь освободится и найдет нужную им книгу. В этой ситуации на афонских монахов сыплются обвинения не только в невежестве, но и в безалаберности, и в стяжательности, хотя непонятно: почему, собственно, иноки, живущие по строгому уставу, выполняющие множество послушаний, должны все бросать в связи с прибытием российской экспедиции? И что такое «служение науке» рядом с тем подвигом, который несут эти иноки? Во всяком случае, почему нужно «научные цели» ставить выше духовных свершений? Почему нужно прибегать к иронии по поводу огромных по продолжительности служб, которые безукоризненно выстаивали «корифеи» Афона, почему нужно видеть побудительную причину их выдержки только в тщеславии? Почему, наконец, только что прибыв в Константинополь, только что встретившись с любезными гостинниками Пантелеимоновского подворья, — сразу подозревать всех вребролюбии?

Понятно, что Смоленский, как человек, много в своей жизни служивший в государственных учреждениях, хорошо знал, что такое финансовая отчетность, и хотел безукоризненно отчитаться и в этом смысле перед ОАДП и графом Шереметевым лично. По натуре Степан Василье-

вич был, по всем воспоминаниям, щедрым человеком, всегда помогавшим нуждавшимся людям. Но в последние годы жизни, после увольнения из Капеллы, он явно испытывал если не материальные затруднения, то все же недостаток средств. Эта тема проходит через многие его письма, хотя не совсем ясно, что было для него источником тревоги: ведь он получал достаточно высокую пенсию и, до 1908 года, имел бесплатное помещение в Фонтанном доме. В одном из писем к Волковой он говорит о своих обязательствах перед родственниками, которых не может оставить без той помощи, какую оказывал им в предыдущие годы. Кроме того, события 1905—1906 годов нагнали на него страху в том смысле, что при смене политического строя он может на старости лет лишиться пенсии, а никаких сбережений его семья не имеет. Возможно, что этот мотив инстинктивно побуждал Смоленского к сугубой экономии. Но причем же здесь афонские монахи?

Смоленский, по собственному признанию, любил «хорошее монашество». Накануне экспедиции он писал своей приятельнице Софье Волковой:

В сущности хорошее монашество было мне всегда глубоко симпатично, и я буду рад встретить на Афоне хоть несколько достойных людей — конечно, не из греков⁸⁸.

Спрашивается: почему же именно «не из греков»? Не иначе как Смоленский идет здесь на поводу у Николова, который готов был в каждом греке видеть врага если не личного, то своего народа и славянства вообще. В поучение Смоленский увидел на Афоне немало достойных представителей греческого монашества. Увидел он и достойнейших русских иноков, которые на самом деле произвели на него глубокое впечатление, хотя и прикрытое в дневниковых записях разными «экивоками» на счет монашеских обычаев. Особенно забавно противоречие в оценке встреченного по дороге о. Петра из Белозерки: как умный и сильный русский человек, о. Петр очень нравится Смоленскому, но как быть — газеты пишут «обличения», и Степан Васильевич вклеивает их в Дневник...

Смоленский всегда имел много связей в среде духовенства. Притом нередко он жестко судил о современной ему русской монастырской жизни (достаточно заглянуть в соответствующие страницы его Воспоминаний). Это противоречие, вероятно, объяснимо, если вспомнить, на

⁸⁸ РДМ. Т. VI. Кн. 2. С. 261.

каких идеалах монашества был воспитан Степан Васильевич в Казани — в инородческой Учительской семинарии Н. И. Ильминского, в Духовной академии. Это были высокие идеалы миссионерства, жертвенности в служении ближним. Самые теплые слова в своих воспоминаниях о юности Смоленский адресует истинному миссионеру, каким был епископ Якутский Дионисий (Хитров), сподвижник великого Иннокентия (Вениаминова), просветителю черемисов игумену Анастасию (Жидалашеву), которого Смоленский в письме к Шереметеву именует «свечой Божией».

Такие люди проходили по самым глухим, затерянным в просторах России местностям, проезжали тысячи верст по неосвоенным пространствам, изучали редкие языки и переводили на них богослужебные книги, учили, лечили и всячески просвещали целые народы. Другие типы монашества были Смоленскому менее близки, что, однако, на самом деле не мешало ему иметь хороших знакомых и сотрудников в монашеской и даже в архиерейской среде Казани и обеих столиц, не говоря уже о белом духовенстве. Нередко возмущение Смоленского вызывали действия Св. Синода, но кто же в ту эпоху был полностью удовлетворен деятельностью этой, в большей мере административной, нежели религиозной структуры? Опять-таки к Афону проблемы синодального управления если и имели отношение, то лишь «отрицательное» (о чем уже говорилось выше).

Конечно, определяющую роль играло настроение, с которым приехали на Афон все участники экспедиции. Настроение это было если не тяжелым, то очень нервным. События 1905 и первой половины 1906 года большого оптимизма не внушали, хотя, как видно, в «парламентскую монархию» Смоленский еще верил. Перед самым отъездом он написал Шереметеву прощальное письмо:

...Меня очень тянет к теплу и южной природе, меня тянет к уединению в труде и особенно к самоудалению от всюду исполитиканившейся теперь нервной суеты.

Но во всем остальном, вне науки, Афона и вне своей семьи — переживаю я совершенно удрученное состояние духа, полное недоумения и смутного ожидания тяжких тревог в разлуке. Не могу сколько-нибудь ясно представить себе, что я застану при возвращении домой, что придется узнавать, сидя на чужбине у берега моря? Грядущее почему-то кажется мне крайне резким, и сама кротость науки, самая тишина монастыря, сама теплота юга едва ли уберегут мое бедное сердце. А впрочем — никто как Бог и во всем Его святая воля!

Как уже замечалось, Афон, и особенно Пантелеимон и его обитатели, все же в большой мере «умиротворили» нервную суету и «просветлили» удрученное состояние духа, что очевидно в записях последних двух недель пребывания Смоленского в Пантелеимоне и в написанных тогда «Дорожных впечатлениях». Степана Васильевича глубоко тронули устроенные ему проводы, заботливость иноков, их от души преподнесенные простые подарки. Только уехав, он понял, насколько сам полюбил в монастыре всех, от гостинника до настоятеля. Как сказано в письме к Шереметеву сразу же по возвращении:

...Впечатления Афонской природы и монастырской жизни — своеобразны и неотразимы. Силу таких впечатлений может узнать только тот, кто пожил на Афоне немалое время и изъездил его вдоль и поперек.

Позже Смоленский говорил о незабываемом 1906 годе как о вершине своей жизни. И это, конечно, его главный личный итог Афонской экспедиции.

В комментариях к текстам Дневника неоднократно приводятся сведения о последующей судьбе лиц, с которыми встретились участники экспедиции. Здесь немало замечательных, выдающихся судеб. Еще одна такая судьба — жизненный путь однокурсника Преображенского по Казанской Духовной академии Василия Харитонов, в иночестве Феофана, в схимонашестве Феодосия — знаменитого старца Феодосия Карульского. Самого главного не увидел встречавшийся с ним Преображенский, заметивший лишь, что его приятель стал «совсем как дитя».

Иеросхимонах Феодосий (1868—1937), которого экспедиция застала иноком Феофаном в Пантелеимоне, затем поселился в одинокой келье на Карули, почти неприступном горном массиве Афона, долгое время был духовником русских иноков-карулитов. Писал, публиковал и переводил богословские сочинения, состоял в переписке со многими деятелями за пределами Афона, в частности с митрополитом Антонием (Храповицким)⁸⁹.

В. А. Маевский описал свою встречу с о. Феодосием в середине 1930-х:

Тропинка избегала все выше и круче, а повороты ее были все чаще и неожиданнее. И вдруг перед нами сразу открылась калитка, положи-

⁸⁹ Письма митрополита Антония к иеросхимонаху Феодосию опубликованы: Митрополит Антоний (Храповицкий). Остаюсь любящий неизменно... М., 2007. С. 132—154.

тельно как бы прилипшая к основанию громадной каменной стены... <...> За калиткой послышались старческие шаги, прогремел отодвигавшийся засов — и вслед за тем на фоне темного четырехугольника открывшейся дверцы появилось перед нами прекрасное лицо старца-пустынника, одно из замечательнейших человеческих лиц, какие мне приходилось видеть в жизни. Оно было чистым, открытым, обрамленным белыми, как лунь, волосами головы, с такой же белой бородой, ниспадавшей на ветхую монашескую ряску. Но что было самым замечательным, самым чарующим на этом светлом старческом лице — это лучистые и ясные глаза, которыми он как бы обнимал и привлекал к себе всякого приближающегося. <...>

Я спустился в его крошечную, но чистенькую келийку и всецело погрузился в созерцание этого замечательного человека. Я старался понять отца Феодосия, присматривался внимательно и серьезно... Я вскоре убедился в одной непреложной истине: тихий и приветливый старец, о. Феодосий был человеком исключительным, необыкновенным, выходящим из ряда других людей по сочетанию тех добродетелей, какие так и излучало от себя все его существо, казавшееся таким простым и несложным. <...>

Но старец приобретал свои духовные богатства ценой нелегкой. О его неусыпном трудолюбии, непрерывной молитве, полной нестяжательности, высокой степени воздержания в пище и совершенно отсутствии честолюбия много рассказывали в разных обителях Афона...⁹⁰

Марина Рахманова

⁹⁰ Маевский В. А. Афон и его судьба. С. 142—144. См. также: Шкаровский М. В. Русские обители Афона и Элладская Церковь в XX веке. М., 2010. С. 53.

Афонская коллекция

Для восстановления Афонской коллекции следовало выявить все сохранившиеся фотокопии. Оказалось, что негативы и фотоснимки находятся в фондах разных библиотек и архивов, поэтому возникла необходимость сопоставить все ранее известные копии с данными, содержащимися в документах Смоленского — дневниках и отчетах, в служебных материалах ОЛДП, в печатных источниках.

История вопроса

Первой к исследованию афонских фотографий в начале 1980-х обратилась Н. С. Серегина. Она выявила 34 снимка в фондах Российского института истории искусств (тогда — ЛГИТМиК) и описала их¹. После этой работы афонские снимки были приравнены по ценности к оригинальным материалам и перемещены в фонд, содержащий каталоги рукописей и старопечатных нот². В 2003 Серегина опубликовала описание афонских снимков из собрания РИИИ со статистическим анализом встречающихся в них певческих знаков³. Таблицы, составленные по разновидностям нотаций (экфонетическая и палеовизантийская), содержат перечень невменных начертаний и частотный указатель к ним. По мнению автора, такой анализ позволяет сделать вывод: «Элементы экфонетической нотации составляют базовую основу палеовизантийской нотации, что подтверждает их историческую и логическую преемственность»⁴.

¹ РИИИ. Опись фонда № 2. С. 511—517: Фотографии листов из рукописей монастырей VI—XII вв. Краткий обзор работы Н. С. Серегини см.: Путеводитель по архивным фондам ЛГИТМиК. Л., 1984; Путеводитель по кабинету рукописей РИИИ / Сост. О. А. Данскер, Г. В. Копытова. СПб., 1996.

² Кабинет рукописей РИИИ, ф. 2, оп. 1, № 1391—1410.

³ См.: Серегина Н. С. Нотация рукописей афонских монастырей по фотокопиям экспедиции Смоленского из фонда Кабинета рукописей Российского института истории искусств: Византия и Восточная Европа. Литургические и музыкальные связи // Гимнология. Вып. 4. М., 2003.

⁴ Там же. С. 182.

На материалах из фондов РИИИ основана также работа Е. В. Герцмана «Следы афонской экспедиции»⁵, где рассматривается значение экспедиции в историческом контексте русско-византийских художественных связей. Если в исследовании Н. С. Серединой главной задачей было исследование нотации данных фотоснимков, то Е. В. Герцман сосредоточил свое внимание на атрибуции текстов. Сделав подробное описание фотокопий, он указал шифр и место хранения рукописей (со ссылками на каталог Ламброса⁶), дал некоторые уточнения датировок, определения типов нотаций и перевод инципитов песнопений⁷.

В 1982 появилась работа А. С. Белоненко, посвященная истории отечественной мысли о древнерусском певческом искусстве⁸. Рассматривая деятельность Смоленского в области русской медиевистики, исследователь обратил внимание на 40 афонских снимков, хранящихся в РГИА в личном фонде исследователя, и указал, что они были сделаны во время экспедиции на Афон⁹.

В конце XX века было выявлено еще одно собрание афонских фотокопий — в Отделе рукописей РНБ, в фонде учеников Преображенского В. А. и Ю. Ф. Прокофьевых¹⁰. Обработкой этого фонда занималась Н. В. Рамазанова. В описи снимки обозначены как «Фотокопии листов из рукописей Афонских монастырей»; в описании указаны типы певческих книг, шифры рукописей, типы нотации и наличие атрибутивных помет Смоленского. Общее число снимков в фонде Прокофьевых — 179¹¹.

⁵ См.: Герцман Е. В. Следы афонской экспедиции // Из фондов Кабинета рукописей Российского института истории искусств. Сообщения, публикации, обзоры. Вып. 2. СПб., 2003.

⁶ Lambros S. Catalogue of the Greek Manuscripts on Mount Athos. Vol. I—II. Cambridge, 1895—1900.

⁷ Герцман Е. В. Следы афонской экспедиции. С. 15—31. Кроме 34 фотокопий из фонда 2, Е. В. Герцман включил в свое описание одно фото из фонда 5 (оп. 2, № 39): фрагмент Стихираря XIII века со средневизантийской нотацией. Но поскольку этот фрагмент не имеет шифра рукописи, нельзя быть уверенным, что он был сделан в Афонской экспедиции; против подобного предположения говорит тот факт, что Смоленского интересовал в первую очередь древнейший тип палеовизантийской нотации и в его описаниях данный отрывок не упоминается.

⁸ См.: Белоненко А. С. История отечественной мысли о древнерусском певческом искусстве. Дис. ... канд. искусствоведения. Л.: Ленинградская консерватория, 1982. С. 85.

⁹ РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 218.

¹⁰ См.: Отдел рукописей РНБ. Опись фонда 1175. С. 61—64.

¹¹ РНБ, ф. 1175, оп. 1, № 408—426.

Итак, часть Афонской коллекции, а именно 253 фотокопии, исследователи обнаружили в разных хранилищах Петербурга: РГИА, РИИИ и РНБ. Благодаря работам Н. С. Серegiной, А. С. Белоненко, Е. В. Герцмана и Н. В. Рамазановой эти материалы вошли в научный оборот.

Отпечатки

Фотоснимки греческих рукописей, сделанные экспедицией, представляют разные греческие певческие кодексы X—XIV веков: Ирмологий, Стихирарь, Триодь Постную, Триодь Цветную, Октоих. Нередко именно эти рукописи на протяжении XX века пристально изучались византологами разных стран; иначе говоря — Смоленский сделал правильный выбор. Главное внимание исследователей XX века было обращено на разные типы греческой нотации¹².

Фотокопии не дают полной информации о формате кодекса, материале письма, количестве листов, сохранности и других особенностях рукописной книги. Поэтому важным источником являются описания избранных для копирования памятников, сделанные Смоленским на Афоне. Описания выполнены по следующим параметрам: библиотечные шифры, формат рукописи, количество строк на странице, номер по каталогу Ламброса (если есть), замечания о составе кодекса и разных его особенностях, количество сделанных фотоснимков. Первые описания такого рода Смоленский оставил в Афонском дневнике. Более полно итоги работы с рукописями изложены в его докладе «О поездке на Афон», прочитанном на заседании ОЛДП 8 декабря 1906¹³. Здесь мы приводим только приложение к докладу — собственно описание афонских рукописей, сопровождая его необходимыми комментариями

¹² См.: Tillyard H. J. W. Fragment of a Byzantine Musical Handbook in the Monastery of Lavra on Mt. Athos // Annual of the British School at Athens. V. 19. 1912/13. P. 239—260; Palikarova-Verdeil R. La Musique byzantine chez les bulgares et les russes (du IX-e au XIV-e siècle). Copenhagen, 1953 (MMB. V. III. Subsidia); Velimirović M. Byzantine elements in early slavic chant the Hirmologium. Copenhagen, 1960 (MMB. V. IV Subsidia; Vol. of appendices); Wellesz E. A History of byzantine music and hymnography. Oxford, 1961; Strunk O. Essays on music in the byzantine word. New York, 1977. 350 p. 6 pl.; Hannick Ch. Fundamental problems of early slavic music and poetry / Ed. bei Christian Hannick. Copenhagen, 1978 (MMB. V. 6. Subsidia); Stefanović D. Early stages of byzantinae notation // Muzica antiqua. № 7. Acta scientifica. Bydgoszcz, 1985. P. 259—271; Schidlovsky Nicolas. The notated Lenten prosomoia in the byzantine and slavic tradition. Ann Arbor (Mich.): Univ. Inierofilm intern, 1983, 343 с., [7] л. факс.

¹³ РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 29, л. 36—49.

ями. Все шифры даются в соответствии с текстом Смоленского, так же как и формат кодексов¹⁴. В случае расхождения датировки с таковой в работах исследователей XX века приводятся разночтения; указывается тип нотации и публикации рукописей или отдельных их фрагментов (*курсив*).

Рукописи Венской придворной библиотеки:

№ 136. Содержание этой рукописи: от л. 1 до 172 — Годовой Стихи-рарь, от л. 173 до 223 — Постная и Цветная Триодь (или, как выражается каталог: *Cantica cum antiquis notis musicis, à Dominicâ Publicani et Pharisaei usque ad Festum Omnium Sanctorum*¹⁵) и от л. 223 до последнего 264 — Стихирари Софрония Иерусалимского на Великий Пяток (или: *Sophronii Archiepiscopi Hierosolymitani, — Horologium magnae Parasceves «cum antiquis notis musicis»*¹⁶). Рукопись эта снята вся сполна, то есть заказано 528 снимков¹⁷.

*Венский кодекс опубликован Гердой Вольфрам*¹⁸.

Другие две рукописи были бы для нас замечательны не менее, если бы первая из них (XXXIII) была сплошь певческою, а вторая — (CCIV) более сохранною. Из первой рукописи, представляющей собою *Menaеum graecorum ab initio mensis Martij usque ad finem mensis Augusti, «cum antiquis notis musicis»* на 180 страниц — мною заказано всего 65 снимков; из второй того же содержания — XIII века — 18 снимков¹⁹.

Всего 611 [венских] снимков.

¹⁴ Старая русская мера длины «вершок» (4, 4 см) везде переведена в сантиметры.

¹⁵ *Nessel Danielis de. Breviarium et Supplementum Commentariorum Lambecianorum sive Catalogus, aut Recensio specialis Codicum Manuscriptorum Graecorum, nec non Linguarum Orientalium Augustissimae Bibliothecae Caesariae Vindobonensis, cum locupletissimis Indicibus et selectissimis Addimentis. Partes I—V (5 tomes), Vienne et Nuremberg, 1690: Pars I. Codd. Theol. graeci; 1—337. — Pars. II. Codd. Luridici graeci; 1—18. — Pars III. Codd. Medici graeci; 1—53. Pars IV. Codd. Phil. Graeci 1—347. — Pars. V. Codd. Hist. Graeci; 1—130: cotes officielles. См.: Т. 1. P. 220.*

¹⁶ Там же.

¹⁷ Краткое описание этих рукописей содержится в докладе С. В. Смоленского «О поездке на Афон», л. 42—43.

¹⁸ *Sticherarium Antiquum Vindobonense: Codex theol. Gr. 136. Bibliothecae Nationalis Austriae phototypice depictus / Ed. Gerda Wolfram. Vindobonae, 1987 (MMB. V. 10. Pars principalis).*

¹⁹ Снимки венских рукописей № 33 и 204 не сохранились.

Рукописи Лавры св. Афанасия:

№ В 32 Ирмологий, [XII век]²⁰, внешне 4 $\frac{1}{8}$ вершка × 3 $\frac{1}{8}$ [18,15 × 13,75 см]; внутренне 3 $\frac{1}{8}$ × 2 вершка [13,75 × 8,88 см] на 312 листах, в бумажном переплете, 19 строк в странице. Знамена писаны киноварью; заглавный лист и начало утрачены, но конец сохранен. Рукопись начинается с третьего канона 1-го гласа, изложенного, как во всех древнегреческих Ирмологах, подряд во всех «одах» каждого канона отдельно. Таких канонов собрано для 1-го гласа 40; 2-го гласа (с л. 34) — 43; 3-го гласа (с л. 74) — 37 канонов; 4-го гласа (с л. 107) — 47 канонов; 5-го гласа (с л. 156 об.) — 41; 6-го гласа (с л. 192) — 53 канона; 7-го гласа (с л. 240) — 28 канонов и 8-го гласа (с л. 263) — 54 канона. Всего, следовательно, канонов 343, или в отдельных ирмосах («одах») около 3000 песнопений, то есть нечто почти втрое и даже более превышающее содержание наших Ирмологов, как нынешних так и древних. В конце рукописи есть подпись «Писал Григорий, дай ему, Господи, прощение прегрешений», — но года при этой подписи нет.

Так как в содержание этой огромной рукописи входит множество канонов, не вошедших в употребление в Русской церкви, и, наоборот, имеющиеся у нас каноны встречаются здесь далеко не все, то мы затруднились снять эту рукопись всю сполна, как не имеющую на всем своем протяжении непосредственного отношения к русскому богослужению и как «Kalofonica» — церковно-певческому русскому искусству. У нас не было к тому же под руками никаких общих указателей или, например, известного издания «Migne»²¹, чтобы мы могли тут же справиться о степени авторитетности или известности этой рукописи. Ламброс, как известно, не был допущен в Лаврское древлехранилище, и потому этот указатель был безмолвен.

Поэтому мы ограничились тем, что сняли по 10—12 двойных страниц из каждого из 8-ми гласов этого Ирмолога (ā [первого] гласа — л. 12—19; ð [второго] — л. 48—61; ĩ [третьего] — л. 93—103; ð̄ [четвертого] — л. 127—138; ê [пятого] — л. 166—182; š̄ [шестого] — л. 193—195 и 223—233; ž̄ [седьмого] —

²⁰ Часть рукописей в этом описании не датирована, пропуски восстанавливаются по другому документу, содержащему в Афонском дневнике: «Общий свод певческих древне-греческих рукописей, виденных на Афоне» (РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 11, л. 92).

²¹ Migne (Abbé J. P.). Dictionnaire des Manuscrits, ou recueil de Catalogues de Manuscrits existants dans les principales bibliothèques d'Europe, concernant plus particulièrement les matières ecclésiastiques et historiques. 2 vol. Paris, 1853 (Serie Nouvelle encyclopédie théologique, on Nouvelle série de dictionnaires sur toutes les parties de la science religieuse publiée par M. d'abbé Migne. Petit-Montrouge, J. P. Migne, 1851—1859. B. 40—41).

л. 240—252 и й [восьмого] — л. 263—273, всего около 110). Кроме этого был составлен перечень всех канонов, находящихся в этой рукописи, с указанием листов, номера канона, начальных слов 1-й песни каждого канона, времени его назначения и, наконец, автора канона. Если при таком указателе и при таком количестве снимков этот Ирмолог возбудит внимание византологов, то привезенных нами данных будет совершенно достаточно для работы по части этой интересной рукописи.

Согласно датировке Э. Веллеша²² и Д. Стефановича²³, данная рукопись относится к концу X века. Это совпадает с мнением О. Странка²⁴, который полагает, что кодекс был написан не ранее 950 года и содержит шартфскую нотацию, за исключением листов 51—58 с коаленской нотацией. Е. В. Герцман замечает по поводу фрагмента Ирмолога XI века из собрания Порфирия Успенского (РНБ, ф. 906, Собрание греческих рукописей, № 361), что это фрагмент Ирмолога Лавры святого Афанасия № В 32²⁵.

Опубликованы листы: 1—2 об.²⁶, 53²⁷, 79 об.²⁸, 200²⁹.

№ Г 9 Ирмологий, [XII век]. Внешне 4½ × 3½ [19,8 × 15,4 см]; внутренне 3²/₈ × 2½ [14,3 × 11,0 см], на 89 листах по 17 строк в странице. Знамена писаны чернилами, первые четыре бумажных листа чужды Ирмологу. Рукопись довольно растерянная; по содержанию намного короче и проще предыдущей, может быть и много древнее. Счет ирмосов ведется неясно. Собрано 1-го гласа канонов (л. 5—20 об.) — 14; 2-го гласа (до л. 35) неполных — 13;

²² Wellesz E. A. History of Byzantine music and hymnography. P. 263.

²³ Stefanovic D. Early stages of byzantinae notation. P. 260.

²⁴ Strunk O. Essays on music in the Byzantine word. P. 87.

²⁵ См.: Герцман Е. В. Греческие музыкальные рукописи Петербурга. Каталог. Т. 1. СПб., 1996. С. 49.

²⁶ Герцман Е. В. Преосвященный Порфирий Успенский и его коллекция древних музыкальных рукописей. СПб., 1996. Прилож. № 6, 7, 8, 9 (Греч. 361). Репродукции этих листов имеются также в издании: Thibaut J. B. Monuments de la notation ekphonétique et hagiopolite de l'Église Grecque: exposé documentaire des manuscrits de Jérusalem, du Sinai, et de l'Athos, conservés à la Bibliothèque imperiale de Saint-Petersbourg. St. Pétersbourg, 1913. P. 73—76 (листы из коллекции Порфирия Успенского).

²⁷ Stefanovic D. P. 262.

²⁸ Velimirovic M. Byzantine elements in early slavic chant: The Hirmologion (MMB. V. IV Subsidia). Приложение к тому.

²⁹ Strunk O. P. 87.

3-го гласа (до л. 43) — 6 канонов; 4-го гласа (до л. 57 об.) — 14 канонов; 5-го гласа (до л. 62 об.) — 5 канонов; 6-го гласа (до л. 71 об.) — 9 канонов; 7-го гласа (до л. 76 об.) — 6 канонов и 8-го гласа — 7 канонов. В конце рукописи какие-то дополнения вроде ирмоса 2-й песни «Видите, видите», повторенного по несколько раз. Рукопись эта снята вся.

Э. Веллеш датирует Ирмологий XII веком, что совпадает с мнением Смоленского. Рукопись содержит шартфскую нотацию.

№ Г 12. Постная Триодь. Внешне $4 \times 2\frac{7}{8}$ [17,6 × 12,6 см]; внутренне $2\frac{7}{8} \times 1\frac{7}{8}$ [12,65 × 8,25 см], на 83 листах по 18 строк в странице. Знамена писаны чернилами и кажутся до л. 43 об. как будто бы после приписанными. Начало и конец рукописи утрачены. Рукопись, начинаясь с песнопений 1-й недели Поста, производит впечатление самой древней между Лаврскими — может быть IX века и даже древнее. Сняты из этой рукописи все листы с певческими знаменами, то есть л. 1—43, и кроме того, от л. 79 об. до 81.

О. Странк определяет время создания рукописи не ранее 950 года (как и № В 32) и относит к наиболее ранним, содержащим шартфскую нотацию³⁰.

№ Г 67. Постный и Цветной Стихирари и Октоих, [XII век]. Внешне $4\frac{6}{8} \times 3\frac{1}{2}$ вершка [20,9 × 15,4 см]; внутренне $3\frac{1}{4} \times 2\frac{1}{4}$ вершка [14,3 × 9,9 см], на 162 листах по 17 строк в странице. Знамена писаны киноварью. Рукопись без начала и конца; начинается с песнопений 4-й недели Поста. Октоих (с л. 107 до 155 об.) состоит из воскресных и восточных стихир с догматиками и антифонами на все 8 гласов, равно и с 11 Евангельскими стихирами. После Октоиха разные добавочные статьи: 1) Заупокойные тропари (до л. 158 об.); 2) Азбука певчая, на л. 159; 3) Песнопения Великого Четверга; л. 160 и следующие — Евангельские стихиры (до 10-й) в иной редакции.

Два листа рукописи отражены в каталоге А. Гастуэ³¹ и определены им как «шартфские» (Pl. III. Chartres, 1754, f 62 v — 63 r, IX-e siècle). Спустя некоторое время Х. Тильярд установил, что эти листы относятся к кодексу № Г 67, и опубликовал листы 61, 62 об. — 63 и лист 159, содержащий азбуку палеовизантийской шартфской нотации³². На эту

³⁰ См.: Strunk O. P. 57.

³¹ Gastoué A. Catalogue des Manuscrits de Musique byzantine de la Bibliothèque Nationale de Paris et des bibliothèques publiques de France. Paris, 1907.

³² Tillyard H. J. W. Fragment of a Byzantine Musical Handbook in the Monastery of Lavra on Mt. Athos. P. 239—260. PL. VI, VII.

азбуку Смоленский первым обратил особое внимание: «Выше всякой цены оказалась та страница в Лаврской рукописи Г 67, где на л. 159 нашлась невческая азбука. Эта страница — конечно, будет ключом для многих будущих откровений» (Афонский дневник).

К рукописи обращались на протяжении XX века многие зарубежные ученые: К. Ханник, М. Велимирович, О. Странк, Э. Веллеш, Д. Стефанович.

Р. Паликарова-Вердей провела исследование нотации кодекса в сравнении с болгарскими и русскими невмами. О. Странк определил время создания рукописи не ранее 950 года³³. По его мнению, листы 106—106 об. написаны другим почерком и датируются 1226—1250 годами. Странк опубликовал листы 32, 53, 114 и азбуку, которой занимались также Гильярд и Паликарова-Вердей. Е. В. Герцман составил библиографию, связанную с изучением данного кодекса³⁴.

Опубликованы листы: 32³⁵, 53³⁶, 61, 62 об. — 63, 114, 114 об.³⁷, 159³⁸.

№ Г 72. Постный и Цветной Стихирари, [XII век]. Внешне $5\frac{1}{8} \times 3\frac{6}{8}$ [22,5 × 16,5 см]; внутренне $3\frac{1}{2} \times 2\frac{1}{2}$ вершка [15, 4 × 11 см], на 92 л. по 18 строк в странице. Знамена писаны киноварью. Начало и конец рукописи утрачены. Рукопись начинается песнопениями Великого Понедельника; с листа 40 — песнопения Святой Пасхи со стихирами на каждый день (NB: л. 43—46 нумерованы неправильно) и т. д. до Недели всех святых. Рукопись снята вся, кроме листов без знамен. Всех снимков 86.

Эту рукопись исследовали О. Странк, Э. Веллеш, Д. Стефанович, К. Ханник и другие. По мнению Странка, кодекс создан между 969 и 1011 годами, содержит шартфскую нотацию и представляет собой один из ранних источников стихир Минеи³⁹. Исследователь полагает, что эта рукопись и следующая № Г 74 были созданы одним писцом.

Опубликован: л. 6 об.⁴⁰

³³ Strunk O. Essays on music in the Byzantine word. P. 106.

³⁴ См.: Герцман Е. В. Византийское музыкознание. Л., 1988. С. 208—209.

³⁵ Strunk O. P. 82.

³⁶ Там же. P. 86.

³⁷ Там же. P. 181.

³⁸ Wellesz E. A History of Byzantine music and hymnography. P. 273.

³⁹ Strunk O. P. 88.

⁴⁰ Там же. P. 83.

№ Г 74. Стихирарь годовой, [XII век]. Внешне $5\frac{1}{8} \times 3\frac{6}{8}$ [22,5 × 16,5 см]; внутренне $3\frac{1}{2} \times 2\frac{1}{2}$ вершка [14,5 × 11,0 см], на 116 листах по 18 строк в странице. Знамена писаны киноварью, но попадают в отдельных песнопениях и чернильные. Рукопись без начала и без последнего листа; начинается песнопениями конца ноября и кончается песнопениями 29 августа. Рукопись снята вся, кроме листов без знамен. Всех снимков 109.

О. Странк датировал манускрипт тем же периодом, что и рукопись № Г 72 (между 969 и 1011 годами), и причислил к группе рукописей, содержащих шартрскую нотацию; по мнению Странка, кодексы № Г 72 и № Г 74 являются самыми ранними образцами полного Стихиаря⁴¹.

Опубликован: л. 104⁴².

№ Д 28. Стихирарь годовой и с л. 127 Постная и Цветная Триоди. Внешне $5\frac{5}{8} \times 4$ вершка [24,75 × 17,6 см]; внутренне $3\frac{5}{8} \times 2\frac{1}{2}$ [15,95 × 11,0 см] на 214 листах по 18 строк в странице. Знамена чернильные, с л. 200 и следующие — с киноварными знаменами. Рукопись отличного письма, но, вероятно более позднего, может быть, XIII века или XIV. Начало и конец утрачены. Рукопись начинается песнопениями 8 ноября, а Цветная Триодь кончается стихирами Вознесению. Рукопись снята вся сполна, но вследствие ошибки в Лаврской пагинации листов оказалось на самом деле 206. Столько же и снимков.

Е. В. Герцман датирует рукопись XII веком и определяет ее нотацию как палеовизантийскую коаленскую⁴³.

Опубликованы: л. 193 об. — 195⁴⁴.

Андреевский Стихирарь № 18, [XII век]. Внешне $4\frac{1}{2} \times 3\frac{1}{2}$ вершка [19,8 × 15,4 см]; внутренне $3\frac{1}{8} \times 2\frac{1}{4}$ вершка [13,75 × 9,9 см], на 271 л. по 13 строк в странице. Отличная рукопись, но, к сожалению, совершенно испорченная о. библиотекарем, вздумавшим пропитать ее с корешка маслом ради лучшей будто бы ее сохранности. Желтые масляные пятна на страницах рукописи давали при фотографировании черную реакцию, и потому, по невозможности читать такие снимки, несмотря на их увеличенный формат, фотографирование было брошено после 85 страницы.

⁴¹ Strunk O. P. 105.

⁴² Там же. P. 88.

⁴³ Герцман Е. В. Следы афонской экспедиции. С. 26.

⁴⁴ Strunk O. Specimina notationum antiquiorum: folia selecta ex variis codicibus saec. X, XI, & XII phototypice depicta. Copenhagen, 1965 (MMB. Pars principalis. Facsim. Vol. 8). Tab. 29—32.

Э. Веллеш называет нотацию этого кодекса «андреевской» и характеризует ее как архаичный тип с добавлением простых экфонетических знаков⁴⁵. Тильярд полагает, что «андреевская» нотация — это одна из форм палеовизантийской нотации на определенной стадии ее развития⁴⁶.

Опубликован: л. 114⁴⁷.

Кутлумушский Стихирарь № 398, [XI—XII век] (по Ламбросу № 3471 — Troparia). Внешне 4¹/₈ × 3 вершка [18,15 × 13,2 см]; внутренне 2⁷/₈ × 1⁶/₈ [12,65 × 7,7 см], на 170 листах по 17 строк мелкого письма на странице. Рукопись без переплета, без начала и конца. Ввиду других Стихирарей гораздо лучшего письма, снято только 6 снимков.

В публикациях упоминаний о данной рукописи не обнаружено. По нашему мнению, нотация этого кодекса относится к типу палеовизантийской коаленской.

Иверский Ирмолог № 470, [XII век] (по Ламбросу № 4590). Внешне 5⁵/₈ × 4¹/₄ [24,75 × 18,7 см]; внутренне 3⁷/₈ × 3 [17,05 × 13,2 см]; пагинации нет, но сосчитано 150 листов по 20 строк в странице. Рукопись очень сохранный, в переплете, отличного письма. Снята вся сполна.

К исследованию этой рукописи обращались многие ученые-византисты, в том числе М. Велимирович, О. Странк и Э. Веллеш. Их датировка совпадает с указанием Смоленского. Веллеш определяет нотацию кодекса как коаленскую⁴⁸.

Рукопись опубликована полностью К. Хёгом в серии Monumenta Musicae Byzantinae⁴⁹.

Ватопедский Стихирарь Постный и Цветной и Октоих № 893, [XII—XIII века]. Внешне 4 × 3¹/₄ вершка [17,6 × 14,3 см]; внутренне 3 × 2¹/₈ вершка [13,2 × 9,35 см], на 217 листах по 14 строк на странице. Рукопись очень сохранный, в переплете, хотя и очень обрезана сверху. Письмо отличное. Знамена

⁴⁵ Wellesz E. 1961. P. 278.

⁴⁶ Tillyard H. J. W. Byzantine music about A. D.: 1100 // Musical Quarterly. 1953. V. 39, № 2. April. P. 223—231.

⁴⁷ Там же. Позже этот лист был переиздан: Wellesz E. P. 278.

⁴⁸ Wellesz E. P. 273.

⁴⁹ Hirmologium Athoum / Ed. Carsten Høeg. Copenhagen, 1938 (reproduction intégrale de Codex Monasterii Hiberum 470). (MMB. Serie Prinzipale. Facsimilés. V. 2).

чернильные. Цветной Стихирарь с л. 125 об., Октоих со 178 л.; Антифоны с 201 л. об.; «Заупокойные стихиры поемья в Пяток вечера» (5 номеров) — л. 212 об.; Стихиры отпустительные Феодора Студита — л. 214 и следующие. Рукопись снята вся сполна.

По мнению Е. В. Герцмана, песнопения в этой рукописи, которую он датирует XIII веком, записаны средневизантийской нотацией⁵⁰. Исследователь утверждает, что в каталоге Ватопедского монастыря под № 893 не могла быть зарегистрирована певческая рукопись, поскольку такие рукописи описаны под № 1252—1536⁵¹, а под № 893 числится *Εὐαγγέλιον* XV века⁵², следовательно, указание № 893 является ошибкой. Е. В. Герцман опирается на каталог С. Эстратиадеса (1924), в котором данная рукопись зарегистрирована под № 1488⁵³. В последующих работах кодекс упоминается именно под шифром 1488. В документах Смоленского (дневниках, отчетах, статьях) Стихирарь значитя под № 893; на него ссылается также А. В. Преображенский в работе «О сходстве русского музыкального письма с греческим»⁵⁴. По-видимому, расхождения можно объяснить изменениями в шифрах библиотеки Ватопедского монастыря. Но надо принять во внимание, что основным критерием в выборе рукописей для копирования было наличие знаков древнейшего нотного письма (как известно, средневизантийская нотация не нашла отражения в древнерусских источниках). Действительно, нотация данного кодекса представляет тип коаленской палеовизантийской нотации. Это подтверждает в своей работе О. Странк, который датирует рукопись 1050 годом и публикует два разворота: листы 74 об. — 75, 104 об. — 105⁵⁵.

В 1975 Стихирарь был полностью опубликован с комментариями и иниципитным указателем в серии ММВ⁵⁶.

⁵⁰ Герцман Е. В. Следы афонской экспедиции. С. 27—28.

⁵¹ Eustratiades S. and Arcadios Deacon. Catalogue of the Greek Manuscripts in the Library of the Monastery of Vatopedi on Mount Athos. Cambridge: Harvard university press. Paris: Eduard Champion. London: Humphrey Milford Oxford University press, 1924 (Harvard Theological Studies, XI). P. 209—239.

⁵² Там же. P. 168.

⁵³ Там же. P. 234.

⁵⁴ См. в Приложении «А. В. Преображенский».

⁵⁵ Strunk O. Essays on music in the Byzantine word. P. 80—81, 84—85.

⁵⁶ Triodium Athous / Ed. Enrica Follieri et Oliver Strunk. Copenhagen, 1975 (ММВ. Pars Principalis et Pars Suppletoria, vol. 9. Reproduction integrale du Cod. Athous Vatoped. 1488).

Есфигменский Ирмологий № 54, [XI—XII века] (по Ламбросу № 2067, будто бы XIV века). Внешне 5 х 4 вершка [22,0 × 17,6 см]; внутренне 3½ × 2⁵/₈ вершка [15,4 × 11,55 см], на 140 листах при 20 строках в странице до л. 45 об. и при 17 строках с 46 листа и до конца рукописи. Почерк, однако, одинаков. Рукопись не имеет ни начала, ни конца; начинается продолжением канонов 2-го гласа.

Фотографии четырех листов этой рукописи из коллекции П. И. Севастьянова первым исследовал Д. В. Разумовский. Впоследствии те же фрагменты были опубликованы В. М. Металловым в качестве образца «греко-сирийского пения» и датированы XI веком⁵⁷. Один лист опубликовал С. В. Смоленский в очерке «О древнерусских певческих нотациях»⁵⁸.

Нотация Есфигменского Ирмолога неоднократно вызывала дискуссии; по мнению О. Странка, это архаическая форма коаленской нотации, Э. Веллеш определяет ее как «есфигменскую» разновидность палеовизантийской нотации⁵⁹.

Итак, из пятнадцати рукописей, скопированных экспедицией, три опубликованы полностью — Иверский Ирмологий № 470, Ватопедская Триодь № 1488 (893) и Венский Стихирарь № 136. Остальные изданы фрагментарно, в качестве образцов разных типов палеовизантийской нотации. Выбранные экспедицией для копирования кодексы представляют разные певческие книги, охватывают обширный комплекс богослужебных текстов и содержат разные типы палеовизантийской нотации («шартрская», «коаленская», «есфигменская» и «андреевская»).

Альбомы. Общая сводка

Поскольку имевшиеся фотоснимки (отпечатки) представляли относительно небольшую часть материалов экспедиции, встала задача выявления афонской коллекции в полном ее составе. Для этого были привлечены отчеты Смоленского в ОЛДП⁶⁰, Афонский дневник, приведенное

⁵⁷ Металлов В. М. Богослужебное пение русской церкви. Период домонгольский: по историческим, археологическим и палеографическим данным. М., 1912. Таблицы IV—VII.

⁵⁸ Смоленский С. В. О древнерусских певческих нотациях. Историко-палеографический очерк, читанный в ОЛДП 26 января 1901 года. СПб., 1901. С. 20.

⁵⁹ Wellesz E. P. 272.

⁶⁰ См.: Отчеты ОЛДП за 1906—1907 гг. СПб., 1908. С. 27 (ПДПИ).

выше описание и письмо Смоленского к А. В. Преображенскому с проектом альбомов для хранения афонских снимков (см. в разделе *Письма*).

Из отчета Смоленского следует, что всего было сделано свыше 2000 снимков. На основе перечисленных выше источников можно уточнить эту цифру. Согласно «Общему своду рукописей», в афонских библиотеках для фотосъемки было выбрано около 2000 двойных страниц (разворотов) нотированных рукописей⁶¹. В Лавре святого Афанасия сделано 677 снимков, в библиотеках Кутлумушского, Иверского, Ватопедского, Есфигменского монастырей и Андреевского скита — 485; итого — 1162⁶². Вместе с фотокопиями венских рукописей (611) общее число отпечатков = 1773. Эта цифра практически совпадает с цифрой, полученной А. В. Преображенским, когда по просьбе Д. В. Аллеманова он уточнял общий объем коллекции⁶³. По подсчетам Преображенского, общее количество афонских фотоснимков = 1786, вместе с подборкой из так называемой «Пантелеимоновой связки № 97» (примерно 10—13 копий). По-видимому, при подсчетах использовался составленный на Афоне «Общий свод рукописей».

К 1773 копиям с нотированных рукописей следует добавить копии с экфонетической нотацией: 39 на Афоне плюс 10 в Софии; общий итог — 1822. Но на момент составления «Общего свода рукописей» копирование было еще не закончено, и количество снимков со временем возросло (об этом — далее).

В письме к Преображенскому Смоленский указывает, что для фотографий экспедиции необходимо изготовить 18 альбомов⁶⁴. Основной принцип систематизации материала — принадлежность к той или иной книге, причем снимки должны были следовать в соответствии с расположением листов в рукописи. Для фотокопий с экфонетическими знаками предполагался отдельный альбом (см. *Таблицу 1* в конце данного раздела).

Три альбома предполагалось использовать для хранения 360 снимков с венских нотированных рукописей; четырнадцать альбомов было

⁶¹ Большинство снимков сделано в разворот, то есть на каждой фотокопии представлено два листа рукописи.

⁶² Семь рукописей Лавры святого Афанасия: № В 32 (80 копий), № Г 9 (77), № Г 12 (41), № Г 67 (70), № Г 72 (91), № Г 74 (109), № Д 28 (209); рукописи Андреевского скита № 18 (85), Кутлумуша № 398 (6), Ивера № 470 (150), Ватопеда № 893 (217) и Есфигмена № 54 (24), а также Пантелеимона без номера (2).

⁶³ Письмо А. В. Преображенского к Д. В. Аллеманову от 14 мая 1912 — РГИА, ф. 1109, оп. 1, № 91, л. 9—10 (см. в разделе *Письма*).

⁶⁴ РГИА, ф. 1109, оп. 1, № 107, л. 50—55 (см. в разделе *Письма*).

запланировано для 1530 фотокопий с афонских нотированных кодексов. При этом для афонских рукописей № Д 28, № 893 (1488), № 18 и венской № 136 планировалось сделать по два альбома для каждой; еще один альбом под названием «Varia» предназначался для рукописей с экфонетическими знаками. Общее число снимков, указанных в письме, — 1960.

На основе описаний Смоленского и наблюдений, полученных при работе со снимками, была составлена общая сводка материалов экспедиции. После сопоставления всех имеющихся источников выяснилось точное количество отпечатков, сохранившихся в разных фондах.

Как известно, в РГИА в личном фонде Смоленского находится 40 фото-снимков с афонских и венских рукописей⁶⁵. Среди них 9 копий листов Евангелий с экфонетическими знаками Пантелеимонова, Иверского и Ватопедского монастырей. На оборотах этих снимков имеются карандашные пометы, содержащие указания разных глав из Евангелий. Возможно, это пометы библиотекаря о. Матфея, который помогал Смоленскому систематизировать снимки. Остальные фотоснимки (31) содержат фрагменты Ирмология, Стихиаря Постного и Цветного, Стихиаря Минейного из рукописей: Лавры святого Афанасия № Д 28 (2 снимка), Есфигменского монастыря № 54 (4), Ватопедского № 893 (1488) (4) и венского кодекса № 136 (21)⁶⁶.

Формат фотокопий из Ватопедского и Есфигменского монастырей меньше обычного, эти снимки были обрезаны с разных сторон (12,2 × 16,7; 12 × 16,7 и 12 × 17,3). Одна фотокопия рукописи Лавры № Д 28 имеет формат 18 × 24: она была сделана, видимо, в качестве пробы, так как остальные снимки этого кодекса имеют обычный формат (13 × 18). Фотографии венского кодекса не имеют указания шифров, атрибутировать эти листы помогла публикация Г. Вольфрам⁶⁷.

Кроме того, в РГИА хранятся материалы, не принадлежащие к Афонской коллекции, но имеющие отношение к экспедиции. В подборке документов, составленной Смоленским, есть три фотокопии с греческих нотированных рукописей — из Ирмолога и Стихиаря монастырской библиотеки на о. Патмос⁶⁸. Эти снимки — приложение к адресован-

⁶⁵ РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 218.

⁶⁶ Там же. Еще одна фотокопия Венской рукописи № 136 (л. 4) хранится в сделанной Смоленским подшивке документов по поездке на Афон: РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 84, л. 55.

⁶⁷ *Sticherarium Antiquum Vindobonense: Codex theol. Gr. 136...* / Ed. Gerda Wolfram. Vindobonae, 1987 (ММВ. V. 10. Pars principalis).

⁶⁸ РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 84, л. 103 об., 104 об., 107. См. в Приложениях.

ному Смоленскому письму библиотекаря Пантелеимонова монастыря о. Матфея⁶⁹. Шифры рукописей указаны в письме:

Прилагаемые теперь 2 снимка с 4-х страниц Ирмология (без начала и конца), значащегося у них под № 5-м. Следующий снимок с кодекса ихнего под № 218-м, это «Стихириарий». (Как видно по письму, 12 или 13 века.)

В РИИИ находится 34 фотокопии с афонских рукописей X—XII веков⁷⁰. Из них 19 фотоснимков представляют рукописи Евангелий из разных монастырей: Ивер № 1; Пантелеимон № II, № XXVII, № 86, № XCIV (4), № LXII (2); № 101 (3); Ксиропотам № 118, № 234 (2), Есфигмен № 18 и один лист из неустановленного собрания. Остальные фотоснимки (15) сделаны с нотированных кодексов, шесть из них имеют указание шифра: Лавра святого Афанасия № Д 28 (2), № Г 72, № Г 74, Ватопед № 893 (2) и 9 листов из рукописей неустановленного происхождения.

Еще одна часть коллекции находится в фонде В. А. и Ю. Ф. Прокофьевых в ОР РНБ — 179 фотокопий с разных рукописей. Снимки хранятся в 19 конвертах. Два из них имеют пометы рукой Смоленского о количестве снимков, шифрах рукописей и номере коробок при упаковке. Эти пометы зачеркнуты карандашом, рукой неустановленного лица сделаны приписки о типе кодекса и количестве снимков. Остальные 17 конвертов явно более позднего происхождения, с наклейками «Бромосеребряная бумага. Государственный фото-кино техникум. Ленинград». Скорее всего, фотокопии были распределены по конвертам или самим А. В. Преображенским, или его учениками. Фотоснимки из двух конвертов, не имеющие указания шифров, атрибутированы благодаря работе О. Странка⁷¹, который опубликовал лист 114 об. из рукописи № Г 67. Фотоснимок именно этого листа был обнаружен в одном из конвертов.

В собрании Прокофьевых хранится только 2 фотокопии с экфонетическими знаками (Евангелие Пантелеимонова монастыря № 101). Остальные снимки представляют собой фрагменты из всех 12 нотированных кодексов, выявленных экспедицией на Афоне.

⁶⁹ РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 84, л. 105—106 об. См. в разделе *Письма афонских иноков*.

⁷⁰ РИИИ, ф. 2, оп. 1, № 1395—1409.

⁷¹ Strunk O. Essays on music in the Byzantine word. P. 82 (опubl. л. 114 об.).

Итак, в фондах РГИА, РИИИ и РНБ числится 253 фотоснимка греческих рукописей, то есть около $\frac{1}{10}$ части отснятых материалов, притом преимущественно разрозненные листы. Эти материалы дают общее представление о коллекции, но не отвечают главной задаче экспедиции: собрать комплекс византийских песнопений древнейшего периода для дальнейшего сопоставления их с древнерусскими образцами. И здесь возникал вопрос: где находятся остальные материалы?

Вновь найденные материалы

Догадка о местонахождении недостающих материалов была высказана Н. И. Кабановой в предисловии к публикации Воспоминаний Смоленского:

До сих пор неясна судьба большой коллекции снимков (2000 единиц), привезенных Смоленским и его спутниками А. Н. Николовым, П. А. Лавровым и А. В. Преображенским с Афона и из библиотек Вены в 1906 году. <...> Думается, следы ее могут обнаружиться в фондах Общества любителей древней письменности, финансировавшего афонскую экспедицию⁷².

Заслуживало внимания и свидетельство Е. В. Герцмана:

Зная о существовании в РНБ большого количества фотографий афонских певческих рукописей из собрания Императорского ОЛДП, я обратился к старшему научному сотруднику Отдела рукописей, главному хранителю древнего фонда П. А. Медведеву с просьбой прояснить судьбу той части коллекции ИОЛДП, которая ныне хранится в РНБ. Он подвел меня к гигантскому шкафу и указал на огромные тюки, буквально сваленные в нем. По его словам, в этих тюках еще с 1930-х годов находятся неразобранные материалы, также являющиеся частью собрания ИОЛДП⁷³.

С целью найти коллекцию мы начали обработку архива ОЛДП. На первом этапе было важно собрать сведения, подтверждающие передачу материалов экспедиции в Общество. Эти сведения обнаружили в личных и служебных документах Смоленского; в частности, в его Днев-

⁷² Кабанова Н. И. Степан Васильевич Смоленский и судьба его архива // РДМ. Т. IV. С. 25.

⁷³ Герцман Е. В. Следы афонской экспедиции. С. 14, 15.

нике № 7, в записи от 31 октября 1906 зафиксирована точная дата поступления основной части негативов в ОЛДП:

Сегодня наконец-то прибыли в Общество Любителей Древней Письменности наши Афонские негативы, освобожденные от нелепо насчитанной таможенной пошлины⁷⁴.

После отъезда Смоленского с Афона копирование рукописей продолжал инок Пантелеимонова монастыря о. Гавриил. В «Общей ведомости негативов и снимков»⁷⁵ Смоленским отмечено:

Nota Veni. Для о. Гавриила счет коробок продолжен 75—9, 80—1, Андреевского скита № 18; 82—2, 83—3 etc.⁷⁶

В письмах к Смоленскому (см. *Письма афонских иноков*) о. Гавриил сообщал о результатах своей деятельности:

Андреевская книга могла считаться оконченной, если бы не оказалось несколько разбитых в дороге негативов (из-за которых я должен вновь тащиться в Андреевский скит). По совету о. Матфея на следующем пароходе (4 января) отправляю Вам снимки Андреевской книги, а недостающие пришлю Вам вместе с негативами, но не прежде чем получу от Вас известия, что посланные позитивы Вами получены⁷⁷.

Негативы и фотоснимки с рукописи Андреевского скита № 18 поступили в ОЛДП 22 января 1907⁷⁸.

Помимо библиотеки Андреевского скита о. Гавриил работал в Есфигмене и Ватопеде, в Лавре святого Афанасия. Из письма от 25 апреля 1907:

Холода у нас ослабели настолько, что можно двинуться уже и в Есфигмен. А потому мне необходимо получить от Вас следующие сведения.

В Вашей заметке говорится: № Г 12 л. 19, об остальных будет написано из Санкт-Петербурга. Рукопись Г 67 — тоже из Санкт-Петербурга, а между тем до сих пор Вы ничего подобного не прислали. Дальше, Вы

⁷⁴ РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 12, л. 206.

⁷⁵ Там же, № 11, л. 129—137. На л. 129 помета Смоленского: «5 августа».

⁷⁶ Там же, л. 137.

⁷⁷ РГИА, ф. 1119, № 84, л. 74—75.

⁷⁸ Запись в дневнике Смоленского: РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 10, л. 324.

пишете в заметке, что зачеркнутые номера страниц как уже снятых снимать вторично не требуется. Где эти зачеркнутые номера? Я их не нахожу нигде. А потому покорнейше прошу Вашего подробного наставления, чтобы не была напрасная трата и пластинок, и времени и чтобы с Вашей инструкцией можно было работать безошибочно как в Есфигмене, так и Ватопеде и Лавре⁷⁹.

Из следующего письма о Гавриила узнаем о количестве материалов, необходимых для работы:

Следовательно, 3 дюжины пойдет на окончание Есфигменского Ирмолога, 2 дюжины пойдет на Ватопедские рукописи, остальные 5 дюжин пойдут на Лаврские рукописи⁸⁰.

В том же письме (без даты) о. Гавриил сообщает:

Посылаю Вам большую часть Есфигменского Ирмология и буду ждать Вашей справедливой критики. Вследствие греческого подталкивания и понукания я очень торопился. Некоторые номера снимал по два раза, а к довершению горя больше дюжины разбилось в дороге⁸¹.

О. Гавриил не сделал описания отправленных материалов, и невозможно точно сказать, в каком виде результаты его работы поступили в Петербург.

Часть афонских снимков некоторое время оставалась в личном пользовании Смоленского и Преображенского. Об этом свидетельствует постановление, принятое в заседании Комитета ОЛДП 6 ноября 1909:

избрать члена-корреспондента А. В. Преображенского, за кончиною С. В. Смоленского, заведующим II отделом <...> [и поручить ему] разобрать бумаги С. В. Смоленского, относящиеся к экспедиции на Афон, и представить в Комитет Общества записку о них <...> а также содействовать тому, чтобы все материалы, вывезенные этой экспедицией, были переданы в архив Общества⁸².

⁷⁹ Запись в дневнике Смоленского: РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 84, л. 147—147 об.

⁸⁰ Там же, л. 154.

⁸¹ Там же, л. 153 об.

⁸² Отчеты о заседаниях Императорского ОЛДП в 1907—1910 гг. Отчеты за 1909—1910 гг. Протоколы заседаний Комитета. СПб., 1911. ПДПИ. Вып. 176. С. 3—4.

Постановление не было до конца выполнено, потому часть коллекции и оказалась в личных фондах Смоленского, учеников Преображенского В. А. и Ю. Ф. Прокофьевых, а также в РИИИ, где Антонин Викторович работал в последние годы жизни.

Общество любителей древней письменности, которое с 1918 стало называться Обществом древней письменности и искусства, просуществовало до 1931-го. После пожара в его помещении (1931) собрание рукописей и коллекция князя П. П. Вяземского по предложению ученого секретаря Общества М. С. Боровковой-Майковой поступили в Публичную библиотеку (РНБ). Деловые бумаги Общества и его архив были переданы в 1934 в Отдел рукописей Публичной библиотеки из Института книговедения, который являлся структурным подразделением библиотеки (в 1930 распоряжением Главнауки Общество было объединено с Институтом книговедения)⁸³. Затем, в течение 1931—1937, часть материалов была передана в Центральный архив (ныне РГИА). Богатейшие собрания Общества и князя Вяземского были описаны и вошли в научный оборот, но архив Общества (ф. 536) до последнего времени оставался не разобранным. Сведения о поступлениях негативов и фотоснимков экспедиции в ОЛДП позволяли надеяться, что коллекция находится в Отделе рукописей РНБ. В своем поиске мы руководствовались сведениями, что негативы хранились в картонных коробках, а фотоснимки в альбомах.

Предположение о местонахождении коллекции подтвердилось, но, к сожалению, не все материалы сохранились. Утраты могли быть связаны как с пожаром в помещении ОЛДП, так и с более ранним этапом — транспортировкой негативов с Афона. В Дневнике Смоленского есть запись, подтверждающая, что негативы были частично повреждены при перевозке:

Нельзя сказать, чтобы у нас церемонились на таможне. Уложенное тщательно мною оказалось наполовину развязанным, частью и разбитым! Предстоит новый пересмотр всего, притом же и весьма кропотливый⁸⁴.

Негативы были сначала задержаны Петербургской сухопутной таможней, которая предложила выплатить за них пошлину в размере

⁸³ Сведения извлечены из описи фонда ОЛДП в РНБ (ф. 536). Историческая справка по фонду составлена П. А. Медведевым в 1986-м.

⁸⁴ РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 10, л. 261.

800 рублей. В урегулировании вопроса принимали участие граф С. Д. Шереметев, библиотекарь Общества А. Белов, министр финансов В. Н. Коковцов. Решающую роль сыграло письмо министру финансов от имени ОЛДП и графа Шереметева, в ответ на которое Коковцов приказал

пропустить Обществу любителей древней письменности беспошлинно досмотренные по документу сего года № 11495 фотографические пластинки с изображениями писем, на основании ст. 217 таможенного тарифа, как не имеющие вида и свойства товара, и старый фотографический аппарат и гравюры⁸⁵.

В архиве ОЛДП были найдены: 419 негативов на стекле в 28 коробках, а также 11 альбомов фотоснимков (ф. 536, № 509—536, 540—550). Большинство коробок с негативами имеют пометы: указаны номера рукописей и номер по «Общей ведомости негативов и снимков»; каждая коробка содержит от 15 до 22 негативов размером 13 × 18. Кроме того, при фотокопировании Смоленский накладывал на рукопись специальный ярлычок с указаниями шифра, места хранения и нумерации листов, что облегчало атрибуцию снимков.

Часть коробок имеет наклейки фотографической фирмы «A. Lumière & ses fils». Так как негативы производились на желатиновой основе, часть их в процессе хранения подверглась временным изменениям химического порядка⁸⁶.

Первоначальное количество коробок известно из «Общей ведомости негативов и снимков». Работа по сверке негативов, по проверке их качества велась очень тщательно. Но ведомость не была закончена: как уже

⁸⁵ РНБ, ф. 536, оп. 3, № 84, л. 28. Письмо-извещение от петербургской сухопутной таможни доверенному ОЛДП Тимофееву (согласно предписанию Департамента таможенных сборов от 24 октября № 25789). Здесь же хранится письмо министра финансов В. Н. Коковцова графу С. Д. Шереметеву с уведомлением об отмене пошлины и удовлетворении ходатайства от 8 ноября 1906 (л. 28). См. в разделе *Письма*.

⁸⁶ Со временем произошло окисление серебра, отчего часть негативов покрылась белым налетом, однако на качестве отпечатков это не отражается. Гораздо страшнее то, что несколько коробок отсырело и находящиеся в них негативы склеились между собой. Для этих негативов необходима тщательная и занимающая много времени реставрация. Таких коробок в архиве 5: ф. 536, оп. 3, № 519 (Афонская Лавра святого Афанасия № 74, л. 18 об.— 36), № 523 (Андреевский Стихирарь № 18, л. 60 об.— 80), № 524 (Андреевский Стихирарь № 18, л. 260 об.— 271 об.), № 527 (Ивер № 470, л. 102 об.— 119) и № 531 (Есфигмен № 54, л. 9—12, 26—29, 42—45, 58—61, 92—95, 113—116).

говорилось, съемка некоторых рукописей продолжалась после отъезда экспедиции. Ведомость содержит таблицу из пяти столбцов: 1) общий счет коробок; 2) нумерация коробок по отдельным рукописям; 3) содержание каждой коробки; в 4-й и 5-й столбцы входят указания количества и качества отпечатков, причем в 4-м столбце отмечались листы, уже имеющиеся в наличии, а в 5-м те, которые необходимо было еще скопировать. В таблице имеются пометы Смоленского «*Nota Vena*», «*abs*»⁸⁷, а также записи, свидетельствующие об участии Степана Васильевича в фотосъемке.

Из общего числа коробок — около 70 — в настоящий момент обнаружено 28. Расположение материалов в *Таблице 2* позволяет сопоставить первоначальное число коробок негативов и количество сохранившихся материалов. Имеющиеся коробки содержат негативы следующих рукописей: Лавры святого Афанасия № В 32, № Г 9, № Г 12, № Г 67, № Г 72, № Г 74 и № Д 28, Иверского (№ 470), Есфигменского (№ 54), Ватопедского (№ 893), Хиландарского (№ 377 [307]⁸⁸) монастырей и Андреевского скита (№ 18). Описание этих негативов включено нами в таблицу, состоящую из 8 столбцов: 1) место хранения и шифр рукописи, 2) датировка, 3) название кодекса и количество листов в нем, 4) нотация, 5) номера коробок согласно «Общей ведомости», 6) скопированные листы рукописи, 7) место хранения негативов и 8) количество негативов.

В архиве Общества имеется также коробка («смешанная»), содержащая 17 негативов из разных рукописей: Хиландара № 377 (№ 307 по каталогу Богдановича); Андреевского скита № 18; Лавры святого Афанасия № Г 12 и Ивера № 1.

Таким образом, сохранившиеся 28 коробок содержат 419 негативов и репрезентируют все афонские нотированные кодексы, с которых были сделаны отпечатки.

Негативы рукописи Хиландарского монастыря № 377 также входят в *Таблицу 2*: хотя этот кодекс не упомянут в описании, сделанном на Афоне, он учтен в «Общей ведомости негативов и снимков». В архиве ОЛДП сохранился и альбом фотоснимков с этой рукописи. Известно, что в монастырях Хиландар и Зограф как во время совместной экспедиции, так и годом позже работал П. А. Лавров (это подтверждают дневниковые

⁸⁷ Возможно, подразумевалось: *absque* (лат.) — за исключением, кроме.

⁸⁸ См.: Богдановић Д. Каталог кирилских рукописа монастира Хиландара. Београд, 1978. С. 131. Старый шифр указан по неопубликованному каталогу, хранящемуся в Хиландарском монастыре: Савва Хиландарец. Каталог библиотеке Хиландарске на св. Гори Афонској. 1906 и 1908.

записи Смоленского и письма Лаврова к Преображенскому и Смоленскому⁸⁹). В Дневнике Смоленский записал 18 сентября 1907:

Получены снимки Хиландарского Ирмолога и Цветного Стихира⁹⁰.

По-видимому, это рукописи № 377 и 378, о которых упоминает Смоленский в Афонском дневнике:

...[Хиландарская] библиотека дала нам полный ноль в юго-славянском смысле, то есть самое полное отсутствие болгарских и сербских певческих памятников. Жестоко слово сие! Нам дали лишь известных два русских памятника № 377 и 378 <...>. Библиотекарь о. Савва — старый чех, давно заведующий библиотекою и весьма любезный, категорически заявил нам насчет болгарских и сербских древних нот «нэма нѣщо»⁹¹.

Итак, общее число сохранившихся негативов в архиве ОЛДП вместе с рукописью Хиландарского монастыря — 464.

Кроме негативов в архиве ОЛДП имеются фотоснимки рукописей разных монастырей, одной венской и одной хиландарской, помещенные в альбомы. Внешний вид альбомов соответствует описанию, предложенному Смоленским в письме к Преображенскому от 28 января 1907. Напоминаем: Смоленский указывал, что всего следует заказать 18 альбомов.

К настоящему времени обнаружено только 9 альбомов (Таблица 3). И здесь возникает вопрос: были ли в действительности заполнены фотографиями все 18 альбомов или в конце концов альбомов оказалось меньше запланированного количества? Сравним обнаруженные нами материалы с их описанием.

В альбоме под названием «Varia» по указанию Смоленского следовало разместить около 70-ти снимков рукописей с экфонетическими

⁸⁹ РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 84, л. 78—79, 91—92. См. раздел *Письма*.

⁹⁰ РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 12, л. 275. Это известные рукописи № 377 и 378. Фрагменты рукописей опубликованы: *Fragmenta chilandarica palaeoslavica* (in collaboration with The Dumbarton Oaks Research Library and Collection and the Slavic Department of Harvard University) / Praefatus est Roman Jakobson. Copenhagen, 1957 (ММВ. V. 5a et 5b. Reproduction integrale des MSS. 307 et 308 du couvent de Chilandari).

⁹¹ Там же, № 11, л. 79.

знаками. В архиве ОЛДП альбом с названием «Varia. O. L. D. P.» содержит только 28 снимков. На оборотах имеются пометы неустановленного лица (о. Матфея²), указывающие номера глав Евангельских чтений (Таблица 4).

Из трех венских альбомов сохранился только один — «Кодекс Венской библиотеки № 136. Часть II. O. L. D. P.», содержащий 159 отпечатков. Часть снимков, о которых пишет Смоленский, здесь отсутствует, однако в РГИА хранится еще 21 фотокопия листов из этой рукописи⁹². Следовательно, сохранилось 180 фотоснимков из 270-ти. Эти снимки отличаются от афонских фотокопий способом воспроизведения и форматом (18 × 24). Дело в том, что венские снимки были сделаны по новоизобретенной технологии — призмой прямо на бумагу — и имеют вид негатива (фон темный, текст светлый).

В этот альбом вшиты тетрадные листы, содержащие сравнительные «партитуры». Составлены они были Смоленским на основе сравнения нотированных текстов стихир из крюковых и нотолинейных московских рукописей⁹³ и венского кодекса № 136.

Фотоснимки двух рукописей, № Г 12 и № Г 67, вошли в один альбом, а не в два (№ 6 и № 7), как планировал Смоленский. Следовательно, порядок составления альбомов изменился.

Альбом фотоснимков с рукописи Хиландарского монастыря № 377 внешне отличается от других афонских альбомов, в частности на корешке отсутствует обозначение наименования и шифра. Но эти указания сохранились на самих снимках; они имеют вид негатива, формат 13 × 18; всего — 105 снимков.

Таким образом, общее число фотоснимков в альбомах в фонде ОЛДП (РНБ) — 881. Вместе со снимками из других хранилищ — РГИА, РИИИ и РНБ (253) общее число снимков составит 1134, вместе с негативами (419) — 1553. *Общая сумма копий вместе с негативами и снимками Хиландарской рукописи (150) = 1703.*

Но в это число входят также дубликаты. Сопоставив все имеющиеся материалы, получаем следующие результаты.

⁹² РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 218.

⁹³ Для своих «сравнительных изложений» Смоленский пользовался следующими рукописями: Стихирарь Типографской библиотеки № 151 XIII века (с приведением разночтений по Минеям № 161, 572 и 279), Стихирарь середины XVI века № 24; Трезвонь поморского письма XIX века № 44, Трезвонь XVIII века № 572а (нотолинейная рукопись); кроме того, использован Стихирарь Синодальной библиотеки середины XVI века.

Рукописи с экфонетическими знаками отражены в отчете Смоленского, содержащем перечень и количество снимков — 39 фото с 16 афонских кодексов⁹⁴. Укажем эти памятники⁹⁵:

Пантелеимон: 1) Евангелие: № II — 1 снимок (л. 63), 2) Евангелие: № III — 2 снимка (л. 143 и 143 об.), 3) Евангелие: № IV — 1 снимок, 4) Евангелие: № XXVII — 3 снимка, 5) Евангелие: № LXII — 2 снимка, 6) Евангелие: № LXIII — 1 снимок, 7) Евангелие: № LXIV — 1 снимок, 8) Евангелие: № ХСVI — 4 снимка, 9) Евангелие: № 101 — 3 снимка, 10) Евангелие: Без номера — 1 снимок. 11) Евангелие: № 86 — 2 снимка. *Ксиропотам*: 1) Евангелие: № 118 — 3 снимка, 2) Евангелие: № 234 — 4 снимка. *Ивер*: Евангелие № 1 — 5 снимков. *Ватопед*: 2 отрывка Евангелия — 4 снимка. *Есфигмен*: Евангелие: № 18 — 2 снимка.

Помимо этих отпечатков (39) необходимо учитывать 10 фотокопий с рукописи Софийской Народной библиотеки № 47. Согласно описанию Смоленского, в альбоме *Varia* должно было войти 70 снимков. Выявлено 56 фотокопий в собраниях РГИА, РИИИ и РНБ. Помимо рукописей, указанных в описании Смоленского, обнаружено еще 7 фотокопий двух других афонских кодексов: Евангелия Пантелеимонова монастыря № ХСIV (4 снимка) и «Пантелеимоновский монастырь. Связка № 97» (3 снимка). Больше всего фотокопий сохранилось в альбоме «*Varia*» в архиве ОЛДП. *Фотоснимки из собраний РИИИ и РГИА не дублируют снимки из архива ОЛДП.*

Таким образом, фотоснимки рукописей с экфонетическими знаками сохранились полностью. Образцы нотации греческих евангельских чтений, для которых при копировании избирались одинаковые тексты в разных рукописях, должны были помочь исследователям проследить этапы развития знаков для чтения нараспев.

Обратимся к фотоснимкам нотированных кодексов. Из 253 единиц, хранящихся в РГИА, РИИИ и РНБ, только 47 являются дубликатами. Так, например, в фонде Прокофьевых сохранились снимки, которых нет в архиве ОЛДП: Ватопедского монастыря № 893 (1488), Афонской Лавры № Д 28, № Г 67 и других. В РГИА и РИИИ есть снимки, представляющие собой вторые экземпляры, но некоторые из них, например Венского кодекса № 136, содержат листы, не представленные в соответствующем

⁹⁴ РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 85, л. 7, 9 об.

⁹⁵ Полный перечень шифров и указания количества фотоснимков содержатся в отчете Смоленского о поездке на Афон (№ 85, л. 7, 9 об.).

альбоме. Иначе говоря, большинство фотоснимков из личных фондов не повторяет снимки из альбомов. Таким образом, налицо $998 (792 + 253 = 1045 - 47 = 998)$ фотокопий Афонской коллекции.

Следующий этап — сравнение отпечатков с негативами из архива ОЛДП с целью установить, какая часть негативов дублирует отпечатанные снимки, а какие из негативов восполняют утраченные отпечатки. Результаты таковы: **297 негативов дублируют фотоснимки**, остальные содержат листы рукописей, снимки которых не сохранились. Таким образом, **общее число неповторяющихся копий (отпечатки и негативы) = 1120**. Если учитывать при этом позже изготовленные 105 снимков хиландарской рукописи, то получится **1225. То есть из общего числа около 2000 единиц, входивших в коллекцию, на настоящий момент обнаружено 1225 единиц негативов и снимков**.

Из рукописи № Д 28, кроме негативов из архива ОЛДП, сохранились также фотоснимки: в РГИА, л. 57 об. — 58⁹⁶; РИИИ, л. 200 об. — 201, 207 об. — 208⁹⁷ и РНБ, в фонде Прокофьевых, л. 17 об. — 18, 26 об. — 28, 32 об. — 33, 67 об. — 68, 69 об. — 70, 96 об. — 97, 119 об. — 121, 178 об. — 179, 180 об. — 181, 182 об. — 183, 201 об. — 202⁹⁸. Всего 16 снимков из трех хранилищ и 35 негативов, общее число — 51. Таким образом, из 206 фотоснимков сохранилась только четверть, хотя рукопись была снята целиком.

Из кодекса Ватопедского монастыря № 893 (1488) имеется 56 негативов⁹⁹. В фонде Прокофьевых находятся фотоснимки: 42 об. — 43, 47 об. — 48, 58 об. — 59, [84], 115 об. — 117, 122 об. — 123, 124 об. — 125, 128 об. — 129, 130 об. — 131, 143 об. — 144, 149 об. — 150, 185 об. — 186, 196 об. — 197, 212 об. — 216 и лист без номера¹⁰⁰ (19 фото). В РГИА хранятся снимки: л. 173 об. — 175 (2), в РИИИ: л. 34 об. — 35, 124 об. — 125 (2). Общее число негативов и снимков — 79, а сделано было около 220 снимков.

Особенно ценны негативы рукописи Андреевского скита № 18, так как снимки в этом случае, за исключением одного листа (л. 148)¹⁰¹,

⁹⁶ РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 218, л. 39.

⁹⁷ РИИИ, ф. 2, оп. 1, № 1391.

⁹⁸ РНБ, ф. 1175, № 416.

⁹⁹ См. Таблицу в конце раздела.

¹⁰⁰ РНБ, ф. 1175, № 420, 421.

¹⁰¹ Там же, № 423.

не сохранились¹⁰². Имеются негативы л. 21—40, 60 об.—80, 261—271 об., 271 об., 259, 260; общее число — 54.

Итоги

Подведем итоги нашей систематизации.

Копии рукописей Лавры № В 32, № Г 9, № Г 12, № Г 67, № Г 74, монастырей Ивера № 470 и Эсфигмена № 54 сохранились полностью. Копии рукописей Лавры № Д 28, Ватопеда № 893 (1488) и Андреевского скита № 18, а также венских рукописей дошли до нас фрагментарно. Альбомы рукописей Лавры № Д 28, Ватопеда и Андреевского скита № 18 не сохранились, поэтому имеющиеся снимки из других фондов особенно важны. Негативы в ряде случаев восполняют лакуны, образовавшиеся вследствие утраты снимков¹⁰³.

Часть снимков из архива ОЛДП содержит пометы Преображенского, сделанные карандашом на обороте фотографий. В них даются переводы инципитов песнопений и обозначается их место в службе, например: «В багряницу самодержства. Вторник Ваий, вечером на стиховне Самогласен». Пометы имеются на снимках рукописей Лавры № Г 12, № Г 67, № Г 72 и Г 74; по составу это Постные и Цветные Стихирари и Стихирарь Минейный. Фотоснимки Ирмологов атрибутивных помет не имеют. То, что исследования Преображенского первоначально были сосредоточены на Триодях и Стихирарях, подтверждается докладом Смоленского в ОЛДП 21 декабря 1907 (см. подробнее в *Афонской экспедиции* и Приложении «А. В. Преображенский»).

Работа по систематизации снимков и по сопоставлению греческих и древнерусских песнопений оказалась очень сложной.

Смоленский отметил это уже в Афонском дневнике:

Дальнейшая регистрация снимков вдруг оказалась необычайно трудной, несмотря на помощь славянских и греческих богослужебных книг. Множество песнопений, находящихся в рукописях, не оказывается в книгах и, наоборот, в книге имеется множество песнопений, не записанных в рукописи. К тому же и порядок песнопений в рукописях часто совершенно различен, одни песнопения то впереди, то позади, то вынесены за певчую книгу в особый отдел и тому подобное. В довершение этих затруднений оказалось, что карандашное начертание руко-

¹⁰² См. Таблицу в конце раздела.

¹⁰³ Там же.

писи плохо берется фотографией в сравнении с чернильной, что пропущенные в рукописях листы необычайно затрудняют каталогизацию снимков и тому подобное.

Теперь, когда обнаружен инципитный каталог, составленный Преображенским, становится ясно, что пройден был только предварительный этап систематизации афонских снимков. Как видно из сохранившихся материалов, работа Преображенского продолжалась не один год. Часть составленного им каталога представляет собой черновые записи на русском и греческом языках, содержащие инципиты песнопений Постной и Цветной Триодей, Стихираря и Праздников. Принцип изложения — в виде таблицы с параллельным изложением песнопений и указаниями шифров и листов рукописей. В письме к В. В. Майкову от 21 декабря 1907 Смоленский определял приблизительный объем Каталога как «около 150 листов, а может быть и несколько более» (см. в разделе *Письма*).

Таким образом, установлено точное число фотоснимков, сделанных Афонской экспедицией: **1960**. Сопоставив выявленные материалы из архива ОЛДП с уже известными фотоснимками, ранее введенными в научный оборот, получаем точное число сохранившихся негативов и отпечатков: **1703**; из них **1314**¹⁰⁴ — не повторяющиеся. Проведенная систематизация позволит не только быстро ориентироваться в негативах и фотоснимках, находящихся в разных архивохранилищах — РНБ, РГИА и РИИИ, но и изучать материалы, которые с такой тщательностью и с такой верой в их значение для будущего русской науки собирал Смоленский:

Источники нашего просветления по части добывания будущих материалов, сколько думается, теперь стали очень обширными и обеспеченными. Затем, конечно, ни моего века, ни труда даже первого ряда последующих ученых не хватит для должного изучения и использования привезенных материалов. Их слишком много, и они слишком содержательны, чтобы отнестись к ним поверхностно, как у нас склонны делать многие самоуверенные ученые люди. По крайней мере, я нахожусь в состоянии подавленного новостями. Мост от древнейше-греческого искусства к русскому несомненно будет открыт вскоре, и сияние русского искусства, конечно, загорится еще лучезарнее в своем собственном блеске, приобретенном своими трудами после уроков своего превосходного учителя — грека.

Елена Борисовец

¹⁰⁴ Вместе с фотокопиями хиландарской рукописи.

Предварительный перечень альбомов для хранения фотоснимков
(Из письма С. В. Смоленского к А. В. Преображенскому)

Номер альбома	Шифр рукописи	Количество снимков
1	<i>Рукописи венские:</i> № XXXIII (33) и № CCIV (204)	около 70 + 20
2	№ CXXXVI (136)	около 175
3	№ CXXXVI (136)	около 95
4	<i>Рукописи афонские:</i> Лавра святого Афанасия № В 32	около 100
5	№ Г 9	около 90
6	№ Г 12	около 45
7	№ Г 67	около 75
8	№ Г 72	около 95
9	№ Г 74	около 115
10	№ Д 28 I. Стихирарь	около 130
11	№ Д 28 II. Триоди	около 90
12	Андреевский скит № 18 I	около 140
13	Андреевский скит № 18 II	около 135
14	Ивер № 470	около 150
15	Ватопед № 893 I	около 110
16	Ватопед № 893 II	около 110
17	Есфигмен № 54	около 145
18	Varia	около 70

Негативы афонских рукописей

Место хранения и шифр рукописи	Датировка	Название кодекса и количество листов	Нотация	Номер ко-робок	Листы в рукописи	Место хранения негативов: ОР РНБ, ф. 536, оп. 3	Количество
Афонская Лавра святого Афанасия В 32	X в.	Ирмологий на 312 л.	Палео-византийская шартрская л. 51—58 коаленская	№ 5. 2 № 9. 6.	55 об. — 61 92 об. — 96 98 об. — 103 126 об. — 131 л. 262 об. — 274; 312 об.	Ед. хр. 509 Ед. хр. 510	20 13 (итого 33)
Афонская Лавра святого Афанасия Г 9	XII в.	Ирмологий на 89 л.	Палео-византийская шартрская	№ 10. 1 [№ 11. 2] [№ 13. 4]	4 об. — 21 27 об. — 43 59 об. — 75	Ед. хр. 511 Ед. хр. 512 Ед. хр. 513	17 16 16 (итого 49)
Афонская Лавра святого Афанасия Г 12	X в.	Постная Триодь на 83 л.	Палео-византийская шартрская	№ 16. 2. [№ 17. 3]	30 об. — 43 79 об. — 81 [из «сборной» ко-робки]	Ед. хр. 514 Ед. хр. 535	16 2 (итого 18)

Место хранения и шифр рукописи	Дата-ровка	Название кодекса и количество листов	Нотация	Номер коробок	Листы в рукописи	Место хранения негативов: ОР РНБ, ф. 536, оп. 3	Количество
Афонская Лавра святого Афанасия Г 67	X в.	Постный и Цветной Стихирари и Октоих на 162 л.	Палео- византийская	№ [21. 4]	146 об. — 158; 159— 162 об.	Ед. хр. 515	17 (итого 17)
Афонская Лавра святого Афанасия Г 72	X— XI вв.	Постный и Цветной Стихирари	Палео- византийская шартрская	№ 23. 1 № 24. 2	1—18 18 об. — 27 28 об. — 36	Ед. хр. 516 Ед. хр. 517	18 17 (итого 35)
Афонская Лавра святого Афанасия Г 74	X— XI вв.	Стихирарь Ме- сячный на 116 л.	Палео- византийская шартрская	№ 28. 1 № 29. 2	1—18 18 об. — 36	Ед. хр. 518 Ед. хр. 519	18 18 (итого 36)
Афонская Лавра святого Афанасия Д 28	XIV в.	Стихирарь Минейный, Триоди Постная и Цветная на 206 л.	Палео- византийская [коаленская]	№ 36. 3 № 38. 5	36 об. — 40 41 об. — 54, л. без но- мера 71 об. — 77, 78 об. — 90 ¹⁰⁶	Ед. хр. 520 Ед. хр. 521	18 17 (итого 35)

¹⁰⁶ Один лист [8...?] отсутствует.

¹⁰⁷ Эти негативы входят в коробку, содержащую фрагменты разных рукописей. Описание этой коробки см. ниже.

Место хранения и шифр рукописи	Дата-ровка	Название кодекса и количество листов	Нотация	Номер коробок	Листы в рукописи	Место хранения негативов: ОР РНБ, ф. 536, оп. 3	Количество
Андреевский скит 18	XII в.	Стихирарь Минеинный На 271 л.	Палео-византийская андреевская	[№ 2] [№ 3] № 14	20 об. — 40 60 об. — 80 260 об. — 271, 271 об.	Ед. хр. 522 Ед. хр. 523 Ед. хр. 524	20 20 12
Ивер 470	XII в.	Ирмологий на 150 л.	Палео-византийская коаленская	№ 48. 3 № 49. 4 № 52. 7	35 об. — 53 53 об. — 69 102 об. — 119	Ед. хр. 525 Ед. хр. 526 Ед. хр. 527	18 16 17 (итого 54)

¹⁰⁸ В «Общей ведомости негативов и снимков» Смоленского в примечании к этой рукописи отмечены пропущенные листы, которые необходимо скопировать: л. 26—30, 42, 44, 49, 87, 103, 104, 127, 128, 139, 145, 146, 172—177. Коробка, содержащая негативы (22) указанных листов, сохранилась в архиве Общества.

¹⁰⁹ В Афонском дневнике Смоленского имеется запись от 27 июля, в которой отмечены листы, с которых были сделаны копии. На л. 75 об.: «Сняты 27 июля из 3-го гласа л. 9—12, из 4-го гласа 26—29, из 5-го гласа 42—45, из 6-го гласа 58—61, из 7-го гласа 92—95, из 8-го гласа 113—116». Там же: «Есфигменский Ирмолог № 54. Негативы от л. <...> до л. <...>. Коробка 1. Первые 16 негативов верно. По общему счету коробка 68».

Место хранения и шифр рукописи	Дата-ровка	Название кодекса и количество листов	Нотация	Номер коробок	Листы в рукописи	Место хранения негативов: ОР РНБ, ф. 536, оп. 3	Количество
Ватопед 893	XII в.	Стихирарь Постный, Цветной и Октоих на 217 л.	Палео-византийская [коаленская]	№ 55.1 № 65.11	1—18 177 об. — 193	Ед. хр. 528 Ед. хр. 529	18 16
				дополн. коробка ¹⁰⁸	26—30, 42, 44, 49, 87, 103, 104, 127, 128, 139, 145, 146, 172—177	Ед. хр. 530	22 (итого 56)
Есфигмен 54	XI в.	Ирмологий на 140 л.	Палео-византийская есфигмен.	Коробка 1 ¹⁰⁹	9, 10, 11, 12; 26—29 42—45 58—61 92—95 113—116	Ед. хр. 531	16
				Без номера	62—73 85—90, 98	Ед. хр. 532	19 (итого 35)

¹¹⁰ Богдановић Д. Каталог кирилских рукописи манастира Хиландара. Београд, 1978. С. 131 (по новой нумерации № 307).

Место хранения и шифр рукописи	Датировка	Название кодекса и количество листов	Нотация	Номер ко-робок	Листы в рукописи	Место хранения негативов:	Количество
Хиландарь 377 [307] ¹⁰	[XII—XIII]	Стихирарь Постный и Цветной	знаменная	[первая]	53 об. — 70	ОР РНБ, ф. 536, оп. 3	17
				[вторая]	87 об. — 105	Ед. хр. 534	18
				[из «сборной» ко-робки]	70 об. — 74, 76, 82 об. — 87	Ед. хр. 535	10 (итого 45)
Ивер I	X в.	Евангелие	экфонетические знаки	[из «сборной» ко-робки]	Без номера, 13, [14]	Ед. хр. 535	3

Таблица 3

Альбомы фотоснимков греческих нотированных рукописей

Шифр рукописи Наименование альбома	Номера листов	Количество снимков в альбоме	Особые замечания	Место хранения альбомов
«Афанасиевская Лавра на Афоне Рукопись № В 32. О. А. Д. П.»	19—28, 48—57, 59—61, 93—96, 99—103, 127—138, 166—182, 192—195, 223—233, 240, 242—252, 263—273, 312 об.	100		ОР РНБ, ф. 536, оп. 3, ед. хр. 540

Шифр рукописи Наименование альбома	Номера листов	Количество снимков в альбоме	Особые замечания	Место хранения альбомов
«Афанасиевская Лавра на Афоне Рукопись № Г 9 О. А. Д. П.»	5—12, 14—21, 28—48, 50—53, 64, 65—70, 72—73, 75—81, 83—89	64	Л. 64 напечатан зеркаль- но (дефект).	Ед. хр. 541
«Афанасиевская Лавра на Афоне Рукопись № Г 12 — № Г 67 О. А. Д. П.»	1 об., 2—39, 40 об. — 43, 79 об. — 81 24 об. — 30, 32—41, 141, 142 (дефект), 143 об. — 144, 145 об. — 158, 159 об. — 162, 162 об.	43+ 37 всего 80	Фотоснимки этих двух рукописей вошли в один альбом Л. 162 об. in folio	Ед. хр. 542
«Афанасиевская Лавра на Афоне Рукопись № 72 О. А. Д. П.»	1, 2—27, 29—39, 41—43, 46—47, 49—92	87		Ед. хр. 543
«Афанасиевская Лавра на Афоне Рукопись № 74 О. А. Д. П.»	1—16; 17 об. — 42; 43 об. — 45; 47 об. — 54; 57 об. — 62; 63 об. — 67; 68 об. — 71; 72 об. — 78; 79 об. — 99	89	Л. 1, 112 сняты in folio	Ед. хр. 544

Шифр рукописи Наименование альбома	Номера листов	Количество снимков в альбоме	Особые замечания	Место хранения альбомов
«Иверский Ирмолог № 470 О. А. Д. П.»	Пагинация листов отсутствует	149	Рукопись скопирована полностью	Ед. хр. 545
«Есфигменский Ирмологий № 54 О. А. Д. П.»	Имеется пагинация листов: 1 (in folio), 2—8, 13—25, 30—39, 46—57, 62—91, 96—112, 117—126. Остальные фотокопии не имеют пагинации.	125	Л. 18 указан дважды. Возможно, в пагинации снимков есть ошибки. По указанию Смоленского рукопись скопирована полностью. На обратной стороне фотоснимков, не имеющих пагинации, пометы: «Есфигмен 2», «Есфигмен 3» и т. д. до «Е. 24».	Ед. хр. 546
«Венский Кодекс № 136 О. А. Д. П.»	л. 89 об., 90—97, 98 об. — 163 об., 165, 165 об., 166 об., 167 об., 168—172	159	В альбом вложены 28 традиционных листов «сравнительных изложений» Смоленского	Ед. хр. 549
«Varia О. А. Д. П.»	(см. следующую таблицу)	28	Фотокопии разных рукописей	Ед. хр. 547

Альбом Vagia (фотоснимки с экфонетическими знаками)

№	Шифр рукописи	Название кодекса	Номера листов рукописи	Атрибутивные пометы на оборотах снимков
1	Пантелеимон III	Евангелие	[143 об.] (1) (in folio)	«17. Пантелеимон» «Лк. 10:33—37 Лк. 14:12»
2	Ксиропотам № 118	Евангелие	Без номера (1)	«4. Ксиропотам» «Лк. 14:1—<...>»
3	Ксиропотам № 118	Евангелие	Без номера (1)	«7. Ксиропотам» «Лк. 14:1—8»
4	Ивер № 1	Евангелие	Без номера (1)	«12 Ивер» «Лк. 18:20—27»
5	Ивер № 1	Евангелие	Без номера (1)	«11 Ивер» «Мф. 18:10—18»
6	Пантелеимон IV (4)	Евангелие	Без номера (1) (in folio)	«16. Пантелеимон» «Лк. 14:39 <...>»
7	Пантелеимон XXVII (27)	Евангелие	133 (1) (in folio)	«8. Пантелеимон» «Лк. 14:12—15, Лк. 14:25—29»
8	Пантелеимон XXVII (27)	Евангелие	Без номера об. (1) (in folio)	«Пантелеимон 15». «Лк. 10:33—37, Лк. 14:12»

№	Шифр рукописи	Название кодекса	Номера листов рукописи	Атрибутивные пометы на оборотах снимков
9	Есфигмен № 18	Евангелие	89 (1) (in folio)	«1. Есфигмен» «Ак. 14:1—7»
10	Пантелеимон. Связка № 97	Евангелие	Без номера (1) (in folio)	«6. Пантелеимон»
11	Пантелеимон. Связка № 97	Евангелие	Без номера (1) (in folio)	«5. Пантелеимон»
12	Пантелеимон. Связка № 97	[Евангелие]	Без номера (1) (in folio)	«4. Пантелеимон»
13	Кутлумуш	[Стихирарь Минейный]	Без номера (1)	«1 Кутлумуш» [греческая нотированная рукопись ¹¹¹]
14	Кутлумуш № 398	[Стихирарь Минейный]	Без номера (1)	—
15	Кутлумуш № 398	[Стихирарь Минейный]	Без номера (1)	«2 bis» «2 Кутлумуш»
16	Неустановленная рукопись (скоропись)	Не установлено	Без номера (1)	—
17– 24	Софийская Державна Библиотека № 47 [Софийская Народная Библиотека]	[Ирмосы Каноны Андрея Критского]. Фрагмент	Без номера [29 об.], 30 об. (2 экз.), 31, 31 об., 32, 3 (8)	Рукопись сильно повреждена. Фотоснимки неясные

¹¹¹ С этого кодекса было сделано только 6 снимков. Они входят в альбом «Vagia» (РГИД, ф. 536, оп. 3, № 547).

№	Шифр рукописи	Название кодекса	Номера листов рукописи	Атрибутивные пометы на оборотах снимков
25	Ватопеа	Евангелие	Без номера (1)	—
26	Библиотека монастыря на о. Патмос	Не установлено	Без номера (2)	—

После Смоленского

Публикуемые в томе тексты затрагивают столь разнообразные и сложные проблемы русской (а иногда греческой или славянской) певческой медиевистики, что сколько-нибудь подробный анализ и комментирование всех идей, гипотез, предположений в этой сфере выходит далеко за пределы возможностей вступительной статьи. Некоторые темы освещаются в Приложениях к тому, некоторые — кратко — в комментариях к тому или иному тексту.

Напомним, какие цели ставила перед собой экспедиция (по цитированному выше письму Смоленского к Шереметеву):

- 1) выяснение греческих нотаций разных веков на одни и те же тексты, для возможности разъяснить этот темнейший вопрос по отношению к нашему пению, русскому;
- 2) выяснение вопроса о бывшем, может быть, самостоятельном болгарском знамени до XIV века;
- 3) добыть хотя что-либо для объяснения происхождения кондакарного знамени;
- 4) добыть памятники сербской нотации разных веков;
- 5) выяснить, как и по каким знакам поет Албания и Черногория и
- 6) добыть певчие книги с глаголицей.

Сразу можно сказать, что три последних пункта не были реализованы: певчих книг с глаголическим письмом не существует; в Албанию и Черногорию экспедиция не попала; «сербской нотации разных веков» быть не могло. Новых источников по кондакарному знамени не обнаружилось, равным образом не обнаружилось и «самостоятельное болгарское знамя до XIV века». Однако по этим двум пунктам материалы экспедиции все же принесли важную информацию.

В связи с такой ситуацией в Приложения данного тома решено было вынести не только дополнительные материалы по Афонскому проекту, но и научные работы участников экспедиции, а в некоторых случаях их коллег. При этом публикуются как тексты, возникшие до экспедиции, так и созданные после нее, иногда (как в случае с Преображенским) спустя десятилетия.

Чтобы, во-первых, не загружать тексты Приложений излишними комментариями, а во-вторых, чтобы показать перспективы сделанного русскими учеными в начале XX века, ниже предлагается краткий и, конечно, весьма схематичный и неполный обзор по научной проблематике Афонской экспедиции — то есть по современному состоянию изучения поставленных экспедицией вопросов.

Происхождение русского церковного пения

Прежде всего попытаемся остановиться на современной трактовке той основополагающей темы, которая и вызвала к жизни проект Афонской экспедиции, — темы *происхождения русского церковного пения*.

Е. В. Герцман в статье, посвященной обзору небольшой части материалов Афонской экспедиции в фондах Института истории искусств, писал:

Если выводы ученых о влиянии греческого церковного пения на русское пение представляются сейчас явно преувеличенными [имеется в виду позиция Преображенского], то ценность их работы по сбору материалов трудно переоценить. <...> При этом основным объектом анализа оставалась отечественная музыка, а греческая рассматривалась лишь «по касательной», в той степени, в какой знание ее могло пролить свет на становление русского церковного пения. Однако и для С. В. Смоленского, и для А. В. Преображенского не могло быть секретом, что уже на рубеже XIX—XX веков существовал огромный материал по греческой церковной музыке и для его освоения требовалась особая автономная дисциплина. Лишь при этом условии можно было рассчитывать на успех при изучении музыки греческой церкви, а также понять сложные процессы, происходившие при становлении русской церковной музыки...¹

Как видно из публикуемых в этом томе и опубликованных ранее в других томах документов, и Смоленский, и, особенно, Преображенский, и С. С. Волкова (в пору ее сотрудничества со Степаном Васильевичем), а также В. М. Металлов и Д. В. Аллеманов проявляли большой интерес к зарубежным работам по певческой византологии (часто и к работам по древнему пению Западной Церкви), относились к трудам западных ученых с уважением, однако сил русских ученых-медиевистов не хватало на полный охват существовавших тогда источников.

¹ Герцман Е. В. Следы афонской экспедиции // Из фондов Кабинета рукописей РИИИ. Вып. 2. СПб., 2003. С. 12.

Тот же Е. В. Герцман подтверждает, что Смоленский не заблуждался, считая, что находившиеся в его эпоху в России византийские певческие рукописи (или их копии) не давали достаточного материала для разрешения проблемы, — отсюда и замысел экспедиции:

...Когда отечественные ученые подошли к необходимости понять, какие византийские семена были посеяны в русскую музыкальную почву в X—XI веках, на их пути возникла серьезная преграда — отсутствие каких бы то ни было конкретных сведений о знаменательном контакте между двумя музыкальными культурами, происшедшем двумя столетиями ранее. Русскоязычные источники хранили на этот счет полное молчание. Исключения составляют общие фразы, не дающие возможности понять профессиональную суть событий. <...> Что же касается нотных источников того периода, то они просто не сохранились.

И тогда не оставалось ничего иного, как начать поиск с другой — византийской стороны².

К этой точке зрения присоединяется Н. С. Серегина, тоже работавшая с частью коллекции из фондов Института истории искусств:

Это собрание имеет большое значение для российской науки, получающей благодаря ему доступ к ценнейшим культурным источникам, но в не меньшей степени и для всей европейской культуры, во многом базирующейся на тысячелетней традиции Афона. Кроме того, собрание фотокопий свидетельствует о большой работе, планировавшейся русскими учеными, но не завершенной, что тем не менее заставляет по-новому рассматривать эволюцию и приоритеты отечественного музыкального византиноведения³.

В период после 1917-го и до, примерно, конца 1980-х годов в данной сфере происходило не много новых событий. На самом авторитетном форуме русских музыкальных медиевистов — Бражниковских чтениях — Е. В. Герцман прочел в 1989 году доклад, подробно характеризующий

² Герцман Е. В. Начало российской музыкальной византистики // Келдышевский сборник. Музыкально-исторические чтения памяти Ю. В. Келдыша. 1997. М., 1999. С. 44—45.

³ Серегина Н. С. Нотации рукописей афонских монастырей... // Гимнология. Вып. 4: Византия и Восточная Европа: литургические и музыкальные связи. М., 2003. С. 184.

ситуацию, какой она сложилась к тому времени. Считаем целесообразным привести здесь большой фрагмент:

Проблема музыкально-художественных контактов между Русью и Византией в период распространения христианства на Руси является... вопросом вопросов. На протяжении последних 200 лет каждый исследователь, обращавшийся к изучению истории русской церковной музыки, не мог пройти мимо него. Ведь русская церковная музыка — детище христианства, пришедшего на Русь из Византии. Поэтому нет ничего удивительного в том, что истоки русской церковной музыки ищут в Византии. Начиная со времен Евфимия Алексеевича Болховитинова (1767—1837) и Вукола Михайловича Ундольского (1815—1864) именно эта проблема рассматривалась как краеугольная при стремлении понять начала русской церковной музыки. Вряд ли можно обнаружить хоть одно более или менее значительное отечественное исследование, посвященное ей, которое прямо или косвенно не касалось бы музыкальных связей Византии и Руси. До сих пор это стержневой вопрос русской музыкальной медиевистики, так как от его верного решения зависит справедливая оценка многих явлений музыкальной жизни первых веков русской церкви. Дискуссии вокруг этого вопроса то затухали, то разгорались с новой силой. Начиная с рубежа XVIII—XIX веков вплоть до настоящего времени высказывались как прямо противоположные точки зрения, так и некоторые «срединные», цель которых заключалась не столько в выяснении истины, сколько в смягчении противоречий.

На крайних полюсах этого противостояния, с одной стороны, утверждалась полная зависимость русской церковной музыки от византийского искусства, а с другой — ее абсолютная автономия и постоянное подчинение лишь национальным традициям. Одновременно с этими двумя антитезами высказывались воззрения «золотой середины», согласно которым речь следует вести лишь о частичном византийском влиянии на самых ранних этапах церковного музыкального обихода. Но здесь также были свои разногласия, касающиеся степени влияния и его продолжительности: одни предполагали достаточно обширные и глубинные заимствования из византийской музыки, вплоть до непосредственного использования произведений византийских мелургов или рабского подражания им, а другие склонны были видеть лишь внешние влияния, являющиеся следствием освоения византийской литургии, а значит, ограничивающиеся не более чем порядком песнопений при богослужениях. Одни растягивали музыкальное влияние Византии на несколько столетий, другие — значительно ограничивали его. Приверженцы всех этих точек зрения хорошо известны (именно поэтому я не

привожу указаний на соответствующую литературу). Среди них — и самые знаменитые исследователи русской церковной музыки, и менее известные их коллеги, как на Западе, так и в России.

Однако, несмотря на все многочисленные попытки приблизиться к решению этой проблемы, **за два столетия наука не продвинулась в ее понимании ни на шаг.** Для этого существовал и продолжает существовать целый ряд серьезных причин.

Самая главная из них — **крайний дефицит фактологического материала.** Дело в том, что с «византийской стороны» не сохранилось никаких свидетельств, касающихся древнерусской церковной музыки. Известные в настоящее время византийские источники специально музыкального, исторического и общелитературного содержания не дают о ней никаких сведений. С «русской же стороны» имеется всего два общеизвестных фрагментарных свидетельства, почти никак не помогающих в решении этой задачи: позднее указание «Кормчей книги» о том, что в 1053 году на Русь пришли три греческих певца «с роды своими», и сообщение Иоакимовской летописи о приезде в Киев при Владимире (1053—1125) болгарина митрополита Михаила и «демественников от славян». Вот и все, чем располагает наука.

Как мы видим, оба свидетельства не содержат в себе никаких серьезных данных, способных хотя бы направить исследовательский поиск по конкретному руслу. Более того, сообщение о «демественниках от славян» нельзя трактовать однозначно. Если даже производить слово «демественник» от латинского *domesticus*, то хорошо известно, что в византийской империи термином «доместикос» обозначался не только руководитель хора, но и многие другие должностные лица, начиная от мелких государственных чиновников и кончая военачальником. Следовательно, сам смысл обозначения «демественники от славян» еще требует тщательного анализа. Но если даже толковать его «в пользу» русско-византийских музыкальных контактов, то и тогда исследование не приобретает никаких существенных преимуществ, так как сами сообщения лишены конкретизации. Иначе говоря, приведенные источники дают только основание утверждать, что на Руси время от времени появлялись византийские музыканты. Все же остальные соображения об их деятельности и о самой музыкальной жизни русской церкви не могут идти далее предположений.

Общеизвестно, что комплекс сведений, имевшийся в распоряжении исследователей XIX века, впоследствии никак не пополнился. Мы также не располагаем новыми сведениями или какими-то неизвестными им фактами. Более того, вряд ли такие новые сведения вообще когда-либо появятся. Скорее всего, они навсегда утрачены. Поэтому

у нас пока нет иного метода обсуждения данной темы, кроме использования «перекрестного» сопоставления материалов, связанных как конкретно с древнерусско-византийскими контактами, так и с аналогичными ситуациями во всеобщей истории музыки. Иначе говоря, необходимо попытаться гипотетично (и не более!) установить смысловую направленность происходивших тогда процессов, предположительно выявляя допустимое соотношение частного и всеобщего, то есть — касающееся древнерусско-византийских музыкальных контактов и тех, которые имели место в музыкальных связях между иными культурами в более изученные эпохи. Представляется, что при таком подходе можно будет яснее осознать суть явлений, скрытых во мраке истории.

Наука располагает знанием ряда феноменов, существовавших параллельно в древнерусской и византийской музыке. Именно этот материал, как кажется, способен при правильном понимании несколько приоткрыть завесу над смыслом происходивших событий. **Речь идет об общности жанров, о единых принципах ладотональной организации музыкального материала, выразившихся в системе октоиха, и, наконец, об идентичности ряда неменных обозначений и сходстве начертаний отдельных знаков в византийских и древнерусских нотациях.**

Вместе с церковными и монастырскими типиконами на Русь пришли из Византии и Палестины формы литургии и, одновременно, целая серия музыкальных жанров: акафист, антифон, канон, кондак, стихира, тропарь и другие. Более того, нужно говорить не только о жанрах, сохранивших в русском церковном обиходе свои греческие названия, но и о самых различных песнопениях, прижившихся на русской почве уже с собственными наименованиями, представляющими собой перевод греческих: *δοξαστικά* становятся «славословными», *μακάριοι* — «блаженными», *ἀσώμοι* — «непорочными», *ἀρολιτικά* — «отпустительными», *κοινωνικά* — «причастными», *Θεοτοκία* — «богородичными» и т. д.

Как в византийской, так и в русской церкви музыкальный материал излагался только в системе «ихосов» (*ἵχοι*) или «гласов». Все звуковое пространство, использовавшееся в художественной практике, дифференцировалось на 8 «ихосов» или «гласов», а музыкальные связи между звуками понимались только внутри каждого «ихоса» или «гласа». Взаимоотношения же между последними регулировались особенностями системы октоиха. Вне ее не существовало и не могло существовать никакой музыки. Каждый русский распевщик мог бы повторить вслед за византийским мелургом, иеромонахом Гавриилом (первая половина XV века) из монастыря Ксантопулос утверждение о том, что «любая мелодия, [производимая] и инструментами, и голосами, и у варваров, и у эллинов находится в этих восьми ихосах. И других ихосов, кроме этих,

нет... Мы не можем создать другие ихосы, а все, что поется, будет принадлежать какому-либо из восьми ихосов»⁴. Каждый русский распевщик, подобно анонимному греческому автору Codex Barberinus Graecus 300, на вопрос «существует ли что-нибудь вне этих восьми ихосов» мог ответить только отрицательно⁵. Следовательно, и византийские, и русские музыканты мыслили одними и теми же звуковысотными категориями.

Общеизвестно также, что многие знаки кондакарной и знаменной нотации были переняты на Руси из византийских форм нотного письма. Можно сомневаться или не сомневаться в общности принципов палеовизантийских нотаций и кондакарной (решение этой проблемы — дело будущего, так как обе нотации пока не расшифрованы), но невозможно не видеть, что основной невменный состав кондакарной нотации заимствован из палеовизантийских форм нотного письма.

Итак, перед нами — три общих феномена:

- 1) система жанров,
- 2) система октоиха,
- 3) несомненная генетическая близость нотных знаков.

Может ли комплекс этих сведений рассказать о сути музыкальных контактов между Русью и Византией в то отдаленное от нас время, от которого не сохранилось никаких материалов, способных более обстоятельно прояснить интересующую нас проблему? <...>

Как известно, сложность и многогранность самого понятия «жанр» создает бесчисленные трудности в его осмыслении. Особенно они ощутимы при выявлении исторических типов жанровых разновидностей, и поэтому не все эволюционные признаки жанра сейчас достаточно ясны. Но совершенно очевидно, что он представляет собой интернациональное явление. Вся история музыки убедительно подтверждает такую точку зрения. Постоянно обнаруживаются жанры, которые, возникнув в рамках какой-то одной культуры, развиваются, систематически мигрируя, невзирая на национальные границы. Хорошо известно, что в каждом географическом ареале новые жанры осваивались и воплощались в средствах художественной выразительности, использовавшихся в различных национальных культурах, и становились их неотъемлемой частью. Значит, жанр способен с успехом акклиматизироваться в новых условиях, вбирая в себя разнонациональные художественные традиции.

⁴ Gabriel Hieromonachos. Abhandlung über den Kirchengesang, hrsg. von Ch. Han-nick und G. Wolfram (Monumenta Musicae Byzantinae. Corpus scriptorum de re musica. Vol. I.). Wien, 1985. S. 84.

⁵ Tardo L. L'antica melurgia bizantina. Crottaferrata, 1938. P. 165.

Нет никаких оснований считать, что жанры византийской церковной музыки были в этом отношении исключением. Доступная для изучения более поздняя музыкальная жизнь русской церкви со всей убедительностью показывает выдающиеся художественные образцы «византийских жанров, вошедших в золотой фонд русской музыкальной культуры».

Конечно, начальный этап освоения любого жанра в новых условиях естественно связан с подражаниями и заимствованиями. Однако в исторической перспективе такая стадия, как правило, непродолжительна и не оказывает решающего влияния на все последующее развитие. Следовательно, учитывая такую специфику жанра, можно с достаточной степенью уверенности говорить о том, что **первоначальные шаги византийских музыкальных жанров в русском церковном обиходе, безусловно, проходили период вживания в новую для себя культуру.** К сожалению, подробности этого процесса утрачены, и, как видно, навсегда. Но чтобы как-то воссоздать хотя бы его основные контуры и попытаться понять его особенности, не нужно ни на минуту забывать об основном предназначении музыкального оформления богослужений того периода.

Его задача заключалась не только в том, чтобы помочь верующим эмоционально воспринимать религиозные идеи, но и чтобы укрепить в новой вере вчерашних язычников, а если нужно, то и способствовать приобщению к ней сомневающихся или упорствующих в приверженности к идолопоклонству. **Поэтому звучащая в только что выстроенных храмах и монастырях музыка должна была быть понятна и без труда воспринимается прихожанами.** Только в таком случае могла быть выполнена основная задача музыкального оформления богослужений.

Спору нет, существуют неопровержимые доказательства того, что вначале в русских церквях было распространено греческое пение. Однако музыкальный материал исполнявшихся песнопений не мог быть загадкой для слушателей, так как в противном случае оказался бы подорванным основной смысл богослуженной музыки. Судя по всему, первоначально нельзя было обойтись без использования произведений византийских мелургов, так как типиконы требовали строгой последовательности целой серии конкретных песнопений, которые не могли быть достаточно быстро созданы русскими музыкантами и распространены в тех условиях. Однако эти сочинения должны были основываться на понятных и воспринимаемых прихожанами интонациях. **Значит, византийские песнопения, звучавшие в русских церквях, соответствовали нормам музыкального мышления их прихожан.** Иначе неизбежен был бы конфликт между звучащей музыкой и слуховым восприятием,

а в результате возникли бы серьезные препятствия для использования византийских песнопений в обиходе.

Поэтому следует вести речь об **общности исторического уровня художественного мышления**, лежавшего в основе искусства Византии и Руси XI—XII веков. <...>

В самом деле, **октоих** — это зафиксированная византийской музыкально-теоретической мыслью система средневекового ладотонального мышления. Как и всякая теоретическая система, она зарегистрировала лишь самые основные ладотональные параметры музыкального сознания эпохи, тогда как художественная практика была несравненно шире и разнообразнее. Однако система октоиха отразила наиболее характерные тенденции ладотонального мышления определенного исторического уровня. **Именно из Византии теория октоиха распространилась на Запад и Восток. Это могло произойти только потому, что она соответствовала нормам художественной практики той эпохи.** В противном случае ни о каком распространении не могло быть и речи. Значит, подобно тому как октоих не мог быть создан в качестве теоретической системы, пока в процессе музицирования не созрели запечатленные в нем тенденции, так и немыслимо было его насильственное внедрение в музыкальную жизнь, где искусство не соответствовало его положениям. Следовательно, распространение октоиха на Руси — также веское подтверждение общности исторического уровня музыкального мышления Византии и Руси.

Однако необходимо осмыслить: могла ли византийская система октоиха каким-то образом нарушить или изменить национальные музыкально-художественные традиции Руси? Чтобы постараться понять ситуацию, сложившуюся на Руси в период введения октоиха, и хоть как-то нивелировать отсутствие фактологического материала, связанного с этим процессом, вспомним более позднюю эпоху, известную нам несравненно лучше, но характеризующуюся аналогичной обстановкой. Разве введение на рубеже XVII—XVIII веков в музыкальную жизнь России мажора и минора (кстати, также, подобно октоиху, являющихся ладотональной системой) ущемило национальную самобытность отечественной музыки? Весь мир хорошо знаком с выдающимися художественными достижениями русской музыки, созданными на основе мажоро-минорной системы. А разве «французская» теоретическая концепция гармонии, сформулированная Ж. Ф. Рамо и получившая всеобщее распространение в Европе с середины XVIII века, противодействовала возникновению многочисленных национальных композиторских школ, столь бурно развивавшихся в XIX веке? На такие вопросы может быть только отрица-

тельный ответ. Поэтому со всей определенностью можно утверждать, что внедрение в русский музыкальный обиход теоретической византийской системы октоиха не могло негативно отразиться на национальных формах творчества.

То же самое с полным основанием можно сказать и относительно сходства элементов нотного письма. **Ведь нотация — лишь техническое средство письменной фиксации музыкального материала.** Оно может обладать большими или меньшими возможностями для регистрации художественного замысла, большей или меньшей способностью для передачи звучащей музыки, но оно никак не влияет на национальные тенденции самого музыкального творчества. Ведь принятие, например, единой пятилинейной нотации в многочисленных странах Европы, Америки и Австралии не оказало никакого воздействия на национальную специфику музыки различных народов.

<...> Когда музыкальная практика принимает ту или иную нотацию, то это означает, что данная нотографическая система пригодна для фиксации основных и важнейших средств музыкальной выразительности, использующихся в данное время. Простейший пример: немыслимо применение какой-либо из восточных нотаций в европейской музыке (и наоборот), так как каждая из них способна регистрировать лишь те формы музыкального языка, для фиксации которых она создана.

Значит, если византийское нотное письмо без труда использовалось в церковной музыкальной практике древней Руси, а впоследствии на ее основе были созданы относительно новые разновидности нотации (кондакарная и знаменная), то, следовательно, существовало единство средств музыкальной выразительности, использовавшихся как в византийской, так и русской художественной практике. А это является еще одним серьезным свидетельством общности уровня музыкально-исторического развития обеих культур в период XI—XII веков.

Что могут дать изложенные соображения для понимания взаимоотношений между византийской и древнерусской церковной музыкой?

Общеизвестно, что всякие музыкально-художественные связи затруднены, если взаимодействующие культуры оперируют разнотипными средствами музыкальной выразительности, и, наоборот, они просты и естественны, если используются те интонационные обороты (в самом широком смысле термина), которые несут понятную художественную информацию. Поэтому все говорит о том, что **музыкальные контакты между Византией и Русью произрастали на благодарной почве единых форм музыкального мышления.** Такое положение явилось залогом легкого проникновения византийских церковных песнопений

в русский музыкальный быт и тем самым облегчило распространение христианской литургии на Руси⁶.

Признавая справедливость вышеизложенного (при возможной дискуссионности отдельных положений), отметим, что за прошедшие с 1989 года два десятилетия ситуация с изучением древнейших форм русского пения в их связи с византийским наследием значительно изменилась. Сильно выросло количество работ на эту тему, а главное, изменилось их качество.

«Крайние» точки зрения («полная зависимость» от Византии и «абсолютная автономия») на происхождение русского пения, если и встречаются ныне, то очень редко; преобладает «золотая середина», но в разных вариантах. Многие исследователи высоко оценивают работы Преображенского, используют его (и Смоленского, а в истоках — Разумовского) метод «сравнительных изложений», однако разделяющих позицию Преображенского в полном объеме — практически нет. Можно утверждать, что Преображенский, с его логичностью и четкими выводами, пользуется симпатиями западных ученых. В этой среде был сформирован особый взгляд на русское певческое искусство древнейших периодов: нередко оно рассматривается как «заповедник» архаических форм византийского пения, архаических византийских нотаций, — что во многом способствует раскрытию опять-таки византийской традиции тех времен, от которых почти не дошло собственно византийских источников.

Что касается российских ученых, то древнейшая эпоха сейчас рассматривается с точки зрения не только «книги» и «нотации», но и с точки зрения «жизни», то есть неизбежного взаимодействия устного и письменного начал, смешения разных источников.

Так, по вопросу о «болгарском» (или «южнославянском») влиянии, столь занимавшему дореволюционных исследователей (см., например, в Приложениях рецензию Смоленского на книгу Металлова, работы Преображенского и Аллеманова), И. Е. Лозовая пишет:

Естественно предположить, что в древнейший период на Руси сосуществовали византийские (на греческом языке) и южнославянские

⁶ Герцман Е. В. Византия и Русь: к проблеме музыкально-художественных контактов в XI—XII веках // *Cyrrillomethodianum*. Т. XV/XVI. Thessalonique, 1991/1992. Р. 41—50. Отдельный оттиск. Здесь и далее выделения в цитированных текстах мои. — М. Р.

литургические книги, которые при этом могли представлять разные этапы эволюции каждой из этих традиций. В церкви Пресвятой Богородицы «Десятинной», где службы первоначально совершали приставленные к ней св. князем Владимиром «корсунские попы», использовались, видимо, греческие списки. Когда же князь «нача ставити по градомъ церкви и попы», и «люди на крещенье приводити по всемъ градомъ и селомъ» (Повесть временных лет. СПб., 1999. С. 53 — 988 год), трудно было бы обойтись без священства из славян и богослужебных книг в славянском переводе. Об умножении духовенства на местах, где не могла не возникнуть потребность в славянском клире и книгах, говорит и Новгородская летопись (лето 6497, то есть 989 год): по крещении Владимир «поставиша в Киеве митрополита, а Новуграду архиепископа, а по инымъ градомъ епископы и попы и диаконы» (ПСРА. Т. III. М., 2000. С. 159). Менее чем через полстолетия князь Ярослав «собра писце многы и прекладаше от грекъ на словеньское писмо. И списаша книги многы» (Там же. С. 66 — 1037 год), среди которых, вероятно, были и кодексы, необходимые для служб в «митрополичьей» церкви Св. Софии, а также в других храмах и монастырях, возведенных князем в Киеве. На Руси необходимость в переводческой деятельности могла возникнуть и в период, когда Болгария в результате завоеваний византийского императора Василия II утратила независимость (1018—1186). Церковь управлялась главным образом греками, а богослужение велось преимущественно на греческом языке, что привело к снижению уровня и количества болгарской книжной продукции. **Летописные свидетельства, как нам кажется, косвенно говорят о хождении на Руси как греческих, так и славянских литургических книг.** Это создавало почву для смешения в древнерусской книжной культуре различных рукописных традиций, что, вероятно, отразилось в разнообразии состава рукописей, представляющих в том числе и седмичный богослужебный круг⁷.

Взаимодействие устного и письменного начал — предмет статьи Н. В. Заболотной «Об устройстве церковно-певческого дела Домонгольской Руси». Автор утверждает:

Все говорит в пользу знакомства с богослужебным пением и даже постепенного включения в него киевлян и новгородцев, жителей других городов и волостей. Такие предположения основаны на том, что в церкви с апостольских времен существовал обычай припевать всем

⁷ Лозовая И. Е. Древнерусский нотированный Параклит XII века. Византийские источники и типология древнерусских списков. М., 2009. С. 89.

народом последние строки гимнов и псалмов. <...> Следы такой практики обнаруживаются во многих источниках, в частности в старейшей из сохранившихся певческих рукописей — в Типографском Уставе с Кондакарем. <...>

В непосредственном общении с мастерами ученики (местные клирошане) осваивали напевы на слух. Письменное закрепление песнопений отражало уже иной, более зрелый, этап жизни традиции в славянском регионе. То, что ему предшествовало, вполне укладывалось в рамки устной традиции. <...> Неслучайно среди сохранившихся музыкальных памятников этого периода преобладают певческие книги без нотации (или частично нотированные) — опытный певчий, а за ним и весь клирос, мог распеть записанные тексты по известным ему изустно мелодическим образцам. <...>

...Если книги и жанры принимались в полном объеме, то соотношение текста и напева устанавливалось заново — по причине использования церковнославянского перевода. В песнопении нужно было сохранить облик напева, заданный исходными жанрово-функциональными рамками богослужения. С другой стороны, в звучании песнопений, естественно, отражалась новая лингвистическая среда. Поэтому соотношение восточно-славянских напевов с византийскими образцами было достаточно гибким.

Восприятие элементов нотации, соответственно, также было избирательным: заимствованные начертания сочетались по-новому, приспосабливаясь к новой звуковой реальности...⁸

И вывод:

Видимо, воспользовавшись в период Крещения полным корпусом византийской певческой книжности, в дальнейшем Русь его развивала вполне самостоятельно. При этом напевы, пройдя сквозь горнило устной трансмиссии, приобрели своеобразный облик. В отечественных певческих книгах XI—XIII веков не находят отражения современные им византийские книжные новшества (например, обновление редакции певческих книг в Стихирарях, а также смена типа нотации). Напротив, при «списании» книг Русь сознательно сохраняла ориентацию на архаические образцы. Авторитетность письменных памятников для древнерусских книжников была обусловлена прежде всего их древностью, а не сводилась к греческому происхождению. Потому домонгольские рукописи стали не только памятником своего времени, но и основой расцвета

⁸ Звуковое пространство православной культуры. М., 2008. С. 54, 55, 57.

певческой книжности позднейших периодов. Распевщики многих поколений оставили разнообразные вставки и уточнения как пометы на полях древних певческих книг, которые не выходили из употребления в течение последующих веков⁹.

Конечно, эта позиция близка взглядам Смоленского (и в статье цитируются его высказывания), но также не противоречит тому, что пытался выразить в своем «Курсе» Аллеманов.

Примечательно, что цитированные авторы своими рассуждениями словно отвечают на вопрос, поставленный Аллемановым в первом же его письме к Преображенскому:

...Греки могли, ну хотя бы в XI—XII веках (время очень близкое к началу развития у нас знаменного распева) *переписать* новыми знаками старые мелодии, но зачем им было — да и возможно ли это — создавать новые мелодии. Если же они переписали новыми знаками старые мелодии, то откуда же явилось отсутствие сходства их мелодий с нашими (см. Приложение «Д. В. Аллеманов»).

Ответ таков:

Отклонения от византийских образцов в области мелодических формул, строчной структуры и акцентуации заставляют более осторожно и опосредованно использовать в реконструкциях собственно византийский мелос, учитывая и то, что переинтонирование мелодических формул при заимствовании традиции составляет вполне обычное явление¹⁰.

Существует целый ряд работ, в которых положение о «переинтонировании» византийских моделей в древний период получает конкретное подтверждение. Назовем хотя бы статью Е. Б. Наумовой «Поэтика песнопения Рождеству Христову в византийской и древнерусской традициях», где в результате углубленного анализа одного образца делается следующий вывод:

...Сравнение греческого и древнерусского музыкально-поэтических текстов обнаруживает, наряду со сходством, самостоятельность

⁹ Звуковое пространство православной культуры. М., 2008. С. 59.

¹⁰ Лозовая И. Е. Древнерусский нотированный Параклит... // Гимнология. Т. I. М., 2000. С. 222.

отдельных элементов... При переводе процесс работы основывался не на механическом перенесении закономерностей одного текста на другой, но непременно с учетом особенностей древнерусского поэтического и музыкального мышления. При сравнении мы наблюдаем структурное соответствие древнерусского текста византийской традиции. Общность обнаруживается также и в том, что в обеих стихирах поэтический и музыкальных текст не являются эквивалентными с точки зрения распределения акцентности в строках. К числу общих относятся также композиционные принципы организации поэтического текста. Главное отличие... прослеживается на музыкальном уровне. Здесь мы отмечаем *новую интерпретацию текста* в славянском песнопении, что, с нашей точки зрения, является сознательным изменением музыкального текста греческого первоисточника. Изменения происходят как на уровне замены знаков внутри своего семейства, так и на уровне замены отдельных элементов нотации на противоположные, расширения роспева путем введения новых знаков, изменения акцентной и структурно-функциональной организации текстов¹¹.

В том же сборнике опубликовано исследование С. Н. Тутолминой «Русско-греческие параллели в певческих Триодях» (с привлечением материалов Афонской экспедиции), где в точности используется метод «параллельных изложений» Преображенского; и тем не менее автор утверждает:

...В древнерусских песнопениях обнаруживается творческий подход русских роспевщиков к греческим образцам. Вместе с заимствованием отдельных знаков и графических формул происходит работа над переосмыслением кадансовых оборотов и созданием новых устойчивых музыкально-семиографических формул¹².

Наконец, на Бражниковских чтениях 2010 года был прочитан доклад С. Ю. Поляковой «Новые тенденции в русской литургической практике XII века», основанный на материалах, с которыми работали Смоленский и Преображенский (ГИМ: Постная Триодь. Син. 319 и Цветная Триодь. Воскрес. перг. 27; Минеи Син. 159—168 и Параклитик Синодальной типографии). Во-первых, автор полагает, что все названные рукописи образуют единый комплект, принадлежащий к деятельности новгородского

¹¹ Греко-русские певческие параллели. М.; СПб., 2008. С. 146.

¹² Там же. С. 84.

архиепископского скриптория; во-вторых, прослеживает по почерковым особенностям рукописей процесс нотирования в книгах не переписывавшегося, а вновь нотировавшегося материала, полагая, что новые тексты, вполне возможно, отражают изменения, накопившиеся в устной практике. Вывод:

...Между серединой X века и последней четвертью XII века пролегал довольно значительный по времени период развития устной и письменной традиции церковного пения на русской почве; поскольку славянские текстовые модели часто значительно отличались от греческих, это предполагало мастерское владение техникой подобна; некоторые графические комбинации вырабатывались именно по ходу развития русской практики¹³.

Современными исследователями ставится еще один важный вопрос, поднимавшийся многократно дореволюционными русскими учеными и разрешенный Преображенским в отрицательном смысле, — об усвоении на Руси византийской певческой теории. Преображенский, напомним, считал:

При таком полном усвоении греческих певческих образцов, когда была принята вся система богослужебного пения, казалось бы, должна быть усвоена и музыкально-теоретическая и техническая часть. Правда, термины и номенклатура остались у русских певцов без изменения, но и только. Оживляющий теорию творческий дух нельзя было перенять и заимствовать путем исключительно внешним; для этого усвоения была необходима конгениальность, которой в те эпохи мы не замечаем. <...> Кондаки, икосы, тропари и ирмосы, гласы, подобны и проч. — все это перешло к русским и осталось у них навсегда, но лишь как непонятные, лишенные музыкально-поэтического смысла.

(*Культурная музыка в России*; см. Приложение «А. В. Преображенский».)

До последнего времени считалось, что греческий «ихос» и древнерусский «глас» имеют принципиально разное содержание: первый — указывает звукоряд, интервальную структуру, второй (по крайней мере с XV века) — содержит систему попевок, при которой собственно ладовые показатели имеют второстепенное значение; следовательно, не имеет

¹³ Цит. по рукописи.

большого значения и парность, «сродномузыкальность» ладов, которые в византийской теории определяются как автентические и плагальные. Именно так думал, например, М. В. Бражников (вполне восприняв это мнение от своего учителя Преображенского):

Оспаривая выводы Д. В. Разумовского относительно господствующих и конечных тонов восьми гласов, М. В. Бражников... пришел к выводу, что поиски системы господствующих и конечных звуков «ни к чему не приводят, потому что вся развитая византийская теория пения, как бы замечательна она ни была, за время существования знаменного пения на Руси не только что не сохранилась и не укрепилась, а наоборот, выветрилась и потеряла смысл»¹⁴.

Однако работы последнего времени скорее возвращаются ко временам Разумовского и Арнольда — в том смысле, что признается: их операции по вычислению звукорядов древнерусских ладов не были бессмысленными. Уже в работе, опубликованной в 1992-м, И. Г. и М. Г. Школьник констатировали:

Позднерусская гласовая система до сих пор считалась оригинальной, строгая иерархическая организация звукорядов и конечных тонов византийской монодии полагалась утерянной, забытой или же не понятой русскими распевщиками. Сравнительное исследование напевов Ирмология показало, что греческая система ихосов во многом сохраняется до XVII века. Чтобы усмотреть ее, необходимо транспонировать позднерусские песнопения 1—4 и 6—7 гласов на кварту вверх. <...>

Система византийских конечных тонов почти полностью сохраняется в поздней русской традиции...¹⁵

С другой стороны, постоянно занимающаяся византийскими певческими рукописями Г. А. Алексеева утверждает, что и византийская музыкальная теория «не представляла ихос только в виде простого звукоряда», что и там большое значение имели попевки-формулы как индикаторы гласа, то есть

¹⁴ Лозовая И. Е. Русское осмогласие знаменного распева как оригинальная ладовая система // Музыкальная культура Средневековья. Вып. 2. М., 1992. С. 65.

¹⁵ Школьник И., Школьник М. Византино-русский Ирмологий: актуальные проблемы сравнительного исследования // Музыкальная культура Средневековья. Вып. 2. С. 212, 213.

принцип связи компонентов системы практически одинаков и в гласе, и в ихосе¹⁶.

В докладе «О содержании понятий “глас” и “лад” в контексте теории древнерусской монодии», прочитанном на Бражниковских чтениях 2010 года, И. Е. Лозовая подвела некоторые итоги долгим дискуссиям на эту тему:

На протяжении по крайней мере столетия понятие *глас*, представляющее собой адекватный перевод византийского *ихос*, рассматривалось исследователями в двух аспектах, которые, как правило, противопоставлялись друг другу. В одних работах осмогласие описывалось как **система определенных звукорядов с финалисами**, различным образом расположенными в каждом из гласов. В других глас трактовался как **комплекс характерных для него мелодических формул**, получивших название попевок, или кокиз.

В опубликованном курсе лекций прот. Димитрия Разумовского «Церковное пение в России» в фокусе оказалась звукорядная концепция осмогласия, причем представленная им система гласовых финалисов и основных опорных тонов («господствующих») достаточно объективно отразила реальное ладовое содержание песнопений. О «кокизах» прот. Димитрий упоминает вскользь, хотя и замечает, что именно по ним лучше осваивать знаменное осмогласие практически.

С. В. Смоленский рассматривал знаменные песнопения с точки зрения чередования трихордов разной интервальной структуры — большого, малого и укосненного. Кроме того, именно он назвал 3-ступенные ячейки обиходного звукоряда согласиями. (На самом деле согласия упоминались в азбуках середины XVII века; см., например, «Сказание о подметках» в кн.: Шабалин Д. С. Певческие азбуки Древней Руси. Т. 1. С. 170. — М. Р.)

Прот. Василий Металлов первым из исследователей разработал попевочную концепцию знаменного осмогласия, кратко описал некоторые принципы расстановки попевок в песнопениях. Он определенно высказался в пользу изучения осмогласия по гласовым попевам и противопоставил попевочную организацию «туманной, отдаленной и умершей для нас системе старого греческого осмогласия». <...>

В конце 1970-х — первой половине 1980-х годов в связи с более пристальным изучением азбучных текстов, в частности содержавшегося в них понятия *строки* как определенного звуковысотного уровня, воз-

¹⁶ Алексеева Г. А. Свидетельства певческих рукописей XII века о взаимодействии византийской и древнерусской культур // Гимнология. Вып. 1. С. 164.

обновилось исследование ладовой структуры знаменного осмогласия. В работах С. В. Фролова и Д. С. Шабалина был предложен статистический метод анализа употребительности знамен *строки* на ступенях обиходного звукоряда в корпусе знаменных песнопений. В те же годы мы предложили несколько иной подход к этой задаче, а именно — собственно ладовый анализ знаменного мелоса, определение основных ладовых опор в знаменном осмогласии, независимо от высотного положения тех или иных знамен, ограничив при этом исследуемый материал знаменными ирмосами, простой мелос которых в меньшей степени подвергался редактированию. <...>

В древнерусской музыкальной теории термин «лад», действительно, не использовался, однако его содержание, как и в византийской теории, покрывалось более многозначным термином «глас» (греч. *ихос*, лат. *tonus*), дополнением к которому служили термины «попевка», «кокиза», обозначавшие конкретное мелодическое наполнение «гласа». <...>

...Из текстов руководств можно сделать вывод, что у древнерусских дидакалов были вполне отчетливые представления о звукоряде, его структуре и о смещениях интервальных последований на другие ступени, то есть метаболе. <...>

Знаменные песнопения восьми гласов в полной мере отражают соотношения между автентической и плагальной разновидностями, сложившиеся в византийской традиции...¹⁷

Кондакарное знамя

Публикуемая в Приложениях статья Смоленского о кондакарном знамени является посмертной публикацией доклада, прочитанного в ОДП весной 1906, то есть накануне Афонской экспедиции. Поиск источников загадочной нотации входил в число основных задач экспедиции, но источники не были найдены. Не умножилось число известных кондакарных рукописей и по сей день (хотя некоторые вспомогательные источники в области палеовизантийских нотаций были выявлены). Практически перед современными учеными встают те же проблемы, какие вставали перед Смоленским, тем более что в период между публикацией его доклада и последним, условно, двадцатилетием кондакарное знамя редко становилось предметом отдельного исследования для отечественных ученых. Пристальный интерес к нему возобновился в России главным образом в последние годы, хотя на Западе подобный интерес никогда и не иссякал.

¹⁷ Лозовая И. Е. О содержании понятий «глас» и «лад»... // Гимнология. Вып. 6. М., 2011. С. 344—359.

Это подтверждается хотя бы тем фактом, что в Европе в период между 1960 и 1994 было издано три русских Кондакаря — Успенский, Благовещенский и Троицкий, а в России лишь совсем недавно, в 2006, был опубликован Типографский Устав с Кондакарем.

Сам Смоленский после Афонской экспедиции уже не вернулся к кондакарному знамени как предмету исследования, вероятно, именно потому, что оно не обнаружилось в афонских рукописях. Судя по публикуемой в Приложениях рецензии Смоленского на книгу Металлова, Степан Васильевич остался до конца своих дней при убеждении (высказанном в 1906), что, поскольку

никаких нотаций, сходных с кондакарными знаменами, не имеется ни в Греции, ни в Европе, то следует заключить, что *кондакарная нотация есть изобретение русское*.

Что касается Преображенского, то он обратился к этой теме в порядке хронологического изложения в «Культовой музыке», посвятив Кондакарям всего один абзац. Основные положения здесь отчасти совпадают с высказанными Смоленским, однако, в отличие от учителя, Преображенский отнюдь не считал кондакарную нотацию в какой бы то ни было мере «русской», а считал ее «византийской» (как и Металлов) и связывал с

особой музыкально-поэтической греческой богослужебной системой, носящей название асматического, или песенного последования. Она сложилась в греческой церкви после VI века. В ней отдается преимущество пению пред чтением, а в пении — элементу сложно-мелизматическому пред речитативно-повествовательным.

Преображенский считает кондакарную нотацию фиксирующей именно мелизматическое пение, в отличие от более употребительного стихирарного пения, записанного знаменной нотацией; говорит о мартирях как «показателях лада»; верхний ряд знаков, по Преображенскому, «близко напоминает хирономические знаки, то есть знаки, воспроизводящие графически движение руки для указания мелодических оборотов» (так думал об этом и В. М. Металлов), нижние знаки — «более простые по начертанию, значение которых точно неизвестно».

Много внимания уделил Кондакарям Аллеманов. Вообще он давно занимался ими: кондакарная нотация не раз фигурирует в его переписке со Смоленским и до и после экспедиции, а в письме к Преображенскому от 3 февраля 1912 Аллеманов обещает:

Если бы у меня нашлось свободы четыре-пять лет для спокойной работы — и Устав с Кондакарем [Типографский Устав], и все до одной старые певчие книги *прочел* бы от доски до доски.

В своем курсе я в двух-трех штрихах сообщаю свое открытие. На 1-й седмице отдел о семиографии будет отлитографирован.

Основные положения Аллеманова в «Курсе» (второй его части) таковы: «кондакарный роспев» — роспев «матиматарный» («ученый»), исполнявшийся на Руси исключительно пришлыми греками либо «грекоманами из русских»; русские певцы не справлялись с этим роспевом, почему впоследствии и «вытерли» из текста Типографского Кондакаря мартирии как показатели лада:

...мартирии указывали греческие лады разных строев, и поэтому были укоризненны для певцов, или не умевших интонировать этих ладов, или же не хотевших вообще петь по-гречески...

Придавая особое значение Типографскому Уставу с Кондакарем как первому образцовому русскому певческому своду, Аллеманов считает, что, в отличие от уже «русифицированной» знаменной части,

в кондакарном роспеве манера чтения текста осталась греческая, употребляемая в матиматарном пении, — по которой текст есть случайная канва для извития мелодии. Поэтому в сем отделе рукописи ничего не сделано для славянизации текста пения.

Объясняя разноречивость позиций дореволюционных ученых, Ю. В. Артамонова пишет:

Все дело в том, что Смоленский имел перед глазами два списка Кондакарей — Троицкий и Типографский. Металлов же привлек еще один список, который Смоленский не рассматривал, — Благовещенский Кондакарь, в котором встречаются не только славянские, но и греческие тексты. Понятно, что именно специфика источников стала причиной разницы во мнениях.

Тот же автор свидетельствует, что

в настоящее время... сам вопрос перенесен в иную плоскость. <...> Практически все исследователи сходятся во мнении о греческом происхождении этого вида пения и его тесной связи, в частности, с констан-

тинопольской певческой традицией. Все различия в понимании этого вопроса связаны с тем, в какой степени кондакарное пение на Руси оставалось греческим¹⁸.

Действительно, мысль Смоленского о чисто русском происхождении кондакарной нотации не поддерживается, кажется, никем из современных исследователей¹⁹. Однако разная степень участия русских певцов в формировании кондакарного пения тоже никем не отрицается — в отличие, как видим, от убеждений Преображенского и Аллеманова. «Крайнюю», наиболее близкую к Смоленскому, позицию здесь занимает Г. А. Пожидаева, которая пишет:

Знаковая система кондакарного пения имела только некоторое внешнее, графическое сходство с палеовизантийской нотацией, но это сходство не отражало общности музыкального языка²⁰.

В некоторых пунктах мысли современных ученых совпадают с высказанными Смоленским, некоторые его вопросы получили ответы.

Например, выясняется разными путями, что такое беспокоивший Смоленского «Азматик»:

Раздел азматиков, содержащий краткие отрывки песнопений из нескольких строк — хоровые припевы к стихам из псалмов, отдельные возгласы респонсорного пения, заключительные строки песнопений, по своему составу и фрагментарному типу подборки резко отличается от других разделов и стоит ближе всего к византийскому Азматикону²¹.

...Азматик Благовещенского Кондакаря — это собрание различных сольных запевов или, возможно, каденций-завершений для песенных богослужений в исполнении domestика. Употребление некоторых строк на двух языках... тоже не противоречит церковной практике того

¹⁸ Артамонова Ю. В. Изучение древнерусских Кондакарей: магия источника // Культура тихоокеанского побережья. Владивосток, 2005. С. 136—141.

¹⁹ Кстати заметим: византийское происхождение кондакарной нотации было совершенно очевидно Д. В. Разумовскому, что следует как из его опубликованных работ, так и из его рукописных материалов (см. в Приложении «Хрестоматия»). Он же попытался и проследить некоторую эволюцию кондакарной нотации на Руси на протяжении двух-трех веков.

²⁰ Пожидаева Г. А. Певческие традиции Древней Руси. М., 2007. С. 171.

²¹ Там же. С. 152.

периода, когда в соборах существовало два клироса — русский и греческий²².

Результатом параллельных исследований именно этого раздела русских Кондакарей и византийских Азматиконов стало убеждение, что прототипом кондакарной нотации является один из видов нотации палеовизантийской.

Освещен и вопрос о встречающейся в Кондакарях загадочной «добавочной» нотации, которую Смоленский называл «красно-демественной», «старо-демественной»:

Азматик [Благовещенского Кондакаря] также уникален своей нотацией, которая, в отличие от кондакарной, преимущественно выстроена в один ряд и включает как знаменные, так и кондакарные невмы. Разные исследователи в свое время называли ее по-разному: С. В. Смоленский — «старо-демественной», М. В. Бражников — «азматической», современные исследователи причисляют нотацию Азматика к типу «сложной знаменной нотации»²³.

На вопрос, какой именно вид палеовизантийской нотации имеется в виду как основа кондакарного знамени, однозначного ответа нет. Крупный ученый Милош Велимирович высказался на эту тему:

Русская кондакарная нотация, по-видимому, имеет корни в византийской системе, ныне обозначаемой как «шартрская», которая была отменена в то время, когда стала превалировать так называемая «куаленская» нотация, казавшаяся более «полезной» и «рациональной» ее пользователям²⁴.

Велимирович полагает, что при переносе на Русь византийского пения возникла дилемма: какой из типов нотации избрать. В результате были перенесены оба типа: «шартрская» для ограниченного круга песнопений — именно она стала прототипом для кондакарной нотации, и «куаленская» как модель для нотации Стихирарей и Ирмологиев.

²² Швец Т. В. Азматик Благовещенского Кондакаря // Греко-русские певческие параллели. М.; СПб., 2008. С. 101.

²³ Там же. С. 109.

²⁴ Велимирович Милош. Место Руси в трансмиссии христианских песнопений // Гимнология. Вып. 3. Церковное пение в историко-литургическом контексте: Восток — Русь — Запад. М., 2003. С. 9. Текст на английском языке.

Это предположение не исключает возможных проникновений элементов одной нотации в другую. Таким образом, заключает Велимирович, русские Кондакари — уникальный источник для исследования палеовизантийской певческой традиции, восполняющий несохранившиеся греческие источники. С этой точкой зрения полемизирует Т. Ф. Владышевская, считающая, что кондакарная нотация связана отдаленным родством с обоими видами нотации палеовизантийской, причем шартрская нотация непосредственнее соотносится со знаменной²⁵.

Если вопрос о *мартириях* как показателях лада (гласа) не вызывает особых дискуссий (точнее: вызывает дискуссию вопрос, почему они оказались, употребляя выражение Аллеманова, «вытерты» в одном из Кондакарей), то вопрос о значении *больших ипостасей* продолжает активно обсуждаться. Смоленский, напомним, считал знаки нижней строки собственно «нотными», а знаки верхней строки — обозначающими «оттенки исполнения». Преображенский (вслед за Металловым) считал, что в верхней строке зафиксированы «хирономические знаки, то есть знаки, воспроизводящие графически движение руки для указания мелодических оборотов». И. А. Гарднер в своей монографии присоединяется к точке зрения Смоленского, уточняя при этом, что большие ипостаси могут передавать конкретно не только «оттенки», но и «способы звукоизвлечения», способы подачи звука — например, горловое звучание. Т. Ф. Владышевская, не отрицая возможность такой трактовки, все же полагает, что большие ипостаси являются обобщенной записью музыкального содержания, записанного знаками нижнего ряда, и нужны для осознания общей структуры песнопения и его запоминания. К этой точке зрения присоединяется и Г. А. Пожидаева. Ю. В. Артамонова сочувственно цитирует Кеннета Леви:

Кажется, что расстановка больших ипостаз Кондакарей варьируется или даже изменяется в зависимости от контекста. Система, таким образом, может быть определена как в высшей степени комплексная и гибкая система хейрономических жестов и мнемонических методов, которые по своей сути ускользают от точного определения²⁶.

Конечно, главным является вопрос о *стиле* кондакарного пения. Преобладает, безусловно, мнение Преображенского и Аллеманова, описы-

²⁵ См.: Типографский Устав с с Кондакарем конца XI — начала XII века / Под ред. Б. А. Успенского. Т. III. Исследования. М., 2006.

²⁶ Артамонова Ю. В. Цит. ст.

вавших кондакарное пение как *сложное мелизматическое*. Ряд исследователей (например, Т. Ф. Владышевская, Т. В. Швец, Н. Б. Захарьина) склонны считать кондакарное пение *сольным* или, по крайней мере, *праздничным амвонным* (Захарьина). Но Г. А. Пожидаева присоединяется скорее к позиции Смоленского:

Мелодии кондакарные, как и само кондакарное знамя, в сущности, и не могут быть чем-либо особенно замысловатым, а тем более очень мудреным²⁷.

Такая позиция, разумеется, логична, если, как делал Смоленский, признавать кондакарное знамя «русским изобретением». Кроме прочего, она обосновывается случаями вкраплений кондакарных фрагментов в знаменное письмо, что, по мнению Пожидаевой, свидетельствует об интонационной общности роспевов. Но ведь можно судить иначе: вкрапления кондакарного знамени в столповое знамя говорят о включении сложной мелизматики в знаменные стихиры, а не о тождестве стилей. Предложенные Пожидаевой расшифровки кондакарного знамени действительно демонстрируют, хотя и скорее мелизматические, но в принципе достаточно простые напевы.

Неожиданно сильную поддержку ряда ученых получает в последнее время высказанное Смоленским смелое предположение о родстве кондакарного и демественного пения:

...За изъятием кондакарной нотации могли ли быть изъяты и самые напевы, имевшие уже давность нескольких веков? Мы увидим далее, что по кондакарным нотам пелись далеко не одни только кондаки, что в кондакарях вводимы были большие отделы, нотированные совсем не кондакарными нотами. Появление нового демества в XV веке есть именно та связь, которая уясняет все дело.

Внятным аргументом здесь служит значительное совпадение репертуара кондакарного пения и пространных напевов XVI века, главным образом демества, но также и пути. Н. Б. Захарьина пишет:

...Множество нитей связывает эти два рода пения. Прежде всего, демество заняло нишу, освобожденную угасающей кондакарной традицией. Это также пение, украшенное продолжительными внутрисловными распевками. <...> Далее, для демественных песнопений харак-

²⁷ Пожидаева Г. А. Цит. кн. С. 171.

терны внутрислоговые вставки — традиция, начавшаяся на Руси именно с Кондакарей²⁸.

Ю. В. Артамонова поддерживает еще более радикальную идею Г. А. Пожидаевой — о «нарочитой стилизации» кондакарного пения в пении демественном. Сопоставляя фрагмент кондака Рождеству Христову как «едва ли не самый ранний пример записи демества» с аналогичным песнопением из Успенского Кондакаря, Артамонова обнаруживает одинаковое употребление в этих песнопениях «вставок» («асматических слогов») и приходит к заключению:

Создается впечатление, что демественная версия «имитирует» кондакарную манеру пения.

А в общем, как верно пишет Артамонова,

древние Кондакари весьма неохотно открывают свои тайны исследователям...²⁹

²⁸ Захарьина Н. Б. О составе древнерусского певческого кодекса XVI—XVII веков // Звуковое пространство православной культуры. М., 2008. С. 75.

²⁹ Артамонова Ю. В. Цит. ст.

Тем не менее в 1965 греческим филологом Линосом Политисом была найдена рукопись, которая стала дополнительным источником для «объяснения происхождения кондакарного знамени» (Politis Linos. 'Δύο χειρόγραφα ἀπό τήν Καστοριά' // *Hellenika*, 20. Thessaloniki, 1967). Это Асматикон (книга для хора) начала XIV века, происходящая из северной Греции (сокращенно: К8). В рукописи имеются не только репертуарные совпадения со славянскими Кондакарями, но и второй ряд знаков, подобный специфическим кондакарным невмам.

Музыковеды-медиевисты с большим энтузиазмом отнеслись к находке. Константин Флорос назвал эту рукопись «розетским камнем» для расшифровки кондакарной нотации (см.: Floros Constantin. *Universale Neumenkunde*. Vol. 2. Kassel, 1970. S. 266—272). К ней неоднократно обращались исследователи (см.: Moran Neil. *The Ordinary Chants of the Byzantine Mass*. Hamburg, 1975; Doneda Annalisa. 'Hyperstases' in MS Kastoria 8 and the Kondakarion Notation // *Palaeobyzantine Notation II*. Hernen, 1999. P. 23—36; Myers Gregory. *The Medieval Russian Kondakar and the choirbook from Kastoria: a palaeographic study in Byzantine and Slavic musical relations* // *Plainsong and medieval Music*, 7, 1. P. 21—46).

Грегори Майерс, продолжив исследование К8 в связи с кондакарным пением в книге «A Historical, Liturgical and Musical Exploration of Kondakarnoe Penie» (Sofia, 2009), делает вывод: «Кондакарное письмо является результатом уникального синтеза: наложения «гиперстаз» шартрского происхождения на малые знаки палеовизантийского типа [нотации]... В то же время сложный феномен двух рядов музыкальных знаков, где верхний ряд представляет комплексное графическое выражение мелодических оборотов (паттернов), не имеет precedентов в Византии

Экфонетическая нотация

Поиск рукописей с нотацией для чтения нараспев (экфонетической) не ставился специальной целью экспедиции, однако он стал целью, когда выяснилось, что древних певчих славянских рукописей нет ни в библиотеках Белграда и Софии, ни в афонских монастырях. В Софии Смоленскому удалось обнаружить фрагмент славянской Триоди с экфонетическими знаками, и затем на Афоне экспедиция скопировала фрагменты греческих евангельских чтений с подобными знаками, дабы попробовать затем в этой области обнаружить приметы самостоятельного славянского творчества.

В таком стремлении русские ученые оказались, в исторической перспективе, не одиноки. Например, современная болгарская исследовательница Елена Тончева именно в экфонетике усматривает начало «творческого усвоения» южными славянами «византийских музыкально-поэтических моделей»:

Была воспринята система *экфонетических знаков* для записи литургического чтения, —

следует ссылка на открытую Смоленским в Софии рукопись (без указания на русского ученого) —

которая присутствует в болгарском памятнике — фрагменте Триоди XI века... а также в древнерусских письменных памятниках XI века, созданных по болгарским протографам, — *Остромировом Евангелии* (РНБ. Ф. п. 1. 5) и Новгородских (Куприяновских) евангельских листках (РНБ. Ф. п. 1. 58)³⁰.

Проблемам экфонетики посвящен большой раздел в книге Т. Ф. Владышевской «Музыкальная культура Древней Руси». Там прослеживается

ни в это, ни в любое другое время» (Р. 169). Майерс отмечает также, что необычные знаки этой рукописи, внешне напоминающие графику знаков верхнего ряда Кондакарей (особенно — Благовещенского), еще дальше отстоят по времени от гиперстаза шартрской нотации — общего возможного прототипа и требуют тщательного исследования (Р. 82—84).

Таким образом, вряд ли знаки К8 дадут ключ к прочтению кондакарных гиперстаз, но исследование указанной рукописи может приблизить исследователей к пониманию того места, которое занимает кондакарное знамя в истории развития древних певческих нотаций. — *Примечание Ю.В. Артамоновой.*

³⁰ Тончева Е. Раздел «Церковное пение» в статье «Болгария» // Православная энциклопедия. Т. V. С. 612.

возникновение ранних форм экфонетики в разных культурах, говорится о значении византийской экфонетической нотации как первоисточника собственно певческих нотаций. Относительно древнерусских памятников, в том числе названных выше, отмечено, что в них

форма экфонетических знаков... в большинстве своем дублирует византийскую экфонетическую нотацию, но в древнерусских рукописях количество знаков гораздо меньше... [исключение составляют Куприяновские листки, где есть] почти все знаки... встречаемые в греческих священных книгах)³¹.

Владышевская утверждает также, что экфонетическая нотация продержалась в русских служебных книгах несколько веков, эпизодически встречаясь вплоть до XVI века и не претерпевая существенных изменений.

Значение исследований ранней экфонетики для певческой медиевистики убедительно раскрыто в большой статье Н. В. Рамазановой «Остромирово Евангелие и древнерусское церковное пение» (опубликована на сайте РНБ, раздел «Ресурсы»). Например, автор пишет:

Евангельские чтения в богослужении находятся в окружении песнопений, и в Остромировом евангелии мы встречаем ремарки, отсылающие к этим песнопениям. Как известно, перед чтением Евангелия на литургии поется «Аллилуия»... За пением «Аллилуия» звучит стих Священного Писания... В ремарках перед текстами евангельских чтений на литургии указывается глас, на который поется «Аллилуия», и отмечается стих Святого Писания. Например: «Въ понед(ельникъ) с(ве)тлыя нед(еля). С(вя)тыхъ апостоль. Алле(луия). Глас \bar{a} . Исповедают небеса чоудес(а Твоя)» (л. 3); «Въ среду светлыя нед(еля). Алле(луия). Глас \bar{h} . «Величит д(у)ша моя Г(оспо)да» (л. 6) и т. д. Записи «Аллилуия» на восемь гласов известны по ранним певческим книгам. Так, в Типографском Уставе с Кондакарем, датирующемся XI—XII вв. и являющемся одним из наиболее ранних по времени написания источником, роспевы «Аллилуия» встречаются неоднократно.

Стоит еще отметить, что ряд исследователей, русских и западных, считает экфонетическую нотацию столь мало изменяющейся на протяжении столетий, что это открывает возможность сравнивать древние речитативные формулы разных церквей с сохранившимися до наших дней обычаями литургического чтения.

³¹ Владышевская Т. Ф. Музыкальная культура Древней Руси. М., 2006. С. 306.

Болгарский роспев

Как ясно из всех публикующихся в данном томе материалов, обретение «древних славянских роспевов», в первую очередь «болгарского», а затем и «сербского», было мечтой Смоленского с самых молодых лет. Это стремление имело, кроме научно-художественной, очень сильную идеологическую, даже политическую «славянофильскую» подкладку. Достаточно вспомнить восторг, с которым Смоленский воспринимает обретение «одного листочка» с тем, что ему представлялось «староболгарским пением» (см. комментарии к Зографскому Трифологию — он же Трефологий, Трефологион — в Приложении «*А. В. Преображенский*»), или горькое разочарование, выражаемое им в Дневнике после посещения славянских афонских монастырей, где пели в музыкальном смысле «по-гречески».

Идеологическая подкладка порой заслоняла собой яркую художественную интуицию ученого. Между тем в своем выступлении в ОЛДП на эту тему (см. полный текст в Приложении «*Болгарский роспев*») он, как бы между главным делом, высказывает мысли, вполне согласующиеся с современными исследованиями. Во-первых, это соображение о возрасте «болгарского роспева» в связи с возможностью сравнения его с записями болгарских народных песен:

...«старо-болгарскому церковному пению» по меньшей мере лет 250—300, а все 165 народных болгарских песен, собранные в известном «Сборнике народни умотворения», — относятся к нынешнему поколению...

То есть, вопреки утверждениям Николова и своим собственным, будто собираемый ими роспев относится ко временам древнего Болгарского царства, Смоленский мимоходом признает, что роспев относится все же к XVII веку или по крайней мере в это время фиксируется в русских рукописях.

Во-вторых, соображение по поводу места и путей возникновения «болгарского» роспева:

Несомненно, что весь ряд отдельных вопросов о судьбе болгарского роспева в разные десятилетия XVI века будет находится постоянно вблизи той дороги сношений и церковных общений, по которой лежат все промежуточные пункты между Константинополем и Яссами; отсюда дорога двоятся, то есть одна идет в Киев, другая же в Львов или Вильну. Само собою разумеется, что более мелкие пункты по этим

дорогам — монастыри, братства, школы и отдельные епископские кафедры, при которых каким-либо способом или чьим-либо влиянием болгарское пение вводилось в местную богослужебную практику.

Это утверждение полностью согласуется с результатами современных исследований. И не только современных — подобные мысли были высказаны уже в конце XIX столетия в работах протоиерея Иоанна Вознесенского, например:

Ближайшими поводами, а равно и путями к заимствованию Юго-Западною Церковию греко-славянских роспевов служили ее близкие и частые сношения с константинопольскою и славянскими церквами. Некоторые монастыри и даже епархии Юго-Западной России были, как известно, в ведении Константинопольского патриарха... За неудобствами прямых тогда сношений с константинопольскими церквами, в самой Греции находящимися под властью турок, южно-русы изучали греческое пение в прилегающих к ним землях придунайских³².

Современная исследовательница южных роспевов Е. Ю. Шевчук подтверждает мысль протоиерея Вознесенского:

Если песнопения *киевского*, столпового (безымянные) и местных напевов имели прямые аналоги в сфере знаменного пения Московской Руси, то *болгарский* и *греческий* в конце XVI — первой половине XVII века являлись принадлежностью, по-видимому, только украино-белорусской традиции. Их приток в местный репертуар отражал постоянные контакты Южной Руси с Афоном, Константинополем, Балканами, а также с молдо-влашскими монастырями Драгомирна, Нямец и Путна, ретранслирующими греко-балканскую (поствизантийскую) традицию в северном направлении³³.

Как явствует из текстов Смоленского и Николова, они столкнулись с трудностями атрибуции болгарского роспева среди массы других «новых» роспевов. Смоленский говорит:

³² Вознесенский И. Церковное пение православной Юго-Западной Руси по нотолинейным Ирмологам... М., 1898. С. 61.

³³ Шевчук Е. Ю. Протоиерей Иоанн Вознесенский о репертуаре украинских нотолинейных Ирмологионов XVII — начала XVIII века // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Вып. 1. М., 2007. С. 114—115.

Историко-археологическое значение труда г. Николова заключается в том, что теперь обнаруживаются обстоятельства, пока еще недостаточно выясненные, но несомненно шатающие то понятие, которое у нас устоялось на веру за так называемым киевским роспевом. Часть этого киевского роспева оказалась несомненно болгарской.

Для сравнения снова процитируем современное исследование:

В широком значении *киевское* означало всю украинно-белорусскую традицию традиционного знаменного роспева, изложенного в конце XVI века нотолинейной нотацией. <...>

Четкой стилевой грани между... роспевами нет, взаимозаменяемость греческого и болгарского — многочисленная. Названия давались и на основе происхождения роспевов, и на основе их бытования. Например, песнопение греческой традиции, афонской или константинопольской, могло быть перенесено болгарскими клириками в молдавскую или украинскую обитель и тогда называлось болгарским³⁴.

Любопытно, что, говоря о взаимозаменяемости надписаний «киевское» и «болгарское», Смоленский и Николов оставляют в стороне заменяемость надписаний «болгарское» и «греческое» (Николов, надо полагать, по нелюбви ко всему греческому, а Смоленский — вслед за ним). Между тем современные исследования свидетельствуют, что такие замены в южно-русских Ирмологионах XVII—XVIII веков были самым обычным делом. Так, М. Г. Ларина в своей работе о болгарском роспеве указывает, что атрибуции «греческий», «болгарский», «сербский» и даже «мултанский» (то есть «молдавский») в большой мере случайны и условны, так что одно и то же песнопение в разных рукописях может иметь разные надписания (например, и «болгарское», и «сербское», и «киевское»), и даже в одной и той же рукописи возможно двойное надписание, типа «киевского напева — болгарское». Причем, как отмечает исследовательница, надписание «болгарское» в Ирмологионах особенно популярно³⁵.

³⁴ Шевчук Е. Ю. Протоиерей Иоанн Вознесенский о репертуаре украинских нотолинейных Ирмологионов XVII — начала XVIII века // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Вып. 1. М., 2007. С. 112.

³⁵ См.: Ларина М. Г. Болгарский роспев: к вопросу атрибуции песнопений // Традиционные музыкальные культуры на рубеже столетий: проблемы, методы, перспективы исследования. М., 2008. С. 430.

И более того: Е. Ю. Шевчук полагает, что «болгарский напев» — в XVII веке общее название всех южнославянских роспевов, источником которых была греко-балканская певческая традиция.

В вопросе о выделении из этого общего корпуса собственно болгарского роспева предлагаются следующие решения.

Смоленский рекомендовал опираться главным образом на художественные характеристики:

...усвоив себе возможно подробную систему болгарских голосоизвитий, порядка рифмования строк, порядка следования каденций, равно и порядка отношений текста к мелодиям, можно легко составить грамматику старо-болгарского церковного пения и определить значение этого роспева между другими... Я могу охарактеризовать болгарские церковные напевы как весьма иногда быстрые в голосоизвитиях, с короткими певчими строками, с ясными размещениями текстов, повторяющихся весьма редко, с весьма систематичными рифмами и заключениями в концах певчих строк. Я назвал бы болгарские мелодии плавными, спокойными в очень немногих случаях; в них нет суровых, сосредоточенных длиннот, которые попадают даже и в киевском роспеве. Наконец, болгарские мелодии почти сплошь чрезвычайно изящны и полны для южанина самого естественного увлечения, действующего и на русскую душу вполне забираательно.

Современным исследователям, которые не отрицают возможность стилистического атрибутирования, представляется все-таки более надежным опираться на закрепленность «болгарского» осмогласия за определенными богослужебными текстами и жанрами. В связи с этим М. Г. Ларина в цитированной работе приводит целый список надежно атрибутированных «болгарских» песнопений. Конечно, в этом списке присутствуют и те мелодии, которые называются Смоленским в его докладе как прочно вошедшие в общерусский обиход и часто обрабатывавшиеся русскими композиторами.

Очень любопытный момент — не только распространение, но и собственно происхождение южных роспевов. Смоленский размышлял на эту тему так:

Несомненно, что ко времени покорения турками болгарское пение могло быть свободно от греческого влияния и, следовательно, могло быть только народно-болгарским; несомненно и то, что болгарский роспев, как самостоятельный факт, может быть бесспорно доказан с

технически-музыкальной стороны. Это есть несомненно отдельная от русского, самостоятельная отрасль славянского искусства. В известном нам нотном изложении этот распев есть не русский, не сербский, отнюдь не греческий, не румынский, следовательно — он есть болгарский, ибо только и остается остановиться на подтверждении уже усвоенного в рукописях его бесспорного названия.

Это заключение, исходя из всего вышесказанного, надо считать ошибочным.

Что касается греческого распева (с которым, напоминаем, часто меняется надписаниями распев болгарский), то еще И. И. Вознесенский отмечал, что греческие мелодии «чрез заимствование не из первых рук и переделки применительно к местным обычаям в пении могли утратить часть своих свойств и смешаться с местными славянскими распевами»³⁶. Кроме того, как уже говорилось, названия распевов давались как на основе их происхождения, так и на основе их бытования.

Все же Е. Ю. Шевчук указывает важную межстилевую границу внутри болгаро-греческой сферы — размежевание песнопений в «старом» калофоническом и в «новом» стиле:

«Новый стиль» представляет относительно краткие краткие напевы, имеющие специфический музыкальный облик (четкая ритмическая организация, централизация в «мажорной», «минорной» или переменной ладотональности, точная или варьированная повторность мелодических строк, часто строфическая форма в масштабах целого). При том новый монодийный стиль установил преемственную связь со «старым» греко-болгарским пением на уровне отдельных мелодико-ритмических единиц (мотивов) и традиционных ладозвукорядных структур³⁷.

Понятно, что Николов и Смоленский собирали именно песнопения «нового стиля», атрибутируя их как собственно «болгарские».

И здесь очевидным становится парадоксальный факт: поиски экспедицией болгарского напева на Афоне не были совсем безосновательными — просто искали «не то». Источником позднего болгарского напева (и других поздних распевов) были, как выясняется сейчас, не древние рукописи времен Болгарского царства, а пение в славянских афонских

³⁶ Цит. по указанной статье Е. Ю. Шевчук. С. 111.

³⁷ Там же. С. 116.

монастырях и их метохах, в том числе письменно фиксированное в позднее время.

Е. Ю. Шевчук пишет, в частности:

Болгарское и сербское пение славянских монастырей Афона могло быть названо греческим, согласно местонахождению Св. Горы, а также соответственно языку, на котором пелся гимнографический текст. Византийский стиль пения был «своим» не только на Афоне, но и в молдавских монастырях, вследствие этого зафиксированные в Супрасле в 1596—1601 годах *мултанские* напевы имеют в преобладающем большинстве рукописей XVII века определение «болгарское»³⁸.

Важные исследования в этой области были проведены Ю. В. Артамоновой, которая подробно проанализировала нотированную греческими невмами (поздней традиции) рукопись афонского сербского, а в былые века — и болгарского, монастыря Хиландар, относящуюся к середине XIX столетия. В системе подобинов, зафиксированных в этой рукописи, было обнаружено большое сходство с системой знаменных подобинов. Это позволило исследовательнице сделать такой вывод:

...Хиландарский нотированный Подобинок отражает славяно-византийскую монастырскую традицию, которая долгое время существовала в условиях устной формы передачи. «Генеалогия» мелодической версии напевов восходит к грекоязычным памятникам, которые фиксируют мелодическую традицию XV века, то есть времен заката великой византийской империи. Соединение славянского текста и византийской нотации отсылает нас к тем временам, когда вновь крещеные славянские народы перенимали византийскую церковно-певческую традицию³⁹.

Рассматривая далее соотношение материала данной рукописи с южными роспевами в русских певческих книгах, исследовательница приходит к заключению, что «болгарский напев» имеет гораздо более позднее, нежели XV век, происхождение. Однако само существование подобных хиландарской рукописей в XIX столетии свидетельствует:

Святогорская традиция не прерывалась и служила живым источником и образцом для порабощенных балканских народов. Поэтому

³⁸ Цит. по указанной статье Е. Ю. Шевчук. С. 115—116.

³⁹ Артамонова Ю. В. Певческая традиция Хиландара и позднерусские роспевы // Звуковое пространство православной культуры. М., 2008. С. 101.

очевидно предположить существование тесной связи между южнославянскими напевами Нового времени и певческой традицией монастыря. Хиландарская подборка дает прекрасную возможность выяснить степень влияния южнославянской традиции на болгарский распев из русских нотоплинейных рукописей⁴⁰.

Это подтверждает общеисторические соображения о неизбежности взаимодействия греческих и славянских певческих традиций в афонских монастырях, высказанные в предыдущем разделе статьи. (Чему, заметим в скобках, можно найти своеобразное живое подтверждение: в храме московского подворья афонского русского Пантелеимонова монастыря в наши дни звучит пение, в основе своей опирающееся на знаменную традицию, но с отчетливым «греческим» акцентом, что сказывается и в постоянном употреблении исона, и в особенностях интонирования, и в характерных мелодических изменениях. Конечно, это «новодел», но само явление примечательно.)

Что касается пения в Болгарии в годы Афонской экспедиции и взглядов современных болгарских ученых на вопросы, поставленные Смоленским и Николовым, то здесь можно отметить следующее.

Оставляя в стороне древнейший период, когда, по мнению болгарских ученых, цитированному выше, было положено начало «собственно славянскому церковному музыкально-поэтическому творчеству»⁴¹ (экфонетическая нотация, обнаруженная Смоленским в рукописи Софийской библиотеки; загадочная нотация Зографского Трифология — см. в Приложении «А. В. Преображенский» и проч.), исследователи признают, что

староболгарские памятники литургического пения... в настоящее время не известны... самые ранние славянские нотированные памятники принадлежат древнерусской культуре.

Признается также, что начиная с XIV века

через адаптирование греческих мелодий к славянским текстам было усвоено орнаментированное поздневизантийское *калофоническое пение*.

⁴⁰ Там же. С. 103—104.

⁴¹ Здесь и далее используются материалы, опубликованные в разных томах Православной энциклопедии, в частности в разделе «Церковная музыка» в статье «Болгария» (автор раздела — Е. Тончева), в статье «Динев» того же автора и др.

В связи с этим упоминается фигурирующий в полной версии доклада Смоленского в ОЛДП Синодик царя Бориса XIV века, где есть нотированные фрагменты.

Болгарские ученые согласны с выводами ученых российских по поводу восприятия балканского славяноязычного пения в Юго-Западной Руси начиная с конца XVI века. При этом болгарские коллеги утверждают, что

в условиях турецкого владычества на Балканах в болгарских землях продолжала существовать своя устная славяноязычная певческая традиция;

с развитием движения за культурное возрождение в XVIII веке на Балканах и Афоне (в монастырях Хиландар и Зограф), как и в болгарском Рильском монастыре... возобновилось усвоение музыкальной певческой книжности на славянском языке,

однако в позднегреческой невменной нотации («хрисанфовой»). Именно тогда, в XIX веке, был создан полный годовой репертуар песнопений данного стиля со славянскими текстами, в который вошли и творения рильских мелургов. Именно этот репертуар изучал Смоленский еще в Казани, пользуясь учебником Ангела Иванова Севлиеца.

По поводу работы Николова мнения болгарских музыкантов разошлись. Те из них, кто ориентировался на русскую многоголосную хоровую традицию, утвердившуюся в Болгарии после 1878, впоследствии нередко обращались к обработкам роспевов из собрания Николова; среди таких авторов, например, известнейший духовный композитор Болгарии Добри Христов. При этом другой крупный автор, Петр Динев (кстати, в течение многих лет учившийся и работавший в России), опирался преимущественно на прототипы византийской традиции. В современной церковнопевческой практике Болгарии сохраняются оба направления: и монодическое, и многоголосное.

По сути, то же самое произошло в Сербии: там в современной церковной службе могут иногда сочетаться «византийское» монодическое и «русское» многоголосное направления, с тем, однако, весьма существенным отличием, что в Сербии имеется источник аутентичного национального церковного пения — так называемый «карловацкий роспев», записанный впервые еще в середине XIX века и ныне углубленно изучаемый сербскими учеными.

По сути, страстный патриот Николов, который не мог не знать хотя бы работ Корнелия Станковича и Стефана Мокраяца по собиранию и обработке сербского роспева (во всяком случае эти работы прекрасно знал Смоленский⁴²), хотел создать, или «реконструировать», такой же «фонд» для болгарского роспева, и отчасти ему это удалось.

Марина Рахманова

⁴² Собственно, с обработок сербского роспева из сборника Станковича началась столь блистательная впоследствии композиторская деятельность педагога Синодального училища Александра Кастальского: Смоленский как директор училища и Синодального хора и регент В. С. Орлов стремились исполнять славянские песнопения, но были недовольны стилем обработок Станковича; отсюда и поручение Кастальскому «переобработать» сербские напевы. Успех новых переложений при исполнении Синодальным хором был столь велик, что подтолкнул талантливого музыканта к дальнейшей деятельности в этом направлении, но уже применительно к русским образцам.

О структуре тома

Настоящий том состоит из двух книг.

Первая книга — текстовая.

После вступительного раздела публикуется *Афонский дневник* С. В. Смоленского, который для удобства чтения разделен на пять частей с редакторскими подзаголовками; комментарии, несмотря на большой их объем, даются подстрочно.

За *Афонским дневником* следует раздел *Письма*, в котором по возможности собраны все эпистолярные документы, касающиеся подготовки, проведения и результатов экспедиции, официальные и личные. Исключение составляют письма, написанные во время экспедиции ее участниками друг другу, а также полученные ими в экспедиции официальные письма: эти документы помещаются в комментариях к *Афонскому дневнику*.

В самостоятельный раздел вынесены *Письма афонских иноков*, о. Матфея и о. Гавриила, касающиеся продолжения фотографических работ и поиска рукописей.

Приложения к первой части расположены в целом по хронологии.

В начале печатаются «*Дорожные впечатления*» С. В. Смоленского — по тексту их публикации в «Русской музыкальной газете» и без комментариев, поскольку таковые были даны к текстам Афонского дневника.

Следующие три Приложения — *Болгарский роспев*, *Хрестоматия*, *Кондакарное знамя* — содержат связанные с проблематикой экспедиции тексты Смоленского (а также и других авторов), появившиеся до поездки на Афон, хотя в ряде случаев опубликованные позже или до сих пор не публиковавшиеся.

Далее следуют Приложения *Отчеты в ОЛДП* (в том числе не публиковавшийся ранее текст Смоленского о каталогизации афонских рукописей) и *Краткие практические указания* (незавершенная работа Смоленского о принципах классификации русских певческих рукописей).

Еще три Приложения содержат: развернутый *Отзыв на книгу В. М. Металлова*, написанный Смоленским после экспедиции и учитывающий ее результаты; работы *А. В. Преображенского* разных лет, связанные с афонскими находками; фрагменты из книги *Д. В. Аллеманова*,

в которой автор до некоторой степени опирался на знакомство с афонскими снимками.

Завершающее Приложение — статья *А. А. Дмитриевского* «Русский самородок на Св. Афонской Горе», посвященная памяти о. Матфея.

Как иллюстративный материал ко всему корпусу текстов даются: фотографии, помещенные Смоленским в рукопись Афонского дневника; факсимиле отдельных страниц из рукописи Дневника и других документов; фотографии упоминаемых в Дневнике лиц, взятые из других источников.

Вторая книга тома посвящена публикации снимков с 11-ти афонских рукописей, сделанных с привезенных экспедицией и ныне отреставрированных стеклянных негативов. Этот обширный материал помещается в отдельную книгу для удобства работы исследователей.

Поскольку публикация всей выявленной коллекции афонских снимков (1314 не повторяющихся по содержанию единиц) технически невозможна, авторы тома, исходя из интересов ученых, приняли решение публиковать материалы, хранящиеся в виде стеклянных негативов, поскольку без такой публикации работа с негативами совершенно невозможна. Материалы, сохранившиеся в бумажной форме (в альбомах и отдельно), хотя и рассредоточены по разным архивным хранилищам, но все же доступны ныне исследователям. Кроме того, как уже было отмечено выше, сохранившиеся негативы достаточно полно представляют почти все афонские певческие рукописи, копировавшиеся во время экспедиции.

Опять-таки для удобства работы исследователей к воспроизведениям стеклянных негативов прилагаются инципитные указатели по каждой рукописи и по типам книг. Составители тома приносят сердечную благодарность авторам этих указателей — Софии Тутолминой (Петербург) и Ирине Шеховцовой (Москва) — за бескорыстный труд на общее благо.

Благодарим также Елену Михайловну Борисовец за помощь в поиске материалов Афонской экспедиции.

Степан Смоленский

Поездка на Афон в 1906 году

Дневник экспедиции

Часть 1 — до поездки¹

Петербург, 7 апреля 1906

Господи благослови! Сегодня окончательно выяснилась возможность поездки на Афон и в некоторые югославянские древлехранилища. Поэтому сегодня же было составлено мною заявление графу Сергию Дмитриевичу Шереметеву как принявшему самое живое участие в осуществлении моей давней мысли. Коротко сказать — граф Сергей Дмитриевич достал 3000 рублей. Откуда — нечего и добиваться. Граф сказал мне, что он собрал эти деньги от разных лиц в пользу поездки, мною задуманной, но с тем, чтобы она была от имени Общества Любителей Древней Письменности. «Ваша поездка, — сказал он мне сегодня, — устроилась в такие же шальные дни, как и начало самого Общества Любителей Древней Письменности; достаточно сказать, что первое частное собрание лиц, в котором впервые зашла речь об учреждении Общества, было в день переправы русских войск через Дунай в 1877 году. Нынешние дни, менее всего располагающие к мирно-научным занятиям, оказались однако способными к поддержке вашей мысли и симпатичного предприятия»².

Мысль о поездке на Афон родилась у меня давно и давно стала заветною моею мыслью. Понемногу я подчитывал надобное для подготовки к такому путешествию и, наконец, начал собираться энергичнее назад тому

¹ Началу дневника предшествует несколько листов со вспомогательными записями. Так, на л. 1 имеется запись Смоленского: «Необходимое примечание: к этой книге “Поездка на Афон” имеется тетрадь, в синей обложке, с письмами, счетами, фотографиями и другими разного рода документами. Ст. Смоленский» (материалы «синей тетради» используются в разных разделах тома, более всего в разделе *Письма*). На двух листах расположен календарь поездки, на л. 3 — вычерченная Смоленским от руки карта Афона и добавленный позже перечень поездок по Афону, с указанием, кто сколько дней пробыл в экспедиции: Николов — 35, Преображенский — 45, Лавров — 56, Смоленский — 63.

На л. 2а, 5, 6 расположены заметки «для памяти»: перечень прочитанных книг с указанием страниц, где упоминаются нотированные рукописи; составленный по прочитанным материалам перечень певчих книг, расположенный по монастырям; учтены также описания рукописных собраний Софии и Белграда. Все эти материалы использованы в *Вступительном разделе* и в комментариях.

² Об истории возникновения ОЛДП см.: Шереметев С. Д. Основание Общества любителей древней письменности. СПб., 1891.

еще три года, когда я еще служил в Придворной капелле. Мой сердечно любимый ученик по Московскому Синодальному училищу Анастас Николаевич Николов, болгарин, командированный своим правительством в 1901 году ко мне для разысканий по нашим рукописям древнеболгарских напевов, успел уже заявить о себе настолько серьезно и трудолюбиво, что моя вера в несомненную значительность его будущей деятельности уже совершенно окрепла. Другой товарищ, намеченный мною к участию в поездке, — не менее сердечно любимый мною Антонин Викторович Преображенский, всегда увлекал меня своею ненасытимой любознательностью и беззаветным трудолюбием по части истории русского церковного пения. Николов — уже бывший на Афоне, говорящий по-турецки и по-гречески — мечтает о поездке ради находок чего-либо документального в области древнеболгарского пения на Афоне; он будет при нужде наш толмач, помощник фотографа, справщик по части путей сообщения. Преображенский — наша ходячая библиотека и фотограф по преимуществу. Я — хлопотун по устройству поездки и по внешнему ее представительству, равно и регистратор-журналист поездки, также и помощник фотографа. Симпатичный профессор Петр Алексеевич Лавров — кладезь познаний по славянщине, неутомимый работник и бывавший уже на Афоне и в Югославянских древлехранилищах³ — есть, так сказать, спинной хребет поездки, место моторных ее центров, пример работоспособности и указатель труда.

³ Настоящая экспедиция была для П. А. Лаврова третьей поездкой на Афон, он посещал Святую Гору и позже.

Лавров Петр Алексеевич (1856—1929), филолог-славист, академик (1923), профессор Новороссийского (с 1898) и Петербургского (с 1900) университетов. Преподавал славянский язык в Историко-филологическом институте, югославянскую палеографию в Археологическом институте, историю славянской литературы на Высших женских курсах.

В 1885 Лавров впервые посетил славянские страны для работы в библиотеках и архивах и по возвращении защитил магистерскую диссертацию «Петр II Негош и его литературная деятельность». К 1890, в сотрудничестве с другими учеными, закончил начатый А. Л. Дювернуа болгаро-русский словарь, в 1893 защитил докторскую диссертацию «Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка» (М., 1893). Напечатал также «Краткую грамматику сербского языка» и «Краткую грамматику болгарского языка». В монастырских библиотеках Святой Горы, а также в Софии и в Белграде изучал болгарские и сербские рукописи. Ему удалось найти и напечатать в издании Академии целый ряд слов Климента Словенского, «Житие святого Наума Охридского» (СПб., 1907), «Житие святого Мефодия» (М., 1895). В 1900 Лавров ездил в Македонию, принимая участие в экспедиции академика Н. П. Кондакова. В 1902 он был в Загребе и в Праге.

П. А. Лаврову не были чужды и политические вопросы, в частности его перу принадлежат работы: «Аннексия Боснии и Герцеговины и отношение к ней славян-

Порыв к скорейшему осуществлению поездки вызван был у меня отчасти нынешнею зимою 1905—1906 года. Я воодушевился приближающимся окончанием работы Николова и 16 декабря 1905 года прочел в Обществе сообщение о значении его труда, первый выпуск которого только что вышел из печати⁴. Это сообщение, как оказалось, произвело сильное впечатление в Болгарии и подняло имя Николова, которое там до того времени усиленно топталось в грязь всячески. Такой оборот дела воодушевил и меня, особенно с тех пор как в Санкт-Петербург приехал влиятельный болгарский корреспондент Радев, подбивший в пользу Николова нынешнего министра народного просвещения Болгарии — доктора Шишманова⁵. По участию последнего Николов получил сначала премию в 800 франков, а затем выяснилась возможность для Николова вновь поступить на государственную службу с откомандированием в Санкт-Петербург для продолжения своих археолого-певческих разысканий. Последнее обстоятельство потребовало поездки Николова в Болгарию предстоящим летом. Тем временем, пока шли сношения с Шишмановым (то есть февраль 1906 года), мои занятия повернулись в нашу самую глубокую старину, и я уехал работать в Москву. Несчастный случай с ногою, однако, вышиб из намеченной колеи эти занятия и, в связи с унылым от того состоянием духа, дал досуг для обдумывания поездки⁶. Она оказа-

ства» (Вестник Европы, 1909), «Балканский союз и Сербия», «Сербо-болгарский спор из-за Македонии», «Балканский союз и переживаемый им кризис».

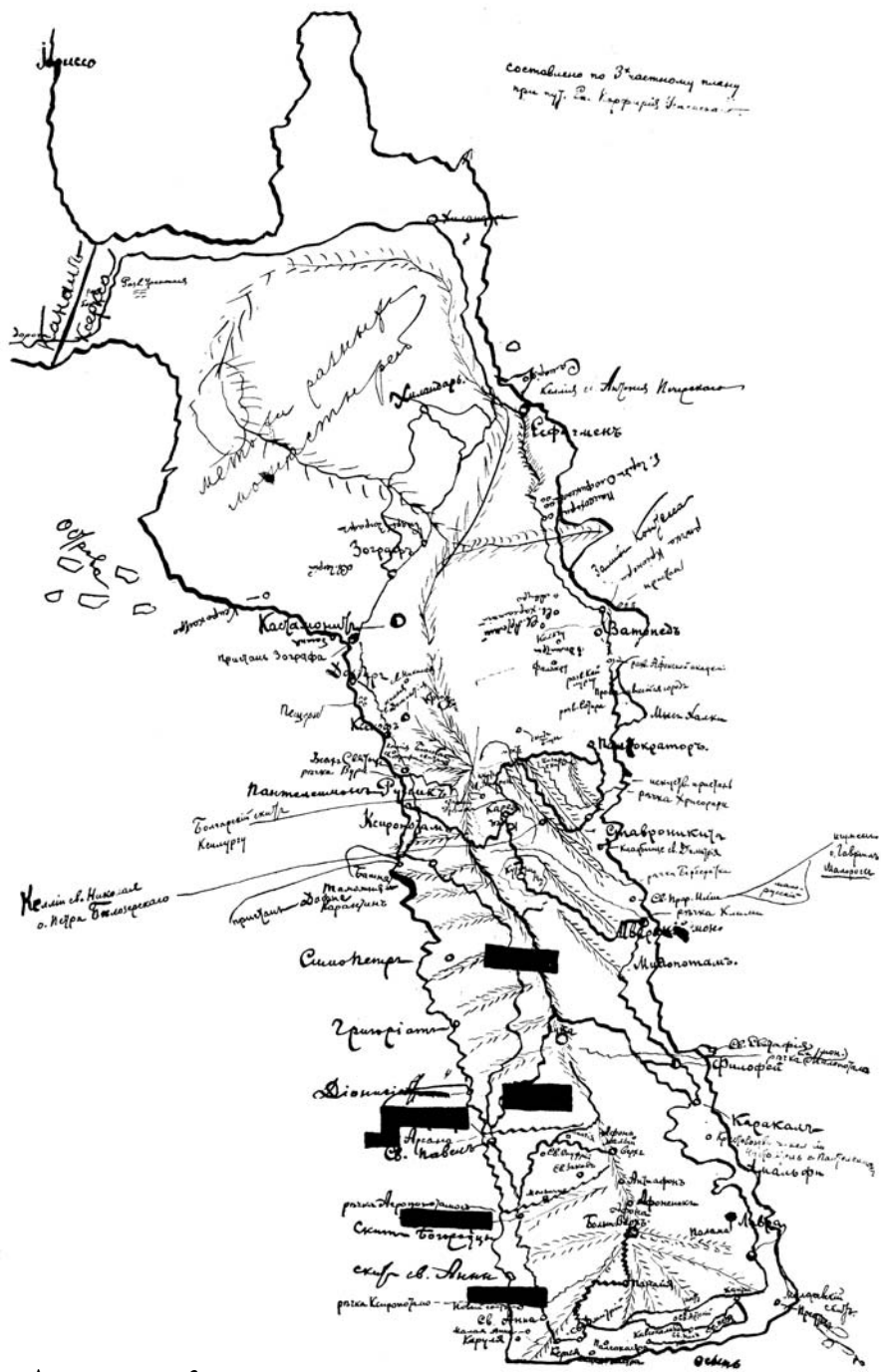
Большое значение имеют труды Лаврова по палеографии, особенно южнославянской («Палеографическое обозрение кирилловского письма», 1914). Уже после 1917 Лавров опубликовал работы «Кирилл и Мефодий в древнеславянской письменности» (1928), «Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности» (опубликованы в 1930).

⁴ Текст этого доклада публикуется в Приложении «*Болгарский роспев*».

⁵ Семен Радев, впоследствии очень известный военный корреспондент, в начале 1900-х примыкал к анархистам и публиковал за границей периодическое издание «*Mouvement macédonien*» («Македонское движение»).

Шишманов Иван Димитров (1862—1928) — болгарский литературовед, фольклорист, историк культуры, профессор Софийского университета, автор работ о творчестве писателей так называемого болгарского «национального возрождения», о болгаро-русских литературных связях — был министром просвещения Болгарии в 1903—1907.

⁶ Подробнее о работе Смоленского в московских библиотеках и архивах накануне Афонской поездки см. в его переписке с С. Д. Шереметевым (РДМ. Т. VI, кн. 1), а также в разделе *Письма*. Задачей этой работы была каталогизация песнопений в древнейших русских книгах. В один из первых дней пребывания в Москве Смоленский, возвращаясь в дом Шереметева на Воздвиженке (где он останавли-

лась заманчивой и с врачебной стороны. В то же время на мое предложение принять участие в поездке последовали благоприятные согласия от А. В. Преображенского и П. А. Лаврова, и я, воспользовавшись приездом С. Д. Шереметева в Москву, решил просить его помочь задуманной поездке. Шереметев ответил полным согласием.

Первоначально было предположено связать эту поездку с Палестинским Обществом и вместе с тем привлечь к участию в складчине Великую княгиню Елисавету Федоровну⁷. В этом смысле я написал проект докладной записки, в которой были объяснены причины, цели поездки и взаимное между членами распределение труда и обязанностей. Проект этот был послан участникам поездки мною из Москвы в Санкт-Петербург 18 марта, с просьбою собраться у меня в Санкт-Петербурге 4 апреля для обсуждения подробностей и для видоизменения, если то окажется кому-либо надобным⁸.

Между тем С. Д. Шереметев нашел, что обращение к Великой княгине излишне и что поездка может состояться, по находке к ней надобных средств, под флагом Общества Любителей Древней Письменности. Он сообщил мне об этом еще в Москву. Его нетерпение оказалось так велико, что перед нашим совещанием 4 апреля он даже прислал мне записку с вопросом «как подвигается дело?», на что я ответил, что могу уведомить его лишь после совещания.

4 апреля совещание состоялось в квартире А. В. Преображенского как недомогавшего. Мы совещались с 8 часов вечера до полуночи, обсуждая по возможности подробно все, что кому представлялось надобным к объяснению. В этом совещании единодушно постановлено: ограничивать расходы на себя до последней крайности и экономить деньги ради усиления результатов нашей поездки. Мы много говорили о том, как собраться в Софии, куда ранее приедут Николов и Лавров, а подъедут туда позднее из Вены я и Преображенский. Потом, ввиду того что венский дьякон оказался двоюродным братом Преображенского⁹, а ответы на мои

вался) через здание Манежа, упал и сломал ногу, что затормозило ход работ, но не отменило их.

⁷ Великая княгиня Елизавета Федоровна с 1905 была председательницей Императорского Православного Палестинского общества (до этого председателем был ее супруг великий князь Сергей Александрович).

⁸ Это обращение см. в *Письмах*.

⁹ Имеется в виду Петр Григорьевич Преображенский, диакон русской посольской церкви в Вене, на освящении которой пел в 1899 Синодальный хор. В под-

письма в Вену (к профессору Ягичу¹⁰, священнику А. В. Николаевскому¹¹ и псаломщику Ан. М. Архангельскому¹²) еще надо ждать, — порешено: послать письмо к дьякону и подождать ответов. Затем говорили о том, чтобы П. А. Лаврову была дана свобода не оставлять без внимания и своей специальности (конечно, не оплачиваемой в расходах за счет экспедиции); точно так же говорили и о том, что путевые расходы, хотя бы и разные для каждого участвующего в поездке, платятся сообща, так же как и расходы по фотографированию оплачиваются также сообща. Об отдельных функциях деятельности каждого, особенно же в приготовлении к путешествию, подробных разграничений сделано не было. Только П. А. Лавров заявил, что он съездит предварительно в Москву, чтобы проверить надобное *для его работ*, и в частности уцелевшие в Румянцевском музее снимки Севастьянова¹³. На Николова возложено было (уже потом, по моему с ним соглашению) справочное дело насчет железных дорог, пароходов, цен за проезд и прочее. А. В. Преображенский взял на себя заготовку фотографических принадлежностей; я — хлопоты по посольской и архиерейской рекомендательной части, равно и часть казначейскую. Научное дело всякого рода и фотографические работы — объявлены делом общим.

16 апреля

Я освободился от нескольких текущих [дел] и могу вновь сосредоточить внимание на приготовлениях к Афонской поездке. 14-го я прочитал трудновато доставшийся мне реферат в Обществе Любителей Древней Письменности о кондакарном пении¹⁴; 15-го я отписался 15-ю письмами во все стороны, а вечером, несмотря на боли в ноге, все-таки решился побывать у Н. П. Кондакова. Мы уговаривались ранее с А. В. Преображенским и П. А. Лавровым побывать в эту его «субботу», чтобы выслушать его практические указания. Кондаков — человек живой, образо-

шивке документов по Афонской поездке в РГИА сохранился ряд его писем к Смоленскому (см. в *Письмах*).

¹⁰ Письма к Смоленскому крупнейшего ученого-слависта И. В. Ягича см. в *Письмах*. Ягич подтвердил наличие в Вене нужных экспедиции рукописей.

¹¹ Николаевский Александр Васильевич (1838—1913) — священник русской посольской церкви в Вене.

¹² Регент посольской венской церкви Анатолий Михайлович Архангельский был в прошлом певчим Синодального хора; см. также в *Письмах*. В очерках «Дорожные впечатления» Смоленский довольно подробно рассказывает об этом хоре.

¹³ О «снимках» П. И. Севастьянова см. в *Афонской экспедиции*.

¹⁴ См. текст доклада в Приложении «*Кондакарное знамя*».

ванный, много работавший и бывавший в очень многих местах, — именно «видавший виды»¹⁵.

На этот раз Никодим Павлович воодушевился видимо. Его восторженные речи о красоте афонской природы дышали памятью о множестве полученных там наслаждений. Вместе с тем его юмор не мог не оттенить и своеобразных черт афонских монахов как южан, независимых, часто малообразованных, то богатых в одном монастыре, то бедных в другом, то честолюбивых и славолюбивых, то страстных политиков, то мстительных, лживых, подозрительных, то уже детски доверчивых.

Возьмите с собою все ордена, какие только у вас найдутся, говорил Никодим Павлович. Призовите к себе на помощь весь свой такт, самую крайнюю осторожность в словах и действиях, всю деликатность и все внимание, особенно же по адресу монахов начальствующих. Помнить надо, что афонские монахи в сущности знать никого не хотят и живут совершенно самостоятельно. Еще бедные монастыри доступны, пожалуй, подачкам, а богатых монахов не удивишь никакими деньгами, особенно же невежд. Особенно опасны политические разговоры, к которым постоянно монахи делают самые ехидные подходы, вызывая гостей на то, чтобы они проболтались о чем-либо. Национальные счеты русских, греков, болгар — нескончаемы, политиканство и борьба за преобладание в Карейском Протате¹⁶ — также бесконечны, полны хитрости, сплетен и подвохов.

Первые впечатления, произведенные путешественниками в Руссике, Пантелеимон тож — будут немедленно разнесены по всему Афону. Следовательно о первых впечатлениях надо позаботиться более всего. Незаменимые услуги тут может оказать в Руссике умный и ловкий отец Матфей¹⁷, которого указания надо непременно принять к сведению и исполнять. Придется терпеть парадные встречи, выслушивать весьма многоречивые и даже пустословные речи, отвечать многоречивыми тостами, быть

¹⁵ О работе Н. П. Кондакова на Афоне см. в *Афонской экспедиции*.

¹⁶ Карейский Протат (Священный Кинот) является постоянным органом административной власти на Афоне и состоит из избираемых на один год представителей (антипросопов) всех двадцати основных монастырей. Карейя — административный центр Афона, где располагаются подворья (конаки) монастырей, различные келлии монахов-ремесленников; в Карее по субботам устраивался торг, на котором монахи продавали свои изделия и покупали все необходимое.

¹⁷ Об архимандрите Матфее (Ольшанском), библиотекаре Пантелеимонова монастыря, см. подробнее в *Афонской экспедиции*, в «Дорожных впечатлениях» и в *Письмах афонских иноков*.

изысканно любезным и «глядеть в оба», не обнаруживать притязательности, благодарить за все и тому подобное.

Нехорошее впечатление сейчас же будет обнаружено; будут говорить, что библиотекаря дома нет, или экономом уехал — ключи взял с собой, или ему некогда, и тому подобный вздор, или вместо хорошего обеда будут давать дрянь, вместо мулов — каких-то одров, вместо седел — какие-то колы (на которых только и можно сделаться оборванцем в какие-нибудь 2—3 часа).

Когда я путешествовал, продолжал Никодим Павлович, я платил всюду примерно по 1 рублю с человека в сутки, и эта плата принималась монахами благодарно. Сверх этой платы, например при прикладывании к мощам или, например, в каких-либо чрезвычайных случаях, я клал на блюдо (то есть для очевидности всем) не иначе как по золотому 10-франковому (французская монета — самая выгодная для туриста на Афоне — почему однако же — я, пишуший, не понял) и всего более в ходу). Но за такую щедрость туристы всегда выигрывают во внимании от монахов, и потому в известных случаях производить впечатление щедростью прямо надобно. В Ивере, Ватопеде и других, получающих громадные суммы из России¹⁸, надо держать себя как могущими быть выгодными в виде корреспондентов, надо казаться восхищенными богатством, благолепием, гостеприимством, строгостью жизни и тому подобным и надо намекнуть, что все это может быть описано к явной выгоде и большей известности монастыря.

Конечно, если поездка будет иметь титул «Высочайшего соизволения» (тогда надо иметь непременно официально засвидетельствованный перевод и надо дать знать наперед, что де вон какие едут, а не кой-кто), то удобства будут самые наилучшие. Но это все-таки не есть избежание, например, клопов, всякой грязи и тому подобного (порошок от них, тюлевые занавески со шпонками и гвоздичным маслом надо взять непременно). Я, сказал Никодим Павлович, останавливался в Хиландаре в королевских комнатах и от клопов очень потерпел... Но если туристы обнаружат неуместные требования, претензии, выскажут жалобы, или (как,

¹⁸ Ряд афонских греческих монастырей постоянно, начиная со Средневековья, получал щедрую помощь из России; кроме того некоторые монастыри имели в России собственность (так, греческий Ватопед имел богатые имения — метохи — в Бессарабии; греческий Ивер располагал доходами московского греческого Николаевского монастыря на Никольской улице). О сложных отношениях, складывавшихся между афонскими монастырями и российскими властями, см. в *Афонской экспедиции*.

например, Ф. И. Успенский¹⁹) будут даже начальственны, или высокомерны, опираясь на свои правительственные рекомендации, — они, туристы, тяжело поплотятся за такие промахи. Им монахи ничего интересного не покажут, ничего вкусного не дадут, ничего удобного не предоставят и в таком отношении к туристам проявят весьма дружный ансамбль во всех монастырях.

На честолюбивую и славолюбивую удочку монахи ловятся легче всего. Если, как поступил Никодим Павлович, снять группу монахов, сняться с монастырскими властями и преподнести группы на память, то в архондарике тотчас же группа будет повешена в большой чести и будет дано знать в другие монастыри о любезности туристов, следовательно и о встречах с колоколами, с крестом и тому подобное.

16 апреля

Спутники неожиданно собрались у меня, и мы оживленно беседовали о всевозможных материях, начиная от клопов и кончая святыней. В беседе выяснилось, что наилучшие условия для приобретения икры и коньяку находятся в полном распоряжении А. В. Преображенского, почему эта забота «сдана» ему к исполнению²⁰. Переговорили также и о порядке начала, так как у каждого есть свои дела, домашние заботы и распоряжения, научные, так сказать, попутные интересы и тому подобное. Сборный пункт к 9 июня в Константинополе установлен, ибо в этот день отправляется русский пароход на Афон. Я поеду, вероятно, на Одессу, затем пароходом по Дунаю и железной дорогой в Софию. Мой приезд в Константинополь будет ранее для того, чтобы взять от Патриарха и Посла всякие удостоверения. Но, возможно, известия из Вены заставят меня проехать тут, а не через Одессу.

А. В. Преображенский также пока в недоумениях от своего невозможно глупого и самодурного начальства, как равно и от той бестол-

¹⁹ Речь идет о директоре Русского Археологического института в Константинополе Ф. И. Успенском, который многократно посещал Афон и сделал важные открытия в его библиотеках. По воспоминаниям сотрудников Института, Успенский вообще был строгим и взыскательным начальником.

²⁰ Обычай привозить в афонские монастыри упомянутые продукты сохранился до наших дней. Так, в воспоминаниях митрополита Питирима (Нечаева) о его посещении Афона в 1960-х годах фигурирует именно взятая в подарок икра — как возможный продукт питания (конечно, только по праздникам) в русских обителях, где, в отличие от греческих и прочих, были малоупотребительны местные морепродукты.

Афонъ, 1906.

Сентябрь

Август

Июль

11 Воскресенье	18	25	2	9	16	23	30	6	13	20	27	3	10	17	24
12 Понедельник	19	26	3	10	17	24	31	7	14	21	28	4	11	18	25
13 Вторник	20	27	4	11	18	25	1	8	15	22	29	5	12	19	26
14 Среда	21	28	5	12	19	26	2	9	16	23	30	6	13	20	27
15 Четверг	22	29	6	13	20	27	3	10	17	24	31	7	14	21	28
16 Пятница	23	30	7	14	21	28	4	11	18	25	1	8	15	22	29
17 Суббота	24	1	8	15	22	29	5	12	19	26	2	9	16	23	30

Суббота	21	28	4	11	18	25	1	8	15	22	29	5	12	19	26
Воскресенье	22	29	5	12	19	26	2	9	16	23	30	6	13	20	27
Понедельник	23	30	6	13	20	27	3	10	17	24	31	7	14	21	28
Вторник	24	31	7	14	21	28	4	11	18	25	1	8	15	22	29
Среда	25	1	8	15	22	29	5	12	19	26	2	9	16	23	30
Четверг	26	2	9	16	23	30	6	13	20	27	3	10	17	24	31
Пятница	27	3	10	17	24	31	7	14	21	28	4	11	18	25	1

По каталогу Народна виднојење у Београду, т. 11.

№ 230⁽²¹⁹⁾ Октобар и Кроковина поџама, перг. 1 лист, рускеј рец. ХМВ. из Хинагарда. (см. на об.) 18. Вису

№ 269 Црквене песме (псалмијс) из греч. кроковинских поџама и њиховог рифмописа са србским пекићем и поџама, а такође и са паралелним греч. и срб. текстима. 307 листа ХМВ. Вису
 Црквене песме, но србским поџама, а србским србским поџама и поџама

№ 270: Стихологија на хартији — 273 л. — до 173 — србскиј, дакле греч. — ХМВ, што много црне црне

№ 271 Црквене песме са кроковина поџама, мал. 1/8, 279 л., рус. рец. ХМВ. — савремено обична вешт, — пр-
 томе обршени разношрочни, разноврсни, в. много сугади пош. М. Дензовић. Писмо отиш неважн.

№ 272⁽⁵²⁾ Веконско, појавило на празници господарски и илуди свјетли народније — кате
 са текстом, 303 листа, руско-словенске рец.

№ 273⁽¹²⁷⁾ Книга, маленај празник — фол 341 са кроковина поџама, савремен руске (Маској,
 Београд)

№ 630⁽¹⁰⁸⁾ Црквене песме са кроковинских поџама, грчки, 8°.

По каталогу рукописа и Јарих италијански књига "Збирка српске
 краљевске академије саставио Луб. Јојановић: (рад. 244): Песме са каталога.
 81, 232.

81(64) Црквене песме у осам часова, рукопис на хартији, мапа
 4°, 313 листа, без пометке и свештака, руске рецензије, писан
 1674 г.

232(16) Стихирад Грчки са Кроковинских поџама, на хартији
 8°, 101 лист, без пометке и свештака.

№ 219: кат. Висува вт. ђ. не. поџа. пакт: Поетске оредбине брашноје твкдло
 творштво. Висува поџама: оџа књига Рукописи оџа Сави Сербски, појавило у
 рец. греч. монаха Викенџиј Танир 1862 Аугуста 19°.

51a
28

Вз Хиландарь: Стихири на кресты вербница до светлой Троицы
 Ч Свѣтъ Хил. и. 22 № 37 listy 110, format 23-18 cm (NB. oH3b, Hиданца на 72 лифах
 от № 485 до 490 - ^{490 - cавѣстникъ погубившии.} ^{110 - Hиданца} ^{37 - Дѣиѣ стисклъ ч. Стар. Хиландарь, ст. 116 стихиръ чехословенскѣ}
 стотами ^{Св. Висл. и. 852944(16); 845(26); - и. 95; 818(20) рус. речеи.}

Ч К. П. Дмитриева Петкована:
вз Шверинск: ^{чех.} Евѣнгелие сѣ знаками житъ павла, фото, бѣл. укрѣпленн.

вз Каракальск: — тоже
 и. 29.

вз Лавра — тоже
 и. 27

вз Бюкчестра — тоже
 и. 49

вз Зокиарт — тоже (NH 7-11 - м. с. нѣм. 313?)
 и. 51

вз Хиландарь №10 — Полная книга ^{чехослов.} (на пергаментѣ), 42, богъ знака 8 (болше 100, а)

Эта же книга осталася ч Дн. Дворцова (и. в) така: Рукописна
 книга на латин. ч койой с церковно славенско поимѣ на ноте писано. Ч постои
 и на кресто изучана сѣ ѣмъ илюви; формаѣ с четвораго
 Писана ч Дучина — уфига „Насра свѣциналъ налѣ днѣи показат“ ^{характеристичнѣ илюви, сѣмъ} (болше велики
 баллиафѣ).

По Каталогъ Народна Библиотекѣ ч Београдѣ, т. IV.
 № 280 (28) Октоихъ сѣ Крѣковичи нотами, перл. 1 мѣрѣ, русскѣ рече. ХИВ. и. Хиландарь. (см. на бд.) и. 19

№ 289 Крѣвене песне (псалтирѣ) сѣ греч. крѣковичи нотами сѣ вѣнчотодифѣ илюви сѣ сѣрѣмѣ
 псалтирѣ и нотами, а также сѣ вѣ параллельными греч. и сѣрѣ. псалтирѣ. 307 лифаѣ ХИВ. вѣдѣ
 № 290: Стихирѣи на кресты — 293 и. — до 193 — сѣрѣтѣи, затѣе греч. — ХИВ, и. вѣ илюви сѣрѣ
 црѣкѣ илюви сѣрѣтѣи.

№ 291 Крѣвене песне сѣ крѣкѣ нотами, мал. 1/8, 2/16, русскѣ рече. ХИВ, — сѣрѣтѣи обѣмѣ вѣнчѣ, пр.
 сѣмѣ илюви сѣрѣтѣи, разлѣтѣи сѣмѣ, вѣ илюви сѣрѣтѣи нотами ХИВ. нотами, псалтирѣ и нотами.

372 Всеночное пѣванне на праздниѣхъ гостеиѣи ч илюви сѣрѣтѣи нотами псалтирѣ — нѣмѣ (?)
 сѣ текѣи, 303 лифа, русско славенскѣ рече.

373 Книга, псалтирѣ праздниѣхъ — фол 341 сѣ крѣкѣ нотами, сѣрѣтѣи сѣрѣтѣи (Москва, сѣрѣтѣи)
 630 (108) Крѣвене песне сѣ крѣковичи нотами, гречкѣ, 8.

По Каталогъ рукописѣ и Гарихъ италинскѣ Книга "Збирка српскѣ
 крѣковичи сѣрѣтѣи сѣмѣмѣ Луб. Дубановиѣ: (рад. 244): Песне сѣ каталогѣ.
 81, 232.

Выписки из указаний Еп. Корфурда на повески рукописи:

Въ Симопетръ:

- 4 канонич. книги велика царств. Изъ кнж. Севастіанская писана въ кнж. на перга-
ментахъ 1, отъ 2. н. 143. книга въ 2 столбца, XII вѣка -- съ греч. полати на старослав. Сифрафа. Матей Декате
- н. 144 Еванг. XIII в. Матей Мартиниан XII в. Охотъ вѣрнѣе не указано
- н. 148. Стихираръ XIII в. на перг. въ 2 столбца, въ шестъ, съ нотами.

NB: Знава о греч. полати книгъ старѣе въ кнж. II, отъ 1, н. 365 и слѣд. ^{н. 381-413} Даніель о Сербіанскомъ ириво-логосъ (140 н. 1/2)
Ср. Севастьяновъ-Васильевъ, н. 85, § 42 (35)

Въ Ватопетръ:

- Триоди покаяная и чюдотворная на пергаментѣ, въ шестъ, съ полати книгъ писана Сифрафа XIII в.
- Части II, отъ 2, н. 85
- н. 86. Стихираръ (1292?) пергаментъ съ полати и Стихираръ такой же 1299 года

Въ Пандокрафорѣ:

- Евангелие XI в. съ нот. знаками.
- н. н. 157.
- н. 163. Нотныя сфрыжы и аннаграмматисмы (1433?) съ Давида Радославъ
- н. н. Повестьская кнѣжница

Въ Кутуцишцѣ:

- Триоди чюдотворная 1376. и Триоди покаяная и чюдотворная Сев. Вак. н. 85 § 43 (43)
- н. 212. Чюдотворное поповское и кнѣжца (Нотныя сфрыжы) XIV
- Многочасіе Петру I (1) и Чюдотворное XIII в.

Въ Карель:

- Книга Божья и пророцтва (XII) съ нот. знаками.
- н. н. 286

Въ Зографѣ:

- на н. 145 чюдотворителъ 3 Месахуръ, книгъ великаго покаян. (?) XIV, XVII и XVIII вв.

2^я кнж. н. 154

на н. 145 чюдотворителъ 3 Месахуръ, книгъ великаго покаян. (?) XIV, XVII и XVIII вв.

н. 102. см. вѣс 3 греч. рукописи

Въ Кастантоншцѣ:

- Еванг. чюдотворное 1033 г. съ знаками чюдотворителъ сфрыжы отъ Сѣк, также XV в. — написанное съ
- 4^{хъ} крестичными нотными знаками.
- 2^я кнж. н. 281

въ Успенск. № 110 / Савва II (14830) - бч. н. 16, № 111 в. н. 100-102 об. и Людмилашцѣ

ковщины, которую завел теперь в Капелле столь нелепый Александр Дмитриевич Шереметев. Создается похожее на предстоящие затруднения от Шереметева²¹. Все-таки он, Антонин Викторович, готовится, читает, выписывает надобное, дешево купил отличный фотографический аппарат на аукционе и... трепещет в ожидании начальственных издевательств от своего сиятельнейшего глупца.

П. А. Лавров думает вместе с А. Н. Николовым выехать по вышеуказанной дороге через Одессу в Софию. У первого — маленькие работы в Тернове [Тырнове] и Филиппополе²², у второго — в Софии большие для него дела, так как надо устроиться на службу, получить командировку, дать концерт, принять участие в «конгрессе музыкальных деятелей Болгарии» и тому подобное. Последнее, признаться, интересует и меня наравне с новостями в библиотеках Софии, мною еще не виданными с 1897 года.

П. А. Лавров выезжает завтра в Москву на неделю. Поэтому следующее совещание назначено около 25 апреля.

17 апреля

Книжка архимандрита Леонида о сербско-болгарских древностях на Афоне не произвела на меня выгодного впечатления, — нечто от пустобожного писания²³.

18 апреля

В Публичной библиотеке — обозрение трех греческих листков, отобранных еще зимою для занятий²⁴. Письмо к Ягичу. Придуман мною пульт для помещения рукописей при снимании их фотографиею; сегодня

²¹ А. Д. Шереметев, в прошлом «враг» Смоленского как управляющего Капеллой, «выживший» Степана Васильевича из этого учреждения, тем не менее никаких помях Преображенскому в дальнейшем не чинил.

²² Ныне — Пловдив (Болгария).

²³ Имеется в виду работа архимандрита Леонида (Кавелина) «Славяно-сербские книгохранилища на Св. Афонской горе, в монастырях Хилендаре и Святом Павле» (М., 1875); подробнее см. в *Афонской экспедиции*, а также в комментариях к письмам Лаврова к Смоленскому (книгу архимандрита Леонида послал Смоленскому именно Лавров).

²⁴ Смоленского интересовали рукописи древнейшего периода, содержащие различные виды палеовизантийской нотации. Это могли быть листы греческих кодексов из собрания епископа Порфирия (Успенского). Согласно каталогу греческих рукописей, составленному Е. В. Герцманом (Греческие музыкальные рукописи Петербурга. Каталог. Т. 1. Российская национальная библиотека. СПб., 1996), в Публичной библиотеке (ныне РНБ) хранится несколько пергаменных отрывков

греческих нотированных рукописей этого времени из собрания преосвященного Порфирия. Возможно, именно эти «греческие листки» имел в виду Смоленский.

Среди них:

Греч. 357. Отрывок Τριώδιον: 1 пергаменный лист (22,5 x 18,2), нотация коаленская, с пометой епископа Порфирия: «Триодь постная. Синай. Года нет. Есть стихиры без нот». Согласно утверждению В. Н. Бенешевича, этот лист «экспроприрован» еп. Порфирием из Codex Sinaiticus 220. В записи карандашом на рукописи Порфирий утверждает, что лист является частью Стихираря, написанного domestиком Стефаном в 999. Об этой рукописи Порфирий упоминает и в своем «Первом путешествии в Афонские монастыри и скиты» (Ч. II. Отд. I. Киев, 1877. С. 382—383). Однако некоторые исследователи полагают, что Порфирий ошибся, неверно толкуя прочитанную им дату. Бенешевич в «Описании греческих рукописей монастырей св. Екатерины на Синае» (Т. 1. Замечательные рукописи в библиотеке Синайского монастыря и Синае-Джеванийского подворья (в Каире), описанные архимандритом Порфирием (Успенским). СПб., 1911. С. 131, 621) датирует рукопись 1052 годом, с ним соглашается Герцман (Каталог. Т. 1. С. 51).

Греч. 361. Фрагмент Εἰρμολόγιον XI века, содержащий шесть ирмосов (4—9) Рождественского канона Космы Маюмского, ἀκολουθία Константинопольского патриарха Германа и Иерусалимского патриарха Ильи. Ирмосы первого ихоса записаны в шартрской разновидности палеовизантийской нотации. Эти два пергаменных листа (19,8 x 15,2) являются частью Ирмолога, хранящегося в Лавре святого Афанасия на Афоне — Codex Lavrae β 32 (152) (Герцман. Каталог. I. С. 49).

Греч. 363. Пергаменный лист (22 x 17) из Στιχηράριον XI века Codex Sinaiticus 272 (1214). Содержит несколько стихир из службы 4 декабря, посвященной великомученице Варваре.

Греч. 363. Пергаменный лист (30,8 x 23,5) из Στιχηράριον XI века с песнопениями для служб 24, 25 и 26 сентября. Принято считать, что этот лист является частью Codex Sinaiticus 282 (1219). Содержит шартрскую разновидность палеовизантийской нотации.

Греч. 360. Отрывок Στιχηράριον — один пергаменный лист (28,5 x 22,2). По мнению Бенешевича, этот лист принадлежал Codex Sinaiticus 1218, следовательно, лист Греч. 360 — часть созданной иереем Никифором знаменитой рукописи, от которой современное музыкознание ведет начало средневизантийской нотации (Герцман. Каталог. I. С. 57).

Греч. 351. Отрывок Μηναῖον XII века, два пергаменных листа (34 x 25), предположительно, из кодекса Лавры Саввы Освященного № 208 (Codex Sabbae 208). Ирмосы VII оды службы Николаю Сицилийскому (23 марта), затем тексты из Προεόρτ(ια) τοῦ Ἐὐα(γγελισμοῦ), службы св. Кирилу, епископу Катанскому из Сицилии (24 марта) и, наконец, вместе с нотным материалом — стихиры для богослужения на Благовещение (25 марта). Нотный текст на л. 2—2 об. Нотация коаленская (Герцман. Каталог. I. С. 58).

Греч. 352. Отрывок Μηναῖον XII века, два пергаменных листа (29,7 x 21,3). Содержит тексты из служб Мине, Виктору и Викентию (11 ноября), а также св. Иоанну Милостивому, архиепископу Александрии (12 ноября). К последней относится и одна стихира, записанная невмами коаленской нотации (Герцман. Каталог. I. С. 59).

Греч. 356. Два пергаменных листа (17 x 12) из Τριώδιον XII века. По мнению Бенешевича, это фрагмент из Codex Sinaiticus 738. Содержит тексты из службы втор-

же пульт был заказан для испытания его пригодности здесь же. Штука дешевая и, может быть, в будущем пригодная и для внефотографических занятий, так как приспособление может быть и такое. При совещании с А. Н. Николовым выяснилась надобность для него отказаться от предлагаемого ему места помощника регента (Ивана Яковлевича Тернова) Митрополичьего хора²⁵. Сегодня же узналось, что Шереметев подписал представление министру об отпуске А. В. Преображенского за границу на 2 месяца, «с сохранением содержания».

Пришло мне на ум, что самое удобное будет — назначить сборный пункт в вечер 8 июня в Константинополе в подворье Пантелеимоновского монастыря, ибо 9-го назначен пароход на Афон, первая же высадка — Русрик-Пантелеимон, а в Константинополе надо быть всем непременно, хотя и можно собраться разными дорогами.

Отыскание А. В. Преображенским у Ламброса № 4830 (об этом писано С. Д. Шереметеву) о Димитрии Самозванце — в Ивере № 710, л. 100— 102 об.²⁶ Толкуя о том, я прямо порадовался на Антонина Викторовича, глядя на его трудолюбие и беззаветную любовь к науке. Афон выходит из-под его выписок — кладезь неисчерпаемый, дух захватывающий. Особенно меня порадовали его находки — выписки у Ламброса Евангелий и других книг с певческими для чтения знаками и целый ряд музыкально-певческих трактатов. К сожалению, и Ламброс не певец, следовательно не указывает, какие именно трактаты, в смысле нотаций, были перед ним. Если то была нотация, перешедшая к нам, если эта нотация почему-либо удержалась на Афоне рядом с уцелевшею донныне греческою (как, например, кириллица и глаголица), — то что же может быть восхитительнее такой находки? Хотя бы несколько страниц?! Хотя бы несколько строк? И неужели же не удастся найти чего-либо по болгарской и сербской части? Ведь все это до сих пор — пока только одни загадки!

ника первой недели Великого Поста, на л. 2 песнопение в коаленовской нотации (Герцман. Каталог. I. С. 60).

Греч. 358. Два пергаменных листа (31 x 21,8) из Πευτηκοστάριον XII века. Согласно помете преосвященного Порфирия, «из монастыря Симонопетрского на Афоне». По мнению Бенешевича, кодекс зафиксирован в каталоге С. Ламброса (Р. 116). Нотация коаленская, но не все стихиры нотированы целиком (Герцман. Каталог. I. С. 61).

²⁵ Тернов Иван Яковлевич (1859—1925) — регент петербургского Митрополичьего хора (нередко исполнявший композиции и обработки Смоленского).

²⁶ См. письмо Смоленского к Шереметеву от 19 апреля 1906. Выписку о Самозванце Смоленский сообщил графу ввиду его занятий как историка Смутным временем.

21 апреля

Письмо Ягича из Вены теперь не оставляло сомнения в том, что рукопись «Codex Theologicus» № СХХХVI (по Несселю) или по Ламбецию № СССIII²⁷, есть для нашей цели туз, первой величины фигура XI века — рукопись большая, содержательная и многозначительная. Таким образом 1/5 нашей задачи уже выяснилась, и на ней, отдав работу брату Антонина Викторовича, венскому дьякону Петру Григорьевичу Преображенскому, мы можем выгадать во времени не один день поездки вообще и не один свободный час в Вене в особенности.

Выяснилась также надежда удачи для А. Н. Николова устроиться на службу в Болгарии, с откомандированием в Россию для продолжения занятий по разысканию древнеболгарского пения. Это дело взялся устроить министр народного просвещения Иван Дмитриевич Шишманов. Таким образом осмысливается для меня и другая, внеархеологическая сторона остановки в милой сердцу Софии.

24 апреля

Писано И. В. Ягичу насчет возможности и надобности справиться в библиотеках польских, чешских и хорватских, чтобы не упустить все возможное и надобное для уяснения занимающего нас вопроса не только о мере заимствования от греков крюковой [нотации], но и мере развития ее в славянском творчестве вообще, еще до роскоши его процветания в России в XII веке. У славян западных и южных мы не знаем решительно ничего, хотя представить их в качестве передаточной, посредничествовавшей среды от греков к русским вполне естественно.

²⁷ Письмо И. В. Ягича от 2 мая (19 апреля) 1906 см. в *Письмах*.

Каталоги Несселя и Ламбеция названы в библиографических записях Смоленского (Афонский дневник, л. 6 об. и далее); к письму Ягича приложены выписки из этих каталогов:

Danielis de Nessel. Breviarum et Supplementum Commentariorum Lambecianorum, sive Catalogus aut recensio specialis Codicum Manuscriptorum Graecorum, nec non linguarum Orientalium Augustissimae Bibliothecae Caesarae Vindobonensis cum locupletissimis indicibus et selectissimis addimentis. Partes I—V (2 tomes). Vienne et Nurenberg, 1690: Pars I. Codd. Theol. graeci; 1—337. Pars. II. Codd. Luridici graeci; 1—18. Pars III. Codd. Medici graeci; 1—53. Pars IV. Codd. Phil. Graeci 1—347. Pars. V. Codd. Hist. Graeci; 1—130.

Lambecius P., Hamburgensis [Lambeck]. Commentariorum de Augustissima Bibliotheca Caesarea Vindobonensi. Libri I—VIII. Vienne, 1665—1679. [Nouvelle edition opera et studio Ad. Fr. Kollarii [Kollar]. T. I—VIII. Vienne, 1766—1782].

Нехорошее письмо от С. Д. Шереметева и ответ ему сегодня же, дабы успокоился²⁸. Письмо Ант. В. Преображенского к брату в Вену с запросом, не снимет ли № СХХХVI? Обещано выслать авансом 100 рублей, пожалуй и более.

26 апреля

Письма к о. дьякону Венской церкви Петру Григорьевичу Преображенскому и псаломщику ib[idem] Ан. М. Архангельскому в Вену. Вечером — совещание участников поездки, на котором уговорено...²⁹

1 мая

Получен наконец-то отпуск А. В. Преображенского. 7 мая граф Сергей Дмитриевич выдал мне 3000 рублей и благословил иконою.

8 мая

После совещания у П. А. Лаврова послано П. Г. Преображенскому в Вену 25 рублей по его указанию для «Графического Института»³⁰.

9 мая

Весьма тревожные слухи о начале матросского бунта в Одессе³¹.

13 мая

Получен за № 5042 паспорт (75 коп.), визирован для Австрии (2 р. 25 коп.) 29 Мая № 903, для Турции (1 р. 80 к.) 28 Мая № 2762/713, для Сербии (1 р.) 16/29 Мая № 1 и тогда же для Болгарии (2 р.) № 480. Свидетельство из О.А.Д.П. п. 8 № 64.

²⁸ Письмо С. Д. Шереметева и ответ Смоленского см. в *Письмах*.

²⁹ Далее текст пропущен, но его можно восстановить, например, по письму Смоленского к Шереметеву от 25 апреля. Суть «уговора» состояла в том, что Смоленский является главой экспедиции и «церковно-певческие дела» не могут «быть заслонены никакими другими».

³⁰ Точное название этого учреждения — Graphische Lehr- und Versuchanstalt in Wien.

³¹ В это время еще далеко не были исчерпаны события Первой русской революции. Например, газета «Русское слово» 16 апреля 1906 года поместила следующую корреспонденцию из Одессы:

В тюрьме происходят беспорядки, принявшие, как передают, крупные размеры и потребовавшие вмешательства вооруженной силы. Бунт начался после доставления жестоко избитой девушки, бросившей утром бомбу в околоточного.

17 мая

Усиление продолжающегося бунта в Одессе заставляет меня ехать на Вену до 26-го, Белград до 30-го, Софию до 3 июня и затем в Константинополь, где сборный пункт на Пантелеимоновском подворье.

При визировании паспорта в Сербском консульстве консул М. П. Цетович заговорил со мною о живо интересующем его искусстве играть на сербских гусях, то есть на сербской народной скрипке с одной струной, приводимой в колебания смычком. Я ответил ему, что уже слышал в 1897 году игру на этом инструменте в Топчидере от одного нищего слепца и, признаться, не нашел в его искусстве ничего особенно привлекательного³². Я. П. Цетович ответил мне, что надо слышать интеллигентных певцов, и для того рекомендовал мне, как равно и для целей экспедиции, обратиться к ректору Белградской духовной семинарии, протоиерею Ст. Веселиновичу³³. Цетович — восторженный поклонник сербской народной поэзии, считает ее наилучшею между славянскими. Относительно игры на гусях он выразился, что лучшие игроки, сопровождающие пение былин игрою на гусях, извлекают из инструмента самые разнообразные оттенки звуков, даже будто бы и недоступные виртуозности и пониманию музыкантов из не-славян. Я обещал послушать эту музыку, когда буду в Белграде.

Относительно сербских церковных напевов Цетович (назвавший себя кончившим курс в Киевском университете и в Духовной академии) отозвался, что их считают вообще греческими, но давно переродившимися под влиянием славянских мелодий в сербское народное искусство. О времени происхождения знаков $I \Gamma \backslash$ в точности ничего не известно, и грамматика их передается только по преданию, так как до сих пор еще никто не собрался ее составить и опубликовать³⁴. Хотя употребление этой нотации весьма распространено в Сербии, хотя недавно напечатанные две книги этого пения³⁵ утвердили вновь это пение, тем не менее западная 5-линейная нотация быстро распространяется, а хоровое пение в европей-

³² О сербских гусярах Смоленский пишет подробно в *«Дорожных впечатлениях»*.

³³ В Афонский дневник вложен лист (12 об.) с рекомендацией Цетовича: «Господину Ректору Богословија проти препоручује г. Смоленского».

³⁴ Об этой нотации идет речь в опубликованной в 1901 ОЛДП работе Смоленского «О древнерусских певческих нотациях»; ввиду простоты знаков ученый счел данную буквенную нотацию древней; на самом деле она была изобретена при печатании нотных книг в Сербии во второй половине XIX века.

³⁵ См. в *Афонской экспедиции*.

ской гармонизации быстро завоевывает симпатии интеллигентных сербов и отвращает их от чисто народного искусства, весьма еще крепкого в крестьянстве. Мне припомнилось при этом, как я был удивлен, в 1897 году узнав, что все сербы, кроме «высоко-интеллигентных», соблюдают до сих пор посты в среду и пятницу, не говоря уже годовых постах; как мне очень понравились некоторые особенности сербской службы в Великой церкви³⁶ и на чьих-то похоронах. Вспомнился и сербский архимандрит Кирилл, долго живший в Москве и, как уверил Цетович, здравствующий донине в Белграде, где живет в своем доме, так же как жил знаменитый гигант архимандрит Дучич³⁷.

19 мая

Взяты билеты II—III класса до Вены (плацкарты до Варшавы) по 30 рублей 35 копеек на 21 мая для меня, А. Н. Николова и П. А. Лаврова. А. В. Преображенский выезжает в будущее воскресенье 28 мая на Одессу. Письма в Вену к Ягичу и П. Г. Преображенскому; письмо к С. Д. Шереметеву в Михайловское с извещением, что в Министерстве иностранных дел сегодня уладилось все и обещано к исполнению сегодня же также все³⁸. Дело об испрошении Высочайшего покровительства нашей экспедиции началось визитом 6 Мая Шереметева к новому министру А. П. Извольскому³⁹. По совету С. Д. Шереметева и я был у Извольского. Однако оказалось, что еще 15 мая в Министерстве не ударили и палец о палец. По депеше

³⁶ Имеется в виду тогдашний кафедральный собор Белграда — соборная церковь Архангела Михаила, построенная в 1837—1840 на месте старого храма 1728 года. В ней находятся гробницы князей Милоша и Михаила Обреновичей, мощи патриархов Сербской Православной церкви, а перед входом в храм похоронены видные сербские просветители Досифей Обрадович и Вук Караджич. О пении в Великой церкви Смоленский пишет и в «Дорожных впечатлениях».

³⁷ Смоленский ошибается: речь идет о митрополите Сербском Михаиле (а не Кирилле) и архимандрите Дучиче.

С выдающимся сербским церковным деятелем архиепископом Белградским и митрополитом Сербским Михаилом (Йовановичем; 1826—1898), большим другом России, Смоленский познакомился при посещении Сербии в 1892. См. публикацию письма митрополита Михаила к Смоленскому во второй книге VI тома РДМ, а также в *Афонской экспедиции*.

Архимандрит Никифор (Ништефор) Дучич (1835—1900) также был одним из крупнейших сербских общественных деятелей. См. о нем в письме Смоленского к К. П. Победоносцеву в *Афонской экспедиции*.

³⁸ См. в *Письмах*.

³⁹ Имеется в виду министр иностранных дел (с 1906) Александр Петрович Извольский (1856—1919), который обеспечивал экспедиции помощь русской дипло-

С. Д. Шереметева П. Н. Шеффер⁴⁰ был в Министерстве и телеграфировал Шереметеву в ответ о бездействии Министерства. Шереметев телеграфировал Извольскому вчера, а сегодня был у меня господин Ионин и уверял, что бумага Шереметева к Извольскому написана так темно, что нельзя по ее тексту догадаться, о чем собственно просит Шереметев: о разрешении ли экспедиции Государем или еще о чем-либо. Я ответил Ионину, что «разрешения» вовсе не требуется, а нужна такая покровительственная и одобрительная санкция свыше, после которой бы, при письмах министра Константинопольскому Греческому Патриарху и к нашему там послу, все двери всех Афонских библиотек растворились бы перед нами совершенно и мы могли бы получить от монахов лишь содействие к достижению наших целей. Ионин понял меня и сказал, что, хотя ближайший доклад Извольского будет у Государя 23 мая (вторник), бумаги надобные все-таки пойдут сегодня, 19 мая, дабы упредить всюду наш приезд, так как получение вышеуказанной санкции не подлежит и не может подлежать ни малейшему сомнению. Об этом всем, кроме С. Д. Шереметева, был уведомлен мною и П. Н. Шеффер⁴¹.

19 мая

Получен от С. С. Волковой дорожный бювар с чернильницей. Письма к ней⁴², С. Д. Шереметеву. Разменено 200 фунтов стерлингов за 1904 р. в Международном Банке.

матической службы в Константинополе. Далее упоминается сотрудник министра Ионин, который нанес визит Смоленскому и, выслушав его объяснения, заявил:

...Так как не может быть ни малейшего сомнения в получении от Государя полнейше-удовлетворительного и благоприятнейшего ответа, то, несмотря на предстоящий доклад Министра только во вторник 23 мая, Министерство *сегодня же отправит все и всем* надобные бумаги, и мы можем быть вполне уверены, что во всех вышеуказанных пунктах бумаги Министра предупредят наш приезд, и следовательно Ваше желание будет исполнено так, как то было обещано Вам г. Извольским (*Письма*).

⁴⁰ Шеффер Петр Николаевич (1868—1942) — литературовед, член Археографической комиссии, сотрудник ОЛДП (до 1906 — секретарь).

⁴¹ Письмо к Шереметеву от 19 мая 1906 см. в *Письмах*.

⁴² Письмо к С. С. Волковой от 20 мая 1906 см.: РДМ. Т. VI. Кн. 2. С. 264.

Часть 2 — от Вены до Афона

24 мая утром

Пишется в Вене, № 58, Hotel Ungarische Crone (Himmelpfortstrasse), где я поместился вместе с Анастасом Николовым. Пишется из чернильницы и на бюваре С. С. Волковой.

Мы выехали с курьерским поездом 21 мая, в 10.40 вечера, провожаемые нашими женами и друзьями, всякими пожеланиями. Путешествие самое обыкновенное, то есть немного спустя завалились спать все трое, плохо спали, доспали на другой день как попало и тому подобное.

Некоторое развлечение составил П. А. Лавров, которого могу сравнить с профессором Паганелем в повести «Дети капитана Гранта»¹. Его рассеянность и благодушие, при полной учености, ведут за собою постоянные *qui pro quo* [недоразумения], несмотря на предупреждения, делаемые ему со всей деликатностью, в предвидении какого-либо колена от его сосредоточенности. В Белостоке, несмотря на предупреждение об остановке только на 3 минуты, Петр Алексеевич пропустил его мимо ушей и отправился, засидевшись в вагоне, бродить по вокзалу без всякой нужды. Конечно, поезд ушел, и Петр Алексеевич был весьма удивлен его «неожиданной поспешностью». Мы, конечно, сразу догадались, в чем дело, и очень боялись к тому же, чтобы Петр Алексеевич по рассеянности не сел бы в подоспевший «экспресс» и ошибочно не укатил бы обратно, по направлению к Петербургу. В совещании моем с Николовым принял участие и какой-то пассажир, бывший сотрудник Санкт-Петербургского университета, выдавший уже не раз рассеянность Петра Алексеевича. Мы телеграфировали ему, что, если паспорт его при нем, равно и билеты, то чтобы он ответил, как поступить с его вещами. Вышло так, что он телеграфировал нам ранее нашей депеши; наш ответ на его депешу пришел позже к нему в руки, чтобы он успел передумать свое первое решение, и мы не получили таким образом ответов на наши депеши, вынужденные поступать по его указаниям. Но он и тут напутал: мы ясно телеграфировали ему, что вещи его сданы на вокзал «Варшава—Прага, артельщик 122», «ждем ответа вокзал Варшава—Вена». Оказалось, что он зачем-то отправился

¹ Имеется в виду персонаж романа Жюль Верна.

по прибытии в «Варшаву—Вену» на товарную станцию, где, разумеется, ничего не мог найти и где его вразумили куда, наконец, ему надо отправиться. Одним словом, все-таки он доставил себя в Вену сутками позднее.

Но и с нами вышло два пассажира: на вокзале «Варшава—Вена», буквально в пяти саженьях от вагона, артельщик упросил меня с Анастасом Николовым не брать другого и подождать его. Артельщик опоздал, и [мы] форсированно вскочили в вагон с многочисленным нашим багажом, несмотря на пробитый уже третий звонок и препятствия барынь, начавших усиленно целоваться между собою и потому загоротивших место перед входом в вагон и самую дверь вагона. Но — все хорошо, что хорошо кончается! Зато второй пассаж был очень неприятен. Перед городом Одербергом вошедший кондуктор что-то пробормотал на каторжном австрийском диалекте, и я не понял этого объявления. Оказалось, что надо было перейти из нашего вагона в соседний к локомотиву, чтобы следовать дальше с быстротою нашего курьерского поезда. Нас в одну минуту отцепили, Schnellzug [скорый поезд] ушел, и мы должны были следовать в нашем вагоне «без пересадки», однако с несноснейшим Personenzug [пассажирским поездом], к тому же и опоздавшим на этот раз. Вследствие этого мы прибыли в Вену вместо 4-х часов в 8 часов вечера. Письмо Ягича нас ожидало. Оказывается, что он ради нашего прибытия отложил свой выезд на побывку в Грац и был весьма удивлен, не видя нас у себя вовремя. Понятно, что, едва умывшись с дороги, мы немедленно поехали к очаровательному Ягичу. Наша беседа была очень оживленна до 10½ часов вечера, и мы условились увидеться еще в пятницу вечером; так как мы ожидали П. А. Лаврова на утро, а Ягичу не хотелось упустить случая повидаться с Петром Алексеевичем, так как мне оказалась нужда осмотреть кроме рукописи № 136, еще № 33 и № 204 и уже затем посоветоваться вновь с Ягичем и П. Г. Преображенским, то свидание, назначенное на пятницу вечером, сразу определилось в своем содержании².

24 мая, среда

Утром явился П. А. Лавров — веселый, благодушный. Он застал у нас П. Г. Преображенского и в первых же словах разговора вдруг вспомнил,

² На обороте листа, предшествующего записи о разговоре с Ягичем (л. 15 об.) значится:

NB: О пении по глаголическим рукописям в Врбники у Еп. Махвица.

Вероятно, Смоленский поговорил на эту тему с Ягичем, однако никакой дальнейшей информации в Дневнике не имеется.

что забыл в поезде столь надобный ему для работы словарь параллельный славянских наречий Миклошича!..³ Но и тут обошлось все хорошо, благодаря сношениям по телефону. Драгоценная книга оказалась вскоре с посыльным в № 69 у П. А. Лаврова.

Объяснения с дьяконом Петром Григорьевичем Преображенским показали всю выгоду для нас не торопить здешний Графический институт и поручить Петру Григорьевичу взять на себя наблюдение за исполнением этого заказа. Один дубликат снимка я взял с собою, так как мне блеснула мысль о возможности промаслить бумагу и воспользоваться дешевлешим позитивным отпечатком в качестве будущего негатива с его оборотной стороны.

Посещение Hofbibliothek было для меня сплошным упоением в течение времени от 11 до 2-х часов. Понятно, что Петр Алексеевич сразу утонул в свою славянщину. Я успел наработаться досыта: осмотрел 3 рукописи очень внимательно и осмотрелся в плане их простейшего использования, равно и в надобности выписать из каталога Лямбеция все о них надобное⁴.

После столь удовлетворительного начала мы попали по старой памяти⁵ в ресторан «Zum roten Igel» [«У красного ежа»], где пообедали чрезвычайно плотно, вкусно, здорово и — дорого. Понадобилось всем исполнение древнего правила «post cenam stabis — mille passum meabis» [«После трапезы встанешь, тысячу шагов прошагаешь»] — и от очаровательного памятника Моцарту я с Анастасом Николовым пешком дошел не более как до Landstrasse — Stanislausgasse к А. М. Архангельскому. Поболтав немножко, я попал в Hofoper и наслаждался «Zauberflöte» [«Волшебной флейтой»].

Исполнение увертюры мне все же показалось слабее того, что я когда-то слышал в Дрездене. То было — действительно неподражаемо хорошо. Здесь эта неувядаемая красота была исполнена очень хорошо, —

³ Франц Миклошич (Franz von Miklošič; 1813—1891) — выдающийся австрийский и словенский языковед, основоположник школы сравнительно-исторического изучения грамматики славянских языков.

⁴ Эта выписка находится на л. 6 об.—7 об. Дневника и представляет собой: 1) краткое палеологическое описание двух венских рукописей (№ 204 и № 33); 2) перечень намеченных к копированию страниц в № 33; 3) касающиеся всех трех венских рукописей (вышепоименованные и № 136) выдержки из каталога Несселя на латыни, с дописанными рукой Преображенского греческими текстами.

⁵ Смоленский в течение своей жизни неоднократно посещал Вену и очень любил этот город, рассматривая его в том числе и как центр притяжения западно- и юго-славянских народов.

но не превосходно. Зато этот же неподражаемый оркестр Венской оперы много раз потом доставил мне самое сущее наслаждение необычайною тонкостью своего артистического исполнения. Стройность — поразительная, певцы также очень хороши, с звучными голосами и с хорошим умением петь. Но музыка «Волшебной флейты», несмотря на нелепость либретто этой оперы (а я, признаться, никогда не мог толком понять его), при таком исполнении показалась мне сплошною, давно не слышанною красотою. Мне вспомнилось далекое детство и его чистые, простые наслаждения. Письма к Анюте, С. С. Волковой и С. Д. Шереметеву⁶.

25 мая, четверг

С 9 часов утра до 2-х я работал в библиотеке, причем выяснилось, что в № 33 надо сделать 65 снимков, в № 204 — 20 и в № 136 — 526; всего 611 снимков. За обедом у П. Г. Преображенского (а его жена Олимпиада Николаевна и дети Олег и Наташа — премилые) выяснилось, что снимки, пожалуй, будут стоить около 32—34-х копеек. Следовательно, считая уже высланные 25 рублей от Антонина Викторовича, следовало мне добавить еще около 200 рублей за все 611 снимков ($611 \times 34 = 207$ рублей 74 копейки), уплатив впредь всякие «чай», почтовые расходы и прочее. Поэтому мною и выдано отцу Петру Григорьевичу Преображенскому 200 рублей, а он выдал мне зачем-то расписку.

За обедом у Преображенских говорили о многих разных материях и вообще пробеседовали интересно. После обеда с бывшим с нами Анатолием Михайловичем Архангельским мы ездили на могилы таких, собранных вместе, как Моцарт, Бетховен, Шуберт. Кладбище это поразительно по массе неподражаемо великолепных памятников, по отличному входу, по порядку и роскошнейшему богатству в обстановке.

Вечером в обществе с А. М. Архангельским мы «одели П. А. Лаврова» в магазине Ротерберга. Ему дали какое-то коровье седло вместо пиджака, и он был высоко комичен, самодовольно оглядывая себя в углу между двумя зеркалами. Я едва уговорил его не покупать черный сюртук, хотя он и хотел уступить настояниям о том поддакивавшего и похваливавшего его фигуру приказчика. Купил и я себе «горные штаны» для Афона, равно и впервые в жизни две рубашки с приставными воротничками и манжетами.

⁶ См. открытку к С. С. Волковой от 24 мая: РДМ. Т. VI, кн. 2; письмо (или открытка) к С. Д. Шереметеву не сохранилось.

Спектаклем «Волшебной флейты» в Королевской опере дирижировал Густав Малер.

Franz
Schubert.

по дарения
Влад. Санжарови.

подарения
Влад. Бисерс

Wolfgang
Am. Mozart.

Ludwig v. Beethoven.

Central-friedhof im Wien $\frac{26 \text{ Mai}}{12 \text{ Juni}} 1906.$

Эти приставные одеяния мне всегда были противны, как все фальшиво-показное. Удобства поездки однако потребовали этой уступки. Впрочем, одни ли эти подробности костюма так нелепы и антигигиеничны? Что такое, например, археологические остатки, например в виде эполет, погон? Или пуговиц и лацканов сзади виц-мундира? или шитья на мундире, нашей треуголки, шпаги и проч.? Если добраться по родословной этих украшений до их далеких прадедов, то, право, эти прадеды были много умнее и практичнее, много изящнее нынешних правнуков.

Анастас Николов вернулся с «Тристана и Изольды» совсем в восторге, — даже ушел из театра по ошибке не в сторону к дому, а забрел куда-то и явился домой только в 12.20 ночи.

26 мая

Утром всякие письма во все стороны. Завтрак в «Qui si sana» [«Квисисана»] не оставил желать ничего лучшего — скоро, дешево и сердито. Осмотр [собора] Святого Стефана и путешествие пешком на пароходную пристань и до соединительной ветки железной дороги. Поездка в одиночку на Zentralfriedhof [Центральное кладбище] и цветы с могил Бетховена, Моцарта и Шуберта, здесь приложенные⁷. Обед у А. М. Архангельского и встреча с Дмитрием Николаевичем и Варварой Николаевной Вергунами (когого прапрапрадед — один из самозванцев)⁸. Визит к П. Г. Преображенскому и Ягичу. Конечно, высоко комичный по своей сосредоточенности и благодушию П. А. Лавров успел напутать и сегодня. Из Hofbibliothek, несмотря на нарисованный план, несмотря на написанные ему мною вопросы, как спрашивать в трамваях «Rennweg» и заявить кондуктору «Umsteigen Rennweg — Verbindungsbahn, nach Fasanengasse», Петр Алексеевич все-таки ухитрился уехать в совершенно противоположную сторону и потому — остался без обеда! Идя к Ягичу, после высадки из трамвая, он, подсмеиваясь над своею ненаходчивостью, совершенно серьезно уверял, что этот недостаток привит и развит в нем его женою Мариєю Сергеевною. Она де так заботится о нем, так предвидит и устраивает все, что он, Петр Алексеевич, разучился наконец думать о себе и потому «иногда» попадает в неловкие положения...

⁷ В рукопись Дневника вложен лист с засушенными цветами и подписями (см. с. 212).

⁸ Дмитрий Николаевич Вергун (1871—1951) — галицко-русский общественный деятель, филолог, публицист. В 1900—1905 издавал в Вене журнал «Славянский мир».

27 мая, суббота

В 7 утра мы выехали на пароходе из Вены в Белград. Такое путешествие хотя и продолжительнее железнодорожного, но дешевле, менее утомительно, более интересно. Решение отправиться на пароходе подсказала мне нога, не нывшая вчера; подтвердила это решение и перемена погоды, замеченная всеми вчера вечером. Пишу эти строки, отвалив из Будапешта в 10 часов вечера. Я провел сегодняшний день весь на рубке парохода. Был очаровательно тихий, теплый день. Теперь на Дунае половодье, может быть и от массы недавних дождей. Дунай от Вены до Будапешта местами необыкновенно красив берегами, но оживлен в сравнении с Волгой крайне мало. Я не думаю, чтобы за день мы встретили более 20-ти пароходов всякого рода. На Волге на столь бойком, междустолычном плесе, как, например, между Нижним и Казанью, встретилось бы наверно 200—300 пароходов за один день. Недостаточность пароходного здесь сообщения, признаться, меня совсем удивила, особенно же на такой могучей реке, как Дунай. О неблагоустройстве здешних пароходов в сравнении с волжскими нечего и говорить. Россия даст немцам по этой части, как и по нашей дешевизне, прямо 95 % вперед. На Дунае даже не замечается энергичного лодочного сообщения, даже нет совсем чего-либо вроде наших «финляндских» пароходов. Все это более чем неожиданно для меня. Наконец, следует сказать, что и величина здешних пароходов смехотворна в сравнении, например, с пароходами общества «Кавказ и Меркурий» или обществ «Надежда», «Самолет» и прочих.

Но очарование поездки отравили два хора певцов. Один — группа студентов-поляков из учебных заведений всякого рода русских, прусских, австрийских и других. Другой — подвыпившие венгерцы-рабочие. Студенты пели омерзительно гадко в техническом смысле, еще хуже в репертуарном отношении. Они, видимо, хотели произвести впечатление, начав двумя куплетами «Gaudeamus», на котором и срезались совершенно, и закончив «Еще Польска не сгинела», которую пропели стоя без шапок⁹. Полное недоумение пассажиров, то есть немцев и венгерцев, было достойным ответом на совершенно плохое пение студентов-поляков. Но их превзошли в безобразии какие-то 4—5 венгерцев, сильно подвыпивших и начавших голосить свои песни самым нелепым, кабацким образом. Это оранье продолжалось часов с 12 до 5-ти и надоело всем. Поляки-студенты вздумали было часов около 4-х затянуть вновь свое, но были весьма грубо заглушены мужицким ораньем, раздавшимся рядом с ними,

⁹ Имеется в виду польский национальный гимн.

шагах в двух-трех... Тем и окончилась эта печальнейшая музыка. Упомяну лишь в дополнение этого описания, что к венгерскому мужичью присоединилась пара цыган-скрипачей. Первый скрипач играл довольно бойко всякие чардаши, но второй — прости его Господи! — все время играл «из другой оперы» разные аккомпанементы. Он, очевидно, совсем не может играть, но присутствует, как московские спадыши в церковных хорах¹⁰, — «для счёту». Встреча студентов будапештскими коллегами в венгерках и конфедератках с «Эльена»¹¹ была громогласна.

Уже с Hainburg начинается красота берегов Дуная. Далее, у Theben (Deveny) начинается целая поэма. Я никогда не мог равнодушно глядеть на развалины замков. Мое воображение всегда разыгрывается в этих случаях и однажды, при посещении таких развалин в Богемии, привело меня даже к созданию ненаписанной поэмы «Löwenstein Schloss». Мне представилось вдруг, что я воочию вижу похороненных тут баронов, сетующих на истребление цивилизацией высокоблагородных порывов рыцарства и высокохудожественных ручных работ, уничтоженных материализмом нынешних артиллерийских войн и нынешним машинопроизводством от кружев и материй до типографии и олеографии. Проезжая очаровательный Deveny, я удивился артистичности расположения замка и особенно его аванпоста, расположенного на отвесной скале над Дунаем. Теперь среди развалин этого аванпоста стоит изящно выстроенный столб, чуть ли не с какой-то святой фигурой на верху. От замка же остались действительно только руины.

Много мыслей зародилось также при виде знаменитого Пресбургского замка где, едва поднимая государственный меч, махала им на четыре стороны света только что коронованная Мария Терезия. Я понимаю живо момент, когда был рожден внезапный восторг при виде этой красавицы, выразившийся в известном крике венгерцев: «Moriatur protege nostra Maria Teresia. Vitam et sanguinam!» [«Да умрем, защищая нашу Марию Терезию. Жизни и процветания!»] — как гласит надпись на памятнике этой «бархатной кошачьей лапки». Но что за трагедия — вся жизнь этой доброй и вместо гордой и чистой женщины?¹² Что за трагедия вся жизнь

¹⁰ Спадышами называли мальчиков-певчих, вступавших в период мутации голоса.

¹¹ «Eljen» — мадьярское междометие, равносильное латинскому «Vivat», русскому «Да здравствует!».

¹² Мария Терезия (1717—1780) — эрцгерцогиня Австрии, королева Венгрии, королева Богемии (имела все эти титулы лично, по наследству) и императрица

ее благожелательно-нелепого сына Иосифа II? И что, кроме красноречивых развалин, осталось от того времени через какие-нибудь 150 лет? Куда девалось все то, что высказалось с такой горечью у одного из героев моего «Löwenstein Schloss»'а?

Первы, что ли, у меня расходились или другое что раздражило меня, но, проплывая мимо Вышеграда, я решительно волновался. Сколько жесточайших драм в этом очаровательном месте закончилось сентенцией «Sic transit gloria mundi» [«Так проходит слава мира»]! Какое поучительное местечко для гордых людей стольких веков и современников!¹³

В начале 8-го часа мы подъехали к великолепнейшему Будапешту — «городу новых дворцов». Чистота, порядок, богатство и самобытность города — поразительны. Сама природа поставила его в отличные условия, но и надо отдать честь венгерцам: они сделали большее, чем сделали бы другие на их месте. Я с сущим удовольствием прошелся по Будапешту с Анастасом Николаевичем Николовым, купил альбом видов и даже (за 1 гульден!) препорядочную для Афона холщевую шляпу «à la Panama» (оказавшуюся однако — преплохой на деле).

Зато по отходе из Будапешта началась вторая печальная половина путешествия. Набилось множество галдящего и подвыпившего народа, и о возможности не только лечь, но и сидя заснуть — нельзя было и подумать. Но об этом до завтра.

Сегодня в ночь оказалось, что я забыл при перемене пароходов плед и подушку. Депеша о том из Мохача.

28 мая, воскресенье

Сидя в Петербурге, я думал сегодня быть в Белграде за обедом, а не плыть по Дунаю. Впрочем, меня и в Петербурге смущала мысль, что я могу услышать в исполнении хора Мокраяца, давно мне знакомого лично, те же вдохновения итальянского стиля, которые перевезены из России в Сербию. Так по крайней мере я был смущен в Белграде

Священной Римской империи (как супруга, а затем вдова императора Франца I). Мария Терезия была одной из самых ярких представительниц династии Габсбургов. Вела многочисленные войны за свое наследство.

Среди ее детей — два императора (Иосиф II и Леопольд II), а также знаменитая королева Франции Мария Антуанетта.

¹³ Вышеград (Visegrád) в излучине Дуная в XIV веке был резиденцией венгерских королей; сохранились дворец, крепость на вершине горы и так называемая башня Соломона.

в 1897 году, хотя и увидел множество оригинальностей сербского богослужения¹⁴.

Ночь на сегодня была очень тепла. Здесь нет отдельных мест для каждого пассажира; давка в каюте и рубке — невозможная. К тому же венгерцы решительно не умеют стеснять себя в чем-либо ради других. Всю ночь напролет шло оранье (именно оранье) кабацких песен, картежная игра с беспардонной руганью, споры, крики, курение невозможнейшей махорки и тому подобное. В довершение моих бедствий оказалось, что при пересадке в Будапешт я забыл плед с подушкой, взамен которых судьба послала мне такого внеконкурсного толстяка-храпуна, что я не то что во сне, но и в простой дреме пугался, следя неволью за его умолчаниями и совершенно невероятными носовыми звуками. В них были слышны не одни тромбоны, но и сильные литавры. Этот храпун — изводил мою дремоту до 5 часов утра, а мне, расположившемуся на двух ковровых табуретах с головою на деревянной скамье, решительно некуда было деваться, так как наружу без пледа было очень прохладно.

Утром — два открытых письма из Мохача (сестре Ольге и А. К. Смирнову на двух уцелевших каким-то образом у меня еще от поездки в 1897 года [открытках] и И. И. Серебренницкому¹⁵).

Пишется далее 29 мая, сидя в Народной Белградской библиотеке, где осталось свободных несколько минут до 12 часов, ибо антракт от 12 до 3-х посвящается обеду и отдыху, а занятия идут с 8 до 12 и с 3 до 6 часов.

¹⁴ О своем отношении к деятельности Стефана Мокраяца Смоленский пишет в *«Дорожных впечатлениях»*. В письме к К. П. Победоносцеву от 12 августа 1897 (*Афонская экспедиция*) перечисляется целый ряд оригинальных черт сербского (и болгарского) богослужения, некоторые из них очень нравились Смоленскому.

¹⁵ Ольга Васильевна Смоленская, в замужестве Фролова, жила в это время в Казани.

Александр Константинович Смирнов, выпускник Владимирской духовной семинарии, был многолетним сотрудником Смоленского сначала по Синодальному училищу (младший воспитатель и преподаватель географии), затем по Придворной капелле (воспитатель и преподаватель), а также личным другом семьи Смоленских. См. его воспоминания о Синодальном училище в первом томе РДМ.

Иван Иванович Серебренницкий — сотрудник Смоленского по Синодальному училищу, преподаватель русского языка.

Продолжение о 28 мая

Дунай скучен после Будапешта, так как берега равнины, низки, залиты половодьем, а невольное смотренье на них вследствие безобразий венгерцев-певцов и храпа соседа было скучно и по недостатку света до самого утра. Под утро пассажиры сошли с парохода, стало просторнее, и утомление взяло свое, — то есть я залег спать не вовремя. В путеводителе были отмечены мною многие места очень красивые. Это я потому устроил так, чтобы на пору моего сна пришлось равнинные берега, а к горным берегам я выспался. Петервардейн, немного ранее его и особенно после — ряд чудесных панорам. Полнолуние довершило прекрасные впечатления от дороги.

Эти впечатления совершенно испортились, однако, при выходе с парохода. В таможене привязались к тому, что у меня много табаку, и только позволили, запломбировав чемодан, провезти этот табак через Сербию в Болгарию. Впечатления пешего хождения до гостиницы «Империал» (№ 17) и размена 10 рублей на 26 динаров, то есть по 38 ½ копейки за динар — испортили все бывшие упоения.

29 мая, Белград

Понедельник до 4-х часов ходил в ночной рубашке, ибо белье на таможене. Занятия в библиотеке утренние не дали ничего особенного. Пообедали не плохо, но и не по-сербски, как бы хотелось. Дали что-то съедобное — не более. Были потом в крепости, глядели на ее укрепления с разных сторон и вышек, были в саду и пили хороший особый сербский лимонад. Потом купил рубашку на память. Занятия с 3-х часов не дали ничего интересного, почему я и ушел из библиотеки слушать пение дьячков в Великой церкви. Но и здесь ничего не было, так как вечерню отмахали в 15—20 минут. При попытке выручить чемодан с папиросами мне предложили караульного, под конвоем которого бы, вместе со мною, чемодан был перенесен на вокзал. В ответ на это я вынул две коробки папирос (а их было там, вероятно, штук 300—400) и бросил их с такою силою в Саву, что дождь папирос веером разлетелся по воздуху на глазах господ чиновников, твердивших мне о «законе». Как бы в подтверждение моего им упрека в негостеприимстве славянину — солдаты тут же бросились собирать папиросы и набивать ими свои карманы. Вечером, переговорив с Анастасом Николовым и решив, что в сущности в библиотеках нам делать нечего по певческой части, мы решили сегодня же покинуть Белград. Хотя и дорого будет, но впечатления этого дня были так досадны, что мы хоть и в 3-м классе, а уедем.

30 мая

Пишется в Софии. За два динара обер-кондуктор скорого поезда отлично устроил было нас в отдельном купе 3-го класса, но вошедший пассажир нарушил нашу компанию вплоть до Ниша. Анастас Николов уступил мне право вытянуться и провел сам менее удобно время от 12 часов и до 5 часов утра. Потом, въехав в очаровательный перевал к Пироту, я не давал спать Анастасу Николову, внушая ему надобность полюбоваться природою и «искусством сербов». Дорога устроена отлично и очень живописно расположена по тому или другому берегу Нишавы. Погода была очаровательно теплая и тихая. В полном благодушии мы подъехали к Софии в 11 часов утра.

Повинуясь воспоминаниям, я отправился сейчас же по приезде в великолепную натуральную баню, образуемую натуральным источником в 42 градуса теплоты. Впечатления превосходные и таковы же, как и 9 лет назад. Баня эта — окно в окно против гостиницы «Македония», где (№ 10) мы остановились. Отдых после бани и до спадения жары дневной оказался необходимым. Отдохнувши, я отправился пешком к Н. И. Николову и П. И. Бахметеву¹⁶ (я не застал этих свояков дома), потом был в нашем посольстве, где я встретил чрезвычайную предупредительность Николая Николаевича Дьяченко (1-го секретаря посольства)¹⁷. Он сообщил мне, что они уже получили из Министерства и от Шереметева бумаги и депеши и что я могу быть уверен, что все решительно будет сделано к нашему удовольствию¹⁸.

¹⁶ Н. И. Николов — отец Анастаса Николова.

П. И. Бахметев — вероятно, Порфирий Иванович Бахметев (1860—1913), русский физик, с 1890 преподававший в Софийском университете

¹⁷ Среди бумаг экспедиции сохранилась записка Н. Н. Дьяченко:

Министр Шишманов, к сожалению, отсутствует. С полнейшим уважением Ваш Н. Д.

[Николай Николаевич Дьяченко] спешит сообщить, что Директор Софийской Публичной библиотеки уже уведомлен мною о желании Вашем посетить это учреждение и сегодня к 11 часам утра будет ожидать Вас. Что касается до Народного музея, то лучше всего посетить его завтра утром к 10 часам.

(РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 84, л. 60 об. На визитной карточке: «Николай Николаевич Дьяченко, 1-й Секретарь Российского Императорского Дипломатического Агенства в Болгарии. София».)

¹⁸ К этому листу Дневника (л. 23) подклеена маленькая заметка из местной «Вечерней почты» под заглавием «Русская научная миссия в столице»; про Николова в ней говорится, что он «открыл старое болгарское пение и тем самым воскресил одно из блестящих проявлений древней духовной культуры Болгарии».

Из сентенций Дьяченко мне особенно запомнилось, что он, как живший в Салониках и знающий Афон вдоль и поперек, считает самым важным документом для нас письмо Константинопольского посла в Афонский Протат¹⁹. «Дело ведь, попросту сказать, у Афона с нами только рублевое, и потому всякие письма Патриарха на Афон не умножат русского туда золотого дождя, — который только и надобен святым отцам. Хорошо еще, что теперь удалось сколько-нибудь сократить так называемых “монахов-разбойников”, которые страшно богаты пожертвованиями из России» (им принадлежит предприятие по приглашению письмами в Россию высылать деньги за поминовение умерших ежедневно, раз в неделю, в месяц, раз в год и тому подобное)²⁰.

¹⁹ Это письмо российского посла в Константинополе (точнее, два письма — в Лавру и в Ивер) было впоследствии получено и сохранилось в копии в деле о поездке:

Уважаемые Отцы Проигумены —

Члены Императорского Русского Общества Любителей Древней Письменности господина Смоленский, Преображенский, Лавров и Николов отправляются на святую Гору Афонскую с ученою целью изучения церковно-певческих рукописей. В предположении, что они найдут материал для своих занятий и в богатом книгохранилище Святой Вашей Обители, считаю долгом просить Вас, уважаемые Отцы, не отказать названным ученым в доступе к тем научным сокровищам, которые они пожелали бы осмотреть и изучить.

Примите выражение моего истинного уважения.

Российский Императорский Посол И. Зиновьев.

(РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 84, л. 64)

²⁰ Подобные тенденциозные высказывания можно было найти и у столь серьезного ученого, как А. А. Дмитриевский (см. также об этом в *Афонской экспедиции*).

Чем же так обеспокоен профессор? Хотя он и оговаривается, что есть, де, келлиоты — честные люди, но не приводит ни одного примера. Вместо этого мы знакомимся с пространными разоблачениями келлиотов, которые завалили Россию письмами, в которых обманывают бедный русский народ и вытягивают из его кармана средства на неблагоприятные цели. <...> Зато действия со стороны правительства оказались весьма быстрыми и эффективными. Тут же приводится список из самых известных русских келлиотов, которые отнесены к заведомо неблагонадежному сборщикам, «пожертвования которым, поступившие в Хозяйственное управление [Св. Синода], совсем не высылаются и высылаются не будут»... То есть это не просто недовольство какого-то отдельного человека или группы лиц, а государственная политика (Троицкий Павел. Русские на Афоне. М., 2009. С. 27).

Большая полемика по этому вопросу велась в журнале «Монастырь» (издававшемся в течение 1908—1909 в Нижнем Новгороде под редакцией А. А. Павловского). Например, в первом же номере журнал писал:

Я прошел оба конца пешком и довольно устал. Зато осмотрел памятники Александру II Освободителю, врачам и Левскому, осмотрел и руины Святой Софии²¹. После того в кофейне встретил С. Радева, которому, как живущему в нашем отеле «Македония», карточка уже была мною заброшена в его номер. Радев уже успел напечатать о нашем приезде в «Вечерней Поште», совсем как некая «Шептала» в Москве, он же «Коробкин»²².

Тяжелым ударом для афонских келиотов было правительственное распоряжение 1889 года, в котором оповещались «боголюбцы» и «благодетели», что жертвы русского народа, которые он с таким полным доверием к подвижникам Святой Горы и широкою щедростью шлет для нея со всех концов обширного отечества, не достигают в большей части своего назначения, указывались для них более верные и целесообразные пути через Хозяйственное управление при Синоде или прямо на Афон, но в русский Пантелеймонов монастырь и в русские скиты Андреевский и Ильинский. Пожертвования в это время в разные келлии, если не прекратились совершенно, то приток их значительно ослабел, и получение их в русских почтовых отделениях для келлиотов было затруднено весьма значительно и надзором, и прямо конфискацией (Старый Афонец. Чего должно добиваться русское монашество на Афоне // Монастырь. 1908. № 1. С. 5—6).

²¹ Левский — прозвище, данное герою болгарского сопротивления турецкому игу Василию Иванову (1837—1872). Наряженный то купцом, то крестьянином, то турком, с покрашенными волосами и бородой, он обходил и объезжал страну, распространяя книжки, брошюры, прокламации. Будучи тяжело ранен и арестован, Левский отказался отвечать в турецком суде и был казнен. Памятник ему в Софии установлен в 1896.

Монумент Александру II был воздвигнут в Софии в честь освобождения Болгарии от турецкого ига; памятник был закончен в 1903, освящен в 1907 (автор — флорентийский скульптор Арнольдо Цокки). Памятник украшен горельефами, изображающими участников войны 1877—1878 годов.

Памятник врачам (иначе — «Докторский памятник») имеет надпись: «Медицинским чинам, павшим в Русско-турецкую войну 1877—1878 годов». На камнях саркофага высечены имена 531 погибшего. На монолитном гранитном блоке, увенчивающем пирамиду, выгравированы названия населенных пунктов, возле которых произошли крупнейшие сражения: Плевен, Мечка, Шипка и Пловдив. Памятник создан по проекту архитектора А. И. Томишко итальянцем Луиджи Фарабоско в 1882—1884.

Собор Святой Софии (VI век) — один из древнейших памятников Болгарии. По имени этого храма болгарская столица получила свое наименование.

²² В Воспоминаниях Смоленского фигурирует не в меру расторопный корреспондент московских периодических церковных изданий Сергей Александрович Коробкин, по прозвищу «Коробка»:

Эта фигура могла лгать не задумавшись целыми часами, могла описать по выработанным шаблонам в одну четверть часа какое угодно церковное торжества, перевирая имена людей, названия церквей, заглавия певческих сочинений, фамилии покойников и проч. (РДМ. Т. IV. С. 311).

Зато крайне тяжело было услышать, что И. Д. Шишманов выехал вчера из Софии на ревизию, примерно дней на 10. Как быть поэтому с бедным Николовым — скажет общее совещание.

Сколько можно судить по первым впечатлениям, София сделала огромный шаг вперед как в постройке зданий, так и в развитии уличного движения. Электрические трамваи здесь превосходны, как в Вене и Пеште, многочисленны и исправны, хотя и не очень чистоплотны. Огромная бульварная толпа одета очень прилично, даже иногда и изящно, беседы в кафе (весьма благоустроенных и наполненных гостями внутри и на тротуаре) — очень оживленны, много афиш, газет, велосипедов, автомобилей и тому подобного. Встают по-прежнему, как и ложатся спать, спозаранку. Вечером в одиночестве написалась «1-я беседа с иностранцем»²³.

31 мая, среда

Утром продолжение «Беседы с иностранцем» (№ 2). Отправив 1-ю на почту, посетил три древнейшие, опустившиеся в землю, церкви — очень бедные. Святая Параскева имеет теперь земляной пол, начинающийся у вершин ее колонн, — следовательно весь нижний ее этаж надо еще раскопать. Стары и церковь Святого Николая во дворе Синода, равно и церковь Святого Георгия, где стояло тело Баттенберга, в ожидании погребения²⁴. Некоторые фрески в последней, очевидно очень старые, сохранились,

²³ Публицистическое произведение Смоленского на тему засилья чиновничества в России сохранилось в составе рукописи Афонского дневника. В данном издании публикация этого опуса явно не уместна.

²⁴ Древняя церковь Св. Георгия неоднократно перестраивалась (возможно, в римские времена на этом месте была баня, с принятием христианства здание было превращено в баптистерий, затем в обычную церковь; в турецкие времена в здании располагалась мечеть).

Церкви Св. Параскевы Самарджийской и Св. Николая относятся к XV—XVI векам, а так как во времена османского господства запрещалось строить христианские церкви, то храмы этого периода представляли собой неприметные здания без куполов и башен (внутри некоторых из них при этом сохранялись старинные иконы, резные иконостасы и стенные росписи).

Александр Баттенберг (Battenberg; 1857—1893) — болгарский князь в 1879—1886. Кандидатура этого немецкого принца была после завершения русско-турецкой войны выдвинута Александром II с согласия других великих держав. В 1881 Баттенберг совершил государственный переворот, отменив действие Тырновской конституции 1879 года. Попытка превратить Болгарию в оплот австро-германского влияния на Балканах привела князя к конфликту с Россией. В августе 1886 он был вынужден отречься от престола и покинуть Болгарию.

хотя я, сколько ни вглядывался, не мог составить о них никакого ясного представления.

Я вернулся из Народной библиотеки в 11 часов утра и был рад вскоре увидеть Николая Ивановича Николаева²⁵. Недоразумения его с Николовым вскоре разъяснились именно так, как я ожидал, быв все против Анастаса Николова и за Н. И. Николаева. Мне было трогательно их примирение и обеспечение тем более легкого доведения до конца издания «Староболгарского церковного пения»²⁶. После примирительной рюмки коньяку у «Пана́ха» (то есть «пиварница, сладкарница и ресторан» — содержатель Панах) я встретил [пропуск: теплый прием?] в Народной библиотеке, но нашел там только одну пергаментную рукопись, которая, по-видимому, может пригодиться (№ 47)²⁷. Есть рукописи очень хорошие, — но к моему делу не относящиеся. Сегодня — прекрасная погода, но нога временами ныла, может быть от утомления, хотя я уже и перестал вспоминать об палке. Вечером сошлись Радев, Николаев, Николов и я у Панаха, — но особенно содержательной беседы не было.

1 июня, четверг

Надо дознаться: 1) [Какого века болгарский Октоих Народной библиотеки № 862, с греческой нотацией, с первоначальными мартириями? 2) Что представляют собою № 52, 256 и 344 лист 9-й²⁸.] Особенно

²⁵ Имеется в виду русский регент софийского кафедрального собора Н. И. Николаев (о нем идет речь в «Дорожных впечатлениях»).

²⁶ Упомянутое издание А. Н. Николова остановилось на первых двух выпусках (подробнее см. в приложении *Болгарский роспев*).

²⁷ Работая (уже не в первый раз) в софийской Народной библиотеке, Смоленский обратил внимание на две рукописи — № 47 и № 30. Особый интерес, по его мнению, представляло несколько пергаменных страниц из № 47 (конволют), содержащих славянские тексты окончания канона Андрея Критского со знаками экфонетической нотации. В архиве ОЛДП сохранилось 10 фотоснимков (часть из них в нескольких экземплярах) с этой рукописи, но текст плохо читаем (РНБ, ф. 536, № 547, альбом Varia). Согласно позже изданному каталогу (Цонева Б. Описание на рукописите и старопечатните книги на Народната библиотека в София. Т. 1. София, 1910), под № 47 (у Цонева — № 203, см. с. 135) хранится Триодь постная на пергамене XIII в. (на 36 л., палимпсест, редакция текста болгарская); под № 30 (у Цонева — № 280, см. с. 182) значится «Сборник с откяслеци от миней, чиновник и номонанон XV—XVI вв.» (на 107 л., 8°, редакция текста сербская; л. 1—45 — Праздничная минея 3-х почерков, л. 24 — служба св. вмч. Димитрию, л. 46 — «чин попско погребение»).

²⁸ В автографе здесь зачеркнуто несколько строк — очевидно, как выполненное задание.

интересны лист 30 и следующие в № 47, которые я надумал даже снять фотографически после того, как внимательно просмотрел ее [рукопись] сегодня. Интересно, что (см. Переписку, л. 58²⁹) — о нотных знаках не сказано ни одного слова в каталоге. Она представляет собою конец которого-то из канонов Андрея Критского и стихиры дня того канона. Интересен и лист из греческого Евангелия, случайно попавший в неразобранную связку № 344.

Сегодня ряд свиданий. Я вышел из дому в 8-м часу утра, чтобы не потерять рабочее время и быть в Народной библиотеке ранее 9-ти. Так как я ушел не пивши чаю, то у Панаха стал пить кофе. Вдруг подходит болгарский поп — оказывается: о. Стефан Кёнев, с которым познакомился в первую побывку в Софии и через которого я купил (хотя и очень дорого) несколько болгарских и греческих певчих книг. Мы поболтали немного. Потом из Народной библиотеки я побывал в Музее, где лапидарный [резного камня] и особенно — нумизматический отдел произвел на меня очень сильное впечатление. Из Музея я попал в Синод, где говорил о Николове с секретарем Костевым, показавшимся мне пребольшей шельмой, не уступающей нашим синодальным плутам в Петербурге. Он гнул все время в ту сторону, что Анастас Николов обидел Синод, прекратив с ним сношения, так [как] последнее донесение Анастаса Николова было не в Синод, а только в канцелярию (?!). Тем не менее я вразумил, как кажется, Костева настолько, что он затруднился ответить на *мои* вопросы: почему же Священный Синод прекратил со мной отношения? Костев предложил мне свидеться с Председателем Синода Митрополитом Константином³⁰. Мы уговорились, что это свидание устроится сегодня вечером.

За обедом у Панаха последовал разбор этого разговора с Костевым. Николов жаловался на Костева в том смысле, что Костев не допустил в «Церковном вестнике» ни одной о нем благоприятной строки, поместив

На об. л. 24 имеется запись:

31 мая, 1 и 2 июня в г. Софии осмотрены мною следующие рукописи Народной библиотеки №№: 5—8, 10, 11, 13, 16, 24, 25, 27, 47, 52, 88, 99, 114, 118, 121, 124, 125, 133, 148, 154, 155, 156, 169, 181, 183—185, 210—212, 215, 219, 227—243, 245—258, 261—262, 266, 269, 273—275, 277—279, 280—282, 284—285, 289—295, 307—309, 313, 318—319, 322—323, 325—327, 328—330, 333—344, 345—392, 394—395, 397, 399, 400—401, 405, 407, 413.

²⁹ На указанном листе в деле № 84 имеются выписки Смоленского из каталогов Софийской библиотеки.

³⁰ Председателем Синода и экзархом Болгарии был в это время митрополит Иосиф.

однако все враждебные; что укрываясь за формальности и зная о продолжении работ в Петербурге, устроил поручение некоему Тюлову — совершеннейшему (по словам А. Н. Николова) неучу, едва поступившему вместе с ним в приготовительный класс Придворной капеллы; что он, Костев, зачем-то скрыл письма Николова к нему и в канцелярию Синода, в которых ясно формулировалось положение дела. Радев мне прямо и коротко сказал: «Костев — известный подлец».

Под впечатлением таких разговоров я отправился в Народную библиотеку и начал заниматься дальнейшим разбором рукописей. Вдруг письмо от Костева о том, что Митрополит просит меня к себе между 3—4 часами. Было уже 3 часа 50 минут, когда я получил это приглашение. Я отправился, идя скоро, несмотря на появившуюся боль в ноге.

Умное лицо Митрополита мне понравилось, и началась совсем простая беседа. Он был, очевидно, взвинчен Костевым, и бумаги, виденные мною у Костева (но не сшитые!), были в надобном, неполном числе у Митрополита на столе. Конечно, вскоре появилась классическая вода с вареньем и чашка турецкого кофе. Митрополит закурил папиросу и угостил меня своею, сказав при этом, что у них не скрывают курения табаку монахами и вообще монахи одинаково (?) ведут себя как в кельях, так и на глазах у людей. Я, конечно, нисколько не противоречил. Беседа Митрополита постоянно уснащалась латинскими цитатами, почему и я начал отвечать также латынью. Митрополит похвалялся, что он, еще не имев счастья быть в России, все же владеет русским языком, — я поддакнул его действительно доступной русской речи, и так далее. Наконец беседа перешла и на Николова. Послышалось слово в слово то же самое, что часа два назад говорил Костев. Отвечаю, но уже с большей настойчивостью, то же самое, что я отпел Костеву. Беседа продолжалась около $\frac{3}{4}$ часа и, напутствуемый трогательными благословениями, со всякими причитаниями, до молитв моих на Афоне, до моего поклона Антонию Митрополиту Сербскому³¹, мы расстались. Конечно, А. Н. Николову были переданы подробности и этого свидания. Весьма характерен был его вопрос мне: на каком языке было прислано мне приглашение к Митрополиту? Я ответил, что «Канцелярия написала мне по-болгарски». Анастас Николов нашел, что это признак не особенно благоприятный. Почему — не знаю.

Вечером я попал с Николаевым, Николовым и Радевым в соседний ресторан («Червен рак» — то есть червонный, красный рак, что сродни

³¹ Явная ошибка Смоленского в имени митрополита Сербского (в этом периоде — Димитрий).

«Zum roten Igel»), где по четвергам играет княжеский оркестр. Народу — пропасть, но во время музыки галдят, стучат кружками, зовут прислугу и тому подобное. В оркестре (говорят, что это только часть его) отличных 6 первых скрипок, очень дружных и звучных. По первому впечатлению, произведенному на меня исполнением увертюры Чайковского «1812 год», оркестр оказался очень хорошим, вымуштрованным, содержащим в себе хорошие артистические силы, играющим иногда очень ясно, отчетливо. Но недавно слышанный Венский оркестр, конечно, еще не изгладился в силе своих впечатлений, и потому густые краски и шум «1812 года» в малом помещении ресторана производили действие оглушающее, а не художественно-тонкое. Но мне понравилось, что тот же оркестр играет болгарские песни, одну из которых я слышал в совершенно хорошем изложении — очень интересная инструментовка, умелая ситуация [так!] ³² и задорное исполнение. Взрыв аплодисментов после этой песни показал, что и слушателей проняло это забористое исполнение. В этом же концерте я познакомился с «гордостью Болгарии», то есть с молодым скрипачом, кончившим курс скрипки у знаменитого Шевчика в Праге ³³ и курс композиции в Парижской консерватории. Мы говорили также и о том, что русские «артисты», заезжая сюда и представляя болгарскую столицу чем-то вроде захудалой провинции, вроде Лапшева или Вышнего Волочка, решительно срамят Россию образцами своей наглости и плохого искусства. Например, недавно бывший здесь суфлер Петербургской оперы господин Сафонов ³⁴ угостил здешнюю публику вполне плохим концертом и имел смелость вскрыть свои карты еще тем, что напечатал про прибывших сюда сестер Чернецких, что они просто одесские жидовки... Правда, пианистка Чернецкая пропечатала себя «перва в Руссия пианистка», а певица Чернецкая — сопранисткой «оперы Санкт-Петербургской Консерватории Императорского Русского Музыкального общества» и так далее ³⁵. Но эти, по крайней мере, хоть составили очень дельную программу концерта, а господин Сафонов не сумел даже эксплуатировать слово «Императорский» в своем суфлерском титуле.

³² Возможно, имеется в виду расположение музыкантов на эстраде.

³³ Отакар Шевчик (1852—1934) — известный чешский скрипач, педагог и композитор.

³⁴ Николай Матвеевич Сафонов (1865—1922) — действительно был суфлером Мариинского театра, но также и регентом хора Петербургской консерватории.

³⁵ Эсфирь Чернецкая-Гешелин была ученицей В. И. Сафонова в Московской консерватории.

2 июня, пятница

Сегодня кончил занятия в Народной библиотеке, потом обедал у Н. И. Николаева. Здесь я встретился с почтенным Порфирием Ивановичем Бахметевым. Мы осмотрели потом фундамент огромнейшего собора Александра Невского и посетили музыкальную школу³⁶. Последняя, зародившаяся всего один год тому назад, конечно, еще очень слаба. По крайней мере все три урока, которые я посетил, показались мне весьма плохими. Два парнища в классе пения соло при пении с листа,

как модели для пения на протяжении гаммы до мажор, — путали немало, очевидно по незнанию нот... В классе скрипки (у «гордости Болгарии» — господина Наумова) барышня отвратительно держала и смычок, и скрипку... По возвращении домой оказалось, что А. Н. Николов невозможнейше обиделся на Николаева за то, что тот обещал зайти за ним в 5 часов и не зашел... Как я ни вразумлял Анастаса Николова — обидчивость его, волнения взяли верх, и он решительно оказался не в состоянии владеть собой, начав ругать все и вся в Болгарии, указывая на всеобщее к нему невнимание и тому подобное.

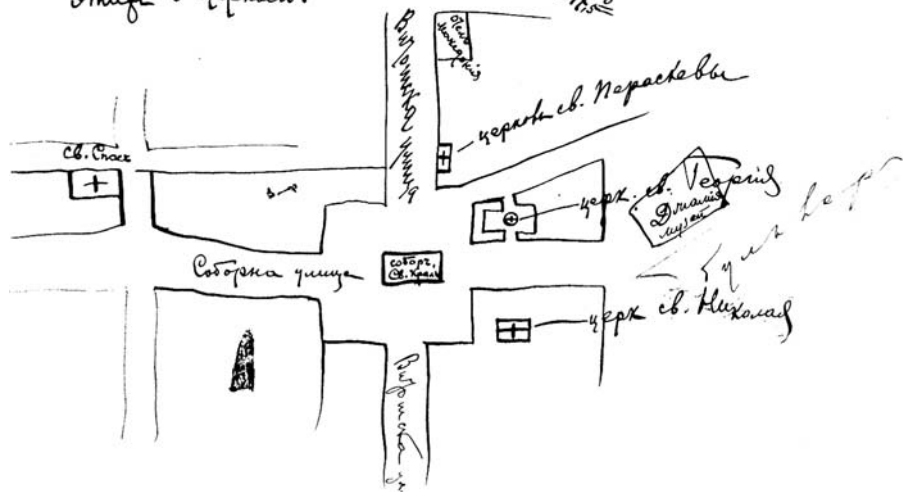
Записываю не без недоумения, что П. А. Лавров не приехал и сегодня. Сегодня, к полному моему удовольствию, я получил повестку о прибытии плета и подушки, забытых мною при пересадке на пароходах в Будапеште.

3 июня, суббота

Чрезвычайно интересны в Софии три стариннейшие церкви, вросшие в землю от их старости. Все три очень бедны, а в лучшей из них даже не служат, хотя, как слышно, ее хотят возобновить, и я видел, как в ней снимали остатки стариннейших фресок. Вот план этих трех церквей:

³⁶ Патриархальный Собор Александра Невского на площади Александра Невского построен в честь доблестных русских солдат, погибших при освобождении Болгарии, по проекту А. Н. Померанцева. Представляет собой величественную базилику с пятью нефами, декорированную мозаикой и витражными окнами в византийском стиле. Фрески и резьба выполнены русскими и болгарскими художниками. Центральный алтарь посвящен св. Александру Невскому, южный — св. Борису, принесшему христианство в Болгарию, северный — св. Кириллу и Мефодию.

Крепительно интересны в Софии три стариннейшие церкви, вросшие в землю от их старости. Вот три очень старые, а в лучшей из них даже на стенах хитя, как бы сильно ее рождала воздух и в видны как в ней слышались остатки старинной иконы фресок. Вот так. Этих 3 церквей:

В 5 ½ утра я был у заутрени в Св. Краль, потом же у обедни в Св. Спасе. Пение в последнем исполнялось лучше, чем в первой церкви, где пело только по одному певцу на стороне. У Св. Спаса пело по 3 и 2 певца, из которых протопсалты были очевидно очень опытные и бойкие, были и исоны очень чистые. Но, как и прежде, мой слух не мог уловить перемен тональностей, хотя я вполне ясно, несмотря на всякие «га га га», улавливал голосовые ходы, постоянно вертевшиеся около квинт и малых септим по отношению к исонам; хороший ряд впечатлений получался и от минорных ладов

и тому подобное. Акценты и после них разные мелизмы удивительно разнообразят это пение, иногда высоко выразительное в отдельных мелодиях. В этих мелодиях я прямо слышал славянские ноты. Впрочем, могли ли они не быть тут? Разве греческое духовное иго в Болгарии могло коснуться самой глубины славянской души

и ее способов выражения своего чувства? Старик, чрезвычайно одушевленно певший на правом клиросе в церкви Св. Спаса, пел местами высокохудожественно, и это искусство было мне ясно, проникая и в мою душу.

За литургиею я видел множество разностей в чине между нами, сербами и болгарами. Сегодня, например, по окончании утрени были пропущены 1-й, 3-й, 6-й и 9-й часы, так [как] проскомидию и молитвы перед нею священник совершил во время утрени, начиная с Шестопсалмия. Немедленно после утреннего отпуска, после единократного воздеяния [так!] священника, он сделал возглас и начал великую ектению; вместо первого антифона пропели два раза «Молитвами Богородицы» и в третий раз этот же стих пополам на оба клироса; Евангелие читалось священником в Царских дверях; на великом выходе дьякон без облачения, просто в черной рясе и в камилавке, кадил впереди; священник помянул на выходе по бумажке всех умерших по именам, так же как «Императора Александра II Освободителя»; «Верую» и «Отче наш» читал священник не служивший; завеса была вновь задернута после «Благодарим Господа»; какая-то старушка перед причастием получила в северных дверях глухую исповедь и затем сейчас же причастилась, без прочтения ей «Верую, Господи» и прочее. Женщины ходят в алтарь; один раз «Мир всем» священник сказал, выглянув сбоку из-за завесы в Царских вратах, и многое тому подобное.

Получение подушки и пледа, после 1 ½ часового хождения в «Митницы» [таможню], после множества всяких формальностей и уплат по 5, 10, 30, 35, 20 стотинок обошлось с депешью в конце концов франков в 6—7. Хлопотала вместо меня мать Зоры Христ. — Екатерина Николаевна Гейтанова, живущая против тюрьмы (бывшая Черна Джамия — нынешняя церковь «Седмочисленников»), той самой, в которой в подземелье Стамбулов промучил 7 лет Каравелова³⁷. Я зашел к Екатерине Николаевне —

³⁷ Седмочисленники — св. Кирилл и Мефодий и их ученики.

Имена Стефана Стамбулова (Стамбулова) и Петко Каравелова связаны с современной Смоленскому историей Болгарии.

Стамбулов (1854—1895) получил образование в Одесской Духовной семинарии, откуда за сношения с русскими революционерами был исключен и выслан из России. Следующие годы он провел частью в Румынии, частью в Болгарии, по которой странствовал в качестве революционного «апостола», пропагандируя среди народа восстание против турков. Участвовал как доброволец в русско-турецкой войне. В 1880 был избран депутатом в Народное собрание Болгарии, в котором занял место вице-президента. Во время государственного переворота 9 августа 1886, низвергнувшего князя Александра Баттенберга, Стамбулов провозгласил себя единственным представителем власти; далее князь Александр назначил его одним из регентов, наряду с Муткуровым и Каравеловым. Различие во взглядах между

она была этим очень довольна и рассказала многим «швачкам» (то есть живущим у ее хозяйки швеям), кто я такой. После обеда — визиты к слависту профессору Цоневу, к Лидии Михайловне Шишмановой (урожденной Фрагомановой — русской) и к Н. Н. Дьяченко, у которого был разговор про «жидов» с Борисом Ал. Чемерзиным³⁸. Письмо к С. Д. Шереметеву³⁹.

5 июня

Николай Николаевич Доннер и Василий Яковлевич Андреев встретили меня в Константинополе вместе с А. В. Преображенским. Это записывается, чтобы не забыть фамилии этих двух паломников в Палестину, сопровождавших Антонина Викторовича из Одессы в Констанцу и Варну с Константинополем на австрийском пароходе. Они прибыли сюда в субботу 3 июня в 9 часов утра.

4 июня меня проводили весьма сердечно из Софии, и я ехал до границы Турции отлично. Но с Адрианополя⁴⁰ (10 часов вечера) ко мне впустили

Стамболовым и Каравеловым касалось преимущественно отношений Болгарии к России: последний стоял за возможные уступки требованиям русского правительства, Стамболов был откровенным «западником», стремился к сближению с Австро-Венгерской империей.

После избрания князем Болгарии Фердинанда Кобургского в 1887 Стамболов стал премьер-министром, причем его правление отличалось крайним деспотизмом. В 1891 на него было совершено в Софии покушение, что дало ему повод арестовать, предать суду и надолго упрятать в тюрьму, а частью и казнить, многих своих политических врагов, и среди них упомянутого Смоленским Петко Каравелова. В конце концов Стамболов был принужден выйти в отставку, но продолжал активно участвовать в политической жизни. В июле 1895 он был убит на улице Софии.

Политический сначала соратник, а потом противник Стамболова Петко Каравелов (1843—1903) учился на философском факультете Московского университета, долго жил в Москве и был близок с кружком И. С. Аксакова. После русско-турецкой войны он вернулся в Болгарию, занимал разные ответственные посты, в 1883 стал премьер-министром, после 1886, как уже говорилось, одним из регентов. После избрания князем Болгарии Фердинанда Кобургского Петко Каравелов перешел в оппозицию. В 1892 Стамболов инсценировал против него процесс по обвинению в убийстве министра финансов Бельчева. Каравелов был присужден к пяти годам тюрьмы, но после отставки Стамболова (1894) амнистирован.

³⁸ Цонев Борис (Бенё) (1863—1926), выдающийся болгарский филолог, профессор Софийского университета по кафедре староболгарского языка и славянской палеографии.

А. М. Шишманова (Фрагоманова) — супруга И. Д. Шишманова.

Б. А. Чемерзин — дипломат; фигурирует впоследствии, с 1911 как российский посланник в Эфиопии.

³⁹ Имеется в виду открытка от 3 июня (см. в *Письмах*).

⁴⁰ Ныне Эдирне (Турция).

жида (очень, однако, образованного) и баварца с дочкой. Временно был и турецкий молодой офицер. В «Мустафа» в таможне «мытники» жестоко перерыли все с чисто собачьим чутьем. От тесноты остальная часть ночи спалась очень трудно. Погода сырая, дождливая и ветреная. Впечатления от Константинополя при въезде в него — прежние, совсем невзрачные. В заключение за проезд с вокзала содрали меджидие, то есть 4 франка. Когда извозчик запросил еще, я, не имея мелких денег, попросил монаха доплатить что-то вроде 5 пиастров. Позднее, платя ему, я был удивлен его требованием 2-х франков... Так совершилось мое первое знакомство с афонскими отцами⁴¹. Я занял № 10; к вечеру ко мне перешел Антонин Викторович. После трапезы у «Яна», весьма недорогой (но и не дешевой), мы отправились в Археологический институт, где я условился на счет занятий завтрашнего дня вместе с Антонином Викторовичем и Романом Христофоровичем Лепером в здешнем музее при посольстве⁴². Затем была поездка в Фанар к Греческому патриарху⁴³, где Христо Папаян (Московской Духовной Академии)⁴⁴ встретил меня и Антонина Викторовича весьма любезно и обещал на завтра доставить письмо Патриарха

⁴¹ Пантелеимоновское подворье в Константинополе, устроенное в начале 1860-х, располагалось в Галате и представляло собой пятиэтажное здание с церковью на верхнем этаже.

Как указывалось в путеводителях и справочниках для паломников,

по прибытии парохода в Константинополь, паломники имеют возможность... съехать в лодке на берег для отдыха в находящихся там же на берегу подворьях афонских монастырей: Пантелеимоновского, Андреевского и Ильинского; монахи этих подворий выезжают к каждому приходящему пароходу и приглашают к себе паломников ([Павловский А. А.] Путеводитель по Святым местам Востока. Руководство для русских паломников... Издание ИППО. СПб., 1912. С. 24—25).

Указывалось также, что проезд на лодке стоит не менее 20 копеек.

Меджидие — 1,60 рублей, черек — 40 копеек. В ходу были также французские франки и пиастры.

⁴² Музей, собственно, был создан не при посольстве, а при Археологическом институте. Роман Христианович Лепер (1865—1918), историк по образованию, был ученым секретарем института с 1901 по 1908; много занимался в этот период археологией и нумизматикой.

⁴³ Фанар — район Константинополя, в котором находилась (и находится) резиденция Константинопольского (Вселенского) патриарха; патриархом в 1906 был Иоаким III (Деведжи, 1834—1912) — выдающийся церковный деятель, при этом в большой мере пророссийски настроенный.

⁴⁴ В списках выпускников МДА в 1899 значится Попов Христо Стоянов, действительный студент, присланный из Константинопольской, но болгарской, а не греческой епархии.

в Протат⁴⁵. При этой беседе был занимающийся греческим пением грек Василиадис⁴⁶, отнесшийся к моим объяснениям планов экспедиции весьма сочувственно. После того Антонин Викторович и его спутники отправились на Галатскую башню, а я к Федору Ивановичу Успенскому⁴⁷. Беседа

⁴⁵ Это письмо сохранилось в копии по-гречески и в переводе А. В. Преображенского в подшивке документов по Афонской экспедиции в РГИА (№ 84, л. 65 об. — 66). Приводим перевод:

† Честнейшие настоятели и заместители (представители) братства Святой Горы, чада о Господе возлюбленные Нашей Мерности, благодать да будет Вашей Святости и мир от Господа.

Податели настоящего патриаршего нашего письма, ученые и знатоки музыки господа С. Смоленский, директор Московского Синодального хора, П. Лавров, профессор, А. Преображенский и А. Николов, члены-корреспонденты Русского Императорского Общества Л. Д. П., отправляются в святое место Ваше на поклонение добродетельных монастырей, а вместе с целью собственного изучения и копирования и фотографирования сохраняющихся в библиотеках святых монастырей музыкальных рукописей, особенно древнейших, которые имеют отношение к древнему русскому музыкальному письму, и др. Представляя указанных ученых господ Вашей Святости, отчески просим, чтобы разумною заботою Вашей был выхлопотан им повсюду дружественный прием и обхождение и, вместе, всякое удобство в исполнение высокой научной цели, для которой они отправились. Благодать Божия и бесконечная милость да будет с Вашей Святостью.

См. с. 233—234.

⁴⁶ Василиадис (или Василиди), обозначенный в документах как помощник секретаря Константинопольской патриархии, тоже написал рекомендательное письмо — проигумену Хризостому в Лавре (РГИА, № 84, л. 67, копия перевода рукой Смоленского):

Позвольте мне рекомендовать Вам подателя настоящего письма: мудрого и благородного русского музыковеда Степана Смоленского, Директора Московского Синодального хора, прибывшего недавно из России и отправляющегося со своими сотрудниками в святые Ваши места для изучения рукописей византийской музыки.

Очень хорошо зная, что этот предмет занимает Вас, я не сомневаюсь: 1) что Вам доставит удовольствие это знакомство и 2) что Вы откроете для них сокровища музыкальные, находящиеся в Вашей библиотеке, для обогащения и без того богатых музыкальных их познаний в искусстве греческом.

Примите ...

Васили[ди] (помощник Христо Папаяна в Патриархии).

⁴⁷ Галатская башня, построенная издревле селившимися в районе Галаты генуэзцами как оборонительное сооружение, находится на возвышении над Босфором, Халичем, Мраморным морем. Сооружение, дошедшее до нашего времени, датируется 1348—1349.

О Ф. И. Успенском и возглавлявшемся им Археологическом институте см. в *Афонской экспедиции*.

+ Οβιότατοι ἐπιβάται καὶ ἀπαιτηθέντες τῆς Κοινότητος
 τοῦ ἁγίου ὄρους, τέκνα ἐν κινήσῳ ἀγαπητὰ τῆς ἡμεῶν
 Μετροπότητος, χάρις εἰς τῆ ἡμεῶν οβιότητι καὶ εὐεργ
 παρὰ Θεοῦ. Οἱ ἐπιβάται τῆς παρούσης πατρισταρχικῆς
 ἡμεῶν ἐπιτολιῆς ἐλλογμοὶ καὶ μουσικολόγοι κύριοι
 Στάφανος Ἐπιτολιῆς, Διονύσιος ~~τοῦ~~ ἐν Μόβχα
 Ἑσσοτικῶν ὄρου, Νίκος Λαύρα, καθηγητής, Ἄν-
 τώνιος Μετροσταρχικῆς καὶ Ἀναστάσιος, Νικόλαος,
 κίβη καὶ ἀπεσταλμένοι τῆς ἐν Ρωσσίᾳ Ἁποκρα-
 τικῆς ἑταρείας τῶν Φίλων τῶν ἀρχαίων Γραπτῶν
 Μηνυκίων, ἔρχονται εἰς τὸν ἁγιώτατον ἡμεῶν τόπον
 ἐπὶ προσκλήσει τε τῶν ἐλαχίων Μονῶν καὶ ὁσίων
 ἀλλὰ εἰδικῶν προστιθέμενοι τῆν μελέτην καὶ ἀπυγα-
 γῆν ἢ φωτογράφησιν τῶν πατρισταρχικῶν ἐν ταῖς
 βιβλιοθήκαις τῶν ἡμεῶν Μονῶν μουσικῶν χειρογράφων,
 ἰδιὰ τῶν ἀρχαιοτέρων, ὅσα δεξιῶν ~~ἐλποῦ~~ προσ τῆν
 παιδικὴν φαστικὴν μουσικὴν γραφῆν, καὶ εἰ τινος
 ἄλλου βεβηκοῦ. Ἀμένως οὖν καὶ θαρρῶς τοὺς
 εὐεργέτους ἐλλογίους κύριους τῆ ἡμεῶν οβιότητι
 οὐκ ἐπιβάντες, προσεκομῆναι καὶ ἀκροῦσθαι πατρικῶς
 ὅπως προῦρον φροντίδι ἡμεῶν ἐπιδαμνῶν αὐτοῖς
 αὐτῶν ~~ἡμεῶν~~ ματακῶν φιλοφρονῶν δεξιῶν καὶ χρησιμῶν καὶ
 ἵ μὲν ἀλλὰ ἰσχυρὰ κατὰ τῆν ἐκδηλῶσιν τοῦ δι' οὗ
 ἔρχονται ἀγαθῶν ἐπιτολιτικῶν ὁσίων. Ἡ δὲ τοῦ Θεοῦ
 χάρις καὶ τὸ ἄριστον ἔστω εἰς τὴν ἡμεῶν οβιότητος.

+ Честнейшие настоятели и замещающие (представители) братства святой горы, когда о Господь во время благоденствия нашей святыни, благодать да будет нашей святыни и мир отъ Господи.

Кодашам касательно патриаршало нашего письма, урши и знатном муфтии г-да С. Селивановский, директор Московского Синодального хора, П. Лавров, профессор, Александровский и А. Киселев, члены корреспондента Русского Императорского Общества А. Д. М., отира-вляющая въ святое место наше на похищение богородицы монастырей, и впрочем с целью соблавно поучения и копирования и фотографирования соображений в библиотеке св. митрополитской муфтии, рукописей, особенно древних, которые имеют отношение к древнему русскому зодчеству, и др. Представляя указание отъ Господи нашей святыни, отечески просимъ, гбы разному рабочему нашей быль былью иль иль поведоу дружески и любезно и обходимо и впрочем всякое удобство в исполнении высокой науки иль из которой они отираются. Благодать божию и безмолвную милость да будетъ въ нашей святыни.

с ним кончилась в 10-м часу и выяснила множество подробностей всякого сорта, афонских, здешних и всероссийских. К числу новостей, поразивших меня, принадлежало сообщение Федора Ивановича о разбоях, существующих на Афоне, равно и о такой мере распри между греками и славянами, равно и о таком упадке русского престижа, какого до сих пор еще совершенно не было.

Беседа с Федором Ивановичем, много раз бывавшим на Афоне, показала мне самую деловую из всех, какие я только имел о предстоящих занятиях. Решено было, что я отложу уговоренные на завтра с Романом Христофоровичем Лепером обозрения рукописей Археологического Института, предоставив то сделать одному Антонину Викторовичу, а вместо того поеду в Буюк-дере, чтобы хлопотать всячески о письмах посла в Лавру и Ивер⁴⁸, где может быть для нас самая главная пожива. Сам Федор Иванович даст рекомендацию только в Ватопед. Он же посоветовал разменять деньги через посредство здешних монахов (ведущих большие дела и потому искусных в этих операциях). Плату не по рублю, а по 2 франка (то есть по 2 черёка) в сутки за каждого члена экспедиции он нашел весьма благоприличной и способной удовлетворить алчность монахов. Выгода от того или другого размена, конечно, останется в руках монахов, но произведет в то же время и свое действие тем, что одновременно они сообразят, с какими деньгами к ним едут «богомольцы-ученые». Наша беседа закончилась обедом в отличном ресторане, недалеко от квартиры Федора Ивановича (Сакýс-агат, № 25), приглашением меня позавтракать завтра у Надежды Эрастовны Успенской⁴⁹ в Буюк-дере и приглашением меня и Антонина Викторовича пообедать завтра вместе здесь в 7 часов вечера. Я возвратился домой — совершенно усталый, но у меня еще хватило сил, благодаря приходу отца Галактиона, закинуть ему словечко насчет

⁴⁸ Буюк-дере — район Константинополя, где располагалась летняя резиденция посольства.

Русским послом в Константинополе был в это время И. А. Зиновьев. Он регулярно ездил на Афон, был весьма неравнодушен к судьбам русских афонских обитателей и, в частности, много сделал для объединения малых русских обитателей в Братство русских келлий. Когда в 1909 Зиновьев покидал свой пост, он получил приветственное письмо от русских афонцев, в котором говорилось:

...Сгруппирование и объединение всего русского афонского иночества в один братский союз принадлежит исключительно вам... (Монастырь. 1909. № 7/8. С. 575).

⁴⁹ Надежда Эрастовна Успенская — супруга Ф. И. Успенского.

размена денег⁵⁰. Глаза монаха разгорелись. Он наскоро прекратил беседу и, мигнув мне, пожелал мне перед остальными «покойной ночи». Между тем принесли бокал-стакан такого вина, какого я, признаться, и не пивал никогда. Нечаянно для о. Галактиона вошедшему Антонину Викторовичу пришлось также предложить такую же чашу, и, правду сказать, мы оба выпили эти чаши с отличным удовольствием. За этой беседой я поделился с Антонином Викторовичем впечатлениями дня и условился в действиях на завтра. Сегодня — отвратительная погода, грязь — из рук вон; нога раза 3—4 болела очень сильно.

6 июня, вторник

Утром узнал от прислуживающего нам отца Алексея, что отец Галактион угостил нас вчера сантуринским вином. Спал я — как убитый, вполне крепко и здорово до 6 часов утра. В 7 часов последовала беседа с настоятелем подворья о размене золота для платежей на Афоне. Такой размен обещали сделать сегодня к трем часам.

После этого разговора я поехал на пароходе (8.40 утра) в Буюк-дере. Стар ли я становлюсь или другое что, но только ни чудесная погода, ни чудесные панорамы Босфора не произвели на меня решительно никакого впечатления. В посольстве сказали, что посол до крайности занят в какой-то комиссии. Первый секретарь господин Нелидов⁵¹ вполне напомнил мне одно из тех многих лиц, которые я видел при Дворе. На лице написано все: участие, внимание, готовность и обязанность услужить — но, но, но, и так далее. Господин Нелидов не постыдился сказать мне, что посольство никогда не сносилось с афонскими монастырями и действует на них через Патриарха, что крайне затруднительно решить вопрос: на каком языке и в какой форме обратиться Послу к настоятелям Лавры и Ивера, что даже трудно узнать, кто именно там теперь настоятели. Господин Нелидов затем скроил любезную физиономию и сказал, что он почтет долгом постараться успеть (?) уведомить меня еще до отъезда (!) о том, как отнесется господин посол к его усиленному ходатайству о моем желании...

⁵⁰ О. Галактион был, по-видимому, опытным гостинником и провожатым паломников по Константинополю. Когда владыка Арсений (Стадницкий) с группой профессоров и студентов Московской Духовной академии посещал Афон в 1900, именно о. Галактион был их «экскурсоводом» по памятникам Царьграда.

⁵¹ Имеется в виду не предыдущий российский посол в Константинополе — весьма известный и авторитетный Александр Иванович Нелидов, а его сын Юрий Александрович (род. в 1874).

Я, конечно, сдержался, но сказал, что в кои-то веки собравшейся экспедиции не стоит ехать в такую даль и в такое беспокойное время, чтобы встретить всюду полное безучастие, невнимание, запертые двери и всевозможные извинения в делаемых греками умышленных утеснениях, что мне решительно все равно, в какой форме обратится посол, на каком языке, — хотя бы с надписью на визитной карточке, — лишь бы только отворились двери библиотек и не пришлось ночевать в клоповниках и тому подобное. В ответ на это — странные речи: ах, как наш господин посол занят! Этот нескончаемый Македонский вопрос!⁵² Эта вековая непримиримость славян к грекам, где любому дипломату трудно добраться до правды и сути дела в каждом столкновении! Может быть, вы слышали, спросил меня Нелидов, как в последнее время усилились на Афоне разбои? Советую вам и всем членам экспедиции запастись браунингами! И так далее, и так далее.

После такой беседы я завтракал у Надежды Эрастовны Успенской, накормившей меня очень хорошо, и сейчас же уехал в Константинополь. Дома оказались новые осложнения: приходит монашек и говорит, что он смертельно измаялся, хлопоча нам обоим о каких-то дополнительных для нас консульских паспортах, надобных нам по случаю нашего отправления не на русском, а на греческом пароходе: «Вам придется заплатить обоим более 25 франков, в том числе и за больницу; я уже заплатил по одному меджидие за каждый из таких “чечкирек” (“течкерé”)». Я попросил монашка показать мне эти паспорта и был очень удивлен, услышав, что после недавнего покушения на жизнь султана строгости администрации ужасно усилились. Например, у нас на Афоне переписали всех монахов, послушников, отметив, у кого какая борода, усы, глаза, сколько кому лет, какого роста, где родился и прочее. «Вот тут, — прибавил монах, вручая мне бланки русского консульства (на французском языке), — все перечислено. У меня только явилось сомнение, как отметить, сколько лет вам и господину Преображенскому? Наугад я сказал турецким чиновникам-контролерам, что вам 40 лет, а господину Преображенскому — 48».

⁵² На древнюю историческую область Македония, входившую на протяжении веков в разные государственные образования, с конца XIX века предъявляли претензии Болгария, Греция и Сербия. Позиция Греции заключалась в том, что большая часть македонских славян, прежде всего те, которые остались под юрисдикцией Константинопольского патриархата, являются славянизированными греками. В 1906 область оставалась в составе Османской империи, но был учрежден пост генерального секретаря Македонии, заместителей которого назначали Россия и Австро-Венгрия.

Я изумился, услышав такие речи! «Как же вы, батюшка, — спрашиваю я, — говорите о “строгостях”, а сами, никогда меня не выдавши, отметили мои и Преображенского “особые приметы” и даже наши лета?» «Видите ли что, — возразил монах, — дело это простое: с обоих вас придется получить по 13—14 франков, кроме уже бывшего у меня расхода; контролеры нисколько не интересуются точностью “особых примет”, но усиленно глядят за взносом денег. Например, когда мы, монахи, ездим с Афона сюда или обратно, — мы всегда пользуемся такими паспортами друг у друга. Ну, к чему, скажите пожалуйста, кормить турецких чиновников? Монахи — бедняки, а приезжие иностранцы — всегда при деньгах!»

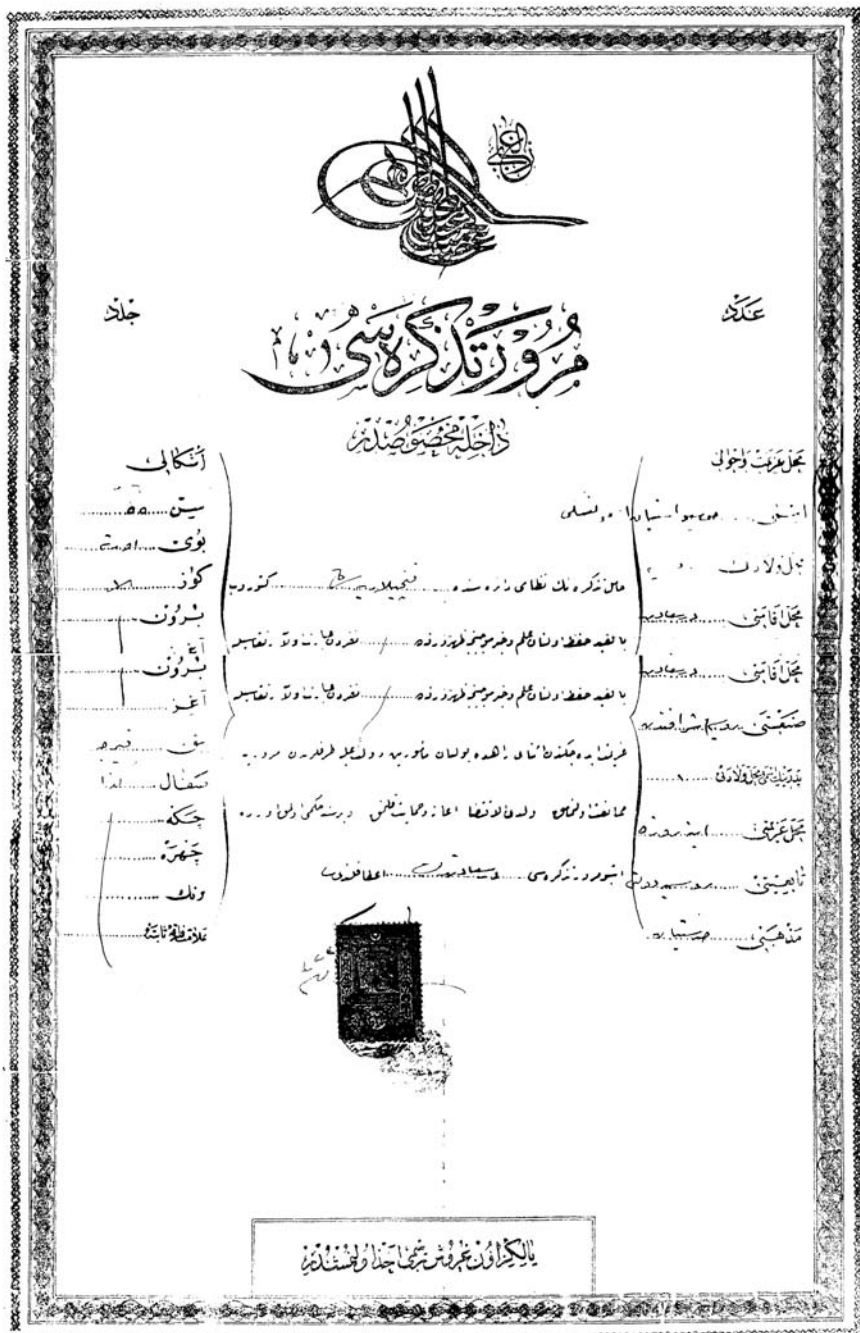
Пришедший в это время усталый Антонин Викторович был совершенно огорчен полной неудачей нынешнего утра. Оказалось, что внезапно Роману Христофоровичу Леперу понадобилось куда-то уйти, и он спросил монаха, дома ли я? Монах сказал, что я уехал куда-то. Тогда Лепер сказал, что он вернется домой к 11 часам утра. Монах переврал и сказал Антонину Викторовичу, что Лепер будет ждать его в Институте. Вышло в конце концов, что оба прождали друг друга. Но Антонин Викторович, потеряв время, упустил свидание с фотографом Клуге⁵³ (Археологический институт) и так и вернулся домой, условившись о времени свидания между 4 и 5 часами. Он так устал, что, легши на постель, тут же заснул, и мне было жалко будить его. Звон к вечерне (а колокол Андреевской церкви — окно в окно) разбудил его⁵⁴.

В 6 часов вечера принес любезный Христо Папаян письмо Патриарха и письмо Василиди в Лавру — на душе полегчало. Конечно, оба письма составлены в самых лестных выражениях.

Чего-чего не услышишь на чужой стороне. Несколько раз мой слух был изумлен звуками, как бы здоровеннейший бычище, или слон что ли, впал в жестокую истерику... Оказывается — новоизобретенные сирены вместо свистков у морских пароходов, — нечто еще более нелепое в музыкальном смысле, чем так называемые «ревуны» на волжских пароходах, — нечто подходящее тому козлогласованию, которым извещаются о пожаре жители Новгорода, прежде «Великого». Обедом угостил меня и Антонина Викторовича Федор Иванович Успенский, причем было много разговоров

⁵³ Художник Николай Карлович Клуге (1869—1947) проработал в Археологическом институте 16 лет; участвовал в археологических экспедициях, трудился над копированием мозаик и фресок Карие-Джами в Константинополе и проч.

⁵⁴ То есть церкви подворья Андреевского скита: в Константинополе подворья русских афонских монастырей и скитов располагались по соседству друг с другом.

«ушибенного содержания», ибо таков сам Успенский с его не идущим в ход здешним Археологическим Институтом. Возвратясь домой, мы к немалому удивлению нашли пакет из Посольства с письмами в Лавру и Ивер. Завтра переведем на греческий язык, как сейчас переводятся на русский язык письма Патриарха и Василиди. А на улице и вчера, и сегодня, несмотря на 11-ть ночи, хор кабацких завсегдатаев поет разухабистые куплеты из многих французских и немецких опереток, и поют по-гречески! Всякие «la, la, la» исполняются все сплошь под аккомпанемент гармоники!

7 июня

Все утро дома во всяких сборах и во всяких платежах по всяким поводам, действительным или вымышленным монахами Пантелеимонова подворья. В 12 часов дня вдруг неожиданно получил 7 пакетов из Посольства, означенных «очень нужное». Оказалось, что эти пакеты были давно получены здесь из Общества Любителей Древней Письменности и канцелярия Посольства не потрудились даже разослать лицам, живущим в Константинополе, например греческому Патриарху Иоакиму III, болгарскому Экзарху Иосифу I⁵⁵, профессору Федору Ивановичу Успенскому и прочим. К чему посольство продержало у себя эти пакеты, а тем более, к чему оно направило их ко мне, заведомо зная даже о часе моего отъезда, — объяснить себе не умею. Немало также хлопот представилось по поводу перевозки на пароходе нашего багажа и особенно вновь купленных фотографических принадлежностей. Оказывается, что Турция не верит никому ни в чем и учредила у себя даже и внутренние таможи. Например, чтобы выбраться из Константинополя хотя бы в турецкие же владения, то есть на Афон, надо испытать таможенный осмотр и в Константинополе, и на Афоне. Понятно, что такие ненадобности и пошлости только увеличивают число законных предлогов к устройству наружного соблюдения всяких форм, а магический «бакшиш» устраивает более дорогие удовлетворения желаемого за счет желающих. Так получилось и с нами. Кто-то «Афанасий» слетал к какому-то «Феодосию», чтобы тот умаслил какого-то турецкого досмотрщика... затем более чем малые, но много-

⁵⁵ Главой Болгарской Православной церкви в этот период был, как уже упоминалось, экзарх Иосиф I (Иовчев; 1840—1915), митрополит Ловчанский. С 1872 Болгарская церковь возглавлялась Св. Синодом, пользовавшимся самоуправлением под именем экзархата. Греческий Константинопольский патриархат не признавал этой независимости и считал болгар «схизматиками». Болгарский экзарх выбирался пожизненно из болгарских митрополитов.

численные подачки устроили все без всяких ревизий и без всяких потерь времени. Впрочем, не то ли же самое у нас в России? На пароходе я познакомился с двумя настоятелями «келлий» — отцом Петром и отцом Пантелеимоном — люди очевидно умные, простые, но глубочайше необразованные и заскорузлые (особенно второй) в своем монашестве⁵⁶. Я говорил

⁵⁶ Как следует из дальнейших записей, встреченный Смоленским о. Петр был настоятелем келлии св. Николая (в просторечии «Белозерка»), а о. Пантелеимон — Крестовоздвиженских келлий близ греческого монастыря Каракалл. Смоленский глубоко заблуждался, подозревая их в «необразованности» и «заскорузлости»; по отношению к о. Петру он и сам в этом вскоре убедился, посетив «Белозерку».

Келлия св. Николая Чудотворца, расположенная в четверти часа ходьбы от Кареи, неподалеку от Ильинского скита, принадлежала к греческому монастырю Есфигмен. В конце XIX века в ней поселился русский иеросхимонах Антоний с благословения игумена Пантелеимона Макария (Сушкина) и духовника Иеронима (Соломенцева). С о. Антонием был его 12-летний сын Петр, который впоследствии и стал настоятелем келлии. В этот период там насчитывалось около полусотни иноков. Отцу настоятелю в 1906 было 39 лет. Он получил греческое духовное образование.

По предложению Есфигменского греческого монастыря келлия несколько лет тому назад желала преобразоваться в русский скит, но недовольство прочих греков увеличением на Афоне русских иноков помешало этому делу. Нынешний, по счету пятый, русский настоятель о. Петр был рукоположен во иеромонахи Вселенским Патриархом Иоакимом III, в бытность его на Афоне. Патриарх всегда был расположен к о. Петру, отлично владеющему греческим языком, и не раз совершал в его обители церковные службы (Спутник русского паломника по Св. Горе Афону. М., 1905. С. 57).

В дальнейшем изложении Дневника Смоленский возвращается к слышанным им неприятным разговорам об о. Петре, в связи с его высокими покровителями в Петербурге и умением добывать в России большие средства для своей келлии (то же самое можно прочесть и в упомянутой выше работе А. А. Дмитриевского «Русские на Афоне»). Между тем келлия св. Николая была одна из самых известных на Афоне, представляя собой целый монастырь; естественно, что для ее содержания требовались немалые средства.

Как пишет в журнале «Монастырь» «поклонник А. Литвинов»,

Прибыв на Афон со своим отцом 12-ти лет от роду, он с замечательной точностью усвоил себе идею монашества и, следуя заветам такового, чувствует себя в монашестве очень счастливым. О. Петр представляет собою тип современного монашества (Монастырь. 1909. № 9/10).

Основание келлии Воздвижения Креста Господня относится к X веку, в 1840 келлия стала скитом, но затем снова приняла свой прежний статус. В 1894 ее возглавил иеросхимонах Пантелеимон (в миру Петр Иванович Важенко, уроженец Курской губернии), прибывший на Афон в 1878. О. Пантелеимон в 1900 создал подворье своей келлии в Константинополе, а в 1903 приобрел в 8 верстах от Иерусалима Фаранскую обитель преподобного Харитона Исповедника и населил ее русским братством из 7 человек. Русские афонцы из этой келлии занимались и возрождением монастыря св. Пророка Ильи в Бейруте. Крестовоздвиженская келлия

с ними довольно много об Афоне, более с простым отцом Петром. Антонин Викторович говорил много с иезуитом-ксендзом из Кракова, также едущим на Афон⁵⁷.

Общее впечатление от Мраморного моря — полнейшее к нему равнодушие. Погода тихая, теплая, небо облачное. Посещение древностей

имела подворья в Бейруте и в Иерусалиме. Афонское братство этой келлии составляли 55 иноков.

Как говорится в путеводителях, стараниями о. Пантелеимона обитель за короткое время приобрела совсем другой вид. Были расширены старые и возведены новые постройки для помещения братьев и для хозяйственных служб.

Как раз весной 1906 решался сложный спор между Протатом и настоятелем Крестовоздвиженской келлии: Протат и Константинопольская патриархия обвиняли русского настоятеля в неподчинении «головному монастырю» Каракаллу, а также в торговле святыней, в неконтролируемых расходах и проч. По сообщению журнала «Монастырь» (№ 2 за 1908), газета «Русская речь» в номере от 3 сентября 1906 успела дать сообщение, что афонский иеромонах Пантелеимон будто бы лишен сана за за «неоднократное возбуждение ссор на Афоне». Однако до этого дело не дошло.

На обороте предшествующего листа в автографе зафиксировано еще несколько имен афонских иноков, рекомендованных Смоленскому во время бесед с настоятелями как «певцы-писцы»: о. Виссарион и о. Гервасий, «живут у Благовещения возле Кареи».

Благовещенская келлия (относившаяся к греческому монастырю Пантократор) была построена русским иеросхимонахом Ионой в 1846. В XIX веке там пребывало братство, возглавляемое схимонахом Парфением (Петр Константинович Гвоздев, уроженец Петербурга, постриженник Сергиевой пустыни). Келлия была известна своим книгоиздательством и благотворительностью, а также самым строгим на Афоне уставом. Настоятелем в 1906 был о. Пантелеимон, братии — 12 человек.

В «Спутнике русского паломника по Св. Горе Афону» (М., 1905) А. А. Павловский отметил особо:

В обители живут два замечательных инока — о. Виссарион и о. Гервасий. Замечательны они своей художественной работой, по славянской рукописи и нотного церковного пения. Из их работ имеются Восьмигласник — нотный церковный Иермологион, нотная Миняя двенадцатых праздников и нотная Литургия, составленная по древне-киевскому уставу.

Эти работы ведутся ими более 14 лет и оцениваются знатоками в несколько тысяч рублей. По красоте, изяществу и чистоте работы эти рукописи в несколько раз лучше, чем сохранившиеся греческие. Каждая заглавная буква представляет виньетку, над каждой новой главой есть начальная и заключительная виньетки, разнообразные по своей огромной фантазии и математически правильные, несмотря на то, что работы ведутся от руки. В их помещении находится небольшая, штук в 600, библиотека с несколькими старинными рукописями (С. 96).

К сожалению в Благовещенскую келлию экспедиция не попала.

⁵⁷ Имя этого иезуита появляется далее на страницах Дневника.

Константинополя на этот раз почему-то меня несколько не интересовало, так как все время ушло на утомительную бегодную и хлопоты ради получения надобных для Афона рекомендаций. Написано и оставлено для доставления большое письмо П. А. Лаврову и Николову, приезда которых на Афон нельзя ждать теперь ранее следующего четверга, то есть 15 июня. Признаться, меня начинает разбирать досада на Петра Алексеича, живущего и работающего только для себя, нас же совсем забывающего. Он даже не дал себе труда сообщить мне о себе, так что я даже и не знаю сейчас, где он и что он... Но я твердо решил парализовать его мысль о $\frac{1}{4}$ доли его денег из 3000 рублей, то есть вполне ему принадлежащих 750 рублям, которые он может истратить вполне по своему усмотрению и выбору. Еще в Петербурге ему было категорично в том отказано на первом же заседании 4 апреля и затем еще раз подтверждено, что наше дело общее и он приглашен ради именно этого общего дела как равный между нами соратник, а вовсе не как какой-либо эксперт, только уделяющий нам свою компетентность в области своей специальности. Такого эксперта нам не надо и не было надобно ни теперь, ни прежде. Я помню мои буквально точные выражения: русская наука для всех одна, и я умею уважать любую специальность, но предприятие наше есть «экспедиция», имеющая специальную цель, для достижения которой мы, все четверо, дали обет посильно и беззаветно трудиться; вся ваша работоспособность в этой экспедиции, конечно, принадлежит вам, и у членов «экспедиции» не явится и мысли сколько-нибудь стеснить вас в ваших специальных занятиях, — но цели «экспедиции» должны быть поставлены и вами для себя на самый первый план.

8 июня, четверг

Рано утром прибыли в Галлиполи и таким образом вступили в Геллеспонт; немного спустя — город Дарданеллы, где предлагались всякого рода гончарные изделия довольно грубой работы. Общие впечатления — пустынность Дарданелльского пролива, несколько генуэзских развалин, смехотворно-печальные турецкие броненосцы.

Отец Пантелеимон указал на едущего с нами грека-монаха из Каракала: «Это тот самый мерзавец, который собрал своей братии человек 100 с топорами, дубинами и пришел в мои келлии, чтобы решать давнишний судебный спор между нашими келлиями и монастырем Каракалом. Они (под Троицу) сначала послали к нам троих. Эти трое стали напевать: «мир вам и любовь на веки!». Мы угостили их чем Бог послал. Тем временем

подъехали остальные и начали в нас стрелять, кидать камнями, бить топорами, палками. Мы растерялись сначала. Потом же собрались с духом и крепко побили наших гостей-врагов. Долго будет помнить этот отец Матвей, как он поплатился за это посещение. Теперь, в мое отсутствие, они подговорили разбойников и те схватили недавно моего наместника Виссариона⁵⁸, связали его в лесу и требовали выкупа 500 турецких лир. Но дело обошлось проще: наместник поплатился только золотыми часами, да проночевал связанный и избитый в лесу».

Три часа пароходной езды вниз по течению надобно было, чтобы вступить в Архипелаг. Он принял нас сразу порядочной качкой, вскоре усилившейся. Едущий с нами («перший [первый] поляк на Афон») иезуит-священник, краковский публицист, отец Мартын Черминский⁵⁹

⁵⁸ Истории, подобные рассказанной о Пантелеимоном, случались в Воздвиженской келии неоднократно. П. Троицкий пишет:

В журнале «Сообщения Императорского Православного Палестинского общества» за 1906 год читаем о побоище, учиненном монахами Каракальского монастыря в русской Крестовоздвиженской келии в 1905 году под праздник Святой Троицы. Во время отсутствия настоятеля келии иеромонаха Пантелеимона, который был в отъезде в Константинополе, и наместника иеромонаха Виссариона, который был вызван к каймакаму (турецкому начальнику) в Карею, в келии неожиданно появились один из членов протата и антипросоп Каракальского монастыря. Пока их принимал кто-то из братьев, а дело происходило во время дневного отдыха, неожиданно появилась толпа каракальских монахов и рабочих монастыря, вооруженных топорами, мотыгами и ломом. Антипрос быстро выскочил к этому «войску» и занял пост «военачальника», раздавая приказы и руководя действиями «армии». Пришельцы начали крушить здания келии, разбивать окна, ломать стены. Все русские отдыхали перед праздником и, будучи разбужены непонятным шумом, сразу не могли понять, что происходит. Некоторые в страхе бежали в лес. Большая часть принялась оборонять келию. Одному русскому тут же была нанесена рана в голову, и он упал на землю без чувств. Но тут выскочили бодрствовавшие повара, вооруженные кочергами, и посеяли панику в рядах противника, греки замешкались и были изгнаны. Результаты побоища: 8 иноков были ранены и сильно избиты, на поле брани греки оставили трофеи: 5 топоров и 8 мотыг. «Целью нападения было изгнание русских монахов из келии, как это уже и было сделано каракальцами относительно других русских келий. Причина притеснения монахов келии Креста — неисполнение ими монастырского приказа ничего не строить. Русские всегда обращаются за разрешением, а те всегда говорят: подождите и потерпите» (Троицкий Павел. История русских обителей Афона в XIX—XX веках. М., 2009. С. 120).

⁵⁹ Среди документов поездки имеется визитная карточка этого лица: O. Marcin Czerminski, Societatis Jesu z Krakówa, ul. Kopernica, 26, а также его письмо к Смоленскому на польском языке от 13 апреля 1907 на бланке редакции «Миссий католических» в Кракове.

сразу оказался немощным, а я с Антонином Викторовичем оказались выносливыми и не испытали даже приступа морской болезни. Благодарный отец Петр угостил было меня ухой, но спасовал сам после первых ложек. Сегодня был чудесно-теплый, совсем нежаркий день, но весьма ветреный, причинявший сильную боковую качку. Вид приближающегося Афона — величественен, а поездка вдоль берега показала чудеснейшие и оригинальные виды, полные несравненной красоты.

Излишне говорить, с каким глубоким чувством я вступил на сушу Афона. Вода у парохода была очаровательнейше темно-голубого цвета. Нас встретили на пристани в Дафне, так как оказалось, что о нашем приезде была депеша, конечно, перевранная турецкими телеграфистами. Встретили те же лица, о которых читается в путеводителях, то есть встречающий отец Иуний, гостинники Андроник и главный (весьма сухой) отец Пимен⁶⁰. С последним беседа шла более часа, и так как уже наступило 10 часов, так как все почувствовали себя очень утомленными, то расстались с отцом гостинником и легли спать. Патер глубоко помолился в нашем присутствии, и лампа была потушена.

(Против моего рабочего стола преоригинальный портрет в гофмейстерском мундире, с массой звезд и еще бóльшую массу орденов, какого-то князя Е. Гедройца (будто бы товарищ министра внутренних дел), с такою подписью:

Пример терпения философии
Давал в пути отец Пансофии.

Кн. Е. Гедройц.

⁶⁰ Главный гостинник Пантелеимона — о. Пимен — был весьма заметной персоной в монастыре; как следует из дальнейшего, он занимался и литературной деятельностью. Известно, что о. Пимен в молодости закончил Афонскую школу, о которой говорится:

В настоящее время Афонская школа, конечно, имеет программу несколько уже программы сгоревшей школы [то есть первоначально основанной в XVIII веке Афонской академии], но тем не менее ее нельзя отнести к разряду элементарных школ, так как в ней преподаются почти те же науки, что и в наших духовных семинариях. Эта школа дала даже знаменитому Афонскому Руссику таких просвещенных деятелей, как: иеромонахи Агафодор (братский духовник), Григорий (антипросоп, или член протата), Серафим (настоятель Афонского подворья в Солуни), Пимен (гостинник) и др.

(Литвинов. Возражение автору критико-библиографической заметки о журнале «Монастырь», помещенной в 3 выпуске Сообщений ИППО за 1908 год // Монастырь. 1909. № 3. С. 243.)

О. Андроник сообщил мне: в этом толстом барине было 12 пудов весу. Его возили в Карею на двух быках, на оглоблях между которыми было приделано для пассажира кресло. «На поворотах нам уже очень смешно было! Искушение!»⁶¹)

⁶¹ Текст в скобках представляет собой запись на обороте л. 36.

Часть 3 — первый объезд монастырей

9 июня, пятница [Пантелеимон]

Был понемногу за обедней в трех церквях, так как встал в 6 часов. Поют — отвратительно по придворному распеву — небрежно, нестройно и совершенно неграмотно — какое-то козлогласование. Монахи — по-видимому, сплошь мужики, по крайней мере на $\frac{9}{10}$ — грубоваты и самозабвенны. Всех церквей будто бы до 20-ти и во всех идет служба ежедневная; идет служение и на греческом языке в одной церкви, так как еще не вывелись старые греки, которых здесь до 40—50 человек, которых смерти ждут, чтобы совсем обрусить монастырь¹.

Постигнул я, наконец, счет восточных часов, здесь употребительных. При заходе солнца считается здесь 12 часов и начало 1-го часа ночи. Поэтому, например, сегодня ранняя обедня кончилась в начале 12-го часа ночи, а поздняя началась в половине 12-го, то есть по европейски $7\frac{1}{2}$ часа утра; следовательно в 8 часов утра сегодня (9 июня) начнется 1-й час дня². Таким образом совпадает и в сущности правильно определяется конец

¹ В Пантелеимоновом монастыре основными храмами, кроме собора великомученика Пантелеимона, являлись церкви Покрова Пресвятой Богородицы с приделом св. Александра Невского и св. Митрофана Воронежского. В будни литургия обычно совершалась в Успенском храме (приделе главного собора), большую часть на греческом языке, но вечерня и утрени — всегда в соборах.

Всего церквей в Руссике было: в ограде монастыря — 18 (считая маленькие церкви внутри келейных корпусов — параклисы), вне ограды — 2 (кладбищенская и больничная), вне монастыря, но на монастырской земле — 14, а всего вместе с храмами скитов, метохов (хозяйственных хуторов) и подворий — 60.

О пении на Афоне, и в частности в Пантелеимоне, см. в *Афонской экспедиции*. Смоленский впоследствии изменил свое первоначальное мнение об этом пении.

² Смоленский, хотя и «постигнул счет часов» и даже начертил в Дневнике «афонские часы», но изложил сведения о времени служб в Пантелеимоне не совсем ясно.

В дни, когда положено было вседневное бдение, за два часа до заката совершалась вечерня, при закате — повечерие; после ночного отдыха в зимнее время в час ночи, а в летнее за час до полуночи ударяли в колокол к утрени; ранняя литургия (с часами) начиналась сразу после утрени (без расхода; в некоторых монастырях — с небольшим перерывом), а поздняя — через час. Обычно возглас «Слава показавшему нам свет» приходился на восход солнца.

В современной экспедиции путеводителем расписание служб дается следующим образом:

дня и начало ночи только в равноденствия, но разница между более или менее длинными днями и ночами не указывается этими часами. Таким образом теперь, в период солнцестояния, прибавляется к цифре европейского времени цифра 4, так как четверти часа, получасы всегда совпадают в обоих счетах. Эта прибавляемая цифра увеличивается к декабрю до 8-ми и даже до 9-ти, так как заход солнца бывает ранее. В дни равноденствий прибавляемое число равно 6-ти, так как солнце закатывается в 6 часов вечера (по европейскому времени), и этот момент есть начало 1-го часа ночи. По этому случаю в газетах турецких в Константинополе ежедневно печатается разница восхода, а главное, захода солнца между вчера и сегодня, почему муэдзины на минаретах также начинают молитвы в один и тот же момент во всех мечетях и мусульмане по их первому возгласу поверяют свои часы³.

Архимандрит Мисаил, настоятель Пантелеимоновского монастыря, производит сразу впечатление очень умного и простого человека⁴. Наше свидание продолжалось около получаса, разговоры были самые разнообразные. Но гораздо большее впечатление произвел чрезвычайно симпа-

Ежедневно начиная с полуночи заутреня, продолжающаяся не одинаковое время везде, но во всяком случае не менее 2½ часов. Кое-где служат без прерыва заутреню с литургией, в других местах дается небольшой отдых перед литургией. Часа за 3 до захода солнца начинается вечерня, 1—1½ часа. При заходе солнца небольшое повечерие. В предпраздничные церковные и воскресные дни служатся больши и малые всенощные. Кроме того, в некоторых больших обителях ежедневно ранние обеды. В других — ранняя обедня по праздникам и воскресениям (Спутник русского паломника по Св. Горе Афону. М., 1905. С. 167).

И там же указывается:

Церковный напев не всюду одинаков. В греческих монастырях и келлиях пение монотонное, заунвное, причем один поет, а другие ему однообразным тоном аккомпанируют. Верую и Отче наш не поют, а читают. Благодаря медлительности напева, в зависимости от солиста, службы у греков дольше, чем у русских. Славяне и молдаване подражают им в напеве, хотя богослужение происходит и на их языках (Там же. С. 168).

³ См. начерченную Смоленским схему на с. 249.

⁴ О настоятеле Пантелеимонова монастыря о. Мисаиле см. в *Афонской экспедиции*. В добавление можно процитировать свидетельство Бориса Зайцева, относящееся к 1927:

О. Мисаил держится с той глубоко русской, народной простотой и твердостью, которой чужда всякая рисовка. Одинаково уверенно и крепко служит он, и читает баритоном шестопсалмие, и дает целовать руку, и сам кладет земные поклоны, и слушает, как ему поют «Исполла эти деспота» (Зайцев Борис. Афон. М., 2007. С. 57—58).

тичный, но уже слабеющий силами о. Матфей, здешний библиотекарь. Он не получил систематического образования, но так многолетно и многоусердно работал самоучкою, что представляет собою действительное множество познаний всякого рода. Побеседовав с ним, мы отправились обедать. Всех нас было трое: настоятель — архимандрит Мисаил, благочинный Назарий и мы трое. После обеда наш патер уехал в горы. А мы отправились в библиотеку. Матфей-старец уже лет пять не был в ней, и потому нас сопровождал о. Иосиф, его помощник⁵. Нотных рукописей славянских не оказалось, греческих же оказалось несколько отрывочных страниц высокоинтересных. Поэтому мы осмотрели ряд очень хороших Евангелий со знаками для их распевного пения и решили снять их довольно большое число⁶.

Сегодня нас совсем закормили. Вечером была такая же обильная трапеза, как и утром, но я решительно отказался ужинать, ибо такое чревоугодие мне прямо непосильно. Письмо от Н. А. Невзоровой⁷.

⁵ См. в Приложениях статью А. А. Дмитриевского памяти о. Матфея. Он не выходил из кельи в течение долгого времени, так как боялся повторения тяжелого простудного заболевания.

О. Иосиф впоследствии стал главным библиотекарем. В 1927 его встретил в Пантелеимоне писатель Борис Зайцев. Он же описал облик библиотеки Пантелеимона:

Когда я выходил на балкон своей комнаты и монастырь св. Пантелеимона обступал меня корпусами и церквями, взор останавливался на плоской кровле двухэтажного здания прямо под ногами: кажется, с этого славного балкона, увитого виноградом, можно просто спрыгнуть вниз — только прыгать-то высоко.

Библиотека нашего монастыря большая, несколько десятков тысяч томов, сотни рукописей, книги с чудесными миниатюрами и т. п. Я любил бывать у гостеприимных и предупредительных о. Иосифа и о. В. Работать там не случилось: нужные книги присылали на дом. Но приятен был самый воздух библиотеки — безмолвие, свет, поскрипывание половиц, бесконечные в тишине книжные шкафы...

Монастырская библиотека несет еще иной оттенок — она продолжение храма. Храм, разумеется, выше, там торжественнее и важнее. В библиотеке возвышенность храма ослаблена за счет просто человеческого, но, с другой стороны, это и не «университетское» книгохранилище.

Если бы не стеснялся, я подолгу мог бы разгуливать в верхней зале библиотеки, дышать ее воздухом, рассматривать книги, радоваться тишине, может быть, и мечтать — в то время как внизу о. В. и его помощник о. Марк бесшумно и несуетливо составляют каталоги, клеют, режут и подбирают (Зайцев Борис. Афон. С. 173—174).

⁶ См. в дальнейших комментариях.

⁷ Надежда Александровна Невзорова (урожденная Владимирская) — подруга молодости Смоленского, дочь протоиерея А. П. Владимирского, профессора Казанского университета и Казанской Духовной академии.

Вот музыка, которую трижды сзывают в Пантелеимоновском монастыре монахов на службу после звона. Звон также оригинален: в колокол ударяют по 3 раза вместе, приемов в 10 сначала в средний, потом в меньший. Затем монах берет в левую руку «било», то есть деревянную доску аршина в 2 длиною, и, держа его за середину, выбивает на нем такой мотив:

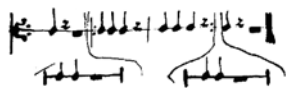
Этот мотив выколачивается по «билу» деревянным молоточком в третий раз. В первый раз мотив кончается нотою *фа* (№ 1), во второй раз — № 2, а после некоторого промежутка, с четвертой стороны храма, последняя (то есть № 3) повторяется вся сполна восьмитактовая композиция.

[Позднейшее добавление: Этот мотив, после объезда монастырей, оказался классическим, всюду употребительным, но введением в него некоторых разнообразий, некоторых вариаций некоторые обитатели проявляют значительную долю как бы самомнения, самохвальства. Монахи-виртуозы, выколачивая данные мотив на деревянном биле, пользуются как различными местами для удара, так и различными степенями силы удара, производя таким образом разнообразные эффекты даже в таком единообразии инструмента. В некоторых монастырях (Ивер, Зограф) бьют даже очень скоро, даже выделявая как бы вступление и заключение. Например, молоточек простукивает быстро от середины била к самому концу и обратно и т. п.]

Эта же вещь была слышана мною в субботу, перед малою вечерней исполненною на малых колоколах.

Вообще в Пантелеимоновском монастыре благовесты очень коротки. Например, вместо «Достойно» — и только, то есть сначала один удар, потом два удара в качестве введения в звон; потом по 3 удара несколько тактов (2, или 4, или 6) и, наконец, в качестве заключения опять 2 удара и

1 удар. Эта форма, как я наблюдал в Андреевском скиту и в Кутлумуше, как мне потом говорили, наблюдается одинаково на всем Афоне.

Здесь часы также музыкальные. Каждую четверть часа слышится:

10 июня [Пантелеимон]

Встал по обыкновению в 6 часов утра после крепкого сна. Погода теплая; сидели с открытыми окнами; ни о каких клопах или москитах, которыми нас так пугали, — разговору нет. Антонин Викторович ходил повидать своего товарища по академии Василия Васильевича Харитонова, ныне о. Феофана, и скоро вернулся⁸. Посылали к настоятелю келлии за позволением принять гостя, и свидание состоялось при старце... «Совсем младенец» — отозвался Антонин Викторович, скоро возвратившийся от свидания под контролем. Сегодня двутрапезный день (суббота, кроме нее вторник и четверг), и потому мы обедали в архондарике с заведующим канцелярией монастыря Анастасием (Модзалевским из Санкт-Петербурга)⁹, в 10½ часов утра... Я почти не мог есть так рано и мало ел,

⁸ Василий Васильевич Харитонов был однокурсником Преображенского и, так же как он, закончил Академию в 1894 со степенью кандидата богословия. В дальнейшем Харитонов остался там преподавателем, был пострижен в монашество, получил степень магистра богословия, позже служил в Вологодской Духовной семинарии, а далее, в 1901-м, уехал на Афон. О его дальнейшей судьбе см. в последнем разделе *Афонской экспедиции*. (См. также: Шкаровский М. В. Русские обители Афона и Эладская Церковь в XX веке. М., 2010. С. 53; Гарднер И. А. Афон. Саратов, 2011.)

⁹ На об. л. 121 автографа Дневника вклеена визитка:

Иеромонах Анастасий.

Св. Гора Афон. Русский св. великомученика Пантелеимона монастырь.

С *притиской Смоленского*: «дядя Бориса Львовича Модзалевского (Академия наук)».

Борис Львович Модзалевский (1874—1928), выпускник юридического факультета Петербургского университета — известный историк литературы и крупнейший пушкинист.

хотя мы уже наработались до того в библиотеке. После обеда нас сводили в склад монашеских черепов и бедровых костей, вырываемых здесь на хранение через три года после смерти покойника, или через четыре, или через шесть лет, если по вскрытии могилы окажется, что покойный еще не истлел. В собрании черепов на лбу каждого надпись имени покойного, его возраста, вступления в монастырь, дня кончины, профессии в миру и тому подобное. При следовании в это оригинальное собрание я очень больно оступился на сломанную ногу и очень того испугался, — но теперь, часа через четыре, боль утихла, и, вероятно, обойдется без лежания. В библиотеке сделали 21 снимок с Евангелий песнозначных, да с двух листков IX века знаменных (?). В Евангелиях были выбраны по возможности одинаковые тексты, дабы, сравнивая разновековые тексты (VIII—XII века), уследить развитие этой своеобразной нотации.

По приходе домой (часа в 3½) почувствовалось порядочное утомление, но мы улеглись отдохнуть, чтобы послушать хотя бы часть предстоящей «всенощной». Она начнется в 12 часов (то есть сейчас же после заката солнца) и кончится около 9½ часов (то есть около 5½ утра). Конечно, ни у меня, ни у Антонина Викторовича не хватит благочестия выстоять и половину такой службы, но все же — очень интересно услышать хоть главные моменты вечерни и хоть полиелей в здешнем исполнении.

Под вечер, благодаря смягчившемуся почему-то о. Пимену и участию о. Анастасия, устроилось участие в нашей экспедиции фотографа о. Гавриила, что, конечно, облегчает наши задачи¹⁰. Монахи вообще стали много разговорчивее, участливее, чем вчера. Мы уговорились, что он придет мною перед началом «Блажен муж» и (так как я интересовался исполнением греческого пения монастырского склада) рекомендовал мне достоять только до «Свете тихий». Я пришел в храм ровно в 9 часов (то есть по нашему времени) и ушел в 10¾. Из особенностей храма я заметил, что греческие подсвечники очень высоки и полны свечей не от богомольцев. Свечи не горят, но зажигаются по одной в кругу подсвечника, вместе с высокой центральной свечой, например, перед пением «Господи воззвах». Час и ¾ времени понадобилось здесь на то, чтобы пропеть нескончаемый «Блажен муж» по-гречески, довольно скорые стихиры по-русски (обычным распевом) и опять греческое носовое нитье стихир. По одному

Иеромонах Анастасий (Александр Николаевич Модзалевский) родился в 1849; известно, что впоследствии, в 1920-х, он принял на Афоне схиму.

¹⁰ См. письма о. Гавриила в дальнейших комментариях и в разделе *Письма афонских инок*.

протопсалту и по одному «исону» на правом и левом клиросах всего только и пело сего, несмотря на большой Афонский праздник завтра, совпадающий на этот раз с воскресением. Я не в силах разобраться в искусстве греческих протопсалтов, слышанном мною сегодня. Мой слух решительно отказался, при всем напряженнейшем внимании, уловить лады, в которых заливались оба старика, невыносимо гнусава, выделявая своими безголосицами такие фиоритуры, подчас полные рядами каких-то особенно фальшивых нот, каких-то особенно нескладных мелодических вывертов, производивших на меня впечатление прямо отрицательное. Протопсалты сидели гордо на своих первых стасидиях, расположенных на оригинально устроенных клиросах. План клиросов такой (*см. на с. 255*).

Меня поставили на почетную стасидию левого клироса, соответствующую настоятельской у правого клироса. Хотя настоятеля не было, за служением его в Покровской церкви, тем не менее два священника перед выходом для зажигания свеч перед пением «Господи воззвах» подошли к пустому месту и сделали земное метание, а потом начали зажигать свечи. Протопсалты в это время заливались на высоких нотах, выделявая весьма быстрые фиоритуры, полные какого-то особого старчески-безголосаго бессилия. Но позы их на своих стасидиях были весьма высокопарны и очень самоуверенны.

Но что меня восхитило и вчера, и в прошлые вечера, и сегодня — это здешнее чудное звездное небо, густо-темное, полное массой звезд, невидимых на нашем северном горизонте. Сегодня небо особенно ясно; Млечный Путь так горит массой света, что я сначала подумал, что лунный свет помогает этому блеску, — но оказалось потом, что луны нет и в помине в этот час. Падающие звезды оставляют здесь очевидный огненный след за собой, и на темном небе звезды мерцают сегодня как-то особенно приветливо.

11 июня, воскресенье [Пантелеимон]

После вчерашнего бдения оба мы проспали до 9 часов утра и явились к поздней обедне только к чтению Евангелия. Служил настоятель с 12-ю иеромонахами и 4-мя дьяконами. После обедни вместе с антидидором раздавали другой антидидор, пропитанный красным вином; я не заметил, чтобы на этот раз запивали антидидор чашкой холодной воды, как это обычно. После обедни — чай в архондарике и затем обед в столовой. Нас сажали везде на почетные места зачем-то. После архондарика настоятель отправился в Пантелеимоновский собор и оттуда при трезвоне, в архие-

купи, чтобы посетил хотя бы кафе предположен. «византизм»? Она кажется в 12ч. (т.е. в, сдвигая
 относительно запада солнца) и кончается около 9 1/2 ч. (т.е. около 5 1/2 ч. утра). Конечно, ни у меня, ни
 у Д.В. не хватило биологической выносливости и помысли такой длины, но все же — очень интересно изучать
 хотя бы шавиные моменты времени и хотя бы полемикой в эфире не совсем.

После визита, благодаря спонтанному посетителю о. Памелу (ак. 36 вынужден) и графиню о. Анжелику, устроившим
 графиню в нашей экспедиции фотографам о. Табалина, то, конечно, очень интересны наши записки. Многие
 вещи были очень много рассказывали, графиню, что мы видели. Мы уговорили, что они пришли на
 место перед началом, благодарим и благодарим как я ищущие и исполненные грехами и грехом и
 каталогизации (иногда) рекомендовали мне добраться только до «Восточной». Я пришел в храм св.
 во в. 9ч. (т.е. по нашим часам) и ушел в 10 3/4. Мы видели очень много и замечали, что грех
 тем же предвостановили очень много и помысли своей не от божице. Света не было, но зато
 была по одной в каждую погребенной, светил от высокой центральной свечи, напр. перед иконой
 «Господи помилуй». Все в 30 времени покармлились зрели на то, чтобы пропить некоем, был
 жемчужный по грехам, довольно скорый ступил по русским (были все росовые) и опыты
 грехом носовые иже ступил. По одному пропозителю и по одному, иже на правили
 а иже по кинороде все только и по сего, не смотря на давней «Афонский» про
 киль зазора, совпадения на этом сая с воскресением. Я не в сагах рассуждал
 в искусство грехам пропозителю, слишком много сего, мой ступил раше
 жно откатал, привелся калашниковым вниманием, уловил лад, в котором
 были оба этажа, невидимо шави, видя видя своим биологическим так же флюидом
 подкал помысли рядом как и то светом-фальшивым по, как и то особенно некая
 киль-калещки выверты, производившие на лед, вчерашние предло отпущен
 кое. Пропозителю иже того на свету (стали иже), расположились на ориентирован
 уютности кинороде. Каким кинороде такой:

Меня погубили на по
 кую статистику моего кинороде, со
 влывающую калашниковым у прав
 кинороде. Хотя калашников не было
 за кинороде в Потребном
 церкви, только не менее 2 ступ

рейской мантии и с архиерейским жезлом (хотя он только архимандрит) проследовал в трапезу, куда пригласили и нас. Трапеза — очень обширное здание, имеющее над входом колокольню. План ее таков: прямо против входа, вдоль трапезы, примерно на $\frac{2}{3}$ ее протяжения стоит стол для иеромонахов и за ним, на возвышении, круглый стол для настоятеля и почетных гостей (человек 5—6); с обеих сторон, за колоннами, стоят поперек столовой два ряда столов для остальных монахов. (см. на с. 257).

Кушанья (суп-борщ и жареная рыба) были уже поданы, когда все сели за стол. По звонку настоятеля (скрытому за фигурой вроде двуглавого орла в присутственных местах) начато чтение поучения по-русски, на тему «вера без дел мертва есть». (Этому чтецу настоятель при окончании обеда приготовил тарелку с отрезками от огромнейшей просфоры и, поставив на нее стакан вина, благословил чтеца.)

У каждого обедавшего были вилка, нож и ложка очень хорошие, но святые отцы часто пускали в ход руки вместо вилок и ножей. Перед каждым был также особый точеный станок деревянный для двух стаканов и для соли среди них, примерно такой:

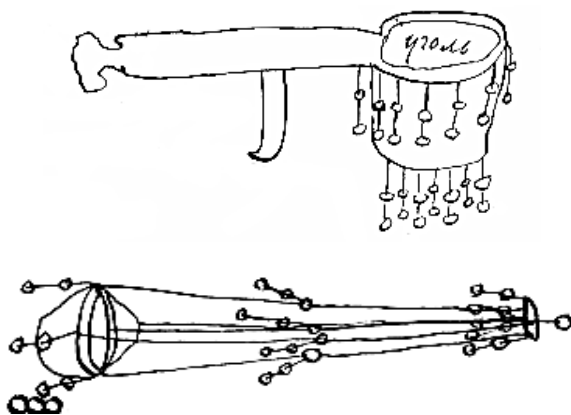

У каждого обедавшего была порядочная «красовуля» красного вина — стакана в два-три, бутылка уксуса, большие ломти белого и черного хлеба.

Трапеза проходила в полной тишине и безмолвии. После звонка подали блюдо, с которого настоятель положил сам всем у круглого стола по ложке сладкого, вроде кукурузы или гороха; это кушанье раздавали всем параэклисиархи¹¹ с блюд особыми ложками с черенками, я думаю, до $\frac{3}{4}$ аршина, очень удобными для того, чтобы дать кушанье близ сидящему монаху и сидящему против него через стол. Наконец, все встали по звонку и, помолившись, настоятель прошел к столу д (см. с. 257). Здесь был совершен впервые виденный мною Чин о Панагии. Чин этот состоял из чтения и пения чего-то минут на 10 и затем благословения четырех курильниц с ладаном. Четыре параэклисиарха надели пелены на правые плечи и, предшествуемые блюдом с белым хлебом, обошли всю столо-

¹¹ Параэклисиарх — церковнослужитель, который готовит воду, вино, просфоры, по благословию настоятеля звонит в колокола, возжигает свечи, во время богослужения подает кадило, выходит со свечой на входе.

вую. Каждый взял немножко хлеба, отщипнув его рукой и подержав над кадильным дымом¹².

Дневник, л. 40 об.

¹² Наконец, по удару того же колокольчика, вся масса инок покорно поднялась для участия в так называемом «Чине Панагии». Это — древнейший православный обряд, в давние времена соблюдавшийся и в монастырях России, но впоследствии почему-то забытый. Сохранился он на Афоне, пройдя через века до наших дней без всяких изменений. Это особое краткое богослужение, совершаемое над лежащею на блюде обыкновенною просфорой, при всеобщем пении «Достойно есть» и колебании над нею воздуха несколькими старшими иеромонахами... Напева «Достойно есть», подобного тому, какой пришлось слышать при «Панагии» в св. Пантелеимоновом монастыре, — я тоже не слышал ранее нигде. И, слушая его впервые, был я до глубины души восхищен и поражен торжественностью и своеобразною красотой этого песнопения. И опять я узнал об афонской же его самобытности: создали это «Достойно» сами афонские иноки, ушедшие от мира к подножию св. Горы и давно не имевшие ничего общего со светскими песнями и звуками... И мне стало понятным, что только здесь и могут рождаться такие напевы, ибо ни один, даже самый лучший духовный композитор, не сможет создать того, что постепенно создавали какие-нибудь безвестные и смиренные певуны-иноки, долгие годы не слышавшие ничего, кроме того же церковного пения, чередовавшегося с колокольным звоном или шумом моря.

Пение «Достойно есть» при обряде «Панагии» продолжается достаточно долго, значительно дольше того, как иеромонахи, колеблющие над просфорой воздух, закончат свое священнодействие. Не прекращается пение и тогда, когда после окончания освящения просфоры она разламывается на части особыми дежурными экклесиархами, а затем — в сопровождении дяконов со звенящими кадильницами — разносится на блюде по рядам всей братии. Каждый инок тогда, отделив от просфоры-панагии совсем незначительную частицу, благоговейно ее съедает, предварительно подержав ее над курящейся кадильницей, несомой другим экклесиархом... Таков этот строго иноческий и древний обряд старого Афона (Маевский В. А. Афон и его судьба. С. 28).

(Эти кадилницы несколько напоминают употребительные у беспоповцев. Они также снабжены множеством побрякушек, как и обыкновенные кадила, но устроены для ручного употребления с помощью повертывания их кистью руки направо и налево. К такой кадилнице приделана длинная серебряная широкая ручка, помещающаяся поверх руки почти до локтя кадящего. Внизу этой ручки есть твердый упор, за который кадящий держит рукою и вертит кадилницей, качая ее в обе стороны. Побрякушек здесь много, но кажется меньше, чем на обыкновенном кадиле, хотя и бряцают они очень громко. За литургией с таким кадиллом обходит дьякон всю церковь и каждого богомольца, бряцая во всю мочь. Нечто подобное бубенчикам у нас — пуговицы у архиерейского облачения.)

Вкусив такого обкуренного хлеба, настоятель отправился далее и встал у выхода. Тут начали выходить все обедавшие, творя метания настоятелю и получая благословение.

(Во время этого выхода из трапезы три монаха, то есть трапезарь, повар и чтец, лежали ничком все время против настоятеля. Последний оглядывал всех трапезовавших и все время держал неподвижно благословляющую руку. Мне объяснили, что в старину к трем монахам прибавлялись и еще все те, которые в чем-либо провинились, например разбили чашку, сломали деревянную ложку. Тогда остатки клались им, «преклоншимся», на спину для сведения всем. Так же становились и провинившиеся в каком-либо «послушании» и потому оставленные настоятелем либо без обеда, либо на «голодном столе». Вот и зерно «Бурсы»!)

Затем прошли обратно в собор Пантелеимона, где меня поместили в ту же самую левую стасидию, в которой я был вчера за всеошной. Отслужили литию, разоблачился настоятель от мантии и посоха и разошлись по домам. Во все время литии перед открытыми Царскими дверями широко качалась люстра с зажженными свечами. Я забыл, что это означает, хотя мне это и объяснил любезный о. Анастасий¹³.

После обеда писаны письма Анюте и С. Д. Шереметеву, сборы в Карею, Кутлумуш и Андреевский скит. Вечером разговоры многие с о. Пименом (который стал еще мягче) и о. Анастасием о разных материях. Знаком-

¹³ Когда совсем стемнело, церковь начала освещаться в разных местах и на разных высотах лампадами и свечами. К пению стихир был зажжен и *хор*, которому дано было при этом круговое движение или вернее медленное поступание вперед и назад, — это «ликование света», столько утешающее афонцев напоминанием им о светлом лике ангельском... (Архимандрит Антонин (Капустин). Заметки поклонника Святой Горы. Киев, 1864. С. 32).

ство и начало работы Антонина Викторовича с фотографом о. Гавриилом. Чтение 2-го путешествия В. Барского¹⁴. Вечером, через о. Пимена переданы на хранение о. Архимандриту Мисаилу деньги.

Остальное время было проведено в беседах всякого сорта.

12 июня [Каряя, Андреевский скит]

Утром в 7½ часов мы двинулись на мулах в Карею. Наш караван состоял из четырех мулов. Всю дорогу шел шагом проводник Алексей (болгарин), ведя за повод первого мула с багажом; затем следовал я, трепетавший от непривычной езды и постоянного качания корпусом, более же всего от постоянной боязни удариться большой ногой о скалу или от боязни упасть с мула, вследствие его испуганного прыжка в сторону... Затем следовал А. В. Преображенский и наконец о. Гавриил. Езда до Кареи продолжалась 2½ часа по самой дикой местности и по самой невозможнейшей дороге. Видно было, что святые отцы за тысячеletнюю дорогу и не подумали хоть сколько-нибудь устроить эту ужасную по буеракам путину. Только в трех-четырёх местах я заметил наипрimitивнейшее ограждение пути от опасности свалиться в пропасть даже мулам. Мулы — очень умны, вступают ногой осторожно и уверенно в такой степени, что сегодня, например, подо мною мул не оступился и не поскользнулся ни разу.

(Афонские мулы снабжены колокольцами весьма остроумного устройства. Колокольцы эти двойные, то есть вместо языка у большего колокола болтается колоколец же. Внешний облик колокольцев напоминает швейцарские, но объемом они гораздо больше, до 4-х вершков, и тон имеют низкий, очевидно подстроенный, так как звучат согласно. При звоне многих таких колокольцев, например в караване или на пастьбе, такой звон как будто бы дает музыку. По крайней мере я уже несколько раз внезапно был удивлен как бы аккордовыми сочетаниями, и оказывалось, что неподалеку было стадо мулов.)

Излишне говорить, сколько живописнейших картин представилось по дороге. В огромном подъеме от Руссика море показывалось постоянно то с той, то с другой стороны. В не менее огромном спуске к Андреев-

¹⁴ Имеется в виду книга «Второе посещение Святой Афонской горы Василия Григоровича Барского, им самим описанное» (СПб., 1887; впервые записки Григоровича-Барского были изданы в 1788). Он посещал Афон в 1725 и в 1744—1745.

скому скиту постоянно показывалось другое, восточное от Афона, море и постоянно же виднелся величавый пик Афонской горы. Эти виды, эти моря голубой воды, эти зеленеющие дикие пропасти с массой всяких скитов и келлий надо видеть самому, чтобы почувствовать эту красоту и величие Афонской природы.

Перед въездом в Карею, в 10—15 минутах от нее, стоит величественный Андреевский скит. Оказывается, что здесь уже предупредили о нашем прибытии, и мы были приглашены прямо в архондарик, где застали пресимпатичного архимандрита Иосифа (очень напомнившего мне архимандрита в Корзухинской картине «Монастырская гостиница») ¹⁵.

¹⁵ Алексей Иванович Корзухин (1835—1894) — русский художник-«передвижник». Точное название его картины — «В монастырской гостинице» (1879—1882, ГТГ).

Настоятель Андреевского скита архимандрит Иосиф (в миру Иван Иванович Беляев, из купцов Угличского уезда) принял монашество на Афоне в 1867, иеромонах с 1881, с 1890 настоятель Петербургского подворья, с декабря 1891 настоятель Андреевского скита; скончался в июне 1908.

Когда он вступил в обязанности настоятеля обители, скит еще не был устроен, и вся честь и слава нынешнего благосостояния обители всецело принадлежит ему, по его истинно изумительным заслугам (Павловский А. А. С. 32);

От природы ласковый, деликатный, с сердцем, отзывчивым на все доброе, о. архимандрит Иосиф и на высоте своего служения, как и в минувшие — молодые годы, всегда располагал к себе всех, кого жизнь ставила не только в постоянные прочные отношения к нему, но даже и при случайных соприкосновениях.

(Десятилетие настоятельства в Русском на Афоне Св.-Андреевском Ските о. архимандрита Иосифа // Наставления и утешения святой веры христианской. 1902. № 2. С. 174—182. Кстати, этот выпускавшийся Андреевским скитом журнал тоже основан о. Иосифом.)

При архимандрите Иосифе был достроен и освящен (16 июня 1900) величественный (вмещающий около 5000 человек) храм св. Андрея Первозванного, заложный в 1849 при главном ктиторе скита Андрее Николаевиче Муравьеве:

Храм св. Андрея Первозванного есть лучшее здание не только на Афоне, но и превосходит многие храмы России по своей величине и красоте... Постройки скита, где о. Иосиф и сам работал, подавая пример братии, представляют собой известную художественную гармоничность (Павловский А. А. С. 32).

Скит имел подворья в Петербурге, Одессе, Константинополе, Салониках и в Дафне.

В сборнике «Забывшие страницы русского имяславия» (Сб. документов и публикаций по афонским событиям 1910—1913 годов... М., 2001) опубликованы «Краткие описания биографии меня недостойного епископа Петра Ладыгина», из которых следует, что Потапий Ладыгин, постриженник Андреевского скита с именем Питирим, с 1904 являлся экономом обители. В своих воспоминаниях он, в частности, пишет об этом времени:

Конечно — немедленный глико, чай и тому подобное. За первую беседу было решено, что мы отправимся сейчас же в Протат; тем временем будет готов обед и мы, покончив с Протатом, вернемся в Андреевский скит и будем в библиотеке.

Здесьние дороги столь невозможны, что я не рискнул с больной ногой идти под гору в Протат, хотя это и очень недалеко. Таким образом, я опять взмогился на мула. Я забыл сказать, что на Афоне, для того чтобы сесть на мула, выстраиваются повсюду особые стенки с лесенками. С этих стенок, равно и со ступенек всякого роста, всадник может очень удобно сесть на мула всякого роста. При въезде в Карею мы все слезли с мулов, по традиции Кареи, где не допускается уличная езда, а только ходьба пешком. Мы зашли прежде всего в «конак»¹⁶ Пантелеимоновского монастыря и, побыв там немного (то есть выпив опять глико и «черепúшечку» чайку), отправились в Протат. Улица до конака и Протата — вполне восточного характера и почему-то показалась мне очень похожей на улицу в Бахчисарае. Разве только здесь нет той грязи и здесь лучше плитные мостовые. Лавки, лавки, лавки...

Только в одной, кажется, Карее и можно найти такие оригинальные вывески, какие поразили меня и моих спутников. Например: «Торговля железным и бакалейным товаром купца иеродьякона Ионы», или «Часовой мастер монах Иеремия», или «Портной и торговец материями иеро-

У нас в обители уже было 650 человек своей братии и поклонники приезжающие, и пустыnnики, приходящие из пустыни в обитель, и всех кормят. В будни готовят на 1000 человек, а в воскресенье и праздничные дни на 1500 человек. А на праздники Божией Матери, на апостола Андрея, на преподобного Антония Великого приходили из монастырей, пустыnnики и поклонники и всего собиралось до 5000 человек. Кормили всех, а пустыnnичкам давали домой сухарей, крупы разной и каждому по одной рыбе (С. 429).

В дальнейшем, во время Первой мировой войны и революции, о. Питирим, настоятель Одесского подворья скита, вел себя героически, помогая русским пленным, находившимся в Турции, вернуться в Россию и сам вернувшись туда в разгар Гражданской войны. В 1925 он был хиротонисан во епископа Уфимского и Нижегородского; в 1926 арестован и вскоре освобожден, в 1928 принял схиму с именем Петр и скрывался, но вскоре опять попал под арест (до 1933); в 1943 выехал в Среднюю Азию и жил там в горах до 1949, затем скрывался в Белоруссии и на Кубани, после 1951 был заключен под домашний арест в городе Глазове, где скончался в 1957. При всех обстоятельствах жил по афонскому уставу, исполняя огромное келейное правило (см. Троицкий П. История русских обителей... С. 107—108).

¹⁶ Конак — по-турецки «гостиница», «странноприимный дом». Афонские монастыри имели свои конаки (подворья) в Карее как столице Афона.

монах Павва» и тому подобное. Я узнал только в Карее, что монахи удивительно точны в знании цен золотых сплавов, употребительных в монетах разных стран, и еще более удивительно сведущи в соотношениях текущих курсов монет из разных стран. Суждения этих менял, конечно, при этом всегда не в пользу покупателя, но одинаковая по ценности турецкая лира или золотые итальянские, французские [монеты] оказывались здесь разноценными именно по % золота и лигатуры в монете.

Протат помещается на задворках около древнейшего собора и двух очень старых башен (пйргов). В одной из башен — библиотека Протата. В сенях Протата нас встретили несколько великолепно одетых албанцев-телохранителей. В их живописных костюмах с белыми юбками я заметил новую подробность: у некоторых были на носках башмаков шерстяные распушенные черные кисти, величиною с доброе яблоко, самого крупного сорта. За поясом у каждого по арсеналу кинжалов и пистолетов; на груди и на спине между массою всякого золотого шитья — множество серебряных цепочек; лица бравые, довольно свирепые.

В Протате, то есть узкой комнате, около 3 x 5 сажен, прямо против входа (бокового) стояло высокое кресло Председателя Протата — весьма преклонного старца. Рядом с ним — небольшой стол секретаря и кругом комнаты — восточный диван; в середине небольшой стол для приложения печати текущей очередной сессии Протата¹⁷. После представления — в третий раз (на продлении едва ли получаса) — глико и затем кофе. Оказалось, что «Письмо Протата к 20-ти монастырям святой Афонской Горы» было уже готово. При мне состоялось и приложение оригинальной печати. Она — составная, и Протату принадлежит только ручка

¹⁷ Более чем полувеком ранее Протат описывал Святогорец (схимонах Серафим Веснин):

Протат, или просто присутственная комната, в чисто азиатском вкусе. Стены и потолок грубо окрашены, ни одной картины по стенам, только на восточной висит небольшая икона и среди потолка начертаны литеры ИС ХС.

С трех сторон близ самых стен расположены богатые диваны под красным сукном и разложены по ним цветные подушки, на полу развита циновка изящной работы, а среди комнаты поставлен огромный медный мангал (жаровник), с потухшими уже угольями, некогда теплившими воздух Протата. Западная часть присутствия отделена легкою решеткою. В юго-западном углу комнаты, тоже за решеткою, письменный столик секретаря. <...> Первые места в Синоде пред мангалом занимают игумены, а случае отсутствия их — проэстосы, или старшины, монахи Лавры, Ватопеда, Ивера и Хилендара, остальные шестнадцать мест остаются для старцев прочих монастырей.

печати. Каждый «антипросоп», или «эпистат»¹⁸ вынул из портмоне свою четвертинку, секретарь сложил их вместе, ввинтил в ручку Протата и получившуюся таким образом целую печать приложил к рекомендации, выданной нам для входа во все монастыри и их библиотеки. (Эту печать можно видеть в «Переписке», где на л. 84 оставлена на память бумага из Протата¹⁹.) Но вскоре, когда перед уходом из Протата зашел разговор о посещении его библиотеки, я услышал, что вследствие землетрясения, бывшего недавно (? — то есть ноябрь 1905²⁰), библиотеку еще не успели привести в порядок, что рукописи спрятаны в мешках (?) и переносятся в новую башню из другой, пострадавшей от землетрясения; что Протат просит нас прибыть в Карею как-либо еще раз, когда разборка рукописей кончится, и тому подобное. То есть — старые погудки, даже и не на новый лад. Зато на нашу просьбу о Кутлумуше мы получили приглашение прибыть в библиотеку завтра в 7 часов утра.

Вернувшись в Андреевский скит, мы нашли сразу великолепную рукопись № 18, XI—XII века и затем листки с паремиями для чтения нараспев. Это была совершенная неожиданность²¹.

¹⁸ Антипросоп — представитель в Протате каждого из 20-ти основных афонских монастырей; избирается сроком на один год.

Эпистат — буквально «надзиратель». Священная Эпистасия собирается с начала июля по конец мая следующего года из представителей ежегодно сменяющих друг друга пяти монастырских групп — четвериц (по четыре монастыря в каждой). Первый («прот») член четверицы имеет титул протэпистата (первого надзирателя). Он председательствует в Эпистасии, и ему вручается жезл прота.

¹⁹ См. на с. 264.

²⁰ Небывало сильное землетрясение на Афоне произошло в полночь 27 октября 1905; более всех пострадали от него Ивер, Костамонит, Лавра, некоторые скиты. Были разрушено множество построек, оторвавшиеся куски скал, падая, разбивали дороги, сносили целые участки лесов и садов, однако человеческих жертв не было.

²¹ Неожиданность, вероятно, состояла в том, что Андреевский скит, а следовательно и его библиотека, к этому времени существовали всего лишь около полувека (скит был куплен русскими иноками в развалинах в 1840-х и начал возобновляться и отстраиваться с 1849). Однако благодаря большим средствам, жертвваемым на скит, усилиям настоятелей, братии и, в частности, благодаря очень просвещенному библиотекарю в предыдущем периоде (с 1884 — схиархимандрит Иларион, в прошлом архимандрит Иосиф (Иосиф Степанович Левицкий; ок. 1831—1891), синодальный ризничий и настоятель Высокопетровского монастыря в Москве) скит к началу XX века располагал великолепными собраниями иконописи, прикладного искусства, рукописей и проч.

Кондаков, например, замечает:

Что же касается Андреевского скита, то, несмотря на его новое происхождение, усилия двух лиц: его основателя Андрея Николаевича Муравьева

В Андреевском ските найдена рукопись: «№ 18. Нотная Богослужбная книга Греческой рукописи XI века, Дамаскина, переплетена, без

и долго жившего в нем П. И. Севастьянова сосредоточили в нем замечательный подбор древних икон XIV—XVI столетий: греческих, греко-славянских и русских (С. 19).

П. Соколов на страницах «Московских ведомостей» пишет:

Духовник монастыря был памятен мне с 1882 года... в этот год я был студентом МДА и писал сочинение на степень кандидата. Нужно было за некоторыми рукописями обратиться в Синодальную библиотеку, хранителем которой состоял в то время теперешний афонский схимник-духовник [архимандрит Иларион]: готовность о. архимандрита быть в чем только можно полезным положила начало нашему знакомству. Едва только узнал он о моем прибытии в скит, тотчас пришел ко мне, все такой же добрый, такой же приветливый. На мой вопрос, доволен ли он своею жизнью на Афоне, о. духовник отвечал: «Благодарю Бога. Да и как быть недовольным? Посмотрите, как здесь хорошо...» На самом деле, с балкона, на котором мы стояли, вид открывался очаровательный. «К тому же и дело я нашел себе по сердцу. Во-первых, я духовник, а во-вторых, библиотекарь. Пойдемте-ка, посмотрим, что у нас там устроено». Я, конечно, с охотой согласился. Для библиотеки оказалась отведенною просторная светлая комната. С какою любовью, с каким интересом к науке стал говорить о сделанных монастырем приобретениях этот отказавшийся от мира и страстей его старец! В числе рукописей оказались чрезвычайно древние греческие Евангелия: судя по внешним признакам древнейшее из них о. архимандрит относит к VIII, другое к X—XI векам. Одно Евангелие, украшенное изящно выполненными заставками, напомнило ему точно такой же экземпляр, сохраняющийся в Московской Синодальной библиотеке. Самая «молодая» по времени написания рукопись Евангелия с изображениями Спасителя (по бокам изображения две птички) относится предположительно к XII веку.

Из библиотеки мы отправились в только что возобновленный после пожара храм Св. Троицы. После осмотра иконостаса храма, дара Московского митрополита Филарета, и большой картины художника Соколова «Тайная Вечеря» мой спутник остановил мое внимание на устроенных на стенах храма двух витринах с древними иконами. «Пожар уничтожил самое дорогое мое достояние, — сказал о. архимандрит, — составленную в течение многих лет библиотеку, в которой немало было редкостей. Жаль мне, между прочим, ценных сочинений по иконографии, которые помогли мне ориентироваться в определении принадлежности той или другой иконы к известному времени. Не ропщу, — с добродушной улыбкой продолжал он, — монаху ведь следует быть нестяжательным».

«Вот в соседней келлии, — сообщил между прочим мой спутник, — сохраняются царские врата тысячелетней древности. Как было бы хорошо, если бы удалось приобрести эту редкость в наш монастырь».

(Соколов П. Русские монахи-археологи на Афоне // Московские ведомости, 1890, № 25. См. также: Троицкий П. История русских обителей Афона... С. 71—72.)

Архимандрит Иосиф, который принимал экспедицию, был большим ценителем и древней книжности, и древней иконописи:

корешка и крышек, длиной $4\frac{2}{8}$, шириной $3\frac{1}{8}$ вершков. 271 л.». Письмо 3 в[ершка] x $2\frac{2}{8}$ в[ершков]. В числе особенностей этой рукописи следует отметить позднейшие чернильные поправки, равно и позднейшие приписи чернилами знамен той же системы, какою изложены все песнопения²². Эти поправки находятся на следующих страницах.

Первая цифра означает страницу, вторая — строку.

11 11, 28 об. 13, 34 об. 8, 36 об. 11 и 12, 40 об. на поле, 41 об. переправлено целое песнопение, продолжающееся и на л. 42, 49 — в поле у 2-й строки, 62 в начале 8-й строки, 62 об. в середине 3-й строки, 63 в конце 4-й строки, 64 1, 65 3, 66 об. на поле у 8-й строки, 71 об. у 2-й строки, 80 [31], 80 об. 10, 82 4, 82 об. 7, 91 7, 92 7; страницы 109 об. и 109а написаны позднейшею киноварью или другими киноварными чернилами, — почерк знамен как будто бы одинаков; 110 8; конец 110 об. и начало 111 опять та же киноварь; 117 10 и 13, 117 об. 1, 128 11 и 12, 130 2 и 10, 133 6, 141, 141 об. 12; 146 и об. — знамена писаны позднейшими черными, а не красными чернилами; 154 об. 7, 183 об. 7, 185 8—9, 185 об. 2, 3, 196 об. 11; 202 конец и 202 об. 1—9 знамена чернильные: 208 4, 204 об. 6, 212 13; 212 об. — вся первая строка; 214 3, 215 об. на поле против 7 строки; 216 8, 221 об. 10, 223 7 и 9, 225 2, 226 3, 230 об., 234 5, 244 об. 7 и 8, 245 1, 3 и 9, 245 об. 11 и 12, 246 3—4, 248 2 и 3, 249 об. 11.

Кроме рукописи № 18 найден еще сборник листов из разных рукописей, в числе которых оказалось со знаками для чтения нараспев (подобно Евангелиям) несколько листов с «паремиями».

А. В. Преображенский переписал все заглавия этих паремий, чтобы тем констатировать факт (подобно найденному мною канону Андрея Критского в Народной библиотеке в Софии, в рукописи № 47 — см. выше), что знаки эти были употреблены для таких и таких-то родов чтения. В Андреевском ските также нашлись паремии²³.

С величайшей тщательностью он составлял... собрание икон древнегреческого и древнерусского письма, многие из которых относились к XVII, XVI, XV и даже XII векам (Троицкий П. История русских обителей Афона... С. 57).

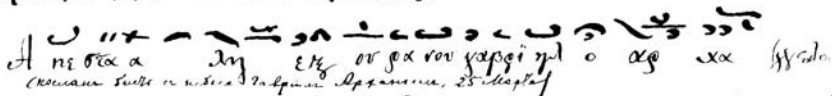
²² О рукописи Андреевского скита см. в *Афонской коллекции*. В Дневнике имеется запись на об. л. 41: «Все снимки с рукописи № 18 Андреевского скита прибыли в Петербург 22 января 1907 года».

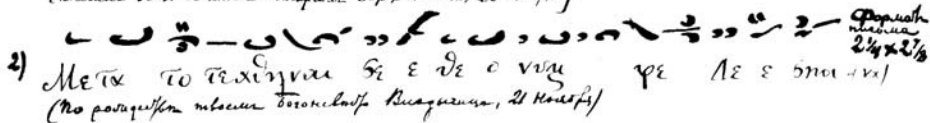
²³ После этой записи на л. 42 значится: «Сообщить о. Матфею, библиотекаря Пантелеимоновского монастыря, откуда могут быть примеры», с обозначением форматов письма в рукописях:

См. эти примеры на с. 268.

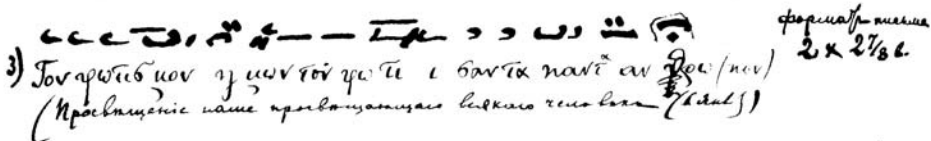
Сообщил о. Мафвэй, библиотекарь Пантеон. 4-ре, откуда можно быт и литографические
примеры: 1) формат письма 4 вершка x 2 1/2.

91

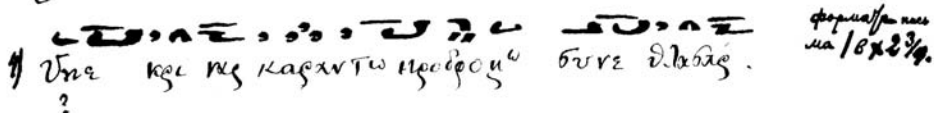
1) *ο νε στα α αυ εκ ου φα τον χαρδι ηη ο αφ χα ψυδα*
(Словами были и вконец в древней Андреевской, 23 июля)

2) *Μετα το τελευταρι βι ε δε ο νου φε λε ε οηα ηη*
(По рукописи письма восточного Византизма, 21 июля)

Формат
письма
2 1/4 x 2 1/8

3) *τον φησιν ον ηων τον φησιν ε βαρτα παντ αν φου (нов)*
(Превращение наше превращающего великого гено вон (вон))

формат
письма
2 x 2 1/8 в.

4) *η ηνε κελ με καθωτω φωφου ουνε διαδω.*
?

формат
письма
1 1/8 x 2 1/4

Дневник, л. 42

Но вместе с тем оказалась и порча в дороге фотографического аппарата Антонина Викторовича — разбилось матовое стекло. Так как в рукописи оказался к тому же 271 лист двойной нумерации, то стала очевидною надобность воспользоваться возможностью услуг здешнего монаха-фотографа о. Леонида²⁴. Переговоры об этом в связи с хлопотами о матовом стекле и с разбившимися у Антонина Викторовича часами заняли все часы (кроме занятий в библиотеке) до самого вечера. Я ел сегодня мало и за обедом, и за ужином, несмотря на величайшее радушие монахов, угощавших нас со всею доступною для них роскошью монастырского стола. Наконец к исходу 10-го часа кончились всякие разговоры, к 11-ти — кончены эти строки — и я, очень усталый, повалился в постель.

Выслать о. Сергию новое издание Курса (I и II части и нотных переложений) в Андреевский скит на Афоне²⁵.

²⁴ Письма о. Леонида, инока-фотографа из Андреевского скита, см. далее в комментариях.

²⁵ Речь идет о новом издании «Курса хорового церковного пения» Смоленского; о. Сергей — надо полагать, регент хора в Андреевском ските.

Этот скит с самого основания славился пением. Первый игумен андреевцев, о. Виссарион, отличался столь горячей любовью к церковному пению, что даже допускал разные « послабления » обладателям красивых голосов.

13 июня, вторник [Кафея, Кутлумуш]

С раннего утра сборы в Кутлумуш. Еще по дороге туда нас предупреждали, что библиотекарь о. Харитоний (суровый грек) — пребогшая шельма. После глико и кофе в протате и по прогулке по зданиям монастыря (древнейшего и, вероятно, беднейшего²⁶) мы попали все-таки в библиотеку, хотя и очень малую, но весьма внушительную. Евангелия со значками — хороши, но не великолепны, потому мы решили не снимать их, думая найти лучшие в Ивере или Ватопеде. Зато рукопись № 398 — Стихирарь оказалась подходящею²⁷. Когда мы заговорили о снимках — библиотекарь заломался, но после посула бакшиша скоро сдался, хотя и торопил нас, уверяя в надобности быть всем на ремонте. Соображение это, однако, очевидно опровергалось тем, что четверо-пятеро без нужды

Но не всякий монах обладает хорошим голосом и слухом. Увы, справедливо и обратное: не всякий, обладающий голосом и слухом, может быть монахом. Это прекрасно понимал старец, но все же из-за стремления иметь достойный хор иногда принимал в обитель монахов, которые впоследствии порождали смуты и нестроения. О. Виссарион же считал своим долгом перевоспитывать их. «Что я буду с ними делать?! Выслать их — в церкви будет скучно, держать — добра не будет и слухи всюду скаредные. Хотя хорошо поют...» (Цит. по: Троицкий П. С. 79—80.)

Хорошее пение в Андреевском скиту оказалось устойчивой традицией. Православный американец М. Мансур высоко оценил это пение в 1933-м:

Хор был разделен на две части по обеим сторонам и пел антифонно. <...> С большой любовью звучало «Господи помилуй». Насколько я мог догадаться, большая часть пения исполнялась недельным гласом. Это было просто и красиво. Было удивительно слышать, как они брали высокие ноты без участия в хоре юношей (цит. по: Троицкий П. С. 89).

И примерно о том же времени писал В. А. Маевский:

Не многочислен был хор, но замечательно исполнение, прекрасна сама мелодия. Не было крикливости многих наших церковных хоров — пение спокойное, плавное. Нечто величественное и вместе с тем плачевно-заунывное, проникающее в душу несло с клироса. В глубине души это пение вызывает покаянные движения, открывает мысль и ум открывает дверь к таинственным созерцаниям, дает умиление, радость. <...>

Русский монашеский хор пел на великой ектении греческое «Кирие элейсон» — и пел так, что если бы всю ночь продолжалось это, не утомило бы слушать... (Маевский В. А. Афон и его судьба. С. 46).

²⁶ Кутлумуш — общежительный греческий монастырь, основанный, по разным сведениям, с X по XIII век. В главном соборе монастыря — Преображения Господня (1540) сохранились фрески XVI века. По современным данным, в библиотеке Кутлумуша насчитывается до 600 древних рукописей.

²⁷ С кутлумушского Стихираря было сделано только 6 копий, поскольку в распоряжении экспедиции действительно оказались «лучшие» Стихирари.

глазели на наше фотографирование. Когда мы осматривали собор (очень интересный хорос, очень древней росписи и обстановки, хотя и грубоватой и бедной), врученный двойной меджидие так воздействовал, что тот же Харитоний начал рассыпаться в любезностях и приглашать во второй раз и тому подобное. Настоящий игумен — совсем молодой человек — красивый грек, очевидно пасующий перед Харитонием.

Из Кутлумуша, где мы получили записку от о. Петра из «Белозерки», пригласившего нас обедать. О. Петр — веселый, умный и ласковый — накормил нас до невозможности. Мы едва выбрались от него и, побывав вновь в Андреевском ските, после визита предварительно каймакаму в Карею двинулись домой.

(22 ноября 1908 года. Должно быть, сама судьба способствует тому, чтобы пополнить эту тетрадь последующею припискою на случайно незаполненной части этой страницы. О. Петр, с которым мы ехали на пароходе из Константинополя, произвел на меня при этом знакомстве и при посещении Белозерского скита впечатление расторопного и ловкого дельца, ловко подделывающегося под сильных мира и принимающегося за самые симпатичные с виду предприятия. Еще на Афоне говорили мне о странной дружбе и частых сношениях о. Петра с Саблером²⁸, о саморекламе Белозерского скита устройством русской школы в Константинополе и тому подобное. При таких рассказах невольно проговаривались и о какой-то темноте делишек о. Петра.... Прилагаемая вырезка из газет подтверждает то, о чем мне говорили в Пантелеимоне²⁹.)

²⁸ Владимир Карлович Саблер — очень влиятельный в ту эпоху помощник оберпрокурора Св. Синода. Смоленский был близко знаком с ним.

²⁹ Комментарии по поводу о. Петра см. выше и в *Афонской экспедиции*.

Вырезка из газеты «Новое время» от 21 ноября 1906, вклеенная позже в Дневник, содержит заметку без подписи под названием «Афонские монахи». В ней рассказывается об аресте в Одессе шести афонских послушников, проживавших в собственном доме, купленном на имя иеромонаха Петра (Белозерской келлии), и якобы занимавшихся попрошайничеством в форме рассылки по России воззваний о денежных жертвованиях, а также об их аресте.

О школе, устроенной русскими келлиями в Константинополе при содействии русского посольства и РАИК, есть воспоминания епископа Арсения (Стадницкого), посетившего ее в 1900:

Учеников — больше ста, большею частью греки. Какого типа эта школа, я думаю, что заведывающий и другие служащие не смогли бы ответить... Некоторые ответы, впрочем, были довольно хорошие. <...> [Посол] сказал, что и он занят вопросом о лучшей постановке школы... (Митрополит Арсений (Стадницкий). Дневник. С. 399—400).

В Пантелеимоновский монастырь мы прибыли в 6 часов вечера — изрядно усталые. Сегодня большие расходы меджидей: в Андреевском — 6; в Кутлумуше — 2, в Белозерке — 3 меджидие, проводнику — 5 франков. Сегодня же выяснилось, что первые снимки — очень удачны.

Для руководства в единстве Евангельских текстов, которые пришлось бы снимать в других монастырях, записываются их начала, выбранные по экземпляру в Пантелеимоновском монастыре³⁰.

В сегодняшней беседе с о. Гавриилом выяснились относительно о. Леонида, фотографа Андреевского скита, многие интересные подробности, молчаливо и активно, но с большим тактом, поддержанные Андреевским настоятелем, красивым архимандритом Иосифом. Гавриил сказал, что за 5—10 рублей, при наших пластинках, Леонид отработает снимки со всей рукописи. Архимандрит, которого я просил вчера и сегодня, дабы благословил Леонида на работу-послушание, — начал говорить уклончиво и закончил, что он, пожалуй, готов благословить только «начало работы» Леонида, ибо Леонид вообще — «человек ненадежный», то есть пьяница. Как на грех сегодня же подтвердилась эта недобрая весть — Леонид куда-то пропал с раннего утра. Тем не менее мы решили послать ему 3 дюжины пластинок 8 x 24, чтобы посмотреть, каково его «начало». У Леонида есть хороший помощник — Августин.

Вообще об афонских монахах можно, как обо всем в мире, отозваться двояко: либо хорошо или отлично, либо очень дурно, даже варварски преступно. Сегодня рассказывали мне, что жадная до денег Лавра начала теснить Скит Святой Анны³¹, стоящий на земле Лавры, увеличивая плату за воду. Наконец, недавно, чтобы вынудить монахов скита, Лаврские посланцы не только отвели воду источника, текущего в скит, но даже взор-

³⁰ Следуют выписки по-гречески рукой Преображенского двух евангельских зачал: от Матфея и от Луки.

³¹ Самый скит этот высится на отвесном и диком отроге оконечности Афонской горы, среди громадных нависших утесов, недалеко от крутого морского берега. Скит св. Анны — самый древний из всех афонских скитов. Он основан в X веке, почти одновременно с лаврою св. Афанасия, но только под другим названием. Но уже вскоре после основания своего, по причине нападения на него морских разбойников, он опустел, и только в XVII веке возобновлен Константинопольским патриархом Дионисием. После великой войны [то есть Первой мировой] число иноков значительно уменьшилось. А оставшиеся по-прежнему живут во многих самостоятельных келлиях, которые рассеяны по горам и холмам в окрестностях соборного скитского храма, построенного в 1680 году в честь св. Анны (Маевский В. А. Афон и его судьба. С. 112).

По данным путеводителей, в 1905 в Скиту св. Анны жило до 40 иноков.

вали динамитом древнейший, еще византийско-императорский акведук... К несчастью, при этом взрыве оказалось убитыми четверо, и виновники, заявившие турецким властям, что «они творили послушание, исполняя волю пославшего их Лаврского начальства», были отправлены пешком, в цепях, под караулом в Салоникскую тюрьму. «Суд несомненно оправдает их, — сказал мне о. Петр, — но это дело будет стоить Лавре по крайней мере 1000 лир», то есть 8000 рублей. Такой случай, в связи, например, со всюду висящими замками и всюду расточаемыми услугами за «бакшиш», с попрошайничеством на Афоне, вселяет отраву в чистое представление о деятельности и благочестивой жизни множества здешних монахов, труды которых и благочестие несомненны.

Вражда между греками и славянами — неумолимо резка. «Греки никогда не прямы в своих речах, — сказал сегодня Андреевский архимандрит Иосиф, — а по отношению к русским всегда коварно-злобны и крайне алчны». Усиление славянского элемента на Афоне (в частности — особенно русского) есть причина самого неудержимого проявления нескрываемой ненависти и самого настойчивого стеснения каких бы ни было русских начинаний. Славяне теперь не могут купить на Афоне никакого клочка земли; всякие просьбы русских скитов и келлий, даже самые справедливые и безденежные, отвергаются греками, не берущими теперь за новые аренды даже сумасшедшие по дороговизне цены. О. Петр говорил мне сегодня, что он собирает даже дождевую воду, так как за проведение к нему струи ручья, бесполезно для Хиландаря (то есть бывшего славянского монастыря) текущего на чужую, но греческого монастыря землю, Хиландарь запросил в Протате 500 лир в год (4 тысячи рублей), и в ответ на предложение 250 лир — даже не последовало ответа от Хиландаря в Протате! Страшное для греков усиление русского элемента на Афоне за последние 50 лет пугает греков, и они боятся, что во владении Афоном им придется поменяться ролями. Жестокое падение русского престижа, замечаемое теперь повсюду вследствие японской войны и наших внутренних смут, дало возможность грекам, даже таким монастырям, как Ивер, Ватопед, получающим колоссальные ежегодные суммы из России, так поднять нос, что только надо удивляться русскому обычному долготерпению при наличности такой совсем уж не монашеской наглости и алчности³². Разны Афонские впечатления!

³² ...В минувшую тяжелую пору несчастной русско-японской войны русским инокам святой Афонской горы пришлось чувствовать себя особенно безотрадно и грустно. Греки не мало «залили им за спину жиру», как выражаются

14 июня, среда [Пантелеимон]

Первые мои опыты в печатании фотографических снимков. Утро — прекрасное. Встал в 6 часов (то есть 10 по-здешнему) утра. Оказалось, что мы напрасно вчера не побывали в Ивере, ошибочно полагая, что письмо к настоятелю от Посла не с нами. Такая поездка была бы очень удобна. Вернувшись домой, нашли готовым чехол для походной «темной переносной комнаты», придуманной А. В. Преображенским, равно нашли готовым и вымытое белье. Последнее — новое удобство, тревожившее нас здесь.

Решено: отложить до завтра поездку в Ксиропотам, так как все трое почувствовали себя утомленными, да к тому же сегодня и очень жаркий день. Отпечатанные снимки оказались все удовлетворительными, кроме нескольких Кутлумушских, неудавшихся по скорченности пергамена. Целый день дома за работой по отпечатыванию снимков и в отдыхе от работы, вчерашнего утомления и сегодняшней жары. Под вечер беседа на балконе и гляденье на море — поэтический южный вечер при лунном свете! Письмо к Анюте с о. Черминским.

15 июня, четверг [Ксиропотам]

Несмотря на то что вчера по недоразумению мы остались без ужина, — спалось крепко и здорово. С раннего утра собрались в Ксиропотам, до которого, несмотря на соседство, оказалось около часа езды. Дорога очень живописна. Приняли нас чрезвычайно любезно, скоро пустили в библиотеку, где мы сняли лист VIII века, находящийся при № 234, и 3 снимка из № 118³³. Накормили нас греки до отвалу, вино было отличное, ракия — также, кушанья — также. Храм — очень древний; отличный хорос; отличный крест Животворящего Древа — самый большой на Афоне³⁴. Астрономические часы (24 часа на циферблате) с мужи-

здесь, пользуясь почти каждой нашей военной неудачей на суше и море для обидных насмешек, злобных выходок и иного поругания (Архимандрит Михаил. Искусство на Афоне // Сообщения ИППО. Т. XVII. Вып. 2. СПб., 1906. С. 292).

³³ Ксиропотам — греческий монастырь во имя Сорока мучеников Севастийских; в то время там жило около 70 иноков. Библиотека монастыря, по современному данным, содержит более тысячи древних греческих и славянских рукописей.

Сохранилось 6 фотоснимков из указанных рукописей:

Ксиропотам № 234. Евангелие XI в.: РГИА, ф. 1119, № 218, л. 33 (Иоанн. 6:17—22), л. 1 об.; РИИИ, ф. 2, оп. 1, № 1398, 2 листа без номера.

Ксиропотам № 118. Евангелие XII в.: РИИИ, ф. 2, оп. 1, № 1397, 1 лист без номера; ОР РНБ, ф. 536, оп. 3, № 547, 2 листа без номера.

³⁴ Среди святых Ксиропотама — самая большая на Афоне *часть* Животворящего Креста Господня.

ком, бьющим в колокол. Сегодня опять жаркий день, но ветерок умеряет зной. Были разговоры о поездке сегодня же в Дохиар, так как в Ксенофе³⁵ нет интересных для нас рукописей, но мои коллеги вместо продолжения поездки завалились спать и поездка временно отложилась. Письмо к С. Д. Шереметеву³⁶.

Проводили о. Мартына Черминского, подарившего мне на память палку, и начали поджидать коллег, о выезде которых с сегодняшним пароходом уже была депеша, по обыкновению турецкому перевранная. Я в первый раз в жизни увидел близко иезуита, и видел его в разных случаях, живя с ним в путешествии на одном пароходе, проведя с ним несколько суток в одном номере гостиницы, обедая с ним и говоря с ним о материях самого разнообразного содержания. О. Мартин — очень образованный и отлично воспитанный человек, глубоко богомольный и нисколько не ханжа, но и не пустослов. Глаза у него, конечно, те же, как и у всякого ксендза, то есть когда надо — телячьи, когда надо — пронизывают насквозь; работает, по-видимому, много и тщательно. Встает рано и проводит день деятельно; владеет языками достаточно хорошо; когда благодушен и свободен — беседует очень оживленно и интересно, ибо многое читал и видал.

16 июня, пятница [Пантелеимон]

Работали дома, так как пароход сильно запоздал и наши спутники не прибыли с вечера вчера, равно и сегодня утром. Приезд состоялся в монастырь лишь в 10 часов утра, то есть с опозданием на 14 часов... И это на дороге всего только в 26 часов! Но впечатления этого дня были для меня крайне тягостны — в такой мере, что я впал в уныние. Мне было вполне тяжело увидеть, что приехал только один П. А. Лавров, без Николова. Из рассказов Лаврова, как интересно он занимался в Вене, как встретил его в Белграде Новакович, как они вместе ездили на «Фрушкину [Фрушкову] гору», в монастыри у Карловца³⁷, как он, П. А. Лавров, опоздав явиться к сроку в Константинополь, не задумался проехать мимо Софии, не озаботясь даже повидаться с Николовым, как он работал в Константинополе, — оказалось со всею ясностью, что П. А. Лавров интересуется нашу экспе-

³⁵ Дохиар и Ксеноф (Ксенофонт) — греческие монастыри (второй — общежительный). В отличие от Дохиара, в Ксенофе имелась рукописная библиотека.

³⁶ Письмо к Шереметеву от 15 июня в подборке писем Смоленского отсутствует.

³⁷ На Фрушковой горе расположены древнейшие сербские монастыри, а в Сремских Карловцах — церковное управление Сербии.

дицию и свою ей помощью всего менее, а своим делом — славянщиною — всего более. В продлении разговора у него вырвалась например такая фраза: «В Ватопед с вами я не поеду, так как мне там нечего делать по отсутствию славянских интересующих меня рукописей; я проеду из Ивера прямо в Хиландарь и буду вас там дожидаться, а если не успею кончить всего меня там интересующего, то останусь там и догоню вас в Зографе...» Странно было мне и А. В. Преображенскому слушать такие речи, да, признаться, и очень обидно.

Но волнения мои разрослись, когда мне доставили письмо А. Н. Николова из Софии (письмо это вшито в переписку на с. 67 под № 38³⁸). Два таких удара сокращают нашу экспедицию с 4-х работников только на 2-х, то есть меня и А. В. Преображенского, ибо я не представляю себе, как проберется Анастас Николов сюда через Варну и как минует Константинополь, не имея при себе ничего, кроме болгарского паспорта? А считать ли П. А. Лаврова сотрудником для собственно певческого дела?

Мы собрались вечером и уныло советовались между собою. Для Николова путь в Константинополь оказывается невозможным по крайнему риску побывать невинно в турецкой тюрьме. Такого лишения не стоит и самое участие Николова в нашей экспедиции, и вся будущая деятельность Николова для Болгарии. Единственная, но медленная, дорогая и все-таки малонадежная дорога для Николова — прямой греческий

³⁸ Приводим письмо Николова с сохранением его орфографии и синтаксиса:
София, 7 июня 1906

Глубокоуважаемый Степан Васильевич!

Петра Алексеевича все еще нет. Что мне делать? Мои дела с министром Шишмановым наверно завтра кончутся. Но меня очень тревожит вопрос о моем прибытии в Константинополь. Все здесь доказывают, что болгары, ездившие в Константинополь, без разницы на социальном их положении и занятии, бывали и бывают арестованы. Я боюсь, и очень, чтобы со мною не случился подобный казус. Я боюсь, что меня по дороге или на Константинопольском вокзале арестую[т] как едущего с болгарским паспортом, — а со мною значительная сумма денег, которых могут в тюрьме отнять.

Если я был с Вами, этого не могло случиться, если дождусь Петра Алексеевича — то же самое. А что ли будет сам Петр Алексеевич проезжать или проехал мимо Софии?! Тогда мне лишь одно остается: подождать пароход (русский) Одесса — Варна — Константинополь — Афон и на этом пароходе сесть и не выходя в Константинополь проехать на Афон. Надеюсь, что мое письмо застанет Вас еще в Константинополе. Жду инструкций и советов.

Ваш Анастас Николов.

(РГИА, ф. 1119, № 84, л. 70)

Приписка Смоленского: «Получено в Пантелеймоновском монастыре 16 июня».

пароход из Варны на Афон, будто бы бывающий по разу в две недели. Но сколько же времени будет пропущено без всякой пользы делу и при трате денег? При таком положении дела было решено послать ему депешу и почтою подробное письмо, предлагая на выбор приехать сюда или возвращение в Россию.

Депеша в 57 [слов] обошлась по 30 копеек за каждое слово — 17 рублей 10 копеек (см. переписку, л. 68³⁹). Мрачное настроение наше несколько рассеялось, когда выяснилась возможность выехать отсюда в Лавру на пароходе здешнего монастыря. Такое удобство избавляет от мучительной 8-часовой качки на мулах и даст возможность взять большой багаж. Если погода будет благоприятна, то на лодках проедем в Ивер и Ватопед, посетив также приморские Ставреникиту, Пантократор и закончив Есфигменом. Этим путешествием закончатся все главнейшие северо-восточные греческие монастыри и начнется без перерыва обозрение Хиландарской и Зографской славянской библиографии, столь скудной на Афоне. Отдельное и последнее путешествие будет Симонопетр, Григориат, Дионисиат и Святой Павел. К 19 июля все эти поездки должны быть кончены⁴⁰.

17 июня, суббота [Пантелеимон]

Утром — дела всякие. В библиотеке не мог быть. Письма к А. Н. Николу и Анюте. Взяты у игумена Мисаила 200 череков и 100 меджидие, ему же вложено вместо них 17 фунтов и 75 рублей от П. А. Лаврова. Первый вираж и фиксаж дома 26-ти снимков, из которых почти все, кроме плохих

³⁹ Приводим эту телеграмму:

Приехать можно только прямым греческим пароходом Варна Афон справьтесь наверное визируйте паспорт приезд иначе очень опасен рисковать нельзя дружески предлагаем ради семейства будущей работы родине общего покоя вернуться Петербург (потеряно много времени) возьмите надобную сумму остальное банком Царьград настоятелю Пантелеимоновского подворья Адриану сообщите свое решение пишу подробно Смоленский Лавров Преображенский.

(РГИА, ф. 1119, № 84, л. 72)

⁴⁰ 16 июня датировано еще несколько листов Дневника (л. 50—53), на которых Смоленский предпринял попытку классифицировать знаки экфонетической нотации по Евангелию Пантелеимонова монастыря № 2. Эта работа озаглавлена «Сравнительные тексты нескольких певческих знаков для чтения Евангелия на распев». Сами тексты не выписываются, а выписываются в соответствии со смысловыми строками сопутствующие им знаки подстрочные и надстрочные: очевидно, Смоленский пытался расшифровать этот тип нотации и пользовался «простоем», вызванным ожиданием прибытия Николова (См. на с. 277—280).

16 июля, 501

Сравнительные тексты нескольких повесских знаков для чтения Эвангелия на роство, по Экземпляру Кантемарки. и-рз №11, Вактедиз Апракосъ.

Примечание: 1) Строки разбиты мною знаками между текстовыми, т.е. вертикальными между слов; таквы + 3 3 и т.п. Знаки построения приведены и здесь ниже чертой, равно как построения — выше чертой в этой графической букван.

№1 (В начале бн слово est)

1 4 +
 1 4 2 1 2 +
 1 1 2 +
 1 1 +
 1 1 2 1 2 3 +
 1 4 3 +
 1 3
 3
 1 2 1 2 1 2 1 +
 1 2 1 2 3 +
 1 1 2 2 3
 3 1 2 1 2 3 +
 1 1 2 1 2 +
 1 1 1 1 2 3 2

№2 1 1 2 2 +
 1 1 1 2 2 +
 1 1 2 3
 Зап. б. бн
 1 1 1 1 1 +
 1 1 1 +
 1 1 1 1 2 +
 Зап. б.
 1 +
 1 1 2 2 1 2 1 2 +
 1 1 1 2 1 3 +

Зап. б.
 1 1 2 2 2 +
 1 1 2 +
 Зап. б. бн
 1 1 2 2 3
 1 1 2 +

Зап. б. бн
 1 1 2 2 2 +
 Зап. б.
 1 1 2 1 2 1 1 2 2 2 1 2 +
 Зап. б.
 1 1 2 2 +
 1 1 2 2 1 2 2 +

 Зап. б. ... / ... +
 ✓ / ... +
 // ... // ...

2355

Т / ... / ... / ... +
 ✓ / ... / ... +
 ✓ ✓ ✓ ✓ ✓ ✓ ✓ ✓ ✓ ✓ ✓ +
 ✓ / ... +
 ✓ +

Зап. б. ... / ... / ... / ... +

Зап. б. +

✓ / ... / ... +

Зап. б. ... / ... / ... +

✓ / ... +

✓ / ... / ... +

✓ +

Зап. б. ... / ... +

✓ / ... / ... +

Зап. б. ... / ... / ... / ... +

✓ / ... +

Зап. б. // // // // , ... // , ...

2356

Д

Зач. б.

Зач. б.
1 1 2 3

7 3
E +

1 +

Зач. б.
1 4 4 +

1 1 1 1 2 2 +

Зач. б.
2 1 3

3
1 1 2 +

Зач. б.
0 0 0 ... 1 +

1 2 4 2 +
+

Зач. б.
1 1 1 2 1 2 E +

Зач. б.
2 4 4 3

3
+

Зач. б.
1 1 2 1 2 +

1 4 4 +

Зач. б.
1 +
2 2 3

1 Зач. б.
1 2 2 +

принцип — 6.9.

Утренняя Эвангелия по МТЮ / Кантата

а. 334.
1 1 1 1 1 2 2 +
1 1 1 2

+
Зач. б. 1 1 1 +

1 1 1 1 +

Зач. б. 1 1 1 1 +
1 1 1 1 2 2 +

Зач. б. 1 1 1 +
Зач. б. 1 1 1 1 ... 2 2 2 2 2 2

а. 334.б
Б 1 1 1 1 1 1 1 2 2 ... 2 ... 1 1 1
= 1 1 1 1 1 1 1 2 +

1 1 +
Зач. б. 1 1 2 2 +

1 1 1 1
1 +

Зач. б. 1 1 2 2 3 3

2 3
1 +

Зач. б. 1 1 1 1 +
1 1 3 3

1 1 1 1 3 3
1 1 1 1 1 1 +

1 1 1 1 1 1 +
1 1 1 1 2 2 +

рукописных оригиналов, оказались фотографически удовлетворительными. Сегодня же сняты здесь первые утренние Евангелия и чтения из Апостола со знаками для чтения на распев — всего 18 снимков, проявленных сегодня же вполне удачно⁴¹.

Здешние монахи, сколько я успел взглядеться в имеющих с нами общение, вообще малообразованны, но некоторые из них более начитанны и любознательны. Первые — более наивны, и любопытство их граничит с бабьим, спускаясь до самых простых и постоянных сплетен или немедленных сообщений всякому всего вновь узнанного, хотя бы такая новость решительно ничего не стоила. Например: «я слышал, что вы купили почтовые марки», и тому подобное.

18 июня, воскресенье [Лавра]

Сегодня день дал ряд сильных впечатлений. Путешествие в Лавру было сделано на пароходе, благодаря любезности о. Мисаила. Это путешествие было, внезапно и к удивлению всех, украшено участием очаровательного о. Матфея, вдруг нарушившего свое 5-летнее безвыходное сиденье в келии. По разговорам о нем, он уже 5 лет не был в созданной на $\frac{9}{10}$ им библиотеке, в нынешнем году он даже не был в церкви в первый день Пасхи, ибо давно сидит дома, исповедуясь и причащаясь дома же. И вдруг достопочтеннейший старец сегодня расхрабрился и заявил о своем желании ехать с нами. Погода была очаровательна, море было тихо, беседа была разнообразна и содержательна. Цвет воды — вне всякого описания! Понравился мне Афон на этот раз еще более, особенно же местность от Симонопетра до Святой Анны; хороши также Кавсокалива и Кераши (то есть Черешнево)⁴². Интересно было и прибытие в Лавру: на спущенной с парохода лодочке едва-едва усаживаются два пассажира с малым багажом; в этой стороне море довольно волнуется, и потому лодочка ныряет в волнах довольно сильно. Не успели мы сойти на берег, как нас встретил солдат турецкой береговой стражи, живущий в набережном старейшем пирге. Солдат, как и старый монах, бывший с ним, оказались неожиданно любезнейшими людьми. Мы зашли в верхний этаж пирга, выпили

⁴¹ См. в Афонской коллекции.

⁴² Кавсокалива (Кавсокаливия, Капсокалиба) — Троицкий скит в ведении Лавры св. Афанасия; Кераша — с середины XIX века русская обитель св. Георгия в пределах Лавры. В начале XX века братство ее составляло около 40 человек; настоятель — о. Георгий (на Афоне с 1864). Новый храм св. Георгия был освящен в 1902, в нем находилась очень древняя местная икона св. Георгия.

ракии, затем кофе и, когда пришли мулы из Лавры, едва всучили солдату и монаху по череку. Дорога в Лавру оказалась крутой и густо заросшей аллеей, с которой открывались отличные виды то на бухту около Лавры, то на высокую гору за Лаврою.

Но сейчас же по передаче нами писем Патриарха, посла и Василиди явился здешний библиотекарь о. Хризостом⁴³, сразу произведший на всех самое приятное впечатление — как человека образованного, любезного, главное же — отличного певца. Наша беседа продолжалась более часа; мы спорили, пели, писали и тому подобное. Отец Хризостом настаивал, что хотя знаки и переменялись, но напевы сохранились прежние с глубочайшей древности, или же, если они и изменились, то уже в каких-либо второстепенных подробностях. После оживленного разговора о. Хризостом предложил нам немедленно отправиться в библиотеку. Здесь к великому удивлению и к величайшей радости оказалось с первого же раза 7 [рукописей], то есть: Г: 9, 12, 67, 72, 74; В 32; Д 28, и все они древни, хороши и глубоко интересны. В одной рукописи нашлась даже азбука...⁴⁴

Оказалось также по первому впечатлению, что и нотаций точно как будто бы две, а не одна, или же одна из них представляет дальнейшее развитие первой. Точно так же оказалось, что был род пения нотированный более просто, вроде «ирмолойного пения», а другой род — более

⁴³ С так полюбившимся Смоленскому о. Хризостомом связана одна из трагических страниц в истории Афона.

П. Троицкий указывает, что в материалах органа Константинопольского патриархата «Церковная истина» за 1909 год приводятся сведения о чудовищном убийстве лаврского монаха архимандрита Хризостома, одного из выдающихся геронтов (старцев) того времени, павшего «жертвой темных мирских сил, водворившихся в последнее время на исторической Святой Горе». Причины преступления и его виновники не были открыты.

На убийство Хризостома Лавриота отозвалась и русская пресса. Орган Петербургской Духовной академии «Церковный вестник» не один раз писал об этом событии, связывая случившееся с активным противодействием Хризостома тем силам, которые разрушали традиции Афона, с тем, что он «смело возвышал свой голос в защиту отеческих уставов и преданий» (Церковный вестник. 1909. № 8. Стб. 244); по отношению к нему употребляется даже определение — «герой». Это подтверждает, до некоторой степени, соображение Троицкого о том, что в числе поводов к убийству могла быть «прорусская» позиция геронта.

Смоленский, несомненно, прочел известие о смерти Хризостома, поскольку на фотографии его с членами экспедиции, вклеенной в Дневник, имеется надпись рукой Степана Васильевича: «27 декабря 1908 года убит в Солуни».

⁴⁴ Эта азбука из № 67 была не только сфотографирована, но и переписана от руки Смоленским. См. на с. 283.

Августка в Лтб 67 л. 159:

№. Лаврентос Евангелие VIII-IX в. с нотными знаками
 где было снято П. И. Свободниковым (см. л. 82, п. 7/57)

омигонъ Ѵ.

горгонъ Ѵ̄.

лешмон ↓

хамилмон х̄.

вафри βφ̄ (лѣтѣкал)

исонъ —

сиконимаѣ, ооо:

пифрионъ Ѵ̄

аподерма Ѵ̄

апофрема Ѵ̄

киама Ѵ̄

рѣма Ѵ̄

пѣма Ѵ̄

тѣма Ѵ̄

амаѣриѣма Ѵ̄

сѣма Ѵ̄

синама Ѵ̄

метаѣвру Ѵ̄

ураѣма Ѵ̄

фаѣ Ѵ̄

ε̄αβρος αποδεκσῑονъ
 окс̄ӣε II
 в̄ар̄ӣε V̄
 апоѣρσ̄φ̄ος >

тѣма Ѵ̄

с̄ε̄κ̄ρ̄ε̄ῑον̄ъ

к̄ε̄τ̄ε̄μ̄ᾱ

Ѵ - лѣма

Ѵ̄ триа

Ѵ̄ тессара

кратимаѣа Ѵ̄

ε̄αβ̄ρ̄ε̄ο̄с̄

δ̄ῑο̄

φ̄ε̄φ̄ο̄ρ̄ᾱ

φ̄ε̄λ̄ῑφ̄ο̄ρ̄ᾱ

κ̄ᾱτ̄ᾱ id

τ̄ρ̄ο̄μ̄ῑκ̄ο̄ν̄ъ

π̄ᾱῑδ̄ε̄τ̄ο̄ν̄ъ

π̄ε̄ψ̄ῑφ̄ῑο̄ν̄ъ

κ̄ο̄ν̄δ̄ε̄μ̄ᾱ

χ̄ο̄ρ̄ε̄μ̄ᾱ

ρ̄ᾱῑμ̄ᾱ

π̄ᾱρ̄ᾱκ̄ᾱμ̄ᾱ

π̄ᾱρ̄ᾱκ̄ῑμ̄ᾱ id

κ̄η̄τ̄ε̄μ̄ᾱ

κ̄ᾱτ̄ᾱ

π̄ε̄τ̄ε̄μ̄ᾱ

κ̄ο̄ν̄δ̄ε̄μ̄ᾱ

τ̄ρ̄ο̄μ̄ῑκ̄ο̄ν̄ъ

σ̄τ̄ρ̄ῑᾱμ̄ᾱѣа

σ̄τ̄ρ̄ῑᾱμ̄ᾱѣа.

сложно; точно так же оказалось, что все знаки (или почти все), употребительные в чтении нараспев, имеются в вышеуказанной азбуке. Я, как и Антонин Викторович, был совершенно озадачен такими находками и до сих пор еще не могу толком разобраться в плане действий на завтрашний день.

19 июня [Лавра]

Понедельник начался рядом впечатлений от греческой обедни, которую служили рядом с комнатой, в которой мы ночевали. Комната эта та же самая, в которой нас вчера впервые приняли, в которой была беседа с о. Хризостомом. Она обширна, имея 4 окна в узкой стороне и около 5-ти или 4½ сажен в длину. Окна прямо на море, под окнами — обширный вид на берег, очень живописный. Восхода солнца я не видал за туманом в морской дали, равно и за отдаленными очертаниями острова Фазоса на северо-востоке.

Впечатления от греческого пения — такие же, как от греков в Пантелеимоне, с тою только разницею, что здесь тенористые певцы обладают молодыми, чистыми, сильными и очень подвижными голосами. «Параклис» (малюсенькая церковка) так тесна, что на клиросах, между которыми есть только узкий проход к Царским дверям, помещены только две стасидии. К ним, спина в спину, следовательно и спиной к алтарю, также две стасидии. Таким образом, вся церковь представляет собою:

следовательно — всего помещения для певцов и богомольцев на 10 человек.

В 8 часов утра мы были уже в библиотеке. Отец Хризостом с первых же слов объяснил, что Лавра очень польщена письмом посла, что никогда этого не бывало, что Лавра всегда готова услужить всем чем может. Поэтому о. Хризостом немедленно предложил нам взять рукописи к себе в комнату и заниматься там ими сколько угодно.

Рабочий день вышел очень хорошим. Найден в № В 32 [верно: № Г 67] — целый Октоих, который и решено снять (л. 107—159) вместе с находящимися по его окончании «Стихирами заупокойными», а главное — с азбукой. Кроме того найдена еще масса материалов для сравнения разных редакций между собою, так как множество из них оказались высокоинтересными. Оказалось 2 Ирмолога и 3 Триоди, со множеством вставных статей. Посему решено, за ссылкою о Хризостома о неимении в Лавре писца, которому бы он мог доверить сделать надобные выписки из каталога, — сделать самим такую выписку. Снимал для П. А. [Лаврова] и для нас также о Гавриил⁴⁵. Вечер был посвящен проявлению снимков. Письмо к С. Д. Шереметеву⁴⁶ и с нарочным — о Пимену в Пантелеимон о доставке пластинок.

20 июня, вторник

Встал около 4-х часов и видел прекрасный восход солнца. Приписка к письму П. А. Лаврова к достопочтенному о. Матфею.

Описание рукописей:

В 32 — Ирмологий. Внешний формат $4\frac{1}{8}$ x $3\frac{1}{8}$; внутренний $3\frac{1}{8}$ x 2 вершка; 312 стр. на белом тонком обрезанном пергамене в бумажном переплете по 19 строк в странице; заглавный лист и начало утрачены; конец сохранен. Л. 1—6 — Ирмосы должны быть между листами 10—11; рукопись начинается прямо [с] 3-го полного канона. 1-го гласа канонов полных — 40; 2-го гласа (с л. 34-го) — 43; 3-го гласа (с 74 л.) 37 канонов; 4-го гласа (с 107 об.) — 47; 5-го гласа (с 156 об. л.) — 41; 6-го гласа (с л. 192) — 53; 7-го гласа (с л. 240 об.) — 28 канонов; 8-го (с л. 263) — 54. [Всего канонов] — 343. Писал Григорий, дай ему Господи прощение прегрешений — года нет, но рукопись вероятно XII века. Знамена киноварные. Сняты [листы] 191 об. — 195.

Г 9 — Ирмологий. $4\frac{1}{2}$ x $3\frac{1}{2}$; $3\frac{3}{8}$ x $2\frac{1}{2}$; 89 листов по 17 строк на странице. Первые 4 листа — бумажные, чуждые Ирмологу. Рукопись довольно растерянная, но по содержанию короче и проще предыдущей, может быть и древнее. Счет ирмосов ведется неясно. 1-го гласа канонов (л. 5—20 об.) — 14; 2-го гласа (до л. 35) — 13 неполных; 3-го гласа (до 43 л.) — 6; 4-го гласа (до 57 л. об.) —

⁴⁵ В Лаврской библиотеке было скопировано семь нотированных кодексов, содержащих богослужебные Триоди, Ирмологий, Стихирарь и Октоих (В 32, Г 9, Г 12, Г 67, Г 72, Г 74, Д 28). Сохранились альбомы фотоснимков этих рукописей, за исключением Д 28 (ОР РНБ, ф. 536, № 540—544; фотокопии кодексов Г 12 и Г 67 входят в один альбом), так же как и большая часть негативов (Там же, № 509—521).

⁴⁶ Письмо к Шереметеву от 19 июня см. в *Письмах*.

14 канонов; 5-го гласа (до 62 об.) — 5 канонов; 6-го гласа (до 71 об.) — 9 канонов; 7-го гласа (до 76 об.) — 6 канонов и 8-го гласа — 7 канонов с какими-то добавлениями, вроде 7 [раз] «Видите видите» и тому подобное — приблизительно XII век. Знамена чернильные. Сняты 63 [листа], с л. 6 об. до л. 67.

Г 12 — Постная Триодь с певчими знаками приписными до л. 45 об. (Великий Пяток. «Днесь висит на древе») — 4 x $2\frac{7}{8}$; $2\frac{7}{8}$ x $1\frac{7}{8}$, 83 л. по 18 строк — вероятно XI века, если не X. Без начала, конца и без переплета; на первом листе песнопения 1-й [недели] Поста. Знамена чернильные. Сняты: л. 26 об. — л. 29.

Г 67 — Постный и Цветной Стихирарь и Октоих — $4\frac{6}{8}$ x $3\frac{1}{2}$; $3\frac{1}{2}$ x $2\frac{1}{4}$; 162 л. по 17 строк с киноварными знаменами. Рукопись без начала и конца. Начинается с 4-й недели Поста. Октоих составлен из воскресных и восточных стихир с догматиками и антифонами, на все 8 гласов с 11-ю Евангельскими стихирами (со 107-го листа до 155 об.). Заупокойные стихиры до л. 158 об. Азбука певчая — л. 159; л. 159 об. и л. 160 — песнопения Великого Четверга. Л. 160 и следующие — Евангельские стихиры до 10-й, иной редакции. Вероятно XII века. Сняты л. 24 об. — 29 и Октоих от л. 107 до 147.

Г 72 — Стихирарь Постный и Цветной — $5\frac{1}{8}$ x $3\frac{6}{8}$; $3\frac{1}{2}$ x $2\frac{1}{2}$, 92 л. по 18 строк с киноварными певчими знаками; начало и конец утрачены. Начало — Великий Понедельник; л. 40 — Пасха с стихирами на каждый день (л. 43—46 — нумерованы неправильно) и так далее до Недели всех святых. Вероятно XII века. Сняты л. 2 об. — 5.

Г 74 — Стихирарь годовой $5\frac{1}{8}$ x $3\frac{6}{8}$; $3\frac{1}{2}$ x $2\frac{1}{2}$, 116 л. по 18 строк с киноварными и частью чернильными певчими знаками. Рукопись без начала и конца; л. 1 — конец ноября, кончается ненотными стихирами 29 августа. Усекновенные главы Иоанна Предтечи.

Д 28 — Стихирарь годовой — $5\frac{5}{8}$ x 4; $3\frac{5}{8}$ x $2\frac{1}{2}$, 214 л. по 18 строк с чернильными певчими знаками. Рукопись без начала и конца. Л. 1 — 8 ноября, с л. 127 — Постная и Цветная Триодь — до стихир Вознесению. Рукопись более поздняя, но вероятно XIII—XIV века.

*

Вчерашняя фотографическая напряженная деятельность оказалась, к полному огорчению, с большим недостатком. Мы снимали, выпрямляя пергамен давлением стекла, но не приняв во внимание, что одно стекло зеркалило от окна. Оттого получились на нескольких негативах пятна в низу правых страниц, повергшие нас в сущую хандру. Рвение к труду сразу охладилось. Кроме того необыкновенное разнообразие нотных страниц и наше странное положение охладило работу. Нам приходилось делать выбор между ними — выбор вполне бессознательный, так как мы

совершенно не представляем себе значения видимых нами древнейших греческих музыкальных знаков. Несомненно одно: есть рукописи «Kalofoniká» — то есть свободной композиции и «Sýndoma» — то есть более простые, как уставные. Последний род — ирмолойное пение. У последнего есть «Argón Irmologicon» — то есть более протяжный, но далеко еще не «Kalofoniká». (Для примера обоих последних о. Хризостом, с [чьих] слов и пения это записывается, прописывается [так!] — пропел «Христос рождается».) Калофоникон — есть собственно позднейший род, но принципиально должны быть признаны за такой род находимые нами в рукописях сложнее нотированные сочинения. Пример был «Не имамамы иныя помощи», где Антонин Викторович тянул исон, а о. Хризостом выделял всевозможные выверты в таком ряде интервалов:

, — то есть без соблюдения каких бы ни

было «гласов».

Потом о. Хризостом вздумал нас просвещать практически, поясняя порядок исонов и разницу их в родах Ирмологикон, Стихириарикон, Пападикон, в родах притом же или Argón, или Kalofonikón, или Sýndomon. Признаться, я решительно ничего не мог понять в этом козлогласии. При этом о. Хризостом шлепал двумя руками такт весьма курьезно, например:

Но вообще все его ритмы были строго квадратны, и он даже махал рукою налево во 2-ю и направо в 3-ю четверть. При этом он объяснил, что существует очень немного песнопений, хотя и на $\frac{4}{4}$, но с тройным ритмом — например, экспостиларий на Сретение. «Simphonia» в исполнении с исоном у о. Хризостома подчеркивалась главным образом на ударениях при квинтах, очень часто на септимах. Каденции всегда унисонны с исоном, то есть преимущественно доминантою.

По совещании порешено снять ирмосы 6-го гласа из обоих Ирмологов, Лазареву Субботу и Воскресение Ваий из Триодей и Благовещение из Стихирарей, равно и те страницы «Kalofoniká», которые почему-либо покажутся интересными. Под вечер хандра как будто бы несколько ослабела.

21 июня, среда [Лавра]

Сегодня в ночь найдено, кажется, мною средство от не виденных еще мною «скнипов», которые заели у меня руки, ноги, шею и лицо. Вымывшись густо дегтярным мылом, я сразу почувствовал себя успокоенным после мучений последних дней. Сегодня я проделал это мытье ночью и чувствовал крепкий сон, отравленный однако тем, что видел себя Управляющим Капеллы.

День был отдан снимкам на оставшихся 24-х пластинках, которыми снято из каждой рукописи по 3—5 снимков. Антонин Викторович затропился добираться до новостей в других местах и в этом наклонении обнаружил некое упорство. От Петра Алексеевича — как от козла — ни шерсти, ни молока для нашего дела. Монах Гавриил оказался как будто бы неважным фотографом и притом даже и леноватым. После обеда, для развлечения, сняли о. Паисия...⁴⁷

22 июня [Лавра]

NB: из Лаврских рукописей по-видимому весьма древняя № Г 9. Меня заинтересовали концы ирмосов, в которых я уже после беглого осмотра находил сходства и разности. Понимая, что одинаковые мелодии могут быть разбиты в отдельных знаках по числу слогов текста, равно и по числу слогов кратких или долгих, вообще завися от ритмики текста, я выписал из рукописи Г 9 все разности окончаний ирмосов, полагая в них найти хотя какую-либо наводящую мысль. Эти окончания находятся здесь налево. (См. на с. 289.)

Я продолжил было свои поиски и в рукописи В 32, — но тут мое терпение истощилось, ибо тяжел труд механический и тяжело бессилие незнания!

В Лавре вообще очень тесно и старо, а последствия от землетрясения на восточной стороне в корпусе келий — ужасны. Верхние этажи зданий развалились совершенно в некоторых местах, и глыбы от стариннейших кладок откатились от здания далеко под гору.

Вообще Лавра, как слышно, очень богата и скупа. Меня поразили два кипариса, посаженные будто бы еще святым Афанасием. Обхват их ствола равен около моих 3½-ручных сажен, а более толстого свыше 4-х.

Посол в Пантелеимон вернулся с пустыми руками. Оказалось, что и в Лавре нашлось для него дело, а наше поручение ему досталось

⁴⁷ См. этот снимок в *Иллюстративном приложении*.

между прочим... К довершению нашей неудачи оказалось, что посол этот бессильный старик, да к тому же и глухой!⁴⁸ Ничего не оставалось более, как бросить все в Лавре незаконченным и уехать в Ивер, так как мы извели здесь все пластинки, кроме одной, оставленной нами для Хризостома на завтра. Он удвоил свою любезность, узнав о нашем намерении сняться с ним⁴⁹. Мы уговорились, что едем завтра в Ивер, откуда вновь посылаем за пластинками, чтобы работать далее не теряя времени; что по окончании экспедиции в Лавру прибудет вторично о. Гавриил и снимет по указанному ему списку все надобное. Таким образом и эта хандра улеглась понемногу, и Антонин Викторович отправился проявлять пластинки, которых и проявлено все число, кроме одной коробки, в 12 штук.

Для памяти записывается, что из 3-х Триодей сняты Великий Понедельник и следующее. Из Стихирарей — 25 марта, об остальных смотри на обороте⁵⁰. Октоих снят с л. 107 по л. 146 включительно и азбука л. 159 — всего снято около 70 штук.

22 июня [Лавра, Ивер]

Вечером мне не спалось до полуночи. Скнипы (то есть здешние мельчайшие мошки), которых однако я не видал ни одной, заставили меня расчесать до болячек ноги и руки — зуд был невозможный. Мы проспали до 7 часов утра, но я вставал в 4¼ часа и видел восход солнца — кровавого цвета, что было восхитительно по контрасту цветов неба, моря и отблеска, равно и тихих и рябых полос моря. Наконец явился о. Хризостом с утренним визитом, затем мы были у него с визитом, затем мы получили в эпитропии грамоту, затем оставили благодарственные автографы тут и в библиотеке; наконец, было предложено гостиннику 2 меджидие, Паисию — 1, повару — 1, Хризостому — золотой в 5 рублей. Эпитропу — золотой 1 фунт стерлингов, за обзор святыни — 2 меджидие, и затем, записав все это, приняв прощальную трапезу, снявшись в группе с Хризостомом у нас же в комнате, мы сели на мулов и пересели в лодку для следования в Ивер.

Пишется в Ивере после 2½ часов путешествия, начатого при хорошем попутном ветре и конченного при помощи весел, так как наступило

⁴⁸ Ситуация вскоре разрешилась: см. далее письма о. Гавриила.

⁴⁹ См. этот снимок в *Иллюстративном приложении*.

⁵⁰ На обороте л. 64 автографа имеются две записи: одна по-гречески, по-видимому, рукой А. В. Преображенского (с перечислением шифров лаврских рукописей); другая по-русски, перечеркнутая рукой Смоленского и начинающаяся словами: «Заказано о. Гавриилу на случай возможности снять еще для экспедиции...»

затишье и парус висел тряпкой. Вскоре после отъезда из Лавры открылся величественный вид на вершину Афона и ее предгорья. Солнце освещало вершину великолепно. При том же освещении были очень красивы Каракалл и особенно Милопотам⁵¹. Первый — гордый замок, затонувший вдали от берега в горной зелени; второй — маленькое орлиное гнездо на отвесном монолите, прямо над водой. Поразительна тут прозрачность воды: белые мраморные скалы всякого размера, казалось, были всего на 2—3 аршина под лодкой, между тем лодочники-монахи уверяли, что тут по крайней мере 10 сажен глубины.

Первое, что мы увидели во внезапно открывшемся за мысом Ивере, — стадо свиней на набережной и рыбаков — не монахов. Высадившись из лодки, мы увидели у въезда в монастырь большую компанию монахов. Один из них курил, все были отлично одеты и видимо баклушничали. Письмо посла произвело, по-видимому, очень сильное впечатление на бывшего тут же игумена, и потому тут же начался весьма любезный разговор. Вскоре оказалось, что большинство присутствующих бывало в Москве, мерекает с грехом пополам хоть десяток русских слов. Все единогласно заявили, что в библиотеке едва ли удастся что-либо найти, так как именно она пострадала от землетрясения всего сильнее.

После такого разговора мы отправились в архондарик, также разоренный землетрясением. После обычных глико (а за ним подавали кроме варенья еще какую-то превкусную миндальную розово-ароматичнейшую сладость и кроме ракии еще какое-то прекрасное вино) о. Гавриил заявил: желательно было бы сегодня же посмотреть библиотеку, так как нам надобно немедленно посылать нарочного в Пантелеимон. Поэтому весьма любезно было предложено побывать в библиотеке, хотя предупредили, что мы сами своими глазами увидим, что натворило землетрясение.

Действительно, в библиотеку даже нельзя войти. Но на наше счастье оказалось, что великолепное Евангелие VIII века, № 1 по Ламбросу, и не менее интересный № 470, Ирмолог XII века [доступны?]. На этом мы легли было спать. Но при обсуждении вопроса о поездке о. Гавриила он вдруг вспомнил, что с этой субботы начинается его очередная служебная неделя и едва ли его отпустят с нами... Поэтому не без волнения было написано слезное письмо к Пантелеимоновскому настоятелю Мисаилу, и на утро о. Гавриил с поручениями всякого рода выехал. У главного храма

⁵¹ Милопотам — древнее поселение келлиотов, расположенное на северо-восточном побережье между Иверским монастырем и Филофеем, принадлежащее к Лавре.

я видел ряд деревьев с плодами, похожими на огромнейшие лимоны, но еще зеленого цвета. Я не знаю их названия.

23 июня, пятница [Ивер, Ставроникита]

Евангелие, при сравнении его с имеющимися снимками, оказалось разных редакций по отношению к знакам чтения нараспев. Когда я занимался рассмотрением Евангелия — вдруг является А. Н. Николов! Это было совершенно неожиданное появление.

А. Н. Николов рассказал многое. Он выехал из Софии на Варну, получив нашу депешу, но не получив моего письма. По приезду в Варну он сел на пароход в Константинополь. Здесь, несмотря на присутствие кавасов⁵², — его все-таки арестовали и, несмотря на всевозможные протесты подоспевших болгарских и русских посольских властей, все-таки препроводили в тюрьму. Мотивами турок были указания, что Николов болгарин, даже и македонец, состоит на русской службе и потому пребывание его в Константинополе недопустимо; он с первым же поездом или пароходом сегодня же должен быть выслан. На беду в этот день не оказалось на Афон ни поезда, ни парохода. Поэтому Николова выслали по железной дороге в Софию... Здесь его встретили с общим изумлением. За Николова, однако, вступились вновь болгарские и русские власти, и он, после такой невольной поездки, был вторично отправлен в Константинополь, но уже снабженный ручательством о его свободе. Таким образом на этот раз А. Н. Николов, побывав в Пантелеимоновском подворье и взяв письма, прибыл благополучно на Афон вчера вечером. Здесь он сообразил, что самый главный монастырь после Лавры для нас есть Ивер. Таким образом мы встретились, и свидание наше вышло очень радостным.

Сегодня хандрилось, хотя я с интересом занялся Евангелием и особенно Ирмологом. В последнем, кроме всяких «неанес», имеются особые тональные знаки для каждого ирмоса⁵³. После вечерни я уговорил Антонина Викторовича и Анастаса Николаевича съездить в Ставроникиту⁵⁴, чтобы посмотреть там «Славники XI [века]», № 163 по Ламбросу.

⁵² Кавас — мусульманский почетный страж, облеченный низшей полицейскою властью; в Турции кавасы приставлялись к дипломатическим агентам всех рангов, а равно к турецким сановникам.

⁵³ По-видимому, речь идет о мартириях.

⁵⁴ Ставроникита — греческий монастырь с древним собором, в котором сохранились фрески XVI века. По современным данным монастырь обладает очень ценным собранием древних рукописей.

Мы проехали на лодке не более 20—25 минут в чудную погоду. Монастырь стоит, как и Милопотам, на утесе высоко над морем. Но монастырь крайне мал и, слышно, очень беден, к тому же, вероятно, очень стар строением. Посещение наше вышло во всех отношениях неудачным, кроме удовольствия от восхитительного вида на море из окна архондарика. Началось с того, что, когда мы хотели идти в библиотеку, раздались удары в деревянное било и настоятель пригласил нас к малой вечерне, чтобы мы послушали протопсалтов его монастыря. Излишне говорить, какого козлогласия мы наслушались в течение целого часа. Хорош был только молодой, степенно-красивый канонарх, но певцы — один ужас! Они пели фальшиво, самоуверенно, главное же — безголосо. В довершение всего к настоятелю подбежал монах и что-то сообщил. Оказалось, что прибыл каймакам, и следовательно мы, в качестве гостей, отошли совсем на последний план. Действительно, пришлось ждать с добрых полчаса. Я наконец, сообразил, что нам терять время нельзя, так как надо осмотреть рукописи и успеть вернуться домой до заката солнца, чтобы не ночевать вне Ивера. Я попросил монаха возвратить мне бумагу Протата, и посещение библиотеки состоялось немедленно. Рукописи, по их осмотре нами, оказались для нас нисколько не пригодными. Поэтому мы немедленно отправились домой. Я шел под гору очень тихо. У самых лодок нас нагнал каймакам, оказавшийся изящным молодым красавцем, вежливо и умело поздоровавшимся с нами. На вопрос наш монаху: зачем каймакам был — «Давно бакшиш не брал! Много берет, часто ездит! Когда 5 лир, когда 10, 15, а то и больше берет “за визит”: много бакшиш берет!»

Под вечер получил два письма от Анюты и письмо от Ольги-сестры. Пишут обе об ожидаемых общих забастовках. Письма — от 8 и 12 июня. Анастас Николов сообщил, что он читал депеши о разжаловании Преображенского и Семеновского полков в армейские... Последние известия, конечно, можно назвать только очень дурными. Полученное письмо от Гавриила — также не предвещает ничего доброго. Оно пришито к переписке⁵⁵.

⁵⁵ Письмо о. Гавриила:

23 июня 1906

Глубокочтимейший Степан Васильевич.

Прежде всего поздравляю Вам с великою радостью г. Николова на Афоне! И вероятно уже имел счастье облобызать Вас — Старца праведного! Мы с ним по дороге разъехались! Он в 10 часов (по-турецки) выехал из Руссика в Ивер,

24 июня, суббота [Ивер]

Утром сняты 5 листов из Евангелия № 1 (л. 70, 71, 138, 139 и 140) — тех же самых чтений, которые сняты в других экземплярах, ибо оказались значительные разности в расположении знаков. Затем сняты из Ирмолога страница 1 и последняя и кроме того по 3 снимка из начала каждого гласа и одна страница из 3-го гласа, где есть позднейшая приписка (но также древними нотами, хотя и обычной у греков нотацией). Следовательно, из Ирмолога всего сделано 27 снимков⁵⁶.

Внешний облик Евангелия № 1, VIII века — 9 х 6 вершков, в бархатном переплете с серебряными украшениями; листов по верхней пагинации — 312, по нижней — 305; на странице по 2 столбца, каждый по 19 строк, высота письма — 6¼ вершка, ширина обоих столбцов — 4 вершка, одного столбца — 1¾ вершка. Заставки, заглавные буквы, самое письмо и общая сохранность изумительно великолепны.

Внешний облик Ирмолога: 4¼ х 5⅝ вершка. Письмо внутри 3 х 3⅞ вершка; пагинации нет, но я сосчитал всех страниц двойных 149.

Скнипы, то есть мельчайшие мошки (я случайно увидел только одну — она не больше точки), искушали меня совершенно, и я расчесался

а я в то же время из Ивера в Русик! Теперь, думаю, мое присутствие Вам *не необходимо*, хотя тем не менее завтра явлюсь к Вашим услугам.

Что в плетеной рубашке — то принадлежит г. Лаврову, а в пестром полотенце — Ваше.

Ходил на почту и получил Вам и Лаврову и г. Николову письма. Прилагаю их при сем. А г. Преображенскому писем нет.

Лаврская миссия выясняется: оказывается, что посланному глухому пластинки переданы и запечатанный пакет, но куда он спрятал и для чего? Из слов Хриостома видно, что он и в Лавру ничего не доставил. Странно и непонятно. Необходимо навести справку.

Ваш Гавриил.

(РГИА, ф. 1119, № 84, л. 74—75)

Приписка Смоленского: «Эти пластинки сутки спустя были получены сполна обратно. Ивер».

⁵⁶ Фотоснимки рукописи Иверского монастыря № 1 (Евангелие X века) сохранились в разных собраниях: РГИА, ф. 1119, № 218, л. 32 (лист без номера: Евангелие от Матфея. Глава 18. 18—20. Глава 5. 42—43. 43—47); РИИИ, ф. 2, оп. 1, № 1396, 2 листа (13 и лист без номера); ОР РНБ, ф. 536, оп. 3, № 535—536; 5 негативов на стекле, листы 70, 71, 138, 139, 140; Там же, № 547. Альбом Varia. 2 фотоснимка листов без номера («Лк 18.20—27», «Мф 18.10—18»). Всего 10 фотоснимков.

Что касается Ирмолога, то возможно, что здесь речь идет об Ирмологе № 470, который впоследствии был снят экспедицией целиком. Альбом фотоснимков этой рукописи сохранился (ОР РНБ, ф. 536, оп. 3, № 545), так же как и часть негативов.

весь. Если одна из казней египетских состояла из этих скнипов, то хоть часть мучений от этих невидимых кусателей мне понятна. У них есть, вероятно, в ужалении какой-нибудь яд, ибо место укуса дает волдырь, в расчесанном же состоянии — всегда большой и весьма зудящий, даже и целыми часами, особенно по ночам.

25 июня [Ватопед]

Воскресенье в Ватопеде. Сегодня мы встали в 4½ часа и dokonчили укладку вещей в дорогу, так как вчера под вечер прибыл к общему удовольствию всех о. Гавриил. После раннего чая, после слушания в последний раз пения Иверских греческих певцов мы тронулись на лодке в Ватопед при необычайно тихой погоде. Три монаха гребли в продолжение 2½-часового пути, паруса не поднимали совсем. За такой труд они получили 3 меджидие, что составило с 12—13 меджидиями и другим мелким расходом около 17 меджидие или х 1 руб. 60 к. = почти 27 рублей. Это — почти то же, что и в Лавре за 4 дня. Но кормили в Ивере [вероятно, ошибка: в Лавре] несравненно лучше, да и Паисий с Хризостомом будут долго памятны. Хорош, любезен Иверский гостинник о. Гликерий (весьма любящий угощать по каждому случаю — глико, как бы в оправдание своего имени), — но до Лаврских ему далеко. Библиотекарь Ивера — сущий портрет покойного А. А. Орлова-Соколовского⁵⁷.

Пишу в Ватопеде на балконе, глядя на море, сидя в тени, продуваемый ветерком. Панорама восхитительная настолько, что не хочется и думать об уходе. Передо мной обширная бухта, побольше Ялтинской, а за нею направо остров Фазос, а налево — отдаленный, высокий берег материка Европы. Первые впечатления от Ватопеда — его обширность и наилучшая благоустроенность. Вероятно, у монастыря есть вблизи ломки плитняка и мрамора, ибо весь монастырский двор и площадка перед крыльцом имеют отличный каменный пол, а в гостинице полы балконов и коридоров — беломраморные. После всяких глико нам отвели хорошие комнаты, но окнами на солнцепек и монастырь, хотя прибавили при этом, что гостинная и балкон архондарика вполне к нашим услугам. Гостинник о. Сергей — красивый молодой грек, держащий себя серьезно, объяс-

⁵⁷ Александр Александрович Орлов-Соколовский, дирижер, педагог и композитор, был известен Смоленскому с молодых лет, когда Орлов-Соколовский основал в Казани музыкальную школу и был капельмейстером городской оперы.

Н. П. Кондаков называет библиотекаря Ивера в числе представителей ученого афонского монашества.

нил нам, что он все-таки угостит нас холодным обедом, так как уже нельзя готовить новый обед, но что завтра он нас угостит нас мясом, так как сегодня ждут «Андреевское судно» (то есть Андреевского скита) с европейской провизией. По этому случаю мне кинулось в глаза множество куриц, петухов, индюшек и тому подобного. Климат здесь, вероятно, намного теплее и ровнее. Здешние маслины выглядят как-то веселее, а перед глазами у меня сады с лимонами и с краснеющими уже апельсинами. Сегодня за обедом и к чаю нам дали свежих лимонов, совсем еще зеленых, но сильно пахучих и острых по своей кислоте. Впечатление это тем сильнее потому, что Ватопед расположен на склоне берега прямо на север, и следовательно ветры холодные не могут не достигать и Ватопеда. Потом вижу здесь более массивные греческие печки. Следовательно здесь и топка бывает посильнее, чем, например, в Пантелеимоне, — а растительность здесь много лучше.

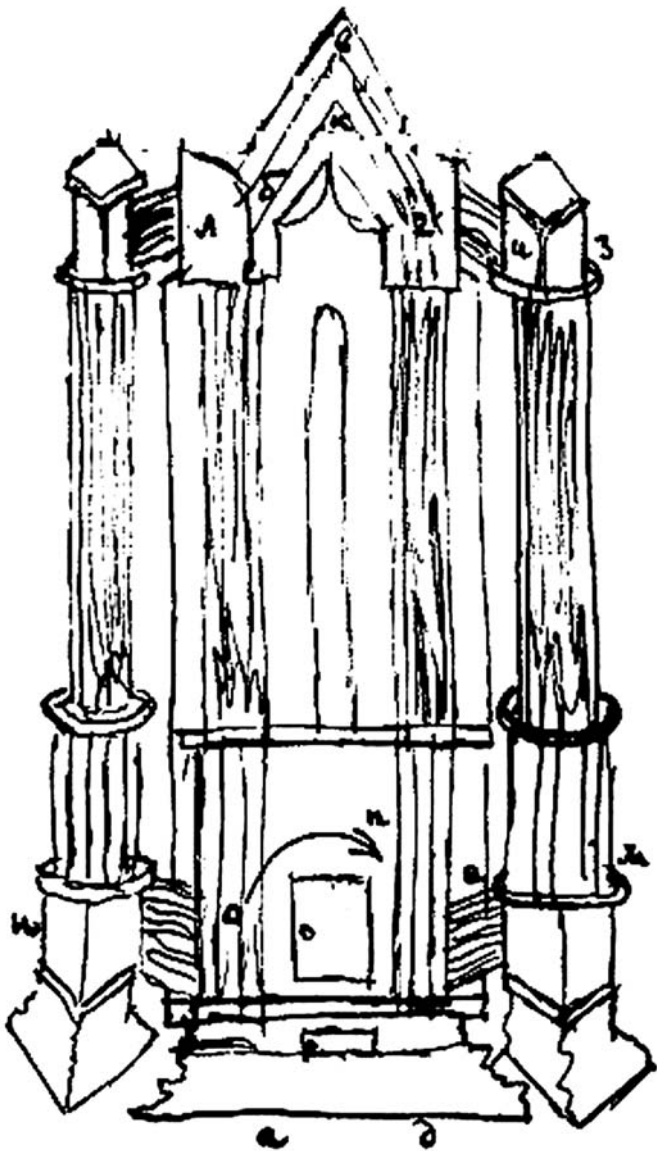
(Эти печки очень красивы по своей фигуре и замысловато остроумны по дымовым ходам и площади нагревания. Они представляют собою обыкновенную печку, сзади которой есть изящный двойной дымоход, повторяющийся затем вдвойне с правой и с левой сторон печки в гончарных трубах, имеющих вид колонн. Таких колонн следовательно 4, а в заднем дымоходе делается еще ниша, дабы увеличить площадь нагрева и внутренними сторонами его каналов. Мне объяснили, что дым идет в такой печке по направлению букв от *а*, к *б*, *в*, *г*, *д* и так далее, проходя при *и* во внутрь заднего дымохода и следовательно прогревая предварительно все 4 колонны. В заднем дымоходе есть целый ряд внутренних ходов образующих в обеих половинах как бы змеевики, после которых дым выходит наружу.) См. на с. 297.

Я познакомился здесь с молодым доктором Афона, живущим в центре всех монастырей, то есть в Карее. Он учился в Афинах и затем в Париже. После разговоров — оказался очень милым человеком.

Первый день в Ватопеде был не из интересных. Библиотеки, несмотря на письмо Федора Ивановича Успенского, сегодня нам не показали, ссылаясь на отсутствие библиотекаря по случаю воскресного дня. Вместо 4-х часов, указанных проэстосом⁵⁸ заранее, он пришел к нам после

⁵⁸ Проэстос — «предстоятель», монастырский соборный старец. Встречающийся далее термин «проигумен» означает «бывший игумен».

В киновиях (общежительных монастырях) игумен один и избирается пожизненно, в идиоритмах («особножительных» монастырях) — два эпитропа и дикей, избираемые ежегодно из почетных лиц.

вечерни. Хорошо, что я догадался быть за службу. Проэстос оказался разговорчивым греком и сразу перевел разговор на политическую почву. (Это — проигумен Анфим, державший в своих руках Ватопед будто бы более 10 лет, так как его, как умного и ловкого человека, безропотно выбирали в старшие проигумены. Ныне, с зимы 1906 года, его «свергли» и «у власти» стали уже другие. Прозорливый Анфим нашел в себе силы проглотить обиду, но все говорят, что возвращение его к власти будет неминуемо через год, так как «новые» далеко не оправдали ожиданий и при Анфиме порядку было больше.)

Он упирал на то, что Россия переживает теперь ту же анархию, которая была во всех странах перед их революциями, и что ни одна революция в сущности не дала ни одной стране никакого блага. В доказательство проэстос указал, что при самодержавии Россия выросла до первой по величине и силе державы в мире, что администрация православной России вполне соответствует администрации небесной (?) и что нынешняя «анархия» даже и в философском смысле не ведет ни к чему иному, как только к падению царства и восстановлению жестокой тирании. Петр Алексеевич Лавров вздумал было вразумлять грека, но я упросил его не делать этого. Зато я объяснил доктору для передачи греку, что у нас за реформу негодной администрации стоит во главе движения сам царь; что в Думе у нас собраны действительно «лучшие люди» и патриоты; что у нас плохи не законы, хотя и нуждающиеся в пересмотре, а исполнители их, то есть чиновники, и что, наконец, нынешние возбуждения после усвоения новых идей массами вскоре улягутся сами собою. («Хороши ваши “лучшие люди” и патриоты!» — воскликнул после этой беседы наш спутник о. Гавриил, почитатель Комаровского «Света»⁵⁹. — Я читал, что у 14-ти членов Думы был уже сделан обыск, нашли типографию и кучу

Все же заслуженные и уважаемые лица монастыря называются проэстосами, или предстоятелями; из них выбираются ежегодно эпитропы, дикей для заведования монастырем и антипросопы и эпистаты для представительства монастыря в главном управлении Св. Горы... Наиболее уважаемые из проэстосов приобретают иногда большое влияние на дела монастыря и фактически становятся во главе его, хотя не занимают никаких должностей, даже не имеют никакого церковного сана (Описание путешествия в Св. Землю, совершенного летом 1900 года преосвященным Арсением... в сопровождении некоторых профессоров и студентов // Богословский вестник. 1901. № 5. С. 137).

⁵⁹ Имеется в виду журналист и военный (имел чин сербского генерала) Виссарион Виссарионович Комаров, который с 1883 по 1907 издавал в Петербурге дешевую ежедневную газету «Свет» патриотического направления.

прокламаций, что их уже отдали под суд и они будут арестованы сейчас же по закрытии сессии Думы».)

Вскоре после моих слов нашему греку доложили: «Эпитропы монастыря просят пожаловать в архондарик». Мы представились трем старцам, выпили глико и кофе, болтали официальные любезности. На пику старца, что из всех членов комиссии в храме Божиим был только я, — было отвечено, что я еще нигде на Афоне не слышал такого хорошего пения, как это показалось мне здесь по первому же разу. Старец смутился и спросил, как вообще мне и членам экспедиции нравится на Афоне. Было отвечено: профессор Лавров уже третий раз на Афоне, следовательно ему нравится здесь; Николов также был на Афоне, а я с Преображенским нахожу, что в книгах хорошо описан Афон, но действительность, которую мы наблюдаем своими глазами, — превышает известное нам из книг... П. А. Лавров не утерпел тут со своею славянщиною и с «точностью справок в каталоге», желательною его невозможнейшей халатности и рассеянности. Он не сообразил, что проэстоса Анфима, к которому было письмо Успенского и которого недавно «съели» эти же бывшие с нами три эпитропа, нельзя было спрашивать ни о славянщине, ни о каталоге. Я начал было заминать речь, но Лавров настойчивее повторил свое и получил ответ, что «библиотекарь уже сделано надобное приказание»...

Вечером посланы письма Аняте. С. Д. Шереметеву⁶⁰ и Н. И. Николаеву в Софию, у которого, как сообщил А. Н. Николов, утонул старший сын, пожертвовавший собою, но спасший утопавшего товарища. Под вечер А. В. Преображенский чувствовал себя нездоровым, — его лихорадило после вчерашнего купанья.

26 июня, понедельник [Ватопед, Есфигмен]

Встал в 6 часов после спанья в очень душной комнате. Утром наконец соблаговолил пожаловать библиотекарь о. Герман (рыболов — воскресный, как оказалось). Но он, переговорив немного, сказал, что у него — заседание собора, которое может продолжиться часа 2—3, и просил подождать. «Теперь дни длинные», — прибавил он в наше утешение. После такой беседы на меня, как и на других, напала хандра немедленная. Мы сидим в компании пять душ, вынужденно бьем баклуши и скучаем сильно. Да и стыдно терять время! Когда же работа у рук только, а не в руках — досадно, и зло берет на любезнейше отнекивающихся монахов, держащих

⁶⁰ См. в *Письмах*.

очи долу, ругающих Россию, но весьма аккуратно получающих от нее за что-то огромные аренды⁶¹.

Наконец-то прибыл из заседания «собора» о. Герман и повел нас в библиотеку. Она велика и содержится в порядке очень хорошем, но библиотекарь не допускал нас ни к обозрению каталога, ни к подробному обозрению всех рукописей. Он вынул несколько не особенно старых и не особенно хороших Евангелий со знаками, затем показал Профитолог такой же, затем Триодь (вроде Венской) и наконец Стихирарь⁶².

№ 893 — вновь переплетенная рукопись в $\frac{1}{4}$ малого формата, сильно обрезана сверху, на 217 страницах, знамена черные. Начинается Стихирарем постным (л. 1—125) — Цветной Стихирарь с л. 125 об.; Октоих с 178 листа; Антифоны — л. 201 об.; заупокойные стихиры 5 номеров («Мертвенны, поемья в Пяток вечера») — л. 212 об.; стихиры отпустительные св. Феодора Студита — л. 214. Снято: л. 60—112 и от 178 до 212 об.

⁶¹ О русских доходах греческих афонских монастырей см. в *Афонской экспедиции*. Н. П. Кондаков пишет о Ватопеде:

Наиболее удачи мы имели в знаменитом Ватопеде... где мы нашли столь же радушный прием, сколько богатый запас древностей: просвещенная братия Ватопеда, пользующаяся ныне полным благоденствием и радушным руководством, недаром славится гостеприимством и благосклонным приемом ученых. Ватопед разделяет с Лаврою славу древней царской обители, обогащенной вкладами, но в отличие от Лавры счастливо сохранил [в России] свои имения и доходы, а потому представляет собою богатейший монастырь, редкостной красоты снаружи и изнутри и необыкновенной живописности своих даже новых построек... Здесь образцово содержится драгоценная библиотека, а собор представляет собою музей редких икон, в драгоценных по древности и художественным формам окладах, стены собора украшены мозаиками, единственными на Афоне, а в ризнице сохраняются замечательные византийские древности... (С. 17).

⁶² На обороте л. 71 запись: «Ватопед: Профитолог № 542, Евангелие № 685, 687, 704, 707, Стихирарь № 893, Триодь № 950».

В отчете Смоленского (РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 85, л. 7, 9 об.) сохранился перечень, из которого следует, что в Ватопедском монастыре снято 2 переплетных отрывка Евангелия — 4 снимка. Из них сохранилось 2 фотокопии, одна находится в РГИА (ф. 1119, оп. 1, № 218, л. 31), другая в РНБ (ф. 536, оп. 3, № 547: Альбом *Varia*), шифры их не установлены.

Фотокопии Стихираря № 893 сохранились в разных фондах. 56 негативов — РНБ, ф. 536, оп. 3, № 528—530). В фонде Прокофьевых находятся фотоснимки л. 42 об. — 43, 47 об. — 48, 58 об. — 59, [84], 115 об. — 117, 122 об. — 123, 124 об. — 125, 128 об. — 129, 130 об. — 131, 143 об. — 144, 149 об. — 150, 185 об. — 186, 196 об. — 197, 212 об. — 216, лист без номера (всего 19; РНБ, ф. 1175, № 420 и 421). В РГИА содержатся снимки л. 173 об. — 175 (2); в РИИИ л. 34 об. — 35, 124 об. — 125 (2). Общее число негативов и снимков — 79 (сделано было около 220 снимков).

Затем начал показывать всякие новогреческие певчие книги, хорошо зная, что мы ими нисколько не интересуемся. Наш «профессор», то есть Петр Алексеевич, сидел молча, но затем вдруг вообразил, что в Ватопеде могут быть глаголические рукописи. Поэтому он прочитал хлопавшему глазами монаху чуть не лекцию о значении глаголицы, начав со времени до Кирилла и Мефодия и кончив В. И. Григоровичем⁶³. После этого монах весьма равнодушно вспомнил, что в конце какой-то рукописи есть криптография, им однако разгаданная. Он показал это Петру Алексеевичу, и разговор о глаголице тем закончился. Наконец, мы попросили о. Германа показать нам отрывки, когда-либо найденные между пергаменами. На это он вынул нам 6—7 тетрадей со всяким набором и сверток не переплетенных еще вновь найденных обрывков. В последних нашелся очень древний лист Евангелия со знаками, взятый нами для фотографирования. Таким образом все наши надежды на поживу в Ватопеде ограничились отличным Стихирарем № 893, в конце которого оказался и Октоих. Уже первые впечатления подсказывали, что эта находка очень хороша. Но о. Герман сказал, что он не может дать нам эту рукопись в номер, но принесет ее сам и просит снимать фотографии только при нем. Такое заявление нас обескуражило тем более, что было прибавлено о времени готовить обед, о надобности отдохнуть и возможности только после того продолжить занятия. П. А. Лаврову он отрезал напрямик: «до завтра». Пришлось удалиться домой и ожидать, пока о. Герман пообедаст и отдохнет от трудов своих. Но обрывок из Евангелия, в котором нас увлек нижний знак \perp , он все-таки доверил нам, и понятно, что мы, как голодные, немедленно сняли его. Затем мы захандрили и разлеглись по своим постелям. В хандре — все плохо: плохо был и обед, плохо было и вино, и ягоды тутовые (шелковицы), плохо было от припека, ветрено было в тени на балконе, сквозило в коридоре, плохо было от мух и скнипов — все было досадно, гадко от нашего бессилия перед пошлостью наших невежд-хозяев, изысканно вежливых снаружи. Мы были все время любезны и внимательны до последней меры нашего умения владеть собою, и я совершенно недоумеваю, чем именно, кроме расплаты за подвиги бывших до нас ученых, заслужили мы такое к себе отношение, да притом в Ватопеде?⁶⁴

⁶³ То есть трудами ученого-слависта Виктора Ивановича Григоровича.

⁶⁴ Под «подвигами» русских (на самом деле — далеко не только русских) ученых здесь понимаются такие действия ученых XIX столетия, как похищение отдельных фрагментов рукописей, а иногда похищение или «негласная» скупка целых книг. На этом поприще «прославился», в первую очередь, Порфирий Успенский, но

После скудного обеда мы занялись принесенным Стихирарем и решили использовать его, несмотря на стеснительные условия, предъявленные о. Германом. Но вскоре оказалось, что ему сделалось скучным наблюдать за нами, так как я с Антонином Викторовичем действительно увлекся этой чудною рукописью. Вскоре мы решили снять Страстную Неделю с Неделей Ваий и затем весь Октоих, присовокупив к нему и все антифоны восьми гласов. Это дало почти до 90 снимков, изготовление которых заняло у нас время с 1½ дня до 5 часов вечера. В течение этой работы явилась мысль сегодня отбыть в Есфигмен. Намерение наше однако подало повод к заявлению о. Германа, что сегодня нам нельзя будет отбыть до разрешения эпитропов, так как без их согласия нельзя получить ни лодки, ни мулов... Но потом нам сообщили, что нет лодки свободной и нет гребцов. Когда сопутствующий нам о. Гавриил заявил гостиннику, что мы ни за что не возьмем мулов, так как у нас много стекла, которое тяжело и может разбиться о скалы, что в случае крайности он, о. Гавриил, наймет вольную лодку... — тогда в ответ нам сказали, что лодка нашлась, нашлись и рабочие, что даже и подул попутный горный ветер. На такое заявление мы живо собрались, расплатились, закупили консервов (ибо про Есфигмен и Хиландарь слава плохая) и выехали на отличной лодке с тремя молодцами греками. Сев на лодку, я сосчитал, что Ватопед нам стоил около 10 меджидие.

Вскоре подул энергичный горный ветер (вечерний), и мы полетели на лодке стрелой. Выгода, кроме удовольствия прогулки на лодке, получилась та, что через 1 час 5 минут мы уже были у Есфигмена. Тот же путь горами длится от Ватопеда 3½ часа. Не считая усталости, нам бы потребовалось не менее восьми мулов, следовательно и поштучной за них платы. Таким образом прибытие на лодке было приятнее, скорее и дешевле.

Есфигмен с моря — прямо величествен. Вода бьет ему прямо в фасад на всем протяжении его огромного по берегу здания. Мы прошли большим садом кругом монастыря, так как ворота входные находятся с горной стороны. По дороге мы видели колоссальный лук, стрелка которого, думаю, около двух аршин, а цветок — шаровидный — с эту страницу. Тут же мы видели чудесные, спелые уже смоквы и вообще все то, что свидетельствовало о сильном здесь тепле и припеке.

Вечерняя трапеза свидетельствовала о бедности монастыря, но зато радушие о. Пахомия заставило забыть недостатки трапезы. Оказалось, также, например, и упомянутый выше горячо почитаемый Смоленским В. И. Григорич.

что о. Пахомий вместе и библиотекарь. Он с первого же раза предложил не утруждать себя хождением в библиотеку и довольствоваться тем, что он доставит все желаемое нами к нам в номер. После Ватопеда такая любезность нас удивила. Хотя Лавра и Ивер приучили нас к любезности греков — Ватопед испортил это мнение в одни сутки.

27 июня, вторник [Есфигмен]

По первому же впечатлению сняты 2 страницы Евангелия № 18, так как этот экземпляр великолепен и обнаружил разности нотирования. Все остальные рукописи не представили собою ничего интересного. Наконец, мы добрались до знаменитого Ирмолога № 54 (по Ламбросу № 2067 — XIV век?) и предчувствовали биение сердец. Драгоценная рукопись величиною ровно в эту страницу, а внутри, как отмечено на обороте 66 страниц⁶⁵, Ирмолог оказался сходным по окончаниям ирмосов с № В 32 Афанасиевской Лавры. Знамена писаны киноварью, но счета канонов и тональных знаков, как в Иверском Ирмологе, здесь, к сожалению, совсем нет.

(В этом моменте нас вместе с любезным о. Пахомием сняли в фотографию в нашем номере архондарика⁶⁶.) Но слава Есфигменского Ирмолога значительно померкла в наших глазах после того, как мы уже видели три Ирмолога целых, а не с конца 2-го гласа, как здешний. Притом же и сходство его с двумя из них и бо́льшая подробность Иверского привели нас к мысли не снимать его весь, как думалось в России, а снять лишь по 4 листа из начала каждого гласа, во внимание к широкому письму Есфигменского Ирмолога. К 12½ часам снимки были закончены.

Несмотря на жару, мы сходили на соседнюю гору, где, по преданию, будто бы спасался Антоний Печерский-Киевский. Дорога туда, конечно, отчаянная, но вид на Есфигмен прелестен. Были и на часовой башне

⁶⁵ На обороте листа с этой записью (л. 73 архивной пагинации) Смоленский отметил скобками «внутреннюю вышину» и «ширину страниц» Есфигменского Ирмолога, записав:

Письмо до л. 45 об. 20 строк на странице, а с 46-й и до конца по 17 строк. Перерыва нет (?) и почерк одинаков.

И далее, на об. л. 75:

Сняты 27 июня: из 3-го гласа — л. 9—12; из 4-го гласа — л. 26—29; из 5-го гласа — л. 42—45; из 6-го гласа — л. 58—61; из 7 гласа — л. 92—95; из 8 гласа — л. 113—116.

⁶⁶ См. эту фотографию в *Иллюстративном приложении*.

с классически простыми трехколесными часами. Взял на память камышу для мундштуков Есфигменских.

Вскоре после этого путешествия мы сделали визит настоятелю Герасиму, который произвел на нас впечатление работающего, образованного человека. Он говорит, конечно, по-гречески, но владеет достаточно русским, французским и немецким языками.

(Этот о. Герасим Смирнаки своею книгою встал русским афонцам прямо костью в горле. Он расписал в книге все ловкости, с помощью которых русские теперь в сущности культурно завоевывают Афон, отбивая его у греков всевозможными способами, более же всего, конечно, деньгами и поддержкою из Константинополя⁶⁷. Конечно, следует сказать, что в некоторых отношениях русские оказались гораздо настойчивее, предприимчивее и разнообразнее греков в исполнении задуманного, и греки не выносят этого превосходства русских.

Русские монастыри и скиты, равно и Зограф, несмотря на поленья, бросаемые им под ноги в Протате, богатеют с каждым годом и обстраиваются лучше, а греки — беднеют.

О. Герасим Смирнаки, по словам русских, попался в чем-то на австрийской службе и спасся бегством в Грецию; здесь он вторично попался в чем-то и спасся тем, что постригся на Афоне в монахи. Здесь, среди всякого мужичья, он, конечно, скоро выдвинулся, особенно же благодаря влиянию своего брата, епитропа Лавры (мы видели здесь эту фигуру). Герасима сделали сначала членом Протата (здесь именно он и изучил архив Афона), а потом его выбрали в настоятели Есфигмена.

О. Пимен в Пантелеимоновском монастыре говорил о Герасиме прямо с ненавистью. Он говорил и мне, что выписал все «80 страниц клеветы против русских» и напечатает возражение.

Случайно видевший эту книгу А. В. Преображенский прочитал между прочим в ней несколько злых страниц против Пантелеимоновского мона-

⁶⁷ Эта книга вышла в Афинах в 1903: Σμυρνάκης Γ. Αγίον Όρος. По свидетельству М. Г. Талалая, репринт книги, опубликованный в Афинах в 1988, распространен и ныне в греческих афонских монастырях. На книгу Герасима Смирнакиса (Смирнаки) имеется ряд отсылок в отечественной Православной энциклопедии (в конкретных описаниях сокровищ афонских греческих монастырей). По замечанию П. Троицкого, эту книгу можно считать одним из наиболее серьезных трудов, написанных об Афоне на греческом языке.

Разумеется, о. Герасим принадлежал к «анти-русской» партии, однако, как видно, с учеными русскими гостями он был вполне любезен и способствовал их работе.

стыря. Например, Герасим рассказывает, как русские подкупили членов Протата (? — стало быть такой подкуп возможен?) и выбрали русского игумена вопреки (?) условию перехода монастыря от греков к русским (?); что русские в Пантелеимоновском монастыре выстроили такой роскошно-неприличный архондарик, какого не могло быть у афонцев-греков, так как инокам нужны скромные келии, а для гостей — лишь ночлег, и тому подобное.)

Он показывал нам свое большое сочинение об Афоне. После этого свидания, заплативши всего около 6 меджидие, мы выехали в Хиландарь около 6 часов вечера.

Дорога эта сплошь живописна, а перед Хиландарем даже отлично шоссе, как говорят, — единственная на Афоне.

28 июня, среда [Хиландарь]

Спали все против ожидания хорошо, без ожидавшихся нападений «врагов видимых и невидимых». С вечера было очень душно, но всякие обтирания мокрым, открывания окон помогли горю. В 6 часов утра солнце уже начало припекать чувствительно. Пишется далее Хиландарскими чернилами, так как расплывающиеся Ватопедские становятся неприятными, не говоря уже о напоминании ими Ватопеда, самая мысль о негостеприимстве которого противна. Мы не видали в знаменитом по богатству Ватопеде даже его ризницы. Чем мы заслужили это, не могу понять и до сих пор. Понимаю лишь резкие отзывы многих путешественников на нелюбезность и негостеприимство богатых эпитропов, живущих действительно подобно турецким пашам, — то есть свободно и в полное свое удовольствие, потакая себе во всем, что только может взбрести на ум скупающему от бездействия необразованному и властному человеку⁶⁸.

⁶⁸ Таким «путешественникам» еще в 1870-е годы отвечал близко знавший афонскую жизнь Константин Леонтьев:

Богатый проэстос афонского идиортима на многих, и набожных и неведующих, людей производит дурное впечатление... «Что за монах! — говорят люди — это не инок; это какой-то богатый и лицемерный прелат». Правда, эти люди больше похожи на прелатов или на богатых мирян, у которых набожность соединяется с любовью к роскоши и независимости. Но что же в этом худого, во-первых? А во-вторых, именно своею светскостью, своим богатством, весом и связями эти люди иногда в высшей степени полезны остальному Афону. «Это столбы наши», — говорил мне про них один русский игумен. Не аскет, который не выходит из пещеры своей, будет отстаивать афонские права, а проэстос в шелковой рясе... (Леонтьев К. Н. Панславизм и греки // Леонтьев Константин. Византизм и славянство. М., 2007. С. 47).

Хиландарь лежит в маленькой котловине между множеством гор и потому не имеет далеких видов, так как к тому же — затонул в зелени со всех сторон. Постройка и утесненность между горами препятствуют ветрам внутри чрезвычайно душного двора.

Библиотека дала нам полный ноль в юго-славянском смысле, то есть самое полное отсутствие болгарских и сербских певческих памятников. Жестоко слово сие! Нам дали лишь известных два русских памятника № 377 и № 368 и как бы в подтверждение наших опасений — рукопись «новоизобретенного» сербского пения — без номера середины XIX века! Эта рукопись писана в нотных знаках карандашом и есть то самое, что было напечатано в более пространным изложении в двух томах в Белграде⁶⁹. Библиотекарь о. Савва⁷⁰ — старый чех, давно заведующий библиотекою и весьма любезный, категорически заявил нам насчет болгарских и сербских древних нот: «нѣма нищо». Мы расспрашивали и насчет обрывков, и насчет Евангелий со знаками для чтения нараспев — ответ также: «нема нищо». Даже драгоценный № 368 (?) (русский) не произвел впечатления⁷¹.

Нас, глубоко огорченных, позвали в заседание эпитропов. Здесь мы застали семерых старцев и обычные церемонии с глико, ракией и благословением. Были повторены обычные жалобы, что греки жгли умыш-

⁶⁹ Под «новоизобретенным сербским пением» имеется в виду запись той буквенной нотацией, о которой Смоленский говорит в начале Афонского дневника и в очерке «О древнерусских певческих нотациях». См. об этом в *Афонской экспедиции*.

⁷⁰ Н. П. Кондаков называет о. Савву в числе наиболее выдающихся представителей ученого афонского монашества (см.: Кондаков Н. П. С. 19).

⁷¹ № 377 — по каталогу Богдановича № 307 (см.: Богдановић Д. Каталог кириллических рукописа манастира Хиландара. Београд, 1978. С. 131). Старый шифр (№ 377) указан по неопубликованному каталогу, хранящемуся в Хиландарском монастыре: Савва Хиландарец. Каталог библиотеке Хиландарске на св. Гори Афонској. 1906 и 1908 гг. Рукопись представляет собой Стихирарь Постный и Цветной XII в., на 109 л., нотация знаменная.

Около № 368 в тексте Смоленского стоит знак вопроса: скорее всего, это № 378, который по каталогу Богдановича значится под № 308: Ирмологион XIII века на 72 л. Пергамен. Русской редакции, киевское правописание, раннеславянская невменная нотация (знаменная), содержит 199 ирмосов.

Альбом фотоснимков рукописи Хиландарского монастыря № 377 не вошел в описание Смоленского, но сохранился в архиве ОЛДП. Его внешний вид отличается от других афонских альбомов. На корешке отсутствуют название и указание на шифр рукописи (эти указания есть на фотоснимках). Снимки имеют вид негатива, то есть лист темный, а текст светлый, формат 13 x 18. Сохранились листы: 13—16, 18—31, 33—49, 51, 53—58, 63—64, 82—89, 91—103, 105, 154—177 (177 — 2 экз.), 178 (2 экз.) — 183, 185—88 и 3 без номера. Всего 105 снимков.

ленно все славянские рукописи, что турки делали патроны и тому подобное. На это я возразил однако, что в Берлине, Вене, Париже, Лондоне, Москве, Риме могли же уцелеть певческие рукописи, если бы они были... ведь не всюду же были все ненавистные греки? Не склониться ли потому к печальной мысли, что сербских и болгарских нот совсем не было и турки с греками, действительно истребляя рукописи, не могли же выбирать для уничтожения именно певческие рукописи? (См. также у Барского⁷².) Почему в самом деле даже в Хиландаре, среди множества славянских Евангелий, не нашлось ни одного со знаками? Почему же нигде не сохранилось хотя бы случайных вставных статей с какими-нибудь нотами?

Такие мысли я изложил и в памятной книге путешественников Хиландарского монастыря. Обед был по Хиландарской мерке наилучшим, но мы с удовольствием вспомнили, что завтра разговенье, что завтра можно думать о конце строгого питания с таким разнообразием: картофель, тыквы, огурцы, или: тыквы, огурцы, картофель, или: тыквы, картофель и огурцы. Разнообразие этого питания — всякие фасолевые, чечевичные похлебки и... вечное красное вино — от скверного, близкого к уксусу, до плохого включительно, но все же красного. Единственный раз мы пили хорошее красное — в Ксиропотаме, и затем я закаялся по этой части. Только жареные «тыквички» в тонких ломтиках бывали иногда очень вкусны, да некоторые рыбки («пса́ри») несколько разнообразили еду. В остальном все было очень плохо, исключая Иверского монастыря,

⁷² На обороте л. 77 Смоленский сделал выписки из книги Григоровича-Барского по поводу Хиландара:

Про Хиландарь у Василия Григорьевича Барского (Второе посещение Святой Горы, л. 256 по изданию Пантелеймоновского монастыря). 1744 г.: «Тамо обитают иноцы Сербы, мужие благословенны и добродетельны, обаче просты и малокнижны. И не дивно: кто в чесом не искусен, в том бывает и не стяжателен».

И тут же дописка Смоленского:

Для очищения совести все-таки сняты страницы 368—369 из карандашной записи конца причастна на Духов день с началом службы апостола Петру и Павлу и из старорусского Ирмолога (л. 30 об. и 31) «Поим Господеви» и «В глубине потопаи древле». Первый сборник озаглавлен «Пение Гаврила Иеромонаха монастыря Волявч (обрезано) в Белграде. 3 Новембер, аю (обрезано). Второй сборник описан всеми (см. л. 5 об. — «Псалтика на 72 листах»). Евангелие в Хиландарском соборном алтаре, писанное сплошь золотом (с певческими знаками) — восхитительно! Но его нет у Ламброса.

Относительно «Псалтики» Смоленский отсылает самого себя к собственным библиографическим выпискам в начале Дневника, где фигурирует эта рукопись.

где по крайней мере было разнообразие в вареньях при глико и в простуде после купания даже нашелся коньяк — услуга о. Гликерия, точно названного нарочно для заведования по части глико. «Ракия», то есть крепкая водка, выгоняемая из выжимок винограда, смешивается с разными душистыми травами, преимущественно анисом. Ракия — бесцветна, как свежая ключевая вода, и сильна, как одеколон. В Пантелеимоне официально ее не существует «воздержания монашеского ради», но неофициально — сколько угодно, ибо, не говоря уже о «малонадежном» Андреевского скита фотографу о. Леониде, и наш Пантелеимоновский фотограф о. Гавриил также не прочь возвеселиться даже красной кислятиной до степени первого восторга.

Наконец, в начале 4-го часа нас взяла такая предвыездная тоска и томленье от жары, что мы решили напиться прощального чаю. Долгоносый гостинник о. Захария изумился нашему желанию, но однако сказал «цицась», и вскоре появился холодный самовар с налитым в него кипятком. Нервы у господ членов экспедиции Анастаса Николаевича и Антонина Викторовича так расходились, что они оба начали пустословить и проделывать друг над другом всякого рода нелепости, пока, наконец, вскоре то не надоело им самим. Действительно скучно, следует признаться, сидеть без работы, да еще в утесненном горами, душном Хиландаре. Но до отъезда в Зограф уже остается какихнибудь 1½ часа: жар свалит, и в 5 часов мы трогаемся на мулах к Зографским 4-м рукописям, указываемых Епископом Порфирием за болгарские и с болгарскими нотами XIII века. Ужели же это правда после стольких неудач!

29 июня [Зограф]

Дорога от Хиландаря к Зографу состоит из огромного подъема на хребет, весьма крутого и тяжелого по отвратительному состоянию пути, и из весьма пологого спуска с хребта, устроенного Зографским монастырем гораздо лучше. На вершине хребта вдруг оказалась прекрасная полянка, и это дало возможность снять нашу экспедицию в ее следовании на семи мулах с двумя провожатыми черногорцами⁷³. С этого же места вдаль было видно море, и эта панорама волнистых гор и далеких островов была удивительно красива. Не менее очарователен был вид на открывшийся вдаль между гор Зограф. Но тот же Зограф с северо-востока вблизи неописуемо живописен! Это безусловно лучший из сухопутных видов Афона! С этой

⁷³ Фотоснимок около Зографа сохранился. Он находится в ОР РНБ (ф. 816 — Н. Ф. Финдейзен, № 1853).

же близи видны налево, у страшной, отвесной пропасти две пещерки, артистически выбранные в своем месте, осмысливающие восхитительную картину. Над нами, наблюдателями, возвышалась также отвесная огромная скала, из-за которой солнце освещало только верх противоположной стороны. Светлые две келии, маленькие, белые, у пещер, напоминали ласточкины гнезда. Они были освещены, а пропасть внизу чернела. Здесь недоставало только воды, — вид этот восхитителен. Но бывший перед глазами несколько правее Зограф оказался еще более живописным. Вид этот увлекал тем более, чем глубже мы спускались в долину и потому — чем выше над нами вырастал Зограф. Неожиданно оказалось, что мы спустились в долину так низко, что Зограф вдруг скрылся от нас, заслоненный близлежащим скитом на высоком холме. Когда мы переехали мост, то от классически простой часовни с двумя огромными за нею кипарисами вдруг открылся тот же Зограф с юго-запада. Это — колоссальный замок, видимо богатый и отлично перестроенный заново во всем. Сзади Зографа огромная скала. Фасад монастыря — на запад. Первые впечатления при въезде — огромная зажиточность, отличный порядок этого крупнейшего болгарского монастыря⁷⁴.

⁷⁴ По поводу Зографа Смоленский сделал еще одну выписку из Григоровича-Барского (л. 81 об., начало по указанному изданию — с. 254):

Книг же не имут излишних, точию церковнии, ибо Болгарский народ зело прост и не книжен. Аще прежде и бяху рукописны, но во время опустения монастыра или стореша, или разнесошася.

Говоря об упорстве болгар в чтении по новоисправленным книгам, но с умышленным притом «пременением словес и превращением оксий», Барский восклицает (С. 263):

Сим приличествует рещи, яко сии человецы возлюбиха паче тму, неже свет. Обаче горе глаголющим свет тму, а тму свет, злое доброе, а доброе зло. Зело аз сожалех о сем и много их увещевах, да престанут от таковых прелестных заблуждений, обаче ничто же успех, понеже простота их, неучение, наипаче же самомнение и упорность не подаваше слуха.

В начале XX века монашеская братия Зографа составляла более полутора сотен человек (кроме послушников и работников). На самом деле библиотека Зографа была весьма обширной, а относительно славянских рукописей — второй по значению на Афоне (после Хиландара). Правда, количество очень древних рукописей в ней было относительно невелико. Самую ценную из них — Зографское Евангелие (XI—XIII века), часть которого является древнейшим памятником славянской глаголической письменности, — братия в 1860 подарила русскому императору Александру II (ныне в РГБ).

Что касается певчих рукописей, то греческих певчих в Каталоге Ламброста было отмечено 64, но более позднего периода, нежели те, которые искала экспедиция.

Излишне говорить, как ласково нас встретили здесь и как хорошо угостили вскоре по прибытии из скудного во всем Хиландаря. Старцы затем заматались от усердного радушия, с которым нам предлагалось занять то тот, то другой, то третий номер. Вскоре появились у нас газеты болгарские и русские. Мы обрадовались даже и «Новому времени» от 12—15 июня, даже скуднейшим от турецкой цензуры известиям константинопольской болгарской газеты. Наше общество неожиданно увеличилось Николаем Павловичем Павловым, купцом (парчи), ехавшим с А. Н. Николовым вместе от Варны до Константинополя и случайно опять на этом пароходе от Константинополя до Афона. Оба они вытерпели всякие мытарства, но для нас была интереснее возможность послать с отъезжавшим на утро в Россию письма к нашим дорогим на родине. Поэтому наша экспедиция стала писать, и вскоре, снабдив господина Павлова письмами даже без марок, мы залегли спать. Вместо расхода на марки мы обещали снять фотографически господина Павлова с его провожатыми на мулах⁷⁵.

29-го утром проспали все. Я спал очень дурно от духоты. Снилось все время торопливое фотографирование с какой-то удивительной рукописи, которую не давали в руки, показывали бегло и не позволяли изучать... Затем мы прослушали всю обедню от чтения часов до Чина Панагии в трапезе и до возвращения в храм игумена Григория⁷⁶, благословившего нас. В начале литургии паракклисиарх сначала раскачал винтообразно паникадило с зажженными свечами и затем зажженный же хорос. Таким образом почти до Херувимской паникадило описывало круги, а хорос вокруг него двигался то направо, то налево. Это было очень красиво. Пели — омерзительно гадко, гнусаво, неразборчиво в словах. Но греческие мелодии мне начинают нравиться с каждой службою все более и более, конечно, однако, кроме тех фиоритур, которыми уже от себя проявляют некоторые певцы как бы «высшее искусство». А. Н. Николов, конечно, приходит в бешенство, но выслушивать певцов вынужден. Он глубоко удовлетворен и тем, что хоть весть о его открытии дошла все-таки до Афона.

После трапезы все сочли долгом выспаться вторично и затем взялись за свои дела. Я писал эти страницы, Антонин Викторович, Анастас Николаевич и о. Гавриил — проявляли накопившиеся дюжины негативов, которые негде было проявить ранее.

⁷⁵ Этот снимок сохранился (см. в *Иллюстративном приложении*).

⁷⁶ Портрет настоятеля Зографа см. в *Иллюстративном приложении*.

(Незнание здешнего библиотекаря о. Симеона так велико, что он показывал нам обыкновенную беспоповщинскую поморскую рукопись, уверяя в ее древности и болгаризме. Между тем она XIX века и к болгарскому имеет лишь отношение по нелепой надписи какого-то борзописца-болгарина, равного по знаниям о. Симеону.

Эта рукопись № 5. Надпись: Книга сия Октай написася смиренным черноризцем Цветаном во повелению господара Гергия блаженнейшего архиепископа първе Иустинияна всем българом сръблем македонии албании боснии угровлахии и прочим дакийским землям патриарх и обладатель. В лето от Рожества Христова ах̄зі. 231 л.⁷⁷

Упоминаемый здесь библиотекарь о. Симеон, просто сказать, непроходимо глуп. Он нашел одну рукопись XVII—XVIII века бумажную, по которой занимался П. А. Лавров и в которой была вырвана варварски целая тетрадь так, что почти половина [от] вырванных листов осталась в рукописи и разрыв был сделан поперек текста. Когда я, возмущенный подозрениями о. Симеона, указал ему, что подобное похищение прямо глупо, а для П. А. Лаврова прямо невозможно, так как никто не польстится на листы бумажной рукописи, а тем более на ни на что не надобную половину, — о. Симеон все-таки стоял на своем. «Я этого раньше не видал, а после П. А. Лаврова увидал. Может быть, ему и половины нужны, чтобы сравнивать буквы». Тщетно я указывал о. Симеону, что на вырванных листах даже есть пагинация, сделанная бывшим библиотекарем, — он стоял на своем: «нет, я должен доложить собору!» Интересно, что увидя Петра Алексеевича, он не устыдился и оскорбил его... [лакуна] Петр Алексеевич так обиделся, что немедленно уехал из Зографа. Я бы не уехал, а попросил сейчас же настоятеля и доказал бы ему меру глупости о. Симеона, сам же продолжал бы делать свое дело.)

В 6 часов вечера вновь с глубоким огорчением я должен записать, что и в Зографе «нема нищо» по части не только славянского пения, но даже и богослужебных книг с знаками для пения нараспев. Таким образом так называемый «Куприяновский» лист Евангелия XI века, находящийся в Санкт-Петербургской Императорской Публичной Библиотеке и найденные мною листки в Софии, пожалуй, еще нечто сомнительное в листках Болонской Псалтыри, указанное Ягичем⁷⁸, — вот все, свидетель-

⁷⁷ Если дата переписана Смоленским правильно, то она — 1680 год. Непонятно, как рукопись с такой датой может быть названа «беспоповщинской» и «поморской».

⁷⁸ О работе И. В. Ягича см. в *Письмах*.

ствующее о нотации чтения нараспев; по части собственно церковного пения у болгар и сербов — самое полное «нема нищо», а у греков — одна роскошь, у нас русских — такая же роскошь. Приходится усомниться даже и в существовании у сербов древних рукописей с такою нотациею, какая употребительна у них в печати и в практике даже и сейчас. Но хорош же и «знаменитый» Порфирий Успенский, указавший в Зографе три Триоди XIII века! На одной из них (№ 1) есть даже карандашом на задней доске арифметическая выкладка: $6759 - 5508 = 1257$ год — а рукопись-то бумажная, и не то что «с болгарскими нотами», а и совсем без каких бы ни было нотных знаков⁷⁹.

Присутствовавший при моем огорчении П. А. Лавров подтвердил, что уже не в первый раз замечания Порфирия Успенского оказываются неосновательными, и указал, что недавно господин Бенешевич ездил нарочно в Фессалию и убедился только в своевольности и фантастичности выводов «знаменитого» Порфирия Успенского⁸⁰. Впрочем, чем лучше его бывает иногда даже и пресловутый Ламброс?

Но неужели в самом деле нет более ни болгарских, ни сербских певческих и распевно-читаемых рукописей? Я совершенно этого не думаю и продолжаю верить, что они все-таки найдутся. Не может быть, чтобы не было рукописей! Ведь откуда-нибудь произошла же запись болгарского распева в наших южно-русских рукописях?

Мы решили, однако, остаться здесь ради отличной темной комнаты. По проявлении вскоре негативов мы вернемся в Пантелеимон. Сегодня проявлено около 4-х дюжин, а осталось более 9-ти.

30 июня, пятница [Зограф]

С раннего утра очень жарко и душно. На небе ни одного облачка, в воздухе ни одного ветерка — все стоит недвижимо, лист не колыхнется, птицы молчат, солнце печет во всю силу. Встали в 6—6½ часов и после чаю все принялись за работу.

⁷⁹ Современные данные подтверждают отсутствие в собрании Зографа (за очень небольшим исключением) древних рукописей, как греческих, так и славянских (основное ядро собрания сформировалось во второй четверти XIV века). См., например, статью «Зограф» в Православной энциклопедии (Т. XX).

⁸⁰ Владимир Николаевич Бенешевич (1874—1938), видный русский канонист, археограф и палеограф, совершил множество экспедиций по Греции, Турции и православным славянским странам, в том числе многократно ездил на Афон. Фессалия — исторический регион на северо-востоке Греции, на побережье Эгейского моря.

Успокоившись за ночь, убедившись в постигшей нас неудаче, хотя и предвиденной, но все-таки не представлявшейся в смысле полного отсутствия на Афоне славянских рукописей, я предался размышлениям и соображениям о том, что теперь надобно сделать, чтобы возвратиться домой, не краснея и не стыдясь по поводу такой неудачи? Очевидно, что надо усилить то, что добывается на Афоне, то есть снимки с рукописей греческих. Очевидна вместе с тем несостоятельность бывшей мысли о надобности экономить на числе греческих снимков ради предполагавшихся к находке славянских рукописей. У нас, оказывается, было всего 55 дюжин стекол 13 x 18; следовательно, полагая всякие неудачи в снимках, мы можем иметь все-таки не менее 600 экземпляров этого формата, и число это увеличивается еще снимками формата 18 x 24, а также и имеющимися запасами пленок. Таким образом второе путешествие по знакомым уже монастырям и увеличение числа снимков продолжением их снятия с намеченных уже мест знакомых уже рукописей — вот дорога для завершения дела успешности экспедиции.

Для того надобно перед этим вторым путешествием закончить первый круговой объезд монастырей, то есть окончательно использовать рукописи Дохиара, как теперь попутного, и окончательно же использовать местность монастырей от Симонопетра до Святого Павла, чтобы в нее не возвращаться. После этого второе путешествие рисуется в виде возвращения в Лавру через Андреевский скит и Кутлумуш, посещения Филофея, Каракалла, посещения вновь Ивера, Ватопеда (благо там есть еще второй Стихирарь) и Есфигмена; затем — возвращение прямо в Ивер, посещение Протатской библиотеки и, наконец, в Пантелеимон. После такого путешествия, конечно, можно возвратиться в Петербург не краснея, ибо и достоинство греческих материалов будет огромным и единственным в своем роде, главное же — совершенно полным и оттого до избытка достаточным.

Так и да будет! Подготовительный шаг к исполнению такого решения должен состоять перед отправлением во второе путешествие в подведении в Пантелеимоне полного итога первого путешествия. Это рисуется пока в классификации всех проявленных негативов, нумерации их и составлении полного их списка, равно и тома отпечатков со всех негативов. Коротко сказать — в полном уяснении себе, что именно надо снимать впредь из каждой намеченной рукописи, чтобы коллекция была совершенно полною и внушительною по своему содержанию, чтобы внимание было обращено только на фотографирование, а не на выбор текстов.

Исполнение такого плана совпадает и с временем, находящимся в распоряжении у членов экспедиции. Исключается заблаговременно бесполезный ее член, думающий только о славянщине и совершенно равнодушный к музыке, — профессор П. А. Лавров. Принимается во внимание необходимость А. В. Преображенскому быть в Петербурге к 1 августа непременно и желание его видеть свою семью в Одессе перед тем хотя бы несколько дней. Принимается во внимание необходимость очередных служений о. Гавриила в Пантелеимоновском монастыре. Наконец, принимается во внимание и размер наших денежных средств. Последних, не считая имеющихся у меня на руках около 150 с небольшим меджидие, то есть около 250 рублей, вычитая и моих лично 350 рублей, должно быть 118 фунтов стерлингов + 500 рублей, или всего около 1200 рублей с небольшим. Кладя на обратную дорогу каждому по 125 рублей, всего 500, на вознаграждение о. Гавриила около 200 рублей, — на остальные 500 рублей можно сделать второе путешествие вполне свободно.

Завтра мы расстаемся с П. А. Лавровым. Он проводит нас до Зографской арсаны и возвратится сюда и затем в Хиландарь, где намерен остаться недель около двух. О. Гавриил снимает ему фотографии здесь, а снимки с Хиландарских рукописей будут им сделаны позднее по списку, который вручит ему П. А. Лавров перед отъездом. Эти негативы будут потом досланы в Петербург отдельно⁸¹. Такой порядок, развязывая нам руки о. Гавриила, сохраняя для нас запас пластинок, ведет к покупке в Константинополе при обратном следовании для снимков Петра Алексеевича именно столько и таких пластинок, сколько и каких он назначит. Эта посылка будет адресована прямо о. Гавриилу. Затем я выдам П. А. Лаврову чек для получения надобной ему суммы на возвращение домой и мы расстанемся до свидания в Петербурге.

Сегодня решено предложить о. Гавриилу фотографический аппарат в вознаграждение его трудов для экспедиции и в обеспечение будущим экспедициям его будущего содействия. Так как этот аппарат с магазинной кассетой стоит свыше 200 рублей, то, следовательно, экспедиция вправе предложить о. Гавриилу доставить ей, на доставленных ему пластинках, столько снимков, сколько, по платежу за труд, было бы безобидно и выгодно для обеих сторон. Снимает о. Гавриил прекрасно, следовательно и результаты экспедиции в этом смысле обеспечены; хотя и мало

⁸¹ См. об этом в *Афонской коллекции* и в *Письмах афонских иноков*.

веселого в том, что мы возвращаемся в Россию только с греческим пением, но меня утешает мысль, что количество этого пения может открыть глаза русским ученым, даже и вне пения, на очень многое, хотя бы в области церковных текстов.

О. Гавриил оказался очень доволен сделанным ему подарком и обещал для экспедиции постараться в меру своих сил. Это доставило и нам значительное душевное удовлетворение — мне же, конечно, прежде всех.

После вечерни, во время которой пели омерзительно нестройно, я стоял рядом с о. настоятелем Григорием, — удивительно, по-видимому, уравновешенным старцем. Он в Зографе с 1853 года. После службы он заходил к нам и был так очарователен, что я проводил [его] до келлии. Сегодня дурно чувствовал себя А. Н. Николов.

Вечером, кроме меня, все гуляли в сопровождении красивого монаха-болгарина. Сегодня проявили 5 дюжин негативов, почему и утомились довольно.

1 июля, суббота [Зограф и Есфигмен]

Встали рано, но опять снились славянские рукописи... Слушал обедню в церкви недалеко от нашего номера, в память самосжегшихся в пирге (10 октября 1276 года) 26 мучеников, не пожелавших принять унию⁸². «Проявители» с утра принялись за свою работу. Негативы все идут прекрасно — невелики, но ясны.

Имею сейчас свободную пору времени, пока нет работы, и думаю отдать ее некоторым впечатлениям, полученным мною в Есфигмене. Я видел там несколько пустых и жилых келлий. Против нашего номера в архондарике оказалась вновь выбеленная келлия, приготовленная для нового жильца. Ее площадь, от имеющегося каменного устоя для крыши, несколько неправильна и представляет собою маленькую комнату, немного более 1-й квадратной сажени, примерно такой фигуры:

⁸² По современным данным, это событие относится к 1275 году.

По малом времени зломудренный папа Римский с Греческим царем, Михаилом Палеологом, яко лютые и злые волки, пришли в Святую Гору Афонскую, вторгулись в Христово стадо и распудили Христовых овец: иных разогнали, иных приневолили в свою веру, иных замучили до смерти. В это время в монастыре Зографе двадцать шесть человек были огнем сожжены; мучение их написано на стенах в великом соборном храме и во вратах монастырских (Инок Парфений (Агеев). Сказание о странствии и путешествии... Т. 2. М., 2008. С. 282).

Против малого окна есть дверь, у которой внешняя половина ходит [в] кривой загородке в аршин. Вероятно такое приспособление делается для вентиляции, ибо над дверью есть во всю ширину стеклянная приподнимающаяся рама, завешенная густою проволочною сеткою. В полуотворенную дверь из-за такой кривой загородки в келлии ничего не видно, зато в щели вверху и внизу двери, равно и в отверстие над дверью могут идти сильные струи свежего воздуха. Из коридора на каждой двери нарисовано черной или белой краской:

В келлии у греков нет «Божьего угла» с иконой, а иконы развешаны всюду, рядом с портретами, картинами всякого рода. Мебель «казенная» состояла в этой келлии из «одра», то есть двух досок, соединенных между собою с некоторым [пропуск: расстоянием?] в середине и с некоторым «возглавием», — и только.

В жилых келлиях я не заметил прежде всего какого-либо порядка, но мне кинулась в глаза общая нечистота, неприбранность, малое число книг, валяющаяся одежда и тому подобное. Келлии монахов-славян, такие же мужицкие, отличаются лучшим порядком и желанием внести в это малое жильё хоть какую-нибудь радость для глаз. Но келлия-пещера под церковью святого Антония Печерского, в которой он будто бы спасался, и келлия рядом с нею, в которой подвизался недавно умерший в ней схимник, — совершенно поразили меня⁸³. «Тут

⁸³ Есфигмен для России близок, так как здесь подвизался святой Антоний Печерский. В этой пещере мы были. Эта пещера иссечена в скале, называемой «Самария»; она составляет крутой морской берег, об который всегда ударяются шумящие волны. Она находится на четверти часа расстояния на восток от Есфигмена. Путь составляет горная тропинка, извивающаяся, как змейка,

только и можно одно — умереть и сгнить», — выразился столь же пораженный А. В. Преображенский. Действительно так! Невозможно и представить бóльшего отречения от всего, бóльшего молчания и сосредоточенности, как проживание в такой келлии! Дверь — щель, кое-как вырубленная в камне, чтобы как-нибудь войти в пещеру, — есть вместе и окно такой келлии. Встать во весь рост можно не везде. Единственное приспособление — нечто вроде ниши, где поставлены малая икона и лампада; на полу — одр из двух досок с возглавием; стены сыроваты и покрыты нацарапанными или накопченными крестами. Вне такой келлии узенькая тропинка вдоль утеса к имеющемуся тут роднику воды. Зато вид с этой тропинки на Есфигмен, на море, горы, далекие острова и берег Македонии неописуемо хорош. Здесь именно можно в тишине передумать и перечувствовать очень многое. Здесь и зима ведь тепла и зелена, — чего же она лишит в такой келлии?

Вспоминается мне и келлия о. Хризостома в Лавре. В ней несколько комнат, и это представляет собою целую квартиру, так как есть отдельная спальня, кабинет, столовая и приемная; коридор-передняя кончается балконом с видом на море и на ужасающие последствия землетрясения, разрушившего соседние с келлией о. Хризостома пирги и келлии. Конечно, о характере «монашеском», да еще «афонском», в такой квартире не может придти и в голову. Все стены украшены картинами самого разнообразного содержания. Тут и Александр III с семьей, тут и вид поражения русских войск при Ы-чжу, Ялу, Мукдене, тут и портреты Греческой, Болгарской, Султанской семьи, патриархов, митрополитов, Кондакова с братией и [т. д.].

Но всего более выразительно показала мне наличность нескольких сундуков, нескольких ряс и клобуков, а также мягкие, избалованные руки о. Хризостома, равно и его постоянно отличная по материи ряса, отлично на нем сидевшая. Здесь была очевидна разность между бедняком-рабочим монахом и теми, которых укоряют, что они беззаботно живут, как независимые турецкие паши.

полукругами между колючими кустами. Здесь построена очень приличная двухэтажная келлия. <...>

Пещера находится с восточной стороны келлии и иссечена в скале... В пещере есть образ святого Антония, пред которым постоянно теплится лампада (Митрополит Арсений (Стадницкий). Дневник. С. 183—184).

Епископ Порфирий (Успенский) сомневался в достоверности предания о жизни преподобного Антония Киево-Печерского в пещере Самария. Но подтверждено, что в разное время в этой келлии жили русские монахи.

К обеду Антонин Викторович и Анастас Николаевич успели проявить остальные 4½ дюжины негативов, и таким образом время до отъезда, пока высохнут пластинки, стало у всех свободным. Подождем, пока спадет жар, и затем тронемся на Зографскую арсану́.

2 июля, воскресенье [Зограф, Дохиар, Пантелеимон]

Пишется в Пантелеимоне. Перед отъездом [из Зографа] я пошел к малой вечерне, чтобы после службы проститься с настоятелем. Тем временем братушки всяких рангов, от эпитропов до аргатов⁸⁴, одолели Антонина Викторовича просьбами о снятии с них фотографий. Поэтому было решено после вечерни просить о. игумена Григория выйти из собора и снять их всех вместе с нами в одну группу. Такое решение привело братушек в сущее восхищение, тем более еще и потому, что я уплатил эпитропам 10 меджидие за наше содержание. Монахи наградили нас в свою очередь большими видами Зографа и копиями чудотворной иконы Георгия Победоносца, думая, что снимки их группы, только что снятой, будут им вручены сейчас же!

Наконец мы взмолились на мулов и, сопровождаемые колокольным звоном и всякими благословениями, отбыли в Зографскую арсану. Она оказалась такою же благоустроенною, как и все в Зографе. Мы выкупались в сильно волновавшемся море, прекрасно поужинали и залегли спать. Вечер был очаровательный.

Встали в 5 часов и вскоре после чая со сгущенным молоком (очень вкусным) двинулись на лодке в Дохиар. Поездка была прелестна, хотя и пекло сильно, несмотря на раннее утро. В Дохиаре мы помолились перед образом Скоропослушницы, и наше моление приняло неожиданную, совершенно трогательную форму. Мы поставили свечи перед иконою, и о. Гавриил предложил нам пропеть перед нею по-русски. Вслед за этим было пропето мною, А. В. Преображенским, А. Н. Николовым и о. Гавриилом: «Богородице Дево, радуйся», «Заступнице усердная», «Не имамы иныя помощи» и «К Богородице прилежно ныне притецем». Стоящий монах-грек (а перед иконою — постоянно чередуется неумолчное пение очередного монаха) был видимо озадачен нашим пением. Я был истинно счастлив в эти минуты тем, что на меня сошло молитвенное настроение и я успел горячо помолиться, помянув своих близких, равно и милую С. С. Волкову, поручившую мне вспомнить о ней у Скоропослушницы.

⁸⁴ Аргат — по-гречески наемник, рабочий. Снимок братии Зографа с участниками экспедиции см. в *Иллюстративном приложении*.

Икона эта оказывается написанною на стене. Поэтому в этом месте, с запада от главного храма, устроена сначала галерея, кончающаяся малым храмом. Икона очень стара, ради сохранения покрыта слюдой и стеклом, поэтому, следовательно, не вентилируется и, вероятно, очень уже давно испортилась⁸⁵. С зажженной свечью я едва разглядел несколько потемневших очертаний в лице Богоматери, гораздо же более видел порченые места, покрытые глубокой копотью. Но мастерство письма показалось и мне, даже в такой недоступности глазу, вполне несомненным.

Затем мы были в архондарике и были встречены обычными глико и кофе. Библиотекарь весьма любезно провел нас в собрание рукописей, помещающееся в верху высочайшего западного пирга. Здесь оказалась вторичная ошибка каталога Ламброста, ибо № 41, по его описанию «музыкальный кодекс XIII века», оказался совсем не тем. Мы ничего не снимали в Дохиаре и вскоре отбыли в Пантелеимон⁸⁶. Возобновилась морская прогулка, длившаяся около часа. Мы миновали Ксеноф, так как в нем, по Ламбросу, ничего не было нас интересующего. Вскоре показался Руссик-Пантелеимон, мы высадились, и первая половина нашей экспедиции была кончена. Отсутствия нашего было ровно две недели, почти час в час.

⁸⁵ См. также письмо к С. С. Волковой в *Письмах*.

Фреска, по современным данным, датируется 1563. В июле 1996 она была помещена в специальную церковь (параклис), а на ее место сделана копия греческим иконописцем Антонием Глиносом.

⁸⁶ Как ни мало времени пробыли члены экспедиции в Дохиаре, Смоленский успел сделать там копию азбуки основных экфонетических знаков по книге Георгия Пападопуло (которая либо была у него с собой, либо была показана ему библиотекарем Дохиара). См. на с. 320.

Об этом авторе и его книге см. в комментариях к *Письмам афонских иноков*.

Знаки гле укид по Георги Попадону.

Окид /

-ч-қвойнак //

Вария \

-к-қвойнак //

Кремафя ✓

Сигмафяки ~

Кафяфя ✓

Паракфяфя ∑

Екнеива ∪

Днофрорфя)

-к-қвойнак »

Кеняма «

Кенямафа «««

Мнокреидя 3 | 3

Тпаидя + +3

сп. \swarrow небулос
кн. \swarrow ... — стимифа

Замисно се
Дофиярк

сп. небулос

Часть 4 — второй объезд

2 июля, продолжение [Пантелеимон]

Мы приехали во время Херувимской песни за поздней обедней, и я сейчас же отправился в церковь. После службы я был встречен, как и все мы, всеми чрезвычайно ласково и приветливо. Я был у о. игумена в архондарике, где встретил доцента Киевской Духовной академии иеромонаха о. Анатолия Грицюка, с которым затем разговорился за обедом. Тут же встретился и Н. П. Павлов, отъезжающий сегодня в ночь в Россию. Поэтому после обеда, отдохнувши, принялись за писанье писем в Россию. Сегодня я получил два письма: от брата Ивана Федоровича и от С. Д. Шереметева¹ и открытку от Египетской пирамиды, то есть Доннера и Андреева, а от Анюты нет пока известий.

Совершенно случайный и смехотворный эпизод: у Н. П. Павлова оказался осколок бритвы, и он высказал скорбь, что, обросши бородой, «тоскует мордой от жары». Смехом разговор пошел далее, и кончилось тем, что он обрил меня и я помолодел лет на 20, затем очистились и Анастас Николаевич и Антонин Викторович, — всем стало много легче. Но я не брился уже более 20 лет, и вначале осколок бритвы в руках левши (Н. П. — левша) скреб очень больно, а смывание одеколоном было сущей пыткой. Вскоре, разумеется, помолодевшие только хохотали.

После обеда — первоначальная регистрация снимков. В 6 часов проводил Н. П. Павлова и Анатолия Грицюка. Вечером — продолжение сортировки снимков.

Понедельник, 3 июля [Пантелеимон]

Спал ночь очень дурно, беспокойно от мух и скнипов, — хотя душно не было. Дальнейшая регистрация снимков вдруг оказалась необычайно трудною, несмотря на помощь славянских и греческих богослужебных книг. Множества песнопений, находящихся в рукописях, не оказывается в книгах, и наоборот: в книгах имеется множество песнопений, не записанных в рукописи. К тому же и порядок песнопений в рукописях часто совер-

¹ Это письмо Шереметева не сохранилось.

шенно различен — одни песнопения то впереди, то позади, то вынесены за певчую книгу в особый отдел и тому подобное. В довершение этих затруднений оказалось, что карандашная пагинация рукописей плохо берется фотографиию в сравнении с чернильною; что пропущенные в рукописях листы необычайно затрудняют каталогизацию снимков и тому подобное. Все это сильно обеспокоило нас, и мы как бы опустили руки. Но, собравшись с мыслями, решили не рисковать негативами, которые при их рассмотрении, перекладывании, переходе из рук в руки и тому подобное могут подвергнуться всякому риску, могут поцарапаться, даже разбиться. Поэтому решено сначала изготовить отпечатки, аккуратно кладя стекла именно в те коробки, из которых они были вынуты.

Вместе с тем, рассуждая о дополнении наших снимков и вообще о числе их с рукописей, уже ставших нам известными, начинаю соображать так:

Рукописи	Снятые снимки	Предполагаемые снимки
Лавры В 12 на 312 л. Ирмолог	3 (6-й глас)	Весь — 309
Лавры Г 9 на 89 л. Ирмолог	3 (6-й глас)	— “ —
Лавры Г 67 на 162 л. Октоих	40 (октябрь)	Докончить с л. 147 до л. 162 и с начала до л. 58: 106 + 15
Лавры Д 28 Стихирарь и Триоди 214 л.	6 (25 марта)	208

Всего снимков — 638

Вследствие таких соображений было решено, что завтра А. В. Преображенский отправляется в Ивер и снимает там сполна весь Ирмолог (кроме, конечно, выше указанных 27-ми снимков), а я, Анастас Николаевич и о. Гавриил остаемся, чтобы усиленно печатать сделанные снимки. Телеграмма в Константинополь Каракашу².

4 июля, вторник [Пантелеимон, Ивер]

Не спалось до 2-х часов ночи, хотя легли в 9½ ради раннего отъезда Антонина Викторовича. Думалось и передумалось о многом здесь и дома,

² Имеется в виду магазин фототоваров в Константинополе.

Далее в рукопись вклеена таблица под названием «Общий свод певческих древнегреческих рукописей, виденных на Афоне», без включения рукописей с экфонетическими знаками». См. в *Иллюстративном приложении*.

в науке и на родине, около себя близко и недалеко от себя в семье моей. Оттого проспал до 8 часов утра, не видав отъезда Антонина Викторовича в Ивер. Утром — неожиданный разговор А. Н. Николовым, который, как оказалось неожиданно для меня, обиделся на А. В. Преображенского за поездку в Ивер без него и начал говорить что-то совсем для меня уже непонятное о влиянии А. А. Петрова³, о странной и неопределенной роли его, Николова, в экспедиции и тому подобное. Я совсем недоумевал и не знал, что ответить Анастасу Николаевичу на его непонятные и возбужденные речи о каких-то ему обидах, в которых нет никому никакой цели, никакого смысла и никакого повода. К вечеру он как будто несколько успокоился. Большое письмо к С. Д. Шереметеву и С. С. Волковой⁴.

Оказывается, что сгущенное швейцарское молоко в большом ходу у греков-монахов и его можно купить в лавочках у портарей-греков сколько угодно. Сегодня, после долгого поста, я пил чай с таким молоком (Cham, Switzerland: condensed milk) — прекрасная вещь, вкусная и сытная. О. Гавриил кушал с нами усердно, а наивный о. Андроник отказался — «тут, говорит, кровь, а монаху нельзя пить кровное». Сегодня, впервые после 2-х месяцев бунта в Одессе, прибыл сюда русский пароход. Посещение мною о. Матфея — разговоры многие. Сегодня Анастас Николаевич отпечатал 106 снимков.

5 июля, среда [Пантелеимон]

Воспоминание о дорогом имениннике в этот день — Сергии Александровиче Рачинском, равно и о С. А. Комарове. Переносился мыслью и к здравствующему С. Д. Шереметеву в Михайловском⁵. Сегодня я впервые заметил, как много уже убавился день в сравнении с тем, что я застал здесь при приезде. Тогда в 10½ часов можно было свободно читать, сегодня в 8½ часов вечера читать было уже трудно, и ночи стали вообще много темнее. За день отпечатали более полусотни с негативов, так как помощь о. Гавриила была равна нулю, ибо он усердно отпраздновал сегод-

³ Алексей Алексеевич Петров, ученик Смоленского по Синодальному училищу, был в это время педагогом и экономом в Придворной капелле. Каким образом он мог обидеть Николова — неясно.

⁴ Письма к Шереметеву и Волковой от 4 июля см. в *Письмах*.

⁵ О Сергее Александровиче Рачинском, главном духовном наставнике Смоленского в зрелые годы, см. в предыдущих томах РДМ, в частности в IV и VI. Сергей Андреевич Комаров — педагог фортепиано в Синодальном училище в годы директорства там Смоленского. Обоих их к этому времени не было в живых.

няшнюю память святого Афанасия Лаврского, равно и преподобного Сергия... Под вечер вернулся Антонин Викторович из Ивера, сделавши там до 120-ти остальных снимков с Ирмолога. Беседа с о. Иеронимом, библиотекарем Симонопетра⁶, выяснила ненадобность для нас (как мы и предполагали) ехать в Симонопетр и Св. Павел, так как там сгорело все, а в Дионисиат и Григориат за неимением там ничего нам надобного (как то и по Ламбросу). О. Иероним указал между прочим, что о. Хризостом не вспомнил о старой Псалтыри, имеющейся в Лавре. Ввиду обнаружившегося недостаточного усердия я уже почти спелся с Антонином Викторовичем насчет поездки в Лавру, как только пластинки будут получены.

6 июля, четверг [Пантелеимон]

Память по моем почтенном деде по матери Степане Дмитриевиче Колерове и по Марии Евгеньевне Львовой⁷. Утром — составление А. Н. Николу письма в Львов Галицкий к Антону Семеновичу Петрушевичу (при соборе святого Юрия)⁸. Письма от Анюты, Ольги и А. К. Смирнова⁹. Сегодня dokonчены отпечатки всех проявленных негативов и придумана приклейка к ним листков для объяснений и для обережения. Работали все хорошо в ожидании прибытия пластинок, но они не доставлены. Следовательно отменяется путешествие в Лавру и проч., взамен же того попытки приведения сделанного в порядок, расположения снимков и негативов.

7 июля [Пантелеимон]

Усиленное печатание. В 11 часов к удивлению вдруг сообщили, что пластинки получены и, согласно уговору, выгружены на пристани. Поэтому dokonчилось сегодня возможно большее число проявленных

⁶ Симонопетр — греческий «штатный» монастырь; в это время там было около 70 иноков.

⁷ Степан Димитриевич Колеров, дед Смоленского, был протоиереем собора в Кашине Тверской губернии. Мария Евгеньевна Львова — знакомая Смоленского, родственница его постоянной корреспондентки С. С. Волковой (сестра князя Сергея Евгеньевича Львова, директора Московского Училища живописи, ваяния и зодчества).

⁸ Антоний Степанович Петрушевич (1821—1913) — каноник львовского собора св. Юрия, крупнейший культурный деятель Прикарпатской Руси; историк, филолог, этнограф.

⁹ То есть от сестры, от жены и от сотоварища по Синодальному училищу и Придворной капелле (см. выше).

негативов и отпечатанных снимков. Все оставшееся неоконченным отправлено о. Гавриилу¹⁰. Вечером всякие сборы.

8 июля [дорога к Лавре, Георгиевский скит]

Встали в 4 часа утра, еще до солнца разбуженные о. Иунием. Было свежо и ветрено до Дафны и затем спокойнее до поворота на южный берег. Здесь началось такое волнение, что мы поспешили скрыться в первую же русскую арсану «Кирасю» (то есть Черешнево). Здесь мы, после 5-часового качания проголодавшиеся, выпили чаю, съели уху и неожиданно для нас — прелестные черешни. Немного спустя лодочники отказались везти далее, так как на море, за островами на восток, было видно уже очень сильное волнение; но лодочники заявили также, что если часам к 5—6 вечера волнение стихнет, то они довезут нас до Лавры. Поэтому было решено отправиться далее на мулах и за ними был отряжен посол с запискою. В 2½ часа спустя началось это восхитительнейшее путешествие, полное незабываемых впечатлений. Жара была ужасна, мулы — устали, опасности — ежеминутны. 1¼ часа мы вертелись на одном и том же подъеме, необыкновенно крутом и тяжелом, среди лавров, магнолий, кактусов, попадая то на солнцепек, то на глубокую тень у того или другого из колоссальных утесов, между которыми сделана дорога. Дорога эта новая, так как бывшее землетрясение разрушило по местам старую дорогу и засыпало ее местами каменными потоками до невозможности езды или поправки. Дорога местами очень узка и идет у отвесной скалы. Мулы, едящие всякий вздор и не находящие ничего на голой скале, часто тянутся вниз, чтобы сорвать какой-нибудь листок, торчащий из пропасти. У меня в это время вставали дыбом немногие мои волосы. Мулы, чтобы не толкнуться о скалу, выбирают обычно

¹⁰ К 6 июля относится письмо о. Леонида к о. Гавриилу:

6 июля 1906

Честнейший о. Гавриил, прошу передать Его Превосходительству господину Смоленскому, что получено мною из Пантелеимонова монастыря три коробки пластинок, в которых не три джюины, а только полторы, и Его просительное письмо. А также и из Ватопеда получил два письма с турецкими марками, которые отправил на почту, при сем посылаю Вам 6 негативов для образчика. Понравятся или нет. Еще 6 негативов сохнут. Работа очень затруднительная, а о позитивах даже и говорить нечего. Прошу передать поклонение дорогим посетителям нашей обители, господину Смоленскому и Его Спутественнику.

Грешный монах Леонид Иванов.

на самый край узкой дорожки; камни из-под их ног постоянно летят в пропасть, и непривычному ездоку, особенно при узком спуске, при повороте, делается в такие минуты очень жутко. Но очаровательные красоты одного и того же вида, в самых разнообразных его видоизменениях, скоро заставляют забывать пережитые моменты страха. Уверенность в уме и находчивости мулов, в их ловкости спокойно сойти или взобраться там, где другое существо упало бы непременно, — поселяют в уме ездока на муле уверенность в своем вознице. Мулы, тонкие ноги которых сильны и очень изящны, умеют ставить свои маленькие копыта удивительно ловко и твердо. Подковы мулов сплошные, то есть не дугообразны, а похожи на круг без сегмента с 6-ю крепкими, но маленькими шипами:

Нога мула способна встать твердо на маленькую выемку, а этих выемок в твердо лежащих камнях много выбито теми же правильно ходящими мулами. Кроме того мулы очень выносливы. Например, сегодня мулы, на которых мы поехали, уже 4 раза прошли подъем от арсаны до Кирасю, каждый раз с тяжестью 6—7 пудов. Затем они пришли за нами, везли нас и, после получасового отдыха, отправились в Лавру, то есть в дорогу верст на 15; из Лавры мулы с проводником «Димитро» (серб) отправились, несмотря на темную ночь, домой, для работы опять с раннего утра...

На арсане очень интересовались узнать, кто мы такие? После моей записки к настоятелю с просьбою о мулах, прочитанной монахам, которых разбирало любопытство, они наивно решили, что мы вероятно «по мастерской части». Тем не менее вновь явившихся «мастерских» они накормили прекрасно и проводили очень любезно.

Дорога от арсаны до «Кирасю» (то есть Георгиевского скита — с настоятелем о. Георгием), как и все виденное нами до знакомства с настоятелем, показала, что «хозяйская рука» здесь тверда и «порядки стоят правильно». О. Георгий, у которого мы пробыли около часа, произвел впечатление очень умного, рассудительного человека, работающего по-видимому очень много, распоряжающегося властно и уверенно¹¹.

¹¹ На Афоне было две Георгиевских келлии: в ведении Лавры («Кераши») и в ведении Зографа. Речь идет о первой из них, находившейся по дороге на вершину

заставляют забыть пережитые моменты страданий. Вторично в чаше и паразитируют жуки, в их числе 25 видов, особенно много, или вобравшей жемчуга, где другое существо должно бы не присутствовать, — поселились и в чаше пяденицы на мушкетерах — удивительно в своем возникновении. Мушкетеры, жемчужники, которые раньше обитали в первую очередь на маленьких кораллах удивительно много и много. Кораллы имеют сложную, т.е. не однообразную, а сложную форму на краях башни селения и в 10 тропиках, но маленькими шапками. Когда мушкетеры спускаются в первую очередь на маленькую выемку, а затем выемку в первую очередь на маленькую выемку ^(много) восточной стороны, то правильно пойдя, они увидят. Крайняя часть мушкетера очень выемка. Но, сегодня мушкетеры, на которых мы поехали, уже 4 часа времени потратили на арсенал до Кирасо, каждый раз и жемчужники в башне пяденицы. Затем они пришли за камнями, ввели их и, после поцелуя от жемчужника, отправившись в Лавру, где в дороге вернулись на 15; из Лавры мушкетеры и проводники из „Дмитро“ (срб) отправились, к сожалению на жемчужную часть, дошли к работе они и ранились утром....

На арсенале очень интересно узнать кто им жемчужники? После нашей затеи он изобрелся и прибыло о мушкетерах, прочитанной, показала, которые работали мушкетерами, они наивно решили, что мы в первую очередь, но мушкетерам кажутся. Они не имеют вновь обитавших, мушкетерами они на кораллах прекрасно и проводили очень много.

Дорога от арсенала до „Кирасо“ (т.е. Георгиевского селения — на коралловых острове), как и все виденное нами до знакомства с мушкетерами показала, что „жемчужная часть“ земли твердая и „порядки стоят правильно“. О. Георгий, у которого мы проводили около часа, представил впечатления от удара, разрывчатого гелия, работающего подвижного от удара, распорядившегося от восточной и восточной.

Дорога от Кирасо до Лавры идет 2½ часа сначала мушкетеры и камнями, потом больше жемчужного жемчужника (т.е. мы поднялись уже от башни) — из стальной ссы, сосны и мушкетерами, затем ольха, спускались от удара много жемчужника все еще от удара высоко над морем — по крайней мере 200-250 м. — обильными на Архиппе и камнями, мощными достиги жемчужника на камнях. Последние вернулись в 5, при переезде около кельи Иоанна Крестителя, есть огромная наклонная плоскость

Дорога от Кирасю до Лавры идет 2½ часа сначала южным лесом, потом более холодного климата (то есть мы поднялись уже очень высоко — к сплошной ели, сосне и лиственнице), затем опять, спустившись очень много вниз (но все еще высоко над морем — по крайней мере 200—250 сажень), — обычным на Афоне лесом, могущим расти только на камнях. Последние верст 5—6, при перевале около келлии Иоанна Кукузеля¹², есть огромная наклонная плоскость к Молдавскому скиту и Лавре. До келлии Кукузеля от начала «Афонского леса», на пространстве по крайней мере часа езды, приходилось видеть ужасающие пропасти перед глазами, тем более страшные, что дороги от недавнего землетрясения в сущности так и остались неисправленными, следовательно стали еще более худшими. Но виды здесь при заходящем сзади путника солнце — поразительны, очень отдаленны в глубину до воды и очень обширны по горизонту. Вообще эта южная часть до перевала на восточную — лучшая часть Афона. Здесь более дико и величественно все. Хотя Зограф и вспоминался, — но там все виды теснее, сжаты горами и без прѳдуха на море.

Подъезжая к Кукузелю, мы все заметили, что мулы начали пасовать от усталости, и потому мы могли опоздать к Лавре и не попасть на ночлег в архондарик. Все усилия подогнать мулов были безуспешными, и было, может быть, без 2—3 минут 8 (то есть 12 часов по-восточному), когда мы подъезжали к «пѳрте» Лавры. Опоздай мы еще немного — ступай на арсану... В воротах однако нас сейчас же узнали, а Петро и Паисий замечались от надобности сейчас начать готовить нам ужин. Они встретили «*phѳtographi russiki*» — как старых знакомых, а врученные затем Паисию два его портрета привели его уже совсем в телячье настроение. Но мы так устали, что было не до разговоров, и потому вскоре заснули.

9 июля, воскресенье [Лавра]

Я едва встал в 6 часов, чтобы из приличия хоть побывать в соборе за обедней. Но уже в начале 7-го часа утра я поспел только к причастному

Афона; русские владели ею к тому времени около полувека. В то время там было около 25 иноков.

¹² По преданию, келлия с церковью св. Архангелов вне Лавры была выстроена преподобным Иоанном Кукузелем в 1332—1341. Шесть дней прославленный певец безмолствовал в своей келлии, а на воскресные и праздничные службы приходил в монастырь, где пел на клиросе.

В Лавре есть чудотворная икона Божией Матери по имени «Кукузелисса». По преданию, однажды после бдения во время акафиста певец уснул, и ему было видение Божией Матери, сказавшей: «Пой и не переставай петь».

стиху *поздней* обедни! Здесь я увидел любезного Хризостома, и через полчаса все 7 рукописей уже были присланы к нам в номер.

Мы, конечно, немедленно, принялись за работу. Я готовил ярлычки для означения страниц рукописей; Антонин Викторович и Анастас Николаевич начали снимать, и с 8 часов утра до 4½ было сделано 120 снимков, то есть были сняты (кроме прошлых страниц) сполна две рукописи, Г 9 (Ирмологий) и Г 12 (Триодь); такая работа оказалась однако для глаз Антонина Викторович очень утомительной и снятие продолжено не было¹³.

Под вечер зашел любезный о. Хризостом и по-прежнему пел, смотрел рукописи и вообще живо интересовался нашим делом. На наши расспросы, нет ли еще рукописей или Псалтыри, о которой говорил о. Иероним, — Хризостом отозвался вполне отрицательно¹⁴.

¹³ Большинство копий с этих рукописей сохранилось в виде негативов и фотоснимков; часть снимков находится в альбомах в архиве ОЛДП (РНБ, ф. 536, оп. 3, № 541 и 542; там же и негативы).

¹⁴ К 9 июля относится письмо находившегося в Хиландаре Лаврова к Преображенскому:

Многоуважаемый Антонин Викторович!

Что касается пластинок для моих снимков, то я просил бы приобрести 5 пол-дюжин 18 x 24, потому что я купил, когда был в Константинополе, только половину того, что хотел, то есть вместо 5 дюжин 5 пол-дюжин. Теперь я бы и желал восполнить этот недостаток. Пластинок размера 13 x 18 я бы просил приобрести в таком расчете, чтобы на мою долю пришла ¼ часть всех снимков, какие имеется в виду доставить в Общество. Пока же для меня снято о. Гавриилом всего только 50 снимков. А между тем интересного материала в Хиландаре и Зографе по южнославянской письменности чрезвычайно много.

Я сам не решаюсь снимать потому, что снимки предназначаются для Общества. Другое было бы дело, если бы я делал для себя. Тогда, хорошо или худо, все равно. Вот поэтому я весьма благодарен Степану Васильевичу за отца Гавриила. Итак, если Вы имеете в виду доставить в Общество 1000 снимков, то я просил бы себе 250 из этого числа.

Будьте добры также сообщить мне, ходят ли русские пароходы и в какие дни они идут в Константинополь и Солунь. Мне бы очень важно было это знать до отъезда из Хиландаря. Я здесь стал бы заниматься до самого отъезда со Св. Горы. Буду ждать извещения. А пока прошу передать мое приветствие Степану Васильевичу и Анастасу Николаевичу. В Хиландарь я приехал в пятницу. Всего лучшего, если не увижусь с Вами.

Всегда готовый к услугам П. Лавров.

10 июля [Лавра]

Снимание рукописи № Г 72 было начато в 7½ часов утра. Сегодня день теплый, несолнечный, отчего и работать легче. До обеда было снято 7 дюжин пластинок. После обеда с 1 часа 40 минут начат сниманием № Д 28. Перед послеобеденным отдыхом я не без удивления и огорчения услышал просьбу Анастаса Николаевича написать ему письмо к о. Иунию об изготовлении ему, Николу, паспорта для отъезда. Анастас Николаевич собрался уехать преждевременно с Афона и надумал уехать с А. В. Преображенским предстоящего 17 июля, пробыв три недели вместе с нами. Какая причина тому — не могу понять, а он не считает надобным сказать. Но при таком поверхностном отношении к интересам экспедиции зачем же было надобно ему ехать? Ужели же только для устройства своих дел в Софии? При чем же тут экспедиция? Приходится вспомнить пословицу: «насильно мил не будешь»; равно и поверить болгарину (как то ни грустно мне по отношению именно к А. Н. Николу), что «болгарам верить нельзя и не следует». Последнюю сентенцию он доказывал вообще и очень настойчиво не далее как вчера вечером. Но вчера я все-таки остался при лучшем, то есть при теплой вере в людей, как бы ни расхолаживали эту веру даже неожиданности.

Две дюжины негативов с рукописи Д 28, л. 61—73 и 74—85 впервые в жизни сняты мною, сначала под руководством Антонина Викторовича (в нескольких первых), а потом уже самостоятельно¹⁵. С помощью меня, вместо усталого Антонина Викторовича, таким образом сегодня снято 14 дюжин снимков.

Под вечер наступило по случаю успеха сегодняшнего дня благодушное у всех настроение. Разговор вскоре перешел на высоко интересную рукопись В 32, то есть наиподробнейший Ирмолог, заключающий в себе массу канонов, неупотребительных в русской церковной службе, хотя и принадлежащих крупным авторам, почти исключительно перворазряд-

¹⁵ В Общей ведомости Смоленский указывает фотоснимки, которые он делал самостоятельно («мои снимки от л. ... до л. ...»).

Альбом рукописи № Д 28 не сохранился, но имеются ее негативы в архиве ОЛДП (ф. 536, оп. 3, № 520, 521); сохранились также фотоснимки л. 57 об. — 58 (РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 218, л. 39), л. 200 об. — 201, 207 об. — 208 (РИИИ, ф. 2, оп. 1, № 1391) и л. 17 об. — 18, 26 об. — 28, 32 об. — 33, 67 об. — 68, 69 об. — 70, 96 об. — 97, 119 об. — 121, 178 об. — 179, 180 об. — 181, 182 об. — 183, 201 об. — 202 (РНБ, ф. 1175, № 416). Всего 16 снимков из трех хранилищ и 35 негативов, общее число 51. Таким образом, из 206 копий сохранилась только четверть (рукопись была снята целиком).

ным. Но в этой рукописи 312 страниц, следовательно за нею должно быть 2½ дня работы по крайней мере. Под руками у нас нет здесь даже издания Миня¹⁶, чтобы судить о каких-либо новостях для науки с текстовой собственно стороны. Сторона музыкально-певческая, конечно, такой же знак вопроса, как и во всех других рукописях. Но В 32 оказывается при этом близким Есфигмену и Ватопеду, а другая версия Ирмолога, то есть Ивер, равно Лаврский Г 9, у нас сняты оба и сполна. Таким образом и с этой стороны все говорит за снятие ужасающей цифры 312 негативов. После долгих разговоров решили поступиться полными снимками Г 67, из которого будет около 70 снимков из 162 страниц, и Г 74, из которого снимем сколько будет возможно. Завтра окончим великолепную Д 28 и только что указанную Г 67 и затем возьмемся за Ирмолог.

К сожалению, вечер затуманился объяснением с А. Н. Николовым по случаю заявленного им отъезда. Он нашел, что я что-то говорю на его счет, обиделся и со свойственной ему пылкостью заявил, что ему ехать необходимо, что он еще надеется что-нибудь найти в Болгарии, что у него семья, что у него нет службы в Петербурге, что он менее рискует быть вновь арестованным в Константинополе, если отправится с А. В. Преображенским, и тому подобное. На его слова, адресованные прямо ко мне, я заявил ему, что еще не далее как вчера я заявил, что всякий из нас свободен во времени своего отъезда, что наше дело основано на общем, чисто товарищеском труде и что я нисколько не думаю его удерживать. Но вместе с тем я сказал Анастасу Николаевичу, что его трехнедельный труд вместо по крайней мере полуторамесячного ставит его же в неловкое положение перед Обществом, что в будущих отчетах, конечно, можно сказать об одном сильнее, о другом слабее, скрыв таким образом никому не надобные подробности о причинах его опоздания, об аресте в Константинополе и тому подобное. Анастас Николаевич с горячностью заявил, что все его участие в нашем деле было ошибкою, что он возвратит деньги и прочее. Я ответил ему, что он горячится, — следовательно он не прав, что его самолюбие никто не задевал и никто в будущем не заденет, что труд его, хотя

¹⁶ Жак Поль Минь (Jacques Paul Migne, 1800—1875), французский католический священник, чье издание трудов Отцов Церкви (на латинском и на греческом) считается классическим («Патрология Миня»).

Скорей всего, имеется в виду следующее издание: Migne (Abbé J. P.). Dictionnaire des Manuscrits, ou recueil de Catalogues de Manuscrits existants dans les principales bibliothèques d'Europe, concernant plus particulièrement les matières ecclésiastiques et historiques. Paris, 1853. Т. 40—41.

Альбом снимков с рукописи В 32 сохранился (РНБ, ф. 536, оп. 3, № 540).

бы и переворачивание страниц при фотографировании рукописей, хотя бы печатание снимков и тому подобное — есть такой же труд, такая же доля общего труда, которая делается каждым из нас, насколько что-либо могло понадобиться для общего дела. Например, я увязываю постоянно багаж, сегодня выдывал из камыша всякую штуку для темного ящика, бегал за бечевками, писал ярлычки для рукописей и прочее — вовсе не как специалист, а просто потому, что то было надобно для общего дела... Поэтому, сказал я Анастасу Николаевичу, никому и в голову не придет сказать, что не стоило ехать из Петербурга на Афон, чтобы переворачивать листы рукописей при снимании их А. В. Преображенским; поэтому вы, Анастас Николаевич, не можете говорить, что ваше участие в экспедиции есть ошибка! Дело разыскания связи между греческой и русской нотацией есть еще загадка для будущего, едва ли доступная всем нам к разрешению. Подготовить возможно наибольшее число материалов для будущих работников есть дело вполне почтенное, и товарищеское ваше участие в нем, хотя бы и малое, никак не может быть считаемо за сплошную для вас собственно ошибку. Незачем также и ставить вопрос ребром о деньгах, предлагаемых вами с такой обидою к возврату в Общество. Денег этих никто у вас не спросит и не возьмет, а себя вы только сконфузите таким заявлением. Ваши выражения, что экспедиция возвратится домой только с греческими текстами, не могут быть упреком ей как бы в неумелости найти славянские памятники. Причина тому — отсутствие последних на Афоне, в чем экспедиция, конечно, не виновата. Но малое количество привезенного нами с Афона вообще может быть поставлено в упрек, так как для добывания неизвестного в России мы собственно и отправились. Поэтому мы и занимаемся теперь усиленно сниманием того, что есть у нас под руками, так как к тому же и имеющееся отнюдь не может быть названо ни бедным, ни совсем уж ненадобным. Ваши поиски в Болгарии, конечно, желательны, но успех их еще мало вероятен, так как пока для них есть только поводы в непроверенных слухах о нахождении тут или там каких-то неизвестных никому рукописей. Наконец, ваши утверждения о большей будто бы личной безопасности при прибытии в Константинополь с А. В. Преображенским противоречат фактам, в которых участником было русское посольство в Константинополе. Вы знаете, как оно относится к нашей экспедиции, как оно отнеслось к вашему аресту. На что же надеяться при А. В. Преображенском? Я еще понимаю ваше желание уехать 17-го, если бы было в точности известно, что пароход этого числа идет действительно на Варну. С другой стороны, я не понимаю, как вы

утверждаете, что вам необходимо быть к 15 августа уже в Петербурге, когда еще недавно мы писали вместе во Львов, что вы собираетесь туда именно к этому времени? Если вам здесь действительно «нечего делать», то это можно объяснить только тем, что вам не хочется работать с нами вместе все то, что будет для дела надобно.

Сегодня совсем прохладный день, немного облачный.

11 июля, вторник [Лавра]

Вспоминал всех родных и знакомых Ольг: сестру, О. П. Яковлеву, О. А. Хигерович, О. Е. Засецкую, О. А. Львову, О. В. Верещагину — тетушку¹⁷.

Начали работать с 7 часов утра довольно успешно, и к обеду (11 часов) было снято 9 дюжин; в 10-й дюжине, во время послеобеденного сна моих товарищей, я снял 9 снимков (то есть листы 204—212) и затем всласть напился чаю под аккомпанемент двух сладких всхрапываний. Затем, когда Антонин Викторович переменял пластинки, я снял еще дюжину, то есть закончив Д 28 (листы 213 и 214) и начав Г 67 с листа 30 по 39 включительно. После этого проснувшиеся коллеги продолжили работу с 2-х часов, начав сегодня уже 12-ю дюжину с утра. В 4 часа начато снятие сполна рукописи Г 74, в которой я снял, за утомлением Антонина Викторовича, 1½ дюжины (с листа 24 по 40-й включительно). Сегодня снято таким образом 16 дюжин негативов. Такая быстрота, конечно, возможна только при нашей великолепной «магазинной кассете» с 12-ю негативами. С нею в полчаса один фотограф, при помощи однако переворачивающего стра-ницы пергаменной рукописи (а этот пергамен, когда скрючен — сущее наказание!), может не только снять все 12 негативов, но и успеть переменить снятые пластинки, заменив их тут же новыми. Теперь после работы, начатой в воскресенье утром, мы уже упаковали 40 дюжин пластинок. Мысль о снятии сполна Ирмолога В 32 по зрелом рассуждении и по взаимному соглашению — оставлена, и решено снять из этой большой рукописи столько, сколько позволит время. Мы, уже усталые, а А. В. Преображенский к тому же и с флюсом, порешили закончить работы завтра и выехать

¹⁷ О. П. Яковлева — супруга историка А. И. Яковлева, знакомого Смоленского по Казани, деятеля просвещения поволжских народов; Ольга Львовна Хигерович — крестница сестры С. А. Рачинского (см. о ней в Воспоминаниях Смоленского); О. Е. Засецкая — мать или супруга П. П. Засецкого, эконома Синодального училища в эпоху Смоленского; Ольга Леонидовна Львовна — дочь первого музыкального наставника Смоленского в Казани Леонида Федоровича Львова; О. В. Верещагина — знакомая Смоленского из казанского дворянского семейства.

рано утром в четверг с 50-ю дюжинами негативов, сдать надобное число в Андреевский скит о. Леониду и возвратиться домой в четверг же к вечеру. Сегодня был совсем не жаркий, хотя и ясный день.

12 июля, среда [Лавра]

Совершенно гадкая ночь от нестерпимого нашествия блох, клопов, скнипов, мух и прочих казнящих сон людей. В довершение беспокойства в масличном саду прибавился с вечера звон пасущегося стада мулов, а затем массовый кошачий концерт уже под самыми нашими окнами. У А. В. Преображенского ко всем этим прелестям прибавился нарывающий флюс. Тщетно я умывался, переменял белье, вытряхивал за окном простыни и прочее, пришлось испытывать свою выносливость до самого утра. «Мухи кусаются, как злые волки!» — воскликнул в досаде Николов. Но кошачьи серенады я все-таки разогнал, и стало хотя одною мучкою меньше. Вместо сна у всех была какая-то полудремота с почесыванием, с ворочанием с боку на бок. Наконец утомление при начале рассвета взяло свое, и мы заснули крепко, но зато и проспали до 7½ часов. С этого времени началась и работа. Во время послеобеденного сна моих коллег мною сняты последние 12 страниц 5-го гласа в Ирмологе В 32 (листы 171—182) и уставлено все для снимания 6-го гласа, который снят (листы 223—233) мною же. Наконец в 3 часа 25 минут Лаврская работа была окончена. Кассета была заряжена уже для самоувеселения, продолженного в виде снятия на память 12-ти видов Афона.

Увеселение было начато тем, что вскоре явился с глико толстопузый Петро, в обычном своем растрепанно-грязном виде. Мы уговорили его сняться с нами немедленно, и Петро не без конфузии согласился. Таким образом сняты две группы; одна из Петро, меня и Анастаса Николаевича, другая же имеет вместо последнего Антонина Викторовича¹⁸. Потом я был с Анастасом Николаевичем у вечерни, а Антонин Викторович переписывал в эту тетрадь начала канонов, их авторов и их время службы. После вечерни я беседовал с епитропами, внес им 9 меджидий и просил дать завтра либо мулов в Андреевский скит, либо лодку в Ивер. Ответ мало определенный, так как лодка еще не вернулась сегодня из Дафны, куда отвозили какого-то гостя третьего дня. За прощальным ужином был новый

¹⁸ Эти снимки (см. в *Иллюстративном приложении*) сохранились не только в документах экспедиции, но и, по-видимому, в архиве Лавры. Во всяком случае один из них совсем недавно был опубликован — без всякой подписи — в книге-альбоме Г. Н. Юдина «Святой таинственный Афон» (М., 2008).

деликатес — сухопутные улитки. Я съел их две, так как Анастас Николаевич очень их хвалил, а Антонин Викторович не решился есть. Я не нашел в этих улитках ничего вкусного, но и ничего отталкивающего. Под вечер мы уложились довольно удобно и вскоре, чтобы встать пораньше, завалились спать, или, лучше сказать, опять беспомощно страдать от всяких кусающих насекомых. Кошачьи серенады уже начались, — что признак на ночь не добрый. На душе у всех нас однако очень легко, так как мы успешно трудились и уезжаем отсюда с 53-мя дюжинами негативов. За 4 дня — это весьма успешный результат.

Но рукописи здешние — один восторг! Если бы мы не сняли пять из них от первого листа до последнего, а из остальных двух все надобное и притом в изобилии, — мне было бы тяжело уехать отсюда, так как вероятно, судьба уже не приведет меня побывать здесь еще раз. Вид из окон нашей комнаты на море — один из восхитительных. Вид на гору — хорош не менее, и я множество раз упивался красотой этих видов. Как в первый раз, так и теперь нам не было возможности погулять около Лавры, и потому только эти два вида врезались всем нам как упорным домоседам. В этом отношении мы заслужили даже похвалу от Петро-гостинника. Глядя на длинный ряд коробок с негативами, он сказал: «Если бы вы были наемные рабочие, каждому из вас можно было бы платить по лире (то есть 8 рублей) в сутки. Смотрю и дивлюсь: из комнаты ни шагу: старик (то есть я) все время пишет или чего-нибудь добывается, что-нибудь делает, Антонино — даром что много спит, как и Анастас, — также неутомим в работе; а старик даже смотрит за ними и работает, когда они спят после обеда».

13 июля, четверг [от Лавры к Пантелеимону]

Встали рано после отличного сна, но толку вышло мало из раннего вставания. До 7 часов утра греки лопотали по-своему много, но ни о мулах, ни о лодке разговоров не было. И что бы могло означать это после внушений меджидиями — недоумеваю так же, как и мои коллеги.

Пишется уже в Пантелеимоне поздно вечером. За обедом-ужином здесь мне объяснили, что общее правило обращения с греками — кончать все дело сразу, мало церемониться и еще менее любезничать. Действительно так! Сегодня утром в Лавре мы едва-едва достали трех мулов, и то еще с тем, чтобы на одном из них довести до арсаны сундучище какого-то попа, оказавшегося после двоюродным братом Хризостома. Этот поп немедленно по прибытии на арсану сел в маленькую лодочку и уехал в Дафне, то есть рядом с Пантелеимоном. Нам тут же заявили, что

ни в Ивер, ни в Пантелеимон нет ни монастырских, ни частных лодок... Стоявший тут же как торговца арбузами с острова Митилене заявил нам, что он прибыл продавать арбузы и ему все равно, ехать ли в Пантелеимон или Ивер. За дорогу в первый [раз] он (истый грек!) заломил 9 меджидие, а во второй — 3. Между тем А. В. Преображенский начал расхварываться, и мы решили ехать домой. Таким образом мы выехали в 8¼ часов утра из Лавры, но прибыли домой только в 7 часов вечера, то есть пробыв на море 11 часов. Действительно, море бывает восхитительно, когда оно отвечает нашим желаниям в каком-либо путешествии, например попутным ветром, или приятною погодою, или отсутствием качки и прочее. То же в противоположном случае — бывает не только скучно, неприятно, но даже и страшно. В прошлую поездку (см. 8 июня) мы прервали морскую поездку ради предстоявшей опасности, о которой притом же нас предупредили. Сегодня, кроме досады попасть домой за глупую цену, мы начали свое путешествие очень хорошо, идя от Лавры попутным ветром до Молдавского скита. Но на повороте вдоль южного берега Афона море вдруг так стихло, что пришлось ехать на веслах (а как оказался претяжелым на ходу!) до Георгиевской (Кирасю) арсаны. Солнце пекло невыносимо... Наконец, около 1 часа дня мы были на арсане. Антонин Викторович разболелся и не вышел из лодки. Для меня и Анастаса Николаевича только и нашелся один рак (но — колоссальный; говорили, что это еще из малых, а попадаются раки весом до 45 фунтов в штуке). Об этот рак, по правде сказать, мы только искололись, но питательного в нем нашли мало, так как клешни и хвост были уже предварительно отрезаны и съедены святыми отцами. Поэтому арбуз и затем чашка чаю завершили обед. После того началось томительнейшее 6-часовое следование на жестоком припеке в Пантелеимон. Лодочники распустили парус, висевший тряпкой от безветрия, и мы не могли уговорить их приняться за весла; наконец они легли спать... Мы прибыли домой совершенно усталые и прожаренные, а Антонин Викторович — совсем больной. Наш номер мы нашли в качестве рабочего кабинета о. Гавриила, который успел в наше отсутствие поработать для нас очень многое. Великая штука, выходит, даже и для монаха — вознаграждение!

14 июля, пятница [Пантелеимон]

Должно быть, вчера я крепко устал. Несмотря на то что я обтерся водою в 8 часов вечера, затем в 11, операция эта оказалась надобною даже и в 3 часа ночи. Только после этого я освежился и уснул крепко. Утром

приводил в порядок комнату, равно и снимки, негативы, книги, переписку и прочее. Антонину Викторовичу — лучше, но он все же хворает. В 11 часов получены письма от Анюты и Ольги. Анюта пишет, что в Государственной Думе Родичев и К^о отчитывают Ш² в качестве бывшего Тверского Помпадура. Вот уж давно пора-то!¹⁹

За обедом познакомились с преподавателем 1-й Санкт-Петербургской гимназии Федором Александровичем Лютером, приехавшим на Афон, чтобы уединиться и позаниматься философией. Он речист без конца, общителен, весел, привез с собою скрипку, чем привел в полное недоумение о. Анастасия, к которому у него были письма от друзей и родных этого монаха. После обеда Федор Александрович пил у нас чай, и потом мы вдвоем проболтали до вечера. Сегодня Антонин Викторович лежал целый день и ослабел очень. Он не мог принимать участия в нашей беседе. Мне точно так же нездоровилось, и я перемогался до самого вечера. Сегодня никому не шла на ум и самая мысль о работе — совершенно потерянный день. Письма к П. А. Лаврову в Хиландарь.

15 июля [Пантелеимон]

Федор Александрович сообщил, что будто бы Дума распущена, что будто бы Столыпин — премьер-министр, но известия эти — лишь депеши из «Neue Freie Presse», читанные им перед самым отъездом из Константинополя²⁰. Сегодня я сварил для Антонина Викторовича чаю, выпил и сам. Мы убедились, что и я, особенно же он — очень ослабели. Посещение о. Матфея. Его деликатность по отношению к нам дошла до того, что [он] докопался по каким-то изданиям и каталогам, что в известной Патмосской библиотеке есть два Ирмолога и 10 Стихирарей именно тех нотаций,

¹⁹ Речь идет о князе А. А. Ширинском-Шихматове, главном «враге» Смоленского в Синодальном училище, тогда прокуроре Московской Синодальной конторы, который собственно и спровоцировал уход Степана Васильевича из училища. В дальнейшем Ширинский-Шихматов был тверским губернатором, потом — на краткое время — помощником обер-прокурора Св. Синода, обер-прокурором, затем сенатором. «Вредить» Степану Васильевичу он продолжал и тогда, когда тот стал управляющим Придворной капеллой (см. подробнее в первой книге VI тома РДМ).

Федор Измайлович Родичев (1853 или 1856—1932) — один из лидеров партии кадетов. С 1897 был председателем Тверской губернской земской управы и в качестве лидера земской оппозиции несколько раз высылался в административном порядке. Член всех четырех Государственных дум.

²⁰ Сведения немецкой газеты о роспуске Первой Государственной думы и назначении П. А. Столыпина премьер-министром соответствовали действительности.

какие мы ищем. Первый Ирмолог сохранился в первых 4-х гласах, но с самого начала; второй же не имеет ни начала, ни конца. О Стихирарях он не мог доискаться каких-либо данных. Поэтому, получив наш снимок, он услали его на Патмос и просил ответить оттуда ему возможно подробнее. Я благодарил просвещенного о. Матфея за внимание и просил его переслать ответ с Патмоса ко мне в Санкт-Петербург²¹. Он обещал это. Всякие разговоры насчет полученной икры, с Пименом и без Пимена. Письма Анюте, Ольге и С. Д. Шереметеву²². Сегодня и мне чего-то нездоровится — чувствуется временами лихорадка. Сегодня опять не работали.

16 июля [Пантелеимон, отъезд Преображенского]

А. В. Преображенскому вручены полученные от о. Мисаила 325 рублей и 15 фунтов (то есть 142 рубля 80 копеек), остальные же 500 рублей — турецкими деньгами, то есть 15 меджидий — 24 рубля и 20 череков — 8 рублей — то есть всего 499 рублей 80 копеек²³. Вручение о. Мисаилу 25-ти фунтов икры в его распоряжение. Служение молебна в церкви Пантелеимона о. Анастасием, при пении о. Гавриила, Антонина Викторовича, Анастаса Николаевича и моем. Весь день во всякого рода хлопотах, сборах, укладках, прощаниях и тому подобном. Работы поэтому почти не было. Следующая неделя, то есть 16—22, у о. Гавриила служебная — следовательно для меня будет некоторый отдых. Затем как в течение этой, так и в последующую неделю проявим 53 дюжины.

Наконец съезжу в Ватопед с Есфигменом, сниму последние там страницы, и труд мой по экспедиции будет кончен в пределах приобретений. Останется только классификация и доставка в Санкт-Петербург, равно и составление отчета.

Отчего для разнообразия не записать сюда несколько случайно встреченных курьезов? В книге автографов, оставляемых на память о себе различными паломниками, сегодня неожиданно встретились такие выражения и правописания моих соотечественников. Наивные «чувствования» при попытках возможно высокопарного их изложения каким-либо «членом торговой фирмы» или «недостойным иеродиаконном» откуда-то делают невозможным чтение этой книги без улыбки.

²¹ О. Матфей выполнил свое обещание (см. *Письма афонских иноков*).

²² Письмо Смоленского к Шереметеву, датированное 16 июля, см. в *Письмах*.

²³ Далее в автографе имеется предварительный расчет расходов по экспедиции (л. 107 об.).

В 6 часов вечера я проводил на пристань А. В. Преображенского. Проводить на Дафне поехал А. Н. Николов, чтобы кстати узнать и о пароходах прямо до Варны, равно и о ценах за провоз клади отсюда вплоть до Петербурга. Вернувшись с пристани, я остался один и, так сказать, осиротел. Вечером — большой разговор о всяких материях с Ф. А. Лютером. Сегодня, между прочим, постановлено: прекратить дальнейшее после 85-го снимка (18 x 24) фотографирование Андреевской рукописи вследствие письма о. Леонида²⁴. Ему послано *пока* 10 рублей.

17 июля, понедельник [Лавра]

А. В. Преображенский точно увез с собою тепло и хорошую погоду! Пароход прибыл сегодня в сильный ветер около полуночи, и после этого «апóй» [ветра] весь конец ночи и все утро шел дождь и было холодно. Засуха перед этим продолжалась месяцев около двух, даже с небольшим. Можно поэтому представить, как радуются сегодня дождю на Афоне. В частности радуюсь за себя и я: вчера и третьего дня моя нога перед этим

²⁴ Письмо о. Леонида:

16 июля 1906

Честнейший о. Гавриил, передайте господину Смоленскому, что мною экспонировано 12 коробок, но не проявлено, потому очень одному трудно. Переслать их пришлите двух Арат, одному Арату очень тяжело. Экспозиция была та же, что и прежде присланы негативы. Ваших 11 коробок и моих 3 коробки, всего 14. Из книги снято 85 листов. Если желает господин Смоленский продолжать съемку, то пусть присылает пластинки.

С почтением монах Леонид.

С припиской Смоленского: «16 июля дано о. Гавриилу для передачи о. Леониду 10 рублей».

(РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 84, л. 76)

Фотографии с рукописи Андреевского скита № 18 (Стихирарь XII века) получались плохого качества, так как она была испорчена библиотекарем, пропитавшим ее маслом «ради лучшей ее сохранности». Желтые масляные пятна при фотографировании давали черноту; поэтому работа после 85-го листа была приостановлена.

Снимки с этой рукописи (а также фотографии, отражающие пребывание экспедиции на Афоне) были получены Смоленским в Петербурге 22 января 1907. 28 января материалы были переданы Преображенскому вместе с комментариями Смоленского.

Фотоснимки за исключением одного листа 148 (ОР РНБ, ф. 1175, № 423) не сохранились, поэтому особенно ценны негативы, хранящиеся в архиве ОЛДП (ф. 536, оп. 3, № 522—524). Имеются негативы л. 21—40, 61—80, 261—271, 271 об., 259, 260; общее число 54.

ненастьем нисколько не болела; значит, афонское тепло высушило из перелома обычную барометрическую чувствительность.

Сегодня я занялся началом приведения в порядок и приготовления к отправке всего того, что можно приготовить к укладке. Очень было жалко, что А. В. Преображенский забыл вчера взять на Дафну Иверский Ирмолог. С его помощью я сегодня бы покончил с этою трудною рукописью.

Определена пагинация в Иверском Ирмологе: л. 1—15, 17, 19, 21, 22, 26, 27, 29, 31—35, 37—39, 41, 42, 45, 46, 48—59, 63—69, 70—82, 86—90, 93—97, 100, 102—105, 109, 111, 113, 117—128, 132, 133, 135—137, 139, 141, 142, 144 и л. 150 об. Остальные не определены. Устал очень²⁵.

Читал в полученном номере «Православного вестника» Манифест о закрытии Думы, равно и об увольнении Ш² [А. А. Ширинского-Шихматова] из обер-прокуроров Священного Синода. Итак, ни дядюшки, ни тетушки оказались не в силах дать ему умную голову! Всюду по полу-году — тверским губернатором, товарищем обер-прокурора и обер-прокурором! Впрочем, и то сказать, как можно было назначать такую фигуру куда бы то ни было!

18 июля, вторник [Лавра]

Начат писаньем отчет о поездке. Целый день за работой дома. Утром кроме того уложены и проверены Ватопедские снимки. К вечеру — некоторое утомление. Посещение «поминального департамента», где за плату по известной таксе поминаются в определенные дни определенные к тому имена. «Вечное поминовение» (то есть, конечно, весьма к тому же краткосрочное) — по 60 рублей в год с одного имени; самая дешевая цена — 4 рубля с одного имени — поминовение «вечное» же, но по 2 раза в год, и тому подобное. В этой канцелярии я застал по крайней мере 15 писцов-монахов, состоящих под командою о. Анастасия. Я был рад развлечь этих писателей хотя бы разъяснением им всей легкости письма гусиным пером и письма с помощью очина для «устава». Монахи заинтересовались, как дети! Делопроизводство их по поминальной части поразительно велико и тщательно.

²⁵ Запись на обороте л. 109:

- 17 июля. Приготовлены к отправке от 1-го путешествия:
- 2 коробки с негативами Евангелий и проч.
- 2 коробки с негативами Есфигменского Ирмолога.
- 8 коробок с негативами Иверского Ирмология.
- 18 июля.
- 5 коробок с негативами Ватопедской рукописи.

19 июля [Пантелеимон]

Сегодня я решился на отчаянное средство, вынуждаемый к тому складывающимися обстоятельствами. Дело в том, что эту неделю о. Гавриил служит, и его услуги оттого ослабели до такой степени, что, в сущности, нам здесь нечего делать; затем на следующей неделе в монастыре праздник (27-го), и в этот же день Анастас Николаевич надумал уехать с русским пароходом. Мое дальнейшее одиночество тогда разделит освободившийся о. Гавриил, которому однако придется (сверх лавровских будущих работ) проявить негативов и отпечатать более 70-ти дюжин! Поэтому мне пришло на ум пустить в ход мое слабое фотографическое искусство! Оно займет наше время производительно и сократит затем мою работу с о. Гавриилом по производству отпечатков. Вследствие таких соображений я занялся сегодня проделыванием манипуляций по производству заряживания магазинной кассеты, и когда постигнул эту мудреную штуку — сделал два снимка из здешнего Евангелия. Снимки оказались удовлетворительными, и таким образом, с одобрения о. Гавриила, наша поездка вдвоем была решена в принципе, как малый риск и как возможность доброй пользы. Сегодня приехал П. А. Лавров, — но зачем, я понять не мог, так как он думает дня через два тронуться обратно в тот же Хиландарь. Сегодня же приехали из Палестины два студента Санкт-Петербургской Духовной академии.

20 июля [Ватопед]

Сегодня в 2 часа, несмотря на страшную жару, я выехал с А. Н. Николовым и Ф. А. Лютером в Ватопед, забыв сухой прием, испытанный нами в прошлый раз. Дорога была очень тяжела, и за 3½ часа выдался только один ряд хороших видов с верху дороги на долину с Пантократором в конце. Приняли нас в Ватопеде, сколько можно судить по первым впечатлениям, более приветливо. Я очень устал от дороги и вскоре после ужина завалился спать.

21 июля [Ватопед]

Утром после немалых ломаний библиотекарь Герман принес однако надобный нам № 893, и я, после немалых волнений, начал фотографировать с 9½ часов утра. К 12 часам дня я сделал 5 дюжин, то есть снял л. 1—60, а с 2½ до 5½ — еще 6 дюжин, то есть с л. 113 до 173 и с 213 до 217, а также первый и последний лист рукописи. При последних сним-

ках (вследствие отвесно непривычного положения кассеты) я напугал, кажется, немало. После привязались отцы Герман и гостинник Сергей, и я снял их, кажется, также с ошибками. Я почувствовал в это время очень сильное утомление и едва шевелился. Даже не мог после этого пить чай от усталости!

(Этот Герман, проигумен, то есть временно управлявший Ватопедским монастырем, выкинул в Пантелеимоновском монастыре такую штуку года два назад. Прибыв на праздник 27 июля, о. Герман, в общении с Иверским и Лаврским проэстосами из Протата, никак не хотел участвовать в выходе на «Свете тихий» только потому, что первенствовал «болгарин» (он же и «схизматик»), а не грек... Выйти со всеми — значило для этого грека признать над собою первенство презренного славянина, и принять от него благословение, поцеловать его руку — верх унижения! Но дилемма была жестока, уйти из храма невозможно — и грек нашел в себе достаточно ума, чтобы, нашумев без нужды, открыв свои карты, — все-таки смириться.)

22 июля [Есфигмен, Зограф]

Утром в 6½ часов, при совершенно тихом море, мы выехали в Есфигмен на той же самой лодке и с теми же самыми гребцами, как и в прошлый раз. Всю дорогу шли на веслах и потому прибыли в Есфигмен в 8½ часов. Тут нас встретила неудача: библиотекаря Пахомия не оказалось дома, затем нас накормили такой едой, которую даже и нельзя было назвать обедом; в заключение пришлось ожидать приема у пресловутого Герасима до 4-х часов пополудни. Столь неблагоприятные условия и вынужденное бездействие оказались для меня вполне безразличны. Я слишком утомился и едва ли бы мог работать. Но Анастас Николаевич — сейчас же озлился, назвал все интригою, говорил, что вчера дали знать (?) о нашем приезде, что Пахомия услали нарочно (?) и тому подобное. Я, конечно, только удивлялся, откуда у Анастаса Николаевича столь живое воображение и раздражительная находчивость. Ну нет, так и нет, — велика штука! Проживем и без полного снимка Есфигменского Ирмолога, если Анастас Николаевич уже такой прозорливец.

(Пишется в Зографе.)

В 4 часа я увидел о. Герасима Смирнаки, и он действительно объяснил мне, что библиотекарь о. Пахомий услан им уже давно в дальний метох монастыря по части заготовки сена (!) и спора монастыря с турецкой администрацией из-за чего-то. О. Пахомий должен был давно возвра-

тяться, но его нет до сих пор. У меня что-то оторвалось в груди после этих слов. Я почувствовал, что для меня в эту минуту Афонская экспедиция прервалась и что, несмотря на всякие уверения о. Герасима о возможности для о. Гавриила доснять Есфигменский Ирмолог, мне остается только поспешить окончанием экспедиции и возвратиться домой. Я преподнес затем о. Герасиму нашу группу (с о. Пахомием), попросил мулов, и в 4½ часа мы уже поднимались по огромной горе, по каменной, трудной мостовой на Зограф. Спуск с этой горы утомил меня в высшей степени, и я едва отдохнул, проезжая затем по мягкому и ровному дну длинной долины. Но затем несколько крутых и опасных спусков привели меня в совершенно разбитое состояние, и я прямо слег, приехав в знакомый Зограф.

23 июля [Зограф]

Впечатления от Зографа прежние, такие же после бедного Есфигмена, как прежде после бедного Хиландаря: богатство, полная чаша во всем, сущее радушие. Мы были встречены, еще когда сидели на мулах. Я едва слез с седла и едва добрался до той же самой комнаты, в которой мы останавливались в первый раз. Первое мое движение было — в постель. Я был совершенно не способен даже говорить. Через некоторое время явились номера «Нового времени» от 12, 13 и 14 июля, — но я не мог читать; позвали ужинать, но я не мог есть. Действительно, крепкий, здоровый сон от 9½ часов вечера до 7 часов утра поправил мои изнуренные силы. Я встал бодрым, крепким.

За обедней в Зографе (сегодня ведь воскресенье) — те же впечатления от фальшивого и гнусавого козлогласования... Мелодии, во множестве их частей, мне нравились множество раз, но в слышанных мною интервалах я, более чем наполовину, ничего не мог уловить кроме постоянно выдерживаемой фальши. Я пишу это потому, что мое ухо хорошо различает 7-ми, 9-ти и 12-тидольные интервалы, и я ясно различаю правильное пение, вроде, например, исполнения Хризостома, который к тому же и всегда строго ритмичен. Здесь я слышал очень часто сплошную фальшь относительно исонов и считаю эту именно фальшь плохим качеством здешнего пения.

После обедни — трапеза обычная. Поучение читал библиотекарь Симеон. Я почти не ел. Сосед монах дал мне что-то вроде маленького зеленого яблочка, но я не знал, что мне с ним делать. После трапезы — визит Григорию-старцу и затем отдых с писанием этих строк.

Меня сильно потянуло домой. Если успею, то, пожалуй, 3 августа укачу с греческим пароходом. Я более не в силах ездить на мулах, здешняя жара меня изводит, а работа уже близка к концу. Жалко, очень жалко будет давать снимать Гавриилу Есфигменский Ирмолог! Но слава этой рукописи, по моему суждению, уже закатилась; после находки других Ирмологов и Есфигменский Ирмолог теперь уже не столь авторитетен в моих глазах.

Сегодня очень жаркий день — совсем бездеятельный. Только и сделаны придуманные мною на память ручки для письма из Есфигменского камыша. Мундштуки были нарезаны еще в прошлый раз. Теперь в дополнение к ним — ручки, очень легкие при письме, но уличающие человека в праздности. Написано письмо Герасиму.

В 4½ часа мы поехали на мулах до Зографской арсаны. Это был, вероятно, мой последний переезд. Лодку приготовили скоро. Она оказалась тою же самою и с теми же самыми гребцами, как и в прошлый раз. Но сегодня, вследствие встречного ветра, мы плыли около двух часов и прибыли в Пантелеимон около 7 часов вечера.

24 июля [Пантелеимон]

Фотографический груз от А. В. Преображенского оказался уже полученным, как и пластинки от о. Леонида. Таким образом проявляются уже признаки нашего пребывания на Афоне. Сегодня я вручил о. Гавриилу наш экспедиционный фотографический аппарат с магазинной кассетой, равно и с другими принадлежностями, и был очень растроган тем глубоким чувством, с каким он принял это подношение ему за труды его бывшие и будущие.

Сегодня я писал отчет, а А. Н. Николов печатал снимки с негативов, проявленных о. Гавриилом. Под вечер получили первые 5 дюжин моих Ватопедских снимков, оказавшихся очень удачными. Это меня очень порадовало.

Я еще не вносил в эту книгу своих заметок о пении Пантелеимоновских монахов. Их главный хор поет в большом двойном Покровско-Александро-Невском храме, помещающемся в одном этаже со мною. Их пение за службами отлично слышно у меня в номере. Точно так же отлично слышно в моем номере и их пение на спевках, которые бывают часты и продолжительны, к тому же и очень старательны. Хор — многочислен и обладает множеством отличных голосов. Особенно хороши твердые, ясные крайние голоса, то есть первые теноры и вторые басы; между

тенорами есть столь высокие голоса, которые могут целыми часами петь громко, выказывая большую выносливость; между басами есть весьма склонные к иерихонским трубам²⁶.

Репертуар здешнего хора огромен, во множестве пьес — совершенно малограмотен, в еще большем числе — из тех «синих тетрадок», которые когда-то С. Н. Кругликов²⁷ назвал «Помощник и покровитель», а за ним «Покровитель и помощник», — то есть сущая гармоническая нищета, пересыпание из пустого в порожнее во вкусе Придворного Обихода. Но бывает иногда досадно слышать в исполнении монахов сочинения Дегтярева, Веделя и К°, совершенно к тому же исковерканные ради «монастырского состава» хора, то есть мужского хора с альтом. Здесь крайности итальянской школы получают уже какое-то уродливо-громыхательное изложение, подчас совсем нелепое, совсем уже не «Афонское», а какое-то разухабистое, развязное до странности. Гласовое пение (то есть «Господи возвах», «Бог Господь», ирмосы простого распева и прочее) здесь совершенно сбито с толку и перепутано в отдельных частях каждого напева. Поэтому есть «коленца», например

²⁶ О хоре Пантелеимона и его первом руководителе о. Григории см. в *Афонской экспедиции*.

Приведем более пространную цитату из уже цитировавшегося Дневника будущего митрополита Арсения (Стадницкого), который первый раз посетил Афон в 1883, то есть еще при жизни о. Григория:

Сегодня я был на торжественном богослужении в соборной церкви святого Пантелеимона, где в сослужении многих иноков и о. Макария служил греческий епископ Амфилохий. Мне, как певчому и любителю пения, интересно было послушать пение монахов. Здесь два хора, или один хор на два клироса. Оба хора поют худо довольно; первых голосов почти нет; басы хороши и злоупотребляют своим превосходством, так что других голосов почти не слышно. Регент — из монахов же — самоучка, но, надо отдать справедливость, невежда в пении. Меня удивило то, что здесь весьма мало понимают ноты, а берутся за пение сочинений классических писателей, как, например, концертов Бортнянского... Я ожидал, что здесь встречу старинные напевы, как, например, в Киевской лавре, но горько ошибся; я услышал и почти не узнал — так были искажены невежественными певчими прозведения Турчанинова, Бортнянского, в самом безобразном виде (Митрополит Арсений (Стадницкий). Дневник. Т. 1. М., 2006. С. 141—142).

²⁷ Семен Николаевич Кругликов — известный московский музыкальный критик, любитель церковного пения (даже пробовавший свои силы в духовном сочинительстве), директор Синодального училища в 1907—1910, член Наблюдательного совета с 1898.

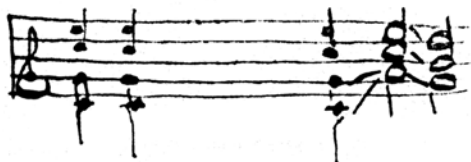
«Синие тетрадки» — это рукописные ноты всяческих «регентских» композиций, использовавшиеся на клиросах.

«Услыши мя Господи»,

встречающиеся чуть ли не во всех гласах.

Квинты здесь особенно любимы. Например 2-я строка 5-го гласа поется так:

«От рождшееся на спасение наше»

Этим же напевом тропарей поются и стихиры 5-го гласа. 2-й глас — изуродован не менее остальных, 6-й — так же²⁸. Эта часть в большом порядке, и путают в ней весьма часто, иногда же и крайне грубо. С канонархом поют однако очень твердо, хотя и следят многие по книге, чтобы избежать вранья при длинных строках. При переходах из одного гласа в другой — ошибки постоянны; «подобны» не употребительны, следовательно можно представить, что представляет иногда собою здешнее гласовое пение. О пении партесном под руководством неуча регента — не стоит и говорить. С таким регентом грубые певцы, не лишённые однако доли самомнения и уверенности в достоинстве их искусства, — могут ли создать что-либо действительно прекрасное?

Но за всеми этими недостатками, неизбежными при исполнении гармоний под руководством малознающих людей, есть в здешнем пении

²⁸ Иного мнения о русских «афонских гласах» — правда, намного раньше, в 1859 — был другой тонкий знаток пения, архимандрит Антонин (Капустин). Напомним:

Заученный раз и обратившийся в закон для каждого отдельного голоса, прием песенный делает то, что все, что ни поется, поется одинаково стройно. Самые простые напевы нашего осмогласника получают при этом пении выразительность, силу и приятность, которых напрасно ищешь в обыкновенном пении по Обиходу. Особенно трогательными кажутся гласы 1, 4 и 5. Невыразимо сладким чувством падает на душу напев 4-го гласа своим мольным [минорным] ниспаданием голосов в третьем колене. Такого видоизменения гласового напева я до сих пор не слышал (Заметки поклонника Св. Горы. С. 33).

какая-то живая струя, которая питает выносливость здешних певчих и придает их пению весьма значительную иногда оживленность. Я не представляю себе и не могу представить, как могли бы певцы осиливать здешние службы, занимающие иногда по 11, 12, даже и более часов в сутки? Здешнее «бдение» нисколько не умаляет других служб этих же суток. Между тем оно поется так же бодро, громко, энергично, как будто бы не было траты сил или не предстоит этой траты! В чем тут причина одушевления, в чем живая струя — догадаться не могу. После утомительных бдений, за которыми следуют вскоре трехчасовые литургии, я очень часто слышал вскоре же весьма оживленные спевки, на которых голоса и самый звук хора нисколько не звучали сколько-нибудь утомленно.

25 июля, вторник [Пантелеимон]

У А. Н. Николова начинается флюс, а на дворе сильный «апой», то есть ветер с гор на море, порывистый, резкий, временами не теплый. Следовательно сегодня печатание снимков замедлится. Следующие две дюжины моего Ватопедского снимания были так же удачны, как и первые. Следовательно, храбрость, с которою я решился сделаться фотографом, оправдала себя и дала пользу делу совсем неожиданную. Сегодня я все утро писал отчет и устал. Анастас Николаевич — лежал с флюсом. За ужином вдруг оказались двое, знающих меня еще с Москвы: регент здешнего Андреевского скита, бывший когда-то послушником у епископа Нестора²⁹, бывавший часто в Синодальном училище, и какой-то регент из-под Москвы. Вчера оказался здесь также знающий меня регент из Калужской Тихоновской пустыни³⁰. Такие трое достоверных свидетеля, как оказывается, очень старательно утверждают здесь мою репутацию как «композитора». Вот уже никак не думал, чтобы мои кропания создавали мне «имя», — а между тем выходит так.

²⁹ Имеется в виду епископ Нестор (Алексей Сергеевич Метаниев; 1830—1910), который мог быть знаком Смоленскому еще с казанских времен (выпускник Казанской Духовной академии) и который в то время, когда Смоленский работал в Москве, был членом Московской Синодальной канторы, настоятелем Новоспасского монастыря и викарием Московской епархии.

Упомянутому регенту Андреевского скита Смоленский, как явствует из более ранней записи, собирался выслать свой «Курс церковного пения».

³⁰ Калужская Свято-Тихонова пустынь, основанная в конце XV века, находилась в 18 верстах от Калуги. В XIX веке обитель была тесно связана с Оптиной пустынью, часто во главе Тихоновой пустыни стояли оптинские постриженники. Ныне там возобновлена монастырская жизнь.

Не мои научные работы, а Ектении, Стихиры Пасхи и прочие оказываются впереди.

Выдано А. Н. Николову 30 турецких черекгов в счет путевых его денег.

Пишу вечером, так как не спится.

Мне припомнился монах-болгарин о. Анфим, которого я видел дважды на правом клиросе в Зографе. Это прямо красавец, молодой, с тонкими правильными чертами лица, сильный брюнет. В его лице мне показались черты пережитых им глубоких волнений и самой трогательной кротости. Он стоял в стасидии всегда как бы недомогающе опираясь подмышкою на одну сторону. При этом кисть другой руки у него беспомощно висела на другой подручке стасидии. Видно было, что длинные бдения и многочасовые молитвы унесли у него все здоровье и он слабеет силами. Его красивые губы всегда полуоткрыты, и он, вздыхая часто, тянет скучный исон за протопсалтом своего клироса. Изредка на этих губах является премилая, ласковая улыбка, но в общем эта фигура — сплошная меланхолия, симпатичная, но грустная.

Запишу несколько слов и о прислуживающем нам о. Андронике. Он вятчанин, чрезвычайно благодушный, работающий, всегда серьезный и бесконечно ласковый. «Вот уж искушение» — часто срывается у него по самым наивным поводам. Слышно, что он уже схимонах, хотя он еще молод, не более 50—45 лет. Образования — ни малейшего, но природный ум хороший, ясный и строгий. Он очень богомолен и, как кажется, уже махнул рукой на нас за наше небогомолитие. Он не может понять, как люди могут спать, когда идет рядом «бдение»?

Интересен и о. Иуний, несущий послушание в виде постоянных путешествий в Дафну по части отвоза и привоза почты, посылок, богомольцев и прочего. Поднесение ему в подарок икры так растрогало его, что прибежал к нам благодарить и при этом наивно сказал: «Редко мы имеем такое удовольствие! Хоть монахи и все равны, но наверху монахи меньше нас работают, а икру едят чаще». Этот же о. Иуний оказывается большой ловкач, когда ему приходится в интересах монастыря дурачить турецкий контроль. Например, тюк с образцами парчей, привезенных Н. П. Павловым, он провез в Пантелеимон под носом у турок так ловко, что видевшие все турки и не догадались, как просто они были обмануты ловким о. Иунием. Наивный Н. П. — только руками развел, поняв такой фортель монаха. Потом мне о. Иуний рассказывал, как им организована всякого рода прямая почта с Одесского подворья прямо в руки о. Мисаила. Вот простота-то! Вот верность доставки без каких бы ни было платежей!

Уж именно только святые отцы и могут, под предлогом своей святости, проделывать такие штуки!

26 июля, среда [Пантелеимон]

Переданы о. Матфею снимки Иверского Ирмолога и Ватопедского Октоиха со Стихирарем, чтобы он окончательно уставил их в порядке. Совестно было утруждать старца, но надо и платиться за свои же ошибки, хотя бы стыдом за услуги других лиц. Хорошо еще, что я успел все-таки настоять на приставке к каждой снимаемой фотографиию странице составных ярлычков, где указывается адрес монастыря, номер рукописи и лист рукописи. С такими означениями можно легко сортировать потом как снимки бумажные, так и негативы. А без них, при множестве того и другого, при спешности работы, при надобной точности — совсем беда! Негативы и снимки постоянно путаются, и нет возможности установить их порядок. Одни проявляются вперед, другие после, одни сохнут скорее, а другие медленнее, одни печатаются скорее или готовятся в вираже, фиксаже, в сушке — другие опаздывают и тому подобное. Встречаются неудачные страницы то в негативе, то в отпечатке; встречаются пропуски в рукописях, своевременно у нас не отмеченные, и тому подобное. Все это путает работу, заставляет ломать голову догадками, мучает замедлением в работе и прочее.

Торжество завтрашнего здешнего праздника началось сегодня еще с утра³¹. Уже утренняя сутолока была сильнее обыкновенной от прибывших отовсюду гостей. В 10 часов начался звон «сбор», то есть навстречу первенствующему здесь в этот праздник Зографскому настоятелю вышел ко святым вратам весь Пантелеимон. Вскоре прибыл на лодке о. Григорий, сопровождаемый большою свитою, между которою я встретил знакомых уже Зографских монахов. Я поздоровался с обоими настоятелями на лестнице около нашего номера. Путь настоятелей был усыпан чрезвычайно благовонным лавровым листом от самой пристани до самого архондарика. Я впервые слышал такой запах. Радостное настроение чувствовалось всеми несомненно.

В 12 часов последовал в архондарике отличный, обильный обед для прибывших. За этим обедом, должно быть, весьма многие съели и выпили лишнее. Я, по крайней мере, неожиданно для себя оказался грешен в том и другом. После обеда Пантелеимон погрузился в сон до 3½ часов дня.

³¹ День священномученика и целителя Пантелеимона.

С этого времени началось богомоление. В 5½ часов началось в греческом храме «бдение». Храм был увешан по иконам самыми дорогими эпитрахлиями. Присутствующих обрызгивали душистою водою с розовым маслом. Я имел терпение прослушать только 1-й стих «Благослови, душе моя, Господа». Пел приглашенный с какой-то келлии протопсалт — совершенно как кот с прищемленным хвостом или на ночном походе при встрече с соперником. Когда после почти четвертичасового вытья начал выть продолжение левый протопсалт — я ушел из храма. Грешный я человек! Не могу понять, в чем красота, в чем особое благочестие, если псалом будет тянуться, как говорили, 2½ часа! Далее служба проходит обычно, но «Господи воззвах» будет опять исполнено приглашенным протопсалтом и протянется (без стихир) около часа. Затем также знаменитость исполнит «Похвалу» Пантелеимону со всякими териремами, о которых, даже при их ожидании, греки говорят уже заранее цокая и причмокивая! Вот уж именно о вкусах не спорят. Сегодняшний протопсалт показался мне противным, несмотря на всю его здесь знаменитость. Его неистовые крики доходят до моего слуха даже в моем номере, несмотря на очень большое сюда расстояние.

На праздник сюда набралось множество гостей и еще так называемых сиромашов, то есть бедняков-монахов, не живущих где-либо определенно и занимающихся [вероятно: питающихся] чем Бог послал от радушия и гостеприимства монастырей и отдельных людей. Есть сиромаша, только и живущие милостынею. Говорят, что между ними бывают великие подвижники и высоко-свободные люди, полные изумительного благородства и благочестия, равно и самоотречения.

Монахи радуются как дети — даже пожарную трубу обратили в средство для увеличения торжества! Напор воды из цистерны действительно великолепен.

Приехали Протатские представители и в качестве антипросопа Лавры — Хризостом, наш знакомый певец. На сегодняшний ужин (бывший во время бдения) я не пошел, ибо был сыт с обеда.

27 июля [Пантелеимон]

Было без 25 минут 8 часов утра, когда в храме святого Пантелеимона кончилось именно «всенощное» бдение, начавшееся вчера в 5½ часов пополудни и, следовательно, продолжавшееся ровно 14 часов... Через 25 минут в том же храме началась литургия. Литургию эту служил тот же Зографский настоятель Григорий, который выстоял «первенствующим» только

что кончившееся бдение. Литургия шла 3 часа. Итого 17 часов молитвы, стояния навтыжку, на виду у всех! Греки, конечно, глядели за Григорием во все глаза, так как эти необыкновенно выносливые, сухопарые монахи к тому же и завистливы, самомненны, ревнивы и всячески стараются занять по части выносливости первое место перед славянами. По силе такой ревности, как говорят, и сегодня было много греков, которые, «как вколоченные гвозди», выстояли в одной стасидии, не выходя из храма, обе службы, то есть все 17 часов... Рассказывают про какого-то настоятеля монастыря Симонопетра, который удивляет всех выносливостью в стоянии и называется потому «свечой Божией»; но отдают должное и Зографскому Григорию (свыше 75-летнему старцу с живыми, блестящими глазами — совершенно сухому, высокому, но не дряхлому еще, хотя и худому как щепка). При всем моем безграничном удивлении перед такую выносливостью людей, я все-таки не могу постигнуть в длительности и изнурительности церковных служб на Афоне наличие какого-либо внутреннего восторга, внутренней теплой молитвы и не могу найти в этих службах искренности. Напротив — поводов к самохвальству, весьма притом грубоватому, в них, конечно, много. Одни и те же действия — с виду будто бы простые, искренние, при толковании их самими же монахами — обращаются в действия самого ненасытимого тщеславия, для удовлетворения которого пускается в ход решительно всё до несомненного добра включительно (так!). Показная сторона при этом несколько и не скрывается в таком несимпатичном, в сущности, направлении, но трактуется со всею откровенностью, даже и грубоватостью. Таков характер всего, рассчитанного на дорого оплачиваемый эффект, лишь бы он послужил темой для разговоров и воспоминаний возможно на более долгое время и притом только в самом лестном для монастыря направлении³².

³² Конечно, Смоленский здесь жестоко заблуждается. И на такого рода «обвинения» существует множество опровержений. Например, архимандрит Михаил в 1905 писал:

Говорят, что афонские монахи вполноу спят во время своих длинных служб. Неудивительно уснуть старику 60 или 70 лет во время 10—11-часовой службы, когда пред этим он уже выстоял две-три службы. Но насколько я видел и знаю, монахи дремлют разве только во время длинных и невразумительных чтений, стоящих вне самого богослужения, во время поучений. <...> Но в остальное время нужно видеть самих афонцев, смотреть на их лица, чтобы понять, до какой степени напряженно бьется в них молитвенный пульс, до какой степени они живут содержанием церковной службы... (Архимандрит Михаил. «Стиль» и «дух» русских обителей на Афоне // Сообщения ИППО. Т. XVI. СПб., 1905. С. 362—363).

Эти разговоры касаются таких иногда мелочей, о которых мирянину и не придет в голову. Например, сегодня я слышал горячий спор о том, почему при следовании Зографского Григория на лодке в Дохиаре ему не звонили, а в Ксенофе звонили? По этому предлогу вспоминали ряд прошлых годов, счета монастырей между собою, счета визитами между настоятелями и тому подобное. В заключение вывод: увидим, что будет сегодня при обратном следовании о. Григория... Или, например, за обедом была икра, белорыбица, чего не было уже лет 5—6, а у греков и слухом не слышать о таком изобилии и гостеприимстве... Грек-то (упоминается важное имя) и хотел бы съесть, а не может взять, чтобы про него не сказали: вот-де напустился! — так вот только глазами и поел, а на зубах-то не побывало, — даром что за почетным столом сидел, где (ох, искушение!) все были расставлены самые лучшие закуски! Или, например, за обедом в архондарике сидело 86 человек, — ну-ка, найдите где-нибудь такой архондарик! А какая была знаменитая трапеза гостям! Чего она стоила! Вечером-то, даром что из-за обеда еле встали, ужин такой закатали, что от бдения прибежали, а посуду-то мыли вплоть до полуночи... Или: на выходе было 38 иеромонахов, так что в два ряда-то и уставиться им было негде! Найдите в другом месте такое благолепие! А каковы были на всех ризы-то! И так далее, и так далее, и так далее.

Выдано А. Н. Николу на дорогу 125 рублей и, в дополнение к 10 рублям, на фотографию в Софии 25 рублей, всего 160 рублей. Выдано двум студентам Петербургской Духовной Академии — 25 рублей в долг до Санкт-Петербурга (*более поздняя приписка*: возвращены 15 октября) — Александру Миновичу Черноуцан и Евгению Александровичу Ненадкевич³³.

По моему счету у о. Мисаила должно остаться наших денег 103 фунта стерлингов или 980 рублей 56 копеек, из которых, вычитая личных 350 рублей, остается экспедиционных 630 рублей 56 копеек.

После сытнейшего обеда, длившегося два часа, болгары Зографские сейчас же уехали, так как у них завтра «память» о каком-то пожаре, почему и бывает «бдение». Вторая ночь за нынешнюю, конечно, покажется многим не сладкою. Сегодня же я проводил Анастаса Николаевича домой и потому остался (не считая П. А. Лаврова в Хиландаре) — совсем один, но на работу самую энергичную с о. Гавриилом. К 10 августа эту работу надо кончить непременно.

³³ Имеются в виду попутчики А. В. Преображенского по дороге на Афон.

Энергия, проявленная здешними некоторыми монахами, в частности настоятелями о. Мисаилом и о. Григорием — действительно удивительна. При прощанье с Анастасом Николаевичем и студентами о. Мисаил был совершенно бодр, как ни в чем не бывало, — и это после 17-часового моления и беготни настоятельской до и после службы!

Провожая Анастаса Николаевича на монастырском пароходе, мы вдруг попали в общество здешнего каймакама, который вздумал прокатиться за водой до монастыря, ибо на Дафне — вода плоха, а здешняя — одна из лучших на Афоне. Это составило для меня неожиданную прогулку, тем более приятную, что каймакам оказался совсем джентльменом, прекрасно притом же говорящим по-французски. По возвращении домой я пил чай один, и мне было скучно, так как я в эту поездку оказался впервые без спутника. Почему-то и от С. Д. Шереметева давно нет писем.

28 июля, пятница [Пантелеимон]

Вчера вечером неожиданно написалось сообщение, обещанное мною Н. Ф. Финдейзену или М. А. Гольтисону, для «Русской музыкальной газеты» или журнала «Музыка и пение» — «О пении на Афоне», хотя и не все, так как было уже 11 часов вечера и захотелось спать³⁴. Сегодня вообще один из моих лучших рабочих дней на Афоне — работалось энергично весь день и с большим интересом над 11-ю утренними Евангелиями. Под вечер довольно-таки устал. Условие с о. Тихоном о его помощи о. Гавриилу по части скорейшего проявления и отпечатания всего остального, — чего еще много.

Ну, как же не верить в предчувствия? На этой странице, несколько выше приписано было мною сегодня утром о том, как я раздумался и заскучал о неимении писем от С. Д. Шереметева. Сегодня вдруг от него премилая депеша, даже с прибавлением «Revenu Petersbourg Madame bien portante» [«Вернулся в Петербург. Ваша супруга благополучна»].

29 июля, суббота

Кончены 11 утренних Евангелий со знаками для чтения нараспев³⁵. Письма Анюте и С. Д. Шереметеву³⁶. Хороший рабочий день. Приезд

³⁴ Очерки вышли в «Русской музыкальной газете»; М. А. Гольтисон — редактор журнала «Музыка и пение».

³⁵ Имеются в виду сравнительные выписки экфонетических знаков из евангельских чтений, помещенные в Дневнике.

³⁶ Письмо к Шереметеву от 28 июля см. в *Письмах*.

П. А. Лаврова. Негативы и снимки сегодня почему-то ни с места, хотя работа и была обещана.

30 июля, воскресенье

Спал сегодня очень крепко и до 8 часов — встал в хорошем самочувствии и попал к обедне в соседний параклис, что растрогало милого о. Андроника. Служат тут живо, — не то что «у Покрова» или «внизу у греков», — там «тянут бѣз толку — га га га — ге ге ге, — а чего “га га га” — сами не знают»; «поди-ка — у нас пойдут гром [лакуна] таково хорошо!».

Усердие о. Анастасия (заведующего здесь Синодиками) действительно не имеет границ. Он услышал, что мне надобно несколько сортов разноцветных чернил, чтобы отделить их письмом разночтения в 11-ти утренних Евангелиях, снабженных знаками для чтения нараспев. Признаться, у меня и не было особенной надобности во многих сортах чернил, так как я мог свободно обойтись сопоставлением красного и черного цветов. Но о. Анастасий решил, что надо иметь в своем распоряжении все колера, употребительные для письма Синодиков. «Это те же самые колера, которые вы найдете в каждой древней рукописи, и их разнообразие не только доставит вам удобство, не только напомнит о старых письменах, но и о нас, грешных, всегда радующихся возможности угодить вам. Напишите этими пятью колерами вашу работу и вспоминайте, хотя бы по цвету чернил, что и мы помогали в удобствах ваших неусыпных трудов». Нечего было делать! — пришлось временно поставить 5 пузырьков на мой и без того загроможденный стол и оставить память об о. Анастасии хоть этими строками.

Писание 2-й корреспонденции «Из дорожных впечатлений». Сегодня у меня был хороший рабочий день, а у «отца» — толку было весьма мало. «Нельзя же, — объяснил он, — ведь сегодня воскресенье-праздник, а вот завтра так приналяжем». Ну, ответил я мысленно, «будем посмотреть», как говорили профессора-немцы, ибо в мою душу уже закралось сомнение, что к 10 августа мне не уложиться в отъезд так, как бы хотелось. Работы оказывается еще очень много. А ехать домой мне уже очень хочется, к тому же я уже и очень устал.

31 июля, понедельник

Энергичное печатание и проявление негативов с самого утра, при содействии привлеченных к делу о. Паисия и о. Тихона. До 3-х часов напечатано и, к сожалению, в нескольких случаях перепечатано свыше

150-ти номеров. Прибытие парохода с тремя сотнями французов. Настоятель провел их в архондарик, где они пили кофе. Трубач их зачем-то сыграл романс на трубе, потом наш и австрийский гимны. Уехали в 8 часов вечера.

Сегодня был очень хороший день и у меня. Я подобрал в негативах Ватопедскую рукопись и кроме нее еще Г 9 и Г 12 — возни было очень много, но дело спорилось, хотя и почувствовалось очень большое утомление. Заказаны белые ярлыки на коробки, к ним будут в соответственных конвертах снимки. Дана взаймы Ф. А. [Лютеру] одна турецкая лира (8 рублей).

1 августа, вторник

Печатание Андреевских снимков, из которых многие очень плохи, к тому же и однобоки. Должно быть, в самом деле о. Леонид бывает «ненадежен» и во время фотографирования. Всех отпечатано 69 — формата 18 x 24, и о. Паисий по сему случаю пропекся на солнце весьма изрядно; даже и я, работавший много меньше его, чувствовал, что солнце прижигало и меня изрядно. Зато я имел удовольствие связать 8 коробок, туго набитых, и уложить их для следования в Санкт-Петербург.

Приехал Ф. И. Успенский. Вечером — беседа с ним, в обществе оо. Мисаила, Агафодора и П. А. Лаврова. Сегодня о. Гавриил проявил 18 дюжин негативов.

2 августа

Именины брата Василия Васильевича³⁷ были мною здесь отпразднованы. Сегодня проявился новый печатник — о. Флавий. Разговор с ним был весьма прозаичен: «по 1 меджду в день и деньги вперед». В ответ — вручение 1 меджидие, и работа началась с утра прямо на солнопекке у нижнего архондарика. Явился затем и Тихон — вчерашний. Сегодня и я сделал пробу съемки отпечатка с Венского л. 4 «comparavit Augerius Busbeck»³⁸. Я поместил лист лицом наружу и сзади его положил лист folio. Отпечаток таким образом шел через толстую и плотную Венскую бумагу очень долго — часов около 10-ти, но при сильном дневном свете, а не на солнопекке.

В 7 часов утра был у меня Ф. И. Успенский и удивил вопросами: как платить и кому в монастырях? — это после 15-летнего проживания в Константинополе, да при постоянных поездках! Не без основания

³⁷ Василий Васильевич Смоленский служил помощником библиотекаря Казанского университета.

³⁸ См. в комментариях к пребыванию экспедиции в Вене.

же, значит, его встречают здесь столь недружелюбно, если к тому же он подчеркивает во всем свое генеральство. Письмо от А. В. Преображенского из Екатеринослава от 24 июля³⁹. Политическая беседа с о. Пименом.

Взяты от настоятеля о. Мисаила все деньги. Из них: 1) оказалось вскоре, что я забыл об уплате 114 рублей еще 17 июля в день проводов А. В. Преображенского, при получении для него денег от о. Мисаила; 60 пиастров уплачены сегодня; 2) предложено в дар монастырю от имени экспедиции 10 фунтов стерлингов — или 95 рублей 20 копеек и 3) выдано П. А. Лаврову его денег личных 76 рублей золотом и ему же на дорогу 13 фунтов стерлингов (по 9 рублей 52 копейки) = 123 рубля 76 копеек и 3 черека по 1 рубль 20 копеек — всего 124 рубля 96 копеек. За мной осталось долгу 4 копейки.

Осталось денег у меня на руках: 67 фунтов золотом и несколько турецкой мелочи. Из них моих собственных $36\frac{3}{4}$ фунтов, мне на дорогу еще 13 фунтов, остальные $17\frac{1}{2}$ фунтов и мелочь — экспедиционные деньги. Едва хватит с предвидимыми расходами!

Получены от о. Матфея обратно подобранные им по страницам Ивер и Ватопед. Он отыскал на л. 59 об. какую-[то] подпись 1352 года о свадьбе какого-то Николая и прочее.

Купить в Константинополе у Каракаша для снимков П. А. Лаврова 17 полудюжин 18 x 24 и бумаги сколько придется, по расчету на оба размера.

3 августа

Моя сломанная и еще пока неокрепшая нога не позволяет мне и думать об участии в крестном ходе на верх Афона, где 6 августа престольный праздник в храме Преображения. Кроме физической невозможности идти в гору по каменистой и плохо устроенной дороге, я не имею времени для того, не могу бросить все свои занятия в Пантелеимоне по разборке фотографий. Записываю со слов рассказчиков о праздновании 6 августа на верхушке Афона. Накануне, или за 2 дня, все желающие принять участие в крестном ходе собираются в юго-западном углу Афона, в местности Керасю и Скита святой Анны, так как отсюда идет самая удобная дорога к верху горы. Утром 5 августа сформировывается крестный ход. Каждый богомолец берет с собою 2—3 полена дров, чтобы греться ночью у костров, ибо на вершине Афона в эту пору бывает иногда очень холодно, особенно же в ветреную погоду, а тем более в ненастную. Храм на вершине Афона очень невелик, совершенно лишен рам в окнах, дверей

³⁹ Письмо А. В. Преображенского от 24 июля см. в *Письмах*.

и потому совершенно не защищен ни от ветров, ни от дождя. Все иконы храма пробиты молниями, ударяющими в храм чуть ли не ежедневно по десяткам раз. Множество раз находили этот храм полным трупов животных, вбежавших сюда с пастьбы во время грозы и убитых тут молниями. Богомольцы 5 и 6 августа резко отделяются на враждующие группы греков и славян, не подпуская друг друга даже погреться у костров не их племени. Дорога на вершину Афона, недавно устроенная патриархом Иоакимом III, в одну из его отставок и проживаний в восхитительном Милопотаме, стоила ему до 800 золотых лир, но она очень пострадала от недавнего землетрясения и, конечно, нисколько не поправлена. Крестный ход прибывает на вершину часам к четырем, после чего сейчас же служится малая вечерня, и затем, по малом отдыхе, начинается 10-часовое «всенощное бдение», часов примерно с 6½—7 до восхода зари («Слава Тебе, показавшему нам свет!»). По небольшом отдыхе начинается литургия и затем, после трапезы — ход обратный «восвоися».

Множество раз, по заходе солнца на Афоне у берега моря, я любовался освещением белых стен Преображения лучами догорающего дня на вершине. Это зрелище — одно из восхитительных из Пантелеимона. Говорили мне, что зимою, когда вершина в снегу, — это еще красивее.

Продолжение печатания снимков и подбирания стекол для укладки в путь. Работа заняла весь день. Под вечер проводил П. А. Лаврова, которого требования, хотя и деликатнейше, с улыбочками выражаемые, вдруг возросли до размеров неожиданных. Неожиданно также найдена мною, как кажется, ошибка в счете Международного Банка от 20 мая сего года. Вечером — опять политический разговор общего и частного содержания, по поводу «последнего» здесь номера «Нового времени» от 26 июля.

4 августа

Память моей милой покойной матери. Совестно записать, что сегодня я проспал до 8½ часов утра. Это произошло, вероятно, в возмещение прошлой ночи, когда я проспал только от 2½ ночи до 6½ утра, и в пополнение сил вчерашнего хорошего трудового дня. Сегодня нет и Успенского, и Лютера — полное единение только с монахами. Типичен из них мой сосед о. Ираклимон — благодушнейший, но умный и добрый. Он, конечно, совсем не образованный человек, и любознательность его скорее переходит в простое любопытство ради материала для его же будущих разговоров.

Хороший, даже и очень хороший рабочий день по части приведения в порядок множества негативов и укладки их в коробки для отправки на родину.

Должно быть, у меня в самом деле еще размашистость не унимается: не рассудил я толком, сколько бы нужно было награфитить бумаги для предшествующей ведомости. А теперь и самому пред собой стыдно⁴⁰.

Сегодня упакованы и завязаны все 69 коробок. Глядя на такую кучу новостей — душа радуется. Не включены в этот список 10 горемычных Андреевских коробок, — так как снимки уж больно плохи. Сегодня я допечатал 7 негативов, оказавшихся без снимков. Под вечер начал разбираться в куче отпечатков, которые придется [*пропуск*], но был сердечно огорчен о. Гавриилом, который принес кучу перепечатанных негативов и даже не выровненных на стекле и оттого невозможных даже и к рассмотрению. Перепечатанные о.о. Флавием и Тихоном снимки, несмотря на мои просьбы и предупреждения, — вышли сущими арапами, невозможными к прочтению. О. Гавриил затем стал настойчиво говорить, что 7 августа праздник (открытие мощей Митрофана Воронежского), — но, вероятно увидев мое глубокое огорчение, устыдился, взял расправлять негативы и обещал работать 7 августа. Весь вечер до 1 часа ночи я работал над сортировкой бывших у меня снимков, раскладывая их по пакетам сообразно нумерации коробок. Работа совсем простая, но чересчур утомительная для глаз.

Сегодня я очень огорчил о. Андроника тем, что так и не попал на «бдение», — действительно не было силы идти после 14-часовой работы, да еще во 2-м часу ночи.

6 августа, воскресенье

Встал в 9 часов после очень крепкого сна. Сегодня за обедней, да еще вперемежку с пением греков, в нижней церкви изобразили концерт Бортнянского «Воспойте людие», но мужским, конечно, хором, и притом только партию 1-го хора, несмотря на то что концерт этот двухорный, 8-голосный. Я не знал, куда мне деваться от досады на монахов, певших

⁴⁰ Оборот л. 125 автографа представляет собой предварительно разграфленный лист с надписью:

«Проект общей ведомости на русско-славянском языке всех текстов, найденных на Афоне, в Вене и находящихся в рукописях русских в Московской Синодальной библиотеке, Типографской, Румянцевского музея. Надо взять графленую листовую бумагу в лист с графами в клетку».

Иначе говоря, это проект планировавшегося сводного указателя; имеются три графы: «Заглавия русских рукописей»; «Только цифры страниц дубликатов»; «Только цифры страниц греческих для одинаковых текстов».

Листы 129—137 автографа занимает датированная 5 августа «Общая ведомость негативов и снимков» (см. в *Афонской коллекции*).

однако радостно такую галиматью. Точь-точь — дурак на базаре, гуляющий в разорванной подаренной одной калоше!

За обедом по этому случаю я выразил, ввиду зашедшего разговора, что я более слушаю пение греков, а не русских, что не только я жалею о направлении пения на Афоне, но и недоумеваю о здешнем «осмогласии», равно и отсутствии пения «на подобен».

Знакомство с о. Наумом-фотографом. Дано Успенскому займы 2 дюжины пластинок.

Сегодня мне дали виноград «с благословения» настоятеля, ибо здесь «благословляют» есть созревающий виноград только с 15 августа. Зато яблоки едят «без благословения» раньше 6 августа, так как они вместе с дюшесами съедобны уже недели 1½. Виноград, который мне будут теперь давать ежедневно ради измучившего меня желудка, — очень вкусен, совершенно свеж. Он берется с гигантской лозы, проходящей по всему дому архондарика во все этажи. Я о такой лозе даже и не слыхивал в описаниях. Мне кажется, что ее длина свыше 100 сажен.

Последнее отсюда письмо к Анюте. Вечером большая беседа с о. архимандритом Мисаилом по поводу здешнего пения, особенно же сегодняшнего утра. Сегодня вечером певчие, как бы на смех, кричали за службою невыносимо. Но для [меня] это — уже последнее бдение!

7 августа, понедельник

Встал рано, но толку вышло мало — утомление чувствуется с утра. Высчитал по крайней [мере] хоть предстоящие расходы и успокоился тем, что по-видимому денег хватит, не трогая моих собственных. Часов с 10-ти утра я почувствовал себя лучше. Пополнение впечатлений весьма значительное. Второе печатание снимков, оказавшихся «арапами», в числе 52. Приведение в ясность числа дубликатов для о. Матфея.

Продолжение проверки негативов дало впечатление удовлетворительное. Всех негативов (без Андреевских) налицо свыше 1000 штук.

Сегодня я узнал, что мне готовится подношение от монастыря на память — вероятно, икона в кипарисовой шкатулке.

П. А. Лавров решительно годен в герои какой-либо новости. Он, в сущности — «не без хитрецы», сегодня так «исполнил поручение» в Солуне, по части покупки фотографических принадлежностей, что мы только руками развели⁴¹. Куплено совсем не то, что надобно, куплено

⁴¹ Письмо П. А. Лаврова к Смоленскому из Солуни см. в *Письмах*.

старше по безобразно-дорогой цене. В довершение всего он все-таки написал мне, что так как он дал столько-то о. Гавриилу, то считает свою долю уплаченную за все количество снимков, которые ему пришлось на ум счесть надобным для О.А.Д.П.! В магазине уверили его, что он спрашивает старомодный товар, которого уже нигде нет более и взамен которого есть новомодный, «несколько подороже»... Вероятно, Петр Алексеевич «посовестился уйти без покупки» — и его наградили за то всякой дрянью, «видя птицу по полету». Совсем дитя этот профессор. Недаром Кондаков сказал: «Он ведь не от мира сего! Посадите вместо седла и мула на вола с войлоком, — он не заметит и поедет!» Он всему удивляется, и его участие в разговоре только и состоит из вопросов: да неужто? да может ли быть? да неужели же? да как же это? и тому подобное. Работает он необычайно много; знает массу подробностей, а сути — нет у него. Занимается болгарским и сербским языками и их литературами, а говорить не умеет ни по-болгарски, ни по-сербски. Языков ни новых, ни древних не знает и производит вообще впечатление человека бездарного. Добр, честен — бесконечно, патриот отчаянный, как и враг бюрократии. Порядка в чем бы ни было, начиная с своего платья, своих книг — совершенно не понимает. Знает только, что ему надобно прочитать все, — но помнить все не считает надобным, и оттого обо всем ему «надо предварительно справиться». Память поэтому у него очень плоха. О практичности его в чем бы ни было — смешно и думать, — здесь он только забавен, частью жалок. Жена отучила его заботиться о чем бы ни было, — он ученый!

8 августа

Сегодня память о моем незабвенном Леониде Федоровиче Львове, царство небесное доброму человеку и моему благодетелю!⁴² Сегодня с 8 часов утра — отличный трехчасовой дождь, вымывший и освеживший все. Потоки горные были сильны очень. Эти потоки, окрашенные смывом с земли пылью всякого рода, резко видны на поверхности моря от устья каждой балки и вдаются в море очень далеко, думаю — даже более 2-х — 3-х верст. Вода эта, как пресная, называется здесь «сладкой», то есть по-турецки, подобно «Сладким водам» около Константинополя⁴³.

⁴² Как уже упоминалось выше, Леонид Федорович Львов (1813—1890), брат директора Придворной капеллы А. Ф. Львова, был главным казанским музыкальным наставником Смоленского.

⁴³ Ныне один из районов города на азиатском берегу Босфора, в прошлом — местный курорт.

К 5 часам вечера все экспедиционные вещи, то есть 69 коробок негативов и затем: виды Зографа, фотографическая камера А. В. Преображенского и к ней две коробки (вираж-фиксаж), в отдельном тюке: треножник, матерчатая темная комната и моих две палки, — были уложены очень удачно; уложились отдельно и книги П. А. Лаврова. Дано займы до 20—22 августа Ф. А. Лютеру еще 7 фунтов стерлингов. Три письма к настоятелям о допущении о. Гавриила к работе: Андреевскому Иосифу, Ватопедскому (библиотекарию) Герману и Есфигменскому Герасиму.

Дано 2 фунта о. Гавриилу за будущие его работы, в том числе и за Лавру, если только он попадет туда когда-либо. Список Лаврских недостающих негативов ему вручен сегодня же, хотя и надобно пополнение этого списка из Петербурга.

Под вечер разразилась вторично сильная гроза с дождем. Ни вчера, ни сегодня моя нога, однако, не болела по случаю такого ненастья. Вечером о. Гавриил принес последние снимки. Я показал ему систему их укладывания в пакеты с одновременною проверкою недостающих экземпляров и отображением дублетов. Написание «Херувимской» для о. Агафодора на музыку Турчанинова «Вечери Твоя».

9 августа, среда

Сегодня в 10 часов утра, во время боя часов, я кончил свою Афонскую работу и, в умилении сердца, в душевной радости моей, положил три земных поклона перед ликом Спасителя, равно и поцеловал икону Тихвинской Божией Матери, которою благословил меня на Афон С. Д. Шереметев. Сегодня проверены все отпечатки и указаны недостающие из них, числом 38. Этим, равно и приведением в порядок около 70-ти дублетов, напечатанных по ошибке наивным о. Флавием и Тихоном и с спокойною совестью предназначенных мною себе (хотя бы в виде «вознаграждения за труд»), — этим я закончил свою афонскую работу. Первым затем душевным движением было — благодарственное письмо С. Д. Шереметеву⁴⁴. Снимание фотографическое многократное: с о. Матфеем и о. Иосифом в келии у первого — меня за работу в архондарике, меня же со знакомыми монахами — «фондаричным», прислуживающими за столом Алексием, Рафаилом, Тихоном, Львом, Андроником, Иунием, Анастасием, Пименом и Гавриилом, Флавием и Тихоном — в архондарике⁴⁵. Завалили

⁴⁴ См. в *Письмах*.

⁴⁵ Все эти снимки сохранились. См. в *Иллюстративном приложении*, л. 120 об.—124 об.

и подарками: о. Иуний — морской козырь, Флавий — то же, о. Гавриил — туфли, о. Мисаил — икону, четки, портрет и книги, о. Пимен — шкатулку и тому подобное.

Вечер последний провожу я на Афоне! Вещи уже увезены на пристань, остался при мне только ручной багаж. Завтра от русских монахов перехожу к русским же морякам. Последнему я рад, так давно уже захотелось не бывать более в кругу нерусских людей. Какие ни есть — все-таки свои земляки, а не греки, не турки.

В мыслях своих подвожу итоги последних двух месяцев. На Афоне я несомненно окреп нервами и видел многое множество для себя нового, оригинального, симпатичного и неожиданного. Новое — сам Афон, оригинальное — пение и быт греческих монастырей, симпатичное — русские монахи, между которыми я видел много очень милых людей, неожиданное — научные находки. Правда, я очень утомился за работой, так как вообще работал не переставая, а в последние недели 2—3 приналег на работу еще более. Но зато я одновременно и отдохнул за этим трудом, вполне отрешившись от всякой политики, не читая газет, не развлекаясь посторонними занятиями и не пребывая в сутолоке, а теперь и в тревогах столичной жизни. Этому отдыху я даю цену для себя не меньшую, чем здешние многочисленнейшие научные новости.

О научном достоинстве здешних находок для истории русского церковного пения едва ли надо говорить. Думаю, что открыт прямо целый отдел этой науки, над которым не хватит времени потрудиться не только мне и моим товарищам, но даже и следующему поколению исследователей. Открыто теперь целое море таких новостей, о которых, в сущности, никто и не думал. Все говорили, как и я сам, с чужих слов, руководствуясь несколькими словами, брошенными о. Разумовским по поводу Севастьяновских снимков⁴⁶. Никто не занялся толково и сколько-нибудь внимательно теми листками, которые были привезены епископом Порфирием.

⁴⁶ О «Севастьяновских листках» речь идет во втором выпуске книги Д. В. Разумовского «Церковное пение в России»:

Из всех мест Балканского полуострова только Афонские обители сохранили в своих библиотеках нотные книги, по музыкальным знакам своим очень сходные с крюковыми знаменами столпового пения. Фотографические снимки с этих книг переданы России известным наших археологом П. И. Севастьяновым (М., 1868. С. 156).

Далее следует пример музыкальных знаков из Есфигменского Ирмолога, совпадающих с русскими знаменами. О работе Разумовского с копиями из собрания П. И. Севастьянова см. подробнее в комментариях к Приложению «Хрестоматия».

Теперь, вместо этих мелких отрывков, — сотни страниц связного между собой содержания, разновековые притом и представляющие бывшее греческое искусство во всю ширину и во всем его блеске.

Правда, закрыто еще для нас музыкальное значение этих страниц, как и древнейше-русских. Но теперь, по крайней мере, можно хотя бы сопоставлять их между собою и тем искать поводов и случаев к их взаимообъяснению, так как к такому способу исследования есть всякие основания, начиная хотя бы с одинаковых в множестве начертаний певческих знаков. По крайней мере теперь есть хоть над чем работать неленивому и чуткому уму. Новостей — действительно целое море. Но в весьма значительной степени большая часть этих новостей есть пока только китайская грамота, хотя и близкая к прочтению хотя бы по догадкам.

Одна из догадок моих состоит в следующем. Уставное церковное пение нельзя не считать весьма твердым в своих устоях вообще. В греческом пении таких устоев два: мелодическая часть, которая несомненно, притом же и в значительнейшей части своего содержания, должна [быть] общею в той и другой греческой нотации; и теоретическая часть, несомненно уже сполна общая греческому искусству обеих нотаций⁴⁷. Уставное пение, то есть народное, вековое, а не творение отдельных людей, вроде хотя бы и Кукузеля, есть именно грамматика искусства, необычайно скупая в даваемых средствах и видах внешнего своего выражения и в то же время необычайно богатая внутренним, художественным содержанием, дающим исполнителю широкий простор для извлечения из этих скупых по внешности средств и видов — величайшей красоты. Простота этого пения несравненна; приложимость данных форм к любым текстам безгранична; вдохновение певца рождает в них прямо неиссякаемые источники новой красоты, новых содержаний. Например, хоть наши напевы на «Господи воззвах» всех восьми гласов, даже и в существующем теперь их изложении повсюду, даже и начиная с Афона. Как резина, как губка, упруги одни части этих напевов, как сталь, тверды другие их части. К первым и последним певцы с необычайною ловкостью фонетическою и ритмическою прилагают всевозможнейшие тексты, но характер мелодии, ее ритмика в твердых частях — совершенно неизменны, именно — уставны.

⁴⁷ Имеются в виду палеовизантийская и средневизантийская нотации.

Часть 5 — ВОЗВРАЩЕНИЕ

10 августа вечером [пароход]

Пишу на пароходе «Великий князь Александр». Я ушел с палубы, так как уже темно и, проезжая мимо Симонопетра, Дионисиата, Григориата, уже не мог разглядеть их. Впечатления вне-афонского мира с первого раза так неожиданны, что я удивился себе: мне было странно и даже тяжело на плечах пальто, странно выпить пиво, съесть давно не виданный мною кусок мяса, да и с рюмкой водки... В последние два месяца я был в таком оригинальном мире, что свыкся со многим в нем и отвык от многого прошлого, полюбил на Афоне очень многое и научился также немало, встретился с хорошими людьми, хотя убедился, что и здесь, даже на суровом Афоне — «в семье не без урода».

Простился я с Афоном совершенно душевно и с болью в сердце. Вероятно, это чувство мое нашло отклик в сердцах монахов, так как они наперерыв, начиная с настоятеля, старались оказать мне всякий почет, всякое внимание, всякую услугу.

Сегодня, с самого утра у меня не было уже работы, так как все было уложено еще вчера вечером, а главный багаж уже был сдан на пристань. Я был в соседнем параклисе за окончанием обедни и затем болтался без дела в разговорах с прощавшимися монахами. Ни один из них не взял с меня денег, как я ни старался вручить им. В 11 часов, когда было уговорено снятие фотографией новой группы монахов, со включением в нее о.о. Анастасия и Агафодора, вдруг явился настоятель о. Мисаил. Нас сняли на террасе у столовой, в нижнем архондарике. Затем о. Мисаил обедал с нами, и обед этот, был, очевидно, одним из самых роскошных на Афоне. Мы ели даже грандиозных свежих омаров. В ответ на такое внимание о. Мисаила я проводил его до его кельи. Затем опять прощальные разговоры с монахами. О. Гавриил уговорил меня сняться с о. Анастасием и Ф. А. Лютером на верхнем балконе у архондарика. Мне было весьма приятно, что в этой группе принял участие и наимилейший о. Андроник, прислуживавший мне все время. Затем о. Анастасий отслужил для меня напутственный молебен, который пел о. Гавриил. В минуту прощанья вдруг явился ко мне, в столь отныне мне памятный «№ 7», о. Мисаил. Мы

побеседовали кратко. Вдруг начался «красный звон». Им приветствовал меня монастырь на прощание. Настоятель о. Мисаил со старшею братиею проводил меня до выхода из ворот монастыря, а старшие отцы, Пимен, Агафодор, Анастасий, Гавриил и другие, поехали со мною на пристань в Дафне. Здесь стараниями милого о. Иуния для меня было сделано все по части получения билета, багажных расписок, тешкерé и прочее. Наконец, мы прослушали на Дафне вечерню, служимую монахами, состоящими на послушаниях. В этой службе пропускается все, что говорится священником и дьяконом, все поемое читается, как читается и все полагаемое к чтению. Немудрено, что такая вечерня вышла довольно короткою. После вечерни мы отправились на пароход, в котором места второго класса оказались весьма приличными, хотя и тесноватыми. Пароход опоздал отходом за множеством груза, и мы тронулись в путь уже после заката солнца. Я не видал на прощанье очертаний милого моему сердцу Афона. По монастырям уже было темно, а «верх» был весь в облаках.

11 августа, вход в Дарданелльский пролив

Обнаружилась ошибка в накладных, выправленных мне о. Иунием, не хватает накладной на малую посылку (около пуда), [в которой] были помещены ножки от фотографического аппарата А. В. Преображенского, его же — переносная ручная темная комната и моих две палки (в том числе и подарок о. Мартина Черминского, «першего з поляков-священников (иезуитов), посетивших Афон» — по его словам). Посоветовавшись с ведающим здесь это дело — решено отправить о. Иунию из Константинополя письмо, дабы раскопал и устроил это дело через Кирика Одесского¹.

В общем путешествие скучно до такой степени, что, надышавшись морским воздухом, я завалился часа в 2 дня на боковую. В Дарданеллах выгружались по крайней мере 4 часа, отчего опоздаем быть к вечеру в Константинополе и будем там только завтра утром. Галлиполи прошли мимо. Мраморное море в начале — прескучная вещь.

Записываю на память об о. Агафодоре². Он считается в Пантелеимоне одним из самых умных, ловких и хитрых монахов. Он был два года представителем Пантелеимонова монастыря в Протате и, конечно, как человек весьма неглупый (хотя это и не мешает ему считать себя музыкантом, говорить не «g», а «же моль»), изучил все хитрости греков и способы

¹ Настоятель Пантелеимоновского подворья в Одессе (см. о нем далее).

² Об о. Агафодоре см. в *Афонской экспедиции*.

их подкупа русскими деньгами. Когда я, по поводу последнего, высказал свое удивление и негодование, Агафодор опустил очи долу, увидел, что проговорился мирянину, пустил монашеский тихоструй и молвил: «все люди — все человеки».

Этот же Агафодор, «изумленный» тем, как Херувимская на «Вечери Твоя», которую он обдумывал более полугода, была мною написана в ¼ часа, вздумал отблагодарить меня честью личных его проводов на Дафне. Перед самым отъездом он получил известие, что Ф. И. Успенский захворал в Ватопеде и что теперь ему уже лучше; узнал он также, что у меня есть письмо Федора Ивановича к жене и что я, может быть, буду у нее в Буюк-дере, — не воздержал себя отец в «пастырском долге» и наставил меня, как мне быть, чтобы не проговориться в Буюк-дере и «излишне не встревожить Ее Превосходительство, так как женскому полу возбранен ход на Святую Гору». Далее пишу с его, Агафодора, слов:

— И какое воистину поразительное и поучительное совпадение. Именно Промысл Божий устроит все во вразумление неверующих. Недаром сказано: рече безумен в сердце своем: «несть Бог». Представьте, что в то время, когда захворал «достопочтеннейший мой друг», в том же Ватопеде случилось покушение рабочих болгар на жизнь подрядчика-грека. Конечно, тут есть отклик совершающихся ныне зверств в Македонии³; конечно, тут, вероятно, не без греха подрядчика, да еще грека, всегда расположенного обсчитать ближнего... Но дело вот в чем: из браунинга было нанесено три раны, одна вдоль лба навывлет, другая в грудь — также навывлет, а третья в руку — также навывлет. И вот «О велие чудо! Источник жизни животныя!». Оказывается, секрет у подрядчика очень простой, —

³ Как уже упоминалось выше, Македония, большая область в центре Балкан, принадлежавшая тогда Турции, пережила множество государственно-исторических перемен, в ходе которых менялись как границы, так и состав ее населения.

Для установления «истинного соотношения религий и народностей» в Македонии было решено провести в 1905 перепись населения. Готовясь к будущему разграничению Македонии, болгарские «четы» (вооруженные отряды) принуждали «патриархистов» (то есть православных, принадлежащих к Константинопольскому греческому патриархату) переходить под юрисдикцию Болгарской экзархии, а греческие отряды, в свою очередь, обрушивались на экзархистские села, требуя их возвращения в лоно патриархии. Самая ожесточенная борьба между болгарскими и греческими отрядами происходила в срединной части Македонии, где в период с 1904 по 1908 совершались самые жестокие насилия и массовые убийства.

(По материалам статьи О. Н. Исаевой «Исторические перипетии формирования македонской нации», опубликованной на сайте Саратовского государственного университета.)

на нем был крест с частицею Животворящего Древа! А известно и веками опыта подтверждено, что воины, даже в смертных боях, не принимали смерти с этим именно «Животворящим» Крестом Господним.

Замечательно, скажу вам, как однажды наши монахи, неверующие у нас в эту чудодейственную силу Креста, были приведены к верованию следующим случаем: достали барана, повесили ему на шею Крест и начали стрелять в него, — но, конечно, хотя и попадали в барана пулями, но не могли убить барана. Когда же Святой Крест был снят, то первая же пуля уложила барана на месте... Так же вот теперь и подрядчик. Как же не возблагодарить Господа всем тем, кто имеет счастье владеть такою святынею! От каких бед, от самой смерти спасает Он «Животворящий».

— Позвольте, — возразил я о. Агафодору, — причем же тут болезнь Ф. И. Успенского?

— Как причем? Ведь одновременно же случилось заболевание! Одновременно же, по молитве страждущих, и избавление от грозившей смертной опасности...

— Но ведь сами же вы, о. Агафодор, говорили, что, вероятно, Федор Иванович сильно объелся и начал страдать коликами в желудке, а после лекарств его оханья и стоны прекратились, теперь же ему много лучше...

— Ну, как себе хотите, а только без помощи Божией дело бы это не обошлось так легко.

Конечно, после такого моего «неверия» беседа моя с о. Агафодором тотчас же прекратилась.

Через некоторое время наша беседа возобновилась по другому поводу. О. Агафодор заговорил о том, что в Афанасиевской Лавре с самого дня явления Богородицы святому Афанасию пекут всякий хлеб для еды, в том числе и просфоры, употребляя вместо закваски святую воду, собираемую с Животворящего Креста во время его Воздвижения ежегодно на бдении под 14 сентября. Эту воду собирают в определенный сосуд, добавляют изъемлемое из него ежедневно обыкновенною водою и возобновляют святость воды всем составом новой воды, попадающей в сосуд прямо с Креста, имеющего в себе часть Животворящего Древа Господня.

— Лаврские монахи постоянно уговаривали монахов всех остальных монастырей Афона, где имеются части Древа, завести у себя такое же приобретение закваски для печения хлебов, но мы, равно Ксиропотамцы и другие, где имеются «большие части» и где следовательно прикосновение воды при водружении Святого Креста неизбежно должно произойти

и следовательно дать желаемое, мы все-таки не дерзаем и помыслить о таком опыте без приказа или откровения Господня, без явления кому-либо из нас, хотя бы «в видении сонном», Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии с прямым указанием на удостоение и нас такого Ее благодеяния.

— А то чего уж было бы лучше! — воскликнул о. Агафодор. — Во скольких ведь Афонских монастырях имеются несравненные святыни Честного Древа! Но мы не дерзаем делать и опыта, пробавляемся простыми дрожжами, ибо Богородица на Афоне явилась только в Лавре!

Вечером сегодня скука плавания была отчасти развлечена другим своеобразным совпадением: оказалось, что трое едущих в одной каюте все — скрипачи, или, как подшутил Ф. А. Лютер: настоящий — наш третий спутник, бывший — я, а будущий — он, Ф. А. Лютер. Третий спутник воспользовался тем, что Ф. А. играет на фортепиано, и задал в первом классе музыкальный вечер. Играет он чисто по-любительски, «с отметкою 3», как выразился «учитель» Ф. А. Лютер, выдумавший и вышеуказанное «*praesens, perfektum et futurum*». Пароходное пьянино оказалось, по обыкновению, очень расстроенным.

12 августа, суббота [Константинополь]

Мы застали Константинополь в глубочайшем тумане и с помощью буксирного парохода едва-едва добрались до Золотого Рога к 7½ часам утра. Вскоре после приезда обнаружилось, что по какому-то случаю установлен суточный карантин для пароходов Александрийской линии и следовательно мы теряем сутки в Константинополе. Действительно, вместо парохода, готового в полдень к отплытию, стояла на рейде пустая якорная бочка, и из разговоров можно было заключить, что пароход прибудет не ранее 4-х часов дня, а отбудет далее лишь завтра.

Поэтому я решил побывать в Святой Софии и в музее. Я отправился сначала на Пантелеимоновское подворье и передал там два денежных пакета (на 50 рублей и 2300 рублей) о. Адриану. Затем я отправился в магазин Каракаш, где нужды экспедиции обошлись с мелочами почти в 13 фунтов стерлингов (то есть около 120 рублей). Отсюда домой и затем, в компании какой-то немочки из Битолии-Монастира⁴, какого-то говорливого молодого послушника, под предводительством о. Галактиона мы отправились в лодке через Золотой Рог в Святую Софию.

⁴ Битолия (или Монастырь) — город в тогдашней турецкой части Западной Румелии.

Само собой разумеется, что я давно и твердо знаю подробности этой знаменитой красоты. Сегодняшний осмотр дал много наслаждений, но я не могу их описывать. Мое перо бессильно в случаях таких наслаждений, как Святая София или несравненный саркофаг Александра Македонского, виденный мною сегодня же⁵.

Затем дома о. Галактион вспомнил, как он угощал меня «сарторинским», и принес таковую «красовулю», которую я выпил с полным удовольствием. Затем утомление взяло свое от сегодняшней жары и беготни. Я заснул часок, был у вечерни и затем прямо сбежал на пароход из вонючего Константинополя. Здешний воздух показался мне какой-то сплошной отравой. Нечистота города — ужасна. Сутолока невозможная, разнокалиберщина населения, гвалт на мерзейших улицах показался мне нестерпимым. Я вышел на верх парохода в одной рубашке и был прямо рад, что меня, так сказать, продуло, выдуло всего, насквозь, сильнейшим сегодня южным ветром. После Афонского воздуха — здесь дышать нечем.

При возвращении на пароход выяснилось, что пропажа багажа есть простое недоразумение, так как багаж нашелся на пароходе без всяких накладных, действительно забытых агентом Дафны к передаче для получения мне. От агента о том была депеша, и я расписался в получении багажа обратно. Получено письмо от Анюты.

Вечером на пустом пароходе оставалось нас только четверо пассажиров, и мы проболтали до 10 часов о всяких разностях и ни о чем особенном.

13 августа, воскресенье [пароход]

Спал отлично, главное же — было спокойно, так как всякое движение в Босфоре и Золотом Роге замирает под давлением подозрительной турецкой полиции. Утром, после множества бакшишей во все стороны, перебрался на большой пароход «Королева Ольга», который устроен много лучше «Великого Князя Александра». Два из таких мытарств обошлись весьма просто: когда мы ехали к пароходу, лодочник сказал нам, остановившись грести: «Этому чиновнику надо дать по череку с каждого и только издали показать паспорта, иначе он будет привязываться и, пожалуй, задержит нас». В лодке в это время полулежала на

⁵ Роскошный мраморный резной саркофаг, известный под этим именем и датирующийся IV веком до н. э., и сейчас находится в экспозиции Археологического музея Константинополя.

ковре какая-то фигура. Получив следуемое и увидав в поднятой руке каждого по русской паспортной книжке, фигура разрешила нам мановением руки следовать дальше. Другой случай был сложнее: несколько сажен спустя лодочник опять остановился и сказал: «Этому надо дать что-нибудь, иначе он будет досматривать багаж». Мы набрали сколько у кого было мелочи и поднесли. «Этого мало», — заявил принявший подношение. «Господа, не задерживайте меня, — возгласил лодочник, — мне достанется — дайте ему еще». «Но сколько же, наконец?» — воскликнул один из нас. «Ну хоть еще один-два черека». Череки были открыто вручены, последовало мановение руки, и мы двинулись далее.

С первых же слов — знакомство с каким-то адвокатом из Смирны, знающим Мисаила Миссаелидеса⁶, — то есть почти часовая практика в французском языке. В конце концов — все-таки тянет домой и здесь мне очень скучно. Во всем — открытое вымогание и бесконечная наглость.

Сегодня погода на море великолепна. Дует очень легкий и приятный боковой ветер, от которого пропадает жара. В общем достаточно тепло, и я благодуществую в одной рубашке, как на Афоне. Едет со мною Р. Хр. Лепер⁷, с которым разговоры, конечно, интереснее, чем с десятком других, вроде адвоката из Смирны.

Дельфины сегодня преследуют нас целой стаей. Адвокат из Смирны оказался большим говоруном, помесью итальянца и гречанки. Он записал мне имя современной гордости итальянской литературы, как и старался вразумить меня, что в музыке выше Россини и Верди ничего не было. На этой странице его строки из французских и итальянских стихотворений, которых он знает на память многое множество⁸.

Вечером концерт полуграмотных мандолинистов, затем пение любителей. Погода — несравненно хорошая, тихая и теплая. Я сидел весь день наверху и действительно надышался прекрасным воздухом, вполне чистым. Почти в полночь я пошел спать, к счастью — не в душную каюту.

⁶ Много лет назад Мисаил Миссаелидис, протопсалт церкви св. Фотинии в городе Смирна, направил через митрополита этого города запрос в русский Св. Синод по поводу сходства или несходства русского церковного пения с греческим. Смоленский отвечал ему в журнале «Церковные ведомости» (1893, № 9). См. эту публикацию с комментарием: РДМ. Т. III. С. 361—370.

⁷ См. в комментарии ко второй части *Дневника*.

⁸ На л. 149 об. записаны рукой нового знакомого Смоленского стихи по-итальянски и по-французски, а также вклеена его визитная карточка по-французски (профессор политической экономии и торгового и морского права в Школе Арони в Смирне Гектор Риччи).

14 августа, понедельник [Одесса]

Ночью была гроза и к утру задул довольно резкий и прохладный норд [северный ветер], от которого развело волнение. Качка была не сильная и известных ее последствий со мною не было. Осталось ехать только 6 часов, следовательно, если даже и будет северный шторм, — теперь недолго. Скоро я буду на родной земле после 12-недельного отсутствия. Какое множество самых разнообразных впечатлений за такое короткое время! Сколько нового и поучительного!

Наконец, около 12½ часов дня показались берега родной земли, а затем вскоре начали обозначаться очертания Одессы. Плаванию приходит конец. Сегодняшнее утро не имело и половины той прелести, какая была вчера. Сегодня море бурлит и качает. Весь день, как и вчера, я просидел на палубе, в подветренном уголку, так как на ветру почти валило с ног качкой и порывами ветра.

После полуторачасового приставания к молу и после скучнейшей канители по паспортной части, особенно же после нелепейшего обыскивания в таможене, первое впечатление — плата в 1 рубль 20 копеек от пристани до Пантелеимоновского подворья. Прежде чем мне удалось добраться до настоятеля о. Кирика⁹, я испытал на себе, как даже монахи «по одежке встречают». Какая-то иноческая рыжая борода встретила столь

⁹ Схиархимандрит Кирик оставался на своем посту еще много лет. Например, в книге «Забутые страницы русского имяславия» цитируется письмо к нему как настоятелю Пантелеимоновского одесского подворья от 1915 года. По сведениям сайта pages.ru, о. Кирик был автором популярных духовных брошюр. Там же приводятся следующие биографические сведения:

Афонскому старцу Кирику довелось нести послушание в России — он был послан на Афонское подворье в Москву, где участвовал в издании книг святителя Феофана, Вышенского затворника. Позднее старец Кирик был назначен настоятелем Афонского подворья в Одессе, где обрел широкий круг духовных чад — «от градоначальника до торговки». После революции старец Кирик был духовником братии Афонского Свято-Пантелеимонова монастыря. В 30-х годах, по совету Митрополита Антония (Храповицкого), его вызвал в Югославию сербский Патриарх Варнава.

В 1920-х о. Кирика видел на Афоне и описал Борис Зайцев:

...Седобородый, в очках, с золотым крестом на груди добрейший о. архимандрит Кирик, духовник всей братии... (Зайцев Борис. Афон. С. 76).

На закате из-за скалы появился пароход. О. Кирик благословил меня. Почтительно поцеловал я его худую, желтоватую и легкую руку, и когда о. Петр... вез меня на борт «Хризалиды», я все кивал и махал небольшой фигуре в черной рясе с золотым крестом, седобородому «прирожденному монаху», спящему два часа в сутки, вечно на ногах, вечно в служении, — к которому незаметно установилось у меня сыновнее отношение (Там же. С. 186—187).

грубо, что я рискнул даже призвать его к некоторой порядочности в обращении с приезжими. Вскоре однако, когда возвратился домой о. Кирик, пошли совсем иные речи и та же самая «рыжая борода» вела себя совсем по-иному. Я наскоро переговорил с о. Кириком обо всем и, согласно письму Анюты, был на «Главной Почте», где однако ни депеши, ни письма «до востребования» не оказалось. После этого я наскоро пообедал в любимом ресторане у Большой лестницы и возвратился в подворье, где, за чаем, пишу эти строки, сидя (в афонских туфлях отца Гавриила, обновленных сейчас) в «архиерейском» № 11. Проглядел и номер «Нового времени». Действительно — новое время стоит на моей горемычной родине!

Размен денег оказался по 8 рублей 50 копеек за фунт стерлингов. Хорошо еще, что я разменял только 5 фунтов! Письмо о. Мисаилу на Афон. Вечером — сильное утомление.

15 августа [Одесса]

Встал после крепкого сна в 7 часов. Ночь была очень холодная. Отсутствие здесь южного тепла, к которому я уже привык на Афоне, — сказывается очень. Здесь даже и не Константинопольское тепло.

Подворье монастыря в Одессе производит сильное впечатление своим богатством и размерами. Сегодня я слушал там обедню, уже готовился проститься с о. Кириком, как вдруг мне подают депешу от Анюты: «Приеду 16 Одесса подворье». Между тем мои вещи уже были отправлены на вокзал, депеша об отъезде уже подана. Опоздай эта депеша еще на четверть часа (а подана она была в Петербурге 13-го в 9 часов 25 минут вечера, прибыла сюда 15-го в 11 часов утра) — и я бы уже уехал отсюда. Теперь существенно меняется план моего возвращения. Я отдохну в Крыму и на обратном пути буду у Шереметева, равно буду и в Москве. Хорошо сделала Анюта, что решила съездить в Крым и передохнуть в тепле, поправляясь фруктами. Удивительна их разность, однако: то, что я ел на Афоне, неизмеримо выше константинопольского; последний — неизмеримо выше здешнего. Что же такое петербургский виноград?

Скуки ради зашел в банковскую контору Бродского. Оказалось, как и следовало ожидать, что фунт стерлингов стоит теперь не 8.50, как было у Кирика сегодня утром, а именно 9.54, как всюду. О, либо святая простота, либо иное что! Случайно, идя за стопой почтовой бумаги для будущих лекций, видел величественные похороны семьи Стамоглу, варварски вырезанной ради грабежа. Общие отзывы о покойных, что это были богатые, но честные и очень добрые люди, делавшие массу добра беднякам. Трoга-

тельно было видеть впереди 4-х гробов, мужа с женой, сына и зятя, — громадную толпу рабочих-грузчиков, служивших у экспортера Стамоглу. Масса народа, всевозможные почести, венки и прочее проводили покойных. Письмо от сестры Ольги.

Сегодня написано «Вступление»¹⁰. Весь вечер ушел на беседу с о. Кириком о самых разных материях.

16 августа, среда [Одесса]

Новое посещение о. Кирика и здешнего регента о. Полихрония. Сведения последнего в музыке очень скудны. Неожиданное посещение участка по поводу мошенничества и клеветы Мейера Срулева Феферсона, обманувшего посланного о. Петра при размене денег и заявившего, что ему были доставлены мною «отравленные» монеты. Конечно, еврей вел себя с величайшею наглостью и говорил, что сделка была законна. «По-моему, эти монеты могли стоить только 8½ рубля; посланный согласился, получил деньги и ушел; монеты у меня тотчас же купили неизвестные мне лица» и тому подобное. Потом еврей давал мне «отступного» сначала 1 рубль 25 копеек, потом 2 рубля 50 копеек, — но я требовал 5 рублей и пригрозил полицией. «Фа! и школько угодно полиция! будет только шкандал и ви ничего не получите!» — был ответ. Затем был составлен акт. Но по общему отзыву: «полиция всего боится и ни к чорту не годится».

Это второй случай в моей жизни. В первый раз меня в 1885 году привлек к ответственности казанский литограф Перов за то, что я, по совершенно неисправному печатанию им моего «Курса», прекратил это печатание¹¹. Я предъявил тогда встречный иск. Второй раз сегодня — я решился наказать этого еврея, чтобы он не эксплуатировал возвращающихся богомолков и богомольцев.

Разменены остальные 39 фунтов стерлингов по 9 рублей 43 копейки в конторе Бродского, получено 367 рублей 77 копеек.

В 5½ часов приехала благополучно Анюта, и свидание наше было радостно. Весь вечер прошел во взаимных друг другу сообщениях. Вечером приходили о. Кирик и Р. Х. Лепер.

¹⁰ Поскольку тут же речь идет о бумаге для записи лекций, надо полагать, что написано было вступление к курсу публичных лекций, который Смоленский намеревался читать в течение следующего сезона в зале Фонтанного дома Шереметевых в Петербурге и который не состоялся ввиду обострения политической обстановки в стране (подробнее см.: РДМ. Т. VI. Кн. 1; там же — подробный план этих лекций).

¹¹ Имеется в виду первое, литографированное издание «Курса хорового церковного пения» Смоленского.

17 августа [Одесса]

Утром посещение музея с Анютой, улаживание отправки грузов в Санкт-Петербург, завтрак у Большой лестницы, поездка на Куяльник и обед там, прогулка по городу и покупки. Вечером арбузное невоздержание и наказание Анюты за это. Письма к С. Д. Шереметеву, архимандриту Серафиму (то есть бывшему Александру Дмитриевичу Иноземцеву)¹², В. В. Майкову с 25 рублями на расход по получению груза.

18 августа [Одесса]

Анюта с утра еще слаба. Чтение брошюры Чемберлена «Явление Христа»¹³. Письмо к Э. М. Шапиро¹⁴. Поездка на «Фонтаны» доставила только самое полное разочарование. Покупка альбомов для подарков.

19 августа, суббота [Одесса]

Утром мне вспомнилась Москва в этот день с ее грандиозным Крестным ходом в Донской монастырь, с трапезой там. Вспомнился и англичанин Ив. В. Биркбек, поспоривший с настоятелем Донского монастыря (он же и председатель Училищного Совета) епископом Германом о рисунке Донской Божией Матери и уличивший этого епископа в незнании того; вспомнился и самодур-именинник, мой бывший начальник А. Н. Шишков. Нервы заходили от таких воспоминаний!¹⁵

¹² Письмо к С. Д. Шереметеву см. в *Письмах*.

Архимандрит Серафим (А. Д. Иноземцев; 1840—1911) был, по всей видимости, знаком Смоленскому с казанских лет. Он окончил Казанский университет, затем стал там доцентом, инспектором и директором 3-й Казанской гимназии. В июле 1906 зачислен в братию Почаевской Лавры, рукоположен во иеродиакона, затем во иеромонаха. Впоследствии (с 1908) — архимандрит, благочинный женских монастырей Вольнской губернии.

¹³ Хьюстон Стюарт Чемберлен (Chamberlain; 1855—1927) — английский писатель, социолог, философ; зять Рихарда Вагнера. В своей книге «Слова Христа» (1901; в русском переводе «Явление Христа», СПб., 1906) Чемберлен доказывал «арийское» происхождение Спасителя тем, что Он был родом из «Галилеи языческой».

¹⁴ Э. М. Шапиро — хозяйин петербургской нотопечатни, которая занималась очередным переизданием «Курса хорового церковного пения» Смоленского.

¹⁵ О московском крестном ходе в Донской монастырь см. в первой книге II тома РДМ; эпизод с И. В. Биркбеком и епископом Германом рассказывается в одном из писем Смоленского; письма Уильяма Джона Биркбека к Смоленскому см. во второй книге VI тома РДМ.

Епископ Кавказский Герман (Александр Косьмич Осецкий; 1849—1895) был настоятелем Донского монастыря с 1886 по 1895.

Упаковка двух последних багажных мест, отправляемых в Общество Любителей Древней Письменности отдельно от пароходных. Квитанция переслана М. Н. Ермолову¹⁶. Продолжение чтения брошюры Чемберлена, ибо впечатление очень хорошее.

20 августа [Одесса]

Вчера вечером, при чудесной погоде, я выехал с Анютой из Одессы в Ялту на пароходе «Цесаревич Георгий». Ночь была тихая, полнолунная, качки никакой. Анюта сначала было нервничала, уселась посреди парохода и затем ни с места. Перед отъездом с подворья были проделаны между мною и о. Кириком всякие церемонии. Кончилось тем, что я вложил в книгу посетителей (куда, конечно, и по справедливости, мною были вписаны благодарственно-хвалебные строки) 10 рублей, а о. Кирик прислал мне на память икону великомученика Пантелеимона.

Одесса вообще произвела на меня лучшее впечатление, чем в прошлые посещения. Город очень чист, содержится в большом порядке, и жидова, видимо, несколько поутихла. Мы провели вчерашний день в трудном для мужей занятии — то есть в покупке подарков для знакомых дам. Покупала, конечно, Анюта, то сердившаяся, то смеявшаяся над моими предложениями купить что-либо. В конце концов это занятие надоело нам обоим, и многие дамы остались потому без подарков.

В Севастополе, который весьма благоустроен, чист, бел, но накален и душен, мы успели только осмотреть панораму на Историческом бульваре. Надо было торопиться на пароход, куда «чтобы не опоздать» мы и приехали за $\frac{3}{4}$ часа до срока отхода.

Сегодня — такая же очаровательно-спокойная погода. В Севастополе прибавились впечатления лишь от трех мальчишек, ловивших каждую кинутую монету весьма ловко. Эти ныряльщики плавали около парохода более двух часов и набрали за это время денег очень немало, глотая все пойманное серебро.

Продолжение дороги в Ялту дало случай увидеть много давно знакомых мест. Ялта очевидно очень пуста. Номер в гостинице «Россия» за 1 рубль 50 копеек был у нас тот самый, который прежде оплачивался в 3 рубля. Пыль и нечистота в Ялте ужасны.

Андрей Николаевич Шишков, в 1885—1893 управляющий Московской Синодальной конторой, был первым московским начальником Смоленского как директора Синодального училища (о нем подробно рассказывается в Воспоминаниях).

¹⁶ Михаил Николаевич Ермолов — управляющий шереметевским Фонтанным домом в Петербурге.

21 августа, понедельник [Ялта]

Очень ветреный и нестерпимо пыльный день, жаркий и нездоровый. Обосновались по 5 рублей 25 копеек в день в пансион некоей Шульц, что в доме доктора Ноженкова, в большом парке Эрлангера, в высокой части Ялты, среди массы зелени и недалеко от моря. Как кажется, пыль, сутолока Ялты сюда все-таки не достигают, а покой есть, равно и кормят, как слух идет, довольно благоприлично. Комната очень неважная, но достаточная и с некоторым все-таки «видом на море». Впрочем, сулят всякие удобства. Вечером — письма к А. Н. Пикерсгиль, Н. Д. Чичериной¹⁷, А. В. Преображенскому и к Кирику в Одессу вторичное.

22 августа [Ялта]

Ванна морской воды и мытье с помощью грязи «киль», — но недостаточно хорошее, хотя и нахваливали такое очистительное средство. Мыло это действительно сильно, но едва ли тонко. Во всяком случае мое самочувствие сегодня неизмеримо лучше. На Афоне приходилось довольствоваться обтираниями, купанье было плохо по каменистому дну и по отдаленности, при плохой к тому же дороге до места купанья. Сегодня и вздохнулось много свободнее. Обычная здесь дороговизна сказалась и на ванне, — то есть все обошлось около 2-х рублей при удобствах совсем уж неважных. Фиолетовые чернила, купленные сегодня в Ялте! Наконец-то, хотя и в разбавленном виде, я достал здесь, по бешеной однако цене, такой цвет чернил, который всего легче для моих глаз. Вечером сегодня было очень холодно, что-то около 10°.

23 августа [Ялта]

Письмо к С. Д. Шереметеву и писанье разных заметок для лекций о конце XVI — начале XVII веков¹⁸. Прогулки до верхней беседки по обширнейшему парку Эрлангера, в котором местами великолепные виды. Место это очень высоко и круто поднимается над Ялтой, почему в обе стороны к морю весь город виден как на ладони и кажется даже располо-

¹⁷ Анфиса Николаевна (во втором браке — Пикерсгиль) была сначала супругой П. А. Аверьянова, скрипача, с которым в молодости Смоленский играл в казанском любительском квартете; через нее Смоленский познакомился со своей будущей женой А. И. Альсон.

Со всей семьей Чичериных Смоленский был хорошо знаком через свою близкую приятельницу А. Н. Нарышкину (урожденную Чичерину); ее письма к Смоленскому см. в первой книге VI тома РДМ.

¹⁸ Письмо к Шереметеву см. в *Письмах*.

женным как бы на ровном месте. Общество, собирающееся здесь за едой, по-видимому, довольно заурядное, высоких речей не слышно, заурядной болтовни я не слушаю. Вечером прогулка на берег. Море освещено полнолунием. Вода тиха и красива. По дороге в общем саду слушал «Зейтунский марш» Корещенко¹⁹. Было однако очень прохладно, и потому прогулка была кратковременна.

23 августа, четверг [Ялта]

Сегодня нас в качестве «приезжих» пропечатали в здешней газете. Об этом прочитали два моих ученика, братья Ковины, Николай Михайлович из Харькова и Александр Михайлович из Баку²⁰. Мы много болтали и вспоминали. Ездили на кладбище искать могилу В. С. Калининкова, но не нашли ее, хотя старательно искали вчетвером²¹. Писание лекций до завтрака и вечером. Сегодня опять очень холодный вечер.

25 августа, четверг [Ялта]

Сегодня — полгода, как я сломал себе ногу. Несчастье это хотя и прошло, но последствия иногда чувствуются, особенно же впотьмах и при спускании с какой-либо, даже небольшой, наклонной дороги. По ровному полу, по хорошему тротуару я хожу теперь вполне свободно. Перед непогодой — нитье стало как будто бы меньше, — может быть, и вследствие Афонского тепла. Бывшая затверделость в месте перелома осталась без изменений и свобода движений левой ступни, в сравнении с правой, так же ограничена намного, как и прежде.

За завтраком — большой, искусственно вызванный мною спор с моряком-офицером о Лжедмитрии I. Оппонент умело и красиво спорил, и, конечно, мы остались каждый при своем. Посещение Ковиных, которых сестра Марья Михайловна вышла здесь замуж за санитаря, будучи сама фельдшерницей. Сегодня вечер много теплее.

¹⁹ Зейтун — местность в Армении; «Зейтунский марш» был сочинен А. Н. Корещенко на подлинную армянскую тему.

²⁰ Братья Ковины оба закончили Синодальное училище во времена Смоленского, а Николай Ковин стал впоследствии сотрудником Степана Васильевича в Регентском училище.

²¹ В рукопись (л. 156 об.) вклеены три фотографии с изображением братьев Калининковых, Виктора и Василия, а также А. Т. Гречанинова, навещавшего жившего последние годы в Ялте неизлечимо болевшего туберкулезом Василия Калининкова.

26 августа [Ялта]

Ночью — был большой ливень. Воспоминания о Наталье Ивановне Вальер в Казани и о многом, ставшем теперь «plus quam perfektum»²². Битье баклуш целый день. Посещение могилы Василия Сергеевича Калининкова и письмо по сему к А. Т. Гречанинову, ибо могила в большом беспорядке. Письма к Саше Яковлеву и Шурику Прейс, А. К. Смирнову²³.

27 августа [Ялта]

Чествование сегодняшней именинницы Анф. Ник. Пикерсгиль. Досадное письмо из «Энергии» и немедленный ответ. Обед у А. А. Ливена с дочерью²⁴, беседы многие и на многие темы. Получение брошюры, прочтение ее не до конца на сон грядущий. От княжны А. А. узнал я, что деньги на памятник В. С. Калининкову собрала госпожа Харина-Бабанина, кузина известной Марии Башкирцевой²⁵, встреченная мною когда-то с Победоносцевым в Москве и Гурзуфе. У меня даже было ее письмо о чем-то.

28 августа [Ялта]

Отдано за 22 по 28 августа включительно, по 5 рублей 25 копеек, за 7 дней — 36 рублей 75 копеек. Сегодня очень теплый день — целый день битье баклуш; даже начинаю входить временно во вкус безделья. Сегодня в пансионе много разговоров об известном силаче Фоссе, поселившемся здесь и не платящем денег. Он — феноменально толст, ест без конца, пьет так же, не спит ночи, требует покоя днем, куролесит как душевнобольной. Сегодня в два приема я сыграл барышням чуть не половину «Фауста» Гуно.

29 августа [Ялта]

Чужачества Фосса, который проделывал всяческие приемы, до возбуждения к себе жалости, только чтобы не быть высланным. Арти-

²² То есть «далеким прошлым». Наталия Ивановна Вальер — казанская подруга молодости Смоленского.

²³ Имеются в виду А. В. Яковлев и А. Е. Евгеньев-Прейс, выпускники Синодального училища.

²⁴ Имеются в виду светлейший князь Андрей Александрович Ливен (1839—1913) и его дочь Александра Андреевна (1862—1914). Подробнее о них см.: РДМ. Т. VI. Кн. 2.

²⁵ Башкирцева Мария Константиновна (1860—1884) — популярная в то время художница и писательница (автор знаменитого «Дневника»).

стическая самоуверенность, при безденежье, дала полный спектакль. Все были возмущены, однако сложились между собою с тем, чтобы этого силача-полоумного все-таки удалили из пансиона. Под покровом темноты силач уехал, не удовлетворив любопытства молодежи, особенно же юбок, хотевших увидеть этого колосса. Печально однако его будущее: чахоточные бактерии, конечно, осият этот сверхчеловеческий организм, на диво сложенный, не в меру распространенный (даже до возможности сидеть только разом на двух стульях), феноменально сильный, богатырский по мышцам и мальчишески слабый умом. Он говорит только о себе и не иначе как забавно-жалко титулуя себя только «всемирно-знаменитым», «известным лично всем Высочайшим особам», даже «кончившим курс в Казанском университете» и тому подобное — даже и «графом де Фосс». Вел себя он в течение трех дней как суцая свинья.

Вечером — большой, продолжительный и азартный политический спор. Сегодня второй уже день — чудесная погода.

30 августа [Ялта]

Воспоминание о сегодняшних многочисленных именинниках. «Dichter und Bauer»²⁶ в 4 руки с Екатериной Алексеевной Петровой (из Саратова), играющей очень дельно и очень умело. Опять — баклуши целый день.

31 августа [Ялта]

Письмо от Н. Д. Чичериной, подтверждающей свадьбу Н. А. Бобровникова с С. В. Чичериной. Глубоко жаль мне последнюю, увлекшуюся тем, чем можно было бы и не увлекаться²⁷. Покупка 4-ручных нот. Слушание 3-й Бетховенской симфонии на репетиции в саду. Получение 3-х рублей от Ек. А. Петровой для передачи на памятник Калинникова. Бездельничанье целый день.

1 сентября, пятница [Ялта]

Проводы братьев Ковиных. Письма к Елизаветам именинницам. С. Е. А. Петровой: увертюры «Мелузина», «Гебриды», «Аталия» [Мендельсона] и квартеты Бетховена ор. 18 с *moll* и *A dur*. Играет очень толково.

²⁶ 30 августа именинниками являлись многие из знакомых Смоленского, носивших имя Александр.

«Поэт и крестьянин» — оперетта Франца фон Зуппе.

²⁷ О С. В. Чичериной, в замужестве Бобровниковой, родственнице близкой знакомой Смоленского А. Н. Нарышкиной, см.: РДМ. Т. VI. Кн. 1.

2 сентября [Ялта]

Письмо Сережи Клипина²⁸ и ответ ему. Память о милом Мам. Ив. Герасимове — бывшей 2-й скрипке в моем квартете²⁹. Квартет В dur и квинтет Es в 4 руки с Е. А. Петровою, — в остальное время тот же «лодырь». У Анюты обнаружилась какая-то зараза крови — волдыри и сукровичные подтеки из них на лице и руках, характера обычного. Поездка в обе Масандры.

3 сентября [Ялта]

Письмо от А. В. Преображенского³⁰. Повторение квинтета Es dur. Завтрак дома. Визиты к Ковиным и Ливену.

4 сентября [Ялта]

Визит к И. П. Алексинскому³¹ в прелестной гостинице «Джалита». Уверения Ковиных в том, что Анюта страдает от укусов москитов, не уверили ее, и сегодня только она успокоилась немного, получив подтверждение доктора Ножникова. Взяты билеты до Санкт-Петербурга для Анюты 2-го класса со спальным местом без пересадки в курьерском поезде 31 рубль 30 копеек и мне до Москвы такой же 22 рубля 60 копеек.

Получено сегодня известие о смерти столь печально известного Трепова³². Мое бездельничанье начало мне надоедать и делается уже очень скучным. Потянуло к книгам и рукописям.

5 сентября [Ялта]

Поездка на Учансу и мимо Изара. Визит И. П. Алексинского к нам и мой визит Сергею Яковлевичу Елпатьевскому³³.

²⁸ Сергей Михайлович Клипин, выпускник Синодального училища, один из любимых учеников Смоленского, претендовал на место учителя музыки в новом женском дворянском институте в Москве, о чем Смоленский переписывался с Шереметевым как одним из попечителей этого заведения.

²⁹ Мамонт Иванович Герасимов, музыкант-любитель в Казани во времена молодости Смоленского.

³⁰ Это письмо А. В. Преображенского не сохранилось.

³¹ Иван Павлович Алексинский (1871—1945) — известный русский хирург и общественный деятель, депутат Первой Государственной думы.

³² Дмитрий Федорович Трепов (1855—1906) с 1896 был московским обер-полицмейстером, с 11 января 1905 был назначен петербургским генерал-губернатором с диктаторскими полномочиями, с апреля 1905 стал товарищем (заместителем) министра внутренних дел. Об отношении Смоленского к Д. Ф. Трепову см. в его переписке с Шереметевым (РДМ. Т. VI, кн. 1).

³³ Сергей Яковлевич Елпатьевский (1854—1933) — известный писатель «народнического» направления.

6 и 7 сентября [Ялта]

Продолжение безделья. Вместо отъезда, предположенного завтра, отложен отъезд до 11-го, понедельник.

8 сентября [Ялта]

Беседа при проводах Ивана Михайловича Степанова. Лодырничанье весь день. Очень сильная боль в ноге.

9 сентября [Ялта]

Пансионская поездка на Ай-Петри удалась сегодня во всех отношениях. Была великолепная погода. Наш кружок одушевился с утра, а хозяйева оказались кроме отлично-умелых распорядителей еще и очень милыми компаньонами. Ездил 22 человека на двух больших линейках. Ко времени нашего пребывания на верху Яйлы подошел ряд облаков, бывших на одном уровне с нами и ниже нас. Это дало ряд незабываемых впечатлений, так как восхитительные панорамы, постоянно менявшиеся, осложнились и впечатлениями, впервые испытанными, полными самой несравненной красоты. Несколько разреженный воздух был идеально чист и легок. Участники поездки пришли в состояние самого полного удовольствия и благодушия. Развернулся Сергей Лог. Трухачев (моряк), обладающий непонятно мне мерою памяти и неистощимым остроумием. Очень был мил москвич Владимир Александрович Давыдов. Я проехал оба конца поездки с курсисткою-бестужевкою племянницею моряка Верою Васильевною Коссаковскою, и наша беседа была очень оживленною в течение нескольких часов. Ноге под конец дня стало много легче.

(Этот моряк, много выдавший и много бывавший, даровитый и умный, необычайно живой, веселый, находчивый, способен читать стихи наизусть целыми страницами. Но это было бы еще не так изумительно, так как хорошие стихи при хорошем содержании легко укладываются в памяти. Гораздо больше изумительно твердое памятование им (в сущности — человеком серьезным) множества сущей белиберды, заставляющей всех хохотать до упаду. Целые страницы подобной чуши, не лишенной по местам едкой соли и остроумно-изящных намеков, читаются им без запинки с самым серьезным выражением лица, с модуляциями содержания самыми неожиданными и действительно забавными. Одною из его острот, внезапно и очень живо сказанных, было и замечание по моему адресу. Я высказал сегодня после пикника предложение членам пансиона «встать и поблагодарить “директоршу” (то есть Э. К. Шульц) за превосхо-

дний урок, данный нам по естествознанию и природоведению»; я мотивировал свое предложение тем, что «пансионеры» и «пансионерки» все помолодели от пережитых восторгов, распорядительность же «директорши», равно и «директора» (то есть А. Ю. Шульц) была так хороша, что мы нисколько не чувствовали «гнета» начальства, но еще более окрепли в искренней к ним дружбе. С. Л. Трухачев, когда кончилась овация супругам Шульц, вдруг овладел вниманием всех и в весьма живых словах объяснил, как «профессора», даже и такие серьезные, как я, проводят искусно молодежь и приучают ее своими искусными «подходцами» — «подлизываться под начальство» так, что и иглы под них не подточишь...)

10 сентября, воскресенье [Ялта]

Очень тихая погода, но дождь начал лить с раннего утра, — нога почти не болит. (Пишется в Михайловском — имени графа С. Д. Шереметева, в 27—30 верстах к западу от города Подольска, Московской губернии.) Вечером 10 сентября мои прощальные часы с колонией добрых знакомых, приобретенных в пансионе Шульц, приняли характер самой простой и трогательной овации по моему адресу. Причиной тому было то, что я уступил вместе с Анютой их просьбам и отложил свой отъезд из Ялты еще на 3 дня, то есть отъезд вместо 8 сентября был назначен 11 сентября. После обеда хозяйка пансиона Эм. Карл. Шульц попросила меня сыграть «на прощанье» в 4 руки с Е. А. Петровою (см. выше 1 сентября). Мы посоветовались между собою и решили сыграть для «пансионера» — «Dichter und Bauer», а для себя «Hebriden» [«Гебриды» Мендельсона]. Едва мы кончили последнюю увертюру, как появилась Э. К. Шульц и на своем языке произнесла мне речь такого рода: вчера С. Л. Трухачев сказал, что «профессор» показал пример, «как искусно некоторые профессора подлизываются под начальство», сегодня я с согласия всего пансиона хочу показать, как «начальство», уступая желанию «пансионера», «подлизывается перед профессорами». После такого вступления Э. К. благодарила меня за все удовольствие, которое я доставил пансиону, высказала сожаление о моем отъезде и неперемное желание иметь меня вновь в числе пансионеров. Под аплодисменты вдруг на мою голову был надет лавровый венок. Я совершенно сконфузился и сколько мог собраться с мыслями благодарил всех. После того были поданы бокалы с вином и начались всякие тосты. Пансионная жизнь оказалась выбитой из колеи, и мы едва в 11 часов все разошлись спать после самой оживленной и радужной беседы.

11 сентября, понедельник [Севастополь]

Мы уехали из Ялты в 9 часов утра на том же пароходе «Цесаревич Георгий», на котором и прибыли сюда (см. 20 августа). Нас проводили все наши новые друзья очень приветливо, а когда пароход тронулся с места — даже закидали розами. Милая Е. А. Петрова привезла Анюте прекрасный букет роз. Вместе с нами уехала москвичка Ольга Ант. Баркова с милой и красивой племянницей консерваторкой Анной Вас. Барковой. Море при нашем отплытии было совершенно тихо. Но не успели мы даже доехать до Алупки, как началась непогода и сильная качка. Вскоре Ольга Антоновна и Анюта начали страдать морской болезнью, а я и Анна Васильевна отлично переносили качку. Конечно, от такой неожиданности пропала вся прелесть путешествия. В Севастополе, по выходе на берег, обе больные быстро успокоились, и мы отлично напильсь кофе в ресторане у морского прибоя, против Константинопольской батареи. Потом погуляли по городу, приехали на вокзал и в 7.10 вечера тронулись в путь с курьерским поездом.

12 сентября [поезд]

Дорога обычная, но у вагона-ресторана загорелась ось и мы были вынуждены питаться торопливо во время остановок, только в больших городах, во время сколько-нибудь больших остановок, чем 5—7 минут. Неожиданно встретился с доктором Иваном Павловичем Алексинским, ехавшим в нашем поезде, и имел с ним продолжительную беседу по поводу доктора Елпатьевского.

Мое мнение после прочтения проекта программы «Трудовой народно-социалистической партии» — отрицательное³⁴. Я высказал, что нечего увлекаться утопическими пожеланиями, заведомо теперь неосуществимыми, и в то же время рисковать потерей работников, годных к исполнению хотя бы части тех желаний, ставимых другими партиями,

³⁴ «Трудовая группа» возникла в апреле 1906 как группа депутатов Первой Думы из крестьян и интеллигентов народнического направления. «Проект программы» партии требовал образования общенародного земельного фонда из казенных, удельных, кабинетских, монастырских земель, а также частновладельческих, не превышавших «трудовой» нормы, то есть ликвидации помещичьего землевладения и фактической национализации земли. Подготовку аграрной реформы «Проект» предлагал передать крестьянам, которые должны были избрать на основе всеобщего избирательного права местные земельные комитеты. В «Проекте» содержалось требование демократического преобразования политического строя России, в том числе введения всеобщего избирательного права.

и очевидными средствами для их осуществления. Как ни возвышенны и философски правильны те пожелания — нечего бить стену лбом, когда все говорит против возможности их осуществления теперь. Кроме того — резкость требований партии и решительное игнорирование исторической последовательности явлений в человеческой культуре — самое слабое место, самое неизвинительное и безнадежное в программе. Что же даст партия кроме фанатиков-фантазеров.

13 сентября [Михайловское]

Простился с Анютой и спутницами Барковыми в Подольске. В Михайловское прибыл около 11 часов утра. Ехать было очень холодно, и я озяб, так как привык к теплу на Афоне и в Крыму. Встретил по дороге П. Н. Шеффера³⁵.

Первые впечатления от графа Сергея Дмитриевича, принявшего меня очень любезно, — оказались, однако, крайне тяжелыми. Очевидно, что последние годы и все направление текущих событий расстроили его совершенно и обострили резкость его политических взглядов до самой крайней степени, до сущей резкости и непримиримости со всеми и во всем. Он считает даже и «союз 17 октября» чуть не врагами России, а уж о более «левых» с ним и не говорят³⁶. Нервность Сергея Дмитриевича — прямо болезненна. Очевидно, что кроме политического разномыслия со всеми он расстроен и другими делами, усилившими его раздражение против всех. Глубоко жалею я его, отчасти даже и не могу понять причин столь крайнего возбуждения, если только отложить в сторону то, что он сам отошел в сторону от воздействий, бывших когда-то весьма от него сильными во все стороны.

14 сентября [Михайловское]

Беседа с Иваном Максимовичем Ситником относительно помещения его первых близнецов Николая и Ивана в Синодальном училище³⁷. Весь день в разговорах разных, но не деловых. На дворе очень холодно.

³⁵ Павел Николаевич Шеффер — филолог, до 1906 секретарь ОЛДП.

³⁶ «Октябристы» («Союз 17 октября») — право-либеральная политическая партия, созданная в 1905, с 1906 ее возглавлял А. И. Гучков. Название партии восходит к манифесту о гражданских свободах, изданному 17 октября 1905.

³⁷ И. М. Ситник, певчий Синодального хора в 1897—1901, стал по протекции Смоленского регентом храма во имя Чуда Архангела Михаила в имении Шереметева.

15 сентября [Москва]

Пишется в Москве, в доме С. Д. Шереметева, в той же самой комнате, где я лежал весною со сломанной ногой. Дорогою из Михайловского был на полчаса в Плескове у Петра С. Шереметева³⁸. После того едва-едва поспел на прибывший уже поезд. Нога вступила на подножку вагона уже после третьего звонка, а багаж докинули уже на ходу. Когда уселись, оказалось однако, что мы сели не на тот поезд, о котором думали, так как это был опоздавший на 6—7 часов, из-за крушения чего-то около Конотопа. Наш поезд потому имел бы прибыть 6—7 часов спустя. Погода сегодня ужасная — снег, слякоть, сырость, ветер, холод, грязь. Для середины сентября в Москве — могло бы быть много лучше. Сейчас же по приезде меня рассердили извозчики, запросившие от Калужского вокзала (то есть за проезд только по Арбату до Воздвиженки) по 80 копеек, по 1 рублю, даже и более. Отдохнув немного дома, был у Е. Е. Констан³⁹, где обедал, и у А. Т. Гречанинова. И тут и там — разговоры многие о материях разных.

16 сентября [Москва]

Письма во все стороны, — именинницам и по делам всяким. Е. А. Петровой, Е. С. Ильминской, С. В. Чичериной, В. Н. Бобровой, Л. А. Смирновой, В. И. Обуховой, С. С. Волковой. Хлопоты за Сережу Клипина у О. А. Талызиной в новом институте Александра III. Был у Е. Л. Верещагиной⁴⁰, обедал у Е. Е. Констан. Вечером чтение I тома издания Певческо-этнографической комиссии — впечатления дельные⁴¹.

17 сентября [Москва]

Слушал Синодальный хор за обедней в Успенском соборе, где служил Серафим из Орла (в мире — полковник Чичагов)⁴². Пели очень неважно,

³⁸ Один из сыновей С. Д. Шереметева (1876—1914).

³⁹ Екатерина Евгеньевна Констан — основательница известной московской гимназии, близкая знакомая семьи Смоленских.

⁴⁰ Смоленский поздравляет знакомых ему именинниц (Вера, Надежда, Любовь, София) и среди них — свою близкую знакомую и постоянного корреспондента Софью Волкову. Екатерина Степановна Ильминская — любимая тетка Степана Васильевича. Елизавета Леонидовна Верещагина (урожд. Львова) — дочь Л. Ф. Львова, надзирательница московского Воспитательного дома.

⁴¹ Первый том Трудов Музыкально-этнографической комиссии при Московском университете вышел в 1906.

⁴² Имеется в виду будущий митрополит Серафим (Чичагов), новомученик.

но и не особенно плохо. Серафим — очень красив и умело держит себя. Телеграмма к Н. А. Невзоровой. Был у В. С. Тютюнника, обедал у Алексинских⁴³. Прибыло пальто. Вечером — чтение I тома, в котором хорошие статьи Аракчиева.

18 сентября [Москва]

Занимался в Синодальной библиотеке. Получил от В. С. Тютюнника его кресло на 19, 20 и 21 в Большом Театре. Обедал у Гречанинова. Вечером неожиданное свидание с А. Л. Масловым, Д. И. Аракчиевым у Н. А. Янчука⁴⁴.

19 сентября [Москва]

Очень грустные сообщения о Синодальном училище расстроили меня совсем. Мне передали о нем такие тяжелые подробности, что и не хочется записывать. А как еще недавно оно было вполне порядочную, работающую школу, из которой выходили достойные ученики!⁴⁵ В Синодальной библиотеке я сегодня озяб и ушел в два часа вместо трех. Чтение статьи Аракчиева.

«Демон» в Большом театре не произвел на меня ни малейшего впечатления. Я ушел из спектакля вполне равнодушным.

20 сентября [Москва]

Хорошая работа в библиотеке. Разговоры с Д. В. Постниковым и с Н. П. Поповым⁴⁶. Обедал у Е. Е. Констан, где начались чтения «высших курсов» молодыми профессорами, отрешивающимися от старых. Вечером «Русалка», которую я очень люблю, не произвела на меня в Большом театре решительно никакого впечатления — скорее же отрицательное.

⁴³ Надежда Александровна Невзорова, знакомая Смоленского с юношеских лет, супруга Н. К. Невзорова, переводчика и педагога. Василий Саввич Тютюнник — солист Большого театра, преподаватель постановки голоса в Синодальном училище во времена Смоленского.

⁴⁴ Все названные лица — известные московские этнографы (а Д. И. Аракчиев (Аракишвили) также грузинский композитор).

⁴⁵ В это время директор Синодального училища и регент Синодального хора В. С. Орлов чувствовал себя плохо, и дела в училище шли не лучшим образом (подробнее см. в переписке Смоленского с Кастальским в пятом томе РДМ, а также в переписке Смоленского с Шереметевым в первой книге VI тома РДМ).

⁴⁶ Николай Петрович Попов в это время был преподавателем теории словесности в Синодальном училище, а Дмитрий Васильевич Постников — экономом там же.

21 сентября [Москва]

Был Ал. Пр. Богатенков с рукописями и Сережа Кучин⁴⁷. Занятия были хороши. Вечером «Онегин». Перед тем обедал у Натальи Викторовны Самсоновой, где был разговор на темы полученного от Анюты письма. Посещение меня Богатенковым.

22 сентября [Москва]

Посещение меня Д. Г. Григорьевым и И. И. Серебренецким⁴⁸. Окончание в библиотеке Постного Стихираря. Обедал у Тютюнника. Вечером «Жизнь за царя» с черносотенскими выходками дико-патриотического незнания границ. Видел Левшину-Прутченко Н. К. и А. Я. Дубинина⁴⁹.

23 сентября [Москва]

Наблюдения и сравнения Постных Триодей XII века русской и греческой. Поездка к Саше в Петровско-Разумовское⁵⁰. Визиты И. И. Серебренецкому и А. Д. Кастальскому.

24 сентября [Москва]

Поездка к сестре Ольге в Павлово вместе с Сашей.

25 сентября [Москва]

Поездка в Донской монастырь на дорогие могилы Л. Ф. и Ф. Ф. Львовых а также В. Ф. и О. С. Одоевских. Был и на могиле С. Н. Трубецкого. Потом — визиты к Е. А. Дмитриевой, Алексею Ивановичу и Ольге Петровне Яковлевым, Е. Е. Констан и Дмитрию Григорьевичу Григорьеву⁵¹.

⁴⁷ Об Алексее Прокопьевиче Богатенко, в это время диаконе старообрядческой Рогожской общины в Москве, секретаре архиепископа белокрыницкого соглашения Иоанна, добром знакомом Смоленского с казанских времен, см. подробнее в переписке с Шереметевым (РДМ. Т. VI. Кн. 1). Большой знаток крюкового пения, А. П. Богатенко был и коллекционером певческих рукописей.

Выпускник Синодального училища Сергей Михайлович Кучин до 1906 являлся регентом Ярославского архиерейского хора.

⁴⁸ Дмитрий Григорьевич Григорьев был преподавателем скрипки в Синодальном училище, а Иван Иванович Серебренецкий воспитателем и преподавателем там же.

⁴⁹ Алексей Яковлевич Дубинин преподавал фортепиано в Синодальном училище.

⁵⁰ Александр Васильевич Смоленский работал в Московском сельскохозяйственном институте.

⁵¹ Имеется в виду князь Сергей Николаевич Трубецкой — недавно скончавшийся выборный ректор Московского университета, к которому Смоленский относился

26 сентября [Москва]

Был В. А. Булычев⁵². Визиты Арбекову, Тютюннику, Аллеманову и Линевым, обедал у Самсоновых, после же того пробыл часа два в товарищеском кругу у К. С. Сараджева⁵³.

27 сентября [Москва]

Кончена работа. Свидание с Машей выяснило надобность А. Э. завтра быть в городе и, следовательно, неуместность моей поездки в Черкизово⁵⁴. Поэтому я пробуду завтра утром здесь и выеду с почтовым, сделаю визиты и покупки.

с особым уважением и кончине которого посвящены прочувствованные строки в переписке с Шереметевым и С. С. Волковой.

Екатерина Александра Дмитриева — смотрительница в Мещанском женском училище, знакома Смоленского.

Яковлевы — историк Алексей Иванович Яковлев и его супруга.

⁵² Вячеслав Александрович Булычев — известный хоровой дирижер, создатель Московской симфонической капеллы.

⁵³ Протоиерей Иоанн Дмитриевич Арбеков — до 1901 преподаватель Синодального училища, с 1884 по 1916 настоятель храма Большого Вознесения в Москве.

Священник Димитрий Васильевич Аллеманов — духовный композитор, регент, исследователь церковного пения; см. о нем в *Афонской экспедиции* и Приложении «Д. В. Аллеманов» (см. также его письма к Смоленскому во второй книге VI тома РДМ).

Евгения Эдуардовна Линева — известная собирательница русского фольклора, хормейстер.

Константин Соломонович Сараджев — скрипач и дирижер, профессор Московской консерватории, в 1899—1906 преподаватель скрипки в Синодальном училище.

⁵⁴ Сестра Смоленского Мария Васильевна была замужем за известным ветеринарным врачом А. Э. Гауэнштейном; в Черкизово находилась клиника, где он работал.

Письма

До Афона

Смоленский — Преображенскому

Москва, 8 марта 1906

Дорогой Антонин Викторович!

Вот как обрисовалась задуманная поездка, о которой, как и о редакции «памятной записки»¹, я уже дважды переговорил с графом Сергием Дмитриевичем. Он берется за устройство дела и говорит, что это дело может устроиться, пожалуй, и очень легко. Даже, при удобном случае, можно думать и об одобрении дела Государем, что, конечно, растворит все двери на Афоне. 3000 рублей — максимум. Барышей от поездки не предполагается, но труда желательно возможно больше.

Вместе с тем думаю и со своей стороны, что, захватив 2—3 аппарата, может быть и все 4, можем обратиться в Ваших подручных, следовательно успеем возвратиться «с великою честью» и довольные.

Прошу Вас без промедления повидаться и посоветоваться с П. А. Лавровым, купно с А. Н. Николовым. Я прошу всех троих к себе на 3-й день Пасхи вечером для окончательного совещания и последней редакции записки. То надо потому, что Елизавета Федоровна будет в эти дни в Петербурге. Конечно, я желаю самой дружной критики записки и ничего не буду иметь против самой коренной ее переделки, если то понадобится.

Итак, до свидания со всеми 4 апреля во вторник вечером в моей квартире. Я выеду отсюда 29—30 марта, но может быть и немного ранее.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

Р. С. Две с половиной недели жестоко обессилили успех моих занятий. Теперь хотя и упорно работаю, но сил еще мало, подвижности — того менее, рабочих же дней впереди не более 8. Много ли можно сделать полубольному за пропуском 18 дней! Черкните мне слова 2—3 о Ваших «новостях». Жена выезжает во вторник, 21-го².

¹ Сначала Афонскую экспедицию планировалось осуществить под патронатом Палестинского общества, в связи с чем была создана «записка» о целях экспедиции, адресованная великой княгине Елизавете Федоровне как одной из руководительниц Общества. Однако потом от такой идеи отказались, и 11 апреля переадресованная «записка» была представлена в ОАДП.

В «записке» говорилось:

До сих пор, по неимению в России достаточного числа документов или по крайней мере фотографических с них копий, остаются тщетными все усилия объяснить появление у нас, уже в начале XII века, обширно развитого церковно-певческого искусства. Обзорение существующих в России только трех обрывков, известных под названием «Порфирьевских листков», и четырех так называемых «Севастьяновских» фотографических снимков с Есфигменского Ирмолога, дает в сущности слишком мало материалов, чтобы сколько-нибудь разобраться в самом коренном вопросе: откуда именно и в каком виде было усвоено у нас древнейшее церковно-певческое искусство? есть ли оно искусство греческое или славянское?

Нижеподписавшиеся, занимаясь разными отделами в области русского церковно-певческого искусства, объединились между собою в желании предстоящим летом съездить на Афон и посетить некоторые югославянские древлехранилища. Цель этой поездки — добыть возможно большее количество фотографических снимков с рукописей, подходящих как вышеуказанному общему церковно-певческому вопросу, так и к разным отделам в области их специальностей. Предполагая возможным сделать в течение двух с половиной месяцев до тысячи фотографических снимков, нижеподписавшиеся рассудили передать затем все добытое в полную собственность Императорского Общества Любителей Древней Письменности и тем облегчить удобства занятий будущих работников.

Размеры исполнения намеченных работ пока обрисовываются лишь по известным уже описаниям и каталогическим работам библиотек Афона и югославянских древлехранилищ, равно и по личным воспоминаниям и заметкам двоих участников поездки, как уже бывших на Афоне и в славянских землях. Все то, что может быть найдено вновь, конечно, теперь не может подлежать учету.

Но, одушевленные искренним желанием работать на пользу русской науки и, может быть, оказать ей существенные услуги, участники поездки не могут не предвидеть надобности как в денежной помощи их предприятию, так и в необходимой помощи официальных сфер. Посobie от Общества Любителей Древней Письменности помогло бы предполагаемой

экспедиции шире воспользоваться всем, что представляло бы интерес для русской науки, а рекомендации, полученные с помощью Общества от наших посольств, особенно в Турции, Австрии, Болгарии и Сербии, от Константинопольского Патриарха и Болгарского Экзарха, наверное растворили бы двери всех библиотек гораздо шире и обеспечили бы надобное гостеприимство и содействие нашим работам.

По таким соображениям мы решаемся просить Общество Любителей Древней Письменности о его содействии к осуществлению нашей поездки.

Член-корреспондент Императорского Общества Любителей Древней Письменности, Заведующий 2-м Отделом Ст. Смоленский.

Член-корреспондент Императорского Общества Любителей Древней Письменности Профессор П. Лавров.

Член-корреспондент Императорского Общества Любителей Древней Письменности Антонин Преображенский.

Регент и учитель пения Ан. Николов.

Поездка предполагается в течение 2½ месяцев сего года с конца мая месяца сего года. К совместному посещению предназначены все главнейшие монастыри Афона, к отдельному же (по два участника поездки) Филиппополь, Салоники, Охрида, София, Белград, Загреб и Вена.

Отчет будет представлен Обществу предстоящею осенью 1906 года за общим подписом вместе со сделанными фотографическими работами и вместе с другими, если они случатся, приобретениями.

РНБ, ф. 536, оп. 3, № 1, л. 5—5 об.

² Находясь в Москве, Смоленский сломал ногу, и к нему срочно выехала из Петербурга его супруга.

Преображенский — Смоленскому

Петербург, 21 марта 1906

Дорогой Степан Васильевич.

Ваши добрые вести приятно слушать, и как бы я хотел, чтобы устроилась эта летняя экспедиция! Помимо научного интереса, которому я отвожу первое место, как хорошо было бы это обеспеченное материально путешествие для моей весьма утомившейся физиономии. Вы не поверите, что я в душе решил ехать даже на свой кошт! Для меня это во всяком случае дорогое средство «развлечения»...

Сегодня передал Вашу записку Анастасу Николаевичу, а с Лавровым, если будет случай увидеться до заповедного вторника, также можно потолковать.

Наши новости вполне достоверны. По крайней мере мы — *под строжайшим секретом* — знаем, что вместо К[леновского] приглашается Архангельский¹. Но об этом после.

На обороте Есфигмен².

Ваш А. Преображенский.

РГИА, ф. 1119, № 84, л. 8. Открытка

¹ Речь идет о новом управляющем Капеллой: после Н. С. Кленовского им стал не А. А. Архангельский, а Н. Ф. Соловьев.

² То есть вид Есфигменского монастыря на Афоне — одной из главных целей планировавшейся экспедиции.

Смоленский — Шереметеву

[Москва], 23 марта [1906]

Высокоуважаемый граф Сергей Дмитриевич!

Сердечно благодарю Вас за депешу. Хоть и очень мне стыдно, но признаться должен, что не успел писать Вам в последние дни. Москва совсем опьянила меня своими богатствами, и я вновь заработал совсем по-молодому, забывая временами даже и то, «чего моя нога хочет». Конечно, наквитать потерянные 18 дней лежання теперь уже невозможно, так как табельные дни прерывают работы, да и, несмотря на всю мою прыть, не по летам и не по недавнему дефекту, все-таки в имеющиеся 11 дней не наработаешь предположенного на 20 дней. Поэтому я отказался от части моей работы совершенно, то есть от сравнения ирмосов, и работаю только над Кондакарями и над стихирами русским Борису и Глебу, сопоставляя их в разновременных редакциях. Воскресенье, 26-го, я думаю проработать в Троицкой Лавре над Кондакарем и вернуться к вечеру домой¹. Понедельник, вторник и среду предназначаю для Типографской библиотеки, чтобы закончить разные мелкие недостатки в работе и в среду же под вечер, Бог даст, тронуться в обратный путь в Петербург.

Записка об Афоне переслана мною в Петербург с тем, чтобы Преображенский, Николов и Лавров пообсудили ее в одиночку и вместе. Совмест-

ное со мною обсуждение предположено на 4 апреля вечером у меня. Таким образом, после этого числа я уже могу положительно доложить Вам о разработке главной мысли этой поездки. Общий тон ответных мне сообщений насчет записки я не могу назвать даже горячим увлечением, но каким-то, скорее всего, пламенным азартом. Люди собираются чуть не на тяжелейшую работу и глубоко радуются, торжествуют о том, что именно им выпадает счастье такой работы и наслаждение увидеть первыми все то, что так давно и неотложно надобно. Все дружно согласились ограничить свои личные бюджеты до самой последней крайности и отдать все возможное из полученной субсидии на фотографии, чтобы с честью вернуться домой и иметь право сказать и услышать от других о действительной пользе для русской науки сделанного путешествия.

Признаюсь Вам и я, что личный состав такой экспедиции подает твердые надежды на самый полный успех, особенно же в случае поддержки если не от Государя, то хотя бы от нашего посла в Константинополе. В Афонских монастырях, как известно, двери отворяются по протекции гораздо шире, и потому с заручкой посильнее будет легче достижение научных целей.

Впрочем, 4 апреля уже недалеко.

Обращаю мою мысль в другую сторону. Сегодня я провел 8-й день в библиотечной работе: как были тихи, достойны и спокойны эти дни! как много было почувствовано в их тишине самых возвышенных радостей и упоений какою-то особою, родною красотю! Что же вижу я в часы вне-библиотечные в те же дни? Где тишина, достоинство и достойные радости? Да и в ближайшем будущем — где предвидится хотя бы намек на достойное, деловое спокойствие?

Графине кланяюсь, как и Вам.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАДА, ф. 1287, оп. 1, № 1582, л. 60—61 об.

¹ Эта поездка благополучно состоялась.

Шереметев — Смоленскому

[Петербург], 27 марта 1906

Здравствуйте, Степан Васильевич. Радуюсь Вашему выздоровлению! Необходимо главным образом выяснить «цифру», необходимую для экспедиции¹. Меня озарила новая мысль: чем скорее увидимся, тем лучше.
Преданный Вам С. Шереметев.

РГИА, ф. 1119, № 84, л. 3

¹ «Цифра» (3000 рублей) зафиксирована в протоколе собрания Комитета ОЛДП от 11 апреля, и тем же числом датируется расписка С. Д. Шереметева в получении этих денег для передачи участникам экспедиции (РНБ, ф. 536, оп. 3, № 1, л. 8—9).

Смоленский — Шереметеву

[Москва], 27 марта [1906]

Высокоуважаемый граф Сергей Дмитриевич!

Вчера ездил я в Троицкую лавру, чтобы поработать над Кондакарем и поклониться преподобному. Товия, сердечно вспоминавший о Вас и далеком прошлом, принял меня весьма радушно и даже благословил иконою¹.

Сегодня я сделал первую попытку к хождению без клюшек, только с палкою, и не без успеха, хотя и с трудом великим, больше же с трусливою осторожностью.

Таким образом и проба дороги железной, как и проба хождения, сделаны — следовательно, пора думать и о возвращении домой. Последнее тем более улыбается потому, что и сокращенный курс занятий утомил меня очень сильно. Смотря по ходу занятий апрельских, думаю, что либо буду собираться на Афон, либо опять в Москву. Последняя — просто необходима. Неоконченная работа волнует меня, а неоконченностей у меня много, так как 10 рабочих дней все же оказались хотя и энергичными, но слабосильными и медлительными. Болезнь берет свою долю!

Все последние дни, кроме кондакарной работы, я провел в подведении текстов одинаковых один под другой из разных столетий, чтобы выяснить хотя сколько-нибудь, чтобы как-нибудь уловить связь их между собою и особенно с греческим наидревнейшим. Увы! мы совер-

шенно бедны здесь последним, и поездка на Афон совершенно необходима — иначе как без рук! Второе препятствие — конец XIII или начало XIV столетия, когда (несомненно уже теперь) наше певческое искусство пережило бурю не менее, чем при Никоне — в иных же подробностях, пожалуй — еще более чем бурю. Найденные теперь мною страницы, хотя и немногие, но XII—XIII века, в сравнении с XIV веком ставят меня в сущий тупик. Я даже не могу ответить себе, что такое я имею перед собою на этих страницах и куда девалось потом это искусство? Да и вообще, просидевши чуть не 30 лет над крюками, странно мне наткнуться на столь поразительные новости, совершенно недоуменные, говорящие прямо о какой-то близкой Америке, о чем-то очень развитом, систематичном, но совершенно забытом и растерянном.

Вы знаете, что я более склонен признавать за древней Русью достаточно высокую *музыкальную* культуру в сравнении с Западною Европою той же поры. Найденное утверждает меня в этой мысли еще крепче. Но монгольское иго и гибель рукописей заставляют искать догадками дома и заставляют [искать] документов вне Руси. Разорение было самое полное, хотя уцелевшее рисует весьма радужные надежды на великое просветление.

Впрочем — до личного свидания в четверг. Мне пора ехать к Сергию Михайловичу Клейнеру, чтобы снимать гипсовые узы. Графине кланяюсь.
Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАДА, ф. 1287, оп. 1, № 1582, л. 62—63

¹ Архимандрит Товия (Трофим Тихонович Цымбал; 1836—1916) возглавлял Троице-Сергееву лавру с 1904 по 1914. Он благословил Смоленского на дорогу иконой преподобного Сергия.

Шереметев — Смоленскому

Петербург, 31 марта 1906

По поводу проекта письма Вашего к Великой Княгине Елизавете Феодоровне скажу Вам, по зрелом обсуждении, что такое обращение в настоящее время по многим причинам неудобно. Известное Вам дело экспедиции на Афон может стать на ноги проще, прочнее и действительнее совершенно иным путем, для чего понадобится только записка, изла-

гающая ясно цель экспедиции, причины, ее вызывающие, и ожидаемый результат предприятия, которому следует придать известную яркость, как поручению, даваемому со специальной научной целью состоящим под Высочайшим Государя Императора покровительством Императорским Обществом Любителей Древней Письменности!

Вопрос о средствах для экспедиции уже выяснен в проекте письма, а потому в записке касаться оно не следует, а вопрос этот может быть изложен отдельно в особой записочке, в виде приложения к делу.

Преданный Вам С. Шереметев.

РГИА, ф. 1119, № 84, л. 4

Смоленский — Шереметеву

Петербург, 4 [апреля 1906]

Высокоуважаемый граф Сергей Дмитриевич!

Ваш вопрос «подвигается ли дело?» застал меня во время сборов в совещание № 2-е именно об указанном «деле». Завтра утром прошу Вас указать мне удобный для Вас час, чтобы я мог доложить Вам о результатах совещания¹.

Вчера и сегодня, особенно же в первый день, я чувствовал себя дурно и объясняю то барометрическими способностями, проявившимися в ногу. Сегодня, однако, были первые опыты пробных и осторожных шагов даже без палки.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАДА, ф. 1287, оп. 1, № 1582, л. 65

¹ На этом совещании был окончательно сформирован проект записки членов-корреспондентов ОЛДП С. В. Смоленского, П. А. Лаврова, А. В. Преображенского и А. Н. Николова, выясняющей задачи и цели экспедиции. Записка (хранится в архиве ОЛДП в РНБ) 11 апреля была одобрена на заседании Комитета ОЛДП с резолюцией:

Доложить общему собранию заявление г. председателя о поступившей в его распоряжение сумме в три тысячи (3000) рублей с исключительной целью осуществления в 1906 г. особой экспедиции, от имени Общества, на Афон, в Солунь и в Охриду и прочесть в том же собрании записку

членов-корреспондентов Общества С. В. Смоленского, П. А. Лаврова, А. В. Преображенского и А. Н. Николова, выясняющую задачи и цели этой экспедиции.

Смоленский — С. С. Волковой

Петербург, [4—7 апреля 1906]

Воистину воскрес! Добрейшая Софья Сергеевна! Вместе с Анной Ильиничной сердечно приветствую Вас, посылая пожелания Вам всяких благ, всякой радости, начиная с доброго здоровья. И Вам, и мне приходится принимать последние пожелания чаще всего — что же делать!

Я возвратился домой в Великий Четверг и с того дня сижу дома, познав меру барометрических свойств сломанной ноги, равно и меру нытья в месте перелома от перемен в погоде. Все столь любимые мною службы, кроме Двенадцати Евангелий и литургии Великой Субботы, были вынужденно не посещены мною, а эти две, как и утренняя Пасхи, проведены в сиденье за службою. Было жутко за свою немощь и беспомощность!

И теперь сижу дома — занимаюсь мало, незэнергично. Может быть, я потратил много сил в Москве и теперь плачусь за то — не знаю. Я не писал Вам по разным причинам, в том числе и по незнанию Вашего адреса в Риге. В числе причин было и то, что с 15 марта я начал сильно работать в Синодальной библиотеке ежедневно с 10 часов утра до 3-х, после же того, как и по утрам, наквитывал пропущенное время за домашнею работою по рукописям, наконец-то доставленным мне из Синодального училища на дом. Может быть, тут я и переутомился немного — не умею толком разобраться. Знаменитое 26 марта¹ я работал с утра в Троицкой Лавре над Кондакарем; 27—29-го я чинил всякие прорехи в сделанных работах, чтобы привезти в Петербург нечто законченное и не нуждающееся в дополнениях из московских рукописей, 30-го я был уже дома, на Фонтанке.

Мои отношения с Оболенским пока продолжились его беседами в Москве, в Синодальном училище, по части описания рукописей и его визитом ко мне вечером в Великую Субботу, причем он попал как раз в час моего выхода к врачу². В Москве я постарался заблаговременно прояснить мои отношения к о. Металлову, и кажется, небезуспешно, так как и в самом деле у него не могло быть никаких поводов к неудовольствию на меня. Впрочем — мои объяснения были очевидною второю частью

того, что Вы дали себе труд начать в Москве. О. Металлов несколько раз подчеркнул это — и что же теперь могу сказать Вам от себя, кроме выражений признательности? Он навестил меня два раза, устроил постановление Наблюдательного Совета о снабжении меня для работы 5—6-ю рукописями и затем доставил их мне. Поэтому я провел в Москве много приятных вечеров, дополняя денную работу в библиотеках.

Я работал над Кондакарем достаточно успешно, — но область эта, как и вообще все в области церковно-певческой, подчинена пословице: «дальше в лес — больше дров». Так как одновременно с кондаками я списывал старейшие редакции тех стихир, которые нашлись в греческом изложении XI—X веков (то есть в Публичной библиотеке), то эта копировка привела меня к ознакомлению с составом наших древнейших Стихирарей и к сравнению этих рукописей с знаменитыми 10-ю Певчими Минеями Синодальной Библиотеки. Тут уже, как сострил некто, я вовремя сломал себе ногу — по крайней мере уцелела Смоленская голова, хотя бы до следующего его приезда в Москву.

Тем не менее из предположений, с которыми я выехал в Москву, осталось невыясненными немалое число. 18 суток бездействия дали себя знать очень ощутительно — силы упали, времени было уже мало.

Вчера выяснилось после беседы с графом Сергием Дмитриевичем, что поездка на Афон может осуществиться в конце мая и продолжиться 2½—3 месяца. Я сердечно рад и тому, что такая поездка устраивается именно под фирмой экспедиции от О. А. Д. П. С другой стороны, кроме научных интересов, кроме прекрасного нашего товарищества (то есть П. А. Лавров, А. В. Преображенский и ликующий теперь А. Николов), меня очень тянет к теплу и южной природе, меня тянет к уединению в труде и особенно к самоудалению от всюду исполитиванвшейся теперь нервной суеты. Как ни резок я в своих отзывах о нашем негодном монашестве, особенно же властительном архиерействе, — все же, в сущности, хорошее монашество было мне всегда глубоко симпатично, и я буду рад встретить на Афоне хоть несколько достойных людей — конечно, не из греков. Рукописей на Афоне — хоть отбавляй.

Поездка на Афон, конечно, вызовет вновь посещение любимых мною славян, и я думаю, что обратный путь будет не через Константинополь, а скорее всего через Черногорию, Далмацию и несравненный Земмеринг и милую Вену³. О последней скажу еще и так, что я жду оттуда ответов на мои письма, ибо для Хрестоматии (поэтому — судите сами о близости ее к моему сердцу) нашлась в Вене значительная пожива.

Между прочим я видел Ив. В. Биркбека в Москве, и его объяснения насчет ответа на мое письмо совпали с мыслями о Вене. Оказалось, что я запамятовал все: рукопись, о которой я писал ему, вовсе не в Британском музее, а в Вене⁴. <...>

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 83 а, б

¹ 26 марта в Москве состоялось губернское избирательное собрание для окончательного выбора депутатов Государственной Думы.

² Речь идет об обер-прокуроре Св. Синода А. Д. Оболенском (см. подробнее в VI томе РДМ, в переписке с С. Д. Шереметевым и С. С. Волковой).

³ Как известно, вопреки этому предположению афонская поездка сложилась в обратном порядке: туда — через Вену, Белград, Софию, Константинополь, обратно — через Константинополь и Одессу.

⁴ Иван Васильевич (Уильям Джон) Биркбек — английский церковный и музыкальный деятель, старый приятель Смоленского (см. подробнее о нем и его письма во второй книге VI тома). Речь идет о той византийской рукописи, которая упоминается в публикуемых далее письмах И. В. Ягича.

Смоленский — Преображенскому

[Петербург, 11 или 12 апреля 1906]

Дорогой Антонин Викторович! В заседании Комитета с великим одобрением членов, как и следовало ожидать, принят и утвержден план получения 3000 рублей, причем я догадался насчет «тысячи снимков» выговорить нам полную свободу, ибо цифра эта может оказаться меньшею не по нашей вине¹.

Беседа с Н. П. Кондаковым как о практических удобствах, о фотографии, так и о Синайских Стихирах² привела к его приглашению Вам и мне быть у него в субботу, 15 апреля в 8 часов вечера, Литейная, 15. Посему извещаю Вас о сем, надеясь однако увидеться 14-го в заседании предварительно, а то так и до заседания как-либо. А. Н. Николов в члены-корреспонденты [ОЛДП] выбран. Барыне поклон.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 44. Открытка

¹ Количество снимков, привезенных экспедицией, оказалось не меньше, а вдвое больше тысячи.

² «Синайские стихиры» упоминаются в отзыве Смоленского на труд В. М. Металлова (см. в Приложениях): речь идет об экфонетических знаках в древнейших греческих кодексах. Впервые ими подробно занялся архимандрит Порфирий (см. в *Афонской экспедиции*). Н. П. Кондаков описывает свои впечатления от рукописей Синая в книге «Путешествие на Синай в 1881 году. Из путевых впечатлений» (Одесса, 1882). Руководствуясь каталогом библиотеки монастыря св. Иоанна Предтечи, сделанным архимандритом Антонином (Капустинным) (и кстати отметив, что, несмотря на усилия последнего, рукописи сложены не по порядку, а по формату, притом в разных помещениях), Кондаков пересмотрел все имеющиеся славянские манускрипты (38), особенно выделив среди них две глаголические рукописи — Служебник № 37 и Псалтырь № 38, «тонкого и древнейшего письма».

П. А. Лавров — Смоленскому

Петербург, после 11 апреля 1906

Глубокоуважаемый Степан Васильевич!

Приношу Вам живейшую благодарность за извещение. Я сейчас же подам прошение о командировке, чтобы скорее ее получить, и буду стараться освободиться к половине мая, чтобы выехать ранее. Я бы предпочитал поэтому и вернуться [пораньше?]. В понедельник вечером могу быть у Вас и наведу нужные Вам справки, а пока посылаю Вам две книги Дучича, «Старина Хиландарске» и «Описание рукописей Народной Белградской библиотеки»¹. В этой последней под рубрикой *ноте* вы найдете те рукописи, которые есть в Белграде с нотами.

С пожеланием доброго здоровья имею честь быть готовый к услугам П. Лавров.

Когда книги Вам будут не нужны, быть может, Вы соблаговолите передать их Антонину Викторовичу Преображенскому.

РГИА, ф. 1119, № 84, л. 10—11

¹ См. также следующее письмо.

Присланные Лавровым книги были изучены Смоленским, что отражено в записях Афонского дневника. На л. 2а фигурируют: пять выпусков книги епископа Порфирия (Успенского), «Описание древностей сръбски у святой Атонской

гори» архимандрита Дучича, «Обзор афонских древностей» К. П. Дмитриева-Петковича, «Rukopisy a starotisky Chilandarske» архимандрита Саввы, два описания А. Е. Викторова — рукописного собрания П. И. Севастьянова и рукописного собрания В. И. Григоровича. На л. 5 сделан обзор по этим источникам, а также по «Каталогу Народна Библиотека у Београду», по «Каталогу рукописи и старих штампованих книга (збирка срpsка крајувска академију)» Луб. Стояновича. Цель обзора — выявить интересующие экспедицию рукописи в разных монастырях.

П. А. Лавров — Смоленскому

Петербург, после 11 апреля 1906

Посылаю 5 книг Преосвященного Порфирия, Петковича Обзор Афонских древностей, Авраамовича Описание древней Сербии и Саввы Хиландарца Описание рукописей Хиландарского монастыря. Описание Архимандрита Леонида сейчас не мог найти. Оно у меня вынуто из книги Чтений Общества истории и древностей российских, 1875, книга 1, и куда-то девалось¹.

РГИА, ф. 1119, № 84, л. 12 об. Записка на обороте визитки Лаврова

¹ О книге архимандрита Леонида (Кавелина) см. в *Афонской экспедиции*.

И. В. Ягич — Смоленскому

Вена, 10/23 апреля 1906

Многоуважаемый Степан Васильевич!

С большой готовностью я постараюсь разыскать рукопись, которую Вы когда-то видели на выставке. Я почти убежден, что она может быть только из состава нашей гоф-библиотеки. Вопрос, интересующий Вас, близко касается в данное время и меня. Я посылаю Вам в открытой заказной посылке четыре снимка из известной Вам Болонской Псалтыри болгарского происхождения (первой половины XIII столетия), которая представляет тоже ноты желаемого для Вас характера¹. Я старался в моем печатном издании этой Псалтыри (которая вскоре выйдет) представить на нескольких страницах также ноты — но посредством обыкновенной печати это трудно удается.

Выходит все не так, как в подлиннике, поэтому и незачем эти снимки, чтобы представить в вполне верном виде все знаки.

Вы совершенно верно упрекаете филологов в невнимании к этому вопросу. Я охотно сознаюсь, что в этом деле круглый невежа. Поэтому я буду Вам очень обязан, если Вы выйдете навстречу моему невежеству и укажете мне (на основании снимков, которые я Вам доставляю) по крайней мере относящуюся сюда русскую литературу. Вашу книжку «О древнерусских певческих нотациях» я знаю и имею. Но мне хотелось бы услышать от Вас, в каком отношении находится эта болгарская нотация к Есфигменскому Ирмологу? Находите ли Вы, что это в сущности одно и то же или нет? Если Вы признаете тождественность, тогда, конечно, и Ваше мнение насчет русского происхождения Есфигменского Ирмолога подлежит сомнению.

Непреренно постараюсь на днях узнать, есть ли копия рукописи с нотами у нас в библиотеке — и о результате розысков дам Вам тотчас же знать.

Ваше участие в Императорском Обществе Любителей Древней Письменности вызывает у меня самые приятные воспоминания. Теперь как раз кончается 20-й год с того времени, как я покинул Петербург, но я припоминаю о всем происшедшем в течение тех незабвенных шести лет, как будто бы это происходило вчера². Только многих дорогих знакомых и друзей уже нет.

Передайте, пожалуйста, Его Сиятельству графу Шереметеву и прочим собирающимся на Фонтанке членам (кто еще помнит меня или слышал обо мне) мой сердечный поклон.

Ваш искренне уважающий И. В. Ягич.

РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 84, л. 20—21 об.

Помета Смоленского: «Получено 14 апреля. Отписано Ягичу 17 апреля. Привет Игн. В. Ягича был доложен мною в Обществе Любителей Древней Письменности в заседании 14 апреля». См. *присланные Ягичем «снимки» на с. 406—409.*

¹ Болонская Псалтырь — памятник болгарского книгописания и книжного искусства второй четверти XIII века, хранящийся в библиотеке Болонского университета. Издание, о котором упоминает Ягич, вышло в Вене в 1907. В 1906 было опубликовано исследование русского филолога В. Н. Щепкина «Болонская Псалтырь»; ученый поясняет, однако, что он не касается «киноварных и отчасти черных надстрочных знаков особенного вида, служащих вероятно спе-

циальным целям. Они расставлены только на известных листах и, вероятно, несколько позднее».

² И. В. Ягич окончил философский факультет Венского университета, в 1866 был избран действительным членом новоучрежденной Юго-славянской Академии наук и искусств, в 1868 членом-корреспондентом российской Академии наук по отделению русского языка и словесности, в 1870 удостоен Петербургским университетом степени доктора славянской филологии.

С 1880 по 1886 — был профессором церковнославянского и русского языков в Петербургском университете, на Высших женских курсах и в Археологическом институте. В петербургские годы он опубликовал большое количество оригинальных статей, много занимался улучшением преподавания русского и старославянского языков и проч.

А. М. Архангельский¹ — Смоленскому

Вена, [начало апреля 1906]

Воистину Воскресе!

Простите, глубокоуважаемый Степан Васильевич, что я отвечаю на Ваше письмо не тотчас, а спустя три дня после получения Вашего письма. В оправдание свое могу только сказать, что я последние три дня был нездоров инфлюэнцией, которую получил вследствие резкой перемены погоды, так как на прошлой неделе стояла почти тропическая жара, а на этой неделе стоит совершенно зимняя погода. Теперь инфлюэнция меня покинула, и я с завтрашнего дня приступлю к выполнению Ваших поручений.

Прежде всего я решил обратиться к известному Вам археологу доктору Мандичевскому², заведующему консерваторской библиотекой, и так как я в настоящее время с января нынешнего года состою в числе учеников Венской консерватории на вновь открывшихся дирижерских курсах, то я имею полное право сам пользоваться консерваторской библиотекой. Засим на этих же днях и от Вашего имени попрошу его сделать мне надлежащие указания.

После подробно буду писать Вам через несколько дней по получении более определенных сведений.

Что касается нашего хора, то его уже с осени не существует, так как о. протоиерей разогнал его без всякого к тому повода³. В объяснение этого поступка он говорит, что мы не имеем средств, чтобы иметь хоро-

526 списков 56

Coke Theologus CXXXVI
nach Nefel or CCCIII nach
Lambertus

Επιγραφή Διονυσίου Ἰεροσολωνίου
μοναχοῦ

№ 60 и звание готск ирресска да
воссоединятъ, а зѣмъ и зѣбѣтѣи дрѣвоу

es 20 списков

Der Index theol. CCIV hat 17 Bl.
auf Bergmann recht alt - ungefahr
am or selben Zeit wie CXXXVI - seine Noten
sind zwar sehr ahnlich den auf CXXXVI -
sind aber verschieden.

65 списков

Index XXXIII ist pl. form pergament
abte am XIII Jahrh. - hat von März anfang
der Menaeum - nur selbe be. große
fehler sind einige fehler mit Note
versche - sogar teilweise mit
roter farbe geschrieben

№ 60 страница списковъ во время 34 рукописей были выписаны
тотомъ отдѣльно и переданы вѣнѣ и 200 руб. П.Т. Круму 25 Марта.

Κοδ. CXXXVI fol. 80

54

Τὸ κατ' εἰκόνα καὶ ὁμοίωσιν γενεὰν τὰ ἐκ
 παραβάσεως ἰδοὺς ὁ ἰησοῦς κλητὰς ὄργανοὺς
 κατέβη καὶ ἠρώσεν ἐν μητρὶ παρ' ἐνὶνῆ ἀναλλοι-
 ατος ἵνα ἐν αὐτῇ τὸν φάγοντα ἄδαι ἀνάπτεῃ
 ἢ κρᾶζοντα δόξα τῇ ἐπιφανείᾳ σου ὁ
 ὀδύγωτῆς μὲν καὶ θεός

Κοδ. CCIV fol. 6^b

Τὸ κατ' εἰκόνα καὶ ὁμοίωσιν γενεὰν τὰ ἐκ
 παραβάσεως ἰδοὺς ὁ ἰησοῦς κλητὰς ὄργανοὺς
 κατέβη καὶ ἠρώσεν ἐν μητρὶ παρ' ἐνὶνῆ ἀναλλοι-
 ατος ἵνα ἐν αὐτῇ τὸν φάγοντα ἄδαι ἀνάπτεῃ
 ἢ κρᾶζοντα δόξα τῇ ἐπιφανείᾳ σου ὁ ὀδύγωτῆς
 μὲν καὶ θεός

Codex XXXIII fol. 48^b
(το βιβλ. δ. Τεσσα, 23 αὐτῆς)

Ἀσμά ἀσμάτων χορευόντες ἄσμά
προεγκράμην τῷ χριστῷ ψιλομαεργεές
ὅτι τὸν τυραντὸν ἐλοζόν ὁ γενναῖος ἀδελφῆς
τηκῆσας κατέβαλεν διὸ πάντες κραιζομέν
ἀναύστοις φωναῖς δοξαζόμενοι τῷ φρενῆ
σου ἀναστάσει διὸ οὐδὲσας κόσμῶν

Cod. CXXXVI fol. 129
Ἀσμά ἀσμάτων χορευόντες ἄσμά προσ
εγκράμην τῷ χριστῷ ψιλομαεργεές ὅτι
τὸν τυραντὸν ἐλοζόν ὁ γενναῖος ἀδελφῆς
τηκῆσας κατέβαλεν διὸ πάντες κραιζο-
μέν ἀναύστοις φωναῖς ἀδελφῶν
ἀδελφῶν χριστῷ τῷ ἀντ.
ὁτι πάντες

cod. 136 fol. 108

55

Feb. 18 ἀθανασίην καὶ κυριότητα

Πάλιν ἡμῖν ὁ χρυσοφόρος Νηλὸς καὶ τῆς
ἀθανασίας ἐπαγγέλλεται διὰ τῆς αἰτησίου μνη-
μῆς ἐπιδημιῶν ταῖς καλοῖς ἀνάβασεσιν,
ἐπισημαίνει τὰ χρυσοφόρα τῆς ἀθανασίας γὰρ
μάτα καὶ προσην ἀμφιρροίας κερματοδότην
διὰ τῆς ἐπιδημίας ἀγγελοῦς τριάδος ἀδιαίρε-
τον κράτος ἐπιδιδασκᾶν προκινῶν καὶ
κελαρῆσον τὰ δεῖα διδάγματα τῶν πιστῶν
κατάρδητας διανοίας καὶ πρεβουεῖ
ὑπερ τῶν ψυχῶν ἡμῶν

cod. 204 fol. 20

Πάλιν ἡμῖν ὁ χρυσοφόρος Νηλὸς καὶ τῆς ἀθανασίας ἐ-
παγγέλλεται διὰ τῆς αἰτησίου μνημῆς ἐπιδημιῶν ταῖς καλοῖς
ἀνάβασεσιν ἐπισημαίνει τὰ χρυσοφόρα τῆς ἀθανασίας
χρυσίατα καὶ προσην ἀμφιρροίας κερματοδότην διὰ τῆς
ἐπιδημίας ἀγγελοῦς τριάδος ἀδιαίρετον κράτος ἐπιδιδασ-
καὶ προκινῶν καὶ κελαρῆσον τὰ δεῖα διδάγματα
τῶν πιστῶν κατάρδητας διανοίας καὶ πρεβουεῖ
ὑπερ τῶν ψυχῶν ἡμῶν

ший хор, но это неправда, так как до сих пор мы получаем те же средства, какие получали и раньше.

Главная же причина сего поступка с его стороны была та, что очень уж много отдавалось внимания со стороны публики хору и его регенту и очень мало уделялось внимания на прекрасное произнесение эктении.

В нынешнем году я занимался только Славянским певческим обществом⁴, своего же обычного концерта, за неимением церковного хора, не устраивал. На следующий год я приглашен немецким хоровым обществом [Singakademie] дирижером специально для пения а cappella композиций немецких классиков: Баха, Палестрины и прочих.

Передайте глубокий поклон Анне Ильиничне.

Анат. Архангельский.

РГИА, ф. 1119, № 84, л. 22—23 об.

¹ Анатолий Михайлович Архангельский (1868—?) после окончания Казанской духовной семинарии был некоторое время (1896—1899) певчим Синодального хора, а затем регентом русской посольской церкви в Вене.

² Э. Мандичевский — преподаватель теории музыки и композиции в Венской консерватории.

³ О хоре посольской церкви см. в «Дорожных впечатлениях» Смоленского.

⁴ Создание Славянского певческого общества в Вене было связано с деятельностью самого известного настоятеля православной венской посольской церкви, выдающегося деятеля славянофильского движения протоиерея Михаила Раевского (см. о нем: Князь Владимир Одоевский. Дневник. Переписка. Материалы / Ред.-сост. М. П. Рахманова. М., 2005). В начале XX века в Вене существовало много славянских организаций, в частности Александро-Невское церковное попечительство, Австро-русское благотворительное общество, академическое общество «Славянская беседа»; в их ряду и Славянское певческое общество, которое имело хорошие мужской и женский хор и ревностно распространяло славянские песни и музыку.

А. М. Архангельский — Смоленскому

Вена, 17 апреля 1906

Глубокоуважаемый Степан Васильевич!

Третьего дня я был у Мандичевского в консерваторском музее и библиотеке и сообщил ему содержание Вашего ко мне письма. Мандичевский оказался очень любезным господином и прекрасно помнит Вас. Мандичевский показал мне несколько книг с древнегреческими рукописями, но все они, к сожалению, оказались двустрочными толстого почерка, то есть такими, которые для Вас не имеют значения.

По мнению Мандичевского, древнегреческие рукописи, нужные для Вас, могут главным образом находиться в Придворной библиотеке, а может быть, что они есть также в Университетской библиотеке.

Мандичевский также мне объяснил, что фотографировать рукописи можно безо всякого затруднения. Только в Придворной библиотеке нужно спрашивать разрешение, и то только в том случае, если Вы желаете сами и собственным аппаратом фотографировать.

Что касается покупки фотографических аппаратов, то в этом отношении Вам может быть полезным диакон нашей посольской церкви П. Г. Преображенский, двоюродный брат Антонина Викторовича Преображенского, который едет вместе с Вами. Диакон П. Г. Преображенский сам любитель-фотограф и имеет очень хороший аппарат, который и предлагает в случае необходимости для Ваших услуг.

На днях я буду в Придворной библиотеке с известным Вам Владимиром Осиповичем Щавинским, и мы вдвоем, может быть, что-нибудь и найдем.

Мандичевский просил Вам передать поклон и также просил Вас известить, что он с радостью будет Вам делать указания, а также будет Вам помогать своими знаниями и советами.

Прошу передать поклон Анне Ильиничне и также Анастасу Николову.

Остаюсь преданный Вам Анатолий Архангельский.

РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 84, л. 26—27 об.

П. А. Лавров — А. В. Преображенскому

Петербург, 17 апреля 1906

Многоуважаемый Антонин Викторович!

Ввиду того, что на мою долю приходится снимки преимущественно палеографического характера, которые должны быть хорошо исполнены, я не решаюсь брать русские пластинки и, хотя это и дороже, буду просить дозволить мне приобрести по заказу пластинки фирмы Эдвардса. Другое дело, когда мы будем снимать что-либо, интересное по содержанию, что [не вызовет?] необходимости снимать в натуральную величину, и при чем важно только, чтобы снимок был удобочитаем. Вам для такого рода снимков мы можем иметь и другие пластинки, но опять-таки и здесь важно, чтобы они были рассчитаны для жаркого климата, чтобы не пузырились и чтобы желатин не отставал. Поэтому, если бы Вы стали делать заказ для всех нас, то примите во внимание эти мои интересы. Я, во всяком случае, вернувшись, к Вам сейчас же зайду. А, кстати, известна Вам рукопись Румянцевского музея, музыкального собрания Григоровича, Ирмологий с нотами XII—XIII веков, 102 л.¹

В ожидании скорого свидания Вас приветствую.

Петр Лавров.

А что касается того, через кого исполнить заказ, это для меня все равно, только было бы ручательство, что заказ будет исполнен вполне тщательно.

РГИА, ф. 1119, № 84, л. 24—25 об.

¹ См. в дальнейших письмах.

И. В. Ягич — Смоленскому

Вена, 2 мая (19 апреля) 1906

Многоуважаемый Степан Васильевич!

Прошу извинения, что я не успел раньше попасть в нашу Hofbibliothek, где я был сегодня только и тотчас нашел желанную рукопись. Она значится по каталогу Несселя (Nessel) под Nr. Cod. theologicus CXXXVI, по Лямбецию СССР (но легче найти по Несселю). Рукопись пергаменная, очень древняя (должно быть, XI—XII века), включает в себе с сентября

по конец августа стихиры, попадающиеся в Октоихах как αὐτόμελα [ауто-мелоны — самогласны] с указанием различных авторов, иногда одна-две только по отношению к календарному святому, иногда (на праздник) гораздо больше, а не каждый день месяца внесен в это собрание стихир. Сначала их больше, потом все меньше и меньше. Это видно и по объему. Сентябрь (без начала) обнимает лл. 1—26, октябрь лл. 26—41а, ноябрь 41в—60а, декабрь 60в—88а, январь 88в—115а, февраль 115в—122а, март 122а—127в, апрель 127в—131а, май 131а—133в, июнь 134а—145а, июль 145в—157в, август 157в—172в.

Потом после перерыва (один пустой лист) идут стихиры на Воскресение мытаря и фарисея и следующие (αὐτό τον, αλοκρεω, τυροφάγου), потом на Воскресение Православия и Поста, до Вербной и Страстной недели включительно.

Здесь на л. 223 вставлены стихиры Софрония Иерусалимского на Страстную Пятницу.

Целая рукопись за небольшими исключениями снабжена нотами, какие Вы видели в Вене, я же здесь еще прилагаю одну стихиру на Рождество, известную из Миней греческих и славянских. В славянском тексте «Небо и земля днесь пророчески да возвеселятся...»

У меня была под руками еще одна рукопись, но она подходит не к этому желаемому Вам типу, — поэтому я оставил ее в стороне. Завтра опять буду в библиотеке и рассмотрю еще несколько греческих текстов. Если найду еще ноты этого типа, дам Вам знать.

Надеюсь, Вы получили не только мое письмо, а также посылку нескольких таблиц Болонской Псалтири¹.

Ваш искренно преданный И. В. Ягич.

РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 84, л. 28—29

¹ Таблицы из Болонской Псалтири в архиве Смоленского не обнаружены. Факсимиле из рождественской стихиры, присланное Ягичем в письме, см. на с. 414.

Ηε γορρεμβο

fol. 80 23.

Ο ουρανός και η γη σήμερον προσηπ,
 κως ενφραϊνσδωσαν αγγελτοι και ανδρω,
 πολ πνευματικως πανηγυριζουσεν οτι
 υος εν σαρκι ενεπαγεν τως εν σκοτε και
 οικια καθυμενοις γεννηταις εκ γιναι,
 κως σπηλαιον και φατην υπεδεξατο αυτων
 ποιμενες το δαυμα ανατηξεν τωσιν μοροι
 εφ ανατολαν εις Βηθλεεμ δωσα νησα,
 γουσιν ημεις δε τον αυον αναξιοις παιδειν
 αγγελτικως αυτω νησαξωμεν δοξα εν
 υπιστοις νεω και ενε γης σηηνη ηιδεν
 γαρ η προσδοκια των εντων ηιδεν σω
 εν ημας εκ της δουλειας

Смоленский — Шереметеву

Петербург, 19 апреля [1906]

Высокоуважаемый граф Сергей Дмитриевич!

Без Вас — скучно мне. Когда Вы тут — знаешь, что Вы недалеко, — захотелось что-либо Вам или мне, — беседа не замедлялась. А теперь — пиши, — много ли напишется в сравнении с беседой!

В приготовлениях к поездке попался, наконец, и указанный Вами рассказ о Димитрии Самозванце. Если это то самое, о чем Вам писал А. А. Дмитриевский, — сомневаюсь, чтобы то было интересно. Мы нашли эту рукопись по каталогу Ламброса № 4830 во 2-м томе. Значится так: Иверский монастырь, библиотека, рук. № 710, на бумаге, $\frac{1}{16}$ д[оля] листа, XVIII века, большой сборник; на стр. 100-й до 102 об. «Рассуждение о возмущении Ажедимитрия в России и другие краткие заметки о Русской истории в XVII веке»¹.

Как видите, на 2½ страницах, да еще XVIII столетия, — трудно думать, чтобы «Рассуждение» могло собою представлять что-либо особенное, а тем паче какие-либо новые документы. Не менее портят впечатление «и другие краткие заметки», очевидно, за счет изложения, может быть, и не о том же Самозванце, на тех же 2½ страницах.

Во всяком случае это «Рассуждение» на месте будет нами прочитано, а то так и списано, если в нем окажется хоть что-либо интересное. Другой рукописи в подробнейшем каталоге греческих рукописей о Ажедимитрии не значится, ибо Ламброса мы кончаем поверкою вторично и едва ли бы ускользнула от нашего внимания какая-либо вторая рукопись.

Но у того же Ламброса есть при каталоге каждого монастыря отдел: связки, свертки и отрывки. Может быть А. А. Дмитриевский действительно нашел нечто не внесенное в каталог? Тогда надо его прямое указание.

У того же Ламброса начинаем наткаться на новости, для нас несколько непонятные или по крайней мере еще вполне неслыханные. Таковы в нескольких примерах знаки для чтения нараспев Евангелия не более, не менее как VII века. Утверждай это другой кто, а не столь основательный Ламброс, — мы сочли бы эту цифру за опечатку, — теперь же записали о пластинках Эдвардса большого формата².

Вообще — дух захватывает и боимся думать, с чем мы вернемся и не волнуемся ли мы излишне? Ближайшие знакомства с каталогами, как и ожидалось, показали, что греческих рукописей более [славянских] очень

значительно, древнее несравненно, — что и требуется. Но и славянские есть также очень хорошие.

Но возник неожиданно, под впечатлением находок, новый вопрос: не присоединить к певческому же делу два рода указываемых у Ламброста рукописей: рукописи со знаками чтения нараспев и музыкально-теоретические трактаты?

Первые, конечно, относятся к певческому делу совершенно косвенно, так как знаки эти несходны с певческими собственно, а суть особой системы. Эти знаки перешли к нам отчасти, и, конечно, значение их археологическое и художественное несомненно, но второстепенно.

Вторые, если только трактаты толкуют именно о тех крюках, которые перешли к нам в Россию, — были бы чрезвычайным открытием. Но сейчас нечего сказать за глаза. Ламброс — совсем не певец и только указывает — «с певческими знаками». Выходит, что Одоевский прав не для одной России. И в Греции — «археологи — немусыканты, а музыканты — совсем не археологи»³. Только на месте придется решить этот интереснейший вопрос.

П. А. Лавров, как ни симпатизирует нашему общему делу, в котором его услуги по части оттенков сербских, или болгарских, или македонских редакций, конечно, вне конкурса, — все же нет-нет да и потянет в столь любимую им древнейшую славянщину, хотя бы без пения. Теперь он в Москве, куда нарочно поехал, ради увертюры к Афону. По правде сказать, ведь наука-то русская одна, равная для всех и во всем, но у меня с Преображенским вдруг проявилась черта некоторой скупости... Пусть его снимает, думаем мы, коли не наберется певческих. А самим в то же время как будто и стыдно экономить на фотографических пластинках.

Сегодня принялся заканчивать надобные копии для «Мусикии», и таким образом она к отъезду будет совершенно готова к печати.

Работаем мы все очень много и очень одушевленно. От графа Александра Дмитриевича представление Министру об отпуске Преображенского уже отправлено⁴. Следовательно этот пункт уже обеспечен. Я и Лавров уже начали ходатайства о заграничных паспортах. Николову же только надо отметить выбывшим в своем посольстве.

Если приготовления наши к поездке будут идти так же успешно, как и теперь, то мы выедем, пожалуй, и раньше конца мая, может быть и в половине. Это будет зависеть от ответов из Вены и Константинополя, то есть Ягича и Успенского. Лучше провести самую жаркую пору посевернее, чем на Афоне, на самом припеке, например в Вене, но это дело еще не решенное.

Графине и Вам — мой и жены благодарный поклон и искренний привет. Сегодня я впервые выходил в сад, так как погода была чудесная. В саду были все так называемые «принадлежности» — то есть те мал-мала меньше, ради которых живем все мы, радуясь на них. Эта милая молодежь — возвеселила и меня — увы, бездетного.

Ваш душевно Ст. Смоленский.

РГАДА, ф. 1287, оп. 1, № 1582, л. 66—67

¹ Указанная рукопись интересовала Шереметева в связи с его работой как историка над эпохой Смутного времени. Судя по *Афонскому дневнику*, А. В. Преображенский нашел ее описание в каталоге Ламброса (Ивер, № 710). См. также дальнейшие письма Смоленского с Афона.

² Речь идет о принадлежностях для фотографирования.

³ Высказывание Одоевского находится в его статье «К вопросу о древнерусском песнопении» (см.: РДМ. Т. III. С. 50—60).

⁴ Как сотрудник Придворной капеллы, А. В. Преображенский должен был испрашивать разрешение на отпуск у Министра двора через посредство своего начальника — А. Д. Шереметева.

А. В. Преображенский — П. Г. Преображенскому

Петербург, [после 20 апреля 1906]

Дорогой Петр Григорьевич.

Не часто приходится беседовать лично или даже письменно, потому с особенным удовольствием я пользуюсь настоящей оказией, чтобы иметь от тебя грамотку о твоём житье-бытье. Ведь, помнишь, мы не видели друг друга со времени твоего диаконства!¹ Была возможна встреча в Москве три года назад, когда я уже переезжал в Питер, но мне тогда тебя не удалось видеть. Как твое новое служение? У меня до сих пор свежо в памяти сильное впечатление от речей псалмопевца, оставившего волею судеб службу в Праге...²

Я попал из Москвы в Питер в самую Капеллу — и теперь очень и очень жалею о том! Лучшие материальные условия здесь не могут вознаградить за потерянное спокойствие духа и обилие свободного времени. Капелла — это какое-то пекло, где яд интриг, наушничества, произвола и других прелестей постоянно отравляет жизнь... Ну, да может быть теперь на Руси это повальные болезни, исцеления от которых так напряженно ждут все.

Об этом, впрочем, лучше говорить усты ко усты, на что я питаю надежду по поводу, вероятно, известной уже тебе экспедиции на Афон (in spe [предположительно] — через Вену). А теперь позволь просить твоего содействия нашему делу. Не можешь ли ты взять на себя хлопоты по изготовлению фотографических снимков с одного Стихиаря Придворной Венской библиотеки. Ваш псалмопевец Архангельский писал Смоленскому, что ты причастен искусству фотографа. Впрочем, конечно, это уже твое дело, будешь ли ты сам снимать или найдешь подходящего профессионала. Не стеснит ли, не затруднит ли тебя такая наша общая (то есть всех членов экспедиции) просьба? Подробности дела таковы.

Нужно снять всю рукопись целиком — № 230-й [верно: № 136] в размере возможно малом в зависимости от формата (Ягич писал, что нотные знаки не на всех страницах). Если формат подходит, то хорошо бы на размер 18 x 24 помещать по 2 страницы, отдав, впрочем, хотя бы одну пластинку целиком для снимка в натуральную величину. Не имея никаких сведений о возможной стоимости работы (желательно бы вместе с негативами иметь по одному отпечатку каждого), я уполномочен передать тебе, что на расходы немедленно могут быть высланы 100 рублей. Расходы сверх этой суммы желательно определить прежде, чем предпринята будет сама работа.

Получить рукопись удобнее всего через профессора Ягича, который весьма участливо относится к сему делу (адрес его — VIII. Koch-Gasse), и сделать все необходимое. Прибавлю, что мы жаждем иметь венские снимки до нашего отъезда на Афон — то есть 1 июня сего года.

Вот, дорогой Петр Григорьевич, какие надежды смеем возлагать на тебя. Если тебе не в тягость устройство этого дела, то и я, и все мы заранее шлем тебе нашу искреннюю благодарность.

В случае твоего согласия взять на себя это дело и осуществить его приблизительно на изложенных выше условиях — не будешь ли ты добр известить меня немедленно телеграммой? Определенные сведения нам необходимы.

Затем — мой привет твоей супруге и семье.

Твой Антонин.

РГИА, ф. 1119, № 84, л. 35—36 об. Черновик

¹ По данным протоиерея А. П. Мальцева (Православные церкви и русские учреждения за границею. Ч. 2. Берлин, 1911), П. Г. Преображенский был назначен

диаконом в Вену 29 января 1899; Петербургскую Духовную академию он закончил в 1889. Дата его рукоположения неизвестна.

² Возможно, имеется в виду Г. Я. Извеков, впоследствии протоиерей.

Шереметев — Смоленскому

Михайловское, 22 апреля 1906

Дорогой Степан Васильевич.

Спешу ответить на любезные строки Ваши. Хотя скоро увидимся (надеюсь, 3-го), тогда спокойно обо всем поговорим, но не могу не предупредить, что я с Вами о Ламбросе не говорил и Вы слышали это от кого-нибудь другого; я же говорил Вам, что на Афоне имеются письма патриарха Игнатия за это время и что эти письма были бы крупной находкой¹. Впрочем, вернее это дело оставить, чтобы гусей не раздражить и не повредить другому.

Позвольте также напомнить Вам изречение Пруткова — «никто не обнимет необъятного»! Я же не скрою Вам — побаиваюсь расплывчатости, недостаточной определительности самой задачи, склонности к увлечениям в сторону и отсутствия руководства. Ум хорошо, говорят, а два лучше, а тут сразу четыре ума, а вспомните нашу печальной памяти «Семибоярщину», да и крыловская басня может прийти в голову. А когда летят журавли, смотрите — какой порядок, и всегда есть направитель. Впрочем, об этом поговорим также при встрече².

До скорого свидания. Будьте здоровы и благополучны.

Преданный Вам С. Шереметев.

РГИА, ф. 1119, № 84, л. 31—31 об.

¹ Имеется в виду патриарх Игнатий (ум. в 1640), по происхождению грек, который после взятия острова Кипр турками прибыл в Россию, занял при Борисе Годунове место рязанского епископа, затем перешел к Самозванцу и по приказу его был избран Московским патриархом. После смерти Самозванца он был то низвергаем, то снова возводим на престол сторонниками короля Сигизмунда III. Впоследствии бежал в Польшу, где и окончил свои дни.

² Это письмо Шереметева Смоленский в Афонском дневнике охарактеризовал как «нехорошее» и тут же послал ему успокаивающий ответ (см. следующее письмо).

Смоленский — Шереметеву

[Петербург, 25 апреля 1906]

Высокоуважаемый граф Сергей Дмитриевич!

Отвечаю без промедления, чтобы рассеять Ваше сомнение по поводу сообщенной Вам находки о Лжедмитрии.

Мы, конечно, отнюдь не разбрасываемся, но твердо и определенно идем только к одной намеченной цели поездки. Цель эта с общего согласия, после нескольких совещаний, была определена в заявлении Обществу в выражениях самых точных: «добыть возможно большее количество фотографических снимков с рукописей, объясняющих появление у нас, уже в начале XII века обширно развитого церковно-певческого искусства».

Поэтому, следовательно, нас интересуют рукописи более раннего периода, чем XII век в России, и потому мы работаем теперь только над предварительною записью всего, что имеется на Афоне сейчас именно от этой поры и ранее ее по части пения греческого и славянского.

Ламброс напечатал каталог всех греческих рукописей всех афонских монастырей, притом же и всякого содержания. Понятно, что, готовясь не потерять и часа на Афоне, мы тщательно и заблаговременно выписываем из громадного каталога Ламброта (6000 номеров) только надобное нам и ничего более.

Но попался на глаза параграф о Лжедмитрии, и я вспомнил Ваши слова и написал Вам. Признаюсь откровенно, я не вспомнил, что Вы говорили мне о письмах Игнатия, и потому не сделал бы такой ошибки.

Мы объединились совершенно, и объединяющая, руководящая часть вручена спутниками мне. Уже по этому одному церковно-певческие дела не могут быть даже отчасти заслонены какими бы ни было другими, и я, конечно, не допущу увлечения в какую бы ни было сторону всю экспедицию, так как в том проявилось бы только ее самоотрицание. В самом крайнем случае, если бы таковой обнаружился, у меня, конечно, найдется твердость «журавля-направителя», и я нисколько не думаю о возможности неподчинения мне, так как слово в том уже было дано и подробности распределения труда уже уговорены между нами согласно и искренно.

В Вене уже найдена надобная рукопись — наиредчайшая — грек XI века, а может быть и ранее. В Есфигмене также найден подходящий Ирмологий. В других монастырях Афона уже найдены Еванге-

ля со знаками для пения наидревнейшие. Следовательно, в общем уже теперь дни занятий на первое время и подавляющее число предметов для фотографирования уже намечено совсем определенно в количестве, в порядке следования и в самом содержании рукописном. На месте от нас, сверх механического фотографирования, прибавится то, что только и может быть добыто на месте, то есть обследование памятника, осмысление его в ряду других, установление его общего и певческого значения. В этом именно культурном труде и скрыт умышленный выбор разносторонних специалистов, имеющих, однако, общее им всем, то есть непоколебимую любовь к науке, выносливость в труде и неудержимое желание использовать настоящую поездку вполне единодушно и сколько возможно производительно и широко для своей церковно-певческой цели.

В этой крепкой вере уже теперь чувствуются радости и сила будущего несомненного успеха. Этою верою мы надеемся увлечь к себе на помощь и надобных людей на Афоне. Чем благословит Бог нас — сказать сейчас, конечно, никто не может, — но вера наша крепка и полна желанием дел — следовательно, и благословение может быть по силе той веры.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАДА, ф. 1287, оп. 1, № 5072, л. 209—210

Н. Ф. Финдейзен¹ — Смоленскому

Петербург, 25 апреля 1906

Дорогой Степан Васильевич!

Ваша чудесная экспедиция на Афон меня так восхищает и так хотелось бы придать ей большую гласность и тем порадовать многих, дорожащих плодами Ваших неустанных трудов (видите, каким высоким слогом я заговорил — правда, он вполне искренний — это Вы вчера подтянули), что я позволю себе просить Вас и посоветовать сделать две необходимые и подходящие вещи. 1-е: собрать на этих днях членов экспедиции и сняться группой перед отъездом. Это сохранило бы на память группу симпатичнейших ученых, совершающих впервые новое, трудное дело. Сняться следовало бы хоть под тем своеобразным «дубом мамврийским», под которым я Вас встретил вчера — возле Вашего крыльца². Аппарат имеется ведь у Антонина Викторовича или у доктора (кажется, Жемчужникова?). Немед-

ленно эту группу экспедиции я опубликовал бы в «Русской музыкальной газете». 2-е: чтобы подготовить внимание и читателей, и вообще лиц, любящих *Ваше* дело, я был бы очень и очень благодарен за получение с *дороги* (Вена, София, Константинополь, Афон) хотя бы *кратчайших сообщений* о подвигах экспедиции. Подумайте, как было бы хорошо и эту сторону поездки обставить по-европейски, хотя бы открытыми письмами, которые не отняли бы много времени. Зато польза их была бы несомненная.

Вот и оба проекта. Желаю Вам доброго здоровья, сил и энергии. Бог в помощь Вашему чудесному, славному делу!

Душевно Ваш Ник. Финдейзен.

РГИА, ф. 1119, № 84, л. 33—34

¹ Финдейзен Николай Федорович — крупный музыкальный ученый, основатель и редактор «Русской музыкальной газеты», большой приятель Смоленского (см. его письма во второй книге VI тома РДМ).

² Финдейзен имеет в виду парк Фонтанного дома Шереметевых, во флигеле которого была квартира Смоленского.

П. Г. Преображенский — А. В. Преображенскому

Вена, 2 мая 1906

Милый брат Антонин Викторович.

С приветом тебе и всему вашему ученому сообществу во главе с досточтимым Степаном Васильевичем соединяю свое извинение за невольный грех: запоздание с ответом. Невольный — потому что оба письма, и твое, и Степана Васильевича, не нашли меня в Вене. Я только третьего дня — в воскресенье — вернулся из России, куда поехал для последнего напутствия и погребения своего юнейшего родного брата Сергея — студента Симбирской семинарии, зачислившегося в прошедшем году студентом Юрьевского университета и скончавшегося от скоротечной чахотки в Ялте, где он пребывал с февраля.

Ввиду того что фотографирование рукописей дело для меня лично новое, то я, при всем желании внести долю личного труда в многопользное просвещенное предприятие, не могу ускорить дело телеграммой о своем согласии или несогласии. Теперь — как устроить все дело.

Вчера и сегодня я беседовал и в Придворной библиотеке, и в фотографии, и в Графическом институте, а также с профессором Ягичем о деле

сем, причем видел и интересующую Вас рукопись. В ней 265 листов, следовательно 530 страниц мелкого письма с очень мелкими нотами между строк.

Фотограф, обычно принимающий снимки с рукописей в Придворной библиотеке, ценит свою работу (размер 18 x 24) ни более ни менее как 5 гульденов с листа. Очевидно, с таким помощником работа будет страшно дорога.

У меня есть два аппарата. Один с объективом Götz'a ser. III № 3, другой Voit-Gländer'a Colinear ser. II № 4. Обе камеры для 13 x 18.

Процедура фотографирования с рукописей, по справкам, дело не хитрое и для меня. Разрешение фотографировать мне дано директором библиотеки с условием с каждого негатива изготовить отпечаток и для библиотеки.

Подсчитывая теперь расход на фотографический материал и некоторую помощь со стороны фотографа (у меня нет темной комнаты для работы днем), я вижу, что расходы должны быть очень велики.

Судите сами. Рукопись in quarto. Мои аппараты на размер 13 x 18. Две страницы на один негатив поместить невозможно, потому что не получится должной отчетливости и середина негатива непроизводительно будет занята белой полосой средних (корешковых) полей. Значит, на 530 страниц надо изготовить столько же негативов. Это около 50 дюжин пластинок, каждая по 2 рубля. Итого 100 рублей на покупку пластинок. Бумаги для отпечатков (530 + 530 для библиотеки) — 110 листов, по 60—65 коп. = 66—70 рублей. Считая помощь фотографа для проявления хотя половины пластинок, среди бела дня, неизбежной и платя с негатива за проявление по 20 копеек, я должен переплатить ему рублей 50. Остается еще немалый расход на золото (не менее 10 граммов) для тонирования отпечатков. И вижу я, что жертвуя весь труд свой по изготовлению негативов и отпечатков на алтарь научного испытания, я все же должен буду около 300 рублей денег ваших израсходовать в совершении своей работы.

Но вот на какой способ получения быстрых отпечатков с рукописей я напал вчера в здешнем Графическом институте. Этот Институт, располагающий усовершенствованными аппаратами и принимающий копирование рукописей из-за чисто образовательных целей (в нем до 50 учеников только фотографического отдела), изготавливает снимки прямо на бромосеребряной бумаге, то есть снимает прямо на бумагу, причем окраска получается негативная, то есть бумага темная, а письмо белое. А чтобы направ-

ление строк не было негативным, применяется призматическое преломление (посредством призмы) света в объектив. Получается прямо на бумагу прекрасный отпечаток. Плата берется только за материал, около 1 кроны за отпечаток размера 18 x 24 (= 40 копеек). Если все дело копирования рукописи непременно с желанием иметь негатив, а Вы удовольствуетесь только одной копией рукописи, то лучшего способа получения этой копии, как только что мною указанный, быть не может. Институт уже копирует одну рукопись для Шведского Академического общества. Он пользуется правом взять рукопись в собственные помещения и работает необыкновенно быстро (по 50 отпечатков за день).

Для отчетливости воспроизведения нотных знаков было бы лучше и на листе 18 x 24 копировать только одну страницу рукописи, хотя при этом размере легче, чем на 13 x 18, читать копию и 2-х страниц.

Таким образом, на изготовление этим способом 530 страниц рукописи потребовалось бы около 200 рублей, а 265-ти листов (помещающая 2 страницы и на отпечатке) — только половина этой суммы. Заказ будет исполнен в течение 2-х недель. А потому, обсудив сие дело, вы для ускорения начала работы можете известить меня телеграммой: «заказать по странице (по листу)» и выслать деньги по адресу: Wien Landstr. Gürtel 39 Preobrajenskij (то есть рядом с отелем «Бельведер», столь памятным по 1899 году¹).

Не имея возможности все сие повторить в отдельном письме Степану Васильевичу, прошу тебя, Тоня, извиниться за меня в этом и передать ему содержание письма.

Мне очень хотелось бы приветствовать тебя, милый Тоня, в своей семье в Вене (моя семья: дочь Наталия 5½ лет и сын Олег 3½, конечно, жена).

Лучший способ и для сего и для дела ученого, если ты выедешь из Петербурга теперь же прямо ко мне в Вену. После Троицы я с семьей думаю поехать в родное Поволжье, где мы не были уже 4 года и истосковались по родных.

Это, правда, дело еще не окончательно решенное, ибо каждый день меняет теперь лице нашей родины.

Сложился ли у Вас определенный план работы в Вене, напиши.

Сегодня Ягич обещался писать Вам о научных качествах рукописного материала Венской библиотеки, а я уже завтра попрошу о сем справок из Праги. Последнее передай С. В. Смоленскому.

Любящий тебя брат Петр Преображенский².

РГИА, ф. 1119, № 84, л. 41—44 об.

К письму прилагается образец отпечатка с рукописи (*см. на с. 426*)

¹ О триумфальном концерте, данном Синодальным хором в Вене в 1899, см. в I и в IV томе РДМ. В отель «Бельведер», где жили русские, явилась после концерта «депутация славянских студентов», и, по выражению Смоленского, «закипел пир горой».

² На л. 45 того же дела имеется запись Смоленского:

По совещании 8 мая А. В. Преображенский отправил 25 рублей П. Гр. Преображенскому, дабы в виде опыта снять страниц 50 и по ним судить о дальнейшем, как о размере снимков, так и системе их воспроизведения. По совещании в Вене, 25 мая, выяснилось, что ввиду надобности иметь еще снимки с других рукописей, всего 611, в размере 18 x 24, возможно надеяться на некоторое удешевление этой работы, даже до 33—32-х копеек за каждый. Поэтому, ввиду уже выданных П. Г. Преображенскому ранее 25 рублей, ему вручено мною еще 200 рублей, включив сюда и пересылку в Санкт-Петербург всего изготовленного.

Г.П. Георгиевский — Смоленскому

Москва, 5 мая 1906

Многоуважаемый Степан Васильевич!

Письмо Ваше, со сведениями о нотных знаках в Охридском Апостоле¹, ужалило меня в самое сердце. Сейчас же я засел за Апостола, полтора часа перелистывал его, из страницы в страницу и из строки в строку разглядывал и рассматривал даже в лупу, но нигде не нашел ни одного нотного знака. Готов послать к Швабе² за телескопом, если науке известно существование нотных знаков, невидимых для невооруженного глаза.

Очень желаю Вам счастливого пути на Афон и жду многого от Ваших трудов и работ.

Дай Бог Вам поправиться окончательно.

Ваш покорный слуга Григорий Георгиевский.

РГИА, ф. 1119, № 84, л. 37—37 об.

*Augustinus de Bischoffe comparant
Constantinopol*

4

ἑδὲ κινῶν · οὐκ ἔστιν ἄλλο ἐκείνου ποιῆσαι πῶρμα
 τὸ πᾶσι γινώσκοντες ἀπὸ τοῦ ἀποστόλου πῶρμα
 κῆρυξ · καὶ οὕτως φανερὰ ἀλλήλοισιν ἀποστόλου ἐκο
 μίσατο· οὐκ ἔστιν ἄλλο ἐκείνου ἀποστόλου φρε
 ηκατῆρος ποιῆσαι οὐδὲν ἀποστόλου· ἐαυτοῦ
 φωνῶν πῶρμα ἀποστόλου· τὸ χριστῶ πῶρμα ἐκόντος
 ἀποστόλου μαρτυρίου· καὶ παρρησία ἐχω πρὸς
 αὐτόν· τῆν εἰρηλίω τῶν καὶ ἐν αἰτίαι· καὶ
 τῶν τυχόντων κινῶν τὰ καὶ ἐλθεῖν·
 τῶν τυχόντων ἱερομαρτυρίων· καὶ
 τῶν τυχόντων μεγάλων πολεμῶν· ἀποστόλου κ
 ἡσυχασίαν ἐκείνου τῶν τυχόντων· ὡς τῶν τυχόντων
 ἀποστόλου ἀποστόλου· καὶ τῶν τυχόντων
 ἀποστόλου· ἡρό τι ἐστὶν ἀποστόλου· τῶν τυχόντων
 ἀποστόλου τὸν ἱερομαρτυρίαν· τῶν τυχόντων καὶ ἐκείνου· τῶν
 ἀποστόλου ἀποστόλου· ἀποστόλου ἀποστόλου ἐκ
 ἀποστόλου· ἀποστόλου τῶν τυχόντων ἀποστόλου τῶν τυχόντων

Помета Смоленского: «Получено 6 мая и по содержанию сего писано П. А. Лаврову, дабы указалась вновь найденная им комбинация болгарского текста с нотными знаками».

¹ Григорий Петрович Георгиевский — хранитель Отдела славянских старопечатных книг и рукописей Румянцевского музея в Москве.

Охридский Апостол — один из древнейших списков славянского Апостола (конец XII века) из собрания В. И. Григоровича (№ 13) в Румянцевском музее (ныне в РГБ).

² Имеется в виду магазин фирмы «Ф. Швабе», в начале XX века крупнейшей в России по производству оптических, физических, геодезических приборов и медицинских инструментов.

П. А. Лавров — Смоленскому

[Петербург, 7 мая 1906]

Глубокоуважаемый Степан Васильевич!

Ведь мое указание на Охридский Апостол возникло лишь потому, что я понял, что Антонин Викторович говорит о славянском Апостоле Румянцевского музея. Но переспрося его вторично, оказалось, что он разумел греческий Апостол, да и этот Апостол, по справке оказалось, не из собрания Григоровича, а из собрания Севастьянова. После всего этого мои указания отпадают, как и можно было ожидать, после того как я Вам уже сообщил, что ни у Викторова, ни у Срезневского¹ нет ни слова о нотных знаках. Следовательно дело можно считать оконченным. Дай Бог мне ошибиться, но я боюсь, что и во время путешествия мы не найдем старой болгарской рукописи с нотами, разве только если болгаре не постараются составить такую, как случилось с подписью о кончине Евфимия. Но это обнаружится. В моих записках об Охридском Апостоле ничего не оказалось, я Вам уже это передал. Прошу извинить, что я вызвал в вас обманчивые надежды.

Всегда готовый к услугам П. Лавров.

А что же Шереметев? Разве еще не приехал?

РГИА, ф. 1119, № 84, л. 38–39

¹ Два описания А. Е. Викторова — собрания В. И. Григоровича и собрания П. И. Севастьянова — значатся в библиографических заметках Смоленского в

Афонском дневнике; под «Срезневским» имеется в виду книга: Срезневский И. И. Палеографические наблюдения по памятникам греческого письма. В двух томах. СПб., 1876.

П. А. Лавров — Смоленскому

Петербург, 9 мая 1906

Глубокоуважаемый Степан Васильевич!

К сожалению простуда мешает сегодня мне быть у Вас. Могу взамен того поделиться сведениями, полученными от Бенешевича¹. Он говорит, что можно получить из Пантелеимоновского монастыря в помощники фотографа с послушником; но для этого хорошо иметь от кого-либо особую просьбу в письме. Быть может, Шереметев это сделает? Или нет ли у Вас какого-либо знакомого купца или купчихи? Вообще Бенешевич того мнения, что на Афоне мало имеют веса наши послы и тому подобные важные сановники, мало иметь официальные документы, а важнее частное содействие. Ф. И. Успенский очень может помочь, и хорошо, что Вы с ним в добрых отношениях. Жаль только, что никто из нас не говорит по-гречески: в греческих монастырях это будет для нас невыгодно. А что касается Николова, я опять должен предупредить, что весьма неблагоприятно для нас будет его болгарское происхождение. Бенешевич (совершенно совпадая с Кондаковым) того мнения, что самое лучшее, если от этого не будет никакого вреда. Очень это жаль. Оттого и болгар из Софии нельзя желать иметь своими спутниками в интересах дела. Как это ни печально, я должен еще раз это отметить. По словам Бенешевича, самое лучшее, если мы явимся туда как русские без всякого подобного посредничества².

Что касается съемки Венской рукописи, то я думаю, не лучше ли пока не снимать ее целиком, чтобы сделать это потом, если после посещения Афона обнаружится важность этой рукописи. Я посету Вас тотчас же, как только поправлюсь. Завтра я жду Антонина Викторовича и сообщу ему адрес Бенешевича, который может зайти к нему в назначенный день и час. Всего лучшего! Прошу передать поклон супруге Вашей.

РГИА, ф. 1119, № 84, л. 47—47 об., 60а—60а об.

¹ Владимир Николаевич Бенешевич (1874—1938) — видный русский канонист, археограф и палеограф; в числе его многочисленных экспедиций и поездки

на Афон. Он обращал особое внимание на фотокопирование памятников, овладел соответствующей техникой и собрал огромную коллекцию фотоматериалов, в том числе снимков с греческих рукописей.

² Как нетрудно заметить, все «пророчества» Лаврова, подкрепленные авторитетом других ученых, исполнились: «старой болгарской рукописи с нотами» не нашлось, болгарское происхождение Николова чуть не сорвало его участие в экспедиции, «частное содействие» разных лиц оказалось очень важным.

Шереметев — Смоленскому

Михайловское, 16 мая 1906

Как поживаете? Совсем забыли. Ответа посольского еще нет¹.
Шереметев

РГИА, ф. 1119, № 84, л. 48. Телеграмма

¹ Имеется в виду русское посольство в Константинополе.

В деле «О научной поездке на Афон...» (РНБ, ф. 536, оп. 3, № 1, л. 16—18) сохранились образцы писем, которые были разосланы от имени ОЛДП (за подписью Шереметева) следующим лицам: Патриарху Константинопольскому Иоакиму, Патриарху (Экзарху) Болгарскому Иосифу, послу в Константинополе И. А. Зиновьеву, послу в Вене князю Л. П. Урусову, посланнику в Белграде К. А. Губастову, посланнику в Софии А. Н. Щеглову, директору Русского Археологического института в Константинополе Ф. И. Успенскому, И. В. Ягичу.

Один из сохранившихся вариантов текста:

С высочайшего Его Императорского Величества одобрения Императорское Общество Любителей Древней Письменности намерено осуществить в течение летних месяцев предположение Комитета Общества о снаряжении научной экспедиции на Афон, в Солунь, Софию, Белград и другие славянские города и местности с целью ознакомиться с рукописными богатствами и другими местными памятниками старины, причем особенное внимание экспедиция предполагает обратить на памятники церковно-певческого характера для выяснения вопроса, откуда зародилось древнерусское церковно-певческое искусство.

Ввиду вышеизложенного я, как председатель Общества, имею честь обратиться к Вашему Всесвятейшеству [или: Вашему Превосходительству] с покорнейшей просьбой прийти на помощь Обществу, оказав свое

просвещенное содействие всеми зависящими от Вас способами предпринятой от имени Общества научной экспедиции, в состав коей входят члены-корреспонденты Общества С. В. Смоленский, П. А. Лавров, А. В. Преображенский и А. Н. Николов.

Испрашивая первосвятительского благословения Вашего и святых молитв Ваших, с чувством истинного высокопочитания и глубочайшей преданности имею честь быть Вашего Всесвятейшества...

[Или: Примите, Ваше Превосходительство, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности...]

В том же деле сохранился ответ Болгарского Экзарха от 24 июня 1906 (л. 19):

Ваше Сиятельство.

Имеем честь уведомить Вас, Милостивый Государь, что, согласно желанию, выраженному в Вашем письме от 29 мая этого года, мы писали Св. Синоду болгарской церкви в Софии, председателю болгарской церковной общины в Салониках и игумену св. Зографской болгарской обители на Афоне о научной миссии, которую ученое Императорское общество любителей древней письменности возложило своим уважаемым членам-корреспондентам, попросив первый из них и рекомендовав остальным двум оказать им самое широкое содействие и помощь в их научных изысканиях.

Призывая на Вас Божие благословение, имеем честь быть Вашего Сиятельства теплый молитвенник

† Экзарх Болгарский *Иосиф*.

Смоленский — Шереметеву

Петербург, 17 мая 1906

Высокоуважаемый граф Сергей Дмитриевич!

Изнываю я в Петербурге; не одно письмо к Вам было начато, но ни одно не дописалось. В ответ на Вашу депешу скажу еще так: могу ли забыть Вас? Я лишь не в силах перебороть удручающие меня впечатления; мне помешали текущие одесские беспорядки ехать прямо Варна—София—Константинополь, а на Вену — нет билетов от поголовного отсюда бегства в количестве свыше числа мест в вагонах. Поезжай хоть морем на Берлин!

У Извольского я был и оставил ему надобную благодарственную записку за себя и сотоварищей¹. Все научные приготовления к поездке закончены, заказы сделаны, уговоры между нами выяснены, справки надобные

получены. Николов и Лавров поедут, минуя Одессу, железной дорогой на Софию 22-го; я выезжаю 21-го на Границу, Вену, Белград и Софию; Преображенский выезжает прямо в Константинополь через Румянцевский музей в Москве и Севастополь, так же как и я через Венскую Hofbibliothek. Сборный пункт в Пантелеимоновском подворье в Константинополье, ибо пароход на Афон идет 9 июня в 10 часов утра. Таким образом с 10 июня начнется работа до 5 августа включительно.

Венская рукопись XI века (греческая) — восхитительная находка. В ней 265 листов двойной нумерации, и снимки этого откровения для русской музыкально-певческой науки уже заказаны Венскому Графическому институту по крайне дешевой цене по 1 кроне за страницу 18 x 24, всего же 530 крон, то есть около 250 рублей. Эту дешевизну устроил нам наш венский дьякон П. Гр. Преображенский (двоюродный брат нашего) с Ягичем, и нет слов выразить, какое облегчение и прояснение дает эта случайность нашим поискам на Афоне.

Но во всем остальном, вне науки, Афона и вне своей семьи — переживаю я совершенно удрученное состояние духа, полное недоумения и смутного ожидания тяжких тревог в разлуке. Не могу сколько-нибудь ясно представить себе, что я застану при возвращении домой, что придется узнавать, сидя на чужбине у берега моря? Грядущее почему-то кажется мне крайне резким, и сама кротость науки, самая тишина монастыря, сама теплота юга едва ли уберегут мое бедное сердце. А впрочем — никто как Бог и во всем Его святая воля! <...>

Конечно, я буду отводить душу на Афоне письмами к Вам сколько возможно частыми. Но я прошу Вас, по возвращении моем домой, позволить мне вновь просмотреть их и сделать из них для себя надобные выписки. Хотя я и веду дневник моей жизни весьма аккуратно, подробно и ежедневно, но письма к Вам давно уже были обусловлены особою частью, которой нет в моих письмах к кому бы ни было, даже и в дневнике. Со смертью Рачинского мое сердце выбрало Вас как старшего, как духовного отца, и Вы, конечно, заметили, что с каждым годом мое решение крепнет и обращается в духовную потребность. Поэтому Вы будете иметь сведения с Афона в таком количестве и качестве, которые пригодятся впоследствии и не мне одному. Мимолетные соображения иногда в позднейшем повторении вызывают очень плодотворную работу, а отчет об Афоне мне хочется изложить возможно лучше, со всем арсеналом мимолетных впечатлений и их развития или опровержения. Ведь право же, кроме дела, кроме суровой документальности рукописей, есть

на Афоне и доля сладчайшей поэзии вне мира сего! Уже немало страниц написано мною в особой книге, начатой отдельно от дневника, ради Афона; также немало страниц накопилось в «деле», где пришивается вся переписка по поводу того же Афона. Всего этого с текущими впечатлениями, с новостями в областях всяких хватит для многих, даже и очень многих к Вам Афонских писем.

Во всяком случае, если что-либо случится, мой маршрут приблизительно таков: до 26-го включительно — Вена (Hôtel Ungarische Krone), 27—30 — Белград, 31—3 июня — София (хотел Булевар), с 4 июня — Константинополь, Пантелеимоново подворье, до утра 9-го.

Затем — простите Христа ради и благословите в путь-дорогу. Прошу прощенья и благословения и у доброй графини Екатерины Павловны, которую прошу, как и Вас, в случае какого-либо несчастья не оставить участием мою жену в Петербурге. Помолюсь за Вас и детей и внучат Ваших всею силою моей молитвы у святой Скоропослушницы и о Вашем здоровье на радость многих. Да хранит Вас Бог всемогущий!

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

Жена моя посылает всем душевнейший ее поклон и привет.

РГАДА, ф. 1287, оп. 1, № 5073, л. 59—61 об.

¹ Имеется в виду министр иностранных дел (с 1906) Александр Петрович Извольский (1856—1919), который обеспечивал экспедиции помощь русской дипломатической службы в Константинополе.

Смоленский — Шереметеву

Петербург, 19 мая 1906

Высокоуважаемый граф Сергей Дмитриевич!

Сегодня был у меня из Министерства иностранных дел г. Ионин и, не застав меня дома, только и сумел объяснить, чтобы я побывал у него, так как имеется до меня спешное дело. Поэтому я поспешил явиться в Министерство и, к немалому изумлению своему, услышал, что Канцелярия недоумевает по вопросу о том, «как поставить дело? просить ли Обществу Любителей Древней Письменности у Государя *позволения* командировать нас или что-либо другое?»

Я объяснил г. Ионину, что вопрос был об испрошении такой санкции Государя (сам я формулировать ее название по неумению отказался),

которая бы, с помощью нашего посла в Константинополе, с помощью обращения г. министра к тамошнему патриарху греческому, возможно шире растворила двери Афонских библиотек; что ввиду нашего отъезда послезавтра надобны наискорейшие обращения как к этим, так и к другим лицам в Белграде, Софии и проч., ибо запоздание может поставить нас в положение совершенно бессильное.

Г-н Ионин ответил мне: так как не может быть ни малейшего сомнения в получении от Государя полнейше-удовлетворительного и благоприятнейшего ответа, то, несмотря на предстоящий доклад министра только во вторник 23 мая, Министерство *сегодня же отправит все и всем* надобные бумаги, и мы можем быть вполне уверены, что во всех вышеуказанных пунктах бумаги министра предупредят наш приезд, и следовательно Ваше желание будет исполнено так, как то было обещано Вам г. Извольским.

Посему — мой и спутников моих Вам благодарный поклон и привет. Мы выезжаем в воскресенье вечером (21-го) на Вену, ибо на Одессу пути заказаны накрепко.

Мой поклон и привет Вам и доброй графине.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАДА, ф. 1287, оп. 1, № 5073, л. 70—71

Шереметев — Смоленскому

Михайловское, 19 мая 1906

Сердечное спасибо письмо. Дерзайте не унывайте. Шереметев

РГИА, ф. 1119, № 84, л. 48. Телеграмма

В экспедиции

И. В. Ягич — С. В. Смоленскому

[Вена, 23 мая 1906]

Вторник, утро в 8 часов

Не зная, когда дорогие путешественники приедут в Вену, утром ли сегодня или в 4-м часу — имею честь сообщить, что я сегодня (вторник) утром с 9 по 12 буду в университете в моем институте (Seminar für slavische Philologie) — вход с первых ворот на ринге. Если же приезд состоится после обеда (в 4 часа), я буду ждать дома на квартире, VIII. Kochgasse, 19.

Хорошо, что я вчера еще не уехал, как первоначально предполагал, — я бы не получил письма — теперь я мог устроить так, что еще сегодня остаюсь в Вене, на завтрашний же день я должен непременно уехать на несколько дней на родину, в Хорватию. Поэтому я очень прошу воспользоваться сегодняшним днем для свидания и разговоров.

До приятного свидания.

И. В. Ягич.

РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 84, л. 53—53 об.

Помета Смоленского: «Получено 23 мая вечером».

Смоленский — С. С. Волковой

Вена, 24 мая 1906

Сегодня, добрейшая Софья Сергеевна, с сущим наслаждением занимался в Hofbibliothek'e [Королевской библиотеке], где к сущему удовольствию моему оказалось еще 2 рукописи, хотя и много хуже 1-й, но все-таки удивительных и очень древних. В ознаменование такого успеха 1-го дня попал я сегодня [на] Zauberflöte [«Волшебную флейту»] и наслаждался вторично, давно уже не слышанным мною хорошим пением на сцене в сопровождении вполне отличного оркестра.

Пишу ежедневно по многу кратких писем во все стороны¹, так как и впечатлений много, да и путешествие не обошлось без приключений.

Лаврова потеряли в Белостоке, и он явился лишь сегодня в Вену; сами мы, не догадавшись взять какие-то дополнительные карты, попали на последние 250 верст [на] несноснейший Personenzug и т. п. до последней австрийской таможни, где нелепое смешивается со смешным.

Приветствую Вас и Ваших от всего сердца, посылая самые добрые пожелания.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 37. Открытка с изображением Венской королевской оперы

¹ Не все письма из-за рубежа, посланные Смоленским из экспедиции Софье Сергеевне Волковой, дошли до адресата; возможно также, не все сохранились в ее архиве.

Смоленский — С. С. Волковой

27 мая 1906

Еду по широко разлившемуся Дунаю и вспоминаю Вас при каждом макинии пера в чернильницу. Работалось в Вене с помощью Ягича отлично: 611 заказанных снимков [формата] 32 по 3 копейки. Пишется и записывается много. Приветствую Вас и Ваших. Из Софии напишу.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 36. Открытка с видом Пожони (Братиславы)

Смоленский — Шереметеву

[Будапешт, 28 мая 1906]

Я не в силах Вам описать меру впечатлений сегодняшнего дня. Мы выехали сегодня по Дунаю на пароходе в Белград. Дорога оказалась сплошным рядом восхитительных видов. Пароход по случаю разлива шел полным ходом. Немного мешали надоевшие всем патриоты-венгерцы и студенты-поляки, весь день певшие нелепые песни, и крайне плохо. Подоспевшая пара цыганов-скрипачей заставила их замолкнуть своими чардашами. Но Буда-Пест, уже знакомый мне давно, оказался сегодня «городом

новых дворцов», выстроенных с необычайною роскошью. Город — превосходит в полном смысле, особенно по чистоте и порядку.

Пора кончать, ибо через 10 минут трогаемся в Белград. Всем поклон.
Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГАДА, ф. 1287, оп. 1, № 1582, л. 68. На открытке с видом Будапешта (Klotild-Palais)

Смоленский — Шереметеву

Белград, 29 мая 1906

Белград принял нас неласково, а в библиотеках — совсем уж плохо в смысле новостей. В таможене несмотря на уверения мои, что мы едем в Софию и пробудем может быть сутки или полтора, так привязались к моим папиросам, что я их бросил на глазах чиновников в воды реки Савы, причем солдаты не утерпели и бросились набивать недолетевшими свои карманы. В библиотеках — крайняя скудость, осмотренная сполна вся в один день. Поэтому сегодня же выезжаем в Софию, куда без остановки в Белграде прямо проследует П. А. Лавров. До сих пор вспоминаю с восторгом и благодарностью чудесного Ягича. Кланяюсь Вам и Вашим. Юг уже начинает быть очень теплым с темными ночами. Оригинальностей день ото дня более, культуры же — увы! менее.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАДА, ф. 1287, оп. 1, № 1582, л. 69. На открытке с фотографией сербского народного танца

Смоленский — Шереметеву

София, 1 июня 1906

Вот уже третий день, высокоуважаемый граф Сергей Дмитриевич, как я работаю в здешней «Народной библиотеке». Я пересмотрел уже около 200 рукописей, но пожива для русской науки пока еще очень мала. Зато встретилось нечто совсем новое в пергамене XI—XII века, где на сохранившихся 4-х страницах я, к удивлению своему, нашел что-то очевидно-певческое. Не доверяя своим познаниям, я поднял на ноги здеш-

них профессоров-славистов Милетича и Цонева¹, пришедших также в недоумение. Кроме этих 4-х страниц, болгарского пения ни древнего, ни старого, ни позднего решительно не находится. Куда оно подевалось — сказать невозможно, было ли оно записано — до Афонского Зографа сказать невозможно с отрицанием. Тем более загадочны вышеуказанные 4 страницы. Вскоре напишу еще. Всем поклон.

Ваш Ст. Смоленский.

РГАДА, ф. 1287, оп. 1, № 1582, л. 70. На открытке с видом Будапешта

¹ Любомир Милетич — профессор кафедры славянской филологии Софийского университета; Бенё Цонев — болгарский языковед, специалист по историческим связям болгарского с другими славянскими и балканскими языками.

Шереметев — Смоленскому

Михайловское, [начало] июня 1906

Здравствуйте, Степан Васильевич. Приветствую в Софии и надеюсь, что пребывание будет удачнее белградского.

Благодарю за Ваши карточки. Все бумаги от О.Л.Д.П. отправлены в наше посольство в Константинополе. У нас погода изумительная и жарко по сие время. Начался сенокос.

Желаю Вам успехов. Поклон Щеглову, а в Константинополе Успенскому.

Преданный Вам С. Шереметев.

РНБ, ф. 855, № 30, л. 239. На открытке с видом Плесковских прудов

Смоленский — Шереметеву

[София, 3 июня] 1906

Сегодня я покончил свои занятия в здешних библиотеках и завтра трогаюсь в Константинополь. Не могу вспомнить, писал ли я Вам о том, что в здешнем посольстве мы встретили радушный прием и самое полное содействие. Относительно научных результатов можно сказать теперь положительно, что в здешних библиотеках я внимательно осмотрел

(вторично после 1897 года) более 200 рукописей, между которыми много отличных пергаменов, но ни единой строки Болгарского пения. Тем более возбуждающими становятся поиски на Афоне. С найденных трех обгорелых листов Триоди Постной с певчими знаками для священника заказаны фотографии с помощью здешнего Министерства Народного Просвещения. Эта находка — совершенно мне непонятная новость, но певческое ее значение несомненно, ибо знаки мне были знакомы ранее и они отчасти сходны с греческими и с Болонскою болгарскою Псалтирью. Всем мой поклон. Из Константинополя напишу непременно.

Ваш Ст. Смоленский.

РГАДА, ф. 1287, оп. 1, № 1582, л. 71. На открытке с видом Софии

Смоленский — Шереметеву

Константинополь, [6 июня] 1906

Высокоуважаемый граф Сергей Дмитриевич! Прибыл с Преображенским сюда вполне благополучно вчера, и вчера же начались всякие хлопоты у властей. «Патриарха нет дома» — сказали, и действительно мы его встретили. «Посол извиняется — крайне занят и просит обратиться к первому секретарю», — а сам он сидит на балконе... Впрочем, неожиданное: от патриарха доставят бумагу сегодня с частным письмом. Оказывается, что мое звание почетного члена здешнего Музыкального Общества очень пригодились на сей раз. А я, признаться, забыл о таком своем титуле, важном в глазах Председателя-Патриарха¹. Сегодня я был в Буюкдере, и первый секретарь г. Нелидов, по-видимому, внял моим мольбам, обещав прислать на завтра ко времени отъезда надобные бумаги в Лавру и в Ивер, как наиболее враждебные русским. В Ватопед будет письмо от Ф. И. Успенского. С ним вчера вечером был большой и интересный разговор, хотя и не особенно веселый для русского. Наш престиж после войны и вследствие последних событий пал здесь до небывалой степени, и вражда ко всему русскому более не скрывается, тем более на Афоне. На днях там был разбой, и русского игумена едва выкупили из плена за 10 тысяч франков, проморив его в лесу несколько дней. Этот случай всполошил даже здешнее сонное писчебумажное, но — не активное посольство, где мне посоветовали купить каждому из нас по браунингу. Я отказался, ибо не могу вообразить себя, а тем паче П. А. Лаврова с оружием

в руках. Завтра едем с греческим пароходом, ибо «отечественных» совсем нет. Мой поклон, как и спутников, Вам от всего сердца.

Ваш Ст. Смоленский.

Письмо опоздало с отправлением, тем временем надобные бумаги от посла и Патриарха получены.

РГАДА, ф. 1287, оп. 1, № 1582, л. 72. На открытке с видом Константинополя

¹ Константинопольское музыкальное общество — то же самое, членами которого стали еще в 1860-х годах В. Ф. Одоевский и Д. В. Разумовский (через посредство архимандрита Антонина (Капустина); подробнее см.: Князь Владимир Одоевский. Дневник. Письма. Материалы. М., 2005. С. 458—464). В архиве ОЛДП (в РНБ) имеются поздравительные письма и почетный диплом Константинопольского музыкального общества, который был присужден Смоленскому 14 октября 1899.

Смоленский — Шереметеву

Афон, Пантелеимонов монастырь, 11 июня 1906

Высокоуважаемый граф Сергей Дмитриевич!

Наконец-то мы достигли и Афона. Отъезд из Пантелеимонова подворья в Константинополе осложнился внезапно обнаружившеюся надобностью взять дополнительные паспорта («тешкере»), так как наше путешествие по Османской империи причислено к продолжительным, притом же гуртовым и ученым. Точно так же и в нашем багаже, хотя и заказанном в Константинополе заблаговременно по фотографической части, усиленно подозревали почему-то наше намерение провезти на Афон если не синематограф, то хотя бы картинки для синематографа. Поэтому таможенные обыски в Константинополе, хотя и смягченные бакшишами, все-таки привели чуть не к перерытию всего багажа и даже к вскрытию светочувствительных пластинок. Но бакшиши, виртуозно вручаемые монахами Пантелеимонова подворья и открыто простираемые турецкими таможенными чиновниками на своих ладонях для счета полученной суммы, — скоро облегчили дело.

Путешествие от Константинополя до Афона состоялось в обществе двух русских настоятелей Афонских скитов и патера-иезуита из поляков. Излишне Вам описывать благополучный переезд по изумрудной поверх-

ности южного моря! Погода была прелестная, хотя перед Афоном и было желание стихий покачать нас. По дороге уже в Пантелеимон пришлось изумиться тем орлиным гнездам, которые обращены в кельи и в которые можно попасть только в корзинах, спускаемых иноками к плывущим по морю лодкам. Такое радикальное средство для достижения одиночества указывает одновременно и на меру трудов, которыми можно было выстроить именно в таких местах хотя бы маленькие кельи; то же средство указывает, что решаются вынести келлиоты в мере лишений по части не только молитвы в церкви, но даже и в еде. Случается, говорили мне спутники-настоятели, что спущенные корзины не получают ничего от проезжих рыбаков и богомольцев, почему и неизвестно в точности, в какой мере велики иногда лишения таких иноков-отшельников. Я видел пока до 50 таких келлий прямо над морем в отвесных скалах, и мне говорили, что доступ к некоторым из них не то что на мулах, а и пешеходам сопряжен с самыми крайними опасностями, усугубляющимися после дождя или при ветре. Но живописность этих поселений, при виде их с парохода, можно только почувствовать — описать эти картины я решительно не в состоянии.

В Пантелеимоне нас встретили очень радушно, поместили отлично, отметили великим почетом и, наконец, кормят нас вне монастырского порядка всякими здешними кушаньями, до осьминогов, или спрутов, включительно. Ходим мы и в церковь, чтобы послушать пение и поглядеть дремлющих старцев в их «стасидиях». Конечно, присутствие на службах от начала и до конца — вещь для нас вполне невозможная. Например, сегодня всенощная началась в 8 часов вечера и кончилась в 5½ часов утра, то есть длилась 9½ часов. Простоять такую службу непривычному человеку невозможно. Я говорю это потому, что и привычные старцы весьма откровенно спали на этой всенощной в полу-сидячем положении, склонив голову на стасидию. Это происходило после полуночи, так как моих сил хватило только до Шестопсалмия, которое началось в 1¼ часа ночи, то есть через 5 часов после начала службы. Как ни странно, как ни дико было пение двух протопсалтов-греков (в главном храме — поют и греки, в память того, что монастырь был когда-то греческий, и в уважение 30—40 монахов-греков, не желающих знать по-русски ни слова), как ни антихудожественны были голосовые выверты этих двух безголосиц, — все же для меня это пение было новостью, полною глубокого интереса. Оказывается, что о моем прибытии телеграфировал сюда Патриарх, и потому мне придется, вероятно, наслушаться художества протопсалтов в мере, достаточной для восприятия их искусства. Вчера они, очевидно, стара-

лись и выводили такие рулады, которые удивляли меня своею быстрою и неожиданностью. Но невозможная гнусавость, неумение мое разобратся в каких именно греко-церковных ладах раздавались эти дикие рулады, отравляли всю мою радость от этой новости. Это был сущий Katzenkonzert [кошачий концерт] высочайшего возбуждения.

В библиотеке мы работали уже третьего дня вечером и вчера весь день. Сегодня — полный отдых. Завтра едем в Карею, Кутлумуш и Андреевский скит, а также и для представления членам Протата — всяким эпистатам, антипросопам и т. п. Здешний настоятель Мисаил дал нам проводника (он же и фотограф) — так что проводник-переводчик-фотограф может оказать нам крайне важные услуги, и мы прямо порадовались такому выбору настоятеля.

Более подробные сведения я сообщу Вам несколько времени спустя. Сегодня мы узнали очень поздно о предстоящей возможности послать письма, да и время отправки уже подходит, а я еще не кончил письмо к жене. Но подробности у меня не утрачиваются, так как я веду самый подробный дневник нашей экспедиции. Этот дневник со временем, несомненно, сослужит добрую службу.

Поклон от меня Вам и доброй графине с пожеланиями Вам всякой радости.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАДА, ф. 1287, оп. 1, № 5073, л. 253—254

Смоленский — Шереметеву

Афон, 19 июня 1906

Высокоуважаемый граф Сергей Дмитриевич!

Со вчерашнего после-обеда монастырского мы находимся в Лавре св. Афанасия, куда, во избежание 8-часового качания на мулах, нас любезно доставили на пароходу. Путешествие это было очаровательно, так как погода была отличная, море было спокойно, а берега Афона с его крепостями-монастырями — неописуемо красивы.

Я пишу Вам из Лавры, пользуясь тем, что приходится отправлять нарочного в Пантелеимон, так как уже сегодня мы обедняли запасом взятых пластинок. Это произошло потому, что вместо одной—двух редчайших рукописей мы нашли их в первое же посещение библиотеки целых *семь*.

Такая находка, без сомнения, случилась от изысканно-любезного приема, который получился от представленных нами рекомендаций. Любезность дошла до того, что монахи объявили излишними для нас какие бы ни было рекомендации. Достаточно-де и того, что мы слышали уже из газет, из журналов о Вашем сюда приезде, что Вы — авторы и т. п.

Рукописи здешние — одна прелесть, и мы стали от них тем более счастливыми, что нам предложили немедленно перенести их для занятий в нашу комнату. С другой стороны, мы думаем, что во вторичное и последующие посещения библиотеки мы найдем и еще, и еще.

Сегодня мы сфотографировали полный Октоих XI—XII века, с приложенными к нему заупокойными стихирами и, что самое главное, с *азбукой* этой загадочной нотации! Снято 106 страниц в один день.

Работает и П. А. Лавров, нашедший для Археографической комиссии житие св. Трифона, никому еще не известное.

Вот и все новости после недавнего письма к Вам.

Кланяюсь графине и Вам от всей души.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

P. S. Какое наслаждение не читать газет и не волноваться от политики среди здешней тишины!

РГАДА, ф. 1287, оп. 1, № 5074, л. 37—37 об.

Смоленский — Шереметеву

Афон, Лавра св. Афанасия, 22—25 июня 1906

Высокоуважаемый граф Сергей Дмитриевич!

Между славянскими рукописями Лавры нашелся синодик, в котором поминание начинается ни более ни менее как с «праотец наших Адама и Евы»; в числе колоссальных записей начала XVII в. (ибо царь Михаил записан позднее и лишь за здравие) значится несколько сот именно за здравие и за упокой всех монахинь Новодевичьего монастыря; на стр. 57-й (рукопись без №) значится:

«Род боярина Феодора Ивановича Шереметева:

Феодора, во иноцех схимника Феодосия,

Иноку схимницу Александру,

Иноку схимницу Евфросинию,

Иноку схимницу Феодосию,
Иоанна, Иосифа и их сродников и всех православных христиан
(приписано позднее),
Иноку схимницу Анисею,
Иноку схимницу Александру».

Вот небольшая находка и для Вашего рода, найденная среди всякого рода сербских, болгарских, румынских и очень многих знатнейших русских и малорусских фамилий, напр. Одоевских, Черкасских, Милославских, Стрешневых, Пальчиковых, Львовых, Колтовских, Вольнских, Салтыковых, Пронских, Морозовых, Пожарского, Трубецких, Прозоровских, Буйносовых, Хитрово, Выговских и т. п. Нотно-славянских рукописей здесь не оказалось.

Сегодня кончаем работу в Лавре и трогаемся в Филофей и Каракалл, а потом в Ивер. Жатва здесь была хорошая, главным образом по содержанию рукописей, из которых только одна плохого писца, все же остальное отличных писем. Оказалось затруднительным, однако, проявление негативов, так как сколько-нибудь удобной темной комнаты здесь не нашлось, а в помещении избранном, несмотря на всякие затычки, свет все-таки проник. Но это была беда небольшая. В будущем можно ждать худшего, так как кроме Ивера, Ватопеда и Зографа будет ряд совсем второстепенных монастырей и библиотек.

25 июня. В Ивере библиотека и вообще весь монастырь оказались очень значительно пострадавшими от землетрясения, бывшего 25 октября. До сих пор идут энергичные работы. В библиотеку советовали не ходить, так как своды ее лопнули вместе со всеми сводами главной церкви, в которой находится теперь и собранная кое-как ризница.

Но две главных рукописи нам все-таки достали и дали в № архондарика, то есть приемной гостиницы. Эта гостиница так же разрушена, как и все более высокие здания, так как колебания почвы были горизонтальны. Мы живем в нижнем этаже, хотя и полном трещин и всякой осыпи, но еще стоящем пока.

Евангелие VIII века (№ 1) с певческими для дьякона знаками — вполне несравненная вещь, сохраненная удивительно. Лучшего письма, лучших заглавных букв и рисунков я никогда не видал ни на каком языке. Мы сняли с него 5 страниц.

Ирмологий певчий XI века также удивительно хорош, имеет несколько поправок, удостоверяющих своею незначительностью, что

рукопись была изложена мастером своего дела и что поправки, сделанные, очевидно, певцами-практиками, не нашли многого для поправок. Снято 28 страниц двойных.

Остальных рукописей мы не видали, так как в помещение библиотеки действительно войти страшно. Все своды подперты бревнами, — но что значат такие подпорки при ежедневных почти колебаниях почвы? Нам сказали, что архитектор свидетельствует библиотеку ежедневно, так как кирпичи из потолка падают на пол библиотеки также ежедневно.

«Скнипы», то есть нечто меньшее наших мошек, величиною не более этой точки, но с крылышками, — совсем заели нас. Мы ходим теперь все покрытые чрезвычайно зудящими болячками. Велят отнюдь не чесаться, и мы уже чувствуем верность совета, моемся скипидаром, — а муки те же самые. Недаром же это самые «скнипы» были посланы в числе 10 казней на ветхозаветный Египет. Именно казнь!

Вчера между делом мы были в монастыре Ставро-Никита, что в 25 минутах езды на лодке. Рукописи, имеющиеся там, как и ожидалось, не представили ничего интересного. Но монастырь — сущее ласточкино гнездо на высокой скале над морем. Монастырь мал, беден и очень тесен и стар. Монахи предложили нам полюбоваться их греческим пением за вечерней. Стыдно и вспомнить, сколько грехов я принял на душу, слушая их «неистовое козлогласование». Моление закончилось прибытием здешнего «каймакама» (то есть исправника) — сущего красавца. Лодочник-монах, однако, уверил, что такого взяточника давно уж не было на Афоне, и этот, назначенный всего 2—3 месяца назад, уже сумел значительно облегчить монастыри, беря за все и помногу, даже и за визит.

Вот все последние новости.

Вам и графине поклон глубокий.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАДА, ф. 1287, оп. 1, № 1582, л. 73—74 об.

С. Д. Шереметев — В. В. Майкову

Михайловское, 30 июня 1906

<...> Об экспедиции нашей получаю краткие извещения от Смоленского, они уже теперь на Афоне и усердно работают. Всего более они

обязаны любезности и предупредительности Константинопольского Патриарха, облегчившего им значительно доступ на Афон. Этот Патриарх толковый: говорят, едет за границу — и оттуда приедет к нам, для участия в Соборе. Это что-то напоминает прибытие Иеремии перед избранием Иова¹.

РГИА, ф. 1119, № 84, л. 47

¹ Имеется в виду участие патриарха Константинопольского в работе российского Предсоборного Присутствия.

Иов — первый Патриарх Московский и всея Руси (1589—1605). Канонизирован в 1989 в лике святителей.

Известие, полученное в столице от смоленского воеводы в июне 1588 г., было неожиданно для московского правительства. Сам Константинопольский патриарх Иеремия II вместе со своим другом, митрополитом Монеувасийским Иерофеем (известным историком), Елассонским архиепископом Арсением и значительной свитой прибыл в российские пределы и просил у государя позволения ехать в Москву. <...> К чести московского правительства нужно отметить, что оно быстро и верно отреагировало на полученные известия. Иеремии было отправлено царское приглашение пожаловать в Москву. Смоленскому воеводе было велено принимать приезжего «честно, точно так же, как митрополита нашего». Приставу Семену Пушечникову, который должен был сопровождать Иеремию со спутниками до столицы, приказывалось «честь к патриарху держать великую, такую же, как к нашему митрополиту» (Богданов А. П. Тайны московской патриархии. М., 1998).

Смоленский — Шереметеву

Афон, Пантелеимон, 5 июля 1906

Высокоуважаемый граф Сергей Дмитриевич!

От себя и товарищей прошу Вас принять поздравления с днем Вашего ангела и всякие наилучшие Вам пожелания, начиная с покоя душевного и здоровья телесного.

Прошу также передать мой сердечный привет графине Екатерине Павловне и всем Вашим, собравшимся на дорогой всем Ваш семейный праздник.

Не могу сообразить отсюда, судя по Вашим редко доходящим до меня строкам, доходят ли мои письма до Вас? Это письмо по крайней мере 6-е или 7-е с Афона, так как я не пропускаю ни одного случая писать Вам и своей жене. Но ответы получаются здесь крайне туго. Последнее Ваше письмо имею лишь от 8, а от жены 12 июня. Судя по нумерации писем жены, церемонятся здесь с письмами из России очень мало. Тем не менее я пишу Вам с надлежащею подробностью обо всем. К тому подвигает меня желание скорее всего ознакомить Вас с нашими новостями, равно и собирание путем таких писем тех материалов, которые потом пригодятся для отчета.

Теперь первая половина деятельности экспедиции закончена. Мы объехали весь Афон, видели все надобное, сняли все главнейшее и обсудили все необходимое на ту и другую меру находки по славянской музыкальной части, в которую плохо верилось заранее.

Находки, сделанные нами в Лавре, Ивере, Ватопеде, Есфигмене, Кутлумуше и Андр[еевском] Ските — огромны и поразительны для греческого пения. Тем печальнее самая полнейшая неудача по части славянского искусства. В греческих монастырях мы видели много преплохих славянских рукописей, среди которых, однако, не имеется ни одной, ни даже ни одной страницы с какими-либо нотами или со знаками для чтения нараспев. В Хиландаре и в Зографе мы пересмотрели все и убедились лично, хотя и с глубокою скорбью, что слова «нѣма нѣщо» — жестоко верны.

Тогда определилось окончательно, что дальнейшее участие в наших поисках проф. Лаврова совершенно не надобно и он может свободно отделиться от нас, оставшись среди дорогих для русской науки Хиландарских рукописей. Лаврову теперь с нами действительно делать нечего.

Тогда же определилось, что экономия в числе снимков греческого пения, имевшаяся в виду ради славянского, должна быть брошена совершенно и что нам предстоит осмыслить нашу 3-ю поездку по Афону как пополнение и возможно значительное расширение найденных греческих материалов.

Но и эта цель оказывается не вполне достижимою. Нами найдено, не считая обрывков и не считая рукописей со знаками для чтения *на роспев* (Евангелия, Апостолы и т. п.), 12 певческих рукописей X, XI и XII веков, в которых имеется свыше 1800 страниц двойной нумерации, то есть, собственно говоря, 3600. Ни время, ни качество наших инструментов, ни количество наших рабочих сил, ни, наконец, наши денежные средства не позволяют сделать снимки даже с половины найденного. Наше

оправдание будет состоять в том, что мы прежде всего воздержимся от снимания всего того, что может быть названо дубликатами (в строгом смысле — этого, однако, нет) и что по своему тексту богослужебному может быть названо второстепенным, например малые праздники в сравнении с двенадцатыми или рядовые недели Поста в сравнении со Страстною неделею и т. п. За такими исключениями остальной труд представляет собою значительную законченность, многосторонность и подробности в своем содержании. Регулятором этого содержания будет собрание фототипий, заказанных мною в Вене с рукописи Hofbibliothek. Эти 600 с небольшим снимков выяснились нам только теперь в своем огромном научном значении. Очевидно, что уже 200 лет назад некто «Dr. Augerius de Busbeck» понимал дело и приобрел для Вены рукопись 1-го разряда. Это совсем не то, что наш Арсений Суханов¹, и не подумавший в свое время на Афоне о русском церковном пении.

Сами мы все-таки не успеем снять всего надобного, и потому здешние фотографы-монахи нашими камерами dokonчат надобное после нашего отъезда. Мы работаем не покладая рук.

С такими результатами, как ни жалко отсутствие славянского пения, нам будет не стыдно возвратиться домой. О мере поучительности найденного — по правде скажу — боюсь и думать. Одно только для меня несомненно: моя мысль о том, что русские, получив от греков нотацию, вскоре пошли вперед по своей дороге, — теперь окрепла в моей голове и от бывших предположений переходит в мотивированное утверждение. Снимки с греческих рукописей X века несомненно подтверждают это мнение.

Затем результат видится в возможности разобраться наконец-то в нашем «самом прекрасном демественном пении», оказавшимся очень близким по своим знакам с обоими видами греческих «kalofoniká»; точно так же теперь же просветляются горизонты русского кондакарного знамени, ибо множество знаков найдено нами новых, поясняющих взаимно свое музыкальное значение.

Наконец, высоко интересно пение родов «псалтиká» и «сýндома», то есть простого и обиходно-гласового, ибо тут первоначальное родство изложения и затем самостоятельный ход развития русского искусства уже очевиден, несомненен и, так сказать, самодеказателен.

Эти результаты — суть только первые впечатления, так как нам самим совсем некогда поглубже вникать в дело. Но отсутствие славянского пения дает некоторую новую краску всему вышеизложенному.

По совести говоря, я не верю в причитывания здешних славян о том, как греки систематически истребляли славянские певческие книги. Почему же именно только певческие? Почему сотни, тысячи других славянских книг не истреблены греками? Я скорее склонен думать, что пение вблизи греков, хотя и было, но не успело развиваться так, как например то было у нас, вдали от греков. Незначительностью объясняю я и то, что до сих пор нигде неизвестно это пение (Болгарское и Сербское) по древним рукописям и они даже в прежнее время не обратили на себя внимание ученых Европы, почему о славянских рукописях не слышно и в библиотеках западных.

Рукописи со знаками чтения нараспев (например, Евангелия) у славян несомненно были, и найденные мною в Софии 6 страниц с канонем Андрея Критского несомненно то доказывают, как и известный Куприяновский лист русского Евангелия XI века в Императорской Публ[ичной] Библиотеке. Но какая же это капля в море в сравнении с богатствами и несравненною красотой оставшегося от греков! Во всю жизнь мою не видывал ничего подобного Иверскому Евангелию VII—VIII века или Хиландарскому экземпляру. Греки даже и во внешности письма, даже в выделке пергамена в то время уже достигли пределов человеческого искусства. У нас нет ничего подобного. Тем более приятно здесь подчеркнуть неоспоримое первое место русских среди всех других славян, даже и западных, соприкоснувшихся с католическим искусством. Наша каллиграфия и миниатюры много выше польского, чешского и словинского искусства. Как ни далеко нам до греков, все же и мы вкладывали в наши буквы и заставки много чувства и высокого дарования, не проявлявшихся сколько-нибудь изящно и старательно у других, особенно же у болгар и сербов. Это — совсем мужики, а не художники.

Но в мелодической части и по части способов изложения мелодий новоизобретенными знаками не будет преувеличением, если мы скажем, что ученики-русские пошли дальше и отдельно от своих учителей-греков. Это положение отнюдь не рискованно, и чтобы высказать его спокойно и уверенно, стоило съездить на Афон и вытерпеть здешние лишения, жару и пр.

Кончаю, ибо нет сил писать еще. В 10½ утра уже 40° на солнце и все спит, затворясь от дуновений раскаленного воздуха. Я понимаю здешние именно «всенощные», то есть службы с 8½ часов вечера до 5 часов утра, — лучшего времени, лучшего воздуха, лучшей тишины нет на Афоне, как именно в эти часы.

Мой привет Вам и доброй графине. Я помолился о Вас и о «чадах ваших» недавно в Дохиаре у знаменитой «Скоропослушницы»².

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГАДА, ф. 1287, оп. 1, № 1582, л. 75—76 об.

¹ Арсений Суханов (ок. 1600—1668) — церковный деятель и писатель, инок, путешественник, в 1653 был послан на Афон для приобретения древних рукописей, коих и собрал более полутысячи и привез в Москву.

² Об этом молебне см. в *Дневнике* и письме к Волковой от того же числа.

Смоленский — С. С. Волковой

Афон, Пантелеимон, 5 июля 1906

Добрейшая Софья Сергеевна! От Вас давно уже не имею никаких известий, хотя бы кратких. Мне это больно вообще, а на далекой чужбине — сугубо. Меня тревожит состояние здоровья почтеннейшей Марии Владимировны¹, а от Вас хотя бы строчка!

В это воскресенье, 2-го, я был со своими спутниками в Доксиаре, возвращаясь домой, в Пантелеимон, из кругового путешествия по береговым монастырям. Это была наша последняя остановка, так как следовавший последний по берегу Ксеноф не интересовал нас по неимению в его библиотеке надобных нам рукописей.

В Дохиаре мы, как и ждали, нашли перед образом Скоропослушницы очередного монаха, распевавшего в одиночку канон-параклисис «Многими содержим напастьми». Икона оказалась находящеюся не в храме, а писанною на стене соседнего здания. К этому месту от храма из его паперти пристроена небольшая — сажени 2—2½ галерея, а в конце последней — малая как бы ниша и в ней на стене — Скоропослушница. Нас было 4: монах-фотограф о. Гавриил из Пантелеимонова монастыря, Николов, Преображенский и я. Мы поставили свечи и неожиданно, по почину о. Гавриила, к полному изумлению грека-очередного, неожиданно и для самих себя, пропели «Заступнице усердная», «Не имамы иныя помощи» и «К Богородице прилежно ныне притецем». Наше пение было искренно, и мы помолились (по крайней мере я) с глубоким чувством под пение этих прекрасных молитв. В это время я помолился и за Вас, за добрую Марию Сергеевну и болящую Марию Владимировну.

Так как затем библиотека Дохиара не представила собою ничего кроме разочарования в достоинстве ожидавшегося, то мы немедленно закончили наше путешествие вокруг Афона и явились в Пантелеимон.

Огромны впечатления этого путешествия! Опускаю эту чудесную природу, своеобразный монашеский мирок, нескончаемые 9—10-часовые всенощные и т. д. Мы нашли 12 чудесных рукописей XI—XII века, и теперь все наши мысли направлены к тому, чтобы, за *полным* отсутствием на Афоне славянских певческих рукописей, использовать для русской науки эти греческие певческие богатства. Прежде, до печальной уверенности в том, что здесь безусловно нет славянских певческих рукописей, мы несколько скупились в трате негативов и своего труда по их проявлению и отпечатанию. Теперь придется возвращаться в Россию только с одними греческими негативами. Но что за богатство! В 12-ти рукописях имеется драгоценнейших 1800 листов, то есть 3600 страниц. Мы выбираем все, что сколько-нибудь может быть названо дубликатами, равно откладываем в сторону слишком скорченные пергамены (неудобные для фотографирования), и все-таки получается подавляющая масса работы. Она неисполнима для нас, бедных средствами, силами и временем. Поэтому значительная часть будет кончена здешними фотографами-монахами. Жара здесь ужасна, и например я пишу эти строки к Вам в 10 ч. утра при 40—45 градусах на солнце и уже с мокрым колпаком на голове из намоченного, но быстро сохнущего полотенца. От такой жары часов с 11 утра и часов до 3½—4 дня работать нет никакой возможности. Лучшее время от 4½—5 ч. раннего утра и послеобеденные, но краткие часы ночи — сама духота.

Трудно писать еще. Сердечнейше приветствую Вас и Ваших.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

Чернильница служит отлично. Прибавляя поклон Вам от А. В. Преображенского, прибавляю и его остроту, что по подписке добрые мои друзья должны подносить мне к именинам, ввиду расходования мною непомерного числа чернил, — хоть по четверти ведра ежегодно.

РГАЛИ, ф. 723, № 65, л. 85—86

¹ Мария Владимировна Волкова (урожд. княжна Львова) — мать С. С. Волковой; упоминаемая далее Мария Сергеевна Волкова — ее старшая сестра.

Смоленский — Шереметеву

Афон, Пантелеимон, 16 июля [1906]

Высокоуважаемый граф Сергей Дмитриевич!

Мы только что возвратились из второго путешествия в Лавру, где использовали до последней страницы все то, что ведет к исполнению целей экспедиции.

Рукописей в Лавре всех 7, а на Афоне с ними всего 12. Таким образом добрая половина (и самая важная) оказалась в Лавре. Это заключение получилось после того, как мы объехали весь Афон, осмотрели все главные библиотеки и пересмотрели все главные рукописи.

В первое путешествие мы твердо верили, что нам удастся найти немало славянских страниц, хотя бы обрывков. Поэтому мы сэкономили на фотографировании греческих рукописей, чтобы оставить место славянским. Но когда посещения Хиландаря и Зографа безжалостно подтвердили, что действительно от славянского искусства на Афоне не осталось ничего, не только ни одной рукописи, но даже и ни одной случайной страницы, — тогда было решено: 1) отделить П. А. Лаврова для работ по славянству за счет экспедиции, но в таком направлении содержания его работы, которое бы имело прямой интерес для Общества Любителей Древней Письменности, и 2) составить наиполнейшую греческую коллекцию снимков, чтобы считать на будущее время эту часть в истории русского церковного пения выясненной окончательно.

Поэтому мы поехали во второе путешествие по знакомым уже местам и к знакомым рукописям. В первое путешествие мы составили описание всех рукописей и сделали с них (не считая Евангелий, Апостолов, Паремейников и др. со знаками для чтения нараспев) всего только около 250 снимков. Во вторую поездку было сделано только в Ивере до 125 и затем в Лавре свыше 600. Теперь остается для окончания путешествия съездить в соседние между собою Ватопед с Есфигменом, и наша деятельность по фотографированию будет закончена. В этих двух монастырях мы имеем снять до 200 с небольшим снимков.

Снимки П. А. Лаврова готовятся им отдельно от нас, и в доставлении их в О. А. Д. П. он возьмет заботы на себя.

Вообще, если не считать за неудачу отсутствие славянских певческих рукописей (то есть обстоятельство, в сущности, от нас не зависящее и к тому же отчасти предвиденное), наша экспедиция может возвратиться

домой с полным удовлетворением. Этому и вторит снятие 600 снимков, заказанное мною с превосходных Венских рукописей и уже оплаченное.

Но здесь начинается третья, притом совсем уже неожиданная часть нашей работы. Мы никогда не жили в комнате с 3-мя кроватями и с почти 1000-ю негативов, то отпечатанных, то неотпечатанных, то уложенных к отправке в Россию, то неподдающихся к упаковке за неразысканием к ним какого-нибудь запропастившегося негатива. Памятуя, что мы имеем дело со стеклом, или с кипами светочувствительной бумаги, или с отпечатками, еще испытанными вираж и фиксаж, — мы сами вдруг притихли, чтобы что-либо не толкнуть или не открыть и т. п. Такое смирение повлекло за собою неожиданную тихость наших не только движений, но даже и негромкость наших речей между собою, даже и еще более оригинальные проявления осторожности всякого рода, даже и довольно смешные.

Классификация негативов и снимков с них оказалась делом очень трудным. От одновременности проявления негативов, их высыхания, их упаковки после приготовления отпечатка, от постоянного и вынуждаемого нарушения нами же самими порядка следования страниц рукописи, классификация негативов и снимков оказалась полною самых досадных хлопот и поисков. Негативов и отпечатков у нас в руках — непривычное никому из нас число — сущее множество. Все они похожи один на другой, так что нужно вглядеться в каждый (особенно же в древнегреческий и крюковой!), чтобы определить его место и поместить туда, где ему следует быть, между подобными ему соседями. Особенно тяжелы при этом случаи, когда в самой рукописи был утрачен какой-либо лист и потому нет связи между концом текста одной страницы и началом следующей. Да и дело-то для глаз оказалось непривычное, мелкое и по содержанию текстов совсем незнакомое.

Последнее обстоятельство в один из дней даже повергло нас в хандру. Оказывается, что наши богослужебные книги современные, как славянские, так и греческие, разнятся от употреблявшихся в XI—XII веке самым коренным образом. Множества нынешних текстов нет совсем в рукописях и, наоборот, множества рукописных текстов нет в печатных книгах. Таким образом пришлось взять за исходный пункт сортировки не печатные тексты, легко читаемые, а письменно-древние, притом же и уменьшенные в фотографических снимках. К счастью нашему тут пришел к нам на помощь здешний библиотекарь о. Матвей — очень умный и образованный монах, притом же и выказавший неоднократно и на деле самое

полное сочувствие и содействие нашему делу. С его помощью теперь дело налаживается, и путаница, постоянно заводящаяся, распутывается теперь при его помощи довольно легко.

Письмо это я отправляю с попутчиком Антонином Викторовичем Преображенским, то есть членом экспедиции, кончившим уже свои с нами занятия и возвращающимся в Капеллу к 1 августа. Он мог бы пробыть с нами и еще одну неделю, но нынешние непорядки пароходные и железнодорожные могут вызвать опоздание его в Капеллу, — поэтому и решено расстаться с ним, Антонином Викторовичем, теперь, не рискуя попасть под гнев графа Александра Дмитриевича.

Я остаюсь здесь еще недели на 2—3, чтобы привести все в порядок, уложить, кое-что из неудавшегося, пропущенного починить, дополнить и проч. К 15 августа вероятно и я буду на родной стороне. Тогда и разговоры на словах.

Графине мой поклон и привет.

Душевно Ваш Ст. Смоленский.

РГАДА, ф. 1287, оп. 1, № 1582, л. 77—78 об.

Смоленский — Шереметеву

[Афон], 28 июля 1906

Высокоуважаемый граф Сергей Дмитриевич! Я только что заскучал на Афоне, я уже утомился настолько, что даже в дневнике своем записал, что сижу здесь один, писем нет ни от кого, а от Вас уже давно, почти 2 месяца нет никаких бодрящих работу новостей. Запись моя сделана вчера вечером, сегодня же утром — вдруг Ваша депеша!

Благодарю Вас за нее от всего сердца. Я сижу здесь уже 3 дня один-одинешенек, так как Преображенский заторопился быть к 1 августа на службе в Капелле, чтобы не опоздать к явке из отпуска; а Николов уехал третьего дня, так как все их дела по экспедиции кончены. Лавров — утонул в Хиландарской библиотеке, и восторгу его нет конца, так как он откопал там несколько десятков совсем неизвестных в науке хрисовулов (то есть указов сербских и болгарских царей) и ему позволили снять с них фотографии.

Я сижу здесь один за трудной работой сортировки негативов и отпечатков. Тех и других — множество, все похожи один на другой и

потому каждый надо рассматривать, чтобы рассудить, в какую партию или коробку вместить его для отправки в Петербург. Мой отъезд отсюда назначен 10 августа, но я все-таки не надеюсь довести эту сортировку здесь до конца. Дело это очень трудное, кропотливое и утомительное. Более 9—10 часов в день нет у меня сил работать.

Отчет по поездке уже написан мною вчера. Мы нашли 12 рукописей и сделали с них почти 1000 снимков, каждый по 2 страницы. Одиночных страниц, кроме надобных случаев, мы не снимали, и потому их очень немного. Судя по всему экспедиция возвратится из путешествия с глубоким чувством удовлетворения своей любознательности и исполнения своих обещаний.

Разумеется, эти слова относятся к нам, певцам. П. А. Лавров не без сожаления смотрит на наше неумение понять всю радость славянской науки по поводу находки им хрисовулов. Каюсь в том и я: как Лавров равнодушен к нашим восторгам от крюков, так и мы не в силах найти в себе восторг от неизвестных и бесполезных для пения хрисовулов. Несмотря, однако, на такое разногласие между нами — несогласие мирского рода ни разу не омрачило нашу почти двухмесячную здесь работу, и дружба членов экспедиции была самою ясною — как здешнее прелестное небо.

Я и Преображенский — совершенно уничтожены массою неожиданных церковно-певческих новостей, и мы сами еще не могли решить, хватит ли у нас ума и знаний, чтобы надлежаще понять их, разобраться в них и хоть сколько-нибудь широко использовать в интересах истории русского церковного пения. Горька была недавняя бедность — но что же делать с привалившим несметным богатством? Пока — голова идет кругом и мы мечемся от одних новостей к другим, а порядка и возможности самим осмотреться — далеко нет.

Николов — болгарский патриот и греконенавистник — совсем нос повесил. Он-то мечтал здесь найти болгарские крюковые [книги]! Вместо того — жестокое повсюду «нема нищо», да еще как бы ему в досаду — греческие находки одна за другою и наши по их поводу ликования!

О Лаврове — говорить не могу, этот ученейший профессор — совсем не от мира сего грешного. Все его разговоры с нами кончались только его вопросами: да неужели? да может ли быть? да что вы? да как это? и т. п. Он решительно ничего не знает, не понимает, не признает и не интересуется, кроме сербских, болгарских флексий, и ему решительно все равно, что кругом его, лишь бы пахло около него затхлою рукописью, а рукопись

та была бы сербская. Он привезет в О.А. Д. П. свыше 200 фотографий, конечно, всемирного и всевременного интереса, так как если что и существует на свете порядочного — так это сербы да формы старо-сербского языка. Нынешние негодные сербы — жалкие потомки великих когда-то сербов! Обществу Любителей Древней Письменности надо обогатиться, наконец, и стать в изучении сербства на первом месте! И т. д.

Впрочем, мои рассказы Вам об очаровательном Афоне — дело будущего, и притом недалекого. Если меня отпустит жена в Москву вскоре по приезде домой, — прошу позволения побывать на Михаила Архангела у Вас.

Возвращаюсь я домой с легким, радостным сердцем, но усталый от многой здесь работы, и потому думаю отдохнуть в Петербурге с неделку, если только будет возможность. Графине мой сердечный поклон. Вас искренне благодарю за все.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГАДА, ф. 1287, оп. 1, № 1582, л. 79—80

Преображенский — Смоленскому

Екатеринослав, 28—29 июля 1906

Дорогой Степан Васильевич.

Добрался благополучно на русском пароходе до Одессы. На другой день получил телеграмму о смерти тещи. Поехал в Екатеринослав, откуда Вам пишу. Кроме роспуска Думы и отказа общественных деятелей от министерского портфеля и, по-видимому, предательского убийства Герценштейна в Териоках — очевидно забастовка всеобщая предполагалась, но не удалась¹. Нервы ходят сильно. Простите. Будьте здоровы и благополучны. Ваш А. П.

РГИА, ф. 1119, № 84, л. 95. Открытка

¹ Речь идет о роспуске недолго просуществовавшей Первой государственной думы и об убийстве одного из ее депутатов — Михаила Яковлевича Герценштейна (1859—1906), избранного от партии кадетов (конституционных демократов). Герценштейн был в числе подписавших так называемое «выборгское воззвание», то есть в числе депутатов, не согласившихся с роспуском Думы.

Смоленский — Шереметеву

Афон, 9 августа 1906

Высокоуважаемый граф Сергей Дмитриевич!

Сегодня, 9 августа, во время боя двух часов дня по-восточному, а по-нашему — 10 часов утра, я кончил, наконец, работу на Афоне и, положив три земных, в умилении сердца, истовых поклона, поклонился благодарно и в Вашу сторону.

Пишу к Вам в великой душевной радости, после труда многого, даже — вправе сказать, очень многого. За то и имею право радостно сообщить Вам, что мы будем иметь основание доложить Обществу, что оно получает от нас почти, без малого, вдвое более того, чем было о том предположено первоначально при размышлениях в Петербурге.

О научной важности найденного не могу я даже и распространяться. Все найденное — сплошная новость для русской науки. Конечно, не нам, и даже не первому ряду наших преемников, достанется наслаждение разобраться в море этих новостей. При всей тщательности моих попыток вникнуть в их объем, я только и воспитал в себе по отношению к содержанию какое-то чувство растерянности от важности и чувство беспомощности от моего малознания и малосилия для работы будущей.

Мысли эти основаны на ясном понимании мною системы греческого пения, давно объясненной. И в памятниках, ныне подносимых русским исследователям, не может быть иной системы, кроме общеизвестной. Затруднения будущие относятся, полагаю, не столько к прочтению массы новостей, сколько к выяснению между ними того, что должно составлять мост перехода от русского искусства к греческому и что в последнем, между найденными новостями, образует именно этот мост.

Растерянность моя была бы бессознательною, а беспомощность — досадною, если бы в уме не копошился зреющий ряд посильных догадок и обобщений. Не берусь отстаивать их правильность. Хорошо будет, если окажется достоверной хотя бы часть их. Пусть же, с другой стороны, и возможные с моей стороны ошибки предостерегут других по крайней мере хотя бы от их повторения.

Это письмо едет вместе со мною на одном пароходе, и Вы будете читать его тогда, когда, пожалуй, я уже буду в Петербурге. Поэтому, если Вы вздумаете порадовать меня тем, что слова мои дошли до Вашего сердца, — прошу Вас писать уже на Фонтанку.

В заключение этих строк, последних с Афона, прошу Вас принять от меня и от моих товарищей выражения самой глубокой благодарности за все и вся, нами и через нас наукою Вашими заботами полученным. Только Ваше доброе и чуткое сердце и Ваш просвещенный и дальнорский ум нашлись, чтобы участливо подумать о русском церковном пении.

Графине и всем Вашим — мой поклон и привет.

Сердечно Ваш Ст. Смоленский.

РГАДА, ф. 1287, оп. 1, № 5074, л. 281—282 об.

После Афона

П. А. Лавров — Смоленскому

[Солунь, 5—6 августа 1906]

Глубокоуважаемый Степан Васильевич!

Я доехал до Солуня вполне благополучно, остановился на подворье Пантелеимона, посетил нашего консула, прописал в консульстве паспорт, а на завтра попросил каваса, с которым здесь удобнее иметь дело. В паспорте не было никаких затруднений, с парохода я сошел в лодку Самуила вместе с несколькими другими монахами-келлиотами.

Поручение отца Гавриила мог исполнить только отчасти. А именно, я купил 10 трубочек с золотом высшего качества, флакончиков в магазине не оказалось. За трубочки с золотом и др. *заплатил один английский золотой и два черека с лишком (или три)*. Вместо sulphite de potasse мне дали более сильное средство; это стоило 50 к. (в той же сумме). Но glyrinhauff я купить не мог; этого проявителя в магазинах не оказалось. Об этом прошу сообщить отцу Гавриилу. Взять вместо этого проявителя какой-нибудь другой я не мог, потому что не знал, какого взять и брать ли, если например желаемый проявитель можно приобрести в Константинополе.

Прошу Вас иметь в виду, что я дал отцу Гавриилу 15 рублей и одну лиру, это на расходы, которые могут быть сопряжены с поездкой в Хиландарь и Зограф особенно, если иметь в виду, что ему дадут в помощь кого-нибудь из знающих фотографию, как обещал отец Матвей.

Таким образом, приблизительно та же сумма, которую я имею в виду израсходовать на покупку стекол, израсходована мною на исполнение поручения отца Гавриила и в счет его будущей поездки. Если ему нужен будет определитель времени для съемки фотографий, я предложил ему оставить его себе.

Но аппарат и приспособление для съемки рукописей, оставленное мною в Хиландаре, я прошу переслать мне в свое время по миновании надобности. До Одессы отец Гавриил обещал услужить это через кого-либо из едущих в Одессу; а оттуда устроить через одесских знакомых, если нельзя переслать фотографический аппарат по почте. Инте-

ресно было заниматься на Афоне, но приятно и возвращаться домой, чтобы там ни ожидало. Я верю, что освободительное движение справится с Столыпиным. Вероятно, придется принимать участие в партийной борьбе. Во всяком случае в освободительном движении — исключая крайности партии в разного рода пунктах, которые, быть может, и не пройдут, — залог нашего возрождения, а никоим образом не в возвращении к абсолютному застою.

Возмущенное народное чувство не подкупить, это напрасные ожидания, на народную слепоту расчет тоже плохой. Мы знаем народ, и он сумеет отличить своих друзей от навязываемых ему опекунов, которые довольно держали его в законе. Я еду, нисколько не теряя надежды на силу течения, которое должно вывести страну из безысходного положения, в какое она поставлена ее недавними руководителями.

Желаю Вам благополучного возвращения домой и радуюсь, что наше путешествие было удачно.

Недолго останется и до личного свидания в Петербурге.

Всем прошу передать мой поклон и благодарность.

Петр Лавров.

РГИА, ф. 1119, № 84, л. 96а—97 об.

На полях рукописки Лаврова:

«Славянские снимки. Есть 30 стекол и бумага 18 x 24. Надо еще 17 полдюжин стекол и бумаги 13 x 18. Есть 23 дюжины стекол. Надо столько и бумаги. Петр Лавров».

«Отец Андроник, разумеется, и на этот раз ничего не взял. Отец Иуний тоже».

Смоленский — Шереметеву

Одесса, 17 августа 1906

Высокоуважаемый граф Сергей Дмитриевич!

Пишу Вам, уже пребывая в родной земле третий день, так как груз экспедиции только сегодня достиг снисходительных взоров здешних таможенных властей и так как жена моя, выехавшая сюда навстречу, тянет меня на передышку отсюда на южный берег Крыма, на виноградное леченье.

По части груза экспедиции я уладил дело только сегодня, убедив власти перенести таможенный досмотр в Петербург. Этим я спасаю себя от лишних здесь проволочек и от вторичной укладки и запаковки груза, дальнейшее путешествие которого до Петербурга, благодаря монашеской заботливости, вполне безопасно для стекла.

По части Крыма я решил дать себе некоторый отдых. На Афоне я работал очень много и очень устал вообще; кроме того 3 недели Петровского поста, часть Успенского, равно и боголюбезные «однотрапезные дни», то есть понедельники, среды и пятницы, сильно расстроили мою пищеварительную часть и настоятельно требуют выправки. Сидячая работа и сломанная нога довершили мое заболевание, и жена права, требуя моего отдыха.

Поэтому недельки две я буду есть виноград и брать ванны, а к «Чуду Архангела Михаила» прошу позволения быть в Михайловском.

Накладные на груз, отправляемый отсюда вскоре, перешлются прямо в Общество. Если груз придет до меня (чего не думаю), то не откажите разрешить заплатить за меня следуемое за провоз. Деньги у меня на эту часть еще имеются, но здешняя таможня отказалась получить их с меня ранее требования железной дороги, и потому груз будет отправлен налоговым платежом на предъявителя накладной. Накладные будут доставлены прямо в Общество Любителей Древней Письменности, а я немедленно по приезде уплачу все следуемое. Получение же груза возможно скорейшее необходимо ради его безопасности и неплатежа за «полежаемое», то есть запоздание в получении. <...>

Мое письмо от 9 августа с Афона вероятно уже получено Вами.

Графине и Вашим, как и Вам — мой и жены моей — поклон и привет. Новый адрес сообщу.

Ваш Ст. Смоленский.

РНБ, ф. 536, оп. 3, № 228, л. 23

Шереметев — Смоленскому

Михайловское, 19 августа 1906

Многоуважаемый Степан Васильевич.

Всею душою приветствую Вас и возвращение Ваше! Последнее письмо Ваше окрылило дух, и я с громадным нетерпением ожидал вести о

Вашем возвращении. Только не совсем я себе усваиваю — что Вас радует и волнует, то есть что именно предстало перед Вами?

Эллины и Болгары между собою не ладят. Не найдете ли их примирить на звуках церковных, на взаимном признании жизненных, исторических и бытовых прав? Ведь эта рознь — радость Запада и создание его... Но я сам не знаю, что говорю — до того чужд этой распре.

А наша многострадальная родина — жива. Пусть будет что будет, лишь бы не «дать безумия Богу».

С сердечным приветом

С. Шереметев.

Поклон Вашей супруге. Жена Вам кланяется.

РНБ, ф. 855, № 30, л. 242

Смоленский — Шереметеву

Ялта, пансион Шульц, 23 августа 1906

Высокоуважаемый граф Сергей Дмитриевич!

Вот я обосновался на некоторое время по какому адресу. Пишу Вам потому, что очень соскучился, не имея от Вас давным-давно никаких известий. Только и пришлось по счетам моих писем с женою удостовериться, как мало церемонятся в Турции с письмами и как много их пропадает ради похищения марок! Едва ли, однако, много будет греха, если сказать, что турецкие порядки хуже русских. В Ялте я всего еще 2 дня, а уже видел и слышал немало дикостей. Поэтому думаю, что едва ли возможен здесь для меня отдых и сбегу из города в пригород, сохранив, однако, непосредственность почтово-телеграфного общения.

Сию я теперь вне всяких напоминаний об Афоне. Только и есть у меня случайно оказавшиеся дубликаты немногих снимков, ошибочно напечатанные, да бракованные отпечатки. Все остальное едет по направлению к Петербургу. Но и в таком положении каждая моя минута полна воспоминаниями и размышлениями о только что пережитых сильнейших впечатлениях.

Конечно, впечатления Афонской природы и монастырской жизни — своеобразны и неотразимы. Силу таких впечатлений может узнать только тот, кто пожил на Афоне немалое время и изъездил его вдоль и поперек. Эти впечатления совсем исчезают перед умственным подъемом, пережи-

тым мною со всею душевною радостью за будущее моих работ, пожалуй и до самого моего конца. Я уже писал Вам, что экспедиция возвращается домой с запасом новостей почти вдвое превышающим то, на что мы надеялись при отправлении на Афон. Судите же сами, как полна душа моя всякой радости за себя и других!

Впрочем, обо всех таких радостях лучше всего сообщить Вам на словах. Обществу Любителей Древней Письменности мой отчет уже написан и может быть доложен в первом же заседании. <...>

РГАДА, ф. 1287, оп. 1, № 1582, л. 81—82

А. Белов¹ — С. Д. Шереметеву

Петербург, 20 сентября 1906

Глубокоуважаемый граф Сергей Дмитриевич.

Снимки, присланные С. В. Смоленским, наделали нам больших хлопот. Как груз, идущий из-за границы, ящик с негативами попал в Санкт-Петербургскую Сухопутную таможду, учреждение архиформалистическое. Взвесив и всячески измерив ящик и прикинув тариф, установленный на заграничное стекло, таможня высчитала, что с общества приходится пошлины более 800 рублей!

Тщетно я доказывал, что наши негативы нельзя приравнять к товару. Подавал заявление в особое совещание таможни — оставили, конечно, без последствий. Ездил объясняться с управляющим, тот сам руками разводит, но считает себя обязанным применять тариф по всей строгости законов. Был у директора таможенного департамента, но тот категорически утверждает, что всякий груз, попадающий в таможду, есть товар.

Теперь оказывается, что для вызволения нашего ящика из таможни необходимо написать министру финансов, который может снять насчитанную пошлину.

Докладывая Вашему Сиятельству о злоключениях с негативами, прилагаю составленное письмо Коковцову, которое по подписании (в случае если Вы одобрите его редакцию) просил бы сначала прислать в Общество.

Вашего Сиятельства покорный слуга Ал. Белов.

РНБ, ф. 536, № 1, л. 24—25

¹ А. Белов — библиотекарь ОЛДП.

С. Д. Шереметев — В. Н. Коковцову

Михайловское, 24 сентября 1906

Милостивый Государь Владимир Николаевич.

В мае текущего года состоящее под высочайшим Государя Императора покровительством Императорское Общество Любителей Древней Письменности командировало на Афон, Солунь, Белград и другие славянские местности ученую экспедицию во главе с действительным статским советником Смоленским для ознакомления с рукописными собраниями и другими памятниками местных древностей, а также для снятия с них копий и фотографий, необходимых для ученых занятий Общества.

Исполнив в настоящее время возложенную на нее Обществом задачу, экспедиция эта препроводила из Одессы ящик снятых негативов, который, как груз, идущий из-за границы, был доставлен в Санкт-Петербургскую Сухопутную таможду. Последняя, на основании таможенных ставок, назначенных для ввозимого из-за границы стекла, предъявило к Обществу требование об уплате таможенных пошлин в размере 817 рублей.

Принимая во внимание, что доставленные Обществу негативы, не представляя собою товара, являются лишь материалом для научных работ Общества и что обложение таможенной пошлиной получаемых Обществом из-за границы посылок может существенно затруднить ученую его деятельность, имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство, не признаете ли Вы возможным сделать распоряжение о выдаче Императорскому Обществу Любителей Древней Письменности вышеупомянутого ящика с негативами без оплаты его таможенными сборами и ко включению Общества в число тех научных учреждений, которые пользуются льготой получать заграничные посылки научного характера без очистки их таможенными пошлинами.

РНБ, ф. 536, № 1, л. 26—26 об. Черновик

П. Г. Преображенский — А. В. Преображенскому

Вена, 3 октября 1906

<...> Я с готовностью несу все испытания в сношениях с Придворной библиотекой и Графическим институтом. А испытания непредвиденно создались со стороны этого Института. Он отказался ранее чем через

месяц даже переговоры вести о фотографических работах для нас, объясняя этот отказ специальностью занятий Института в начале учебного года.

После этого неожиданного оборота дела (в Графическом институте устроили меня и повышением цены, и «может быть вдвое») я отыскал одного фотографа, который согласился принять заказ. Но выполнение его предстоит не ранее месяца, так что отпечатки будут в Питере только в ноябре.

РГИА, ф. 1119, № 84, л. 46. Выписка рукой А. В. Преображенского

В. В. Майков — Смоленскому

Петербург, 1 ноября 1906

Многоуважаемый Степан Васильевич

Возвращаю при сем фотографии, которые Вы мне давали для определения времени написания: время написания всеми единогласно определяется концом XIII — началом XIV века, памятник этот представляет сербский снимок с болгарского оригинала.

Могут еще сообщить для Вашего сведения, что А. И. Соболевский нашел в Публичной библиотеке листок болгарского письма XIII века с нотными знаками.

Ваш В. В. Майков.

РГИА, ф. 1119, № 84, л. 114. Примечание Смоленского: «Это оказался Порфирьевский листок из Зографского Трифология по каталогу Публичной библиотеки Q п I № 40»¹.

¹ См. тексты о Зографском Трифологии в Приложении «А. В. Преображенский».

П. Г. Преображенский — Смоленскому

Вена, 2/15 ноября 1906

Глубокопочтимый Степан Васильевич.

С искреннейшим пожеланием Вам вожделенного здравия и духовных утешений как плода трудов Ваших соединяю свое извинение за то, что доселе не собрался написать Вам о деле воспроизведения венских рукописей.

Очень радуюсь, что завтра — в четверг, 3/16 ноября могу препроводить Вам через курьера Министерства Иностранных Дел все заказанные Вами снимки.

Третьего дня я получил их из фотографии, и, так как прежде, чем послать в Петербург, нужно было получить уверенность в исправности заказа и, главное, по рукописям проверить и обозначить порядок страниц, то вчера, сегодня и завтра буду занят сим в библиотеке.

Вчера получил разрешение от С. Н. Свербеева¹ отправить пакет через Министерство. Он сказал, что есть обычай от адресата [братъ] плату за провоз (25 коп. с кило или фунта). Сим не смущайтесь. Пересылка отсюда такого нежного материала иным путем была бы почти невозможна. На границе все перепутали бы при осмотре, еще более в цензурном комитете, да и страницы растеряли бы, пожалуй.

Курьер приезжает в Питер в субботу, и, вероятно, в понедельник слуга привезет пакет Вам на дом, а то наведайтесь сами там, Степан Васильевич.

Подсчет расходов еще мною не сделан. Во всяком случае перерасхода суммы, врученной Вами здесь в Вене, не будет.

Скоро займусь этим и перешлю Вам отчет и остаток, могущий оказаться.

Спешу в библиотеку. Поклон примите от семьи моей и Ваших венских почитателей.

Преданный Вам Петр Преображенский.

РГИА, ф. 1119, № 84, л. 119—119 об.

На л. 119 запись Смоленского: «Снимки получены ...ноября, уплачено... [текст утрачен] рублей 50 копеек. Писал П. Гр. Преображенскому».

¹ С. Н. Свербеев — новый русский посол в Вене.

В. Н. Коковцов — С. Д. Шереметеву

Петербург, 8 ноября 1906

Милостивый государь граф Сергей Дмитриевич.

Вследствие письма от 24 сентября сего года за № 81 имею честь уведомить Ваше Сиятельство, что, вместе с сим, сделано соответствующее распоряжение о беспошлинном пропуске из-за границы Обществу любителей древней письменности стеклянных пластинок с готовыми фотогра-

фическими изображениями письмен, старого фотографического аппарата и гравюр.

Что же касается ходатайства Вашего о включении названного Общества в число тех учреждений, кои пользуются льготой по беспошлинному получению из-за границы пособий, то предоставление Обществу любителей древней письменности права беспошлинного получения из-за границы предметов может последовать не иначе, как в законодательном порядке, вследствие чего с таковым ходатайством Обществу надлежит обратиться в Министерство Народного Просвещения.

Примите Ваше Сиятельство уверение в совершенном моем почтении и глубокой преданности.

В. Коковцов.

Смоленский — Преображенскому

Петербург, 28 января 1907

Дорогой Антонин Викторович!

В предвидении того, что в недалеком будущем, то есть после доставления о. Гавриилу списка страниц, которые он имеет снять с рукописей Лавры, равно и по получении с Афона всего без исключения желаемого и ныне пока недостающего, я считаю нижеследующие величины альбомов за удобные. Посему это мнение повергается и на Ваши замечания, ради блага общего дела.

Венские рукописи №№ XXXIII — 70 снимков и CCIV — 20 снимков могли бы составить альбом № 1 — около 95 снимков ¹⁸/₂₄.

Рукопись CXXXVI можно бы разделить на альбом № 2 — с л. 1 до 172, то есть весь годовой Стихирарь — около 175 снимков ¹⁸/₂₄ и альбом № 3 с л. 173 до 264, все остальное содержание рукописи — около 95 снимков ¹⁸/₂₄.

Альбом 4 — рукопись В 32 — около 100 снимков.

Альбом 5 — рукопись Г 9 — около 90 снимков.

Альбом 6 — рукопись Г 12 — около 45 снимков.

Альбом 7 — рукопись Г 67 — около 75 снимков.

Альбом 8 — рукопись Г 72 — около 95 снимков.

Альбом 9 — рукопись Г 74 — около 115 снимков.

Альбом 10 — рукопись Д 28 I — около 130 снимков.

Альбом 11 — рукопись Д 28 (Триоди) II — около 90 снимков.

Альбом 12 — № 18 Андр. I — около 140 снимков.

Альбом 13 — *ibidem* II — около 135 снимков.

Альбом 14 — Ивер. № 470 — около 150 снимков.

Альбом 15 — Ватопед № 893 I — около 110 снимков.

Альбом 16 — *ibidem* II — около 110 снимков.

Альбом 17 — Есфигмен № 54 — около 145 снимков.

Альбом 18 — *Varia* — около 70 снимков.

Всего $18/24$ — 365. $13/18$ — 1600.

В деньгах, сколько думаю, стеснения не должно быть, хотя экономия не должна быть упущена из виду.

Думаю, что для $13/18$ будет удобнее продольный формат, а для $18/24$ — обыкновенный нотный, *quartus magnus*, следовательно $5/16$ и $6/8$ вершков.

Переплет, полагаю, надобен самый простой, но прочный, покрытый вместо бумаги коленкором и с запасными в корешке выходами листов, дабы снимки не пучили альбомов.

На корешках, полагаю, достаточно будет оттиснуть наверху крупно только цифру 1, 2, 3... внизу же средним шрифтом «О. Л. Д. П.».

Ваш Ст. Смоленский. <...>

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 53—54

П. Г. Преображенский — Смоленскому

Вена, 3 февраля 1907

Высокопочтимый, добросердечнейший Степан Васильевич.

При пожелании Вам вождеденного здравия прошу всепокорнейше прощения за хлопоты по делу о сербском летописце¹. Когда я просил о сей книжице, то никак не думал, что она и в Обществе Древней Письменности составляет библиографическую редкость. Мне иначе и в голову не пришло бы утруждать Вас, тем более что сербская редакция летописника в рукописи XIV века хранится в здешней Придворной библиотеке, и я им пользуюсь. Потому, пожалуйста, простите меня, Степан Васильевич, и даже не пускайте в путь до Вены драгоценную, как теперь мне стало ясно, собственность Н. П. Кондакова.

Поиски за листочками и целыми рукописями с нотами доселе выражаются в следующих результатах.

Cod. Theol. Gr. 148-й. В последней части кодекса содержится житие святого Николая Чудотворца, и 3 листа последние заняты нотными песнопениями в честь святителя. Рукопись древняя, и приписка, относящаяся к нотной части, гласит <...>

Значит, конец 12-го века.

Theol. № VI содержит на последней странице стихире в честь Севастийских мучеников. Происхождение, кажется, не позднее 13-го столетия.

Такого же качества одна страница нотная в Cod. Theol. LXXXIX.

Этот материал будет сфотографирован².

На приложенном к сему письму листке³ Вы познакомитесь с содержанием и качеством еще 3-х целиком нотных рукописей (2-х славянских и 1-й греческой).

О ценности этого материала благоволите меня уведомить, иначе воспроизводить в снимках я и не решусь.

Намека на объяснение древних нотных знаков я еще не встретил. Один раз был близок к радости, что обрел ключ. Среди целиком филологического содержания в одной рукописи на протяжении 4—5 листов идет разбор «Благообразный Иосиф» слово за словом. Но оказалось, что идет разбор филологический (словообразование), по тексту лишь сей церковной песни. Непонятно, почему в самом деле не осталось объяснения в виде хотя бы слабого намека на теорию нотного церковного пения в Византии в 10—12 столетиях⁴. Или это было так просто, что каждому греку довольно было взглянуть на крючки и все стало ясно, или наоборот так было трудно, что сколько ни объясняй в теории, все равно не поймешь, если практически не посвящен в тайну непосредственно самим маэстро.

Примите, глубокочтимый Степан Васильевич, мои наилучшие благожелания и поклон всех в Вене Вам знакомых.

Преданный Вам Петр Преображенский.

РГИА, ф. 1119, № 84, л. 133 об.

¹ Летовник — летописец. Сербский летописец Георгия Амартола был издан в Памятниках древней письменности ОАДП (Т. 69).

² В качестве образца было прислано фото л. 4 из венской рукописи (РГИА, ф. 1119, № 84, л. 55).

³ Этот «листок» (точнее — три листка) тоже сохранились в деле (л. 134—135 об.).

⁴ На самом деле такие азбуки есть.

Смоленский — Преображенскому

[Петербург, май 1907]

Дорогой Антонин Викторович!

Несмотря на каторжную прохладу желаю с Вам увидаться, но для того имею несколько предварительных к Вам вопросов. <...>

4) В ожидании сего посещения Вам приготовлены мною мои московские записи по части Стихирарей, Триоди и Миней.

5) В полученном с Афона письме¹ пишут, что пришло время доснять наши пропуски по рукописям Аф[анасиевской] Лавры и Ватопеда, равно и прислали снимок, сделанный Успенским с какой-то Ватопедской рукописи, будто бы не бывшей у нас. Этот снимок прилагаю, прося Вас поглядеть — что такое? Если это новость, и толковая, то конечно надо ее сейчас же и использовать, ибо деньжонки еще есть.

6) В том же письме что-то пишется о пленках, — я хотя и не понимаю дела, но думаю, что можно дать отсюда совет, как поправить кассету и, ради избежания пленок, настоять на стеклах.

Ваш Ст. Смоленский.

Финдейзен плачет и скорбит, не имея продолжения Вашего «очерка», говоря об особом для него удобстве печатать именно сейчас и поторопиться печатанием (?) до самого конца².

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 64—65

1. Речь идет о письме о. Гавриила от 27 апреля (см. в *Письмах афонских иноков*).

2. Имеется в виду печатавшийся РМГ в качестве приложения «Очерк истории церковного пения в России» Преображенского.

Смоленский — Преображенскому

Москва, 8 августа 1907

Дорогой Антонин Викторович! Вы упорно молчите [насчет] образцов для выбора, а у меня здесь дело [стоит] и время уже на исходе, — а от Вас ни бе, ни ме.

На днях, доканчивая каталогизацию 10 певчих Миней, я задумывался чуть не в 100-й раз над напевами канонов ежедневных. Наконец, блеснула мысль сравнить каждый тропарь в отдельной песни между собою. Получились определенные физиономии для *каждой* песни. Тогда пришел на помощь гостящий здесь Воскресенский Ирмолог, и оказалось, что тропари при каждом ирмосе *буквально повторяют ирмос*. Это теперь проверено и доказано. Посему и из Воскресенского Ирмолога снимется немало страниц, как и из Миней. Но кроме Миней — Триодь?

Оказалась верною и другая догадка: я сравнил по многу песнопений на один и тот же подобен и оказались все они как бы сделанными на машине. Следовательно мелодическое приспособление данных образцов к разным у нас текстам следует считать доказанным и вполне несомненным для колоссального числа текстов, распетых на подобен; следовательно надо только раскрыть мелодии этих подобнов.

Я уже задумался над ними очень. Но для меня вместе интересно услышать от Вас без промедления ответ на следующее: сколько удалось заметить Вам означений «подобнов» в Афонских рукописях и те ли самые их заглавия, как у нас? То есть те ли же самые «Яко добля», «Званный свыше», «Дивное чудо» и т. д. Затем я очень прошу Вас сравнить, например, хоть на «Яко добля» с десятков греческих стихир и сообщить мне: одинаково ли они нотированы, то есть относится ли заглавие «подобен» у греков и к тексту литературному, и одновременно к мелодическому его изложению по данной форме? У нас, русских, мелодическая сторона несомненно выдержана и к тексту, как нестихотворному, отнесена разве со слов греков. Наконец 3-й вопрос: стихир «самогласны» у греков не производят ли на глаз впечатление несравненно более сложных, нотированных более кудряво, с большим числом фит и т. п.?

Одновременно с сим, не заметили ли Вы почти отсутствие означение подобнов в общих Триодях?

Как видите, сидя без новостей о регентской школе, не теряю даром времени в Москве. Всем поклон.

Душевно Ваш Ст. Смоленский. <...>

Работы мои здесь идут на всех парах. Ежедневно наслаждаюсь в превеликом изобилии новостями, особенно в певчих Минеях и в области их канонов.

Всей братии, как всей нации при оной, равно и всем принадлежностям при оной нации мой поклон и привет.

Ваш Ст. Смоленский.

РГИА, ф. 1109, № 107, л. 60 об. — 62

Преображенский — Смоленскому

Петербург, 12 августа 1907

Дорогой Степан Васильевич.

Насчет моего «упорного молчания» Вы, вероятно, теперь уже получили объяснение. При одной прислуге с двумя птенцами часто приходится мне исполнять обязанности няни, горничной и т. п. Затем переезд, сложившийся так неудачно, ну и проч. Ваше письмо от 8-го я имею только сейчас — 12 часов воскресенья и сейчас же пишу.

Вы уверились в тождестве мелодий для ирмоса и тропарей каждой песни канона. По отношению к греческим образцам это давно несомненно, и именно так, что тропарь повторяет совершенно точно количество слогов ирмоса, имеет определенные деления на строки в мелодии, с ударениями на известных слогах, одним словом, тропарь по конструкции текста и напева — есть повторение ирмоса. И для того чтобы установить подобное взаимоотношение ирмоса и тропарей в славянских канонах, нужно, мне кажется, посчитать количество слогов в ирмосе и тропарях и наблюдать за тождеством знаменного изложения их. В греческих канонах обычно мелодия пишется только для ирмоса, а тропари под ним пишутся без знамен, очевидно в том предположении, что тропари, имея одинаковое с ирмосом количество слогов и совпадение сильных и слабых ударений, поются той же мелодией ирмоса. Все это одинаково законно для всевозможных канонов — они следуют одному и тому же закону.

То же самое надо сказать и относительно подобнов. В наших афонских снимках нет Октоиха с отдельными подобнами, но указания на подобен мне встречались. Однако подобны указаны — «Плотию волею», «Живоприемному Твоему гробу», а не обычные. Подобрать Вам несколько стихир на подобны невозможно, так как греческие Стихирари

не имеют «всех» стихир для каждой службы, а только лишь — славники для простодневных служб и стихиры самогласны для служб праздничных. А что у греков «подобен» относится и к тексту, и к напеву, это видно уже из тожества в устройстве того и другого, правильного чередования ударений и т. п. Одним словом — как и при сравнении ирмоса с тропарями.

По третьему вопросу. Стихиры самогласны как таковые не могут быть выделены из ряда других по сложности нотации, так как сложностью отличаются лишь немногие стихиры на большие праздники (говорю, конечно, о греках).

Подобны из Триоди я, между прочим, отметил Вам в прошлом письме, это бросившиеся мне в глаза — «Отчаянная жития ради», «Погруженная грехом», «Помраченная...»

Могу еще добавить: «Достигше вернии спасительную страсть Христа Бога» и ненаходимые в печатных два подобна ему — начинающиеся так же «Достигше вернии» (утреня Великого Понедельника). Или — «Чувствия наша чиста» и «Сына яко агнца» (в печатном несть) и «Дева родила еси» (Страстной антифон 1-й). Или еще кстати из Стихиаря (посмотрите по рукописи!) 22 января — «Светильник верных» и «Добляго страдальца» (в печатном несть).

Понимаю, дорогой Степан Васильевич, что Вы привезете с собой в Питер тьму новостей самых животрепещущих для нашего брата и предвосхищаю оное удовольствие... <...>

Ваш А. Преображенский.

РГИА, ф. 1119, № 84, л. 50—51 об.

П. А. Лавров — Смоленскому

Петербург, 2 октября 1907

Достопочтеннейший Степан Васильевич, простите, пожалуйста, что до сих пор не ответил на Ваше письмо. Отец Гавриил при нас снимал для Вас Есфигменский Ирмологий, но греки не позволили ему снять всю рукопись и выпроводили его из монастыря. Игумена в это время не было. Если не ошибаюсь, бóльшую часть рукописи он снял; сколько листов осталось, не знаю наверное. Относительно Лавры не могу ничего сказать. Из нас никто в Лавре не был. В Зографе я нашел два листа по-видимому с нотными знаками; но оба эти листа очень незначительны. В одном строки две—три; в другом не более как на двух словах, если не на одном. Все это будет мною

передано в Общество или Вам¹. В Хиландарь в этом году мы долго не могли попасть. Ко времени нашего приезда отец Феофил с несколькими другими епитропами уехал в Солунь по одному монастырскому делу. Отец Савва² в то же время уехал надолго в Чехию. Бывшие в монастыре монахи не соглашались при таких условиях разрешить нам занятия в библиотеке, а тем более в архиве, где хранятся хрисовулы. Можно было [бояться], что мы так и не попадем в Хиландарскую библиотеку. Но, к счастью, епитропы наконец приехали, и все было нам дозволено, как и в прошлом году. Но как всегда бывает, чего не сделаешь в первый раз, как хотелось, то не удастся сделать во второй раз. Осенью прошлого года приезжал по поручению Сербской Академии один сербский ученый, который, по словам монахов, и снял все сербские документы, а другой румын снял молдавские. После этого мне пришлось отказаться от мысли снять полностью все эти хрисовулы, как это можно было сделать в прошлом году, когда за мной остался бы почин в этом деле. А на монахов надеяться нельзя. Для Вас еще они сделали многое, как для лица, стоявшего во главе экспедиции. А для меня ничего не хотели сделать, и даже отец Матфей писал, что для него это новость, что я приехал на тех же правах, что и Вы. Должно быть, они думали, что [это] мои занятия, лично меня касающиеся. Я объяснял, что это не так, но безуспешно; от этого я и решил взять с собой фотографа. Из хрисовулов сербских я снял не более 5-ти имеющих отношение к русскому монастырю. Зато мы сняли еще несколько хрисовулов болгарских за счет Общества на стеклах большого размера. Все, что снято на стеклах, переданных мне отцом Гавриилом, будет доставлено Обществу. Но стекло я получил от отца Гавриила не много. Он мне передал только стекла большого размера, а их всего шесть полдюжин. Я показал ему Ваше письмо с Вашим расчетом, но он объяснил, что тут какое-либо недоразумение, что такого числа стекол для меня у него нет. Разумеется, он должен был иметь в виду, что ему придется снимать по Вашим заказам. Правда все это или нет, я не мог проверить. В Хиландаре отец Гавриил не мог снять для Вас рукопись, о которой Вы просили, потому что в первый раз, когда мы туда приехали и он был вместе с нами, нас не пустили туда; а во второй раз он не поехал. И без него нас было трое (кроме меня был Ильинский³), и хиландарцы тяготились гостями.

Все, что снято на стеклах, купленных в прошлом году за счет Общества, будет доставлено Обществу вместе с тем, что было прислано в прошлом году (все это у меня). Все же остальное снято на бумаге на мой собственный счет, благодаря оказанному мне пособию Университета и своим добавоч-

ным деньгам. Нотного ничего не оказалось. Мой фотограф снять для Вас Хиландарскую рукопись не мог, потому что благодаря задержке мы оставались в Хиландаре короткое время, и он успел снять только то, что было нужно мне самому. Помимо этого у меня был особый кассет, при помощи которого он мог снять до 100 снимков в день (разумеется, не каждый день так: он же проявлял и все прочее), но призмы не было; оттого у меня негативы, а не позитивы.

В Зографe мы обязаны всем почтеннейшему отцу игумену Григорию. Я наснимал для себя всего более 1000 снимков, и привезли мы все это с собой в трех коробках. Вот какое удобство представляет бумага. Я теперь читаю негативы в зеркале. Материал привез огромный и интересный, но не то, что можно было бы сделать в прошлом году. Вам придется писать или отцу Гавриилу, или отцу Матвею.

Прошу передать мое почтение Анне Ильиничне. Жена моя в свою очередь шлет ей с Вами ответный поклон и лучшие пожелания.

Р. С. Отец Гавриил вел себя очень неприятно. Нам ничего не помог, ограничившись только сопутствием, для нас совершенно излишним, по возможности попользовался деньгами. Но, слава Богу, аппарат мой цел. Взял я у него также свою копировальную рамку, и только линзу (довольно дорогую) он так и не отдал. Трудно иметь дело с грубыми монахами. Гавриил это мелкий тип экспроприатора в рясе.

2 октября 1907

Сейчас получил известие из Белграда, что славянские акты Хиландаря не были сняты Анастасиевичем⁴. Значит, монахи надули. Но все равно, не имея стекол, я бы был в затруднении. Конечно, если бы это было мне известно, я бы решился истратить еще своих денег. Но, стало быть, не судьба. Перед отъездом я справлялся, но ответ получил такой, что не было ясно, сняты ли только греческие или же и славянские акты. Итак, еще предстоит сделать эту работу, и если не сделаю я, то кто-нибудь другой. Я же могу теперь напечатать полный перечень сербских актов. Как велико коварство монахов! Невежи и глупцы. Все такие. Только немногие составляют исключение.

Письмо из Белграда получил, оканчивая свое к Вам послание.

РГИА, ф. 1119, № 149, л. 1—4 об.

Помета Смоленского: «Письмо профессора Петра Алексеевича Лаврова, по рассеянности им не подписанное. Получено 3 окт. 1907 г.».

1. Впоследствии найденные Лавровым в Зографе два пергаменных листа получили название «Зографские листки» (хранятся и ныне в монастырской библиотеке); они считаются одним из древнейших памятников кириллической письменности, но о нотации в них ничего не известно.

2. О. Савва — библиотекарь Хиландара (см. в примечаниях к *Дневнику*).

3. Имеется в виду Григорий Андреевич Ильинский, филолог-славист, приват-доцент Петербургского университета.

4. Драгутин Анастасиевич — сербский византолог, палеограф, профессор Белградского университета, сотрудник РАИК.

Смоленский — В. В. Майкову

Петербург, 21 декабря 1907

Многоуважаемый Владимир Владимирович!

Обсуждая способ, с помощью которого было бы всего удобнее осуществить *предварительное* издание Каталога песнопений, оказавшихся в греческих (на Афоне и в Вене) певчих рукописях, снимки с коих доставлены экспедицией 1906 года, равно и оказавшихся в русских древнейших рукописях, я, по соглашению с А. В. Преображенским, остановился на следующем:

1) Ввиду отличных достоинств оттисков, доставляемых новоизобретенным прибором «Юпитер», представляющим собой усовершенствованный гектограф, — остановиться на издании с помощью этого прибора. Прибор этот у меня уже имеется налицо. В случае израсходования его массы желатинной, последняя (продаваемая по цене обычной для гектографов) возобновляется на счет Общества.

2) Ввиду крайне облегченного на «Юпитере» способа получения снимков, в большем притом числе и в лучшем их достоинстве, — остановиться (согласно полученным от господ членов заявлениям) на количестве 120 [в скобках карандашом: 230] экземпляров предварительного издания Каталога.

3) Оригинал Каталога изготавливается в русской части собственноручно мной, а в греческой части — А. В. Преображенским, но производство оттисков имеет быть поручено Канцелярии Общества, на бумаге также от Общества.

4) Приблизительный объем Каталога пока трудно определить; но, вероятно, он будет простирается до 150 листов, а может быть и несколько более.

Поэтому всей бумаги, вероятно, понадобится около 40 стоп обыкновенной писчей бумаги или несколько более.

Готовый к услугам Ст. Смоленский.

РНБ, ф. 536, № 1, л. 31—32

Ф. И. Успенский — Смоленскому

Константинополь, 3 декабря 1907

Многоуважаемый Степан Васильевич.

Почетный член Института père Louis просит меня ходатайствовать перед Вами об исполнении его просьбы, которая изложена в прилагаемом при сем письме. Речь идет о том, не найдете ли Вы возможным поделиться с ним фотографическими снимками с Ирмологов Лавры и Есфигмена, так как он предполагает издать текст Ирмолога по лучшим рукописям.

О. Пети стоит в очень близких отношениях к Институту, поместил в наших «Известиях» несколько научных работ и независимо от этого пользуется почетным именем в науке. По всему этому я очень бы желал содействовать ему достигнуть желаемого, если только это окажется для Вас удобоисполнимым. В случае, если пожелаете ответить на письмо о. Пети, адресуйте на Институт.

Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности.

Ф. Успенский.

РНБ, ф. 536, № 1, л. 35. На бланке Русского Археологического института в Константинополе.

К письму приложено письмо Л. Пети на французском языке и его визитная карточка: «Le Père Louis Petit Supérieur des Augustins de l'Assomption».

Русский Археологический институт в Константинополе постоянно сотрудничал с местной конгрегацией католических монахов-ассумпционистов, которую возглавлял упомянутый в письме настоятель и в которую входил очень известный ученый Жак Тибо (труды которого Смоленский читал и даже переписывался с ним еще в московские годы). В книге Е. Ю. Басаргиной указывается, что ассумпционисты были постоянными читателями в библиотеке РАИК и для о. Тибо Ф. И. Успенский специально приобретал издания по истории византийского пения (С. 65).

В журнале «Монастырь» (1908, № 1) описывается посещение корреспондентом журнала о. Пети в Константинополе в 1905:

...Мне пришлось посетить монастырь в местности Хайдар-Паша, принадлежащий католическим монахам Августинского ордена. Добрый, ласковый и в высшей степени услужливый настоятель этого монастыря abbat père Louis (игумен о. Людовик) показал мне свое образцовое монастырское хозяйство. <...> Затем, в виде особого угощения... отец Людовик повел меня в свою богатейшую библиотеку. Войдя в это грандиозное книгохранилище, я был поражен той массой книг, которая представилась моим очам. Рассматривая это воистину драгоценное сокровище «друзей», я наткнулся на множество полок с книгами и журналами на русском языке. <...>

Не утерпев, чтобы не выразить достойной похвалы французам... я предложил о. Людовику новый вопрос: «нет ли у них еще какого-нибудь предприятия вроде издания нового журнала, пользующегося нашим же афонским материалом?» И откровенный французский игумен отвечал: «Как же, есть. Мы издаем журнал “Восточное эхо”, в котором сотрудничаю и я». Когда... я стал рассматривать его номера, то оказалось, что он пишет даже об афонских монашеских похоронах, о крестных ходах, об общих литаниях... и о других святогорских обрядах, о которых до сих пор не знает православная Россия, но которые ей необходимо знать...»

Журнал «Echo d'Orient» многократно упоминается в переписке Смоленского с С. С. Волковой в связи с работами Ж. Тибо, и надо полагать, что именно для него настоятель хотел получить копии с афонских снимков экспедиции.

Смоленский — В. В. Майкову

Петербург, 21 декабря 1907

Многоуважаемый Владимир Владимирович!

Из прилагаемых при сем писем ко мне Ф. И. Успенского и о. Louis Petit Вы изволите усмотреть, что я не могу ответить по содержанию этих писем, так как снимки с Ирмологов составляют собственность нашего Общества и могут быть доставлены только по постановлению Комитета.

Считаю вместе с сим дополнить обстоятельства этого дела следующими сведениями:

1) В Лавре св. Афанасия на Афоне экспедиция нашла два интересных Ирмолога под библиотечными ярлыками «Г 9» и «В 32». Первый Ирмолог, на 89 листах, снят весь на 85 снимках, так как остальные 4 страницы бумажной позднейшей рукописи не сняты за неимением в них выдающегося научного интереса. Второй Ирмолог («В 32») высоко интересен сам по себе и менее интересен по отношению к древнерусскому церковному пению. Поэтому об этом Ирмологе экспедиция озаботилась лишь составлением списка его канонов (343) и изготовлением лишь части снимков с рукописи, то есть было снято до 83 снимков двойных страниц из 312 листов всей рукописи.

2) В библиотеке Ватопеда Ирмолога экспедицией найдено не было. Надобный Ирмолог нашелся в библиотеке Ивера (№ 470) на 149 листах. Эта рукопись снята вся.

3) Снимки с Есфигменского Ирмолога (№ 54) на 140 страницах dokonчены были в некоторой части по отъезде экспедиции, не успевшей снять сполна эту рукопись. Судя по письму с Афона от 6 декабря 1907 года, эти снимки находятся либо в дороге, либо высылаются вскоре.

4) Таким образом к услугам о. Пети может быть предложено со стороны нашего Общества 85 снимков, 83, 149 и 140, а всего 457 снимков. А. В. Преображенский заявил мне, что, в случае согласия Общества, он может изготовить эти снимки по 25 копеек за штуку, то есть в сумме около 120 рублей — 115 рублей за все 457, но с условием их окончания не ранее конца предстоящей весны.

Ваш покорный слуга Ст. Смоленский.

РНБ, ф. 536, № 1, л. 31—32

Смоленский — В. М. Металлову

Петербург, 1 января 1908

Почтеннейший отец Василий Михайлович!

Мне особенно приятно обновить этот Новый Год первым приветствием именно к Вам и именно тем содержанием, которое должно составить для нас обоих «начало индикту» в области занимающей нас науки.

Но прежде все-таки выскажу от себя и Анны Ильиничны свое сердечное приветствие Вам и Павле Петровне «с Новым Годом, с новым

счастьем» и всякими добрыми Вам обоим пожеланиями всякой тихой радости, доброго здоровья, всякой удачи в делах, всякой радости в детях.

Посылаю при сем малую тетрадь приложений к докладу А. В. Преображенского¹, читанному им 21 декабря прошлого года в Обществе Любителей Древней Письменности. Полагаю, что суть этого доклада ни для кого в России, как именно для Вас, не может быть более интересною и захватывающею полное внимание, притом же и самое сосредоточенное.

Результаты Афонской экспедиции и вызванных ею дальнейших работ начинают теперь оказываться имеющими весьма определенное и решающее значение. Мы оба разделили между собою работу весьма просто: А. В. Преображенский как превосходный знаток греческого языка взял на себя каталогизацию и общее расследование по греческим текстам; я как более натасканный по русским рукописям взял на себя русскую часть, условившись однако с коллегой в общем плане работы. В результате у А. В. обозначилась мера технического соотношения между греческим и русским певческим письмом и искусством вообще; у меня обозначилась мера текстового, книжно-певческого соотношения между нами и греками. Понятно, что мы оба далеки от основательных суждений и бесспорных заключений, так как мы работаем все-таки не над бесспорными первоисточниками, а лишь по памятникам XI—XII веков. Тем не менее мы оба согласились, именно в изъявление нашего глубокого почтения к Вашему труду и к Вашим разысканиям и соображениям, посвятить Вас в ряд наших мыслей. Мы оба думаем, что наши додумки, хотя и несходные в некоторых мелочах между собою, все же основаны на сотнях бесспорных фактов. Поэтому наше разномыслие в мелочах нейдет далее посильных обоим дальнейших объяснений тех же бесспорных фактов, каждым несколько по-своему.

Вам, более чем кому-либо, должны пригодиться эти новости, потому Вам они и сообщаются. Суть новостей — в следующем:

В примерах А. В. Преображенского, основанных не на подборе, а на выбранных песнопениях из первых оказавшихся под рукою, но после сотен предварительных совпадений, Вы увидите:

1. Шесть знамен греческих, уцелевших в общих названиях, но не в начертаниях, всюду столь же точных графически и в постоянном употреблении на соответствующих им местах в одинаковых песнопениях на греческом и славянском языках.

2. До 19 знамен, вполне сходных в начертаниях и в постоянном совместном употреблении.

3. Для наглядности — несколько примеров того, как одинаковые части текстов, взятые из одних и тех же песнопений, нотированы почти с буквальной точностью.

4. Во втором примере (*Лик четверодесятью*) — ясен случай совпадения целого песнопения. Здесь наблюдаются и изменения в попевах (*Лик — воинство*): вследствие ритмических разностей в ударениях «*хорос*» и «*лик*»; вследствие вынужденных речитативных увеличений в славянском тексте; вследствие случайного ритмического удобства отметить параклитом начало новой строки; вследствие, например, разночтения мелодического (*просвеща*) и т. п.

5. В третьем примере (*В светлостех*) кроме повторения вышеуказанных сходств и различий имеется и указание перемены гласа.

6. В четвертом, пятом и шестом примерах — такие же разночтения, но при ритмических разницах текстов, вызывающих к тому же и на размышления.

7. Седьмой пример слишком ясно говорит сам за себя.

8. Восьмой пример есть образец нарушений ритмики слов, встречаемых в приложении напева ирмоса к текстам тропарей к тому ирмосу.

* * *

По моей, русской, части имеются такие новости:

1. Состав наших певчих книг, прокаталогизованных мною сполна во всех известных наидревнейших списках, до 40 рукописей, указывает в связи с каталогизацией греческого пения:

- а) сходство, в общем, состава годовых Стихирарей у нас и греков;
- б) полную разность устройства и состава Ирмологов, при сходствах однако семиографических;
- в) наличность у нас огромной певческой работы по роспеву полных канонов, применительно к напевам данных ирмосов в Ирмологе;
- г) сходство, в общем, состава греческих *Постной* и *Цветной Триоди* с нашими *Постными Стихиарями* и с *Цветными Стихиарями*;
- д) наличность у нас особого состава *Постной* и *Цветной* певчей *Триоди*;
- е) наличность у нас особого состава месячных певчих *Миней*;

ж) наличие у нас Кондакарей певчих и дополнительных в них статей;

з) наличие у нас *особой системы* пения на подобен;

и) неимение нами Октоиха певчего, особо имеющегося у греков;

к) неимение нами хотя сколько-нибудь одинаковых следов сходства в обрывках Обихода нашего и греческого, в смысле гораздо большего числа у русских песнопений обиходных;

л) наличие двух масс песнопений, *не воспринятых* нами от греков, и, наоборот, *ропнетых нашими предками* вопреки составу греческих певчих книг. Последнее, в связи с русскими службам и новоявленным нашим святым, — как будто бы первый лепет нашего творчества.

2. Заимствование славянами греческого искусства теперь, несомненно, обрисовалось более, всестороннее и точнее, но в то же время и определеннее в своих границах. Систематическая замена у нас постоянно одних и тех же греческих знаков одними и теми же русскими прямо указывает на продолжение нашей художественной самодеятельности, окрепшее даже и к XI—XII веку, начавшееся, несомненно, гораздо ранее.

3. Допуская вполне возможность предстоящих находок греческих певчих книг, которые бы уменьшили разность состава нашего церковно-певческого искусства от греческого, все же приходится признать пока несомненный факт наличия огромной художественной работы славянской, не имеющейся пока в найденных греческих рукописях, даже и в великопных № 136, Вена, Есфигменском Ирмологе, в Ватопедском кодексе, Андреевском Стихираре и др.

Вот Вам, почтеннейший коллега, наши новости.

Не могу не приписать о моем полном огорчении по поводу поворота дел на Никитской².

Преданный Вам Ст. Смоленский.

РГБ, М № 10794, № 36, л. 19—20

¹ Приложение к письму в большой степени совпадает с приложением к публикации статьи Преображенского в РМГ в 1909 (см. Приложение «А. В. Преображенский»).

² Речь идет о назначении директором Синодального училища (после смерти В. С. Орлова) С. Н. Кругликова — взамен ожидавшегося назначения А. Д. Кастальского.

С. Д. Шереметев — Ф. И. Успенскому

9 февраля 1908

Милостивый государь Федор Иванович.

Вы сообщили С. В. Смоленскому просьбу о. Louis Petit заказать для него отпечатки снимков, сделанных с греческих Ирмологов экспедицией, которая была отправлена в 1906 году Обществом Любителей Древней Письменности на Афон.

Просьба эта рассматривалась в Комитете Общества, но до окончательного решения я считаю долгом списаться с Вами по этому делу частным образом. Задуманная Обществом экспедиция была осуществлена благодаря поддержке жертвователей, имевших в виду, что добытый экспедицией материал получит научную обработку в трудах *именно* Общества Любителей Древней Письменности. Привезенные снимки дали уже основание к заявленным в заседаниях Общества очень любопытным соображениям, но далеко еще не ясен вопрос, какая часть материала будет использована в ближайшее время самим Обществом и какая часть может быть теперь же предоставлена в распоряжение специалистов, которые ведут свои работы независимо от задач, поставленных на очередь Общества. Ввиду этого Общество, охотно предоставляя привезенные коллекции снимков для научных справок в помещении Общества, крайне затрудняется дать разрешение на высылку о. Louis Petit около 500 снимков, то есть очень значительной части привезенного с Афона материала. С другой стороны, искренне желая оказать возможное содействие о. Louis Petit в его трудах по изучению византийской письменности, Общество предлагает, не пожелает ли он заказать рукописную копию с текста Ирмологов по снимкам Общества. В случае принципиального согласия на это Общество войдет в сношения с лицами, которые могли бы исполнить подобную копию, и сообщит, сколько может стоить такая копия.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

РНБ, ф. 539, № 1, л. 39. Черновик

Д. В. Аллеманов — А. В. Преображенскому

Москва, 19 сентября 1910

Глубокочитимый Антонин Викторович.

Вы очень обязательны. Как долго я могу пользоваться этюдом Пападопуло-Керамевса?¹ Этот труд мне надлежащим-то образом понадобится еще не скоро. Может быть, не ранее года. Хотя для моих целей вполне достаточно и Вашей брошюры². Вы уж очень скромны: Ваши таблицы ведь целое откровение в таком темном вопросе, как происхождение знаменного распева.

Впрочем, для меня и теперь остается загадкой, каким образом наши мелодии знаменного распева так поразительно несхожи с греческими мелодиями. Ведь если греки изменили семиографию, так от этого не должны были измениться самые мелодии. И кажется странным — пока у греков и русских была одинаковая нотация, были и одинаковые мелодии. Еще раз: греки могли, ну хотя бы в XI—XII веках (время очень близкое к началу развития у нас знаменного распева) *переписать* новыми знаками старые мелодии, но зачем им было — да и возможно ли это — создавать новые мелодии. Если же они переписали новыми знаками старые мелодии, то откуда же явилось отсутствие сходства их мелодий с нашими.

(Нотный пример см. на с. 484.)

И в той и в другой мелодии чувствуется только «пападичность» (духовное пение), а дальше этого — они врозь...

Признаюсь, нарочно избрал эти две мелодии к сопоставлению: они единственные, кажется, в Обиходах русских и греческих *чем-то* схожи. Все другие и вовсе не пахнут сходством.

Скоро ли Вы обнаружите Ваши афонские находки? Как это все нужно теперь. Как скудны, а главное, как непрочны все существующие основания истории и теории нашего церковного пения.

Делайте поскорее. Иногда опасно медлить.

Я знаю и серьезность Вашу, и знание дела. Но иногда можно уж не *до конца* обдуманно делать. Хотя и сыроватый материал, но когда он вовремя под руками — необыкновенно дорог. Вынесите на общий суд, и скорее все обдумается сообща.

Словом — я очень заинтригован «Афоном» Вашим. Покойный Степан Васильевич был у меня тотчас по возвращении с Афона и тогда еще взбудоражил меня. Но вот уже три года прошло, и только одна

ср. японским мандиризм.

Pongi сам япон мандиризм сакура
фиги, Зах амт анно не гаимит
Тхеме мандириттис самит манди.

И каннава. суграммов — нота у
звезд в реуселт теса аманова
китингид, тхис и аманов манди.
Биче пат, — япон исам, пу том
тхис б. XI-XII (хуамс анд китине
к. нотку разлиттис у нод анан
нан рамова) перемсам проблем
манам саграттис манди, по
дормит утх тхис Фга и ботинго
м. анн — асграттам нобис ман
Фиг. Биче фс ам перемсам
китин ананам сид-аграттис
манди, м. стрига не биче
мандириттис срадва ит манди
Ср. Канним.

И б. тхис и другие мандиризм
мандириттис «манандириттис» (Свине дукет
тхис мнис), а каннава мнис — мн
спот.

Мандиризм, каннава мнис анн
анн мнис и манандириттис:
анн аннандириттис, каннава,
к аннандириттис дукет. и аннандириттис
мнис — у сафта. анн аннандириттис
анн аннандириттис аннандириттис.

Сакура — м анн аннандириттис анн
аннандириттис аннандириттис? — анн аннандириттис
аннандириттис аннандириттис аннандириттис аннандириттис
аннандириттис аннандириттис аннандириттис аннандириттис
аннандириттис аннандириттис аннандириттис аннандириттис
аннандириттис аннандириттис аннандириттис аннандириттис

весточка — правда, очень радостная — услышана нами: это Ваша работа «О сходстве...»

Помогай Бог.

Сердечно Ваш Дим. Аллеманов.

РГИА, ф. 1109, оп. 1, № 91, л. 1—3 об.

¹ К. И. Пападопуло-Керамевс, работавший в России молодой греческий ученый (младший брат более известного Афанасия Пападопуло-Керамевса), опубликовал две статьи, близкие по теме и как бы продолжающие одна другую: «Происхождение нотного музыкального письма у северных и южных славян по памятникам древности, преимущественно византийским» (Вестник археологии и истории, издаваемый Императорским Археологическим институтом. Вып. XVII. СПб., 1906) и «Принцип церковно-византийского нотного письма по данным славянских и греческих музыкально-богослужебных памятников» (Византийский временник. Т. XV. Вып. 1. СПб., 1908). Какая из двух статей Керамевса была послана Аллеманову — неизвестно.

² Имеется в виду упоминаемая далее в письмах публикация Преображенского в РМГ.

Д. В. Аллеманов — А. В. Преображенскому

Москва, 28 июля 1911

Глубокопочтимый Антонин Викторович!

Работаю сейчас над первой главой истории русского церковного пения — «Происхождение русского церковного пения»¹. И чувствую, что если Вы оказали бы мне помощь, дав для прочтения свой (подробный) реферат о «сходстве музыкального письма с греческим в певческих рукописях XI—XII веков», — то дело мое было бы совсем в шляпе. Не успело ли О. А. Д. П. издать его?² Тогда будьте любезны направить мне один экземпляр наложенным платежом. Но если реферат не напечатан, то усердно прошу дать на время свою рукопись. В скором времени и в полной сохранности я возвращу Вам ее. В моей совершенной признательности и в использовании Вашего труда без ущерба Вашим заслугам будьте уверены.

С совершенным почтением

свящ. Дим. Аллеманов.

РГИА, ф. 1109, оп. 1, № 91, л. 4—4 об.

¹ Речь идет о хронологически, видимо, последней работе Аллеманова по церковному пению — его «Курсе истории русского церковного пения» в двух частях, опубликованном в течение 1911—1914. Подробнее см. в *Афонской экспедиции*.

² ОЛДП не издавало в этот период никаких работ Преображенского, кроме краткой заметки о листах из болгарского Трифология. В архивах Преображенского и ОЛДП также не обнаружено более подробных версий доклада, нежели та, которая была опубликована в РМГ. Может быть, правда, что вторая публикация Преображенского на ту же тему, вышедшая в 1920-х годах, была подготовлена значительно ранее, в дополнение к первой.

Д. В. Аллеманов — А. В. Преображенскому

Москва, 28 января 1912

Глубокочтимый Антонин Викторович.

Мне нужно удостовериться в том, что русская семиография имеет греческое происхождение. Какие снимки для сего наиболее пригодны — афонские или венские? Нельзя ли сделать со всех привезенных Вами из экспедиции негативов снимки, хотя бы в одном экземпляре, для Синодального училища? Пока же — на масленице — сделайте самые необходимые для моей цели.

А как насчет венских рукописей? Нельзя ли прислать листы со снимками в библиотеку Синодального училища на одну-две недели?

Пожалуйста сообщите — какой цены листы № 362, 863 и 557, упоминаемые К. Пападопуло-Керамевсом и хранящиеся в Императорской Публичной библиотеке (первые два в Порфирьевской коллекции).

Ваш Дим. Аллеманов.

РГИА, ф. 1109, оп. 1, № 91, л. 6 об. Открытка

Д. В. Аллеманов — А. В. Преображенскому

Москва, 3 февраля 1912

Великое спасибо Вам, дорогой Антонин Викторович.

А какому времени принадлежат манускрипты:

№ 893 Ватопеда

№ 48 Андреевского скита

№ 479 Ивера

№ В 32 Афонской Лавры?

Все четыре фотографии одна прелесть. Что это — посмотреть мне или задаток?

Боже мой, как хорошо бы иметь все снимки, что сделаны экспедицией. Устройте это дело как-нибудь. И чем скорее — лучше. Расходы до гроша будут возмещены. Если не я, то Синодальное училище не пожалеет на это средств.

Голубчик, какой Вы молчаливый. Пишите.

На этих днях я крепко уселся за крюки и — какое счастье — открыл ларчик. Если бы у меня нашлось свободы четыре-пять лет для спокойной работы — и Устав с Кондакарем, и все до одной старые певчие книги *прочел* бы от доски до доски¹.

В своем курсе я в двух-трех штрихах сообщаю свое открытие. На 1-й седмице отдел о семиографии будет отлитографирован.

Как получите это письмо, так сейчас пишите: как Вы думаете об отпечатании для Синодального училища всех снимков с рукописей. Сколько это будет стоить.

Сердечно Ваш Дим. Аллеманов.

РГИА, ф. 1109, оп. 1, № 91, л. 7—7 об.

¹ Речь идет о Типографском Уставе с Кондакарем. Самонадеянность заявления Аллеманова очевидна: кондакарная нотация не читаема до сих пор.

А. Д. Кастальский — С. Д. Шереметеву

Москва, 27 февраля 1912

Ваше Сиятельство Глубокоуважаемый Граф Сергей Дмитриевич.

Наблюдательный Совет при Синодальном училище в заседании своем 23 февраля сего года препоручил мне ходатайствовать пред Вашим Сиятельством о нижеследующем: по докладу заведующего Библиотекой певческих рукописей имени С. В. Смоленского протоиерея В. Металлова Наблюдательный Совет признает крайне желательным иметь отпечатки снимков, сделанных покойным Степаном Васильевичем, по пору-

чению состоящего под председательством Вашего Сиятельства Общества Любителей Древней Письменности. Лично я, вполне сочувствуя высокопросветительным целям и задачам собрания рукописей имени покойного С. В. Смоленского, этого незабвенного труженика в области церковного пения, а также исполняя поручение Наблюдательного Совета, почтительнейше прошу Ваше Сиятельство разрешить сделать отпечатки как с негативов, так и с отпечатанных снимков всех греческих певческих рукописей (Афонских и Венских), имеющихся в коллекции С. В. Смоленского при Библиотеке Императорского Общества Любителей Древней Письменности.

Пользуюсь случаем выразить Вашему Сиятельству глубокую признательность за лестный отзыв о моем юбилейном сочинении, принесенном в дар Церковной Комиссии по празднованию памяти Святого Патриарха Гермогена¹.

Сердечно уважающий и преданный слуга Вашего Сиятельства
А. Кастальский.

РНБ, ф. 539, № 59, л. 149—149 об. На бланке директора Синодального училища и хора

Надпись рукой С. Д. Шереметева: «Получ. 29 февр. 1912. Доложить Комитету. Лично сочувствую».

¹ Речь идет о хоровом опусе Кастальского — «Чтение дьяком люду московскому послания патриарха Ермогена к тушинским изменникам в 1609 году».

ОЛДП — А. Д. Кастальскому

Петербург, 20 марта 1912

Его Высокородию Александру Дмитриевичу Кастальскому,
Г. Директору Московского Синодального Хора и Училища церковного пения

И. О. Л. Д. П., в ответ на письмо Ваше от 27 февраля за № 133, имеет честь уведомить Вас, что Комитет Общества в заседании своем 2 сего марта постановил удовлетворить ходатайство Ваше о разрешении сделать для Библиотеки певческих рукописей имени С. В. Смоленского отпечатки

как с негативов, так и с отпечатанных снимков всех греческих певческих рукописей, вывезенных Афонской экспедицией Общества.

РНБ, ф. 539, № 59, л. 154. На бланке ОЛДП, копия с поправками рукой С. Д. Шереметева

Д. В. Аллеманов — А. В. Преображенскому

Москва, 14 мая 1912

Дорогой Антонин Викторович.

Ради Бога ответьте поскорее: сколько рукописей вновь открыто экспедицией Вашей; с каких сделаны снимки (Ивер, Ватопед и др.); №№ этих рукописей, число снимков; время рукописей по датам или предположениям. Сделайте это с Вашей точностью и аккуратностью. Но только скорее.

Сердечно Ваш Дим. Аллеманов¹.

РГИА, ф. 1109, оп. 1, № 91, л. 9—10

¹ Очевидно, что эти данные потребовались Аллеманову для составления сметы по копированию афонских материалов для Синодального училища, но также, возможно, для работы над упоминаемой в следующем письме статьей «К восстановлению церковно-певческой старины» (см. ее полную публикацию в III томе РДМ).

Рукой Преображенского карандашом на полях письма зафиксирован следующий перечень:

Афанасиевская Лавра
Г № 72 — около 100 л.
Г № 9 — около 90
Г № 74 — 100
Г № 12 — 25
Г № 67 — 40
В № 32 — 100
Д № 28 — 200

Кутлумуш № 398
Пантелеимон связка (?) № 97

Венский кодекс № 136 лл. 1—84
90—172
173—264

№ 33 — около 70

№ 204 — около 35

Ватопед № 893 — 216

Иверский монастырь № 470 — более 150

Есфигменский монастырь № 54 — 126

Андреевский скит № 18 — 271 л.

Д. В. Аллеманов — А. В. Преображенскому

Москва, 25 сентября 1912

В последнем заседании Наблюдательного Совета решено приступить к действиям по выполнению представленного мной плана восстановления церковно-певческой старины¹. Не примете ли Вы какое-либо участие в сем деле. Что бы Вы хотели прежде всего сделать? издать что?

Напишите для Наблюдательного Совета проект с соответствующей мотивировкой, планом и счетом — во сколько обойдется предлагаемое Вами предприятие. Само собой, указанные Вами работы поручены будут к исполнению Вам же.

Словом, начинайте действовать в разработке новых вопросов по старине, надеясь, что они будут оплачены Вам и увидят свет.

Александр Дмитриевич пишет графу Шереметеву о том, чтобы О. Л. Д. П. пожертвовало один экземпляр снимков, привезенных Вами с Афона и из Вены. Посодействуйте.

Усерднейший Ваш слуга Дим. Аллеманов.

РГИА, ф. 1109, оп. 1, № 91, л. 11—11 об.

¹ В разделе «Архивные документы» в III томе РДМ опубликован Доклад неперменного члена Наблюдательного совета Синодального училища протоиерея В. М. Металлова прокурору Московской Синодальной конторы Ф. П. Степанову, датированный 28 сентября 1912. Там излагаются основные пункты упоминаемых Аллемановым решений. Главные из них: сосредоточение всех древних певческих рукописей в библиотеке Синодального училища и подробное их описание по единой системе. Как известно, этот план не был осуществлен, хотя ходатайство училища было поддержано Св. Синодом.

А. Д. Кастальский — С. Д. Шереметеву

Москва, 29 сентября 1912

Ваше Сиятельство глубокоуважаемый Граф Сергей Дмитриевич.

Любезное разрешение Общества Любителей Древней Письменности снять фотографии со снимков греческих Афонских рукописей нам очень ценно, но теперь стоит вопрос первой важности, откуда достать денег на оплаты за фотографические работы. Ваше Сиятельство вероятно знаете, что Библиотека рукописей Синодального училища собиралась покойным Степаном Васильевичем Смоленским главным образом бесплатно (как из книгохранилищ монастырей и церквей, так и из пожертвований разных лиц). Денежных средств на приобретение многих важных изданий эта Библиотека совершенно никаких не имеет. Между тем неимение под рукой необходимо нужных для археологических занятий подобных изданий ставит непреодолимую преграду для исследователей. Посему я решился почтительнейше просить Ваше Сиятельство, не найдете ли возможным распорядиться сделать снимки с Венских оригиналов и с Афонских негативов бесплатно, хотя бы в память о незабвенных трудах покойного Степана Васильевича, который сам фотографировал с этих рукописей. Этим пожертвованием очень ценно дополнились бы труды собирателя этой Библиотеки, которая и носит название «имени Степана Васильевича Смоленского». Синодальное же училище было бы Вашему Сиятельству крайне признательно.

Почтительнейше прошу принять Ваше Сиятельство уверение в моей искренней преданности.

Вашего Сиятельства покорнейший слуга А. Кастальский.

РНБ, ф. 539, № 59, л. 167—167 об. На бланке директора Синодального училища и хора

ОЛДП — А. Д. Кастальскому

Петербург, 6 ноября 1912

В Московское Синодальное училище церковного пения

И. О. Л. Д. П., в ответ на просьбу Московского Синодального Училища Церковного Пения от 29 сентября сего года имеет честь сооб-

щить, что Комитет Общества в заседании своем 2-го сего ноября постановил уведомить училище о том, что Общество к крайнему сожалению лишено возможности взять на себя расходы на изготовление фотографий со снимков и негативов греческих Афонских нотных рукописей.

РНБ, ф. 539, № 59, л. 174. На бланке ОЛДП (копия)

А. Д. Кастальский — ОЛДП

Москва, 29 ноября 1912

В Императорское Общество Любителей Древней Письменности

Московское Синодальное училище, получив отказ принять на себя расходы по изготовлению фотографий со снимков и негативов греческих Афонских рукописей, имеет честь покорнейше просить Общество сделать за счет Синодального училища снимки с негативов Афонских рукописей. Что же касается до имеющихся в Обществе готовых снимков, то училище покорнейше просит переслать их на некоторое время в Московскую Патриаршую Библиотеку, где имеются приспособления и фотографический аппарат для переснимков такого рода рукописей. По миновании надобности снимки будут возвращены Обществу Любителей Древней Письменности с глубокой благодарностью.

Предварительно Синодальное училище покорнейше просит сообщить, во что обойдутся училищу фотографии (по 2 экземпляра) с негативов Афонских рукописей?

Директор А. Кастальский.

РНБ, ф. 536, № 59, л. 183. На бланке директора Синодального училища и хора

Д. В. Аллеманов — А. В. Преображенскому

Москва, 18 марта 1913

Дорогой Антонин Викторович.

Все дни, по приезде, суетился весьма. И письма написать было некогда. Синодальное училище принимает Ваше предложение весьма

охотно. С Богом начинайте, хотя понемногу, делать снимки. У Вас там есть русские рукописи (наши, российские) — их не нужно, конечно. Зато дайте положительно все, что привезено с православного Востока и из Вены. Пусть, если окажутся и русские рукописи. В первую голову сделайте снимок с болгарского листочка¹.

В свою очередь пишете теперь же, что Вам нужно из Москвы. До Пасхи я могу Вам кое-что сделать. А после Пасхи у меня будет больше свободного времени, и тогда — только указывайте.

Если Вам нужно взглянуть на снимки с рукописей Патриаршей библиотеки, то пришлю, но только на весьма краткий срок (на недельку), — ибо над ними сейчас зело работаю.

Всяких Вам успехов.

Сердечно Ваш Дим. Аллеманов.

РГИА, ф. 1109, оп. 1, № 91, л. 15—15 об.

¹ Как понятно из сопоставления писем Кастальского и Аллеманова, Преображенский сам взялся за копирование нотированных певческих рукописей из собрания ОЛДП, и афонских и русских. Под «болгарским листочком» понимается нотированный лист из Зографского Трифология.

Д. В. Аллеманов — А. В. Преображенскому

Москва, 17 апреля 1913

Воистину воскресе! Дорогой Антонин Викторович.

Очень благодарен за болгарский снимок. Сейчас ничего не буду писать о нем. Я должен проверить свои заключения о нем справкой из греческих нотных рукописей Румянцевского музея.

По-моему, нотные знаки эти греческие, периода XIII века или начала XIV. Когда еще не было мартирий. В XIV веке употребляются уже *киноварные* мартирии. Например, рукопись Румянцевской библиотеки Нотный стихирарь XIII—XIV века № 43 (499) л. 4°.

Нотный пример см. на с. 494.

(Рукопись пергаменная, конечно.)

Постараюсь отыскать там стихиру эту — «Ему же вышняя служат». У Вас тоже, чай, есть в греческих снимках эта стихира.

Вы *пожалуйста* пришлите наложенным платежом то издание, где будет помещена Ваша заметка об этом листке. Не забудьте, пожалуйста¹.

древнейшей Рум. мур..

Помещены некоторые знаки эти древние,
первая XII в. или первая XIV. Когда
еще не было мертвых? В XIV в. уже де-
белются уже кириверная мертвых.

Напр., рен. Рум. Д-ки, Контр. смуг. XII-XIV.
N 43 (499) л. 40 \bar{x} \bar{y} \bar{z} \bar{a} \bar{b} \bar{c} \bar{d} \bar{e} \bar{f} \bar{g} \bar{h} \bar{i} \bar{j} \bar{k} \bar{l} \bar{m} \bar{n} \bar{o} \bar{p} \bar{q} \bar{r} \bar{s} \bar{t} \bar{u} \bar{v} \bar{w} \bar{x} \bar{y} \bar{z}
του πνα - ος - ου ανειρατος (Рен. пер.
гоминнар, кочевно).

Пестраховск отвечает Гаври стн-
ару Гому - "Велурис ввонисур смуг":
У Ваер тоге, таб, осил в зречисур

«Русскую симиографию» я взял в Синодальном училище и пользуюсь книгой как преподаватель. При помощи Синодального училища ее можно иметь за 4 рубля, кажется. Напишите заглавия брошюр Металлова, которых Вам нужно. Постараюсь купить у него со скидкой. Разве для коллекции, — а то совершенно не стоит брать в руки эти писания. Говорю беспристрастно².

Начинайте-ка, милый человек, делать снимки для Синодального училища. И, главное, поскорее указывайте, что Вам нужно из Патриаршей библиотеки. Летом там, кажется, ничего не добьешься. После Пасхи я бы сделал нужные указания фотографу.

Пошевеливайтесь, пошевеливайтесь, дружище! Время жизни нашей кратко, а дела непечатый угол.

Всего Вам хорошенького.

Сердечно Ваш Дим. Аллеманов.

РГИА, ф. 1109, оп. 1, № 91, л. 21—22

1. Речь идет о публикации листов из Зографского Трифология с комментарием Преображенского (см. в Приложении «*А. В. Преображенский*»).

2. Чуть позже Преображенский начал работу над масштабной рецензией на новую публикацию В. М. Металлова «Русская симиография. Из области церковно-певческой археологии и палеографии» (М., 1912). Подобно тому как рецензия Смоленского на другой труд Металлова — «Богослужбное пение Русской церкви. Период домонгольский» (см. Приложение «*Отзыв на книгу В. М. Металлова*»), рецензия Преображенского была написана по поручению Академии наук в связи с выдвижением «Симиографии» на Уваровскую премию, и, подобно Смоленскому, Преображенский был награжден за рецензию золотой медалью Академии, а Металлов премии не получил.

По-видимому, в связи с наступившим военным временем рецензия Преображенского не успела выйти в Отчетах Академии, однако в архиве ученого сохранился практически чистой ее автограф (РГИА, ф. 1109, № 54). О характере оценки (в которой Преображенский сходил и со Смоленским, и с Аллемановым) можно судить по такому фрагменту из заключения:

На протяжении этого труда он [Металлов] как бы отказывается от своего титула профессора Консерватории и выступает исключительно в качестве профессора Археологического института, где о специально музыкальных материях он предпочитает молчать, и упорно молчит даже в тех случаях, когда ведет речь в сущности о предметах чисто музыкальных. В этой намеренной односторонности кроется, однако, величайшая

опасность, указанная еще князем Одоевским, который очень сожалел, что «наши археологи не музыканты, а музыканты — не археологи» (л. 18 об.).

Д. В. Аллеманов — А. В. Преображенскому

[Вторая половина 1913?]

<...> Этакая манера у Вас — прихериваться. По-моему, то, что Вы сейчас делаете, только и нужно прежде всего. Доколе, в самом деле, на месте «происхождения пения» мы будем пустословить. Один — «греко-славянское пение», другой — «мы, мы и мы», «шапками закидаем» и прочие безумные глаголы¹.

Чем больше будет параллелей Ваших, тем яснее станет, что есть мы. «Парализуйте» своими параллелями мнящих мудрыми быти.

Чем больше работаю теперь в области истории церковного пения, тем более прихожу к заключению, что хорошо бы все начать с начала, и все доселе бывшее по сей части вменить якоже небывшее.

Именно — работа только тормозится этим бывшим: сначала сами отрешитесь от него, потом сумеете другим внушить, что оно «не суть», и тогда уже давайте «что суть».

Однако что делать. И ради того именно, что так оно есть, нельзя не делать, что надо делать.

РГИА, ф. 1109, оп. 1, № 91, л. 44 об.—45

¹ Имеются в виду, конечно, концепции Металлова (передача пения к русским от болгар) и Смоленского («самобытность»).

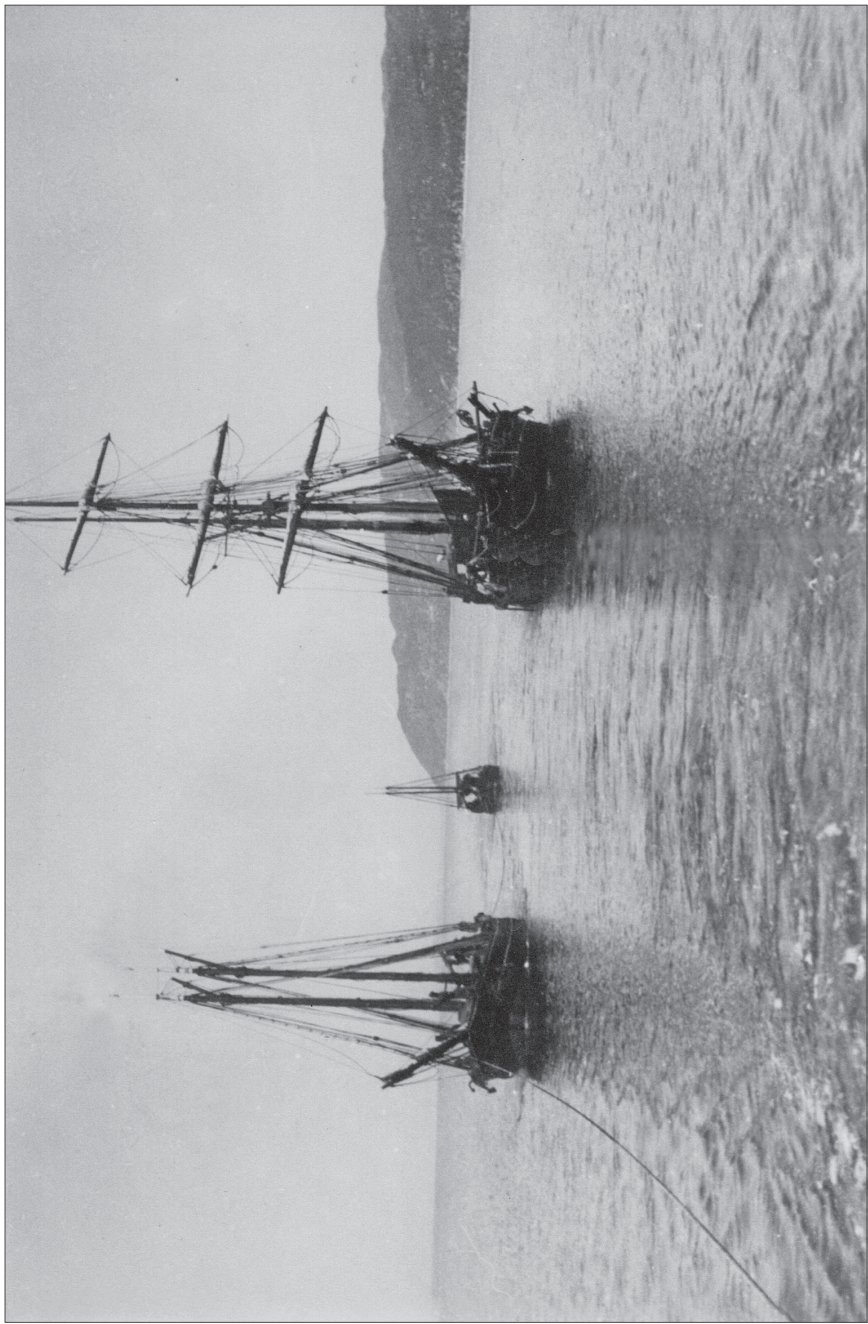
Иллюстративное приложение*

* В подписях к фотографиям из Дневника использованы выражения
С. В. Смоленского

Афон. Масличный сад русского Пантелеимонова монастыря зимою

Суда Русского Пантелеимонова монастыря, на буксире – «Афон»

Паровые суда и катер Пантелеимонова монастыря на стоянке

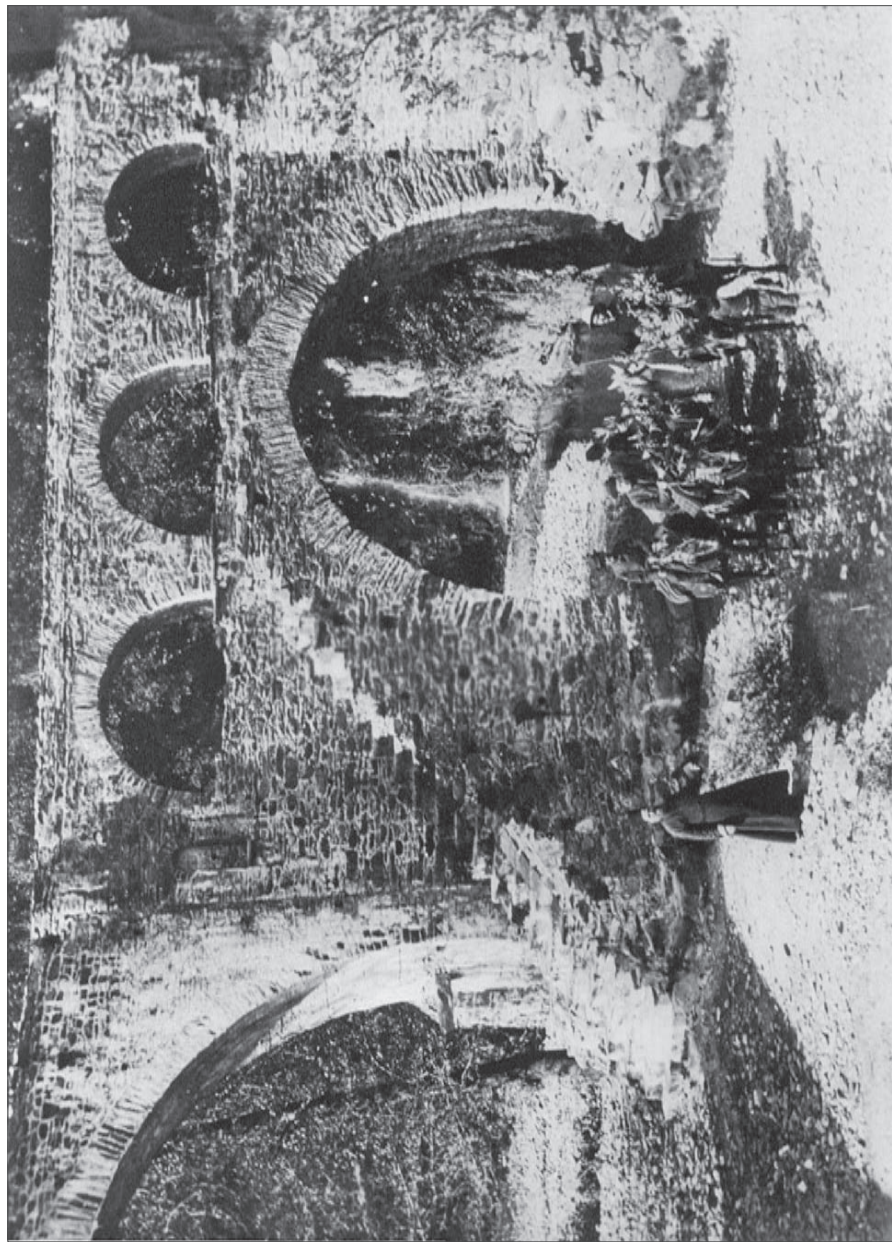
Развалины на Афоне

П.А. Лавров, А.В. Преображенский, о. проигумен Хризостом, С.В. Смоленский

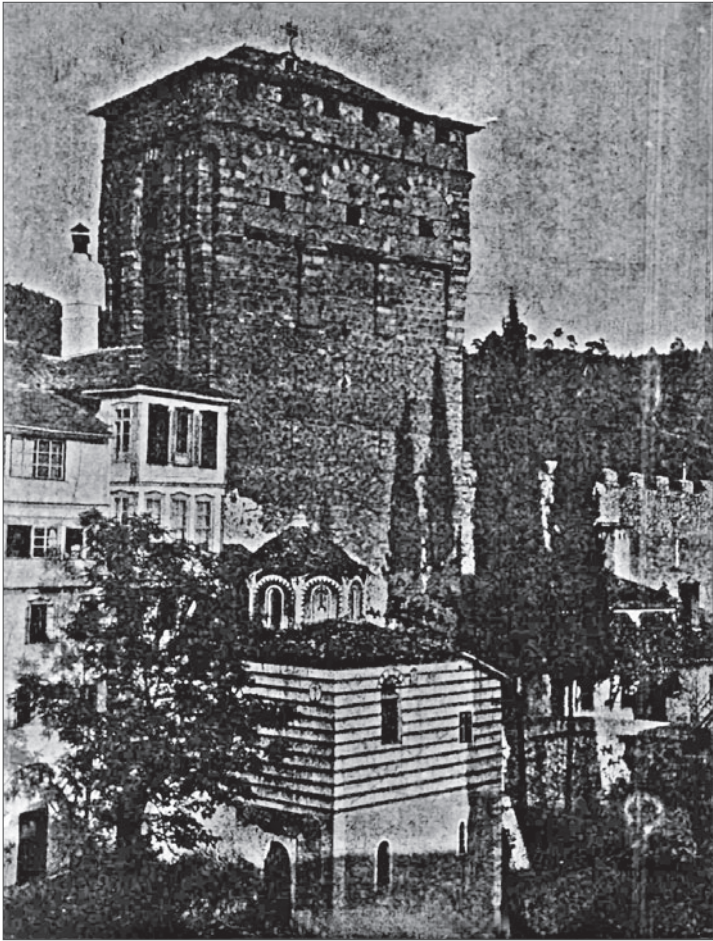
Помощник о. гостинника Лавры монах Паисий

Часть водопровода в Иверском монастыре

Библиотекарь Есфигмена
о. Пахомий с участниками экспедиции

Хиландарский пирг

Украшения под каждым окном Хиландарского древнего храма

Внутренний вид Хиландара

Н. П. Павлов и о. Андрей (молдаванин) перед отъездом из Зографа

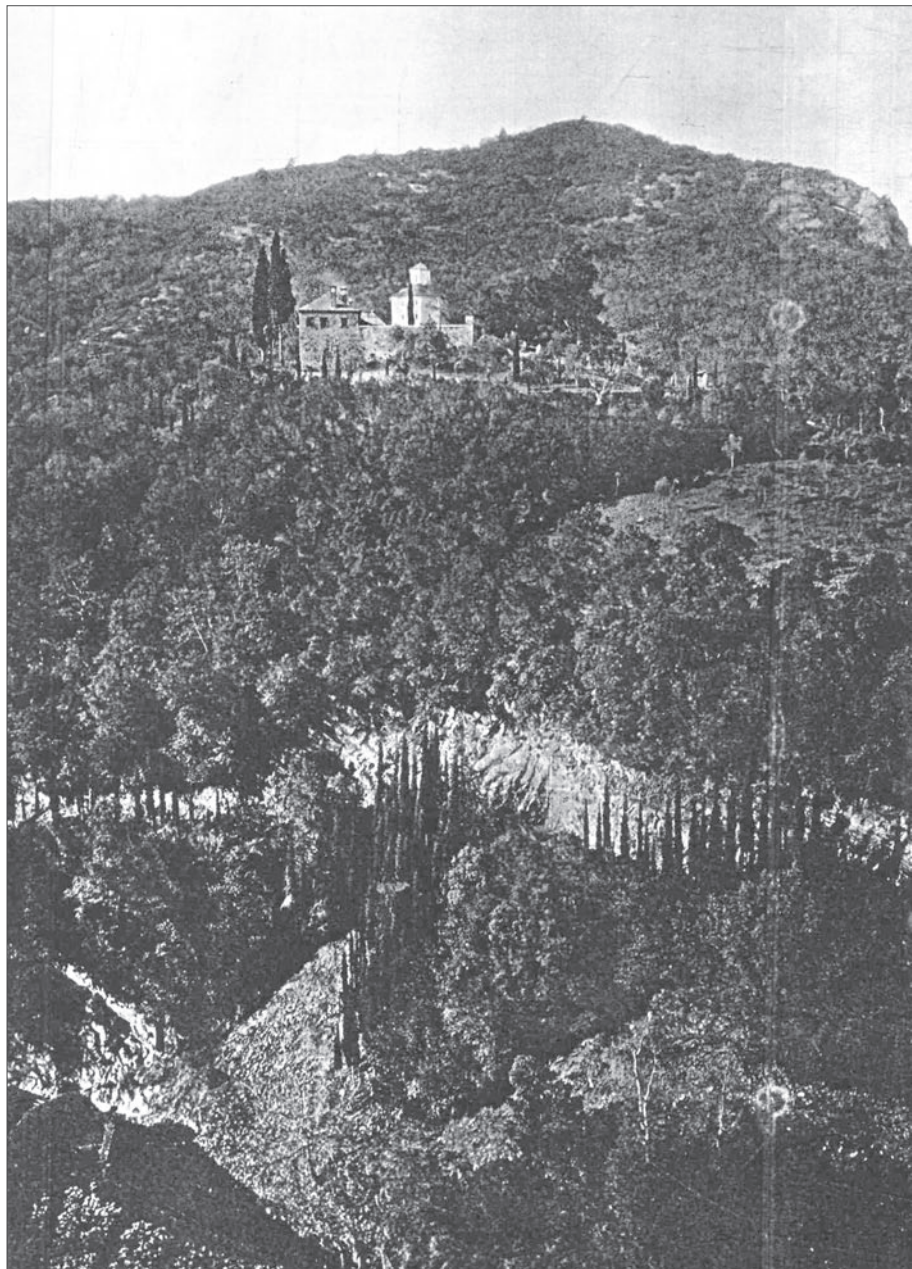
О. Гаврил, П. А. Лавров, А. Н. Николов, А. Н. Николов, С. В. Смоленский,
А. В. Преображенский, проводник-болгарин

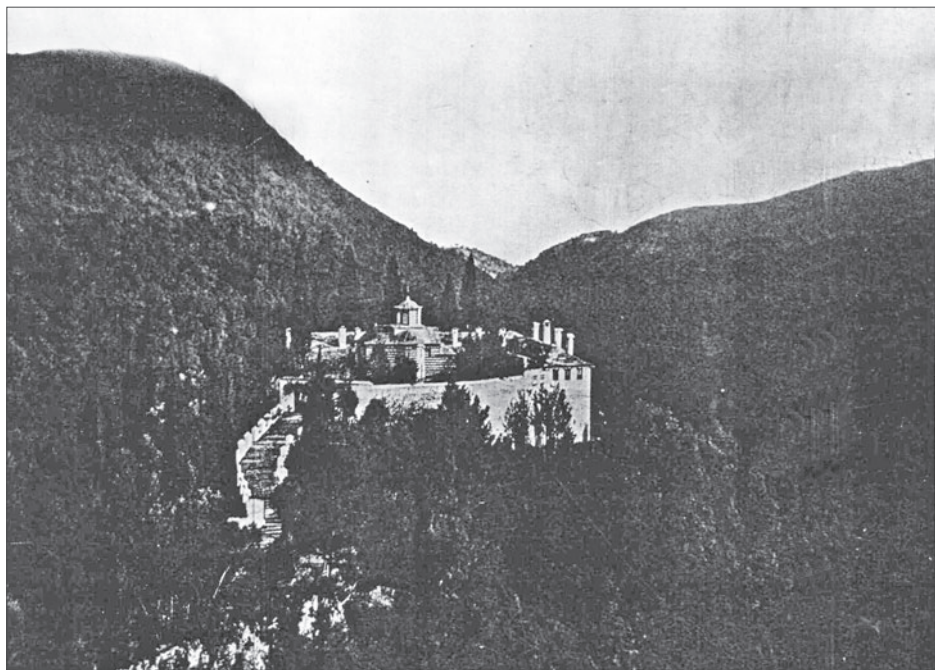
О. антипросоп Григорий и афонская почетная стража в Протате

В Зографе 1 июля, перед самым отъездом

Георгиевская келлия с церковью

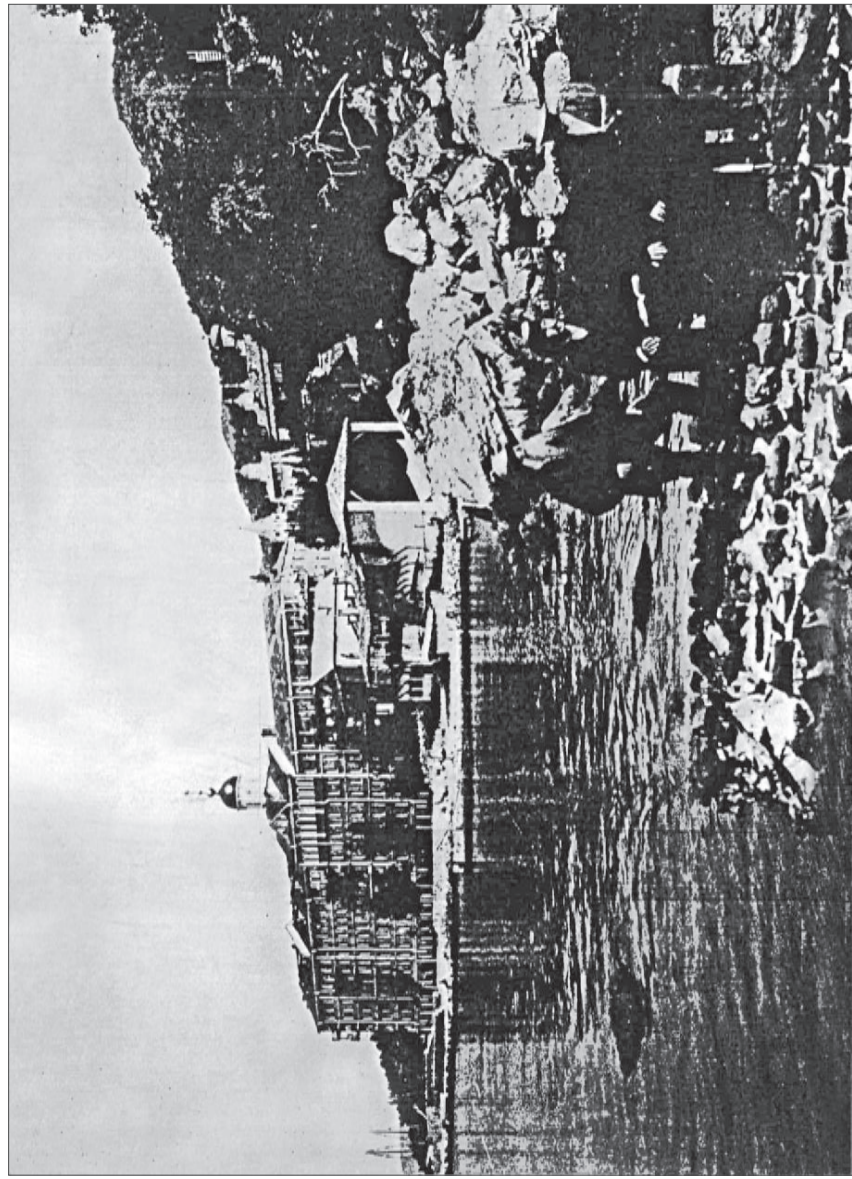
Древнейшая Свято-Георгиевская церковь
при Зографе

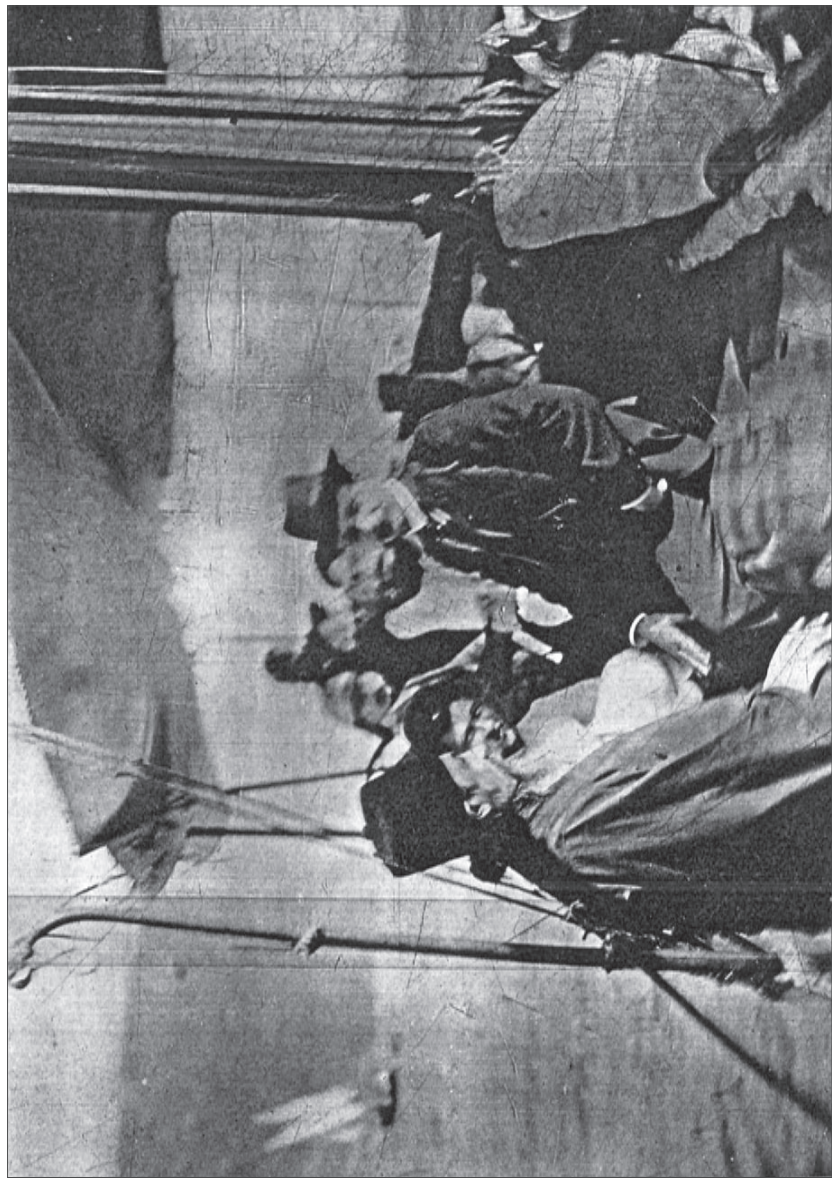
Развалины на Афоне

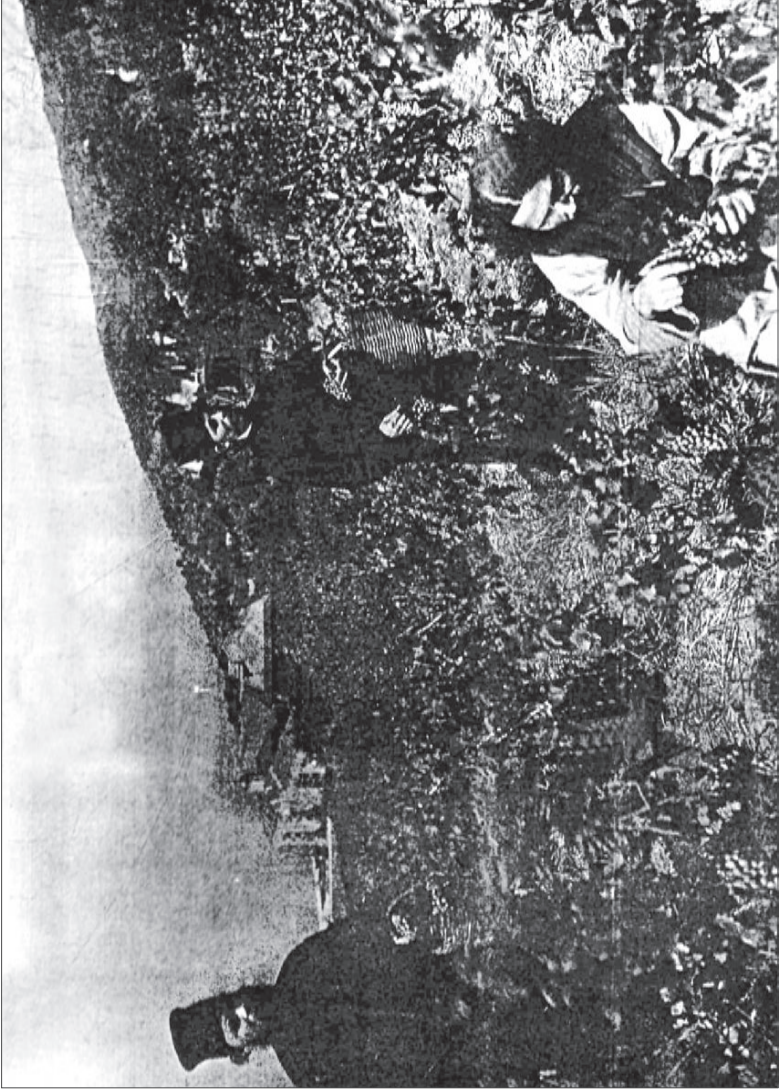
Лаврский гостинник о. Петр, подносящий глико и застигнутый фотографией в своем обычном «дезабиле». 12 июля 1906 года

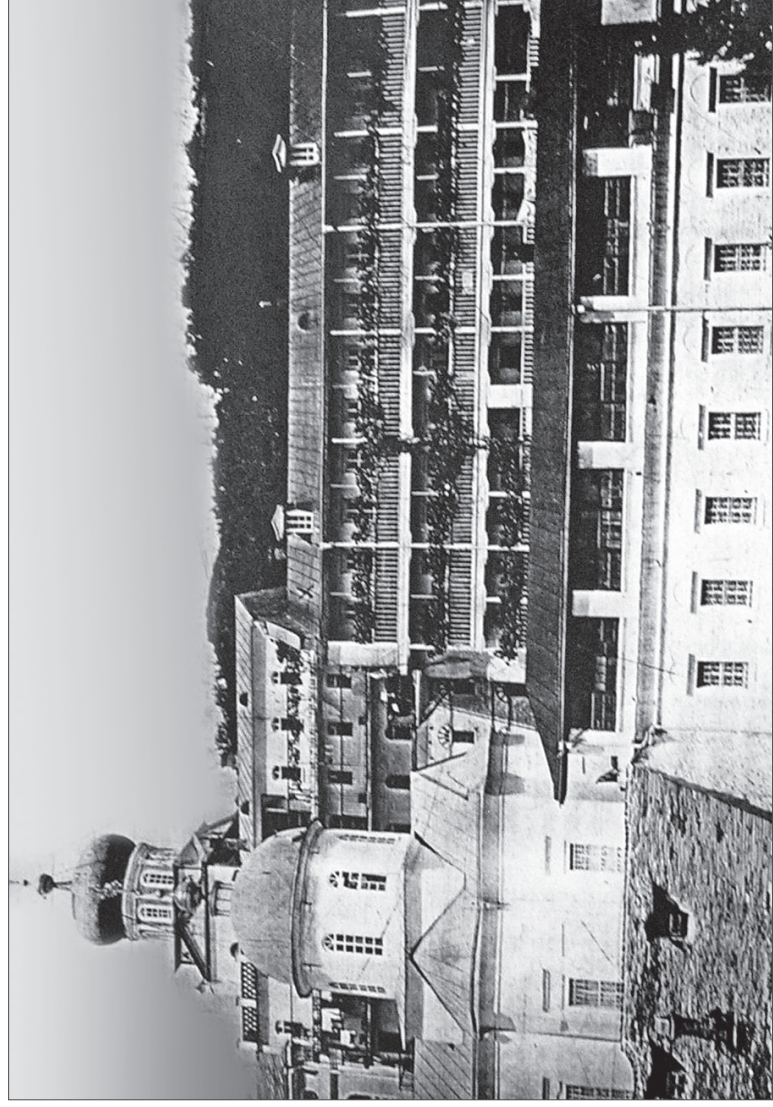
Морские купальни в природных камнях

О. Иуний на пароходе

На виноградниках

Вид с юго-востока на Пантелеимонов монастырь; внизу — библиотека монастыря, над которой сушило. Налево сверху — большой русский храм новый, ниже его — малая Митрофаньевская церковь. Под знаком х [на крыше правого дома, первый балкон слева] — комната с двумя окнами на балкон и на море, с балконом направо — вниз, где мы провели все время нашего проживания на Афоне

Помощник библиотекаря о. Иосиф,
о. Матфей, С.В. Смоленский

В архондарике Пантелеимонова монастыря. Первый слева – о. Тихон (фото-печатник), с четками о. Пимен, С. В. Смоленский, о. Андроник, о. Флавий (фото-печатник)

На балконе архондарика: С. В. Смоленский,
о. Андроник, Ф. А. Лютер, о. Анастасий (Модзалевский)

Братия Пантелеимонова монастыря: третий слева о. Агафодор,
за ним о. Иуний, с наперсным крестом — о. Мисаил,
справа от него — о. Анастасий, о. Пимен

С. В. Смоленский в архондарике за работой

Настоятель Св. Пантелеимонова монастыря на
Афоне архимандрит Мисаил

Общий свод певических древнегреческих рукописей, виденных на Афоне

Место нахождения рукописи:	№ по каталогу:	№ по машинописи:	Содержание вкля:	Число страниц:	Число сгрланных сшивков		Замечания:
					Первая половина	Вторая половина	
Лавра	В32	"	Ирмологий XII	312	3	25	Наталий Гумста к. №4 Зернина
"	Г9	"	Ирмологий XII	89	3	80	№898 Ватонегар
"	Г12	"	Триодь X-XI	83	3	38	№85 Ватонегар
"	Г67	"	Триодь Октоихь IX-XI	162	5+49	23	№470 Иверя
"	Г72	"	Триодь XII	92	3	86	
"	Г74	"	Студирарь XII	116	3	106	41
"	Δ28	"	Студирарь и Трїодь XIII-XIV	214	18-24	206	70
Андр. скит	18	"	Студирарь XII	271	3	85	91
Китумицъ	398	3471	Студирарь XI-XII	180		6	109
Ксиропотамъ	234	2567					209
"	118	2451					209
Иверъ	470	4590	Ирмологий XII	150	27	123	
Ватонегъ	893	"	Студирарь и Трїодь Октоихь XII-XIII	218	90	127	
Есфирменъ	54	2067	Ирмологий XI-XII	140	24		
Навтелмонъ	Бетъ N	Отрїодь	Студирарь	2	3		

127
116
243/18
20

~~итого в Лавре
список 685
677~~

Наталий сн. н. н. н. 87, 103, 104

Вз: Евангелия, Апостолы со знаками глв. Глвиз паремъ въ здръ не включены

Общий свод певических древнегреческих рукописей, виденных на Афоне

Пантелеимон зимою (с северо-запада).
Получено при письме о. Матфея от 16 января 1907 года

Патриарх Иоаким III

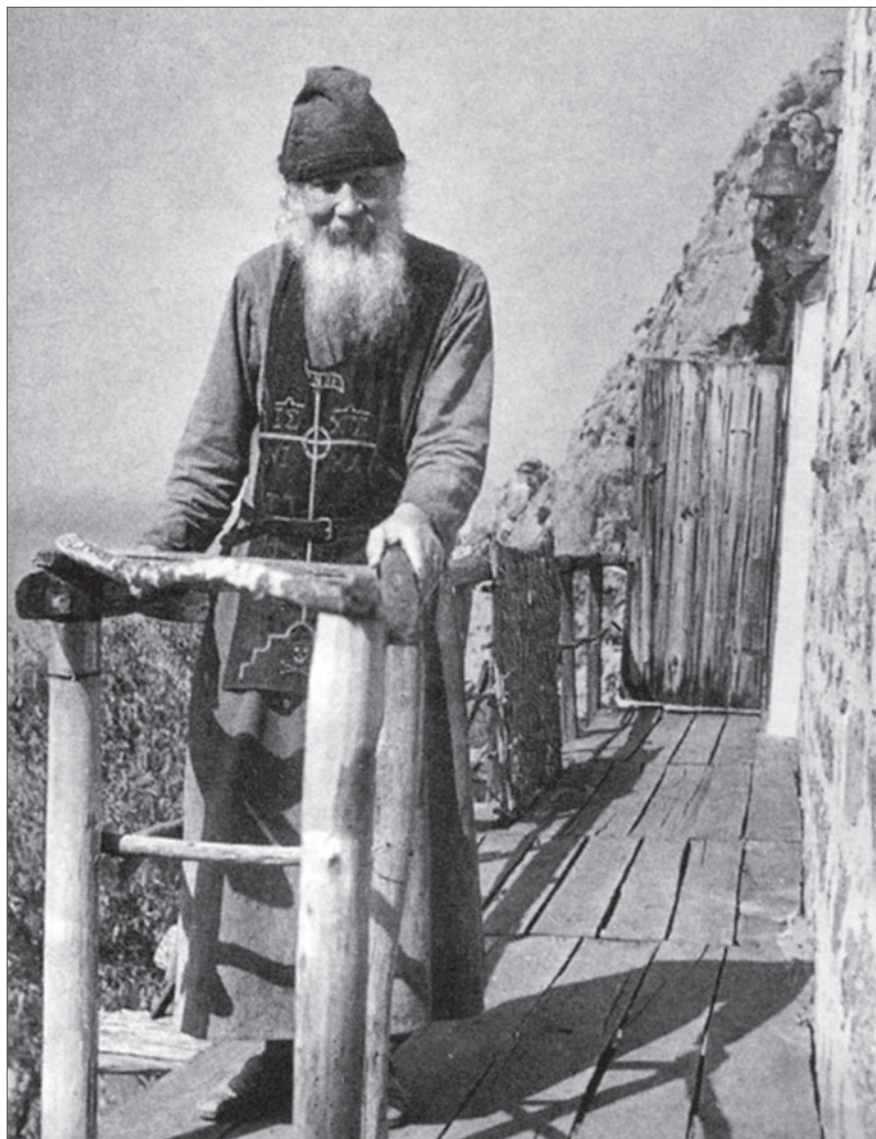
Иеросхимонах Пантелеимон,
настоятель Крестовоздвиженской келлии

Иеромонах Петр, настоятель «Белозерки»

Архимандрит Иосиф,
настоятель Андреевского скита

О. Феодосий Карульский

Епископ Порфирий (Успенский)

Архимандрит Антонин (Капустин)

А.А. Дмитриевский

Схиархимандрит Кирик. 1926 год (сидит слева)

Письма афонских иноков

Письма о. Матфея

Couvent St. Panteleimon (Mont Athos), 23 августа 1906

Многоуважаемый Степан Васильевич!

Надеюсь, что Вы благополучно, при помощи Божией, добрались до Питера, поэтому осмеливаюсь поздравить Вас с благополучным прибытием. Надеюсь также, что все собранные Вами здесь материалы — бумажные и стеклянные без всякой утраты также достигли вместе с Вами Питера.

Вы вспомните наверно, что я по поводу Ваших изысканий относительно крюковых греческих рукописей писал в Патмос к своим тамошним приятелям¹, прося их прислать фотографические снимки с имеющихся там таковых рукописей, содержащих «ирмологии» и «стихирари».

Вчера я получил оттуда прилагаемые при сем фотографии из оказанных рукописей. По справкам же, наведенным тамо, оказалось следующее: значащийся в каталоге Патмосских рукописей И. Саккелиона² под № 4-м «Ирмологион», содержащий первые 4 гласа (с началом), так как вероятно мало кто им интересовался, то он и ушел в неизвестные места со своего места на полке, а на его месте стоит неизвестно откуда взявшееся *Евангелие*!³ Прилагаемые теперь два снимка — с 4-х страниц *Ирмология* (без начала и конца), значащегося у них под № 5-м. Следующий снимок с кодекса ихнего под № 218-м — это «Стихирарий» (как видно по письму, XII или XIII века). Таких «Стихирариев» в их библиотеке 10 штук, №№ 218—227. И все они писаны такими же — как на снимке — крюками и приблизительно того же (XII—XIII века) возраста. Постоянного фотографа в Патмосе нет. Случилось так, что с получением моего письма явился туда и фотограф и сделал эти снимки. Кажется, что предпринять там большую работу фотографией будет затруднительно. Впрочем, я затребовал еще справок о сем.

Засим, желая от Господа здравия и помощи в трудах Ваших, свидетельствую почтение от всех знающих Вас отцов наших. Прошу при случае засвидетельствовать от меня такое же и господам Преображенскому Антонину Викторовичу и Лаврову Петру Алексеевичу.

Уважающий Вас и готовый к услугам смиренный инок Матфей.

К письму прилагаются три фотокопии греческих нотированных рукописей. На обороте фотокопий надписи на греч. яз.: л. 103, 104 — *πάτρου ἁρίφ Ν. Ε.*; л. 107 об. — *πάτρου, ἁρίφ. ΣΗ. См. на с. 499—501.*

¹ Про патмосских друзей о. Матфея см. в статье А. А. Дмитриевского (Приложения).

² Sakkelion Ioannes. *Catalogus manuscriptorum Nationalis Bibliothecae Elladis.* Athenis, 1892.

³ На л. 105 об., 106 приписка о. Матфея на полях: «Вероятно, кто-нибудь *заинтересовался*-таки им!».

[Пантелеимонов монастырь,] 18 декабря 1906

Многоуважаемый Степан Васильевич.

С большим удовольствием получил я Ваше любезнейшее письмо еще от 15 октября из С.-Петербурга, но ответить на него решаюсь только теперь, пользуясь случаем принести Вам приветствия по случаю наступающих торжественных празднеств Св. Православной Церкви — Рождества Христова и Богоявления, которые при сем и желаю Вам встретить и провести в добром здравии и благодушии. Прошу также принять душевные благожелания и на наступающий новый год, который (как и многие иные — впредь) да сподобит Вас Господь провести здраво и душеспасительно, благоуспешно и с добрыми результатами, подвизаясь на избранном Вами поприще — в возделывании почти непочатой нивы, церковной нашей музыки — для общего блага Св. Церкви.

Ответить немедленно на Ваше дорогое и многосодержательное письмо я затруднился по многим причинам, о которых постараюсь дать по силе объяснение ниже сего. Все, что написано Вами относительно 10-ти стоящих в библиотеке Патмоса недвижимо (к сожалению) и архибесполезно Стихирарей, прочтено мною с крайним интересом и сочувствием. Но это, разумеется, не требовало *немедленного* ответа. Нужно было над этим и подумать, и собрать кое-какие относящиеся к делу сведения. Кое-что по этому поводу сделано, но, к сожалению, результаты совершенно не дающие никаких надежд... Главное же, что и относительно наших работ афонских ничего не было такого, чем бы Вас порадовать. О. Гавриил, разумеется, не сидел в это время сложа руки. Вот что, однако, произошло.

εση μω. ταυτα πη τα διαλασ αμαρ τι
 αση μου ο υαδρ ημη τωσ και δεδω σα
 σμεν οσ εσταμ τασ τοιασ ω ρασ :
 εη φερ βητι και το μοσ ητησ φερ φβου
 το φαιμα βρηταμασ ταοιο εη τωσ τω
 τωσ σαμ τω πατ ημ ετε βυλο η πε φ σ
 υαδρ ητην ε αλτηρ εσταμ ω ρασ :
 εη φερ υαδρ φ υωσ σαρκι συλλ αμου εη
 βητασ : τομ εικε πατρωσ φερ ομα
 παρο βικα ημ τα λογομ ετη μοιοσ
 αση ητοι εβραημο μωσ :
 η γκο ανδρου ιβροσ ω α η κ
 εη σιμ η τομ κνηω αση μακαρι
 οτι παρ ε εωσ τομ ετα ημ εη
 σα σ β δυ λ ασ λυτ ερα εη εη

τησ τωσ εφ εσταμ εη βητη ρ ητηρ ωσ ομ
 τη μακω η σου αη κη κοσ και εβου η φη
 οτι εστα φβραμ και εζο ρωσ ημου και
 τωσ κηου εη εη η σασ χρεαε :
 η ηω αη η ηω εη σηου σασ η ε μου ε
 αση β δ α σασ ταοι φω τωσ εη τωλο
 σου καταγασση μεσ ωσ ημοσ και
 σι λ ασ τωσ εη η ησ :
 εη εωσ αμαρ ηη μαωμ σιω εη μαωσ
 ηη και εη τωσ εη του ημου εη μαωζομ
 εη σασ τωρ ηω μαρ εικε του ηη ρωσ κη
 μεσ τωμ πατρωσ εη η εη ε εη εστασ εη
 εη η εη εη η η μου η βροι παρ ε ε η η η
 η σ η μω εη εβου η ωσ η τωσ βυλο η
 τωσ ε φβωσ οτι εη αη η φω ε η ε η ε η

Α. 103

της τρισχιλίου δεξιοσ. ταισ μαρμαριγαισ φωτοδοτωσ ητε
 οικουμβριμ αρχιγρωτικγοι. αλλοικ τω φωνη τον τρισω τον
 δεσπομ τεσ. διο. τωρεσ υα σατβ σαθηκραι τωσ ψυχα κλεισμ.

Ω αυλω θρωσ. τωβρικυκλωω τεσ μοεραουσια. θγοι αρχαγε
 τρισαγιου φωνη τω τωρυ παριθεω. εμφλο γεροισ τοισ χηλεσι
 τε. ατιοσ οθβσοσ. οσωληκρωσ μαρ χοσ. ατιοσ ισ χηροσ ολισοσ ωμ
 χοσ. ατιοσ αδαμ ατσοσ τσομμοσ ομοσ τωσ μα. τωσ σω πατρι
 υωσ ωδοζαζοιμβρομ.

Ασμεατοισ χηλεσιμ καινοβροισ φομμοσιμ. τωσ ανβλωμαηθ
 τομ ακατωσ ωσ φομμομ. τωροσ φερουσιμ τικσ και προσιτω θε
 τικυριε. και μοεσ καθαροικαι λειτουργοι τικσ σικσ δεξιοσ αμμοσ
 δεσποτα. σω αυτοισ δεμ χηκωσ ωμ ατσοσ. και τωρεσ ωτο φα
 τωσ μαρ ωδωσ αμβωμ. ο αρχιγρωτικγοσ τωσ μαφελωμ. εαθια τα
 σκιερον γεγομεν. τα τωσ ασματωσ ασματωσ. τωρεσ τρεπωμ
 κμαε. αυδεμ τικωσ προσιτω σου δεξικ φιλαμθρωσ. ιμα τωρε
 ατωσ τωσ. υπεριτωμ ψυχομ κημοσ.

Πυριμοσ χηλεσιμ υμεισ ετω χηρομ ωμ χηριε οθβσοσ. ασωμ
 δε φομμοσιμ. ωσιγη τωσ δεξολογεισε. τωσ αρχανβλωμο χοροσ
 χηκωσ αρχιγρωτικγοσ. τωσ μαρ ωδωσ αμβωμ. τομεσ ημικ
 μμοσ ακατωσ ωσ φομμομ. τωροσ φερει τικωσ δεξικ σου. αυτοσ γαρι
 σκιερον. και τυωσ εσεν προσ παμ κγυριω φαιδραμ. κροτκσο
 ζιοσ ψαλλικωσ. αμμοσ τον τρισαγιου. τωσ σκλιμοισ χη.
 οτι τα παμ τα τικσ σικσ αμεσσοσεσ ω κηθκ. και τωρεσ χη
 κοσμοδι ατωσ τομ μετωελεσοσ.

Отправился он в Андреевский скит и снял с их Стихиаря все что следовало. При возвращении домой мулу, на которого был возложен труд переноски негативов, уложенных в переметных сумках, вздумалось дорогой попробовать крепость придорожной скалы одною из этих сумок. Результаты этого опыта оказались следующие: все негативы со снимками именно средины Стихиаря оказались растрошенными. О. Гавриил обескуражился, но погубленное, разумеется, будет восстановлено и отпечатано вновь. Я предлагал о. Гавриилу согласно Вашему выражению: послать Вам то, что есть у него готовое, остальное дошлет потом. При внимательном отношении к снимкам путаницы не должно при этом произойти. Он обещал поступить так. Портреты Ваши вышли превосходно. Очень отчетливо отпечатаны. Но вот, что касается до Есфигменского Ирмолога, то дело затянется. А обстоятельству сему причины трудно устранимые. Извольте видеть, как все устроилось: по отъезде Вашем со Св. Горы, *в сентябре* у нас вдруг настала такая резкая перемена погоды, повеяли ветры холодные и буйные, полили дожди, так что о путешествии нельзя было думать. Сентябрь этот и на меня повлиял не особенно приятно: сильно простудил я ноги, сильнейший ревматизм в левом колене лишил меня на несколько времени даже возможности ходить. Теперь, слава Богу, ноги мои пришли почти в нормальное состояние, но все время идет возня с мазями, пластырями и втираниями. Дело доходило и до костылей.

За сею бедою последовали иные: появились на Св. Горе шайки оперировавших в Македонии греческих разбойников, стали учащаться убийства болгар рабочих (ибо против них только свирепствовали эти злодеи). Между Зографом и Ватопедом на дороге были найдены 3 трупа убитых болгар рабочих (из Зографа и из нашего скита «Богородица»¹). Потом у нас на «Крумице»² в лесу также оказались двое болгар убитых (которые были посланы в лес за дровами). Были случаи убийств и в самой Карее. Эти убийства вместе с распространяемыми угрозами сильно повлияли на наших рабочих болгар, и они, закончив летние работы (до 26 октября), ушли большею частию с Афона. Были вызываемы не однажды турецкие войска, произведены несколько раз объезды по Св. Горе, но, разумеется, ничего и никого с официальным ярлыком разбойника — не встретили. Передаю эти подробности для того, чтобы сказать Вам, что не одни болгары устрашишася, но и иноки поспраждновали порядочно трусу! Ощутительный результат сих страхов тот, что о. Гавриил *не решился* ехать на работу в такие далеко лежащие палестины, как Хиландарь и Есфигмен

и проч. Надо было рисковать, во 1-х, аппаратом и сделанной работой, а во 2-х, и самому можно было рисковать вместо «светопечатных» занятий попасть в тень и сень смертную! С наступлением ноября дела как будто поуспокоились, ограбления и прочие покушения стали реже, но зато с половины ноября и [по] сей день настали такие бури и резкие колебания барометра, дожди и ветры, что мы диву дались такому волнению атмосферы. За это время барометр раза четыре падал с 775 — до 749 ½! Питеру, может быть, такие прыжки не диво, но наша Св. Гора привыкла к более глубокому постоянству. За все это время мы лишены сношений с грешным миром. Пароходы подходят к нам в свое время, но Св. Гора не подпускает их к себе, и они уходят не солоно хлебавши. Завтра однако обещает к нам зайти русский пароход и забрать наши поздравительные Праздничные письма. Поэтому, не удлиняя более сего письма и оставляя себе удовольствие передать Вам результаты моих справок в Патмосе и инуде, свидетельствую Вам глубочайшее почтение и остаюсь

помнящий Вас с любовью о Христе и готовый к услугам смиренный инок
Матфей.

О. Игумен и отцы наши сердечно благодарят за память и просят принять их приветствия и благожелания.

РГИА, ф. 1119, № 84, л. 120—123 об. На бумаге с гравированным изображением Русского монастыря св. великомученика и целителя Пантелеимона на Святой горе Афонской. На гравюре тушью обведено окно и на полях поставлена помета «№ 7-й» — комната, в которой жил Смоленский.

На л. 120 помета рукой Смоленского: «получение и ответ 6 января 1907».

¹ Скит «Богородица» (Ксилургу) — древнейший скит на земле Пантелеимонова монастыря, населенный в это время болгарскими иноками.

² Кромица (Крумица) — имение Пантелеимонова монастыря на самой границе Афона (около 10 верст в окружности). Земля здесь возделывалась под виноградники, маслины, сады и огороды; отсюда Пантелеимон получал основные продукты питания. Постоянно в скиту жили около 20 иноков и эконом. В Кромице было несколько церквей, здесь же располагались кельии Рождества Пресвятой Богородицы и св. Пантелеимона.

Земли Кромицы и сегодня заняты виноградниками, садами и огородами; выращиваемый здесь виноград дает известное вино «Агиоритикос»; сохранились и церкви Кромицы.

Couvent St. Panteleimon, 16 января 1907

Многоуважаемый Степан Васильевич.

Как от себя лично, так и от лица всех знающих Вас наших отцов приношу Вам приветствия с наступившим Новолетием с искренним пожеланием Вам от всещедрого Господа — Творца времен и лет благоволения и Его благодатной помощи в трудах Ваших на пользу Святой Его Церкви и славянской науки, — имеющей целью прославление на земле Его пресвятаго имени.

В письме моем от 18 прошлого декабря и года (в ответ на Ваше любезное письмо от 15 октября) я пообещал Вам некий ответ на предложение Ваше относительно операции на апокалипсическом острове. Посему состою Вам ответом должным. Сказать по правде, — и при самом чтении Вашего предложения у меня уже сложилось в уме известное представление об успехе или неуспехе, но я все же считал необходимым дать время себе на обсуждение сей экспедиции и вместе с тем запастись подходящими к этому делу сведениями, потребными для того, чтобы уяснить себе дело во всех подробностях. Если помянутое мое письмо от 18 декабря дошло до Ваших рук благополучно, то и из него видно уже было, что я не питал каких-либо надежд на успех. Но тогда еще имелась непосредственная связь нашей обители с островом Патмосом в лице одного иеромонаха, который исполнял там наши поручения и кое-какие заказы. Так как он был в теперешнем строю тамошнего братства обители — не последняя спица в колеснице, то при помощи его можно было рассчитывать на успешное добывание сведений из их библиотеки. Но этот самый подходящий для нас человек в конце прошедшего года назначен управляющим метохами Патмосского монастыря, находящимися *в Крите*. Таким образом мы теперь непосредственных сношений с Патмосом лишены¹. Из добытых по этому же поводу сведений видно, что порядки в Патмосской библиотеке очень строги (именно ввиду того, что некоторые рукописи все-таки из нее улетели). Так, *никому никогда рукопись не выдается вне Обители и острова Патмоса*. Были и недавние попытки просить рукопись для занятий (через Русское Посольство в Константинополе) в Археологический Институт. Были и прежде, по просьбе Английского Посольства требовала высылки рукописей Патриархия (при патриархе Григории VI), но и в этих случаях был отказ. Даже и братии монастыря рукописи из библиотеки *не отпускаются* в келию. Это потому именно даны мне были сведения, что я справлялся (подходы к цели), может ли быть отправлена одна из рукописей (например из 10 *Стихирарей*) в Константинополь для работы над

нею г-ну профессору или для снятия с нее там фотографических снимков; так как на самом Патмосе фотографии нет, а работать с каким-либо заезжим фотографом обходится очень дорого. Лучшее что мне дали в виде совета, это для занятия над рукописью прибыть лично в Патмос, если же имеется в виду фотографическая работа, то запастись с собою фотографом и потребными материалами.

К тому же администрация монастыря была сильно встревожена оказавшимся подменом рукописи № 54, которая содержала «Ирмологий» XII века на 200 л., неизвестно кем учиненным, и просила нас держать эту утрату *в секрете*. Ибо если о ней узнается в Цареградской патриархии, то может наделать много шума и много неприятностей для монастыря. А между тем можно с вероятностию полагать, чьих это рук не миновала эта драгоценная рукопись. Ибо, как уже я имел удовольствие докладывать Вам, сими нотными рукописями *никто никогда не интересовался*. Единственное исключение было то, что их исследовал на Патмосе известный Вам г-н Георгий Пападопулос, издавший затем книгу «Исторический обзор Византийской церковной музыки» (Ἱστορικὴ ἐπισκόπησις τῆς βυζαντινῆς ἐκκλησιαστικῆς μουσικῆς). Афины, 1904. 8° vs (56) + 289 страниц — в хромографированной обложке. (Наверное Вы приобрели эту книгу в Константинополе, если же нет ее у Вас, то я могу ее Вам доставить.) Этот господин работал там с громкой патриаршей рекомендацией. Скажу однако по секрету, что личность эта не заслуживает особенного доверия, что пришлось мне испытать личным опытом. В конце книги, в помещенных снимках приводится и *письмо* (якобы) *Иоанна Дамаскина* (Γραφή (то есть ноты) Ἰω. Δαμασκίνοῦ) и *старая система* писания нот (*παλαιὸν σύστημα*), но едва ли эти образцы из сказанной рукописи XII века, улетевшей с Патмоса. Однако сей потомок Прометея не настолько прост, чтобы сейчас же и выдать свой секрет. Вы, помнится, сказали мне, что господин Г. Пападопулос верно объяснил якобы начертание древних нот. Однако знатоки греческого церковного пения утверждают напротив, что и *доселе еще убедительно не объяснено начертание нот* (древних) и в объяснениях господ толкователей — немалая путаница. Об этом предмете помещены 8—10 статей в журнале Константинопольской патриархии «Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια» [«Церковная истина»] за 1906 год. Вскоре должно выйти *оглавление* к недельным выпускам сего журнала (на греческом языке). И еще пожелаете, то я доставлю Вам указание на эти статьи. Наверное в Санкт-Петербурге кто-нибудь да получает же этот журнал? (Если не Санкт-Петербургская Духовная Академия, то г. Аф. И. Пападопуло-Керамевс —

Санкт-Петербургская Публичная Библиотека и Санкт-Петербургский Университет.) Сей господин может Вам, аще пожелаете, передать *на французском языке* (на русском — едва ли) эти статьи. Кстати, его можно назвать *знатоком* нынешнего греческого церковного пения, может быть и *это* — для Вас небезынтересно?

Что касается *возраста* 10-ти Патмосских стихирарей (№№ 218—226), то они помечены у Саккелиона в каталоге так: № 218 — год 1167; № 219 — год 1219 (1218); № 220 — год 1223, № 221 — год 1143—1179; остальные — той же приблизительно эпохи — XII—XIII века. Действительно *обидное* богатство! Сообщу однако Вам кое-что и для утешения (*далекие* надежды). По каталогу *того же Саккелиона Библиотеки национальной* (Ἐθνικῆ) в Афинах, между нотными рукописями (около 90 №№) показаны *такие* рукописи:

№ 883 пергамен XII века *стихирафон*, с именами *мелографов*.

№ 884 [бомбицина] 1341 г. тоже *стихирафон*, и с именами, на 401 лл.

№ 889 [бомбицина] XII века *стихирафон* 287 лл., без имен.

№ 810 [бомбицина] XIII века *стихирафон*, без имен, на 264 лл.,

№ 892 [бомбицина] на 258 лл. XIII в. *стихирафон*, без имен.

№ 274, пергамен XIII в. *стихирафон*, без имен, на 122 лл. без начала и конца.

Вот, аще пожелаете снять с них фотографии — при посредстве кого-либо из знаемых в Афинах, то, мне думается, *там* гораздо легче устроить это (нежели на апокалипсическом острове) при существовании по крайней мере *сотни* фотографов, скучающих вероятно без работы.

Кроме сего, как Вам не безызвестно, Крит — остров, выпустивший в свое время на свет Божий немало и писателей, и живописцев, и *певцов* (есть особая школа — *Критская!*), *ввиду этого* я своему патмосскому знакомому (пребывающему ныне в Крите) *крепко-накрепко* заказал *достать* нам *непременно* книг нотных с древними знаками нотными (подобных патмосским Стихирарям)! А потому будем питать надежду, что Бог поможет ему найти там что-либо *подходящее*. Ведь там более 30 монастырей, хотя бы то и слабеньких! Одно только надо иметь в виду: надо дать ему время осмотреться там и обжиться. И аще будет улов изобилен, то можно будет часть уделить и на музыкальную бедность русских книгохранилищ.

Папас [отец] этот жаловался мне, что за снимки, сделанные по моему заказу на Патмосе с нотных рукописей заезжим фотографом, сей последний *содрал* с него не то 2 или же и 4 *меджидие*! Надо будет возвратить ему эти расходы, для сего надо затребовать от него *положительные* сведения.

О. Гавриил, усердно кланяясь Вам, просит — передать прилагаемое письмо П. А. Лаврову. А чтобы нагляднее показать Вам, каким вихрем снега засыпана в настоящее время Св. Гора, прилагает здесь же фотографию, которую, по рассмотрении Вами, также просит передать П. А. Лаврову — как удостоверительный документ, что мы и рады бы работать, но стихии и бури идут *вопреки* нашим желаниям!²

Затем, желая Вам от Господа всякого блага, остаюсь с искренним уважением присно помнящий Вас с любовью о Христе и готовый к услугам Вашим

смирренный инок Матфей.

Р. S. На сих днях писал и я П. А. Лаврову по поводу поездки о. Гавриила в Зограф и просил его передать Вам о результатах сей поездки.

М[онах] М[атфей].

РГИА, ф. 1119, № 84, л. 126—131 об.

На л. 126 помета С. В. Смоленского: «отв[ет] 20 февр[аля]».

¹ Возможно, имеется в виду тот инок, о котором пишет Дмитриевский в публикуемой статье:

...Проживавший на покое долгое время в Патмосской Иоанно-Богословской обители бывший пелусийский митрополит Амфилохий, постриженник русского Пантелеимоновского монастыря, по заказу о. Матфея, за приличное вознаграждение обители, переписал для него весьма много важнейших рукописей этой богатой книгохранительницы, в числе коих были творения св. Феодора Студита, древнейший Типик IX века Великой Константинопольской Церкви и др.

² Фотография Афона под снегом сохранилась вклеенной в Афонский дневник (см. в *Иллюстративном приложении*).

Couvent St. Panteleimon, 12—22 февраля 1907

Многоуважаемый Степан Васильевич,

получил я Ваше любезнейшее письмо от 6 января своевременно, то есть 19-го, но с тех пор все продолжалась плохая бурная и холодная погода, так что мы уже более трех недель не имеем никаких почтовых известий из Одессы, которая — по слухам — замерзла. Но также и с Царьградом и Солунем у нас не особенно частые сношения: часто подойдет пароход к Св. Горе, посмотрит на нас, да и уходит — подальше, подобру-

поздорову. Но все-таки не эта постоянная непогода была причиной, что я не взялся за писание Вам ответа тотчас же по получении Вашего письма. Нет. Ждал я из Крита письма от своего знакомого, из коего надеялся что-либо почерпнуть интересного (если уже не радостного), чтобы передать и Вам. Письмо я получил оттуда вчера, но оно пропутешествовало от Крита до Афона почти месяц (от 13 генваря), так что в нем нет еще никаких ответов на те вопросы мои, какие были направлены туда только 17 января. Однако вот что пишет сей господин неким образом не безынтересное и для Вас относительно патмосских Стихирариев, покоящихся на полках патмосской библиотеки: снимавший с сих Стихирарей *образцы* фотограф имеет свое заведение и постоянное жительство по соседству с Патмосом на острове *Самос*. Так как у него дома работы не ахти сколько, да к тому же он человек, *известный* патмосским монастырским властям и пользующийся их *доверием*, то он с удовольствием возьмется воспроизвести фотографически любой из имеющихся там Стихирарей от доски до доски, но желает при сем знать, что Вы ему предложите за каждый снимок (обычно разумеется в 2 страницы подлинника), дабы он мог составить себе понятие об общей сумме работы (то есть заработка) и избрать для нее время. О. Гавриил советует мне, что надо сему фотографу поставить условием, чтобы он сделал по одному отпечатку всех снимков, а затем, чтобы переслал нам и самые *негативы*. Но будет ли это, то есть пересылка-то негативов, удачною и легкою, я уже судить не могу. А прошу Вас, обсудив сие вышеизложенное патмосско-самосско-критское предложение, направить ко мне ответ для того, чтобы мне передать Ваше мнение или предложение далее — куда надлежит.

В прошедшем моем письме от 16 января (надеюсь, Вы получили оное) я сообщил Вам более подробные сведения относительно возраста и полноты присно поминаемых сих Стихирариев на основании указаний их описателя г. Саккелиона, — чем, предполагаю, еще более возбудил желание, чтобы они когда-либо пропутешествовали в любезное наше отечество, но пока надо отложить сию сладкую надежду ввиду невозможности сие устроить, удовольствоваться можно только фотографическим портретом!

Относительно поисков чего-либо подобного Патмосу и на Крите надо также запастись терпением, ибо человек недавно только туда переселился с Патмоса и не ознакомился еще достаточно с ее [обители] обитателями.

Необычно долго затянувшаяся у нас зима все еще мешает работать фотографии; проглянет денек, ожидаем, ну вот — мол, и конец зиме!

Не тут-то было: опять задует, забушует на целую неделю. Даже в *Крите*, откуда и Египет недалеко, пишут мне, что *от холода* нельзя держать пера в руке. О печах там имеют понятие только о тех, где пекут хлебы. А ведь люди говорят: ныне, 22 февраля / 7 марта вся Европа чувствует дыхание севера, да и Америка жалуется на холод. Надеюсь, что все посланное Вам о. Гавриилом достигло к Вам в исправном виде. О. Гавриил сообщил мне, что Вы уже извещали его о получении посланного от 23 января. Дабы *недокончанная* исправить в Лавре, о. Гавриил собирается туда каждый день. К сожалению, работая с холодной водой, он простудил себе правую руку и теперь навевывается ежедневно в нашу лечебницу, где ему производят натирания и перевязку. Однако он не робеет, говорит, что *вскоре* может снова взяться за работу. Жалуется он только, что писал будто бы г. Преображенскому некие вопросы, касающиеся *здравия* отправленного ему фотографического аппарата, и доселе не сподобился получить ответов. Далеко мы живем от Питера, но душевно сочувствуем происходящему там. Как Вы ныне тамо поживаете. Выраженная Вами в начале письма скорбь угнетающе отозвалась и на наших сердцах. [Официальные?] газеты гласят, будто бы дело идет на лад, а посторонние плетут иеремиады. Да умиласердитесь Господь над нашей бедной родиной! Все знающие Вас отцы наши с о. Игуменом во главе приветствуют Вас, желают здравия и благодарят за добрую память о них.

Остаюсь с искренним почтением к Вам, желающий Вам от Господа всякого блага и готовый к услугам Вашим

смиранный инок Матфей.

РГИА, ф. 1119, № 84, л. 136—139 об.

Couvent St. Panteleimon, 6 декабря 1907

Ваше Превосходительство, многоуважаемый Степан Васильевич, Ваше любезное желание от 28 октября достигло ко мне своевременно. Очень сочувствую выражаемым Вами жалобам на медлительность процесса снимков о. Гавриилом. Ему я сейчас же предъявил Ваше послание, довел и до сведения о. Игумена. Но так как у о. Гавриила немало поводов, оправдывающих его медлительность, а вместе с тем он был убежден, что из повествований возвратившегося отсюда г. Лаврова¹ Вы могли ясно усмотреть, что дело окончания оставленных Вами работ идет *не особенно плавно*. Однако, так как у о. Гавриила были все-таки достаточные мате-

риалы, приготовленные давно, то я и убедил его отослать к Вам по крайней мере то, что есть налицо, а также и дать объяснение на остальную работу: *что* для нее надобно и в чем встречаются затруднения. *Записку* эту, для видимости, прилагаю *здесь же, не имея времени* переписать ее. Сегодня ожидаем парохода, и потому в настоящем письме я не стану распространяться относительно причин, коими затрудняются наши работы. Предоставляю себе удовольствие, аще Господь даст и живы будем, писать Вам более подробно впоследствии. Только относительно Хиландаря скажу, что в настоящее время отношения между нами и Хиландарем по местным разным причинам довольно смутны, и потому теперь обращаться туда нам с просьбами относительно работы над их рукописями неудобно. Будьте так добры: черкните 2—3 строки о. Гавриилу по получении его снимков. Он будет доволен и, умягчившись сердцем, будет продолжать трудиться с более усердным прилежанием. Известно ведь, что работа из-под палки не особенно продуктивна...

О. Игумен и все поименованные Вами и непоименованные отцы наши весьма благодарят за память о них и приветы. Ввиду же приближающихся великих торжественных дней Праздников Рождества Христова и Богоявления желаем все мы Вам праздновать оные во здравии и радости духовной. А наступающее Новолетие да будет Вам летом милостей Господних.

Остаюсь присно помнящий Вас с любовью о Христе и готовый к услугам Вашим

смиранный инок Матфей.

Материалы о. Гавриил сдал в канцелярию нашу вчера. С таким же адресом, по какому, по его словам, были исправно доставлены Вам и прежде сего посланные материалы.

РГИА, ф. 1119, № 84, л. 151—152 об.

¹ См. письмо П. А. Лаврова от 2 октября 1907 в разделе *Письма*.

Couvent St. Panteleimon, 9 февраля 1908

Ваше Превосходительство, многоуважаемый Степан Васильевич.

Ожесточили есте еже молчати! На мое смиренное желание от 6 декабря прошлого года не получил я от Вас никакого уведомления. Положим, что письмо то и не претендовало на ответ, но вкупе с тем письмом

(в то же время) была отправлена *посылка* от о. Гавриила с фотографическими снимками на имя «Императорского Общества Любителей Древней Письменности», о чем я доводил до сведения Вашего моим посланием. Не говоря уже о том, что нам *интересно* было бы знать о получении Вами сей посылки, но полагаю, что нельзя же назвать порядком то, что мы доселе не имеем о посланном никакого известия. Между тем, видя в русских газетах сведения о том, что в заседаниях «Общества Любителей Древней Письменности» и Вы и г. Преображенский читали рефераты, относящиеся к Вашей ученой экскурсии на Св. Гору, не можем же мы предполагать, что Вы отсутствуете из Питера. Итак, имейте в предмете, что мы все еще ждем не только известия о получении посланных снимков, но и о тех недостатках, какие могут оказаться в сказанных снимках. Вообще можно сказать, что дело фотографирования идет неуспешно. Полагаю, что возвратившийся из своей последней поездки на Св. Гору П. А. Лавров передал Вам достаточно сведений о разных препятствиях, встречаемых фотографиею не только в Есфигмене, но и в Хиландаре и Зографе и прочих обителях. О препятствиях непредвиденных, из-за коих едва не пришлось г. Лаврову уехать отсюда *всуе* и теперь. Однако в конце «успех» все-таки обратился к нему с веселым лицом. Но помяться и ему пришлось немало.

О. Игумен и все помнящие Вас отцы, их же имена весте, усердно кланяются Вам и желают добраго здравия и ученым трудам Вашим полнейшаго успеха на пользу науки и Св. Церкви.

С таковыми же благожеланиями остаюсь и аз,
душевно уважающий Вас и готовый к услугам Вашим смиренный инок
Матфей.

Р. S. Из Крита и Патмоса люди, занятые убираением ниспосланнаго Богом тука пшеницы, масла и вина, утешают меня обещанием, что теперь займутся изысканиями, более любезными для нас и относящимися ко временам давно прошедшим. Давай Бог.

М[онах] М[атфей].

РГИА, ф. 1119, № 84, л. 155—156 об.

Couvent St. Panteleimon, 4 мая 1908

«Христос воскрес!»

Ваше Превосходительство, многоуважаемый Степан Васильевич, прошу принять от всех нас, Вас помнящих и поминающих, всерадостное приветствие со светлыми и торжественными Праздниками Воскресе-

ния Христова и искреннее пожелание да сподобит Вас Господь праздновать оные во здравии и благополучии на многия лета! Негаданная потеря Вашего *декабрьского* письма нанесла действительно нам немало неприятностей и огорчения, но настоящее Ваше любезное послание от 5 марта разъяснило нам причины происшедшего молчания и безвестия и вместе с тем порадовало нас уверением, что посланное не погибло и благополучно достигло до рук Ваших и уже пошло в дело. В этом убеждении о. Гавриил постарался отправить к Вам и бывшие у него давно готовыми к отсылке *стекла*, что и исполнил, отослав их с русским пароходом на Одессу *20 апреля*, с ехавшими тогда туда нашими отцами. Оттуда вероятно они будут препровождены к Вам *наложенным платежом*, даже предполагаем, что, быть может, в настоящее-то время Вы уже их и получили исправно. Во всяком случае, просим известить нас о их получении и о сохранности. Хотя это уже и не первая пересылка, но о. Гавриил говорит, что настоящая посылка оказалась очень тяжкою, что-то более пуда — вероятно, поэтому желательно убедиться, что ничто не пострадало в пути.

Относительно Ваших указаний о последовательности работ в Есфигмене, Ватопеде и Хиландаре о. Гавриил принял это к сведению и руководству, ибо теперь, так как погода уже установилась достаточно, время уже и приняться за работу. Была хороша для работы у нас и зима, на удивление теплая и постоянная в январе и феврале, но о. Гавриил почти до половины Великого Поста (с Рождества) пробыл на нашей больнице. А перед Рождеством действительно собирался в путешествие по вышеупомянутым монастырям, ибо давно это имеет в уме. Не знаю только, как он обойдется со стеклами, так как, пожалуй, запасы-то давно поистощились. Однако полагаю, что о. Гавриил учинит подробный подсчет имеющемуся у него на руках материалу и доведет это до сведения Вашего.

Душевно благодарю Вас за сообщение высокоинтересных подробностей относительно Ваших работ и добытых фактов, искренно все мы желаем Вам дальнейших успехов. Несомненно, что для всех интересующихся церковным русским пением глубоко интересны Ваши труды и открытия. Видел я в газетах, что (кажется) Вы и в Москве читали лекции о своих работах, и в Питере (в марте) тоже. Помогай Вам Бог. Прошу передать мое приветствие А. В. [Преображенскому] и пожелание совместного успеха. Если у Вас имеется отдельный оттиск из статьи *Н. Соловьева*: «Труды С. В. Смоленского в области изучения древнерусского Церковного пения», Казань, 1908, то было бы приятно получить таковую для нашей библиотеки. Из Патмоса жду сведений, понеже наш

приятель иеромонах, живущий теперь в Крите, празднует ныне Пасху на Патмосе.

Желая Вам всего наилучшего от Господа остаюсь уважающий Вас и готовый к услугам

смиранный инок Матфей.

Р. S. Недавно встретил я издание следующей книги, которая, быть может, покажется и для Вас *интересной*: *Gastoué A. Catalogue des Manuscrits de Musique byzantine de la Bibliothèque nationale et des bibliothèques publiques de France, précédée d'une introduction a la paléographie musicale Byzantine. Paris, 1908*¹. Писал ли Вам что-либо относительно греческих древнейших музыкальных рукописей Rev[erend] Louis Petit — игумен монастыря католического во Константинополе (Кады-кёй)? Я, кажется, извещал Вас когда-то о том, что сей Патер сделал фотографические снимки с находящихся в Париже рукописей *древнего Ирмолога*².

М[онах] Матфей.

РГИА, ф. 1119, № 84, л. 157—159

На л. 157 помета С. В. Смоленского: «пол[учено] 15 мая».

¹ По современным данным, каталог крупного ученого А. Гастуэ вышел в 1907.

² Об этом священнике см. комментарии в *Письмах*.

Письма о Гавриила

Афон, Руссик, 25 декабря 1906

Душевнотимейший Степан Васильевич.

Накануне Рождественского Праздника я получил Ваше первое любезнейшее писание и был глубоко тронут им.

Относительно работ по «бесконечному» делу скажу, что они далеко еще не окончены. В Есфигмене, Ватопеде и Лавре я не был по причинам, о которых писал Вам о. Матфей. К тем причинам я прибавлю еще одну, и кажется — главную. Однажды утомленный продолжительной ходьбою я вздумал искупаться потным, и в награду за сию отвагу я получил рожу, которая собственно и заставила выдержать карантин в келье почти 1½ месяца. Теперь выхожу на воздух, но следы болезни еще не совсем

исчезли. Конечно, для Вас сие не важно; но я пишу причину, по которой я не мог делать дело.

Андреевская книга могла считаться оконченной, если бы не оказалось несколько разбитых в дороге негативов (из-за которых я должен вновь тащиться в Андреевский Скит). По совету о. Матфея на следующем пароходе (4 января) я отправлю Вам снимки Андреевской книги, а недостающие пришлю Вам вместе с негативами, но не прежде как получу от Вас известие, что посланные позитивы Вами получены.

Простите.

Признательный Вам Гавриил фотограф.

Поклоны Ваши розданы. И все отцы благодарят Вас за память и взаимно кланяются

РГИА, ф. 1119, № 84, л. 124—125. На бланке с изображением Русского монастыря св. великомученика и целителя Пантелеимона на Святой горе Афонской

Помета Смоленского: «Получено 19 января. Упоминаемые в этом [письме] снимки, отправленные 4 января, были получены в О. Л. Д. П. 22 января 1907».

Афон. Руссик, 25 апреля 1907

Высокочтимейший Степан Васильевич.

Христос Воскресе!

Холода у нас ослабели настолько, что можно двинуться уже и в Есфигмен. А потому мне необходимо получить от Вас следующие сведения.

В Вашей заметке говорится: № Г 12 л. 19, об остальных будет написано из Санкт-Петербурга. Рукопись Г 67 — тоже из Санкт-Петербурга, а между тем до сих пор Вы ничего подобного не прислали. Дальше, Вы пишете в заметке, что зачеркнутые номера страниц как уже снятых снимать вторично не требуется. Где эти зачеркнутые номера? Я их не нахожу нигде. А потому покорнейше прошу Вашего подробного наставления, чтобы не была напрасная трата пластинок и времени и чтобы с Вашей инструкцией можно было работать безошибочно как в Есфигмене, так и Ватопеде и Лавре.

Меня о. Матфей спрашивал от Вашего имени, какие снимки я делал для Вас в Хиландаре? Я ответил отрицательно, что и Вам повторяю. Хотя я сделал там несколько негативов, но для господина Лаврова, и то с позво-

ления Вашего. Следовательно, если что требуется снять в Хиландаре, пишите теперь же, чтобы (если можно) покончить все зараз.

Еще просьба. Пришлите пожалуйста пленочную кассету для камеры «Эрнеман» на 13 x 18, попросите или заставьте купить таковую господина Преображенского, она стоит 11 рублей. По получении кассеты Архимандрит Мисаил вышлет Вам 11 рублей. Прошу Вас о сем только в силу необходимости: кассета-магазинка, не знаю по какой причине (думаю, от падения с высоты), начала выкидывать такого рода фокусы. Во время работы при перемене пластинок №№ 5—6 падают вместе также 10 и 11, что не только тормозит и осложняет работу, но и путает работу. Так было в Андреевском Скиту. Я отдал слесарю, который сказал, что падают по 2 пластинки потому, что медные брусочки, на которых держатся пластинки, обтерлись и закруглились, и обещался их заменить новыми. Но с новыми брусочками история та же. Теперь магазинка опять у слесаря, который говорил, что необходимо и пружинки переменить, ибо они ослабели и не выдерживают тяжести. Починка будет не скоро. Вот на это время пленочная кассета и послужит вместо той. Кстати, у меня целы оставленные Вами 10 катушек пленок, которые и будут употреблены в Вашу пользу. Прилагаю при сем снимок с нотной Ватопедской книги, с которого 10 лет назад я снимал для господина Успенского (его аппаратом), и если нотные знаки для Вас интересны и должно их снять, пишите о сем.

О. Матфей говорил, что Вы думаете посетить Патмос. То если бы это случилось, то он сердечно желает сопутствовать Вам туда (конечно, если к тому времени будет себя чувствовать так же хорошо, как теперь).

В ожидании Вашего письма — прекращаю свое.

Признательный Вам Г[авриил] фотограф.

Требуемые рисунки будут Вам посланы в 1-х числах мая.

РГИА, ф. 1119, № 84, л. 147—148 об. На бланке с гравированным изображением св. великомученика и целителя Пантелеимона

Помета Смоленского: «отв. 5 июня».

[Афон, декабрь 1907?]

Господину Смоленскому

Получил я чрез о. Матфея Вашу распеканцию и винюсь пред Вами, в чем виноват, но не ищите вины там, где ее нет; это и для меня не убедительно, и для Вас не полезно.

Помнится, что Вы писали, что работы с Андреевским Ирмологием будет на год, отчасти и это было причиною, почему я не послал Вам, что имел под руками, — снятое еще в бытность здесь господина Лаврова. Но мне желалось послать Вам что-либо законченное. Но это никак не удавалось. Сейчас на Афоне греческих монастырей забастовки. Ватопед, Ивер, Кутлумуш, Святой Павел, Ксеноф, Дохиар и Лавра уже цельный год ведут процесс со своими скитянами. Есфигмен не бастует, но там нет Игумена *Смирнаки*, он в Солуне ведет тяжбу из-за своего метоха, который отнимают у Есфигмена турки. Обещается быть к Рождеству Христову, тогда и можно туда двинуться (если только Смирнаки приедет), без него же нет смысла ехать в Есфигмен, чтобы не повторилась та же история, о которой говорил Вам господин Лавров. Меня чуть не изувечили вместе с аппаратом.

В Ватопеде идет борьба с известным Вам Анфимом, над которым по-видимому берет верх изгнанная им партия, хотя он еще довольно сильно сражается. Старый библиотекарь сменил, а новый ни Вас, ни меня не знает, но дело, конечно, не в библиотекаре, а в примирении враждующих сторон, а этого может достигнуть только Патриарх, да и то с трудом. Теперь изволите видеть, насколько я виноват.

Посылаю Вам бóльшую половину Есфигменского Ирмология и буду ждать Вашей справедливой критики. Вследствие греческого подталкивания и понукания я очень торопился. Некоторые номера снимал по два раза, а к довершению горя больше дюжины разбилось в дороге.

У меня осталось Ваших 10 дюжин пластинок и 5 полдюжин пленок, которые я от Вашего имени предлагал г. Лаврову, но его фотограф примерял и сказал, что пленки малы для их кассеты, и возвратил обратно, а у меня взял две дюжины пластинок. Я, конечно, не смог отказать, зная, что у Вас общие интересы. Пленки теперь уже не годятся для серьезных работ, так как срок, обозначенный на каждой катушке, давно кончился. Следовательно, 3 дюжины пойдет на окончание Есфигменского Ирмолога, 2 дюжины пойдет на Ватопедские рукописи, остальные 5 дюжин пойдут на Лаврские рукописи. Одну дюжину пластинок из вышесказанных я кладу на непредвиденные неудачи, поломки и прочее. О Хиландарском Ирмологе пишет Вам сам о. Матфей, и если Вы найдете, что его необходимо сфотографировать, то по числу листов присылайте пластинки.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Степан Смоленский

Из «дорожных впечатлений»

Мне приятно исполнить свое обещание и сообщить «Русской музыкальной газете» несколько впечатлений о нашем церковном пении, полученных мною в разных местах по дороге на далекий Афон. План моего путешествия неожиданно изменился, и я попал на Афон не через Одессу, как думалось ранее, а через Вену, Белград, Софию и Константинополь. В порядке этих городов я постараюсь изложить свои впечатления.

Венская посольская церковь мне известна с самого начала ее постройки. В 1899 году я был на ее освящении, приехав с отделением Московского Синодального хора. Мы дали тогда в Вене духовный концерт. 45 синодальных певчих под управлением В. С. Орлова пели в этом концерте вполне превосходно, стройно, артистично и тем повергли музыкальный мир Вены в самое полное изумление, даже и в некоторое недоумение. Все газеты, всех направлений, единогласно признали, что пение Синодального хора совершенно поразило всех немцев, не только не слыжавших такого совершенства в хоровом исполнении, но даже и не представлявших себе, чтобы люди могли когда-либо дойти до чего-либо подобного. В России таким восторженным отзывам давали тогда особую цену еще и потому, что все понимали, как в городе Гайдна, Моцарта, Бетховена, Шуберта, Брамса было нелегко взять первый приз по музыкальной части; поняли даже наши русские критики, что заставить самолюбивых немцев сознаться в превосходстве русских можно было только силою искусства. Синодальные певчие с великою честью взяли в Вене первый приз, и только после этой победы поверили москвичи, что Синодальный Московский хор в самом деле поет отлично. Как ни горько я вскоре поплатился за такое торжество Синодального хора, — все же приятно вспомнить о венской его победе.

Но остался и другой след в Вене от концерта и вообще от пения Синодального хора. Прежняя домашняя посольская церковь в Вене много лет пробавлялась пением маленького мужского хора. Пели больше чехи, русины из хористов здешней оперы, по большей части католики. Они пели стройно, невольно перевирали иногда тексты, так как пели по нотам, где слова писались для них немецкими буквами. Но они, при всем их немецком искусстве, понятно, не могли вложить в свое пение хоть сколько-нибудь того, что заставляет православного чувствовать себя в своем родном храме. Между тем кто же не знает, что даже нынешняя полу-славянская «Ведень», то есть Вена, есть в сущности крупный славянский политический центр и в венской православной церкви при нашем посольстве часто молятся не только онемеченные славяне, но и далекие от Вены славянские гости-православные. Здесь постоянно видны чудесные народные одежды македонцев, черногорцев, босняков, сербов, болгар, также как и угро-русов, буковинцев и проч. В венской церкви все они объединяются в церковнославянском языке и в знакомом, родном богослужении. Понятно, что новый, и притом великолепный, храм в Вене выдвинул вперед вопрос об утверждении такого объединения в будущем. И я был очень рад, когда один из талантливых и образованных певчих Синодального хора, Анатолий Михайлович Архангельский, остался после нас в Вене и сразу принялся за устройство смешанного славянского хора, то есть из мужских и женских голосов вместе. Немедленный успех этого хора сразу поставил дело на настоящую дорогу. Г-н Архангельский был назначен псаломщиком Венской церкви, и хоровое пение славян зазвучало в Вене так, что преемство нового хора и связь его с прославившимся Синодальным хором окрепли совершенно. Вскоре слава хора русской церкви под руководством г-на Архангельского усталила этот хор как одно из лучших художественных учреждений Вены, имеющее совершенно особый выбор сочинений. Концерты, числом свыше 20, утвердили репутацию хора и в частности его «души», то есть г-на Архангельского.

Так продолжалось шесть лет, и, по-видимому, только и могло бы продолжаться так к общему удовольствию всех славян, к чести русского имени и в поучение немцев и католиков. Случилось однако совсем другое: с прошлого года хор этот перестал существовать и, несмотря на наличность при церкви того же г-на Архангельского, в венской церкви опять начал петь мужской хор из 6—8 чехов католиков и хористов здешней оперы. Не мне судить, почему произошло такое печальное во всех отношениях упразднение хора. Вероятно, к тому были причины, сочтенные в Вене

за заслуживающие уважения. Я предпочел бы уменьшение какой-либо другой стороны в деятельности нашего посольства в Вене. Хор посольской церкви, да еще в руках такого деятеля, как г-н Архангельский, несомненно был и должен был быть значащим нечто большее, чем обыкновенный церковный хор. Русская колония в Вене должна была понимать это значение и должна была утверждать его крепче и возможно на большее число лет. Поэтому думается, что как бы ни толковали о причинах упразднения хора, надо было непременно оставить хор на радость и в утешение всех православных славян в Вене, надо было упразднить неблагоприятные причины, а не самый хор.

Мои занятия в Hofbibliothek над чудесными тремя греческими певчими рукописями происходили, конечно, по утрам. Вечера и послеобеденное время уходило на записи об утренних находках, но выдались и часы для самого себя, в память о моей музыке, о которой могу лишь выразиться теперь только в plusquamperfectum [прошедшем времени]. Я побывал на Central-Friedhof [центральной кладбище] в ареопаге знаменитых могил и повидал затем в Hofoper [Придворной опере] — несравненную «Волшебную флейту».

Впечатление от «ареопага могил» — самое восхитительное и вполне грандиозное. Это кладбище, мне думается, самое лучшее в мире по простору, необыкновенному порядку и по массе самых роскошных монументов. В «ареопаге» имеются могилы Бетховена, Шуберта и Моцарта, кругом их Брамс, Штраус и множество иных дорогих каждому музыканту.

Надо ли говорить, что за сплошное упоение было при слушании «Волшебной флейты» под управлением известного Малера? Нелепое либретто, в котором «и сам квартальный не разберется», совершенно исчезает перед небесной красотой музыки Моцарта и непередаваемым совершенством исполнения. Я слушал действительно «оперу», слушал отличных певцов — музыкантов, певших под умнейший аккомпанемент несравненного оркестра. Вместе с тем я подивился на высокую культурность слушателей. У нас нет ничего подобного.

Под такими впечатлениями пришлось уехать из Вены. Путь по Дунаю от Вены до сербского Белграда, мимо великолепного Буда-Пешта — одна из лучших пароходных поездок в Европе. Голубоводный Дунай — есть огромная, мощная, полноводная и очень быстрая река. Берега Дуная до Буда-Пешта — очень населенны и почти каждая прибрежная скала имеет на своих вышках гордые развалины грозных когда-то феодальных замков. Особенно прелестны виды около Девени и Вышеграда. После Буда-Пешта

Дунай течет по широчайшей равнине и населен по берегам намного реже, как у нас Волга за Саратовом. Только у Нейзаца и Петервардейна Дунай прорывает скалистый горный кряж и местность снова становится живописною, оставаясь такою до самого Белграда и знаменитых «Железных ворот». Но общее впечатление о торговом пассажирском движении по Дунаю — самое невыгодное для немцев. На Дунае решительно нет ничего подобного нашим великолепным волжским пароходам. Австрийские пароходы в сравнении с нашими, даже с плавающими по самой верхней Волге, — такая же дрянь, какая ездил у нас в этих местах лет 40 тому назад. Оживления, массы судов на Дунае совершенно нет и сравнивать нашу Волгу с Дунаем совершенно невозможно. Немцам до нашего пароходства так же далеко, как и до нашего хорового пения.

В Белграде и в Софии я был на этот раз не впервые и потому заранее знал, где и что мне слушать. Я отправился прямо в «Велику цркву». Здесь я нашел того самого псаломщика, который когда-то толковал мне значение сербских крюковых нот. Он узнал меня и не преминул и в этот раз показать свое искусство и свои познания.

Сербский одноголосный напев по основаниям своей дисциплины есть, несомненно, напев греческий. Но сербы сумели вложить в греческие мелодии столько своего, что сербское православное пение может считаться за довольно уже самостоятельное творчество, хотя и подчиненное в своих коренных основаниях грамматике греческого пения. Обязательное у греков пение в нос почти отсутствует у сербов. По крайней мере я не слышал в белградских храмах этого сорта греческую «красоту». Но мелодии сербские — прямо прелестны, изящно и наивно-трогательны. Сербы питают к ним, очевидно, самое глубокое почтение и бывают искренне рады, когда какой-либо чужеземец заинтересуется их напевами. Указанный выше псаломщик прямо перечислил мне, что в таком-то году интересовались его искусством такие-то и такие-то иноземцы, а в следующем году приезжали такие-то англичане, датчане, русские, французы — «и все — католики, — прибавил он, — русские совсем не интересуются нашими напевами».

Хоровое пение в Белграде находится главным образом в опытных руках столь достойного деятеля, как г-н Мокраняц. Но я был в Белграде в будничные дни и притом короткое время. В эту побывку мне не удалось слышать этот вполне интеллигентный хор «Сербского Королевского Музыкального Общества». Прежние мои впечатления от этого хора, как и от мастерства г-на Мокраняца, были превосходны. Хор этот лет 10

тому назад был в России и дал в нескольких городах свои концерты. В его программах тогда было немалое число сербских хоровых вещей — очень хороших.

Но я очень пожалел о том, что в этот приезд мне не удалось послушать народных сербских «гусяров», играющих на однострунной сербской скрипке, называемой почему-то однако именно «гусями». В прежний приезд я слышал таких гуслистов несколько человек. Из-под заурадного крестьянского смычка я слышал у них множество мелодий, контрапунктировавших пению былин, духовных стихов из уст того же скрипача-гуслиста. Излишне говорить, как бегло меняются позиции при пользовании лишь одной струною, как умело пользуются местом ведения смычка для извлечения разнохарактерной звучности из этого своеобразного инструмента. Как преисполненные ненависти к туркам, сербы пылко поют свои исторические и духовные стихи. Интеллигентные сербы, даже и из музыкантов, получивших образование, все-таки не бросают свою народную музыку и извлекают из однострунной скрипки самые разнообразные оттенки звуков. Чувство народности у таких сербов не притупляется; сама бедность инструмента, сама необширность репертуара не мешает этим музыкантам горячо любить свою подлинную народную поэзию.

Софию я почти не узнал в этот раз. Болгарская столица очень развилась за последние 10 лет решительно во всех отношениях. Оркестр князя Болгарского, который я слышал в прекрасном ресторане «Червлен рак» (то есть червленый, красный рак), совершенно поразил меня своей выдержкой.

Ресторан этот находится около самого дворца, и князь разрешил своему оркестру играть там публично, кажется, по четвергам. Первая пьеса, услышанная мной в исполнении этого оркестра — была увертюра Чайковского «1812 год». Достаточно одного этого заглавия, чтобы судить о силе и репертуаре оркестра. В нем играют, конечно, и перереженные солдаты, либо артисты, отбывающие воинскую повинность. Хотя я и слышал на этот раз только часть оркестра, но восемь первых скрипок этого отделения оркестра, как и вообще весь смычковый состав, прямо удивили меня своим ансамблем и тоном. Мне было особенно приятно услышать, как на выражения одобрения публики этот оркестр отвечал хотя и краткими, но прелестно инструментованными и разработанными «болгарскими песнями». Этого рода песен, как мне передавали, написано уже очень много, и на них пробуют силы будущие болгарские композиторы. Но про публику болгарской столицы я могу отозваться только

отрицательно. Я говорю это по крайней мере про тех 300—400 посетителей, которые вместе со мной слушали «1812 год» и остальную программу этого концерта. Болгарские слушатели, даже и офицеры, нисколько не стесняются мешать другим слушать музыку: они не стесняются громко разговаривать во время музыкального исполнения, нетерпеливо и грубо стучать кружками по столу, или палками по полу, или ложкой по тарелке, чтобы дозваться ресторанной прислуги; они не стесняются даже вставать у своего стола, чтобы через головы присутствующих приветствовать во все горло входящих знакомых, заглушая при этом иногда весьма тонкие оттенки в оркестре. Шиканья, которыми пытаются иногда вразумить и привести к порядку таких «слушателей», остаются безуспешными. Плохо, очень неблаговоспитанно ведет себя в этих случаях болгарская столичная публика! Здесь, очевидно, еще не понимают простого приличия: не хочешь сам слушать музыку — хоть не мешай другим, посиди смирно хоть 5—10 минут, а в антракте — болтай и стучи досыта, по-болгарски. Очень следовало бы в Софии упорядочиться публике хоть бы во время серьезных номеров программы.

Впрочем, такие проявления повсеместны там, где страну культивируют сверху и культура еще очень тонкослойна. И у нас, в каких-нибудь Тетюшах или Ахтырках — разве не то же самое, что я видел в болгарской столице?

В Софии есть несколько храмов глубочайшей древности. Они малы и так стары, что вросли в землю. В этих храмах древность дышит в каждом очертании их простой постройки, в каждой подробности их крайне бедной, но старой обстановки. Конечно, еще большее впечатление производят здесь величественные развалины огромного храма св. Софии Премудрости Божией, будто бы VI века. Часть этих развалин приспособили для церковной службы, а руины решили сохранить, чтобы выстроить недалеко величественный народный собор. Строит его русский архитектор г-н Преображенский. В старых храмах, равно и в церквях «Св. Краль» и «Св. Спас» — я слушал почти все церковные службы, исполненные протопсалтами одногласно, употребительным у болгар греческим распевом. Конечно и болгары, как и сербы, не могли не вложить в навязанный им напев множество славянских звуков. Но впечатления, полученные мной от унисонного пения в Болгарии, были вообще слабее сербских. Мне показалось, что сербы поют мягче, живее и энергичнее болгар. Впечатления эти для меня были особенно важны, так как ими отчасти обуславливалась цель моего приезда в Болгарию.

*

Дело в том, что в русских древних рукописях, ныне давно забытых, отыскался целый круг болгарского пения. Стараниями молодого болгарского исследователя г-на Николова этот круг теперь приведен в систему и печатается. Таким образом в деле духовного освобождения Болгарии от бывшего гнета греческого духовенства прибавляется неожиданно возможность заменить господствующий теперь в Болгарии напев греческий напевом родным, древне-болгарским. Понятно, что такое крупное «нововведение», как водворение старо-болгарского напева на свое место, может иметь успех только при достоинствах напева и при том, насколько эти достоинства придутся по вкусу нынешним болгарским богомольцам и особенно же из них «власть имущим», то есть старики-архиереи, священники и вообще старики, властные в своих приходах, с малых лет свыкшиеся с греческим пением, конечно, менее всего будут склонны к перемене чужого пения на свое родное. Причина тому понятна: старое знакомо им вдоль и поперек с самого детства, новое, каково оно ни было — незнакомо совершенно, а переучиваться уже поздно. К тому же надо иметь терпение вникнуть в новое и оценить его преимущество перед старым. Нужно найти в себе силу ума и знания, чтобы поверить новому и предпочесть его старому, нужно суметь почувствовать родное в новом и обсудить чужое в старом. Но и с другой стороны, вникая в пение болгарских псалтов, хотя и очень редко находилось у них увлечение своим делом, все же это увлечение проявлялось. Мне всегда казалось тут, что я слышу те болгаризмы, которыми невольно уснащен греческий распев в Болгарии. Таким образом чужая старина оболгаренная приобретала характер как бы народного искусства, притом же и сроднившегося со вкусами не только «власть имущих», но воспитывающего и подрастающие поколения. Борьба новшеству предстоит, следовательно, очень неравная.

Но вновь найденное старо-болгарское пение, попавшее в русские рукописи через болгар, бежавших в Юго-Западную Русь от притеснений греческого духовенства, оказывается обладающим такою юношеской силой, таким высоким вдохновением, которое сразу забирает в полон каждое болгарское сердце, если только оно способно чувствовать родные звуки. Вдохновенность болгарского распева оказалась столь родной славянскому сердцу вообще, что, например, у нас в России укоренились напевы «Благообразный Иосиф» и «Тебе одеющагося» именно болгарские, что, например, нынешняя Галицкая православная и униатская Русь пользуется в своем обиходе болгарскими распевами так же широко, как,

лет 125 назад, воспользовался ими наш Св. Синод при издании «Пространного Обихода».

Трудно сказать, что выйдет на родине из исследований г-на Николава в будущем болгарского церковно-певческого искусства. И в Болгарии, как и всюду, найдутся любители умничать и в упрямстве проявлять якобы твердость убеждений и действий. Но возьмет свое, несомненно, только хорошая, родная красота, хотя и тернист же путь к ее торжеству повсюду!

Хоровое пение в Софии я слышал только в исполнении хора г-на Николаева, поющего по праздникам в соборе «Св. Краль». Г-н Николаев состоит регентом этого хора с самого освобождения Болгарии, то есть почти 30 лет, и следовательно очень опытен в своем деле. Хор этот большой, человек в 50—60, поет очень звучно, сильно, иногда очень стройно. Но программа этого хора, так сказать провозвестника хорового пения в Болгарии, страдает теми же недостатками, что и у нас в провинциальной России: она нисколько не народна, и это, конечно, никоим образом не может быть поставлено в вину почтенному г-ну Николаеву. Откуда же ему взять эту «народность», когда во время оно его чуть не обязали петь по Бахметевскому Обиходу и когда недавние поиски этой «народности» в Москве едва-едва начали доходить до далекой Болгарии? Давно ли и у нас-то в Москве перестали или перестают петь Дегтярева, Багрецова и т. п.? В Софии ли удивляться тому, что там еще поют звучную итальянскую дребедень и что новые волны русского певческого искусства еще не осиливают вдохновений всяких Бахметевых и проч.?

Наконец я прибыл на Афон и сейчас же — в Пантелеимоновский монастырь, или Руссик, который находится недалеко от Дафни, пристани Афона. Да и куда же стремиться русскому на Афоне, как не к любезным землякам? За «Пантелеимоном» стоит слава вожака всего русского и вместе славянского на Афоне; следовательно и передового бойца в глухой афонской давней борьбе греков со славянами. За спиной Пантелеимона стоят все русские скиты на Афоне. Болгарский монастырь Зограф и сербский Хиландар находятся, конечно, в дружбе с «Пантелеимоном». Впрочем, и может ли быть иначе? В Хиландаре — масса всяких воспоминаний, начиная еще с щедрых благодеяний царя Ивана Васильевича Грозного; в Зографе могут ли обходиться без России даже и теперь?

Афон находится теперь в состоянии самого глубокого возбуждения, хотя и скрываемого всеми усилиями непримиримо враждующих сторон. Глу-

хая борьба греков со славянами, обострившаяся из-за наших политических неудач, проходит целые лабиринты воздействий, не имеющих, по-видимому, никакого прямого отношения к афонским монастырям. Но на самом деле эта борьба пока идет с помощью укреплений, так сказать, внеафонских и внемонастырских позиций. Обе стороны, памятуя о своих монашеских обетах, не вступают в прямой бой, но уже ведут войну на форпостах... Культурное завоевание Афона русскими теперь есть несомненный факт, столь же очевидный, как и численность монахов прежде и теперь. Еще недавно славян-монахов было не более 500—700 на всем Афоне, а греков 5—6 тысяч. Теперь славян считается свыше 7 тысяч, а греков около 4-х. Такое изменение в числе монахов, конечно, было замечено греками только тогда, когда силы их уже успели ослабнуть, а силы русских — очень окрепнуть. По сущей совести должен и я признать энергию и предприимчивость русских на Афоне, развернувшихся в каких-нибудь 40—50 лет от сущей незначительности и приниженности до нынешнего несомненного преобладания, культурного и экономического. Борьба идет теперь и за свободу дороги, и к политическому преобладанию. Как ни суровы монашеские обеты, как ни продолжительны Афонские богомоления, как ни скромны опущенные глаза и тихие речи иноков, — борьба их за преобладание на Афоне полна всем, что только можно пустить в ход для победы.

В сущности Афон есть большая республика, состоящая из массы отдельных маленьких республик. Греческих монастырей — 19, славянских — 3; все они владеют огромной площадью земли. Число скитов на Афоне обратное по составу населения: славянских — масса, греческих же — сущая малость.

«Пантелеимон», или «Руссик» — есть, конечно, передовой форт славянства на Афоне. Этот монастырь, имеющий представителя в Протате (то есть в своего рода сенате, ведающем все важнейшие общеафонские дела), был еще очень недавно греческим. Переход «Пантелеимона» в русские руки был обусловлен тем, что для оставшихся монахов-греков церковная служба должна производиться наполовину по-русски и по-гречески. Понятно, что число греков в Пантелеимоне тает с каждым годом. Ныне их, как кажется, не более 30—40, а недавно их было чуть не 300. Но несмотря на малое число греков, в главном соборе Пантелеимона служба на двух языках справляется и до сих пор с сущою точностью в исполнении уговоренных условий.

По-русски в Пантелеимоне поют по-своему хорошо, в Андреевском скиту — лучше, в Ильинском, как слышно — еще лучше. «Мона-

стырский хор» есть мужской «с альтами», или, лучше сказать, с невообразимо высокими тенорами либо людьми, владеющими сильной звуковой фистулой. От такого голосового состава здесь все «переложено» и в таком виде звучит иногда весьма непривычно для приезжего. Параллельных квинт и октав — полное изобилие, как и тех наивных гармоний, которые уже редко слышатся повсюду. Сказанного достаточно, чтобы судить об уровне пения в Руссике. Голоса, особенно басы, конечно, очень звучны, теноры — очень сильны и ясны.

Но есть один, очень удививший меня, недостаток в русском пении на Афоне — крайняя путаница в осмогласных напевах. То, что я слышал здесь в течение двух месяцев, я могу объяснить только тем, что дело это не было поставлено правильно с самого начала. Весьма большое значение имеет, конечно, и разнокалиберность напевов, усиливаемая здесь тем, что певцы подбираются из разных русских губерний и каждый из них, конечно, привносит в афонский напев ту или другую особенность напева своей местности. От таких причин в афонском осмогласии царит не столько неправильность, сколько его сбитость, бессистемность. Например, прелестные вторые колена 2-го и 5-го гласов поются здесь чуть не во всех гласах — понятно, к явному ущербу этих гласов самих по себе и к обезличению ими всех остальных гласов. Все гласы точно немного похожи один на другой.

Но зато в целом ряде песнопений, очевидно, наиболее любимых и твердо выученных, здесь слышится нечто такое, что я слышал когда-то только в пении монахов Киево-Печерской лавры. Там также изобилие квинт и октав, но слушателя пробирает какое-то особенное возбуждение, одушевление, какая-то особенная теплота. Здешние афонские монахи поют изумительно много и, очевидно, очень любят пение. Из номера гостиницы, в котором я жил, одинаково ясно было слышно и пение в церкви, и пение на спевках. Последние бывают продолжительны, и на них, очевидно, даром время не теряют. В громадном репертуаре этих певцов я слышал множество гармонизаций и композиций, совершенно не исполняемых в России, но оказавшихся мне памятными по занятиям над хоровыми рукописями XVIII века. Может быть, именно афонское уединение способствовало тому, что эти старые вдохновения уцелели и до сих пор вдохновляют молящихся. Но, несмотря на всю их наивность, высокую подчас оригинальность, я не могу не преклониться перед многими из таких сочинений, глубоко искренних, глубоко молитвенных и потому глубоко трогательных. Как живые воспрянули в моем уме всякие Феодоры Редриковы, Николаи Калашниковы, Василии Титовы и их собратья.

Афонские службы очень продолжительны. «Бдения» на Афоне суть буквально «всенощные», ибо продолжаются по 8 с половиной — 9 с половиной часов. Эти «всенощные бдения» много раз заставляли меня задать себе вопрос: как люди, особенно же певчие, могут выносить такие службы, не переставая славословить в них громко и вполне торжественно? Я не верил своим глазам, когда видел одних и тех же певцов, отстоявших как ни в чем не бывало 26 и 27 июля вечерню в два с половиной часа, праздничное всенощное бдение 14 часов подряд (с 5.30 попудни и до половины восьмого утра) и затем почти сейчас же литургию, длившуюся около трех с половиной часов. Вечером в этот день те же певцы весьма энергично пели без всяких признаков утомления; точно они и не пели перед тем 20 часов чуть не сподряд! Та же звучность, то же одушевление, та же отчетливость!

Но есть еще и ряд сочинений, излюбленных у афонцев, давным-давно забытых в России. Они поют даже и двухорные концерты Бортнянского. Как — это другой вопрос, зачем — третий вопрос. Но здесь, по-видимому, очень увлекаются и итальянщиной. Несмотря даже на нескладную звучность написанного для смешанного хора, но переделанного по-домашнему для хора монашеского состава, монахи поют со всем пылом увлечения. Что им тут нравится — судить не берусь, но, если бы я был здесь регентом, — я не стал бы петь многое из этой итальянщины. Она была написана не для Афона и, главным образом, совсем уж не для монастырского хора.

Сопоставление этого пения с одноголосным греческим происходит в Пантелеимоновском монастыре за каждой службой в так называемом «нижнем соборе». За каждой службой здесь славословится по-православному имя Бога по совершенно различным музыкальным системам. Греки до сих не могут понять, что именно восхищает русских и создает их очевидное одушевление в гармоническом складе. Русские также не могут понять, что именно приводит в восхищение греков при слушании какого-либо «воистину-козлогласующего» протопсалта. Но — после об этом разномыслии и взаимном непонимании.

Говорить ли о любезности и радушии, с каким встречают здесь земляков? Мое двухмесячное пребывание на Афоне дало мне случай видеть всякое гостеприимство: от чопорного приема политиканствующих греков, разбогатевших к тому же на наши, русские деньги, — до простого, но сердечнейшего приема у бедняка-келлиота, сосредоточенного отшельника. Русские монахи на Афоне — верх гостеприимства и радушия, вполне искреннего и благодушного. Ласковые приемы бывали и у греков,

но память о бывших перед тем более чем равнодушных встречах отравляла приятные впечатления. Образованных людей здесь вообще мало, умных — много, простых — того больше. Есть и такие подвижники, о которых даже и не могу судить, — могу лишь изумляться мере их самоотречения и высокого глубокомыслия, совершенно непонятной мере лишений при самом непостижимом и простом при этом благодушии. И эти подвижники также поют! По-нашему, по-музыкантски — совсем плохо. Но едва ли многие музыканты могут вложить столько восхищения, столько благоговения в свое искусство! Нужно быть именно подвижником, «свечой Божией», чтобы показать музыканту до чего просты и трогательны могут быть в устах молящегося самые обыкновенные напевы, до чего восторженно может петь самый простой монах!

*

Достижение целей экспедиции заняло у меня массу времени и потребовало множество самого утомительного труда. Все мои немногие досуги на Афоне все-таки были посвящены усилиям вникнуть в музыкальную суть слышимого из уст греческих псалтов во время богослужения. Я слышал греческое пение множество раз и до Афона, но никогда оно не производило такого сильного впечатления, как именно теперь, когда я услышал впервые отличных певцов, умных, знающих, главное же — отбросивших те quasi-архаизмы, которые производили прежде (отчасти и теперь) совершенно невыгодное впечатление.

Малоопытные певцы — греки, особенно же мало ученые и оттого самомненные, самоуверенные — поют чрезвычайно неритмично и чрезвычайно неточно в интонации. Крик на высоких нотах, по их мнению, придает пению выразительность и торжественность. Если прибавить к этому почти у всех них нестерпимое пение непременно в нос (как будто бы нечто обязательное, древнее), то такое художество часто напоминает кошачью ночную серенаду... Но если услышать певца дельного, понимающего в точности лады, в которых он поет, соблюдающего в точности размеры, в которых изложены напевы и стихотворные тексты, — впечатление сразу меняется, некоторая доля гнусавости отходит на дальний план либо совсем пропадает, и перед нами являются поразительные вековые образцы, такое искусство, которое следует признать полным величайшего музыкального интереса и полным превосходных достоинств в его напевах. Найти такого певца между греками нелегко. Но между отличными певцами мне посчастливилось встретить вполне выдающегося,

умного и образованного в лице проигумена Афонской Лавры, эпитропа о. Хризостома, и пелена спала с глаз моих. Я понял после его пения и после его объяснений, как надо правильно петь по-гречески и что именно надо слушать в исполнении греческих певцов.

Греческое пение в той части, которая могла бы интересовать русских, то есть в области так называемого простого, обиходного пения, — вещь совсем простая, так как покоится на двух безусловно правильных основаниях музыкальной красоты, то есть на естественных интервалах и на стихотворных текстах. В простом пении певцу негде, да и незачем выказывать свою виртуозность (столь любимую в греческих церковных «композициях»), и потому всякая игривость, умышленно и часто добавляемая невежественными певцами, в сущности только портит простой напев. Серьезный протопсалт поет деловито и точно. Поэтому пение такого певца (особенно же в будничную службу) производит необычайно сильное впечатление. Такой певец поет более рассудительно, более формально, подчиняясь ладу напева и ритму текста, а музыкальная красота его пения рождается из его искусства, из качества его голоса и, так сказать, кристаллизуется в уме и в сердце слушателя, прежде всего понимающего лад и ритм, потом уже наслаждающегося искусством их сочетания певцом с помощью его голоса и художественных оттенков исполнения. Покаянного тут нет решительно ничего, но содержательной сути, рождающей восторг слушателя, — очень много.

Но следует сказать предварительно несколько слов и о том, как помещаются певцы в греческих церквях. Греческие церкви обыкновенно устроены в виде креста, с закруглениями в правом и левом его концах. Вся передняя часть креста — алтарь церкви; ближе, между краями указанных закруглений, помещается иконостас, а в закруглениях вдоль их стен размещены так называемые стасидии, то есть отдельные сидения для монахов. Таким образом эти огромные закругления, назначенные для певцов, отнюдь не походят на наши клиросы, а суть открытые полукруги с 10—15 стасидиями. В первой стасидии, следовательно лицом к богомольцам, встает протопсалт, приходящийся таким образом спиной к алтарю либо к какой-нибудь иконе. В остальных стасидиях помещаются уже не певцы, так как в греческих церквях поет всегда только один певец — протопсалт, а помещаются, так сказать, подтягивающие певцу монахи или миряне. Певец или протопсалт поет однако не всю службу, а только избранные в ней песнопения. Ответы дьякону на ектениях, ответы священнику вроде «и духови твоему», «аминь» и т. п. делаются

другим певцом вроде нашего дьячка. Протопсалт, как певец-артист, за греческой службой свободен в выборе композиций. Как единственный певец, как не стесненный ничем в способах и в мере выражения своего искусства, он поет иногда с самой изумительной свободой, с самым поразительным подъемом чувства. Протопсалту в известных местах напева подтягивают вполголоса его соседи. Эти подтягивающие тянут то ту, то другую ноту, указываемую им протопсалтом. Такие продолжительные ноты, обыкновенно усиливаемые между периодами напева во время передышек протопсалта, называются исоном. Обыкновенно этот исон есть либо тоника, либо доминанта того лада или гласа, в котором протопсалт исполняет следуемое песнопение. По переменам этих исонов можно сразу определить сделанные модуляции и план их при возвращении напева к первоначальному в нем ладу. Таким образом за греческой службой хорового пения в нашем смысле совершенно нет. Вместо него всегда слышится только один певец — протопсалт, которому, так сказать, аккомпанируют без перерыва тянущимися исонами без слов 5—6 человек. Пение это, конечно, чередуется то на правой, то на левой стороне.

От такого порядка у греков — конечно, у хороших певцов — в пении получаются хорошие, выгодные стороны — отличная ясность произносимого текста и чрезвычайная наглядность напева. Исон поется всегда вполголоса, а напев всегда громко и чеканисто. Протопсалту, как стоящему лицом к молящимся, да еще на некотором возвышении, — очень легко петь, и южные, сильные теноры таких солистов звучат в греческих тихих храмах безусловно отлично, ясно, твердо и очень отчетливо. Воодушевившийся певец здесь действительно возвышает дух молящихся и наполняет храмовую службу невыразимой торжественностью.

Я упомянул выше о двух основаниях греческого искусства — о естественных интервалах и о стихотворных церковных текстах. Этих оснований, к сожалению, совсем нет в русском хоровом церковном пении. Естественные интервалы еще употребительны в нашем древнем, столповом церковном распеве, но стихотворных звучных текстов у нас нет совсем и здесь. Поэтому несомненные выгоды легко получают греками от сочетания правильной интонации и поэтически рифмованных текстов.

Мы, воспитанные на европейской музыке, представляющие себе звуки часто только по фортепианному строю, — мы и не подозреваем той ужасной меры, до какой испорчен наш слух так называемым температурным строем. Достаточно сказать, что наши музыканты почти все нервно-больные люди именно от этого строя, а все мы, вместе с музыкан-

тами, утратили ту четкость слуха, которая так ясна, проста и естественна у людей, не испорченных европейской музыкой, особенно же нынешней... По этой испорченности нашего слуха нам кажутся невероятной фальшью те звуки, которые в сущности истинны, естественны и верны; точно так же нам кажутся сладкозвучными разные септаккорды, нонаккорды, которые в сущности своей, как известно, физически невозможны и оттого не только нелепы, но и вредны. По силе этих неопровержимых и вполне истинных положений можно себе представить, какое впечатление может производить на людей со здоровым, неиспорченным слухом, например, пресловутый «придворный распев» или духовно-музыкальные композиции тех авторов, которые особенно любят диссонансирующие гармонии? По силе тех же положений немудрено представить, как трудно бывает, даже и для музыкантов, разобраться, например, в интонации русской народной песни или хотя бы в интонации греческого пения.

Всем образованным музыкантам известно, как давно и как точно разобрались древние греки в неравенстве тонов гаммы и как определенно устлана у них система ладов. Неизмеримо более богаче нас эти греки, владея такими ладами. Мы со своим «мажором» и с совершенно изуродованным теперь «минором» — сущие нищие в сравнении с ними. Мы даже не в силах теперь толком использовать богатства древних ладов, столь выразительно истолкованные нам, например, кратко сказать, хоть Палестриной и Бахом.

У греков в «простом» их повседневном церковном пении имеется, так сказать, девственное, чистое использование древних, естественных ладов в мелодиях вековой древности и высочайшего подъема духа. Правда, в эти мелодии вложено и множество греческого элемента собственно, но в них же много и общехристианского — совершенно простого и возвышенного.

Всем, интересовавшимся когда-либо переводами наших богослужебных книг с греческого языка на славянский, известно также, что наши тексты представляют собой дословный перевод, вполне верный по смыслу, но совершенно прозаический всюду, даже и в тех случаях, когда греческий текст изложен чудными звучными стихами. В простом пении у греков, как и у нас, конечно, на первом месте знаменитый Октоих Иоанна Дамаскина. Но что за разница между греческим оригиналом — этим перлом поэзии, этой сплошной красотой — и нашим переводом, где нет никаких рифм, а только одна точность, дословная точность! Только в пении грека, воспламенявшегося поэтически-виртуозным текстом, я понял, как много говорят уму и сердцу певца такие имена и такие поэтические порывы, как во

вдохновениях Иоанна Дамаскина, Космы Маюмского, Андрея Критского и других. Только здесь я понял, какое бодрящее чувство возбуждают в певце чудные «краегранесия», отсутствующие у нас и никому и ничего не говорящие в славянском переводе!

*

Понятно, что певцу-греку, особенно же умному, дающему должную цену ритмике напева и текста, открывается целое море для самых искренних увлечений словесной красотой данного песнопения. Этого условия совсем нет у нас, русских певцов, и даже, можно сказать, едва ли и будет. Едва ли и может быть у нас когда-либо то, чем искони владеют греки. Правда, мы выпутались с честью из затруднений при ритмовании прозаических текстов и мы создали у себя весьма жизненную систему свободно-несимметричных ритмов. Но где у нас объяснения их и хоть сколько-нибудь здоровое приложение этого свободнейшего искусства, например, не ходя далеко, хотя бы даже в церковной современной композиции?

Что же сказать после этого о том нашем хоровом пении, где искаленные древнерусские напевы совершенно утратили интервалы древних ладов, где утрачено само понятие «глас» в смысле лада? Ведь у нас «гласы» и понимаются-то только в нелепом их виде, только в виде напевов, например, на «Господи воззвах» при изложении с помощью мажора, минора, с украшениями в виде септаккордов... Будущим русским музыкально-церковным деятелям несомненно предстоит очень много самой серьезной работы, чтобы расчистить эту вполне запущенную часть нашего бывшего народного искусства. В России увлечение иностранщиною привело нас к забвению не только простой, естественной, но вместе и родной, православной красоты, совершенно необходимой к восстановлению. К сожалению, такого увлечения не чужды и наши земляки на далеком и благочестивом Афоне. Следует еще упомянуть о другом роде греческого пения, то есть о тех композициях, которые уцелели между тысячами других и, таким образом, сделались у греческих певцов как бы избранными, наилучшими, наиболее выразительными в греческом смысле, наиболее виртуозными. Это — тьма тьмущая всяких «Херувимских», причастных стихов и т. п., изложенных также для одного протопсалта, при сопровождении его пения исонами подтягивающих богомольцев. Отличительная черта их — крайняя протяженность и странное для нас уснащивание мелодии всевозможнейшими мелизмами. К такому голосовому изложению прибавляется

еще между слов множество приставок, в сущности своей ничего не значащих по-гречески, например, «герирем» — «тетерирем», «тететерирем» и т. п. Из такого материала составляется иногда композиция, тянувшаяся минут 20—30... За одной торжественной службой предначинательный псалом такого рода сочинения пелся при мне более часа и чередующиеся правый и левый протопсалты, проделывавшие своими носовыми и горловыми звуками всевозможнейшие трели, группетто, приговорки, «га, га, га» или «ге, ге, ге» и т. п., — приводили слушателей-греков в неопиcуемый восторг! Слушатели-монахи даже цокали, чмокали языком, даже переглядывались между собой — одним словом, выказывали живейшее участие в слышимом пении, живейшее наслаждение после хорошего исполнения ожидавшихся ими украшений какой-либо мелодии. Этих мелодий бывает, как кажется, немного в каждой из таких композиций, но художники-протопсалты, особенно же голосистые и мнящие себя знаменитостями, употребляют, как кажется, все усилия, чтобы обогатить мелодии вставляемыми еще и от себя украшениями и тем выставить свою виртуозность. Мое ухо много раз вполне свободно схватывало мелодии; но те же мелодии с украшениями протопсалтов решительно ускользали от ранее усвоенного уже напева. Например, весь псалом «Блажен муж» (а пение его тянется чуть ли не целый час) состоит в сущности из четырех хотя и длинных, но еще уловимых строк, распеваемых то правым, то левым певцом. Когда однажды в Пантелеимоновском монастыре к ослабевшему было левому певцу неожиданно пристал один из тянувших «исон», для торжественности, вероятно, прокричал вместе с протопсалтом что-то весьма дикое, гнусавое и совершенно несогласное друг с другом, — мне показалось, почти без всяких преувеличений, что я слышу двух котов-соперников, притом же и весьма возбужденных... Но сзади меня тут же послышалось восторженное цоканье и чмоканье слушателей-греков. Однако я утешился, тут же услышав: «Ох, искушенье!» — так разны впечатления от одного и того же! Признаться, я скоро ушел из церкви. Самодовольная фигура протопсалта и его коллеги перестали сразу сколько-нибудь интересовать меня.

Между тем это искусство — «kalofonika», сладкогласие, высоко ценится греками и с технической стороны. Должно быть, искусство это очень трудное и сложное. Греки-певцы обыкновенно обладают очень хорошими тенорами, ясными и подвижными, очень высокими. В исполнение свое греки влагают южную пылкость, порою — высокую восторженность, упоение красотой исполняемого. Вместе с тем они

выделяют голосом такие быстрые и сложные украшения напева, к слушанию которых надобно привыкнуть, чтобы наслаждаться их разнообразием и техническим совершенством. У нас, северян, более склонных к протяжным плавным напевам, нет ничего подобного тому, чем переполнены греческие «сладкоголосые» композиции. Искусные протопсалты, которых я слышал немало, проделывают иной раз голосом такие своеобразные голосоизвития, что только и впору одно удивление перед легкостью, с которой они распевают сущие технические трудности. Интонируют они в этих случаях вполне точно.

Но это одноголосное пение, особенно же в области простого, ежедневного осмогласия, не имеет ничего общего с нашим одноголосным пением, истинно-народным, сохраненным у наших старообрядцев и беспоповцев. Конечно, я говорю не о напевах, а о самом характере пения. Наши напевы звучат как бы заунывнее, но вместе и серьезнее, тверже греческих. У нас нет и десятой доли той подвижности, легкости, которые так прелестны у греков. Зато и у греков не чувствуется той бездонной глубины содержания, той задушевности и высоко-поэтического полета художественной мысли, которыми полно наше знаменное пение. Наше пение — сосредоточенное, греческое — поверхностнее.

Не думаю, чтобы нам удалось найти точные указания о том, что у нас когда-либо было пение русских протопсалтов, то есть только одним певцом, как то у греков до сих пор. Самые старые рисунки русских церковных певцов всегда изображают две кучки людей, стоящих по обе стороны царских дверей. Нет у нас и церкви с устройством таких полукругов для певцов, какие имеются всюду, даже и у славян, устроивших греческое пение. Наши клиросы, хотя и недавнего происхождения, несомненно появились под влиянием нашего хорового искусства, выросшего у нас в свою очередь под впечатлением возможности художественно использовать наши же подголоски. У греков хоровое пение, как кажется, решительно не может привиться, а их «исон», конечно, есть только слабейшая тень наших подголосков. С другой стороны, и наши напевы как «данное к исполнению» так просты, что их развитие в устах вторящих певцов дает полный простор всякой изобретательности. У греков напевы слишком сложны в мелочах и для их украшения надобен и уместен только протяжный «исон», на котором не развернешься. У нас масса певцов — богатит изложение напева, чуждого в своем письменном изложении даже и указаний на подголоски. У греков — совсем наоборот: напев записан со всеми его фиоритурами и выставляет вперед именно певца, его искус-

ство, указывая «исону» лишь вспомогательную роль. У нас напев есть цель, общая всем певцам, от воли и от умения которых зависит развитие частных дел того же общего дела, общей цели. Оттого у нас менее исключительных певцов и более распространено самое обычное свободное, певческое искусство. У греков более всего дорожат хорошим певцом, а к нему, чтобы подтягивать исон, годен всякий умеющий взять надобную ноту. У нас искусство кроется в самом напеве и есть дело всех исполнителей вместе, а у греков — только одного, в его именно искусстве, а не в глубине напева.

Старо ли у нас искусство пения с подголосками? Не говорят ли наши древнейшие певческие рукописи именно об этом неопisanном искусстве? Находятся ли в наших рукописях хоть какие-нибудь указания на пение протопсалта с сопровождающим его «исоном»? Я думаю, что и те и другие указания найдутся. Последние в тех немногих страницах, которые до сих пор совсем еще не читаемы в наших рукописях, но в которых очевидны указания, соответствующие имеющимся для того у греков. Именно эти немногие страницы и умерли для последующих веков в нашем церковном пении и именно другие страницы, без таких указаний, живы и жизнеспособны, жизнерадостны до сих пор.

*

Мысль о надобности побывать на Афоне и поискать там материалов для научных и художественных работ, занимала меня очень давно. Известные Севастьяновские снимки с Есфигменского Ирмолога и несколько пергаментных листков, вывезенных с Афона разными лицами, казались мне тем материалом, из которого со временем построится мост от греческой старины к наидревнейшей части русского церковно-певческого искусства. Эти немногие документы и снимки, в сущности своей, полны самого захватывающего интереса. Но их было до обиды мало и они, так сказать, только дразнили исследователя, суля очень многое. Значение этой письменности было указано еще Д. В. Разумовским, еще 40 лет назад, но никто не позаботился ни увеличить число таких документов, ни выяснить объем этой письменности, ни вникнуть в ее многозначительность для будущего.

Меня также одушевляла и смутная надежда найти хоть по одной странице болгарского и сербского нотного письма. Эти новости в науке необходимо нужны, чтобы установить хотя какую-нибудь связь между церковнославянскими напевами в их письменном, хотя бы и наидревней-

шем изложении; хотелось захватить в поисках хотя бы по одной странице грузинского и румынского пения. Последнее ведь еще совсем нетронутая новь, но несомненно одного с нами бывшего поля.

Но в прошлые годы поездка как-то все не улаживалась: то некогда ехать, то не с кем ехать, то не на что ехать. Наконец, нынешней весной, сверх всяких ожиданий, обстоятельства вдруг сложились особенно благоприятно. Давняя мечта поработать на Афоне вдруг оказалась близкой к осуществлению и заставила торопиться изо всех сил, чтобы подготовиться к такому редкому путешествию.

Коротко сказать, в какой-нибудь месяц, от имени Общества Любителей Древней Письменности, составила и собралась в путь экспедиция на Афон. 21 мая сего года выехали на Вену, Белград и Софию я, профессор П. А. Лавров и А. Н. Николов. Сборный пункт был назначен в Константинополе на 8 июня. Сюда к этому времени должен был прибыть и 4-й член экспедиции А. В. Преображенский. Мы уговорились перед отъездом наработать на Афоне сколько хватит сил и привести с собой сколько возможно более снимков с рукописей. Однако, обменявшись мыслями, мы убедились в том, что едем почти наугад. Оказалось, что точных данных о том, что нас ожидает в библиотеках Афона по древне-певческой части, у нас все-таки не было. Известный каталог рукописей афинского профессора Ламброса давал только краткие указания о том, что в таком-то монастыре есть такая-то рукопись «на древних нотах». Но какой системы были эти «древние ноты» — Ламброс, конечно, не указывает. А между тем именно в этой «системе», то есть в наидревнейшей певческой нотации, лежал весь интерес наших поисков. Для нас были прямо ненадобны греческие рукописи с нотацией, перешедшей потом в нынешнюю греческую систему. Нам были нужны те рукописи, которые нотированы знаками, сходными с нашими крюками. Именно этого-то Ламброс и не указывает. Кроме того, указания Ламброса были уже не раз отмечены в своей неточности. Наконец, в его каталоге отсутствовал перечень рукописей двух самых главных афонских библиотек, то есть Лавры св. Афанасия и Ватопедского монастыря. Надобно ли указывать, после монументального труда Ламброса, крайнюю бедность указаний других авторов? Наши филологи, как и Ламброс, сплошь не музыканты и потому в славянских библиотеках не только Афона, но и повсюду проходят мимо певческой части в рукописях. Наши московские тузы — рукописи, бесценные из драгоценнейших, — и те толком не описаны и не исследованы. Что же толковать о каком-нибудь далеком Хиландаре на Афоне?

Предстояло, очевидно, взять на себя поиски почти заново. И действительно оказалось, что из указанных Ламбросом и просмотренных нами на месте нескольких сот нотных рукописей нашлись годных для нас только две, то есть одна в Иверском и одна в Кутлумушском монастыре. Это указание достаточно освещает тот риск, с которым мы тронулись в путь, и ту работу, которую пришлось взять себе на плечи. Но мы были бодры душою и пламенно желали наработаться досыта. Вера наша была крепка.

Находки начались еще в Вене. Еще в 1892 году, на достопамятной музыкальной выставке была экспонирована великолепная греческая рукопись (Стихирарь, Триодь и полное Последование в Великий Пяток) XI века, оказавшаяся потом из Венской Hofbibliothek под № 136. Стараниями профессора Венского университета Игнатия Викентьевича Ягича в той же библиотеке было найдено для нас еще две рукописи, № 33 и № 204. Энергичная помощь просвещенного старца и высокий интерес двух последних рукописей заставили изменить план поездки. Вместо забунтовавшей Одессы мы тронулись прямо в Вену и прямо к Игнатию Викентьевичу. Меня потянуло неудержимое желание вновь повидать его и лично отблагодарить за столь трогательное его внимание к экспедиции, захотелось побольше наговориться с этим на редкость образованным и пламенным славянином, захотелось вычерпать, так сказать, из него все, что только могло бы пригодиться не только на Афоне, но и далеко после Афона. И, конечно, я не раскаялся, повидавши Ягича. Быстро перебежали оживленные темы наших разговоров. Мне вспомнилась моя поездка по Хорватии, несравненные Штросмайер, Рачкиц, Ткальчич, Кухач... Мне вспомнился и глубокий интерес к уцелевшей там глаголице. Ягич так и засыпал меня воспоминаниями, ответами! Его рассказ был потоком новостей: как на Врбице, у епископа Махвица поют до сих пор древнейшие напевы по глаголическим книгам, как некие австрийские патриоты занесли было руку на эту святую славянскую старину, как хватились за ум и начали собирать вымирающие народные песни, как эти песни и их собиратели вдруг оказались на положении «подозреваемых»... Заразительно-живой, увлекательный старец, как юноша энергичный и сильный, оказался широко глядящим на дело, указавшим многое из ускользнувшего из вида. Ехать на Афон после таких свиданий было, разумеется, гораздо легче.

Но судьба наградила экспедицию сотрудничеством в Вене не только одного профессора Ягича. Оказался еще пламенный любитель русской науки в лице о. диакона нашей венской церкви, о. П. Г. Преображенского. С его помощью мы уберегли много времени, доверив ему наблюдение над

заказанными Венскому Фотографическому институту 600 снимками с рукописей Придворной библиотеки. Первая партия из 50 таких снимков догнала нас еще в Константинополе. Наступившая в Институте летняя вакация отложила дело, но начало уже было сделано.

Белград не дал решительно ничего нового, и потому мы выехали в Софию очень скоро. Здесь посчастливилось. Мне удалось найти в Софийской Народной библиотеке рукопись № 47, в конце которой неожиданно оказалось 3 листа очень старого болгарского письма на пергаменте со знаками для чтения на распев. Хотя этого рода находка и не имеет собственно певческого характера, но она все же представляется только третьим документом в этом роде после известного «Куприяновского листа» из Евангелия XI века (в Императорской Публичной библиотеке) и печатаемой теперь Ягичем «Болонской Псалтири». Эта находка оказалась тем более удивительной, что рукопись № 47, конечно, перебивала в руках всех местных славистов. В каталоге библиотеки она значится: «№ 47, Осмогласник, писан на пергаменте, много укрусен и опропастен, почерк худав, правописание много старо; видися да е. от XI столетие; in folio (малк), полузапасени л. 33». И только! Между тем последняя тетрадь этой полуобгоревшей рукописи оказалась совсем не Осмогласником, а листами из Постной Триоди, и не простой рукописью, а именно со знаками для чтения на распев. (Знаки эти оказались одинаковыми с теми, которые находятся в «Куприяновском листе» и в греческих Евангелиях, Апостолах, Паремейниках всех веков, от VII до XIII столетия. Знаки «Болонской Псалтири» отличаются другими начертаниями в некоторых случаях. Сходные между собой, вышеуказанные знаки содержат в себе почти всю азбуку, указанную у известного Георгия Пападопуло, но имеют также и разницу. Ныне эти знаки у греков совершенно забыты, хотя голосоизвития, употребляемые, например, при чтении Евангелия, носят очевидные следы обычая, сохраненного, вероятно (и особенно на Афоне), с очень древнего времени.)

Насколько я успел разобраться еще в Софии, начало этих листов включает в себе 9-е песни, со всеми их стихами, канона Андрея Критского на вторник, среду и четверг первой недели Поста. Некогда было разбирать дальнейшее содержание этой интереснейшей находки. Подходил уже уговоренный срок для сбора всех в Константинополе. Притом же фотография обеспечивала дальнейшую работу по возвращении домой, а в Константинополе предстояло много хлопот, прежде чем можно было бы тронуться в путь на Афон.

Много неожиданностей пришлось узнать в Пантелеимоновском подворье в Константинополе! Коллега А. В. Преображенский прибыл сутками ранее меня на круговом по берегу итальянском пароходе, так как Одесса еще продолжала забастовку. Пришлось, к полному огорчению, узнать о надобности ехать уже на третий день далее или терять в Константинополе целую неделю. Пришлось ехать на греческом пароходе, а не на русском, не 9-го июня, а 7-го. Нетрудно поэтому представить, сколько всякой беготни и всяких разъездов пришлось вытерпеть в многоязычном Цареграде. Посольство наше было на даче, в Буюк-дере, то есть пришлось потерять полдня на свидание с властью имущими; Патриарх Иоаким — совсем в другой стороне, крайне занятый делами, — назначил час совсем для нас неподходящий; покупок по фотографической части надо было сделать на сотни рублей, да и по одной ли фотографии!

Пришлось отложить очень многое, даже и обозрение рукописей нашего Археологического института в Константинополе. Время было рассчитано по часам, и мы боялись неудач, запозданий, задержек даже в устройстве самого необходимого. На нашу беду встала мерзейшая погода. Только бывшие в Константинополе могут понять, что значит в этом грязном городе непогода для торопящихся путешественников!

Но, с грехом пополам, все мало-помалу начало устраиваться, несмотря на всякие неожиданности. Предупреждающие о нашем приезде бумаги оказались еще не прибывшими — следовательно я являлся всюду неожиданным просителем. На мое счастье оказалось, что я состою почетным членом Константинопольского Музыкального общества и что я застал дома Ф. И. Успенского, директора Русского Археологического института в Константинополе. С помощью просвещенного г-на Христо Папаяна, секретаря патриархии, и его помощника г-на Василиди мы получили рекомендательное письмо патриарха в Афонский протат и такое же письмо к о. Хризостому в Афанасиевскую Лавру. С помощью Ф. И. Успенского мы получили рекомендательные письма из посольства в Иверский, Ватопедский монастыри и в Лавру. С такими документами можно было тронуться в путь, забывая всякие мытарства по другим частям в греховодном турецком Стамбуле.

Упомяну лишь о мытарствах, так сказать, прощальных. В день отъезда любезный о. Галактион вдруг вспомнил, что нам надо выправить особые турецкие паспорта, так называемые «течкере», без которых турецкая полиция нам не позволит ни выехать из Константинополя, ни высадиться на Афоне. С помощью всякого рода «бакшишей» такие паспорта были

живо выправлены в каком-то полицейском участке при усердном участии лица, никогда нас не видавшего. Поэтому наши наружные приметы были прописаны на память, сообразно полученным указаниям. Поэтому же, однако, получилось и ошибочное описание нас обоих. А. В. Преображенский был описан как мужчина лет под 60, с сединой, с лысиной и проч., а я обратился в 40-летнего блондина со значительной шевелюрой и тому подобное. Но отцы Афонского подворья оказались очень бывалыми людьми и нисколько не смутились, проводя нас через дебри береговой таможни и провозя наш обширный багаж. Нас осмотрели «как надо», и мы вскоре уже усаживались в лодки, чтобы плыть на пароход. Отчалив от берега, мы узнали, что мытарство обошлось недешево, но и не особенно дорого, так как вместо такого-то был другой — строгий, а вместо третьего оказался четвертый — сговорчивый, пятый был свой человек и проч. Пока мы узнавали эту процедуру, лодочник остановился и сказал «выньте ваши паспорта и “течкере” и держите их вверх в руке, будет осмотр паспортов». Действительно мы увидели приближающуюся лодку, в которой сонная чиновничья фигура что-то отвечала нашему любезному проводнику. Вскоре последовала команда «руки вверх», и фигура издали убедилась, что у каждого из нас имелись необходимые документы. Переговоры затем были недолги. После «рукопожатия» с властью имевшими, мы поплыли дальше. Обошлось по 2 черека с каждого (то есть по 2 франка = 80 копеек), сообщили нам не без улыбки: «Следующему можно дать и по одному череку». Этот «следующий», конечно, не замедлил явиться и остановить лодочника. Его скучная обязанность — осмотр багажа — была сокращена и увеселена вручением мзды после пререканий с нашими чичероне. «Власть» требовала много, а чичероне его усовещивал и просил не задерживать нас, ввиду надобности торопиться на пароход. Вскоре «соглашение» состоялось, и мы юридически уже были вне покровительства турецких законов и сговорчивых властей. Впрочем, в одной ли Турции так!

Описывать ли путешествие по очаровательному Мраморному морю, Дарданеллам и Архипелагу? Описывать ли несравненную панораму Кон-стантинополя издали, Принцевых островов? Описывать ли массу новых впечатлений на самом пароходе, где под греческим флагом оказались представители чуть не половины европейских народностей? Это была вереница совершенно новых впечатлений, прелестных, незабываемых, оригинальных. В компании с нами оказался поляк-иезуит и два русских афонских монаха, эпитроп — грек с Афона же, турки, итальянцы, негры... Лучше займусь изложением доступным моему перу, чем описанием неописанного.

суемой красоты. Все, что я ни читал об этой чудной красоте, было ничто в сравнении с тем, что было перед глазами и менялось с каждым часом...

...Гора Афонская уже ясно обрисовалась, и объяснения афонцев уже могли опираться подробнее на видимые издали монастырские строения. Заходящее солнце осветило картину непередаваемой красоты, когда пароход обогнул юго-западный мыс Афона и нам стали видимы в боковом освещении огромный склон горы и масса утесов, покрытых множеством домиков, маленьких церквей, затонувших в роскошной растительности теплого юга. Что за незабываемая красота и оригинальность! С чем можно сравнить, например, малую корзинку, свешенную к морю от кельи какого-то отшельника? Его домик-пещерка тут же, ход к нему только по вырубкам, по которым можно подняться с помощью веревки, спускаемой в знак согласия на прием. Кругом этого монаха какое-то особое безмолвие, особое уединение, странная, но вместе и невольно покоряющая сила воли. В упоительной красоте этой картины самый вид этих орлино-монашеских гнезд рисует наличность полного отрицания всех привычных нам условий жизни и нашего мирозерцания. Эти гнезда говорят, что есть совсем иной склад жизни, есть совсем иное отношение ко всему, что это иное, неведомое нам, все-таки хорошо, спокойно, возвышенно, пожалуй, в некоторых случаях лучше нашего.

Под обаянием этой красоты и неожиданных впечатлений я вступил на берег афонской пристани Дафне вечером 8 июня. Патер-иезуит поместился вместе с нами в паровой катер, и мы вскоре были в гостеприимном Пантелеимоновском монастыре. День кончился, но полная луна уже осветила только что виденное совершенно новыми красками. Это была тихая, светлая, торжественная южная ночь, в которую впервые и долго я слушал звучное пение афонских монахов, разбираясь в полученной массе впечатлений.

*

План наших занятий на Афоне, конечно, был обдуман заранее. Пантелеимон был нашей, так сказать, главной квартирой, куда мы возвращались после каждого путешествия по монастырским библиотекам.

Наши поиски были направлены на рукописи греческие с той наидревнейшей греческой нотацией, которая утвердилась у нас в России и дала начало нашим певчим знаменам, как известно живым у наших старообрядцев до сих пор. Так как наши русские памятники указывают не одну крюковую певческую систему, а несколько, в том числе и кондакарную, то

вполне естественно, что мы не упустили из виду ничего, что помогало бы использовать нашу задачу сколь возможно шире.

Но вскоре же нам пришлось убедиться, что наши надежды на предстоящие находки должны были назваться скромными перед неожиданно развернувшимися научными горизонтами. Немногие Севастьяновские и Порфирьевские листки воспитали в нас представление лишь о предстоящем расширении числа материалов именно этого рода. Не зная иных полей греческого певческого искусства, мы не могли и думать об иных певческих находках на Афоне. Именно эти находки оказались, кроме ожидавшихся, столь внушительными по содержанию и в столь большом количестве, что почувствовался благородный «*embarras des richesses*» [затруднение от изобилия], появилось неудержимое желание вычерпать до дна этот кладезь своими руками. Коротко сказать, нами были найдены следующие рукописи XI—XII веков: в Афанасиевской Лавре: № В 32 — Ирмологий на 312 л., № Г 9 — Ирмологий на 89 л., № Г 12 — Триоди на 83 л., № Г 67 — Триоди и Октоих на 162 л., № Г 72 — Триоди на 92 л., № Г 74 — Стихирарь на 116 л., № Д 28 — Стихирарь и Триоди на 214 л., в Андреевском ските № 18 — Стихирарь на 218 л.; в Кутлумуше № 398 — Стихирарь на 170 л.; в Ивере № 470 — Ирмологий на 150 л.; в Ватопеде № 893 — Стихирарь и Октоих на 217 л. и в Есфигмене № 54 — Ирмологий на 140 листах. К этим находкам следует добавить еще отдельные листки с нотными знаками, найденные в разных местах.

Нетрудно представить, какое разнообразие материалов оказалось в такой массе найденного. Тут, на протяжении значительного времени, имеются все роды тогдашнего греческого пения, и притом, конечно, немалое число весьма поучительных дубликатов. Эта область — самая интересная, но и самая темная, трудная — получает теперь такую массу документов, изучение которых прежде всего осветит область самого греческого искусства. Тем скорее облегчится нам понимание того, что собственно из этой области перешло в наше русское искусство.

Всех путешествий всего было сделано три: одно по внутренним, сухопутным монастырям, то есть в Карею, Кутлумуш, Андреевский скит и Ксиропотам, другое — кругом Афона по набережным монастырям, равно и в Хиландар и Зограф; третье путешествие было повторением второго, с большими остановками там, где было больше работы. На дальнейший труд по остальным монастырям уже не хватало времени.

После второго путешествия выяснилось, что наши надежды на славянские певческие находки несбыточны, а находки по части греческого

пения превзошли ожидания. Оказалась не только невозможность использовать все найденное своими силами, но и надобность удержаться от дальнейших поисков в монастырях, нами еще не посещенных. Поэтому же от экспедиции отделился славист — профессор П. А. Лавров, отправившийся в любезный ему сербский монастырь Хиландар, а мы, остальные, задумались об увеличении своей фотографической работоспособности с помощью афонских сотрудников. Общее число надобных негативов уже выяснилось в количестве до 2000. При желании осветить попутно вопрос о чтении знаков нараспев, мы пришли к убеждению в невозможности для нас дальнейшего расширения работы и в надобности успеть сделать своими силами все то, что уже было найдено. Поэтому третье путешествие было повторением второго и вместе рядом мер для обеспечения нашего труда к окончанию после отъезда нашего домой, если бы в чем-нибудь нам не удалось быть вполне исправными.

Наша работа на Афоне уже подходила к концу, когда был получен ответ на запросы на остров Патмос. Оказался еще новый родник документов, крайне важных для будущих работников. Оказалось, что там, в библиотеке монастыря св. Христодула на острове Патмосе, есть 2 древнейших Ирмолога и 10 таких же Стихирарей, значащихся там по каталогу Сакеллиона под № 4 и 5 и под № от 218 до 227. Несколько полученных с них фотографических снимков не оставляют сомнения в том, что будущая поездка на Патмос безусловно необходима.

Итак, вот результаты поездки на далекий Афон. Они дают не только широкий простор для предстоящих занятий, но и обещают возможность нашего художественного самоопределения в такую далекую и темную пору. Теперь по крайней мере есть с чем работать не одному поколению русских исследователей. Найденные рукописи суть именно те документы, по которым можно установить значение Афона как одного из тех православно-международных центров, в котором когда-то сошлись всякие художественные течения отовсюду. Афон, можно думать, был художественной лабораторией и для славянского просвещения в ту пору, когда ему самому пришлось подчиниться затем могучему художественному подъему от гениального Иоанна Дамаскина и целой плеяды знаменитых певцов того времени. Дальнейшие нашего и греческого искусства пути разошлись в совершенно разные стороны, усвоив себе несомненно народные окраски. Но совпадения во времени все-таки налицо, и документы установившихся обоих искусств также налицо. Следовательно и работать есть над чем, не блуждая в области предположений, а прямо опираясь на очевид-

ные, неоспоримые данные. Куда приведут эти работы, сказать пока очень трудно, ибо *embarras des richesses* еще самый полный, требующий многого труда для предварительного разбора и всего найденного. Но лучше быть богатым в работе и в надеждах, чем бедным.

Закончу эти заметки тем, что мы озаботились и удобствами для будущих на Афоне работников. Станок для снимания рукописей и фотографический аппарат, с магазинной кассетой 13 x 18, нарочно оставлены нашему афонскому сотоварищу иеромонаху-фотографу о. Гавриилу. Он обещал свою помощь всякому русскому исследователю по рукописной части. Не менее важна и обещанная помощь столь просвещенного и симпатичного о. Матфея, библиотекаря Пантелеимоновского монастыря. Обширные познания, неутомимое трудолюбие и бесконечная приветливость этого существа инока заставляют меня говорить всем об о. Матфее с самым глубоким уважением и с самой искренней признательностью. Но корень удобств для работы, всякой помощи на Афоне, конечно, находится в руках настоятеля Пантелеимоновского монастыря, любвеобильного архимандрита Мисаила, ни разу не отказавшего нам ни в чем и помогавшего решительно во всем. Только сильный ум, дальновидность, глубокая любовь к родине и необычайно спокойная кротость могли создать такого удивительного монаха на русском далеком Афоне. Полная деловитость, простота и доброта этого крупного деятеля на раз заставляли меня верить тому, что видишь своими глазами и не постигаешь силой своей немощи, что чувствуешь всеми силами души и невольно меряешь своими будничными, житейскими слабостями. Великое дело — суметь опроститься до полного достоинства и умелого служения ближнему, суметь немедленно разобраться во всяком деле и кротко, умно, доброжелательно помочь каждому. При таких представителях русского монашества на Афоне невольно тянет туда же, хочется побывать там еще раз, чтобы поработать всласть и отдохнуть между работой среди умных и совершенно кротких людей, отдохнуть на лоне самой очаровательной природы.

Болгарский роспев

16 декабря 1905 в общем собрании Общества любителей древней письменности С. В. Смоленским сделано сообщение «**О старо-болгарском церковном пении, собранном по русским нотным рукописям XVII—XVIII веков Анастасом Николовым**»:

Николов, ученик референта по Московскому Синодальному училищу церковного пения, был командирован в 1901 году в Россию к нему же, референту, Болгарским Синодом и приготовил настоящее пробное издание после четырехлетнего труда. Цель труда — восстановление староболгарского церковного пения и замена им как искусством народным пением греческого, которое давно и насильно было введено в Болгарии фанариотским духовенством, позаботившимся между прочим и об истреблении всех староболгарских певческих рукописей. Ввиду обозначившегося, уже 15 лет назад, нахождения полного круга староболгарского церковного пения, труд А. Николова, кроме его новых находок, свелся к научному и практическому сведению разночтений, происходивших от разности до- и послениконовских текстов, равно и к систематизации всех найденных напевов. Особая важность труда г. Николова для русской музыкальной науки представляется в находке им несомненно болгарских напевов среди считавшихся у нас за киевские и западнорусские. Представив характеристику болгарского роспева, референт выяснил нравственное, художественное и историко-археологическое значение труда г. Николова для России и особенно для духовно возрождающейся Болгарии, возвращающейся к своей родной старине.

После чтения хор любителей-болгар исполнил тропарь св. Кириллу и Мефодию, первоучителям Славянским, и некоторые другие песнопения из сборника «Старо-Българско Церковно Пение», гласно обновив таким образом труд г. А. Николова.

Сообщение Смоленского было приурочено к выходу в свет первого выпуска «Старо-болгарского церковного пения»; второй выпуск появился 19 мая 1906. Судя по собственноручным надписям Смоленского на экземплярах обоих выпусков (позже попавших в библиотеку Б. В. Асафьева; ныне в РГБ), первый выпуск (Литургия) потребовал нового, исправленного издания, которое и было выпущено в марте 1906.

Полное название издания (выполненного факсимильным способом): «Старо-Българско Църковно Пение по старите руски нотни рукописи от XVII и XVIII векове. Книга I. Литургия. Книга IIa. Вечерня. Събрал и наредил за употребяване в Българската Църква Анастас Николов».

Титульные листы обоих выпусков украшены факсимиле фрагмента болгарского роспева (начало песнопения «Видехом свет истинный») по двознаменнику из Соловецкого собрания Казанской Духовной академии; факсимиле это, несомненно, выписано рукой Смоленского.

Как видно из дальнейших текстов, издание предполагалось продолжить, но это не было осуществлено. Первому выпуску предпослано довольно пространное вступление Николова, где он, в числе прочего, перечисляет рукописи, послужившие источником для его работы: библиотека Синодального училища — № 12, 14, 33, 107, 122, 127, 172, 237, 312, 320, 495, 510, 890, 1088, 1106, 1116, библиотека Казанской Духовной академии (Соловецкое собрание) — № 281, 666, 673, 676, 680, 794, 796, 1414, библиотека Петербургской Духовной академии — № 777/1032, 791/1048, 800/1157, 155/72, 181/98, 182/99, 183/100, а также 25 рукописей из библиотеки Придворной капеллы (без номеров).

Оба выпуска построены по порядку служб, над отдельными песнопениями их источники не указываются. Кроме того, ввиду практического назначения издания, все иосифовские и прочие дониконовские тексты приведены к современным вариантам.

В предисловии выражается благодарность С. В. Смоленскому, А. В. Преображенскому, а также русскому регенту кафедрального собора в Софии Н. И. Николаеву — за помощь в получении стипендии для поездки в Россию.

Анастас Николов

К возрождению болгарского церковного пения

Воззвание к русским композиторам

Покорение Болгарии турками в 1393 году послужило началом ряда несчастий, терзавших болгарский народ в продолжение пяти столетий. Турецкий ятаган вонзился в тело цветущей и полной жизни Болгарии. Но этот удар не был смертелен для нее. Он только искалечил ее. Она могла еще долго жить и надеяться на исцеление. Но судьбе было угодно иное... Налетели «злые коршуны», которые с жадностью стали рвать несчастную и беззащитную душу Болгарии. Этими коршунами оказались греческие фанариоты, то есть епископы и священники, уничтожившие в Болгарии народную церковную службу и пение на родном языке. Константинопольские патриархи, живя рядом с непросвещенными турецкими султанами, имели решительное влияние на последних по делам порабощенных христиан. Это выгодное положение давало возможность греческим патриархам стремиться к достижению их заветной мечты: обезличить и эллинизировать все православные народы, жившие на Балканском полуострове, а особенно же — болгарский, с которым у греков очень давние политические счёты. С этого народа они и начали эллинизацию.

В 1396 году, то есть через три года после падения Болгарского царства, под давлением фанариотских интриг болгарский патриарх Св. Евфимий, живший в Тернове [Тырнове], был сослан в заточение и на его место поставлен греческий епископ. С этого злополучного года начались церковные мучения болгарского народа: началось постепенное замещение всей болгарской иерархии греческою, которая стала вводить в болгарских храмах греческие богослужебные книги. Таким образом болгарскому народу был навязан непонятный ему греческий язык и чуждое по мелодиям церковное греческое пение. Беззащитному и обессиленному народу ничего не оставалось делать, как только покоряться и воспринимать то, что давали ему его заветные враги, и забывать понемногу свое родное. И так с конца XIV века надолго был изгнан из храмов и школ болгарский язык и еще более надолго умолкли дивные звуки родного болгарского церковного пения.

Но в то время, когда Болгария культурно умирала, еще жили и наслаждались свободой соседние ей государства Валахия и Молдавия, издавна находившиеся под влиянием цветущей болгарской культуры. В этих странах болгарские церковные книги и болгарское церковное пение были в полном употреблении. Исторические события, разыгравшиеся на религиозной почве в XVI столетии в юго-западной России, послужили к перенесению туда болгарского распева из соседних ей Валахии и Молдавии. Города Червонной Руси — Львов и Перемышль¹ оказались первыми гостеприимными приютами для изгнанника. Здесь в конце XVI века впервые зазвучали спасенные на чужбине звуки болгарского певческого искусства и здесь же эти звуки были записаны с помощью появившейся тогда и (наверное) здесь же усовершенствованной квадратной нотной системы. С перенесением в Киев первых нотно-линейных рукописей, а также и по напечатании их копий во Львове и Почаеве болгарский распев утвердился во всей юго-западной Руси; когда же «царь Алексей Михайлович стал выписывать из Киева для своего хора местных голосистых певчих с их нотами»², этот распев был перенесен и в Московскую Русь.

С появлением в России итальянских композиторов, во второй половине XVIII века начинается новая эпоха партесного пения. Это чуждое славянству иноземное искусство прежде всего отвергло древние распевы. К счастью, итальянские мастера не касались напевов обиходного пения, и потому влияние их искусства не отразилось на гласовых мелодиях древних напевов. Таким образом все напевы оказались изгнанными из православных храмов и, кроме старообрядческих церквей, сделались достоянием старых певческих рукописей. В таком забвении они находились более полу столетия, до появления Бортнянского, который первый вдохновился ими и занялся их переложениями. Последние, как и переложения Турчанинова, спасли болгарский распев от забвения в современной нам певческой практике.

Однако если мы перенесемся мыслью в Болгарию, на все время жизни болгарского распева в России, то мы ужаснемся перед картиной систематического здесь уничтожения фанариотами всего национального в Болгарской Церкви. Давно в ее храмах забыты болгарский язык и напев,

¹ Письмо Александра Молдавского к Львовскому братству в 1588 году. В этом письме «болгарское пение» по ошибке называется «сербским». — *Примечание А. Николова.*

² Ундольский В. М. Замечания для истории церковного пения в России. М., 1846. С. 123—132. — *Примечание А. Николова.*

а вместо них разносятся чуждые звуки греческого языка и константинопольского, полного турецкими и другими восточными голосоизвитиями, пения. Фанариотское духовенство уничтожило даже все следы болгарского искусства, по которым оно могло бы быть восстановлено. Даже в XIX веке, случайно найдя богатейшее книгохранилище Терновских патриархов, фанариоты не задумались сжечь его, чтобы не напомнилось никому о величии прежней Болгарии. Но фанариотам не удалось уничтожить то, что освободило Болгарию сначала от церковного ига, потом же и от турецкого рабства. То была — народная душа, то была божественная искра, которая все время тлела, покуда не разгорелась до великого пожара, растопившего пятивековые вериги двойного рабства.

Конец великой освободительной войны русского народа в 1877 году сделался вторым началом новой светлой эпохи в истории болгарского народа.

Незадолго перед политическим освобождением пятивековой страдалец подумал молиться по-болгарски, встал, свободно вздохнул и с чудной быстротой двинулся вперед по культурной дороге европейских народов. Молодые силы болгарского народа с жадностью стали поглощать извне идущие струи своего духовного возрождения и самосознания. Прежние взгляды, привычки и вкусы стали быстро уступать свое место новым. И вскоре греческий язык был изгнан из наших храмов, а родной болгарский вновь украсил наше богослужение.

С этого же времени константинопольское пение перестает удовлетворять музыкальные потребности болгар, и вместо прежней *исалтики* (так называется у нас в Болгарии константинопольское пение) началось введение в храмах *«русского церковного пения»*. Последнее, кроме своего художественно-просветительного значения для молодой Болгарии, оказалось важно и тем, что именно в нем оказались *первые свидетельства* о болгарском распеве.

При образовании первых церковных хоров в Болгарии были приняты к употреблению и первые русские певческие книги: Придворный Обиход, а с ним и сочинения Бортнянского и Турчанинова. Это пение стало быстро распространяться по всем церквам свободной Болгарии и Македонии. Но народная душа скоро почувствовала и выделила из общей массы песнопений такие, которые производили на нее особенное впечатление. Это — «Дева днесь» и «Благообразный Иосиф» из Придворного Обихода. В этих напевах зазвучало что-то другое, и народ скоро угадал в этих звуках эхо своей души. Конечно, сначала эти восторги были смутны

и полусознательны. Народ восхищался, любил эти напевы, но еще не мог дать себе отчета в причине появления такого чувства.

Вскоре однако нашлись люди, которые обратили внимание на то, что мелодии этих песнопений названы в русских книгах «болгарским роспевом». Изучив значение этих двух слов, узнав о болгарском роспеве все, что нашлось в истории русского церковного пения, эти люди донесли о своем открытии до сведения Св. Болгарского Синода. Таким образом Св. Синодом был сделан последний шаг к окончательному освобождению Болгарской церкви от остатков греческого ига. На меня выпало счастье принять поручение Св. Синода отправиться в командировку в Россию и собрать в древних нотных рукописях все, что известно под названием «болгарского роспева». В России, по желанию Св. Синода, я обратился к бывшему моему учителю — директору Московского Синодального училища церковного пения, лучшему знатоку нашего времени роспевов русской церкви — Ст. В. Смоленскому.

Четырехлетний труд мой над собиранием и исследованием болгарских напевов, сохранившихся в древнерусских нотных рукописях XVI, XVII и XVIII веков, увенчался неожиданным успехом. Ныне, располагая почти полным богослужбным кругом болгарского роспева, я решился опубликовать первую часть собранных материалов. Я напечатал уже «Литургию», за которой надеюсь издать потом: вечерню, утреню, великопостные службы и проч.

Эта «Литургия» в одноголосном своем изложении может быть удобна для исполнения только в сельских храмах. Для городских же храмов Болгарии нужно хоровое ее изложение. Поэтому настоящим воззванием я обращаюсь ко всем русским композиторам с просьбой не отказать во внимании к гармонической обработке вновь открытых мною старо-болгарских напевов. Я полагаю, что кроме самых простых гармонизаций, которые весьма легко могут быть приняты в употребление и в России, болгарское хоровое искусство может обогатиться и свободными композициями, в которых были бы вспомогательно разработаны и частичные мелодии, взятые из тех же старо-болгарских напевов. Конечно, издание может быть выслано тем господам композиторам, которые надумают откликнуться на мой призыв своим сочувствием и содействием. Возрастающее внимание русских композиторов к древним роспевам вообще поселяет во мне надежду, что избранные Богом русские дарования услышат мой призыв и, дав первые образцы гармонизации и разработки болгарских напевов, сделаются тем первыми учителями будущих болгарских компози-

торов. Лучшие русские дарования могут достойно отплатить этою дорогою услугою болгарскому народу за ту старую грамоту (а может быть, и пение), которая была передана русским из Болгарии тысячу лет тому назад трудами великих славянских первоучителей.

РМГ. 1906. № 7/8. Стб. 169—174

Результатом воззвания Николова стало обращение ряда русских композиторов к обработкам болгарского распева из его сборника.

Так, в статье для РМГ по поводу Болгарской литургии Н. И. Компанейского Николов пишет:

Мое обращение было продиктовано искреннею верою, что избранные русские дарования услышат мой призыв. Дав первые образцы гармонизации и разработки болгарских напевов, русские композиторы сделаются первыми учителями юного болгарского музыкального творчества. И действительно, предчувствия эти не обманули меня. Я имею уже устные и письменные уверения в готовности заняться обработкою болгарских напевов от следующих композиторов: Н. И. Компанейского, св. М. А. Лисицына, А. Д. Кастальского, А. Т. Гречанинова, П. Г. Чеснокова, С. В. Смоленского, Е. С. Азеева, А. А. Архангельского, М. А. Гольтисона, С. В. Панченко, свящ. Извекова, Д. М. Яичкова, Н. С. Кленовского, М. П. Речкунова, Е. М. Витшинского и др. Почти все эти композиторы написали уже по несколько вещей из болгарского распева. Эти сочинения теперь готовы к печати, а отчасти уже печатаются (РМГ. 1908. № 34/35. Стб. 679—683).

Действительно, многие из поименованных авторов обратились к сборнику Николова, но, насколько известно, полный литургический цикл сочинил только Н. И. Компанейский (1907). Надо отметить, что сразу же после выхода в свет «Староболгарского церковного пения» Компанейский выступил с рецензией на него в РМГ (1905. № 51/52. Стб. 1274—1276). В статье подтверждается, что издание задумывалось в шести частях; в него должны были войти: литургия, вечерня, утреня, Преждеосвященная литургия и Постная Триодь, праздники, молебен, венчание и панихида. Компанейский вслед за Николовым отмечает родство болгарского и киевского распевов и ставит вопрос, не был ли заимствован киевский распев из Болгарии. Он также пишет:

При самом поверхностном рассмотрении его нельзя не заметить сродство болгарских мелодий со знаменным распевом, что наводит на мысль о происхождении знаменного распева от болгарского, а не греческого, как полагало большинство ученых.

В статье Николова о Литургии болгарского распева Компанейского приводятся отзывы на это сочинение в болгарской прессе (РМГ. 1908. № 34/35).

Отзыв кандадита богословия Петербургской Духовной академии (выпуск 1900 года) Лазаря Генова в болгарской газете «День» от 17 сентября 1907:

Свежа в моей памяти картина, когда мы с некоторыми болгарами бывали у господина Компанейского с целью послушать некогдашнее болгарское пение — плод примитивной души древних болгар, а ныне получившее новые образы в душе современного художника. «Дедо» Компанейский играл с увлечением, а мы, устремляясь в далекое прошлое, старались проникнуть в величественную простоту этих мелодий; мы старались уловить дух наших прадедов, проникнуть в их мысли и мировоззрения и представить себе их бытие — их, не оставивших никаких напоминаний своим потомкам о силе своего духа...

Отзыв редактора журнала «Духовна пробуда» Д. Божкова:

Я не знаю, как описать те чувства, которые меня взволновали, когда гостеприимный хозяин играл на фисгармонии литургию болгарского распева. Это было что-то бесконечно мелодичное и высокотожественное. Оно не походило на греческое *па-ву-га*, на византийский вой, который был давно навязан нашей церкви; оно не похоже и на европейское хоровое пение; то было особенное пение, новое откровение в музыке... <...>

Нужно рекомендовать церковным причтам болгарских церквей приобрести «Литургию болгарского распева» г. Компанейского, которому таким образом мы оплатим хоть морально за услугу, которую он принес болгарскому народу своим многоценным трудом. Весьма естественно, что г. Компанейский будет счастлив, увидев при своей жизни, что его труд не был напрасен и что его «Литургия» уже введена в болгарской церкви.

Отзыв журнала «Музыкальный вестник», органа Болгарского музыкального союза:

Дай Бог, чтобы оно [дело Компанейского] вразумило наши церковные круги и заставило их подумать об этой народной драгоценности.

Николов подытоживает:

Вопрос о старо-болгарском распеве во всей его сложности составляет тот предмет, которым будет нанесен последний удар общеславянскому историческому врагу: грекам. Болгарский распев, окончательно собранный, гармонизованный, разработанный и воспроизведенный в виде, удовлетворяющем современные музыкальные вкусы, должен будет занять то место в болгарской церкви, которое сейчас незаконно занимает греческое (константинопольское) пение. Ненависть болгар к этому дикому

пению настолько велика, что, несмотря на все старания Болгарского Синода к его сохранению, можно положительно сказать: дни греческого пения в Болгарии сочтены. <...>

Я глубоко верю, что г. Компанейский отнесется с такою же любовью и к остальным частям сборника.

Таким образом, Николов и после Афонской экспедиции оставался на прежних позициях. Однако следующие части его собрания болгарского роспева опубликованы не были.

О старо-болгарском церковном пении в издании А. Николова

*Сообщение, читанное Ст. В. Смоленским 16 декабря 1905 года
в Императорском Обществе любителей древней письменности*

Недавно вышла в свет небольшая литографированная тетрадь под заглавием «Старо-Българско Църковно Пение по старите руски нотни рукописи от XVII и XVIII векове. Книга I. Литургия. Събрал и наредил за употребяване в Българската Църква Анастас Николов». В этой «первой книге» имеется предисловие, объясняющее в кратких чертах историю выполнения, равно и основную мысль работы, предпринятой господином Николовым; здесь же указывается, что все издание предполагается сделать в 6-ти выпусках, в которых восстанавливается по старым русским нотным рукописям полный круг староболгарского церковного пения.

Мой достопочтенный друг А. Николов есть вместе и мой бывший ученик, которого обучение, еще 10 лет назад, было начато мною в Московском Синодальном училище. По окончании курса господин Николов был вторично командирован ко мне для занятий. [Болгарский] Св. Синод поручил господину Николову в два года изучить крюковое пение под моим руководством, а также «снабдиться памятниками по староболгарскому пению». Такое поручение Св. Синода вполне соответствовало моим давнишним желанием по части восстановления болгарской церковно-певческой старины, но я считал, что для такого важного дела был необходим труд образованного и усердного болгарина, так как я, русский, занимался более всего русскими напевами.

Вскоре по прибытии господина Николова в 1901 году я убедился, что мой бывший ученик уже стал отличным работником. Поэтому я, не ослабляя своего внимания к его делу, мог только удивляться его прилежанию и широкому, основательному взгляду, с которым он предался энергичной работе. Судьба послала нам затем помощь такого просвещенного и бескорыстного сотрудника, как А. В. Преображенский. С этого времени господин Николов начал работать самостоятельно, с широко обдуманной целью своего труда «за употребляване в Българската Църква». С этого времени я не могу назвать себя сотрудником господина Николова; мое участие было лишь предварительное, затем более бодрящее, чем деловое.

Хотя вся сила и будущее значение труда господина Николова должны проявиться в Болгарии, все-таки и у нас, русских, есть в этом деле некоторые частности, по которым я решаюсь обратить внимание Общества на труд господина Николова. По этим частностям определилась теперь настоятельная для нас надобность научно раскопать несколько совсем темных страниц в истории нашего церковного пения. Это страницы ясны в своем должном значении, но, к сожалению, они покоятся пока только на одних предположениях. К объяснению и к доказанности последних должно быть призвано содействие ученых людей. Вот почему, независимо от интереса и достоинства труда господина Николова, я решаюсь обратиться на настоящее дело внимание именно Общества любителей древней письменности.

*

Господин Николов, кончив шесть классов гимназии в Салониках, прибыл весною 1895 года в Московское Синодальное училище церковного пения после моих предварительных сношений с Болгарскою Экзархией в Константинополе. Это было в последние недели господства Стамбулова. Последовавшее вскоре примирение России с Болгариею, с помощью посольства Митрополита Климента, очень облегчило прием Николова в училище³.

³ О Стамболове и обстоятельствах болгаро-русских отношений см. в комментариях к *Дневнику*. Во времена появления Николова в Синодальном училище епископ (позже митрополит) Климент управлял (с 1884) Тырновской епархией.

Климент Тырновский (в миру Василий Друмев) — крупный болгарский писатель, церковный и государственный деятель. Образование получил в Одесской Духовной семинарии и Киевской Духовной академии. Принимал участие в важнейших политических событиях своей эпохи.

Мысль о возможности вернуть болгарам их старые напевы, сохранившиеся в наших рукописях, обрисовалась у меня в главных своих положениях еще в Казани, то есть задолго перед появлением господина Николова в Москве. Эта мысль появилась вслед за войною 1877 года, после моего знакомства с историею церковной распри между болгарами и греками, после разговоров с русскими, бывшими в Болгарии и слышавшими ее богослужение, и, особенно, после того, когда мне удалось составить для себя описание всех певческих рукописей Соловецкой библиотеки Казанской Духовной академии. По этому описанию уже тогда обрисовалось, что именно болгары могут найти в русских рукописях. Это было в самом начале 80-х годов. Соловецкие рукописи открыли массу неожиданных материалов, но я наивно продолжал изучать в Казани с помощью одного грека «Гледало ради славяно-болгарската ныне новонапечатана псалтика за оулеснение на псалтиколюби те Болгара, кои то желаят, да ся научат совершенно и лесно», Букурец, 1848⁴. Конечно, оказалось, что все мое ученье было книжно, мертво, без чувства задатка к будущему шагу вперед и к какому-либо практическому приложению. Я понял тогда, что для задуманного дела надобен кровный болгарин.

К 1895 году в Москве библиотека певческих рукописей Синодального училища была уже весьма значительна, и продолжение занятий над старо-болгарскими напевами было возможно, пожалуй, даже лучше, чем по Соловецким рукописям. Поэтому понятно, что я засыпал расспросами вновь прибывшего Николова. Но вскоре оказалось, что он совершенно

В Воспоминаниях Смоленский подробно рассказывает историю появления в Москве ученика шестого класса Салоникской гимназии Анастаса Николова — совершенно не подготовленного в музыкальном отношении.

К счастью Николова... проезжал Москву тырновский митрополит Климент, знавший Николова... Я вцепился в этот случай, отправил Николова в Санкт-Петербург... а затем, с помощью Климента, был утешен депешей Победоносцева, что по его приказанию Николова принять казеннокоштным учеником Синодального училища (РДМ. Т. IV. С. 323).

Поскольку против этого возражал начальник Смоленского А. А. Ширинский-Шихматов, Смоленский поселил Николова в своей квартире, отдельно от общежития учеников. В дальнейшем Смоленский помог Николову получить вторую командировку в Россию для розысков болгарского распева.

⁴ Эта книга была привезена в Казань выпускником Казанской Духовной академии И. С. Ястребовым, консулом в Салониках.

Автором изданного в Бухаресте «Гледала» (то есть учебника) является Н. Триандофилов; в книге использована так называемая хрисанфова нотация (новейшая форма невменной византийской).

не имеет об интересовавших меня напевах никакого понятия и, как певец, знает только свою «псалтикию» целиком греческую, и в напевах, и в их нотации. Только через год, когда мой ученик развился до умения петь в хоре, до способности хоть несколько разобраться в слышимом хоровом пении, — только через год Николов понял родные ему звуки, впервые услышанные им в Москве. Это просветление случилось при пении «Тебе одеющегося», художественного исполняемом Московским Синодальным хором. Постоянные волнения, с которыми начал вслушиваться мой ученик в восхитительные болгарские мелодии, то есть в общеизвестные у нас «Дева днесь», «Тебе одеющегося» и «Благообразный Иосиф», убедило меня в музыкальной чуткости и пылком патриотизме Николова. Затем, коротко сказать, я, прочитав все оказавшееся под руками, через год сам поехал в Болгарию, чтобы лично убедиться, что и как поют болгары в своих храмах, какова там почва для задуманного дела. Это было в 1897 году. Несколько ранее этого я посетил Галицию и Буковину. Таким образом мне удалось слышать болгарский распев почти всюду, кроме Болгарии.

Впечатления, полученные мною в Болгарии, особенно же в Константинопольской экзархии и Болгарской семинарии⁵, я могу назвать только самыми удручающими. Я не услышал в болгарских храмах ни одного напева, в котором бы слышались знакомые мне обще-славянские голосоизвития; купив решительно все печатные болгарские певчие книги, я не нашел между ними, собственно говоря, ни одной болгарской. Некоторое косвенное утешение я получил в Константинополе. Ходя в греческую соседнюю церковь, мне удалось здесь подметить отсутствие тех болгаризмов, которые болгарские певцы, особенно певшие наизусть, на слух, все-таки вставляли в напевы, совершенно тождественные у них с греческими. Эта мелочь убедила меня в живучести болгарской музыкальной природы даже до сих пор. Я увидал в этих мелких изменениях напевов безотчетное стремление болгарских певцов к введению родных звуков в чуждые, хотя и привычные напевы. Очевидно было, что певцы, одушевившись и перестав стесняться певчею книгою, прибавляли к церковным напевам какие-то свои, но искренние попевки. Именно этих попевок, в тех же стихирах на 15 августа, я не услышал в пении константинопольских греков. Зато всякие

⁵ И после провозглашения самостоятельного Болгарского Экзархата в Константинополе оставались болгарские церковные власти и действовала Болгарская семинария.

«Воскресники» Селиевца⁶, всякие азбуки при них, особенно же печальный уровень музыкальных познаний и почти отсутствие стремления к ним среди болгарского духовенства, заставили меня чуть не бежать из Софии. Все, что я ни слышал здесь за обычными службами, было сплошь, без всяких исключений, пением греческих мелодий, даже и с украшениями вроде «терирем, тетерирем» и т. п.

Здесь же, на месте, я убедился и в том, до какой безжалостной степени фанариотское духовенство в далеком прошлом истребило у болгар не только их певчие рукописи, но и самую память о том, что у болгар когда-то было собственное певческое церковное искусство и, вероятно, собственное музыкально-певческое письмо. В Софии только что вышло в свет издание рукописи Палаузова «83 страницы от одна стара рукопись Синодик царя Бориса» XIV столетия⁷, и у меня не хватило духа, чтобы огорчить подарившего мне экземпляр г. Георгия Киркова; он, не без гордости, указывал мне на отличные достоинства снимков с греческими знаменами... Конечно, я искал настоящие болгарские певческие рукописи. Основываясь на кратких указаниях преосвященного Порфирия Успенского и Измаила Ивановича Срезневского, прямо, хотя и не по-музыкантски, указывающих на болгарские певческие рукописи, я пересмотрел все без исключения богослужебные рукописи Болгарской Народной библиотеки в Софии. Но, к полному огорчению, здесь не нашлось ни одной даже строки с интересовавшими меня подлинно болгарскими певческими знаками. Между тем, они, в связи с существующею до сих пор

⁶ В статье Смоленского «О древнерусских певческих нотациях» приводится пример «современной болгарской церковной нотопечати» по «Воскреснику», издания «Аггела Ив. Селиевца, Константинополь, 1859».

Этот сборник, тоже в современной греческой невменной нотации, составленный болгарским певцом Ангелом Ивановым из Севлиева (в других источниках — Севлиевец), выдержал несколько изданий; тот же автор издал еще несколько сборников подобного рода.

⁷ На русском языке гораздо ранее была опубликована (Временник Императорского Московского Общества истории и древностей российских. Кн. XXI. М., 1855) статья С. Н. Палаузова о Синодике царя Бориса.

Спиридон Николаевич Палаузов (1818—1872) происходил из обосновавшейся в Одессе болгарской семьи, получил образование в Западной Европе, затем закончил Московский университет. Находился на российской государственной службе, опубликовал множество трудов по истории древней Болгарии, а также Румынии, Молдавии, Валахии, Австро-Венгрии и проч.; уделял особенное внимание проблемам церковной жизни поименованных стран.

самостоятельную нотацию у сербов⁸, несомненно должны были быть. Только тут выяснилась в моих глазах слабость надежды найти подлинные болгарские певческие рукописи. Меня совершенно изумила дикая и преступная мера ненависти против болгар и против науки, с которой невежественное фанариотское духовенство сожгло в 1825 году случайно найденную им в Тырнове Болгарскую патриаршую библиотеку рукописей⁹. Мои дальнейшие поиски в России выяснили, что даже в массе отдельных листков, привезенных преосвященным Порфирием Успенским, как и в массе рукописей В. И. Григоровича, не оказалось ни одного памятника с древними подлинно-болгарскими певчими знаками. Как ни хотелось бы верить столь основательному ученому, как Изм. Ив. Срезневский, но я своими глазами до сих пор ни видал ни одного болгарского певчего знака. Наш почтенный сочлен А. И. Яцимирский¹⁰, выдавший множество рукописей в Румынии, также не видал болгарских знамен. Но я чувствую, что они найдутся непременно.

Высшее огорчение, полученное мною в столице Болгарии, состояло однако в том, что в главном храме в Софии, в «Свети Краль Църква», я услышал хоровое пение по невозможному нашему Бахметевскому Обиходу, наряду с исполнением общеизвестных у нас русско-славянских сочинений. Это показало мне начало в Болгарии той ошибки, за которую мы платимся более ста лет и с которой борьба трудна и сейчас.

⁸ Приводя в упомянутой статье образец буквенной сербской нотации по белградскому изданию 1885 года, Смоленский делает вывод, что ввиду ее простоты нотация «представляет собою, очевидно, первичную, наивную нотацию, существующую однако доньше у сербов с очень древнего времени» (С. 12).

На самом деле, как уже упоминалось в *Афонской экспедиции*, все было наоборот: это самая поздняя, максимально упрощенная нотация. Известная сербская исследовательница Даница Петрович пишет:

С середины XIX века до настоящего времени сербское церковное пение записывается современной европейской нотацией. В конце XIX века существовала также весьма простая система знаков — так называемая триле, — записывавшихся как *сапро аперто*. Эта система была неточной и не выдержала испытания временем.

(Петрович Даница. Сербское церковное пение: мелодические варианты в устном и письменном предании // Гимнология. Вып. 3. Церковное пение в историко-литургическом контексте: Восток — Русь — Запад. М., 2003. С. 41.)

⁹ О Тырновской библиотеке см. в *Афонской экспедиции*.

¹⁰ Александр Иванович Яцимирский (1873—1925) — славист, профессор Петербургского университета; автор таких работ, как «Славянские и русские рукописи румынских библиотек» (СПб., 1905), «Из истории славянской письменности в Молдавии и Валахии XV—XVII веков» (СПб., 1906), «Из истории славянской проповеди в Молдавии» (СПб., 1906).

Под давлением таких впечатлений я принялся, возвратясь домой, за дальнейшее обучение г. Николова. В 1898 году он кончил курс, а в 1901 году я с сущей радостью встретил вновь своего ученика в Санкт-Петербурге.

Господин Николов явился ко мне командированным Св. Синодом с определенной целью, сроком на два года. Конечно, такой малый срок мог быть назначен только по недоразумению. Как и следовало ожидать, двух лет для одного работника оказалось, конечно, совсем мало, несмотря на все усердие г. Николова. Труд восстановления старо-болгарского церковного пения оказался совсем не одним только выписыванием всего найденного из рукописей. Г-ну Николову пришлось передумать, проверить и перечитать очень многое, чтобы уверенно вписывать новые страницы в свой сборник. Надобные рукописи оказались в большом числе и заключали в себе редакции и хомовые, и Иосифовского текста, и Никоновского текста, притом же и хороших и плохих редакций, наконец и из разных мест. Материалов было очень много, но они же и тормозили работу своими разногласиями. Но несмотря на эти затруднения и расширившееся поле от новых находок уже к концу первого года командировки г. Николова, успех его работы выяснился с такою определенностью и в таких отрадных достоинствах, что я счел необходимым сообщить о том Его Царскому Высочеству [так!] Фердинанду князю Болгарскому и Болгарскому Синоду. Надобность остаться в России обозначилась для г. Николова со всею ясностью, ибо труда оказалось гораздо более, чем можно было думать. Список песнопений, найденных г. Николовым, кроме указанных ему мною, прямо свидетельствовал об успешности его поисков и о надобности научно-критических работ для установления верных редакций старо-болгарских роспевов. Князь Фердинанд почтил Николова присылкою 500 левов. Болгарский Синод даже не удостоил меня каким-либо ответом. Но работа не остановилась. По истечении второго года я уговорил г. Николова остаться в России и продолжать на свой счет и на свой страх начатую работу. И я могу засвидетельствовать, что г. Николов, обремененный семьей и надобностью заработка, только усилил свой беззаветный труд во славу Божию и во благо своей родины. Этот неустанный труд привел к тому, что только теперь, в самом конце 1905 года, перед нами лежит только 1-й из 6-ти выпусков труда г. Николова. Труд г. Николова закончен в рукописи еще весною этого года. Я уговорил скромного работника сообщить о том в Болгарию. Поэтому были им отправлены письма к болгарскому

министру народного просвещения доктору Шишманову. К письму был приложен план предположенного издания. Но на письма не последовало к г. Николу никакого ответа, — следовательно, оправдалась горькая пословица: никто не пророк в своем отечестве.

Как ни тяжело мне, старому учителю и полюбившему Болгарию, писать о таком невнимании к г. Николу на его родине, все же я считаю себя вправе заявить, что едва ли теперь кто-либо из болгар сумел бы взять на себя труд г. Николова, с теми знаниями и с тою опытностью, которые у него вполне несомненны. Идеальный труд, равнодушно или недоверчиво встречаемый современниками, нисколько не умаляется от того в своих достоинствах. Кроме текущей поры есть еще и будущее, беспристрастное время. Если бесполезно теряется время сейчас, то в будущем уму и художественной чуткости лучших болгар-патриотов придется разобраться в труде г. Николова. Тогда они спокойно оценят бывший труд и высокие достоинства своих старо-церковных напевов; тогда болгары поспешат дать им ту или другую меру церковного в будущем употребления, ту или другую художественную разработку в хоровом виде для городов и в одноголосном виде для сельских храмов. В России же труд г. Николова имеет уже теперь значение нравственное, художественное и историко-археологическое.

Нравственное значение представляется в том, что в деле духовного освобождения и возрождения болгар нашлась именно в России, силою науки и береженьем старины, такая помощь болгарам, которую мы, в свою очередь, благодарно оплачиваем за грамоту, а может быть, и за пение, полученное от них тысячу лет назад, трудами первоучителей славянских святых Кирилла и Мефодия.

Художественное значение представляется в удивительной красоте старо-болгарских церковных напевов. Если вспомнить, как любимы и как незаменимы у нас с давних пор болгарские «Дева днесь», «Благообразный Иосиф» и «Тебе одеющагося», то следует признать, что опубликование всей массы напевов, найденных г. Николовым, должно быть названо новою и мощною струею, художественное значение которой, конечно, не замедлят оценить все передовые и работающие русские певцы, особенно же слагатели хоровых изложений.

Историко-археологическое значение труда г. Николова заключается в том, что теперь обнаруживаются обстоятельства, пока еще недостаточно выясненные, но несомненно шатающиеся то понятие, которое у нас устоялось на веру за так называемым киевским распевом. Часть этого киев-

ского роспева оказалась несомненно болгарской. Такое шатание одной из основ нашего современного певческого искусства, конечно, должно возбудить у нас новые поиски и, следовательно, должно неминуемо открыть новые и, пожалуй, неожиданные научно-художественные страницы.

*

Под именем «киевского напева» в настоящее время известно два рода пения: 1) хоровое пение в составе так называемого «монастырского хора», то есть баса 1-го и 2-го, тенора и альты, — существующее и сейчас, но только в одной Киево-Печерской Лавре; пение это издано сполна, хотя и весьма некорректно, г. Малашкиным и известно под именем «лаврского»¹¹. В точности неизвестно, когда и кто сочинил эту гармонизацию, но уже одно то, что она так любима, свидетельствует о ее живости и талантливости; 2) пение собственно киевское, лучше сказать, Киевской Украины, сельское, существующее в исполнении на 1, 2 и 3 мужских голоса, существующее до сих пор в устах дьячков почти всей Южной Руси. Очень небольшая часть этого, так сказать, «малого киевского роспева» была введена в издания Св. Синода еще в 1772 году. Эта часть, в связи с Придворным Обиходом — есть главная основа существующего теперь хорового пения. Сполна этот роспев имеется во множестве изложений в наших певческих рукописях. Чрезвычайно трудно пока разграничить этот роспев и превеликое множество всяких примыкающих к нему частных роспевов и отдельных южнорусских сочинений. Я помню, что во время моих каталогических работ над южно- и западнорусскими Обиходами я был совершенно подавлен массой найденных сочинений. Всех Обиходов у меня было до 70-ти, но каталогизация лишь первых 17-ти уже составила очень толстый том¹². Помнится, что было записано, например, свыше 200 Херувимских, множество «Достойн», Великих славословий, «Свете тихий», целых систем на подобен на «Господи воззвах» всех гласов и прочее. Здесь перепутано сущее множество всяких роспевов, например «жуковский большой» и «жуковский малый», всякого рода «царские», всякие «ин роспевы» и «произволы», всякие местные роспевы, в числе которых иногда попадаются и болгарские. Недаром покойный

¹¹ Имеется в виду А. Д. Малашкин и его издание «Круг церковных песнопений по напеву Киево-Печерской Лавры».

¹² Этот Каталог сохранился в фонде Смоленского в ОПИ ГИМ («Обиходы по рукописям Синодальной библиотеки»; ф. 379, № 2). Он относится к концу 1890-х годов (см. подробнее в первой книге II тома РДМ).

Дм. В. Разумовский сказал мне в одной беседе: «Не родился еще человек, который бы сумел разобраться в драгоценной пучине наших Обиходов». Эти Обиходы — действительно бездонная пучина драгоценнейших вдохновений. В этой пучине г. Николов нашел однако немало песнопений, которые признавались за коренные русские напевы, но оказались болгарскими, хотя и не означались такими названиями.

Конечно, в таких случаях правда может [быть] найдена только с помощью научно-доказанных положений и с помощью совершенно беспристрастного анализа. Если меня спросить: можно ли составить характеристику болгарского роспева вообще? — я отвечу: да.

Я полагаю, что, как бы ни были оригинальны какие угодно мелодии, их всегда можно анализировать так же легко, как легко отличить, например, язык Кантемира от Ломоносова, или Державина от Крылова, или Карамзина от Жуковского, Пушкина от Гоголя и тому подобное. Сообразно этому, вполне легко различить церковную мелодию великорусскую от южнорусской, или болгарской, или сербской, или греческой, так как в народно-мелодической строке каждого племени есть свои характерные мелочи в голосоизвитиях и в самом строении мелодий, подобные же, так сказать, ухватки замечаются и в построении целых частей мелодий, целых куплетов, по которым опытный исследователь легко отличит место происхождения напева, иногда даже и время его сочинения.

Например, вполне легко, зная так называемые кулизмы, то есть характерные мелодические окончания певчих строк каждого гласа, можно определить любую мелодию великорусскую, южнорусскую или сербскую, греческую, болгарскую. У каждого племени по этой части есть своя музыкальная грамматика. Точно так же, взглядевшись в состав подведенного под мелодию текста, нетрудно иногда, в совокупности с другими признаками, определить место и самый род какого-либо сочинения. Например, суровая северная знаменная Херувимская обычно поется без повторений слов, при совершенно определенной трехчастной форме напева; а вышеуказанная, ежедневная до сих пор Херувимская киевского склада «на Радуйся» имеет такой текст: «Иже херувимы, херувимы, херувимы; иже херувимы, херувимы, херувимы; тайно образуяще, тайно образуяще, тайно образуяще»; а в западнорусских Херувимских, при постоянной двухчастной форме, нередко можно встретить еще более бесцеремонное обращение с текстом, например, «образуем образуяще», «припеваем припевающе» и тому подобное. Поэтому, усвоив себе некоторую наметку, можно легко разобраться в какой угодно массе всякого рода напе-

вов; точно так же, например, усвоив себе возможно подробную систему болгарских голосоизвитий, порядка рифмования строк, порядка следования каденций, равно и порядка отношений текста к мелодиям, можно легко составить грамматику старо-болгарского церковного пения и определить значение этого роспева между другими. На основании удавшихся мне исследований я могу охарактеризовать болгарские церковные напевы как весьма иногда быстрые в голосоизвитиях, с короткими певчими строками, с ясными размещениями текстов, повторяющихся весьма редко, с весьма систематичными рифмами и заключениями в концах певчих строк. Я назвал бы болгарские мелодии плавными, спокойными в очень немногих случаях; в них нет суровых, сосредоточенных длиннот, которые попадают даже и в киевском роспеве. Наконец, болгарские мелодии почти сплошь чрезвычайно изящны и полны для южанина самого естественного увлечения, действующего и на русскую душу вполне забирательно. И едва ли я ошибусь, сказав, что контрасты в родственных однако музыкальных характеристиках, замечаемые мною в нашем, северном, и в далеком южно-славянском, то есть болгарском напеве, были причиною того, что у нас так любимы пылкое, поэтическое «Тебе одеющагося», торжественное «Дева днесъ» и несравненно-трогательное «Благообразный Иосиф». Ради этих первостепенных красот у нас почти повсюду не только изъяты, но даже иногда и забыты свои, русские напевы.

Если меня спросят: можно ли думать, что так называемое «старо-болгарское церковное пение» есть народное искусство? — я отвечу: пока не знаю, так как моя попытка отыскать хоть какие-либо общие черты между напевами, собранными г. Николовым, и болгарскими народными песнями кончилась неудачно. Этот прием исследования я прилагаю не без успеха к русским церковным и мирским напевам, пользуясь, кроме записей, и живым исполнением у старообрядцев. Но такого выгодного условия нет в деле исследования болгарских напевов, так как «старо-болгарскому церковному пению» по меньшей мере лет 250—300, а все 165 народных болгарских песен, собранные в известном «Сборнике народного умотворения» — относятся к нынешнему поколению. Первые — вполне забыты болгарскими и в русских рукописях, может быть, не лишены некоторой доли русизмов; вторые, по основательному замечанию г. Л. Куба в статье «Тональность в болгарских напевах», «несут явные следы, во-первых, старогреческой музыки, во-вторых, турецко-арабского влияния и, в-третьих, западноевропейской музыки и ее воздействия». В этом вопросе может разобраться только кровный болгарин, да и то, я думаю, с большим трудом.

*

Обращаясь собственно к исторической стороне, следует прежде всего сознаться в полной нашей темноте и беспомощности по части вопроса о том, как и когда проникли болгарские напевы в Западную и Южную Русь. Здесь, как и в Болгарии, погибли от пожаров и междоусобий решительно все документы той поры, когда начались религиозные и политические брожения и жестокие междоусобия между разноплеменными и разноверными противниками. Если вместо названий действовавших в Болгарии истребителей поставить имена врагов православия в Юго-Западной Руси, то начальные слова предисловия г. Николова окажутся вполне пригодными и для объяснения сохранности у нас болгарского роспева:

Тяжкое рабство, которое влачил на себе болгарский народ долгие века, не смогло уничтожить божественный дар этого народа — его национальный дух. Этот дух — единственная народная твердыня, которую не смог разрушить ни турецкий ятаган, ни жадный и ехидный греческий поп. Не угасла священная искра, и от нее разгорается пожар, который растопит вековые оковы.

Именно народный дух, народная вера, любовь к своей церковной красоте не могли быть уничтожены у нас неслыханными ужасами вековой борьбы, и благодаря этому духу, этой вере Юго-Западная Русь устояла во всем, в том числе и в церковно-певческом искусстве. Русь стала петь наизусть, так как сгорело все... Коротко сказать, самый старый русский певческий Ирмолог из Супрасля относится к 1598 году. Таким образом, мы не знаем даже о своем киевском пении: когда оно было переведено с крюков на ноты, когда лаврский киевский распев стал хоровым, когда был воспринят в Южной Руси болгарский распев, когда, где и кто перевел его с болгарских крюков на киевские пятилинейные ноты?

Все наши южнорусские рукописи, то есть документы первой половины XVII века, застают болгарский распев уже оседлым, привычным в Юго-Западной Руси, имеющим самые полные права гражданства. Наоборот, все севернорусские крюковые рукописи той же первой половины XVII века подтверждают только самое полное отсутствие в них болгарского напева. Мне удалось найти только в нескольких рукописях крюковое изложение «Видехом свет истинный» под названием «болгарский самогласен», то есть как раз тот текст, который не распевался в России и введен за нашу литургию только со времени патриарха Никона. На севере Руси болгарский распев появился готовым, прямо с Юга, и только

в нотном изложении, и только в начале половины XVII века. Следовательно, можно утверждать, что в Московской Руси до этой поры болгарского распева совсем не было.

Таким образом, остаются две одинаково разоренных колыбели болгарского распева — сама Болгария и наша Южная Русь. И в той, и в другой надо научно проследить непрерывность одного и того же распева главным образом в течение XVI века. Несомненно, что ко времени покорения турками болгарское пение могло быть свободно от греческого влияния и, следовательно, могло быть только народно-болгарским; несомненно и то, что болгарский распев, как самостоятельный факт, может быть бесспорно доказан с техничеcки-музыкальной стороны. Это есть несомненно отдельная от русского, самостоятельная отрасль славянского искусства. В известном нам нотном изложении этот распев есть не русский, не сербский, отнюдь не греческий, не румынский, следовательно — он есть болгарский, ибо только и остается остановиться на подтверждении уже усвоенного в рукописях его бесспорного названия.

Несомненно, что весь ряд отдельных вопросов о судьбе болгарского распева в разные десятилетия XVI века будет находиться постоянно вблизи той дороги сношений и церковных общений, по которой лежат все промежуточные пункты между Константинополем и Яссами; отсюда дорога двоятся, то есть одна идет в Киев, другая же в Львов или Вильну. Само собою разумеется, что более мелкие пункты по этим дорогам — монастыри, братства, школы и отдельные епископские кафедры, при которых каким-либо способом или чьим-либо влиянием болгарское пение вводилось в местную богослужебную практику. Во всяком случае надо сказать положительно, что и по Львовской, и по Киевской дорогам в начале XVII века болгарские церковные напевы были уже общеприняты. Всякие смутные догадки и распространительные толкования о возможности влияния митрополита Григория Цамблака и других болгарских деятелей не создают истории, даже и [не] создают объединяющих объяснений. В трудах Конст. Вас. Харламповича¹³, изучившего, как кажется, все известное по части западнорусских братств, я не нашел решительно никаких указаний по части болгарского напева. Такое отсутствие самого имени болгарского распева, например в школьных программах, если сопоставить то с наличием болгарского распева чуть не в каждой запад-

¹³ Константин Васильевич Харлампович (1870—1932) — историк церкви, профессор Казанской Духовной семинарии и Казанского университета, автор многих работ по истории западнорусских православных братств.

норусской рукописи, может лишь доказывать общераспространенность того роспева и бывшую ненадобность как-либо оговаривать заботы о его сохранении. И действительно, болгарский распев в некоторых частях сохранился живым в Буковине, Галиции и на Волыни — даже до сих пор. Но для истории научной надобны новые положительные документы, от которых бы и известное нам получило положительное же свое значение во взаимной между собою связи. Эти документы надо искать, а пока их нет — не может быть и истории. Разыскания надобных документов есть благородная и благодарная задача, в деле же научного утверждения болгарского роспева — совершенно необходимая для обеих сторон, и для русской, и для болгарской.

Позволю себе подвести краткий вывод моих мыслей по поводу издания г. Николова. Я считаю, что издаваемое им «Старо-Българско Църковно Пение», как труд высоко-добросовестный и исполненный с отличным знанием, есть огромный шаг вперед не только для болгар, но и для русских.

Напевы, собранные г. Николовым, следует признать за старо-болгарские, относящиеся еще к тому времени, когда болгарское искусство было свободно от посторонних влияний и было только народным.

Те же напевы, в сравнении с современными болгарскими народными песнями, преисполненными чуждых влияний, ныне могут прямо способствовать [не только] духовно-певческому, но и вообще музыкальному возрождению Болгарии. Если русизмы в тех напевах пока еще неотделимы, то этот недостаток все же терпимее для болгар, чем турецкие, или греческие, или западноевропейские музыкальные влияния на болгарскую народную мелодику. Если, как я в том положительно уверился на месте, художественные способности болгар далеко не иссякли, то болгарские певцы в первом же поколении откинут чуждые им русизмы и остановятся на родной им красоте, достойной только высокого почтения, даже и удивления.

Теоретическая сторона старо-болгарского церковного пения легка и, несомненно, лучше всех может быть объяснена пока только г. Николовым, если на его родине поймут всю важность его услуги для будущего не только Болгарской церкви, но и болгарского музыкального искусства.

РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 27, л. 99—111

Полный текст сообщения Смоленского в ОДДП публикуется впервые по черновому автографу. К рукописи приложена вырезка из болгарской газеты «Вечерняя почта» от 16 января 1906 — статья упомянутого выше Л. Генова о выходе в свет издания Николова.

С. В. Смоленский

Доклад 2-му Отделу Общества любителей древней письменности

(Собрание Отдела 6 февраля 1906 года)

Во исполнение постановления Отдела в собрании 21 апреля 1905 года в течение минувших месяцев было обсуждено и приготовлено следующее:

1. По предположению об издании хрестоматии

План хрестоматии выяснился в следующих своих главных основаниях: частей хрестоматии предполагается две — часть собственно знаменного певческого письма и часть с нотациями кондакарною и другими, еще вполне загадочными, имеющимися лишь в отдельных страницах разных памятников.

Первая часть может иметь два главных отдела: песнопения, имеющие в наидревнейших своих изложениях еще греческие нотации IX—X веков, то есть те самые, которых система стала в России знаменным письмом, сохранившим при том и наидревнейшие, принесенные от греков (к болгарам или к русским) мелодии тех песнопений, — и песнопения несомненно русского происхождения (например, службы Феодосию Печерскому или князьям Борису и Глебу).

Для первого отдела, то есть с греческими первообразами, оказались недостаточными материалы, имеющиеся налицо в России. В древнейших пергаменах Императорской Публичной библиотеки оказались лишь стихиры из служб 13 ноября св. Иоанну Златоусту, 4 декабря св. великомученице Варваре и часть стихиры Великого Пятка «Тебе одеющагося». Поэтому, ввиду большей выгодности для хрестоматии иметь выбор из наиболее распространенных (и оттого наиболее художественных) песнопений, я обратился за содействием в Англию, к Ив. Вас. Биркбеку, кото-

рый имеет доступ к отличной греческой рукописи «Праздников», нотированных именно теми знаками, которые стали у нас знаменными. Я просил Ивана Васильевича снять, по его выбору, 12—15 страниц из наилучших сохраненных начальных стихир каких-либо праздников. При этом, конечно, имелись в виду и заставки с заглавными буквами.

Но ответа получено не было, поэтому на этих днях к Ивану Васильевичу писано мною вторично¹.

В этом же отделе пришлось отказаться от использования Севастьяновских снимков 8-ми страниц Есфигменского Ирмолога, так как они не представляют собою поучительного и надобного разнообразия ни по гласам ирмосов, ни по их мелодическому изложению. У нас, к тому же, нет Ирмологов XII века².

В этом же отделе не удалось до сих пор найти греческих первообразов с кратких песнопений, вроде, например, «Свят Господь Бог наш», прокимнов воскресных на утрени и литургии и т. п., равно и существенно необходимых «подобнов». Целью помещения в хрестоматию таких песнопений представляется возможность прояснения по ним не только их мелодического строения, но и их музыкальных форм.

Для выбора русских песнопений я решил воспользоваться предстоящею мне поездкою в Москву и советами там о. В. М. Металлова. Во всяком случае рукописи Московской Синодальной библиотеки № 589, 1152 года, № 278 (XII века) и известные 10 Миней (№ 159—168) представляют собою отличное поле для выбора как русских служб, так и с греческими первообразами.

Все песнопения, на которых остановится выбор, предполагается непременно представить в редакциях всех веков на одни и те же тексты. С помощью лишь сравнительного между собою исследования представляется единственно возможным добиться прочтения древнейших знамен.

Кроме того оказалось еще выгодное удобство Москвы — получение сотрудничества очень опытного фотографа рукописей Дм. Андр. Быстрицкого³. Его работы и письмо ко мне по поводу снимков для хрестоматии при сем представляются.

Московские же рукописи, вместе с петербургскими, могут дать отличный выбор для *второй части* хрестоматии, то есть для образцов совершенно загадочных нотаций разных систем, в том числе и кондакарной.

Нахождение в некоторых рукописях отдельных страниц с незначительными и с некондакарными певчими знаками, равно и воспроизведение нескольких страниц из разных греческих и русских Евангелий со знач-

ками чтения нараспев — будет, несомненно, самую зазорную по интересу частью хрестоматии.

Переходную ступенью от первой, знаменной, части хрестоматии ко второй, то есть по преимуществу кондакарной, предположено выставить несколько снимков знаменных песнопений, в которых загадочно вкраплены целые кондакарные строки⁴.

Сопоставление разных кондакарных редакций между собою также указывает на массу не только их различий, но, может быть, и на такие подробности, которые поведут к не ожидаемым теперь разгадкам. О том, что представляется теперь вероятным, мною будет сказано ниже, при докладе о труде о. Дм. Вас. Аллеманова в области составления им грамматики современного греческого певческого письма.

Во всяком случае для издания хрестоматии весьма сокращаются хлопоты по выбору образцов и расход на фотографические снимки, если использовать большую коллекцию негативов, имеющуюся в Музее Общества.

Смета, составленная приблизительно о. Металловым⁵, представляется мне удовлетворительною вообще, хотя при исполнении издания весьма возможны расходы, ныне не предвидимые.

2. По предположению об издании Минеи общей по автографу старца Александра Мезенца

Эта драгоценная рукопись хранится в библиотеке Московского Синодального училища под № 98 и представляет собою, вероятно, тот самый оригинал, который был изготовлен известною «2-ю комиссиею» к Собору 1666—1667 годов. Предположение Отдела издать именно эту рукопись мотивируется следующими соображениями.

1. Минея общая, как руководящая уставная певческая книга, по непонятным причинам до сих пор еще не издана Св. Синодом. Таким образом издание Общества пополняет этот пробел по наилучшему экземпляру.

2. Предположение об издании Минеи Мезенца с помощью фототипии и с приложением наборно-подстрочного перевода «на круглую ноту», а не на цефавутный ключ, приводит к появлению в печати знаменной книги отличного достоинства и к началу нотно-певческого ее истолкования лучшим противу прежнего способом.

3. Независимо от этих соображений представляется весьма многообещающим появление в свет именно Минеи общей, притом же в двух

изложениях, то есть крюковым и нотном. Книга эта, как наилучше отредактированная по ее ежедневному, в прошлом, употреблению, состоит сплошь из песнопений на «подобен» или из служащих образцами для «подобнов». Поэтому ни в одной певчей книге не представляется столь законченных по формам и по ритмам песнопений, как именно в Минее общей. Можно даже надеяться, что сопоставление Минеи с образцами «подобнов» в хрестоматии образует крепкую связь между этими двумя изданиями, особенно же к плану хрестоматии, предположенной лишь для памятников до XIV века, может быть сделано расширение ее еще на XV и XVI столетия. Минея Мезенца представляла бы тогда как бы последнюю часть хрестоматии.

3. По предположению о чтении публичных лекций по истории церковного пения в России

Лекции эти, предположенные с 28 ноября 1905 года по 15 марта 1906 года, не состоялись как за неполучением разрешения от правительства, так и по нынешней беспокойной поре. Десять лекций, предположенных к прочтению, мною уже написаны вчерне все, причем первые из них изготовлены к прочтению совершенно. Существенною помехою к прочтению лекций оказалось неожиданное закрытие петербургских учебных заведений, из которых я имел возможность составить хоры болгар, греков, сербов и грузин. Эти демонстрации лекций, в связи с предполагавшимся также пением поповцев и беспоповцев, в настоящее время представляются мне, за пропуском времени, неосуществимыми. Поэтому, ввиду также некоторой неудачи, бывшей по части изготовления картин-снимков для волшебного фонаря, приходится отложить лекции до будущей зимы⁶.

*

Я решаюсь обратить внимание Общества на одного весьма скромного, но вместе и весьма способного и трудолюбивого работника по церковному пению. Это — преподаватель пения в Московской духовной семинарии и член Московского Наблюдательного Совета при Синодальном училище церковного пения, священник о. Димитрий Васильевич Аллеманов. Зная лично о. Аллеманова, я могу удостоверить его обширные познания в теории музыки, особенно же контрапункта, и в области церковных ладов; затем о. Аллеманов прекрасно знает наши древнецерковные напевы и их крюковую нотацию. В настоящее время он изучил современное греческое церковное пение в его нотации и пришел к небез-

основательному ряду соображений, по которым он, работая над кондакарным знаменем, как бы находит путь к его мелодическому и семиографическому объяснению с помощью греческих нотаций⁷.

Известно, что кондакарное знамя еще не читается нисколько, и то небольшое, что удалось подметить в нем, совершенно не дает пока даже и начала к его разгадке. До сих пор попытки к прочтению кондакарного знамени идя от наших знаменных книг привели только к открытию в нем так называемых мартирий, то есть ключевых знаков, несколько сходных с древнегреческими мартириями после XI—XII веков, да к прояснению сходства некоторых знаков с буквенною нотациею, равно и с певческими знаками, уцелевшими у нас в демественном письме и в обыкновенном знаменном.

О. Аллеманов справедливо находит, что усовершенствование нотаций выявляется только развитием мелодики, и, будучи продолжаемо в одном каком-либо роде пения, не может нарушать его основных начал, но служит лишь для означения развития частных. Обозревая греческие нотации до XIII—XIV века включительно (а к тому в Москве есть ряд великолепных рукописей), о. Аллеманов находит, что в сущности к их прочтению не представляется никаких особых затруднений, почему нетрудно будет подойти с этой стороны и к кондакарному знамени⁸.

С этою целью о. Аллеманов составил для русских исследователей руководство к пению по системе греческих знамен. Не говоря о том, что у нас нет ни одного подобного труда, я беру на себя смелость утверждать, что труд о. Аллеманова в моих глазах стоит несравненно выше известного сочинения Bourgault-Ducoudray «Etudes sur la musique ecclésiastique Greque» (Paris, 1877). Со свойственною о. Аллеманову ясностью и простотою он толкует греческое пение столь вразумительно, что невольно крепнет мысль о возможности подойти к кондакарной нотации с такой стороны, о которой до сих пор еще не думали.

РГИА, ф. 1119, № 29. Текст публикуется впервые

В архиве ОЛДП, как и в фонде Прокофьевых в РНБ, сохранились негативы с отдельных листов московских рукописей, о которых идет речь в докладе и которые предполагались к использованию в хрестоматии; некоторые из них были использованы в разных указателях Смоленского, хранящихся в РГИА (ф. 1119, оп. 1, № 37—40). Собственно, часть негативов была сделана раньше и передана Смоленским в дар ОЛДП при избрании Степана Васильевича руководителем 2-го отдела Общества.

¹ См. в комментариях к *Дневнику* и *Письмам*.

² По данным современной музыкальной медиэвистики, певчие Ирмологи появляются в XII веке, однако в это время они весьма редки (см.: Заболотная Н. В. Церковно-певческие рукописи Древней Руси XI—XIV веков. М., 2001. С. 29).

³ Дмитрий Андреевич Быстрицкий, фотограф Синодального училища, часто работал по поручениям Смоленского.

⁴ См. подробнее в Приложении «*Кондакарное знамя*».

⁵ Осенью 1905 С. С. Волкова, разрабатывая вместе со Смоленским идею хрестоматии, вступила в переписку с В. М. Металловым. В письме Волковой к Смоленскому от 19 октября 1905 цитируется фрагмент из письма Металлова:

Перехожу к смете В. М. Металлова. «Снимков я предполагал бы сделать 100 или около 100, приблизительно с 25-ти или 30-ти рукописей XII, XIII, XIV веков, по 3 или по 4 снимка с рукописи. Каждый снимок стоит 1½—2 рубля. Клише на каждый снимок у Гербера (Чернышов переулоч в Москве) стоит не менее 16 рублей. Напечатать снимок, например в 500 экземплярах, будет стоить от 200 рублей. Напечатать при этом небольшую часть объяснительного текста будет стоить около 200 рублей. Все издание обойдется от 2200 рублей до 2500 рублей, и каждый экземпляр — от 4½ до 5 рублей. Снимки будут в натуральную величину рукописей в ¼ листа; снимки в ⅓ будут значительно зависеть от цены и достоинства бумаги».
(РДМ. Т. VI, кн. 2. С. 235)

Смоленский отвечал на это 24 октября:

Смету о. Металлова нахожу справедливой вообще, свои же мысли сообщу Вам по этой части по получении данных от фотографа и А. В. Преображенского. Первый сообщит мне свои цены, второй — решения. Прошу Вас, если то не стеснит Вас, переслать ad referendum [далее] мое письмо к Вам о плане хрестоматии к о. Металлову. Его мнение по поводу моего проекта должно быть уважено.
(Там же. С. 241)

⁶ В архиве Смоленского сохранился подробный план лекционного курса, а также полностью первая лекция и частично вторая (см. подробнее в первой книге VI тома РДМ).

⁷ Работа Аллеманова была выпущена ОЛДП в 1907.

⁸ О работе Аллеманова над древними нотациями, в том числе кондакарной, см. в *Афонской экспедиции* и в Приложении «Д. В. Аллеманов».

О предполагаемом издании хрестоматии образцов древнерусского церковно-певческого искусства

...Вникая в научные интересы, какие могли бы быть удовлетворены изданием предполагаемой хрестоматии, я пришел к мысли о надобности снестись предварительно с возможно большим числом гг., занимающихся как древнерусским церковным пением, так и вообще древнерусскою письменностью.

Интересы первых — понятны сами собою. Интересы вторых имеются в виду, чтобы помочь изданием хрестоматии выяснить следующие филологические частности: 1) в какой мере полное, а иногда и распространенное, изложение певческих текстов может способствовать облегчению для гг. филологов объяснений в области тонкостей древнерусской орфографии? 2) в какой мере множество добавочных текстовых украшений, независимо от иноземных (вроде болгарского «хубово»), может быть объяснено их соотношениями со сходным украшением, существующим в народных песнях, вроде «айно», «эх», «ах», «ой», «ай-да» и т. п.? 3) в какой мере частные случаи растяжений напевов на гласную букву в слогах с ударением, и вообще в совпадениях логических ударений речи с ударениями в тактах напевов, зависят от способности наших полных букв к такому растяжению, замечаемому и в народных песнях?

Вникая в интересы собственно церковно-певческие, я пришел к мысли о надобности двух частей хрестоматии: пения знаменного и пения кондакарного. В первой части представляется необходимых три (sic!) отдела: 1) отдел таких песнопений, которых древнейшие редакции могут быть приводимы даже и при древнегреческом тексте, и 2) отдел таких песнопений, темы и происхождение которых суть несомненно и только русского происхождения. В первом из этих отделов представляется желательным два ряда образцов песнопений на «подобен» и песнопений, распетых так называемым большим знаменным роспевом. Во втором отделе было бы интересно присовокупить еще и ряд таких песнопений, которые в своих словесных, частью и певческих текстах представляются как бы подвергшимися каким-то особым влияниям, еще не выясненным в науке.

Вторая часть хрестоматии, посвященная кондакарному знамени, желательна в таком составе:

1. Образцы кондакарного знамени греческого на «подобен» и самогласные (например, по рукописи Патриаршей библиотеки №... X века).

2. Образцы русского кондакарного знамени *на те же самые* тексты, как и выбранные на греческом языке.
3. Невыясненные русские нотации незнаменные (например, в Благовещенском Кондакаре л. ... или ...).

Все эти песнопения желательны были бы на одни и те же тексты, чтобы сравнительное их исследование, так сказать, могло бы помогать друг другу и осветить по векам рост музыкальных мыслей, виды их письменного изложения и даже изменения в вариантах из разных местностей.

Так как наибольшее число древнейших рукописей есть так называемые Стихирари, или (отчасти) Певчие Минеи месячные, то представляется всего более вероятным, что именно в них можно остановиться на таких текстах, которые можно найти в изложениях каждого столетия. В выборе таких текстов следовало бы отдать предпочтение тем службам, в которых наблюдается наибольшее разнообразие в гласах.

Ввиду того что наши позднейшие рукописи (XVI, XV, даже и XIV веков) читаются легче с помощью так называемых беспоповщинских певчих книг, усвоивших редакцию преимущественно начала XVII века или конца XVI века, я считал бы прямо необходимым, в интересах чисто практических, несколько расширить план издания, то есть к предполагаемым редакциям XI—XIV веков присоединить еще по крайней мере одну редакцию XV века, а еще лучше — две редакции XV и XVI веков. При таком расширении (лишь первой части — на одну ее треть) явилось бы весьма значительное облегчение для занятий и окрепла бы вероятность прочтения нечитаемой пока древнезнаменной нотации.

Подобный же подбор примеров на одни и те же тексты (но, конечно, лишь на пространстве XI—XIV веков) необходим и для кондакарного знамени. Позволю себе утверждать, что разночтения в наших Кондакарях так велики и так разнообразны, что вызывают мысль о возможности сильных в свое время шагов в развитии этого загадочного письма. Во всяком случае сравнение трех Кондакарей разновременных, например, Устав с Кондакарем Синодальной типографии №..., Благовещенский Императорской Публичной Библиотеки (Q...) и Троицкой Лавры (№...) обещает дать картину высокого научного интереса, особенно при сопоставлении тех же текстов с Греческим Кондакарем Патриаршей Библиотеки (№ ...).

Пение на «подобен» следует противопоставить большому знаменному роспеву по следующим соображениям.

«Подобны» несомненно можно найти в наидревнейших греческих рукописях и в наших, русских, на одни и те же тексты вплоть до XVII века. Этот род пения, так называемого малого роспева, как выясняется по содержанию наших рукописей, постепенно уменьшался в числе образцов, принятых для подобного по ним исполнения, и уступал пению тех же текстов, но с приложением к ним специально сочиненных к ним напевов. Подобное явление можно объяснить пока лишь предположительно, и, по-видимому, безошибочно...

РГИА, ф. 1119, № 37. Черновой вариант сообщения о хрестоматии

Шифры хранения упоминаемых в тексте рукописей даются в публикуемых далее работах Смоленского.

Идея хрестоматии начинает усиленно обсуждаться в переписке С. В. Смоленского с С. С. Волковой начиная примерно с лета 1905 года, хотя происхождение замысла, вероятно, более раннее. В связи с общественными событиями рассмотрение проекта хрестоматии в ОЛДП было отложено и состоялось лишь в феврале 1906. В письме к Волковой от 16 октября 1905 имеется предварительный, но достаточно подробный план работы; выясняется также, что Смоленский совещался по поводу этого плана не только с Преображенским, но и с филологами, членами ОЛДП (в частности, А. И. Соболевским), предполагал встретиться также с автором указателя древнейших русских рукописей Н. В. Волковым:

План пока таков: I часть из четырех отделов; II — из трех отделов.

А. 1) Песнопения «на подобен» всех гласов, по одному из каждого гласа,

2) какой-либо праздник с возможно большим числом песнопений на разное число гласов и

3) песнопения на одинаковые тексты, вроде «Свят Господь Бог наш», на все 8 гласов. Все эти песнопения *на одни и те же тексты* должны быть приведены в последовательных редакциях всех веков, начиная с редакции древнейшей, греческой.

4) Песнопения из какой-либо службы несомненно русского происхождения вроде стихир Борису и Глебу или Феодосию Печерскому — тоже в последовательном изложении через все века.

Б. 1) Образцы кондакарного знамени «на подобен» и «самогласен» в параллельном изложении на одни и те же тексты по крайней мере в двух или трех разновременных редакциях.

2) Совершенно неизвестные нотации.

3) Примеры вкрапленного кондакарного изложения в знаменных книгах.

I часть состоит не только из последовательных изложений с XI века по XIV, но из продолжения за XV и XVI века. Я буду настаивать на том потому, что в беспоповских рукописях мы имеем легко читаемые изложения от начала XVII века, по которым я уже множество раз добирался до XIV. Не будь под руками, у кого угодно, этих промежуточных редакций XV и XVI веков — более древние будут полной загадкой для искателей-музыкусов. Между тем эта прибавка, прибавляющая к четырем векам еще два, то есть $\frac{1}{2}$ всего, дает этим искателям полное поле для разысканий.

Далее я особенно бы настаивал на собрании именно одних и тех же текстов в последовательном их изложении по векам. Пока мы живем в пору надобности только разгадать эту самую простоту, то есть освободиться от обуревающих нас мудрований, эта дорога представляется мне единственно вразумительной.

II часть, конечно, составляется наудачу, в размере наших сведений и наблюдений, равно и упований насчет раскрытия будущего. Я думаю, вообще, что все выродившееся схоластически носило в себе зародыш своей смерти и не было потому даровито и способно к долговечности. Исключая из этого соображения то, что отчего же и не попытаться узнать о доле нашего художественного остроумия и изобретения, раз оно было и есть несомненный факт. А может быть и тут проявится какая-нибудь Калифорния. Отчего же и не эксплуатировать ради будущего столь счастливую случайность для русского церковного пения и его археологии, как текущую пору. Скоро ли пение дождетя нынешнего ансамбля?

(РДМ. Т. VI, кн. 2. С. 231—232)

Под «ансамблем» в данном случае понимается содружество Смоленского, Преображенского, Волковой под эгидой ОЛДП.

Размышляя на тему, что могло послужить толчком к развитию идеи хрестоматии, с предпочтением древнейших периодов, с двухчастной конструкцией целого (столповое знамя — кондакарная и иные нотации; все в сопоставлении с греческими источниками), приходишь к выводу, что, кроме работ в данном жанре отечественных филологов (филологическими исследованиями Смоленский весьма интересовался), прототипом мог послужить Альбом нотаций, вчерне составленный Д. В. Разумовским. Этот источник (ныне: РГБ, ф. 380, карт. 5, № 16) мог быть знаком Смоленскому как из рассказов (а возможно, и показов) самого Разумовского при их личных встречах, так и в результате более позднего просмотра архива ученого, хранившегося тогда в Московской консерватории, хотя никаких упоминаний об этом в документах встречено не было.

Великолепный Альбом Разумовского, на который в последнее время обратила внимание исследователей Ю. Р. Шлихтина (см.: Шлихтина Ю. Материалы по византийско-русским музыкально-теоретическим связям из архива

Д. В. Разумовского // Гимнология. Вып. 1. Кн. 1. М., 2000. С. 19—25), до сих пор не опубликован и подробно не изучен (как и многие другие рукописные материалы Разумовского). Он представляет собой подборку из 143 (208 по архивному счету) листов, преимущественно картонных, на которые наклеены фотографии и иных типов копии листов из разных рукописей, с примечаниями и надписями Разумовского.

Материалы Альбома делятся на три основных части: греческие (византийские) певчие рукописи с X по XIX век; русские певчие рукописи с XI по XVIII век; рукописи с кондакарной нотацией; дополнительным разделом является собрание автографов или копий автографов видных церковно-музыкальных деятелей, от Александра Мезенца до современников Разумовского.

Исследовательница пишет:

Важно отметить, что и в греческом, и в русском разделах материалы подобраны таким образом, чтобы давать максимальные возможности: а) для охвата картины на протяжении всей истории церковного пения в целом... б) для сравнительного анализа одних и тех же явлений, существовавших и развивавшихся в указанные промежутки времени. Так, например, неоднократно приводятся образцы одних и тех же песнопений... из рукописей разного времени (греческих и русских)...

(Там же. С. 23—24)

Альбом Разумовского поражает и масштабом задуманной работы, и красотой ее выполнения (многоцветные ручные копии с листов древнейших книг, в частности Кондакарей). Ю. Р. Шлихтина совершенно права, утверждая, что это

первый подобный атлас музыкальной палеографии... до сих пор остается непревзойденным по своей широте и всеохватности *(Там же)*,

даже в сравнении с более поздними работами Смоленского, Металлова, ученых XX столетия.

Д. В. Разумовский с максимально доступной ему полнотой охватил все источники, в том числе опубликованные на Западе либо привезенные в Россию с Востока. В частности, в Альбоме приведены многочисленные фотографии (дагерротипы), привезенные из афонской экспедиции П. И. Севастьяновым (см. в комментариях к Приложению «А. А. Дмитриевский»). Нашли здесь свое место и великолепные по совершенству исполнения копии, сделанные В. В. Стасовым с древнейших крюковых рукописей Публичной библиотеки и Румянцевского музея и присланные Владимиром Васильевичем

Разумовскому при вступлении в члены Общества древнерусского искусства (см. подробнее: РДМ. Т. III). О. Димитрий подвел некоторые итоги своим изысканиям: составлены таблицы великих ипостасей греческой нотации, таблицы кондакарных знамен, систематизированных по их начертаниям и сопоставленных со знаменами обычной византийской нотации (иначе говоря, греческое происхождение кондакарной нотации было для Разумовского совершенно очевидно).

Часть материалов Альбома использована в качестве примеров в книге Разумовского «Церковное пение в России», но только часть.

При анализе состава Альбома становится ясно, что Разумовский по крайней мере обозначил главные темы, которые впоследствии интересовали русских музыкантов-медиевистов: экфонетическая нотация; сходство древнейшей русской знаменной нотации с древнейшей греческой (правда, примеры древнейшей русской нотации приводятся по Есфигменскому Ирмологу, который не был, как теперь известно, русской рукописью); степень родства или преемственности знаменных текстов на протяжении нескольких веков; вся проблематика кондакарного знамени: в частности, композиция по строкам, сравнение нотации в разных Кондакарях (Разумовский датирует Типографский Кондакарь XI—XII веком, Кондакарь Успенского собора и Кондакарь Патриаршей библиотеки — XIII веком) на примерах одинаковых песнопений и проч.

Несомненно по крайней мере, что именно от Разумовского как своего наставника в музыкальной медиевистике Смоленский взял любимый им метод «сравнительных изложений», а возможно, и саму идею хрестоматии.

С. В. Смоленский

**Несколько новых данных
о так называемом кондакарном знамени**

*Сообщение это было прочитано покойным автором
14 апреля 1906 года
В Обществе любителей древней письменности*

I.

В истории русского церковного пения есть несколько больших темных глав. Они не связаны, по-видимому, между собою руководящею мыслью об органической последовательности развития нашего искусства. Отдельные вопросы, входящие в содержание тех глав, оказываются у нас не только не разработанными, но даже мало доступными к изучению. Между тем история искусства не может представлять собою несвязных страниц, и «отдельные вопросы» не могут быть, в сущности своей, какими-то особенностями. Даже и явления, временно имевшие значение и затем переродившиеся в своей внешности, должны считаться сынами своего времени, продолжавшими свою жизнь в связи с народившимися новыми художественными движениями и оставившими следы своего бытия в прошлом.

Кондакарное пение в своей внешности, то есть в том, что только и может быть теперь изучаемо нами, есть именно одно из таких, временных у нас художественных явлений. Это пение есть одно из искусств самых трудных к объяснению, так как все обычные вспомогательные средства к тому — утрачены нами едва ли не безнадежно. Между тем ближайшее рассмотрение уцелевшего свидетельствует, что кондакарное пение не могло не иметь крупного значения в нашем древнем искусстве. Приходится, следовательно, усилить свое остроумие и находчивость и, так

сказать, выдавить из существующих материалов все, чтобы создать средства к объяснению этой сущей пока загадки.

В самой ранней классификации нашего пения, то есть в известном указании Степенной книги, ни слова не говорится о кондакарном пении. «Веры ради христоролюбивого Ярослава приидоше к нему от Царя Града трие певцы гречестие с роды своими. От них же начать бысти в рустей земле ангелоподобное пение, изрядное осмогласие, наипаче же и трисоставное сладкогласование и самое красное демественное пение». Слова эти были написаны в XV—XVI веке, и следовательно, к этому времени даже у историков как бы исчезла память о названии целого отдела русского искусства.

Между тем наши Кондакари — сущие ровесники и достойные братья наших Стихирарей. В кругу певчих книг они совсем не были каким-либо пятым колесом, но были употребительной певчей книгой наряду с прочими. Внимательный обзор наших самых древних Певчих Миней месячных, Стихирарей, Кондакарей, Триодей и проч. не оставляет никакого сомнения, что к концу XI века в России существовало очень обширное и отлично систематизированное, притом богато-разнообразное церковно-певческое искусство. С другой стороны, по одному только внешнему совершенству, по внесению в свой состав несомненно русских композиций, не остается сомнения в том, что ко времени крещения Руси у нас уже было давно готово и отлично развито свое собственное церковно-певческое искусство. Интересно отметить, что службы святым князьям Борису и Глебу (1072), перенесения мощей св. Николая Чудотворца (1087) и св. Феодосию Печерскому (1095), то есть в промежуток всего 23-х лет, целиком вошли в наши Минеи, Стихирари и Кондакари, написанные даже в начале или в половине XII века. Такая отзывчивость искусства на только что бывшие церковные торжества свидетельствует о его живости. Основания такого искусства если и были очень задолго до того позаимствованы от греков, то к концу XI века уже представляли в России такое художество, которое ушло далеко вперед от заимствованного и стало чуть ли не всецело русским.

Жизненный процесс у нас не только постоянен, но даже и бурен, несмотря на как бы присущий церковному искусству консерватизм. Художественные направления у нас всегда были многочисленны, живучи и искренни, так как певческое искусство, как и теперь, было всегда любимым. Внимательное сравнение певческих изложений до XIII столетия с изложениями после конца XIV столетия не оставляет никакого сомнения в том, что между этими сроками, может быть вскоре после поместного Владимирского церковного собора 1274 года, наше церковно-певческое

искусство претерпело самое крутое преобразование, может быть, гораздо более резкое, чем при Никоне. В это именно время несомненно было изъято из церковного обихода употребление кондакарных нот, а в столповом пении была вполне переработана наша знаменная нотация, существующая с той поры до наших дней. Но спрашивается: за изъятием кондакарной нотации могли ли быть изъяты и самые напевы, имевшие уже давность нескольких веков? Мы увидим далее, что по кондакарным нотам пелись далеко не одни только кондаки, что в кондакарях вводимы были большие отделы, нотированные совсем не кондакарными нотами. Появление нового демества в XV веке есть именно та связь, которая уясняет все дело. Здесь, именно в преобразовательную эту пору, создались те научные определения, которые занесены в Степенную книгу. Это была пора первого лепета «трисоставного сладкогласования», то есть хорового пения; это была и пора возрождения демества из остатков когда-то бывшего искусства. И мы фактически знаем, что художественное движение во второй половине XVI века создало в контрапункте казанское знамя и продолжилось гениальным открытием новгородца Ивана Акимовича Шайдурова, догадавшегося о нашем «триестествогласии», то есть о содержании наших русских трихордных звукорядов и изобретшего донныне употребительные так называемые «киноварные пометы», Естественным следствием таких открытий была целая школа русских композиторов конца XVI и начала XVII веков: Феодор Христианинов, Савва и Василий Роговы, Иван Нос, Стефан Гольш, Иван Лукошко, Маркел Безбородый, Логгин Троицкий, диакон Опекалов и др.

Такова ариаднина нить, по которой можно пробраться от далекой певческо-рукописной поры к напевам, слышимым нами теперь, еще хранящим печать почтенной и симпатичной старины.

Среди таких глав в истории русского церковного пения, связанное доказательное изложение которых прямо ведет к прояснению роста нашего художественного самосознания, возникает и один из многочисленных вопросов: что такое представляет собою столь загадочное и столь давно забытое кондакарное пение? Что такое представляет собою ряд русских композиций XII и XIII веков, изложенных с помощью так называемого «кондакарного знамени»? Нет ли возможности хотя бы сделать попытку если не к прочтению, то хоть к какому-либо его объяснению?

Сорок лет назад приснопамятный Д. В. Разумовский в известном своем труде «Церковное пение в России» (стр. 111) уже дал характеристику кондакарного знамени. С тех пор почти ничего не прибавилось

к словам этого знаменитого ученого. Вот его слова в краткой передаче, почти дословной.

Первоначальная эпоха *греческого распева в России* обнимает собою четыре первых века русской церкви. В это время греческий распев совершался по пергаментным безлинейно-нотным рукописным Кондакарям. Наименование Кондакарей произошло от кондаков, которые занимали первые [места] и большую половину Кондакарей.

Мелодия Кондакарей явно подчинена церковному закону осмогласия. Указание гласа выражается и гласовыми запевами, помещавшимися в Кондакари наряду с надписанием глав. Внешняя, словесная форма этих запевов вполне тождественна с употреблявшимися тогда греческими запевами.

Мелодия не отличалась особенным разнообразием. Она состояла из частных мелодий, известным образом связанных между собою и часто повторяющихся. Каждый кондак, или, лучше, текст его, разделялся на строфы. Некоторые из таких строф имеют одинаковые над собою ноты. Таким образом кондакарное пение есть пение строфное. Древние русские певцы в совершенстве умели читать кондакарное знамя. Плодом их сведений служит положение кондаков, составленных в России в честь русских святых.

Кондакарное пение украшало наши храмы с конца XI века до начала XIV. Только к этому времени относятся существующие ныне кондакари. Причина дальнейшего упадка кондакарного пения могла заключаться в сложном нотописании мелодии его, не легком для первоначального изучения и для самого исполнения, равно как и в небрежном письме более поздних кондакарей. Уменьшение числа пастырей греков в русской церкви, разорение во время татарской неволи ослабили кондакарное пение и привели к совершенному его забвению.

Нередко, однако, можно и видеть в книгах тех столетий, что одни песнопения изложены с кондакарными нотами, а другие столповыми; нередко также можно видеть, что хотя вся книга писана нотами столповыми, но несколько слов в песнопении имеют над собою ноты кондакарные.

Однако мелодия кондакарного знамени не была одновременно изложена другими нотами, известными в России с XIV века. По крайней мере старания открыть хотя бы малейшие следы подобного изложения до настоящего времени остаются безуспешны. Теоретические руководства к изучению кондакарной мелодии и знамени ее или вовсе не писались, или не дошли до нас. Их нет не только в Греции, но даже, смело можно сказать, во всей Европе. Самые памятники кондакарного пения существуют единственно в России. К тому же у нас нет и иных книг похожих на Кондакари своим составом. Таким образом, прерваны все пути к изучению кондакарной мелодии средствами археологическими.

Покойный Д. В. Разумовский, разумеется, знал все написанное до него о Кондакарях, в том числе и описание так называемого Благовещенского Нижегородского кондакаря, напечатанное нижегородским епископом Макарием в 1857 году, и известные «Замечания» Вукола Михайловича Ундольского. Повторяя их, знаменитый ученый, конечно, вложил в только что прочитанное немалое число и своих самостоятельных наблюдений.

Слова о. Разумовского о том, что «прерваны все пути», как бы нагнали страху на исследователей. Мне неизвестно, чтобы кто-либо занялся после Разумовского расследованием этой загадочной нотации, отнесенной им почему-то к греческому у нас пению первого его периода. Этот страх я отчасти испытал и на себе. Мои первые кондакарные снимки были сделаны еще в 1885 году, и битых 20 лет кондакарное знамя не поддавалось никаким усилиям хоть как-нибудь подойти к его разгадке. Но недавно, с помощью самого простого сопоставления одних и тех же текстов из разных Кондакарей, неожиданно оказалось, что ларчик открывается гораздо проще, чем думалось. Правда, еще не найдено ключа для полного прочтения этих русских иероглифов. Судьбою был дан для Египта знаменитый Розетский камень с его тремя, на разных языках, параллельными изложениями одного и того же содержания. У нас еще нет этого. Но тропинка к прочтению кондакарного знамени, сколько думаю, найдена несомненно. По ней будущему русскому Шампольону едва ли придется сделать столько ошибок, сколько сделали его предшественники в простодушных чтениях именно того, что им так хотелось выдавать за свои будто бы глубокомысленные догадки.

У нас существует только 5 Кондакарей, написанных примерно между началом XII и началом XIII века. Кроме того кондакарные вставки, в службах только русским святым, встречаются в Стихирарях и Минеях певчих только этого времени. С началом XIV столетия кондакарная нотация исчезает из наших певчих книг, и пока — причины этого исчезновения совершенно неизвестны, хотя и могут быть поставлены в связь с преобразованием нашего пения в конце XIII или в начале XIV века.

Существующие у нас Кондакари суть следующие:

1. Благовещенский Нижегородский Кондакарь XI—XII веков на 130 листах, хранящийся в Императорской Публичной библиотеке под № Q, п. 1. 32.
2. Троице-Сергиевский Кондакарь XII века на 115 листах, № 23.

3. Синодальной библиотеки в Москве, бывший под № 9 в Библиотеке Успенского Собора, Кондакарь с датой 1207 год, на 203 листах.

4. Той же Синодальной библиотеки Кондакарь XIII века (а по Срезневскому — конца XII), за № 777, на 112 листах.

5. Московской Синодально-Типографской библиотеки Устав с Кондакарем XII века, № 142, на 128 листах.

Другой Кондакарь XII века и рукопись Императорской Публичной библиотеки (№ 43), так называемый «Погодинский Кондакарь» XIII века — не снабжены кондакарными нотами, почему и не включаются в число пяти «Кондакарей певчих». Упоминаю, однако, об этих не-певческих Кондакарях только по надобности в будущем сравнить их содержание с единственно существующим у нас в России «Греческим Кондакарем» XII века в Синодальной библиотеке, под № 437 (пока архим. Владимира № 302). Покойный о. Разумовский, как уже было сказано, верно указал, что Кондакарей нет не только в Греции, но, смело можно сказать, и во всей Европе, а самые памятники существуют единственно в России. И действительно, недавняя справка в каталоге Ламброста показала, что, например, в числе 6000 греческих рукописей на Афоне нет ни одного Кондакаря. А у нас греческий Кондакарь оказался, да еще XII века. В нем, кроме 6 января, нет крюкового содержания.

Я ограничусь пока сопоставлением богослужебных текстов, сходных вообще с двумя русскими не-нотными Кондакарями. Здесь подтверждается полная древность существующего отчасти и теперь способа исполнения тропарей и икосов. У них пелись только концы. Например, таковы так называемые «тропари пророчеств» Михеина и Даниилова перед Рождеством Христовым, когда поют: «С ними же помилуй нас» или «Жизнодавче, слава Тебе». В Кондакаре Троицком и в № 777 Синодальной библиотеки — по этой службе диалог между чтецом и певцами приведен сполна. После каждого песнопения значится 5 раз: «И волхвы» — то есть начало того припева, из которого теперь поются слова: «С ними же помилуй нас». Или, например, на панихиде у нас поют концы: «И вся яже в ведении...», «Сыны света тою показавый...», «Надгробное рыдание творяще песнь...»

В русских певческих рукописях даже воскресные тропари на «Бог Господь» трактуются, вплоть до начала XVII века, только их последними словами, например: \bar{a} [глас] «Едине человеколюбче», \bar{b} «Христе Боже наш, слава Тебе», \bar{g} «Велию милость...» и т. п. Следовательно, очевидно, что исполнение тропарей, седальнов и икосов было именно таково и изме-

нилось у нас только, как видно и по рукописям, под влиянием внедрившегося с XVII века греческого роспева. С другой стороны, в Погодинском Кондакаре, как и в известных 10-ти Певчих Минеях Синодальной библиотеки, мы имеем, как кажется, самое древнее, XIII века, подтверждение того, что этот заимствованный от греков способ пения тропарей и икосов должен быть назван и у нас исконным. В Погодинском Кондакаре на концах каждого икоса после текста помещены повторения окончания этих текстов с означением «людие». Например, после Пасхального икоса «Прежде сълньца сълньце зашедше иногда» — «людие: и падшим» (то есть «падшим подая воскресение») или, например, в акафисте Богородицы после ряда стихов с единочастием «Радуйся» — также «людие: радуйся, Невесто Невестная». Достоинно внимания, что у нас, русских, только у кондаков такого окончания нет — ни в Погодинской рукописи, ни во всех других Кондакарях. Следовательно, и с этой стороны у нас кондаки как особая музыкально-певческая форма песнопений выделялись особо от других песнопений.

Но сравнительное обозрение содержания пяти Кондакарей обнаружило еще много неожиданностей как в составе коренной части этих сборников, то есть собственно кондаков, так особенно в составе дополнительных статей.

Первое, что удалось подметить, — почти полное совпадение числа и порядка кондаков именно с теми праздниками, которые составляют содержание наших — не Миней Певчих, а Стихирарей XII—XIII веков. Многочисленные утраты листов то в тех, то в других местах какого-либо из Кондакарей не помешали, однако, выяснить, при составлении содержания всех пяти рукописей, что такое именно должен был бы представлять собою полный сборник певчий, называвшийся «Кондакарем» или «Кондарем». Подобно Стихирарям, в общем типе Кондакаря выясняется, что в нашем богослужении XII—XIII веков — особенно чувствовалось в течение года 111 праздничных дней, для которых на разные памяти святых и на разные праздники распето всего кондаков 134; затем, из Триоди Постной и Цветной — от Недели о мытаре и фарисеее вплоть до Недели всех святых — всего 39 дней и, наконец, на все 8 гласов по воскресному кондаку и ипакою — 16; а всего распето песнопений 189.

Это — общая часть пяти рукописей, собственно кондакарная. Все эти кондаки имеют свою, отдельную от знаменного пения, дисциплину, то есть некоторые из них распеты самостоятельно, как «самогласен», и потому взяты за образцы; все же остальные распеты на «подобен» именно

по этим, а не каким-либо другим, образцам. В таком порядке для первого гласа принято за образец или распето как «самогласен» 5 кондаков, для гласа 2-го — 10, для гласа 3-го — 1, для 4-го — 4, для 5-го — 2, для 6-го — 6, для 7-го — 2 и для 8-го гласа — 7; то есть всех образцов было выработано 37: по ним распето 189 кондаков.

Говоря о дошедших до нас образцах, нотированных кондакарными знаменами, следует отметить отсутствие какой-либо видимой связи между ними. Эта случайность нахождения их в том или другом Кондакаре указывает на двоякое применение кондакарной нотации. Рассматривая, так сказать, метод, или способ приложения кондакарных нот к текстам разных систем, например — к стихирам, акафистам, причастным стихам и т. п., — нельзя не признать, что кондакарные ноты были прилагаемы у нас к одним текстам, так сказать, с манерами и приемами русскими и совсем отдельно от того — с манерами греческими, или, лучше сказать, огреченными.

К первому роду кондакарного изложения принадлежат, кроме кондаков, все тексты, перечисление которых само собою уясняет характер кондакарного пения — как бы обиходный, именно такой, какой установился позднее в пении демественном.

Ко второму роду принадлежат такие тексты, которые указывают на какой-то особый выбор очень немногих песнопений, исполнявшихся у нас особым, не греческим, а, так сказать, огреченным способом. Я должен заметить при этом, что этот отдел песнопений в большой доле имеется только в одном Благовещенском Кондакаре Императорской Публичной библиотеки, едва-едва — в Троицком Кондакаре. Но и такая немногая наличность есть факт: следовательно, такое пение, несомненно, было, хотя бы и в слабой степени.

К первому роду, так сказать, «обиходному», относятся все 33 причастных стиха воскресных и праздничных, расположенных в порядке года и осмогласия. Сюда же относятся: «Трисвятое» (в полном составе), некоторые припевы на 9-й песни, тропарь «Христос воскрес из мертвых», «Приидите поклонимся и припадем ко Христу», «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко», «Елицы во Христа креститесь», причастен «Радуйтесь праведнии» на все 8 гласов, последование вечерни перед Рождеством Христовым и Богоявлением, стих обиходный «Всякое дыхание да хвалит Господа» на все 8 гласов, тот же стих перед антифонами — и многое тому подобное.

Ко второму роду, то есть с грецизмами, следует отнести: в Благовещенском Кондакаре какой-то совсем особый Полиелей, распетый на разные стихи разных псалмов, но на все 8 гласов. Здесь уже видим нечто необычное для русского певца: в середине текстов постоянные указания: «ипе» (речé), «пал» (повтори) и указания: «нееание», «нанание» и т. п.

Но совершенно исключительное впечатление производят в том же Благовещенском Кондакаре (л. 84) вдруг почему-то помещенный седален 14 сентября на втором стихословии «Днесь пророческое сбыться слово», тут же рядом повторенный русскими буквами с теми же нотами, с текстом «Симерон то профитикон петлироте логос». Еще более загадочен там же (л. 90 об.) случайный ипакой на Рождество Христово, читаемый так: «*Неагиеагии* начаток язык *анаагия* небо ти принесе *ананаагия* лежащему *анаагия* младенцу в яслех *анааа* звездю волхвы призваый...» и т. п.

Этими, собственно, очень немногими песнопениями ограничивается вся область греческих влияний в совокупности с кондакарной нотацией. Но в Благовещенском Кондакаре есть еще пример греческих текстов, вкрапленных в славянские. Это так называемый «Азматик», нотированный, однако, не кондакарными нотами, а как бы старо-демественными нотами. Эта особая нотация, найденная мною и в Стихирарях XII—XIII веков, есть такая же загадка, как и кондакарные знаки. Я дал себе труд изложить систематично всю эту нотацию. Мне кажется, что это я не ошибаюсь, давая этой нотации имя «красно-демественной». Я предполагаю, что это и есть то самое искусство, которое названо у нас в Степенной «самым красным демественным пением». Есть у этой нотации и некоторая связь с кондакарною, так как именно красно-демественными знаками изложены первые русские композиции, то есть стихиры св. Феодосию Печерскому и св. князьям Борису и Глебу. Только здесь и нигде более находятся вкрапленные между красно-демеством отдельным кондакарные строки. Эти строки в изложениях XIV—XV веков — уже нотированы обыкновенными знаменными нотами. Следовательно, начало чтения этих кусочков кондакарного знамени уже недалеко.

Что такое «Азматик»¹, раз но изложенный на 8 гласов, сказать трудно. Я подыскал на протяжении всей Псалтири все стихи Азматика и утверж-

¹ См. у А. А. Дмитриевского в «Пещном действе» [Чин Пещного действа. СПб., 1895], л. 17 и 18, указания на азматики в рукописях Ватопеда (№ 297—931) и Ивера (№ 1120) и на свидетельство Симеона Солунского (Migne. Patrol. Curs. Compl. + 151 col 628). Остатки Азматика уцелели будто бы до сих пор в чинах утрени в Великую Субботу, Воздвижения, в Неделю Крестопоклонную и Неделю Пятидесятницы. См.

даю теперь, что это отнюдь не так называемые «псалмы избранные», установившиеся в качестве певчих стихов между праздничными величаниями. В разных местах между славянскими стихами Азматика много раз вставлено то «Ти икоумени» («По всей вселенной»), то «О Феос», то «Эноли кардиатму» («Всем сердцем моим»), то «Докса си о Феос», «Ке Агие Пневмати» («И Святому Духу») и т. п. Этот единственный у нас экземпляр, конечно, стоит самого подробного изучения.

Я опускаю здесь 11 евангельских стихир в Благовещенском Кондакаре как случайную в него вставку, нотированную обыкновенными знаменами. Но считаю долгом упомянуть о предпоследней, 129-й странице, с текстом «О Владычице, миру заступнице» с какою-то совсем неизвестною и нигде не встречаемою более нотациею, совершенно не похожею ни на какую другую. Здесь, кроме обыкновенной знаменной кулизмы, дважды находимой тут же на словах «всем крестьяном» и «удобрение» — непонятны все знаки. Что это за нотация, я сказать не в состоянии.

Позволю себе доложить о том, что именно привело меня к некоторым прояснениям в области кондакарной нотации. Я уже упоминал, что простое сопоставление одинаковых текстов из разных Кондакарей вдруг осветило взаимно объясняющее значение некоторых разночтений и привело к самому простому наблюдению над устройством музыкальных форм. Догадка о формах произошла после того, как мне пришлось вдуматься в смысл много раз встречавшегося указания «по» и «под». Только тогда, когда оказалось, что после этого указания всегда повторяется вся нотная начальная строка кондака, то есть начинается вторая музыкальная часть, — рифмование певчих строк в кондакарном пении проявилось со всею ясностью и музыкальные формы этих композиций стали уже несомненным художественным фактом. Затем сопоставления мною были сделаны двоякие. Сначала я взял кондак «Душе моя, душе моя, возстани, что спиши» — и списал его нотные изложения из всех Кондакарей. Уже первые впечатления от такого сопоставления оказались совсем неожиданными. Со всею ясностью выделились отдельные музыкальные строки кондаков и обозначилось взаимное рифмование. В частности, обозначилось значение знаков нижней строки — как только нотных, а верхних знаков — как оттенков *исполнения*. Из разночтений, оказавшихся в мелочах, выяснилась прежде их выдержанность и систематичность — то есть хорошие познания и мастерство писавших, а затем и способы, с помощью

которых в кондакарной нотации одни знаки успешно заменяют другие. Точно так же, со всею очевидностью, судя по рациональной схеме построения музыкального предложения, выяснились значения кондакарных знаков, выражающих места с ударениями, заключения строк и особенно речитативные части.

Но еще более выразительными оказались достоинства кондакарной нотации, когда я взял за образец форму 6-го гласа «Еже о нам» и сопоставил 9 раз, как распеты по этой форме: кондак 13 ноября св. Иоанну Златоусту, кондак 18 января св. Афанасию Великому, 20 января св. Евфимию, 9 марта сорока мученикам и 5 мая третьему обретению главы Иоанна Предтечи. Такой же опыт проделан еще на *подобен* «Дева днесь» (3-го гласа на Рождество Христово) с кондаками 20 декабря св. Игнатию, 9 февраля св. Никифору, 21 мая св. Константину и Елене, 24 июля св. князьям Борису и Глебу: всего 8 сопоставлений. В этих сопоставлениях одного и того же напева, приспособленного к разным текстам, наглядно объявилась тонкая точность кондакарных нот и способность их применяться к самым сложным ритмическим построениям — когда одинаковая музыкальная мысль упадет на тексты с разным числом слогов и, главное, с разным между ними расположением ударений в словах.

Например, начала всех этих кондаков имеют такие ритмические стопы:

13 ноября: $\bar{0} \cup \cup \bar{0} \cup \bar{0} \cup \bar{0}$ **Отъ небес** приим — то есть дактили

18 января: $\bar{0} \cup \bar{0} \cup \bar{0} \cup \bar{0}$ **Безъденам** — то есть хорей

20 января: $\bar{0} \cup \bar{0} \cup \bar{0} \cup \bar{0}$ **Во честенемь** — то есть пеон 4-й

9 марта: $\bar{0} \cup \bar{0} \cup \bar{0} \cup \bar{0}$ **Въсевоинство** — то есть хорей с дактилем

5 мая: $\bar{0} \cup \bar{0} \cup \bar{0} \cup \bar{0}$ **Свето явленный** — то есть пеон 3-й.

В таких совсем разнокалиберных текстах один и тот же напев укладывается с помощью музыкально-повторительного протяжения гласных (как, например, в нотах $\frac{1}{4}$ делится на $\frac{2}{8}$, $\frac{4}{16}$ и т. д.). В кондаках это оказывается уложенным так ловко, что оставлены налицо все характерные кондакарные знамена, а по разночтениям мелких знамен взаимное их отношение и собственное их значение объясняется само собою со всею очевидностью.

Но в одном случае оказалось, что в кондаке 18 января в одной из средних строк текста редакция Троицкого Кондакаря распета короче на целый музыкальный куплет в сравнении с редакцией Благовещенской. И тут, по внимательном рассмотрении такого казуса, оказалось, что кондакарная нотация приспособилась чрезвычайно ловко и поучительно.

Я считаю себя вправе заявить, что, в смягчение слов покойного о. Д. В. Разумовского, ныне оказывается, что не все же пути прерваны к прояснению кондакарного знамени. Только что указанная археологическая дорожка, смею думать, найдена несомненно, хотя Розетского камня еще не отыскано.

Но, с другой стороны, я считаю себя обязанным заступиться за Кондакари и отвергнуть слова о. Разумовского, будто бы в письме Кондакарей наблюдается какая-то небрежность. Я, напротив, удивляюсь их точности. С другой стороны, сопоставление Кондакарей между собою выяснило, например, что так называемые мартирии, то есть ключевые знаки, указывающие временную перемену лада и указываемые, например, буквами $\bar{\lambda}$, $\bar{\psi}$ и другими, — сохранились всего исправнее в Кондакарях Троицком, Успенского Собора № 9 и в экземпляре № 777 Синодальной библиотеки. В Типографском Кондакаре эти мартирии либо всюду выскоблены, либо вымыты и оставались только там, где их проглядел такой исправитель. В Благовещенском Кондакаре мартирия $\bar{\lambda}$ либо опускается, либо введена в нижнюю строку нот, а не оставлена в молитвенном тексте. По этим причинам, как и по палеографическим данным, можно предположить, что все пять Кондакарей писались в разных местах, что Благовещенский Кондакарь может быть несколько моложе других, Троицкий Кондакарь и № 777 Синодальной библиотеки — родные братья, Успенского собора № 9 — несколько хуже других, а Типографский — всех старше, хотя и беднее всех по числу кондакарных статей.

Общее впечатление, производимое на исследователя кондакарною нотациею, можно назвать неудержимо увлекательным, даже до времени прочтения мелодий, скрытых в этом загадочном письме. В самом деле: мы уже видели, что даже в библиотеках Афонских монастырей нет ни одного греческого Кондакаря. Следовательно, можно утверждать, что пение кондаков как особый род церковно-певческого искусства не существовало у греков в том полном виде, как оно изложено в наших рукописях. К сожалению, единственный в России в своем роде греческий Кондакарь XII века еще совершенно не исследован. Судя по нахождению его именно в России, этот своеобразный Кондакарь, может быть, окажется новой тропинкой в разгадке русского кондакарного пения.

Мелодии кондакарные, как и само кондакарное знамя, в сущности и не могут быть чем-либо особенно замысловатым, а тем более очень мудреным. В такой замысловатости не было никакой нужды, так как кто же пел

по таким нотам, как не самые простые миряне или простые пономари? Да и самый состав кондакарных нот указывает, в сравнении, например, с красно-демественным знаменем, их несложность. Чрезвычайно дорого представляется мне двухстрочность системы кондакарного знамени. Здесь нотное значение нижней строки и экспрессивное значение верхней строки кажется несомненным. Если это так, то мы имеем дело с гениальным изобретением, перед которым стушевываются тогдашние наши крюки, не говоря уже о современном западно-христианском певческом письме, действительно бедном в средствах его невматических знаков.

Судя по тому, что для столпового пения стихир уже в XII веке установилось около 40 подобнов, то есть образцов или музыкальных форм, в кондакарном их установилось 36, — следует заключить, что область кондакарных напевов была разработана так же хорошо, как и в столповом пении. Судя по очевидной ныне наличности рифмования кондакарных строк, следует заключить и о законченной художественности форм.

Что же такое, наконец, должно представлять собою кондакарное пение и почему оно так бесследно пропало? И не поем ли мы, может быть даже и теперь, в знаменных книгах кондакарные мелодии, не подозревая того, что эти напевы известны нам только в первичной своей форме? Каким образом могло затеряться целое церковное искусство — и притом как-то сразу?

Если принять во внимание 1) что, например, в Благовещенском Кондакаре мы встречаем употребление четырех разных нотаций, то есть кондакарной, столповой, красно-демественной и неизвестной; 2) что последующий рост русского певческого искусства устанавливает как неоспоримый факт, что при изобретении нового рода пения для него изобреталась каждый раз новая система певческих знаков, как, например, то было с казанским знаменем, с нотациею путевую, демественною и даже отчасти с буквенною, пермскою и нотно-пятилинейною; 3) что никаких нотаций, сходных с кондакарными знаменами, не имеется ни в Греции, ни в Европе, то следует заключить, что кондакарная нотация есть изобретение русское.

Правда, в этом русском изобретении есть, вероятно, немалая доля теоретически внешнего влияния греческого. Это очевидно по употреблению так называемых мартирий. Но здесь мы имеем лишь заимствованный принцип, разработанный все-таки самостоятельно. Начертания наших мартирий, как и других певчих знаков, не имеют с греческими ровно ничего общего.

С другой стороны, весьма интересны будущие разыскания в области красно-демественных композиций, посвященных первым русским святым, то есть Феодосию Печерскому и князьям Борису и Глебу. В стихирах им вкраплено кондакарное знамя. Сравнительное изучение этих стихир, идя в глубь веков и читаемых в редакциях XVI века с достаточной точностью, есть прямая дорога к раскрытию мелодических секретов кондакарного знамени. Другая дорога — московский греческий Кондакарь, если только он есть, хотя бы отчасти, приложение наших кондакарных напевов к греческим текстам и по греческим певческим нотам.

Кондакарные мелодии, несомненно, были переложены крюками после преобразования нашего пения в конце XIII или начале XIV столетия. У нас действительно нет Кондакарей после этого времени. Но и подлинное кондакарное искусство не было забыто совсем; вскоре после упомянутого преобразования и появилось новое для того времени демество. Это доказывается двумя находками. Нашлась одна приписная страница в Кондакаре № 777. Страница эта — 109-я. Она представляет новое изложение причастна «Ядый мою плоть», позднее изложенное по выскобленному пергаменту. Сравнивая эту страницу с страницей 102 об. Благовещенского Кондакаря, я призвал всю свою опытность и осторожность в палеографии — и все-таки решаюсь утверждать, что эта страница не может быть старше XV века, то есть по крайней мере на 100—150 лет после написания самого Кондакаря. Другой листок какого-то Кондакаря, найденный А. В. Преображенским в переплете одной из певчих Миней Синодальной библиотеки в Москве, еще интереснее: он представляет собою несомненно видоизменение кондакарной нотации, вероятно, также несколько более позднее сравнительно с другими Кондакарями. К сожалению, между различными катавасиями во всех пяти Кондакарях не уцелело именно написанной на этом листке катавасии на Преображение Господне «Светом славы Божества Твоего удивил еси ученики» — и сравнение оказалось невозможным. Невозможным оказалось и сравнить эту катавасию и с какою-либо другою рукописью, так как в службе 6 августа нигде не найдено мною такого песнопения. Тем не менее форма кондакарных знамен — как этой страницы, так и 109 — не оставляет сомнения в том, что кондакарная нотация, может быть, жила немалое время после первого преобразования русского церковного пения, что, может быть, совсем случайно до нас не дошло большее число Кондакарей, как не дошло и никаких документов о преобразовании пения в XII—XIV веках.

Преобразование это не могло не быть. Все разные нотации рухнули разом именно после него. В конце XIV и начале XV столетия все наши певчие книги — только столбовые знаменные, и нет уже более ни следа от красно-демественной нотации или кондакарной. Если такое нивелирование изложения было основной мыслью преобразования, то трудно допустить, чтобы самые напевы могли быть забракованы и изъяты из употребления. Мы видели, как, кроме кондаков, была обширна область приложения кондакарной нотации к текстам ежедневным, вполне обиходным. Что же может быть проще возможности допустить, что кроме демества часть тех же обиходных кондакарных напевов была переписана простыми столбовыми крюками и в таком виде, может быть, также уцелела, даже до наших дней? И не могут ли быть объяснены именно так все обиходные новости XIV и XV веков, появляющиеся в наших знаменных книгах? Утрата названий, если бы даже и существовало обыкновение в том, сколько думаю, нимало не затемняет возможности такого предположения. Не далее как год тому назад наш А. Н. Николов, восстанавливающий по нашим рукописям старо-болгарское церковное пение для своей родины, нашел ряд примеров, как напев, прямо и верно названный болгарским, вдруг начинает называться киевским, а потом уже пишется без всякого обозначения, как бы всероссийский. Отчего не могло быть такого же пассажа и с кондакарным пением?

По таким предположениям я думаю, что близится время прочтения кондаков, и наше мелодическое богатство не только расширится, но и подтвердится как доказанное научно и вполне просто.

РМГ. 1913. № 44—46, 49. Текст опубликован посмертно

О проблемах изучения Кондакарей см. в *После Смоленского*; полный перечень известных Кондакарей, нотированных и ненотированных, см. во вступительной статье Б. А. Успенского к кн. «Типографский Устав с Кондакарем конца XI — начала XII века» (М., 2006).

Отчеты в ОЛДП

9 октября 1906 в заседании Комитета С. В. Смоленским был сообщен краткий отчет об увенчавшейся полным успехом экспедиции Общества, отправленной им на Славянский Юг и на Афон, с целью изучения церковно-певческих рукописей древнеславянских и греческих.

8 декабря 1906 в общем собрании ОЛДП С. В. Смоленским прочитано сообщение «О поездке на Афон летом 1906 года»:

Референт представил Обществу около 1000 негативов и фотографических с них отпечатков, снятых с 12 Афонских рукописей, и свыше 600 фотографических снимков, изготовленных в Вене с рукописей Придворной библиотеки № 33, 136 и 204. Все эти рукописи греческие, IX—XII веков, нотированные тою до-дамаскиною системою, с которою находятся в родстве древнейше-русские певческие нотации. Референт сообщил затем, что подробный отчет о чрезвычайно удачных результатах экспедиции на Афон пока невозможен именно по огромному числу находок и по крайней трудности вскоре разобраться в их массе. Но общие заключения, насколько они прояснились даже при поверхностном рассмотрении находок во время их каталогизации, состоят в том, что в Россию теперь доставлены отличные и многочисленные материалы не только для изучения отношения древнегреческого пения к русскому, но и для изучения самого греческого искусства, очевидно, весьма высокого в ту пору. Графические разности между греческими и русскими певческими нотациями, множество знаков, присущих отдельно каждой нотации, ослабляют ту духовную связь между греческим и русским пением, которая как бы утверждается общими у нас певческими знаками. Очевидно, что певческий алфавит был заимствован у греков очень давно, но искусства обеих народностей развились вскоре самостоятельно, идя своими силами и своими дорогами. Затем референт сообщил о снимках с рукописей, снабженных знаками для чтения нараспев, то есть о снимках с греческих Евангелий, Апостолов и Паремейников, равно и с 6-ти листов болгарской

Триоди, найденной в Софийской Народной библиотеке под № 47, являющейся теперь 2-м экфонетическим славянским памятником после Куприяновского листка Евангелия XI века¹. В заключение референт, предъявив начатый членом экспедиции А. В. Преображенским «Каталог песнопений, имеющих в Афонских и Венских снимках», доложил краткое описание каждой из этих 15-ти рукописей.

26 января 1907 в заседании Комитета постановлено: выписать для С. В. Смоленского рукописи из Московской Духовной академии: 1) рукопись библиотеки Горского № 267 (по старому каталогу 317) и 2) рукопись библиотеки МДА № 154 (врем. кат.).

27 апреля 1907 в общем заседании ОЛДП С. В. Смоленским сделан отчет по Афонской экспедиции:

Цели Афонской экспедиции 1906 года оказались вполне достигнутыми. Экспедиция возвратилась с массой находок в области церковно-певческих греческих рукописей и древнеславянских документов разного содержания, в том числе и певческого. Первые находки были сделаны с помощью И. В. Ягича в Венской Придворной библиотеке, где оказалась великолепная греческая певчая рукопись XI века, снабженная точными до-дамаскинскими певческими знаками, которые легли в основание русской знаменной семиографии. С рукописи этой, равно и с двух других XI—XII веков с такими же знаками, снято 611 снимков, изготовленных Венским фотографическим институтом новоизобретенным способом съемки призмой прямо на бумагу. В этом деле оказал большое содействие дьякон Русской посольской церкви в Вене П. Г. Преображенский.

Следующая находка была сделана С. В. Смоленским в Болгарской Народной библиотеке в Софии: здесь оказалось 6 пергаменных листов XIII века Постной Триоди сербско-болгарской редакции, снабженных экфонетическими знаками, что есть для чтения нараспев. После известного Куприяновского листа из Евангелия XI века и Болонской Псалтири с такими же знаками это третья славянская рукопись подобного рода: впрочем, надо отметить, что экфонетические знаки греческого типа имеются также и в Остромировом Евангелии.

Софийская находка заставила членов экспедиции обратить внимание на древнейшие афонские Евангелия, Апостолы и Паремейники: экспедиция изготовила до 35 экфонетических снимков.

Ввиду специальной цели экспедиции как церковно-певческой, первый объезд Афонских библиотек был посвящен проверке указаний по каталогу Ламброса на рукописи с отметкой «*con notis antiquis musicis*» [«с древними музыкальными знаками»], равно и собственным поискам в библиотеках Афанасиевской Лавры и Ватопеда, куда Ламброс не был допущен. Результатом просмотра не одной рукописи было то, что на Афоне по каталогу Ламброса было найдено только две рукописи: Кутлумушский Стихирарь XI—XII века и Иверский Ирмолог XII века, из первого снято 6 снимков, второй снят сполна.

Так как о существовании Есфигменского Ирмолога было известно еще по Севастьяновским снимкам и по данным в «Путешествии» преосвященного Порфирия, то экспедиция сделала из него 24 снимка, а остальные 116 заказала о. Гавриилу, монаху Афонского Пантелеимонова монастыря.

Самостоятельные поиски увенчались самым неожиданным по объему успехом; в библиотеках Афанасиевской Лавры, Ватопеда и Андреевского скита найдено 9 рукописей, с которых были тоже делаемы снимки. Всего снимков сделано свыше 2000.

Такое подавляющее количество найденного и впервые доставленного в Россию по преимуществу греческого певческого материала не могло не повлечь за собою невозможности разобраться в достоинстве его на месте находок. Достоинство и научная важность Афонских снимков начали выясняться только теперь, когда уже составлен полный каталог всех греческих песнопений и когда начало выясняться значение всего найденного по содержанию русских древнейших певческих рукописей. Такое сравнение впервые приводит к прояснению того: 1) что имелось общего по части церковного пения на греческом языке и славянском, 2) что имелось только на одном греческом языке и, следовательно, не было воспринято славянами от греков, и 3) что имеется в наших рукописях только на славянском языке и, следовательно, отсутствуя в греческом пении, составляет предмет своего, русского, искусства, независимого во многих чертах и во многих коренных основаниях от полученного нашими предками искусства греческого.

Вся эта работа над разбором песнопений по указанным рубрикам потребует еще много труда и продолжительного времени.

Во время Афонской экспедиции были заведены сношения с библиотекой монастыря Св. Христула на о. Патмос²; получение оттуда нескольких снимков удостоверяет, что и на Патмосе имеется новый родник драгоценных рукописей XI—XII веков, нотация которых близка к русской.

21 декабря 1907 в общем заседании ОЛДП прочитаны сообщения **А. В. Преображенского** «О сходстве русского музыкального письма с греческим в певчих рукописях XI—XII века» и **С. В. Смоленского** «О каталогизации церковных песнопений, оказавшихся в Афонских и Венских греческих певческих рукописях, и о дополнительной к ней каталогизации песнопений, оказавшихся в русских певчих древнейших рукописях»:

Первое сообщение было прочитано **А. В. Преображенским**. Докладчик указал, что по вопросу о происхождении русского церковного пения и знаменной семиографии существуют различные предположения: одни — о. Разумовский, о. Металлов и другие — стоят за греко-славянский источник, другие — **С. В. Смоленский** — за оригинальность его русского происхождения. Между тем до сих пор никто из исследователей не предпринял труда сличить в подробностях семиографию греческую и нашу древнюю нотацию. Доставленные Афонской экспедицией 1906 года в ОЛДП фотографии с древнейших крюковых греческих рукописей впервые дают возможность установить — на основании документов — непосредственную зависимость русского церковного пения от пения Греческой церкви: настолько значительно открывшееся сходство этих невматических манускриптов. В частности референт остановился на сходстве названий и начертаний греческих и русских крюков, а затем путем параллельного изложения в семиографических знаках одних и тех же песнопений по греческим и славянским рукописям объяснил полную тождественность записи, а следовательно и напева — для целого ряда песнопений. Встречающиеся различия были оправдываемы неодинаковым количеством слогов текста в греческом подлиннике и славянском переводе, равно — необходимым для нового текста перенесением сильного ритмического ударения в певчей строке. Такое приспособление греческого напева к славянскому тексту, по мнению лектора, имело иногда своим последствием нарушение правильности славянских акцентов, открытие чего приобретает особенно важное значение в истории развития так называемого хомового пения, извратившего правильность славянской речи в церковном пении³.

Второе сообщение, «О каталогизации церковных песнопений...» принадлежало **С. В. Смоленскому**. Первая часть этой каталогизации относится к труду **А. В. Преображенского** над снимками, привезенными экспедицией 1906 года, вторая, то есть русская, часть сделана референтом. Каталогизация оказалась необходимою для текущих работ по разбору и

сравнению материалов греческих и русских. Но с первых же листов каталога оказалось, что такая работа, хотя и трудная, отчасти почти механическая, выясняет, однако, не только возможность сравнить содержание всех рукописей между собою, не только дает возможность скоро иметь точную справку о числе экземпляров и месте нахождения любого песнопения, но и дает возможность установить отношения между певческой литературой греческою и древнерусскою. Эти отношения уже теперь выясняются в трех типах песнопений: общих у греков и русских, затем не воспринятых от греков и, наконец, распетых русскими певцами. Последние песнопения, хотя бы отчасти и изложенные по греческим образцам и греческими знаками, следует считать как первый лепет русского церковно-певческого творчества: таковыми надо считать певчие службы русским святым кн. Борису и Глебу, Феодосию Печерскому и др., имеющиеся почти во всех наших певчих рукописях XII века.

Из печатных годовых Отчетов ОЛДП

О каталогизации церковных песнопений, оказавшихся в Афонских и Венских греческих певчих рукописях, и о дополнительной к ней каталогизации песнопений, оказавшихся в русских певчих древнейших рукописях

*Сообщение, читанное С. В. Смоленским 21 декабря 1907 года
в Обществе любителей древней письменности*

Год тому назад было невозможно то, что вы изволили только что услышать в сообщении моего достопочтенного товарища по экспедиции на Афон в 1906 году. Невозможен был по неимению документов тот ряд сопоставлений, который теперь утверждает и объясняет с такой неоспоримостью, с такой ясностью «сходство русского музыкального письма с греческим в певчих рукописях XI—XII веков».

Наблюдения, указанные Антонином Викторовичем Преображенским, есть новая, первая и высоко-достоинная по неопровержимости фактов страница в новой первой главе церковного пения в России из той поры, когда церковно-певческое искусство греческое было пересажено к нашим прапрадедам и затем встретилось у нас с русской художественной самодеятельностью.

Я назвал сообщение г-на Преображенского первой и новой страницей в новой первой главе истории нашего искусства. Это значит, что недалеки и естественны теперь вторые, третьи и следующие новые страницы во второй, третьей и в следующих также новых главах истории русского церковного пения.

Откуда же материалы для новых страниц и глав? Ответ совсем прост: из Афонской экспедиции. Она заставляет писать о своих новостях. Заставляет писать интерес новостей, огромное удовольствие от их множества.

И действительно.

И до поездки на Афон, а по пути и в Вену, в 1906 году в наших руках имелось немало драгоценнейших певчих рукописей XI—XII веков, но эти рукописи были сиротливо-загадочны, почти безнадежны к прочтению в их певческих знаках. Оттого эти певчие рукописи только и читались нашими учеными по части языка и нашей палеографии.

Связь чувствовалась давно между русским и греческим церковным пением, но этой связи не на чем было утвердиться. Ничего нельзя было надумать на немногих и малозначительных греческих случайных обрывках. Эти обрывки не давали ни возможности для сколько-нибудь широких поисков, ни сколько-нибудь простора для остроумия и находчивости.

Но по прибытии с Афона сразу изменилось отношение русских и греческих материалов. Греческих материалов оказалось много, и эти новости сразу раскрыли гораздо более близкое отношение к искусству русскому. Я говорю здесь именно «русскому», а не славянскому вообще или болгарскому в частности. Под силой впечатлений от новостей понадобилось сразу вникнуть и растолковать себе вообще отношение греческого искусства к русскому; понадобилось вникнуть и в поучительность многих отдельных случаев. Наконец, понадобились и удобства для сравнений, то есть полная каталогизация всего греческого, привезенного с Афона и из Вены, а к ней, следовательно, и полная каталогизация всего имеющегося в России по части древнейшей поры русского церковного пения.

Эта немалая черновая работа, приготовительная, почти механическая, пошла таким образом сразу на два фронта. Каталогизацию греческого церковного пения взял на себя наш сочлен Антонин Викторович Преображенский; каталогизацию русскую я принял на себя. Понятно, что у обоих нас за работой появилось немало наблюдений, ныне светящих уже нам в трудной дороге, ныне уже начавших согревать нас надеждами к возможности вскоре выбраться из тьмы бывших предположений в области новых, связных и взаимно подтверждающих фактов. Между нами,

как работниками в одном глубоком и темном руднике, как копающими разную руду, греческую и русскую, но руду церковно-певческую, художественную, — между нами ныне разногласия; но между нами появилось особая ревнивая любовь в случаях, когда работа уводит вдаль от бывших привычными и любимыми общих начертаний, когда как будто бы развенчивается то дорогое, что прежде казалось столь гармоничным и взаимно-подтверждающим.

Изыскания моего достопочтенного товарища, как вы изволили услышать и увидеть сегодня, доказательно расширяют область прямого на нас греческого воздействия и даже прямого заимствования весьма во многом нами в области церковного певческого искусства. Они отодвигают пору нашего самостоятельного искусства к XIV—XV, даже и XVI веку.

Мои взгляды были неоднократно изложены в слышанных вами, милостивые государи, сообщениях. Несмотря на очевидную теперь массу греческих воздействий и прямых заимствований, я все-таки продолжаю думать, что русский творческий гений справился по-своему с чуждым и уставно-обязательным церковно-певческим [искусством] и широко претворил его в искусство русское. Я продолжаю думать, что наши древнейшие певческие рукописи все еще ясно представляют бывшие соотношения двух живых искусств — различные проявления их деятельности. Мне кажется по-прежнему, что радостно верно уясняется только первая пора нашего искусства, ранее XI века, и по-прежнему своеобразны особенности хода нашего искусства именно в эту первую рукописную у нас пору, в XI—XII веках.

Между нами, если взглянуть на дело широко, не может быть и на самом деле нет противоречия, нет разномыслия, несмотря на только что сказанное. Когда идет речь о системе музыкального письма, о формах певческих знаков, даже и о прямых заимствованиях нами от греков целых напевов — что же можно сказать против очевидных фактов? Да, наконец, и какая нужда видеть во всем найденном теперь якобы умаление нашей самодеятельности и скорого самоопределения даже и в XI веке? Какая может быть обида в том, что $\alpha = a, \beta = b, \gamma = g, \Delta = d$? Разве не найдутся у нас свои буквы, которых нет у греков?

Как понадобились эти новые буквы для славянской речи, так же точно понадобились и нашим певцам те новые крюки, которых нет у греков, и перемены начертаний в несомненно греческих знаках, которые в незапамятную пору понадобились русским певцам для выражения своих мелодических оборотов. Чтение этих крюков русских, различные их употре-

бления — есть, конечно, дело не десятка лет. Смее думать, что возражать против этого трудно, так как разницы между нашими крюками [и греческими] точно так же налицо, как налицо и множество случаев самого поразительного сходства.

Но к этому следует еще прибавить и то, что в древнейших наших рукописях, вне их крюкового письма, вне средств и способов выражения музыкальной мысли, имеется огромная наличность того, чего не было у греков, что было сделано у нас, дома, и, конечно, могло быть сделано менее всего греками и более всего русскими. Моя каталогизация песнопений всего лучше объяснит в каждом отдельном случае и не воспринятое нами от греков, равно и песнопения, распетые только в русских певчих книгах.

Для большей ясности этого пункта, как довольно сложного, считаю необходимым сказать следующее.

Наше древнейшее церковное пение состояло из трех искусств. Первое искусство состояло из пения по данным образцам. Это было пение стихир на подобен; они пелись на память, писались без крюков, так как для этого пения было надобно лишь твердое знание данных образцов. Только эти образцы — «подобны» и были с крюками в наших рукописях. [Такое пение сохранилось у нас и сейчас, например, в пении стихир на «Господи воззвах».] Другое пение по образцам было ирмолойное. Руководящие образцы здесь ирмосы канонов (оды — у греков). Они собраны у нас в так называемых Ирмолагах по системе, совершенно отличной от греческих Ирмологов, а полные каноны к тем ирмосам (совершенно не найденные пока в певчих греческих книгах) внесены сполна в наши месячные Минеи и обе Триоди XI—XII веков. Пение стихир на подобен, то есть по принятым образцам (а их у нас было принято 29 еще в XI веке), всегда имеет только означение «глас такой-то, подобен тому-то», — знаменного изложения, крюков, при такой стихире нет. Певец, следовательно, отсылался к тому Обиходу, где все образцы были собраны для его руководства в особый отдел. Этот отдел у нас есть налицо в самой древней нашей певческой рукописи под названием «Подобницы», то есть в известном Уставе с Кондакарем Московской Синодальной типографии — № 142, на странице от 117 до 123. Здесь вся система нашего стихирарного пения.

Наши Ирмологи, как сказано, изложены по другой системе, чем у греков. У греков каждый канон приводится целиком в порядке своих 9-ти или 8-ми «од»; затем эти каноны расположены в книге только в порядке гласов от 1 до 8-го. Самое число, как и крюковое изложение песнопений,

то есть отдельных ирмосов, равно и целых канонов, существенно различается в греческих Ирмологах. Наши Ирмологи изложены так: сначала излагаются все 1-е песни всех канонов какого-либо гласа, потом все 2-е, потом все 3-и песни и так далее до 9-й включительно; затем опять начинаются все 1-е песни всех канонов следующего гласа, все 2-е, все 3-и и прочее. И было бы глубокой ошибкой думать, что наш порядок ирмосов есть только механическая перестановка песнопений. Совершенно нет: простой подсчет ирмосов каждой песни каждого гласа показывает, что здесь имеется какая-то особая сортировка, которой устраняется именно та система изложения каждого канона в порядке его восьми—деяти од-ирмосов, какая была принята у греков. В чем заключается причина этой сортировки и когда она появилась у нас, я пока не знаю, но колебания чисел ирмосов каждой песни, которые могут различаться между собой только очень мало, оказываются у нас иногда весьма значительными. Например в наших Ирмологах ирмосов 6-го гласа: [1 песня] — 6, [2] — 4, [3] — 2, [4] — 7, [5] — 7, [6] — 6, [7] — 5, [8] — 2, [9] — 7.

Но не в этом заключается главная разность ирмолойного пения в русских и греческих рукописях. Оказывается — Ирмолог у нас есть руководящая книга образцов, по которым пелись полные каноны.

[Много лет тому назад, когда я увлекался Есфигменским Ирмологом, мною не было угадано два секрета нашего древнего ирмолойного пения. Первый секрет заключается в том, что, если мы выпишем знаменное певческое изложение всех песней каждого канона, то мы увидим, что не только эти отдельные песни представляют собой композиции, законченные в своих малых музыкальных формах, но и все каноны, в музыкальной совокупности всех их 9 или 8 ирмосов, представляют собой одну, высшей и более сложной формы музыкальную композицию. Это наблюдение особенно четко подтверждается при сравнении позднейших наших знаменных редакций, а тем более в нотных изложениях, где рифмование строк в целом каноне (а не в отдельных его ирмосах) более чем очевидно. И замечательно, что художественное развитие, так сказать, музыкальная разработка напева при этом также идет последовательно у нас от 1-го ирмоса до 9-й песни того же канона. Я не знаю пока, подтвердится ли это наблюдение в греческих Ирмологах, сходных в своих крюковых изложениях с нашими, например в Есфигменском. Но этот первый секрет повел к отгадке второго секрета в наших полных канонах.]

Эти полные каноны имеются в наших Минеях и в Триодях. Таких полных канонов на греческом языке со сплошным знаменным изложением

пока не найдено. Я не смею делать предположений о том, найдутся ли они или не найдутся. [Вникая в художественно-стихотворное сложение греческих канонов, понимаешь:] весьма легко может быть, что крюковое изложение, пожалуй, даже и не было особенно надобно для греческих певцов, так как каждая «ода» была образцом сложения всех прилежащих к ней тропарей. Тем не менее в наших певчих месячных Минеях (кроме не дошедших до нас марта и июля), в обеих наших Троидах XI—XII веков мы имеем, я думаю, до 500 полных канонов. К каждой песни таких полных канонов всегда есть краткое, без знамен, предваряющее указание надобного ирмоса из Ирмолога. Эти указываемые ирмосы и оказались теми [типами], теми образцами, подобными, по которым соответственно распеты приуроченные к каждому ирмосу тропари. Я дал себе труд проследить не один десяток крюковых изложений этих тропарей сравнительно с указанными при них ирмосами, и именно тут открылся мне секрет нашего ирмологического пения — то есть такое же, как и в пении стихир на подобен, приспособление данного для образца напева ирмоса к напевам прилежащих к тому ирмосу тропарей. [Этот второй вид писанного искусства пения на подобен, конечно, отличается от стихирного пения несравненно бóльшим тематическим богатством и несравненно бóльшим разнообразием фонетических и ритмических сочетаний одного и того же напева с разными текстами. На протяжении каждого канона мы видим здесь последовательно развиваемую художественную форму от 1-й песни до 9-й включительно. Эта же большая форма углубляется в каноне немедленным повторением напева каждого ирмоса в его тропарях.]

Достоин замечания, что в богослужении нашей церкви такой способ распевания полного канона уцелел только в пении одного Пасхального канона. Здесь, например, к ирмосу «Воскресения день, просветимся людие» и прочее до сих пор и повсеместно поются с припевом «Христос воскрес из мертвых» по 4 тропаря: 1) «Очистим чувства и узрим неприступным светом воскресения», 2) «Небеса убо достойно да веселятся» и прочее. У наших старообрядцев этот род пения сохранился гораздо более. Старообрядцы поют до сих пор сполна каноны в Неделю Ваий, в Великую Субботу, на Вознесение, на Троицу, на Петров день и на Успение. Но в нашей древней Руси, очевидно, все каноны распевались сполна.

Таков первый род древнерусского певческого искусства — то есть пение на подобен — *stihirarika* и по образцам данных ирмосов — *irmologika*.

Второй род — есть пение самогласное, высшая степень которого, пожалуй, соответствует названию «красногласного» пения, это как будто

бы соответствует *idiomela* и *kalofonika*. Самогласно распето у нас множество стихир, даже и таких, форма которых часто указана сделанной на какой-либо «подобен». Это есть музыка каждый раз сочиненная *ad hoc*, то есть только к данному тексту. Именно этими «*idiomela*» наполнено у нас содержание всех Стихирарей годовых и Стихирарей Постных и Цветных. Здесь совсем нет пения по шаблонам подобнов. Но между «*idiomela*» попадаются многие песнопения, я думаю до 100, изложенные с чрезвычайно сложными знаками. Это суть по большей части так называемые «славники», и, вероятно, именно эти более сложные композиции и суть «красногласные», *kalofonika*.

Но как ни темна эта область нашего искусства, все-таки о ней можно сказать нечто, смею думать, и вполне безошибочно. Я говорю о том, что содержание наших Стихирарей годовых, по-видимому, почти совпадает с содержанием греческих годовых Стихирарей. Точно так же и содержание греческих Постных и Цветных Триодей соответствует нашим Постным Стихирарям и Цветным, но не нашим Триодям, которые у нас неизмеримо полнее. Если в содержаниях годовых Стихирарей замечаются иногда значительные разницы как у нас, так и у греков, то греческие певчие Триоди почти сходны с нашими Стихирарями из тех Триодей. Вообще замечается у нас какая-то труднообъяснимая наличность двойного ряда между старыми певчими книгами. У нас есть книги, так сказать, тонкие — например Стихирари годовые и триодные, и книги как бы толстые — месячные Минеи, отдельно Триоди Постные и отдельно Цветные. Разница так велика, что, например, любая Минея за один месяц больше годового Стихираря. И вот именно к этой области и относятся преимущественно те сходства в нотациях, о которых вы только что изволили слышать сообщение А. В. Преображенского.

Я не знаю, имеются ли где-либо и вообще есть ли надежда найти греческие певчие книги столь обширного содержания, но у нас они имеются налицо, и притом в великолепных экземплярах. В наличности у нас этих книг есть однако одна особенность, которая стоит внимания. Для меня затруднительно сообщить вам, в чем именно вне Стихирарей заключается остальное содержание наших больших Триодей и наших месячных певчих Минеи. По карандашным заметкам на полях этих рукописей видно, что не я один ломал себе голову над этим вопросом. Дело в том, что содержание наших годовых и триодных Стихирарей входит только отчасти в содержание наших полных Месячных Минеи и полных Триодей. Замечается тут вообще отсутствие у нас определенного типа Стихираря.

Но какой именно стороной определяется общение этих Стихирарей с Минеями и Триодями, пока определить очень трудно. Мне кажется, что мы имеем здесь дело вообще с весьма значительной свободой допускавшейся перестановки наших песнопений из одной части богослужения в другую, даже и с значительными изменениями в самом календаре памяти святых. Я, как певчий, как не специалист в литургике, знаю лишь очень немногие работы, например А. И. Соболевского, где указываются две редакции переводов Постной Триоди; слышал я и о занятиях по этой части господина Карабинова⁴ — таким образом, сидя за своими крюками и перед Триодями, да при своем незнании, был и нахожусь и теперь в состоянии совершенно беспомощном. В Триодных Стихираях как будто разобраться легче. Но в уяснении порядков наших певчих Минеи месячных дело оказалось обстоящим еще хуже. Оказалось, что Минеи эти, в сравнении их, например, с нашими печатными Минеями, имеют такое разнообразие в своем содержании и в порядках расположения песнопений, что с первых же справок в содержании наших служб на 1 сентября — Начало индикту и новому лету и получился, как говорится, «первый блин комом». Именно поэтому в предстоящем предварительном издании сделанной каталогизации будет опущена параллель древних текстов с ныне употребительными. И без того работа оказалась трудной и хлопотливой. В будущем, несомненно, должно быть много поправок и дополнений, которых надо ждать от специалистов. Поэтому этот труд будет предварительно воспроизведен А. В. Преображенским и мной автографически в не более 50 экземплярах, дабы создать потом общими усилиями тот черновик, тот оригинал для печати, который собственно и будет первым и достойным отчетом Афонской экспедиции 1906 года.

Обращаюсь теперь к третьему роду нашего древнейшего певческого искусства. Речь идет о кондакарном пении, ныне также каталогизированном. И здесь нельзя не видеть очевидной связи с греческим искусством. Но здесь, еще более чем в наших певчих Триодях, как и в наших месячных Минеях, [речь идет о явлении,] не имеющем за собою в греческом пении, сколько мне известно, никакого прецедента.

Певчие рукописные кондаки у греков не употребительны. Редки и не-певчие греческие Кондакари. У нас, в Московской Синодальной библиотеке есть один отличный не-певчий греческий Кондакарь XII века — именно, № 437. Но, к сожалению, и этот уцелевший у нас, наиредчайший греческий Кондакарь не есть певческая рукопись. В нем есть одна распетая строка — конец кондака на Богоявление «Явился еси Свет неприступ-

ный», но с нотами обычно-греческими крюками, не имеющими с нашим кондакарным знаменем решительно ничего общего. И затем в числе 6000 рукописей каталога Ламброса, осмотренных им на Афоне, подобно тому и в массе греческих рукописей в разных музеях Европы, не значится буквально ни одного греческого певчего Кондакаря.

Поэтому прав был незабвенный о. Д. В. Разумовский говоря, что памятников кондакарного пения нет не только у греков, но и вообще в Европе нет кондакарных книг, а имеются Кондакари только в России.

А у нас действительно есть 5 драгоценнейших Кондакарей. И они все в подробностях своего содержания так же разны между собою, как и все другие наши певчие книги.

Уже несколько лет известно, что кондакарные строки встречаются вкрапленными частично именно в то «красногласное» пение (*kalofonika*), которым распеты у нас же сочиненные стихиры только русским святым, например князьям Борису и Глебу, Феодосию Печерскому. Недавно нашелся еще один случай такой вставки в нашей Триоди Цветной, именно стихира 8-го гласа на Троицу «Придѣте людии трисѣставноу Божьству поклонимся». Оказалось, что и греческий конец этой стихире также состоит из аналогичных текстовых украшений. Здесь [есть] наша вставная, несомненно кондакарная строка. Хотя она и разнится по своим крюкам от греческой, но текстовые слоговые украшения несомненно близки между собою. Пока это единственный замеченный случай.

Известно, что у нас кондакарное пение как-то вымерло собою к XIV—XV веку. Теперь пока трудно проследить, когда, в чем именно и каким образом оно было брошено в изложении кондакарными знаками и переведено нашими предками на обыкновенные крюки. Кондаки, как распеты песнопения, в крюковых позднейших рукописях безусловно отсутствуют; но песнопения других типов, имеющиеся с кондакарными знаменами, несомненно имеются в переводах на крюки XIV—XV веков. Таковы, например, причастны, «Христос воскресе» и некоторые другие. Следовательно и тут открылись новые тропинки к разрешению кондакарного загадочного знамени.

Но чтобы ни открылось в будущем, теперь нам следует говорить только о настоящем. Говоря о кондакарном пении в России как о третьем роде нашего древнего искусства, необходимо признать и здесь его двойное содержание. Одно — так сказать, более примыкающее по внешним обликам к греческому искусству и другое, по-видимому — искусство, переродившееся в России в нечто самостоятельное.

Первое кондакарное искусство, с большим числом греческих певческих принадлежностей, со вставными греческими терминами, мы имеем сполна только в Благовещенском Кондакаре — Императорской Публичной библиотеки Q I № 32, и притом только в песнопениях разного типа, не в кондаках, а во второй части книги: в причастнах, ипакоях, Трисвятом (л. 104), «Всякое дыхание», полиелее, «Христос воскресе», азматике (до л. 120). Здесь же случайно попал (л. 84 и 85 об.) и седален на втором стихословии на 14 сентября, изложенный параллельно и по-русски, и по-гречески: «Днесь пророческое сбыться Слово». Русскими буквами прописано: «Симеронъ то профитиконъ пеплѣроте Логос» и проч. Каталогизация выяснила теперь, что только небольшая часть этого рода кондакарного искусства встречается в Кондакаре Московского Успенского собора № 9 и еще меньшая часть в Кондакаре № 777 Московской Синодальной библиотеки.

Второй род русского кондакарного искусства более отдален от греческого и более правильно выдержан во всех наших 5 Кондакарях. Не могу не отметить одной подробности, проявившейся здесь с помощью фотографии. В этом втором роде кондакарного пения в первую его пору несомненно употреблялись ключевые в строках текста особые знаки, как будто бы сходные по своей цели, а не по начертаниям, с греческими так называемыми мартириями. Когда я составлял таблицы параллельных кондакарных изложений из всех Кондакарей, мне бросились в глаза постоянное появление этих мартирий в Благовещенском и частью в Кондакаре Троицкой Лавры, равно и пустота на их листах в изложениях других Кондакарей. Фотография обнаружила, что на пустых местах пергамена остались чернильные следы тщательно вымытых мартирий. Такое исправление музыкального текста, оставленного всюду без изменения, равно как и вообще полная и очень давняя смерть в нашем пении приложения теории греческих ладов, не указывает ли, что начало отрицания пригодности этой музыкальной теории проявилось еще в XI веке? В других Кондакарях XII века эти мартирии уже не вымыты, а прямо пропущены, вероятно, как ненадобные более.

Итак, мы имели в старое время три рода церковно-певческого искусства: 1) пение по данным образцам, каково *стихирное пение на подобен* и такое же пение канонов по образцам ирмосов — *пение ирмолойное*, 2) *пение стихир самогласное*, то есть с музыкою, приуроченною к данному тексту, и *пение красногласное* — с музыкою, может быть, более развитою, более разработанною, и 3) *кондакарное пение*, также разделя-

ющееся на два вида — как бы обиходное и пение собственно кондаков. Я позволил себе несколько распространиться о двойственности в каждом из родов нашего пения именно для [того], чтобы уяснить предмет каждого вида и их взаимоотношения, равно и отношения к греческому искусству. Мы увидим сейчас, что при каталогизации оказалось еще одно различие нашего искусства от греческого — в области не воспринятых нами песнопений и в области песнопений, сочиненных в России еще в XI веке. Все эти 6 видов отличаются как по содержанию, так и мерою приближения или удаления от греческого искусства. В чем эта мера — дело будущего.

Каталогизация наших древних певческих рукописей оказалась необходимою как сама по себе в качестве справочного пособия при работе, так и для размежевания между нашим искусством и искусством греческим. В качестве справочного указателя она даст возможность в одну минуту по любому вопросу разобраться в наличности существующих материалов. Например, если бы мы вздумали справиться: какие песнопения и в каком числе экземпляров и где именно находятся хоть бы для церковной службы, которая по церковному уставу должна служить сейчас, то есть в ночь с сего 21 декабря на 22-е. Стоит только открыть каталог на 21 и 22 декабря, и мы увидим следующее: есть только служба мученице Анастасии; имеется 12 стихир и полный канон в московской Минее № 163, на л. 187 до 203; из них есть дубликат только 3-х стихир в Стихираре Академии наук на л. 76 и 76 об., для остальных же дубликата не имеется; затем есть еще 4 стихир на этот же день: две из них имеются только в двух экземплярах, а именно в Венском № 136 на л. 69 об. и 70 и в Афанасиевской Лавры № Г 74 на л. 24 и 24 об., в двух же других греческих Стихирарях этих стихир совсем нет; затем видно, что первая греческая стихира «Въскресения прияла еси дары» имеется у нас в 7-ми экземплярах, а второй греческой стихире в наших рукописях совсем нет; точно так же у нас есть еще две стихир «Оудобрение въскресению явися» и «Животънаго въстания Христова» — первая в 5-ти экземплярах, а вторая в 4-х экземплярах, причем обеих их нет в греческих Стихирарях. Не привожу сравнения этой справки со службою, имеющеюся на 22 декабря в наших печатных Минеях синодального издания. Это — целая пучина всякого рода разногласий.

Этого примера, полагаю, достаточно, чтобы убедиться, как легко пользоваться составленным каталогом и тем очень сберечь силы для довольно сложных справок. Каталог этот будет обнимать собою все привезенные с Афона и из Вены фотографические снимки и затем все без исключения наши русские певчие богослужebные книги XI, XII и

XIII веков, частью же и позднейших, для облегчения перехода к свободно читаемым крюковым рукописям XV—XVI веков. Поэтому была сделана и закончена каталогизация следующих 40 рукописей:

1—10. 10 певчих Минеи месячных (кроме марта и июля), хранящихся в Московской Синодальной библиотеке под номерами от 159 до 168 включительно.

11. Рукопись Императорской Публичной библиотеки Q I № 12, заключающая в себе Минеи певчие за месяцы сентябрь, октябрь и ноябрь.

12. Рукопись Софийской библиотеки Санкт-Петербургской Духовной академии № 188, заключающая в себе Минеи певчие за месяцы сентябрь и октябрь.

13. Рукопись библиотеки Московской Синодальной типографии № 12 (96) (по Волкову № 327), заключающая в себе Минею певчую за месяц декабрь с 1 по 7 число включительно.

Всего 13.

14. Кондакарь Благовещенский Императорской Публичной библиотеки № Q I. № 32.

15. Кондакарь 1207 года Московской Синодальной библиотеки (Успенского собора № 9).

16. Кондакарь XIII века Московской Синодальной библиотеки № 777.

17. Кондакарь Библиотеки Троице-Сергиевой Лавры № 23.

18. Кондакарь с Уставом библиотеки Московской Синодальной типографии № 285 (142) (по Волкову № 400).

Всего 5.

19. Стихирарь годовой Императорской Публичной библиотеки Q I № 15 (бывший Толст. № 1).

20. Стихирарь Московской Синодальной библиотеки № 589.

21. Стихирарь Московской Синодальной библиотеки № 572.

22. Стихирарь Московской Синодальной библиотеки № 279.
23. Стихирарь Императорской Академии наук № 34. 7. 6.
24. Финляндский отрывок № 13 той же библиотеки.
25. Стихирарь годовой Софийской библиотеки Санкт-Петербургской Духовной академии № 384.
26. Стихирарь годовой библиотеки Московской Синодальной типографии № 145.
27. Стихирарь годовой библиотеки Московской Синодальной типографии № 151.
28. Стихирарь годовой библиотеки Московской Синодальной типографии № 152.
29. Стихирарь годовой Императорской Публичной библиотеки № 45 (Погод.).
30. Стихирарь постный Московской Синодальной библиотеки (Успенского собора № 8).
31. Стихирарь постный Московской Синодальной библиотеки № 278.
32. Стихирарь постный Софийской библиотеки Санкт-Петербургской Духовной академии № 96.
33. Стихирарь постный Московской Типографской библиотеки № 148 (306) (по Волкову № 364).
Всего 14.
34. Постная Триодь Московской Синодальной библиотеки № 319.
35. Цветная Триодь Воскресенского Новоиерусалимского монастыря (Амф. № 27).
Всего 2.
36. Ирмологий Воскресенского Новоиерусалимского монастыря (Амф. № 28).

37. Ирмологий № 17 (149), «или по реестру № 307» и

38. Ирмологий № 19 (150), «или по реестру № 308» библиотеки Московской Синодальной типографии.

39. Ирмологий № 748 Московской Синодальной библиотеки и

40. Ирмологий бумажный конца XV или начала XVI века № 139 — библиотеки Московского Синодального училища.

Каталог греческих песнопений, труд г-на Преображенского, пока закончен только в области годовых Стихирарей и обеих Триодей. Ожидаемые с каждым днем с Афона снимки с Есфигменского Ирмолога, высланные уже отсюда 6 декабря, дадут возможность г-ну Преображенскому приступить теперь к каталогизации греческих Ирмологов, коих у нас 4.

Но сделанная уже каталогизация открывает возможность ожидать от нее, кроме легкости в получении справок, еще одной немаловажной услуги. Вы уже изволили видеть, как неясны вообще составы наших певчих книг. В рукописях XI—XII веков можно наблюдать иногда преинтересные статьи случайного характера, например разные изложения нотные при разных редакциях перевода текста молитвенного, разные песнопения из [разных] богослужебных книг вроде «Приидите ублажим», песнопения вроде загадочного «азматика» или чего-то вроде «пещного действия»; интересны, например, Евангельские стихиры Благовещенского Кондакаря, воскресные антифоны в Типографском Уставе с Кондакарем.

В справке для службы на 22 декабря обозначилось, какие песнопения имеются налицо либо отсутствуют в разных рукописях, русских и греческих. Если, однако, сделать более широкое сравнительное наблюдение над составом каждой рукописи в ее целом и, особенно, если иметь в виду место написания и еще время написания русской рукописи, то это наблюдение, покажет, пожалуй, и немало поучительного совсем с неожиданной стороны.

Я боюсь пока высказываться определенно, чтобы потом не пришлось бы сознаваться в поспешности и в легкомыслии моих наблюдений, но все же позволю себе рискнуть сказать в этом почтенном собрании следующее.

Вы изволили видеть из моего сообщения, что у нас, русских, в области искусства, записанного в наших древнейших рукописях, имеются целые отделы песнопений таких, которых либо нельзя встретить, либо мы

еще не встретили в греческих рукописях. Соглашаясь заранее и вполне, что новые поиски должны дать в будущем немало новостей, может быть и очень крупных, все же можно умозаключить а priori, что отношение древнерусского искусства к греческому может выразиться только в трех видах песнопений: 1) в песнопениях общих, распевавшихся по-гречески и по-славянски, переведенных, 2) в песнопениях, распевавшихся по-гречески, но не воспринятых нами на свой русский клирос, и 3) в песнопениях, которые не распевались у греков, а в наших рукописях оказались снабженными напевом. Для нас, конечно, более всего могут быть интересны те композиции, которые не пелись у греков, а у нас изложены на распев и снабжены нашими крюками. Что же такое, ну хоть бы отчасти, могут представлять собою такие песнопения? Ведь несомненно, что при всей нашей церковно-певческой покорности грекам-архиереям службы нашим новоявленным святым князьям Борису и Глебу, или Феодосию Печерскому, или службы, введенные в России, например, Николаю Чудотворцу — были сочинены и распеты у нас же, хоть бы и по греческим правилам, но ведь русскими же певцами. Что препятствует нам признать в этих песнопениях первый лепет русского певческого творчества? Невозможно, думаю, отрицать нашу народную музыкальность, заявившую о себе столько раз на всем протяжении истории церковного пения в России. Ведь одних только крюковых нотаций, уже несомненно русских, было изобретено у нас немалое число, — как же не предположить возможности русского творчества даже и в XI веке, даже хотя бы и с изложением греческими крюками? Слышанное нами от г-на Преображенского есть большое, очень важное научно-художественное сообщение. Последствия только что сделанных сближений русских и греческих певчих рукописей, несомненно, откроют ряды совершенно новых научно-художественных горизонтов, — пожалуй, и более великой важности для греков, чем для нас. Но я полагаю, что и другая часть труда г-на Преображенского, то есть сделанная им каталогизация греческих песнопений, будет не менее новым и достойным откровением для русской науки.

Из одного корня вышло когда-то два побега; ныне эти побеги — уже два старых, но еще живых дерева; оба они должны были дать плоды и дали каждый в свое время. Я утверждаю, что первые плоды с русского дерева были раньше XII века, несмотря на молодость дерева и, может быть, неблагоприятные условия его роста. Но не решен еще вопрос, к какой поре относится начало этого роста. Наши певчие рукописи застают [побеги] уже пышно развернувшимися в большое дерево. Когда

же оно созрело и зацвело? До этих рукописей или после них — до XI века или много после? Во всяком случае на известном Владимирском соборе 1274 года наше церковное пение было коренным образом преобразовано. Что это было? Было ли это свержением греческого певческого ига или это было приведение пения в свой, русский порядок, подобно сделанному вторично при патриархе Никоне? Полагаю, что предлагаемая каталогизация, столь облегчающая поиски для сравнений между собою одинаковых памятников, этот полный адрес-календарь наших песнопений может сделать будущим исследователям вполне существенные услуги по этой работе.

РГИА, ф. 1119, оп. 1, ед. хр. 29, л. 119—138. Черновой автограф. Публикуется впервые. В дополнение впервые публикуются образцы каталогических работ Смоленского по русским рукописям и Преображенского по сопоставлению иниципитов русских и греческих (слабо видны карандашные записи)

¹ Как известно ныне, существуют и другие славянские памятники с экфонетической нотацией — например, Остромирово Евангелие (см. в *После Смоленского*), о чем далее говорит и сам Смоленский.

² Подробнее см. в разделе *Письма афонских иноков*.

³ Проблемам хомонии посвящена отдельная работа Преображенского, опубликованная ОЛДП: «Вопрос о единоголосном пении в русской церкви XVII века» (1904). Основная мысль ее состоит в том, что образование хомонии в пении было во многом связано с необходимостью сохранять унаследованную от греков крюковую запись песнопений и соответствующую ей просодию.

⁴ Профессор Петербургской Духовной академии Иван Алексеевич Карабинов — автор труда «К истории исправления Постной Троицы при патриархе Никоне» (опубликован несколько позже, в «Христианском чтении» за 1911).

№	Описание	15	279	34/1/1	151 152
5	См. Сабби	485	49	61	45
6	Виде запись	485	49	61	52
7	Виде запись	485	49	61	57
8	Виде запись	485	49	61	58
9	Виде запись	485	49	61	59
10	Виде запись	485	49	61	60
11	Виде запись	485	49	61	61
12	Виде запись	485	49	61	62
13	Виде запись	485	49	61	63
14	Виде запись	485	49	61	64
15	Виде запись	485	49	61	65
16	Виде запись	485	49	61	66
17	Виде запись	485	49	61	67
18	Виде запись	485	49	61	68
19	Виде запись	485	49	61	69
20	Виде запись	485	49	61	70
21	Виде запись	485	49	61	71
22	Виде запись	485	49	61	72
23	Виде запись	485	49	61	73
24	Виде запись	485	49	61	74
25	Виде запись	485	49	61	75
26	Виде запись	485	49	61	76
27	Виде запись	485	49	61	77
28	Виде запись	485	49	61	78
29	Виде запись	485	49	61	79
30	Виде запись	485	49	61	80
31	Виде запись	485	49	61	81
32	Виде запись	485	49	61	82
33	Виде запись	485	49	61	83
34	Виде запись	485	49	61	84
35	Виде запись	485	49	61	85
36	Виде запись	485	49	61	86
37	Виде запись	485	49	61	87
38	Виде запись	485	49	61	88
39	Виде запись	485	49	61	89
40	Виде запись	485	49	61	90
41	Виде запись	485	49	61	91
42	Виде запись	485	49	61	92
43	Виде запись	485	49	61	93
44	Виде запись	485	49	61	94
45	Виде запись	485	49	61	95
46	Виде запись	485	49	61	96
47	Виде запись	485	49	61	97
48	Виде запись	485	49	61	98
49	Виде запись	485	49	61	99
50	Виде запись	485	49	61	100

15	589	572	479	342	Ср. 384	151	152	35
77	855	855	855	855	855	855	855	855
80	805	805	805	805	805	805	805	805
100	885	885	885	885	885	885	885	885
1005	885	885	885	885	885	885	885	885
103	885	885	885	885	885	885	885	885
83	835	835	835	835	835	835	835	835
84	845	845	845	845	845	845	845	845
85	855	855	855	855	855	855	855	855
86	865	865	865	865	865	865	865	865
88	885	885	885	885	885	885	885	885
89	895	895	895	895	895	895	895	895
90	905	905	905	905	905	905	905	905
91	915	915	915	915	915	915	915	915
92	925	925	925	925	925	925	925	925
93	935	935	935	935	935	935	935	935
94	945	945	945	945	945	945	945	945
95	955	955	955	955	955	955	955	955
96	965	965	965	965	965	965	965	965
97	975	975	975	975	975	975	975	975
98	985	985	985	985	985	985	985	985
99	995	995	995	995	995	995	995	995
100	1005	1005	1005	1005	1005	1005	1005	1005
101	1015	1015	1015	1015	1015	1015	1015	1015
102	1025	1025	1025	1025	1025	1025	1025	1025
103	1035	1035	1035	1035	1035	1035	1035	1035
104	1045	1045	1045	1045	1045	1045	1045	1045
105	1055	1055	1055	1055	1055	1055	1055	1055
106	1065	1065	1065	1065	1065	1065	1065	1065
107	1075	1075	1075	1075	1075	1075	1075	1075
108	1085	1085	1085	1085	1085	1085	1085	1085
109	1095	1095	1095	1095	1095	1095	1095	1095
110	1105	1105	1105	1105	1105	1105	1105	1105
111	1115	1115	1115	1115	1115	1115	1115	1115
112	1125	1125	1125	1125	1125	1125	1125	1125
113	1135	1135	1135	1135	1135	1135	1135	1135
114	1145	1145	1145	1145	1145	1145	1145	1145
115	1155	1155	1155	1155	1155	1155	1155	1155
116	1165	1165	1165	1165	1165	1165	1165	1165
117	1175	1175	1175	1175	1175	1175	1175	1175
118	1185	1185	1185	1185	1185	1185	1185	1185
119	1195	1195	1195	1195	1195	1195	1195	1195
120	1205	1205	1205	1205	1205	1205	1205	1205

№	Наименование	15	589	972	279	34,1
164	Песок в Европе	192	121,5	100,5		
	Песок в Азии	192	124	102		
	Песок в Австралии	192,5	124,5	102,5		
	Песок в Африке	192,5	124,5	102,5		
	Песок в Южной Америке	192,5	124,5	102,5		
	Песок в Антарктике	192,5	124,5	102,5		
	Песок в Арктике	192,5	124,5	102,5		
	Песок в Европе	192,5	124,5	102,5		
	Песок в Азии	192,5	124,5	102,5		
	Песок в Австралии	192,5	124,5	102,5		
	Песок в Африке	192,5	124,5	102,5		
	Песок в Южной Америке	192,5	124,5	102,5		
	Песок в Антарктике	192,5	124,5	102,5		
	Песок в Арктике	192,5	124,5	102,5		
	Песок в Европе	192,5	124,5	102,5		
	Песок в Азии	192,5	124,5	102,5		
	Песок в Австралии	192,5	124,5	102,5		
	Песок в Африке	192,5	124,5	102,5		
	Песок в Южной Америке	192,5	124,5	102,5		
	Песок в Антарктике	192,5	124,5	102,5		
	Песок в Арктике	192,5	124,5	102,5		

Там же, л. 49 об.—50

		1923	1924	Δ 28	1924
5. Мрт. Савы собору.					
Еще паре уна киалик	См.	166л	77л	16.	3.
Предметы оне во все земли	См.	162	78.	16л	
Абурижых кацатих			78л		3.
6. Николая арт. м. Миршейтская.					
Возвратъ купило	См.	162.		16л.	3л.
Человекъ божий... угодникъ	См.	—	81.	—	
Правильно върн... хришчъ Богъ.	См.	162л		17.	
Отре Николае миропокрещена	См.	—		—	
— " — аще и мирская	См.	—		—	
— " — треватная дуга	См.	163.		17л	
Возвратили... ирадиселенная.	См.	—	80	—	6.
Человекъ божий... есуде	См.	163л		18.	5л
Нашидникъ божий	См.	—	81	—	—
Биларий рабе върний	См.	164.	81л	18л.	6.
Священникъ удренн	См.	—	—	—	
Доблесней твоем	См.	164л	82.	19.	
На хвалу поном	См.	—	—	—	
Новаго сурвухъ божий			79		5.
— зисловныхъ абраби			79л		—
— профуриныхъ абраби			—		—
Мирозъ падокурва					3л.
Мирозъ фазовичахъ едурва					—

25. Рождество Христово. B A 123 1774 1805

Грѣбъ и земля... возвеселятся	См.	79 ^{од.}	33.		
— " — сокрушимаея	См.	80	112.	—	23.
По образу и по подобію	См.	—	113.	33 ^{од.}	23 ^{од.}
Слава въ вышнихъ... слышу	См.	81 ^{од.}	112 ^{од.}	—	23 ^{од.}
Приидите возрадуемься	См.	—	109 ^{од.}	—	21.
Господу Исусу рождивуся	См.	81.	110.	34.	21 ^{од.}
Царство твое христе Гоисе	См.	—	—	—	—
Что ти принесаетъ	См.	—	110 ^{а.}	34 ^{од.}	—
Всѣхъ и преславныхъ чудъ	См.	81 ^{од.}	113.	35.	23 ^{од.}
Ангелу евангелиста евангелисту	См.	—	—	34 ^{од.}	—
Днесъ Христовъ рождаеся	См.	82.	—	35.	—
Днесъ рождаеся Дѣва	См.	—	—	—	—
Господу Исусу рождивуся	См.	—	—	35 ^{од.}	—
Вселихъся праведнѣхъ	См.	82 ^{од.}	—	—	22.
Приидите возлюбилъ матери	См.	—	—	36.	— 8 ^{од.}
Отца и плочуваша	См.	—	110 ^{од.}	—	22 ^{од.} 8 ^{од.}
Городице дѣво рождала	См.	83.	—	35 ^{од.}	22. 8 ^{од.}
Въ вертевь вселихъ еси	—	—	—	36 ^{од.}	9.
Вселихъся иерусалиме	—	—	—	36.	9.
Волски предстоитъ царю	См.	83 ^{од.}	—	37.	24 ^{од.}
Непостижимо совершаеся	—	84.	—	—	9 ^{од.}
Да веселятся небеса	—	—	—	—	—
Зрѣщи тѣ твари вѣя	—	84 ^{од.}	—	—	—
Ликуютъ ангели вси	См.	85.	—	37 ^{од.}	24 ^{од.} 10
Слава въ вышнихъ... слышаша	См.	—	—	38.	10 ^{од.}

		1974	1974	1975
Ηλιοφωτός και αιοβόλιος		116.0		
Συμφορο ή ερμυδισμ υψωται		111.		
Συμφορο η παρυστος στεκεν		—	24.	
Αβατ λαοι		116.0	22.0	
Συμφορο ης ερμυδισμ υψωται		—		
Μαγοι σα Μελβαν		112.	23.	
Αναγ των μετρων		—	—	
Εοδα βρεση εμε πα Γαλλο	cm.	85	38.	10.0
Δνεε: κινιδισμο εμεμω	cm.	85.0	113.0	24.0
Μρεναβιοε μακισμω	cm.	—	114.	38.0
Κακο κρηνη βακισμο	cm.	86.	—	—
Τοισοι ηρ Βιολισμ κρηνη	cm.	—	—	—
Οβρ Βιολισμ εμεμω	cm.	—	39.	—
Μεταβακιοε κρηνη		114.		25.
Οτο κρηνη ορο και λοφο				25
Τοι παρκαβσι υψωται αβα				25
Το κρηνη αντισμω				23.
Τοι κρηνη παρκαβσι κρηνη				—
Βιολισμ των κρηνη				24.
Η ανακμη της κρηνη βιολισμ	cm?			—
Ο ανακμη της κρηνη βιολισμ	cm?			24.0
Συμφορο ης ερμυδισμ				25.

		№ А 28 74		
1 Февраля. Пур. Турфона.				
Пресовидный еси суцзия	Рис.	№ 101	67.	
Младенцевой шудиз	Рис.	16100.		
То шудиз тур... модливар		162.		
Звучающий о воез мод		—		
Шудиз воез мод		16200.		
2. Срепание Гомодне.				
Писаном Вишине	Рис.	№ 101	67.	48.
Решит денши... младенци		№ 101	—	
Днес древие мочесто	Рис.	—	№ 101	50.
Днес Вишине на ружи	Рис.	№ 101		49.с.
Шудиз вышине суцрештале	Рис.	—		—
Священнаго священнаго дна	Рис.	—		
Звучающий небес и земли		№ 101.		
Днес Вишине старец		—		
Днес священнаго мачи		—		
Милитайте шудиз	Рис. ³	№ 101		
Решит денши... мочесто	Рис. ¹⁰	—		
На ружах старецов	Рис.	—		49.с.
Да отверзаетя двери небеса	Рис.	№ 101	69.с.	—
Днес священнаго тау бодуцу		—	№ 101.	
Звучающий о воез мод		№ 101.		

		А	28	Р.12	Р.17	Р.72
Возвращение суримель (н. 82)		205				
Неизвестного Бога (н. 12)		206				
Во святилищах святилищ	См.	—	76	145	28	27
Душевного мышления	См.	—	72	—	—	28
Принятие веры	См.	—	73	175	28	27
Сравнение талантов	См.	206	71	—	—	
Женские доброты красоты	См.	—	76	176	29	28
Егда принеши во славу	См.	204	76	—	—	29
Во твоем таланте	См.	—	74	—	29	29
Относительно мажорского дождя					28	5
Тот же дождь из пифагорейских					—	
То же дождь из пифагорейских					29	
В пифагорейских					30	
Относительно мажорского дождя					—	
Пифагорейские таланты	См.	—	77	—	33	8
Теле дождя, егда	См.	207	76	176	29	29
Егда таланты приносятся	См.	—	76	176	30	—
О талантах талантов	См.	208	—	177	30	—
Возвращение талантов	См.	208	77	—	30	33
Два таланта талантов	См.	208	77	177	31	31
Принятие талантов талантов	См.	208	77	—	31	31
Принятие талантов талантов	См.	208	77	—	31	32
Два таланта талантов	См.	208	77	177	—	31
Два таланта талантов талантов	См.	204	—	—	—	32
Таланты талантов талантов	См.	—	—	—	—	—
Таланты талантов талантов	См.	206	—	—	—	—

114

1. Φοβραία. Πρην. Φυμφορα.

Ὁ Περσσοφύβος τῶν ἐπέων. Προβιδήτης ἑπὶ συζύγῳ. 115ob. 67.

2. Ἑρμηνεία Τόσιωδε.

^{σει 1144} ^{σει 6018}	Μὲν βύξων κίνα ῥέξων.	Голови смилоче.	—	67.	48.
	Ὁ παλαῖος ῥέξων.	Ветхий денши... младше.	116.	67.	
	Ἐρμῆδον παλαί τῶ μωδῷ.	Днес древие моисею.	—		50.
	Ἐρμῆδον βύξων ἐν ταις ἀρκταῖς.	Днес смилочъ на руке.	ob.		49ob
	Ὅπως οὐ αὖθις ἀπὸ τῶν οὐρανῶν.	Смуже вшиши смуживши.	—		49ob
	Τὸν ἕξον ἢ ἕξα παδίδεος.	Възвшаго свяцешная дѣва.	—		
	Ὁ κέλιος οὐρανοῦ καὶ γῆς.	Земидителъ кебес а жашин.	117.		
	Ἐρμῆδον βύξων ὁ πρόβριςτος.	Днес смилочъ стареу.	—		
	Ἐρμῆδον ἢ ἕξα μυγῆς.	Днес свяцешная лант.	—		
	Ἐρμῆδα τῶν ῥέξων.	Успашиваюте тшасиѣ.	ob.		
	Ὁ παλαῖος ῥέξων.	Ветхий денши... тшомин.	—		
	Ὁ ἐν χερσὶν πρόβριςτος.	На рукаѣ стареушнѣ.	—		49ob
	Ἀνοιγῶν ἢ πῶλυ.	Да отвержеши дверѣ кебеснаѣ.	118.	49ob.	49ob
	Ὅπως ὁ ἀνοβίτος τοῖς βεγαρῶν.	—			
	Ἐρμῆδον ὁ τὰ βεγαρῶν πλαβιτοῦξον.	ob.			
	Κελακοβυξῶν τὸν νεμῶνα βοῦ.	Укреви твоѣ чернов.	—	49ob.	48ob
	Ὅπως εἰς ἀνοχαλίην ἐδρῶν.	Обишъ во открявение здрова.	119.	49.	49.
	Ὅπως ἀρδουρῆς εὐφορῶντος.	Убо на херувимнѣ тшасишнѣ.	—	49.	
	Ὅ ἐν νεμῶν τῶν πλίου				48ob
	Τὸν ἐκλαμῶνα				48ob.
	Τὸν οὐκοῦμοσ ἐφραγαῖος				49.
	Τὸν οὐρανόσ ἐφραγαῖος				50.
^{σει 1144}	Τὸν ἕξον νεμῶνα				50ob.
	Τὸν ἕξον νεμῶνα				50ob.
	Ὅπως ἀνοχάλεισ ἕξων				

Παύλος γενος σπαρξεν. Αντιστοίχο ποδι, μιμησιέ. 61στ. 15στ.

5. μεν. Καθη εχαινεσημο.

Των ονις τον αγαθον. Ενε παρε γρια διασηφι. — 16. 3.
 Οτι πατες εις πασαν την γην. Προποδοις ονις το θεο γαμιν. 62. 16στ.
 Αποκρισων καλατων 3.

6. Νικολαι, αρχιεν. Μυρμινοταμο.

		σ.μ.	σ.μ.
		σ.μ.	σ.μ.
Ερατεινας ακιδως.	Возраствъ леукошима.	—	16στ. 3στ.
Ανδρων του θεου.	Человекъ божий... угодникъ.	—	16στ. 5στ.
Κανονα μηδως.	Правильно върши... христотъ бож.	σδ.	17.
Κατες ηκοδαε η υμωδουρη.	Въе κηκολαε ιμωπολοερεμωца.	—	17.
— " — ει και τα υμωα.	— " — αμυε ι ιμωερεα.	—	17.
— " — τον παλαριος.	— " — πρεβισημω дура.	63.	17στ.
Εαλμωων ι βαλμωι.	Вострудишь... прадрембесемас.	—	17στ. 6.
Ανδρων του θεου.	Человекъ божий... сосуде ..	σδ.	18.
Κημωοταμυ θεου.	Властникъ божий.	—	18. 5στ.
Εοδουλε αγαθε και μηδε.	Благийъ рабе κερυση.	64.	18στ. 6.
Τερατων την καλωτην.	Очистиши убодрение.	—	18στ.
Των ανδραυμωατω βοσ.	Доблесменъ мωυφι.	σδ.	19.
Εις ανων ειδαυς.	На хвану чомеω.	—	19.
Μωρις παδοκωβας			3στ.
Μικως πρεμωοτας αληθως. (μικωσ)			3στ.
Ωρηδως κωστοατωω ραβωιτε (μωυφ)			4.

Αυτός ο θεός ημών.	Сей богъ нашъ.	77.	31.	18of.
Προ της γεννησεως.	Прежде рожденья твоего.	—	31.	19.
Τωβριμ ενя ημων.	Тосири ризъ нашъ.	of.	31.	18of.
Αιωτι τωδου επιδουμι.	Придити вѣдѣнъ вѣрбаеи.	—	31of.	19.
Ακουε οσφαι.	Слыши гласъ.	78.	31of.	19of.
Αυτη αειφορα εν λαοι.	Придити христовоу.	of.	32.	19of.
Εξμετα το ο ηδου.	Гонимыи правдъ.	—	32.	20.
Οτι σωτη ηδου.	Ида искупъ даво.	79.	32of.	20of.
Ευριζου ηναι.	Инесъ рабстваи отъ дави.	of.	32of.	20of.

25. Ροιδεσην Χριστω.

Ο οσφαιος και η ην.	Гласъ и земли ... возглаголюи.	—	32	2
— — — — —	— — — — — совозглаголюи.	80.	33.	23.
Το και ενора και οσφαι.	Но обратъ и но падѣнъ.	—	33of.	23of.
Αυτη εν ηρωις ... ακου.	Слава въ вѣшнихъ ... селу.	of.	33of.	23of.
Αυτη αλληλαβωδα εν κω.	Придити вѣрбаеи.	—	33of.	21.
Τω κωιου ηδου.	Темоду ημωυ ροιδεши.	81.	34.	21of.
Η ραβδω του κωιου.	Царство твое ημωι βοи.	—	34.	21of.
Τι βοι ηδου.	Что ти принесавъ.	—	34of.	21of.
Αυτη και ηδου ηδου.	Вѣи и ημωι ηδου ηδου.	of.	35	23of.
Αυτη ηδου ηδου ηδου.	Αυτη ηδου ηδου ηδου.	—	34of.	
Ευριζου ο κωιου ηδου.	Инесъ ροιδεши ροιδεши.	82.	35.	
Ευριζου ηδου ηδου ηδου.	Инесъ ροιδεши ηδου.	—	35.	
Τω κωιου ηδου ηδου ηδου.	Темоду ηδου ροιδеши.	—	35of.	
Ευριζου ηδου ηδου.	Всаштесъ ηδου ηδου.	of.	35of.	22.

Δωρε ανικμηρώδων.	Μπίδντις βασίλειος μοσμερ.	82of.	36	22 7of.
Ο μαγυρ ποδοκρω.	Ομερ βιμογυωμ.	—	36	2of.
Οσάοκρ παρδάρ.	Βοηρατιυε δάβο ποδιδιμα.	83.	35of.	22 7of.
Επιμλι παρδουβας.	Ορ βερταιν βελιμας εοι.	—	36of.	
Ευρζανιδιτι ιεροβαλιδυε.	Βεσλιμας ιερυσалима.	—	36.	
Μαγρι ασεβιτ ραβιδυε.	Βολεβι περιδοσιμ υαγιε.	83of.	37.	27of.
Ακαταλιντορ εο ποδοκρω.	Ηπομισυρσιμο σβυρσιμασε. (27)	84.	37.	
Ευρζανιδιτιν αι οσζαοι.	Ρα βελιμας μεβσα. (27)	—	37.	
Αρδα βε η κωβυε.	Ιρμυι τωρ ικωρ βε.	of.		
Χορσοοβιτ αγρλοι	Λικυοτωρ αμριμ βει.	85.	37of.	27of.
Δοζα εν υφιοτος.	Αιαβα βε βιμικιρ... σιδεγαο.	—	38.	
Οα κωζορ τυρ εν γυε.	Ιδα βρμυρ εμε κια γεμιο.	—	38.	
Ευμζορ η αωρατορ γρωε.	Ιυεε κελιδιμασε κεμεσικω. (28)	of.	38.	27of.
Οτιοτ ηεε λογοε και λογοε				25.
Μαλαδορ ιωβιτιοι.	Μρεσλιμασε ιωμικω. (28)	—	39of.	25. 25.
Μετα ρακωρ παρδουβας				
Πυε υεετιμ το υεγα ιωβιτιοι.	Κεκο υρμευ κωμικω.	86.	39of.	
Κεγιε εν ραβικε παρδουβας.	Τορζαδο βε βιμικιμ γυμικω.	—	39of.	
Εν ραβικε ουρζανιδιτων.	Ορ βιμικιμ εμεκωμιασε.	—	39.	
Τορ παρδουβι γυραζοτα αβυ.				
Ευμζορ ο εε γυρβικε γυρβιαι				27of.
Αβαιε Ιαοι του γυρβιαι				22of.
Μαγρι εν ηερωε (μωρι)				23.
Ακωτωρ ιωβιτωρ (μωρι)				23.
Ο συδαορ και η γη οεμζορ γυρβιαι				23.
Το γρωε ανικμηρω				23.
Τορ εε ηεε ηεο αικωρ				23.
Ευμζορ η παρδουβι οικω				24.
Αδισοιτιε τυν κωδορ (μωρι)				24.
Η παρδουβιτ ημωρ οωτιυελε				24.
Ο αεμυρ τυε ημωρ οωτιυελε				27of.

С. В. Смоленский

Краткие практические указания для предварительного определения значения и ценности русских певческих рукописей

В одном из заседаний Общества любителей древней письменности выяснилась надобность прийти на помощь тем лицам, которым случится как-либо найти между прочими и рукописи певческие. Те же собиратели рукописей, особенно из не занимающихся древнерусским церковным пением, часто бывают затруднены в возможности выяснить научно-художественные достоинства найденной рукописи, время написания и приблизительную цену. По таким соображениям, чисто практическим, выяснилась мысль о размере настоящих указаний. В них подробнее говорится о рукописях XVIII, XVII и XVI веков, так как рукописей этих встречается гораздо более, да и содержание их неизмеримо разнообразнее. Относительно более древних рукописей «указания» сокращены уже потому только, что 400—500-летняя древность очевидна с первого взгляда и обязывает каждого нашедшего не только заявить о такой редкости, но и немедленно передать ее в руки опытного палеографа. Краткость «указаний» о еще более древних памятниках, вроде пергаменов XI—XII веков, оправдывается здесь желанием придать настоящим «указаниям» некоторую законченность, при которой бы яснее обрисовался последовательный рост русского певческого письма и постепенная выработка типов певческих книг, от древнейших веков и до наших дней.

Сообразно различным родам русского церковно-певческого изложения расположены отдельные части этих «указаний». 1-я часть относится к обозрению палеографических особенностей самой главной певческой нотации, то есть знаменной, или крюковой. 2-я часть занята обозрением второстепенных нотаций, то есть кондакарной (XII—XIV века), путевой,

казанской, демественной, строчной, буквенной и др. 3-я часть посвящена содержанию рукописей на пятилинейных нотах. В особую главу выделены некоторые сведения о дополнительных статьях, весьма часто встречаемых в певческих рукописях той или иной местности, того или другого века, того или другого рода певческого памятника.

*

*Общие сведения о названиях и о составе русских певческих книг,
древних и позднейших*

Состав русских певческих книг изменялся от двух причин: 1) от постоянной практической выработки книг ради удобства пользования ими при богослужении и 2) от постепенного пополнения певческого содержания книг вновь составленными песнопениями в честь новоявленных святых или новоустановленных празднеств.

Древнейшие певческие книги, из числа дошедших до нас, суть Минеи певчие, Стихирари, Триоди, Ирмологи и Кондакари. Других книг пока не найдено, и неизвестно, были ли они с тем певческим содержанием, какое потом за ними установилось как обычное. Таким образом мы, например, не имеем ни одного очень древнего Октоиха, ни одной Минеи общей, ни одного сколько-нибудь подробного Обихода.

Знаменитые 10 Минеи певчих (кроме мартовской и июльской — № 159—168 Московской Синодальной библиотеки) в связи с Минеями иных древлехранилищ¹ есть то зерно, из которого затем выработались наши Стихирари, позднее так называемые Трезвонь. В науке, сколько мне известно, еще не установлено с точностью, как и когда выработались Минеи певчие в изложении отдельными месяцами, в чем их особен-

¹ В труде Н. В. Волкова «Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI—XIV веков» (СПб., 1897. Вып. СХХIII издания Общества любителей древней письменности) можно найти краткие указания почти о всех главнейших певчих рукописях этой поры. На случай привожу такую справку по нумерации этого автора для главнейших древлехранилищ: Императорская Публичная библиотека: № 317, 334, 336, 354 и 356; Московская Синодальная библиотека: № 241—250, 329, 332, 333, 356, 357 и 361; Московская Типографская библиотека: № 327, 331, 344, 345, 364, 480, 487; библиотеки Санкт-Петербургской Духовной академии: № 266; Троицкой Сергиевой Лавры: № 355; Ново-Иерусалимского монастыря: № 349; Академии наук: № 338; Московской Духовной академии: № 341 и 414; Румянцевского музея: № 342. Почти все эти рукописи указаны также в сообщении С. С. Волковой «О древнецерковных напевах...» (СПб., 1906).

ности и отличия от Стихирарей певчих. Последние, то есть Стихирари, также существуют у нас исстари. Они одновременны с Минеями, но затем удерживаются в употреблении, пополняются, а Минеи певчие выходят из употребления. Крупный формат Минеи певчих в Стихирарях почти не встречается. Письмо Стихирарей затем еще более мельчает и тем делает эту книгу более переносною. Позднейшие Стихирари XV—XVI веков очень уже мелкого письма, заключая в себе почти все главнейшие *певчие* стихиры, славники, тропари и т. п. на весь год, все-таки суть рукописи мелкого письма страниц в 350—500.

Позднее, с начала XVI века и даже несколько ранее, Стихирари стали терять свою годовичную форму² и разделились на две певчие книги: *Праздники*, то есть только стихиры на двенадцатые [праздники], и *Трезвоны*, то есть стихиры только на малые праздники³ и из служб местным святым. По составу этих служб, даже до конца XVI века, можно убедиться в месте происхождения рукописи, так как почти постоянно в них имеются сполна службы местным святым и иногда отсутствуют службы святым, даже чтимым в соседних местностях. Например, в ярославских Трезвонах не помещаются службы владимирским, тверским, новгородским святым, в московских — почти то же, даже с пропуском соловецких святых Зосимы и Савватия и т. п. В новгородских Трезвонах, даже XVI века, я имел в руках экземпляры, в которых не было не только служб, например, тверским или ярославским угодникам, но даже и св. Петру, Алексию и Ионе, «всея Руси чудотворцам», даже и преподобному Сергию. Состав Трезвонов несколько упорядочился лишь к XVII веку и еще более к Собору 1666—1667 годов, когда Трезвоны под влиянием постановлений Московских соборов 1547 и 1549 годов стали более выдержанны в своих содержаниях, но все-таки продолжали сохранять более местный характер, чем всероссийский или однообразно уставленный.

Минеи общие в певчем изложении появляются, как кажется, только в XVII веке. Книги эти вообще — очень редки, даже и в XVII столетии, даже и в изложении на пятилинейных нотах. В этой книге собраны песно-

² Стихирари XVI века (называемые иногда «Стихерарь», «Стихираль», «Стихеларь» и т. п.) почти всегда после заглавной вязи «Стихерарь месячный о Боге начинаем: месяц септембрий, а день» [имеют] еще такие строки: «сиречь дьячее око, без того бо, мняще пение исправлять, яко во тме шатаются».

³ Например, Покров Пресвятой Богородицы, Св. Николаю Чудотворцу, 3-е Обретение главы Иоанна Предтечи, Казанской Божией Матери и т. п.

пения таким святым, которым нет отдельно сочиненных служб. Поэтому Минея общая представляет собою собрание таких песнопений, которые написаны по данным музыкально-стихотворным формам (на «подобен», то есть подобно какому-либо песнопению, принятому за образец), и посвящаются прославлению какого-либо святого простою вставкою его имени в данный текст (места для такой вставки обозначаются «имярек»). Поэтому Минея общая состоит из служб либо святому «единому», либо «двема или многим». Например, апостолу единому, пророком двема или многим, мученику единому, великомученице единой, Христа ради юродивым двум или многим и т. п.

Ирмологи певчие, как видно из сохранившихся рукописей, были в церковном употреблении с самых первых [времен] христианства на Руси, наряду со Стихирарями, Минеями месячными, Триодями и Кондакарями. Но состав Ирмологов певчих подвергался весьма значительным колебаниям, вплоть до Синодального издания 1772 года, когда он утвердился в числе 1041 ирмосов. В рукописных Ирмологах разности в числе ирмосов и в порядке их расположения очень значительны. Одно время (XVI век) в Ирмологах встречаются их определения как содержащих в себе «пол-осмасти», или «пол-осмаста», ирмосов. Воскресенский, Нового Иерусалима Ирмолог XII—XIII веков — самый полный из очень немногих дошедших до нас Ирмологов «в пол-осмаста»⁴. Позднее, при переходе с знаменного письма на нотолинейное появились еще Ирмологи греческого распева и особые, только нотолинейные «Ирмологионы великие» южно-русской (киевской) и западно-русской редакций. К этим «Ирмологионам великим» в начале прилагается весьма краткий Обиход из главнейших песнопений всенощной и литургии. В следующих затем 8-ми отделах, в порядке церковных гласов, каждый отдел начинается «догматиком воскресным» («догматом»), славником на стиховне и антифонами, то есть главнейшими песнопениями Октоиха на каждый глас, и затем уже весь комплект ирмосов. В великорусских Ирмологах совсем не употребительны вставки из Октоиха, но к числу ирмосов, после 8-ми отделов, почти всегда присоединяются так называемые «розники», то есть видоизмененные ирмосы, вставляемые в общеупотребительные каноны, например, перед Рождеством Христовым, Богоявлением и проч.

Обиходы певческие содержат в себе преимущественно песнопения, повторяемые за вечернею, утренею и литургиею. Песнопения эти распо-

⁴ У Н. В. Волкова — № 343. Описание этой рукописи было издано мною, со снимками 39 ирмосов, в Казани в 1887 году.

ложены в порядке устава этих служб и практических удобств для певцов. Поэтому, например, на вечерни в Обиходах всегда излагается «Господи возвах» и «Да исправится молитва моя», равно и «запевы на восприемство стихер» («Изведи из темницы душу мою» и 1-я стихира самогласна и проч.⁵), а также и вся система «подобнов» на все 8 гласов. То же осмогласие всегда приводится в песнопениях утрени на пении «Бог Господь»⁶, прокимнов пред чтением Евангелия, вечернего светильна, а также и «Свят Господь Бог наш». В остальном содержании этих отделов Обиходов приводятся, например, величания святым на весь год (иногда очень многочисленные), Полиелей, Великое славословие и т. п. В Обиходах литургии, кроме повседневных песнопений (ектении, Херувимские, «Милость мира» и т. п.), система осмогласия дополняется всеми воскресными и будничными (иногда и праздничными) прокимнами, также иногда всю систему причастных стихов. Праздники двенадцатые обыкновенно представлены в Обиходах всю систему задостойников, точно так же (но в более поздних, с XVI века) Великий Пост и Пасха включаются в Обиходы рядом наиболее повторяемых песнопений (например, «Милость мира» на литургии Василия Великого, «Покаяния отверзи ми двери», «На реце Вавилонстей» и т. п.), равно и целым рядом неповторяющихся песнопений, например Страстной Седмицы.

В составе Обиходов со второй половины XVII века замечается разделение Обиходов на «великие» и на обычные, но сокращенные уже до последней возможности. Великие Обиходы включают в себя множество новых роспевов на 8 гласов, «Свете тихий», «Преблагословенна еси», Великие славословия, даже Херувимские и т. п. С введением у нас в половине XVII века пятилинейной нотации, греческого, болгарского, киевского и других роспевов содержание Обиходов «великих» распространилось вдруг до такой степени, что книги эти, вероятно за утрату портативности, вновь вернулись (к концу XVII века) к прежнему типу, но выделили из себя певчую книгу нового типа — так называемые «Сборники певчие» и особые же книги Обиходов с песнопениями одного какого-либо из новых роспевов. В «Сборниках певчих», часто без всякого порядка, еще

⁵ Здесь иногда и стихотворения, по которым певцы приспособлялись к более удобному «восприемству стихер» всех 8-ми гласов, например: «Идет чернец из монастыря», или «Богатый прежде всех», или «Афон из пепла Богом создан» и проч.

⁶ Тропари воскресные на «Бог Господь» в рукописях до XVII века не приводятся.

чаще на оборотных листах письма разных рук, собирались всякие песнопения всяких роспевов, всяких служб, из всяких местностей, иногда даже и во всяких нотациях — знаменных, демественных, путевых, пятилинейных, даже и партитурами для 1-го, 2-х и 3-х голосов. Здесь же иногда и масса песнопений вроде духовных стихов, кантов, псальмов и т. п., включительно до нисколько не относящихся к церковному пению. Иногда Обиходам предшествуют предисловия, имеющие несколько редакций.

Триодь Постная и Цветная исстари принадлежит к певчим книгам, употреблявшимся у нас так же распространенно, как и Постные и Цветные Стихирари певчие. В этих книгах, прежде более кратких, потом же более распространенных, изложены главным образом стихирь от Недели мытаря и фарисея («Не помолимся фарисейски, братие» и проч.) — до Великой Субботы и от Недели апостола Фомы и «даже до Всех Святых». Первейшие Триоды еще не исследованы, но их роспев очевидно и чрезвычайно разнится от позднейших читаемых нами Триодей. Про последние есть смутное указание (вероятно, XV–XVI веков), что их «роспел и изъяснил» Иван Нос, ученик знаменитого «старого мастера в великом Новгороде» Саввы Рогова. Нынешняя певчая Триодь довольно близка к изложениям XVI и XVII веков.

Октоих певчий (или «Октай», «Охтоик») в древнейшем и трудно читаемом экземпляре имеется у нас лишь с конца XIV века (№ 59 Чудова монастыря в Московской Синодальной библиотеке), и по нему пока трудно сказать что-либо определенное о вероятном певческом типе этой книги в более древнюю пору. Но несомненно, что Октоихи XV века установились по совершенно иной певческой редакции, ныне уже читаемой и очень близкой с редакцией, удержанною в употреблении у беспоповцев. Эта самая главная певчая книга, изложенная наилучше большим знаменным роспевом (в песнопениях Октоиха он называется также «столповым»), претерпела потом только незначительные изменения в смысле текстового состава. Октоихи «малые» обыкновенно не имеют в себе песнопений малых вечерен и седмичных богородичнов и крестобогородичнов, всегда помещаемых в обычном составе полных Октоихов. К Октоихам обоих видов всегда прилагаются 11 утренних Евангельских стихир. Позднее, в нотолинейных Октоихах встречаются отдельные редакции роспевов киевского и греческого, частью же болгарского.

О текстах в певческих книгах.

В таком разнообразии типов русских богослужечно-певческих книг, увеличившемся еще более при развитии у нас хорового пения (преимущественно по пятилинейным нотам и притом с половины XVII века), замечается еще и чрезвычайное разнообразие в изложении богослужебных текстов.

Разнообразие это произошло от трех причин: 1) от несомненной разности редакций богослужебных текстов, находимых в огромном числе среди наших древнейших певческих рукописей еще XII века, 2) от постепенного перерождения русского языка и (вследствие также и различия разноместных говоров) постепенных изменений в русском правописании и 3) от ряда правительственных (частью же и самовольных) исправлений богослужебных книг в течение чуть не всего XVII столетия.

Общая черта в истории изложения наших певческих текстов состоит, вероятно, еще и в том, что в них имеются еще с XII века особые певческие прибавки, значение которых еще не объяснимо с точностью, но употребление которых то упадало, то возрастало...

РГИА, ф. 1119, № 43. Черновой автограф. Впервые публикующийся текст не завершен. Примерная дата — апрель 1908

Данная работа упоминается в письмах Смоленского как начатая по предложению одного из сотрудников ОЛДП — литературоведа П. Н. Шеффера.

**Отзыв о сочинении В. М. Металлова
«Богослужбное пение Русской церкви.
Период домонгольский» (Москва, 1906 год),
составленный С. В. Смоленским¹**

Первая часть этого труда рассматривает вопросы «о происхождении русского церковного пения и его семиографии». В этой части 6 глав. Вторая часть рассматривает вопросы «о русском церковном пении в домонгольский период». В этой части 9 глав.

Исследование о. Металлова впервые и со всею подробностью трактует свой предмет. Не имея в общем себе предшественника, это исследование неизбежно потребовало у автора *множества* самостоятельного труда, несмотря на то что сочинение носит характер *как бы компилятивный*. Автор ставит вопросы весьма широко и, не находя иногда прямых ответов, по неразгаданности древних нотаций, делает немало и предположений, прямо свидетельствующих об *основательном* его знакомстве с литературою предмета и об *остроумии и находчивости* в сближениях.

Ввиду трудности и своеобразной специальности предмета вообще, малой до сих пор его разработки, позволю себе изложить последовательно все содержание труда о. Металлова, сопровождая это изложение *краткими своими* примечаниями.

Введение (л. 4—11) трактует «*о богослужбном пении как принадлежности культа; о сходстве музыки и пения у египтян, евреев и греков; о музыке общехристианской*».

Автор начинает изложение с того, что считает начало русского церковного пения одновременным с введением у нас христианства. Христианство легло в основание решительно всего дальнейшего преуспевания русского племени и, побеждая язычество, подчинило своему влиянию язык молитв и песнопений, искусство певческое, живописное, архи-

¹ Автор рецензии, Степан Васильевич Смоленский, скончался до напечатания этой рецензии; корректура им читана не была. — *Примечание первой публикации.*

текстурное и, отчасти, декламационное. Но вместе с тем формы культа, принятые русскими от греков, встретились у нас с обнаружившеюся способностью и потребностью придать этим формам собственную, национальную окраску.

В то же время культ встретился и со способностью русских отрешаться от таких особенностей тех же форм, которые в чем-либо чужды были русской национальности.

Таким образом наш культ заключал в себе общехристианские формы, заимствованные придатки и выработал собственные национальные наслоения (л. 6).

Церковное пение ко времени крещения Руси, по словам автора (л. 11), было окончательно установлено с литургической стороны. Но неизвестно, что оно представляло собою со стороны напевов, музыки, хотя несомненно, что до того времени южно-славянский мир устроил свое пение по образцу и на музыкальных началах Греческой церкви.

Отсюда задача первого исследования состоит в выяснении начала и дальнейшего развития нашего пения в связи с историческими условиями, в зависимости от пения византийского, греко-восточного вообще и от пения новопросвещенных славян.

Глава первая трактует *русское и славянское богослужение, богослужбную письменность, пение в связи с фактом крещения русских и славян* (л. 12—41).

Автор подробно рассматривает взаимоотношения Византии, Болгарии и Руси до и с поры крещения последней, заключая, что (л. 17) поляне позже других восприняли христианские идеи, окрепшие уже с значительной общеславянской окраской; соперничавшие Византия и Рим, совершив свою миссию в отношении к ближайшим славянам, не в состоянии были долее удержать свое влияние и опеку над новопросвещенными славянскими племенами.

Автор подробно же рассматривает ход возникновения и распространения как кириллицы и глаголицы, так и переводов богослужбных книг. Допуская, согласно с другими учеными (л. 23, 24), существование письменности и христианства у славян по крайней мере с VII века, автор допускает и ход литургии и других служб (до Кирилла и Мефодия) из Паннонии на север и юг к разным славянам (л. 27). Указывая на первое появление славянской службы в Моравии и, следовательно, вдали от влияния Византии (л. 24), на выразительное путешествие в Константинополь св. Мефодия в 882 году как епископа Моравского, указывая и на Болгарию как

главное место распространения славянского богослужения (л. 26), автор подтверждает ранее высказанную мысль о том, что христианское просвещение полян-киевлян шло не от греков, а от славян — при участии ослабевших греков.

В усиление этого утверждения имеются рассуждения о том, что (л. 22) присылка греческих епископов и митрополита Леонтия не ослабляет, по мнению автора, всех данных за то, что остальное духовенство было у нас частью из славян, особенно болгар, а частью из природных русских. К такому же выводу автор приходит и со стороны исследования общеславянских и наших древнейших памятников по месту их написания (л. 28—35). Отдельные виды русского письма киевского, новгородского, галицко-волынського, московского, хотя и дошедшие до нас в незначительном числе (33 наименования — л. 30), подтверждают мысль Н. В. Волкова о том, что «первою заботою научившихся писать русских пастырей было — удовлетворить самой настоятельной потребности только что народившейся церкви», то есть письмо русских богослужебных книг (л. 32 и 34). Положение это доказывается и именами писцов, сохранившихся во многих рукописях, равно и незначительностью греческих певчих текстов, следы которых имеются в известном Благовещенском Кондакаре. Незначительность употребления греческих текстов в нашем богослужении подтверждается всеми данными историческими, равно и логическими по ним соображениями (л. 35).

Обращаясь затем к нотным певческим русским памятникам, автор утверждает, что (л. 36) «ни из них, ни из уставов не видно, как именно совершалось по ним пение». «Но если принять во внимание, что таких певческих *текстовых* (то есть не нотных) сохранилось *очень много* по сравнению с певческими книгами нотными, то должно допустить как решительный вывод (л. 36), что пение в старину было совершаемо большею частью понаслышке, изустно на память; немногие же экземпляры нотных певческих книг служили только мнемоническими регуляторами напевов в тех случаях, когда напевы невольно забывались или искажались, или приходили вообще в упадок». Излагая это положение подробнее, автор вторично утверждает (л. 36) уже положительнее: «От XI века не сохранилось, по мнению ученых (Срезневский, Волков и др.), ни одной нотной певческой богослужебной книги² или, как принято думать, потому

² Ниже будет указано, как настойчиво утверждает автор о принадлежности к концу XI или к началу XII века «Устава с Кондакарем» библиотеки Московской Синодальной типографии, № 285.

что они погибли во время пожаров и набегов в Киеве, или же, скорее всего, потому что *за этот век существовало у нас одно только (?) пение понаслышке, изустное и на память, а не по нотным книгам, которые стали появляться потом, быть может, потому что изустные напевы стали забываться и искажаться, вследствие чего и являлась необходимость закрепить употребительные напевы нотными знаками*» (л. 36).

На л. 37—41 автор обращается собственно к нотациям. Сначала излагаются фактические данные, имеющиеся в распоряжении автора, а затем выводы из этих данных относительно значения и происхождения нотаций. Автор утверждает, что наши нотные певческие книги («конечно, южно-славянские по происхождению») различаются между собою тем, что одни из них (Кондакари) имеют вычурное нотное письмо, приближающееся по своему начертанию к греческому *византийскому*, другие же имеют письмо *упрощенное*, отличное от византийского (л. 37). «Эти данные с своей стороны наводят на мысль, что наши нотные богослужбные книги возникли и распространились на Руси в период времени домонгольский, под преимущественным влиянием славянским и при незначительном влиянии византийском и, *следовательно (?)*, наше богослужбное пение, древние церковные напевы утверждаются, как на своем родном корне, на пении церковном югославянском и только чрез его посредство на греческом византийском, бывшем несомненною основой богослужбного пения югославянского, как и сама греческая вера, богослужение и церковная письменность были в основе веры, богослужения и церковной письменности большей части мира югославянского, разделяя эту честь не в значительной степени лишь с Римом в отношении западных славян» (л. 37).

Эти подлинные слова автора составляют *главную мысль его сочинения*. Автор ссылается на преосвященного Порфирия Успенского, утверждающего Зографскую Минею XIII века за памятник, в котором «местами написаны *болгарские ноты*, непохожие на греческие», и на известный греческий Есфигменский Ирмолог XI века, снабженный «нотами, отличающимися от обычных греко-византийских, но схожими с нотными знаками славяно-русскими»; автор ссылается также и на недавно найденную Ф. И. Успенским Триодь X—XI века с подобными же знаками, равно и на Синайский Стихирарь 999 года, указанный тем же епископом Порфирием Успенским.

Мне кажется, однако, что едва ли автор, судя по содержанию всей его книги, обследовал лично тот листок из Зографской Минеи, который

поступил от епископа Порфирия в Императорскую Публичную библиотеку под «Q. п 1. № 40».

Сколько могу судить, зная этот листок, преждевременно было и утверждение епископа Порфирия, что будто бы в знаках Зографского памятника следует видеть именно «болгарские ноты»; мне кажется, что теперь следовало бы сказать (и было бы вернее), что тут имеются ноты неизвестной системы XII—XIII веков, мало похожие на обыкновенные греческие знамена³. Сам автор ниже (с. 41 и 42) относится к этому памятнику уже несколько иначе.

Между тем автор, утверждаясь на этом документе, сколько можно судить по его труду, несколько не исследует и других греческих документов, не только им указываемых, но даже и приводимых в шести приложенных к книге снимках № 2—7⁴.

³ Этот памятник указан у Срезневского («Древнеславянские памятники юсового письма», л. 347) и в Отчете Императорской Публичной библиотеки 1883 года, л. 56: «№ 14». В подлиннике имеется стихира на литии (2 февраля) 2-го гласа «Ему же вышнее служат». Нотация пяти строк этой стихире действительно мало сходна с греческим до- и после-дамаскинским нотным письмом XI—XII веков при той же стихире, хотя принципиальная, графическая общность этого письма с греческим совершенно несомненна.

⁴ В приложении (л. 335—336) не объяснены места, где находятся подлинники. Я позволю себе указать их: № 1 не есть собственно певческий пример, но есть «чтение на роспев» 1 сентября из греческого пергаменного Евангелия Московской Синодальной библиотеки № 226 (по каталогу архимандрита Владимира 2 № 10), л. 148а. Рукопись эта, как оказалось по справке, не относится к X веку, как утверждает о. Металлов (л. 335), а объясняется как интонационное письмо, возбуждающее крайнее разногласие между учеными. Маттеи относит рукопись даже к VIII веку и то же повторяет архимандрит Савва («Указатель» 1858 года, л. 71) и архимандрит Владимир («Описание», о. 11); Гардтгаузен относит к XI веку («Paläographie». Taf. 11), а Тишендорф в одном из своих «Prologomena» относит к XIV веку; библиотекарь Синодальной библиотеки Н. П. Попов, хранящий эту рукопись, — к XII веку.

Чтение этих знаков указано у J. Thibaut, в его Etude de musique Byzantine: «Le chant esphonétique».

№ 2 — стихире на 4 декабря св. великомученице Варваре («Земная пища приятие», «Посрамися лукавый враг» и «Торжество днесь») — есть снимок с Порфирьевского листка из Синайской рукописи, хранящегося в Императорской Публичной библиотеке под «№ 362, греч.».

№ 3, 4, 5 и 6 — суть уменьшенные копии с Севастьяновских снимков Румянцевского музея с знаменитого Ирмолога № 54 Есфигменского Афонского монастыря; в этих снимках заключаются 10 ирмосов 4-го гласа, 6 ирмосов 5-го гласа и 13 ирмосов (в том числе и весь воскресный канон) 6-го гласа. Нельзя не пожалеть о том, что, кроме малого формата и плохой печати, в таблице № 6 *отсутствует весь левый бок левой страницы*.

Эти примеры, легко находимые в наших рукописях, легко поддаются хотя бы сравнению их нотаций, ради определения хотя бы совпадений одинаковых знамен над одинаковыми словами текстов, также, вероятно, не были обследованы автором. По крайней мере в главах, для которых такое обследование было бы необходимо и существенно важно, — нет о том даже и намека. Тем не менее автор сразу утверждает (л. 38), что «все эти сравнительно немногие данные наводят на мысль, что *русское нотное письмо и пение* получили свое начало от южных славян, в частности от болгар, но с тем ограничением, что пение по наслышке было принято в русское богослужение тотчас по крещении, нотное же письмо переходило не сразу, а постепенно, в продолжение не менее века, так что только в XII веке мы встречаем славяно-русские нотные богослужбные рукописи». Мне представляется, что эти утверждения, рискованные сами по себе своей категоричностью, нисколько не вытекают ни из предшествующего изложения автора, ни тем менее из только что указанных им источников.

Автор приводит затем несколько данных, косвенно указывающих латинское влияние на славянское пение (л. 40), и также утверждает: «Эти данные наводят на мысль, что богослужение юго-западных славян и в частности богослужбное пение между славянами (VII—VIII века) до XI—XII веков были в значительной зависимости от римского, почему и естественно предположить, что и западные латинские богослужбные напевы, параллельно с греческими, проникали к новопросвещенным славянам, усвоились и утверждались и в тогдашней просвещеннейшей области славян — Болгарии, культивировались и, переработанные в национальном духе, становились их достоянием, а равно и переходили в наследие и к славянам восточным, северо-восточным вместе с верою, церковною письменностью и богослужением, особенно если принять во внимание еще не обострившиеся отношения между Востоком и Западом, давнишнее братское общение, взаимный обмен и подражание в вопросах

№ 7 — есть снимок «Pl. № 2», помещенный в *Etude de musique Byzantine* известного исследователя священника Жана Тибо. В этом же «Этюде» имеются еще снимки № 4, 5 и 6, снабженные к тому же попытками автора сделать переводы их на современные ноты (*ibid.*, p. 39—42).

№ 8 и 9 суть снимки с Стихираря XII века Императорской Публичной библиотеки, хранящегося под № «Q. п 1 № 15». Сняты: л. 51 об., заключающий в себе рисунок руки и часть службы 26 октября св. Димитрию Солунскому, и л. 61 об., заключающий в себе указание «глас тяжкъ» и часть службы 6 ноября св. Павлу Исповеднику.

церковно-богослужебной практики и устава, преимущественно же в тех случаях, когда некоторые племена славянские переходили часто от одной иерархической зависимости к другой и наоборот». Понятно, что можно много спорить и против таких утверждений по отношению к русскому искусству. «Таким образом, — заключает автор (л. 41), — представляется возможным принять, что при начале христианства у нас на Руси, через посредство славянских племен, проникло к нам вместе с богослужением и церковной письменностью: 1) западное латинское пение, *но не нотное письмо*, 2) греческое византийское пение и *отчасти письмо* (как древнее кондакарное) и 3) восточно-греческое пение и *письмо* — *главным образом*, но то, и другое, и третье не в чистом их виде, но переработанное и, вероятно, дополненное и национализированное в духе славянском, в течение двух или трех веков (VIII, IX, X), усилиями более даровитых и просвещенных тогдашних славянских племен — сербов и болгар» (л. 41).

Вполне естественно, что, находя возможным принять такие утверждения, автор ставит себе вопрос: «чем было в пору крещения Руси богослужебное пение а) югославянское (болгарское), б) пение латинское, в) пение восточно-греческое (сирийско-египетское), и каковы могли быть от них заимствования и влияния?»

Глава вторая (л. 41—77) посвящена несколько расширенному исследованию по вышеприведенным параграфам а и б, *то есть о богослужении и богослужебном пении восточных и западных славян, в зависимости от влияния церквей византийской и римской — о состоянии латинского богослужебного пения в эпоху просвещения славян и русских*. Попутно изложен *вопрос о григорианском пении, о невмах и хирономии*. Автор говорит (сравни л. 38): «О болгарском и вообще о югославянском пении IX—X веков история не сохранила никаких свидетельств» (л. 41). Имели ли болгары нотные книги — неизвестно; если и имели, то они все погибли и из них доселе не сохранилось ни одной. Вместе с тем «болгары не имели ни повода, ни необходимости, ни определенной цели к тому, чтобы изобретать собственную свою болгарскую певческую семиографию, отдельное нотное письмо» (л. 42). Автор думает, что между свободно говорившими по-славянски греками и огреченными болгарами, бывшими в постоянном общении, легко могло уставиться греческое осмогласное пение. «Усвоив напевы на слух, славянин певец не имел нужды ни проверять свое пение, ни увековечивать эти напевы для будущего» (л. 43). «В этом положении, однако, таилось зерно новых наслоений и начало обособленности славянского богослужебного пения» (л. 44).

С другой стороны, автором устанавливается влияние Рима на пение более западных славян и большая обособленность от Византии у полян, тиверцев, угличей, северных болгар и сербов. Подлинное рассуждение автора (л. 44) изложено в таком, несколько длинноватом периоде: «Если южные, ближайшие, пограничные с Византией славянские племена и поселения, в силу естественной культурной зависимости от Византии, частых сношений и близости, более прочно придерживались греческих традиций в пении и были верны их гласовым напевам, то более отдаленные северные и западные области и племена, в силу обратных причин, меньше тянули к Византии и ее певческим традициям и напевам или подпали влиянию других культурных народов, например: латинян, как славяне западные, или — имея в соседстве такие же племена славянские, не культурные, например: полян, тиверцев, угличей, как северные болгары и сербы, следовательно, предоставленные сами себе, своему естественному свободному национальному развитию, в ощутительной дали от своих первоучителей греков, — забывали оригинальные напевы греческие и греческие певческие традиции, варьировали напевы по-своему, на свой лад и слух, сближая их с своей народной песней и своими ритмами, перерабатывая их во всех частях в духе национальном, в характере народном, оставляя неизменным лишь тот акустический природный музыкальный элемент, который, по самой природе звука и слуха человеческого, свойствен и обязателен всем племенам и народам без исключения и есть то общее, что делает, в большей или меньшей степени, понятною всем всякую музыку, без различия национальностей». После нескольких за сим довольно неясных рассуждений и предположений автор, наконец, высказывается так (л. 45): «Говоря проще (!), русские получили от южных славян греческое пение, но в течение не менее двух столетий переработанное славянами в духе народном, с мелодическими и ритмическими особенностями, с своеобразной фразировкой текста, отлившееся в типы национально-славянские, совершенно сродные и близкие слуху и музыкальному чувству полян киевских, и в этом виде богослужбное пение славянское стало богатым и многоплодным наследием славян русских. Следовательно (?), с полным правом можно сказать, что главное, преобладающее течение в русле наших древних богослужбных напевов это — пение славянское, болгарское. Но в болгарском и вообще славянском богослужбном пении греческое пение, греческие напевы были не существенным элементом (? — сравни выше) наряду с элементами чисто славянскими. Туда должны были входить и элементы латинского пения

западного, с одной стороны, и элементы восточного, греко-сирийского и коптского — с другой» (л. 45).

Латинские воздействия на западных славян, видимые по Хиландарской литургии апостола Петра и по распоряжениям пап Стефана VI (IX век), Иоанна X (X век), Григория XII (XI век), указаны автором по разысканиям епископа Порфирия и Первольфа (л. 46). Желание автора подтвердить свое предположение в области собственно певческой, нотной увлекает его, даже несмотря на то что «история не сохранила ни памятников латинского пения у славян, ни даже других посторонних о том свидетельств» (л. 47). Но невмы западные оказываются ничего не говорящими для дела. Они известны только по документам не ранее IX века и, превосходно истолкованные западными учеными, например по знаменитому изданию Солемского аббатства, — они все-таки трактуются даже известными Гевартом и Флейшером (л. 47—52) как весьма несовершенное письмо, не выразившее во всей точности напевов и служившее не более как только мнемоническим средством для восстановления в памяти певца заученных на слух мелодий.

Эта область в сущности едва ли имеет какое-либо прямое отношение к славянскому искусству и тем более к русскому. Кроме неимения каких бы то ни было документов с невмами при славянском тексте, кроме приводимых автором свидетельств более всего о систематических воздействиях по части внедрения латыни в службы славян, бывших под властью пап еще до разделения церквей (л. 46), у нас нет и никаких серьезных оснований к тому, чтобы думать вообще о внесении славянством каких-либо родных начал в напевы латинского обихода. Указываемые автором официально служебные воздействия, конечно, могли, по местам, иметь в свое время влияние на славянское искусство. Но те же воздействия могли ведь и не оказывать влияния сколько-нибудь обширного для установления теперь на этих предположениях общих выводов. Область эта, сколько я могу разобраться, темна вообще и не имеет прямого и значительного отношения к русскому искусству. Тем не менее автор, следуя Флейшеру (л. 52), сближает значение западно-католических невм с хирономией, то есть с искусством руководства певцов движениями руки и пальцев.

Обозрев все известное у греков, начиная с Иоанна Кукузеля (XIII век) и других позднейших писателей, автор утверждает (л. 54), что хотя нотных рукописей и нет ранее IX века, но невмы, как вообще знаки певческие, существовали и раньше, в VIII, VII и VI веках и, вероятно, и ранее того в певческой хирономии, хотя бы и не записанными, и что пение

по нотным знакам существовало и ранее нотных невматических рукописей, в хирономии.

Приемлемость и правдоподобность этой теории облегчается, согласно взглядам Куссемакера (л. 54), толковавшего невматическое письмо как «усовершенствованный способ акцентуации, или просодийных знаков, сначала применявшихся к псалмодическому чтению (на распев), а затем и к чтению гимнов». Автор указывает на длинный ряд крайне любопытных свидетельств даже от I и следующих веков, обнаруживая весьма значительную эрудицию и кропотливую старательность в подборе данных для утверждения читателя в основной мысли сочинения (л. 54—65).

Автор (л. 65—66) указывает и на не разделяемое им мнение (весьма солидное и доказательное, по-моему) известного Ж. Тибо, находящего прямую связь греческих певческих знаков экфонетических (то есть для чтения на распев) с нотацией Иоанна Дамаскина, вне какого-либо влияния хирономии⁵. По мнению Тибо экфонетические знаки не связаны ни с хирономией, ни с просодией и псалмодией, ни с начертаниями букв, ибо простое сравнение экфонетических знаков и певческих доказывает лучше всего очевидное родство их начертаний. Мнение Тибо тем более интересно еще и потому, что его попытки систематизировать и перевести на ноты экфонетические знаки во всяком случае очень серьезны и остроумны.

О. Металлов (трактующий еще раз этот вопрос на л. 90) не разделяет мнения Ж. Тибо, утверждая, что «comparaison n'est pas raison» [«сравнение — не доказательство»] (л. 66), хотя и пользуется, однако, в другом месте тем же «terminus comparationis» в надобном и подходящем к ему случае (л. 198). Автор устанавливает, так сказать, «родословное древо» певческого письма: просодия, псалмодия, хирономия и семиография с различными ответвлениями последней как греко-сирийской, византийской, латинской и славяно-русской. Много ниже (л. 247) эта «родословная» представлена графической таблицей, и главная цель труда О. Металлова — всячески доказать правдивость этой таблицы — осталась, по моему мнению, все-таки недостигнутой или по крайней мере не объясненной с полной удовлетворительностью в отношении к собственно русскому искусству.

⁵ Здесь автор ошибочно указывает дважды на г. Пападопуло-Керамевса как будто автора «Symvolai». Сочинение это принадлежит, как известно, г-ну Георгию Пападопуло, а не нашему ученому А. И. Пападопуло-Керамевсу.

Замена хирономии как ставшей уже недостаточною более определенными нотными знаками справедливо приписывается влиянию трудов Дамаскина, согласно свидетельству многих документов.

Автор ссылается на Царлино, Фетиса, Флейшера, также и епископа Порфирия, нашедшего (л. 68) «свидетельство византийского писателя — музыканта Мануила⁶ Хризафы Лампадария (XII век) о том, что по почину св. Иоанна Златоуста (IV век) Иоанн Дамаскин и Косма Маюмский разработали и усовершенствовали и просодию, и хирономию, и симадийное певческое письмо». Таким образом, по утверждению автора, «раз занесенные на бумагу и пергамен хирономические знаки (?) положили собою основание особого певческого нотного письма невматического на западе и симадийного на востоке, составивших собою два совершенно различных разветвления общего им воздушного письма хирономического. Но, оставаясь своеобразным, то и другое письмо, симадийное и невматическое, сохраняли, особенно на первых порах, много общего между собой (?), как много общего имело между собою на первых же порах и пение латинское западное с пением греко-восточным» (л. 68 и 69).

Конечно, если бы все эти рассуждения и предположения хотя сколько-нибудь опирались на факты, на найденные хирономические знаки, на объясненные мелодически и исторически напевы, — не было бы пределов торжества науки от стройности такой простой и общепонятной теории. Но дело здесь в том, что именно фактов, документов, очевидных доказательств мы пока не имеем. Рассуждения и предположения о Металлова, бесспорно, во многих отношениях даже и приемлемы, — но все же это только «слова и слова».

Дальнейшее изложение (л. 69—76) относится, на основании разысканий Флейшера и Геварта, к утверждению здравого понятия о григорианском пении, ныне приписываемом не папе Григорию Великому (VI—VII века), а папам-эллинистам, в частности же всего более влиянию Григория II и папы-сирийца Григория III. Конец этого изложения

⁶ Не могу не отметить здесь одну из очень многих опечаток, существенно уменьшающих достоинства книги о Металлова и очень ослабляющих силу его подстрочных примечаний и ссылок на источники. Например, здесь (л. 67), кроме курьезных «Vlobgrabhie» и «Montauson» (а поправлено в «опечатках»: «Montsaucon»), сделана ссылка на труд Оскара Флейшера «Neumen-Studien» Th. I, 36 и Th. II, 82. На самом деле вместо «36» должно быть «33», а вместо «82» должна быть 18 страница, причем Флейшер говорит, что этот «№ 154» есть «Papierhandschrift des XV Jahrhunderts, von 79 Blätter in Kleinoctaw» — следовательно, нечто весьма далекое от «VIII века».

почему-то посвящен повторению авторских предположений, уже высказанных, хотя не доказанных фактически, мало вяжущихся с только что приведенными рассуждениями иностранных ученых. Например (л. 76): «Письмо нотное невматическое, известное в рукописях не ранее IX века, сходное с восточным симадийным, развилось, как и это последнее, из хирономических знаков, введенных в певческую практику не позже V века и господствовавших в течение VI, VII, VIII веков» и тому подобное. Но есть и другое заключение этой главы, которое, однако, нельзя не признать не только неожиданным, не связанным с содержанием всей главы, но и состоящим также из предположений, нисколько не покоящихся на каких-либо фактах или положениях, доказанных документально. Вот это заключение главы (л. 76): «Возвращаясь к высказанной выше мысли о зависимости богослужения и богослужбного пения западных славян, а через них косвенно и других славянских племен, от латинского, мы должны заключить, что славяне могли заимствовать от латинян только напевы, а не певческие книги, а вместе с тем должны признать, что эта зависимость в напевах не может представлять собою что-либо необычайное, чуждое и несродное характеру богослужения и богослужбного пения славянского, вполне придаточное, но, по сродству древнейшей первоначальной латинской западной церковной музыки с современной ей музыкой восточной греческой, в их первоначальных основах, происхождении, характере и семиографии, должна быть рассматриваема не менее естественною и плодотворною для славянской церкви первых ее веков, как и непосредственная и ближайшая зависимость их от богослужения и богослужбного пения греческого, с его системою семиографии и его историею происхождения».

Глава третья (л. 77—84) посвящена исследованию о печальном состоянии богослужбного пения византийского в эпоху просвещения славян и русских. Печально бедна и литература по этому вопросу. Рассматриваемое время есть пора упадка византийских школ и время таких малообразованных воителей, как императоры Никифор Фока, Иоанн Цимисхий и Василий Болгаробойца (л. 78). Церковное пение Византии приняло искусственное, мирское, нецерковное направление, выражавшееся в вычурности, кудреватости мелодий, в ее светском, песенном, театральном характере и ритме и в изысканности исполнения, то громкого, то едва слышного и страстного (л. 79).

Автор делает в этой главе и перечисление главнейших рукописей византийского пения (л. 80—82), указывая, однако, и такие из них, кото-

рые в сущности и не относятся к пению в домонгольский период в России, равно и относятся к той системе позднейших греческих нотаций, которые не состоят с нашими русскими нотациями решительно ни в какой связи. Таковы, например, все рукописи XIII—XIV веков (л. 80). Здесь же, в частности, автор вторично сообщает (л. 82), например, о Есфигменском Ирмологе и Синайском Стихираре; о первом ранее (л. 38) было неясно сказано, что его ноты отличаются от обычных греко-византийских, а позднее (л. 99) говорится как о памятнике «очевидно греко-сирийского происхождения». В этой же части главы есть и прямые ошибки. Например, в примечании № 99 (л. 81, невозможная корректура которого соответствует общей небрежности издания) вместо указанных «р. 140—141» должны быть л. 3 и 4, вместо «1848 год» — «1898 год». Точно так же, например, неверно указано (л. 82), что «в библиотеке Синодального училища замечателен Стихирарь на бомбичине XII—XIII века, вывезенный из Палестины архимандритом Антонином, № 119». Я утверждаю, что этот памятник писан на пергамене, а не на бомбичине, и что этот Стихирарь не имеет к русскому церковно-певческому искусству решительно никакого отношения.

В заключение автор снова повторяет ряд уже высказанных ранее предположений, прилагая их целиком и к состоянию византийского пения в IX—X веках. Но, указывая на отсутствие византийских памятников IX—X веков и отмечая эти века «как самые беднейшие», автор говорит (л. 88): «Естественнее всего здесь сделать то же заключение, как и при суждении о первоначальном богослужбном пении славянских церквей и современных латинских церквей на Западе, — что до IX века в византийской церкви богослужбное пение совершалось не по нотным певческим книгам, а изустно, понаслышке и по традиции, и, в частности, по певческим хирономическим знакам, возникновение которых из псалмодических просодийных знаков и введение в певческую практику, как видели, должно быть относимо ко времени не позже V века. Ввиду особого характера хирономического воздушного письма (?), совершенно независимого от писчего материала, нет возможности проследить развитие, изменения, сокращения и осложнения хирономических знаков с того момента, когда псалмодические просодийные знаки были впервые приняты, как знаки хирономии (?), и до той поры, когда эти знаки впервые были записаны на писчем материале как особый способ семиографии, породивший на христианском Востоке симадийное и на Западе невматическое письмо».

Глава четвертая (л. 84—94) посвящена вопросу о просодии и псалмодии в связи с вопросом о хирономии и певческой семиографии. Автор уста-

навливает определение «просодии» (accentus, adcantus) как припевание к чтению, чтение нараспев и затем приводит знаки просодии в порядке от древнейше-изобретенных до позднее прибавленных. Устанавливается связь этих родоначальных знаков даже и с позднейшим византийским нотным письмом (л. 87 и 88). Несколько определеннее и яснее это положение вторично высказано так (л. 92): «Псалмодическое письмо и певческое хирономическое, симадийное и невматическое (то есть греко-сирийское и западно-латинское) суть только два отдельных вида развитой графически, преобразованной и усовершенствованной в соответствующих целях просодии, причем певческое письмо, сообразно с многообразными нуждами богослужбного пения, развило из себя сложную, довольно обширную, прихотливую и нелегко усвояемую систему семиографии, псалмодическое же письмо, сообразно со скромными требованиями произношения священного текста, заключалось в небольшом количестве (около 20) знаков просодийных» (сравни л. 66 и 247). В части подтверждающих это положение свидетельств автором использовано, как кажется, решительно все известное по этой части в печати.

Глава пятая (л. 94—110) посвящена вопросу о происхождении русской певческой семиографии и церковного звукоряда как своеобразной музыкальной системы.

В самом начале главы (л. 94) на вопрос: «откуда славянское или собственно русское певческое письмо, древнейшие образцы которого, как известно, принадлежат XI веку», автор, не раздробляя предмета, отвечает: «оно или через славян из Византии, или через тех же славян из Египта и Сирии» (л. 94). Повторив уже высказанные не раз утверждения о сходстве наших знаков с нотацией Синайского Стихираря, Есфигменского Ирмолога и Охридской Триоды и о несходстве тех же нотных знаков с знаками византийскими более позднего времени (XII, XIII века и время Кукузелей), автор указывает «ясный след того движения певческого искусства и симадийного письма с Востока и Юго-Востока, из Египта, Синая и Сирии, на Запад в Европу, которое решительным и очевидным образом обозначилось с мусульманского нашествия (638 год), достигло ближайшей Византии, проникло в отдаленные Калабрию, Сицилию и Рим, захватило собою и славянские народы, а через них перешло в Русь». Дата «638 год», теперь указанная вторично (л. 72), — признаюсь, повергает меня в недоумение, так как я не знал ранее, не нашел и теперь, ни при первых калифах, ни при Омайядах, никаких исторических свидетельств о таком мусульманском нашествии и с такими отдаленными его проявлениями. Без сомнения,

православные певцы Сирии, Палестины и Египта могли бежать от военных бурь Востока. Догадка Геварта, выше приведенная автором (л. 72), — о влиянии ряда пап-эллинистов и пап-сирийцев, действительно остроумна и, пожалуй, правдоподобна. Но причем тут славяне и позднее за ними Русь — отказываюсь верить автору на слово, тем более что дальнейшее его изложение указывает не на бегство славян от мусульманского нашествия, а наоборот, на административно-военное выселение славян (вероятно еще не бывших христианами) именно после этого «638 года» и именно (л. 96, I) в Малую Азию, то есть в 664 году в Сирийско-Анамейскую область (что при верховьях Ефрата, на линии Антиохия — Эдесса) в «Оксанийскую фему»⁷ при Юстиниане II в 687 году и в Вифинию (то есть у Босфора) в 702 году, то есть при Тиверии III. Нисколько не отвергая возможности отдельных случаев нахождения христиан среди этих славян (язычников, особенно вифинских?), я считаю, что в этой части предположения автора *«в пользу принятого (?) положения (л. 104) о влиянии греко-сирийской музыки на славянскую и славяно-русскую церковную музыку»* весьма гадательны и, вероятно, могут быть оспорены.

Гораздо серьезнее и более мотивированы соображения о значении греко-сирийского искусства для Афона, взятые автором также у епископа Порфирия Успенского (л. 97). Прямые указания монаха Петра (с 681 года) и св. Афанасия (с 965 года) весьма легко сближаются в существе с влиянием школы Иоанна Дамаскина.

Но еще серьезнее указание автора на совпадение строя наших церковных напевов с строем арабо-сирийской музыки (л. 99—101) и на отличие их от византийской «неизменяемой системы». К сожалению, это указание, важное для целей автора, не разработано с надобною и выгодною подробностью. Своеобразная по обширности страниц ссылка на сочинение Фетиса: «л. 1—182», с которым, видимо, автор соглашается, в сущности дает читателю так же мало, как и условное согласие автора с утверждениями «ассириолога Ассемани».

Но автор указывает на еще более важное (л. 101) — на графическое сходство некоторых знаков нашей семиографии с знаками-буквами арабского письма и египетского демотического, оставившего след влияния как на псалмодических-просодийных, так и на певческих симадийных знаках раннего (IX—XIV века) византийского письма. К сожалению, и тут

⁷ Я не знаю в точности, где была эта «Оксанийская (?) фема», хотя и думаю, что она должна быть к северу от Антиохии и к востоку от Киликии, около нынешнего Скандерунского залива.

автор не подтверждает фактами верности своих указаний, а ряды даже стройных рассуждений и предположений в данных областях, вне фактов, в сущности только приглашают к доверию, но не доказывают верности высказываемого.

В качестве вывода из всех этих рассуждений и предположений автор повторяет (л. 102) ту же родословную, какая была им уже указана на л. 66, отчасти на л. 83—84, 93 и далее, но графически, уже на л. 247.

Тот же вывод повторяется и такими словами (л. 102): «Симадийное греко-сирийское письмо содержало в себе, без сомнения, греко-сирийское пение, напевы и мелодии, греко-сирийское осмогласие; поэтому и славяно-русское богослужение, принимая в свою практику греко-сирийскую семиографию, принимало в состав своего чина певческого не иные напевы и не иное осмогласие, как греко-сирийские, которые в соответствующий период времени (VIII, IX и X веков), по господствующему положению греко-сирийской церковной музыки, под обаянием имени Иоанна Дамаскина во всей восточной церкви, оказывали несомненное влияние и на церковное пение византийское. Поэтому славяно-русское церковное пение, находясь под господствующим влиянием греко-сирийской церковной музыки, встречаясь и соприкасаясь с византийскою церковною музыкою, воспринимало от нее в существенном элементы, не чуждые греко-сирийской музыке, но родственные и близкие ей, отстраняя от себя лишь те черты и особенности, которые носили на себе чисто местный византийский характер, который вырабатывала себе византийская музыка в узких границах придворной жизни, в среде придворных певцов и музыкантов и в обиходе своеобразного служения патриаршего и соборного в Софии и других выдающихся храмах Константинополя».

Автор сопоставляет затем (л. 103) византийское духовное пение, которое было «искусственно, изысканно, напыщенно, театрально», «почти полусветское» и проч. с греко-сирийским, которое «должно быть представляемо простым, строгим, народным, аскетическим» и проч., и утверждает: «Естественно, что юная славянская и славяно-русская церковь примкнула в вопросе церковно-певческом к той стороне, которая давала более пищи сердцу и пониманию и отвечала требованиям религиозного чувства»... Здесь автор, очевидно, начинает увлекаться и забывает, что даже немногие из известных до сих пор в науке отрывки певческих греческих документов еще совершенно не прочитаны и нисколько не объяснены с их музыкальной стороны; что точно так же совершенно не прочитаны и нисколько не объяснены все без исключения русские

нотации XI—XII веков. Только увлечением я могу объяснить странные и решительно ни на чем не основанные строки, служащие продолжением этой цитаты: «...юная славянская и славяно-русская церковь, примкнула к той стороне, которая (л. 104) имела напевы и мелодии, ритмы и музыкальный строй, доступные простому музыкальному чувству и потребностям невзыскательного, но от природы музыкального славянина. На этой основе простых и прочных музыкальных элементов даровитый славянин, руководясь своим природным творчеством, самостоятельно и широко насадил и развил узоры своих вдохновенных народных церковных песней, своеобразных, сильных, трогательных, полных жизни и чувства и религиозного одушевления, по характеру отличных как от пения византийского, так и тем более от пения латинского, так даже и от родственного ему восточного греко-сирийского».

Считаю долгом сознаться в том, что, занимаясь сравнениями русских знаменных текстов XII и XIII веков с текстами позднейших столетий, я давно уже пришел к убеждению о постепенном обрусении не только наших напевов, но и их письменного изложения; фактически это убеждение основывается на замеченном мною постепенном исчезновении в наших рукописях всего чуждого и на замене этого чуждого собственно русским творчеством. Наши рукописи XII—XIII веков в их музыкальном содержании читаются с величайшим трудом и лишь с помощью догадок, практически обоснованных мною лишь для самого себя, по сравнению с рукописями главным образом XV века, и потому мною пока не публикуемых. Но сравнение наших рукописей XII—XIII веков с греческими оригиналами, приведшее к достаточному числу их совпадений между собою, повлекло к невольному увлечению и к ошибке, вскоре мною вполне понятой, частью же и позднее растолкованной мне критикою.

Совпадения нотных знаков в одних и тех же песнопениях на греческом и славянском языках, замеченные мною в 28 ирмосах Есфигменского Ирмолога⁸ (по четырем Севастьяновским снимкам Румянцевского музея) и в тех же ирмосах по Ирмологу № 28 XII—XIII веков Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, привели меня (еще в 1888 году) к ошибочному предположению о том, что не представляет ли собою Есфигменский Ирмолог (единственно известный тогда памятник и то только в вышеуказанных четырех снимках) что-либо русское в приложении к греческому тексту. Я повторил затем свои наблюдения в 1901 году

⁸ То есть именно тех самых, которые приведены в снимках, приложенных в уменьшенном виде к сочинению о. Металлова.

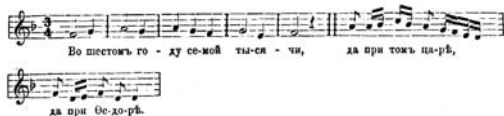
и имел неосторожность печатно подтвердить свое ошибочное увлечение в своем труде «О древнерусских певческих нотациях» (л. 20—22).

В труде о. Металлова нет нигде даже и намек на то, чтобы греческие песнопения, указываемые им на таблицах от № 2 до № 7, были не только им прочитаны, но даже и просто сравнены с соответственными русскими изложениями XII—XIII веков.

Других греческих памятников, как явствует из содержания труда о. Металлова, у него на виду решительно не было. Вместе с этим я смею утверждать, что ни эти греческие памятники, ни русские знамена XI—XII веков еще не читаются пока никем в мире с сколько-нибудь достаточною достоверностью. Поэтому странно читать в безусловно серьезной работе о. Металлова о каких-то напевах, ритмах, музыкальных строях в нечитаемых никем песнопениях... или о том, как на этой основе «даровитый славянин самостоятельно насадил и развил в них узоры своих народных песней, отличных от пения византийского, тем более латинского и даже восточного греко-сирийского» (л. 104).

Автор продолжает укреплять это уже «принятое положение», привлекая данные и со стороны — из русских былин и духовных стихов. Указав общеизвестные «хождения» по святым местам (XIII век), автор видит, что в стихах былины о Соловье Будимировиче «довольно прозрачно видятся пути движения восточной музыки на Руси от Иерусалима и из-за моря Хвалынского-Каспийского» (л. 106 и 108). Это усмотрение подтверждается будто бы и в духовном стихе о «Егории Храбром», мелодию которого автор анализирует крайне своеобразно, сближая ее построение с нашим церковным звукорядом, сходным с звукорядом «греко-сирийским, или, точнее, арабо-сирийским (л. 99) и одновременно считая ее построенною на октахорде (л. 109)⁹.

⁹ Примечание на л. 109, трактующее мелодию стиха о «Егории Храбром», полное опечаток (как 'впрочем' и вся книга о. Металлова), имеет в себе несколько утверждений, против которых можно и должно возражать, частью же возражает и сам автор, ссылаясь на свои «дальнейшие соображения о «согласиях» знаменного роспева». Эти «соображения» действительно находятся на л. 307 труда о. Металлова. Переводя, согласно его указанию, мелодию стиха в пределы обиходного звукоряда и пополняя здесь пропущенный о. Металловым второй такт этой мелодии, мы получим (сравни «40 народных песен, собранных Т. И. Филипповым и гармонизованных Н. А. Римским-Корсаковым», л. 13, № 39):

Автор, однако, как бы чувствует шаткость своих предположений и дважды (л. 108) оговаривается, что в них «нет ничего невозможного». Но манера автора настойчиво повторять свои предположения, постепенно убавляя в них невозможное, вовсе не ведет читателя к убеждению в правдивости повторяемого, а уверяет только в непрременном желании автора убедить в возможности того, в чем «нет ничего невозможного». В частности, например, более чем мало говорящие «концы Царяграда и Иерусалима» повторены зачем-то опять на л. 128.

Возвращаясь после обозрения содержания этой главы, невольно хочется спросить автора: в каком смысле употреблены им слова «своеобразная музыкальная система», значащиеся в заголовке этой главы (л. 94)?

Глава шестая (л. 110—131) трактует о *факторах, обусловивших происхождение русского богослужебного пения и его семиографии*. Эта глава в сущности заключает в себе, в качестве итогов всего предыдущего, выводы автора, заканчивающего ими первую часть всего труда.

Глава начинается выяснением того, что в первую пору христианства на Руси греки, занимая у нас только высшие духовные должности, не зная русского языка, объяснялись через переводчиков (л. 110—112 и 33), а низшее духовенство было либо болгарское, либо русское. Поэтому понятны только следы греческого языка в нашем богослужении, как уступка славянского клира высшей греческой иерархии. Автор утверждает также (*ibid.*), что славянская иерархия (то есть низшее духовенство) могла дать русским не иные богослужебные напевы и весь чин пения, как тоже славянские. Указав затем на отсутствие славянских певческих книг этой поры и вспоминая указания Студийского устава на хирономию (л. 114, ср. 64, равно и далее л. 159—160), автор утверждает, что «на вопрос, что могли петь первоначально новопросвещенные славянские христиане при своем богослужении, может быть дан только один ответ: греческие богослужебные напевы, первоначально с текстом греческим или же смешанным греко-славянским, а затем, со времени Кирилла и Мефодия (около 864 г.) — с одним текстом славянским» (л. 114). Автор предполагает затем, что и сами греческие напевы в указываемую пору (как до нее, так и несколько после нее) находились еще «в процессе образования, не установившимися окончательно и не записанными в семиографических певческих

Что этот пример (полагая, согласно с о. Металловым, мезу *фа* за тонику) не заключает в себе октахорда — более чем очевидно; что здесь налицо три смежных трихорда: *фа соль ля* — в первых пяти тактах, *ля си до* в шестом и *ре ми фа* в седьмом такте — также вполне очевидно.

знаках, которые появляются в письмени только (?) в IX—X веках, дотоле существуя только (?) в хирономической певческой практике, в системе подвижной, изменчивой, неустойчивой, и, следовательно, в самой певческой практике певцов греческих эти напевы не могли оставаться неизменными в течение двух-трех веков» (114—115). Повторив затем свое мнение о даровитости славян (ср. 104), автор повторяет (ср. л. 115 и 45, 38) и мнение о достоинстве тех напевов греческих, которые могли быть получены нами «в переработанном виде, национализированном на славянский лад, измененном в мелодии и ритме». Затем (л. 11): «Вековой период времени с своей стороны не мог не наложить печати русского влияния на эти греческие, уже славянизированные напевы». Но это не были византийские придворные и патриаршие напевы — изысканные, замысловатые, светски-песенные (ср. 103, 79, 58), а напевы простые, общедоступные, известные массам, вроде «кирие элеисон», согласно петого народом при перенесении мощей Бориса и Глеба, или пения звенигородцев в 1146 году, или пения воинов Изяслава в 1151 году (ср. 116 и 34 — 35).

Все эти соображения, конечно, легко допустимы, и следующий затем разбор свидетельства Степенной книги (л. 117) о прибытии при князе Ярославле трех греческих певцов, по-видимому, очень удобно планирует картину всех родов пения в древней Руси.

Автор, невзирая на трехвековое запоздание певческой терминологии Степенной книги, на самые очевидные недочеты в ее характеристиках, все-таки устанавливает новое понимание этого свидетельства сообразно с грамматическим смыслом и логическим значением: «ангелоподобное пение» — общая будто бы характеристика искусства, начатого у нас прибывшими при Ярославле греками, к которой относятся части того пения: 1) «изрядное осмогласие», а при нем («наипаче же») — «трисоставное сладкогласование» и 2) «самое красное демественное пение» (примечание на л. 117).

Это толкование свидетельства Степенной книги мотивируется затем весьма подробно и сводится к следующему.

Осмогласие существовало у нас на Руси и до прибытия трех греческих певцов при князе Ярославле, ибо без осмогласия немислимо и богослужение. «Изрядное осмогласие», принесенное теми певцами, было не новость — это было обычно-употребляемое простое, гласовое пение.

«Трисоставное сладкогласование» не есть хоровое пение, как грубо ошибочно думали о нем некоторые, и в качестве хорового искусства не могло быть передано греками русским потому, что у самих греков

хорового пения не было. «Что это за трисоставное сладкогласование — вопрос спорный, решаемый специалистами различно», — говорит автор (л. 118) и высказывает свое мнение только в примечании к этому положению, говоря о «трисоставном» пении как о составлявшемся по трем системам, из трех диатонических тетрахордов.

Таким трехсистемным пением автор считает наше осмогласие *большого* знаменного роспева, именно «изрядное осмогласие», устроенное у нас греками в противовес осмогласию неизрядному, не устроенному систематически и по крюковой семиографии, в противовес пению обычному, исполнявшемуся на память и по хирономическим знакам. Если это верно, тогда другое искусство, «самое красное демественное пение, начатое у нас греками, будет соответствовать прежнему кондакарному, не¹⁰ прежнему византийскому (л. 119), а нынешнему не подлинно церковному — свободным композициям на церковные тексты». Это, говорит автор, «самое красное демественное пение», излагаемое в Кондакарях большими знаками хирономическими, параллельно с малыми, и византийскими (?) мартириями, — и было, надо думать, «тем пением», в котором, продолжает автор (л. 119), «мы *вынуждаемся* видеть самые первые исторически засвидетельствованные, несомненные следы византийского пения, понимаемого в этом тесном его значении, как пения изысканного, свободного»¹¹. «Отсюда уже довольно ясно, какая доля участия принадлежала Византии в деле насаждения богослужебного православного пения в новопросвещенной Руси» (л. 120).

В дальнейшем изложении этой главы автор развивает с большею подробностью эти положения. Не указывая определенно и точно, что малый роспев есть обычное осмогласие, то есть неизрядное (а дело идет о большом роспеве), автор доказывает тождество «изрядного» и «трисоставного» следующим рассуждением (л. 120 и 121): «Трисоставное сладкогласование, или трехсистемное, мелодическое пение, изряд-

¹⁰ Это слово «не» — очевидно пропущено автором по корректурному недосмотру. Я тщетно искал указания этого пропуска в двух курьезнейше составленных списках «замеченных опечаток».

¹¹ Автор так увлекается этим положением, что ставит его даже в связь с уподобным периодом развития нашего хомового пения в XVI—XVII веках. Ссылка к этому положению (л. 120, в примечании) указывает на «рукопись, неизвестного автора, библиотека МДА (Горского), Мусикия» — без обозначения номера и листа. Эти выписки из рукописи, как мне удалось найти, относятся к «Мусикии» № 146 Московского Общества истории и древностей российских и находятся здесь на л. 3, 7, 45 и 46. Авторы этой «Мусикии» — диакон Коренев и Дилецкий.

ное осмогласие, семиографическое, совершенно неизвестно на Руси до Ярослава (XI века). Об его раннейшем существовании нет данных заключить и логическим, априорным путем, на основании соображений общего характера, тесно связанных с состоянием тогдашнего русского богослужения, ни одна из сторон которого не предполагает необходимого существования этого рода пения тогда на Руси, равно и с состоянием тогдашнего певческого дела и познаниями и опытностью тогдашних певцов, большею частью новичков в этом деле, для которых и певческая семиографическая, и музыкальная теоретическая системы должны были представляться областью непонятною, недоступною, по общей неподготовленности, особенно если принять во внимание, что с большим трудом доставалась эта наука даже и в византийских школах, где не каждый из учащихся был в состоянии осилить все семь свободных искусств и наук (средневековые *trivium-quadrivium*), нередко не в состоянии будучи добраться до ступеней высших (*quadrivium*), к которым принадлежала и музыка как отдел математики». Так как наши школы, по мнению автора, были слабы, безнаучны, учили только грамотности, так как школа и переписка книг более или менее основательно были поставлены только при Ярославе (ибо по Н. В. Волкову — едва ли можно утверждать, чтобы в X веке русские успели написать хоть одну книгу), то *ясно* (л. 122), что до Ярослава знание основ греческой музыки и семиографии отсутствовало и едва ли могло быть даже среди передовых русских людей; *ясно*, что прибывшими певцами положено первое начало крюкового пения на Руси; *понятно*, что у нас не было крюковых рукописей ранее XI века; *допустимо предположение*, что прибывшие певцы принесли с собою книги кондакарного знамени с греческим текстом, переведенные уже в Киеве на славянский язык; *возможно*, что прибывшие певцы прибыли уже с переведенными книгами; *вероятна мысль* («которой мы склонны держаться», говорит автор, л. 122) — что прибывшие певцы сами написали в Киеве наши певчие книги.

И ранее, и теперь я не разделял этих предположений по самой простой причине: мы не умеем еще читать ни греческих, ни русских знаменных и кондакарных рукописей; мы не можем пока судить ни меры их взаимных соотношений, ни меры их разностей, ни пределов собственно греческого искусства, ни пределов русского искусства. Все то, что по предположениям о Металлова ясно, понятно, допустимо, возможно, вероятно, — мне представляется несколько фактически не обоснованным и несколько не убедительным.

Автор, впрочем, сам сейчас же подрывает кажущуюся ценность своих предположений. «Какую систему принесли с собою эти три грека — остается неизвестным». И в самом деле: если она была «великой совершенной системой», то она не сохранилась у нас, и мы знаем господство у нас только «малой системы»; если видеть в «мартириях нашей кондакарной нотации» (совершенно не похожих графически на греческие) хотя какую-нибудь связь с византийской нотацией, то меня решительно удивляет, как о. Металлов не заметил и не дал должной цены тому, что именно в древнейшем «Уставе с Кондакарем», над которым он много работал (Синодальной типографии № 285), были систематически выскоблены и вытерты эти самые «мартирии».

Конечно, можно согласиться, что по отсутствию мартирий в нашем знаменном письме (не-кондакарном), по сходству наших знамен с греческими (не-византийскими), родство греческого и русского *нотописания* (а не мелодического состава) вполне близко и соответствует родству греческих и славянских буквенных алфавитов. Заключать же отсюда о родстве большем того, что дает самый простой факт, — мне представляется рискованным до поры прочтения надобных для уяснения дела певческих памятников.

Точно так же автор, спрашивая, что такое было принесенное греками «самое красное демественное пение», основательно отвечает (л. 124): «об этом ничего нельзя сказать за отсутствием каких бы ни было вещественных указаний в виде рукописей, отрывков их, *а также за неимением и внешних исторических свидетельств* о его исполнении, характере и певческих знаках, если только не хотим признать (?), что это пение не иное как наше кондакарное».

Такое предположение, сколько могу судить, могло возникнуть у автора только потому, что, принимая за верное утверждение Степенной книги, автор не может приурочить куда-либо кондакарное пение, *в ней не упоминаемое*, и вынужден объяснить «самое красное демественное пение» как будто бы бывшее в России в XI веке. Между тем, если принять во внимание, что в Степенной книге, приписываемой митрополитам Киприану († 1406) и Макарию († 1563), вполне легко могло быть пропущено упоминание о совершенно уже забытом искусстве (каково к этому времени кондакарное), — и было бы вполне трудно не упомянуть о якобы древности «самого красного демественного пения» (да еще от греков), бывшего в XV—XVI веках искусством и безусловно новым, и кровно русским, то шаткость запоздалого утверждения Степенной

книги и многих предположений, обоснованных на нем, становится очевидною.

О. Металлов основательно указывает (л. 125) на нынешнее демественное пение как известное даже около 1440 года и имеющее знаки чисто русского происхождения. Мне кажется затем, что автор, совершенно неосновательно утверждаясь на суждениях «Обличения неправды раскольнической» 1745 года¹², будто бы демественное пение «гласа не обозначает», столь же неосновательно заключает, что оно, следовательно, не связано какими-либо определенными мелодиями, строками и попевками, образуя «мелодию, ее характер, ритм, направление и движение совершенно по произволу, вкусу и желанию поющего» (л. 124—125). Автору нужно было бы хотя немного вникнуть в красоту даже современного демества, живого у старообрядцев, любимого и действительно прекрасного искусства, чтобы воздержаться от такой несправедливой характеристики и, тем более, перенести это на «самое красное демественное пение».

Но эта характеристика понадобилась автору, чтобы сблизить это пение с кондакарным, о котором будто бы (л. 124) «вернее всего думать, что хотя оно и исполнялось в пределах гласов, но было свободною импровизациею, как пение на исон, нередко (?) употребляемое у греков и донныне, и не имело точно определенных мелодических фигур-попевок».

Я смею думать, что такие утверждения совершенно неосновательны по следующим соображениям:

А) Если кондакарное пение было «свободною импровизациею» и даже «на исон», то в нотных знаках для такого искусства не было бы никакой надобности.

Б) Пения «на исон» ни у греков, ни у болгар, ни у сербов, ни у румын, то есть импровизации на тонику или доминанту какого-либо гласового звукоряда, совершенно нет и, думаю, не могло и быть. «Исон» есть аккомпанемент, гармоническая опора *данного напева*, совершенно

¹²«Обличение неправды раскольнической» (1745), как известно, принадлежит Феофилакту Лопатинскому и не может принадлежать, как то утверждает о. Металлов, протоиерею Андрею Иоаннову, как родившемуся только в 1751 году (см. статью «Журавлев — Андрей Иоаннов» в Энциклопедическом словаре, 23 полутом, стр. 52 и 51-й полутом, стр. 285). Ему, Андрею Иоаннову, принадлежит «Краткое» и затем полное «Историческое известие о раскольниках» (СПб., 1794). Интересно отметить, что в данном месте о. Металлов не отмечает страницы своей цитаты. Признаться следует и в том, что пора бы уж перестать ссылаться на подобные источники.

точно определенного и отнюдь не имеющего характера импровизации; сообразно этому и сам «исон» не есть какой-либо экспромт, но зависит от течения напева и указывается в его изложении так называемыми мартириями.

В) Совершенно не верно, будто бы «исон» и доньше и *нередко* употребляется у греков (как и у славян, и у румын, даже и у русских в Галиции). Исон в помощь протопсалту употребляется именно постоянно. Это есть мирская помощь певцу, а не руководство певцом, никогда не поющим никаких импровизаций, но исполняющим только данный напев.

Г) Утверждение автора, будто бы наше кондакарное пение «не имело точно определенных мелодических фигур-попевок», представляется мне преждевременным потому, что автор еще не разгадал кондакарную нотацию и не может пока судить не только о точной определенности, но даже и о каких бы ни было кондакарных попевках, с точки зрения построения их мелодий. С своей стороны позволю себе однако сказать, что, руководствуясь только начертаниями кондакарных знаков, руководствуясь их видимыми группировками, я положительно утверждаю и без всякого труда могу нагляднейшее доказать не только существование и систематическое нахождение отдельных знаков и целых их групп, но даже и рифмование строк в кондакарном пении и, следовательно (сообразно литературным формам текстов), и музыкальные формы кондакарных песнопений.

Эти находки мною были сделаны двояким способом. Я сопоставлял *одно и то же песнопение* в изложениях по всем пяти существующим кондакарям. Другое сопоставление производилось *для одной и той же данной формы*, но на разные тексты. Например, по форме кондака 3-го гласа «Дева днесь» мною были сопоставлены кондаки: 20 декабря св. Игнатию: «Святых ти подвиг», 9 февраля св. Никифору: «Възвысив ся славьне» (2 редакции), 21 мая св. Константину и Елене: «Елена любовьию ныне», 24 июля св. Борису и Глебу: «Въсия день» (4 редакции). Так как этих сопоставлений мною сделано достаточное число и, кроме того, сделано немало всякого рода иных наблюдений (о чем мною уже было заявлено гласно), то я полагаю, что мои утверждения покоятся на положительных фактах, а не предположениях.

По этим основаниям, а также ввиду того, что самая *область кондакарных текстов XII—XIII веков* весьма мало совпадает с областью деме-ственных текстов как XVI века, так и современных, я считаю, что предположение о. Металлова о возможности сближения кондакарного пения

с демественным на основании свидетельства Степенной книги — еще не может считаться научно доказанным.

В дальнейшем изложении разрабатывается вопрос о том (л. 125), кто были прибывшие певцы греки — византийцы или греко-сирийцы. Отмечу здесь лишь предположение автора, сделанное мимоходом, что, может быть (?), кроме вышеуказанных греков, греко-сирийское пение, шедшее через Афон, принесено к нам даже и преподобным Антонием Печерским (л. 127).

Глава эта, заканчивающая первую часть труда о. Металлова, заключается следующими двумя основными положениями (л. 130—131), которыми устанавливается в качестве выводов: 1) греко-восточный характер нашего знаменного пения и византийский характер пения кондакарного с его знаменем и 2) заимствование знаменного пения от славян и кондакарного из Византии — обоих при посредстве Афона. Эти положения не новы и, сколько думаю, не вызывали возражений и прежде. Весь интерес этой первой части, как предваряющей продолжение исследования во второй, следующей его части, должен заключаться в пригодности выработанных положений для освещения нашего певческого искусства в домонгольский его период.

Вторая часть исследования о. Металлова озаглавлена: «Русское церковное пение в домонгольский период».

Глава седьмая (л. 134—154) посвящена *обозрению исторических свидетельств о первоначальном русском церковном пении и певцах*. В начале главы автор подробно разбирает летописное указание о прибытии к нам с митрополитом Михаилом «демественников от славян». Правдоподобность этого известия подтверждается необходимостью таких певцов для тогдашней Руси. Автор подробно останавливается на выяснении того, что надобно подразумевать под словами «демественник» (или «деместник») и «доместик». Ввиду соображений проф. Разумовского (л. 135), проф. Голубинского (л. 136), византолога Васильевского (там же), митрополита Макария (л. 137) выясняется, что «демественники» — были несомненно и только певцы, а «доместики» — регенты, головщики; обращая же к греческому словопроизводству, автор толкует демественника как певца мирского простонародного, а доместика — как привилегированного, полномочного в храме, придворного (л. 139), причем последний состоял в чине иноческом и священном сане, как то было у нас на Руси. «Доместики» начинают забываться у нас к концу XII и началу XIII века, а под влиянием Иерусалимского устава в XIV веке вытесняется (л. 142) и само звание, обязанности которого переходят к канонархам и головщи-

кам. Между тем «демественники» продолжают неизменно существовать с древнейших времен и до позднейших. Ряд исторических свидетельств от XVII столетия, идя вглубь до XIII века, действительно подтверждает выводы автора (л. 143—144). Возвращаясь к «демественникам от славян», автор допускает также, что это были просто вольнонаемные мирские певцы, какими могли быть и пришедшие при греках «с роды своими» (л. 145). Автор видит наводящее подтверждение своей мысли о возможности певчих мирян (кроме дьячков и пономарей) и в оборотной стороне постановления Владимирского собора 1274 года относительно обязательности быть певцам за службу не иначе как в «белых ризцах».

Затем очень подробно исследуется, что такое был у нас «крылос», певчие дьяки и поддьяки. Автор весьма добросовестно рассмотрел все, как кажется, исторические по этой части свидетельства и приходит к решению о певческом характере «крылоса», за исключением одного темного указания на судебные пошлины, которые иногда выдавались клирошанам неизвестно за что (л. 153).

Сообразно вышеизложенному, получается вывод, что при самом начале жизни русской православной церкви у нас было: *пение демественное* (полуцерковное-полумирское) — в руках мирских певцов-демественников, бывших под управлением доместиков-регентов, и *пение истово-церковное* (богослужбное и осмогласное) — в руках клириков-дьячков с диаконами и попами, под управлением старейшин. Те и другие певцы, конечно, могли исполнять за службу оба рода русского церковно-певческого искусства.

Глава восьмая (л. 154—177) посвящена рассмотрению *данных для суждения о первоначальном русском церковном пении в области древнейших богослужбных уставов и певческих книг*. Глава начинается выяснением значения Киево-Печерского монастыря как центра, из которого распространился богослужбный чин и устав в применении к условиям русской жизни. То же самое укрепляется и относительно крюкового пения словами известного справщика XVII века Александра Мезенца, указывающего также на Киев, откуда пение дошло до Новгорода и затем распространилось по всей Руси (л. 154). Указав на слова Мезенца, что «скрытое и сократительное знамя учинено, снискано и прозвано русским за 400 лет» перед тем (то есть в XIII веке), автор утверждает (л. 155), что эти русские песнорачители и знаменотворцы были именно наши демественники и клирошане.

В церковном уставе патриарха Алексея, принесенном Ефремом (1065), наши монастыри и церкви могли получить, кроме обычных чинов

и студийских порядков, еще чины и порядки иерусалимские, афонские и константинопольские. Поэтому делается обзор надобных частных в наших более древних рукописных уставах. В Уставе Синодальной библиотеки № 330—380 указывается, что 29 июня полагается петь катавасию певчески *по хирономии*, а 11 ноября, в день памяти Феодора Студийского — *по хирономии же* и по 2-й кафизме (л. 160, ср. 114 и 64). Обращаясь к перемещениям, соединениям и чередованиям хором, равно и к приему пения по хирономии в особо торжественных случаях, автор говорит, что *не имеется указаний на исполнение у нас этих певческих обычаев*. В уставе XIV века Иерусалимской редакции еще сохраняются обычаи соединяться хорам, «но хирономия окончательно уже исчезает и заменяется крюковой семиографией» (л. 161). Вообще же автор заключает, что по требованиям господствовавшего у нас Студийского устава установились у нас и клиросы, и хоры певцов. Правила устава по певческой части на первое время не оставались мертвою буквою, но частности этих правил прививались на Руси все-таки плохо, слабели и вскоре исчезли до того, что остались неясные воспоминания даже о их подлинном значении (л. 162). Период редактирования этого устава определяется между 1043 и 1087 годами, когда, по мнению автора, еще господствовала хирономия и не было распространено пение по крюкам; к этому же уставу относится утверждение у нас как обычного осмогласия, так и пения по хирономии (л. 163).

Другой древнейший экземпляр Студийско-Алексиевского устава есть рукопись Московской Синодальной типографии № 206—142. Этот устав немного позднее, но еще XI века, и уже не упоминает о хирономии, как бы оставленной, и имеет много песнопений с крюковыми и кондакарными нотами. Автор предполагает, однако, что, судя по обыкновенному и растянутому письму рукописи, славянский переводчик имел в оригинале только обычный текст и потом уже вторично писал, приравливая к певческим знакам хирономическим. «Следовательно (?), — утверждает автор, — певческие знаки внесены уже славянским переписчиком или другим лицом, сотрудничавшим ему в письме певческих знаков, но не стояли они в оригинале греческом» (л. 164). Таким соображением за эту рукописью зачем-то и почему-то утверждается значение документа первичного по времени и по составу¹³. Это дает повод автору к повторе-

¹³ Несколько ниже автор уже прямо говорит (л. 166): «Русские впервые узнали о кондакарном знамени из славянского списка Устава, ныне Типографской библиотеки; не невероятно здесь и то предположение, что знамя писано в Уставе если не самими певчими греками, то под их руководством ближайшими их учениками» (?).

нию ранее высказанных им предположений о родстве нашей кондакарной нотации с византийской. Прибавляется лишь новое предположение о том, что особенности и отличия никак не могли быть *приобретены* на Руси. На свой вопрос: где же? автор дает весьма характерный ответ, стоящий приведения полностью (л. 165): «Возможно единственное и весьма вероятное (?) предположение, что наше кондакарное знамя разработано на Афоне певцами, стекавшимися туда отовсюду, а более всего из Византии, Сирии, Армении, Египта, а отчасти из латинских и славянских земель, и разработано на почве или на основе византийской семиографии, но под преимущественным сильным влиянием Востока, а особенно Сирии». Несколько строк ниже автор справедливо добавляет: «нигде в Европе нет этого знамени, кроме Руси».

Обращаясь к крюковому тексту того же Типографского Устава, автор вновь повторяет свои утверждения о «полном сходстве» (?) этих крюков с древнейше-греческими и, считая, очевидно, «доказанным» это полное сходство, прямо утверждает (л. 167), что «прибытие трех греческих певцов было у нас началом организации богослужебно-певческого дела не только практической, но и теоретической, систематической, в отношении хирономии, кондакарного знамени и греко-сирийской семиографии». Признаюсь, я не решился бы на такие категорические утверждения до тех пор, пока мы хоть сколько-нибудь не изучили бы мелодий и нотаций этой рукописи, к сожалению, совершенно еще не читаемых никем. Все косвенные доказательства, которых так много у о. Металлова, которым он пытается придать коллективно-значительную силу, совершенно напоминают собою бесполезное остроумие старых египтологов, удивлявшее всех в свое время и совершенно забытое после находки ключа к чтению иероглифов в известном Розетском камне. О. Металлов, несомненно, изучил свою область до мелочей и часто пользуется ими для усиления вероятности своих предположений, даже в степени, возможной вызвать улыбку. Например, трактуя далее о рассматриваемом Типографском Уставе, в его кондакарной части, он отмечает даже следующее (л. 187): «Замечательно (?), что в то время как в Кондакаре Благовещенском на ноябрьскую память св. Феодора Студита сказано: “в **аі** св. Феодора Студска”, — в Типографском Уставе: “**сѣть днь св. Феодора Стоудинскаго**”, чем отмечается особое уважение к памяти преподобного, что могло быть только в раннейшее время на Руси и более всего в Киеве, в Киево-Печерском монастыре», и т. п. Невольно хочется спросить автора: какой оттенок он увидел бы в Троицком Лаврском Кондакаре

(л. 21), читая заглавие: «в тѣ же днь Феодора игоумена Студиска», — и считая почему-то, что этот Лаврский Кондакаръ (л. 222) «стоит совершенно особняком».

Я позволил себе это небольшое отступление именно потому, чтобы уважительно отнестись к мере изучения о. Металловым материалов для написания своего труда и отрицательно отнестись к множеству совершенно ненадобных и малообоснованных предположений.

Дальнейшее обозрение касается более древних крюковых рукописей, к которым «неосновательно»¹⁴ причисляют Нижегородский Благовещенский Кондакаръ Императорской Публичной библиотеки, Праздничную Минею на сентябрь, октябрь, ноябрь и Постную Триодь Новгородской Софийской библиотеки Санкт-Петербургской Духовной академии. Но описаны из них только первая и третья, вторая же рукопись помещена много далее, через главу, почти на предпоследнем месте (стр. 218).

Обозрение Благовещенского Кондакаря (л. 171—176) сделано весьма подробно и основательно, сообразно с целями автора. Академическая Триодь (л. 176) обозрена совершенно кратко¹⁵.

Но в обозрении Благовещенского Кондакаря допущен, по-моему, весьма существенный пропуск, указание на который должно весьма ослабить значение предположений автора. Я говорю о том, что в нотописаниях Благовещенского Кондакаря замечается еще одна нотация, о которой автор почему-то не упоминает. Указываю для того, как на несомненный факт, на стр. 129 рукописи, где имеется текст 8-го гласа: «О владычице миру заступнице». Я нисколько не спорю с о. Металловым об основательности или сомнительности его разверстки древних родов пения по рубрикам свидетельства Степенной книги. Прилагаю при сем 4 фотографических снимка из Благовещенского Кондакаря, в которых с совершенною ясностью видны не два рода древнерусских напевов и их нотаций, а четыре их рода. Если даже принять без возражений, согласно предположениям автора, что (например ср. л. 119) «самое красное демественное пение» есть

¹⁴ Эта ошибка (л. 171) не указана в обоих списках опечаток, хотя незначительная опечатка на этой же странице «кондакаря» дважды указана в первом списке. Поразительная небрежность обоих списков, как и вообще корректуры всей книги, чрезвычайно обесценивает труд о. Металлова. Например, очевидно новый параграф в рассматриваемом месте даже не начат с новой строки. То же на стр. 176, 186, 198, 203, 204, 205, 211, 214 и др.

¹⁵ Позволю себе заметить здесь, что эта рукопись не есть именно то, что называется «триодью», а есть только «стихирарь», и притом не из одной Постной Триоди, а из обеих, то есть и из Постной, и из Цветной.

именно кондакарное, а в «трисоставном сладкогласовании» (оно же и «изрядное осмогласие») — следует видеть большой знаменый роспев в его древней форме, к которому будто бы примыкает и обычное того времени повседневное осмогласие, родственное с пением «на подобен», то следующие два снимка, несомненно, суть образцы нотации кондакарной и, пожалуй, «изрядного осмогласия» или «трисоставного сладкогласования».

В этом примере — кондак «Воинство възхытилъ еси» на 10 ноября «**с̄тго Мины и иже с ним**», 4-го гласа (на подобен «Явися днесъ») и начало кондака на 11 ноября «**с̄втго Феодора Стоудиска**», 2-го гласа (на подобен «Вышних»). Нотация кондакарная, сходная (предположим) с «демественной». Лист рукописи 17-й.

В этом примере — 11-я утренняя евангельская стихира 8-го гласа «Являя себя оученикомъ», нотация знаменная — предположим, «изрядного осмогласия» или «трисоставного сладкогласования». Лист рукописи 128 об.

В этом примере, составляющем продолжение стихир 8-го гласа «Яко инъгда гавриль къ деве радость приношаше», нарочно выбрано песнопение именно 8-го гласа, чтобы сопоставить его простую нотацию с предыдущей — также 8-го гласа, но с очевидно более сложную «трисоставную» нотацию. Предположим даже, что этот третий пример есть образец того обычного повседневно осмогласия, без которого и самое богослужение было бы невозможно (лист рукописи — 130).

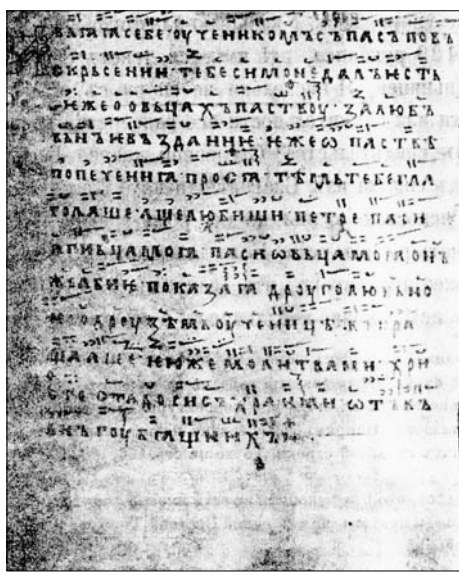
Что же представляет собою пример «О владычице миру заступнице» с совершенно особыми змицами, стрелой, пси и проч., с рядами слогов не нотированными, хотя и с ясными кулизмами. Не есть ли это очевидный пример четвертой системы нотации? Лист рукописи — 129.

Одна постановка такого вопроса свидетельствует о сущей необходимости для ясности дела сравнения греческих нотных редакций с редакциями русскими. Между тем это сравнение, напрашивающееся само собою, именно и не сделано о. Металловым, так как он предпочел лучше высказаться рядами предположений и их повторениями по всякому удобному для него случаю.

С другой стороны, одни только «таблицы», приложенные к сочинению о. Металлова, указывают из греческого пения 4 полных стихир, два начала стихир и 28 ирмосов, притом же и разных гласов. Казалось бы, что сравнение их редакций с русскими изложениями XII, XIII и XIV веков было бы для о. Металлова обязательно и неизбежно надобно, — а именно этого сравнения и не было сделано. Я полагаю, что уже один распоря-

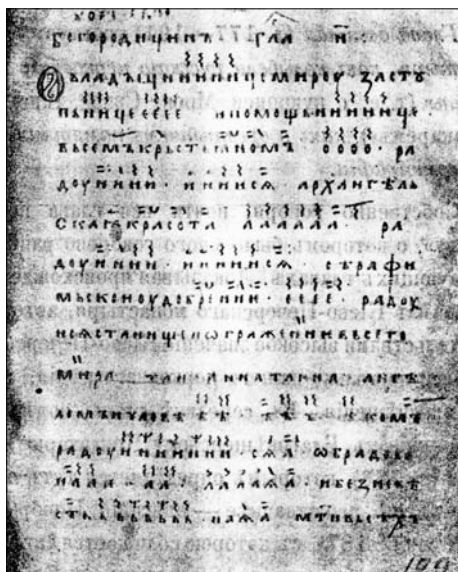
Л. 17

Л. 128 об.

Л. 130

Л. 129

док «од» в таблицах III—VI из Есфигменского Ирмолога, сопоставленный с порядком ирмосов в русских Ирмологах и, особенно, с бесчисленными канонами, например в 10-ти месячных Минеях (Синодальной библиотеки № 159—168), над которыми труд автора несомненно был, мог бы подвинуть его к мысли о надобности прояснения здесь хотя бы доли самостоятельности русского искусства. Книги эти были в руках о. Металлова, — но работы, к полному сожалению, сделано не было.

Глава девятая (л. 177—191) трактует о Киве и Киве-Печерском монастыре как колыбели русского церковного пения и о «Типографском Уставе» (то есть о рукописи Московской Синодальной типографии № 285: «Устав с Кондакарем») как о древнейшем памятнике русского церковного пения и его семиографии.

Собственно говоря, почти вся глава посвящена тому же самому Уставу, о котором было много говорено ранее и много же говорится в последующих главах. Доказывая происхождение этого Устава из Кива и даже из Киве-Печерского монастыря, автор утверждает и другими свидетельствами высокое значение Киве-Печерского монастыря именно как колыбели не только нашего церковного пения, но и вообще нашего духовного просвещения. В середине главы помещено довольно неожиданное возвращение к Благовещенскому Кондакарю и Академической Софийской Триоди (л. 186), которым определяется тут их новгородское происхождение, и еще неожиданное — описание ноябрьской Минеи Типографской библиотеки (л. 187), с которою сближается автором Типографский Устав. Последний сближается (л. 188) затем с Благовещенским Кондакарем, давая массу очень ценных указаний, свидетельствующих о самом подробном изучении автором этих рукописей.

Глава десятая (л. 191—225) посвящена обозрению богослужебных певческих книг XII и XIII веков как материала для суждения о состоянии русского церковного пения в домонгольский период.

Эта глава представляется мне едва ли не самую важную в сочинении о. Металлова. К сожалению, изложение ее производит впечатление бывшей массы труда и не отделанной работы.

Глава начинается продолжением бывших рассуждений о Типографском Уставе, в пользу киевского происхождения которого приводятся новые доводы.

Обозрение рукописей начинается в низу л. 182 со *Стихиаря Синодальной библиотеки № 279*. По алфавитной классификации рукописей, сделанной автором (далее на л. 226), эта рукопись указана под литерою Л.

Кроме массы всякого рода замечаний об этой рукописи в обзоре, заслуживают внимания сопоставления служб Борису и Глебу в разных рукописях (л. 195) и ряд остроумных доводов, приводящих автора к заключению о происхождении этой рукописи из Смоленска.

На л. 198 (внизу) начато очень краткое обозрение *Стихиаря Типографской библиотеки № 96* (по классификации на л. 226 — литера А).

На л. 199 (вверху) начато обозрение *Стихиаря Месячного Синодальной библиотеки № 572* (по классификации автора на л. 226 — литера И). Здесь интересны данные о службе преподобному Феодосию и новые замечания о службе Борису и Глебу.

На л. 203 (вверху) имеется краткая характеристика *Стихиаря Типографской библиотеки № 152* (по классификации автора — литера К), кончающаяся вероятным предположением о происхождении рукописи из Владимира.

На л. 204 (вверху) начато совместное описание *Стихиаря Типографской библиотеки № 145* (по классификации — литера Г).

В середине л. 205 начато обозрение *Стихиаря Синодальной библиотеки № 589* (по классификации — литера Ж).

На л. 206 (внизу) — обозрение *Стихиаря Типографской библиотеки № 151* (по классификации — литера И), в котором, как и в предыдущем, отмечено вкрапление кондакарных знаков среди знаменных (ср. также л. 213 и 222).

На л. 207 — описание *Стихиаря Императорской Публичной библиотеки*, Толст., отд. Q (а не O), п. 1, № 15 — того самого, из которого приложены снимки № 8 и № 9 в конце книги (по классификации — литера Б). При всем желании поверить доводам о. Металлова (л. 209, также 222), я не убедился в значении термина «гласъ тяжкъ» для указания на отражение восточного греко-сирийского (или греко-финикийского) влияния¹⁶; равным образом мне представляется преувеличенным значение рисунка руки — как будто хирономического знака. При скудости данных о хирономии вообще, как у нас, так и греков, случайный рисунок при знаменном письме на той же странице (следовательно, нет нужды в хирономическом

¹⁶ Я объясняю себе это означение случайным желанием писца указать о том, что он знал о прозвании греками своего 7-го гласа «тяжким». Четыре экземпляра именно этой стихиры «Приинкнуд еси к глоубины доуховьныя», найденные мною в рукописях Синодальной библиотеки № 279, л. 49, № 589, л. 44 об., Типографской библиотеки № 151, л. 42 и в Погодинском Стихиаре № 45, л. 36, означены совершенно обычно «гласъ **З**», так же как и сотни других песнопений того же седьмого гласа.

указании) представляется мне не более как забавою писца, может быть и позднейшего.

На л. 211 (в середине) начато описание *Стихиаря Софийской библиотеки Санкт-Петербургской Духовной академии № 384* (по классификации — литера Земля).

На л. 213 — обозрение *Триоди Постной* (именно — Стихиарь Постный) *Типографской библиотеки № 148* (по классификации — литера Зело).

На л. 214 — обозрение *Триодей Синодальной библиотеки № 423 и 278*¹⁷ (по классификации — литеры И и М).

На л. 214 — обозрение *Ирмологов Типографской библиотеки № 149 и № 150* (по классификации — литеры О и П).

На том же листе — обозрение *10-ти книг Миней Синодальной библиотеки (без марта, июля) № 159—168* (по классификации — литера Р). К удивлению — это обозрение более чем кратко.

На л. 216 (внизу) — начато обозрение *Воскресенского Новоиерусалимского Ирмолога № 28* (по классификации — литера Т).

На л. 218 — обозрение *Триоди того же Воскресенского монастыря* (по классификации — литера С).

На том же л. 217 — обозрение *Праздничной Минеи Императорской Публичной библиотеки*, Отд. Q. 1 (а не О), п. 12, по классификации — литера У. К указаниям о Металлова я прибавил бы, что после-приписные знамена в этой рукописи сделаны разными писцами, например, на л. 2, 24, 44, 110, 168.

На л. 220 — обозрение *Стихиаря Академии наук № 74*¹⁸ (по классификации — литера Ф).

На л. 222 — обозрение *Лаврского Кондакаря* (то есть Троице-Сергиевой Лавры) № 23 (по классификации — литера Н).

На л. 223 — обозрение *Успенского Кондакаря* (то есть бывшего в Московском Успенском Соборе под № 9, ныне в Синодальной библиотеке без особого номера, по классификации — литера Х).

¹⁷ «№ 423» есть, по всей вероятности, та самая Триодь Постная, которая обычно известна под № 319 и есть начало той превосходной Цветной Триоди, которая описана у архимандрита Амфилохия под № 27. Эти две великолепные рукописи суть «брат и сестра», две части одного экземпляра, только последняя хранилась в Воскресенском монастыре. «№ 278» — есть не Триодь, а Стихиарь Постный, уцелевший лишь на половину своего содержания.

¹⁸ Точный номер этой рукописи есть «34. 7. 6».

На л. 224 — обозрение *Кондакаря Синодальной библиотеки № 777* (по классификации — литера Ц). К указаниям о. Металлова я прибавил бы описание л. 109 этой рукописи. На этой странице вновь написаны по выскобленному пергамену кондакарные знаки к тексту «Ядый и пияй мою кровь», и письмо может быть отнесено (если допустить, что встречающиеся по одному разу буквы **га** и **ке** архаизированы переписчиком) даже к XV веку, то есть ко времени наипозднейшего кондакарного письма, о котором в науке заявлено еще не было.

В этом порядке обозрения рукописей я не мог уловить какой-либо системы. Одни рукописи были обозрены еще в 8-й главе, почти все остальные в 10-й, частью в 9-й. Меня удивило, что у автора нет указания еще двух важнейших московских рукописей Синодальной библиотеки, а именно Триоди Постной XII века № 319¹⁹ и Стихираря Московского Успенского собора № 8 XII—XIII веков (по указателю Н. В. Волкова № 361 и 370). Судя по почтенному характеру всего труда о. Металлова, эти рукописи не могли не быть много раз в его руках, но упоминания о них почему-то не сделано.

Глава одиннадцатая (л. 225—243) посвящена *классификации русских певческих рукописей по месту и времени их происхождения, в целях уяснения путей распространения и моментов развития русского церковного пения*. В этой же главе — вновь имеются рассуждения и о пении кондакарном, как и о хирономии. Глава начинается последовательно хронологической росписью тех рукописей, которые были рассмотрены в предыдущих главах без какого-либо порядка. Кроме хронологии здесь (л. 226—227) устанавливаются и места написания рукописей. Географический план оказывается вполне совпадающим с указаниями старца Александра Мезенца²⁰. Оказывается (л. 226), что наиболее древние рукописи падают на Киев и ближайшие к нему области, как Переяславская, частью на Новгород; средние рукописи — на Новгородскую области, затем на Суздальскую, Смоленскую, Владимирскую области и, наконец, вообще на север тогдашней Руси. Младшие рукописи — Стихирарь Академии наук № 74 и оба Синодальных Кондакаря (№ 777 и Успенского Собора № 9) прямо отнесены именно к северу Руси.

¹⁹ Если только эта рукопись не есть именно та самая, которая указывается автором под «№ 423».

²⁰ См. л. 154: «По неколиких же летех от Киева сие пение и знамя некими люборачители принесеса до великого Новаграда. От великого же Новаграда распростреса и умножися толиким долговременьством сего пения учение во вся грады и монастыри» и проч.

Упомянув о нашествиях и о пожарах как о причинах малого числа дошедших до нас памятников, автор с помощью повторений сказанного устанавливает моменты развития русского церковного пения. Эти повторения можно было бы пропустить в настоящем отзыве, если бы они не представляли собою дальнейшего развития доказательств с помощью так сказать *terminus repetitionis*, к которому прибавляются и новые мысли.

Автор задает вопрос (л. 228): «Итак, что же нам дает, для уяснения вопроса о происхождении, сущности и характере русского церковного пения и его крюковой семиографии, обозрение богослужбных певческих рукописей в домонгольский период истории русской церкви?»

Ответ дается такой: по бывшему у нас Студийскому уставу существовало два рода пения: хирономическое («воздушного письма») и симадийное — по книгам; было и пение на слух (на подобен осмогласию), передававшееся традиционно.

Упоминание о хирономии есть только в синодальном экземпляре Устава XI века. В этой же рукописи не содержится указаний на певческое письмо. В Типографском же экземпляре Устава (который моложе на 50—75 лет) нет указаний на хирономию и прямо имеются ноты.

Сторонний эпизод: есть основание полагать, что хирономия существовала у нас «в размерах скромных» (л. 229), что «средневековая Гвидоновская рука» может считаться отголоском хирономии и что рисунок руки, приводимый в приложенном снимке № VIII, — также относится к хирономии. Но находится также и еще следующее: «Мы знаем (?), что (л. 230) демественное пение в древности было изустное, на слух под управлением доместиков, по хирономии. Певческих знаков этого пения история нам не указывает; поэтому (?), по всей вероятности, и для демественного пения была хирономия, и хирономия, очевидно, греческая, или греко-славянская, или точнее (?) греко-славяно-русская» (л. 230).

Автор справедливейше заканчивает это «мы знаем» словами: «Какова же была эта хирономия, определенно нам неизвестно» (л. 231).

Несмотря на это, считая, что «вероятность лучше простой неизвестности», автор склоняется к тому, что наше кондакарное знамя есть запись хирономии византийской, по нашему же демественной.

Так как последняя хирономия оказалась вскоре забытою на Руси, то славяно-русская хирономия (признания которой автор, очевидно, добивается во что бы ни стало во всех родах пения, в том числе, особенно, в знаменном) «нашла себе все-таки (л. 232) широкое распространение в русском церковно-певческом клиросе, образовав собою своеобраз-

ную богатейшую, остроумную и плодотворную в деле певческом систему знаменной крюковой семиографии, внушительными и красноречивыми памятниками которой остаются с XII века и доселе многочисленные и разнообразные крюковые рукописи за все истекшие века». Но автор, очевидно, сознает свое увлечение и прибавляет (л. 233): «Что такое была хирономия до занесения ее знаков на пергамен, та ли это была система певческих знаков, которые мы теперь видим в крюковых рукописях или она была проще, понятнее и нагляднее — установить это точно мы не в состоянии».

Повторив эти положения еще раз на л. 234, автор останавливается на том значении, которое могло бы иметь совместное нахождение обеих нотаций в Типографском Уставе и Благовещенском Кондакаре. Равноправность нотаций особенно выразительна в антифонах и указывает на общий им, единый источник их происхождения, именно — с греко-сирийского Востока (л. 235); но кондакарная семиография указывает на более торжественные моменты в пении, знаменная же нотация относится к более простым напевам. Не забыты здесь и вкрапления кондакарных строк, замечаемых в стихирах русским святым²¹ (л. 237). Дальнейшее изложение есть повторение многого сказанного прежде.

Глава двенадцатая (л. 243—257) трактует *русское знаменное пение в связи с кондакарным пением, хирономией и семиографией византийской и греко-сирийской*; здесь же — *о литургических и певческих особенностях русского знаменного пения по крюковым рукописям домонгольского периода*.

В связи с прежними предположениями «в качестве восполнения *может быть привнесена* (?) та мысль, что старая греко-сирийская есть первоначальная, из которой развилась хирономия кондакарная византийская и хирономия знаменная славяно-русская» (л. 243).

²¹ Мнение о. Металлова о том, что кондакарные строки встречаются еще и в качестве вставок только в службах знаменных, составленных в честь русских святых, не может считаться окончательным. Множество кондакарных строк, особенно же в переводах их на обыкновенные знамена, хотя и с сохранением характерных текстовых прибавок, доказывают то, что вкрапления кондакарных мелодий в ряды знаменных были очень употребительны вообще. Например, в Цветной Триоди Новоерусалимского Воскресенского монастыря (Амфил. № 27, л. 191) имеется стихира троичная «Придите людие Трисоставному Божеству поклонимся» — со всеми кондакарными прибавками, хотя кондакарные знамена и заменены крюками обыкновенными.

Но раньше той и другой образовалась, не ранее X века, хирономия византийская, из которой постепенно развилась нынешняя греческая семиография, отличная и от кондакарной, и от знаменной.

Проследив еще раз, в связи с иными семиографиями, судьбу этой «иной византийской», автор заключает, что (л. 246) «Когда уже существовали на Востоке и Западе *системы семиографий* — греко-сирийская, византийская и латинская, в славянском, в славяно-русском мире вводилась только еще одна *певческая хирономия*, на основах греко-сирийской и византийской». При этом автор утверждает, что певческая семиография возникла только в среде русских певцов.

Понятно, что подобное утверждение требует прежде всего сравнительного прочтения русских и греческих памятников. Тем не менее автор предъясвляет (л. 247) схему родословий от просодийного письма IV—VII веков до наших семиографий XI—XIII веков. Схема эта, конечно, вполне вероятна и впервые составлена о. Металловым. Но она вся построена только на одних предположениях и потому, как документально не обоснованная, представляется мне еще не доказанною.

На вопрос (л. 247): «Что же мы можем уяснить в рассмотренных рукописях для уяснения собственно знаменного русского пения и его семиографии в домонгольский период?», автор отвечает, по объяснении многих подробностей, что пение по тем рукописям продолжалось до XV века, когда русскими были разработаны Октоих и Обиход (л. 250), равно и был развит большой знаменный распев и его семиография (л. 253). Дальнейшие объяснения автора выходят уже из поры домонгольского периода.

Глава тринадцатая (л. 257—273) трактует о *состоянии знаменного пения и его семиографии в период домонгольский в связи с средствами его уяснения*.

Это заглавие мало оправдывается в тексте статьи. Разделив историю нашего пения и его семиографии на периоды «домонгольский», «послемонгольский» и «великорусский», как «старый праворечный», «раздельноречный» (хомовой) и «новый праворечный», автор указывает на забвение нами значения древнейших знамен и на надобность сличения рукописей разных веков как на единственный способ раскрытия значения тех знамен (л. 258). Указав затем на значение Мезенца, делавшего такое сличение в XVII веке (л. 260), и на значение двознаменных рукописей (то есть с параллельным изложением певческого текста крюками и нотами) (л. 263), автор попутно выясняет множество интересных подробностей, не имеющих, собственно говоря, к домонгольскому периоду никакого отно-

шения. Подробности касаются, например, биографии старца Александра Мезенца (л. 261—262), русских певческих школ XVII—XVIII веков, сочинения инока Евфросина (л. 264), рассуждений автора о недостаточном значении археологических экскурсий в глубь старых систем и веков (л. 265) и т. п. В заключение автор высказывает взгляд на «сравнительное изучение рукописей XII—XIII веков».

Речь о втором «послемонгольском» периоде начата отличной характеристикой в низу л. 266. Характеристика «великорусского» периода также хороша и начата с последней строки на л. 267. Хороша и общая характеристика всего хода истории церковного пения в России, начатая изложением в низу л. 271. Но, как сказано мною выше, вся эта отличная глава, свидетельствующая о знаниях автора, в сущности не трактует о предмете, указанном в ее заглавии.

Глава четырнадцатая (л. 273—295) трактует о научном методе и приемах к уяснению знаменного пения и его семиографии в домонгольский период, о главнейших факторах образования знаменного роспева — пении по подобю, по кокизнику и — о фонетике языка. Глава начинается длинноватым, но обычным у о. Металлова периодом, в котором охарактеризован рекомендуемый им «двухсторонний метод» как историко-археологический (прогрессивный) и как индуктивно-практический (регрессивный), то есть в общем — «научно-ретроспективный». Автор говорит (л. 273): «Итак, путь изучения знаменного пения в этот важный для певческой науки и дела русского церковного пения, но и мало доступный период времени, домонгольский, есть путь тщательного анализа рукописей этого времени и сравнения их с рукописями ближайших к нему периодов, во-первых, послемонгольского, хомового, беспометного и беспризначного, во-вторых, праворечного, великорусского, пометного и призначного, это с одной стороны; с другой — путь аналогии, индукции и синтетических выводов от известного нам певческого материала, современных приемов пения и состояния семиографии к их искомому первоначальному существованию, исходя из данных нотной линии пения и затем безлинейной семиографии пометной и призначной и, сближаясь затем на почве пения хомового, беспризначного и беспометного, с его особыми приемами пения и семиографии.

Цель этого метода — с одной стороны, установление того “textus rescriptus” [“основного текста”], с которым можно было бы оперировать как с удобоприемлемым для всех периодов крюкового пения, а с другой стороны, установление того “cantus firmus”, который бы содержал в себе

первоначальную ткань напева, освобожденную от позднейших наслоений» (л. 274).

Трактуя весьма основательно о трудности установления «textus gesertus», автор указывает на бывшие у нас переработки текста в XVII веке и на свободное тогда же пользование попевокami в новых композициях (л. 277). Для выяснения трудности установления cantus firmus делается очень большой и основательный обзор «помет», «подобника» и «кокизника», равно и раздельноречного пения, или «хомонии». В этом обзоре автор, отлично знающий фактические данные, указал множество интересных подробностей. Но автор иногда и ошибается. Например (л. 292), автор говорит о каких-то обличениях хомового текста и пения у Мартемьяна Шестака в его «Слове избранном от божественных писаний». Я утверждаю, что в этом «Слове» нет и речи о хомонии и это «Слово» посвящено только вопросу о восстановлении у нас так называемого «единогласия». Ошибка автора, впрочем, извинительна до некоторой степени, так как здесь он, доверяя указаниям других авторов (как это бывает не с одним о. Металловым), не указывает страницу, то есть чтобы он сам читал то, чего, например, у Мартемьяна Шестака совершенно нет²².

Глава пятнадцатая (л. 295—315) посвящена старому учению о «согласии» как музыкально-теоретической основе осмогласия знаменного роспева. Глава эта есть украшение книги, свидетельствующее о тщательности труда и отличной эрудиции автора. Остановиваясь на теории древнерусских (XVII века) «согласий», то есть трихордов, автор остроумно доказывает не только вероятность их существования, но и непрременную надобность их в нашем пении домонгольского периода. Основание тому — русские теоретические трактаты (л. 297) по теории согласий и осмогласия (л. 298). Автор дополняет и доказывает то, что эта теория есть именно русская, оригинальная, резко отличающаяся от греческой.

Указывая на частичное сходство нашей системы с «малою совершенною», автор сближает ее с тою греко-арабо-сирийскою, о которой упоминалось выше (л. 99—101), и заключает потому (л. 303), что и наша система должна быть не похожа на византийскую, и затем, что (л. 370) наше знаменное осмогласие также достаточно подтверждается в своем строении по согласиям-трихордам.

²² «Слово» Мартемьяна Шестака, хотя и не полностью, но в весьма обширных выписках издано еще в 1904 году в № 155 «Памятников» Общества Любителей Древней Письменности.

Далее указывается ошибка авторов, доказывавших прежде (кн. Одоевский, Разумовский, Арнольд) существование будто бы в нашем осмогласии запутаннейшей византийской теории (л. 308). Автор, однако, почему-то сам не продолжает о возможной приложимости этой теории к тому кондакарно-демественному пению, о котором было им же сделано столь много всяких «вероятных» предположений.

Прекрасное выяснение учения о «среднем гласе» (л. 313—314) заключает эту интересную главу, написанную, несмотря на крайнюю специальность предмета, с достаточной доступностью.

Глава шестнадцатая (л. 316—334) трактует о *семиографии знаменного роспева в домонгольский период в связи ее со старой греческой и позднейшей великорусской.*

Глава начинается кратким обзором старо-знаменных азбук XV—XVI веков, так как от домонгольского периода до нас не дошло ни одной азбуки ни одной из нотаций. Ввиду того, что и у греков самое раннее руководство составлено только Кукузелем в XIII веке, автор справедливо заключает о том, что русские певцы удовольствовались изустным усвоением знамен и что для нас остается теперь единственный способ изучения домонгольских знамен, идя вглубь от рукописей XV века (л. 319).

Сравнивая, однако, домонгольскую нотацию с таковою же XV века, автор указывает, что из первой выбыло до 25-ти греческих знаков (из 80-ти) и столько же, если не более, новых, чисто русских прибавилось во второй. Указав затем на солидные изыскания О. Флейшера, автор соглашается, что теперь (л. 322) «мы можем составить себе полное, отчетливое представление о греческой певческой семиографии и музыкальной теории за время по крайней мере до XIV века и на основании этих данных уверенно судить о домонгольской певческой семиографии русской».

Автор делает и подсчет 15-ти знаков греческой семиографии для чтения нараспев. Говоря о несомненной принадлежности их большинства к знакам просодии и псалмодии²³, автор утверждает их певческое употре-

²³ Вопрос об употреблении при чтении нараспев славянских текстов по знакам, соответствующим греческим (см. таблицу 1), до сих пор вращался около единственного документа — так называемого Куприяновского листа из Евангелия XI века, хранящегося в Императорской Публичной библиотеке под № «F. n. I, № 58». Недавно мне удалось найти и снять 7 фотографий в Болгарской Народной библиотеке в Софии, рукопись № 47, в которой оказалась целая тетрадь XIII века, сербского списка с болгарского оригинала из Постной Триоди с такими же экфонетическими знаками. Недавно же, благодаря указанию академика А. И. Соболевского, те же экфонетические знаки были найдены мною на страницах (например,

бление в нашей домонгольской семиографии (л. 322—324). Рассматривая затем процесс сложения греческой семиографии (л. 325) и иной путь происхождения и образования семиографии русской домонгольского периода, автор указывает (л. 326), что «с XV века в русской семиографии произошла уже значительная нивелировка системы крюковых знаков, из коих часть знаков греческого происхождения отпала, а значительная часть образовалась вновь из существующих крюковых элементов». Я считаю это преобразование совершившимся несколько ранее, даже, может быть, вскоре после Владимирского собора 1274 года, и имею к тому основание в резкой разнице даже рукописей XIV века с более старейшими. Впрочем, это уже малая подробность. Главная сила этого факта в том, что читаемость наших рукописей, по мнению о. Металлова, простирается до XV века, а по-моему — даже и до XIV.

Автор отмечает и ценную семиографическую подробность в количествах употребления «добавочных точек» (л. 327). По его наблюдениям, многочисленные у нас точки, употребительные и в греко-сирийском письме, безусловно отсутствуют в византийском. Но это все-таки не ведет теперь автора к сближению последнего с нашим кондакарным, как трактуется о таком сближении автором несколько раз. Не менее ценно и указание автора на разницу нумерации гласов греческих и наших (л. 328), как и на ослабевшее у нас сходство парных сродно-музыкальных гласов. Ценна и параллель автора, проводимая им между нашим пением и богослужением, находимая и весьма совпадающая с указаниями профессора А. А. Дмитриевского на «периоды развития нашего богослужения».

Последние (331—334) страницы труда о. Металлова посвящены «заключению». Указав на действительно сделанное обозрение своего предмета со всех существенных сторон, насколько это было доступно, автор связывает свой труд с естественно ожидаемым его значением для обозрения русского церковно-певческого искусства в его послемонгольский период. Автор говорит, однако (л. 332), что хотя «для полноты обозрения предмета оставалось бы вскрыть певческое значение крюковых руко-

211 об.) Остромирова Евангелия. В последнее время вопрос о существовании *русских* экфонетических знаков, вероятно, расширится от нахождения непонятных еще знаков в трех Евангелиях XV и XVI веков, хранящихся в архиве Св. Синода под № 9, 24 и 55. Во всяком случае в статье И. В. Ягича «Рассуждения старины о русском языке» (Изд. 2. Отделение Академии Наук, том I, 1885—1895, на л. 383, 415, 426, 645 и др.) можно найти часть этих знаков, которым, как кажется, певческое значение присуще. Некоторая общность этих знаков с имеющимися в Болонской Псалтири (болгарской XII века), как кажется, несомненна.

писей», — «однако, полагая эту работу выходящую из рамок настоящего исследования», «мы ограничиваемся указанием научно-практического метода (ретроспективного) реставрации напева домонгольского периода». Конечно, автор глубоко прав, указывая на трудность такой реставрации, и менее прав, полагая, что далеко не одна церковь должна быть заинтересована рассматриваемым предметом и далеко не одно «расширение горизонта» есть потребность науки настоящего времени. Безусловно надобно, прежде всего, чтение памятников и утверждение по ним научных исследований на непреложных фактах, по возможности избегая предположений и укрепления вероятностей.

Последняя страница труда о. Металлова, написанная с глубокою правдивостью и прозорливостью, подтверждает только что сказанное.

Уже по порядку глав труда о. Металлова видно, как широко ставится им обозрение своего предмета. Рассмотренное сочинение представляло бы собою капитальный вклад в науку, если бы оно не было издано с непонятною и неизвинительною небрежностью. Известно, что о. Металлов далеко не молодой работник в науке и уже успел составить себе уважительное имя после целого ряда сочинений, из которых *три* уже были удостоены премий митрополита Макария. Непонятна и неизвинительна небрежность и издания, мера которой, несколько раз указанная выше, столь очевидна, столь характерна и в двух²⁴ крайне своеобразных списках опечаток. При чтении книги мною составлен третий список значительно большего числа опечаток, еще не указанных автором. Извинительна небрежность особенно потому, что множество опечаток имеется в примечаниях к тексту и очень затрудняет внимательное чтение. Существенно уменьшаются достоинства книги множеством совершенно не надобных повторений, разбросанных изложений, свидетельствующих как бы о торопливом приготовлении книги к выпуску в свет. Рецензенту, как и читателям, конечно нет никакого дела до причин, вызвавших столь неудовлетворительное напечатание книги, — они только платятся досадою на опечатки, лишними усилиями ума при усвоении неудобного расположения текста и лишнюю потерю времени при проверке примечаний к тексту.

²⁴ Второй список опечаток, составленный столь же удивительно по своей беспорядочности и небрежности, находится в экземплярах, поступивших в продажу только в недавнее время. Но и вне этого второго списка в книге осталась масса опечаток и ошибок всякого рода, особенно же в ссылках и в примечаниях, более же того в нерусских цитатах.

Тем не менее сочинение о. Металлова должно быть признано имеющим весьма значительную ценность как первый опыт сведения превеликого множества собранных им данных по ряду труднейших вопросов о древнерусском искусстве в связи его с первоисточниками. Автор иногда увлекается, но им же высказано и множество дельных соображений. Некоторые отделы, впервые разработанные в сочинении о. Металлова, составляют его неоспоримую заслугу. Но автор и серьезный труженик. Как ни спорны, на мой взгляд, некоторые из предположений и рассуждений о. Металлова, все же его доводы постоянно ставятся по-своему серьезно и научно. Как ни шатки, по моему мнению, некоторые конечные выводы автора по такому обширному предмету, все же они все составляют хорошо подведенные итоги несомненно большого и добросовестного труда. Автор не остановился в своей работе, не утратил ее, несмотря на очень большие, даже пока непреодолимые трудности предмета. Поэтому, смотря уважительно на труд о. Металлова, я считаю его несомненно заслуживающим одобрения и поощрения. Типографская неудовлетворительность издания и указанные выше недостатки содержания труда представляются мне, однако, столь важными в работах подобного рода, что я подал бы голос за возможность допущения этого сочинения к соисканию премии в новом его издании. Теперь одобрение и поощрение автора может быть справедливым лишь в приговоре почетного отзыва.

Текст печатается по единственному его изданию: Отчет Академии наук о 49-м присуждении наград графа Уварова. СПб., 1909. За свой отзыв Смоленский был удостоен Уваровской золотой медали. Поскольку автор не читал корректуры и местонахождение автографа неизвестно, в этом сложном, насыщенном археографическими подробностями тексте возможны неточности.

В письме к С. С. Волковой от 2 марта 1907 Смоленский говорит, что «чрезмерно занят» писанием рецензии на книгу В. М. Металлова; те же сведения повторяются 17 марта. К 1 апреля основная работа была закончена; в письме к Волковой от этого числа читаем:

Только сегодня я освободился, сдав наконец-то в Академию наук трудно доставшийся мне отзыв о сочинении о. Металлова. Пришлось очень много поработать по части справок, много перечитать нового, чтобы доразвить себя до возможности основательных рассуждений и спокойного, уверенного отзыва. Поэтому и не мог написать Вам, хотя и часто думал о Вас, прикидывая умом о том, как и где Вы заблагодарасудили обосноваться.

Рецензия вышла, сверх ожидания, довольно объемистая, заняв машинного письма около 14 листов, — смею думать, вышла и доступная, так как я старался избегнуть в ней всего архи-специального. Мой отзыв, по всей справедливости, весьма почтителен к труду и многосторонности взгляда о. Металлова, достаточно холоден ко всем его предположениям как фактически не обоснованным и безжалостно суров к невозможной небрежности издания, к массе самых нетерпимых опечаток в ссылках и цитатах. Достается и в «указаниях» о. Металлову таких его ссылок на сочинения других авторов, в которых нет приписываемых им речей или у которых совсем нет даже и таких сочинений. Впрочем, так ведь часто бывает со многими поющими с чужого голоса и берущими чужие суждения за доказанные только потому, что те суждения где-то были пропечатаны.

Но в общем — автор работал добросовестно, много и серьезно — потому, ввиду невозможной некорректности издания и местами совершенной его неотделанности — лишь почетный отзыв и приглашение представить на премию во втором исправленном и дополненном издании.

Последнее, конечно, по афонской части, которая опрокидывает добрую половину суждений о. Металлова. Но ведь «Афона» еще не было, когда писалась книга! «Афона», о котором лишь заявлено, — юридически нет даже и сейчас в общем для всех пользования. Понятно, что и нельзя ставить в вину то, о чем не знал автор, не знал и рецензент год тому назад.

РДМ. Т. VI, кн. 2. С. 288

В соответствии с последним выводом Смоленский 1 января 1908 отправил Металлову письмо об основных результатах работы его и Преображенского с афонскими и русскими рукописями (см. в разделе *Письма*). Труд Металлова переиздавался в 1912, и некоторая часть критики была в этом переиздании учтена.

С одной стороны, публикуемый текст дает ясное представление о позиции В. М. Металлова по основным вопросам древнейшего периода русского церковного пения, так как Смоленский в своей рецензии тщательно излагает основные положения труда о. Василия; с другой же стороны, текст дает, можно сказать, итоговое представление о позиции самого Смоленского по тем же вопросам: рецензия написана спустя несколько месяцев после возвращения экспедиции. Во всяком случае, эта рецензия является едва ли не последней крупной научной работой Степана Васильевича.

Антонин Преображенский

О сходстве русского музыкального письма с греческим в певчих рукописях XI—XII веков¹

Исследования по истории русского церковного пения признают несомненным, что древнейшее русское пение не имеет непосредственной зависимости от пения Греческой церкви, что русские приняли богослужбные книги, следовательно и певчие — от славян-болгар, и если можно говорить о греческом элементе в русском церковном пении, то лишь по отношению к внешней стороне дела, то есть о некоторых лишь начертаниях, некоторых певческих терминах, но никак не о греческих напевах в русской церкви. «Сличение греческого и знаменного роспева указывает только на различие их» — говорит по этому поводу старый авторитет, протоиерей Разумовский (стр. 155 «Истории»). Недавно появившееся специальное исследование о. Металлова о пении Русской церкви в домонгольский период также пытается разграничить влияние греко-сирийское и славянское в церковном нашем пении, отдавая преимущественное значение последнему. В сочинениях С. В. Смоленского проводится мысль даже о том, что русское церковное пение имеет полное право на предикат самостоятельности, национальности по своему происхождению и некоторым сторонам своего развития.

Если дело обстоит действительно так, то всякая страница греческой нотной рукописи должна была бы подтверждать лишь неоспоримость греко-славянского происхождений русских рукописей, или — в последнем случае — их полной оригинальности, и тогда количество подобных страниц для исследования было бы совершенно безразлично. Однако всем указанным положениям недостает решительности и законченности: они

¹ В более подробном изложении реферат этот был прочитан автором в собрании Императорского Общества любителей древней письменности 21 декабря 1907 года. — *Примечание первой публикации.*

являлись результатом догадок, более или менее необоснованных предположений и, как таковые, еще подлежат критической проверке. Для этой последней недоставало русским ученым материала в виде подлинных рукописей греческих или точных с них снимков. Когда в 60-х годах Севастьянов привез с Афона в Россию несколько снимков с Есфигменского Ирмолога, знаки которого показались ему похожими на русские, то едва ли это было не первое соприкосновение между подлежащими исследованию материалами. Как известно, в недавнее время мнение о русском происхождении этого памятника было решительно отклонено в статье г. Константина Пападопуло-Керамевса, который заявил, что ему известно несколько настоящих греческих рукописей с подобной русской нотацией, что несомненно существование двух систем греческой семиографии, из которых одна очень близка к знаменному письму, а другая действительно далека от него. Таким образом создалось положение, при котором исследовать подлинные памятники греческой семиографии было неизбежно.

Разумовский, преосвященный Порфирий Успенский, С. В. Смоленский и другие, все склонны были видеть в нотации этого памятника не прототип нашей знаменной нотации, а скорее загадочное перенесение на греческий текст русских крюков.

Обществом любителей древней письменности летом 1906 года была отправлена в славянские страны и на греческий Афон экспедиция со специальной целью собирания материалов для истории русского церковного пения, и я после некоторого ознакомления с ними — решаюсь сообщить несколько своих наблюдений и выводов по отношению к главному вопросу русской церковной певческой археологии — о происхождении русской знаменной семиографии и, вместе с тем, о зависимости знаменного роспева XI—XII веков от греческого древнейшего пения.

Считаю долгом предупредить, что все опыты с семиографией этого отдаленного времени не могли быть произведены *de cantu* или же *de audiu*, а возможны и производились лишь *de visu*.

Отношение между греческими и русскими знаменами характеризуется обыкновенно установлением сходства некоторых начертаний, а если прибавить к этому известные и раньше тождественные у греков и русских названия певческих знаков, то такими указаниями мы совершенно исчерпаем добытые доселе исследователями элементы искомого сходства. Сходство некоторых начертаний и заимствование некоторых терминов — и только. В моих опытах скоро, однако, такое незначительное совпадение должно было отступить на второй план; перед взором промелькнула

не одна сотня песнопений с греческими и русскими знаками, яснее обрисовалось устройство песнопений по строфам и вместе с тем известное постоянство в употреблении тех или других невматических формул. Такие двусторонние наблюдения родства в техническом устройстве музыкального изложения между греческими и славянскими песнопениями — давали уже значительное речательство, что при сравнении собственно самих напевов или их невматического рисунка мы будем иметь многообещающие русско-греческие параллели.

Немалое содействие в этих опытах оказало открытое Крестом в *Anthologia Graecarum* по отношению к греческим песнопениям совпадение музыкальных и ритмических иктов, то есть сильных ударений, с наиболее сложными семиографическими начертаниями. Дело в том, что каждая музыкальная строка песнопения непременно должна иметь так называемое сильное время, и в греческой семиографии действительно диакритические точки, *στίγματα*, заключают в себе минимум один знак, несомненно выделяющий это время. Узнать их довольно легко по самому начертанию: акценты пишутся неизменно с наклоном влево, уподобляясь острому греческому ударению, тогда как все остальные знаки пишутся ровно, горизонтально над строкой. Или, в то время как над слогами без ударений ставят только простые, ординарные начертания, слоги ритмически ударяемые — имеют над собою знаки двойные, сложные. Такое совпадение грамматических и ритмических акцентов с певчими знаками, доселе неизвестное по отношению к русским знаменам и несомненное в греческом музыкальное письмо, имеет, однако, параллель в употреблении в русской семиографии так называемых кулизм, то есть сложных мелодических оборотов, помещающихся, в отличие от речитативных кратких единиц времени, всегда в конце певчей строки. Припомнив, что основное значение невм-крюков падает именно на ритмическую сторону напева, так как они лишены возможности точно обрисовать мелодическое движение голоса по определенным интервалам, мы получаем еще одно данное для своих соображений. Затем, в случаях точного соответствия между текстом и напевом, иногда ценные по содержанию фразы или даже отдельные слова могут иметь над собою более или менее развитую, богатую извилиями голоса мелодию и следовательно должны быть обозначаемы более сложными невмами. Греческая семиография рассматриваемых рукописей доставляет многочисленные примеры на такое общее правило, применяя в них наиболее сложные знаки, и в том числе знак фиты.

Здесь же выступают с полным своим значением известные законы греческой ритмической поэзии, касающиеся высшей композиторской техники, то есть применение $\omicron\omicron\omicron$, $\omega\rho\omicron\omicron\omicron$, или по-славянски — самогласна, подобна, самоподобна, когда выделяются песнопения, самостоятельные по напеву и не служащие образцом для других, или несамостоятельные, приноровленные к мелодии другого текста. Рассмотрение таких произведений по отношению к подобным подтверждает лишний раз наблюдение над постоянным выделением семиографией ударяемых слов, как в образцовом, так и в составленном по его типу песнопении. Сюда же относятся высшие формы мелодического устройства песнопений, когда они располагаются в области не одного какого-нибудь гласа, а нескольких, когда они являются как четверогласники, осмогласники и т. п.

Все указанные особенности, присущие музыкально-ритмической стороне песнопений, естественно, оставляют известный след и во внешнем изложении напева, в письме, и потому могут подлежать нашему сравнительному исследованию, определяя пункты возможных сопоставлений греческих семейографических начертаний с таковыми же начертаниями русских рукописей XII века, а через начертания и самих напевов русских.

Приступая с такими определенными данными относительно устройства греческих песнопений в невматическом изложении — к описанию их и в русской семиографии, мы сначала коснемся упомянутого внешнего сходства.

Оно касается прежде всего — названий: $\kappa\rho\epsilon\mu\alpha\sigma\tau\eta$ — крюк, $\eta\rho\alpha\kappa\lambda\eta\rho\acute{\iota}\kappa\eta$ — параклит, $\kappa\upsilon\lambda\iota\sigma\mu\alpha$ — кулизма, $\sigma\tau\alpha\upsilon\rho\varsigma$ — крыж, $\kappa\alpha\mu\eta\lambda\eta$ — хамило, $\phi\epsilon\rho\alpha$ — фита и др., но несмотря на несомненное сходство — я полагал бы не делать отсюда пока никаких заключений по той простой причине, что названия, существовавшие в XI—XIV веках, во всяком случае нам остаются неизвестными; мы знаем их лишь по азбукам XV—XVI веков, а к этому времени могли действовать и какие-либо другие факторы заимствования. Гораздо убедительнее сходство основных начертаний — крюка, запятой, двух запятых, хамила, чашки, голубчика, палки, параклита, статьи, стрелы, два в челну и др.

Употребление этих знаков у греков точно такое же, как и у нас; нет никаких оснований полагать, что были заимствованы только начертания, а значения их были изменены, потому что где, например, греческая Венская рукопись № 136 ставит в последовательности — крюк, стрелу и две запятых, там же, на тех же словах одного и того же песнопения мы находим подобные начертания в русской рукописи, например в *таблице 1*

под буквою с) слова σήμερον, ερχεται, χρισостоμε, δια, τουτο. В тех случаях, когда число слогов в греческом и славянском тексте не совпадает, знаки тем не менее повторяются те же самые, с добавлением на лишних слогах кратких речитативных знаков, не изменяющих по существу самой мелодии; например 8-сложное русское выражение — *преподобные отче* равняется 5-сложному греческому οτιε πατερ и воспроизводит подлинные знаки — чашку, голубчик, палку и две статьи, только начиная с пятого от конца слога. В *таблице № 2* можно проследить строка за строкою это удивительное тожество письма и напева. Все песнопение в память 40 мучеников по тексту состоит из предложения с двумя подлежащими, одним сказуемым и из придаточного к нему предложения. В напеве оба подлежащие — хорос и стратос — имеют одинаковое исполнение, отделяясь от своих определений диакритической точкой, так как мелодия над хорос и стратос сама по себе очевидно довольно сложна, имеет сократительный мелодический знак θ. В славянском переводе слову хорос — равняется двусложный *ликъ* с ударением на первом слоге, тогда как греческое хорос имеет его на втором. Четырехсложное славянское *воинство* с ударением на первом слоге заменяет собою двусложное греческое стратос с ударением на втором. Отсюда и разность невматической записи, сохранившей θ для первого слога и не имеющей ее для второго. Отсюда же понятны знаки над словами *четвердесятью просвещень, богоизбраное, съпросветеса, чьстьными, душа наша*, очевидно вполне сохраняющими напев с его более сложной мелодией в конце музыкального предложения, по-русски — с его кулизмой. Здесь при тожественном порядке ударений в словах *богоизбраное* мы наблюдаем полное тожество и знаков, равно и в конце — *душа наша, фоҳас ѳѳов*.

Таких совпадений — десятки на каждой странице наших снимков, что уже само по себе многозначительно и не требует объяснения. Но есть полнейшие совпадения целых песнопений, где слог за слогом можно проследить работу славянских певцов по приспособлению славянского текста к известной последовательности греческих начертаний, или, да позволено будет сказать — к греческому напеву, так как невмы суть индивидуальное изображение в знаках того, что должно быть пропето.

Из ряда параллелей греческого и славянского изложения останавливаюсь на одной, обозначенной в *таблице № 4* — *Светильника веры и апостола* по рукописи Венской № 136 и Синодальной библиотеки № 509. Стоит внимательнее сверить знаки, поставленные на одинаковых слогах, чтобы убедиться сразу несколько в большем, чем просто заимствова-

ние начертаний. Стоит сравнить концы любой (из 12-ти) певчей строки в греческом и славянском изображении — например, *и апостола, Тимофея, глаголюще, леторасль, сыностворения* и проч., чтобы раз навсегда иметь представление об отношении наших славянских рукописей и напевов к греческим. Одно и то же песнопение по тексту буквально заимствует из греческого и невматическую запись, то есть гласовый напев песнопения.

Но вопрос: при общем сходстве большинства знаков и несомненном заимствовании — откуда различия в крюках и чем они могут быть объяснены? Почему одни знаки сохранены, а другие нет? и если заменены, то какими — нарушающими ли характер цельности подлинного песнопения, изменяющими его или — наоборот, способствующими его сохранению?

Различие, конечно, вызывается различием текста, неодинаковым количеством слогов в оригинале и копии. Так, строка 4-я $\eta\zeta\ \tau\omicron\upsilon\ \delta\epsilon\iota\omicron\upsilon\ \pi\alpha\upsilon\lambda\omicron\upsilon\ \upsilon\omicron\pi\omicron\iota\acute{\omicron}\alpha\varsigma$, имеющая 11 слогов, в славянском переводе должна иметь 16 слогов. Мы видим, что в ней удержаны в точности все основные знаки подлинника для 11 слогов и прибавлены вновь 5 речитативных знаков для слогов излишних. Это одно показывает, что существенные части напева вполне сохранены в копии.

Если же так, то присущее напеву движение, ритмический рисунок, выдвигающий сильное время, непременно должен остаться неприкосновенным и для славянского текста. Знаки слогов с ударением — де-ου, пау-λου, υποιῶας должны, следовательно, сохранить свою силу и в пении по ним славянского текста, именно слогов *бож^ьственаго, пау-ла, сыностворения*; или, в других случаях, знак сильного времени над слогом ψωστηρ сохраняет свою силу для слога — *св^етиль-ни-ка, п^естоу* — для слога — *в^ьр^ьньнимъ, ѿс ра^адам^ос* — *лето^расль* и т. д. Очевидно — славянские слоги, в произношении не имеющие ударения, в пении должны были получить его.

Подобное явление, следует заметить, имеет глубокое значение для анализа русских церковных напевов в том отношении, что в дальнейшем развитии знаменного распева наблюдается так называемая хомония, извратившая правильность ударений текста до самой последней степени.

«Хомовое пение чесо ради поется во ударении гласа не по силам», то есть не по ударениям? — спрашивали с недоумением наши предки и получали от знатоков пения ответ: «пением нашим точною глас украшаем и знаменные крюки бережем, а священные речи до конца развращены суть». Какие крюки, хочется спросить, берегли наши старые певцы? Чьи

крюки? Не чужие ли и не взятые ли вместе с напевами у греков и властно — подобно хотя бы неправильностям славянского перевода, доселе остающимся в наших богослужебных книгах, — требовавших не иного, как по хомонии, певческого исполнения? Если бы это были свои — русские крюки и напевы, — неужели бы они так извратили русскую речь? Как, в самом деле, было исполнить хотя бы слова *коньцемъ* в той же стихире, как не *конецемо*, если на этот слог падало сильное время, соответственно греческому слову — τὸν περατῶν, музыкальные знаки которого с точностью сохранены для слова *коньцемъ*?

Итак, сохраняются в славянском начертании именно те знаки, которые, составляя целую группу, имеют существенную важность для напева; наоборот, заменяются те, которые не имеют ее или — быть может — те, которые резко противоречили основам русской фонетики, не позволявшим приладить напев к тексту.

Наконец, что как не полное заимствование напева вынуждало русских певцов ставить в одних и тех же местах песнопения такие сложные обороты, как так называемые фиты, бывшие характерными оборотами гласового пения? Что как не полное заимствование напева заставило ставить их, например, в стихире № 2 — *Лик четверодесятно просвещен* — именно на слове *лик*? — и во всех других случаях, очень редко отступающих от подлинника.

При исследовании подобнов, которые имеют — по моим наблюдениям — гораздо более широкое употребление в греческой певческой практике, чем то сохранилось в нашем представлении о славянских подобнах, выясняются те последствия применения чужого напева к своим текстам, которые диктовались желанием сохранить напев и приспособить его к новому тексту. По закону греческой ритмической поэзии подобен должен иметь сходство со своим образцом в равном количестве слогов, в совпадении ударений, а по мнению Криста — и в тождестве мелодии. Славянские подобны не соблюдают ни одного из этих признаков подобна с безусловной точностью: в них нет одинакового количества слогов, правильного постоянства ударений и — следовательно — буквального сходства напева. В них замечаем лишь относительное сходство, полное безразличие ударений и в весьма сильных размерах отступающее от нормы количество слогов. Привожу в *таблицах 7 и 8* два примера — один для трех греческих подобнов, другой — для пяти славянских. № 6 — Η αλεῦνωσμενῆ δια τὸν βίον — *Отчаянная жития ради, Погруженная грехом, Омраченная помышлением* — так тесно связаны между

собою единством содержания и единством ритмических ударений, что все отлично укладываются по одному и тому же напеву с полным соответствием сильных ударений текста сильным ударениям напева: это есть образцовое осуществление правил греческой поэзии относительно вида подобна, здесь очевидна ее оригинальность, ее чистая форма.

В *примере № 7* — перед нами из славянских рукописей 5 подобнов, составленных по образцу ирмоса 9-й песни «Чужде матерем девство и странно девам деторождение».

Не говоря уже о различии в количестве слогов между подобнами, из этого примера легко уяснить себе неоригинальность напева, который очевидно был рассчитан на тексты с иным последованием ударений, почему едва не на любой слог песнопения падает ударение, что, конечно, должно вносить путаницу в напев.

В греческом изложении подобны действительно являются равными по количеству слогов, с одинаковыми ритмическими ударениями и одинаковой мелодией, а в славянском изложении — ясна вся неустойчивость ритмического ударения для текста и наоборот — полная выдержанность единства напева или невматических формул. Полагаю, что такое явление должно подтвердить несомненность заимствования напева и нотописи и пожертвование ради их сохранения правильностью славянской речи. Из *примера № 8* как нельзя более очевидно главенство чужого напева и рабствование ему славянского текста.

В области гласов находится, мне кажется, не менее основательное подтверждение мысли о полном заимствовании русскими греческой системы пения со всеми ее частностями и подробностями. Мало того, что песнопения до сих пор носят те надписания гласов, какие даны были им в практике Греческой церкви, мало думать, что эта система была взята лишь как теория, как образец, по которому славяне сами вырабатывали к XI—XII веку свой круг напевов, — вернее сказать, они целиком заимствовали самые напевы греческой церкви и вместе с напевами необходимо переняли всю систему осмогласия. По крайней мере славянские рукописи XII века сходятся с греческими в обозначении гласов не только по надписям их, но и по их смене в пределах одного песнопения, соблюдают распев частей строк текста по тем именно гласам, которые указаны для греческих мелодий. Если, например, теперь в одноголосных церковных книгах Синодального издания стихира на Успение Богородицы — *Богоначальным мановением* — распета в порядке сродно-музыкальных гласов: 1 — 5, 2 — 6, 3 — 7, 4 — 8, то одинаково и в Стихирарях греческих XII века эта стихира

имеет смену тех же гласов. Или, например, в стихире № 3 смену гласа имеет 2-я строка — как в славянском, так и в греческом Стихираре перед словами: εαν γαστομψω — *аще бо дерзну*. Таких совпадений без счета, и думается — достаточно обратить внимание на это совпадение, сближающее до мелочей напевы Греческой и Русской церкви, чтобы с уверенностью говорить о заимствовании не семиографии только, не музыкальной системы, но и самых попевок.

Таким образом, греческая нотация в сущности целиком была принята и усвоена славянскими певцами, имевшими надобность исполнять церковное богослужение непосредственно после принятия христианства. Странно было бы думать, что русские к X—XI векам могли иметь отлично разработанный в нотации, систематический по мелодическому развитию круг церковных напевов. Они *должны были* воспользоваться всем готовым и в пении, так же как во всем остальном богослужебном обиходе и литературе. Сравнительное исследование близости невматического изложения ведет к признанию того естественного способа заимствования русского церковного пения у греков, который характеризуется понятием приспособления греческих напевов к славянскому тексту.

Возможные отступления, различия в изложении первоначальных редакций приведенных напевов, помимо вышесказанных соображений, должны быть объяснены и тем еще, что в настоящий раз в наши руки попали манускрипты, не стоящие между собой в отношении подлинника и первокопии. Несомненно, если бы были найдены и подлежали сравнению действительные оригиналы и первые переводы греческого пения со славянским текстом, то степень сходства, значительная теперь, еще увеличилась бы. Поэтому в высшей степени желательно продолжать дело экспедиции путем фотографирования других невматических памятников, между которыми могут оказаться экземпляры — прототипы наших певчих книг, равно и собрать такие же снимки со всех известных русских певчих рукописей XI—XII веков.

Итак, минуя подробности, не делая более или менее напрашивающихся широких обобщений по вопросу о степени самостоятельности русского церковного пения в его дальнейшем развитии, мы приходим к следующим выводам.

Необходимо признать, во-первых, что знаменная нотация древних славянских певчих книг есть нотация греческая, с совершенно незначительными изменениями приспособленная для распевания славянского текста.

Во-вторых, что греческая нотация заимствована славянами для записи греческих же церковных напевов, а не каких-либо самостоятельных или оригинальных мелодий.

В-третьих, что греческие напевы, рассчитанные на греческие же тексты, не могли быть применены к славянским текстам без нарушения некоторых мелодических и ритмических свойств напевов, равно и правильности самого текста, но при этом совершенно не потерпели в славянском изложении существенных изменений.

И наконец, в-четвертых, что одним из следствий подчинения славянского текста чужому напеву, не рассчитанному на ритмическое строение текстовых строк, явилось несовпадение ритмических ударений напева с таковыми же ударениями текста, позднейшим результатом чего в известной степени была хомония.

РМГ. 1909. № 8—10

В тексте Преображенского упоминается восемь таблиц примеров, однако в РМГ по неизвестной причине было напечатано *семь* таблиц (приводятся далее).

Къ ст. А. Преображенскаго
О сходствѣ русск. муз. письма съ греч.

1. а) Названія. *Κρομβου* - кромбо. *Παραξυβίμυ* - параксимы.
Κυμβίμυ - кумбимы. *Σταυρος* - стаuros. *Καμυ*
μυ - камимы. *Βεβα* - вита, и др.

б) Начертанія греч. ✓ ✓ ✓ ∩ ∩ ∩ ∩ ∩ ∩ ∩
русск. ✓ ✓ ✓ ∩ ∩ ∩ ∩ ∩ ∩ ∩
греч. ✓ | | ∩ = ∩ ∩ ∩ ∩ ∩
русск. ✓ | | ∩ = ∩ ∩ ∩ ∩ ∩ и др.

с) Краткіе примѣры. 1) | ∩ — 2) | ∩ ∩ ∩

Ση-με-ροϋ. Εξ-χε-ταλ.

| ∩ = | ∩ ∩ ∩

Βε-νε-εβ. Η-γε-τε.

3) ✓ ∩ ∩ ∩ 4) ∩ ✓ ∩ ∩ 5) ∩ ✓ ∩ ∩ | = =

Κου-βο-βο-με.

Λι-α του-τω.

Πρε-πο-δο-βε-νε ο-τε-τε.

✓ ∩ ∩ ∩

∩ ✓ ∩ =

∩ ∩ | ∩ ∩

Зла-то-у-сте.

Πο-το ра-ди.

Ο-βε-ε κα-τε.

б) ∩ ∩ | | ∩ ∩ ∩ ∩

Επ' ω-μων α-φα-με-ρος.

∩ ∩ | ∩ ∩ ∩ ∩

На ра-мо вь-ве-шь.

2

Стихираго Имп. Академіи

∩ ∩ ∩ ∩ ∩ ∩ ∩ ∩ ∩ ∩

Мауль 34.7.6. и 124 об.

Λι-κь-τε-μβε-ρο-δε-εμ-τε-πο

Стихираго Фолькс. Трудв.

∩ ∩ ∩ ∩ ∩ ∩ ∩ ∩ ∩ ∩

Κιβλιот. N 136, и. 123.

Λο-ρος-τε-βα-βε-κα -

6.

Πορόβεντς въ греческомъ произношеніи.

Ватопед. 5-ки
№ 893, ч. 77а-78.

Η αν - ε - γρω - βυς | η η δι - α τον | ρι - ον .
 Η ρε - ρω - δε - βυς | η η α - μαρ - τι - α .
 Η ε - βκο - ει - βυς | η η δι - α - νοι - α .

και εν ε - γρω - βυς | η η δι - α τον | εσο - τον εα μν - ρα ρι βτα | ζου - βα .
 η ης βω - τη - ρι - ας . και μν - ρα βυν δα | κρο - βι .
 εω ρω - τι πρω - εσο | κει εω α - πρω - βι - τι . και εον - εον κω | ζω - τη - εα .

πρω - ηλ - δεν βοι . ρο - ω - βα . | μη - με εμν πορ - μν α - πορ - ρι - φε .
 και - νον - βα βοι ε - ρο - α . | ι - δε ο ε - κων εφ - σο - βι - ων .
μα - δυ - της ο α - γρω - μων . | αυ - τη εν - τα - φε - α βοι μν - ρα

ο τε - αιεις ση παρ - δε - νον . | μη - μων εα δα - κρω - α παρ - ι - δης .
βυη - κω φεν | α - μαρ - τι - ας . | ι - δε ο των α - μαρ - εα - νον - των .
πρω εον να - δους κο μη - τει . | ον εως εω - ω - νως ε - τι - πρω - βου

η κα - ρα εον αγ - γε - λων αλ - λα | δε | μη μη μη - εα - νο - ον - βαν ...
εμν μη - εα - νοι - αν | μη - ων αλ - λα | δε - βνω - εα δι - α - βω - βον μη ...
εο α - ει - μη - εον | μη - ρον αλ - λα | ρω - βε μη φι - λαρ - γω - ρι - ας ...

7. Подобенъ въ славянскомъ изложеніи.

Міръ въ Воскрес. м-ря

N 27, и. 189 и сл. (Анфим.).

- - - - ✓ - - = Σ -
 (Моу) же (н) - стъ бѣ - за -
 (Моу) же (н) - стъ н -
 въ - зъ - ам - (ка) то -
 за - (ко) н - ко - е бѣ -
 оу - го - (то) ви - мь н - (ви) и -

- - - - = = - - - - \ \ = = ✓ - -
 (ко) н - ны - и - мь оу - за - ко - (н) - ни - нѣ и (стра) н -
 (чи) - стъ - и - мь цъ - по - (моу) - ври - нѣ и (стра) н -
 (вѣ) - ч - ска съ - на - (се) - ми - нѣ жи - во - (та)
 (сти) - ви - нѣ про - кля - ть н - ко - (ли) - стви - нѣ про - за - бѣ -
 ю - (вѣ) - и свѣ - (ше) - ни - кы при - го - (то)

✓ - - - - // - - = - - - - = - ✓ - - > \ =
 но н - (вѣ) - нѣ - ны - и - мь бо - го - ра - (зоу) - ли - нѣ
 но (тра) - вѣ - дѣ - ны - и - мь за - ко - по - пре - ступ - (ше) - ни - нѣ
 (ши) - въ - см - и хри - сто - въ - отъ - и - ю - (вѣ) - и
 ше къ - ни - ги ра - (зоу) - мь - ны - и - мь
 ви (роу) - цѣ - си - на - во - го - оу - ви - (н) - ни - нѣ

- x - x - x -

Редкий памятник старо-болгарского певческого письма

Памятники древнейшего болгарского нотописания представляют для исследователей русского церковного пения совершенно особый интерес. Помимо того, что интерес поддерживается полным отсутствием подобных памятников, — с открытием их связывается надежда установить родословную наших первоначальных знаменных книг и записанных в них напевов. Летописные указания о присылке на Русь «демественников от славян» давно уже направляли мысль исследователей в сторону славянского влияния на пение русской церкви; принципиальные соображения также заставляли искать в нем следы славянского влияния. Однако документального материала для подтверждения подобного предположения в руках исследователей не имелось. На основании соображений общего характера возникла даже мысль о вполне оригинальном происхождении и первоначального нотописания, и самого пения. Не так давно открывшаяся возможность сравнения певческих памятников — русских и греческих — твердо установила ближайшее родство их между собою, во множестве случаев простирающееся до полного тождества, — и тогда мысль об оригинальности древних русских напевов была сильно поколеблена, если не сказать — оставлена. Вопрос же о славянском влиянии, и в частности о болгарских напевах и болгарском происхождении нашей крюковой нотации, — остается открытым до наших дней. Понятно, какое большое значение должно принадлежать только что извлеченному на свет листку Зографского Трифология XII—XIII веков болгарского письма. И как бы, по-видимому, ни был недостаточен материал в виде пяти строк певческих знаков над одной стихирой, он должен дать хотя бы косвенные указания для решения вопроса о происхождении русского церковного пения.

В рукописи распеты только некоторые песнопения, вероятно только *самогласны*, остальные же писаны без певчих знаков. Предназначение этих текстов не для пения ясно из постоянных в них сокращений (под титлами), совершенно неупотребительных в певчих рукописях. С другой стороны, письмо текста той стихирой, которая распета, именно «Емоуже вышняя слоужать», ничем не отличается от письма других, кроме уже указанного различия: отдельные слоги текста писаны без всякого расчета на присоединение к ним певчих знаков. Поэтому кроме раскрытых титл ничто не выдает в Зографском Трифологии собственно певчей рукописи. Необычно расположение знаков для пения стихирой: они написаны так, как не приходилось наблюдать *ни в одной* славянской или греческой

певческой рукописи. В наших знаменных книгах певчие знаки употребляются всегда в полном соответствии с слогами текста, причем письмо настолько ясно, что спутать знаки решительно невозможно. Между тем в Зографском Трифологии певчие знаки так расположены над текстом, что распределить их правильно по слогам прямо невысказано. Чем именно вызвана такая беспорядочность, — на основании наблюдений над пятью строками решить трудно, а других данных совсем не имеется. Для рукописей XI—XIII веков такие отступления от обычного порядка надо считать исключением, позволяющим предполагать даже случайное появление знаков над текстом. Если же это, кажущееся нам беспорядочным, явление принадлежит к самой системе болгарского древнейшего нотописания (в чем сомневаемся!), то объяснить его пока не беремся.

Характер письма певчих знаков — своеобразный. В то время как греческие и русские рукописи первого периода истории нашего церковного пения употребляют преимущественно горизонтальные начертания, Зографский Трифологий дает их исключительно в вертикальном направлении, причем в горизонтальном начертании знак принимает совершенно иной характер, чем соответствующий ему знак отвесной формы. Это, по-видимому незначительное, отклонение от обычного типа письма певчих знаков, ввиду строго выдержанного однообразного характера письма и греческих, и славянских древних рукописей, может дать повод считать нотописание Зографского Трифология нотописанием лишь индивидуальным, и следовательно — опять-таки случайным.

Обращаясь к отдельным элементам семиографии, необходимо остановить внимание на том знаке, который сам по себе свидетельствует о близости данной системы нотописания к греческой, то есть θ . Присутствие его в четырех местах стихир, и в одном случае, на слове «еже» в качестве несомненно сократительного знака, делает эту близость безусловной. Затем, в порядке знаков можно находить последовательность, показывающую до известной степени схему построения певчих строк напева, обычную для греческих церковных песнопений, например см. следование знаков над словами «слоужать» и «престоять», «Симеонъ на рукоу» и др. Сверх того, сходство начертаний с греческими знаками можно наблюдать и в других знаках Трифология, что и приводит к заключению — вполне естественному и оправдываемому историей — о заимствовании Болгарией церковных напевов и нотописания у греков. И хотя подобное заключение обязывает признать известное сходство болгарских знаков и с нашими знаменами ввиду единства первоначального источника наших и

болгарских книг, однако возникающий здесь вопрос о степени близости их между собою решать пока очень трудно. Надо сказать лишь следующее.

Известные нам в настоящее время памятники русской семиографии XI—XIII веков гораздо ближе к греческому типу нотописания, чем к данному отрывку болгарского, который имеет с ними лишь некоторые точки соприкосновения. Что же касается отношения между двумя производными от греческой системами нотописания, то есть болгарской и русской, то на основании вышеуказанных признаков первой и — общеизвестных — второй, приходится настаивать скорее на их различии и сказать, что если данный отрывок Зографского Трифология представляет собою действительно настоящий тип древнейшего болгарского нотописания и пения, то едва ли оно имело какое-либо влияние на русское знаменное письмо, а следовательно, и на все русское церковное пение.

ОЛДП. Вып. СХХХI. Зографский Трифологий. Со статьями А. И. Соболевского, протоиерея М. Лисицына, протоиерея В. Металлова и А. В. Преображенского. С приложением шести фототипических таблиц. СПб., 1913.

История этой небольшой работы Преображенского восходит, по-видимому, к 1906. В письме Смоленского к С. Д. Шереметеву от 1 ноября 1906 находим загадочное сообщение:

...Я говорил Вам, что наши поиски за славянскими рукописями на Афоне кончились самым полным «нема нищо». Три Триоди, указываемые епископом Порфирием Успенским в Зографской афонской библиотеке, оказались похищенными. <...> Представьте же себе, что тот же епископ Порфирий Успенский ухитрился стянуть из одной Триоди пергаменный лист, затерявшийся затем в Императорской Публичной библиотеке и на днях найденный там А. И. Соболевским. <...> Я, конечно, со всех ног полетел в Библиотеку, и не было границ моей радости, когда, наконец-то, нашлись первые и драгоценнейшие 5 строк настоящего болгарского нотного письма XIII века! <...> Итак, факт болгарской певческой нотации отныне устанавливается вне сомнения.

РДМ. Т. VI. Кн. 1. С. 478

Действительно, епископ Порфирий когда-то привез с Афона три листа из рукописи не Триоди, но Трифология XIII века, принадлежавшего афонскому Зографу (дореволюционный шифр — ИПБ. Q п. 1 40). И он же, высоко оценив красоту письма в этой рукописи, отметил, что в четырех местах «над

строками надписаны нотные крючки особенного характера». Фрагменты Трифология затем неоднократно привлекали внимание историков и филологов; другие листы этой рукописи (со службами св. Кириллу и Мефодию) позже были найдены в Пантелеимоне.

Второе принятое в науке название Зографского Трифология (Трифология) — Драганова Минея. По содержанию это Минея праздничная, датирующаяся ныне концом XIII века и считающаяся памятником болгарского происхождения.

В настоящее время рукопись разделена на три части: основная (219 листов) — в Зографе; 2 листа, привезенные В.И. Григоровичем, — в РГБ; 3 листа, привезенные епископом Порфирием, — в РНБ. Судьба и местонахождение листов из Пантелеимона неизвестны (см.: Турилов А. А., Тончева Е. Драганова Минея // Православная энциклопедия. Т. XVI. С. 117—120).

Современный взгляд болгарских исследователей на певческие знаки в Драгановой Мигее таков: это — «один из самых значительных памятников, отражающий практику использования фитной нотации... в южнославянском ареале. Знаки фиты, изображенные отдельно или в комбинации в другими невмами, стоят над определенными словами (или слогами), обозначая место мелизматического распева соответствующих гласных» (Там же. С. 118).

А.И. Соболевский издал фрагмент рукописи, содержащий в числе прочего крюковую запись стихир Сретения «Ему же вышняя». В сопроводительной статье к этому изданию ученый сделал следующие выводы:

Ни в одной другой южнославянской рукописи, из числа находящихся в России, ни в средне-болгарской, ни в сербской, мы не знаем нотных знаков при богослужебном тексте. Из южнославянских рукописей, хранящихся в заграничных библиотеках, покойный С. В. Смоленский отметил отрывок (шесть листов) Постной Триоди XIII века в Народной Библиотеке в Софии, по-видимому сербского письма, в котором текст снабжен, по его определению, «экфонетическими знаками, то есть для чтения нараспев» (С. 4).

Кроме Соболевского, с комментариями к невменной записи Трифология выступили М. А. Лисицын (заметка «Нотные знаки над текстом литийной стихир праздника Сретения Господня в Зографском Трифологии XIII века») и В. М. Металлов (заметка «Семиография болгарского Трифология XIII века Зографского монастыря»).

Оба комментатора не сомневаются в наличии хотя бы элементов самостоятельного болгарского письма и песнотворчества. Так, повторяя старый тезис, будто болгарские певческие книги уничтожены благодаря варварству как турок, так и греков, Лисицын утверждает:

Несомненно, что большинство (если не все) здесь знаки греческие, но комбинации их возможно, что чисто болгарские, и напев вследствие

этого, можно думать, болгарский. За последнее говорит, как нам кажется, и отсутствие в начале песнопения греческих мартирий... Славянскому уху греческие лады, или гаммы, были не родны (С. 4, вторая пагинация).

Металлов считает, что в этой записи применена некая не известная ранее форма кондакарного знамени:

Кондакарное знамя таково, что оно содержит в себе элементы и византийской семиографии, и старой греко-сирийской [под этим термином Металлов разумеет старое византийское письмо], воспринятой потом русскими, и элементы хирономии, выражаемые великими знаками, или ипостасями, которые свойственны и византийской семиографии, но не свойственны старой греко-сирийской, и, наконец, элементы собственно ей принадлежащие, знаки исключительно кондакарные. <...>

Настоящее кондакарное знамя здесь упрощенное, состоящее из одних малых знаков без великих ипостасей, написанных в одну строчку, а не в две. Замечается, следовательно, некоторая свобода и самостоятельность в обращении с кондакарным знаменем, как бы попытка выделения из общей системы более излюбленных и удобных знаков и выражения напева ими одними.

По мнению современной исследовательницы Е. Тончевой, песнопения, зафиксированные в Драгановой Минее (Трифологии), —

один из самых значительных памятников староболгарской музыки, отражающий практику использования фитной нотации (краткого способа записи мелизматических фрагментов песнопений в южнославянском ареале) (Православная энциклопедия. Т. V. С. 118).

Далее, со ссылкой на Р. Паликарову-Вердей, в нотации Зографского Трифология отмечают: характерные для византийской невменной системы два вида знаков — малых и больших, расположенных здесь в одном невменном ряду; отсутствие мартирий византийского типа; обозначение гласов славянскими буквами; необычные невменные комбинации.

И. Раастеда рассмотрение нотации Трифология привело к гипотезе

о параллельном существовании фитной системы нотации и двух ранневизантийских нотаций еще с X века (Там же. С. 119).

По мнению этого ученого, фитная нотация, возможно, происходит из Иерусалима и отражает певческую традицию, отличную от записанной известными ранневизантийскими нотациями (то есть куаленской и шартрской).

Заявление Е. Тончевой в цитируемой статье, будто стилистика песнопений Зографского Трифология непосредственно связана со славяноязычным

репертуаром Юго-Западной Руси и Молдавии в последующих веках, то есть с «болгарским роспевом» старых редакций, представляется излишне смелым.

Как видно из публикуемого текста Преображенского, его точка зрения на нотацию Зографского Трифология была иной и вытекала из логики его собственной концепции.

Греко-русские певчие параллели XII—XIII веков

Древнерусская письменность располагает литургическими певчими рукописями от XI по XIII век в количестве около 30 отдельных экземпляров. Они занимают высокое место в ряду памятников русского языка и слова. С этой стороны они подвергались многократным исследованиям, установившим за ними большой палеографический и собственно филологический интерес. Наличие в них музыкально-певческого элемента интересовало исследователей гораздо меньше: музыкальное содержание их не только не раскрыто вполне, но даже и попытки к этому приходится считать большою редкостью в русской музыкально-археологической литературе. Между тем именно в них находится ключ к разрешению основного вопроса о происхождении древнейших напевов.

Если свести к одному произведенные наблюдения над певческой стороной этих древнейших памятников, то выделяются — в параллель к достигнутым в других областях древнерусской письменности — два противоположных вывода, между которыми и размещаются всякие промежуточные гипотезы. Из них первым родилось то положение, что — так как вся сфера христианской культуры русского племени через славян заимствована с греческого Востока, то и составляющая часть ее музыкально-певческая дисциплина заимствована оттуда же. За это положение имеется столько данных, освещенных вполне наукой, что оно стало неоспоримым. Но оно не определяет точно характера и степени заимствования, которые — в сущности — только и подлежат исследованию. Вопрос в том, насколько глубоко и широко такое заимствование, и насколько русскими усвоены подлинный характер и формы певческой дисциплины греческой, и — наконец — каковы эти формы и этот характер.

Второе — и противоположное — положение, к какому пришли исследования музыкальной стороны древнерусских памятников, то, что последние, наряду с необходимыми заимствованиями у греков, с самого же начала русского христианства заключают в себе материал, созданный преимущественно в родственных нам славянских странах, принявших христианство на целое столетие раньше Руси. Это определение естественно дополняется указанием на неизбежность подлинно-русского влияния и некоторыми исследователями доводится до утверждения, что музыкально-певческое искусство древней Руси более или менее самостоятельно и не могло не быть таковым в силу особых способностей русского народа к музыкальному творчеству, проявившемуся, например, в столь

ценных и широких размерах в области русского народного песенного творчества.

И как для разъяснения первого определения не сделано не только исчерпывающих, но просто достаточно основательных исследований, которые позволили бы выяснить степень и характер заимствования греческих музыкальных элементов, так еще более недоказанным в точных терминах является второе определение о большой самостоятельности русского музыкального творчества в древнейшем русском пении. Отсюда проблема происхождения и первоначальных форм русского древнего пения продолжает ожидать научного выяснения и более определенного решения.

Причина, останавливавшая прежних русских исследователей на пути к решению указанной проблемы, быть может, заключалась более всего в том, что они не имели в своем распоряжении необходимых материалов, то есть греческих певчих книг данной эпохи или изданий, заменяющих последние. И в настоящее время доступ к греческим певчим памятникам XII—XIII веков затруднен для русского исследователя, хотя отчасти недостаток этот восполнен материалами, приобретенными, например, экспедицией Общества древней письменности и искусств в славянские земли и на греческий Афон в 1906 году.

Уже самое первоначальное ознакомление с новыми материалами привело к возможности поставить решение вопроса на документальную — в смысле палеографическом — почву и говорить с доказательствами в руках, например, о сходстве русского музыкального письма с греческим в певчих рукописях XII—XIII веков. В настоящий раз я останавливаюсь на выяснении сходства русских певчих рукописей XII—XIII веков с греческими не столько в смысле письма и нотации, сколько заимствования русскими певцами у греков самых певческих форм и напевов, установившихся с тех пор в русской певческой практике через всю многовековую историю ее. Таким образом, сходство нотации, возможность сравнения одних и тех же песнопений в греческом и славяно-русском семиографическом изложении открывает доступ к частичному, конечно, пока разрешению основной проблемы о степени и характере взаимоотношения греческих и русских древнейших напевов.

Необходимо, однако, иметь в виду, что первыми результатами подобного сравнения все же не может быть установление сходства или различия в самом содержании мелодических напевов, так как и греческая, и русская семиография рукописей данной эпохи еще недостаточно

для того расшифрована. Но устанавливаемое с первого же взгляда на эти типичные формы несомненное сходство, подтверждаемое к тому же побочными соображениями как исторического, так и палеографического свойства, может быть признано достаточным для оправдания тех напрашивающихся самих по себе выводов, какие базируются даже на поверхностном — для первого взгляда — обозрении.

Итак, какие же напевы — греческие или славянские, и в частности — оригинальные русские или только «обрусевшие», записаны в наших древнейших певческих книгах?

Когда в так называемом Благовещенском Кондакаре XI века исследователи нашли изложение одного и того же песнопения (кондака на 14 сентября «Днесь пророческое сбыться слово» — см. № 32 Российской Публичной библиотеки, л. 84 об.) сначала по греческому тексту, изображенному славянскими буквами, а потом тут же в славянском переводе, но с теми же певчими знаками, что и в греческом изложении, они решились сделать отсюда один только вывод, именно: они усмотрели здесь лишь свидетельство ближайшей связи между русской и греческой иерархией, свидетельство иерархической зависимости. Вопрос о тождестве напевов оставался, как и теперь еще остается, в тени и замалчивается. Пусть так. Когда мною на основании первоначального изучения материалов, добытых экспедицией Общества древней письменности, были опубликованы в параллельном изложении одни и те же греческие и славянские тексты с певческими знаками по греческим и славянским рукописям XII века, не оставлявшие сомнения в буквальном сходстве начертаний и в том, что греческие напевы совершенно не потерпели в славянском изложении существенных изменений, то некоторые русские авторы, почему-то опасаясь признать безоговорочно наличие греческих напевов в русском пении, свели это сходство к частичному лишь совпадению знаков и сходству лишь общей схемы построения².

В настоящий раз я минуя констатирование сходства начертаний певческих рукописей и обращаюсь к выяснению сходства в содержании и строении напевов, насколько они могут быть определены постоянной последовательностью известных семиографических начертаний в греческом и русском изложении.

² Ср.: Преображенский А. О сходстве русского музыкального письма с греческим в певчих рукописях XI—XII веков (РМГ, 1909) и Металлов В. М. Богослужбное пение русской церкви в период домонгольский. Ч. I. М., 1912. Примечания на с. 44 и 117.

Рассмотрим сначала изложение греческой стихиры «Λαμπρα μεν η παρελθουσα εορτη» по рукописи Венской Королевской библиотеки № 136, л. 90 об. Стихира имеет в виду сравнение двух воспоминаемых церковью событий — Рождества Христова и Крещения. На этом сравнении построен текст песнопения:

Λαμπρα μεν η παρελθουσα εορτη,
 Λαμπροτερα δε, σωτηρ, η επερχομενη.
 Светлым было прошлое празднование рождества,
 еще более светлым является наступающее празднование крещения.
 Εκεινη αγγελον εσχεν ευαγγελιστην,
 Και αυτη προδρομον ευρε προητοιαστην.
 То было благовествуемо ангелом,
 а это предуказано предтечей.
 Εκεινη αιματων εκχεομενων
 ως ατεκνος οδυρετο η βιθλεεμ
 και αυτη υδατων ευλογουμενων
 πολυτεκνος γνωριζεται η κολυμβηθρα
 То сопровождалось пролитием крови детей в Вифлееме,
 а это — крещением многих в воде.
 Τοτε αστηρ τους μαγους ωδηγησεν,
 Νον δε σωτηρ κοσμου σε υπεδειξεν.
 Тогда звезда указывала путь волхвам,
 а теперь сам Спаситель показал себя миру.
 Ο σαρκωθεις και παλιν ερχομενος εμφανως, κυριε, δοξα σοι.
 Он воплотился и опять придет явственно, — воспоем же Ему славу.

(См. приложение 1.)

Такое построение текста стихиры получило полное выражение в музыкальном изложении напева: все стихи и их отдельные части, срифмованные в тексте, так же срифмованы и в напеве, насколько это открывается из наличия одних и тех же знаков над параллельными выражениями, так что построение напева совершенно точно воспроизводит схему текста. Обратим внимание на этот *modus compositionis*: он обычен для греческих гимнографов времен Иоанна Дамаскина и ближайшего к нему периода. И спросим: каково же было положение славянских певцов и распевщиков перед лицом предстоявшей им задачи — распеть славянский перевод этого текста напевом оригинально-славянским, или русским? А для получения правильного и документального ответа на вопрос рассмотрим изложение

напева этой стихиры в славянском певчем памятнике XII века — Стихираре Московской б. Синодальной библиотеки № 578, л. 80—81 об. Дадим для более удобного сравнения параллельную сводку того и другого текста и напева в их начальных строках.

(См. приложения 2 и 3.)

Из подробного рассмотрения с очевидностью выясняется, что параллелизм в тексте и напеве выдержан совершенно одинаково как в греческой, так и в русской стихире, то есть говоря иначе — сохранена целиком в русском изложении схема построения греческого напева. И только этим заимствованием напева и можно объяснить сходство многих певческих начертаний на одних и тех же словах и слогах греческого и славянского текста.

Подобных совпадений в рукописях такое множество, иногда они так наглядны, что для всякого подходящего к ним без заранее подготовленных выводов становится ясной не формальная только зависимость русского пения от греческого, а органическая, сохранившая в пении русском самые подлинные греческие напевы.

Перейдем к рассмотрению еще более убедительных примеров. Воспользуемся изложением стихиры «Августу единоначальствующу на земли» (2-го гласа на вечерни праздника Рождества Христова). В подлиннике необыкновенно ярко выступает принцип построения текста в той же форме параллелизма стихов, какую мы видели уже в первой рассмотренной стихире. Здесь это построение еще изящнее и ярче. Автор его — известный церковный песнопевец — Кассия (или Икасия) дева (IX век).

1. Αυγουστου μοναρχησαντος επι της γης,	12	}
2. η πολυαρχια των ανθρωπων επανασατο,	14	
3. και σου ενανθρωπησαντος εκ της αγνης,	12	
4. η πολυθεια των ειδωλων κατηργηται.	14	
5. Υπο μιαν βασιλειαν εκκοσμιον	12	}
αι πολεις γεγενηνται,	7	
6. Και εις μιαν δεσποτειαν θεοτητος	12	}
τα εθνη επιστευσαν.	7	
7. Απεγραφησαν οι λαοι	8	}
Τω δογματι του καισαρος,	8	
8. Απεγραφημεν οι πιστοι	8	}
ονοματι θεοτητος	8	
9. σου, του ενανθρωπησαντος θεου ημων.	12	}
10. Μεγα σου το ελεος, κυριε, δοξα σοι.	12	

Здесь, во-1-х, полное и точное соответствие количества слогов для объединенных подобием мысли и выражения стихов; во-2-х, правильное строение стиха по чередованию главных тонических акцентов; в-3-х, благозвучие самых слов, которые то прямо рифмуют одно с другим (ἐπι τῆς γῆς — ἐκ τῆς αἰνῆς. Ὑπο μίαν βασιλείαν — καὶ εἰς μίαν δεσποτείαν, и др.), или имеют единоначатие и единоокончание (ἡ πολυαρχία — ἡ πολυθεία, Αλεγραφησαν — αλεγραφημεν. Μοναρχησαντος — ενανθρωπησαντος и др.), то в последующих стихах строго следуют этимологической и синтаксической форме предыдущих. Последний стих — заключительный, как припев, не имеет подобия с предыдущим в содержании, но параллелен ему по форме.

В славянском переводе, как в древнейшем, так и современном, конечно, этих элементов нет, но сохранилось только общее подобие строения стихир и параллелизм стихов по смыслу их содержания:

1. Августу единоначальствующу на земли
2. Многоначалие человекв преста;
3. И Тебе вочеловечуся от чистыя
4. многобожие идолов упразднися.
5. Под едином начальством мирским гради быша,
6. и во едино владычество божества языцы вероваша.
7. Написашася людие повелением кесаревым,
8. Написахомся вернии именем божества
9. Тебе, вочеловечшегося Бога нашего.
10. Велия твоя милость, Господи, слава тебе.

В музыкальном изложении греческой стихире по рукописи XII века Венской Королевской библиотеки № 136, л. 81 об. параллелизм соблюден с удивительной точностью в отношении текста. Мелодия, не читаемая, правда, нами, но распознаваемая только по начертанию знаков и их расположению над текстом, вполне сохраняет параллелизм словесного строения стихир, так как все отвечающие одна другой строки имеют совершенно одинаковые знаки, расположенные в одном и том же порядке (незначительные отступления не в счет и могут быть объяснены). Здесь вторые члены каждой строфы, подобные по мысли, размеру и количеству слогов, по этимологическому и синтаксическому сложению, оказываются в композиции «подобными» (ομοία, что обычно и отмечается в письме μ^ο) и по музыкальной фразе, мелодии, напеву — первым членам. Расширенная речитативом девятая строка сближается с восьмой и седьмой, потому что за ней следует уже самостоятельное заключение. Это подобие здесь

не только уместно, но по смыслу стихиры оно одно только и имеет право быть здесь.

(См. приложения 4 и 5.)

В музыкальном изложении славянской стихиры по рукописи XII века Московской Синодальной библиотеки № 589, л. 84 мы не только наблюдаем те же самые признаки музыкального строения стихиры, что и в греческом подлиннике, но часто находим даже одинаковые с греческими музыкальные знаки на одних и тех же — в подлиннике и копии — словах текста³. Это и доказывает неоспоримо, что славянские певцы воспользовались не только схемой музыкальной композиции, — что само собою очевидно, — но и самой мелодией греческой стихиры, приспособив эту мелодию к славянскому тексту по-своему, особенно в тех местах, где нельзя было оставить движения подлинной мелодии для не-стихотворного и не сохранившего количество слогов подлинника — славянского текста.

(См. приложения 6 и 7.)

Обилие речитативных знаков — «столиц» — прямо указывает на то, что славянские певцы размещали мелодические тоны подлинника по подходящим словам текста и давали читок для тех слогов, которые почему-либо нельзя было разместить под тонами греческого напева. Таким образом, в славянском музыкальном изложении исчезло полное соответствие мелодических фраз, стихов и их частей; одни фразы были расширены введением новых звуков, в других нарушена была правильность чередования тонических акцентов, в третьих явились совершенно новые обороты мелодии и т. д. Наиболее полно сохранившимися оказались заключения — концы фраз, или так называемые кулизмы, труднее всего поддававшиеся изменениям. И все же, несмотря на ряд указанных различий, можно наглядно убедиться в том, что музыкальное изложение славянской рукописи неразрывно связано и зависит от греческого подлинника, иначе говоря, что наш знаменный распев этой стихиры — в смысле и общей схемы построения, и формы мелодического напева — распев греческий. Таково и есть все наше древнее церковное пение, и таковы общие основы его стиля. Именно это пение было на Руси в первые века ее христианства, его именно можно проследить по векам, приближаясь к самому последнему времени и захватывая даже современные формы этого знаменного распева.

³ Ср. другие рукописи, напр. Минею XII века той же библиотеки, № 162, л. 136. *(См. приложение 8.)*

Не имея надобности делать это в настоящий раз, мы переходим прямо к той форме напева этой стихирь, которую она имеет в современных книгах знаменного распева. Так, в «Праздниках нотного пения», одноголосной книге, изданной по квадратной ноте в Москве в 1888 году, находим (см. л. 36 об.).

(См. приложение 9.)

Рассматривая строение стихирь, видим, что параллелизм в музыкальном изложении стихов остается тот же самый, какой мы впервые нашли в греческой редакции XII века. Незначительным разночтениям можно дать известное объяснение или как очевидным недостаткам редакции, или как следствию неизбежных и естественных изменений за долгую историю существования греческого напева на русском клиросе, тем более, что в данном случае происходит сравнение редакции XII века греческой с редакцией XIX века — русской. В результате одно несомненно: наш знаменный распев есть своеобразная редакция греческих церковных распевов XII—XIII веков, хранящая в себе не только общую систему композиции, но и весьма значительные части подлинных греческих мелодий той эпохи. Я не знаю, как иначе можно было бы объяснить все те бесчисленные совпадения в конструкции напевов, какие замечаются при сравнении страницы за страницей, песнопения за песнопением в русских и греческих рукописях.

Вот еще пример такого поразительного сходства, находимый на первой странице так называемой постной Триоди по рукописи XII века (указанной выше, № 136, л. 173) греческой и такой же Триоди постной в печатном издании 1891 года Московской Синодальной Типографии (л. 1).

(См. приложения 10 и 12.)

Самое главное здесь, помимо почти буквального перевода певчих знамен в соответствии с толкованием, установившимся у русских певцов для данных начертаний, присутствие μ^0 , то есть $\mu\omicron\mu\alpha$, подобна, выдержанного точно не только в греческом подлиннике, но и в той русской редакции напева, которая одна только и удержалась до конца XIX века в русском знаменном распеве, с XVII века излагаемом уже не в старинных крюках, а в нотах обычной пятилинейной системы. Пусть даже это — только часть песнопения, пусть рядом в той же стихире мы не откроем еще подобного буквального совпадения (а частичные — налицо), но ожидать рядом с этой тирадой напева мелодию нового типа, построенную по совершенно иным принципам и являющуюся результатом творчества русских певцов, — невозможно.

При изучении певческих памятников первых времен христианства на Руси обращает на себя внимание то обстоятельство, что все песнопения излагаются по системе осмогласия в такой строгой верности греческой его форме, что никаких отступлений от нее не замечается. Между тем самостоятельные опыты русских творцов, хотя бы и на заимствованные у греков тексты и темы, неминуемо должны были бы обнаружить эту самостоятельность и в отношении гласа—лада, так как в противном случае такая самостоятельность сводилась бы опять к подчинению и подражанию. И что же? На протяжении долгой истории русского пения мы также не находим подобных отступлений. Верность греческому образцу простирается даже на последовательность гласов в пределах одного и того же песнопения, и где в рукописях греческих отмечена такая смена гласов, там она налицо и в русских рукописях. Одной из самых изысканных форм изложения в этом отношении у греков признавалась та, когда к роспеванию песнопения применялся не один только глас, а — например — 4 или даже 8 в разнообразной их последовательности. По славянской терминологии это четверогласники либо осмогласники. Порядок смены гласов происходил либо по родству автентических и плагальных ладов — 1. 5. 2. 6. 3. 7. 4. 8, либо в простой последовательности 1. 2. 3. 4. 5 и т. д. Стоит привести хотя бы один пример, устанавливающий строгое воспроизведение в русских роспевах такого греческого прототипа. Таков осмогласник на Успение по греческой Венской рукописи (№ 136, л. 164 и об.) «Θεαρχῆο νεφματι» и «Богоначальным мановением» по русской рукописи собрания Толстого Российской Публичной библиотеки (№ 15, л. 175 об.). Смена гласов по их родству указывается в рукописи совершенно на тех же местах, где она указана в греческой (только ηχος βαρυς, то есть 7-й глас, в русской рукописи захватывает одно предыдущее слово из 3-го гласа). Опять, это яркий пример перенесения целиком греческой композиционной формы в русское пение. И какого же рода самостоятельность могли проявить здесь русские певцы, стоявшие пред чрезвычайно трудной задачей — дать свое новое взамен прекрасного, сложного, ценного — чужого? (См. приложения 11 и 13.)

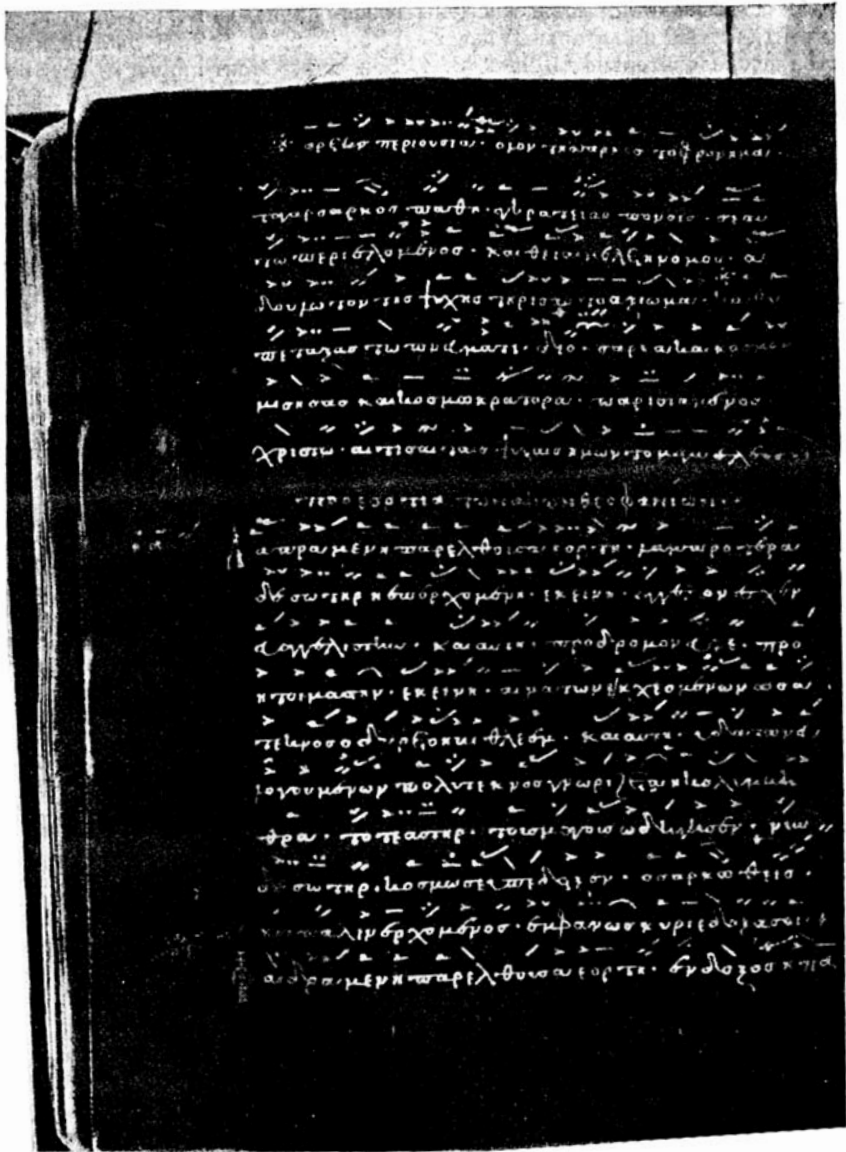
И потому-то до настоящего времени песнопение это — «Богоначальным мановением» в печатных нотных книгах знаменного роспева — такой же «осмогласник», с тою же сменой гласов, и даже в большем соответствии с греческим подлинником, так как указанное выше перенесение одного слова из 7-го в 3-й глас здесь уже не имеет места. И потому-то русские певцы, если им нужно было распеть вновь на Руси составленные

службы русским святым, брали целиком греческие образцы — подобны, как это можно видеть по напевам, например, стихир князю Владимиру, Феодосию Печерскому, князьям Борису и Глебу и другим по древнейшим певческим рукописям.

Итак, перед исследователями вопроса о происхождении древнерусских роспевов, их первоначальном музыкальном содержании, формах их изложения стоит довольно сложная задача — подробно, решительно и окончательно установить характер и степень несомненного заимствования этих напевов у греков, чтобы затем уже перейти к определению той доли участия в разработке их, какая может принадлежать и русским певцам. Для этого следует совершенно отказаться от продолжения прежних попыток решать эти вопросы на основании отвлеченных от материала соображений, не опирающихся на исследование самых певческих памятников, и — поставить в первую очередь самое подробное изучение взаимоотношений греческого и русского пения первоначальной эпохи христианства на Руси путем двустороннего сравнительного изучения семейно-графических записей одних и тех же песнопений в греческой и русской редакции их. Насколько произведены уже подробные изыскания на этот древний период, можно установить, что на первый план здесь выступает настойчиво мысль о полной несамостоятельности русских напевов и весьма широком использовании греческих напевов и форм музыкальной конструкции их в русском пении.

De Musica. A., 1926. С. 60—67

Прилож. 1.

Прилож. 2.

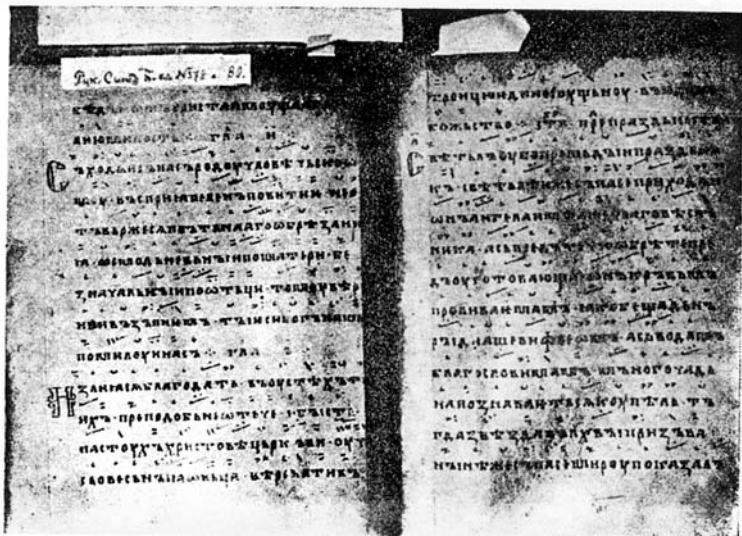
Лаз - про-ца цв у паг-ел-доу^а ба е-ор-гу.
 ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭
 ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭
 свѣ-тъ-ля оу-бо пре-ше-ды-и пра-ды-ми-ль.

Лаз-про-се-ра вѣ-б-уце у ел-ер-ко-це-ву.
 / - ⚭ > ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭
 ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭
 свѣ-тъ-ль и-же-сь-па-се при-хо-дя-и.

е-ки-гу ду-ге-доу е-бхв ел-ау-ге-де-бхв.
 ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭
 ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭
 о-тъ ам-и-на и-ми-а-ше биа-го-вотъ-ми-ка.

кал ав-гу про-до-ков ел-ге про-гу-та-ма-бхв
 ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭
 ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭ ⚭

Прилож. 3.

Прилож. 5.

1. $\lambda\upsilon\text{-}\rho\acute{o}\nu\text{-}\sigma\acute{\alpha}\nu\ \mu\acute{o}\text{-}\tau\alpha\rho\text{-}\alpha\gamma\text{-}\beta\alpha\upsilon\text{-}\tau\omicron\varsigma\ \epsilon\text{-}\pi\acute{\iota}\ \epsilon\tau\eta\varsigma\ \chi\eta\tau\epsilon\varsigma.$
2. $\eta\ \pi\acute{o}\text{-}\lambda\upsilon\text{-}\alpha\gamma\text{-}\mu\text{-}\acute{\alpha}\ \epsilon\acute{\omega}\nu\ \alpha\upsilon\text{-}\theta\upsilon\text{-}\rho\acute{o}\nu\ \epsilon\text{-}\pi\alpha\upsilon\text{-}\tau\acute{\alpha}\ \epsilon\acute{\omega}\varsigma$
3. $\kappa\alpha\iota\ \beta\omicron\upsilon\text{-}\tau\omicron\varsigma\ \epsilon\acute{\omega}\ \alpha\upsilon\text{-}\theta\upsilon\text{-}\rho\acute{o}\nu\ \text{-}\eta\eta\text{-}\beta\alpha\upsilon\text{-}\tau\omicron\varsigma\ \epsilon\kappa\ \epsilon\tau\eta\varsigma\ \alpha\gamma\text{-}\eta\eta\tau\epsilon\varsigma.$
4. $\eta\ \pi\acute{o}\text{-}\lambda\upsilon\text{-}\mu\text{-}\acute{\alpha}\ \epsilon\acute{\omega}\nu\ \upsilon\text{-}\delta\omega\text{-}\lambda\acute{\omega}\nu\ \kappa\alpha\tau\text{-}\eta\theta\text{-}\rho\acute{o}\nu\ \tau\alpha\iota.$
5. $\psi\text{-}\rho\acute{o}\ \kappa\epsilon\text{-}\alpha\upsilon\ \rho\acute{\alpha}\text{-}\beta\acute{\iota}\ \lambda\epsilon\text{-}\alpha\upsilon\ \epsilon\upsilon\text{-}\kappa\omicron\text{-}\beta\alpha\iota\text{-}\alpha\upsilon$
 $\alpha\iota\ \pi\acute{o}\text{-}\lambda\epsilon\iota\varsigma\ \chi\epsilon\text{-}\chi\epsilon\text{-}\nu\eta\eta\text{-}\tau\alpha\iota.$
6. $\kappa\alpha\iota\ \epsilon\acute{\iota}\varsigma\ \kappa\epsilon\text{-}\alpha\upsilon\ \delta\epsilon\text{-}\beta\eta\omicron\text{-}\epsilon\acute{\iota}\ \alpha\upsilon\ \delta\epsilon\text{-}\omicron\text{-}\epsilon\tau\eta\text{-}\tau\omicron\varsigma$
 $\tau\alpha\ \omega\text{-}\nu\eta\ \epsilon\text{-}\pi\acute{\iota}\text{-}\delta\epsilon\iota\upsilon\text{-}\beta\alpha\iota.$
7. $\lambda\eta\text{-}\epsilon\text{-}\chi\eta\text{-}\rho\acute{\alpha}\text{-}\chi\eta\text{-}\beta\alpha\iota\ \alpha\iota\ \lambda\epsilon\text{-}\alpha\iota\ \epsilon\acute{\omega}\ \delta\omicron\upsilon\text{-}\mu\acute{\alpha}\ \alpha\ \epsilon\acute{\omega}\nu\ \kappa\alpha\iota\ \beta\acute{\alpha}\text{-}\rho\acute{o}\varsigma$
8. $\alpha\iota\text{-}\epsilon\text{-}\chi\eta\text{-}\rho\acute{\alpha}\text{-}\chi\eta\text{-}\mu\epsilon\text{-}\alpha\iota\ \pi\acute{\iota}\text{-}\beta\eta\omicron\ \omicron\text{-}\nu\acute{o}\text{-}\mu\alpha\text{-}\tau\alpha\ \delta\epsilon\text{-}\omicron\text{-}\epsilon\tau\eta\text{-}\tau\omicron\varsigma$
9. $\beta\omicron\upsilon\text{-}\tau\omicron\varsigma\ \epsilon\acute{\omega}\ \alpha\upsilon\text{-}\theta\upsilon\text{-}\rho\acute{o}\nu\ \eta\eta\text{-}\beta\alpha\upsilon\text{-}\tau\omicron\varsigma\ \delta\epsilon\text{-}\alpha\upsilon\ \eta\text{-}\mu\acute{\omega}\nu.$
10. $\mu\epsilon\text{-}\chi\acute{\alpha}\ \beta\omicron\upsilon\text{-}\tau\omicron\varsigma\ \epsilon\text{-}\lambda\epsilon\text{-}\omicron\varsigma\ \kappa\upsilon\text{-}\rho\acute{\alpha}\ \epsilon\text{-}\delta\omicron\text{-}\chi\acute{\alpha}\ \beta\omicron\upsilon$

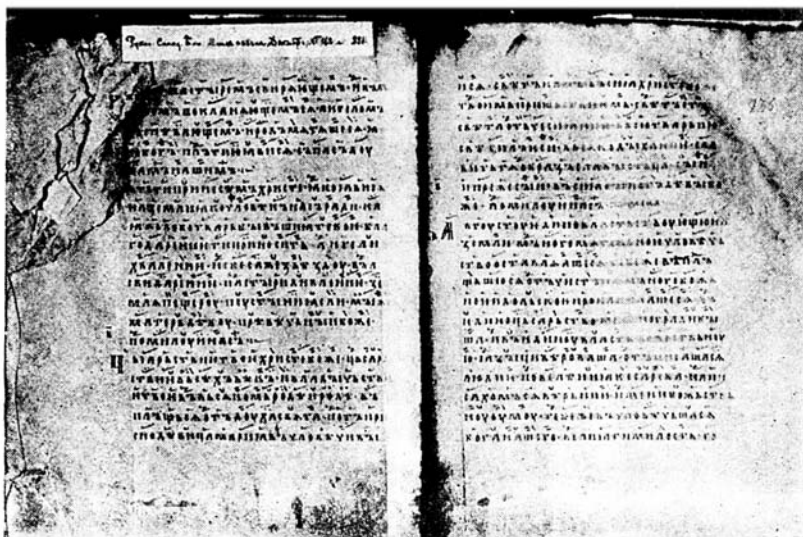
Прилож. 6.

Прилож. 7.

- 1 Ав. ѿу-стоу е-ди-но-вѣ-стѣ-ствоу-ю-щю на зем-ли,
- 2 мѣ-но-ю-мѣ-те-мѣ-но-е-и-но-вн-цѣ-ствѣ-оу-ста-вѣ-а-ше-сѣ.
- 3 те-бе-те-вѣ-нн-цѣ-ша-сѣ-о-тл-и-сти-ѣ,
- 4 мѣ-но-ю-бо-жѣ-но-е-и-до-мѣ-ско-е-про-кн-на-а-ше-сѣ.
- 5 вѣ-е-ди-но-цѣ-са-рѣ-ствѣ-мѣ-рѣ-но-пра-ди-вн-ша,
- 6 и-вѣ-е-ди-поу-вѣ-а-стѣ-бо-жѣ-ствѣ-поу-ю
- а-зи-цѣ-вн-рѣ-ва-ша.
- 7 о-тл-и-са-ша-сѣ-мо-ди-е-по-вѣ-мн-ѣ-кѣ-са-рѣ-ва,
- 8 на-ти-са-хо-мѣ-сѣ-вн-рѣ-ни-и-и-ме-ни-бо-жѣ-ствѣ-поу-оу-моу
- 9 те-бе-те-вѣ-нн-цѣ-ша-сѣ-бо-га-на-ше-ю.
- 10 ве-мн-ѣ-ти-мн-ю-стѣ-ю-сподн, аи-ва-те-бе.

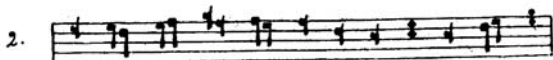
Прилож. 8.

Прилож. 9.

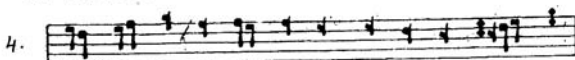
ДѢВУ СЪ СЪ ДИ-НО-НА ЧАЛЪ СЪ ВЪ.Ю ЦЪ НА ЗЕМ-ЛІ,

МНО-ГО-НА ЧА - ЛІ - Е ЧЕ-ЛО ВЪБЪ.КШВЪ ПРЕ-СТА:

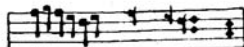
И ТЪ БЪ БО-ЧЕ-ЛО-ВЪЧЪ ШЪ.СА ШЪ ЧИС-ТЫ.А.

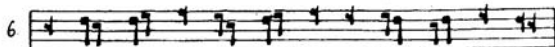
МНО-ГО-БО-ЖІ-Е І-ДШЛШВЪ ОУ-ПРАЗ-ДНИ - СА.

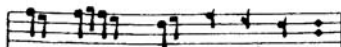
ПОДЪ ДИ-НЪМЪ ЦАРЪ СЪВОМЪ МІРЪ.СНИМЪ

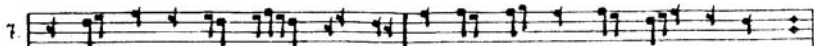
ГРА - ДИ БЫ-ША,

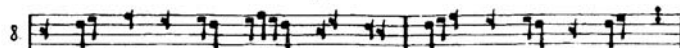
И БО ДИ-НО БЛА-ДЫ-ЧЕ СЪ БО-ЖЕ СЪВА

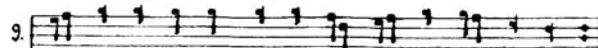
И - ЗЫ - ЦЫ ВЪ.РО-ВА - ША.

НА-ПИ-СА-ША-СА ЛІ - ДІ - Е ПО-ВЪ-ЛЪ - НІ. ЕМЪ КЪ - СА-РЕ-ВЫМЪ,

НА-ПИ-СА-ГОМЪ СЪ БЪР - НІ - Н І - МЕ-НЕМЪ БО-ЖЕ СЪВА

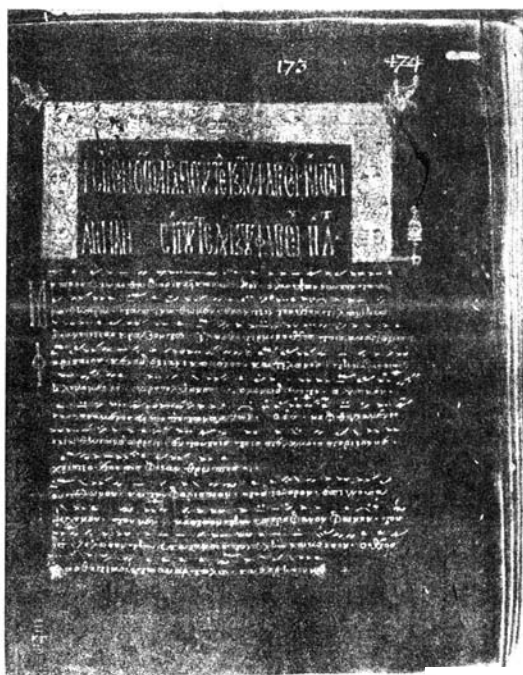

ТЪ БЪ БО-ЧЕ-ЛО-ВЪЧЪ ШЪ.ГШ - СА БО-ГА НА-ШЕ.ГШ

БЪ. ЛІ-А ТЪ-А МІ-ЛОСТЪ, ГОС-ПО-ДИ СА-ВА ТЪ БЪ.

Прилож. 10.

Прилож. 11.

Прилож. 12.

Музыкальный фрагмент, состоящий из двух систем. Каждая система включает нотный стан с нотами и ритмическими знаками, а также текст под ним. Текст написан кириллицей.

Вя-ри-ей тце-ела-ви-ем по-бе-жда-ем.
и-мы-тари по-ка-я-ли-ем при-кло-ня-ем.

Прилож. 13.

Два страницы рукописи с текстом, набранным в два столбца. Текст написан старославянскими буквами. В начале первого столбца на первой странице виден заглавный знак «А».

НУБРОКИМАНИЖИПАТЭСНИ
МИПОКАНИПЪСАГКОМОЛА
ЧИСАУДОУШАКАША
ГОМАУАВЕНАМПАМАНВНИ
НАМЪГЪТВЕНОДОУ БОГОМОСМИ
НАПОСГОДНОБАКАМИНОУ
БЪСАНИВАУМАНИШИ ДЖИА
ДАШИ ПРЪТУНСТААГЪИЖНОМА
УАЛНААГЪТВЕНОПЪСАЛАИ
РАЗНОЛЪТЪИХУ ИНОУБИ
ШЕМАЖИНЕКЕКАМЪИЖНАУСЪ
СКОИМЪЛАДАКЮНОРЪШАУ
ШЕ БОГОПЪИМЪТЪНОИПЪТУН
СПАНЪГЪЛОПЪТАПОУШАЮШЕ
СТАУХЪАВЪДЪИЖИМЪВЕЛА
ХОУ ПРЪПАТРЪВНОКЕПРЪЖЕПРЪ
ДАХОЖАХОУ ИМЪВНАПМОВАШИ
БАХОУ ПРЪБЪИШЕИНИКАУИ
НОУАУЛАНИКОЛАСЕВЪХУ
ЦЪСАНИА БОГОСОУРОКОВИЦА
ПРЪИДЕ БЪХЪКЪЕЧЕВРАИ
ИНИОПРЪБРАСАМОИНИЛАТЕ
ПАНЕВНОУЧАЛЪВКУЧАЛАУ
РЪУОИВРАДЪПАРАУОЖИВ
ИУТРАКЪИНИЛЪПАНИНИ
УАНИВ ПАНИА ГЛАУАРИШЕИ
ИСЛАОЖРАХИТЪАДОУРАИ
ДОУЮУКАЧАТОЛААТНИКА
ТМОЖАВЪТОРАКОНЪАНШЕ
ИЛИИНАТЪИТЕАВЪСАКА

176

Культурная музыка в России

(Фрагменты)

II. Древнейшей формой русского пения следует признать так называемое пение кондакарное. До известной степени происхождение его загадочно. Нигде вне России не найдено до сих пор подобных Кондакарям певческих книг, между тем по целому ряду причин кондакарное пение нельзя считать явившимся впервые на русской, и даже вообще славянской, почве. И в самой России пение это представлено пятью рукописями XI—XIV веков, после какового времени оно совершенно не встречается. Изучение содержания этих книг, насколько оно выполнено исследователями, приводит к следующим данным. Текст кондакарных певческих книг служат далеко не все входящие в состав позднейшего богослужения песнопения, но лишь такие, которые по своему устройству принадлежат особой музыкально-поэтической греческой богослужебной системе, носящей название асматического, или песненного последования. Она сложилась в греческой церкви после VI века. В ней отдается преимущество пению пред чтением, а в пении — элементу сложно-мелизматическому пред речитативно-повествовательным. Такой тип богослужения был известен еще в глубокой древности, когда, например, еврейское богослужение как бы все превращалось в музыку и пение при совершении жертв или когда на первый план выступали особые художественные формы исполнения псалмов попеременными хорами, по стихам, с припевами «аллилуиа» и т. п. В собственно христианской древности ему соответствует, быть может, та форма, которая известна под именем глоссолалии и которая была близка к экстатической форме богослужения, когда звуки и слова приобретают особое значение символов, независимо от словесного смысла их. Этот общий характер мелизматического пения можно находить в пении кондакарном уже при первоначальном ознакомлении с ним, каковым, надо сказать, и ограничивается все наше понимание его, за отсутствием каких-бы то ни было средств его расшифровки. Главнейшими особенностями кондакарного изложения, по сохранившимся памятникам, являются: 1 — наличность ряда музыкальных знаков для пения отдельных слогов с повторением гласных звуков под каждым знаком; 2 — вставные звуки между этими гласными, как, например, *х, в, н, у*, отчего иногда получаются продолжительные вставки, вроде следующих: *хавоуаиаавоуа, хивоуи, воохохо, хаха, неуе, нее* и т. д.; 3 — присутствие музыкальных

формул, не связанных с текстом, как *неагие, анагма, нана, неанес* и т. д., особенно в слове «аллилуиа» достигающих большой сложности; 4 — знаки и буквы среди текста, к нему не относящиеся, так называемые *мартирии*, понимаемые обыкновенно как показатели лада; 5 — изложение напева посредством двоякого рода знаков, из которых одни близко напоминают хирономические знаки, то есть знаки, воспроизводящие графически движение руки для указания мелодических оборотов, а другие — более простые по начертанию, значение которых точно неизвестно.

Но главной формой, получившей в дальнейшем прочное и устойчивое положение, была другая система, которую можно назвать *стихиарной*. Исходным началом и прототипом для нее служила также большая литургическая древность. Правда, если иметь в виду еврейское богослужение, в нем формы как бы еще слиты вместе, господствует известный синкретизм. И только в христианском культе византийского средневековья вырабатываются позднейшие формы культа. Основная форма — *стихира* — в сущности была полным подражанием ветхозаветному псалму, но с большим эпическим спокойствием в изложении, с преобладанием повествовательного элемента и с небольшими молитвенными-лирическими отступлениями. В полном соответствии формировался и музыкальный элемент, отходя от необыкновенно сложной, даже, быть может, намеренно сложной, ткани к более простой, от сложной мелизматической формы — к певучей мелодии и даже тому, что мы называем речитативом, к чтению нараспев. На первом месте здесь был уже не звук, а слово. В основу стихиры была положена строфная форма — с одной стороны, отсутствие мелизмов — с другой, и заключение, как припев — с третьей. Местами, в видах особой выразительности, удерживалось и мелизматическое изложение, особенно в иллюстрации тех слов, которые говорили о тайне, имели высший смысл в песнопении. У нас в России эта система возобладала и лежит в основе всего русского церковного пения не только прошлых времен.

Древнейшей ее формой является так называемый *знаменный распев*. Этот термин образовался на Руси, но «знамя» и «знаменный» есть не что иное, как буквальный перевод греческого *σημείον*, то есть знак, образ, начертание. У греков этим словом назывались те знаки, которыми были записаны напевы; поэтому смысл наименования ясен: русские назвали знаменным распевом записанные особыми знаками богослужебные песнопения. От древних времен этот термин перешел во всеобщее употребление. Попытка заменить его русским словом «столповое» пение, или столповой распев, в смысле главного основного распева, примененного

к «столпам» осмогласника (то есть чередованию в богослужении восьми гласов), оказалась непрочной и не привилась.

Книги русского знаменного распева имеются налицо от XII века, а самые распевы в позднейшем нотной линейной изложении занимают среди всех прочих напевов первенствующее по древности значение. Знаменная семиография стала единственным способом записи для всякого рода напевов церковных и употребляется даже до сих пор в церковном пении у старообрядцев-беспоповцев.

III. Так как тексты богослужебных песнопений создавались не в России, а были плодом поэтического творчества византийских «песнотворцев», то корни этого искусства следует искать в Византии. Весь материал богослужебных песнопений, вошедший в наши книги, представляет собою результат пышного расцвета этого творчества за его блестящий период до X века. На месте своего происхождения этот поэтический материал неизбежно облекался немедленно же, если не под пером одного и того же автора, в форму музыкально-певческую, ибо это было «песнопение», гимно-графия. Здесь гимн, как хвала, не мог оставаться исключительно в оболочке слова, не доходя до завершения в мелодии, песне. Такой характер творчества в конце концов приводил к тому, что в основе музыкального изложения лежала та же самая форма, какая была положена в основу словесного. Поэтому, например, лежавший в основе конструкции псалмов словесный параллелизм целиком отражался и в музыкальной форме, так должно было быть и в христианских стихирах. Элементом необходимого контраста выступали дополнительные части в виде запева, припева, вводных и заключительных частей. Таким образом создавалась художественная оболочка словесной и музыкальной стороны песнопения. Проследить ее в тексте не трудно; что же касается самого напева, то и в нем вполне возможно это сделать, но не путем прочтения музыкальных знаков (так как они остаются до сих пор не вполне понятными для древнейшей эпохи), а путем сравнения самых начертаний. Насколько форма эта существенна для русского богослужебного пения на протяжении всей его истории, насколько она глубоко заложена в существо самого напева, подтверждается тем несомненным фактом, что напевы и формы одних и тех же песнопений в изложении XII и XIX века обнаруживают нередко полную тождественность.

Написанные уже не греческими песнотворцами песнопения, явившиеся на Руси и здесь изложенные знаменным распевом, следуют вполне его

основным формам. Это подтверждается теми службами русским святым, которые в значительном количестве внесены в певческие книги в XII и XIII веках. Таковы певческие изложения служб князьям Борису и Глебу (перенесение мощей в 1072 г.), Феодосию Печерскому (1108) и др.

Одним из неопровержимых выводов отсюда следует то, что в отношении, по крайней мере, формы (не только текста, но и напева, — а это и представляет для нас существенное значение) русские песнотворцы не создали ничего нового, целиком заимствовав ее у греческих песнотворцев. Если же это так, то в значительной степени определяется взгляд и на музыкальное изложение, которое, по обычаю эпохи, составляло с текстом органическое целое. Но каково же происхождение русской семиографии, или той нотописи, тех знаков, крюков, которыми записаны церковные напевы древнейшей эпохи? В каком отношении они стоят к знакам греческих певческих книг того же времени? Те или другие ответы на этот вопрос приобретают принципиальное значение, как решающий момент в вопросе о происхождении самого русского церковного пения. Если кондакарная система не имеет для себя полного прототипа в сохранившихся памятниках греческого пения, то в отношении системы знаменной история счастливее. Памятники этой системы для той эпохи XI—XIV веков, когда могло происходить и действительно происходило тесное взаимообщение Русской церкви с Греческой в области богослужения, многочисленны и открывают полную возможность сравнительного изучения. Поэтому есть возможность опереться на ряд исследований. Однако всем им недостает надобной определенности и окончательных выводов. Знаки музыкального письма признаются по существу заимствованными, но разработанными для русских напевов здесь, у нас в России. Степень заимствования и размеры переработки, однако, остаются невыясненными. Были попытки даже отрицать заимствование и считать знаменное письмо вполне русским. Но соображения, лежащие в основе такого утверждения, мало имеют дела с самой технической стороной письма, а заимствуются всего более из области общекультурного и национального обихода русской истории. Более близкое знакомство с материалом приводит к заключению, что знаменная нотация древнеславянских певческих книг есть нотация греческая, с незначительными изменениями приспособленная для распевания славянского текста. Греческая нотация была заимствована славянами для записи греческих же церковных напевов, а не каких-либо самостоятельных или оригинальных мелодий. Это приспособление и эти изменения являются в нашем пении как остатки той работы

над греческими напевами, которая была проделана над ними первоначально не в России, а в тех славянских землях, которые раньше России приняли христианство по греческому обряду, то есть главным образом в Болгарии. Древняя Русь приняла греческое богослужение и обрядность в готовом, сложившемся во всех своих подробностях, виде, и пение богослужебных песнопений на славянском языке перешло к ней от соседних славян. Но как происходило у последних усвоение греческих элементов и какие фазисы развития прошло оно прежде, чем достигло древней Руси, все это остается невыясненным в русской исторической науке. Поэтому отделить элемент славянский от чисто русского в области напевов невозможно.

Еще меньше значения имеют попытки некоторых исследователей утверждать, что наши напевы заимствованы с греко-сирийского востока, а не из Византии; меньше — потому, что разграничение собственно певческих элементов Византии и греко-сирийского Востока само по себе требует точного обоснования, какого недостает современной науке вообще и используемым этими исследователями доводам в частности.

Текст певческих книг только — славянский. Присутствие греческих текстов и отдельных слов весьма незначительно. Понятно, что преобладание в составе иерархии в первые времена русской церкви греков должно было иметь своим последствием введение богослужения на греческом языке. Но, очевидно, это было случайным явлением, исчезнувшим, когда иерархия стала исключительно русскою. Впрочем, были и другие основания для введения греческих текстов в славянское пение: они вводились как намеренное свидетельство близкой связи между церковью греческой и русской, связи, которая тогда сознавалась ярко и определенно. <...>

IV. Твердо усвоенные с первых дней христианства на Руси, церковные напевы передавались из поколения в поколения в силу общих церковных традиций подобно тому, например, как в родственной сфере церковной иконописи для русских художников на первом плане стоял византийский тип изображений или как в области литургической не подлежащими изменению навсегда были признаны известные древнехристианские и византийско-греческие формы. Резкое разграничение всего мирского от церковного, крайняя боязнь хотя бы и ничтожных нововведений в ритуал, невозможность противопоставить сложной, детально разработанной греческой богослужебной системе какую-либо свою — все это сосредоточило энергию церковных певцов в тесно замкнутой области. Им прихо-

дилось исходить от наличного материала, а не увлекаться свободой творчества. Первыми работами их являются опыты приспособления существовавших мелодий-напевов к новым текстам, то, что исстари получило у них наименование роспева, или распеванья. Новые тексты явились уже в XII веке, когда составлены службы вновь канонизованным русским святым. Принципиально можно было бы ожидать, что русские певцы проявят здесь известную самостоятельность, но на самом деле этого не замечается: вместо создания новых мелодий новый текст распевался точно по образцу старого. Если при этом и допускались неизбежные отступления и изменения оригинала, то все же — не в такой мере, чтобы можно было говорить о какой-либо степени оригинальности в творчестве русских певцов.

Другого рода побуждения к разработке напевов коренились в потребности бóльшего разнообразия в исполнении церковных служб особого значения. Сюда относятся: местные празднования, количественно увеличивавшиеся с размножением на Руси храмов и монастырей; приспособление к соборному, епископскому, а с XVI века и патриаршему, служению; наличность опытных певцов, выделение из них наиболее талантливых, способных к самостоятельной работе над напевами и т. п. Казалось бы, и здесь были уместны свободно созданные мелодии и обнаружение свободного творчества. Но на самом деле перед нами и здесь — не работа композитора-творца, а только распевщика-творца, который, как и в первом случае, исходит от данного материала, комбинирует наличные его элементы, развивает и варьирует напев. Если он и посягает иногда на то, чтобы поставить рядом с образцом свое, личное, то придает ему такую форму, в которой все нивелируется этим образцом, то есть творит подражательно.

Таков, надо полагать, был процесс образования основного русского церковного роспева, известного под именем знаменного. К этим выводам приводит археологическое и палеографическое изучение сохранившихся памятников. Наблюдения над изложением песнопений в различные периоды истории знаменного роспева убеждают наглядно в замечательной сохранности напева от древнейших времен до позднейших: не только самая структура музыкального изложения песнопения, форма его, но часто даже мелкие подробности сохранены с удивительной точностью. И, что главное, так это то, что сравнение этого изложения возможно и дальше, — его можно доводить до параллельных греческих оригиналов XII—XIII веков. Такое широкое сопоставление, на протяжении целого

ряда столетий, форм и изложений было бы совершенно невозможно при отсутствии органической зависимости и преемственности между ними. Она есть, как и должна быть. Признание такой зависимости и связи облегчает понимание многих явлений в истории русского пения, остающихся непонятными и загадочными в противном случае. Достаточно указать на следующие.

В русском пении до сих пор хранится весь литургический «устав» греческого происхождения, понимаемый не в смысле только внешнего распорядка служб и их организации, но и в смысле более узком, можно сказать, музыкально-техническом. Таков именно тот «октоих», по системе которого строилось и продолжает существовать русское пение. Не входя здесь в подробности дела, достаточно указать, что в русском пении хранится до сих пор вся музыкально-техническая номенклатура и терминология, начиная от «октоиха» — осмогласника и кончая хотя бы «фитой», «параклитом» и «хамилом» русской знаменной азбуки. Все термины сохраняются на тех же местах, какие они занимали в своем прототипе. Этого мало. Все песнопения русских роспевов, имеющие параллели в греческих собраниях богослужебных напевов, сохраняют до сих пор один и тот же глас с греческими, чего не объяснить случайным совпадением или намеренным и так строго проведенным сохранением верности только одному гласовому изложению. Для этого должны быть более глубокие основания, и они оправдывают ту точку зрения на происхождение знаменного роспева, которая была установлена выше.

С другой стороны, при таком полном усвоении греческих певческих образцов, когда была принята вся система богослужебного пения, казалось бы, должна быть усвоена и музыкально-теоретическая и техническая часть. Правда, термины и номенклатура остались у русских певцов без изменения, но и только. Оживляющий теорию творческий дух нельзя было перенять и заимствовать путем исключительно внешним; для этого усвоения была необходима конгениальность, которой в те эпохи мы не замечаем. Если самое учение христианское воспринято было русскими далеко не в совершенстве, если обрядоверие, это ограничение области духа и веры, следует считать характерным для всей истории русской церковной жизни, то неудивительно, что у русских рядом с заимствованной системой пения, рядом с самыми певческими образцами не стояла не только развитая наука о них, но, быть может, и самая элементарная способность в них разбираться. Да и не легко было — это нужно признать раньше всего — неискушенным в вопросах художества и науки русским

певцам овладеть богато развитой музыкально-художественной и поэтической дисциплиной Византии. Кондаки, икосы, тропари и ирмосы, гласы, подобны и проч. — все это перешло к русским и осталось у них навсегда, но лишь как непонятные, лишенные музыкально-поэтического смысла *termini technici* недоступной для них дисциплины. Русским пришлось самим разрабатывать музыкальную грамматику на усвоенных образцовых напевах, и в течение трех-четырех веков они исполнили эту задачу, как могли. В XVII веке техническая часть знаменного распева представлялась русским певцам вполне ясной, но — должны мы сказать — лишь в пределах данных напевов, наличного материала, его структуры и группировки, а не со стороны лежащих в основе самой композиции этого материала законов, не «теории» его в строго определенном смысле этого слова. Русская «теория» знаменного распева оказалась построенною в совершенно ином масштабе, с другим размахом, сравнительно с развитием и органическим ростом западной средневековой музыкальной науки. Это и могло быть только при том лишь условии, что русские певцы оставались всегда «ропсепщиками», и если именовали иногда себя и «творцами», то в том смысле, как это и замечено о наших старых певческих авторитетах XVI века, что они «вельми знаменного пения распространили и наполнили», или еще «ропсепи и изъяснили». Такими именно были наши старые «мастера» пения, имен которых так мало хранит нам история. <...>

Все эти соображения позволяют согласиться с теми общими выводами, которые давно уже выработаны исследователями по отношению к произведениям старого русского искусства в области живописи, иконописи и других областей художественного творчества. Наше искусство, зародившееся под могучим чуждым влиянием более высокой культуры, не развило в себе на протяжении долгой истории самостоятельных художественных движений, которые могли бы привести его к созданию своего художественного типа, способного вытеснить тип заимствованный и чужой. Певческое искусство древней Руси не столько росло вверх, сколько бессильно расплзлось в стороны, оставаясь по существу на одном и том же уровне. В этом случае на помощь русским певцам не приходила наука, которая только и могла развить необходимую энергию и жизнь в искусстве, так как вполне отсутствовали благоприятные для того условия. Первоначальный, внешне усвоенный, музыкально-певческий тип остался единственно возможным в русском пении и безраздельно господствовал, по крайней мере до конца XVII века.

Необыкновенно строго проведенная в русском пении — с самого его начала и до наших дней — система осмогласия, музыкальная по существу, превратилась у русских певцов в механическую номенклатуру, лишенную внутреннего смысла. Что в старом знаменном распеве остаются следы подлинного, музыкального осмогласия — несомненно и для нас, как несомненно это было и для старых русских певцов. Однако их понимание этого осмогласия не пошло дальше приурочения того или другого гласа к самому напеву, мелодии. Такое свойство подлинного, музыкального осмогласия, как родство 1 и 5, 2 и 6, 3 и 7, 4 и 8-го гласов, это отношение автентических ладов к плагальным, лежащее в основе греческой теории ладов, не осталось вне поля зрения и старых русских певцов, но для них оно предоставлялось только сходством мелодических оборотов того и другого гласа, а не теоретическим законом, определяющим это отношение. Понятие гласа как лада у русских никогда не существовало; глас определялся певцом по наличию в напеве типичных, в этом только гласе встречающихся, оборотов, которые он назвал «попевками». Он различал до ста таких оборотов или попевок в каждом гласе... В определении и номенклатуре их русские певцы обнаружили чрезвычайную наблюдательность. В самом деле — здесь и подъем, и перегиб, завивец, пригласка и возгласка, задевец и подвертка, скачек большой, переметка и т. п. Но дальше этого они не шли. У них не выработалось даже понятия звукоряда.

V. Наиболее интенсивной их теоретической работа оказалась в изучении особенностей практиковавшегося у них крюкового письма, или семиографии. Это была более доступная и, можно сказать, неизбежная задача, так как, с одной стороны, здесь имели дело с наглядными графическими начертаниями, а с другой — без умения разбираться в них невозможно было певческое исполнение напевов.

Семиография также первоначально была заимствована у греков. Только с XIII века можно замечать в русских памятниках более или менее значительные отступления, которые, увеличиваясь и расширяясь с каждым последующим столетием, скоро превращают заимствованное в прочно усвоенное, почему вполне возможно говорить о русской семиографии, разработанной русскими певцами в приложении к русским напевам.

Знаменная система нотописания существенно отличается от позднейшего интервального нотописания греков и от невматического письма западной музыки. В ней осуществлен не наглядный принцип построения

начертаний, соответственно повышению и понижению входящих в данную мелодию звуков, но исключительно условный. Несомненно, таким же было и нотописание древнехристианской восточной церкви, почему оно и служит до сих пор предметом спора ученых, желающих подойти к его расшифровке. Наши русские знамена не читаемы до XVI, а лучше сказать, до XVII века, так как каких-либо пособий для их изучения не имеется. Сами певцы, очевидно, руководились певческим преданием, передаваемым из уст в уста, и знакомились с «крюками», как обычно назывались и называются эти безлинейные знаки, лишь практически, понаслышке. Только с XVI века в певчих рукописях можно находить небольшие азбучки с изображением отдельных крюков и их обычных названий, а иногда и более подробные объяснения. Из сопоставления их можно сделать вывод, что певцы различали высоту изображаемых крюками звуков посредством разделения последних на части, или области, именуемые мрачною, светлою и тресветлою, и таким образом легче могли разбираться в них. Условность изображения была велика, так как большинство крюков обозначали не отдельные звуки сами по себе, а всегда в соединении с другими, причем количество звуков иногда было очень значительно, особенно в так называемых фитах, обозначавших условно целые музыкальные периоды, и даже сложного иногда построения. Насколько беспомощными — с позднейшей точки зрения — являются объяснения крюков, можно убедиться из примеров вроде следующего: «Крюк простой возгласить мало выше строки. Мрачный — мало простого выше возгласить. Светлый — мрачного выше возгласить. Стрелу светлую — подержав, подернути вверх дважды. Громосветлую — из низу подернути кверху. Голубчик малой — гаркнуть из гортани. Запятую изнизка взять. Дербицу подроби гласом кверху» и т. д. Как высоту, так и продолжительность звука крюки указывали лишь приблизительно: «Две стопицы мерою в гласовнем скоробежании противо крюка единого. Два же крюка мерою противо крюка единого со оттяжкою» и т. п. — говорится в позднейших даже «толкованиях знамени». <...>

VII. Первенство знаменного распева и других так называемых древних распевов, их господство в богослужбной практике в течение многих веков русской истории и сохранение ими этого значения в известной степени до самого последнего времени достаточны для того, чтобы с исторической точки зрения за ними было признано право представлять собою именно существенное содержание русского пения. Все эти древние распевы сохраняют, в качестве отличительного, признак вполне архаиче-

ский — унисонное, одноголосное изложение. Этим признаком определяется исторический ценз русского пения и его своеобразный стиль. С этим признаком русское пение не порывает связи до настоящего времени, когда вся область «древних» роспевов как бы вклинивается в современное искусство, продолжая противостоять и не поддаваться дальнейшему развитию. Та система современного музыкального искусства, которая в качестве единственно возможной принята и усвоена европейскими народами и с которой в несомненном отдаленном родстве находится наше одноголосное древнее пение, развилась у народов Западной Европы путем перерождения одноголосного типа музыки в многоголосный. Европейская музыка вполне естественно получила современный тип свой из ряда промежуточных, начиная с архаического. Между тем архаический тип нашего русского церковного пения никакого дальнейшего развития не получил и с XVII века продолжает свое обособленное, не сливающееся органически с другими современными формами, существование.

До некоторой степени это явление напоминает положение *cantus gregorianus* в истории западного церковного пения, где также в живом практическом употреблении хранится осколок архаического типа. Но различие все же слишком велико: западные унисоны нашли свое развитие и завершение в позднейшей музыке, а наш основной древний роспев не определил даже наиболее подходящих для себя многоголосных форм.

Исторические причины, воспрепятствовавшие нашим древним роспевам породить свой собственный музыкальный мир и перейти в последующие фазы развития, заключаются как в условиях общекультурного состояния древней Московской Руси и древнерусской церковной жизни, так и в существе музыкального строения русского пения, обусловливаемом самым происхождением его. Степень усвоения заимствованного стиля, очевидно, не оказалась настолько достаточной, чтобы русские могли переработать его с требуемой самым делом быстротой и основательностью. Перед лицом разнообразных влияний до XVII века осуществить эту переработку русские певцы не сумели, не смогли, и древнее русское пение было оставлено в беспомощном положении перед силой разнообразнейших позднейших влияний.

Возникает в высшей степени важный вопрос: неужели за продолжительное, многовековое существование одноголосного пения на Руси, при несомненном движении в пределах его к расширению и дифференциации богатейшего мелодического материала, при параллельном у русского народа существовании своеобразного многоголосия народной

песни, — церковное пение независимо ни от каких влияний не развило в себе потребности хотя бы первоначальных форм многоголосия? Иначе говоря: неужели история церковного пения не знает никаких древних форм русского контрапункта и гармонии?

Обыкновенно ответ таков. Ввиду полного отсутствия в позднейших памятниках даже намеков на подобные проявления творчества в установлении многоголосия именно русскими творцами, приходится утверждать, что у них в эпоху XVI—XVII веков не возникало об этом и предчувствия. Такой ответ понятен, но самое отсутствие этих памятников можно подвергать сомнению и находить отдельные указания противоположного свойства. По крайней мере возможны и иные ссылки на историю. Древнейшими памятниками многоголосного пения на Руси оказываются не те, которые писаны западной нотолинейной системой, а те, которые писаны русскими крюками; это — так называемые «знаменные партитуры» на два, три и четыре голоса. Конечно, самый факт существования таких партитур еще недостаточен для доказательства самостоятельности этих опытов многоголосия у русских певцов начала XVII века, но он весьма показателен и требует объяснений. К сожалению, обычная для нашего предмета неразработанность источников и старых памятников особенно велика в этих специальных вопросах, и мы имеем в распоряжении только немногие и невыясненные данные.

В то время как позднейшее, западное многоголосие выражается в заимствованных и исторически известных формах и терминах, — русское раннейшее многоголосие выражается в формах и терминах чисто русских. Например, вместо вертикального сложения позднейшей партитуры находим здесь — захват, подхват, строки, низ, путь, верх, демество, верхом или путем противу демества, демественное «э» и множество других, скорее контрапунктических, терминов, как бы вызывающих к признанию их русского смысла, но не исследованных еще и не открывших своего подлинного значения. Здесь можно упомянуть также о весьма загадочном «казанском знамени», которому С. В. Смоленский пытался придать характер особого русского контрапунктического письма. За всеми такими первоначальными опытами многоголосия утвердилось русское наименование «строчного пения», в представлении старинных певцов резко отличавшегося от позднейшего «партесного» многоголосия. Новое явление, лежащее в основе строчного пения, то есть различие реальных голосов в пении, по-видимому, немало интересовало русского певца, который искренно удивлялся, как это пение «едином

гласом наченшесе, слагается в триех степенех и пятых (то есть терции и квинте); темже и гласов имать три: низ, путь, верх, свой каждо глас имущий и во едино согласующий». Когда русские певцы познакомились с западным многоголосием, условия и формы которого легко было узнать из различных «грамматик» и «азбук», тогда свое строчное пение должно было признаться в бессилии и уступить место новому. Сравнение того и другого выяснило превосходство последнего, и певцы сами признались, что в «...трострочном пении ничтоже есть согласия, токмо несогласная тригласия, шум и звук издающая. И несведущим благо мнится, сведущим же неисправно положено разумеается. Понеже в России степени (то есть интервалы) никому же знаеми суть, сего ради и не могут отлучити злых гласов от благих (диссонансов от консонансов!). Темже глас согласный губят и не разумеют. Како он имать разумети, ничтоже сведый учения мусикийского?» Итак, русский тип многоголосного пения остается пока, впредь до будущих серьезных исследований нашей певческой старины, только загадкой.

VIII. По всем данным, многоголосное пение русского изводу не получило распространения. На первом плане и вторая половина XVII века ставила пение одноголосное, о котором так много заботилось и правительство, учредившее комиссию Мезенца. Действительно, Мезенец хотел довести дело до конца и дать певцам исправленную редакцию напевов с новым истинноречным текстом в наилучшей форме — печатной; его комиссия работала над этим делом, и некоему Федору Иванову Попову, еще в 1652 году, поручено было «заводить знаменное печатное дело». Все было предусмотрено и подготовлено. Препятствие явилось со стороны. В то время знаменная нотация употреблялась исключительно уже с киноварными шайдуrowsкими пометами, и печатать нужно было как самые знамена — тушью, черной краской, так и пометы — красным цветом, киноварью. Техника современного печатного дела в Москве одолеть этого препятствия — двуцветного печатания — не смогла, и Мезенец убедился, что «ныне в нашем старороссийском знамени сим согласовным пометам сими известительными литерами в печатном тиснении быти невместно». И он сам занялся работой по замене киноварных помет такими знаками, которые можно было бы печатать черной краской и которые вполне заменяли бы собою шайдуrowsкие пометы. Он предложил особого рода дополнительные значки для показания «степени», как тогда говорили, то есть высоты и назвал их «признаками». Система признаков вполне воспроизво-

дила систему шайдуровских помет и не вносила в этом отношении ничего нового. Комиссия одобрила и постановила ввести их. Но наступали другие времена, и проект печатания остался невыполненным. А признаки тем не менее вошли во всеобщее употребление, хотя уже не в качестве заменяющих их, но дополнительных к ним знаков. Знаменные рукописи с этого времени стали и пометные, и призначные — в одно и тоже время.

IX. Таким образом, русские певцы запоздали с реформами: время шло вперед быстрее и властно толкало их на новый путь. Вторая половина XVII века захватила все области русской жизни широким движением на Запад, не остались в стороне и певцы. Процесс сближения намечается и ранее, но теперь только принимает прочные и определенные формы. В результате движения русские получили многоголосное хорошее пение западного склада, новую музыкальную теорию и новую систему нотописания. Конечно, все эти приобретения были тесно связаны одно с другим, но усвоение их шло различными путями и в русском преломлении они получили различный характер. Легче и прочнее всего было усвоено линейное нотописание, первоначально примененное для записей одноголосных роспевов. Быть может, в этом случае имело большое значение то обстоятельство, что линейная нотопись употреблялась уже для записывания знаменного роспева в пределах Киевской и Юго-Западной Руси. В XVI веке Киевская Русь, вошедшая в состав польского королевства, целиком пользовалась линейной системой; осуществившаяся к концу этого столетия уния с католической церковью неминуемо вела к самому тесному сближению с бытом католиков, на западе задолго до этого времени усвоивших линейное нотописание для богослужебных певческих книг. Начавшиеся в это время сношения с Польшей, все развивавшиеся в дальнейшем, как нельзя более облегчали подобное заимствование. Одним словом, линейное нотописание было усвоено русскими певцами значительно раньше усвоения многоголосия и было применено первоначально для записи одноголосных старых роспевов, с наименованием его «киевским знаменем».

А. В. Преображенский. Культурная музыка в России. Пг., 1924

Сразу после возвращения с Афона Преображенский определил свою точку зрения на древнейшие русские певческие книги: она изложена в его докладе в ОЛДП в декабре 1907, и публикуемая статья, появившаяся в РМГ в 1909, является авторской версией этого доклада.

То, что Преображенский и позже отстаивал свою позицию, может свидетельствовать конечный вывод в его публикуемой статье о русско-греческих певческих параллелях 1926 года:

Насколько произведены уже подробные изыскания на этот древний период, можно установить, что на первый план здесь выступает настойчиво мысль о полной несамостоятельности русских напевов и весьма широком использовании греческих напевов и форм музыкальной конструкции их в русском пении.

Те же мысли развиваются в книге Преображенского «Культурная музыка в России» (Пг., 1924), фрагменты которой также помещены в данном Приложении. Можно отметить, что «медиевистическая» часть книги в идейном смысле приходит в значительное противоречие с соответствующими разделами более ранней обзорной работы Преображенского «Очерк истории церковного пения» (правда, та работа проходила по жанру учебного пособия, и, следовательно, слишком радикальные идеи были там неуместны). Все певческое искусство русского Средневековья рассматривается в «Культурной музыке» как «бледная копия» того великого наследия, которое было получено Русью из Византии.

Откуда у Преображенского такое разочарование в том, чем он занимался всю жизнь, — пока сказать трудно. Возможно, что-то зависело от «политической конъюнктуры» 1920-х годов, но ведь никакая конъюнктура не помешала ученому очень ярко, хотя и кратко, написать в той же книге о духовном творчестве Чайковского, Римского-Корсакова, деятелей Нового направления. Ответа на вопрос можно ожидать, по-видимому, только от подробного исследования архива Преображенского.

Священник Дмитрий Аллеманов

Курс истории русского церковного пения

(Фрагменты)

Многовековыми титаническими усилиями эллинского гения открывалась для человечества тайна его *чувства-жизни*. И в каких чудных образах художественного творчества обнаружилось чувство в мире мыслию эллина! <...> Все памятные образцы искусства до нашей эры принадлежат эллину, и искусство — плоть и кровь его.

По исполнении времен — когда эллин вместе с евреем подошли (хотя и разными путями: один умом, а другой сердцем, но оба из Египта приняв начало своего мессианства) к тому пункту истории, с которого должно было начаться христианство, и эллин, как высший по интеллекту и владеющий большими средствами цивилизации, принял на себя миссию христианизации народов — он передал в новую жизнь свое искусство в готовых и совершенных формах.

Углубленная же идеология христианская только способствовала цветению эллинского искусства. И народы иных рас, вступавшие в лоно христианства, в своей новой духовной деятельности неизбежно встречались с эллинским искусством если не в подлинных произведениях его, то в основах, и вливали в него свои струи, иногда освежавшие, иногда же омутнявшие его.

Так, *сифийское* влияние на эллинскую музыку, начавшееся еще в александрийский период греческой образованности и перешедшее к христианству, возродило в ней прежний величавый стиль, утратившийся было под гнетом римских и других варварских идеалов искусства, проникших в нее за период перерождения эллина в нынешнего грека (приблизительно от времени переименования Греции в римскую провинцию Ахейю, 146 год до Р. Х.).

Это влияние особенно отразилось и было благотворно в церковном пении. Здесь гением и трудами знаменитых сирийцев от Игнатия Богоносца († 107) и Иоанна Златоустого и чрез Романа Сладкопевца до Космы Маюмского и Иоанна Дамаскина († 456), руководившихся идеей кафоличности Церкви, — сообщены были эллинской музыке большая всеобъемлемость и общеприемлемость. В греко-сирийской редакции эллинская музыка стала для христианской Церкви вполне угодной служительницей. А глубокое понимание великими мужами задач Церкви сказалось на содержании пения: оно стало естественно-простым, общим и вдохновенным выражением чувств верующей души. (*Образцы в приложении под № 2.*)

Другое из заметных влияний было византийское (греко-латинская смесь). Оно возникло и развилось вместе с расцветом Восточной Римской империи, или Византии, то есть после Феодосия Великого († 395), хотя до Юстиниана Великого (527—565), создателя константинопольской Софии — последнего великого произведения эллинского искусства — не было особенно сильным и не коснулось теоретических основ музыки, не изменило традиций, но отразилось лишь в характере и содержании произведений ее.

Направление это особенно усилилось, когда на престол империи стали восходить греки (македонская династия, вступившая в лице Василия I в 867 году), а высшее греческое общество питало ложную уверенность, что в Византии возродилась древняя Эллада. Но в жилах византийских греков уже мало было эллинской крови. И греко-латинянин в ложном пафосе создавал напыщенные и виртуозные мелодии, вроде бесконечных фиоритур на ничего не значащие слова (например, для 1-го гласа «те-те-терирем», 2-го «та-та-терирем, 3-го «ти-ти-терирем», 4-го «то-то-терирем» и другие «кратиматы», или украшения).

Когда на страже церковного пения стояли названные выше великие сирийцы, направление это почти не проникало в него, ютясь по дворцовым передним и у придворной аристократии, появляясь на торжественных празднествах и пиршествах. «Византийское» пение ведали придворные протопсалты, доместики, лампадарии, магистры и проч.

Ко времени же крещения Руси и позднее — от Льва Мудрого (886—916) — это пение начинает появляться и в церкви; затем оно господствует в церемониальной константинопольской Софии и видных кафедрально-епископских церквах; наконец вытесняет здесь безыскусственное греко-сирийское пение и наполняет теперь сборники песнопений констан-

тинопольской церкви. Позднейший византизм посягнул на целость и греко-сирийских мелодий, подвергнув их обработке в своем стиле и, таким образом, изменив до неузнаваемости. (*Образцы в приложении под № 3.*)

В обоих этих видах греческое церковное пение было занесено на Русь. Клир собственно царицын придерживался, надо думать, более византийского стиля, а прочее греческое духовенство применяло главным образом стиль сирийский, делая так потому собственно, что греко-сирийское пение было доступнее для изучения и понимания простецов, равно как со стороны строя своих ладов ближе подходило к музыкальному восприятию русского народа. <...>

...До сих пор неизвестно ни от былого, ни от настоящего времени ни одной книги с болгарскими церковными напевами¹. Книги могли быть, но утратились, и таким образом отсутствие их еще не доказывает отсутствия же самого болгарского пения. Следовательно предстоит решить, хотя бы и путем предположений, вопрос о том, когда и каким образом могло явиться болгарское пение.

До второй половины IX века его не было, конечно, так как не было славянской письменности, которая позволила бы болгарам иметь богослужение на своем родном языке. К греческим же текстам богослужебных песнопений более шли греческие же напевы. При чем болгары получали эти тексты не ранее того, как к ним был выработан напев. Пусть бы христианам из болгар поначалу и не все нравилось в греческом пении — все же они не в силах были изменить положение дела, ибо, не обладая своим просвещением, вынуждены были вообще-то петь, как говорится, *с чужого голоса*. С течением же времени (около пятисот лет) болгары должны были совершенно свыкнуться с этими напевами, чему немало способствовало и то, что они жили в соседстве с греками и имели последних у себя как религиозных просветителей и руководителей.

Время критической оценки греческого церковного уряда могло наступить для болгар лишь тогда, когда они почувствовали бы себя достаточно просвещенными, хотя бы и на греческий образец. Но золотой век болгар, пришедшийся на время княжения Симеона (892—927), только

¹ В Зографском монастыре на Афоне А. Преображенским в переплете одной книги найден листок болгарского Трифологиона XIV века, и там на стихире «Ему же вышняя служат» надписаны нотные знаки. (Снимок находится в библиотеке автора.)

Этим нисколько не умаляется сила высказанного здесь положения. Именно: хотя указанные рукописи действительно болгарские, но певческие знаки-то суть греческие. <...>

возбудил жажду просвещения, утолить же ее не успел. <...> После же Симеона начинается падение болгарского царства, а с 1019 года до последней четверти XIX века Болгария существует только территориально. Греческое духовенство здесь властвует безраздельно и успевает изгнать из всех городских церквей славянское богослужение, а в южной, или нижней Македонии даже и в сельских церквях это богослужение, благодаря грекам и грекоманам, становится весьма редким исключением.

Таким образом лишь в период от 864 до 1019 года (155 лет) болгарские церковные певцы могли так или иначе заявить о своей самостоятельности. <...> Единственно, что должны были и успели сделать болгары в церковном пении, это приспособить славянские тексты к греческим мелодиям. (*В приложении под № 5.*)

Резюмируя все сказанное о пении греков и славян, должно вывести заключение, что при крещении киевлян берега Днепра огласились греческим пением в сирийской редакции, приложенным к славянским текстам. Богослужение на Руси повелось по уставу греческой церкви и по ее богослужебным книгам. Разумеем здесь книги певчие, то есть содержащие текст для пения, как то: Ирмологий, Стихирари, Службы (Минеи) и другие сборники песнопений. Книги эти были на болгарском или церковнославянском языке и представляли точный перевод соответственных греческих книг; другими словами — греки были авторами их, а болгары — переводчиками.

Получив готовые тексты, Русь — *дабы немедля приступить к отпращиванию богослужения* — должна была принять и готовые напевы к ним. Напевы эти были, конечно, греческого происхождения, но приспособленные в Болгарии к славянским переводам богослужебных текстов.

Учителями пения для русских могли явиться греки же — непосредственно, когда исполняли пение за богослужением и таким образом примером показывали, как должно вестись это дело, и посредственно, когда, может быть, руководили другими в работах по пению, давая, например, теоретические и практические указания, как наилучше применять готовые мелодии осмогласия к текстам. <...>

Если бы болгары и успели сообщить греческому осмогласию свою редакцию и в этом виде могли передать его русским — все же осмогласие-то как система оставалось греческим. Приведа же здесь высказанное выше предположение об отсутствии существенных вкладов болгар в сокровищницу пения Церкви, можно с полной вероятностью допустить, что русские хотя и приняли услуги болгар и других славян по исполнению

пения, — в своих собственных работах по пению миновали их труды и, взяв от греков как теорию, так и практику пения (самые напевы), сами переработали для себя и то, и другое. Иначе говоря, стариннейшие русские напевы представляют частью самые напевы греческие, частью же непосредственную переработку их, но не новую редакцию, сделанную по переработке болгарской, как принято думать.

Высказанный сейчас взгляд, что русские непосредственно от греков заимствовали напевы осмогласия, подтверждается самыми древнейшими (XI—XII веков) песнопениями Русской церкви. Именно, одинаковые по тексту песнопения и на греческом, и на славянском языках имели и одинаковую мелодию, как об этом можно судить по тождественности невматических знаков, помещенных над текстами сих песнопений. (*В приложении под № 6.*) Этого уже достаточно для положительного решения нашего вопроса в том смысле, что русское церковное пение — греческого происхождения.

Но не только этими, могущими показаться случайными, совпадениями напевов, но и всем ходом дальнейшего развития русского церковного пения свидетельствуется непосредственная зависимость последнего от греческих музыкальных традиций, примененных русскими к делу полно и в сокращении, удачно и неумело, с проникновением в дух их и рутинно. Осмогласные напевы русской церкви основываются на греческих диатонических ладах; звуковые области вращения мелодий также ограничиваются *трохами* (беговыми кругами), которые суть основные пентакорды лада; видна та же плавность, *поступенность* (без скачков) в движении мелодии; и как результат приложения правил о господствующих и конечных звуках — здесь также образуются попевки или мелодии определенного рисунка; в довершение же всего в самых ранних (в них-то главным образом) песнопениях русских существует, наподобие *терифемов* и разных *кратимат* греческих, украсительные мелодии на ничего не значащие слова, как *хавуа*, *хебуве*, *аненайки* и проч.

Общий характер первоначального русского пения также указывает на *нетуземность* последнего. В самом деле, у греков, римлян и сирийцев, выработывавших церковное пение постепенно, вместе с ростом церковного чина, — на первых порах не заметно большого различия или строгого отчуждения напевов церковных от мирских. Ефрем Сирийский, Афанасий Александрийский, Амвросий Медиоланский, Иоанн Златоуст и другие только стремятся отъединить церковную музыку от мирской, устанавливая для первой некоторые правила и ограничения, но не совершенно

чуждаются последней, допуская скромные народные, а иногда и искусственные (театральные) напевы для пения духовных стихов при крестных ходах и совершении всенощных бдений. Мирские элементы долго проницали церковную музыку, ибо она ни откуда не могла отродиться, как только от мира же. Едва к концу VIII века в Византии выработался особый церковный стиль музыки.

У русских — сразу полная отрешенность от стиля мирской музыки, совершенно иное музыкальное мышление, иные приемы творчества, способы выражения и т. д.; во всем чувствуются устойчивость, выработанность, система.

Уже в конце XI века — может быть, 60—70 лет спустя по крещении — у русских имеются нотно-богослужебные книги, содержащие так обработанные напевы, как не всегда встретить позже, в XVI—XVII веках. (*В Приложении под № 7.*) Их способность к отвлеченному музыкальному мышлению так велика, что позволяет им находить удовольствие в *деместве* — этом антинародном искусстве.

Полное заимствование здесь очевидно.

Музыкальная теория и осмогласие греков довольно сложны, и поэтому — могли ли русские на первых порах усвоить ее, овладеть ею? Прежде всего — полное знание теории необходимо только для песнотворчества, и то если в этом деле предлежит выработка новой системы, или усовершенствование ее, или же качественное расширение горизонтов творчества и т. п. А для того, чтобы уметь применить к делу готовую систему или воспользоваться выработанными приемами творчества, довольно иногда так называемого практического навыка. <...> Так как с песнотворчеством на Руси спешить было незачем: весь круг церковных песнопений был готов у греков, и к тому же, торопясь с этим делом, все равно бы не успеть создать все свое и нужное для богослужений сейчас же, как последние стали отправляться у нас, — поэтому даровитые музыканты из русских первое время занимались, надо думать, изучением семиографии и упражнялись в распевании или приспособлении славянских текстов к греческим мелодиям (в чем им могли оказать помощь опытные в этом деле другие славяне) — приобретая постепенно рутинное умение в пении, и когда созрела способность расценивать греческие образцы, русские могли выступить со своими додумками по части пения совершенно так же, как это было потом и есть доселе у $\frac{9}{10}$ церковных песнотворцев (духовных композиторов). А до этого — в течение около двухсот лет — песнотворчество и вообще высшее ведение пения находилось в руках греков.

Русские или не постигли теории греков, или не сочли нужным применить ее у себя в полном объеме и настоящем ее разуме, ибо осмогласие их давно уже едва напоминает теорию осмогласия греков и сводится к способу пения по попевкам, то есть мелодическим шаблонам. Ни одна старинная «азбука пения» ни слова не говорит ни о каких чисто музыкальных основах пения, но все твердят только «о еже како поется коеждо знамя в коемждо гласе», или «како имянуется», или «вельми» или «мало» те или другие гласы «в попевках сходятся».

Нет ничего удивительного, что те чудные мелодии нашего церковного пения, которые и в наше время имеют все данные быть гениальными, были созданы людьми, не учеными в строгом смысле этого слова: люди эти пользовались превосходными образцами, были талантливыми — вот и достаточно условий для создания превосходных музыкальных произведений. <...>

Что же касается *песнопевчества*, то знание всякой теории для него еще менее необходимо, чем для песнотворчества.

Древние дьячки, как и дьячки нынешние, пели частью по нотам, а больше понаслышке, порой же и просто импровизировали. В больших центрах, при архиерейских домах и знаменитых церквах дело пения совершалось более или менее «по чину»; в малых же градах и в глухих весях, где не было ни одной церковной книги и сам священник был совершенно безграмотен (таких немало было еще в XVIII веке), а служба совершалась лишь в приближении к уставу («всяк поп по-своему поет»), и то не во всякий двенадесятый праздник, — там дьячку не обойтись было без импровизаций не только в напевах, но и в текстах. <...> Настоящая своя собственная работа в области церковного пения началась у русских, как оказывается только в московский период (с конца XV века). <...>

Пересаживая пение с греческой на русскую почву как учителя-греки, так и ученики-русские не могли, конечно, не видеть разницы в условиях этих почв, а потому и должны были, выражаясь фигурально, культивировать только такие породы, кои способны были к акклиматизации. Так, ни хроматизм, ни тем паче энгармонизм в греческой нюансировке (оттенках) решительно не могли привиться на Руси: они, по присущему русским музыкальному диатонизму, не переносимы были для слуха русских и, стало быть, не могли ни доставить удовольствия, ни просто нравиться им; особенно же — русские были не способны передавать их. Поэтому надо думать, что с самого начала у нас употребительными, или *обиходными* были греческие напевы в диатонических ладах.

Возможно, конечно, что собственно греки-певцы практиковали и хроматизм, и энгармонизм — например, первое время при княжеском дворе и у «нарочитой чади» (отдельных, избранных людей, бояр), кои в угоду двору увлекались, может быть, изысканным пением, — зачастую у митрополитов и епископов-греков, при торжественных богослужениях, всенародных празднествах — словом, в экстраординарных случаях, когда богослужение является средством представительства.

Ввиду того что у греков теория осмогласия весьма гибка — она предоставляет полную свободу в выборе рисунка мелодии и способов художественного выражения (почему и неудивительно, что у них все знаменитые певцы старались, по мере своих дарований, оставить по себе память в новых напевах осмогласия), — певцы-греки, действовавшие на Руси, могли сами заниматься песнотворчеством в осмогласии, применяясь к потребностям Русской церкви и музыкально-художественным восприятиям русского народа... <...>

Приспосабливая греческий напев к славянскому тексту, певцы вынуждались делать в напеве частичные изменения — вставки и сокращения, в зависимости от несовпадения по количеству слогов греческих и славянских слов. Перемены в выражении напева со стороны мелодической и ритмической должны были происходить и от того, что ударяемые слоги славянских слов могли приходиться не на те части напева, которые заняты были также ударяемыми слогами греческих слов. Затем, в напеве со славянским текстом могло быть больше акцентированных звуков, чем в том же напеве с греческим текстом, — и наоборот. <...>

Насколько удачно был подложен славянский текст к греческому напеву в первых нотно-богослужебных книгах — не зная точно значения певческих знаков, положительно сказать нельзя. Но из сопоставления различных текстов, распетых одним и тем же напевом (*в Приложении под № 9*), где усматривается, что в одном случае знак стоит на ударяемом слоге, а в другом этот же знак приходится на слабый слог, — можно, кажется, заключить о том, что на первых порах по этой части бывали погрешности. В этом кроется косвенное указание на то, что в начале у нас в этом деле верховодили греки и что русские не владели таким знанием пения, ни опытом в нем, которые давали бы им право свободно обращаться с греческим оригиналам напева. <...>

В византийском церковном пении в X веке употреблялись уже три музыкальные системы: тетрахорд, пентахорд и октахорд. <...> Русская же музыка того времени не выходила еще из области тетрахорда. Таким

образом, не все мелодии греческого пения могли подходить к тональному строю русской музыки, а потому и не все они могли надлежаще интонироваться русскими певцами, равно как и пользоваться на Руси одинаковой распространенностью. Те мелодии, кои основывались на пентахордах и октахордах или диапазонах (sic!), быв исполняемы русскими певцами по тетрахордной системе, должны были переиначиваться в своем звучании. Хотя и невольные и довольно своеобразные — но все же это руссизмы в греческом пении, и они были у нас на самых первых порах. <...>

*

Как чинопоследования по полноте своей и по способам исполнения их были неодинаковы, например, в кафедрально-епископских, приходских и монастырских церквях, также и церковные напевы рассчитывались на различные средства исполнения.

Еще до русской христианской эры в греческом пении имелись напевы различных стилей. Так, там были *стихирафический* и *ирмологический* напевы (ирмологический напев мог прилагаться к стихирам, как и стихиарический к пению канонов, и значит — они суть названия разных манер пения или роспевов). Оба напева излагались то *аргонно* (длительно), то *горгонно* (кратко). Был особый напев — *пападический* (по-болгарски «попский» — *поповский*), частью как предназначенный к исполнению священнослужителями, а частью как употребляемый в целях священнослужительских, именно — когда нужно выждать время окончания тайных молитв или каких-либо действий, совершаемых священнослужителями. Когда пападическое пение исполняется священнослужителями — оно отличается важностью вообще; когда же его исполняют певцы и оно имеет выжидательный характер, то бывает по преимуществу протяжным.

Верх певческого искусства составляло пение *асматическое* (*песненное*, или весьма мелодическое) и особенно *матиматарное* (*ученое*, имеющее очень искусственное построение).

С самого начала в Русской Церкви повелось пение в разнородных напевах.

Древнейшие (от XI—XII веков) рукописи нотно-богослужебных книг содержат три роспева церковных напевов: *кондакарный* и так называемые *знаменные* — *большой и малый*. <...>

Кондакарный роспев осмогласен, как показывают гласоизвестительные буквы, стоящие над песнопениями его, равно и предпевы гласов, как *нана*, *неане* и проч., как и применяемая в нем манера пения «на подобен».

Он имеет строфное устройство, и напевы его состоят из отдельных попевок, или мелодических фигур установленного рисунка. (*Приложение под № 12.*)

Кондакарный распев употреблялся на Руси в первые три-четыре века. Он поддерживался здесь усердием архиереев из греков, греческими певцами и грекоманами из русских. Когда же греческие певцы перестали призываться на Русь и, вообще говоря, связь Руси с Византией ослабела (с нашествия татар), — кондакарный распев забылся и совершенно вышел из употребления. В настоящее время ключ к чтению кондакарной семиографии утерян. Однако думается, что если обратиться к остаткам византийской певческой литературы, то в *матиматарном* пении греков можно отыскать разгадку этого самого первого пения на Руси. <...> Русские певцы не усвоили этого распева именно потому, что он был чисто греческим: произношение его не давалось русским и общий характер претил музыкальному чувству их. Для сего характерен один случай: в самом древнейшем Кондакаре — Типографском, во всех 42-х кондаках, положенных на кондакарное знамя, большинство мартирий вытерто. Очевидно, у русских певцов были поползновения занять амплу певцов-греков: они желали исполнять кондакарное пение, но не так, как оно есть — на греческий манер, а по-русски. Но мартирии указывали греческие лады разных строев, и поэтому были укоризненны для певцов, или не умевших интонировать этих ладов, или же не хотевших вообще петь по-гречески. Мартирии и вытерты... <...>

...Большой знаменный распев вполне сходен с асматическим пением греков: напевы асматического пения так же многовидны по попевкам и разнообразны в построениях мелодических строк и их расположениях, равно как и творческие дарования греческих певцов и донныне могут находить себе место в области этого пения.

Таким живым, растущим, зависимым от «прилучая» и, вообще, допускающим творчество всегда представлялся русским певцам большой знаменный распев. И до позднего времени — до первой половины XVII века включительно, именно: когда старинное русское мелодическое пение стало вытесняться пением гармоническим западного пошиба, — они совершенствуют этот распев не только чрез исправление и новое редактирование старых напевов его, но и путем внесения в него новых попевок, составляющих плод их творческого дарования.

Большой знаменный распев применяется к изменяемым песнопениям всех родов — стихирам, тропарям, ирмосам, прокимнам и так разываемым аллилуариям. <...>

Помимо сходства этого роспева по чину с асматическим пением греков, на нерусское происхождение его указывает то обстоятельство, что он явился вполне развитым и примененным ко всем тем песнопениям, к которым он вообще применяется на самых первых порах церковного пения на Руси, как о том свидетельствуют древнейшие нотнo-богослужeбные книги русской церкви. (*В приложении под № 13 образцы древнего большого знаменного роспева.*) <...>

Что же касается поемого текста, то славянизирование его не могло состояться одновременно со славянизированием же текста чтомого, по той причине, что для сего требовалась двойная и, стало быть, более длительная работа. Именно, кроме труда по переводу этого текста с греческого на славянский язык, нужен был еще труд в подложении перевода под греческие напевы. Сразу этого сделать нельзя было. Особенно, если этим делом занимались болгары: им нужно было сначала усовершенствоваться в знании греческих напевов настолько, чтобы хорошо знать их конструкцию, то есть уметь различать в них составные части, главные и второстепенные пункты и т. п. и — что особенно важно — проникнуться ими, так сказать, впеться в них, дабы соль художественно-музыкального выражения их не обуюла или не потеряла своей силы при сочетании с выражением славянского текста. Много ли, мало ли сделано в Болгарии по части славянизирования греческих напевов — неизвестно, ибо болгарских нотнo-богослужeбных книг, ни от времени близ крещения Руси, ни более поздних, совершенно нет, и были ли такие книги — ниоткуда узнать нельзя.

В пользу же предположения, что на Руси произведены были в свое время существенные работы по части славянского пения, есть много данных. У русских сохранился письменный памятник от конца XI века, содержащий напевы исключительно со славянским текстом (Устав с Кондакарем Типографской библиотеки № 142). Не должно думать, что книга эта болгарская или суть список с болгарской книги, потому что она сравнительно позднего происхождения, затем и по составу своему представляется одним из первых опытов систематизации напевов и вообще записи их.

Позднее [1096 год] происхождение первой (или одной из первых, по крайней мере) нотных книг можно объяснить тем, что поначалу дело пения на Руси велось не довольно удовлетворительно, что здесь не было, очевидно, настоящих мастеров пения, способных не только практически совершать его, но и теоретически вполне обосновать, в утверждение как самого искусства, так и в научение других. <...>

Чтобы дать прочные устои пению на Руси, певцы-греки должны были на месте ознакомиться с положением дела пения и определить возможный ход его, то есть учесть вкус и способности к нему русских людей, а также и те средства для развития его, кои предположительно могли всегда оказываться у русских певцов.

Певцы-греки отлично справились со своей задачей, как о том свидетельствует общее мнение русских людей, выраженное летописцем в словах: «от них же начат быти в Русей земли ангелоподобное пение». Как они обмыслили дело пения на Руси, видно из того литературного труда (разумею Устав с Кондакарем Типографской библиотеки), который вышел в свет вслед за прибытием их и несомненно принадлежал им.

В этом труде (в отделе «подобници» восьми гласов, а также в напевах кафизм и антифонов) даны некоторые первоосновы пения настолько жизненные — и, значит, сообразные с условиями русской среды, — что они долго потом неизменно сохранялись и в главных чертах существуют доселе. <...>

Для решения вопроса, что собственно сделано на Руси по славянизации богослужебного пения, когда и кем это делалось и в каком отношении ко всему этому находится Устав с Кондакарем, нужные данные заключаются в самой этой рукописи.

Названная рукопись содержит напевы кондаков по кондакарному роспеву, подобных стихирарным, а также образцы распевания аллилуариев (кафизм) и антифонов утренних по знаменному роспеву. Оба распева представлены во всех восьми гласах.

Кондакарный распев являет, как уже сказано, подобие матиматарного пения греков — пения самой сложной конструкции, наиболее искусственного. И ничем иным нельзя объяснить появление его в одной из русских книг тогда, когда еще не время было созреть такому плоду на русской почве, как только тем, что составители книги были привержены ему и что по сложности своей он представлялся трудным для исполнения по памяти — без книги.

Иное дело, конечно, зачем вообще нужно было вводить кондакарный распев в русское церковное пение и спешить с закреплением его в письмени. Приверженцы этого распева или блистали исполнением его и чрез это выгодно отличались от малоискусных певцов, или же серьезно стремились привить его у нас, искренно желая украсить пение русской церкви изысканным и, по мнению их, наилучшим из распевов. <...>

В кондакарном роспеве манера чтения текста осталась греческая, употребляемая в матиматарном пении, — по которой текст есть случайная канва для извития мелодии. Поэтому в сем отделе рукописи ничего не сделано для славянизации текста пения. <...>

Содержание второй части певческого отдела рукописи совершенно подтверждает предположение, что она есть первый церковно-певческий литературный труд, вышедший на русской территории и созданный в целях собственно русского пения.

В этой части содержатся напевы восьми гласов аллилуариев, антифонов и стиха «Всякое дыхание да хвалит Господа» из хвалитного псалма, распетого в каждом гласе кондакарно; все песнопения распеты тем роспевом, который принято именовать знаменным.

Из состава и самого расположения певческого материала рукописи нельзя не усмотреть того, что издатели ее имели нужду спешно обработать самое неотложное для пения, дабы удовлетворить первые потребности и устранить начальные нестроения в нем. Здесь находятся поемые тексты из таких служб праздничных и святых, которые правились безотменно (в старину не на все дни приходились памяти святых, и, наконец, в дни малых святых службы могли и не правиться); тексты эти распределены по гласам и для каждого из них указан образец, или подобен, и в заключение даны и самые эти подобны. Эти-то образцы и подобны и составляют то существенное по певческой части и то необходимое, что нужно для чинного пения вообще и изрядного осмогласия в частности. Имея под руками такую книгу или пользуясь ею как справочником и руководством, русский певец действительно мог совершать пение чинно и изрядно.

Правда, «подобенное» пение в художественном отношении ниже пения самогласного, однако оно не так уже скудно, чтобы представляться неинтересным. Тем более что в старину количество подобнов на каждый глас было велико (по цитируемой рукописи от двух в 3-м гласе до двенадцати в 6-м гласе), и они весьма разнообразны как по мелодическому богатству, так и по числу строк (от 5-ти до 19-ти мелодических строк в напеве). Во всяком случае старинное подобенное пение было неизмеримо богаче мелодически и разнообразнее вообще нынешнего подобенного пения, которое, как известно, мелодически совершенно убого и в числе напевов ограничено до последней степени (по одному подобну в гласе на каждый род песнопений, то есть один подобен для стихирарного пения, один же для тропарного и т. д.).

Певческий сборник такого состава мог явиться только на первых порах устройства пения. И если согласиться с летописцем, что от «триех певцов греческих начат быти в Русей земли ангелоподобное пение, изрядное осмогласие», — то надо допустить, что греки-певцы явились на Русь тогда, когда пение было здесь в такой поре, что надо было как бы полагать ему начало, — и они, устроая или уряживая осмогласие, — что есть самый корень церковного пения, — обязаны были издать сборник, подобный Уставу с Кондакарем. Характерно здесь и то, что певческий сборник издан вместе с общим церковным Уставом. Ибо сборник этот есть только *устав* пения, общие нормы его — частности же, особые роспевы и проч. предполагаются как содержание других книг, подобно тому как в Уставе церковном содержатся только указания на порядок служб, а содержания последних находятся в других богослужебных книгах: в Минеях, Псалтири, Апостоле, Евангелии и проч.

Время появления этой рукописи — конец XI века, то есть около прихода на Русь «триех певцов греческих». <...> Впрочем, не умаляя заслуг певцов-греков, можно здесь допустить, что они пользовались сотрудничеством русских певцов, дабы наилучше приспособить свое издание к потребам Русской церкви, ближе подойти к желаниям русских людей.

Итак, теперь можно с уверенностью вывести заключение, что по части славянизации текстов песнопений *нечто* сделано на Руси и что так называемый знаменный роспев, будучи греческого происхождения, подвергся здесь новой обработке.

Все же это вместе взятое служит доказательством мысли, что *греки были первыми учителями пения русских — изустно, когда самим делом совершали пение, и чрез письменность — когда песнопения, составленные ими применительно к условиям жизни Русской Церкви и музыкального восприятия народа, полагали на ноты и предавали на потребу и изучение современников и потомков.*

<...> Если бы наши славянские братья были бы сами совершенны в пении, то, явившись на Русь в качестве певцов и учителей... могли ли вести дело так, чтобы потом потребовалось призвать греков и от них уже начать эру пения?.. И что особенно подрывает доверие к достоинству болгар и прочих иноземных славян как церковно-певческих деятелей, так это появление на Руси спустя более полувека (Уставу с Кондакарем приписывается дата 1096 год, но эта рукопись могла быть списком с другой — раннейшей... возможно, что краткие записи того певческого материала, который помещен в Уставе, были сделаны еще при жизни Ярослава — до 1054 года,

по мысли которого эти работы и предприняты) такого элементарнейшего, воистину начальнейшего «устава» пения, каковой содержится в певческом сборнике Устава с Кондакарем. <...>

Священник Димитрий Аллеманов. Курс истории русского церковного пения. Часть II. М., 1914. Фрагменты

Публикуемые фрагменты, в совокупности с письмами Д. В. Аллеманова к А. В. Преображенскому, помещенными в разделе *Письма*, показывают, каким образом находки Афонской экспедиции повлияли на того единственного из русских ученых (кроме, разумеется, самих участников экспедиции), который имел доступ к привезенным копиям.

Нотное приложение ко II части, на которое ссылается автор в тексте, не было издано (возможно, в связи с условиями военного времени или из-за недостатка средств у автора). Однако еще в 1912 Аллеманов издал II часть своего курса на гектографе, по-видимому, с педагогическими целями, поместив там же и нотное приложение. Редкий экземпляр этого издания был разыскан в Научной библиотеке Московской консерватории, куда частично попала библиотека Синодального училища. (Благодарю за помощь в работе заведующую Отделом обслуживания нотно-музыкальной литературой Н. Н. Оленеву.)

Легко заметить, что в сноске 1 Аллеманов неверно излагает историю обретения нотированных листов Трифологиона.

Поскольку Аллеманов снова обращается к проблеме кондакарной нотации в следующем разделе своей книги (нотации), считаем полезным привести здесь еще одно приложение (№ 23), которое содержит таблицы сравнений знаков разных византийских и русских нотаций, а также указание на источники, среди которых фигурируют «снимки с рукописей Афонских монастырей» и «брошюра А. Преображенского».

-3-

№ 2. Трасское пение в сиринской редакции.
(„Павлукта“, Констамп., 1850. т. I, 42.)

Πλού Παράβου (1λβ.) ἤχος ζ δὲ νη (γλᾶς 8.)

Ἐ ξα πο σε λεις το Πεν μα σου και και εδη
οο το και και εδη σου ται λει

Μέλος ἀρφαίων. (Πλαμ φε, 212.)

φως 1 — λα — σου α — ρι —
ας οο — ζος α — λα — ρα
του Πα — τρος ου — ρα — ρι — 8....

№ 3. Византийское пение (раннего времени).
(„Павлукта“, т. III, 3.)

Μέλος ἀρφαίων.

του 2 οοτο 2ο 2η
2η και 2η 2η
αφ με ε ρε 2η α

*) Во всем этом примере нота la берется на $\frac{3}{4}$ тона от sol (если целый тон = 12, то расстояние от sol до la = 9.)

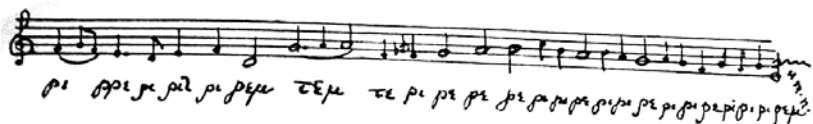
4.

η μω τωρ
 Κυ ρι ε Κυ ρι ε
 γε φν

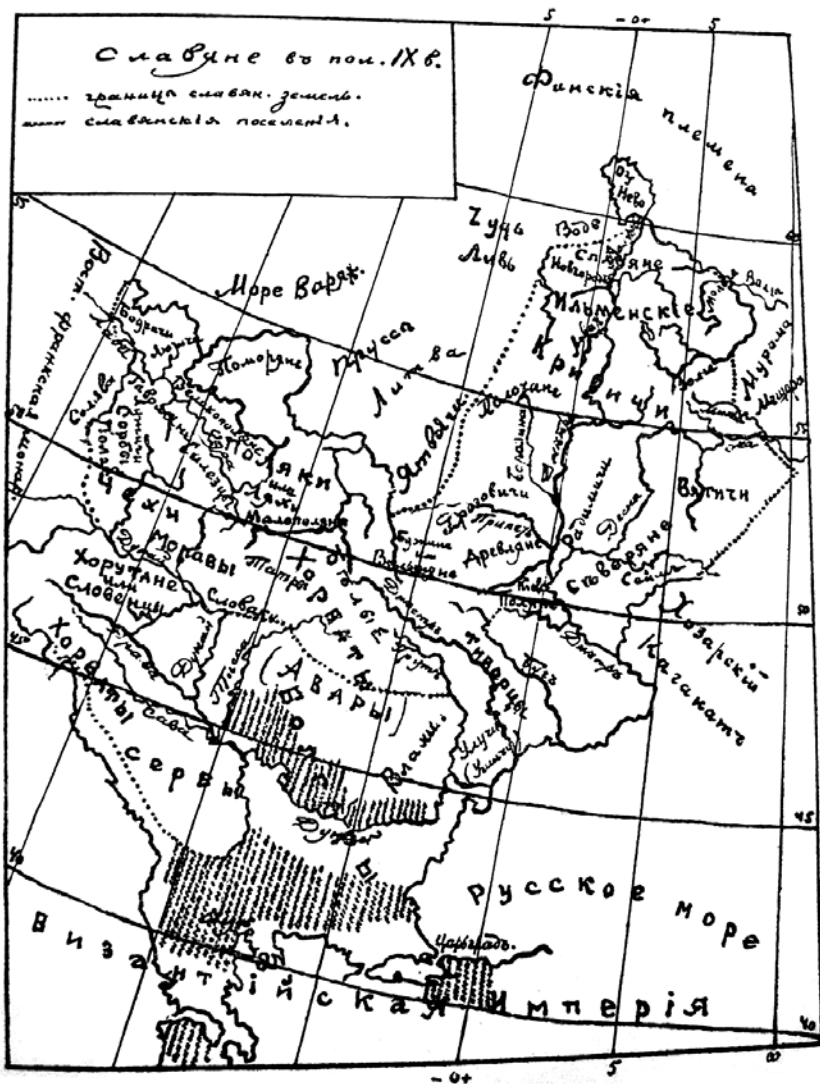
«Византийское пение» (позднее время)
 Ιωάννου του Κοκκουζά (XIII). (Псалмъ же, 5)

νω διε οι
 πρo 47
 οι πρo 47 ται
 δε με πρo δε πρo-κα τηρ
 ρε δε πρo κα τηρ ρε
 λαν επιπροσθετα ρα ηρ ομοιωσει η ψαλμη ραμης τερε - τε ρε ρε ρε ρε ρε
 ΡΕ ΡΕ ΡΕ ΡΕ ΡΕ ΡΕ ΡΕ ΡΕ ΡΕ ΡΕ τερε τε ρε ρε ρε ρε ρε ρε ρε ρε ρε ρε ρε

-5-

№ 4.

- 6 -

№ 5.

Приспособление славянского текста къ греческой мелодии.

Греческое псалмопение
(Анастасий Матарин 1820 г.)

Болгарское псалмопение
(Воскресенский 1859 г.)

Гр. παρκοβριον δὲ ζαρ την εζαν δρατων

Все-мир-ну-ю сла-ву отъ те-ловъ тво-
бла-ри-бавъ каи του λε βου την τε - κον — — — — — бар
[Эту попытку см. въ греческ. папке]

зав-шу-ю и виа-сви-ку рогъ — шу-ю
[Эту попытку см. въ болгар. папке.]

Σε-ο — τη — τος την ε-κον-ρα — νε-οτ πν — λην
не — бес-ну-ю [дверь]

υ — μη-βω-μεν Μα-ρι-αν την Παρ-δε — ροτ

воспо-ица Ма — — — — — ри-ю [дверь] — — — — — ву

№ 6.

Сравнение греческой и русск. семиотрафий
(по А. Преображенскому.)Ркп. Успен. соб. въ Москвѣ
№ 8, л. 3 об.Стимирара Венгской Пгрив.
Б. ки № 156, л. 206.

Σ υ ε ω υ ε ι ε ω
Въ свѣ-тѣ-ло-стаѣ свѣ-тѣ-и-
ε — — — — —
εκ ταυ λαρι-προ-τη-βιν

и-хъ тво-и-хъ ка-ко въ-ни-гоу не-го-ото-и-иъ. а-
 των α-γί-ων σου πῶς εἰβ-ε-δου-βω-μαι ο αὐ-α-ζι-ος ε-αυ
 же бо гоу-зюу въ-ни-ти во тер-то-гъ.
 γὰρ τοῦ-μῆ βω οὐτ-εἰβ-εἰδ-δενεξ-των νσ-κρω-τα.

№ 7.

Псалтирь русской церкви во XI в.
 Рцкон. XI-XII в. Моск. Синод. Типогр.
 М.О. М142, л. 119 об.

Плобонь гласъ ѿ.

Прѣподобныи отцы. вѣпоносые вѣодосици. вѣлне пѣвни
 заашеса. врѣменичнѣи живни.

(Псалтирь же, л. 119 об.)

гласъ ѿ.

Далѣ хси знаменитѣ. вощимъ атерѣи господи. крѣ
 стѣ твояи чѣстѣи ѿи. нмѣже отплучи. власти тѣмъ ѿи.

(Псалтирь же, л. 35.)

(Кондакарное знамя.) гласъ ѿ

Крѣ вни твонхн хн нн хъ а ст рѣ ѿ та мнн
 димни. ннннтрнѣ чѣ ркѣ вѣ
 Вѣ сѣ ко вѣо. ох вѣо. оох вѣо. оох вѣо. дѣ хннн

(Псалтирь же, л. 105 обор.)

-1.-

Примеч. ко II глго, 14 стр. и н. р. 4. стр.

(Восстановление различных текстов, вставлено
одним и тем же напавлом (несовпадение ударений
текста и ноты). Рук. Мшпор. №96, ч. 6 об. (шег. XII в.)

№ 9.

(Мртвари каноны)

1) тралире

Ѹ-мѸ-рѸ Ѹа Го-сто-чи Ѹ-су-се мо-и. тво-сто

2) " "

Ѹо-ко-ла ре-ге Го-сто-чи про-ро-кв. глголи

3) " "

Ѹа-стс-му-го про-ро-ге.

Возороженъ

Ѹо-апо-гв Ѹ-бо-л-ла-а свѸто-и. слѸи при-

1) про-ро-ка Ѹи-ва-ку-ша. въ свѸти

2) Ѹ-Ѹ-пи-а кв-те-бе. и ке

3) тво-ю па-мя-тв. тво-ре-

4) Ѹи-сти-тв-ся врс-мѸ. ис-те-бе бо-го-ро-чи-це. Ѹи-въ

1) бо-стс-ствѸ-на-го и бла-го-гв-тв-ю см. про-свѸ-ти власто

2) по-слу-ша-е-ши гв-то же Ѹи по-ка-да-лъ е-си су-

3) ца-я вѸ-рв-но мо-литва-ми твои-ши о-тѸ

4) и-сти-тв-во-во-л-кв гвс-тв-ств

1) мо-е-го свѸ-гв-Ѹ.

2) гв-а на-гв-сти-вѸ-Ѹ.

3) вѸ-гв-ис-ба-ла-и-и.

4) твѸ-лв на-па-св-ти.

-2-

Разногласия нотового одного периода времени.

№ 10.

Псалт. 589, л. 89 (1157г.) $\text{Дб} - \text{нб} - \text{сб} \text{ ра-жа-е-то-дв-ва.}$
 Псалт. 152, л. 66 (XII в.) $\text{Дб} - \text{нб} - \text{сб} \text{ ра-жа-е-то-дв-ва.}$
 1) $\text{тб} - \text{рб} - \text{ца} \text{ вб-св-ш.}$ земля приноси-то вертогъ ш
 2) $\text{тб} - \text{рб} - \text{ца} \text{ вб-св-ш.}$ земля приноси-то верто-нъ ш

№ 11.

Русская переработка нотового в XIV-XV вв. (сравните с напевками № 10-го.)

Псалт. № 59, л. 110 об. $\text{Дб} - \text{нб} - \text{сб} \text{ дв-ва ра-жа-е-то}$
 (XV в.)
 $\text{тб} - \text{рб} - \text{ца} \text{ вб-св-ш}$ и земля вб-рб-то-ль приноситъ ш

(X:12 см. на 3 ступан.)

№ 13.

Псалт. среднее большое знамен. ростова. По ркп. Псалт. б-ки № 589 (1157г.), л. 70 об. (Простое изложение)

$\text{Дб} - \text{нб} - \text{сб} \text{ дв-ва ра-жа-е-то}$
 $\text{тб} - \text{рб} - \text{ца} \text{ вб-св-ш}$ и земля вб-рб-то-ль приноситъ ш

(Сложное изложение)

Псалт. же, л. 45.

$\text{Дб} - \text{нб} - \text{сб} \text{ дв-ва ра-жа-е-то}$
 $\text{тб} - \text{рб} - \text{ца} \text{ вб-св-ш}$ и земля вб-рб-то-ль приноситъ ш

№ 23.

3.

Сходство нотаций русской и греческой (византийской)^{*)}

КОНДАКАРНОЕ ЗНАМЯ

а) МАЛЫЯ ИПОТАСЫ:

Греческая эквивалентная (Знаки гласных — от К. П.)	Греческая (Правильная)	Далаварский (Далаваркина)	Кондакарный (Курская)
<i>Оксия</i>	1	1	1 1. +1
<i>Оксиа</i>	11	11	Гласна 11 11 11
<i>Вариа</i>	1	1	Кентима 1 1 1 10
<i>Вариа</i>	11	11	Кентимата 11 11 11
<i>Двострочья</i>	2	2	2 2 2 2 2 2
<i>Двострочья</i>	22	22	22 22 22 22
<i>Трехъя</i>	+ +3	+ 3	Стреловое 1/2 1/2 + 2
<i>Симплиа</i>	u	u u u u	u u u

б) ВЕЛИКИЯ ИПОТАСЫ:

Х у к к и з е я г.	Кондакарный.
<i>Лисина</i>	~ ~ ~ ~ ~
<i>Антикочилина</i>	~ ~ ~ ~ ~
<i>Громиковъ</i>	б
<i>Громиковъ симплиа</i>	29
<i>Громиковъ параклима</i>	9 9
<i>Экстреманъ</i>	б
<i>Этронъ</i>	20 20 20
<i>Экаркисъ</i>	3
<i>Мифротонъ</i>	ee, ee ee

*) По необъяснимой причине автор в свое время не отметил источника, откуда имъ заимствованы греческія начертания знаков. Сейчас под руками имеются выписки изъ „папафиса“ Кукурузя, изъ и напечатана таблица этихъ знаковъ рядомъ со знаками Кукурузя, следовательно далее въ величій „Громиковъ“ автору одно время приведенное пользователю рукописями и книгами изъ книгохранительствъ Киевской и Константинопольской патриархій, и возможно, что какъ эта таблица, такъ и рисунки Кукурузя были папафисомъ взяты изъ книги именно этихъ библиотекъ. — Помнится, между прочимъ, что книга съ папафисами была печатная, позднешаго издания. Дотоле въ греческой музикальной литературе известно, впрямую, это издание.

4.

Мастюк	7 ₂	7 ₂ 201
Алгосимфатовъ	7 ₁	7 ₁
Гулосимфатовъ	7 ₁	29
Каластовъ	9	9
Парисковскіи	5	5
Эмергиска	ш	ш ш ш ш ш
Кадриста	✓	✓ ш
Паракимовъ	2	2 2 2 2 2
Кратіиѣ	+	+

СТО ПОВООЗЪ ЗНАМЪ.

Знаки чтеція, знаки проія дръвнїе, фамаскиновскїи и куркузелевскїи.	Греческіе рѣч. IX-X-XI-XII вв.	Русскїе рѣч. XI-XII вв.
Варія и кектелиѣ	1 1 ₂ 1 ₃ 1 ₄	1 1 ₂ 1 ₃ 1 ₄
Варїи и кектелиѣтѣ	1 ₂	1 ₂ 1 ₃
Крашотѣ	✓ 1 ₂ 1 ₃ 1 ₄	✓ 1 ₂ 1 ₃ 1 ₄ 1 ₅ 1 ₆
Паракимовъ	2	2
Сиксѣва	u v w x	u u
Анаторфовъ и Пелюновъ 9 99 999 999	9 99 999 999 999 999 999 999	9 99 999 999 999 999
Тамїѣ и стафросъ	+	+
Фооѣ	ø	ø
Ошмотъ	—	—
Вема	o	o f

^{*)} Греческіе источники: Имп. Пуб. б. № 369 имеет изъ Стихираѣ на пергаментъ отропѣла письма 999 г., № 363 имеет изъ Стихираѣ на пергаментѣ отропѣла письма № 16, № 557 отропѣла изъ Цанолозїѣ на пергаментѣ отропѣла письма IX-X в.; списки изъ рѣч. Феофановъ монастырей: Андреевскаго № 18, т. 148, Иверскаго № 470, Лаврїѣ № 92, т. 179, Ватопедскаго № 899, т. 192; упоминаются также таблицы знакови чтеція, знакови дръвнїи, фамаскиновскїи и куркузелевскїи; браюатора Н. Преображенскаго „о сложенїи русскаго мурокантнѣго письма съ греческимъ“, и отропѣ въ Вост. Археол. Инст., Рос. XII (стр. 134-171) К. Пападопуло-Корашевѣ „Прочитанїѣ нотѣ мурѣ письма у сѣвернѣи и южн. славїи“.

Русскїе источники: Митроп. б-во № 142, 86, 148, 190, 151 и 152; Синодал. (Патріар.) б-во № 572, 589, 145, 423, 279, 278 и 159-168.

Алексей Дмитриевский

Русский самородок на Св. Афонской горе

*Незабвенной памяти схимонаха Матфея,
библиотекаря Русского Пантелеимоновского монастыря*

4 сентября истекшего [1912] года в больнице русского Пантелеимоновского монастыря на Афоне окончил дни своей подвижнической жизни маститый старец схимонах Матфей.

Кончина его, предваренная тяжелым недугом воспаления легких, вследствие излишней, всегда присущей ему мнительности и боязни простуды, была истинно христианская: пред смертью он несколько раз причащался Св. Тайн и постригся в великую схиму, исполнив таким образом долг и заветную мечту всякого афонского инока.

Весьма незаурядная личность почившего схимонаха о. Матфея заслуживает полного внимания наших читателей, а со стороны его читателей, имевших счастье близко знать этого замечательно скромного инока по положению в обители и обстановке в жизни, но богато одаренного исключительными природными дарованиями и обладавшего суммою накопленных им обширных и разносторонних книжных научных знаний, коим мог бы позавидовать заправский ученый, прошедший настоящую школу, — она достойна вечной благодарной памяти.

О. Матфей — уроженец Харьковской губернии, из купцов. Первоначальное его образование было не многосложно и ограничивалось деревенскою школою. Научившись читать и писать и познакомившись с началами арифметики, он рано привлечен был к живому делу той среды, в которой родился и воспитался. Наделенный от природы острым умом и живую восприимчивостью, о. Матфей мог быстро и легко завоевать себе почетное положение в среде сверстников и создать себе хорошую карьеру на коммерческом поприще, но любовь к книжке, привитая ему

в школе, и семейная строго церковная обстановка, в которой проходила его юность, развили в нем весьма рано интерес к чтению книг душеспасительных и назидательных. В свободное время от обычных повседневных занятий и в праздники о. Матфей предавался с увлечением «книжному почитанию» и таким образом мало-помалу впитывал в себя идею о высоко-христианской подвижнической жизни вне мира со всеми его страстями и суетными повседневными треволениями. Помимо книг, укреплению в его сознании идеи о монашестве как идеально христианской жизни содействовало и посещение им со своими родными знаменитой Оптиной пустыни, всегда привлекавшей в свои стены ревнителей церковности укладом строго монашеской жизни и идеальных богослужебных порядков, а также замечательным образцами в лице некоторых иноков, духовного руководства (старчества). Идеально настроенный юноша, получив родительское благословение, вскоре и вступил в число послушников названной обители. Но заманчивая перспектива видеть современное монашество на православном Востоке, на высотах пресловутой Афонской горы, восторженно воспетой знаменитым старцем — *святогорцем Серафимом* (вятичем, священником Симеоном Весниным), стала манить юношу-идеалиста вдаль, в неведомые таинственные края. Решимость покинуть милую родину и отправиться на Афон созрела в нем окончательно, когда в 50-х годах устремилась туда целая группа идеально настроенной молодежи из купечества, его сверстников из губерний Харьковской и Курской. О. Матфей был увлечен этим общим потоком, вынесшим, как известно, на высоты Афонские некоторых замечательных впоследствии иноков старцев Афоно-Пантелеимоновской обители, русских скитов и келлий.

Прибытие на Афон в Русский Пантелеимоновский монастырь о. Матфея совпало со временем, когда этот монастырь, руководимый столетним старцем игуменом греком Герасимом, призвав в свои стены незабвенных в летописи русского Афонского иночества русских иноков отцов Иеронима, Макария, Серафима, Азарию и других, начал мало-помалу из своего убожества и крайнего запущения приходить в то цветущее состояние, которого он достиг в настоящее время. Русскому иночеству в Пантелеимоновском монастыре назревала необходимость организовать, сплотиться и из себя противопоставить силу не только материальную, но и духовно-нравственную и умственную, чтобы не только выдержать уже зарождавшийся враждебный натиск своих сожителей греков и целой греческой нации, но и принять родную обитель в свои крепкие руки, дабы затем повести ее по пути дальнейшего процветания и

всякого преуспевания среди других святогорских обителей. Без даровитых сильных людей одними материальными средствами достигнуть намеченной цели — господства в обители — было трудно. Прилив молодых сил, вполне подготовленных и закаленных к грядущим тяжелым испытаниям, был настоятельно необходим. В этих именно видах даровитый о. Матфей был поручен замечательному старцу о. Азарии для духовного и практического воспитания.

О. Азария — вятич родом, окончивший местную духовную семинарию и учитель греческого языка в одном из духовных училищ, был тонким знатоком этого языка. На Афон прибыл по искреннему влечению к уединенной аскетической жизни и, подчинившись воле любимого им старца-игумена Герасима и духовника о. Иеронима, он всецело и беззаветно отдался служению благу родной, приютившей его обители. Владея прекрасно греческим языком древним, он в совершенстве изучил язык и новогреческий, на котором не только вел всю деловую монастырскую переписку, но и писал свободно обширные публицистические статьи в греческих газетах Константинополя и Афин. Его знания и таланты для обители в этом отношении оказались в высшей степени ценными в период времени страстной борьбы русских с греками из-за права господства в русском Пантелеимоновском монастыре. Собранием и изданием в свет актов русского Пантелеимоновского монастыря, при помощи отца архимандрита Антонина Капустина, он оказал громадную услугу обители во время упомянутого процесса и исторической науке и византиноведению в частности. Знание живого новогреческого языка открыло ему возможность иметь живые связи с насельниками не только Афонской горы, но Эллады, Македонии, Фессалии и других мест, а это, в свою очередь, открыло ему возможность за весьма ничтожные деньги приобретать нередко очень ценные греческие и южно-славянские рукописи и обогащать ими собрания рукописей русских ученых архимандрита Антонина Капустина, епископа Порфирия Успенского и профессора Григоровича, сделавшиеся ныне ценным научным достоянием наших известных отечественных книгохранилищ. Это-то случайное обстоятельство натолкнуло о. Азарию на мысль впоследствии не пренебрегать приобретением ценных книжных рукописных сокровищ и для своей монастырской библиотеки, крайне запущенной и расстроенной, благодаря отсутствию надежного надзора в прежнее время.

Владея со школьной скамьи прекрасным бойким пером, о. Азария этот счастливый дар Провидения использовал в интересах своей горячо

любимой обители, выступая нередко со своими статьями на защиту своей обители во влиятельных органах русской печати «Московские ведомости» и «Голос» под псевдонимом «Любителя истины». Спокойным изложением фактов истории и трезвым взглядом на ход дела о. Азария много содействовал в свое время разъяснению и успокоению умов русских людей, взбудораженных задорным тоном продажной и узко-националистической печати восточной — греческой и французской. В 1860 году им был переведен и переработан «Афонский Патерик», или сказание о жизни и подвигах афонских замечательных иноков. В 1861 году напечатана им книга «Вышний покров, или Сказание о всех чудотворных иконах св. Афонской горы». Не прошли мимо его рук «Служба и похвальное слово преподобным и богоносным отцам нашим, на св. Афонской горе просиявшим», служба в честь иконы, именуемой «Достоинно есть», «Житие и страдание св. великомученика и целителя Пантелеимона», служба русским святым в греческом переводе и афонским чтимым святым и праздникам в славянском переводе и некоторые другие популярные издания по истории монастыря.

И несмотря на свою ученость, на свой неоспоримый писательский авторитет в монастыре не только среди иноков, но даже и в глазах влиятельных старцев обители, о. Азария как никто иной отличался необычайною строгостью к себе самому, нетребовательностью и крайней снисходительностью к другим своим собратиям. Всегда за работой в своей келлии, по словам одного иерарха-писателя, «под предлогом недосугов о. Азария стал ходить вместо первой — на вторую трапезу, дабы подвергнуть себя некоторым лишениям. Дело в том, что на первой трапезе пища подается сполна, каждому монаху особо, на второй приходится довольствоваться тем, что останется на столе от первой трапезы. И вот придет о. Азария и станет собирать кусочки со стола, сядет где-нибудь в укромном местечке и кушает их... Никогда ничего не попросит. А греки-монахи, служившие в трапезе, нарочито будто его не замечают... И нередко весь обед его состоял из кусочков хлеба с уксусом с водою, заменяющим на Афоне квас. Как-то заметили это русские старцы и доложили о. игумену Макарию, что о. Азария томит себя голодом. О. Макарий сказал ему: зачем ты это делаешь? Старец ответил: “Может быть, Господь простит мне за это хоть нечто из грехов моих многих...” Одежда его была вся “заплатанная”, такая, что если бросить — никто не польстится поднять. Белье такое же. Старец никогда ничего не просил у игумена: заметят, сами дадут — благодарит, не заметят — говорит: “Не стою я и того, что имею. Может быть, Господь во что-нибудь вменит мне и это”. На резкости и обиды некоторых из собра-

тий, невоздержных на слово, он отвечал благодушным прощением и даже заступничеством за обидчиков пред отцом игуменом: “Ничего, батюшка, — говаривал в защиту обидчика о. Азария. — Он мне, спасибо ему, только правду ведь сказал: как же можно на это обижаться?”, и обидчик нередко шел первый к нему со словом примирения и просил прощения»¹.

И вот в руки такого-то во всех отношениях замечательного старца обители попал идеально настроенный послушник о. Матфей. О. Азария не только очаровал его всеми своими исключительными качествами ума, сердца и воли, но прямо пленил его и сделал на всю последующую жизнь покорным слугою и горячим восторженным почитателем до гробовой доски. О. Азария сначала назначил о. Матфея на послушание в монастырскую библиотеку, а когда заметил в нем любовь к «книжному почитанию» и природную исключительную любознательность, то решился, с благословения старцев обители, отдалить от монастыря и на время посадить за систематическое обучение, чтобы подготовить из него себе достойного преемника. С этой целью о. Матфей был отправлен сначала в Карейскую монашескую школу, где он, благодаря своим недюжинным способностям, с успехом прошел полный курс учения и овладел и древнегреческим, и новогреческим языками в таком совершенстве, что не только читал свободно святых отцов в подлиннике, но и излагал свои мысли на современном греческом языке как природный грек. Здесь же он изучил языки латинский и отчасти французский.

Борьба русских с греками в русском Пантелеимоновском монастыре создала необходимость некоторым влиятельным старцам покинуть на время Афон, чтобы в Константинополе, в столице падишаха, стоять ближе к процессу, получившему громкую известность и привлечшему к себе внимание, можно сказать, всей Европы. Старец Азария, один, как мы сказали, из главных деятелей в этом процессе, взял с собою и своего даровитого ученика о. Матфея в качестве подручного человека, благодаря чему о. Матфей имел полную возможность не только ближе и серьезнее изучить обаятельную личность своего старца, но личность незабвенного старца — игумена о. Макария (Сушкина), много перенесших за это время тяжелых нравственных огорчений. После благополучного окончания процесса, когда названные старцы вернулись в обитель, о. Матфей, причисленный к составу певчих, присылаемых и доселе с Афона, по желанию нашего бывшего посла в Константинополе графа Н. П. Игнатьева для

¹ Приходское чтение. 1911. № 19. С. 419.

церковного благолепия при служениях в посольской церкви, оставлен был на послушании «певчего». Ему, однако, вменено было в обязанности в свободные часы от богослужений и спевок заниматься изучением турецкого языка и продолжать усовершенствовать себя в языке живом — разговорном новогреческом. Это пребывание в Константинополе имело и другие благие последствия для о. Матфея. Он ближе сошелся со многими членами нашего посольского духовенства, познакомился с чиновниками и служащими русских посольства и консульства, установил личные связи с духовенством вселенской патриархии, вошел в сношения с некоторыми русскими учеными, приехавшими для научных занятий в Константинополь, и, по природной своей любознательности, успел прекрасно ознакомиться с древностями столицы св. Константина и пристраститься к византийской нумизматике.

Возвратившись из Царьграда в обитель на Афоне, после путешествия в Святую Землю для поклонения святыням ее и для личного знакомства с отцом архимандритом Антонином Капустиным и его помощником отцом Виссарионом, иеродиаконом Иерусалимской миссии, из иноков Пантелеимоновского монастыря, о. Матфей, по кончине о. Азари, занял место секретаря обители по греческим делам и библиотекаря. В обители игуменствовал в это время о. Макарий Сушкин, а вся экономическая сложная обязанность лежала на руках сильного характером и опытного в хозяйстве о. Павла, питавшего искренние глубокие симпатии и беззаветное доверие к о. Матфею. Таким образом, скромный инок о. Матфей не только занял место своего почившего великого старца в обители, но, можно сказать без преувеличения, вполне заменил его, сделавшись для правящих старцев обители необходимым помощником, пособником, советником, их правую руку по всем делам обители. Вся сложная и важная монастырская переписка с патриархией, с турецким правительством, с Карейским Протатом (кинотом), с многочисленными монастырскими метохами (хуторами) и подворьями, вся вообще греческая корреспонденция проходила через руки о. Матфея, который должен был отдавать ей иногда все свое время с утра до поздней ночи. Следуя примеру своего глубокочтимого старца о. Азари, о. Матфей затворился в своей келлии, в которую свободный доступ был лишь для исполнителей приказаний игумена и влиятельных старцев, для монастырских гостей эллинской национальности, для заезжих русских и иностранных ученых, всегда охотно искавших с ним общения на почве научных интересов и понятного с их стороны тяготения к книжным сокровищам монастыр-

ской библиотеки, и, наконец, особенно для тех ксироматов, бедняков монахов, которые являлись к нему для продажи рукописей и старопечатных книг. О. Матфей не посещал общей братской трапезы, питаясь тем, что приносил ему от этой трапезы приставленный к нему келейник, в положенные по монастырскому чину часы вычитывал повседневные службы и монастырские правила у себя в келлии и ходил лишь на ранние литургии в параклисы, или маленькие церковки в монашеских корпусах, или в греческий Пантелеимоновский собор, а все остальное время безвыходно сидел сидел, при закрытых окнах, за письменным своим столом, за чтением журналов, газет и ученых изданий, коими была переполнена его небольшая келлия, или за составлением очередных монастырских бумаг. В часы предобеденные, особенно в понедельник, среду и пятницу, когда в обители положена одна трапеза и в поздний сравнительно час против других дней, о. Матфей, увлекаемый просьбами какого-либо заезжего ученого или же по своей любознательности, спускался в свою библиотеку и здесь несколько часов рылся в книгах и рукописях, слышал тексты с изданиями или же делал распоряжения своим послушникам относительно внутреннего распорядка шкафов и более практической каталогизации книг и рукописей. За черту монастырской ограды, особенно в последние годы своей жизни, он никогда не выходил, и в самые теплые солнечные дни он позволял себе лишь единственное удовольствие — часок-другой походить и посидеть на своей маленькой галерейке, висевшей почти над самым морем, с дивным видом на Кассандру и даже белоснежный Олимп. Остальное время, кутаясь в пледы и плащи из боязни простуды, которая в конце концов и свела его в могилу неожиданно для него самого, он безвыходно сидел в келлии. Достоин замечания, что о. Матфей схватил воспаление легких в августе месяце, когда стоит на Афоне и особенно в Пантелеимоновском монастыре еще знойная удушливая жара.

Книги и рукописи, библиотека обители вообще, были любимым детищем о. Матфея. Во время путешествия известного слависта профессора В. И. Григоровича в 1844 году библиотека русской Пантелеимоновской обители состояла всего из 500 печатных книг и 60 рукописей². При о. Азарии количество тех и других значительно возросло, а при его преемнике и достойном ученике о. Матфее число печатных книг возросло до 25 000, рукописей же насчитывалось до 1500 названий. На приобретение и тех и других о. Матфей не жалел денег и привел библиотеку в такое образ-

² См.: Григорович В. И. Очерк путешествия по Европейской Турции. 2-е изд. М., 1877. С. 75.

цовое состояние, что она считается ныне лучшею на всем Афоне и охотно посещается летом учеными русскими и иностранцами, находящими в ней решительно все необходимые справочные издания. Рукописный же ее отдел может ныне стоять в уровень с лучшими афонскими рукописными книгохранилищами — Лавры св. Афанасия и монастырей Ватопедского и Иверского.

Любовное и изумительно заботливое отношение о. Матфея к обогащению дорогой ему библиотеки, в целях несомненного превосходства ее пред другими святогорскими книгохранилищами, с явным и нескрываемым желанием поразить заезжего специалиста ее разнообразием, ценным научным наличием и образцовым порядком, обращали на себя внимание всех заезжих посетителей и ученых обители. Пользуясь своим обширным знакомством с насельниками монастырей Афонской горы, Македонии, Элады, Патмоса и других островов Средиземного моря, а также имея повсюду в этих местах надежных корреспондентов и сведущих людей, о. Матфей получал самые точные и своевременные сведения о продающихся рукописях, старопечатных книгах и ценных предметах христианской и языческой древности, и все это старался всеми доступными ему средствами привлекать в свою монастырскую библиотеку. Продавец любопытной старины, раз попавший в келлию о. Матфея, редко выходил из нее со своею драгоценною ношею, а еще реже выезжал с нею за черту обители. Дни и ночи о. Матфей просиживал над такими сокровищами и своими уже достаточно утомленными от напряжения и научных археологических занятий глазами, нередко с помощью сильной лупы, рассматривал и изучал до мельчайших деталей попавший в его опытные и цепкие руки предмет старины, а потом и вел нескончаемые беседы с продавцом, всячески сбавляя назначенную им цену и сводя покупку его к несомненной выгоде и пользе для своей обители. Кроме денег, продавцам предлагались им за рукописи и книги церковные облачения, коими богата монастырская ризница, новые богослужебные и святоотеческие печатные книги, предметы одежды, обуви и даже необходимые в быту съестные запасы. Сложностию и разнообразием данных обещаний, которые глубоко его любившие и уважавшие старцы обители исполняли в точности, о. Матфей почти всегда успевал предмет старины, попавший в его руки, непременно залучить в свою библиотеку и приобрести по сравнительно недорогой цене. В этих своих коллекционерских научных страстных поползновениях, границы коим трудно было предвидеть, о. Матфей всегда, однако, чувствовал свою некоторую зависимость от обители, то

есть от отца игумена и отца эконома, а посему всегда лелеял несбывшуюся еще и доселе мечту приобрести полную свободу действий и в этом отношении. С этой целью он купил выигрышный билет, который вместе с возможным на него выигрышем предназначил специально для обогащения библиотеки рукописями и книгами.

Практиковал о. Матфей весьма широко и успешно и другой способ обогащения своей библиотеки рукописями — путем списывания замечательных рукописей известных европейских и азиатских библиотек при посредстве знакомых ему искусных каллиграфов. Так, проживавший на покое долгое время в Патмосской Иоанна-Богословской обители бывший пелусийский митрополит Амфилохий, постриженник русского Пантелеимоновского монастыря, по заказу о. Матфея, за приличное вознаграждение обители, переписал для него весьма много важнейших рукописей этой богатой книгохранительницы, в числе коих были творения св. Феодора Студита, древнейший Типик IX века Великой Константинопольской Церкви и др. Нередко каллиграфы-ксиромахи списывали интересовавшие отца Матфея рукописи по келлиям, чем инокам этим давался приличный, достойный иноческой жизни заработок. Местные монастырские каллиграфы, ученики и послушники о. Матфея, знакомые с греческою каллиграфиею и палеографиею, нередко работали по его указаниям в библиотеках Св. Лавры Афанасия, Ивера, Ватопеда, Дионисиата, Св. Павла, Хиландаря и других монастырей Афона, копируя необходимые и интересные в научном отношении рукописи. Были иногда счастливые случаи, что для той же цели о. Матфей мог пользоваться и обязательными услугами проезжих ученых, работавших в той или иной библиотеке, в которую он почему-нибудь не мог проникнуть. В свою очередь, у себя дома в обители этим трудолюбцам о. Матфей старался оказывать взаимные и личные и заочные услуги, по их заказам, путем корреспонденции, которую он охотно вел со многими учеными русскими и западными.

Рукописные сокровища³ и главным образом греческие рукописи не только в изобилии приобретены и собраны им, но и прекрасно описаны и

³ Отдел южно-славянских рукописей о. Матфей значительно приумножил в своей библиотеке, и в нем насчитывается ныне около 300 рукописей. Имея несколько пергаменных рукописей, отдел этот лишился замечательной рукописи — *Мартинского глаголического Евангелия*, вывезенного в Россию тайно покойным профессором Григоровичем, и не может похвалиться особенно ценностью их в научном отношении. Рукописи эти доселе не имеют каталога, так как о. Матфей, из боязни ошибок и не считая себя знатоком славянской палеографии, не брался за их научное описание. Над славянскими рукописями Пантелеи-

иногда до тонкости изучены. Ученые, коим придется работать в библиотеке русского Пантелеимоновского монастыря на Афоне, впоследствии в рукописях нередко натолкнутся на многочисленные карандашные заметки о. Матфея, на его сличения оригиналов с изданиями Миня, Монфокона, Питры, Майя, Гоара и др. Эти замечания им писались или на полях рукописей, или даже на отдельных бумажных лоскутках, вложенных в рукописи. Научное описание его рукописей (в количестве 1027 номеров) целиком вошло в известный труд ученого профессора Афинского университета С. Ламброса⁴, описавшего почти все афонские монастырские книгохранилища, за исключением Лавры св. Афанасия и Ватопеда в двухтомном труде под заглавием: S. Lambros. Catalogue⁵ of the Greek Manuscripts on Mount Athos. Т. II. P. 280—461. Cambridge, 1895.

О. Матфей весьма серьезно интересовался и старопечатными греческими книгами и собрал значительное число их в своей библиотеке. Французский академик Эмиль Легран, посещавший несколько раз Афон для своих библиографических разысканий, близко познакомился с этим русским самородком-книжником, сблизился с о. Матфеем до интимной дружбы и до конца жизни своей вел с ним весьма оживленную переписку. В своем многотомном труде «Bibliographie hellénique» XV—XVI веков Э. Легран очень часто пользуется сведениями о неизвестных в библиографии греческих книгах «библиотекаря русского Пантелеимоновского монастыря на Афоне» и делает при его помощи весьма важные поправки и дополнения почти к каждому тому своего изумительного монументального труда. Благо-

моновской обители работали профессора А. И. Александров (ныне епископ Анастасий, ректор Казанской Духовной академии), Н. Ф. Красносельцев, П. А. Лавров, П. А. Сырку и др.

⁴ Вот какими словами благодарности сопровождает по адресу почившего о. Матфея свой каталог рукописей проф. С. Ламброс:

«Весьма благосклонно пришел на помощь мне и трудившимся со мною (его спутникам и ученикам) почтеннейший и добрейший библиотекарь обители (св. Пантелеимона) о. Матфей, который *предоставил в мое распоряжение уже составленное им краткое описание рукописей. Но и по моем удалении с Афонской горы весьма охотно всегда отвечал на мои запросы, дополняя мой каталог рукописей некоторыми новыми и необходимыми освещениями. Помимо этого он прислал мне свой труд — описание всех рукописей монастырской типикарницы и нотных рукописей.* За все это я выражаю искреннему другу просвещения тысячу благодарностей» (Catalog. Т. II. P. VI).

⁵ Первый том этого труда проф. С. Ламброс напечатал по-гречески в Афинах под заглавием Κατάλογος τῶν ἐνταῖς βιβλιοθήκαις τοῦ Ἁγίου Ὄρους... Афины, 1888. В каталоге описаны рукописи библиотек: Протата, Скита св. Анны, монастырей св. Павла, Хиландаря, Зографа, Костамонита, Григориата и Ксенофа.

дарный французский ученый не остался в долгу пред своим афонским обязательным корреспондентом: по его ходатайству о. Матфей был избран французскою Академиею наук в члены-корреспонденты и награжден серебряной пальмовой ветвью «*palme d'honneur*», каковым знаком внимания со стороны французской Академии этот весьма скромный и чуждый мирского тщеславия инок весьма был польщен и показывал его своим интимным друзьям с нескрываемым восхищением...

Мы не берем на себя в настоящее время трудной задачи указать все ученые труды, в которых так или иначе упоминается имя о. Матфея с благодарностью, но можем смело утверждать, что за последние 25 лет не появлялось ни одного сочинения, связанного с изучением афонских книгохранилищ, как у нас в России, так и на Западе — во Франции, Германии, Австрии, Баварии и даже в Америке, мы уже не говорим об Афинах и Константинополе, где это имя не произносилось бы с признательностью за предупредительность, готовность и редкую любезность — всегда открывать двери богатой монастырской библиотеки не только всем ученым без различия национальности, но и делиться с ними своими богатыми сведениями по палеографии, библиографии, нумизматике, классическим и христианским древностям и т. п. В живом общении с учеными русскими и западными любознательный о. Матфей несомненно почерпал для себя много полезных научных сведений, которые трудно обыкновенно даются из книг человеку, не прошедшему строго систематической школы, и которыми он прямо поражал всех, кто близко с ним сталкивался и знакомился. В беседах с заезжими учеными о. Матфей почерпал прилив новых сил и энергии для продолжения своих скромных келейных научных занятий.

Отдел печатных книг в библиотеке Пантелеимоновского монастыря непрерывно и систематически пополнялся путем обмена многочисленных духовно-нравственных изданий обители на периодические и временные издания различных ученых обществ, высших учебных заведений и частных предпринимателей и издателей. Здесь с особенною любовью и усердием покойный о. Матфей обращал внимание на отделы библиографический и научный как такие отделы, которые, обогащая библиотеку высокоценными и дорого стоящими книгами, открывали полную возможность как ему лично, так и всем ученым, приезжавшим на Афон, иметь под руками все полезные и необходимые пособия и работать с удобствами лучших библиотек Европы.

Отдел книг, брошюр и газетных статей по изучению Афонской горы, впервые им образованный в монастырской библиотеке, был во всех отношениях доведен им до возможной полноты и совершенства и пользовался со стороны о. Матфея трогательной заботливостью и исключительными попечениями. В том случае, когда какую-нибудь статью или книгу не представлялось возможным приобрести для библиотеки, она по заказу о. Матфея переписывалась в особую тетрадь, которая потом, будучи переплетена, ставилась на полки шкафов под номером в порядке генерального каталога среди других брошюр и книг.

В интересах всестороннего изучения судьбы Афона вообще и русского Пантелеимоновского монастыря в частности, особенно в последние годы своей труженической жизни, о. Матфей настойчиво собирал и списывал в разных местах письма достопамятных старцев обители, а также кропотливо разбирал громадную и не приведенную еще в порядок переписку их с разными выдающимися духовными и светскими деятелями России, Константинополя, Афин и других мест. Пишущий эти строки помогал о. Матфею собрать в библиотеку ценный исторический материал, оставшийся после о. иеромонаха Нафанаила, долгое время исполнявшего обязанности антипросопа русского Пантелеимоновского монастыря в Карее, после краснописца и скорописца о. иеромонаха Мины, бывшего при отцах Иерониме и Макарии келейником и личным секретарем, передал несколько автографов писем, писанных о. архимандритом Макарием своей матери до поступления в монашество и в первые годы иночества, и переписывал для него с автографов письма его любимого и чтимого им старца Азарии, адресованные к начальнику Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандриту Антонину Капустину. За это внимание к желанию и усердным просьбам почившего, коего пишущий настоящие строки не только высоко чтит, но и горячо любил, пользуясь полною его взаимностью, как бы в отплату, в свою очередь, получил от него копии с писем о. Антонина к о. Азарии, весьма рельефно рисующие его доброжелательные и дружеские отношения к старцам обители и его участие в издательской деятельности обители. А на нашу просьбу поделиться копиями с писем о. Леонида Кавелина о. Матфей сначала ответил нам полным их неведением и неимением, но не забыл о нашей просьбе даже и на *смертном одре*, дав трогательное поручение своему преемнику по обязанностям библиотекаря и грамматика в обители о. иеромонаху Агафодору переслать нам уже списанные им из книг посетителей обители за разные годы две собственноручные весьма любопытные записи упомянутого архимандрита Леонида.

О. Матфей был большой любитель нумизматики и по преимуществу знаток монет византийских или босфорских и островов. Его изумительный опыт в распознавании этих монет доходил положительно до виртуозности. Даже на склоне своих лет, когда его утомленные непрестанною работою глаза плохо исполняли свое назначение и требовали помощи сильной лупы и синих очков, о. Матфей из приносимых к нему продавцами или собирателями мешков медной и серебряной древнегреческой монеты на ощупь рукою большею частью безошибочно определял принадлежность монет и их даты. Нумизматика в его библиотеке занимала видное место после рукописей и старопечатных книг, и ей отдавал почивший немало времени и труда, считая занятия ею развлечением для себя.

Мечтал о. Матфей собрать в своей библиотеке и предметы христианской византийской иконописи⁶ и вещественные памятники по классической археологии и эпиграфике, но полного успеха в этом отношении он не имел.

Не удалась ему и попытка приумножить отдел *славяно-русских рукописей* покупкою их из России чрез иноков своей обители, проживающих в Москве, Петербурге и Одессе, и через других своих ученых корреспондентов-профессоров. Наши рукописи на книжных рынках расцениваются ныне, как известно, уже по баснословно дорогим ценам и становятся недоступны не только обычному любителю и собирателю, но даже и такому не лишенному финансов средств монастырю, как Руссик на Афоне.

Венцом забот о. Матфея о дорогой ему библиотеке нужно считать его стремление создать для нее надежное и защищенное от всяких несчастных случайностей помещение, представляющее в то же время и все удобства для размещения в нем книжных шкафов с рукописями и печатными изданиями, а также и для занятий в нем приезжих ученых, большинство коих до последнего времени, по доверию к ним незабвенного о. библиотекаря, занималось с громадными удобствами в своих келлиях.

Здание библиотеки, выстроенное на прежнем месте, в два этажа с массою света, на железных стропилах и балках, под железною кровлею и

⁶ В этом отношении оказался в более счастливых условиях покойный игумен русского Андреевского скита (Серай) архимандрит Иосиф, который при жизни успел не только собрать в свою обитель замечательную коллекцию византийских и даже русских икон различных веков, но ими украсил и стены нижнего храма своего прекрасного собора. Одна здесь была допущена ошибка: иконы заключены в рамы по форматам, а посему без системы и различных эпох, и размещены не всегда удачно на стенах в смысле освещения...

за чугунными массивными дверями и таковыми же ставнями, представляет во всех отношениях образцовое капитальное сооружение, а по своему внутреннему распорядку и удобствам может спорить даже с лучшей в этом отношении святогорскою Ватопедскою библиотекою, превосходя безусловно библиотеки прочих афонских монастырей. План расширения и надстройки здания библиотеки, размещения в этажах шкафов и в сих последних рукописей и книг разрабатывал всесторонне и долговременно почивший о. Матфей в стенах своей келлии, и отсюда же он давал своим послушникам уже и последние детальные указания относительно внутреннего распорядка в библиотеке, так как развившаяся у него в последние годы излишняя боязливость простуды овладела им настолько, что из своего корпуса он боялся пройти в библиотеку даже в середине невыносимо знойного в Пантелеимоновской обители июля месяца. Мы убеждены, что новое прекрасное здание библиотеки мнительный и до щепетильности осторожный о. Матфей так и не увидел своими глазами, а через это, конечно, лишил себя возможности порадоваться достигнутым в это отношении замечательным успехом...

О. Матфей оставил по себе весьма заметный след и своими немалочисленными научными и популярными литературными трудами, по иноческой скромности не носящими на себе не только имени их творца, но даже никаких следов, так или иначе указывающих на его прикосновенность к ним. Литературная деятельность о. Матфея прежде всего была направлена на изучение прошлых судеб родной Пантелеимоновской обители в частности и Св. Афонской горы вообще, и в этом отношении она, можно сказать, является прямым продолжением, а в некоторых случаях даже завершением и усовершенствованием трудов его приснопамятного старца о. Азарию. «Путеводитель по Св. Афонской горе», «Русский Пантелеимоновский монастырь», «Очерк русского на Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеимона» неоднократно пересматривались, исправлялись и дополнялись о. Матфеем. Мечтал о. Матфей переиздать ныне составляющую уже библиографическую редкость книгу «Акты русского на Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеимона» с дополнениями и исправлениями и присоединением к ним актов на турецком языке, которые в течение многих лет подготовлялись к печати, по его заказу, русским секретарем константинопольского консульства Чахотиным. Не вина о. Матфея, если это благое намерение его не увидело, при его жизни, света, хотя на это предприятие было им затрачено, как известно, и немало денег, и приложено весьма немало усилий. Афонский

Патерик под пером о. Матфея разросся в своем объеме в два раза, и в нем помещены многие открытые и впервые изданные им новые жития и сказания об афонских святых подвижниках. Таким же точно образом поступал о. Матфей и с книгою «Вышний покров над Афоном, или Сказания о чудотворных, на Афоне прославившихся, иконах Божией Матери и святых угодников Божиих».

Но литературные заслуги о. Матфея следует оценивать не только со стороны непосредственно личного участия его в них, а главным образом по той руководящей, инициаторской роли, какую брал на себя о. Матфей вообще в разносторонней и обширной издательской деятельности русской Пантелеимоновской обители на Афоне. Умение находить талантливых и усердных сотрудников для нее и путем постоянной переписки и удовлетворения всех их запросов и нужд, ободряющая и живительная поддержка и воодушевление их, какие он почерпал в себе, принесли незаменимую пользу этому прекрасному и достойному великой обители делу. Приснопамятный затворник епископ Феофан [Говоров], можно сказать, всю свою жизнь неустанно работал на Пантелеимоновскую обитель, благодаря только живой непрерывной переписке с ним о. Матфея и предоставления ему свежих и интересных материалов из книгохранилищ Востока, при помощи другого постоянного корреспондента-краснописца — пелусийского митрополита Амфилохия, проживавшего на покое на Патмосе. Так появляются на свет Божий «Добротолюбие» в 5-ти томах, «Иноческие уставы», «Слова» Симеона Нового Богослова, «Невидимая брань» Никодима Святогорца, «Каллист патриарх и сподвижник его Игнатий Ксанфопулы» и целый ряд сочинений преосвященного Феофана, как-то: «Путь ко спасению», «Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни», «Письма о христианской жизни» в четырех частях, «О покаянии, причащении Христовых Таин и исправлении жизни», «Мысли на каждый день года по церковным чтениям из Слова Божия», «Что потребно показавшемуся и вступившему на добрый путь спасения» и др.

Кроме епископа Феофана в сотрудники по изданиям обители были привлечены о. Матфеем архиепископы Херсонские Никанор [Бровкович] и Димитрий (Муретов), причем «Цветы из сада Димитрия, архиепископа Херсонского», приобретенные за тысячу рублей за право издания их, доставили ему немало огорчений и довольно длительную неприятную переписку с собственником и наследником преосвященного Димитрия С. П. Никитским. Работали над изданиями Пантелеимоновской обители епископы Иустин, Мисаил, Петр, Никон [Рождественский] (издатель

«Троицких листков»), архимандриты Антонин (Капустин), Леонид (Кавелин), профессора духовных академий и многие известные в духовной литературе духовные и светские писатели.

Весьма хлопотливая издательская деятельность обители требовала со стороны о. Матфея напряженных трудов и обширной переписки, причем нередко влекла за собою тяжелые огорчения, неприятности и даже разочарования. Немало выпало на долю о. Матфея хлопот и огорчений по поводу неосуществившегося издания книг «Жизнь Иисуса Христа по Евангелию», «Жизнь пресвятой Богородицы» и др. Переписка, длившаяся многими годами с авторами, которые брались за выполнение этих работ, и значительные материальные затраты на приобретение необходимых для них пособий оканчивались иногда ничем. И только ласковое благодарное слово некоторых российских иерархов, духовных писателей, вливало в душу неустанного труженика, несшего на своих плечах непосильное иго монашеского послушания, поддерживало в нем энергию и укрепляло веру в пользу дела. «Считаю себя счастливым и навсегда остаюсь признательным, что мои убогие лепты, — писал в 1889 году один из сибирских иерархов-сотрудников, — не выброшены *из драгоценного венка ваших душеполезных изданий, венка, обнимающего все наше отечество, — изданий, с необыкновенною любовью и назиданием читаемых Россиею.* О, продолжайте, продолжайте это великое дело, превышающее, по моему мнению, всякую лично-составную миссию. Жатвы теперь много, а деятелей, как и всегда, мало, но будем молиться, да изведет Господь, если не на жатву, так на сеяние свое деятелей, которые будут исполнять слова премудрого: *Сей рано, сей поздно, ибо не знаем, какое взойдет и плод принесет*».

Таков был присно незабвенный почивший книголюб схимонах о. Матфей, которого игумен Пантелеимоновской обители архимандрит Мисаил в письме (13 сентября 1911 года) к нам с извещением о кончине его называет совершенно справедливо «великим старцем и красой своей обители». Поистине он был украшением обители, и слава его не только жила на Афоне и в своем покинутом, однако горячо им любимом отечестве, но даже перешла и на инославный Запад.

Добрый, скромный сеятель на ниве Христовой, трудившийся всю жизнь, не покладая своих рук в тиши убогой иноческой келлии, избегая всего суетно мирского и даже почестей, доступных иноческому сану, преследовавший лишь славу своей родной обители и дорогой ему родины, почил от своих трудов с упованием получить достойную мзду от

Господа, которому он беззаветно и всецело посвятил себя от дней юности до последнего вздыхания. Будем молить Нелицеприятного Мздовоздателя да упокоит Он чистую душу доброго старца в селениях праведников и да изведет на ниву делания новых полезных для церкви Христовой и для славы нашего отечества тружеников, достойных преемников отцов Азарии и Матфея.

Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. 1912. Вып. 1.

А. А. Дмитриевский неоднократно писал об о. Матфее, в том числе при его жизни.

Приводимый далее текст заимствован из очерков Дмитриевского «Русские на Афоне», опубликованных в ряде номеров журнала «Странник» за 1892 и посвященных главным образом жизнеописанию знаменитейшего настоятеля Пантелеимона — о. Макария (Сушкина). (В 2010 году эта работа переиздана в «афонской серии» издательства «Индрик».) Частично нижеследующий фрагмент (из № 11 «Странника») цитировался в *Афонской экспедиции*.

Воспитывая будущих деятелей на благо русской обители на Афоне, о. Иероним не забывал, что этим труженикам придется всегда работать среди людей иного племени, иного языка, а потому для успеха самого дела необходимо практическое знакомство с людьми, с которыми им придется жить и действовать, и знание их языка. Всеми зависящими от него мерами поощряя иноков русских к изучению языка новогреческого и турецкого, о. Иероним, сам прекрасно владея языком ромейским или новогреческим, решился составить для желающих учиться этому языку «Русско-греческий словарь», в котором поместил более чем шесть тысяч слов простого греческого языка, несколько необходимых фраз для повседневных разговоров и краткую грамматику этого языка. Так как иноки русские, большую частью люди, вышедшие из народных школ и не знакомые с греческим алфавитом, не могли читать греческие слова, написанные греческим алфавитом, изучить который дело нелегкое, то о. Иероним решился напечатать свой русско-греческий словарь — разговоры — грамматика *русским шрифтом*, чтобы таким образом облегчить пользование этою книгою большинству иноков. Словарь этот, вышедший в свет в 1865 году и набранный руками афонских русских иноков в существовавшей там некоторое время *русской типографии*, для многих остается и доселе единственным руководством... <...> Многие и из братии так же хорошо говорят на этом и болгарском языках. Для изучения турецкого языка некото-

рые из братии (например, нынешний грамматик о. Матфей) посылались в Константинополь, где они занимались под руководством нарочито нанятых учителей.

<...> О. Матфей — харьковский купеческий сын исполняет в монастыре должность грамматика, или секретаря по греческим делам. О. Матфей корреспондирует со всем Афоном, с великою церковью Константинопольскою и с правительством. Он превосходно владеет языками новогреческим и эллинским классическим, пишет и читает по-турецки, несколько знаком с языками латинским и французским. Это лингвист и ученый в настоящем, можно сказать, смысле этого слова. Свободные часы от своих прямых обязанностей по должности секретаря он проводит обыкновенно в монастырской библиотеке, которая, благодаря его неустанным заботам и горячей любви к книгам, ежегодно наполняется новыми капитальными приобретениями. В настоящее время по количеству рукописей греческих и южно-славянских и по их важной научной ценности библиотека нашего монастыря на Афоне может стоять в ряду с лучшими библиотеками Афона — Лаврскою, Ватопедскою и др. Библиотека приведена в порядок, и о. Матфей составляет и обстоятельное описание всех имеющихся в его распоряжении рукописей. Поэтому нередко его можно видеть в библиотеке над сличением греческих творений рукописных по лучшим изданиям этих творений... Но о. Матфей не только знаток богословской письменности, опытный палеограф, издатель некоторых произведений древней письменности с собственными примечаниями и предисловиями (ему в новом издании Афонского патерика принадлежит открытие и издание весьма многих сказаний об отцах, подвизавшихся на Афоне), он также страстный нумизмат и, будучи хорошо знаком с восточною нумизматикою, имеет сведения в греческой эпиграфике и любитель древностей классических и церковных.

В текстах Дмитриевского упоминаются лица, с которыми встретились участники экспедиции: о. Агафодор, для которого Смоленский переложил Херувимскую, о. Иосиф из Андреевского скита; упоминается также Спиридон Ламброс, каталогом которого пользовались русские ученые, возможно и не подозревая об участии о. Матфея в этом издании.

Нетрудно заметить также, с каким постоянством сопрягается в статье Дмитриевского имя о. Матфея с именем о. Азарии (Попцова; умер в 1878) — наставника о. Матфея и его предшественника в библиотеке Пантелеимона. И если о. Матфей удивил всех своим выходом из затвора для путешествия за певчими рукописями, своей постоянной помощью членам экспедиции в классификации и разборе снимков, — то помимо прочего, помимо вероятной любви о. Матфея к церковному пению (как отмечает Дмитриевский, он в молодости был певчим при церкви русского посольства в Константино-

поле), такой интерес к певческим делам мог быть воспринят о. Матфеем и от о. Азарии.

Замечательный материал к размышлениям на эту тему дает работа Е. В. Герцмана «Начало российской музыкальной византистики» (Келдышевский сборник. Музыкально-исторические чтения памяти Ю. В. Келдыша — 1997. М., 1999), в которой излагается увлекательная история посылки о. Азарией с Афона в Россию в декабре 1861 копий с двух сотен листов разнообразных, преимущественно нотированных рукописей; посылка с письмом являлась ответом на запрос М. Д. Волконского.

Е. В. Герцман не объясняет, по какой причине князь Михаил Дмитриевич Волконский, военный в отставке и писатель, так заинтересовался афонским пением. Между тем ответ на вопрос вполне возможен. Вообще Волконский был, как пишет в своих мемуарах С. Д. Шереметев, «необыкновенный оригинал... Он немного юродствовал, но был искренно богомолен и человек вполне православный» (Шереметев С. Д. Мемуары. М., 2001. С. 182). Имя М. Д. Волконского появляется в первых же московских записях в Дневнике князя В. Ф. Одоевского, переехавшего из Петербурга в древнюю столицу в сентябре 1862 года, причем появляется в интересном контексте:

Князь М. Волконский и Димитрий Васильевич Разумовский, коим я читал мое Осьмогласие (Князь Владимир Одоевский. Дневник. Переписка. Материалы. С. 76).

Собственно, Волконский и познакомил Разумовского и Одоевского, и впоследствии из этого содружества вышло много пользы для дела русского церковного пения.

За некоторое время до того Волконский совершил путешествие по святым местам Востока, в том числе по Афону, где его провожатым был о. Азария. Внимательно слушая греческое пение, князь задался вопросом, «как такое неблагозвучное сочетание горловых и носовых звуков может кому-либо нравиться» и каким образом современное греческое пение связано с византийским пением древности, которое производило столь сильное впечатление на наших предков (см.: Князь М. Волконский. Греческое церковное пение // Домашняя беседа. 1862. № 10. С. 229—234).

Именно по инициативе Волконского и при ближайшем участии о. Азарии сотрудники экспедиции П. И. Севастьянова «сняли дагерротипы со всех известных афонских рукописей древнего греческого крюкового пения в последовательном, хронологическом порядке, большею частью одних и тех же стихов» (Там же).

Присланные копии Волконский отдал в Публичную библиотеку, чтобы, «сравнив с нашим старым крюковым пением, привести в порядок новейшие переложения, составив таким образом свой оригинальный тип церковного

пения» (Волконскому были известны опыты в данном направлении Глинки, Ломакина, Одоевского). Ясно, что все эти копии видел Разумовский, а некоторые (возможно, дубликаты) были переданы ему лично и затем попали в его Альбом (ныне в фонде Разумовского в РГБ; см. подробнее в Приложении «Хрестоматия»).

Любопытно, что копия письма инока Азарии сохранилась в РНБ в архиве В. В. Стасова, который всегда живо интересовался проблематикой древнерусского пения (и оставил немногие, но ценные работы на эту тему). Интерес Владимира Васильевича не угас и впоследствии, но, осознав, что его «не хватает» на все, Стасов, как уже упоминалось, отослал собранные им материалы в Москву Д. В. Разумовскому (см. подробнее в разделе «Общество древнерусского искусства» в III томе РДМ).

Характеристику греческого пения о. Азария в своем письме давал со слов афонских знатоков — греков. Основная мысль их высказываний состояла в том, что пение старое греческое было совершенно такое же, как новое, но только гораздо труднее по чтению нотации. Волконский просил также записать афонские напевы современной пятилинейной нотацией. Ответ о. Азарии на эту просьбу весьма интересен:

Вы меня просили, чтобы те ноты их старых, которые разбирают, попытаться переложить на наши выражения. Вот об этом-то я старался немало и однако ж не успел, невозможно этого сделать. Со слуху можно сделать переложение, но когда станешь петь переложенное греку — почему он тебе решительно говорит: «О хи!» — «не подходит!». В чем же тут таинство? Звуки его пения можно переложить на наши ноты. Но кроме выражения звуков пения у грека есть еще какая-то горловая музыка, какая-то горловая игра. Без чего все пение, сколько бы оно точно переложено ни было, ни к чему не годится. Вот эту-то горловую музыку, или горловую игру передать нашими нотами решительно неудобно, а без этого пение греческое, переложенное на наши ноты, ничего не стоит (Герцман Е. В. Начало русской музыкальной византистики. С. 53).

Е. В. Герцман комментирует «горловую музыку» как «мелизматическое опевание звука, включающее в себя интервалы меньше полутона, для фиксации которых европейская нотация не приспособлена» (С. 54).

М. Д. Волконский выражает предположение, что здесь может идти речь о

древних греческих придыхательных знаках, которые в новейшем еллинском наречии совершенно утрачены, — а составляли в древности у греков и особенное искусство, и особенную прелесть их языка... Если нынешние греки утратили древние придыхательные знаки и, быть может, совсем забыли их звуки, заменив какими-то придыхательными звуками,

взятыми от турок, — то вот и ключ к разгадке, почему древнее византийское пение поражало величием и почему нынешнее греческое пение без неудовольствия нельзя и слушать (Волконский М. Греческое церковное пение. С. 233—234).

Замечательно, что проблема нотации была поставлена на практике русским военным в отставке и иноком Пантелеимонова монастыря — конечно, с помощью греческих знатоков — едва ли не раньше, чем она привлекла внимание профессионалов. Для сравнения заметим, что в тот же период епископ Порфирий в своей книге о путешествии на Афон смело, без всяких оговорок и колебаний, приводит записи пятилинейной нотацией афонских греческих мелизматических напевов (см. в *Афонской экспедиции*).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

- А**
- Августин, монах-фотограф в Андриевском ските — 271
- Агафодор (Буданов), иеросхимонах, духовник Пантелеимона — 81, 82, 245, 355, 361, 364—368, 774, 780, 781
- Азария (Попцов), схимонах, грамматик Пантелеимона — 764—769, 774, 779, 780—782
- Азеев Е. С. — 553
- Аксаков И. С. — 230
- Александр II, император — 221, 309
- Александр III, император — 39, 317
- Александр Лавриот, афонский монах (Лавра св. Афанасия) — 50
- Алексеева Г. А. — 161, 162
- Алексий, монах в Константинопольском подворье Пантелеимона — 236
- Алексий, монах в Пантелеимоне — 361
- Алексей, болгарин-проводник — 260
- Алексинский И. П. — 380, 383, 386
- Аллеманов Дмитрий, священник — 44, 95—97, 119, 146, 158, 164—166, 168, 183, 388, 483, 484, 486, 487, 489, 490, 492—496, 571—574, 738—762
- Амвросий Медиоланский — 742
- Амфилохий (Казанский-Сергиевский), архимандрит — 39, 41, 667
- Амфилохий, греческий епископ — 71, 345
- Амфилохий, пелусийский митрополит — 507, 771, 777
- Анастасиевич Драгутин — 474, 475
- Анастасий (Кидалашев), игумен — 104
- Анастасий (Модзалевский), монах в Пантелеимоне — 252, 253, 259, 338, 340, 354, 361, 364, 365
- Андреев В. Я. — 230
- Андрей, игумен Пантелеимона — 87
- Андроник, монах-гостинник в Пантелеимоне — 246, 348, 354, 358, 361
- Антоний Печерский, святой — 316

¹ В Указателе не проставляются страницы с упоминанием имени С. В. Смоленского; также в текстах Афонского дневника и раздела Письма не проставляются страницы с упоминанием имен участников экспедиции (А. В. Преображенского, А. Н. Николова, П. А. Лаврова), — с целью не загромождать излишне справочный материал.

- Антоний, иеросхимонах келлии
 Св. Николая (Белозерки) —
 241
- Антоний (Храповицкий), митро-
 полит — 105, 371
- Антонин (Капустин), архиман-
 дрит — 63, 64, 67-69, 70—75,
 82, 259, 346, 402, 439, 648, 765,
 768, 772, 777, 778
- Анфим, проигумен Ватопеда —
 298, 516
- Анфим, монах в Зографе — 348
- Аракчиев (Аракишвили) Д. И. —
 386
- Арбеков Иоанн, протоиерей —
 388
- Арнольд Ю. К. — 44, 95, 161
- Арсений (Стадницкий), епископ,
 затем митрополит — 31, 71—
 73, 236, 270
- Артамонова Ю. В. — 165, 166,
 168, 170, 171, 178, 317, 345
- Архангельский А. А. — 394, 553
- Архангельский А. М. — 192, 204,
 213, 405, 410, 411, 418, 520, 521
- Асафьев Б. В. — 548
- Б**
- Багрецов Ф. А. — 16, 17, 564
- Баркова А. В. — 383, 384
- Баркова О. А. — 383, 384
- Басаргина Е. Ю. — 44, 45, 476
- Баттенберг Александр, немецкий
 принц, князь Болгарский —
 222, 229
- Бах Иоганн Себастиан — 410
- Бахметев П. И. — 219, 227
- Бахметьев Г. П. — 16, 17
- Башкирцева М. К. — 378
- Белов А. М. — 126, 462
- Белоненко А. С. — 108, 109
- Бенешевич В. Н. — 41, 201, 312,
 428
- Бетховен Людвиг ван — 211, 213,
 519, 521
- Биркбек И. В. (Уильям Джон) —
 374, 401, 569, 570
- Бобровников Н. А. — 379
- Богатенко Алексей, диакон —
 387
- Богданович Димитрий — 127, 238
- Божков Д. — 554
- Болховитинов Е. А. (митрополит
 Евгений) — 148
- Боляджич (Болярич) Гаврила —
 10
- Борисовец Е. М. — 184
- Боровкова-Майкова М. С. — 125
- Бортнянский Д. С. — 345, 358,
 529, 550, 551
- Бражников М. В. — 161, 167
- Булычев В. А. — 388
- Бурго-Дюкудре (Bourgault-
 Discoudray) Луи Альбер — 573
- Быстрицкий Д. А. — 570, 574
- В**
- Вальер Н. И. — 378
- Варнава, патриарх Сербский —
 371
- Василиадис (Василиди), секре-
 тарь Константинопольской па-
 триархии — 232, 240, 282, 541
- Ведель А. Л. — 345

- Велимирович (Velimirovic) Ми-
лош — 109, 111, 112, 114, 116,
167, 168
- Веллеш (Wellesz) Эгон — 109,
111—114, 116, 118
- Вергун Д. Н. — 213
- Верещагина Е. Л. — 385
- Верещагина О. В. — 333
- Веселинович Стефан — 205
- Викентий, монах в Зографе — 67
- Викторов А. Е. — 43, 403, 427
- Виссарион, архимандрит, игумен
Андреевского скита — 32, 268
- Виссарион, наместник Воздви-
женской келлии — 244
- Виссарион, монах Благовещен-
ской келлии — 242
- Виссарион, иеродиакон Русской
миссии в Иерусалиме — 768
- Витошинский Е. М. — 553
- Владимир, князь — 156
- Владышевская Т. Ф. — 168, 169,
171, 172
- Вознесенский Иоанн, протоие-
рей — 174, 177
- Волков Н. В. — 577, 630, 632, 638,
657, 672
- Волкова М. В. — 450
- Волкова М. С. — 450
- Волкова С. С. — 46, 51, 103, 146,
207, 208, 211, 318, 319, 323, 385,
399—401, 434—436, 449, 450,
477, 574, 577, 630, 681
- Волконский М. Д., князь — 781—
783
- Вольфрам (Wolfram) Герда —
110, 120
- Вяземский П. П., граф — 125
- Г**
- Гавриил, монах-фотограф в Пан-
телеимоне — 90, 101, 123, 124,
183, 253, 260, 271, 285, 288,
290—295, 298, 302, 308, 310,
314, 315, 318, 322, 323, 325, 336,
338, 339, 341, 343, 344, 352, 358,
361, 362, 364, 365, 449, 458, 469,
472—474, 498, 502, 508—513,
516
- Галактион, монах в Пантелеимо-
не (Константинопольское под-
ворье) — 235, 236, 541
- Гарднер И. А. — 168, 252
- Гастуэ (Gastoué) Амедей — 113,
413
- Геварт (Gevaert) Франсуа
Огюст — 644, 648, 652
- Генов Лазарь — 554, 568
- Георгиевский Г. П. — 425
- Георгий, настоятель Георгиев-
ского скита («Кераши») — 326,
546, 598
- Герасим, греческий игумен в
Пантелеимоне — 27, 65, 764,
765
- Герасим (Смирнаки; Смирна-
кис), настоятель Есфигмена —
304—306, 342—344, 361, 516
- Герасимов М. И. — 380
- Гервасий, монах-каллиграф в
Благовещенской келлии — 242
- Герд Л. А. — 25, 29—31, 71
- Герман (Осецкий), епископ — 374
- Герман, библиотекарь и проигу-
мен Ватопеда — 299—302, 341,
342, 361

- Гермоген, патриарх, святой — 488
- Герценштейн М. Я. — 455
- Герцман Е. В. — 42, 108, 109, 112, 114, 115, 117, 122, 146—155, 168, 200—202, 781, 782
- Гликерий, монах-гостинник в Ивере — 295, 308
- Гольтисон М. А. — 353, 591
- Гречанинов А. Т. — 378, 385, 386, 553
- Григорий VI, патриарх Константинопольский — 504
- Григорий Великий, папа — 646
- Григорий II, папа — 646
- Григорий III, папа — 646
- Григорий, игумен Зографа — 59, 310, 349—353, 474
- Григорий, антипросоп Пантелеимона — 245
- Григорий, монах-регент в Пантелеимоне — 84, 345
- Григорович-Барский Василий — 60, 62, 260, 307, 309
- Григорович В. И. — 11, 21, 24, 39, 40, 53, 301, 403, 427, 560, 765, 769, 771
- Григорьев Д. Г. — 387
- Грицюк Анатолий — 321
- Губастов К. А. — 429
- Д
- Данскер О. Л. — 107
- Дегтярев С. А. — 345, 526
- Дилецкий Н. П. — 656
- Димитрий, митрополит Сербский — 225
- Димитрий (Муретов), архиепископ — 777
- Динев Петр — 179, 180
- Дионисий (Хитров), епископ — 104
- Дмитриев-Петкович Константин — 403
- Дмитриева Е. А. — 387
- Дмитриевский А. А. — 38, 41, 50—52, 54, 76, 82—84, 184, 220, 241, 250, 417, 498, 579, 589, 679, 762—783
- Донеда (Donedá) Аннализа — 170
- Доннер Н. Н. — 230
- Дубинин А. Я. — 387
- Дучич Ништефор, архимандрит — 16, 206
- Дьяченко Н. Н. — 219, 220, 230
- Е
- Евфимий, патриарх Болгарии, святой — 33, 549
- Евфросин, инок — 676
- Елизавета Федоровна, великая княгиня, новомученица — 31, 191, 391, 392, 397
- Елпатьевский С. Я. — 380
- Ермолов М. Н. — 375
- З
- Заболотная Н. В. — 156—157, 574
- Зайцев Б. К. — 248, 250, 371
- Засецкая О. Е. — 333
- Захарьина Н. Б. — 169, 170
- Зверев А. В. — 44, 95
- Зиновьев И. А. — 24, 220, 235, 429

- И**
Игнатий, греческий патриарх — 419
Игнатъев Н. П., граф — 29, 77, 767
Извеков Георгий, протоиерей, новомученик — 419, 553
Извольский А. П. — 23, 206, 207, 432
Иеремия II, патриарх Константинопольский — 445
Иероним (Иоанникий) (Иоанн Соломенцев), иеросхимонах, духовник в Пантелеимоне — 32, 77, 78, 80, 81, 83—85, 87, 241, 764, 765, 774, 779
Иероним, монах-библиотекарь в Симонопетре — 324, 329
Иларион, схиархимандрит, библиотекарь и духовник Андреевского скита — 265
Ильинский Г. А. — 473, 475
Ильминская Е. С. — 92, 385
Ильминский Н. И. — 104
Иннокентий (Попов-Вениаминов), митрополит Московский — 104
Иов, патриарх Московский — 445
Иоаким III (Деведжи), патриарх Константинопольский — 31, 32, 240, 357, 429
Иоанн Дамаскин — 91, 533
Иоанн Кукузель — 55, 61, 328, 644, 678, 716
Иоаннов Андрей, протоиерей — 659
Ионин Б. А. — 207, 432, 433
Иосиф I (Иовчев), экзарх Болгарии — 224, 225, 240, 429, 430
Иосиф, епископ Варнский — 63
Иосиф (Беляев), архимандрит, настоятель Андреевского скита — 261, 266, 267, 271, 272, 361, 775, 780
Иосиф, помощник библиотекаря в Пантелеимоне — 250, 361
Иосиф (Левицкий), в схиме архимандрит Иларион, библиотекарь в Андреевском ските — 265
Ираклимон, монах в Пантелеимоне — 357
Иуний, монах в Пантелеимоне — 325, 348, 361, 362, 365
- К**
Кабанова Н. И. — 122
Калинников Викт. С. — 347, 348
Карабинов И. А. — 607, 615
Каравелов Петко — 229, 230
Кассия, монахиня — 747
Кастальский А. Д. — 17, 96, 181, 387, 481—489, 491, 492, 553
Кёнев Стефан, священник — 224
Кирик, схиархимандрит, настоятель Одесского подворья Пантелеимона — 365, 371—376
Кирков Георгий — 597
Кирпичникова А. И. — 40
Кленовский Н. С. — 394, 553
Климент (Друмев), епископ, затем митрополит Болгарский — 12, 594, 557
Клипин С. М. — 380, 385
Клуге Н. К. — 238
Ковин А. М. — 371, 379, 380

- Ковин Н. М. — 377, 379, 380
 Коковцов В. Н. — 126, 462, 463, 465, 466
 Колеров Стефан, протоиерей — 324
 Комаров В. В. — 298
 Комаров С. А. — 323
 Компанейский Н. И. — 553, 554
 Кондаков Н. П. — 39, 41, 47—50, 83, 192—194, 265, 295, 300, 307, 401, 402, 467
 Констан Е. Е. — 385, 386
 Константин V, греческий патриарх — 31
 Константин, болгарский митрополит — 224
 Копытова Г. В. — 107
 Коренев Иоанникий, диакон — 656
 Корещенко А. Н. — 377
 Корзухин А. И. — 261
 Коробкин С. А. — 221
 Корсунский Н. Н. — 40
 Костев, секретарь экзарха Болгарии — 224, 225
 Крист (Christ) Вильгельм — 685
 Кругликов С. Н. — 345, 481
 Куба Людвик — 565
 Куссемакер (Coussemaker) Карл — 645
 Кухач Франьо — 12, 539
 Кучин С. М. — 387
- Л**
 Лавров П. А. — 22, 23, 25, 42, 53, 54, 59, 89, 100, 101, 122, 127, 128, 200, 538, 545, 772
 Ламбрехтс (Lambrechts) Антоний — 46
 Ламброс Спиридон — 23, 46, 53, 83, 108, 109, 111, 202, 292, 309, 312, 318, 417—420, 538, 539, 598, 608, 772, 780
 Лампадарий Мануил Хрисафис — 646
 Ларина М. Г. — 175—176
 Лев, монах в Пантелеимоне — 361
 Леви (Levi) Кеннет — 168
 Левский (Иванов) Василий — 221
 Легран (Legrand) Эмиль — 772
 Леонид (Кавелин), архимандрит — 53, 194, 200, 403, 774, 8778
 Леонид, монах-фотограф Андреевского скита — 268, 271, 325, 339
 Леонтьев К. Н. — 26—28, 30, 35, 36, 77—79, 83, 306, 308, 344, 355
 Лепер Р. X. — 231, 235, 238, 370, 373
 Ливен А. А., князь — 378, 380
 Ливен А. А., княжна — 378, 380
 Линева Е. Э. — 388
 Лисицын Михаил, протоиерей — 591, 739
 Лозовая И. Е. — 155, 156, 158, 162, 163
 Лопарев X. М. — 41
 Лопатинский Феофилакт — 659
 Львов А. Ф. — 333, 360, 387
 Львова М. Е. — 324
 Львова О. Л. — 333
 Лютер Ф. А. — 337, 339, 341, 355, 357, 361, 364, 368

- М**
Маевский В. А. — 48, 49, 86, 105, 106, 258, 269, 271
Майерс (Myers) Грегори — 170, 171
Майков В. В. — 93, 132, 374, 444, 445, 464, 475
Макарий (Сушкин), архимандрит, настоятель Пантелеимона — 79—85, 241, 764, 766—768, 774, 779
Макарий (Миролюбов), архимандрит — 585
Максим, монах Кавсокаливского скита — 62
Малашкин Л. Д. — 563
Малер Густав — 211, 521
Мандичевский (Mandyczewski) Эузебиус — 405, 410, 411
Мансур М. — 269
Мансуров Б. П. — 29
Мансуров П. Б. — 45, 80, 81
Мария Терезия, императрица — 215
Маслов А. Л. — 386
Матфей (Ольшанский), схимонах, грамматик и библиотекарь Пантелеимона — 42, 50, 81—83, 90, 120—123, 183, 184, 193, 250, 267, 281, 338, 349, 356, 359, 371, 452, 458, 473, 474, 497—516, 546, 763—783
Махвиц, епископ — 209
Медведев П. А. — 122, 125
Мезенец (Стремоухов) Александр — 571, 579, 662, 675, 676, 735
Мелетий, митрополит Иерусалимский — 101
Металлов Василий, протоиерей — 44, 57, 90, 118, 146, 155, 162, 164, 400, 402, 478, 490, 495, 570, 571, 574, 599, 636—682, 701, 703
Миклошич (von Miclošič) Франц — 210
Милетич Любомир — 437
Мина, иеромонах в Пантелеимоне — 774
Минь (Migne) Жан Поль, аббат — 111, 331, 589, 772
Мисаил (Сапегин), игумен, настоятель Пантелеимона — 85—87, 248, 250, 260, 276, 285, 291, 352—356, 359, 362, 364, 365, 441, 515, 546
Миссаелидис Мисаил — 370
Михаил (Йованович), архимандрит, затем митрополит Сербский — 2, 13, 206
Михаил (Семенов), архимандрит, затем епископ Старообрядческой церкви — 86, 87, 273, 351
Модзалевский Б. Л. — 252
Мокраяц Стефан — 17, 36, 176, 181, 216, 217, 522
Моран (Moran) Нейл — 170
Моцарт Вольфганг Амадей — 211, 213, 519, 521
Музыкаску Гавриил — 12
Муравьев А. Н. — 36, 66, 67, 261, 265

- Н**
 Нарышкина А. Н. — 376
 Наум, монах-фотограф в Пантелеимоне — 359
 Наумов Петко Иорданов — 227
 Наумова Е. Б. — 158
 Нафанаил, антипросоп и духовник Пантелеимона — 81, 82, 774
 Невзорова Н. А. — 250, 386
 Нелидов А. И. — 29, 236
 Нелидов Ю. А. — 236, 438
 Нессель (Nessel) Даниэлис де — 110, 203, 210, 412
 Нестор (Метаниев), епископ — 347
 Никанор (Бровкович), архиепископ — 777
 Николаев Н. И. — 223, 227, 299, 526, 548
 Николаевский А. В. — 292
 Николай I, император — 29
 Николов Анастас — 18, 20—22, 33, 34, 36, 67, 88, 100, 122, 173—175, 177, 180, 525, 526, 538, 547—549, 552, 555—568, 595
 Николов Николай — 219
 Никольский К. Т. — 590
 Никон (Рождественский), епископ — 777
- О**
 Оболенский А. Д., князь — 399, 401
 Одоевский В. Ф., князь — 387, 417, 439, 781
 Оленева Н. Н. — 752
- Ореханов Георгий, священник — 30
 Орлов В. С. — 12, 181, 386, 481, 519
 Орлов-Соколовский А. А. — 295
- П**
 Павел, эконоом в Пантелеимоне — 768
 Павлов Н. П. — 310, 321, 348
 Павловский А. А. — 28, 220, 231, 242, 261
 Паисий, монах-гостинник в Лавре св. Афанасия — 288, 290, 295, 328
 Паисий, монах-печатник в Пантелеимоне — 354
 Палаузов С. Н. — 559
 Паликарова-Вердей (Palikarova-Verdeil) Райна — 109, 114, 741
 Пантелеимон (Важенко), иеросхимонах, настоятель Крестовоздвиженской келлии — 241, 244
 Панченко С. В. — 553
 Папаян (Попов) Христо — 231, 238
 Пападопуло-Керамевс А. И. — 505
 Пападопуло-Керамевс К. И. — 58, 483, 484, 486, 684
 Пападопулос Георгий — 319, 505, 540
 Парфений (Агеев), монах в Пантелеимоне, впоследствии игумен в России — 34, 64, 66, 78—80, 101, 315

- Парфений (Гвоздев), настоятель
Благовещенской келлии — 242
- Пахомий, монах-библиотекарь
Есфигмена — 303, 342, 343
- Первольф Осип — 644
- Пети (Petit) Луи — 46, 476, 477,
482, 513
- Петр, иеромонах, настоятель
келлии Св. Николая (Белозер-
ки) — 52, 103, 241, 242, 270, 272
- Петр (Пиголь), игумен — 31, 85
- Петр, епископ (Потапий Лады-
гин; в афонском пострижении
Питирим), эконоом Андреев-
ского скита — 261, 262
- Петро, гостинник Лавры св. Афа-
насия — 328, 334, 335
- Петров А. А. — 323
- Петрова Е. А. — 379, 380, 382,
383, 385
- Петрович Даница — 560
- Петрушевич А. С. — 324
- Пикерсгиль А. Н. — 376, 378
- Пимен, главный гостинник в
Пантелеимоне — 81, 245, 253,
259, 260, 285, 305, 338, 356, 361,
362, 365
- Питирим (Нечаев), митропо-
лит — 195
- Победоносцев К. П. — 12, 13, 52,
206, 557
- Пожидаева Г. А. — 162, 164, 166
- Политис Линос — 170
- Полихроний, монах-регент Одес-
ского подворья Пантелеимо-
на — 373
- Полякова С. Ю. — 159—160
- Померанцев А. Н. — 227
- Попов Н. П. — 386
- Попов Ф. И. — 735
- Порфирий (Успенский), архи-
мандрит, впоследствии епи-
скоп — 23, 24, 42, 55—59, 60,
62, 64, 66, 91, 112, 200—202,
301, 312, 317, 362, 402, 559, 560,
598, 639, 640, 644, 650, 701, 765,
783
- Порфирий, монах в Ивере — 62
- Постников Д. В. — 386
- Прейс (Евгеньев) А. Е. — 378
- Преображенский А. В. — 18, 22,
23, 25, 59, 89, 90, 92—97, 99,
100, 117, 119, 122, 124, 125, 128,
132, 144, 146, 155, 160, 164, 166,
168, 183, 538, 541, 542, 548, 556,
577, 594, 597, 599—601, 606,
607, 613—615, 682—737, 740,
752
- Преображенский М. Т. — 524
- Преображенский Петр, диа-
кон — 89, 191, 203, 204, 206,
209—211, 213, 411, 417, 418,
422—424, 431, 463—465, 467,
468, 539, 597
- Прокофьев В. А. — 108, 121, 125,
130, 131, 573
- Прокофьева Ю. Ф. — 108, 125,
130, 131, 573
- Р**
- Радев Семен — 189, 221, 223, 225
- Раевский Михаил, протоиерей —
410
- Разумовский Димитрий, протои-
ерей — 43, 44, 58, 118, 161, 162,

- 166, 362, 439, 537, 564, 578—
580, 583—586, 592, 599, 608, 781
- Рамазанова Н. В. — 108, 109, 172
- Рафаил, монах в Пантелеимо-
не — 361
- Рачинский С. А. — 10, 323, 431
- Речкунов М. П. — 553
- Римский-Корсаков Н. А. — 653,
737
- Рихтер (Richter) Ганс — 17
- Родичев Ф. И. — 337
- Ростед (Растед; Raasted) Йор-
ген — 703
- С**
- Саблер В. К. — 270
- Савва (Тихомиров), епископ, впо-
следствии архиепископ — 39,
40
- Савва, архимандрит, библиоте-
карь в Хиландаре (Савва Хи-
ландарец) — 50, 112, 307, 403,
473, 475
- Саккелион Иоанн — 497, 498, 506
- Сараджев К. С. — 388
- Сафонов Н. М. — 226
- Свербеев С. Н. — 465
- Святогорец (в монашестве Сер-
гий, в схиме Серафим) (Си-
меон Веснин), иеросхимонах
Пантелеимона — 54, 65, 66,
263, 764
- Севастьянов П. И. — 42, 43, 58,
118, 192, 362, 403, 427, 579, 684,
781
- Севлиевец (Селиевц) Ангел (Аг-
гел) — 19, 175, 180, 559
- Серафим (Иноземцев), архиман-
дрит — 374, 375
- Серафим (Чичагов), епископ,
позже митрополит, новомуче-
ник — 385
- Серафим, настоятель подворья
Пантелеимона в Солуни — 245
- Сергий Александрович, великий
князь — 191
- Сергий, монах-регент Андреев-
ского скита — 268
- Сергий, гостинник Ватопеда —
342
- Серебреницкий И. И. — 217, 387
- Серегина Н. С. — 107—109, 147
- Силуан Афонский, святой — 85
- Симеон, царь Болгарии — 741
- Симеон, монах-библиотекарь Зо-
графа — 311
- Ситник И. М. — 384
- Смирнов А. К. — 217, 324, 378
- Смоленская М. В. — 388
- Смоленская О. В. — 217, 324, 373
- Смоленский А. В. — 387
- Смоленский В. В. — 355
- Смоленский И. Ф. — 321
- Соболевский А. И. — 464, 577,
607, 678, 701, 702
- Соколов П. П. — 83, 266
- Соловьев Н. М. — 512
- Соловьев Н. Ф. — 394
- Софроний, патриарх Иерусалим-
ский — 110, 413
- Срезневский И. И. — 38, 40, 427,
559, 638, 640
- Стадницкий А. Г. — см. Арсений
(Стадницкий)
- Стамболов Стефан — 229, 230

Станкович Корнелий — 12, 36,
176, 181

Стасов В. В. — 579, 782

Степанов Ф. П. — 490

Стефанович (Stefanovic) Дими-
трий — 109, 112

Столыпин П. А. — 25, 337, 459

Странк (Strunk) Оливер — 109,
112—115, 117, 118, 121

Страхов Н. Н. — 79, 80

Ступин Н. Д. — 35

Суханов Арсений — 447

Т

Тайшанович Никола — 12

Талалай М. Г. — 28, 305

Талапкович Емельян — 12

Талызина О. А. — 385

Тернов И. Я. — 202

Тибо (Thibaut) Жан — 476, 477,
640, 641, 645

Тильярд (Tillyard) Хуго — 109,
113, 116

Тихон, монах-печатник в Панте-
леимоне — 354, 355, 358, 361

Товия (Цымбал), архимандрит —
397

Толстой А. П., граф — 36

Тончева Елена — 166—167, 175

Трепов Д. Ф. — 380

Триандофилов Н. — 557

Трифуневич — 19

Троицкий Павел — 220, 244, 262,
266, 267, 269, 282

Трубецкой С. Н., князь — 387

Турчанинов Петр, протоиерей —
17, 345, 361, 550, 551

Тутолмина С. Н. — 159, 184

Тютюнник В. С. — 386—388

У

Ундольский В. М. — 148, 550, 585

Урусов Л. П., князь — 429

Успенская Н. Э. — 235, 237

Успенский Б. А. — 168, 595

Успенский Н. Д. — 51

Успенский Ф. И. — 24, 38, 39, 41,
45—47, 195, 232, 235, 238, 240,
296, 355, 357, 366, 367, 428, 437,
438, 477, 482, 541, 639

Ф

Феодосий, в иночестве Феофан
(Харитонов), иеросхимонах —
105, 106, 252

Феофан (Говоров), епископ —
777

Феофил, монах в Хиландаре —
473

Фердинанд I Кобургский, князь,
впоследствии царь Болга-
рии — 16, 230, 561

Фетис (Fetis) Франсуа Жозеф —
646, 650

Филарет (Дроздов), митрополит
Московский — 36, 266

Финдейзен Н. Ф. — 353, 421, 422,
469

Флавий, монах в Пантелеимо-
не — 355, 358, 361, 362

Флейшер (Fleischer) Оскар — 644,
646

- Флорос (Floros) Константин — 170
- Фольери (Follieri) Энрика — 117
- Фролов С. В. — 163
- Х**
- Ханник (Hannick) Кристиан — 109, 114
- Харитоний, библиотекарь Кутулумуша — 269, 270
- Хёг (Хоег) Карстен — 116
- Хигерович О. А. — 333
- Хризостом (Лавриот), проигумен Лавры св. Афанасия — 32, 61, 102, 282, 284, 285, 287, 290, 295, 317, 324, 329, 350, 531, 541
- Христов Добри — 180
- Ц**
- Царлино (Zarlino) Джузеппе — 646
- Цетович М. П. — 205, 206
- Цонев Борис — 437
- Ч**
- Чайковский П. И. — 226, 523, 537
- Чахотин, секретарь российского консульства в Константинополе — 776
- Чемберлен (Chamberlain) Хьюстон Стюарт — 374, 375
- Чемерзин Б. А. — 230
- Черепнин Н. Н. — 84
- Черминский (Czerminsky) Мартин — 244, 273, 274, 365
- Чернецкая-Гешелин Э. — 226
- Черняев М. Г. — 10
- Чесноков П. Г. — 553
- Чичерина Н. Д. — 376, 379
- Чичерина С. В. — 379, 385
- Ш**
- Шабалин Д. С. — 162, 163
- Шайдуров И. А. — 621
- Швец Т. В. — 167, 169
- Шевчик Отакар — 226
- Шевчук Е. Ю. — 174—178
- Шереметев А. Д., граф — 200, 417, 453
- Шереметев П. С., граф — 385
- Шереметев С. Д., граф — 9, 17, 20, 22, 25, 31, 89, 94, 96, 102, 104, 105, 126, 145, 187, 191, 200, 202, 204, 206, 207, 211, 219, 230, 259, 274, 285, 299, 321, 323, 338, 353, 361, 373, 374, 382, 384, 386, 391, 394—398, 404, 415—417, 419, 420, 421, 427—433, 435—449, 451—457, 459—463, 465, 482, 487, 488, 490, 491, 701, 781
- Шестак Мартемьян — 677
- Шеффер П. Н. — 207, 384, 635
- Шеховцова И. П. — 184
- Шидловский (Shidlovsky) Николай — 109
- Ширинский-Шихматов А. А., князь — 337, 340, 557
- Шишков А. Н. — 10, 374
- Шишманов Иван — 189, 203, 222, 230, 562
- Шишманова Лидия — 230
- Шкаровский М. В. — 106, 252

Школьник И. Г. и М. Г. — 161
Шлихтина Ю. Р. — 43, 578, 579
Штросмайер (Strossmayer) Йо-
сип — 539
Шуберт Франц — 211, 213, 521
Шульц Э. К. — 376, 381, 382

Щ

Щавинский В. О. — 411
Щеглов А. Н. — 420, 437
Щепкин В. Н. — 404

Э

Эстратиадес Софроний — 117

Я

Ягич (Jagić) Ватрослав (Игна-
тий Викентьевич) — 23, 88, 192,
200, 202, 203, 206, 209, 213, 311,
404, 405, 412, 413, 417, 418, 424,
429, 434, 436, 539, 540, 679
Яичков Д. М. — 84, 553
Яковлев А. В. — 378
Яковлев А. И. — 378, 387
Яковлева О. П. — 333, 387
Янчук Н. А. — 386
Ярослав, князь Киевский — 156,
655, 751
Ястребов И. С. — 10, 11, 32, 71,
557
Яцимирский А. И. — 560

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МУЗЫКА
В ДОКУМЕНТАХ И МАТЕРИАЛАХ

Том VII

АФОНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ
(1906)

Книга 1

Дневник С. В. Смоленского. Письма. Материалы

Издатель А. Кошелев

Корректор Е. Сметаникова

Оператор Е. Зуева

Оригинал-макет подготовлен И. Богатыревой

Подписано в печать 12.11.2011. Формат 70×100¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Mysl.
Усл. печ. л. 67,72. Тираж 500. Заказ №

Издательство «Языки славянских культур».

№ государственной регистрации 1037789030641.

Тел.: 951-27-39. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com

Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».

Тел./факс: 8 (499) 255-77-57, тел.: 8 (499) 246-05-48, e-mail: gnosis@pochta.ru

Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).

Адрес: Зубовский проезд, 2, стр. 1

(Метро «Парк Культуры»)